

Николай Берг НОЧНАЯ СМЕНА. КРЕПОСТЬ ЖИВЫХ.

Николай Берг НОЧНАЯ СМЕНА. КРЕПОСТЬ ЖИВЫХ.

(Любые совпадения чего бы ни было с кем бы ни было являются случайными. Весь текст - сугубая фантазия.))

Ночь - начало прихода Беды.

Ночное дежурство обещало быть с сюрпризами - в одной из бригад «Скорой помощи» заступил молодой специалист, к которому накрепко прикипело прозвище «Басаев». Уж на что Светка Куренкова была доброжелательным и спокойным диспетчером, но даже ее он сумел довести до белого каления.

«Да это же Басаевкаойто - как он на дежурстве, так теракт вместо дежурства получается!» - в сердцах высказалась она после очередного художества. То ли потому, что врач был брюнет с юга, то ли потому, что из-за ранней и обширной лысины он брил голову и носил бороденку, то ли потому, что явно наркоманил - но кличка прилипла намертво.

Выгнать его было невозможно - даже и потому, что за него ходатайствовали с такого верха, который никак обидеть нельзя. Начальство выбрало соломоново решение - «Басаева» посылали только на самые примитивные, наипростейшие вызовы. В водители ему дали меланхоличного «дважды Теодора Советского Союза» - Теодора Теодоровича, дорабатывавшего последний год до пенсии.

«Хорошенькая парочка никудышников получилась» - съехидничал на эту тему

патриарх подстанции Гарифуллин. Ну, совсем назвать никудышником Теодора Теодоровича было бы нельзя, но все знали, что он едет куда бы то ни было вдвое дольше, чем любой другой водитель. Тот же Гарифуллин утверждал, что пешочком с отдыхом и беседами он доберется быстрее, чем с «Дважды Теодором». Предлагал побиться об заклад - но все поопасались. Действительно - проиграть было легко.

Сейчас парочка никудышников отправилась на вызов к Безмозговой. В диспетчерской нависло ожидание. Безмозгова была тоже легендой. Сухонькая маленькая старушонка, полностью соответствовавшая своей фамилии, очень любила лечиться. Она постоянно вызывала «Скорую помощь», особенно ночью. Это было еще до того, когда Гарифуллин пришел на подстанцию молодым специалистом, и продолжалось уже лет тридцать.

Гарифуллин утверждал - со слов своих коллег еще того, «досюльного времени», что бог на самом деле сначала создал Безмозгову, а уж потом - Адама и Еву.

Сначала бабку считали просто головной болью, но потом оказалось, что эта «ровесница крейсера «Аврора» и «ветеран Куликовской битвы» отличается от ей подобных в выгодную сторону - она одинаково воспринимала любые методы лечения и ей было без разницы - сделали ей йодную сеточку или забабахали магнезию внутривенно - главное, чтоб лечили.

Поэтому она стала своеобразным полигоном для молодежи и многие поколения фельдшеров и врачей отрабатывали на ней свои навыки.

Сейчас на традиционный вызов бабки отправился «Басаев». С одной стороны бабка выдерживала такое, о чем предпочитали не знать ни начмед, ни главврач подстанции.

Чтоб не поседеть сразу и не рехнуться...

С другой - все знали, что «Басаев» - может невозможное.

Ну и конечно он отмочил. И как отмочил!

Звонок поступил почемуто с его мобилы. Он вопил так, что не только Светка - но и все бывшие в комнате слышали его вопли.

- Мы прибыли!!! Тут была «смерть до прибытия»!!! Я только собирался писать документы, а она восстала из мертвых!!! Она меня укусила и обоцарапала!!!! Я в ванне!!! Тут нет защелка!!! Она дверь тянет!!! Помогитееее!!! Хоть кто как!!!! Я не удержусь долго!!! Она лезет!!! Влезла!!!!

Пошли короткие гудки...

Молчаливая Вера Сергеевна вполголоса высказалась: «Это уже не похоже на героин. Вероятно ЛСД. Может быть и ЛСД и героин.»

Светка отозвалась: «Да не важно. Все записано - он по городской связи говорил. Отмажут и это конечно, но наверно дорогонько встанет.»

Вера Сергеевна хмыкнула, очевидно, представив в лицах, как молодой обалдуй героически сражается с сухонькой «метр тридцать в цилиндре и на табуретке» старушонкой.

Куренкова попыталась связаться с «Басаевым» по номеру его мобилы, но там были короткие гудки. Тогда она стала вызывать «Дважды Теодора» и тот минут через десять отозвался. Очевидно, в пешем строю он тоже умел поспешать.

По его словам «Басаев» был на вызове трезв - ну, во всяком случае, от него не пахло.

Перспективу сходить и проверить, что там такое произошло, Теодор Теодорович воспринял совершенно без энтузиазма, и Светке пришлось применить к нему весь свой арсенал - от воркования до угроз административного характера.

Наконец она положила трубку и заметила: «Теперь через часик можно будет узнать новости - как никак на 2 этаж подниматься...»

Вера Сергеевна опять хмыкнула, а смешливая Ирка прыснула, но негромко, чтоб не нарушать рабочую атмосферу в диспетчерской.

Бредовость сообщения «Басаева» была и впрямь высшего градуса. Если и впрямь смерть была до его прибытия - кто ему открыл дверь? Восстать из мертвых - это еще веселее.

Иисус и Безмозгова...

Ну а уж ворваться в ванну к бугаю, вцепившемуся в дверь...

Вспомнили о миссии «Дважды Теодора» гораздо позже, чем через час.

Вопервых, вызовы посыпались, как из дырявого мешка, вовторых, пропала со связи бригада Лозового, посланная на серьезное ДТП. Все попытки связаться и с никудышниками ни к чему не привели.

Посоветовавшись с девчонками, Светка стала названивать в милицию. Там, судя по всему тоже было что-то не ладно, но они пообещали разобраться и послать когонибудь из освободившихся сотрудников. В общем, ночка была та еще...

Впрочем, бывали и похуже...

Утро первого дня Беды

Если я чего и не люблю - так это телефонные звонки рано утром. Это означает, что от меня кому-то что-то нужно. А мне как раз нужно совсем другое - продолжить спать, если быть точным. Я понимаю, что уже практически день, но мне сегодня во вторую смену и потому за компом я вчера засиделся до сегодня...

Но назвался врачом - бери телефон... Страждущие, бнах, страждуют...

Звонил братец. Неожиданно серьезный.

- Дарова! Сразу говорю - я совершенно трезвый и не потреблял ничего. Кроме булки с чаем. И уже щипал себя в разные места до синяков.

- Я за тебя рад! А попозже ты позвонить не мог? У тебя там что - штаны горят?

- У меня все хуже. Я это предисловие сделал, чтоб ты не подумал, что у меня бельканто или я у кого из своих клиентов нашел в нутре кило кокаина и тут же все вынюхал.

- Звучит ободряюще. Ты б покороче, я еще бы часик поспал!

Братец шумно покоровьи вздохнул.

- Если коротко - то я сегодня пришел на работу. Прозектор дверь не открыл - стал смотреть в окна и стучать - у нас звонок еще при Александре Освободителе, похоже, поставили, музейная вещь, думал, не слышит. А теперь не кидай трубку - все мои мертвецы вместе с прозектором - я его по белому халату узнал - жрут вчерашнего мотоциклиста в секционном зале. На мои стуки - ноль внимания - но я то все хорошо разглядел - у нас форточка не покрашена, так что с моим ростом видно отлично. Они его просто жрут. Я. Понимаю. Что. Это. Невозможно. Это если ты что сказать хочешь...

- Ты точно не пил, не нюхал, не вкуривал, не колол?

- Я как новорожденный. Причем новорожденный старорежимный - без послеродового похмельного синдрома.

- А может репетиция 1 апреля? Ты ж сам прикалывался - ну когда тебя выперли с кафедральных лаборантов и заодно и с пятого курса?

- Я был бы щастлив... Но они его просто жрут. Рвут из него кусками мясо. И это тоже невозможно - человек так сырое мясо жрать не может. Челюсти не те и зубы не те...

Это не приколы.

- А друг из друга они куски не рвут?

- Неа. Токо мотоциклисту весь респект с увагой. Правда может потому, что ему нечем кусать - 160 км, да плюс бетонная стена, да минус шлем...

- Так. Ты не сердись, но как-то не верится в это. Честно. Это розыгрыш?

Братец опять вздохнул. Сейчас уже скорее как кит. Он вообще хороший парень, хоть и приколист. Работает судмедэкспертом в Петродворцовом бюро судмедэкспертизы. Что всю семью удивляет - его там ценят и всерьез уважают. Шуточкито у него бывали всякие, но во всяком случае не злые. И если его раскусывают, то сразу признается... В целом - совершенно невнятная ситуация. И на белочку вроде не похоже...

- Нет. Не розыгрыш. Я понимаю, что надо милициунеров вызывать. Если я им все это расскажу, то они пришлют бригаду из ПНД. Тех я никого не знаю. Пока разберутся - наколют галоперидолом и буду я Лером Новодворским... Мозги свои жалко. Я собственно совета хочу попросить - как мне их вызвать, и чтоб приехали. Своими глазами глянут - будет проще.

- Я бы сказал, что похоже морг обнесли ночью. А когда к тебе выедут отзвонился бы еще раз и сказал, как есть - типо не считайте меня сумасшедшим и выехавшим не говорите - если они скажут то же самое - значит, дело плохо и Армагеддец с Апокалипсисой нагрянули.

- Ну в общем както наверно так. У меня както сейчас плохо с сообразительностью... Я тебе отзовуюсь... Слушай, у прозектора с лицом чтото неладно... Ну отбой, связь кончаю.

Гм... Сумасшедших у нас в роду не было. Если это не шизофрения и не острое отравление всякими порошочками, то даже и не знаю, что думать. Да не, быть этого не может.

Все равно не засну. Поставлю чайник.

Так. Или братец стал умом скорбен. Или чтото другое. Что может быть другое?

Ожившие мертвецы... Ромеро... Зомби... «Мооозги»...

Что с гаитянскими зомби? Они ведь тоже умирают. Лежат в могиле. Потом их вынимают оттуда «колдуны» и ожившего человека пользуют на тупой и тяжелой работе. Заодно, помимо бессловесного раба, что полезно в хозяйстве, еще и запугивают своей некромантией окружающих до поросычьего визга. А суть в подборе нейротоксинов, которые вводят бедолагам - всасываются в слизистые, когда им в лицо бросают или выдувают порошочек... Стоит вдохнуть - и конец человеку... Потом тяжелейший шок, кома с минимальными признаками жизни - и выздоровление... Только без большей части коры головного мозга. Она от тесного знакомства с нейротоксином рыбы фугу гибнет...

Фильм помнится, даже был про американского фармаколога, который эту штучку разгадал... «Змей и радуга», точно.

В Петродворце завелся колдунвуду? Бред, конечно... Хотя после перестройки чего только не было... Или все клиенты судмедморга отужинали в японском ресторане с неудачливым поваром? Там ведь эта самая рыба фугу - деликатес, только готовить ее может специально обученный повар экстра класса... Но все равно в Японии периодически ктонибудь или дохнет или становится глубоким инвалидом, сходяв в ресторан с рыбной кухней...

Чайник, сволочь, не закипает. Наверно потому, что я на него таращусь. По совету Джерома надо не смотреть на него и наоборот показывать всем своим видом, что чай - последнее, чего бы ты хотел...

Что еще может быть у братца? Про сумасшествие буду думать в последнюю очередь, пока симптоматика не каноническая отложим эту версию. Что может быть еще?

Может они потому и стали жрать мотоциклиста, что у него расквашена голова и соответственно мозги наружу? Но по классике - они любят свежие «мооозги»...

Глупости какие в голову лезут... «Пэрис Хилтон не страшны зомби! У нее нет мозгов!»

Позвоню - ка я ему сам! Вот ведь дьяволыщина - мобила разрядилась. Опять совсем про нее забыл. Ладно, по домашнему.

Братец отвечает тут же - словно держал трубу в руке.

- Ага!

- Что нового?

- Менты прибыли. Чешут затылки. Судя по всему после переговоров - не они одни.

- А службу ПНД за вами всеми не выслали?

- Неа. Нас тут слишком много. Это во первых. А во вторых тут тебе не проклятый тоталитаризм! Прав у ПНД сейчас нет никаких... Ждем начальство - сержант туда соваться без начальства не хочет. Приедет Гутковский - будет решать. Он к слову не поверил. Считает, что тут все формалину напились.

- Ну, у него есть некоторые основания. Как эти зомбы выглядят?

- Да как обычные покойники. К слову не все восстали - кроме мотоциклиста так же неколебимы подснежники и месячной давности топляк. И баба зеленая подвальная - тоже лежит. Жрут почемуто только байкера. И вообще - все вчерашнего вечернего поступления поднялись, которых уже без меня привезли.

- Они случаем не ходили в японский ресторан?

Братец ржет. Похоже, не ходили.

- Это бомжиподзаборники. Вчера заморозки были - эти олухи так ловко запалили печку в дачном домике, что траванулись угарным газом. Их поздно вечером всех четверых и привезли. Одна баба, трое мужиков. А тут с чего-то и прозектор к ним присоединился. У него к слову обгрызена рука. И знаешь - точно у него что-то с лицом. Этих четверых я вчера не видал, а у него морда стала как лошадиная. И помоему челюсти заматорели...

- Ну если ты не шутишь, то сырое мясо так просто не откусишь... Так что челюсти понятно...

- Слушай, позвони родителям, а? Пусть они пока особенно из дому не выходят? Только так - остороженько... Не хотелось бы, чтоб они тут же примчались, на деток сумасшедших любоваться...

- Принято. Позвоню. И тебе тоже.

- Отбой, связь кончаю.

Родители уже убыли на дачу. Чтоб нам не мешать. Жениться уже бы нам пора, а мы с братцем все вольными казаками. Нам уже ненавязчиво намекают, что пора бы и о внуках подумать.

Южан в пример ставят. Нет, все конечно верно, оно конечно и надо бы. Но пока еще можно не впрягаться в семейное тягло - почему б и не пожить в собственное удовольствие.

Дача - обычный деревенский дом предвоенной постройки. Деревня - забытая богом дыра в Новгородской губернии. Но родителям там почему-то нравится. Вот со связью там хреновато - всучил я им мобилку, но пользуются они ею с опаской, да и прием неуверенный. Особенно утром.

С третьей попытки дозвонился. Трубку взяла мама. Это хорошо. Она не то, чтоб разумнее отца, но с ней договориться проще. Отец фыркнет, выбросит из головы и сделает все посвоему. Маму убедить легче.

Разговор получился короткий - они переживают, что минута разговора стоит как буханка хлеба, но вроде удалось убедить не болтаться сегодня вне дома. Ну, да и погода у них с утра мерзостная, так что удержать отца будет не сложно.

Ага, чайник засвистел! Свисти, свисти, гад! Я еще посмотрю - пить сегодня чай или нет.

Ладно, выпью. Правда, в холодильнике брать нечего. «Оскудела Земля Русская!» Надо бы в магазин после работы забежать... Ничего, хапнем пустого чаю. Не впервой.

И все же, что там с братцем? Если б это была шуточка - родителей бы он втягивать не стал. Нука, еще до выхода на работу есть время.

- Ага?

- Ты не обижайся... Не то, что я тебе не верю...

- Или верю. Хотя я тебе не верю! - ты что хотел? Я бы тебе не поверил, перевернись ситуация зеркально. Ну?

- Ты говорил, что там твои приятели из милиции рядом. Может, дашь с кем поговорить?»

- Слушай, попробую...

Дальше я пару минут слышу, как он уламывает когото, говоря, что я его брат, ни разу ни журналист, никакой огласки, никаких фамилий, никакой записи... Уломал, наконец.

- Что тебе нужно? - голос неприветливый, даже пожалуй неприязненный, с хрипотцой.

- Брат рассказал такое, во что не верится. Хотел бы понять - свихнулся брат, или и впрямь там чертовщина.

- Как зовут брата, когда родился, как зовут тебя. Твой адрес и место работы?

Несколько опупеваю. Потом доходит - мент не хочет попасть в идиотскую ситуацию (хотя похоже, что уже попал) и старается перевести разговор в привычное русло. Заодно убедиться, что это не подстава и я - именно тот, за кого себя выдаю.

подавляю желание съязвить и бодро рапортую. Шутковать с ментами, патрулями, часовыми, таможенниками и пограничниками, когда они при исполнении - глупо и бесполезно для

здоровья.

- Докладываю - говорит хриповатый голос - морг заперт, в форточку видно, как четыре покойника в гражданской одежде и пятый - в медхалате поедают шестого. С аппетитом. Остальные наблюдаемые покойники ведут себя прилично. Сроду такого не видал и зрелище поганое.

Далее собеседник выдает грамотно составленную руладу, не относящуюся к делу - видно чтоб душу облегчить и передает трубку братцу.

- Ну вот так. Двое из троих патрульных блеванули, полюбовавшись, а они всякие виды видели. Так что зрелище пикантное. Что еще добавить?

- Мне на работу пора. А ты, когда они начнут двери открывать - не лезь вперед.

- И не подумая. Им сказал, чтоб с кинологом приехали. Полезно будет одеть этот собачий прикид - ну в котором собак дрессируют. Но есть сомнения. Гутковский - он немного отморозок, считает себя пупом земли и больше всего боится, что ктонито в его крутизне усомнится. Так что не уверен, что тут все будет пучком... Но я поостерегусь. Ну, удачи! Связь кончаю! Да и сам поостерегись!

Вылез из дома такой груженный, что чуть не влетел под колеса на перекрестке. Облаяли - и к сожалению заслуженно - попер я на красный самым дурным образом. Потом ловил ртом ворон - и почти пропустил зеленый.

Не, так дело не пойдет - надо встряхнуться. Вот и маршрутка кстати. Водитель «шайтан арбы» сегодня не слишком джигит, почти нормально водит.

Что там у братца? Что там у него может быть? Если все это не бред... А к слову - может это я свихнулся, а свой бред украсил братцем с его бредом? Может, сплю?

Закрываю глаза, трогаю руками подлокотник. Выше стекло. На пальцах остается вмятый слой пыли. Открываю глаза - так таки «Газель». Ущипнул себя за руку - больно. Ущипнул сильнее - еще больнее, но ничего не поменялось. Интересно - а как понять, что у тебя бредовое состояние? И почему бы в бред не включить боль от щипков?

На подходе к поликлинике ощущение бреда усилилось. Стоянка для автотранспорта почти пустая - сроду такого не было! И ни одной машины «Скорой помощи»! А они всегда ставили свои таратайки здесь, хотя официально их служебная стоянка - с другой стороны подстанции. Но им тут удобнее и на пару десятков шагов ближе, потому всегда с ними были свары. А тут - пусто.

Дальше - больше. Двери - заперты, стоит кучка посетителей и посетительниц - человек пять, галдят, дербонят в звонок, но похоже без результатов.

Чертовщина какаято.

Отхожу назад - о, со второго этажа на меня кто-то смотрит - машет рукой и исчезает в глубине кабинета. Подхожу к двери, с трудом пробиваясь поближе сквозь эту толпу созданную всего пятью людьми - меня заподозривают в разных черных помыслах, но объясняю, что я врач и на мое счастье кто-то из пяти меня узнает.

В тамбуре за дверями появляется наш ГОшник - Сан Саныч. Вид у него жуткий - лицо серое, мокрое, волосенки прилипли к коже, и что никогда не видывал у него - подмышки халата промокли от пота двумя здоровенными полукружьями - чуть не до пояса. Сам халат изгваздан в грязи, здорово замаран кровью и порван. В руке у Сан Саныча палка от швабры и вид злобногрозный.

Приоткрыв дверь, он тут же напустился на тетку, стоявшую самой первой: «Я тебе дура уже третий раз говорю - поликлиника закрыта, у нас опасная инфекция и до проведения полной дезинфекции поликлиника работать не будет! Тебе палкой по башке твоей дурной врезать, чтоб поняла?»

- Доктор, ты полегче - заступается за тетку мужичок средних лет - нехорошо так орать!

- А три раза подряд толковать одно и то же - хорошо? Идите вы все отсюда подобрупоздорову, а то сами заболеете! Заболевание смертельно и легко передается!

- Мне назначено! - визгливо и както привычно вопит тетеха.

- Шваброй тебе, дура тупая, по башке назначено. Сейчас выпишу! - звереет милейший

и добрейший Сан Саныч.

Между тем из пяти страждущих двое улечиваются. Мужичок видя это, тоже смывается.

Сан Саныч и впрямь трескает бабу по башке палкой, отчего баба затыкается в своем базлании, ловко разворачивает ее спиной и молодецким пинком посылает ее с лестницы в кусты. Шмякнувшись, баба быстро вскакивает и с визгом улечивается...

- А Вы чего - особого приглашения ждете? - поворачивается он к последней из посетительниц.

- Хочу узнать, что за инфекция и что рекомендуете делать - довольно спокойно отвечает пожилая женщина.

- На манер бешенства. Передается при укусах. Смертельна. Потому подальше держитесь от ковыляющих неровной походкой, от тех, кто укушен, на ком кровь. От меня, например, держитесь подальше. А еще опасайтесь мертвецов или похожих на них. И лучше эвакуируйтесь пока из города.

- Спасибо! - кивает женщина: - Почему надо опасаться мертвецов? Заразны?

- Заразны. Особенно после того, как воскресают. Не убедился бы в этом кошмаре сам - не поверил бы. А теперь - извините, времени мало, надо сдать дела коллеге.

Посторонившись, пропускает меня в тамбур, ответно кивает женщине и лепит состряпанную второпях надпись: «Поликлиника инфицирована! Не входить! Опасно для жизни!»

- Вы букву «я» пропустили в слове «для» - чтоб хоть что-то сказать говорю ему.

Он машет рукой - фигня! Быстро идет внутрь поликлиники.

В вестибюле как Мамай прошел - какие-то бумажонки раскиданы, шапка валяется, шлепанцы чьи-то... Сразу за регистратурой - на лестнице здоровенная лужа крови, уже свернувшейся в студенистую массу... Волокли когото - следы в комнату отдыха...

- Куда идти? - спрашиваю Сан Саныча.

- В кабинет начмеда - отвечает на ходу.

Кабинет спрятан под лестницей. Почему так - не знает никто, но начмеду этот кабинет был почему-то мил. Захожу. Хозяйки нет и разгромлено и тут все.

Сан Саныч мнетя. Понимаю, что ему не хочется свежему человеку заявлять, что мертвецы воскресают... Прихожу на помощь, коротенько рассказываю про беседу с братцем. Вздыхает с облегчением. Но без радости. Какая тут радость.

- Значит, это не только тут у нас. Вкратце - у Люды Федяевой на приеме умер пациент. Она кинулась оказывать ему помощь. Первая помощь, реанимационные меры - как положено. Через пять минут этот пациент сожрал у нее губы и щеки - дыхание ротврот, тянуться не надо. Одним махом.

Дальше было совсем паршиво - пока его повязали - перекусал с десятков пациентов и наших сотрудников четверых.

Люду Бобров повез на своей «Мазде» в Джанелидзе. Пациента запихали ему в багажник - был шанс достать куски тканей у него из желудка, а хирурги там в ожоговом хорошие. Потом Бобров нам отзвонился - и визжал нечеловеческим голосом - Люда по пути умерла, а когда он остановил машину - ожила и стала рвать на себе бинты и пыталась его схватить. Он из машины выскочил и позвонил нам. Сроду бы не подумал, что Бобров может визжать!

Да уж. Кто-то, а Бобров... Он был всегда подчеркнуто англизирован, невероятно аккуратен и держался как лорд. Да даже галстук по торжественным дням одевал не сеledкой - а бабочку. И в парадную одежду входил смокинг - настоящий с шелковыми вставками. Говорил всегда вполголоса, очень сдержанно - а тут визжал...

Да, а к Федяевой он относился явно с симпатией... Красивая она была, Федяева... Тут я представляю себе ее лицо без губ и щек и меня передергивает.

- Его спасло то, что она была забинтована весьма плотно и пристегнута ремнем безопасности. Так он ее в машине и оставил. Ну а у нас пошло веселье дальше. Еще один

пациент перекинулся - из сильно покусанных. Ему уже никто рот в рот дышать не стал, простынкой накрыли.

Начмед пыталась связаться с спецсантранспортом, но там сообщили, что они временно не работают - практически все экипажи не вернулись, а которые вернулись - нуждаются в психологической помощи. Со «Скорой» - та же песня, у них за ночь потеряно до двух третей бригад - стоянку пустую Вы заметили. Пока возились - покойничекто восстал из мертвых. Нашлась добрая душа - кинулась ему помогать - тут медсестрички не доглядели. Добавилось еще несколько укушенных. И Ваш покорный слуга туда же - прибежал на визг, не разобравшись. С начмедом вместе...

Сан Саныч подтянул жеваную и грязную штанину - да, за икру его тяпнули основательно, повязка здорово набухла от крови, глубокая рана, значит, кровит сильно...

- В общем ситуация такая. Дрянь эта передается с укусом. Воздушнокапельным путем похоже не передается, да и не дышат мертвяки и не чихают. Убитые или смертельно раненые обращаются минут через 5 - 10. Но тут возможно, что на холоде и подольше будут обращаться - могу судить только по своим наблюдениям - а у нас в поликлинике жарко.

Тяжелораненые - было трое таких - протянули полчаса - час. Раны смертельными не были. Кровотечение остановили, в общем состояние было стабильным.

Легкораненые - не знаю. Некоторые умерли уже через тричетыре часа. Также не знаю есть ли шанс на выздоровление. Пока - надеюсь, что есть. (Сан Саныч криво и жалко ухмыльнулся.) Но самочувствие у меня омерзительное - хуже, чем при тяжелом гриппе. Если начну помирать - никакой реанимации - оттащите в ближайший кабинет и запирайте. Зомби туповаты - даже за ручку дверь открыть не могут. Но это Вам и без меня есть кому рассказать, сейчас что важно: Первое - Валентина Ивановна Кабанова сейчас работает в лаборатории. Ключи у нее есть, телефонная связь есть, туалет есть и еда с питьем - благо буфет в том же флигеле. По ее просьбе Зарицкая сбегала в зоомагазин за углом, скупил все клетки и всех грызунов. Сейчас Валентина пытается узнать о новой напасти что возможно. По ее словам ей еще на ночь работы. Теперь забота о ней - на Вас. Она Вас учила и Вы ей в общем обязаны. Обещайте, что примете все меры по обеспечению ее безопасности!

- Обещаю, конечно. А...

- Некогда, слушайте - вопросы потом. Теперь второе. Я собрал все стоящие медикаменты из нашего аптечного киоска. Не вот чтобы особенное, но не забудьте сумки - они у входа во флигель. Вот дубликат ключа. Номер телефона лаборатории у Вас есть.

Третье. Вы ведь живете в центре? (Я кивнул). Так вот, я не рекомендую туда возвращаться. Общественным транспортом не пользуйтесь. Особенно - метро. Лучше поймите частника - и отправляйтесь ко мне домой. Сына и жену я предупредил. Адрес - вот. Родителей тоже заберите из центра. Брат Ваш вряд ли в скором времени выберется из Петергофа. Если все пойдет по оптимистичному сценарию - будет введен карантин, чрезвычайное положение с комендантским часом, патрулирование улиц и особо опасаться за целостность имущества не придется. Если пойдет так, как я подозреваю все же пойдет - в центре будет сложнее выжить. Там тесно, а вот зомби будет много. В спальном районе удрать от зомби куда проще. Только лестничные площадки разве что. Места у нас хватит, худобедно есть ружье и вдвоем с моим сыном Вы уже сможете изобразить хотя бы пародию на парный патруль.

Четвертое - тут все мои лекции по гражданской обороне, правилах эвакуации, немного по выживанию и еще я тут накидал некоторые свои соображения. Чем черт не шутит - вдруг и пригодится. Тех зомби, кого удалось обезвредить, я затащил в кабинеты без оборудования. Кабинеты помечены - маркером написал, что внутри зомби. Это на случай если потом приедете за оборудованием. Что еще? А... Вспомнил! Идемте!

Дыша, как загнанная лошадь, Сан Саныч поплелся по лестнице. Свернул к закутку, где обычно хранился всякий «очень нужный хлам». Там же была конура три на три метра почемуто с мощной обитой жестью дверью. Хранились там несколько старых еще советских ящиков с противогазами (давно списанными) и старый телевизор. Щелкнув замком Сан

Саныч опасливо приоткрыл дверь. Глянул в щелку и открыл пошире. На полу конуры довольно активно зашевелились лежавшие там тела - пятеро, в бывших утром еще белых халатах. Я узнал Постникову - по ее телосложению, которого бы на троих хватило с избытком и Васильченко - несмотря на то, что головы у всех лежащих были туго в кокон обмотаны скотчем. Приглядевшись, убедился в том, что все пятеро увязаны очень плотно - простынями, скотчем, бинтами и прочим, что видно под руку подвернулось.

Сильно воняло видимо разлитым второпях ацетоном.

- Зачем это Вы меня сюда привели Сан Саныч?

- Вам стоит на них посмотреть поближе. Я чуть в штаны не наложил, когда впервые увидел. И растерялся. Вам это нельзя себе позволить - цена ошибки большая слишком. А обездвижил я их и обезопасил от души. Убедитесь, что у них упала температура тела, нет пульса, дыхания - и главное - гляньте им в глаза. Это - важно.

Через минуту, выполнив все, что он велел, я почувствовал, что взмок как мышь. И действительно - взгляд у обращенных был... Не описать... Ненависть в чистом виде, не живая ненависть, inferнальная какая-то. И даже и не ненависть, просто такое чужое... Черт, не описать... Голливуд бы дорого дал, чтоб такое воспроизвести. Да хрена такое изобразишь... Мороз по коже... Ловлю себя на том, что оцепенел, с трудом стряхиваю это мерзкое состояние.

В остальном - трупы как трупы. Кожа грязноватого белозеленоватого цвета. Затеки складок кожи на уши, как обычно у покойников - когда лицо смякает и обвисают ткани. Холодные, комнатной температуры.

Не дышат, сердца не бьются.

Только вот двигаются и стараются освободиться.

Действительно, впору в штаны класть...

Когда мы выходим за дверь и замок щелкает, я чувствую словно гора с плеч... И - выходил я спиной вперед, вертя головой на 360 градусов...

- Это Вы правильно головой вертите - замечает Сан Саныч. - Теперь так всегда делать придется. Привыкайте.

Возвращаемся в кабинет начмеда. Сан Саныч с оханьем плюхается на диванчик. Переводит дух. Ему заметно хуже. Пот с него градом катит. И одышка.

- Теперь спрашивайте, что хотели.

- Почему Вы считаете, что дела пойдут по худшему сценарию?

- Не только начмед звонила. Я тоже звонил. Считаю, что ситуация катастрофична. Ситуация меняется в худшую сторону стремительно - один мертвяк - и поликлиники нет. И с десяток инфицированных разбежалось. Придут домой, нарежут дуба - и обернутся... Здравствуйте, девушки!

В ФСБ вежливо проигнорировали. В Смольном попросили не хулиганить. А в нашем отделении милиции - наоборот - у них с ночи лиса полярная пришла. В Комитете здравоохранения никого из начальства нет и никто ничего не знает и знать не хочет. Из соседей только стоматологи отозвались - их главный прибежал, смотрел. В райздрав я все доложил, но не уверен, что восприняли правильно. И все. Тут надо очень жестко и круто действовать. Не вязать, как мы тут корячили, а вышибать мозги. Мне пришлось топором пожарным махать. Пациентам по головам стучать - знаете не сразу получилось. Так вот - они вроде бы не чувствуют боль. Могут на сломанной ноге ковылять. Дыра в грудной клетке совершенно им не мешает. Выпущенные кишки - совершенно не влияют. А вот при разрушении головного мозга - упокаиваются окончательно. Нет, Вы так не смотрите - топор я Вам не дам. Он весь в кровище, а я не знаю - когда у их крови контагиозность истекает. Это Вам завтра скорее Валентина скажет.

Сан Саныч говорит торопясь, видно, что старается успеть сказать как можно больше. А речь стала невнятной, заметно невнятной. Нет, понять можно без проблемы, но еще когда я пришел - дикция у него была отличной. А сейчас уже мямлит.

- Если обращаются все покойники - то считайте сами - за день помирают пара сотен

петербургских жителей. А что такое геометрическая прогрессия - сами знаете. Ну притча про султана, захотевшего вознаградить изобретателя шахмат - на первую клеточку одну монетку, на другую - две, и так далее... А тут еще похоже, что те же крысы и хомяки заражаются на раз - Валя мне звонила... Сколько в Питере дохнет крыс в день? Будут ли они нападать? А собаки? Кошки? Правда это была единственная новость, которая меня порадовала, хоть это и нелепо звучит. Я боялся, что это - например генетическое оружие. И что мы тут будем вымирать, а потом придут свеженькие европейские цивилизаторы и дезинфицируют пространство, наконецто. А похоже, что всем будет капут... Короче, войск на улице нет. И ближайшие дни - не будет. А когда соберутся - будет поздно. Совсем поздно. Но вы постарайтесь выжить. Я сейчас прилягу, устал я... А вы через полчаса позвоните - у Валентины уже будут первые результаты. В регистратуре телефон - обзвоните всех, кто Вам дорог, предупреждайте. Не бойтесь показаться смешным. На это - плевать...

Сан Саныч мешком валится плашмя. Переводит дух... Бормочет: «Куртка у Вас легковата... Возьмите вон ватник - от сторожей взял. Он чистый... Ну идите...»

Беру ватник, встаю. Он приоткрывает глаза. Смотрим друг на друга.

- Думаете, я геройствую? Нет, я посмотрел - от этой заразы умирают тихо и спокойно. Без агонии. А так - страшно конечно. Но куда ж деваться... Сам родился, сам и помру. Бумаженции мои не забудьте! Вот на столе рядом с вами.

А ведь и впрямь чуть не забыл. Беру пару допотопных папок с ботиночными шнурками.

- До свидания, Сан Саныч! Спасибо. За все.

- Нет уж - скорее прощайте. Новому свиданию со мной, боюсь, вы рады не будете. А бить по голове хороших знакомых и коллег... У меня например - не получилось. Все. Ступайте.

И я ступаю. Прикрываю дверь. Щелкает замочек. Действительно - все.

Теперь звонить... Кому? Ольга в Хибинах со своими балбесами. Связи с ними нет. Значит по порядку с буквы «А» в записной книжке... Нет, сначала все же родичи и други. И подруги...

Через полчаса на пальце мозоль. Набираю номер лаборатории. Гудки. Наконец трубку берут.

- Да?

- Валентина Ивановна, это я. Сан Саныч просил за вами присмотреть. Позволю себе заметить, что в Вашем положении неосторожно так поступать... Вы же сейчас не только за себя отвечаете, но и за своего ребенка.

- Именно потому я тут и сижу с мышами. Я должна знать, что нам угрожает и тогда и ребенка смогу защитить внятно. Как Сан Саныч?

- Плох.

- Понятно. Очень жаль. Я вас хочу попросить сделать одну вещь - он не успел.

- Слушаю?

- Зайдите, пожалуйста, в детский садик, что у нас напротив. Предупредите.

- Лучше я им позвоню.

- Нет. Я им звонила, но видимо они все на прогулке - я вижу детишек за забором.

Честно говоря, я еще не всем отзвонился. Но тут детишки. Ладно, минута делов. Это быстро.

Ключ торчит в замке. С той стороны входа - никого. Видимо не принятые еще посетители нашей поликлиники поумнели. Ну и славно. Запираю дверь и мелкой трусцой обхожу здание. Теперь обогнуть голые кусты - а там и вход.

Черт! Я чуть не пролопушил критически - в последний момент боковым зрением увидел движение и рефлекторно дернулся. Чистенько одетый старичок - без верхней одежды и в наших синих бахилах промазал ручками на сантиметры. Я его не заметил - пенсионеры одеваются неброско, он както в кустах да на фоне забора замаскировался.

Дергаю в сторону от входа. Не нужно его туда вести. Я вот сейчас через забор - прыг!

А тебе дедок - шиш!

С «через забор прыг» получилось позорище - я завис. Некоторое время сучил ножками, стараясь зацепиться за гладкий бетон, потом меня прошиб ужас оттого, что подоспевший дедок вцепится мне в ногу - я перевалился через забор и совсем не так как полагал - шмякнулся на землю, аж дыхание перехватило. Чисто тесто. Тесто мягким местом...

Теперь быстро найти воспитательницу, вход заблокировать, потом разговаривать. Не видно воспиталки, весталкивоспиталки... А детишки рядом - вон копошатся, поросята.

- Дети! А где ваша воспитательница? - самым своим добрым голосом спрашиваю у крошек. Одно чадо в ярчайшем желтом комбинезончике поворачивается. Я еще продолжаю идти к детям, когда второй раз за эти пару минут меня прошибает ужас.

То есть я вижу, но разум отказывается правильно оценить виденное. Милые дети жрут что-то. Судя по шерсти - обычную кошку. Серенькую полосатую котейку. И я их заинтересовал явно сильнее, чем котярка. Потому как они довольно шустро кидаются ко мне. Нежить чертова! В ярких комбинезончиках, с оплывшими грязными личиками...

Думать некогда, надо тикать. Тикаю изо всех сил. Мельком вижу открытую настежь дверь детского сада. Детишек добавляется, но у них ножки коротенькие и я бегу явно быстрее.

Пытаюсь прикинуть, где пасется дедок и, забирая в сторону, опять же кидаюсь на забор.

На этот раз адреналин помогает - перемахиваю хоть и не ласточкой или там Бэтмэном, но весьма прилично. Далее рывком - до дверей. Ключ - как и полагается в такой момент - вылетает из пальцев и, звякая, скачет по ступенькам.

Это мое большое счастье, что никого рядом нет - вдалеке, правда, ходят прохожие, я их вижу, но за кустами не пойму - ковыляют они или еще идут нормально.

Забравшись внутрь поликлиники, встаю в позу «зю» и дышу аж с хрипом. Всегото пробежал - ничего, а дышать нечем. До слез нечем. Надо собой заняться - мяконький слишком стал. Пухленький...

Звоню Валентине. Объясняю ситуацию.

Молчит.

Потом спрашивает: - Можем ли мы что-нибудь сделать?

Отвечаю: «Присоединиться к детишкам».

- Это не выход. Позвоните пока на телевидение и на радио. Может, это поможет?

- Хорошо, попробую.

Далее следующие полчаса - самые бесполезные в моей жизни. Занятые ребята из мира шовбузбизнеса даже не утруждают себя выслушиванием. Один правда выслушал. Попросил принести ему такой же травы, которой я накурился. Не выдерживаю и матерю его. Тонем знатока он уведомляет меня, что я и в этом - лох...

Дас ист аллес!

Пытаюсь убедить Валентину, что вечером родители заявятся за детенышами в садик - и у нас к утру тут будет от зомби не отмахаться. Она непреклонна. Ей нужно провести все задуманные эксперименты. Для этого нужно еще минимум двадцать часов. Она уверена, что это очень сильно поможет нам в дальнейшем.

И тут финиш. Она из Архангельска. А тамошние если что решили, то их уже не подвинешь. И ведь не бросишь же, хотя «не мать, не жена, не любовница». Просто хороший человек, врач отличный. Когда пришел сюда совсем зеленым - она взяла надо мной шефство, натаскивала. И хорошо натаскала. Придется завтра сюда организовывать спасательную экспедицию... А сильно не хочется... Но придется.

Ладно. Надо дозвонить книжку. Когда заканчиваю - словно мешки грузил, так вымотался.

Зато уже вытанцевался примерный текст - новая инфекция, похожа по действию на нейротоксин рыбы фугу, далее как у гаитянских зомби, только поражение головного мозга глубже и зомби агрессивны. Процентом 70 мне явно не верят. Ну и ладно - если хоть чуток будут осторожнее - уже хорошо. Черт, да будь это нормальная эпидемия - чумы, холеры,

оспы - куда бы проще было. А тут времени на каждый звонок уходит до жути много... И похоже впустую.

Звоню братцу. Ему некогда - вотвот приедет начальство. Кратко рассказываю выжимку из узанного от Сан Саныча и Валентины. Говорит «Пасиба» и отключается.

Тут только до меня доходит - и я снова обзваниваю тех, у кого дети. Рассказываю про садик, в котором я так бурно развлекался. Прошу отзвониться - убедиться самим. Это срабатывает сильнее...

Попутно просматриваю бумаги, попавшие мне в наследство от Сан Саныча. В самом начале лежат деньги - видно, что он выгреб все купюры из кошелька. Немного, тыщи три, но бедному вору - все впору.

Дальше записка. Написанная его аккуратным писарским почерком.

«Итак, зомби.

Что известно - в отличие от фильмов, это реально.

Особый интерес -

1. что за возбудитель - пока неясно, не выделен.
2. пути передачи - точно, что со слюной при укусе, возможно, что и при попадании крови и слюны на слизистые (глаза). Другие пути передачи не ясны. Не видел.

3. физиология зомби, срок жизни - не известен, хотя тут ясно, что вроде идет разложение, просто обязано идти, вопрос как разлагаются живые мертвецы не ясен, иначе была б надежда, что при разложении как положено нормальным мертвецам они через год скелетируются и саморазваливаются. Также важен вопрос как реагируют на холод и прочие погодные явления. По идее - как холоднокровные - должны на морозе замедляться.

4. функции восприятия - видят, чувствуют запах и слышат, возможно, что есть и какието сверхестественные возможности чутя.

5. могут кооперироваться, имеется слабый интеллект. На уровне насекомого.

Таким образом:

1. Надо защищаться от укусов и попадания слюны и крови на кожу и слизистые.
2. Надо быть отличимым от зомби, чтоб свои не подстрелили по силуэту, когда до этого все же дойдет. Должно дойти.

3. Надо быть мобильным (если кто бегал в ОЗК и противогазе - тот поймет). Потому рыцарский доспех, например, не вполне подходит. Разве что рукавицы и наручи.

Таким образом:

1. Оружие отечественное, посовременнее. Или что есть. Все, чем можно проломить череп. Тут мудрить нечего.

2. Защитная одежда - из пластиковых пластин типа защиты хоккеистов или защитных костюмов мотоциклистов с использованием кевлара. (всегда удивляли киношные тупицы, бегающие по магазину с зомбаками и не догадывающиеся хотя б кожаную куртку со шлемом и перчатками одеть. По зиме - конечно же ватные штаны и ватники, без вопросов. И прочные перчатки - например кольчужные, как у мясников. В первую очередь - перчатки. На ноги - сапоги с высокими голенищами. Были б на мне яловые сапоги сейчас!!

3. Маскировка бесполезна, наоборот нужны кислотные яркие цвета для распознавания своих, также добавка светоотражающих элементов и возможно светодиодов на каске, например.

4. Шлем пластиковый с гибким назатыльником, закрывающим шею и прозрачным щитком. Противогаз в данном случае не катит - в нем очень тяжело находиться долго, никудышный обзор и очень трудно целиться. Если уж использовать противогаз, то лучше чешские модели - они самые жуткие по виду, но для прицеливания лучше. И раз они легко прокусывают кожу, противогаз скорее всего тоже прокусят.

5. Причандалы и придамбасы - да проще всего взять имеющиеся на вооружении.

Использовать разгрузки. И добавить сухарную сумку. (Это шутка!) Не забыть фонарик.

Вкратце так. Последнее - запах. От зомби пахнет словно бы ацетоном. Даже скорее воняет. Если продолжают разлагаться - через год их не будет, скелетируются... Но к запаху

придется привыкать.

И совсем последнее - воду не любят. Одного санитарка обдала водой из ведра - потерял ориентировку, стал отступать. Запомнить.

Удачи вам всем!»

Далее материалы по эвакуации. Что брать с собой. На что - особое внимание.

Ну да, эту лекцию я помню. Он вообще здорово вел занятия. Даже странно для ГО...

Уходя из поликлиники, стукнул в дверь кабинета начмеда.

- Сан Саныч?

- Еще живой! - но уже совсем тихо и невнятно, сквозь кашу во рту.

- До завтра!

- Удачи!

Теперь по лекции судя - три задачи: обеспечение безопасности, вода, еда. Домой я все-таки заеду. С семьей Сан Саныча можно и позже познакомиться. Мне почему-то хочется оттянуть момент рассказа о Сан Саныче... Он ведь еще жив... А вдруг? Может ему повезет?

Опасливо косясь на тылы поликлиники - с детским этим садиком - дурацкой трусцой выбираюсь на улицу. Чтото я хотел... Точно - еще вспышкой проскочило, когда я на заборе болтался, спасаясь от старичка - инфарктника...

Вот, вспомнил. Оружейный магазин. У меня даже есть лицензия на газовое и травматическое... Я к ним несколько раз заходил - это около одной остановки отсюда.

Помещение маленькое - один зальчик. Продавец узнает, ухмыляется - видно я им надоел, ковыряясь в десятке образцов «оружия самообороны». С другой стороны им скучно - покупателей нет, и они не прочь почесать языки.

Выкладываю им вкратце про поликлинику, садик и инфекцию. Я, конечно альтруист - но у садика именно об оружии я подумал. Худобедно армия за плечами. Дельный ствол с боекомплектom - очень полезная штука в разговоре. Особенно с таким феноменом - как живой труп.

Помоему не верят. Ясен день - я и сам утром не поверил. Но у меня есть козыри.

Предлагаю уже привычно - связаться по телефону например с санспецтрансом, позвонить в поликлинику - и Валентине в лабораторию и в детсадик. Или гонца туда отрядить.

Пожилой, с отеками под глазами - явно почечник - спрашивает - кто я по профессии.

- Врач - отвечаю.

- Хороший врач?

- Достаточно хороший, чтоб сказать, что у Вас почки не в порядке.

- Ну, так это у меня на лице написано.

- Не все прочтут, однако - в тон ему отвечаю.

- Это да. И что Вы предлагаете делать?

- Я и сам не знаю. Обзвонил по телефону всех своих. В детсад зашел. Ну а после детсада - к вам. Думаю - вам стоит своими глазами глянуть. Ну и за телефоны взяться. А там - по плану.

- Какому плану?

- Эвакуации со спасательными работами, какому же еще.

Сероглазый парень из отдела где всякая рыболовная всячина, подумав заявляет, что пойдет - разведает, если остальные не против. Если что - он сегодня еще не обедал, заодно еду прикупит...

Понимаю, что это «если что» означает, - не верит мне парень, но ему любопытно все же.

Остальные соглашаются даже както с облегчением. Парень ловко проскальзывает в дверь - видно, что в отличие от меня он за своей формой следит. Похода пружинистая, двигается красиво... Пожилой почечник тем временем удаляется в подсобку - видно телефон у них там. Слышу невнятный бубнеж.

Неловкая пауза. Крендель, стоящий перед стендом с охотничьими ружьями

ухмыляется.

- Небось к нам из чистой альтруизмы зашли? - довольно ехидно спрашивает он. Мужик он не простой, с подковырками все и подначками. Хотя то, что в оружии разбирается отлично - я уже давно заметил.

- Ну и из альтруизмы тоже. В конце концов я вам за последнее время достаточно много надоедал.

- Ага, по травматикам уже можете статьи писать. Кстати - может прикупите чего? Очень, знаете ли может быть кстати.

Вообщето это мысль. Правда денег у меня с собой не густо. А из всего предлагаемого набора искалеченного оружия (а травматика это именно инвалиды от оружия, специально изуродованные и ослабленные) разве что «Хауда» симпатичен - обрез бракованной двустволки все же с учетом нынешней еще большей кастрации требованиями Минздрава к мощности выстрела достаточно силен. Да и патроны обычные у него (хотя тоже обрезанные окурки) - с нормальными капсюлями...

Зомби конечно такая дрянь не убьет... гм, как убьет - зомби же и так мертв. Не годится «убьет». Как сказатьто лучше? О, упокоит! Точно - упокоить зомби такая фигня как «Хауда» не сможет, но вот сбить с ног или атаку остановить на секунды - вполне. Правда стоит этот дурацкий обрез с ослабленными всеми деталями и извилистой дырой в стволах совершенно безумно. В этом же магазине среди нескольких нарезных стволов стоИт и K98 - тот самый, вермахтовский - и стОит почти вдвое дешевле.

Перехожу к прилавку с травматикой, газовиками и прочей похабелю. Полный низенький продавец показывает в улыбке все свои 15 зубов - дескать, опять пойдет волна вопросов от вьедливого клиента, который никак не хочет стать покупателем.

- Если все рассказанное Вами правда - то лучше б Вам брать не пукалки, а нормальные стволы. Они и от зомби и от людей лучше работают. А то, что тут у меня - это для глубоко мирного времени.

- Так разрешение у меня токо на травматик. Может взять «Хауда»? На первое время?

- Третьим дурнем будете, кто «иудейскую двустволку» купил. Правда, те брали с деревянными деталями, а тут только пластик остался. Ну - вольному воля, спасенному - рай. И патроны? - продавец подмигивает и одергивает полосатый свитер дурацкой расцветки.

- Сейчас, наличность посчитаю.

Оказывается, что с наличностьюто у меня неважнец. Вспоминаю про три тыщи Сан Саныча. Еле - еле хватает на обрез и пачку патронов. Жаба душит неслыханно, но тут вспоминаю старичкапенсионера в кустах. А, жизнь дороже. Начинается возня с оформлением чека, записью в разрешении и протчая...

Почечник так и бухтит в подсобке, ехидина зачемто открыл свой стеклянный закорм и возится со снятым оттуда жутким агрегатом - этакий АК переросток - судя по всему гладкоствол и похоже 12 калибра... А я получаю в руки тяжелую и весьма невзрачную картонную коробку - что касается оформить тару - у нас это непревзойденное умение... Собираюсь зарядить обрез - но тут оба продавца - и тот, что в свитере и ехидный как сговорившись действительно не рекомендуют этого делать.

- Знаете, если вы сказали правду - это одно. А так... вы ж «Терминатора»то смотрели? Не надо заряжать пока. - деликатно вразумляет меня пухлый продавец.

- Ну, вы ж видели мое разрешение, записи в журнал сделали, да и застрелить я вас не смогу!

- Береженого знаете... Если Вы все придумали, то мало ли что... А сумасшедших сейчас еще по суду сумасшедшими признавать надо... Вы не обижайтесь. Вот Серега вернется, подтвердит ваши слова...

Проходит еще несколько минут. Ехидный все еще роется у себя, повернувшись к нам спиной, пухлый выжидательно посматривает на двери.

Несмотря на то, что мы все ждали возвращения Сереги, первым удивил почеченик - он вылез из подсобки мокрый как мышь и обведя зал тяжелым взглядом заявил: «Спасибо,

доктор. Похоже, что вся та чушь, которую вы тут городили - правда. Началось, похоже. И такое, что хрен поймешь.»

В этот момент и Серега влетел в дверь. Видно было, что он неся во весь опор. Дыхалку он себе сбил и потому согнувшись и пыхтя стал выдавать: «В детсаду все дохлые... Ходят... Кошку не видел... Но мордахи в крови у многих... А старичок, сука... Хорошо, предупредил...»

Ехидный подает ему стаканчик с водой. Серега немного отдышался и сообщает, что видел не меньше полутора десятков мертвяков разного пола, возраста и степени укушенности. У него на глазах старичок схватил и похоже укусил тетку, приехавшую похоже за дитенком в этот чертов детсадик... Он пытался тетку остановить до этого, но она его послала и шарахнулась как раз пенсионеру в лапки - Серега стыдливо признался, что и он деда не заметил сгоряча, тот стоит совершенно неподвижно... Он пытался тетке помочь, но она отбивалась и от него тоже - в итоге старичок крепко тяпнул тетку за ухо... А дальше тетка ломанулась в детсад, за дитенком похоже. Серега еще рванул от старичка в сторону, но дедок как корни в кустах пустил и за ним не двинулся.

Молчание нарушает ехидный из охотничьего отдела - подняв тот самый передел АК и спокойно передернув затвор. Все уставились на него. И я в том числе.

- Мужики, как говорят в фильмах - ничего личного. Не дергайтесь - и все будет путем, убивать вас и в мыслях не держу, но и вы мне не мешайте. Я человек порядочный - беру эти шесть стволов и четверть патронов. Так что и вам хватит. Я уезжаю отсюда к себе, а вы смотрите сами. Зиновию передайте, что если все устаканится - верну стволы и откупного дам. Только думаю нихрена не устаканится, а будет тут Жопа. Сейчас родители за своими дохлыми детишками приедут, вы их хрен остановите и все папы мамы вляпаются по самое небалуйся. И так по всему городу. И не кидайтесь на меня. Не стоит.

- Витя, ключи где от витрин и замков? - удивительно спокойно спрашивает старшой.

- Ну я ж не сука последняя, Николаич - так же спокойно отзывается Витя на этот раз без малейшего ехидства - я их заныкал под прилавком. За пять минут отыщете. А вы доктор - не вздумайте мне из этой дуры в спину стрелять, почеловечески прошу. Васто я тем более убивать не намерен, лично от меня вам спасибо, что предупредили - и если мои коллеги не нахрен дураки - то и вам ствол достанется. Желаю удачи!

Спиной он так и не повернулся, выходит, хоть и опустив ствол немного, но ситуацию держит. Мы так и смотрели друг на друга, пока он садился в довольно крепкий УАЗ, закидывал здоровенный рюкзак со стволами и патронами - тяжеленько ему было, но справился. Машина, стоявшая как раз под окнами магазина, берет с места в карьер. Перевозу дух.

Старшой не медля начинает рыться в хозяйстве беглого. Серега разинув рот стоит посреди зала. Пухлый одергивает на себе дурацкий полосатый свитер и говорит - «Вот видите, хорошо, что не зарядили - пальнули бы в Витьку - а он бы в ответ... Хоть он и сукота, а стрелок отличный.»

Почечник - Николаич наконец бренчит найденными ключами, лезет в стенд и снимает довольно невзрачную винтовку - судя по тонкому в сравнении с гладкоствольными пушками стволом, сопит, лязгает патронами. Поворачивается к нам, до меня доходит, что эта в общем небольшая на фоне монстров на витрине винтовка - переделанный СКС.

- Получается так - эта сволочь взяла действительно четверть патронов. Самых ходовых и нужных. Все гомно 20 и 16 калибра оставил, а вот 12 выгреб почти весь. И по нарезному - те же песни. Ну и хер с ним, сюрвайвелистом недоделанным. Теперь весь вопрос - что дальше делать.

- Мне завтра надо будет докторшу забирать - из поликлиники. Хотел бы, чтоб вы мне в этом помогли - Господи, до чего это глупо звучит!.

- Очумели? Почему не сейчас?

- Она ставит эксперименты - на грызунах. Закончит завтра. Результаты, судя по всему, будут очень важны в дальнейшем - и вам тоже. Потому прошу помочь. И кстати мысль

покинувшего нас Вити мне очень понравилась. Мне б нормальное оружие сейчас куда как пригодилось бы. Похоже, грабежи сейчас пойдут валом.

- Вмать - в сердцах вырывается у Николаича - так что - крысы значит тоже заражаются этой дрянью? Тоже оживают??

- Да, грызуны оживают. Это мне она уже сообщила. Но, судя по всему, будут и еще сюрпризы.

Николаич смотрит на кассиршу - глупенького вида молодую женщину, которая все это время так и просидела манекеном с полуоткрытым ртом и, судя по его физиономии, проглатывает все то, что хотел сказать. Вместо залиистой рулады переводит взгляд на Сергея. Тот оживает.

- Я похоже с Витькой согласен. Тикать надо отсюда. Делим стволы - и дергаем. В большом городе совсем все плохо будет. Только зря он один дернул. Надо вместе держаться.

- Так, а что Андрей скажет?

- Ну введут карантин, военное положение, патрули на улицы - зомбаков перестреляют, они ж только кусаться могут, против пули это не катит... И вставит нам Зиновий свечку из березового полена в задницу, когда нас эти патрульные подстрелят за здорово живешь. Или менты арестуют за ношение. Статью «три гуся» пока не отменили. Витьке до его нычек еще ехать и ехать - а любой гибддешник к нему прицепится... К слову мы должны сообщить об ограблении магазина.

Николаич думает. Не выпуская СКС из рук, идет к дверям и запирает их. Вешает какуюто табличку и возвращается.

- Получается так. Андрей - звони в милицию. Серега - подбери комбезы попрочнее. Ботинки, носки. Ну от зубов, короче. Доктор, идите сюда... Мила, сколько у нас на кассе сейчас, посчитай, чтоб точно.

- Странно, что Ваши сотрудники никому не звонят.

- У Сереги вся родня и друзья - в Вологодчине. В лучшем случае он им вечером отзвониться сможет. По ряду причин. Андрей - детдомовский. А у Милы такой милый характер, что с родней она не дружит. Своих я предупредил - жена сейчас отзванивается. Получается так, что надо сколачивать команду. Если хотите, чтоб мы вам помогали - придется вам плясать под нашу дудку. Что скажете?

- Мне еще домой надо и обещал сотруднику одному его семье помочь.

- А сотрудник - того?

- Боюсь что да. Но свое обещание я выполнить должен. Если б не он - я б тоже вляпался. К тому же кстати в поликлинике сумка с медикаментами осталась. Не саквояж - а такая - китайская. Если все плохо будет - нам эти медикаменты очень пригодятся. Это я к тому, что завтра вам стоит мне помочь докторшу выручать. Насчет плясать под дудку - оно конечно можно, но тут смотря что у вас за команда подбирается. К слову - пример Вити и грядущий бедлам както подсказывает мне, что на ваш магазин будет обращено самое внимательное внимание... И боюсь, что не очень приятное.

- Чтото вы доктор многовато боитесь.

- Фигура речи. Раньше. А сейчас и впрямь боюсь, благо есть чего бояться. Если вы не заметили - магазин ваш уже обнесли. А есть еще и просто гопота и милиция как принято в такие времена может явиться конфисковывать. Да и банально рыбакиохотники за патронами побегут.

- Ладно. Андрей, ну что там? Я к слову тревожную кнопку уже давненько нажал.

Андрей мрачноват и обескуражен: «По 01 занято глухо, наше отделение не отвечает, позвонил в несколько соседних - отозвалось одно, но там выехать некому - более важные дела.»

- Получается так, что ограбление оружейного магазина уже и не повод приехать... Ладно. Делаем так - мы с тобой Андрюша держим магазин, сейчас возьми себе ствол и заряди. Присматривай и за задним входом. Сережа - возьми у Милы тысяч тридцать из кассы под расписку и бегом за продуктами. Ближайшие два дня похоже, мы в магазине жить будем.

Так, доктор - значит, увидимся утром. Дайте свое разрешение сюда.

И к моему удивлению старшой вписал мне рядом с «Хаудой» еще один обрез - дурацкого вида фермерский ТО3106. Потом ушел в подсобку, вернулся с тремя такими «ружжжами» и на мой удивленный взгляд буркнул: - «они все разные и у каждого свои дефекты. Сборка очень неровная. По уму напильником и шкуркой доводить надо, но сейчас времени нет. Из винтовки доводилось стрелять? Из магазинной, не автоматической, а со скользящим затвором?»

Из винтовки стрелять мне довелось, и я утвердительно мотаю головой.

- Это ж где так повезло? Воевали?

- Не. В детстве свезло из немецкого карабина пострелять, а в армии на полигоне дали из «Мосинки» повеселиться - там им патроны списывать надо было. Ну, то есть они их списали, а надо было дорасстрелять оставшиеся пару сотен. Вот меня и поощрили.

Николаич с вниманием посучил затворами каждого обреза по очереди, пощелкал спуском, предохранителем. Заметно было однако, что затвор тут ходит куда как тяжелее, чем в армейских винтовках, туго, рывками. Поразбивавшись с откидывающимся прикладом Николаич наконец внес номер покрытого совершенно дурацким лаком рыжежелтого цвета обреза в разрешение.

- Тогда и с этим «Смерть председателю» разберетесь. Пишите расписку на сумму - он продиктовал ценник этого чуда оружейной мысли - Мила пробей чек! Теперь дальше - стрелять только при откинутах полностью прикладе. С примкнутым прикладом работает только бракованное оружие. Получается так, что если у Вас такое будет выходить - гарантийный срок год - тут Николаич внимательно и както иронично и со скрытым смыслом глянул мне в глаза. - Брак заменим. Магазин на два патрона. Третий можно засунуть в ствол, но в городе, как знаете, ходить с заряженным оружием запрещено. Теперь пока посучите затвором, попривыкайте - я пойду с магазинами поколдую. Серега, погоди пока - вместе пойдете. И переоденься - слыхал уже, что кусать может и человек и крыса и собака. Доктору тож подбери.

Минут пять Старшой возился в подсобке. Андрей тем временем взял себе с витрины жутковатого вида винтовку, осмотрел, зарядил и теперь имел совсем нелепый вид - в куце свитере и здоровенным винтарем в руках. Держать, однако, оружие ему было явно не впервой. Немного подумав, он вытащил еще и гладкоствол - вроде бы «Сайгу» и зарядил также и его. Получилось у него это даже щеголевато.

А вот у меня никак не могло получиться. Куца фигня имела необычно тяжелый ход затвора, аж со скрежетом. Предохранитель был тугой и засунут в самое неудобное место. Чуть ноготь не сорвал с пальца. Спуск тоже был тугой. В общем, туляки както не впечатлили. Да и вид был дурацкий, чем полностью соответствовал не менее дурацкой расцветке.

Правда, истину о «дареном коне с зубами» никто не отменял. Придя сегодня в магазин безоружным, теперь я уже был куда как защищеннее. Почемуто именно сейчас, когда я неловко дергал затвор, до меня наконец дошло, что это действительно катастрофа, раз при мне грабят магазин и милиции дела нет, мне практически дарят ружье и судя по всему мне придется им пользоваться... Оставалась сильная надежда на то, что правительство города примет решительные меры и восстановит порядок. Но то, как моментально вышла из строя наша поликлиника и детский сад, говорило скорее в пользу моментального развала всего и вся.

Неясно было - у нас эта беда или и в других городах то же самое. Эпидемия или пандемия?

Вышедший из подсобки Николаич протянул мне пару курых вороненых магазинов. Они теплые, гораздо теплее, чем просто нагретые в руках.

- Обточил, чтоб при выстреле не вываливались. Попробуйте.

Магазины вполне себе четко вставали на место и держались прочно. Хотя и тут было неудобство. Что за дурь - магазин на два патрона. Хотя б на пять, что ли... Всетаки нелепое

оружие. По всем статьям.

- Зато двадцатый калибр. Это, знаете, впечатляет. - Старшой явно не страдает отсутствием наблюдательности и видно написанное на моем лице впечатление от ружья читается легко. - ответственность на Вас - за применение оружия. Так что постарайтесь меня не подвести. Особенно сегодня. Завтра, похоже, всем будет уже плевать. Получается так. Патроны держите. Эти - с крупной дробью. На малой дистанции не хуже картечи будут. Если вляпаетесь - ружье Вам продал Виктор.

Под внимательными взглядами Сергея и Старшого заряжаю магазины. Один впихиваю в ружье. Потом, слушая грамотные советы под руку, впихиваю патрон в ствол, третьим.

Сергей уже готов. Грамотно оделся, надо признать - комбез на ватине - сразу не прокусишь, высокие берцы, еще и какуюто ушанку напялил. Протягивает мне чтото из этого мешка - камуфляж правда дурацкий - рисунок как на шторах, чтото из утиной охоты - но в толпе попрличнее будет, чем ватник из дворницкой. Портки толстые. Сапожищи. Все, как успел заметить - из самых дешевых. Перчатки оставил свои. Еще получил рюкзачище литров на 100. Шмотки, которые я снял с себя, Андрей утащил в глубины подсобки.

Рассовываю оставшиеся латунные цилиндры патронов по карманам, снаряженный второй магазин. Карманы непривычно расположены, надо привыкать побыстрее, а то лопухнешься в неподходящий момент.

Теперь кудато надо деть дурацкую уже «Хауду». В боковой карман рюкзака. Хотя интересно - а дробью скажем мельчайшей - из нее можно палить? По тем же крысам ожившим? Надо бы попробовать. Действуя по принципу «дайте тетенька водички попить, а то так жрать охота, что и переночевать негде и не с кем» задаю эти вопросы. С выражением на лице «семь бед - один ответ» Старшой отсыпает десяток гильз, пачку капсулей, чуток мелкой дроби и пачку пороха: «Экспериментировать будете - не с руки стреляйте. Мое мнение - порвет эту железяку.»

Обмениваемся номерами телефонов. Все, двигаемся. Дверь за нами запирается и я вижу, как опускается штора на окне. На двери табличка «Переучет»...

Идти неудобно, кулацкий обрез за пазухой, всунутый стволом в кармашек для мобилы и непривычная одежда. И неразношенные ботинки... Что удивительно - движение на улице совершенно обычное, совершенно обычные прохожие - словно в нескольких сотнях метров и не творится чертовщина - или как можно назвать районный апокалипсис.

Так, теперь по планам Сан Саныча идет еда.

Виктор отзвонился Ирке еще по дороге. Она не подкачала, верная боевая подруга и стояла уже на улице, ожидая его. Закинув в УАЗ пару здоровенных рюкзаков с тщательно отобранным для «ухода» имуществом и поцеловавшись с Иркой, прыгнувшей на свое законное переднее место пассажира, Виктор погнал машину из города.

На улицах было спокойно и если бы не его авторитет и привычка Ирки повиноваться безукоризненно, то скорее всего посыпалась бы куча глупых женских вопросов. Но тут подруга сидела и внимательно слушала все, что он рассказывал. Она и сама обратила внимание, что милиции на улицах было чересчур много.

Мало бы нашлось сейчас людей, которые были рады наступающему БП. А вот Виктор - несмотря на хмурый вид и приличествующее случаю мрачное лицо - был искренне в глубине души рад.

Он чувствовал себя немножко Избранным, немножко Особенным и уж точно Самым Умным. Взгляд, скользивший по пешеходам и другим лохам, ехавшим в машинах рядом, явно имел оттенок превосходства. Он - Знал. А они очень скоро должны были в ужасе глупо и жалко передохнуть. В самой глубине сознания Виктор всегда страшно боялся одного - подготавливаясь всю жизнь к этому самому БП, положив на это массу сил, средств и

отказавшись ради Спасения от очень многого - боялся, что все это будет зря. Что все усилия - даром и жизнь псу под хвост. Что напрасны были ограничения, и зря отказывался от многих вкусов жизни. Да та же Ирка - великолепный партнер и спутник в лесной жизни, - отнюдь не была ни умницей, ни красавицей. Она была функциональна как автомат Калашникова и отлично подходила для роли Пятницы в предполагавшейся Робинзонаде. Но и только. Как женщина она и впрямь скорее походила на мужика Пятницу...

Теперь надо было добраться до той глухомани, где он заботливо годами создавал себе Убежище - замаскированный бункер, склады с едой, топливом и всем прочим, что даст возможность с комфортом выжить в то время, когда все остальное человечество бесславно будет погибать в корчах.

Это был звездный час Виктора, и он старался запомнить каждый момент. Правда, он не рассчитывал на такой экзотичный конец человечества, скорее ждал чего-то более примитивного типа ядерных ударов, но так даже было лучше. Людей не станет, а все блага цивилизации достанутся им с Иркой. Неплохо быть наследниками у всего Человечества.

Впрочем, не так уж все было обычным - на выезде из города поток машин был куда как больше, чем обычно, причем легковушки были забиты под завязку и тяжело проседали под грузом набившихся пассажиров. Много было «джихад - такси» - как понял Виктор - гости города что-то тоже пронюхали и сейчас тикали во всю мочь целыми многочисленными семьями.

Пост ГИБДД проскочили без задержки, хотя проскочили - неверно сказано - поток машин еле полз. Но, во всяком случае, суетившиеся гибддешники на УАЗ не обратили внимания. Заправившись под завязку и набрав в запас три канистры, Виктор двинулся в экономном режиме к себе в Убежище. Пару часов все шло нормально, но потом Ирка первой заметила непорядок.

Впереди явно творилось что-то неладное. Пришлось тормозить - пробка была солидной. Высунувшись из машины Виктор разглядел впереди стоящий поперек практически всей дороги дальнобой - фуру синего цвета, За ней торчало что-то грязно белого цвета - похожее на другую фуру. Только сильно мятую и лежащую на боку.

Открыл дверцу и высунулся, встав столбиком, как сторожевой суслик - впереди была беготня и крики. Спокойно сел обратно, вывернулся через двойную на встречу, тоже заблокированную - отметил бегущих на месте аварии людей, там похоже что была какая-то зеленая куча металлолома на обочине и весь асфальт был замусорен какими-то отходами и обломками. Впрочем, место серьезной аварии всегда становится похожим на помойку.

- Объедем по проселку - тут похоже надолго встали. - сказал Витя спутнице.

- А что там, как считаешь?

- Да какой-то дурень выехал на встречу. Сейчас же развелось уродов с купленными правами. Мозгов нет, а нога сильная - на газ давить. Вот и давят... Вот они и собрались. А так как явно покойнички должны при этом быть - значит, тут сейчас проблем не оберешься.

Трассу Виктор знал хорошо и потому, вернувшись немного назад, опять развернулся через двойную перед мордой тормознувшей «Мазды» и скатился на дорожку, которая шла вдоль полей - что там растили, он не уточнял, но рассчитывал объехать пробку по этой рокаде.

Так и вышло, и через полтора километра его УАЗ выскочил на совершенно пустую трассу. Посмотрев назад, Виктор убедился, что тут пробка достойная, перекрыто движение в обе стороны - и кроме двух фур и мятой зеленой жестянки покалечилось еще с пяток автомобилей. Усмехнувшись своей догадливости, Витя притопил педаль газа. Встречная полоса была забита машинами уже точно на пару километров и пробка становилась все больше.

- Видишь, дурень на зеленой банке вылетел на встречу, воткнулся в белую фуру, ту закинуло и она цапнулась с синей. Ну а остальные не успели тормознуть, придурки. Пара тройка дохляков сразу, да покалеченных не меньше - если башка не совсем в кашу - значит могли обернуться - среди этих зевак явно гуманисты нашлись, лекаря, понимаешь, спасители

человечества. Ну а теперь там все стоят кучей, хрен выедешь, да еще если с зомби в толпе - укушенных будет...

Через пару десятков километров Витя засек притаившийся на съезде с трассы раскрашенный гибддешный автомобиль и двух доителей при нем. Местечко для доения было известное - как раз на выезде из деревушки - чуток не доезжая до знака, сообщающего о том, что вы изволите покинуть населенный пункт с перечеркнутым названием этого замухристого пункта. Ясен хрен многие пролетали ее со свистом, эту сраную деревушку - и тут же попадали на сеанс машинного доения.

Ментов Витя не любил вообще. Любых. И потому мысль, пришедшая в его голову, не вызвала никакого возражения или сомнений.

Аккуратно подъехав и мягко затормозив, Виктор вышел с озабоченным лицом и, подойдя к старшему милиционеру, сообщил о «страшной аварии». Тот и ухом не повел, коротко буркнув, что это не их район, но они сообщат, после чего пошел к машине.

Виктор оглянулся, вернулся к УАЗу, открыл пассажирскую дверь, аккуратно вынул изпод тряпочки «ВПО2051» «ВЕРПЬ 12» и аккуратно развернувшись, вlepил пулей в стоявшего к нему лицом сержанта. Тот даже удивиться не успел, завалившись как тряпишный куль навзничь. Старшой успел обернуться - только для того, чтоб получить пулю в голову и рухнуть у патрульной машины.

Обернувшись и отметив, что никто ничего не заметил и на бабаханье ружья внимания не обратил, Виктор ловко и быстро снял с старшого АКСУ и запасной магазин, документы, ПМ с обоймой, легко переместился к другому мертвецу, забрав и его пистолет. За документами не полез - пуля неаккуратно влетела как раз в карман куртки в пору такое удостоверение в музей сдавать - после чего в темпе обнес и машину, став обладателем фуражки и милицейской рации.

Напялив себе на голову фуражку, положил карабин обратно за сиденья, добавил туда же трофейный АКСУ, вручил Ирке ПМ и посоветовал подобрать кобуру в сумке.

Ирка с напряженным лицом приняла пистолет. Похоже, тут она наконец поняла, что прошлая жизнь закончилась. Пришел пушной зверь или нет - но постарому уже не будет.

Не очень торопясь и в глубине души наслаждаясь моментом, Витя, словно смотря кино с собой в роли героя, привычно тронул УАЗ с места, не забыв глянуть в зеркало - но на пустом сзади шоссе никто ему не угрожал...

Немного попортила кайф Ирка - мрачно заметившая, что фуражка не по сезону - двое патрульных были в шапках. Виктор плюнул и на ее замечание и на вопиющие нарушение формы одежды.

Магазинчик, в который мы заходим с Серегой, практически напротив оружейного, чуть наискосок. Выглядит он как маленький, недоделанный супермаркет. Видимо болел в детстве или кормили его плохо, потому размерами и ассортиментом магазинчик не блещет, а так - и охранник на входе и корзинки у открывающейся (вручную!) рамки входа в торговый зал - и даже касса на выходе.

Сереге не слишком мудря берет пару корзинок. А до меня доходит, что тащить здоровенный рюкзак с харчами почти из центра города в спальный район - наверно не очень умно. Случись что - я буду неповоротлив и ни черта не успею предпринять для защиты и себя и жратвы. И между прочим - денег у меня тоже шиш. Даже доехать не на что. Чертова «Хауда» дороговато встала. Собираюсь выкатываться на улицу в поисках банкомата, Но обернувшийся Сереге тормозит меня - как увидеть мог, глаза у него на затылке, что ли?

Не успеваю вразумить его, как он спокойно возражает - что раз мы собираемся действовать вместе, то сейчас я помогаю ему затариться и допереть до оружейки харчи. А там видно будет. Себе в дорогу тоже могу взять, что захочу, но без фанатизма - со

здоровенным рюкзаком действительно сейчас в одиночку идти не стоит.

Дальше мы вдумчиво и без суеты ураганим по полкам, сметая характерный еще по бабушкиным временам алярмнабор - соль, спички, консервы и крупы с макаронами, копченую колбасу, сало, подойдя к кассе наваливаем шоколад и зажигалки.

Замечаю, что Серега хорошо знаком с кассиршей - хоть работает руками быстро и четко, но улыбается ей во весь рот и поглядывает на нее. Она отвечает тем же. Явный лямур.

Набрав пару корзинок каждый, подходим к кассирше. Девчонка делает круглые глаза и спрашивает: «Что, война началась?»

Серега чешет в затылке и начинает, запинаясь рассказывать про то, что видел. Со стороны даже для меня это выглядит совершенно поидиотски. Странно слышать своими ушами такие нелепицы. Если б только до этого глаза все это не видели.

Девчонка не верит и, совершенно заслуженно, полагает, что ухажер провинциально шутит. О чем тут же прямо и заявляет «приколисту дурацкому». Красный как рак Серега спихивает проблему разъяснения с себя на меня.

Спасибо за доверие конечно, но вообще лучше б сам разобрался. Девчонка тем временем смотрит на меня. Симпатичная, по глазам видно - заводная. Ну ладно, за время телефонных сегодняшних разговоров я уже откатал «рыбу» выступления и сейчас ее выдаю почти на автомате. Заинтересовавшись, подходит охранник. Он видимо считает себя тертым калачом, да еще перед девчонкойкассиршей и начинает задавать заковыристые вопросы. Нет, голубчик, так дело не пойдет. Дел у меня больше нет, кроме как тебя убеждать.

- Вы прогуляйтесь до поликлиники и гляньте сами. Только поаккуратнее - Серега когда бегал чуть дедушкеинфарктнику в лапки не попал. А потом будете говорить - розыгрыш это или нет. Пассажиры на «Титанике» тоже не думали, что утонут, когда в айсберг тюкнулись. Тож небось не поверили бы, если б им это кто сказал.

- Я не имею права уходить из магазина! - отвечает несколько смутившийся охранник.

- А я вас и не заставляю. Мы вас предупредили. Верить или нет - дело ваше. Как опознать пораженного - мы вам сказали. Что делать - тоже. Так что смотрите сами, не дети.

Серый тем временем смотрит на кассиршу и выдает: «Если что, Светка - звоните. Поможем. Чем получится.»

Девчонка начинает привычно гонять покупки через лазер, выбивает чек, но похоже, что задумалась. Серега спрашивает - можно ли нам оттартать все в корзинках. Ему разрешают. Нелепой рысцой перебегаем дорогу.

Отмечаю, что часть лампочек в магазине выключена. Нас изнутри видно, а вот нам разглядеть что внутри - сложнее, да еще и тамбур мешает. Открывает Андрей. Затаскиваем все внутрь и я вижу, что работа кипит - похоже, что товар готовится к вывозу. Сильно опустели полки, зато посреди зала стоят коробки и сумки.

Тридцати тысяч хватает на три ходки. В последнюю набираю себе с благословения Сереги совсем не то, что положено в таких случаях. Он сильно удивляется, но выслушав довод о том, что сейчас мы еще можем себе позволить поесть сосиски, ветчину, пирожные, фрукты и в конце концов тот же торт из «Метрополя» вряд ли будет доступен в ближайшем будущем - находит в этом резон. Еще по моему совету сгребает несколько упаковок с яйцами - за ночь сварить их не проблема, а вареное яйцо хранится долго и вообще куда лучше, чем сухари. Беру свежайший багет и он повторяет, токо берет сразу несколько. Видно, что ему сложно переключиться на скоропортящиеся харчи, но он старается. Оба сразу вспоминаем, что из хлеба не худо бы и сухарей засушить - армейские на складах - то еще удовольствие. Правда, галеты еще хуже.

В зале тем временем оказывается несколько теток и мужичок - похоже, из персонала.

Светкакассирша строго и одновременно както жалко смотрит Сереге в глаза, спрашивая еще раз - шутит он, орясина дубовая, или нет. Видно, что ей страшно и очень хочется, чтоб этот вологодский дурила расхохотался бы и заявил: «А здорово мы вас купили! Вона какие вы бледные!»

Сергея явно сочувствует девчонке, но ничего утешительного сказать у него не выходит. Вместо этого он находит отличный выход - наезжает на трущегося рядом охранника: «Ты уже мог бы обзвонить и спецтранс и милицию и свой дурацкий ЧОП! Что стоишь болваном деревянным! Не хочешь рисковать шкурой - так хоть подумал бы репой своей! Давно бы уже своих родичей предупредили все. А то стоишь тут, преешь!»

Поворачивается к Светке: «Кончали бы вы работать. Ну а когда будешь уходить - позвони, встречу.»

Неловкое молчание. Платим. Идем на выход. Догоняет тетка в халате - судя по торчащим из кармана грубым желтым резиновым перчаткам - уборщица.

- Сынки это правда, что мертвые оживают и едят живых?

- Правда, мамаша. Оживают. Но только свежие. Вчерашние и сегодняшние. Так что это не Апокалипсис. Это хуже.

Хлопает дверь. Когда идем через дорогу, слышим вдалеке истошный визг. Переглядываемся. Даже не понятно кто визжал - мужчина или женщина.

В оружейном сумок прибавилось. В тамбуре похоже лампочку заменили - с полудохлой 20 свечовой на минимум сотку.

Пока перекладываю отобранные для себя легкопортящиеся продукты для пира во время чумы, Николаич предупреждает - и весьма толково о том, как лучше мне добраться до дома. Уже темнеет, так что его предупреждения к месту.

Договариваемся о времени встречи. Подумав, он говорит, что перед часом «Ч» надо будет связаться дополнительно. Весьма вероятно, что сидеть в магазине они уже не будут. Но полюбому - либо напишут новое место встречи, либо будут встречать, если телефонная связь гавкнется.

Спрашивать особо не о чем - в НьюОрлеане как только вырубилось электричество, открылись все электрозамки и отключилась вся сигнализация - глупые бандиты стали грабить лавки со спиртным, те кто поумнее - ювелирные магазины, а самые умные в первую же ночь обнесли оружейные магазины. И потом с оружием легко отняли у других что хотели...

Конечно оружейный магазин в США - совсем не то, что наши. Тем более, что из нашего Витя упер самые похожие внушительные стволы. Но тем не менее, арматурина или финка не пляшет против не то что СКС, но и даже против двустволки...

На прощание Андрей выдает мне здоровенный фонарьдубинку, добавляет еще налобный светляк и снабжает тесаком. Дурацкий тесак - вроде б штык от винтовки, похож на маузеровский, но надпись дурацкая «COP USA». Вот уж в чем я точно уверен, так это в том, что американские копы такие китайские поделки точно не пользуют. Зато на него есть разрешение, этот тесак почемуто считается «хозяйственным ножом»... Можно носить где угодно... Ничего не понимаю в наших законах... Забираю эту «Копушу».

Прощаюсь со всеми и выкатываюсь на улицу. Подморозило. Это хорошо - холоднокровные будут вялые. Теперь заскочить домой. Надо забрать документы - и свои, и братца, и родительские. Это тоже есть в плане Сан Саныча. После безопасности, еды и воды - ценности и документы.

По дороге заскакиваю в сберкассу - они уже собираются закрываться, но банкомат работает, и я снимаю все деньги с карты. Негусто.

На улицах в общем спокойно. Вроде пару раз слышал крики, но черт его знает с чего это орут. До дома добрался без приключений, но головой крутил на 360... Похоже, это уже привычка.

Квартира у нас с входом по черной лестнице. Практически никто, кроме нашей семьи, по этой лестнице не ходит. По нынешним временам это даже и удобно. Опять же от бомжей недавно установили железную дверь, а то они на чердаке жили - с костерками и диванами. Уютненько так...

Перед тем, как открывать, смотрю - есть свет на лестнице? Есть, значит фонари не понадобятся. Открыл, вот и квартира на втором этаже. Уф, можно в себя придти.

Черт, хорошо как домато. И тут острая тоска накрывает совершенно внезапно - вот я ляпнул сегодня про «Титаник» - так и квартира наша как «Титаник» - уютная, привычная, комфортная, каждая вещь лично знакома и симпатична. С каждым пустячком связаны воспоминания. И все это придется бросить и скорее всего уже сюда вернуться будет не суждено. Скоро здесь от зомбаков будет не протолкнуться. И уйду отсюда я скорее всего навсегда. Особых надежд на то, что правительство справится с ситуацией, у меня нет. Пока раскочаются - пройдет дватри дня. А это критично. За день двести покойников. Двести очагов инфекции. Один очаг у нас в поликлинике дал не меньше двадцати зомби. Ктото из обратившихся добрался до детсада. Только тех, кого видел я сам, там еще было не меньше двух десятков.

Уже сорок зомби. Потом должны были прибыть родители детсадовских. Детеныши пожалуй вряд ли могли б нанести серьезные раны родителям. Значит, укушенные разбегутся, точнее - разъедутся. Часть в поликлиники и больницы. Часть по домам.

Итого - один укушенный выдал с ходу не менее полусотни зомби. Даже если остальные не так результативны, пусть впятеро меньше - и то за день из 200 очагов стало 2000. А к утру их будет еще больше.

Раз ничего не предприняли сразу, то уж и не успеют - а как предпримешь? Стрелять без суда по живым людям? Ну да, не живым - но они же ходят - значит и не мертвые. Да к слову и по мертвым тоже нельзя стрелять - сейчас ушлых адвокатов полно. Да мемориальцы и прочие правозащитники с говном съедят, а чиновники этого не хотят. Будут прикрывать себе задницы, пока в эти задницы не вцепятся зомбаки... Раз не предприняли ничего сразу - значит все будет куда как хуже. Ушло время.

А примука я душ! Когда еще получится... И чайник поставлю. И позвоню братцу.

- Дарова! Рад, что ты живой! Пока не забыл - у меня на мобиле 17 рублей осталось - если сможешь - накинь на счет, скоко не жалко.

- Свинина ты, братец! А чего сам не смог?

- Дык и денег у меня с собой не оказалось, да и уйти я сейчас не могу. Мы тут облажались немного. Гутковский таки отчудил. Открыл дверь и приказал кадаврам лечь на пол и не валять дурака. А дальше прозектор прыгнул - и так скажу - душевно прыгнул, что Гутковскому полморды снес. Этот козел даже пистолет не вынул. Ну а следом и остальные поперли. И тоже шустренько так. Короче говоря, я сейчас сам в морге - вместе с Мишкой Тихоновым. Мы тут заперлись. А кадавры - в Петергофе гуляют. Такие пироги.

- Это ж как у вас так вышло?

- Да просто - мужики стали по прозектору лупить из всех стволов, аж клочья полетели. Я им говорил, что в голову лупить надо, но знаешь - тут было отчего растеряться. Не попали ему в голову. Он естественно на них кинулся - прозектор у меня и при жизни подраться не дурак был. Они от него, он за ними. Бомжики тоже вылезли и тоже очень шустренько, знаешь ли - эти за Гутковским увязались - он на чевереньках ухитрился еще метров сто пробежать, пока они его догнали - ну а мы с Мишкой от страха бежать не догадались - и оказались с другого края этого веселья. Как я заскочил в морг - сам не знаю, ну а он за мной. Правда, со всем этим весельем у него всего два патрона осталось. В общем, почти комфортно. Но что делать - неясно. Я тут звонил кому мог - деньги и кончились. Обещали помочь, но ближе к утру разве что смогут. По городуту чертовщина творится.

- У вас там безопасно? Жратва, вода есть?

- Ну если б не соседушки пахучие, то лучшего и желать нечего - зданье старое, кирпичное. На окнах решетки - трактором не выдернешь. Двери тоже старые, так что не взломаешь запросто. Из жратвы три бутерброда моего прозектора. С сыром. Ну и кран с неисчерпаемой водой. Телефон вот сдох. Так как Тихонов на бутеры не претендует, деликатный видишь ли сотрудник милиции - то по моим меркам дня на два хватит.

- А у этого Мишки телефон то есть?

- Есть, но тоже счет обнулен. Нас вообще пообещали выручить, но пока, знаешь, никто не добрался.

За это время добираться до компа. Процент за перевод вебмани на братцев счет просто грабительский, но зато быстро, да и нет у меня наличных лишних.

- Я тебе денег закинул - так что скоро получишь. А вообще - тут я с охотниками из оружейного магазина связался - ты у Михаила этого узнай, может кто там охотник есть? На ментов я бы не рассчитывал - они вместе с медиками уже сейчас понесли такие потери, да и работы у них до дури. Охотники нужны - и есть надежда на то, что ночью холоднее - эта шантрапа дохлая не так подвижна будет.

- Ага, понял. Я думаю, что пока тут отсидимся. А из охотни...

Кончились 17 рублей похоже. Теперь в теплый сортир, душ и наконецто - пожрать, а то ведь весь день возможностей не было. Эти радости жизни незаметны, когда пользуешься ими ежедневно. Но у меня были возможности, чтобы сейчас ценить и теплый сортир и теплый душ с электрическим освещением. Достаточно недельку посидеть в полевых условиях с оттенком свинства - и быстро поймешь радость от цивилизации. Ну а уж вкусная еда... Это ж самое интимное общение со своим дорогим организмом. Просто праздник какойто!

А вот понимаю наконец - почему это бомжи только в морге обернулись. Видно подзамерзли они в своем дачном домике, потому и довезли их спокойно и сгрузили. Как мороженое мясо. Как лягушек в зимнем анабиозе. В морге они и отогрелись. И обернулись - на радость санитару. Братец рассказывал, что прозектором он своего санитаря называет - тот не любит, чтоб его звали санитаром. Не любил, то есть. И получается, что прохладная погода - очень большое благо пока...

В жарко натопленной поликлинике мертвецы обращались быстро - а бомжи - умерли не то от переохлаждения - были заморозки, а пьяные часто от замерзаниядохнут, причем необязательно температура должна быть очень низкой - от переохлаждения и при плюсовой загибаются - у пьяных терморегуляция никакая - не то еще и от отравления угарным газом. То, что они отравились - както повлияло? Или поровну зомби, что за нарушения биохимии у него были при жизни?

Смерть от отравления вызывает метаболические изменения в организме. Нарушается биохимия. Замерзшие бомжики, найденные то ли их приятелем, то ли сторожем, то ли дачником - а в Петергофе дачи - это будочки скорее и жителям до них не 100 км. ехать, вполне мог кто зайти после работы - отогрелись токо уже в морге. Благо там ехать - опять не 100 км. Надо насчет биохимии проверить. И то, что мерзлые не оборачиваются, или в анабиозе находятся - тоже запомнить.

Включенный дуроскоп на редкость малоинформативен. Оказывается престарелая Лолита наконец собралась стать лесбиянкой. Ценная информация. Малахов радуется постановочными истериками. Но вроде бы об этой именно передаче толковали наши санитарки - получается повтор гонят. Так, что в компе? В компе интереснее. В Москве похоже Жопень началась на несколько дней раньше. В Германии та же херь, как у нас в Питере. Хотя судя по ютубу часть роликов чисто постановочная. Черт, заляпал клавиатуру - не дело лопать и смотреть инфу на мониторе. А заляпал потому как из Дюссельдорфа ролик просто напугал - похоже, что такие же шустрики, как изменившийся прозектор - у них там уже есть. Ктото отснял нападение такого - они его называли метаморфом - на прохожих внизу, прячась этаже этак на третьем. Похоже, что такие шустрики опаснее десятка обычных зомби. А в Петергофе героический начальник выпустил на волю пятерых таких зверушек...

Похоже, что шустрыми они становятся, нажравшись свеженины. Ведь началито не с полежавших с осени, а именно со свежего мяса. И изменились при этом - челюсти себе отравили. Зубы.

Так, перекусили, надо передохнуть и прикинуть - что брать. Ложка, кружка, термос. Мамины сережжиколечки. Документы, что слава богу, сложены мамой в одном месте.

Карты города. Автомобильный атлас. Складной ножик, чтоб со штопором и шилом. Овечью шкуру и кожаное покрывало, да еще маленькую подушку - спатьто придется, скорее всего не на постели. Клеенку. Теперь прямо стопкой - белье с носками. Трусов с футболками пары четыре получилось, самое то. Так, мыло, полотенца, щетка зубная, бритва. Помазок.

Шампуни и кремы... Не, не понадобятся. А вот ящик с медикаментами и бинтами - в мешок. Старый туристический примус бензиновый - в кучу, понадобится. О, люменевую кастрюлю побольше. Надо бы и чайник, но это не критично. Вот вспомнил - сахар, чай. Кофе забрать. Оставлю чуток - на разок посидеть - мало ли еще вернемся. А не вернемся - вроде как уходить легче.

Теперь вытащить с полки «Справочник практического врача» и для души чего - ну вот «Уленшпигеля» например...

Чтото еще забыл... Ага, кроме этих шмоток надо б что и полегче. Вроде спортивного костюма. И сандалии - если будем в помещении - то в ботинках запаришься все время ходить. Кроссовки еще стоит взять...

Вроде все. Посидеть теперь перед дорогой, подумать. Что забыл? А флягу с водой забыл! Немудрено - не в Сахаре живем, вода в нашей области куда как часто встречается. Но еще Сан Саныч толковал, что во время бедствий водыто может и много, а вот чистой воды - мало. И приводил в пример наши наводнения, когда в разлившейся невской водичке плавает такое всякое - от покойников и дерьма до всякой химии и нефтепродуктов... Пить ее - все равно, что лизать тротуар... Получить дизентерию посреди всего этого - мало радости. Звоню родителям и тут уж выкладываю все как есть. Успокаиваю за нас с братцем и очень настоятельно прошу принять все меры. ВСЕ МЕРЫ!

Ну, вот вроде и все. Закрыть все краны, выключить электричество, перекрыть газ. Посидеть молча, выслушать советы духа дома и пора двигать. На внутренней двери пишу кусочком мелка: «Опасно! Зомби!» и окончательно прикрываю входную дверь.

На улице сеет мелким снежком. Это хорошо. Похолодание сейчас как раз кстати.

Останавливаю машину. Мрачный водила заряжает аж 400 рублей... Соглашаюсь, заметив, что знаю важную информацию. Его похоже ничего не волнует кроме денег и он заявляет, что свои басни могу оставить при себе. Ну, как скажешь. Впрочем, далеко уехать не получается - рыдван бомбилы глохнет. Подождав пяток минут пока он рылся под капотом, вылезая и говорю, что не могу ждать. Накурено у него в тачке зверски. Сказать ему нечего и он ругается так, безадресно, в воздух.

Вторая машина останавливается почти сразу. В салоне пахнет чемто сладковатым и водитель весь из себя лучится благодатью. Но заряжает те же 400... Оказывается, что ему самому нужно ехать в Купчино и похоже мое предложение его заинтересовало - видно, что он любопытен и характер у него живой.

Выкладываю ему стандартное свое уже обкатанное за день сообщение. Хмыкает, потом заявляет: «А с виду трезвый!». Улыбаюсь ему в ответ и спрашиваю, есть ли у него знакомые медики и милиционеры.

Таковые наличествуют. Любезно предлагаю отзвониться им. Еще раз хмыкает, выбирает освещенное и людное место, ловко втирает машину между двумя стоящими у обочины. Начинает звонить. Три первых абонента не отвечают, четвертый говорит возбужденно и громко, но я ничерта не понимаю. Видно, что водитель сильно встревожился, а после еще пары звонков он уже взвинчен. Смотрит на меня уже невесело. На последнем звонке все же успокаивается, видно звонил домой и там все в порядке.

- Бу каза!

- Что?

- Извини! Плохо все. Не наврал ты, а лучше б наврал... Впору тебе деньги давать!

- А я помню у вас принято вестникам с плохими вестями свинец плавленный в глотку лить!

- Это не у нас, у узбеков. У нас за хорошую разведку наоборот награждали. Говори, что еще знаешь.

- Давай поедem, а?

- Да, конечно...

Ехали в общем недолго, основное я успел выложить. Слушал меня водила внимательно и старательно. Как прилежный ученикотличник.

- Вот этот дом твой. Это моя визитка. Рахмат тебе! Удачи!
- И тебе тоже. Осторожней будь!
- Это буду!

Перед металлической дверью парадной некоторое время копошусь, стараясь поудобнее расположить хоть и легкий, но неудобный рюкзак и главное приспособить к быстрому пользованию «Смерть председателя». Набираю номер квартиры в домофоне.

- Кто? - басок, но не мужчины еще, а парня.

Называю себя, отрекомендовываюсь. Щелкает замок. Распахиваю дверь пошире и старательно осматриваю площадку и лестницу. Вроде никого. Аккуратно вхожу и практически в открытую держа ружье, начинаю подниматься. Лифтом пользоваться страшновато - еще застрянешь чего доброго, выбирайся потом. На лестнице другая проблема - есть непросматриваемые куски. Вот и думай.

Но на лестнице никого нет - ни живых, ни мертвых. Дверь в квартире открывается сразу - явно наблюдали за моим подходом в глазок.

Вхожу в светлую прихожую. Рослый парень - очень похожий физиономией на Сан Саныча оказывается сыном, Сан Санычем младшим. Оригинальный и разнообразный в семье выбор имен, ничего не скажешь. Жена тут же - невысокая, спортивного покроя женщина. И мать и сын мрачные и радости особой не выказывают - ну да и понятно, чему тут радоваться.

Получаю тапки, сваливаю с себя груз и охотничьи доспехи. Жена Сан Саныча - Дарья Ивановна - приглашает поужинать. Им самим неохота, а вот меня покормить стоит.

Покормить - это замечательно. Это я всегда с удовольствием. Тем более, что оказывается и очень вкусно. Пока я жру в три горла, хозяева сидят за чашками с чаем и слушают, что я им рассказываю. Тактично сообщая, что Сан Саныч был жив к моему уходу, и мы с ним встретимся завтра. Вспоминаю, что на столике у начмеда были пустые упаковки лекарств - до меня доходит, что Сан Саныч под руководством Валентины съел все, что могло бы помочь от бактерий и вирусов. Упоминаю и это.

Младший Сан Саныч (договорились, что я буду называть его Саша, фамильярное Саня было отвергнуто с места и категорично) аж подпрыгивает, когда я рассказываю о покупке «Хауды».

Он потрясен тем, что я выкинул кучу денег на такое барахло. Это же не оружие, тем более и против зомби оно бесполезно. В глубине души я с ним вообще согласен, но что сделано, то сделано. В конце концов купив эту штуковину я расположил к себе торговцев, также возможно, что она и пригодится - скажем как оружие последнего шанса. Может быть из нее можно будет стрелять и дробью.

Похоже, я не преуспел. Саша смотрит на меня с сочувствием. Как смотрят на дурака, облапошенного кидалами - наперсточниками. Сам он все время держит под рукой здоровенную одностволку, вызывающую у меня стойкую ассоциацию с прикладом, прилепленным к куску водопроводной трубы. Оказывается, это чудо отечественного гения называется ИЖ - 18 и является забавной штуковиной - это магнум и при стрельбе можно использовать особо мощные патроны. Лупит на 60 метров, что для ружья очень порядочная дистанция. Особо отмечает, что конструкция простая, может вытерпеть многое и ее в семье называют «Гаубица».

Вспоминаю, что вообще у меня тоже не одна «Хауда». Показываю обрез. Учитывая многозначительность Николаича в магазине, разряжаю рыжежелтую прибуду и проверяю - работает ли она при неразомкнутом прикладе. Оказывается отлично работает! Ишь, хитрый Николаич. Получается, что у меня этакое куцее ружье и одновременно длинный пистолет. Правда при пистолетной стрельбе отдачка будет сокрушительная, но раз я в детстве вынес стрельбу из Конатовского обреза трехлинейки, то уж во взрослом состоянии с гладкостволем справлюсь. Теперь надо бы немного подшлифовать детальки ружья - чтоб затвор не ходил со скрежетом.

Саша притаскивает ящик с напильниками, надфилями и шкуркой. Посматривая в руководство - разбираем оружие, потом начинаем прикидывать, что трется и где.

Всетаки это позорище, что охотничье оружие выпускается таким грубо сляпанным.

Единственно, что утешает - Саша, взяв посмотреть «Копушу» порезал палец о металлическую деталь рукоятки. То, что китайцы делают оружие еще хуже - несколько нас радует. Теперь я шкурю свою «Приблуду», ибо так я нарек богом данное мне оружие, а Саша, шипя и ругаясь, проходится надфилем по тем частям «Копуши», которые не являются лезвием.

После долгих усилий добиваюсь того, что затвор ходит хоть и не так, как в той же трехе, но и не как трамвай поперек рельсов. Добавить смазки - и еще лучше будет.

- Мальчики, а вам в магазин не стоит сходить? Пока еще нет ажиотации, потом ведь может и не получится. А так все с продуктами будем, да? - Это Дарья Ивановна.

- Да сейчас уже, вот уже почти готово! - Саша начинает распахивать инструменты. - Но я думаю, лучше б ехать. И спокойнее и больше увезем.

Тут не поспоришь.

Прособирались все же долго. Пожалуй, десять минут ушло на обсуждение того, стоит ли Саше взять с собой «Хауду» или нет. К этой недопушке он испытывает самую настоящую неприязнь, с другой стороны ехать безоружным - или ходить по залу с топором - както неловко. Наконец его мать веско говорит: «Сейчас возьми, что есть, а дальше видно будет, да?» Побурчав, Саша смиряется и забирает себе обрез. На лестнице пытаемся отработать тактически правильный спуск, но вообщето выходит плоховато. То я забывшись лезу ему под стволы, то он забывает, что и свержуха на нас могут уже напасть. И это не обязательно будет тупой малоподвижный мертвяк, может уже оказаться и живчик.

В «Окей» уже не успеваем, поедem в «Ленту» - она круглосуточная. Машинка видно, что ухоженная - непритязательный «Логан», аналог современный той шестерки, что у моих на даче. Водит Саша аккуратно, но видно, что опыта небогато. Машин неожиданно на стоянке густо. И народу много. С трудом находим место. Каталку успеваем перехватить от соседнего авто. Пока едем, оказывается, что тележка колченогая, не столько едет, сколько волочится.

Народу много, а вот товаров уже и не густо. Местами стеллажи внизу пустые. Но мы не привередливы и скоро тележка набивается до верха. Заодно и хлеба набрали кучу.

Если его и не перестанут печь, то вполне вероятно, что нам будет до хлеба не добраться - потому разговор о сухариках самодельных приводит к консенсусу. Водки уже нет. Но мы не гордые - берем картонные упаковки с сухим вином - кто не знает - добавить в воду полезно - и жажду утоляет лучше и обеззараживает если что.

Спокойная обстановка в магазине плохо на нас действует. Ну с Саши какой спрос - а я вот пожалуй дал маху. Когда уже расплатились, мне в голову пришло еще набрать пакет шоколада - благо эти батончики и плитки прямо у кассы в лотке - и Саша покати́л телегу один. Очередь хоть и нервозная, но к тому, что я шоколад прикупил отнеслась не то что внимательно - а пожалуй что взяла как пример. Несколько человек тут же снялись с места и целеустремленно зарысили - уверен, что вспомнили о том, что шоколад долго не пролежит в магазине в такое время, сейчас он уже не лакомство, а очень ценная еда, занимающая мало места, но сытная. Дали расплатиться мне без проблем. А вот уже на стоянке я увидел, что поступил глупо - около нашей машины была какаято не то что толпа, а вот группа людей - так человек пять - шесть. И Саша стоит прижавшись к машине и как бы отгородившись тележкой.

Подбегаю сбоку. «Приблуду» уже вытянул. До компаши метров шесть - теперь вижу, что это низкорослые азиаты - похоже, гастарбайтеры с ближайших строек. Саша злобно щерится, самое смешное, что держит в руке ту самую «Хауду».

- И что тут у вас - спрашиваю. Получаю смесь на разных языках в том плане, что жрать нечего и надо бы делиться. При этом мне кажется, что настроение у компаши изменилось - я им сбоку не очень нравлюсь - и то, если начать палить, то у них ситуация хреновая - когонито задену, а так как сбоку - то двухтрех одним махом задену. Джамшуты не готовы напасть, хотя если у того, что ближе ко мне, не дубинка в руках - то я совсем без глаз.

- Ладно - на эту машину положу еду. А вы отходите подальше. К магазину. Уедем - заберете еду. Не отойдете - будем стрелять!

Джамшуты, покурлыкав между собой, делают попытку приблизиться ко мне, но я это пресекаю злым рывканьем. Понятно, им хотелось бы разжиться двумя обрезам, но боязно. Тут самое главное - не дать даже подумать о том, что ты их боишься - южане это чувствуют инстинктивно и пощады не будет. Но вот если удастся выдержать психологическую дуэль - отступят. И гастарбайтеры отходят поодаль. Чтоб поощрить разумный ход - выкладываю на капот стоящей рядом «Тоеты» несколько батончиков и зачемто взятый Сашей пакет с сосисками «Говяжьими». Стоят эти сосиски аж 96 рублей за кило, так что мясо там явно не ночевало и Аллах не накажет за свиноедство. А брюхо набить - вполне пойдет. Далее стремительно, как в соревновании «Сколько калифорнийских студенток может залезть в телефонную будку» забиваем багажник покупками, не забывая поглядывать на гастеров, да и вокруг.

- Фукс, набивайте грот! - неожиданно выдает Саша. А, ну да, похождения капитана Врунгеля. Потом он плюхается за руль и аккуратно выезжает со стоянки, а я как президентский телохранитель трусцой трушу (или труссю?) рядом - случись что нештатное - среагировать мне будет проще.

На выезде «Логан» притормаживает, влетаю в салон и мы тут же дергано рвемся по улице. Вот салон у «Логана» высокий - прыгал бы так куда в другую машину - долбанулся бы башкой, бывало такое.

Водитель перегазовывает и сучит ручкой переключения скоростей - видно, что перевозвоновался.

- То ли они не собирались нападать, то ли неопытные еще. Могли бы не кучей подходить, а один ктонибудь дал бы мне сзади по затылку - и всех дел. Я бы и не заметил. А то стали танцы с перестроениями устраивать и дубинки с арматурой показывать. У одного кстати и молоток был.

- Ну и хорошо, что неопытные - дешево отделались. Сами мы хороши гуси - нельзя ходить поодиночке, это не американский триллер, где обязательно всем «разделиться». Токо парой!

- «Это да!» - отдувается Саша и начинает хихикать - «А этой дуры они сразу испугались. Видно не знают, что это белиберда. Белиберданка! Так бы взялись за меня быстрее.»

Меня тоже пробирает истерический смешок - хорош бы я был, привезя матери сына с пробитой башкой. И привезя ли еще - мог бы и сам огрести. Даже если б завалил одного или двух - остальные могли бы и не дать мне передернуть затвор... Да и полюбасу там три патрона. Всего.

Подъезжаем к дому. Машину ставим ближе - чтоб в случае чего с лоджии можно было бы ее видеть и обстрелять, если кто нехороший будет отираться рядом. Уже собираемся класть продукты по сумкам, когда в голову приходит, что без разведки соваться в подъезд не стоит. Мы болтались больше часа, мало ли что. А так, словно два навьюченных ишака мы будем просто вкусной и легкой добычей. Даже точнее питательной и легкоусвояемой пищей. Этот вариант категорически не нравится.

Решаем сходить налегке. Теперь Саша уже держит «Хауду» без брезгливости. На подходах к подъезду настораживаемся - слышен истошный собачий лай - как минимум двух собак - одна явно какаято мелкомелкая собачонка, вторая по голосу - лайка с хорошо поставленным гавканьем.

Саша наострил уши:

- Это пуделятина с первого этажа и брехолайка с второго. Но они так дружно никогда не брехали.

- Значит чтото не так!

- Мудрое замечание!

Переглядываемся. Значит надо дверь открывать так, чтобы чтото оттуда не выскочило сразу. Саша примеряется, чтоб при открывании дверь не распахнулась больше, чем на 10-15

сантиметров. Я встаю, чтоб видеть, кто полезет в щель и при этом чтоб не вцепить дробью в ногу партнеру. Дверь железная, кругом железо и бетон, не хотелось бы и самому на рикошетах попасть под раздачу.

Рукоятка затвора вверх - вниз, клацклац, теперь на боевом взводе.

- Открывай помалу!

Домофон курлыкает простенькую мелодию, Саша начинает тянуть на себя дверь, стопоря ее ботинком.

Бамм! - что то с грохотом долбает в дверь с той стороны, так что даже ботинок не удерживает и отъезжает на несколько сантиметров. В просвет высовывается какаято дрянь, похожая на валенок, очень грязный валенок.

Напарник ответно наваливается со своей стороны на дверь, стараясь этот валенок прищемить, но дрянь лезет как паста из тюбика, медленно, неотвратно, причем это сопровождается странными звуками - какимто сипением и царапаньем.

Отпрыгнув рефлекторно, замечаю, что валенок - с глазами и зубами. Собака!

Ах ты ж сука чертова. Еще раз прикинув, что ни по кому, кроме животины не попаду крепче хватаю «Приблуду» и давлю на курок.

Дадан получился добротным. Уши заложило. Обрез рванулся из рук и ослепил снопом огня. А собака перестала вылезать.

Стоящая у подъезда машина радостно верещит разными механическими голосами, через одну откликается другая. Сейчас вообще народ должен начать высовываться в окна.

Осторожно смотрю на псину. Похоже, что сработало как надо - аккуратно в башке дыра, если после такого попадания у собаки - зомбаки мозг остался не разрушенным - то ни черта я в анатомии не понимаю. Ну так дистанция меньше метра. Пытаюсь рассмотреть, что там в подъезде за собакой. Там пусто и светло.

Саша осторожно отпускает дверь. Зомбака съезжает вниз и лежит, как и положено дохлому животному. Это видно вообще - живые так не могут лежать, как трупы. Трупы както поособенному обмякают, их словно приплюскивает к земле.

- Ну что, пошли дальше?

- Погоди, перезаряжу. Аккуратно выдергиваю гильзу - пригодится переснарядить, загоняю патрон в ствол. Потом меняю магазин - три лучше чем два, как ни крути.

Приоткрываем дверь. Вроде пусто. Машины верещать перестали, да и собаки чтото угомонились. Пуделишко еще вякает, но без прежнего усердия, а лайка так и вообще заткнулась.

Заглядываю дальше. Вроде все спокойно. Хотя покойники как раз стоят спокойно, если вспомнить неподвижного дедушку у садика.

- Мне всегда не нравилась эта гнусная Альма, и хозяйка ее, сука пьяная - тоже не нравилась. - говорит Саша сзади. - Надо бы псину отсюда убрать, иначе дверь не закроем.

- А как? Руки и ботинки марать не охота.

- Сейчас ветку сломаю потолще - оттартаем.

- Стой, только вместе!

Аккуратно выбираемся из подъезда. Вокруг много кустов, но жидких. А псина - здоровая дворняга, покрытая грязной свалявшейся шерстью похожей на войлок, явно тяжелая - большая и толстая. Этакий цилиндр волосатый на ножках. Наконец попадаетса чтото подходящее. Оглянувшись, чтоб никто не помешал, Сан Саныч младший начинает выламывать подходящий сучок. Треску от его деятельности - как от танка в лесу. Наконец подходящий сук в руках. Со стороны смотреть на него смешно. Просто иллюстрация к тому, как и что сделало из обезьяны человека. С трудом, подцепив псину палкой за ошейник, Саша оттаскивает тушу в сторону от двери. Все это время для меня самое сложное не любоваться, как работают другие - а наблюдать за обстановкой. Взгляд все время возвращается к пыхтящему напарнику, а это нехорошо. Очень нехорошо. Не догляжу - обоим хана.

- А ктото Альму хорошо драл - бочина в крови, лапа перебита. - отмечает Саша, разглядывая тушу. - Так что тут возможно еще собачки такие же ходят!

Это прекрасно. От собачки драпать сложнее, чем от детишек. И зубки даже у этой дурацкой Альмы - куда как приспособленнее кусаться, чем человеческие. Меня дважды собаки кусали - и впечатление самое гадкое. Локоть после такого укуса месяц сгибался с трудом - а овчарка только прихватила, не было у нее тогда желания откусить кусок меня. Теперь же - такое желание у дохлых псов будет. А еще и крысок не забываем...

Теперь, когда железная дверь за нами закрылась - както даже и веселее - приятно, что за спиной никто не появится. Правда из подвала или мусоропровода крысаки могут выбраться, но тут уж смотреть надо внятно. Начинаем не торопясь подниматься. На первой площадке Саша начинает ломиться в обшарпанную дверь - лупит в нее ногой и кулаками. Видимо у него есть резоны. Поглядывая по сторонам вижу, что кровавая мазня как раз у двери и на двери - тут видно псина и обратилась. А Саше не терпится поговорить с хозяйкой. Немного недоумеваю, почему он не звонит, пока не убеждаюсь в том, что звонок у двери отсутствует как класс. Впрочем, никто ему не открывает, а наоборот распахивается дверь квартиры наискосок. Видна женщина в халате, за ее спиной долговязый парень и - мелкий пуделишко, который тут же начинает уже знакомо лаять. В другое время я бы сказал, что животное паскудная и пнул бы ее с чувством выполненного долга - а сейчас наоборот испытываю умиление и желание собачонку наградить, выручила она нас серьезно.

- А, это вы тут шумите, - облегченно говорит женщина. Видно, что она узнала Сашу и успокоилась. А вообще молодец, конечно - выперлась на площадку - кушайте меня мухи с комарами. Вот она - Я! И дверь нараспашку.

Напарник здороваётся. От души благодарит за собачку-сторожа. Женщина в халате весь день не выходила из дома, сын, судя по всему, рублился в «Линейку» - благо у него выходные - потому наши новости для них неожиданны... не знаю, поверили ли они в это, но соглашаются отзвониться Саше, если их собакса опять закатит истерику. Она оказывается лаяла так час - и никакие привычные меры на нее не влияли. Теперьто ясно, что собачонки на мертвячину реагируют истерикой. Это замечательно. Вопрос в том - вообще на обернувшихся, или токо на собак. Надо бы проверить. Прощаемся, идем на второй этаж - те же разговоры с владелицей лайки. Она правда так дверь не распахивает, осторожничают. Потом зовет мужа и дверь раскрывается на длину цепочки.

Смекаю что Саша пытается организовать примитивную сторожевую службу. А что - разумно. Почемуто он звонит не во все квартиры. Открывают в шести - на пять этажей. Вроде как верят, что в городе неладно. Но вот насколько верят и как себя поведут - один бог ведаёт.

Наконец - дома, разведка заняла добрый час времени - и Дарья Ивановна уже звонила сыну. Успокоил он ее или нет - не берусь судить, но перезванивать не стала. А я, пока Саша общался с соседями, звякнул в оружейный магазин - Николаичу. Подошел правда Андрей, выслушал про собак, выразил благодарность (какойто он немного чопорный и ходульный) и сообщил, что они нашли хорошую базу, где можно неплохо устроиться. Где это - он пока говорить не станет, утром сам увижу. В магазине они оставаться не будут, была еще одна попытка нападения неизвестных лиц, которую удалось отразить, но все равно место неудачное, они уже в этом убедились. Так что утром мне лучше прибыть на встречу со всем своим добром.

Спрашиваю, как быть - у меня двое спутников. Обещает уточнить у Николаича, когда тот вернется, но полагает, что скорее всего ответ будет положительный. По дороге неплохо бы еще разжиться едой - сколько сможем. Отвечаю - принято, даю отбой.

Рассказываем о том, что с нами происходило. В ходе рассказа правда гастеры становятся бЭднИми христианами, которые попросили покушать, да и Альма предстает не такой жуткой скотиной. Вообщето говоря, мы сами устали как собаки.

Дарья замечает, что нам неплохо бы поспать. Она все равно не заснет и потому нам стоит сходить и принести часть хлеба из багажника - она сумеет до утра насушить сухариков. И нам полезно и ей отвлечься стоит. В этом есть смысл - тем более, что на лестнице вряд ли кто новый появился. Вздыхнув - отправляемся уже знакомой дорогой. На

этот раз я уже не так часто лезу спиной на Сашины стволы, а он не забывает контролировать заднюю полусферу. Немножко гордимся этим, хотя я прекрасно понимаю, что наши экзерциции насмешили бы любого бойца штурмовой команды до слез.

- Надо бы нам еще походить вместе, а то тут «френдлифайер» не отключишь. - замечает сзади Саша. Что верно, то верно. И не респаниться если что... И к слову вес ограничен, боеприпасы весят не подетски, не сейфануться, не говоря уже о том, что получив по башке палкой или пулей в ляжку не отделаешься моментально съеденной аптечкой, а будешь ковылять и лечиться, лечиться и лечиться... Мда, компьютерные игры куда как спокойнее...

Когда продвигаемся от подъезда к машине, кто-то окликает сверху. Это Дарья Ивановна с «Гаубицей» решила нас подстраховать с лоджии. Ну что ж - это еще лучше. Забираем хлеб из багажника, обе упаковки яиц и без проблем, но подстраховываясь, возвращаемся. То ли мне кажется, то ли уже спаркой идем неплохо.

А вот гордыне предаваться не надо - как это у меня всегда выходит - только начнешь красоваться, так обязательно опозоришься - и тут нога у меня, такого героического и braveго неудачно встает на ступеньку, соскальзывает и я чуть не втыкаюсь носом и обрезом в бетон площадки, судорожно оттрепыхавшись руками и ногами. Хлеб веером вылетает из пакета по лестнице. Ай, молодец! Еще хорошо, что палец держал не на спусковом крючке, а то еще бы помпезнее вышло.

И ведь знаю за собой это - как токо начинаю бельмондовствовать - так черте что входит. И давно уже - начиная с шестого класса, когда захотел покрасоваться в автобусе перед тремя симпатичными девчонками и потому на своей остановке не вылез, а выпрыгнул, как молодой гепард. Ну и воткнулся гепард темечком в притолоку двери, а дальше уже вылетел ногами вперед. Устоять, правда устоял ценой нелепых телодвижений, только там лужища была по щиколотку. Вот я в нее и шлепнулся. С брызгами. Прежде чем двери зарылись я еще и обернуться успел. Девчонок этих аж скрючило от смеха. Так и уехали. Именно тогда я и понял что такое - героичная кинематографичность в реальности. В жизни то дублей не бывает, потому не выеживайся, дорогой друг.

С присловьем: «Пока не набежали...» Саша шустро начинает собирать буханки.

Не совсем понимая, уточняю: - Кто? Соседи?

- Не, микробы! Если упавшую еду быстро поднять с пола, то микробы набежать не успевают!

Понятно, шутка такая...

Дарья Ивановна тут же начинает бурную деятельность - варит яйца в луковой шелухе, достав угрожающих размеров кастрюли, рубит хлеб на аккуратные ломтики и вроде как успевает все одновременно. Ловко это у нее выходит. Глядя на женскую работу, вспоминаю, что перед сном желательно разобраться с мужской. Выгребаю в комнате все свои боезапасы, включая и те, что к «Хауде».

- У тебя сколько патронов к «Гаубице»? - спрашиваю у Сан Саныча - младшего.

- Пять. Крупная дробь. 12 калибр. Магнум.

- А у меня к «Приблуде» - 22 россыпью, да в магазинах 5, да один стреляный. А 12 калибра - гильз дюжина. Знаешь, мы вообще могли бы сейчас тебе боезапас пополнить. Токо вот дробь нет, а эта - как маковые зерна. Я ее думал на крыс из «хауды», но пока не до того.

- Дробь мы сейчас сделаем - отзывается Саша вставляя в неполный магазин тускложелтый латунный патрон.

- Это как - лить расплавленный свинец с лоджии? - вроде как таким макарон как я слышал дробь и делают - и пока капелька летит с высоты специальной дроболитейной башни, то остывает - получается круглый шарик. Токо вот не знаю, как они разные размеры дробь делают.

- Не, это хлопотно - проще лить свинец в холодную воду. Ну не вполне ровно выходит, капля такая получается, но нам тут не по тарелкам стрелять придется, а с малых дистанций, так что сгодится. Свинец у нас есть - папантий мне раньше оловянных солдатиков делал, так

что есть запас.

- А пулелейки у вас нет?

- Зачем? Не на лося же ружье покупалось, для самообороны. А для самообороны хоть ты оловянный припой кусками наруби - еще и лучше будет. Жужжать, например, грозно. Да и порвет нехудо, если попадешь. Разумеется, все это профанация - тут любой охотник в лицо рассмеется, потому как неграмотно это, средневеково, ну да мы люди простые, нам сгодится.

Попросив Дарью Ивановну покинуть пока кухню, разворачиваем производство. Саша притаскивает старый фанерный посылочный ящик - там свалено в кучу самое разнообразное добро - обожженная жестяная банка с прикипевшими кусочками серого шлака, куски свинцовой оплетки кабеля, прутья оловянного припоя для паяния, какието тусклосерые слитки, и в коробочке чтото странное - приглядевшись понимаю, что это бракованные солдатики - безголовые рыцари в латах, одноногие французские гренадеры и безрукие английские стрелки... Прямо Андерсен, бумажной балерины не хватает.

Саша ставит банку на огонь, кидает туда по какимто своим соображениям различные куски и кусищи. Открываю форточку - не стоит нам свинцом дышать. Жарища! В двух кастрюлях кипят яйца, в духовке сухари пекутся. А тут еще и Саша свинец варит. По его распоряжению наливаю в кастрюльку воду. Тонкой струйкой Саша начинает лить свинец - металл, попадая в воду, шипит, както странно курлюкает, а на дно оседает горка одинаковых серебристых веретенцев. Первый раз такое вижу. Саша примеряется, то поднимая банку выше, то опуская ниже - ага вот вместо веретенцев пошли капельки - такие же блестящие, аккуратненькие. Вот еще б чутьчуть - и совершенно круглые, без хвостиков.

- А если встать на табуретку?

- Пробовали раньше - хвостики у капель все равно остаются. Ладно, проба получилась, не забыл еще. Теперь расплавим еще раз - и будет у нас эрзацдробь. Или недокартечь.

Следующий сеанс дает пару пригоршней свинцовых блестящих капель. Сливаем воду и литейщик ставит кастрюлю на плиту - тут такая жарища, что оставшаяся вода испарится быстро. Мы пока лезем в Инет - посмотреть навески пороха и свинца для магнума 12 калибра и стандарта 20. Саша тут же распечатывает. Весов в доме нет, придется пользоваться хозяйственными, которыми раньше Дарья Ивановна взвешивала всякие ингредиенты для тайн кулинарных изысков. Пока сохнет свинец развешиваем 12 одинаковых кучек пороха побольше - и одну - отдельно - поменьше.

Вставляем в гильзы капсюля. Немного приходится повозиться со стреляной гильзой - никакого специального инструмента для переснаряжения у Сан Санычей нету, но голь на выдумки хитра и капсюль успешно выбиваем, использовав молоток, плоскогубцы и обычный гвоздь. Дальше засыпаем порох по гильзам. Встает вопрос - чем запыживать? Ну тут классика - конечно газетой. Саша притаскивает какуюто «из бесплатных» - с физиономией Шуфутинского на первой полосе. Подмигивает: - «Это подобрано для особо разрушительного воздействия! Сакральный смысл! Куски самой толстой звезды нашей эстрады рвут насмерть! Как тысячи астероидов!»

Это да. Зверев наверное не так страшен в виде пыжей. Или там другие менее весомые звезды... Считаю в килограммах если. Со свинцом приходится повозиться, капли не очень удобны для укладки. Потом корячимся с тем, чтоб из патрона все не высыпалось, запыживаем, заминаем края гильзы, но получается коряво. Некоторое время думаем - а не клеить ли гильзы сверху, но обходимся воском. Попутно Саша просит маму сшить из чего попрочнее самопальный патронташ - чтоб повесить на «гаубицу». Еще достает из оружейного жестяного ящика «пиротехнический сигнал охотника» и коробку с мортирками - ракетами. В принципе это государственно сделанная ручка - стрелялка. В 90 годы это оружие британских шпиенов времен 2 Мировой было популярно у наших бандюганов, токо делалось не под ракету, а под мелкашечный патрон. Зачем эта штука может пригодиться - неясно, но не бросать же.

Дарья Ивановна говорит, что постелила нам и потому нам стоит баиньки. Звоню Валентине. У нее работа в полном разгаре. Считает, что забирать ее можно будет часов в 11.

Ага, приехали - забрали, пустяк делов... Андрей получает эту информацию и вроде как радуется - раньше 11 они готовы не будут, а так - милое дело. Спрашивает, пригодилось ли купленное. Напоминаю про собаку. Судя по всему, он мрачнеет - это не собашник, забыл совсем, что утром питомцы своих хозяев вытащат на улицу. А там уже их будут поджидать... Ну хорошо левретказомби. А дог? Мاستифф? Сейчас куча придурков накупала самых страшных собакевичей - кто из чувства престижа, кто по скорбности главы. И каковы будут эти зомбАки, если живые они страшны как смертный грех?

Утро второго дня Беды

Договариваемся с Сашей, что утречком он собаководов дополнительно предупредит. И валимся спать. Белье свежее, обалденно пахнет - чувствую, что я еще не раз вспомню как спал эту ночь поцарски. Ну может и не поцарски, но почеловечески... И проваливаюсь. Снов нет, но будят словно тут же - а нет, уже светает. И хотя дрыхать охота - усталость как рукой сняло. Дарья Ивановна встревожена - под окнами зверски лупцуют нижнего соседа. Нука. Что там? А там десяток черноголовых орлов лупят такого же черноголового. С толком, с расстановкой, не суетясь. Явно получая удовольствие.

- Это Поганов - снизу. - замечает Саша - Раньше с отцом приятельствовал. Потом смертельно обиделся - папантий его поддел изрядно. Оганов - Погановым его папантий стал позже звать, после ссоры, очень любил плакаться, как ему с семьей тут тяжело на чужбине и как он ностальгирует по своей родной деревне, которая в самом сердце гор, и как тут тяжело живется и какие тут холодные люди и тыры и пыры.

Вот мол денег накопит, тогда уж... ну папантий ему сочувствовал. Машины рядом стояли, присматривали вроде как вместе - мы его както предупредили, что к его «Фольксвагену» кто-то лезет - оказалось действительно попытка угона была. Ну в общем - приятели, добрые соседи. А потом он возьми и ляпни - когда в очередной раз рассказывал про ностальгию по Родине и своей засунутой в самую жопу гор деревне, про то, какие тут холодные люди и как тут тяжело жить и про то, как мало у него денег, что вот хотел перебраться с бизнесом в Москву, ведь Питер такая дыра, тут не развернешься, нечего тут делать нормальным людям, да дорого четырехкомнатную покупать, а трехкомнатную - ему с женой тесно будет, они так жить не привыкли. Ну, тут папантий аж подпрыгнул - и залепил - а почему в твоей деревне квартиры? А что? Да ничего, прете сюда, в тюрьму народов, словно вам тут медом намазано и только все хаеете, как вам тут худо. Чего домато не сидится, если тут дыра не для нормальных людей? Ну, тот и обиделся смертельно, здороваться перестал.

- Ладно, с ним понятно. Намто что делать? У них вон и милиционер в толпето - как раз соседущке вашему в физиономию с ноги пробил. Что они делают - то?

- Так это то понятно - Оганов - армянин. А эти - азеры из общежития. У них тут настоящая махалля - и магазинчик свой и кафе и клиника по всем хворьям частная.

Пока все было тихо - и они тихо сидели, а тут видать поняли, что могут развернуться.

- И все-таки - нам что делать? Кидаемся его выручать или как?

- А мы своими стволами с парой сотен джигитов справимся?

- Сильно сомневаюсь. Тем более что у них и самих что-нибудь вполне огнестрельное найдется. Вон у мента какой - то автоматик болтается, «Кедр» что ли, или «Кипарис»?

- Мальчишки, там ведь человека убивают. Какой - никакой, а ведь человек. Семья у него.

- Боюсь, Дарья Ивановна, что мы тут ничего не сможем. Нам бы самим ноги унести. Мы, конечно, можем сейчас из двух стволов по ним влить, кого-то свалим. А дальше что? Это кавказцы, оружия у них у самих хватает. Запрут нас тут в подъезде - и будет веселье. А, кроме того, уж извините, напомню - сейчас уже погибли тысячи очень хороших людей, и еще больше погибнет. Потому я теперь спасаю токо тех, кто меня бы кинулся спасать. Как говорят на флоте - «Следую своим курсом.» И, между прочим, это не единственная группа - вон подальше - такие же. С автоматом я бы может еще и рыпнулся, а с берданками - несерьезно.

- О, а вон и третья - тож те же. Вон в промежутке видны.
- К слову сказать - прохожих что-то мало для этого времени.
- По радио было объявление, рекомендовали оставаться дома. Причину не объясняли.
Мол, кто слушает наше радио - побудьте дома, послушайте наше радио...
- Не все же слушают это радио, что-то еще, наверное...

Видим, что редкие прохожие активно избегают общения с группками гостей города, обходя их стороной. Оганова оставили в покое, слабо шевелится. А нам надо отсюда выбираться. Выходить втроем почему-то не хочется - мы с Сашей уже как-то сработались, а вот как его мама себя поведет - неясно. Опять же что-то подсказывает, что подбрупоздорову уже не выберемся - тут кавказеры уже кровь почувствовали, теперь их остановить трудно. Подумав и посоветовавшись, принимаем такой план - Дарья Ивановна с «Хаудой» остается на лоджии. Если я подниму обе руки - она стреляет в белый свет как в копеечку, а через секунду - еще раз. Это на случай, если южане к нам прицепятся, и я им втолкую, что они на прицеле и по моему сигналу напарник бабахнет. Мол, де в помпе еще шесть патронов, так что вам всем весело придется. Если южане не полезут - то подгоняем машину с улицы к подъезду, заходим, забираем вещи и Дарью Ивановну и едем к поликлинике. Вещей до смешного мало - чемодан и сумка на колесиках.

Звонит телефон - это та женщина - с первого этажа. Она в ужасе от того, что под ее окнами стоит пришедший непонятно откуда человек. Он в крови, выглядит странно, и собака брешет как заведенная. Собаку никак не удастся уговорить, ей пора на прогулку, а там этот человек. Прикидываю, что это - не Оганов, окна выходят у женщины во двор, а Оганов сидит с другой стороны. Значит, труп.

Хозяйка пуделя волнуется. Просит помочь. Переигрывая план, спускаемся все на первый этаж.

Идем смотреть - да, под окном стоит мужик - совершенно обычный, сильно окровавленный. И ему здорово досталось. Новое дело. Мало нам десятка возбужденных азеров рядом с машиной, так еще и у дверей труп. Собашница просит забрать ее с сыном и собакой отсюда. Куда угодно, только бы отсюда. Сын наоборот явно дрейфит бежать из дому.

А, семь бед - один ответ. В засаду на лоджию сажаем Сашу и его маму - если азеры меня пропустят к машине без зацепок - вызываю по мобиле Сашу с ключами. Если вижу, что они меня собираются щупать за влажное вымя - бегом назад. Вот тут по ним семейство Сан Саныча и влупит с близкой дистанции сбоку. На лоджию горцы вспрыгнуть не сумеют, а я постараюсь добавить. И либо они приссут и побегут за подмогой, а мы успеем смотаться, либо думать даже об этом неохота. Собашница совершенно растерялась, до нее с трудом доходит, что хоть документы и ценности она должна забрать. Долговязый сын ее сгребает в какой-то чемодан диски, коробочки, вроде отсоединяет шнуры от своего компа, комп хороший, навороченный - самая ценная вещь в бедноватой, в общем - то квартире...

Так. На всякий случай - время у нас еще есть. Минут двадцать. За это время Саша и его мама тренируются перезаряжать свое оружие, а я наостряюсь выхватывать свой обрез изпод полы. Через 20 минут, хоть и не научились, как следует, но все-таки куда лучше, чем было. На улице ничего не поменялось - труп в кустах стоит. Кавказцев не видно, но оживленные переговоры слышны на лоджии. Вдохвыдох. Надо двигаться. Неохота. Но ничего хорошего не выждешь. Хероватый из меня герой - никакого восторга перед дракой. Ни малейшего азарта. Хоть бы жители гор повели себя спокойно, разошлись бы как в море корабли. Ну, никак не хочется устраивать выход бронепоезда с запасных путей - у нас, в конце концов, общая история, интернационалистами все были опять же... И музея оккупации в Баку вроде нет еще...

На лестнице никого. Выкатываюсь из подъезда, Саша, прикрывавший мой выход, возвращается в засаду. А я придвигаюсь помалу к зомби. Он будет торчать как старичок в бахилах на одном месте, или двинется? Двинулся. Но медленно, как заржавевший. Так, у него на дороге низенькая оградка. Запнулся, упал уже на мою сторону. Э, а ведь его можно

взять в компаньоны! Точно можно! Нука, вставай дорогой. Я подожду. Если кавказцы не освинели - я тебя сам упокою. А если они край не чувствуют - ты им будешь подарком от черствых жителей холодного северного города. Ага, встал, идет быстрее, но все равно голубчик - по сравнению с тобой я просто Гермес с крылышками! Так двигаем, хорошо.

Навстречу попадаетсся деваха. Этакая вся из себя «Я Мисс Совершенство! Слышите, тупые свиньи!» как раз такие переходят дорогу в любом месте не глядя вправо - влево ибо мир крутится вокруг их персон. То, что она дура еловая подтверждает и голая поясница. Не, я не аскет и летом мне такое даже нравится, но вот зимой - да и такой весной, когда холодрыга - щеголять голым пузом и задницей, открытой до кобчика - признак ума невиданного. Потом ходят дуры тупые лечиться от бесплодия и цистита, сочувствия требуют. На нас с моим спутничком умершим деваха косится презрительно - брезгливо. Приходится притормозить, чтоб он не отвлекался. Но видимо от меня пахнет гуще, или слаще или просто я ближе - но на красотку мужичок не отвлекается, шкандыбаает за мной следом.

Так, а вот сейчас я сверну направо за угол дома - и увижу кавказеров. А за ними - «Логанчик». Дистанция всегоничего - до кавказцев метров двадцать. Прохожу мимо нашей засадной лоджии. С виду все тихо, токо стекла чуток сдвинуты, давая две щели.

Оборачиваюсь - мертвяк тоже вышел и идет следом. До него метров восемь. Если жители гор будут спокойно трепаться друг с другом, то все в порядке... А они не треплются. Заметили и заинтересовались моей скромной персоной. И идут навстречу, расходясь грамотно в полукруг, охватывая и фланги. Ну да, сейчас возьмут в колечко и «Оганов» - дубль два. Разве что их теперь восемь - и мента с пуколкой нет. Это и хорошо и плохо одновременно. У тех, кто сейчас идет ко мне - какието палки, вроде арматура, у одного - бита. Улыбаются уроды... Весело им... Все, пора бежать! Разворачиваюсь, дергаю хромым галопом обратно, обходя мертвого спутника вне зоны его досягаемости, и проскакиваю еще десяток метров. Кавказеры практически неровной шеренгой добегают до засады...

Я люблю 12 калибр! Ей - богу! Засада выдает неровный залп - но это в узком пространстве проулка меж домами звучит величественно! Это впечатляет! И очень радует то, что Саша не попал по первым, бежавшим за мной - потому его дадан достался серединке шеренги. Взял он низко, получилось по ногам скорее, но один повалился с разбегу, трем досталось слабее, но они тут же скили - четверо из восьми! Да ему цены нет! Крайний к лоджии горец неожиданно швыряет в стекло свою дубинку и под звон сыплющихся в лоджию стекол пытается туда забраться. Опа, а жена у Сан Саныча - бой баба! Храбрец отлетает от лоджии и шмякается об асфальт затылком так славно, что треск стоит - морда у него расквашена выстрелом из второго ствола «Хауды» в упор.

К моему удивлению обрез выдергивается изпод куртки легко, я даже не зацепился мушкой и рукояткой. Целиться некогда, надо обращать противника в бегство - и я луплю по оппонентам тремя бабахами подряд. Эхо и от «Приблуды» неплохо звучит. Храбрецы, вереща чтото несутся обратно - кто может. Я, похоже, промазал всеми тремя патронами, зато Саша успевает высунуться и еще раз бахнуть в спины улепетывающим и одного задевает очень качественно. Тот, кому не повезло, шлепается как подкошенный. Раненые орут со страшной силой - а, это мертвяк нашел себе забаву и сейчас насел на одного из уползающих от него подранков.

Итак, шли ребятки бить меня, а нашли себе полную приключений жизнь. Ну, как пожелали - так и получили. Один лежит почти не шевелясь. Другого дерет мертвяк, еще трое со всех сил култыхают к общаге, густо брызгая кровью. Тот, который получил в морду пластиковую пулю вяло возит руками по земле... Поспешно заряжаю «Приблуду», отстегиваю приклад. Саша выпрыгивает из лоджии и поспешно идет к машине - ружье он видно матери оставил. Не бежим, но идем скорым шагом. Так, теперь он за руль, а я обратно - выходим из подъезда и двигаем ему навстречу - он объедет квартал и подберет нас в точке, удаленной от общаги. Это мы обговорили за те двадцать минут тренировки.

Машина трогается, дорога тут пустая и Саша мигом скрывается из поля зрения. Мне -

назад, к беженцам.

Чуть не спотыкаюсь об Оганова. Он видно пришел в себя и как может, долбит по голове сбитого вторым Сашиным выстрелом парня куском асфальта. Руки слушаются плохо, удары получаются слабые. Тогда он бросает ком асфальта и со стоном переместившись чуть дальше подбирает брошенную полуметровую арматуру. Дальше мне становится тошно - он, наваливаясь всем весом, впихивает конец арматурины в глазницу недобитого азербайджанца. Получается не очень ловко, парень лежит ничком, а Оганов после избиения чуть жив...

- Брось его! Они сейчас вернуться - пытаюсь схватить мстителя за шкуру и оттащить за собой, в конце концов, в «Логане» большой салон. Он неожиданно ловко отмахивается арматурой и тяпает мне по голени. Уй, больното как! Отскакиваю, а он опять начинает пихать в расковырянную уже глазницу железяку. Да ну тебя к черту, мстительный дурень! Он поднимает голову, и я удивляюсь яростной ненависти на окровавленной бледносмуглой физиономии - «Нэ мэшай, ему мозыг надо праткнут! Анны тут своей кровью захлэбнутса!» Озираюсь - за многими окнами бледные человеческие лица. Все смотрят. Никто не вышел.

Ладно, не до твоих тут речей - сейчас общежитские перегруппируются, соберут толпень человек в 50, да оружных - и мне не уйти. И остальным тоже. А нам как раз надо уйти. Не корчили бы из себя горные орлы Властителей Вселенной - все были бы целы и живы. На хрена вот это было? На хрена? Гордость чесалась?

Две женщины, парень и куча почемуто багажа уже у подъезда. Не было же кучи, всегото пара сумок... и еще пара сумок... и мой рюкзак! И вот она куча. И коробка этого компьютерщика тут же! Ладно, отходим, отходим быстрее. Ружье - у Дарьи Ивановны. Обрез? Да и обрез с собой. Насколько позволяет весь этот бродячий цирк, движемся к точке randevu. Медленното как! А чтото изменилось - не могу понять что... А! Пуделек не гавкает. Последнее время это было фоном для всей жизни - визгливый лай. Теперь эта мелочь семенит рядом, пытается чтото нюхать, но поводок тянет неотвратимо. Черт, времени столько прошло, а мы еще и до половины дома не добрались. Быстрее! Быстрее!

Уже легче - помойка нас закрыла. Оборачиваюсь - проезд вдоль дома пустой. Там где мы устроили засаду, сыплются стекла, орут и стреляют. Но орут както не воинственно, скорее испуганно. Вообщето по тактике они бы должны группу с другой стороны дома отправить - в обход направить, нам в тыл... Тут радуюсь, что мы уже за помойкой - изза угла дома выкатывается группа голов в пятнадцать сторонников лозунга «Кито нЭ с намы - тот пад намы!» и шустрым галопом несется туда, откуда мы явились только что.

Успеваю перехватить поднимаемое Дарьей Ивановной ружье - нас не видели - Бог в помощь! Бегите ребята, вы еще успеете захватить Мир. Удачи, Брейны и Пинки, старайтесь! С такими боевыми навыками, гопота деревенская, вы тут много наворочаете.

Наша вторая спутница на грани обморока. Парень тоже чуть жив. Ну да - настоящий компьютерщик. В «Линейке» небось, паладин или героический эльф, рубит врагов в капусту направо - налево - а тут веселуха куда как веселее... Кровьто небось вживую впервые видел. Но расслаживаться нам некогда - сейчас иерои возьмут штурмом пустую квартиру и рассыплются по окрестностям. Двигаем дальше, но пройти далеко не успеваем - Саша сверкая свежееободренным боком осаживает железного коня рядом. Погрузка и посадка носит такой же истерический характер, как и погрузка продуктов ночью, но только это уже крупногабаритно. В итоге багажник забит под завязку, а пассажиров на заднем сидении не видно под горой вещей. Трогаемся задом, потом Саша не без изыска разворачивается на пяточке и пропрыгав по ямам внутриквартальных дорожек выскакиваем на Дунайский. Почти выскакиваем, потому что тут нам на капот кидается та самая «Мисс Совершенство» но с уже квадратными от ужаса глазами. Машина суется носом - тормозит Саша от души. Деваха видимо утратила способность изъясняться членораздельно, от ее высокомерия и следа не осталось. Как и от курточки. Тычет пальцами в сторону ближайшего подъезда и дергает дверцу с моей стороны. А, вон в чем дело - зомбак. У, да не один, еще двое сзади. И шустрые, заразы. Ничего не остается, как открыть дверцу и получить на коленки эту дуреху.

Саша неодобрительно смотрит на помятый капот. Птичка - невеличка толстожабая. Однако едем. В центр машин идет мало. А вот из центра прут потоком. Это особенно заметно на путепроводе. Но нам как раз практически в центр. Руки перестают трястись, но заряжать магазин, как собирался невозможно. Девка вроде б и не высокая, не крупная, а придавила серьезно. И колотит ее...

Прошу Сашу ехать помедленнее - нам торопиться некуда, а посмотреть что творится - очень важно. Признаки все больше не то что плохие - омерзительные. Сразу видно не меньше десятка дымных столбов. В городе пожары и их некому тушить. Милиция на улицах есть, но ведет она себя как-то странно. В двух местах попадают патрули сопляков, на которых форма сидит как на корове седло - военнослужащие срочной службы из «Голубой дивизии». Никакого оружия не вижу - зато у них противогазные сумки и дубинки. И совершенно растерянный вид. Прэлэстно! На перекрестке с улицей Орджоникидзе косо завалившись рылом с мостовой стоит патрульная девятка с настежь распахнутыми дверцами - никого рядом. Не помню, чтоб менты вот так бросали машины. Зато есть зомби. Не так чтоб много, но глаз их уже схватывает быстро - и количество их ужасает. Здесь, в Московском районе новостройки, места много. Можно удрать - а вот если в старом городе та же частота, там совсем худо. А чем ближе к центру - тем больше зомбаков. И мне кажется - они двигаются вместе с нами - в центр города. Людей мало, куда меньше, чем мертвецов. Машины только напоминают мирное время - да и то - постоянно попадают битые и брошенные тачки, которые грубо спихнуты с дороги. И на дороге то и дело - битое стекло, желтые и красные куски поворотников и стопов и очень характерные участки - с пластиковым крошечком и слоем грязи, который сыпается с брюха машины при ударе. Аварий было много - и дорогу никто не убирал.

- Куда вы меня везете? - вдруг оживает деваха. Ее еще слегка колотит, но вроде пришла в себя.

- В «Смольный». Мы обычно в это время обедаем с губернатором, но изза тебя припозднились. Придется остаться без десерта.

Она все-таки дура. Минуты две переваривает сказанное, потом неуверенно спрашивает: «Прикол, да?»

Нет, не прикол. Нас только в «Смольном» и не хватало. А кстати - что с управлением городом? С одной стороны - вроде как в городе постреливают, но вот кто? Милиционеры скорее заняты охраной себя, чем наведением порядка. Порядкато не видно. Светофоры частью уже не горят. Частью мигают желтым. Минимум пять магазинов, попавшихся по дороге, обнесены - причем грубо и нагло - разбиты витрины, у булочной в грязи раздавленные батоны, стеклянное крошево.

Кто может - улепetyвает на машинах прочь из города. Но я вижу людей в окнах - многие смотрят на улицы, ждут чего-то, наверно помощи. Но помощь оказывать некому. Полнокровных частей - с бронетехникой, строевыми солдатами под Санкт Петербургом нет. Есть куча кадрированных частей. Что они из себя представляют говорит то, что на армейском жаргоне их величают кастрированными - горстка офицеров и прапорщиков и склады с имуществом советского производства. Да если б и были тут мальчишки срочной службы - много б от них было б проку. Это трудно - стрелять по людям. А когда поймут для чего стрелять необходимо - для большинства уже поздно будет.

- Так прикалываешься, верно?

- Ну а самато думать умеешь? Едем по своим делам. А вот ты нам на капот свалилась, помяла кстати. И что прикажешь с тобой делать?

- Домой меня отвезите!

- И где живешь?

- На Ивановской. Рядом с Ломоносовской.

- Ого! Это ж строго обратно, да еще и с походом. Ты чего раньше ждала?

- Ну вы ж на тачке, это пятнадцать минут езды!

- Ты шашечки на машине видишь? Нет? Правильно. Потому что это не такси. И

времени тебя катать нет.

- Жлобье! Высадите меня здесь!

- Да с удовольствием! Нам дурных не надо, мы и сами на загляденье дурные - токо вот на метро ехать не рекомендую, частника лови.

- А почему это на метро нельзя?

- Когда милые упыри гнались за тобой по двору, тебе было куда бежать. А в метро - как считаешь - подвернется дежурный «Логан»? Саша, притормози у ближайшего зомби, девушка хочет продолжить общение не со жлобами!

- Этот сгодится? - мрачно спрашивает водитель, действительно притормаживая напротив вяло плетущегося бомжа. Сначала я не могу понять - это живой бомж или ужедохлый - грязен он сильно и морды синяковая. Но вот он поворачивает к нам харю, видны становятся его глазки и сомнения исчезают. Саша оглядывается, но зомбак поблизости один и открыв дверцу, водитель окликает труп ходячий:

- Эй, гражданин. Тут с вами девушка познакомиться желает!

И быстро юркает под защиту стекла и железа.

Бомжик живо реагирует на голос и направляется к машине.

- Попрежнему охота вылезать? Глянь, какой красавец!

- Не, не, не надо, пожалуйста, пожалуйста!

- Ну так заткни свой рот и не хами. - неожиданно жестко сзади говорит невидная под моим рюкзаком Дарья Ивановна.

- Справедливо сказано - подвykиваю и я - И так от тебя ноги затекли. Одни убытки и никакой пользы.

Девка сидит как пришибленная. За окном еще веселее - тут и магазины разграблены чаще и трупы валяются неубранные и мертвяки около них кормятся. Все настолько нереально, как в голливудском кино - вроде, как и не с нами это происходит, ну не может такое происходить с нами... Дурацкие мысли - отлично сделанный грим, прекрасная работа художника, очень правдоподобная бутафория, замечательная игра массовки... Здравый смысл тихонько толкует, что это все - не кино, а правда жизни. Это - не бутафория и стоящая раком девчонка в драных черных чулках и короткой юбке, жрущая вместе с зомбакой, бывшей раньше колли, дергающийся от рывков их челюстей труп толстой женщины - самая что ни на есть правда. Очень не хочется слушать шепот здравого смысла. Потому что становится до судорог страшно.

В нагрудном кармане начинает вибрировать телефон. Деваха подпрыгивает, втыкается башкой в потолок и грузно шмякается обратно на оттоптанные мои коленки.

- Что это? Что???

- Телефон, что еще! Подвинься, мне его так не достать!

Кончиками двух пальцев выцарапываю старенький «Сименс».

- Але?

- Привет! Как у вас дела? Все благополучно? - это Андрей, голос спокойный.

- Будем у вашего магазина через минут пять, если ничего не произойдет катастрофического. «Логан» синий. С нами кроме ожидаемых спутников еще трое беженцев.

- Вас понял. Магазин эвакуирован. Встречаемся у бутика, что рядом с вашей поликлиникой. Китайский автобус. Белый. Ждем вас. Если будет нужна помощь - звоните.

- Принято. Связь кончаю.

Нет положительно в разговоре с Андреем начинаешь разводить цирлихманирлих.

Проезжаем мимо магазина, в котором я вчера вербовал спасательную команду и разживался оружием и боеприпасами. Впечатление сильное - у витрины и входа валяется полтора десятка трупов, кровищи натекло лужами. Кроме трупов - не меньше десятка зомби, которые не отвлекаясь на нас, жрут неудачников. За такой толпой все же видно, что и стекла тамбура и витрина густо прострелены и частью осыпались, а частью - в пулевых дырах, окруженных сеткой стеклянных трещин. Продутовый магазин наискосок тоже пострадал - и там пулевые дыры, но мало - с десятков. Машину встряхивает, и она начинает переваливать

через какое-то препятствие поперек дороги. Кошусь на Сашу - он прикусил губу и старательно крутит рулем. Опять начинаем изображать утку. Таращась на магазин, я не обратил внимания изза девахиной спины, что и прямо на дороге нелепыми плоскими кучами тряпья лежит несколько человек. Сейчас Саша напряженно старается их объехать, но раскинутые руки и ноги не оставляют места для маневра. Хорошенькая же тут была бойня. Андрей вроде жив - здоров. А остальные?

У бутика стоит грязный автобускоротышка. Таких в городе полно - они маршрутки«газели» вытесняют. Сквозь загаженные стекла видно плохо - но практически пустой. «Логан» притирается рядышком. Из китайского агрегата без суеты выпрыгивают трое - двое берут под наблюдение окружающую местность, третий машет приглашающе рукой и встает так, чтоб прикрыть и нас.

- Всем сейчас быстро - в автобус. Вещи оставим тут. Саша - пока за рулем. Я беру «Гаубицу», тебе оставляю «Приблуду». Посматривай!

Наше десантирование получается таким, что - жаль, Бенни Хилл помер. Отличное бы у него получилось шоу! Сначала долго выкарабкивалась деваха. И заковыляла раскорякой на своих каблучищах. Потом вылез я и обнаружил, что ноги у меня затекли страшно и хожу я на них плохо. Ружье мне Саша выдал чуть не побив прикладом лобовое стекло, а стволом - боковое. Далее трое пассажиров с заднего сидения медленно и мучительно выкапывались из - под багажа, точь в точь как вылезают из могил ожившие киношные мертвецы - сначала высовываются руки, потом головы и все медленно и печально.

Стоя на ватных ногах, и ощущая дикую в них щекотку от мириадов мурашек я сдвинулся так, чтоб в случае надобности прикрыть огнем сектор, перекрытый для Николаича машиной и пассажирами - и тут как кто толкнул меня в бок. Не пойму - почему решил глянуть в казенник «Гаубицы». В казеннике оказалась стреляная гильза. Все это время вместо ружья у нас была всегонавсего дубинка с прикладом. Замечательно! Ну, Саше было предположим некогда, ему надо было машину уводить изпод носа общежитских, но все равно - оружие сейчас должно быть заряженным постоянно! Как токо будет свободная минутка - устрою профилактическую головомойку и Саше, и Дарье Ивановне, и себе, разумеется. Поспешно зыркаю по сторонам заряжая ружье. И остался в самодельковой патронташке на стволе последний патрон... Тоже мудро. К слову и у Саши тож пара выстрелов всего, если что. Не подумали оба. И при себе у меня - патроны как раз для «Приблуды», а у него наоборот. И ведь учили меня умные люди, что любое огнестрельное оружие без патронов становится вычурным куском железа...

К счастью, в отличие от находящегося в нескольких сотнях метров магазина для охотников и рыболовов, тут не видно пока ни одного зомби. Когда весь этот бродячий цирк забирается в автобус, охранение спинами вперед отходит к дверям. Все, все на месте, кроме Саши. Знакомим людей друг с другом. Всего в пустом автобусе четверо - Николаич с Андреем и двое незнакомых мужиков. Один крепкий, но слегка располневший представляется Ильясом, второй мелкий, верткий - Владимир. Кратенько излагаю, что было - упоминаю про две стычки. Слушают внимательно, задают толковые вопросы.

Николаич в свою очередь сухо докладывает, что за это время они нашли место, где будет безопасно, продали двум особо настырным покупателям четыре пачки охотничьих патронов, а на ночь отрядили Серегу в засаду, которую он и устроил в продуктовом магазине. Так они на пару с Андреем и охраняли оба магазина. Николаич раздобыл ставший безхозным автобус и всю ночь мотался на нем - то перевозя людей, то грузы из оружейного и продовольственного. Большая часть сотрудников продовольственного, в том числе и симпатичная кассирша подались в убежище.

Ближе к утру - в песий час - магазин попытались подломить пятеро какихто сукиных сынов. Им дали взломать входную дверь и огнем с двух сторон очень быстро положили, как только убедились, что взломщики вооружены. Нападавшие пытались отстреливаться, собственно все дыры в стеклах - их рук дело. Трофеи оказались убогими - два пистолетапулемета с дурной репутацией, навороченный СмитВессон под неходовой у нас

патрон и два ТТ, не то китайские подделки под тульскую продукцию, не то пакистанские подделки под китайские подделки. Говоря проще - «металл на пистолетах ногтем царапается». Те самые, у которых после тридцати сорока выстрелов ствол раздувается напрочь. Ну и патронов два десятка разношерстных под все это безобразие. Андрей еще не успел собрать оружие - а уже поперли мертвяки со всех сторон.

Этих настреляли 18 штук. Потом решили сматываться, когда точно убедились, что выстрелы как раз и приманивают зомби. К этому времени практически все уже вывезли.

Успели аккуратно к нашему приезду. Теперь забираем Кабанову - и двигаем в убежище. Возникает некоторый спор на тему того, кто остается при машинах. Семья Сан Саныча настоятельно просит дать им возможность зайти и узнать - как у него дела. Этому отказать трудно, да у меня и не находится убедительных доводов. У Николаича - тоже, хотя ему это не по душе, что заметно. Замечание Дарьи Ивановны о том, что при любом исходе событий из поликлиники есть что вынести и использовать и потому пара лишних человек - лишними не будут, решают вопрос. Опять же Саша показал себя в утренней стычке молодцом, попав обоими выстрелами, в отличие от моего тройного мазелина. Володя с Андреем выходят и вскоре возвращаются с Сашей.

- Получается так - говорит Николаич - здесь остаются - девушка, хозяйка собаки, сама собака и в прикрытии - Володя. Парень, стрелять доводилось? (Это он у соседа снизу вопрошает. Тот краснеет и отрицательно мотает головой.) Ясно. Получается так, что один стрелок на все про все.

- А мы можем проехать ближе ко входу в поликлинику. В случего - поддержите огнем сверху.

- Пожалуй!

- Теперь по оружию. Если придется стрелять в самой поликлинике - от гладкостволов оглохнуть можно будет. Потому Ильяс и Андрей - берут мелкашки. У меня - СКС. На самый крайний случай. Доктор - оставьте свою машину - возьмите оба ТТ. Если один заклинит - второй используете. Там как раз по 6 патронов в каждом. Но лучше не стрелять - по одиночным целям мы и без вас отработаем. Саша... Что больше нравится - «Агран» или «Борз»?

- А это что такое?

- Пистолеты - пулеметы последнего времени. Откровенно - и то и другое дерьмо. Годится стрелять в спину, разве что. Один - хорватский, другой - чеченский. Ненадежные, прожорливые, сделанные плохо. Ну что берем?

- Тогда револьвер.

- Выбор хороший, только учти - четыре патрона всего в барабане.

- Учту.

- Получается так - мы с Андреем и Ильясом идем тройкой. У дверей берем территорию под контроль - Доктор открывает. Заходим тройкой, проверяем вестибюль. Если пальбы не будет - заходят мама с сыном, доктор дверь запирает. Потом по указаниям доктора двигаем в том же составе - мы тройкой впереди - вы парой прикрываете тыл, женщина в середине. Какие у нас задачи?

- Первое - забрать докторшу из лаборатории с результатами. Там же буфет - взять продукты. Второе - сумки, которые Сан Саныч набрал. Третье - из прививочного кабинета и процедурной забрать инструментарий и что можно будет утащить. Возможно, что появится еще что-нибудь, ну по месту решим. Четвертое - навестить Сан Саныча - это можно в начале сделать.

- Получается так. Теперь давайте с оружием разберемся.

Выданные мне ТТ похоже выпиливались напильником из цельного куска железа. В них только отдаленно чувствуется элегантность и надежность прототипа - советского ТТ.

Есть в них какая-то лажа. Но как все советское оружие - просты и потому освоить нетрудно. Револьвер Саша тоже быстро принимает на вооружение. Андрей отдельно отмечает, что осечных патронов в револьвере не было - так что можно надеяться, что и эти

четыре сработают как надо. Дополнительно берем пару рюкзаков - из магазина явно, мой такой же - и выдвигаемся. Некоторое сомнение вызывает то, как лучше поставить машины у входа. В итоге получается не так, чтоб великолепно, но автобус тушей перекрывает вход, забраться в него можно моментально, что плюс. Добираться до легковушки не так хорошо, но в целом - терпимо. Зато она преграждает путь тем, кто полез бы изза угла - от детсада.

Удивительно, но вокруг входа в поликлинику никого нет. Ни живых, ни мертвых.

Открываю дверь, трое проскальзывают вовнутрь. Ждем - все тихо - и заходим сами. За сутки ничего не поменялось. Двигаем налево в сторону кабинета начмеда. Николаич все время одергивает Дарью, но она видно не очень его понимает. Надеюсь, что произошло чудо. Ведь не бывает стопроцентно смертельных заболеваний... Нет, бывают - то же бешенство. Без вакцинации - 100 % летально. И еще есть... Но очень хочется ошибиться.

К сожалению, чуда не произошло. Троица стрелков охраняла нас, пока мы стучали в дверь и звонили по телефону. В кабинете трещал звонок, и мы слышали, что Сан Саныч ходил. То есть ходило то, что было вчера Сан Санычем - хорошим порядочным человеком.

Николаич деликатно покашлял и сказал вдове - Получается так, что нам надо идти. Тут еще живой человек, да не один. Беременная она. Пойдемте. Сочувствую Вам, но нельзя нам тут задерживаться. Никак нельзя.

Опа! А откуда он знает, что Валентина беременна? Я ж ему это не говорил. Интересно. Очень интересно. И так видел, что Николаич не прост, но он еще больше не прост.

Дарья Ивановна - сильный человек. Переводит дух и идет за ними. Саша плетется понуро. Видимо он до конца не верил в то, что произойдет именно так.

- Саша! Не отвлекайся - на нас тыл. Держим тыл!

Он с усилием встряхивается. Глаза красные, на мокром месте. Ну да оно бы и хорошо сейчас им обоим поплакать с мамойто. Но вот никак нельзя тут раскисать.

Посматриваем по сторонам. Вспоминаю, как чуть не шмякнулся на лестнице. Убираю палец со спуска теплого ТТ. Показываю Саше. Ответно он показывает, что его палец на спуске и не был.

Резкий окрик Николаича: «Стой, стрелять буду!» И через несколько секунд: «Ильяс, огонь!» Щелкает мелкашка. Мельком глянув туда, вижу, как заваливается в конце коридора у лестницы худой, невысокий зомби. Подходим к лестнице. Смотрю на упокоенного - испитого вида беспризорник подросток. У нас не было таких пациентов.

Точно не было.

Непонятно, откуда этот засранец взялся. Но нам в лабораторию. Двигаемся тем же порядком. На лестнице - никого. На этаже - сюрприз - сразу двое зомби. Тетка из недавно взятых санитарок, фамилия у нее была смешная - Кишко - и мужичок пухлый. Вроде я его у ревматолога видел.

- Внимание, граждане! Если вы не зомби - поднимите руки или отзовитесь. Если не сделаете этого - открываем огонь на поражение! Повторяю! Внимание, граждане! Если вы не зомби - поднимите руки или отзовитесь. Если не сделаете этого - открываем огонь на поражение! - Андрей точно раньше политработником был. Ну, прямо лектор. Но вот стреляет он не хуже Ильаса - оба беспокойника валяются на пол.

- Выдвигаемся! - это Николаич.

Проходим полкоридора - Николаич поднимает руку - и показывает вперед - там тихонько открывается дверь кабинета - видно по лучику света, который начал расширяться.

- Эй, в кабинете! Если живой - отзывайся! Если зомби - лучше закрой дверь от греха подальше! - это уже Ильяс. Тут я ловлю себя на том, что и я и Саша и Дарья смотрим не назад, а вперед. А намто с Сашей надо смотреть назад. Цыкаю тихонько, корчу недовольную рожу - спохватывается, теперь оба старательно разглядываем пустой коридор.

- Не стреляйте, не стреляйте, я живой, меня не кусали! - голос пацаний, тонкий.

- Ну так вылезай, руки чтоб мы видели и потихоньку иди к нам.

- Стрелять не будете?

- Не будем, сказано же!

- Точно не будете?

- Слушай, поганец - нам что, землю есть? Или вылезай, или закрой дверь и сиди дальше.

Из кабинета вылезает подросток - такой же беспризорный клеенюхатель, как тот, упокоенный на первом этаже, токо мельче и младше.

- А где менты?

- Не завезли еще. А вот что ты тут делаешь, балбес? Кстати - Доктор гляньте - на нем покусов нет?

Осматриваю задохлика. Попутно он рассказывает, что они с Микой - такая кликуха была у того, упокоенного, забрались вчера вечером в поликлинику, так как поняли, что в поликлинике людей нет. Мика обещал, что они тут наберут всего полны руки - внизу и впрямь были две сумки с лекарствами - но нужных Мика там не нашел и потому они пошли на второй этаж - шмонать по кабинетам. В одном нашли женскую сумочку с кошельком, мобилу. Еще разные вещи, а во втором - как только они зажгли свет - Мику сцапала страшная тетка. Тут еще и мужичок появился - вот Сыкатый - это погоняло нашего найденыша - кинулся бежать, потому как и тетка и мужик были очень жуткие и Мику стали грызть зубами, а Мика вырывался и орал. Сыкатый спрятался в кабинете, а Мика потом перестал орать, а Сыкатый высунулся, увидел дядьку и тетку в коридоре и сидел - боялся. Утром решил вылезти в окно - но там внизу тоже такие же страшные стоят и ходят. Услышал нас и стрельбу - решил, что менты пришли изза выбитого окна, решил сдатьсь. Дело знакомое - заберут в детдом, накормят - напоят, помогут, отоспится - и опять даст тягу. Такая вот свободная личность.

Покусы на пацане я нашел. Не те, правда. Вшивый он. И гниды в волосах. Подарок судьбы, одним словом. А так в целом - токсикоман, судя по серой коже, курит конечно, определенно социально запущен. В общем - фрукт еще тот. По виду ему лет 12, но такие растут плохо - так что может быть и 14-15 лет. Спрашиваю. Оказывается 14.

Саша самоотверженно наблюдает за тылом. Ильяс держит под прицелом все впереди. Николаич, Дарья и Андрей смотрят на меня. Излагаю ситуацию. От себя добавляю, что у Макаренко беспризорники при нормальном воспитании становились дельными людьми. Сейчас прогноз куда хуже - те беспризорники не нюхали клей, происходили от нормальных родителей, пропавших в Гражданскую войну, а не от пьяной хрони.

- А вшивость его сложно лечить?

- Этого как раз просто. Полчаса в кабинете у дерматолога - и чистый.

- Значит проблема вся в том, что он сам хочет?

- Точно. Токсикоман безголовый нам не нужен. У них - если печень раньше не накроется - дорога одна - либо спиваются, либо наркоманят - это самые долгоживущие и удачливые.

Николаич задумывается.

- Слушай. Как там тебя, по человеческито звать?

- Сыкатый!

- Я не про погоняло твое. Имя - как тебя звали полюдски?

- Эээ... Демидов Сергей.

- Ну так вот, Демидов Сергей, ситуация простая. У нас в команде - люди. Я каждому доверяю. А ты пока - уж извини - крыса подвальная. Я тебя не виню. Каждый живет, как умеет. Но мне крыса в отряде - не нужна. Совсем. Если ты будешь стараться стать человеком - мы тебя возьмем с собой. Но тебе придется много чего делать, чего ты раньше не делал, и наоборот прекратить полностью многие свои привычки. Если тебе это влом - без вопросов. Мы - туда, а ты отсюда. Дорога нами расчищена. И лучше не обманывай ни себя, ни нас. Сейчас время такое, что если ты скрысишь и изза этого погибнут хорошие люди - извини, я тебя пристрелю. Или он пристрелит. Или - он. Вот такие дела. У нас в команде ни хрена свободы нет. Кайфа нет и скучно, хотя до черта всякой работы. Потому прикинь - тут неподалеку канцтовары. «Момент» - хоть залейся. Так что думай. Захочешь остаться - мы

скоро обратно пойдем. Подберем на обратном пути - посиди в кабинете. Захочешь слянуть - путь свободен. «Момент» - рядом. В кабинеты токо не суйся - тут таких дядектеток много сидит.

Оставив пацана думать, продвигаемся до двери в лабораторию - благо тут она - в торце коридора. Ключ, который дал Сан Саныч мягко щелкает в скважине. Но когда мы закрываем дверь и нам навстречу выходит Валентина Ивановна, Николаич просит Андрея присмотреть за беспризорником. В общемто я с ним согласен - беспризорщина тупа и жестока в основной своей массе и этот пацан может легко наделать пакостей - от просто насрать в коридоре в пику нам - скучным мудакам, до более серьезных пакостей - например убегая из поликлиники пооткрывать двери тех кабинетов, где сейчас тупо стоят зомбаки. С тем же успехом может и остаться и потом оказаться нормальным... Ну почти нормальным - печенкато у него посажена все равно, да и по мозгам «Момент» и прочие растворители как кувалдой бьют.

Валентина явно очень рада. Наверно всетаки побаивалась, что может остаться тут как Сан Саныч. Приглашает отобедать - она еще и еды наготовила. Оказывается хитрый Николаич проверил мои слова - тем более, что сделать это было просто - номер телефона лаборатории имелся в «желтых страницах». За ночь они несколько раз переговаривались.

Правда, он не спрашивал ее, какие результаты у экспериментов, а она говорила о чем угодно, но не о том, что получается. Ну, разумно.

Буфет через дверь от лаборатории. Четыре столика и стойка с салатами. Отмечаю, что практически все продукты уже упакованы. Нам подаются как раз салаты, разогретая пицца и тушеная говядина. Очень к месту. Чай, кофе, соки в пакетах. Пирожки с грибами и лимоном.

- Доктор - сходите к Андрею - что там с этим шакаленком - либо лечим - кормим - либо вон его отсюда.

Цепляю со стойки открытый пакет яблочного сока, пару пластиковых стаканчиков и двигаю к Андрею. Тот, как заядлая сплетница внимательно смотрит в замочную скважину.

- Ну что нового? Соку хочешь?

- Пацан обшмонал трупы и ушел в кабинет. Давай сок!

Андрей оборачивается и его натурально перекашивает от отвращения. Нюхаю сок - нормальный яблочный, пахнет вкусно, да и марка не из дешевых. Но Андрей смотрит на меня с таким омерзением, словно я ему поднес к лицу полуразложившуюся крысу в опарышах.

- Да сколько же можно! Это кто, Ильяс или Николаич никак не угомонится?

- Андрей, ни сном ни духом! Ей богу! Честно! Что случилось? Нормальный сок, мне нравится больше, чем апельсиновый.

Подозрительно смотрит, вздыхает.

- Ладно, убери это к черту. Что Николаич?

- Спрашиваем найденыша, что решил. Поступаем соответственно.

- Ясно. Ну, пошли.

Торопливо выхлебываю оба стаканчика, ставлю пакет в сторонку и как провинившийся школьник догоняю Андрея.

Заходим в кабинет. Демидов Сергей, крыса подвальная, разлегся на груде бумажек, вывернутых из шкафа. Грамотно - не на холодном же полу лежать, а бумага - отличный теплоизолятор.

- Ну, осквернитель гробниц, чего решил?

- Тык чо, с вами иду. Тут делать нефиг.

- Условия понятны? Делаешь, что велят, взамен учим уму разуму, кормим, поим. Начнешь хамить, крысятничать, пакостить или опять нюхать - скатертью по жопе. Если по твоей глупости кто из команды погибнет - станешь тоже страшным дядькой. Понятно?

- Понятно. А как же права ребенка?

- У ребенка права: есть, пить, спать, выполнять поставленные старшими товарищами задачи и быть полезным и послушным. Курить, нюхать, воровать, бездельничать - таких прав

у ребенка нет.

- Что и курнуть уже нельзя?

- Ты, задохлик, - по твоему возрасту должен быть на десять сантиметров выше. На пяток кило мяса больше. На четыре класса умнее. Детдома и всякие там заботы о бедных пьющих и гуляющих сиротах - считай в прошлом. Это уже кончилось, если ты не заметил. - встречаю я.

- Мы тебя упрашивать не будем - некогда. Итак - подписываешься?

- Где?

- Везде. Условия наши приняты?

- Ну, приняты...

- Тогда двинули тебя приводить в порядок.

- Это еще как?

- Вшивая гопота нам даром ни к чему.

Через кабинет - у дерматолога - как раз был шкафчик с образцами препаратов от педикулеза. Делали его меньше года назад, так что все свежее еще. Малатион во флаконе. Самое то. А потом я найденыша еще шампунем с педилином обработаю. (Гм, а вроде ж это одно и то же, токо названия разные?) Надо еще потом вычесывать дохлых насекомых и гнид - ну это сам, не маленький.

Тампоном смоченным протираю грязную волосню. Похоже, что он недавно был в детдоме - волосы короткие достаточно. Уже легче. Так, намазали, теперь подождать чуток. Да, а вот его шмотки надо бы выкинуть. А во что его одеть? В шкафу висят халаты, сменная обувь. Ладно, пока обойдется халатом. А там одеть найдется во что.

- Шмотки свои вшивые кидай в угол.

- Это еще зачем?

- Затем, делай, что говорят.

- Э, я вам Машкой быть не подписывался!

- Ты что, нахал, считаешь, что твои тощие грязные мощи зажгут в нас похоть? Не надейся, поросенок. Не на тех напал. Кидай свои шмотки в угол. Вот на тебе полотенце - я его смесью спирта и фурацилина намочил - оботрись, сними верхний слой грязи. Чучкан!

- Я ж замерзну. На улице то не май месяц!

- Знаешь, ты за свои тряпки как баба цепляешься. Кончай дурковать!

В бровях и ресницах вшей у него нет. Под мышками - тоже. На всякий случай даю ему тампон, чтоб обтер свою жидкую волосню, где она есть. Потом обтираем тощее и грязное тело свертком из мокрого полотенца. Ну, мытьем это не назовешь. Но хоть почище на килограмм стал. Теперь выдаю ему халат, зеленые операционные портки, которые носил дерматолог и лапти его же - великоваты, но годятся.

- Куда я таким чучелом пойду - бунчит пацан, пока я наматываю ему на голову косынку - малатион должен поконтрактировать с вошками подольше.

- Я так полагаю - что жрать. Наверху уже накрыто и стоит поторопиться.

Упоминание о жратве окрыляет беспризорника. Уже не споря, бодро двигает с нами в буфет. Конечно - елто он самое раннее - вчера вечером.

- Садись, питайся - встречает его Дарья Ивановна. Похоже, она решила взять над беспризорником шефство. Остальные довольно оживленно разговаривают с Валентиной, которая рассказывает о том, что получилось в ходе экспериментов. При этом она перелистывает две толстые общие тетради - довольно густо исчерканные и исписанные.

Лихо же она поработала. По ее словам получается следующее, если изложить человеческим языком, а не научным, результаты суточной работы с полусотней крыс, хомяков и мышей:

1. Любой укус - смертелен для млекопитающих.

2. Кровь зомби перестает быть заразной через час - полтора.

3. Смерть наступает в зависимости от тяжести ранения - тяжелая рана - быстрая смерть, легкая рана - жертва еще поживет. Около суток.

4. Обернувшиеся животные едят только мясо. Остальная ранее привычная пища - игнорируется.

5. Самое предпочитаемое мясо для обращенных - мясо животных своего же вида, которые не обратились еще. При этом крысозомби и хомяк - зомби нажравшись соответственного мяса увеличились в размерах - причем заметно и стали активнее. Валентине показалось, что они и поумнели, в то время как у остальных зомби интеллект резко снизился.

6. Друг друга зомби не едят. Но в случае если кого-то из них упокоят - через 15-20 минут начинают лопать с аппетитом.

7. На третьем месте по предпочитаемости - стоит любое другое мясо. При предложении животным зомби мяса необращенных особей, упокоенных обращенных и говядины - все в начале кидались на свежее и «свое». Потом на обращенное упокоенное и только в случае отсутствия первых двух сортов начинали жрать говядину.

8. Зомби, не получившие никакой еды, очевидно ощущали ее близость и проявляли активность в течении 12-18 часов, после чего «устали» и впали в спячку, оставшись в тех же позах, что и были.

9. При создании шума рядом, ожили снова. Причем переход к активности у разных особей был разным - от 1 секунды до 26 секунд. Наибольшую задержку показали те, которые находились в более холодном месте - у раскрытого окна.

10. Отсюда следует очевидный вывод - чем теплее - тем активнее зомби. Поэтому вероятно их поведение соответствует поведению холоднокровных.

11. Еще очевидный вывод - чем сытее зомби, тем они активнее. Чем лучше подходит к ним потребляемое ими мясо, чем оно более «свое» - тем зомби умнее и активнее. Вероятно - и опаснее.

12. Помещенные в морозилку холодильника зомби замерзли без проявления антифризности, причем быстро. Оттаяв - показали, что замерзание ни в чем им не повредило. Значит какая-то антифризность в их биохимии присутствует и их биохимия организма резко отличается от человеческой...

13. Помещенные в воду зомби проявили практически панические реакции и всячески старались удрать подальше от воды. Чем вызвано - неясно. В клетке старались держаться подальше от емкости с водой. Зомби, насильно удерживаемый сутки в воде внешне никаких изменений не имел, но передвигался странно и при первой же возможности покинул воду.

14. Помещенные под обогреватель зомби вначале активно старались попасть в самое теплое место, после того, как нагревались до определенной температуры, наоборот, покидали зону обогрева. Удерживаемый насильно под обогревателем экземпляр также не имел видимых повреждений по освобождению, но еле полз.

15. Вскрытие показало... Оно показало что совершенно непонятно, как функционируют организмы зомби. Этого просто не может быть - но оно есть.

16. Зомби определенно видят, слышат, могут обонять. Болевые ощущения очевидно у них отсутствуют - на механические повреждения реакции не дают.

17. Основной вывод - пока можно уверенно говорить, что ликвидировать зомби можно только разрушением головного мозга.

Валентина Ивановна посмотрела на Николаича и чуток напряженно сказала - Теперь Вы знаете результаты эксперимента, так что вроде бы я Вам и не нужна...

- Не говорите глупостей, Валентина Ивановна! - отозвался Николаич. - Вы ведь боитесь, что мы Вас бросим теперь?

Валентина бледно и вымученно улыбнулась.

- Так зря боитесь. Куда ж нам без врачей. Да и без детей. Не говоря уж о женщинах!

Андрей изобразил на губах пошловатый мотивчик из оперетты - там где «без женщин жить нельзя на свете, нет!»

Все облегченно посмеялись. Отметил, что и Дарья явно облегченно вздохнула.

- Ну, раз Вам без детей никак - стала серьезной Валентина - То у меня есть

информация. Тут рядом мертвый детский сад...

- Да, Доктор нам рассказывал, да и наш товарищ там был...

- Так вот, он не весь мертвый. Там на втором этаже повариха заперлась с четырьмя детишками. Я ночью во время очередного перерыва на гимнастику заметила, что там одно окно загорается и гаснет - как в кино - три длинных, три коротких, три длинных, три коротких... Это вроде бы сигнал «СОС»?

- Да, в сухопутном и женском исполнении.

- Я тоже поморгала. А потом мы поперекрикивались. Я обещала, что мы постараемся помочь. Я не слишком много на себя взяла?

- После окончания операции отвечу. Там много зомби?

- Садик был частный, небольшой - на тридцать пять детей.

- Ну, пойдемте, посмотрим. Андрей - остаешься тут, Ильяс и Доктор - пошли. Показывайте, Валентина Ивановна, откуда видно лучше.

- Я бы хотел доесть то, что у меня перед глазами. Сытый - я как зомби! Быстрый и умный. А голодный - наоборот. Мы ж не завтракали еще.

- А ну да, вы с пополнением занимались - но я вижу, что Николаич недоволен. Неисполнение приказа с отговорками изза еды... Кондратий для любого командира. Помнится, такое себе позволил личный водитель командира дивизии Сеппаго... И тут же попал в пехоту... Но ято не водитель. А вот Николаич вполне мог быть раньше и комдивом, чем перестроечные черти не шутили.

Жрем мы вдвоем с Андреем и Демидовым. Остальные видно наелись и сидят, смотрят. Смотрите, смотрите - мне это по барабану - как говорил мой друг: «Когда я ем - я глух и нем, хитер и быстр и дьявольски умен!»

Впрочем, надо и честь знать, хотя тушеная говядина Валентине удалась прекрасно. Тем более - когда еще так получится - за столиком со скатертью, в безопасном месте... Пирожки... Пицца... Кофе, правда, дерьмовый, это не заметить трудно.

С грустью покидаю еще недоеденные яства, понимая, что парочка неминуемо бергинизирует оставшееся - был у нас студент по фамилии Берг. Если он попадал за стол, то не вставал, пока на столе хоть что еще оставалось съедобного. Методическое и полное истребление провизии у нас на курсе так и называли - бергинизация...

Из окна виден хорошо двор детсадика. К моему удивлению детишек в поле зрения всего трое. Нет, еще двое в дальнем от нас углу - просто они перемазались в грязи, за кустами видно плохо. Рядом с детсадиком полно сирени - когда цветет вид совершенно фантастический и запах - мы все сидели с открытыми окнами и наслаждались. Сейчас кусты голые, но сквозь них видно не очень хорошо.

Вот взрослых куда больше - и дедок чертов стоит, синее бахилами и добрый десяток таких же как он - правда измазанных в грязи и крови - пасется у забора и под нашим окном поликлиники. Видно когда дамы ночью перекликались - на шум пришли. И машин добавилось - три «дамские» и явный джип - как положено черного цвета. Не разбираюсь я в этих марках, но вроде бы «Ровер».

Окно напротив - на втором этаже - привлекает внимание - с него свисает болтающаяся на ветру яркая тряпка и на стекле лист белой бумаги с надписями - но мелко написано. Словно в ответ на открывание нашего окна - то окно тоже открывается и толстая тетка начинает отчаянно махать этой тряпкой. Хорошо еще не орет. В ответ машем руками.

- Давай Ильяс, зачищай.

Ильяс пристраивается поудобнее на подоконнике и начинает отщелкивать - буквально отщелкивать, потому как выстрелы негромкие - стоящих внизу зомби.

По сравнению с ним винтовка выглядит игрушечной, но я четко вижу, что мягкой пульки 5,6 мм. вполне достаточно. Бывшие люди внизу один за другим валятся как тряпишные - словно кто-то выдернул вмиг из них стержень. Отрабатывает Ильяс быстро и аккуратно. Ну да это было как в тире - и мишени практически неподвижны.

- Извини, Николаич, по детям не могу.

- Передай винт Доктору. Доктор, придется Вам зачистку закончить.

Кровью, что ли вяжут. Или не могут и впрямь? А я такой весь из себя гнусный палач, детоубийца и пр. и пр.?

- А вам самим вроде неуместно? Все равно, если уж вдруг все образуется, то Ильяс за сегодня на пожизненное намолотил.

- Нет, просто у Вас подготовка соответственная. Если бы понадобилось мне ампутацию ноги делать - я бы Вас так же попросил, а не сам взялся.

В этом есть некоторый смысл, вообщето. Принимаю винтовку. Не упокоим этих троих - не спасем тех пятерых. Не спасем - будем себя чувствовать херово. А нам и так невесело, если честно.

- К слову - что это Андрей так от яблочного сока подпрыгнул?

Николаич хмыкает: «В первую чеченскую их команда базировалась на побитом консервном заводе. Снабжение было такое - ну практически и не было снабжения. Особенно воды не хватало. А в подвале завода бойцы нашли складированный яблочный сок. Вот они его и пили, и умывались, и кашу варили, и чуть ли не стирали одежду. После этого если встретишь человека, который яблок на дух не переносит - скорее всего, сможешь точно сказать, где он был в первую чеченскую».

Осматриваю винтовку. Старенькая уже, но многозарядная мелкашка. Прицел простой, освоиться - не сложно.

- Значится так - если вы потом будете меня этим попрекать - обижусь всерьез. Я уже один раз был гнусным палачом, сильно поумнел потом и в женском поле сильно разочаровался. Не хотелось бы это второй раз проходить и разочаровываться в вас...

- Не беспокойтесь - этого точно не будет!

Ну, коли так, поехали... Главное - так учили - не воспринимать объект как человека, не то что не думать, что вот человек с именем и фамилией и родственниками - а даже как фанерный силуэт не воспринимать. Прицеливаться в деталь одежды. Безотносительно.

Голубой кулек капюшона. Перезарядка. Значок с уточкой. Перезарядка. Розовая полоска шапочки. Перезарядка. Хороший бой у винтовки, точный. Да и дистанция тут - доплюнуть можно.

Только собираюсь отдавать винтовку, как из хорошо видной отсюда двери детсада вылезает еще один кадавр. Пузатый, крепко сбитый, лысый, в майке на волосатом торсе. Руки замотаны видно его же рваной рубашкой, кровищи много. Умер еще вчера - по лицу видно. И уж так мне везет сегодня - снова кавказец. Ну, это уже ни в какие ворота не лезет... Ну и получи в лоб. Потому как кроме лба никаких отвлеченных деталей одежды на нем нет. И мимо он пройти не даст. И детенышей вывести не получится, пока он нелепой куклой торчит посередке дверного прохода.

Потому плевать мне, что он был человеком, после трех упокоенных детенышей я и так остервенел - хоть в штыковую атаку кидайся. Но Николаич тянет от меня винтовку и говорит спокойно - «А как вы думаете - может нам и не нужно, чтобы люди в автобусе сидели? Если кто и подойдет - со второго этажа их перестрелять будет тоже несложно. Да и покормить их стоит, в туалет сходят.»

Это как ушат холодной воды.

Хитрый, черт!

Конечно, я соглашаюсь. Ильяс с Сашей садятся в кабинет на втором этаже - вчера именно отсюда мне махнул рукой Сан Саныч. Компашка из автобуса - включая пуделишку - благополучно добирается до буфета и начинает приходить в себя. Застрали мы тут надолго, со всеми этими делами. Я думал, быстрее разберемся. А теперь еще надо ломиться в детсад. Потом опять же еще и их приводить в порядок. Николаич тем не менее спокоен - единственно, что им с Андреем не понравилось сегодня - это то, чем они гордились вчера - те пятеро грабителей у магазина получили по пуле в голову. Красиво, конечно, элегантно. Но это почти полтонны ценного мяса для зомби. Получается, как с теми - в Петергофе.

А это нехорошо любому. Получается, что тактические и стрелковые аксиомы надо

пересматривать.

Пора однако выдвигаться в детсад. Еще раз осматриваем зачищенную местность - пришедшего откудато изза машин одинокого зомбака кладем к упокоенным. Все, пора идти.

Ударная тройка - Володя, Николаич, Андрей. Я опять в обозах. Ну да это меня и не огорчает. Стрелковая подготовка у них лучше, видно, что и в тактике они куда лучше разбираются. Бдительно и внимательно озирая окрестности, доходим до самых дверей. Никого. Перешагиваем через мужика в майке, троица включает «налобковые» фонари, хотя вообще достаточно светло. В коридоре набрызгано и налито кровищи, но никого. Все двери закрыты. Лестница. Тоже пусто. Три двери. Андрей стучит костяшками пальцев в среднюю. По ней похоже колотили окровавленными руками, кровь уже обсохла. Но аккуратный Андрей старательно выбирает чистый кусочек и перчаток не снимает.

- Это вы? - женский встревоженорадостный голос.

- Да, это мы! - ну а как еще ответишь.

- Вы все проверили?

- Двор, коридор, лестница чистые. В комнаты не заходили и не собираемся.

Щелкает щеколда и какойто замочек. Дверь потихоньку открывается, виден глаз. Удовлетворившись осмотром, хозяйка глаза открывает дверь как следует, и мы видим второй глаз, ее лицо, фигуру и четырех детенышей в маленькой каморке. Здесь видно хранилось белье. Кастелянская, что ли?

- Краса Эрастовна Безсчастнова, повариха. А это Сеня, Лика, Аллочка и Аревик.

То, что повариха, это видно. Настоящий кинематографический штамп - полная, добрая, уютная и бойкая. Дети, как это ни странно, достаточно спокойно на нас смотрят, если и плакали, то уже уgomонились и сопли им было кому вытереть.

- Там внизу папа Аревик должен быть. Он сначала ломился сюда, хотел вынести дверь, чтоб забрать дочку, но мне удалось его убедить не делать этого. Попросила его лучше расчистить дорогу на выход и... и полечиться, чтобы дочка не заразилась.

- Мы сходим. Посмотрим. Вы пока запритесь.

Спускаемся вниз. Андрей с Николаичем рассматривают следы. Получается, что этот кавказец сначала пытался выломать дверь, отбиваясь от насевшей нежити, а потом просто растаскивал кусающихся детенышей - и возможно и взрослых - и распихивал их по пустым комнатам. Видно, что руки ему обгрызли сильно, но дорогу дочке он и впрямь расчистил. Силен мужик, уважаю. И в знак уважения оттащу труп за угол - чтоб для дочки папа еще остался живым. Андрей помогает, так как покойный весит за центнер. Ну вот, это все, что мы можем сделать. Ну и разумеется помочь дочке.

Андрей невозмутимо обхлопывает карманы мертвеца. Вытаскивает ключи с брелками. Заходит в коридор. Понимаю, что он ищет барсетку. Но видно ктото из зомби вцепился в эту вещь и утащил с собой. Николаич показывает вверх. Эвакуация детей проходит в штатном режиме.

Нам никто не мешает, не кидается из кустов и не прыгает с крыш. Но облегченно вздыхаем только зайдя в холл. Далее уже привычно и отработанно переходим в лабораторию. Попавшиеся нам по дороге трупы дети воспринимают достаточно спокойно. Видно весело у них вчера было, устали уже бояться, ступор у них. Пожалуй, через несколько дней реакция будет, пока как оглушенные. А вот повариха - та совершенно адекватна. Делаю ей комплимент на эту тему.

- Имя обязывает - легко соглашается она.

- Это как? - несколько глуповато удивляюсь я.

- Так меня в честь дедушки назвали. КрасА - Красная Армия. Сокращенно. - лукаво стреляет глазами пожилая уже толстушка.

Ну, точно - и имя такое и фамилия - очень модны были все эти псевдонимы у молодых ррреволюционеров: Максим Горький, Демьян Бедный, Серж Терпигорев...

В буфете народу набилось густо. Для детишек освободили стол и уж совсем кинулись кормить, как вмешалась Краса и уточнила, что у детей диета, трое из четырех - аллергии и

взяла кормежку в свои руки.

У меня незаконченная санобработка беспризорника. Вместе с Андреем отправляемся домывать Сыкатого. Пока я его мою, Андрей деловито собирает все, что подвернулось ценного в кабинете дерматолога, особенно в плане лечения педикулеза. Что ж - во время бедствий именно этим тварям хорошо живется. Дельно запастись средствами для сокращения их поголовья.

Доведя пацана до приемлемого уровня грязности, отправляемся к сумкам с медикаментами. Крыса подвальная както финтит и помоему очень не хочет туда идти. Когда из вестибюля заходим в холл с киоском - понимаю, что его крючило. Эти два уродца вывернули заботливо сложенные в сумки медикаменты и расшвыряли их по всему холлу. Да еще похоже не просто расшвыряли - полно мятых и разорванных упаковок. Поблескивают блистеры с таблетками...

- Приятно видеть такое трудолюбие, так все раскидать надо минут пятнадцать в поте лица своего стараться на совесть. Я рад, что нам попался старательный и трудолюбивый человек. Сейчас ты возведен нашим командиром в ранг Крыса Подвальная. Вот значит, сейчас ты уложишь все обратно в сумки. А все вылетевшие из коробочек блистеры с таблетками протрешь тряпочкой. От пыли. После этого выполнишь еще пару заданий - и получишь более высокое звание. - нет, определенно Андрей неплохой психолог.

- Да это не я, это Мика! - топырится мелкий негодяй.

- Мика лежит в другом конце здания с дырой в голове. Так что то, что вы тут вдвоем нагадили, убирать придется тебе. А мы с Доктором пока полюбуемся.

- Я пока в киоске пошарюсь - похоже Сан Саныч не все собрал.

И действительно - Сан Саныч взял то, что он, не будучи медиком, считал нужным. Забрал, например, весь валидол - потому как любой советский человек точно знает - лучшее средство «от сердца» - именно валидол. А на самом деле этот чудопрепарат - банальные ментоловые таблетки. Рот, правда, освежают хорошо, но сердцу от них толку мало. А вот отличные противовоспалительные таблетки «Найз» - оставил на полке.

Но намто они как раз пригодятся - у когонибудь заболят зубы, например - и что мне с ними с зубами делать? Мету все подчистую. И клизмы забрал и перчатки. И презервативы туда же. И зубную пасту. Бедному вору - все впору.

Пользуюсь тем, что пацан, злобно сопя, все еще собирает раскиданное - отзваниваюсь родителям и сообщаю все, что Валентина рассказала. У них в деревне все тихо и спокойно. Но какието слухи и дотуда дошли, так что все настороже. А у местных стариков и так уже давно система сигнализации есть - как утром человек проснулся, так занавесочку отдергивает на окошке - и остальные видят - все хорошо у человека. Пока у всех все в порядке, вооружились, кто чем смог. Отец везде с топором ходит.

Теперь то же - для братца. Братец съел все бутерброды, разгадывают с Мишкой старые кроссворды в старых журналах.

Им пообещали помочь, но пока все без изменений. Бомжики старательно объели Гутковского, но он все же обернулся, хотя и непонятно, как ему без челюстей теперь кусаться. И вся эта гоп компания разбрелась. Прозектор вернулся к моргу и теперь стоит в простенке - стрельнуть в него никак не получается, руку так не вывернуть. Попытались приманить - не хочет двигаться. То ли остыл и «уснул», то ли понимает, что по нему будут стрелять. Вот и стоит как часовой - токо кусок плеча и виден. Решили дождаться следующего утра - чтоб гад ночью остыл как следует - и если выйдет к окну - всетаки пара патронов у них есть.

Сверху спускается процессия - Краса ведет двух стрелков и двух грузчиков за едой в детсаде. Там ее немного, еды - обычно завозили не больше чем на 2 дня, да и дети по аппетитам не слоны, но зато вся пища очень качественная. (Ага, так я и поверил! Для навороченных родителей качественная еда - это то, что дорого стоит и роскошно упаковано. Ну и конечно, чтоб в Европе это было принято кушать. Ну и в итоге кормят детенышей всяким химическим гамном. Да и детишки с таким же воспитанием считают бигмаки и

кокаколу крутанской вещью. Правда, есть в этом и положительная сторона - лекаря не останутся без работы. Гастриты сейчас в школьном возрасте - обычное явление. Да и не только гастриты. Здорового детеныша с фонарями днем искать надо. Так что знаем мы, что такое «качественное». Качественное и полезное - как сухой корм для кошек. Присадок вкусовых куча, кошка носом чует, что вкусно - а потом дохнет, потому что запах - спецом присажен к жратве не шибко хорошей и кошке бесполезной.)

Деваха, которую наконец припахали и уже нашли для нее какуюто затрапезную куртень, взамен оставленной комуто из зомбаков короткой и форсистой, безнадежно бубнит, что ей надо домой и она тут таскать мешки не занималась. Но я вижу, что Краса с нее живой не слезет и никуда деваха не денется.

Сумки собраны. Идем к детсаду. Попутно Андрей снимает еще двоих пришедших мертвяков. Обратно валим уже кучей, но и эта куча не бесформенна - построение очень напоминает схему семьи павианов при переселении - изза того, что стрелки должны быть маневренными, все приходится нагрузить на мирных жителей, навьюченные мирные пыхтят в центре - а впереди и сзади самцы защитники. Я как на грех попадаю именно в мирные жители... Коробок и пакетов оказалось многовато, но это приятная тяжесть.

Пора покидать поликлинику. Валентина напоминает, что нам стоит взять дежурную сумку с медикаментами и перевязочными материалами, подготовленную на случай ЧС в соответствии с приказом Комитета по Здравоохранению, нужный инструментарий и шприцы из процедурной и профилактического кабинета, а также дает резонную мысль взять биксы с ватой и портативный стерилизатор. Пока ходим под прикрытием двух стрелков, она тихонько отмечает два момента:

1. Клей «Момент» с 1998 года выпускается с измененной рецептурой. Нюхать его сейчас бессмысленно. И его не нюхают. Потому называть нашего беспризорника «клеенюхателем» - не очень правильно. Лучше называть его токсикоманом. Бурчу, что спасибо, конечно, но мне вообще не интересно, чем эти кретины себе мозг оттаптывают. Валентина страшно удивляется - такой подход ей просто непонятен, она любит точность.

2. У нее произошел нехороший инцидент во время ночной работы - метаморфхояк, слолав более мелкого собрата и увеличившись непривычно быстро, неожиданно легко раздвинул прутья клетки своей башкой и отправился к клетке с живыми хомяками. К счастью в лаборатории находилась наша поликлиническая кошка Мурка. (Валентина забрала ее с собой, чтоб не так страшно было.) Ну и она, как признанный крысолов, этого хомяка загрызла. При этом и хомяк несколько раз укусил Мурку за морду. Валентина отсадила Мурку в клетку, решив, что обратиться полностью она ей не даст - слишком крупный и хищный впридачу зомби выйдет для поликлинической лаборатории да еще с единственным лаборантом, но Мурка чувствовала себя отлично и сейчас помирать не собирается. И что с животинкой делать? Подумав, решаем взять ее с собой. Если начнет помирать - пристрелить не вопрос, а так - хорошая животиночка, ласковая и крысоловная, чего еще хотеть от кисы?

Для беспризорника еще собираем одежду с бора по сосенке. Коечто добывает в распотрошенном гардеробе Дарья. Пацан одет диковато, но тепло.

Суетимся много и долго.

Наконец куча вещей и сумок - перед дверями. Николаич отзывает стрелков со 2 этажа. Все слушают, что он скажет. Он и говорит, что сейчас мы все колонной из трех машин двинемся в Убежище. Этим убежищем будет для нас Петропавловская крепость, точнее - Монетный Двор, который в Петропавловской крепости - как Детинец, или Донжон, если позападному. Начальник одной из смен охраны - его давний приятель. Вот Старшой всю ночь туда и отвозил всякое добро, чем усилил охрану, а нам разрешили там разместиться.

Порядок такой - впереди Андрей (стрелок) и Володя (водитель) на «Ровере», дальше - автобус со всеми женщинами, детьми, шмотками и прикрытием из Николаича (водитель) и Ильяса (стрелок), последним - «Логан» - Саша и я. Ну кто где - понятно. Если что - действуем по обстановке. Связь - по мобилам, пока все еще работает.

Какие вопросы?

Дарья хочет ехать с сыном вместе. - Без проблем. Принято.

Парень - компьютерщик спрашивает - «а чего это мы в крепость едем - все же эвакуируются из города, а мы - наоборот, в самый центр прем? Ведь видно было, что здесь зомби попадают гуще?»

- Потому что - Петропавловская крепость выбрана как укрепленное от проникновения любой нежелательной публики место. Ее такой специально строили. В средние века горожане всегда в крепостях спасались. Стены хоть и низкие - но зомби хрен заберутся. Ворота заперли - и держать оборону достаточно легко. К крепости ведет всего два моста. Их можно достаточно легко перекрыть.

Крепость прикрыта Заячьей протокой, зомби по воде не пройдут, крепостной ров и живымто мешал всегда сильно, а как только что нам сказали - и не любят они воду.

Рядом с крепостью - и тоже отделен Кронверкской протокой - Кронверк. Артиллерийский музей, по сути - арсенал с техникой и оружием. Большей частью - устарелым, но и нам не спутники сбивать придется.

Рядом - зоопарк - то есть места нежилые и малолюдные, зато отгороженные добротным забором от Петроградской стороны.

Весь участок можно сравнительно легко взять под контроль - особенно если удастся надежно защитить Восточный Артиллерийский мост и Западный Артиллерийский мост. Получится практически два острова. Причем безлюдных.

Ну а Монетный Двор - вообще режимное предприятие - оно еще дополнительно защищено от проникновения.

И последнее - не менее важное - крепость стоит на Неве. А Нева была транспортной артерией скони века - еще до принятия христианства. Путь из варяг в греки, слышали? Значит в случае чего - и эвакуироваться будет проще, чем по забитым транспортом дорогам, да и с другими выжившими связаться - тоже. Так понятно?

Так понятно. Распределяем на «мирных» груз и начинаем перетаскивать все в автобус. Потом переводим детей, женщин. Николаич оставляет в автобусе как прикрытие Сашу и Ильяса. Остальную кучу стрелков ведет за угол - туда, где стоят машины. Андрей отдает связку ключей, взятую у папы Аревик, Вовке.

Тот достаточно шустро разбирается в управлении и под нашим прикрытием выводит агрегат к автобусу. Я попутно замечаю, что одна из «женских» малолитражек не заперта и прихватываю автоаптечку с заднего сиденья. Вот, теперь у меня есть еще один кровеостанавливающий жгут. Да и вообще - пригодится. Набор медикаментов в аптечке дурацкий, но при грамотном подходе и от него польза немалая. Аптечек вокруг нас много - автомобильные есть в любой брошенной машине.

В принципе в них есть все, что может понадобиться в экстренной ситуации.

Поэтому у европейцев принято в первую очередь при ЧП использовать этот ресурс - например, остановить первую попавшуюся машину и попросить аптечку, если, скажем, сердце прихватило. Наши же люди в основном считают аптечку адским девайсом, созданным, чтоб ГИБДДшникам было к чему цепляться. Даже при аварии забывают, что она у них есть. Видал, как рану драной рубахой затыкают. А сзади мирно покоится нецелованная коробка, в которой и бинты есть...

Золотое правило - лучше иметь аптечку, чем не иметь.

Можно мхом заменить вату, бинт - ремнем или драной рубашкой, но это все не с руки и работает плохо. Пусть лучше будет, но не пригодится, чем наоборот. Показываю стрелкам аптечку и говорю, что им стоит вообщето разжиться такими - а жгут намотать на оружие. В ответ Николаич и Андрей ухмыляются и лезут в нагрудные карманы - показывают кончики жгутов. Тертые калачи, ага.

Возникла у меня, знаете, одна мыслишка, надо будет с Валентиной посоветоваться.

Залезаем по машинам, переводим дух. Теперь у Саши опять «Гаубица» и он снаряжает патронташик, пока я высказываю, что думаю на тему разряженного оружия вообще и нашей конкретной халатности в частности, сам снаряжаю свою «Приблуду», попутно отмечая, что

наша маленькая компашка разжилась еще тремя короткостволами, хоть и неважнецкими, но у подавляющего большинства населения нашего города и такого нет. Один из своих ТТ отдаю Дарье Ивановне. Она и с «Хаудой» справилась недурно, а так еще лучше будет.

«Ровер» мигает фонарями и выползает на улицу. За ним двигается автобус. И следом - замыкающими - мы. Теперь - в крепость.

Тот бункер, куда Виктор сейчас ехал, был уже вторым. Первый бесславно накрылся несколько лет тому назад, но это было скорее полезно - Витя многому научился. В первую очередь научился грамотно выбирать место для бункера. Тогда выбрав уютный пригорок и начав его обживать, он не подумал - на какой глубине будет стоять вода. И заботливо выкопанный и обустроенный бункер озадачил уже весной - все внутри отсырело, а воды на полу было по щиколотку. Попытки незаметно воду отвести ровным счетом ничего не дали, пришлось тупо откачивать. Пока возился с этим - вспучились стены, облицованные с любовью строганными досками. Но и это и то, что склад продуктов оказался тоже затопленным - было не самым худшим. Витя понятия не имел, что удачно разместил свою тайную базу в местах, где бои во время Отечественной войны шли ожесточенные и затяжные.

В паре километров был опорный немецкий пункт с кучей блиндажей. Там немцы, представлявшие разные тыловые службы, жили долго, оставив в многочисленных помойках горы бытового мусора, а в блиндажах - даже мебель, натасканную из ближайших деревень, потом когда их колонна отходила на лесной дороге, им не повезло - догнала пара советских танков, раскатав колонну на марше вдрызг - мягонькие оказались штабникитыловики, хоть и принадлежали к нашумевшей в то время элитной дивизии. Раздавленных немцев даже не похоронили, и весь хлам остался валяться на лесной дорожке и в канавах по ее обочинам.

А в четырех километрах еще в 41 году ожесточенно неделю дрались артиллеристы гаубичного полка РККА и погибли почти все. Чуток поодаль через пару лет держали позиции парашютисты Рейха - и им тоже досталось полной меркой. И это были только те драки, о которых Вите потом рассказали, а сколько всего было стычек и боев в этих местах - и местные оставшиеся не знали.

Большая часть бывших тут до войны деревень либо не пережила войну, либо во времена Хрущева пришла в упадок изза централизованной ликвидации конского поголовья - а тракторами в этих болотистых местах работать было мученьем, либо окончательно были добиты при укрупнении и централизации - была такая манера у Никиты Сергеевича, когда колхозников свозили из малых деревень в центральную усадьбу и селили в многоэтажных домах - но с печным отоплением и туалетами на улице...

Безлюдье оказалось тем не менее весьма относительным - район был вкусным для поисковиков - или чОрных копателей, как их величали не разбирающиеся ни в чем, но любящие хлесткие заголовки журналюги. Тут работали на вахтах памяти и официальные поисковые отряды, собиравшие останки советских солдат, валявшиеся по лесам все эти годы, тут рыскали и неофициальные одиночки и группы, занимавшиеся кто чем.

Разумеется, столь популярные на телевидении идиотские сюжеты о продажах найденных этими черными следопытами тоннах взрывчатки и складах «Шмайссеров» в масле международным террористам были чушью. Такой же чушью были и рассуждения о том, как легко жируют черные следопыты, продавая останки немецких солдат в Германию по 30 тысяч евро за комплект, как сотнями они продают «Рыцарские кресты с бриллиантами» и потом разъезжают по лесам на «Бентли».

Но Виктор, обнаружив, что кто-то из них нашел и унес припрятанную им тушенку в количестве трех ящиков, подумал, что стоит с этими бродягами познакомиться поближе.

Официалы, стоявшие крупными лагерями и работавшие открыто - с оформлением всех

документов, его не заинтересовали. С его точки зрения тратить кучу сил для того, чтоб найти какого-то пропавшего без вести бедолагу и потом корячиться, узнавая по истлевшей бумажонке из «смертного медальона» кто он и откуда - было глупо.

А вот разжиться чемнибудь стрелковым - пожалуй, стоило бы. С детства ему очень понравился МГ34. И Витя иногда мечтал о том, что в его бункере будет стоять хорошо смазанный агрегат с элегантно свисающей из него лентой. Потом Вите было смешно вспоминать, как он, начитавшись журналистской херотени, полагал, что влегкую купит вожделенный МГ. За дело Витя взялся всерьез - и выйдя через инет на пару поисковых форумов и знакомясь с копателями в ходе их раскопок. Чорные следопыты разочаровали его сразу же.

Оказалось, что это не те строго законспирированные и чуть ли не принадлежащие к тайному копательскому ордену беспощадные демоны в человеческом обличи. Оказалось, что неорганизованные неофициалы на редкость разношерстная компания. Потом оказалось, что и официалы - очень разные. Разобраться без стакана было сложно, а со стаканом - невозможно. То Витя узнавал о скандале в благородном семействе, когда оказывалось, что для улучшения отчетности вроде б «красные» следопыты сдавали собранные с немецкого воинского кладбища кости, как красноармейские, то чОрный следопыт оказывался вообще милиционером и при этом еще и порядочным человеком, что Витю, не любившего ментов вообще удивляло. И собирал этот мент как раз останки советских воинов - именно с тем, чтоб их идентифицировать и похоронить с почетом. И таких чОрных было немало.

Оказалось, что правительству Германии даром не нужны останки солдат Рейха, пропавших без вести в СССР - и их было не то, что продать, но даже и даром всучить непросто - по причине того, что в случае признания этого солдата погибшим правительству его родичам пришлось бы платить пенсию - за десятки лет.

Оказалось, что большая часть этих чОрных копателей - обычные фанатические коллекционеры, собирающие на досуге всякую с точки зрения Вити жбонь.

Особо поразил его один - в его квартире Витя увидел более 300 немецких касок. На первый взгляд они все были одинаковы, но коллекционер снисходительно показал - все декальки - рисунки на касках были разные. То, что одна каска была белой, а другая - зеленой, а щиткиэмблемки на них были одна больше, а другая - меньше - не вызывало у Виктора абсолютно никакого восторга. Другой чудак собирал стеклянные пузырьки. Часть ездила просто покопать - как другие ездят в лес поохотиться. Там были самые разные мужики - и по возрасту и по профессии и по взглядам на жизнь. Часть из них совершенно спокойно могла бы быть официалами, но чудовищно сложный путь оформления документов вызывал у них отвращение.

А МГ, который Витя наконец повидал и подержал в руках резко ударил по его мечте. Длинный ком сплошной ржавчины со сгнившим прикладом только перепачкал ладони. Попытки довести эту ржавчину до кондиции ни к чему не привели. Витя становился умнее и собранная по МГ информация тоже не порадовала - не зря сами немцы заменили эту машину другой - МГ42, что в условиях войны было непросто. Потом оказалось, что кинематографический восторг был преувеличенным - пулемет этот оказался сложным, тяжелым, капризным по отношению к погоде и самое главное - патронов к нему было бы не запasti. Да в глубоких воронках и блиндажах под слоем воды в три метра найденные маузеровские патроны сияли на солнце... Но у большинства из них безнадежно подмокла гремучая ртуть в капсулах и сушить их было без толку.

Какой прок от пулемета без патронов? Или от пулемета, дающего выстрел через пяток осечек? На следующий год в бункере опять было по щиколотку воды, а боковая стена расперла доски так, что они треснули, выставив в помещение острую щепу на разломе и изпод них высыпалась на пол куча земли, превратившаяся тут же в жидкую грязь. Матрас на лежанке заплесневел. Все имущество либо разбухло, либо заржавело.

Кроме посуды. Посуду кто-то спер, найдя вроде бы отлично замаскированный бункер. Из всего этого Витя сделал несколько выводов.

1. Бункер и склады должны быть там, где не шляется куча чудаков с металлоискателями, находящие консервы на счет «раз».
2. Бункер должен быть сухой. Всегда.
3. Бункер должен быть теплым и не промерзать - эта мысль пришла ему в голову, когда он обнаружил, что вода в бункере покрыта тонкой корочкой льда.
4. Кроме мясных консервов должны быть и другие продукты. От одной тушенки начинает корчить уже через пяток дней.
5. Нужен надежный компаньон. Или компаньонка.

Когда Витя окончательно похерил идею с пулеметом - судьба улыбнулась ему в 32 зуба. Его дружба с этими придурковатыми копателями уже подходила к логическому концу. Вся та фигня, которую они выкапывали из блиндажей, воронок и окопов ему была не нужна и даром. Но с целью уточнения возможных мест для базы он махнул с кучей следопытов в Рамушево, где во время войны была жесточайшая мясорубка - немецкая армия сидела в мешке и снабжалась по Рамушевскому коридору, а РККА пыталась этот коридор заткнуть. Компания копателей бурно начала громить блиндаж аккуратно за артиллерийскими позициями - судя по ржавым железным гильзам, которые так земля и не прикрыла, тут стояли немецкие гаубицы. Блиндаж был здоровенный, полный воды и Вите он не глянулся. Отмазавшись от работы, он вернулся в Рамушево - довольно большое, но очень обедневшее село и стал искать магазин. Бетонная коробка с практически нечитаемой уже надписью «Продукты» была закрыта на замок.

Полубоившись на руины нескольких коровников, Витя стал опрашивать местную пацанву и его быстро доставили «в магазин». Магазином оказалось ровно то, что до революции можно было встретить в глухих деревнях, где предприимчивый крестьянин завозил к себе в избу ходовые товары и продавал - либо через окошко, либо в сенях. Вот и тут - прямо в сенях обычного деревенского дома была организована лавочка. Как до революции.

Затарившись харчами и пивом, о чем его попросили компаньоны, Виктор навел справки о тех мужиках, которые могли бы помочь в поисковой работе. Хозяйка магазина дала наводку на двух Колей - Колю просто и Колю - Хвоста. Попутно, Виктор спросил - не найдется ли у нее иголки с ниткой. Тетка ушла в дом, оставив Витю со всем товаром, и Витя подумал, что тут народ еще простодушный и не пуганый всякими ловкачами и жульем. С другой стороны - тут все было настолько нищим, что уважающие себя мошенники не имели никакого интереса в этой безработной пьющей глубинке.

Получив даром иглу с ниткой, Виктор тут же встретился и с КолейХвостом. Тот, как только понял, чего от него хотят, стал очень дружелюбным и, непринужденно забрав у оторопевшего Виктора бутылку пива, ловко вскрыл ее передними зубами, после чего всунул горлышко привычным жестом сбоку в самый угол рта, где отсутствовавшие зубы образовывали естественное отверстие, просто приспособленное к сосанию пива. Выглотив в момент почти весь напиток он протянул Виктору остаток, но брезгливый Виктор великодушно предложил Хвосту добить в одно жало, что тот с удовольствием и выполнил.

Далее Виктор потерял час, пока не понял, что имеет дело с банальным алкашом. Правда алкаш был кладезем всяких баек из копательской деятельности и по его словам влежку мог показать место, где сел на брюхо немецкий транспортник и в его кабине так и остались сидеть в креслах скелеты пилотов, или отвести к намертво завязшему в болоте «Тигру». Разумеется также с экипажем. А в ста метрах так и осталась стоять на прямой наводке советская пушка...

С трудом ему удалось найти второго Колю - тот тоже оказался шибко пьяным, но куда более адекватным. Красивый мужик, хоть в кино снимай, но уже безнадежно спившийся. Насчет басней Хвоста он только рассмеялся и поведал, как Хвост впарил большому отряду сибирских поисковиков, прибывших искать тут своих земляков, большой пруд у телятника - как воронку от полутонной авиабомбы, куда немцы как раз свалили погибших бойцов из какого вы говорите полка? Именно - из этого. Одни сибиряки были, геройски освободили

Рамушево, но их авиация раздолбала. Все как один - в валенках! Точно сибиряки!

Поисковики оказались доверчивыми - это у них чуть ли не первый выезд был.

Целый день они как сотня Дуремаров ведрами и помпой откачивали вырытый в 1970 году пруд. Нельзя сказать, что совсем впустую - когда в 1992 году телятник сгорел, пададь сгрузили прямо в пруд, так что костей было полно. Увидев слой костей, поисковики сначала обрадовались, но потом призадумались - на человеческие - то скелеты, найденное не походило. А потом сердобольные селянки, озадаченные напором приезжих по выкачке пруда, рассказали правду.

Отряд с нетерпением ждал Хвоста - тот укатил с мужиками на сбор клюквы, но на обратной дороге донял односельчан так, что его выгнали из кунга, и ему пришлось ехать сверху. Там он самозабвенно орал песни, пока не встретился головой с торчащим над дорогой суком. Селяне считали, что именно это его и спасло - когда поисковики с черенками от лопат встретили машину - им под ноги вывалили равномерно покрытое грязью почти бездыханное тело. Бить это было бы бесчеловечно.

Так что Хвост выжил.

Коля - просто не стал пороть чушь на манер Хвоста. Парень был совестливый и порядочный, правда, два раза судимый. Первый раз - ловил рыбу. Дали год условно. Вообще он сваял дурака, конечно, кило тола да вблизи от деревни... Немудрено, что стекла посыпались. А второй раз - ну совсем глупо вышло - дали три года - за семь патронов! Ну, добро бы патронов была сотня. Или хоть полста. Но - семь?

Виктор уже посочувствовал жертве 222 статьи УК РФ, когда тот добавил, что эти злосчастные патроны он расстрелял в баню обидевшего Колю соседа - из ДП. Это несколько меняло дело, но собеседником Коля оказался отличным, вместе они сплавали через реку, и там Коля показал несколько любопытных мест. В частности трехметровый в высоту вал посреди болота, дававший защищенный участок в виде круга стометрового в диаметре - немцы держали в центре зенитки, а сами организовали в насыпном вале и блиндажи и землянки и пулеметные гнезда, да впридачу окружили себя рвом с водой - так выглядели ямы, откуда брали грунт для насыпи. Способ, которым немцы обеспечили себя сухим жильем посреди болота, Виктор взял себе на заметку.

Витя потихоньку давал по чуть-чуть водки и Коля на глазах оживал. Из алкаша на глазах появлялся опытный лесовик, знающий тут каждый куст. Когда Виктор спросил его, знает ли он о блиндаже рядом с кучей гильз, Коля улыбнулся и перечислил - гильзы, несколько снарядов с уже сбитыми медными поясками, пара пустых ящиков и груды пустых бутылочек от французской минеральной воды. Третий раз уже этот блин приезжие копают. В пятидесяти метрах - два некопанных - так нет, лень им посмотреть, все вблизи от дороги норуют.

Коля явно был благодарен за угощение, и когда водка кончилась, и потому Хвост их покинул (а свою клещку он получил именно за то, что хвостом ходил за теми, у кого было что выпить) - Виктор спросил напрямую - а можно ли тут купить МГ. Находившийся в блаженном состоянии Коля ответил, что МГ у него нет, но за пару ящиков соответствующего напитка с закуской он уступит хорошему человеку хорошую вещь.

Опасавшийся подставы, типа с «Тигром» - Витя попросил вещь показать. Коля на это согласился, и они довольно скоро вернулись к дому Коли. Дом стоял, покосившись на сторону, а сзади виднелось еще более развалившаяся избушка. Вот в нее то Коля и завел гостя.

- Матки моей дом. Все руки не доходят починить. - пояснил Коля и прошел к рассыпающейся печке. Засунув в топку руку мало не по плечо, понатужился и потянул что-то тяжелое и длинное. В итоге из печки вылез запыленный Дегтярев Пехотный во всем своем величии. Как положено - с сошками, блином диска и прикладом. Смахнув с него рукавом пыль, Коля показал, что, даже полежав в нежилом доме три года, оружие не поржавело.

- Я тогда ментам другой отдал - тот ржавый был. Хер бы он очереди дал. А этот Сергунькин, мне он достался, когда Сергунька помер. - пояснил Коля. - Ну, как, берешь?

Наивный Коля понятия не имел, что ММГ Дегтяря стоил куда дороже, чем этот, боевой. Естественно Витя тут же мухой притащил требуемое, и они даже обмыли покупку. Коля от чувств притащил откудато из развалившегося сарая еще диск и полиэтиленовый кулек с патронами - «Они финские, но должны подойти.» Со своей стороны Витя оставил все, что купил компаньонам - поисковикам и шустро поскакал в лагерь. Рассказав, что срочно вызвали на работу и, не слушая о том, что в блиндаже уже нашли кучу бутылочек от минеральной воды и пустые ящики, а еще и до дна не докопали, а завтра будет самый хабар, Витя завел свою машину и раскланялся.

Коля беззаветно дрых, положив голову на стол среди пива и еды, ДП так же стоял опершись на сошки и Витя не задумываясь отщелкнул диск, замотал пулемет, диски и патроны в брезент и покинул гостеприимное Рамушево. Обрато он ехал, соблюдая все правила и почти не дыша. Но им никто не заинтересовался.

Дома оказалось, что ДП не такой уж и новенький - и царапанным он был и вмятинки были на квадратичном прикладе - но после разборки и смазки все детали работали как должно. И глядя на вороненую добычу, Витя испытал чувство почти оргазмического восторга...

А когда он проверил в глухоманном лесу как работает обновка - полюбил агрегат еще больше. Пуля из ДП шила навывлет деревья, очередь сбивала кусты - и звук был не оглушающий, но какойто внушительный. Из всех 69 патронов осечку дали всего 3. Гильзы Виктор собрал - потом он их снарядил, заменив капсюля теми, что официально купил в магазине где работал, а порох и пули взял из более ржавых патронов, собранных во время копательской своей эпопеи.

Теперь пулемет был надежно припрятан неподалеку от нового бункера. Места там были совершенно дикие, война дотуда не докатилась, людям там делать было нечего, деревень жилых рядом не было, потому блиндаж, собранный из двух срубов деревенских бань - сухой, просторный и теплый - был в безопасности. И весело журчал родничок в десятке метров от холма с бункером.

Наша колонна выдвинулась не по Невскому, а потекла второстепенными улочками, что оказалось более разумным. Вовка вертелся ужом, пару раз проскочив через проходные дворы. Автобус Николаича чудом проскакивал в узкие подворотни, почти чиркая крышей. То, что творилось на Невском, мы увидели токо выскочив вопреки правилам на Дворцовую площадь. На обычно пустой от машин площади торчали тут и там битые, брошенные и частью сгоревшие машины и еще горящие, и туристические автобусы. Отчетливо слышна была автоматная стрельба - в районе и Александровского садика у Адмиралтейства и там, где на Невский выходило армейское следственное управление. Вообще - тут в городе было шумно - крики и визги стали фоном. Почемуто такого не было, когда мы грузились у поликлиники.

Выезд с Невского проспекта - там, где пересечка с Адмиралтейским проспектом - был мертво забит. Похоже, что там столкнулось два десятка машин. Никто не хотел уступать, и потому пробка была мертвой и ее с каждой минутой еще больше подпирали прибывающие машины. Попытки хитрецов проскочить приводили к еще большему цементированию этой пробки. Меня особенно удивило, что и Александровский садик был забит машинами, чего раньше никогда не было. Это была сугубо пешеходная зона. То, что там шла драка со стрельбой, ситуацию не улучшало. Смотреть было неудобно и далеко, но мне показалось, что зомби там были в комплекте.

Саша успел среагировать и мы не оторвались от нашего автобусика. Идея оказалась хорошей - «Ровер» сел на хвост здоровенному милицейскому «Уралу» с кунгом, проскочившему от Невского. «Урал» был специально подготовлен для массовых

беспорядков, усиленный бампер, сетка, закрывающая стекла и шло это чудище как нож в масле, легко отшвыривая попадающиеся навстречу машины. И то - зачем же нарушать рядность и нагло лезть нам навстречу - вот из-за таких самоуверенных ослов, считавших, что им закон не писан, в городе медленно, но верно наступал транспортный паралич. Мы бы вряд ли проскочили так лихо и быстро, если бы шустрый Вовка не оценил в момент преимуществ следования за «Уралом».

К нашему огорчению, так лихо мы дошли только до Троицкого моста. Там наш спутник дернул поперек движения - и мы следом - и попер в сторону Большого Дома, из окон которого, как говорила легенда, был виден Магадан.

А мы, более-менее спокойно переехали мост - из-за автобуса было видно, что с тройкой встречных «Ровер» все же поцеловался, но со всей дури спихнул их вбок. Далее нам было нужно свернуть влево к въезду в крепость, но нам навстречу шел поток. Сзади тоже подпирали и гудели. На наше счастье туристический автобус пропустил нас, и мы проскочили. Притормозивший Николаич высунулся из дверей автобуса и крикнул: «Спасибо! Водкой поить некогда - а вот позвоните через полчаса в Петропавловскую - на проходную Монетного - сочтемся!»

- Непременно! - Мужичок за рулем, ослабившись, кивнул, и вся наша механизированная троица шустро пошла по Кронверкской набережной, мимо музея и выставленной перед ним армейской техники. Я успел заметить, что в Артиллерийском музее ворота заперты, но внутри идет какая-то возня. За воротами стоял милиционер с автоматом.

Потом воспользовались дыркой в потоке машин и шустро выскочили на мост, ведущий в Петропавловку. Там, где у шлагбаума обычно стоял охранник, было пусто, шлагбаум был снесен и валялся на мосту, зато у ворот было аж три вооруженных охранника - причем в руках у них были явные винтовки. У левого я увидел тот самый K98 из магазина. Выглядели они непривычно.

Нам ворота открыли, и кавалькада въехала во двор перед Монетным двором. Так же шустро ворота за нами закрылись. Судя по окружающей обстановке - зомби здесь и не пахло. Николаич подал знак и все стали вылезать из машин. При этом я обратил внимание, что и Андрей и Ильяс и Володя автоматически развернулись и обеспечили круговое наблюдение. Рядом с воротами была вывеска «Нумизматический салон» и несколько ступенек вниз вели в магазинчик, находившийся в толще крепостной стены - Никольской куртины. Увидев, вероятно из окна, прибытие нашей команды, из магазинчика вылез пожилой крупный охранник. Подойдя к Николаичу, он перебросился несколькими словами, и Николаич, повернувшись к нашей артели, сказал: «Женщин и детей сейчас отведут в тюрьму Трубецкого бастиона, а стрелков и докторов попрошу пройти со мной.»

- И за что же нас в тюрьму? - удивилась Краса.

- Там сейчас самое безопасное место. И разместить самых уязвимых лучше всего там. В случае чего можно попрятаться в камерах. Опять же - сухо, светло и безопасно. И кухня там есть - ответил охранник.

- Ну, тогда ладно. Пошли, народовольцы. Вот уж не думала, что на старости лет в тюрьму придется садиться - и при этом буду радоваться...

- А мне можно остаться? - вылез вперед пацан.

- Пока место для жилья себе займи. - ответила Дарья.

И осталась сама.

После этого толпа под конвоем охранника отправилась в тюрьму, а мы вошли в полуподвальное помещение «нумизматического салона». Внутри был упорядоченный хаос - вся выложенная продукция собиралась и уносилась - судя по всему в Монетный двор. Ювелирные витрины были уже пустые, а сейчас убирались монеты. Впрочем, было видно, что далеко не все собирались эвакуировать - на полупустых витринах остались какие-то значки, сувенирные статуэтки, ярко раскрашенные солдатики и большая часть копий орденов Российской империи - все эти св. Анны, Станиславы, Александры Невские и Владимирсы. Но не самые ценные - дырки в их рядах объяснялись ярлычками - «Звезда

Ордена Александра Невского с фианитами - 80000р.»

Стоявший тут же мужчина в форме охраны Монетного двора - с тяжело свисшей кобурой и «Сайгой» на плече - кивнул Николаичу.

- Пошли на второй этаж - вы там будете размещаться.

На втором этаже все витрины были пустые - за исключением одной, с книгами по нумизматике. Было довольно просторно, хотя и лежала куча вещей. Я узнал спальные мешки из магазина. Тут же сидел и Сергей, судя по всему, снаряжая охотничьи патроны. Поднял голову, разулыбался как родным. Ну, мне тоже приятно было его видеть целым и невредимым.

Сесть пришлось на пол, подложив свертки спальников и прочее - представившийся нам как Михайлов Петр Петрович начальник охраны (я так и не понял - всей охраны или конкретной смены) извинился за неудобство и пообещал помочь мебелью, но не сразу.

- Диспозиция такая - территорию Петропавловской крепости охраняют совместно две группы - внутренняя служба безопасности Заповедника Петропавловская крепость - их всего здесь сейчас 18 человек, своего штатного оружия не имеют, но дюжина имеет свои собственные охотничьи ружья, с чем сейчас и дежурят. На них - Иоанновские и Петровские ворота. Петровские сейчас заперты вообще.

У нас всего прибыло в крепость 56 сотрудников охраны - 25 из них дежурная смена, остальные сочли, что тут лучше отсидеться, чем драпать куда глаза глядят, всего вооруженных штатным оружием - 25, еще 15 притащили свое охотничье оружие. Это не считая тех стволов, которые нам передали наши товарищи. - тут он кивнул Николаичу: - Мы охраняем Никольские и Васильевские ворота. Десяток людей пока несет службу на проходной завода и на территории, согласно расписанию, но уже сегодня работа предприятия практически закончилась - в основном сотрудники - те которые решили остаться здесь, занимаются доставкой сюда своих родных. То же касается и сотрудников музея истории города СанктПетербурга. Нам удалось практически явочным порядком забрать себе тюрьму Трубецкого бастиона. Там размещаются семьи работников. Скандал был и я полагаю, мы еще будем вынуждены ругаться с руководством музея, но тут других вариантов не вижу. Свои семьи они расположили в комплексе зданий у Петропавловского собора.

Пока вам не могу предложить ничего лучшего, чем помещение магазина - пока меня не поймут, что стрелковое отделение с медиком куда как нам нужно. Если я начну настаивать на размещении людей в производственных цехах - начальство взбеленится, да и работники еще постарому думают. Мы ж в основном следили, чтоб ничего не выносили из Монетного, так что любви к нам у работников никакой. Сейчас же скорее придется следить, чтоб туда никто не влез. Ну, насчет размещения внутри периметра Монетного Двора - вопрос времени. Пока нам лучше удержать внешний периметр крепости. Будем думать об этом.

Сейчас мы пойдем на собрание в Управление - здание Гауптвахты. Надо решить, кто за что отвечает и прикинуть хотя бы общий план обороны и жизни в осаде. Мне говорили, что у докторов есть важная информация?

- Да, коечто уточнили.

- Отлично, тогда ждем нашего начарта и двинемся. Музейные уже там, наши руководители, кто на месте - тоже. Есть ли вопросы?

- Какие у Вас отношения с внутренней службой безопасности Заповедника, есть ли контакт с Артиллерийским музеем?

- А как Вы считаете, какие отношения, если основная задача охраны Монетного Двора - обеспечение сохранности продукции и сырья? Контакты с посторонними не приветствовались - а охрана музея - именно посторонние. Так что никакого взаимодействия не было. А сейчас в связи с изменением задачи придется взаимодействовать. Пока мы практически силой отняли у них Трубецкой рavelин. Так что восторга у них маловато. А без нас они крепость дюжиной стволов не удержат. Сейчас сюда уже посторонние люди валом валят - особенно те, кто живет неподалеку, а уехать некуда и не на чем... Так что веселье

будет...

С Артиллерийским - перезванивались - от них люди уже подошли. Сидят уже - на гауптвахте. - он ухмыльнулся.

- А кто такой начарт?

- Вы не забыли, что у нас в крепости есть штатная артиллерия? Два орудия - пока из них 12часовой залп дают, но вообще пушки исправны и при наличии снарядов могут многое. Командир этой батареи - Охрименко - обещал за нами зайти - у него тож информация важная. Их всего артиллеристов тут - четыре человека, отставники, работают как часы.

- Зомби уже подходили?

- Как ни странно - пока нет. Может быть холодно им тут...

- Я не услышала, что, кроме выступления перед широкой публикой, ожидает меня? - спрашивает Валентина.

- По поводу Ваших исследований есть мнение, что стоит Вас отправить в Кронштадт. Там удалось отстоять больницу и в целом гарнизону худобедно получается пресечь эпидемию. Во всяком случае, треть города они контролируют и возможно, что им удастся справиться лучше нашего. Когда я доложил туда о Ваших выводах, комендант настоятельно просил доставить Вас к ним. Если Вас интересует мое мнение - это разумно.

- Без меня меня женили. - фыркает Валентина.

Снизу бодро протоптал такой бравый мужик лет шестидесяти - оглядел всю нашу компанию и представился: «Командир сигнальных орудий полковник в отставке Охрименко! Если все прибыли - прошу следовать со мной, а то они там уже сейчас передерутся.»

За артиллеристом двинули мы с Валентиной, да Николаич с Михайловым.

В аккуратненьком здании гауптвахты, где размещается дирекция Петропавловской крепости людей больше, чем стульев. Видно, что крик стоит великий, и артиллерист ненамного ошибся - вполне подраться могут. Это и понятно - стресс у всех, да еще впридачу начинается запрягание в одну телегу коня, трепетной лани и уж одним походом - рака, лебедя и щуки. И должны тянуть все в одну сторону, потому как иначе всех сожрут.

Про противоречия Монетного двора и музейщиков мы уже поняли. Но в крепости есть еще и другие организации и арендаторы. Есть толпа пришлого народа, с которым еще разбираться и разбираться. Есть мужики в офицерских мундирах и в штатском, но видно, что отставники - явно из Артиллерийского. Сидит три человека в броских чернооранжевых куртках - эти из МЧС. На спине у них это написано крупными буквами. Милиционеры двое - один с «Кедром» (или «Клином»?), но подсумка не видно, так что похоже все патроны у него в магазине. Косится на нас. Вероятно, у него чешется язык спросить - что это за охотхозяйство тут явилось. В общем - Ноев ковчег представлял из себя куда как более дисциплинированную команду.

Самое главное похоже - это решить, кто будет Главным. Без единоначалия - кончится все плохо. А тут есть кому пискками меряться. К тому же бедламу с зомби всего вторые сутки пошли - мышление на новые жизненные реалии так быстро не перекроишь, да и психологию профессиональную сразу не переделаешь. Для музейщиков что из Артиллерийского, что из Заповедника музейные экспонаты - это святое! Корова неприкосновенная! Ну, правда Артиллерийский в этом плане проще - там помнится при обороне Ленинграда передали десятки артсистем, кучу средств связи и даже стрелкового оружия для ополченцев (нехолощенное оно было что ли?). А сотрудники стали инструкторами, чтоб обучать, как с этим пользоваться, читал, было дело.

А вот Заповедник - никак не может смириться с занятием музейтюрьмы под «казарму», как выразился импозантный седовласый мэтр. Видно, что он потрясен до глубины души. Шумная перебранка - увы - имеет место. Роль матроса Железняк берет на себя один из мужиков в куртке МЧС.

- Уважаемые господа, граждане, товарищи, кому как нравится! Сейчас у нас каждая секунда на вес золота, потому предлагаю дискуссию свернуть. Выживем - подискутируем.

Если будем дискутировать сейчас - не выживем! За это ручаюсь. Прошу тишины!

- Да кто вы такой, чтоб тут распоряжаться! - это не выдерживает полная женщина. - Я требую, чтобы милиция навела тут порядок! Территория музеязаповедника находится под юрисдикцией Дирекции! Поэтому вы обязаны выполнять то, что велит Дирекция, а не заниматься тут самоуправством!

- У Дирекции странные представления о происходящем - громко заявляет Михайлов.

Это подливает масла в огонь.

- Это у Вас странные представления о том, как вести себя в музее, солдафон неотесанный - подпрыгивает седовласый мэтр - Ценнейшие экспонаты экспозиции отданы под общежитие какого-то! Это... это неопишимо! Вы за это ответите!

- Вы у себя распоряжайтесь! Мы же не лезем в Ваши дела, сидите, клепайте свои колечки-цепочки безвкусные! - это как-то деваха за мэтром вякает.

- Это у Вас безвкусие - достаточно глянуть, как вы вырядились! - режет правдumatку весьма неброско, но очень стильно и очень, помоему, дорого одетая дама с весьма грамотным макияжем.

Ну, это вообще какой-то театр абсурда!

Неожиданно на меня снисходит святой дух. Я дергаю за рукав Валентину Ивановну - Уши прикройте!

Она непонимающе смотрит на меня, но ушки прикрывает.

Придвигаюсь ближе к спорщикам и, набрав воздуха в грудь, ору изо всей силы что-то вроде - Йиэх!

Эффект сильный. На меня смотрят все - причем только Николаич с Михайловым ухмыляются, остальные видимо предполагают, что я свихнулся.

- Это я хотел вам всем напомнить, что вообще-то в городе катастрофа, и мы очень скоро столкнемся с ней вплотную. При этом у нас на все про все полста вооруженных людей, полное отсутствие организации и куча неорганизованных штатских, которых надо кормить, да и наоборот - туалетами обеспечить, иначе завтра тут будет все засрано, а послезавтра у нас тут будет дизентерия... А скоро набегит еще больше публики. При этом никто на воротах не проверяет прибывающих на предмет инфицированности. Значит, вполне может забежать инфицированный и здесь перекинуться. Устраивать разборки в духе коммунальной кухни сейчас просто преступно!

- А Вам слова никто не давал! - ехидно замечает седовласый - Если вы думаете, что ваш вопль дает вам право...

- Для того, чтобы вывести четырех уцелевших детей из мертвого детсада, мне пришлось упокоить трех мертвых детей. Так вот, чтобы спасти этих четырех детей от глупой гибели, я вполне могу упокоить одного пустомельного осла. Либо мы ведем собрание конструктивно, либо Вы сейчас выйдете в окно, например. Вас по роже били? Ну когданибудь?

Импозантный бледнеет. Похоже, как истинный интеллигент, он никогда не получал в харю. За него вступает деваха, требующая вмешаться милиционера - того с «Кедром».

Тот мнется и вместо него слово вставляет сухонький старичок в штатском пиджаке, но с очень серьезным набором орденских планок - я плохо знаю ленточки, но помоему две из них - «Красная Звезда» и вот та - серенькая - «За отвагу».

- Вынужден согласиться с молодым человеком. Мне надоел этот балаган. Поэтому предлагаю сейчас выслушать представителя МЧС, потом обещанные медицинские выводы и решать, что делать дальше. Предлагаю выбрать председателя собрания - полковника Овчинникова, а Вас, барышня, попрошу вести протокол собрания. Когда мы тут обустроимся и нам ничего не будет угрожать - мы с удовольствием послушаем диспут о культуре и духовности между вашим коллективом и монетчиками.

- Что вы себе позволяете? - щетинится полная дама.

- Позволяю себе напомнить ВАМ, МАДАМ, что чем дольше Вы ведете пустопорожнюю болтовню, тем ближе смерть. В том числе и Ваша. - старичок лязгает

металлом в голосе, как танк на развороте. Старая школа!

- Против предложенной моей кандидатуры есть возражения? - Сидящий рядом со старичком полковник в форме встает.

- Разумеется, есть! - вспыхивает полная дама.

- Значит, единогласно, как говорил в такой же ситуации Остап Бендер - невозмутимо отвечает полковник, ставший председателем.

- Прошу - товарищ из МЧС - вкратце, что можно сказать об эпидемии?

МЧСник сухо докладывает, что началось с Москвы 19 марта. Причина оживания умерших неясна, но вал покатылся страшный - уже сейчас известно, что то же самое в Европе и США. По ряду данных - это пандемия. Укус зомби - заразен и смертелен. Остановить зомби можно только разрушением головного мозга. Еще отметил, что заражение идет в геометрической прогрессии. Прогнозы самые паршивые. Хотя судя по всему - бороться и с этой напастью можно - в Кронштадте флотские стабилизировали обстановку.

Далее полкан дает слово Валентине. Она озвучивает свои результаты. Забавно видеть, что, в общем-то, достаточно простая работа вызывает удивление - часть присутствующих рты раскрыла, второй МЧСник сомневается, что такой объем работы можно выполнить за сутки, полная дама фыркает в том духе, что заниматься вивисекцией - глубоко безнравственно. Ее Валентина игнорирует, а МЧСника спрашивает - Вы кто по специальности?

- Водитель судна на воздушной подушке «Хивус». удивляется тот.

- Вы можете довести свое судно до Кронштадта?

- Разумеется.

- А я не смогу, я не умею водить. И Ваше умение выполнить такой объем работы удивляет меня так же, как Вас - объем моей.

- Я понял, извините.

- Не за что.

Следующим докладывает о своих слабых силах представитель внутренней безопасности - ну мы уже слышали о его дюжине бойцов.

Доклад Михайлова чуть веселее - все-таки оружных у него в четыре раза больше.

По его предложению дают слово и Николаичу - в основном он рассказывает о том, что мы можем отсюда проводить спасательные операции, но для этого нужно создать структуру гарнизона крепости. Также он отмечает, что в городе уже пошел и разгул преступности.

Тут полковник неожиданно обращает внимание на мою скромную персону: «Вы что-то говорили о карантинных мерах. Что конкретно Вы считаете нужным сделать прямо сейчас?»

- Да то же, что делали еще в Средневековье - стража осматривает проходящих в город - в нашем случае это следы укусов, раны, кровь на одежде и коже, при наличии такого - подозрительного в карантин на сутки. Ну а в карантине - как еще Ушаков делал - изолировать от других таких же - чтоб при обращении никого другого такой человек укусить не смог. То ли клетушек наделать, то ли в отдельные комнаты помещать.

- Вас понял - руководителям охраны настоятельно рекомендую направить распоряжения своим сотрудникам.

Оба без прекословий начинают отзваниваться.

К орудиям - это сообщает начарт - есть 38 холостых выстрелов. Оба ДЗ0 исправны. Нужно, однако, решить вопрос - не перейти ли к сигнальным выстрелам из имеющихся старинных пушек - 19 века - чтобы сэкономить современные выстрелы и наоборот расходовать дымный порох, который привезен в крепость из охотничьего магазина, но, в общем не очень востребован? Также вызывает потребность в обсуждении вопрос производства выстрелов - судя по данным, сегодня здесь изложенным - зомби шум выстрелов привлекает, но также этот выстрел привлекает и здоровых - так сотрудники МЧС поехали в крепость только из-за услышанного выстрела. Наконец надо решить - стоит ли прикрыть дульнозарядными старинными пушками с бастионов мосты - разумеется, эти орудия маломощны, но тем не менее годны произвести продольный залп по мосту той же картечью или даже каменным дробом, что вполне рассеет и истребит толпу зомби?

Наступает очередь того старичка с планками. Он предлагает выбрать - или назначить коменданта гарнизона, зам по тылу, зам по разведке, зам по артвооружению и технике, ну и начальника комендантской службы. Старичок извиняется, что у нас полувойсковая организация выходит, поэтому немного не так, как положено, но структурно надо решать немедленно.

- Вы тянете одеяло на себя, вся власть у вас получается в руках военных! - ну ясно, кто возмущается.

- Нет, почему же. Вот например - хотите взять обязанности зам. по тылу? - председатель благостен и добр взглядом.

- Быть завхозом? Да за кого вы меня принимаете? Может быть мне еще и метлой мести прикажете?

Поднимается потертый мужичок с черными руками. У него странные волосы - издали его темечко словно бы покрыто розовым плюшем - так странно смотрятся реденькие седые волосюшки.

- Учитывая важность момента - чтоб не терять времени - предлагаю у нас в «Печатне» прямо сейчас отпечатать результаты лабораторных исследований - и развесить по территории.

Председатель соглашается моментально и плюшевый протискивается к нам с Валентиной. «Печатня» - забавная артель, находящаяся в толще крепостной стены - куртине около Невских ворот, в которой собраны разные древние печатные станки и при небольшой оплате можно самому оттиснуть на каком-либо из этих чугунных устройств понравившуюся картину. Пока мы пишем текст для печатника, страсти разгораются дальше - одна за другой словно нарочно вскакивают две тетеньки - одна от жильцов дома №13 и №15 Петропавловской крепости - вот не думал, что тут люди ЖИВУТ, а другая - служащая туалета, который находится в Иоанновском рavelине. Понять сразу их трудно, потому что они пытаются перекричать друг друга, но видно, что председателя не зря выбрали. Из сумбурного дуэта он сразу вычленяет главное: тетеньки просят защиты. Потому что и жилые дома, находящиеся в Алексеевском рavelине и все, что находится в Иоанновском - а там, кроме туалета, еще и магазины и кафе и музей ракетостроения и космонавтики - не защищены толком - стены рavelинов почему-то соединены со стенами крепости низенькими декоративными заборчиками - и потому любой живой мертвец туда залезет в момент!

- Алексей Сергеич! Доложите соображения по инженерному обеспечению крепости! (А, ну да, разумеется - Артиллерийский музей полностью называется Военно-Исторический музей Артиллерии, Войск Связи и Инженерных войск! Так что саперы там точно есть!)

- Докладываю - это сухой, долговязый и совершенно седой флегматик.

- Только Алексей Сергеич - тут в основном штатские, так что, пожалуйста, учтите это.

- Учитываю. Итак - крепость - в плане вытянутый шестиугольник с шестью бастионами - по одному на каждый угол. Бастионы осовременены - снабжены орильонами. Высота куртин - от 10 до 12 метров. Учитывая наиболее вероятного противника - оживших мертвецов, можно считать, что сама крепость при дополнительном укреплении ворот - защищена хорошо.

Рavelины - боковые дополнительные укрепления с торцов самой крепости - раньше отделялись от тела крепости рвом с водой. То, что женщины называют заборчиком - остатки от ботарды со стилизованным палисадом - частоколом.

- Алексей Сергеевич!

- Извините. Проще говоря - там во рву, соединяя боковую стену рavelина и внешнюю куртину крепости стояла стенкаплотина, удерживавшая во рву воду, а сверху по стенке шел частокол - чтоб препятствовать десантированию. При штурме атакующим пришлось бы лезть либо на стенки рavelина, либо перебираться в воде через палисад - под перекрестным огнем это удовольствие сомнительное. Сейчас ров засыпан и палисад дает неудовлетворительную защиту. Считаю, что мы можем разобрать часть заборов и временных оград внутри крепости - и из полученного материала сделать достаточное ограждение от

мертвецов. Это ж не спецназовцы и подрывные заряды использовать не будут. Нужны рабочие, сварочные аппараты и грузовик до трех тонн. Высота стен равелинов - 6 метров. Если сделаем забор такого же уровня - вполне хватит.

Второй момент - подходы и подъезды к крепости. В настоящий момент Заячья протока покрыта льдом и никакой защиты не представляет. Два моста по которым можно попасть в крепость - Кронверкский и Иоанновский таким образом имеют меньшее значение, потому что и без них попасть на территорию Заячьего острова по льду легко. Но в дальнейшем - ЕБЖ - придется либо ставить серьезные предмостные укрепления - тетдепоны, либо, что на мой взгляд разумнее - разобрать настилы этих мостов и вместо них навести мост от середины между ними - напротив ворот Кронверка, а Кронверкскую набережную перекрыть, защитив таким образом оба Артиллерийских моста. Это на мой взгляд будет более разумно.

- Вы бы не матерились при женщинах! - безвкусная девушка щетинится.

- А где я матерился?

- Ну, как же - ЕБЖ ваше!

- Хм... Если Будем Живы - где ж тут матюки? Обычное присловье.

- Ну и присловья у вас!

- Ближе к теме! Попрошу без перепалок! У Вас все, Алексей Сергеевич? - председатель рубит спор как топором.

- Так точно. Заборы и защиту для проездов делать надо быстро, тут женщины правы. И укрепить ворота стоит. - сапер так же флегматичен.

- Ясно! Монетный Двор - Ваши рабочие могут построить забор?

Та самая стильная дама фыркает - ну, разумеется! Рабочие на Монетном такой квалификации, что вообще стыдно их использовать на строительстве заборов! Это вполне могут сделать гастарбайтеры, которые наняты Заповедником!

- Нам сейчас нужно качество именно петербургское! Именно квалифицированное! Ваши рабочие должны понять, что они сейчас не забор делают, а восстанавливают обороноспособность Петропавловской крепости. И лучше, чтоб первый рубеж обороны у нас проходил не по Монетному Двору, а по Алексеевскому равелину.

Ай, молодец председатель! Как завернул! Дама кивает - такой подход делает работу ответственной и почетной, вполне достойной Монетного Двора. Да и вторая линия обороны явно ей пришлась по душе больше, чем первая. Она звонит по мобиле, распоряжается очень кратко. Потом поворачивается к саперу.

- Эээ...

- Товарищ полковник - так лучше всего обращаться...

- Хорошо... товарищ полковник - Вы можете подойти к Монетному двору - сейчас там соберется полсотни рабочих со сваркой и инструментами. Грузовик тоже будет. Правда грузоподъемностью поменьше, но, полагаю, хватит. Если чтото будет не выполнено - позвоните сюда. Ответственный там - Гришаев.

- Ясно. - и глянув на председателя - Разрешите покинуть собрание?

- Конечно, Алексей Сергеевич!

- Эй, а какие заборы это вы собираетесь разбирать? Они же у нас на балансе! Вы перед тем как ломать чтонибудь с нами должны согласовывать! - ну почему я не удивлен, слыша это?

- Непременно согласуем. - Седой сапер ввинчивается в толпу и выкатывается наружу.

Председатель смотрит на Николаича и Михайлова - Прошу Вас пригласить строителей по паре стрелков хотя бы. Нам нужно, чтоб им не мешали работать.

- Принято - кивает Михайлов.

- И еще - у Вас вроде бы были патроны 7,62 к Мосинке и СКС?

- Да, только мало. Вот они привезли.

- Я понимаю. Но у нас есть еще оружие, а боеприпасов нет совершенно. Сейчас переговорите с майором. Попрошу поделиться, мы добро помним.

Николаич морщится и когда к нему добирается невысокий невзрачный человек в

штатском, начинает с вопроса:

- Получается так - жену отдай дяде, а сам иди... к тете?
- Цену себе набиваете? Я ж прекрасно понимаю, что патроны сейчас - буквально на вес золота. Но Вы вооружили монетчиковую охрану. Значит, не чужды альтруизма. Или понимаете, что лучше иметь организованную оборону, чем отбиваться в одиночку. Мы к слову - тоже не чужды альтруизма. Вы в этом убедитесь, если сутки другие продержимся.

- Мягко стелете. Особняк?

- Был.

- Ясно. Насчет был - не верится, но ладно. А оружие откуда?

- Есть коллекция экспериментального оружия, не принятого на вооружение по результатам испытаний. Холостить его запрещено - было много ситуаций, когда при появлении новых боеприпасов или технологий старое оказывалось востребованным. Так что есть и пистолеты, и винтовки, и автоматы. А вот патронов нет.

- Этого понятно... Но и у меня патронов не пуды.

- Нескромный вопрос - сколько?

Николаич начинает сыпать цифирью, из которой я успеваю выхватить разве 7,62 - тем более, что оно повторяется несколько раз.

- Вопрос ясен. Прошу триста 7,62 мм М1908/30 к винтовке, и хотя бы четыреста 7,62 мм Калашников.

- И нежно поцеловать впридачу.

- Нет, без поцеловать. Это уже лишнее.

- Знаете, мой альтруизм не так велик и обширен. С Вас - пять стволов. Тогда пойдет.

- Вас случаем не ДжекПотрошитель зовут? Стволы же уникальные - еще нашим сотрудникам я могу их выдать, да и то как бы с меня голову не сняли. Это ж Спецхран! Их любому будем пользоваться пару дней - потом с полигона нормальное оружие привезут.

- Приказ есть на раздачу оружия?

- По Московскому гарнизону - да.

- А по Петербургскому?

- Пока нет...

- А если не будет вообще приказа?

- Если все будет так плохо, то приказ отдаст местное руководство. Как мы сейчас это сделали по музею.

- Ага. А Вы моими патронами застрелите кого важного...

- Три ствола. Винтовка, автомат, пистолет.

- Еще винтовку добавьте - и договоримся.

- Не могу. Честно. Потом сочтемся, гарантирую.

- Не получится так, что пульей в затылок? По Вашей основной профессии?

- Да ладно, если б это вон те демократы говорили... Ну не могу винтовку. Могу прицел дать к снайперке.

Дальше оба опять начинают сыпать какимито сокращениями и аббревиатурами. Николаич морщится, как от кислого, но соглашается. Бьют по рукам и дождавшись, когда Старшой дает такие распоряжения по мобиле Андрею - отдать патроны в обмен на три единицы огнестрела нарезного и прицел - майорособист моментально исчезает.

Михайлов тихо шепчет Николаичу на ухо - (но я все же слышу): - Ну, ты и бандит. Обобрал до костей. Прикидываешь, сколько сейчас раритетные, экспериментальные, музейные образцы стоят?

- Сейчас они стоят семьсот патронов. А скоро - и вообще нисколько. Запчастей нет, а коллекционерам... Еще и выжить надо. А это не бык пописал - сейчас выжить. Хотя в одном ты прав - вот будет минута отдыха - я помечтаю на эту тему... И получу кайф как от кальяна!

Оба тихонько посмеиваются.

С улицы входит еще мужичок. Румяный, но седоватый, что видно, когда он снимает шапку. Фамилию его расслышать не удастся, но председатель ему явно рад: - Вот

замечательно, что Вы появились. Очень вовремя! Что скажете?

- Ситуация таковая: сейчас на территории Заповедника более двух тысяч человек - из них триста двадцать шесть - сотрудники Монетного двора и их семьи, размещены частью в Монетном дворе, частью в Трубецком бастионе, сто пятнадцать - жильцы и их родственники и знакомые, размещены в жилых домах у Алексеевского, четыреста три - сотрудники музея - Заповедника и их семьи и знакомые, размещены в комплексе зданий Кавальера и фондовых капиталов, шестьдесят шесть - те, кто относятся к арендующим у нас фирмам - пока нигде не размещены, так как пока и кафе и лавочки сувениров торгуют в обычном режиме, и более 1300 - неорганизованные - тут и туристы и беженцы и посетители - с ними сложнее всего. В общем уже стоит проблема их питания, размещения и вынужден сказать, что штатные туалеты зашиваются. Женщин в очереди масса - я таких очередей не припомню, разве что как при Горбачеве. Настроение у всех отвратительное, скандалят. Охрана на воротах уже отфильтровала два десятка человек, как подозрительных по карантину. Таких размещаем в казематах Зотова бастиона. Под присмотром, конечно - вот Михайлов своих троих дал. Тоже там все непросто - они ж раненые, бинтовать нечем. Ну, Охотничья команда помогла - дали медикаментов.

(Ага, нас похоже называют Охотничьей командой...)

- Но в Зотовом бастионе материальные ценности!

- Так я и есть материально ответственный. К слову, чем тут сидеть - шли бы Вы разбираться - там автобус с тридцатью итальянками-туристками, а водитель делся куда-то. Никак с ними договориться не получается. И что делать с ними - непонятно. Они еще и голодные впридачу. - очевидно, что между импозантным мэтром и вновь пришедшим сотрудником Заповедника давняя и стойкая любовь.

- Я не могу покинуть собрание, так как без меня интересы Заповедника будут нарушаться!

- Кроме вас тут еще пятеро ответственных лиц, не ниже Вас по должности, а поитальянски только Вы говорите. То есть говорили Вы, что говорите поитальянски?

- Вы что, сомневаетесь в моей компетентности?

- Ни боже мой! Вот Вам и карты в руки!

- Я не могу позволить в такой момент прибирать власть в свои руки всяким армеецам и разным спасателям кошечек с деревьев!

- То есть не идете?

- Пусть идет Игнатъев - передайте ему, что я велел.

- Но получится. Игнатъев пропал без вести.

- Тогда Соколова!

- Хватит! Тридцать итальянок уже в относительной безопасности, так что нечего тут распространяться. Прекратите - оба! Предлагаю выбрать зам. по тылу - вот Хранитель фондов Заповедника - Францев Павел Ильич. Знает заповедник как свои пять пальцев и не допустит нанесения ущерба фондам. Кто против? - председатель обводит орлиным взором присутствующих.

Никто не против, даже уже достаточно засветившиеся либералы из музейных.

Оттуда слышно что-то вроде:

- Самая по нему работа - по туалетам бегать! Венец карьеры!

Гул однако начинается, когда полковник Овчинников начинает зачитывать после обязанностей новоиспеченного хозяйственника - обеспечение крепости материальнотехническими средствами - продовольствие, вода, топливо, техника и так далее и обеспечение функционирования жизнеобеспечивающих систем, права - и вот тутто возникает возмущение, потому как права даются серьезные - ему переподчиняются все хозслужбы, включая принадлежащие арендаторам, соответственно сотрудники музея - включая гастарбайтеров и много чего еще.

Не давая собранию увязнуть в обсуждении, тут же выбирается ответственный за оборону Крепости - это оказывается наш знакомец начарт - командир сигнальных орудий,

которому переподчиняются и стрелки Внутренней службы безопасности музея.

Далее при минимальном перевесе голосов на Михайлова вешается комендантская служба.

Ну а комендантом после долгих и тошных споров становится - ну естественно - полковник Овчинников.

Последнее сообщение от коменданта на собрании - требование всем умеющим обращаться с оружием, сдать в течение двух часов сюда, в штаб Крепости свои военные билеты, военным пенсионерам - пенсионные удостоверения - или список, заверенный от Артмузея.

- Это еще зачем? На учет ставить?

- На учет и так поставим. Возможно, удастся получить оружие и боеприпасы в Кронштадте - сейчас подготовим приказ о мобилизации военнообязанных.

- Это ж будет филькина грамота, так не положено действовать.

- Давайте не будем спорить. Если под этот приказ нами будет получено оружие и боеприпасы и прочая поддержка от клешников, то я готов и на большие глупости.

После чего собрание объявляется закрытым. И лишних просят покинуть помещения, чтобы приступить к своим непосредственным задачам. Коротко и ясно.

Хранитель подходит к нам.

- Вы не можете поделиться продуктами? Это сейчас самое сложное в нашем положении. Сотрудникито худобедно едой обеспечены пока, с собой принесли, да в Монетном и своя столовая есть, а вот туристы и беженцы... Сейчас еще и школьные каникулы, детей много. Попробуем чтонибудь сварганить, чтоб готовить горячую пищу, но не из чего. И потом надо обеспечивать доставку, безоружных посылать - бесполезно, а охранники... У них специфическая работа.

- Через час ответим, что можем Вам передать - разобраться с грузом нужно, у нас все внавал. Потом соответственно и решим, как быть. А полевой кухни у Вас в хозяйстве нет?

- К сожалению. Полевая кухня многие проблемы бы решила. А часа на разбирательство у вас нет. Судя по сообщению наблюдателя - с колокольни Петропавловского собора - мертвецы уже в поле зрения. И не один, а куда больше. Пока держатся поодаль, но полагаю, что скоро мы с ними столкнемся. Так что через полчаса я к вам подойду с людьми.

- Хорошо. А как насчет нас на довольствие поставить?

- Как я помню, разведка обычно сама себя питала.

- Когда это мы стали разведкой?

Овчинников поворачивается к нам:

- А вот только что - Вы - смотрите на Николаича - назначаетесь начразведслужбы, Вы - глядя на меня - начмедслужбы. А начвора - вы уже видели - майор, которому вы кишки вымотали за пару сотен патронов...

- За семь сотен, за семь...

Овчинников тяжело вздыхает... Горек хлеб отставника, командующего хрен знает кем... Но он сдерживается, считает до десяти, наверное и мирно говорит:

- Ладно уж Вам. В одной лодке сидим. А теперь, когда на нас две с половиной тысячи людей - тем более.

Ну, удерете Вы с командой. А дальше что? Выжить, безусловно, выживете. А через сорок лет как жить будете? Я не в плане совести, это десятое дело. Я про физический уровень.

- Знаете, товарищ комендант, зря Вы меня агитируете. Меня вон докторица уже ночью просвещала, спрашивая, у какого племени лучше шансы выжить - у которого десять воинов и одна женщина, или один воин и десять женщин... Только это все зря, я и сам не маленький, хорошо все понимаю. Но обеспечить в день минимум две с половиной тонны жратвы - это непросто. К тому же я понимаю - кормить детей. Тут свято. А кормить дармоедов, вон как у Вас за спиной сидит - с какой стати мне корячиться со своими людьми?

- Да как Вы смеете! Вы умеете одно, я другое! Вот и выполняйте свои обязанности!

Вы обучались воевать, а я нет - вы обязаны защищать нас!

- Я так думаю, комендант, надо вводить карточную систему. Иначе не разберемся и сдохнем тут бесславно.

- Да пожалуй что... Павел Ильич - значит списки всех, отдельно трудоспособных, отдельно владеющих оружием - и имеющих боевой опыт. Доктор - разворачивайте медпункт, Павел Ильич место покажет.

- Не пойдет. Доктор нам в группе самым нужен. Тут он у Вас будет сидеть йодом царапины мазать, а нам он нужнее.

- Что самито скажете, Эскулап, носиться на выездах или Вам тут больше нравится сидеть?

- Здесь, как я знаю, есть медпункт при Монетном дворе. Насчет сидения меня тут - не мой уровень. Вполне хватит медсестры. Только ее усилить надо, среди этих двух тысяч точно есть медики - медсестры, например. А на выезде может быть и серьезнее ситуация.

- А если что серьезное будет здесь? Чтоб по вашему уровню?

- А с серьезным здесь я сам не справлюсь. Одно дело рану забинтовать или кровотечение остановить на выезде. Инфаркт лечить в полевых условиях или операции на Комендантском плацу голыми руками делать... Надо налаживать связь с Кронштадтом, если у них есть больница - надо договариваться, чтоб у себя они принимали наших.

- Резонно... Сегодня был разговор с комендантом Кронштадта. Ситуация у них тяжеленная. Но говорят, что справляются. Очень просили прислать докторшу. Мне это честно говоря не нравится - два врача лучше, чем один. Значит, организуйте работу здесь - и поедете к мореманам договариваться. Обещаете вернуться?

- Почему спрашиваете?

- Жизненный опыт. Если в Кронштадте справились с ситуацией - там жить будет легче. А найти себе оправдания - тем более, что Вы тут особо и не связаны ничем.

- А Вы?

- У меня семья сейчас в городе. Велел им не выходить. Не выходят. И таких много.

- Ясно. Землю есть не буду - но вернуться обещаю.

- Тогда приступайте. Павел Ильич сейчас провернет аферу с топливом - обеспечим МЧСников и себя заодно - и на Кронштадт. Кстати - сейчас у нас в музее идет работа по подготовке колесной техники. Из экспонатов две БРДМ на ходу скоро будут. За сутки обещали управиться, да и мужики с Монетного Двора взялись помогать, а там действительно мастера феномены. Так что у разведки будет дельный транспорт. Учтите это.

- Учту. С детства мечтал на ваших машинках покататься.

- Вот и хорошо...

Из открывшихся дверей кто-то кричит: - Тут доктора? Там женщине плохо!!!

Ну вот и началось...

Началось, однако, еще хуже - на выходе нас поджидала довольная собой Крыса подвальная. По его словам - хорошо поработали, в связи с чем не пора ли ему поднять звание? Все пожитки из машин уже перетасили в магазинчик, даже и рассортировали, все пучком, токо Няку девки забрали. Сейчас с ней там в тюрьме играют.

- Какую Няку?

- Да кошку из клетки! Ее так девки называли.

Валентина белеет как полотно и неловко - мешком - садится на ступеньки лестницы. Что это она?

- Мурка... Она же укушена! Она инфицирована!

- Бежим! - Я и Михайлов галопом несемся к тюрьме. Николаич остается с обезножевшей Валентиной, куда-то лихорадочно звонит. По дороге Михайлов цепляет парный патруль из своих орлов и те несутся с нами.

В тюрьме все както слишком нормально - нет, конечно, кто-то из детей ревет в голос, кто-то переругивается поженски на высоких тонах, но все спокойно - и рев, по звуку судя «дай, а то не заткнушь!», и перебранка рутинная. Охранник - из Михайловских же -

взъерошен и потен, но без ужаса в глазах.

- Обстановка? - это Михайлов.

- Кошмарная! Смените меня, а? Тут же одни считай бабы - и то им не так и это, я ж им не нанятый. Не поверишь - требуют, чтоб я им мебель двигал. А тут все привинчено и к полу приколочено! Я им - мужики закончат работу - пусть и двигают - так дармоедом обозвали...

- Кошка где?

- А вон - у девчонок. Они ее сейчас до смерти загладят.

Подбираемся к куче малышни. В центре действительно наша Мурка. Вполне благополучного вида. Обычно она так поет песни, когда нажрется до отвала.

- Уффф... - громко выдает Михайлов.

И переведя дух, продолжает - Девочки, кисе надо своих деток проведать. Доктор, возьмите кису на руки.

Девчонки начинают канючить - но шеф охраны тверд как скала. И мы торжественно отбываем с Муркой на руках. Вообще-то тут что-то не так. Кису кусали, судя по рассказам Валентины уже явно больше, чем сутки назад. И кисе - хоть бы хны.

Киса довольна собой и жизнью, на вид совершенно здорова. Но царапины на морде есть.

Непонятно.

Увидев нас с котейкой, Валентина медленно розовеет. Приятно видеть, как ее синие губы возвращают прежнюю окраску, а то жуть что было.

- Совершенно не понимаю... Больше суток прошло. В тепле. Она должна была обратиться еще до погрузки в автобус...

- Вообще Валентина Ивановна Вы так больше не надо - это Николаич.

- Конечно. Но что с кошкой было делать?

- Предупредить бы моих - они бы и присмотрели. А то сами понимаете...

- Да, конечно. Но я боялась, что Вы это воспримите как нелепую сентиментальность.

- После того, как Вы сутки живность потрошили? Бросьте. Ну да ладно, хорошо то, что хорошо кончается. Значит, не все укусы зомби смертельны?

- Или не для всех - смертельны. Надо посмотреть. Мурка пока пусть в клетке поживет.

- Не тяжело ей будет?

- Нет, наша главврач цветы любила. А Мурка в горшки гадила, есть у нее такая прихоть. Потому приказано было ее убрать вон из поликлиники. Но сторожа и санитарки ее любили - она ласковая и постоянно в полуподвале крыс давила. А там у нас раздевалки, комната сторожей и санитарские. Поэтому ее днем прятали в коробку, а ночью она гуляла. Последний год - никто из сторожей ни одной крысы не видал.

- А главврач?

- Ну, за Муркой убিরали, так что все были довольны.

- Слушайте, там человеку плохо, а вы тут с кошкой рассусоливаете!

- Иду, иду!

С человеком все оказывается просто - закатила тетка истерику аккурат у туалета. Нормальную такую истерику, с воем, криком и валянием по земле, чего я давно не видал.

Но позы театральные, не обмочилась, колотится о землю осторожно. И чашка холодной воды в физиономию оказалась самым действенным лекарством. Ято боялся, что диабетичка или сердечница. Бог миловал... Пока миловал. Но две тысячи человек - весной, на холоде, да в неудобстве обязательно выдадут...

Додумать не успеваю - у Иоанновских ворот какой-то крик и брань, причем нехорошая брань.

Вообще-то можно бы и не ходить... Но тут мало стволов и мой может оказаться не лишним. Оказывается брань из-за того, что в ворота прошло семейство, а в семействе двое мальчишек - и один из них перебинтован - кисть руки. Родитель говорит, что это он порезался, а охранники тычут пальцами в уже висящий лист с информацией (а молодец печатник!) и требуют отвести пацана в карантин, против чего выступают оба родителя.

Пацаны ревут, отец матерится - охранники не уступают, а вокруг народу уже столпилось куча - глазают. Надо бы вмешаться, но хорошо бы, чтоб охрана сама справилась. Нечего мне из себя изображать ангела небесного.

На помощь охранникам подспевает тот самый милиционер с «Кедром» - козыряет на ходу и разрешает идти с сыном папе. Маму с другим сыном отправляет на сборный пункт - на все требования не разъединять семью жестко отвечает об установленных карантинных правилах, а пытающегося качать права папу предупреждает - либо семья будет соблюдать правила - в Крепости - либо совершенно свободно может валить на все четыре стороны. Папа стихает от такой перспективы.

Встречаемся с милиционером взглядом. Он довольно неприязненно спрашивает: - Контролируете исполнение?

- Да. Должен признать - придраться не к чему. Грамотно работаете. Куда отводите на карантин?

- Идемте. И вы оба - тоже. Маме с сыном - по указателям - красные стрелки. В Артиллерийский цейхгауз - там пункт сбора. Получите горячий чай. (А это уже молодец Павел Ильич! Горячее питье - хоть и без чая и без сахара голый кипяток - и то очень помогает успокоить людей. А если с сахаром и заваркой - так совсем хорошо. Самое то.)

Токо вот не нравится мне толпа народу здесь. Не ровен час какой зомбак проскочит. Ломанутся они все в ворота - будут лишние травмы. Говорю об этом милиционеру. Он соглашается.

- Разгоню, когда вернусь.

Добираемся до Зотова бастиона. Внутри в казематах кучи досок и всякого строительного добра. Тут же прохаживаются двое патрульных - Михайловские. Внутри по казематам два десятка женщин, мужчин, детей. Кто перебинтован, кто забрызган кровью. С открытыми ранами никого. У каждого карантинного веревкой к ноге привязано что-либо тяжелое - например доска. Устраиваем тут же новоприбывших. Один из патрульных присматривает за этим, вполголоса сообщая правила поведения на карантине.

Выходим на улицу. Удивляясь, спрашиваю - когда это все раненные перебинтоваться успели.

- А они и не успели. Это уже мы тут их мотали. В основномто у них ссадины, царапины, порезы. Укусы увидели у троих четко - они отдельно сидят - вон дверь. Ну, тут все друг за другом смотрят, мы их предупредили - так что спать будут вполуха, бояться. Да не беда - сутки и не поспят. Если что - охрана стрелять будет, как только человек помер. Тут ребята надежные стоят.

- Молодцы, я боялся, что все будет куда хренее.

- Так не вчера родились. У меня вот к Вам личная просьба.

- ?

- У меня в машинке всего три патрона осталось. Может у ваших найдется пяток в долг? А то как голый.

- А у Михайлова не спрашивали?

- Он говорит, что у его людей по обойме на пистолет. А у вас вроде есть чуток.

- Погодите здесь, я спрошу схожу.

Николаич отсланивает мне пяток красноватокоричневых тупоголовых патронов к ПМ. Вместе с нотацией, что мы и так тут всем все дарим и получается так, что скоро проторгуемся до дырявых портков. (Тут Андрей ржет мало не в голос) Потом правда отдает еще три патрона. Это из трофеев, после боя у магазина. Как я понимаю, у Михайлова и впрямь патронов нет. Но и мента, который добровольно взвалил на себя службу у Иоанновских ворот, тоже безоружным оставлять нельзя. Правда со слов Николаича я понял, что этот мент не отсюда, приبلудный какойто и у ворот пасется не токо из чувства долга - ждет кого-то похоже.

Отношу ему патроны. Радуетя как маленький и тут же запихивает их в пустой практически магазин.

- Вот спасибо! А к слову - откуда в охотничьем магазине патроны к ПМ?
- Контролируете? - в свою очередь спрашиваю его.
- Не то время и не то место. Просто интересно.
- Трофейные. Ночью на оружейный магазин напали. А там к этому были готовы. Вот и достались «Агран» и «Борз».

- Тогда ясно. «Борз»то я видал, а «Агран» - это которым Старовойтову?

- Ага.

- Тогда понятно, что они в магазин ломанулись. Любая двустволка лучше, чем оба этих ублюдка вместе взятых. А насчет патронов - если разживетесь - имейте меня в виду.

И еще - скажите своему старшему, что когда у вас будут колеса - я знаю, где можно оружие достать. Немного - с десяток ПП.

- Таких, как этот?

- Нет, гораздо хуже, но все таки... Но все-таки куда лучше и «Борза» и «Аграна».

Когда иду обратно, мимо меня «Ровер» с Володей за рулем и Павлом Ильичем рядом, медленно протаскивает жуткого вида ржавую цистерну на полуспущенных колесах. Видок навороченного джипа с ржавой рухлядью на прицепе сюрреалистичен. Следом шагает один из МЧСников с двумя канистрами в руках.

Проверка и инструктаж охраны на остальных воротах проходит нормально. Удивляет, что охранники здесь адекватные - раньше при обращении с представителями этой профессии сложилось впечатление, что надев охранную форму, человек оставляет взамен мозги. А здесь - толковые мужики, схватывают на лету. Народ не густо, но течет ручейком в крепость. Некоторые скандалят и ругаются, когда их просят предъявить к осмотру руки и задрать штанины до колена. Но таких немного - плакаты, вывешенные на воротах - хорошая поддержка. На самых обозленных хорошо действует довод - либо с правилами - в Крепости, либо полная свобода - но под стенками снаружи.

В карантине еще раз проверяю перевязки. К счастью тяжелых ран нет, остальное забинтовано достаточно грамотно. Оказывается, один из охраны - был в армии санинструктором. Рассказываю про Сан Саныча - как он перед смертью связывал умирающих сотрудников и сотрудниц нашей поликлиники и после смерти они хотя и обращались, но не представляли уже угрозы, будучи упакованы как муха пауком.

Это выслушивается очень внимательно. Похоже, что мужики намотали себе на ус этот вариант действий. А из трех кусанных - один очень плох, двое других получше, но сильно напоминают Сан Саныча, когда я с ним беседовал. Та же каша во рту, потные, одышка у всех. Тот, который доходит, уже лежит пластом, двое других надеются - по глазам видно - изо всей силы. Надо их подбодрить. Рассказываю им про кошку. Повеселели.

В основном карантине вроде б полегче. После того, как поговорил со всеми - устал, как мешки ворочал.

На втором этаже магазинчика - Салона уже както уютнее. Команде с барского плеча отдали помещение магазина - после эвакуации оттуда ценностей. Магазин двухэтажный и по причине того, что там были ценности - хорошо защищен от взлома.

На первом этаже зальчик с разложенным кучами имуществом, за зальчиком маленькая комнатуха - с электрической плиткой, электрочайником, столы и стулья - видно тут продавщицы обедали и переводили дух. Через лестничную площадку аккуратный чистый туалет.

Наверху - получилось жилое помещение - зал без мебели. И спать, и есть, и ружбайки чистить. Через амбразуры можно простреливать и площадь перед Петропавловским Собором - и наружное пространство у ворот, как раз наши машины и автобус видны. Типо караулка получилась. Видимо на это и расчет - в случае чего мы огнем легко поможем охране Никольских ворот.

Внизу получился импровизированный склад, а наверху - жилая комната. У дверей - куча башмаков. Шляться по жилому помещению, где придется спать, в грязных башмаках - ну это ж не Чечня. Я замечал, что мужики как свиньи - разводят грязь токо тогда, когда без

этого - никак, а если можно без грязи - обходятся без грязи. По своему опыту знаю - солдатская казарма в разы чище женского общежития - у дам обычно в местах общего (ничьего) пользования - такой срач, что диву даться.

Все сидят потурецки и с аппетитом едят. Похоже, что Дарья Ивановна успела приготовить ужин. Пахнет обалденно. И особенно меня удивляет, что еда в нескольких кастрюлях - разная. И сосиски и отварной рис с томатным соусом и мясо кусками тушеное. Причем с зеленью.

И все горячее.

Запивается все горячей водой с красным вином. Сладкий грог очень к месту.

Докладываю об инструктаже и о том, что мент грамотно и внятно действовал, а также о том, что у него есть сведения об оружии.

- К слову - Демидов, сходи мента позови сюда минут на пятнадцать - он либо у Зотова карантина, либо у Иоанновских ворот. Давай, ты поел, сгоняй быстро - заодно и пузо утрамбуешь - еще поешь.

Крыс подвальный неохотно, но отправляется.

Николаич просит минуту внимания.

- Сегодня в нашей кумпании прибавление. Рад тому, что пополнение уже достойно показало себя - хотя прошел всего один день. Но сейчас как на войне, один день многое показывает. Первым к нам пришел - Доктор. Он не посрамил полученное от нас оружие - и теперь я от лица службы награждаю нашего медика еще более рыжей Приблудой, чем та, которой он героически разил всех направо налево - Андрей, туш!

То, что Николаич достает изза спины вызывает у меня не удивление - шок! Есть от чего.

Представьте себе, что кто-то из рыжей пластмассы, которая шла на магазины к АКМ, вылепил аляповатый пластиковый автомат Калашникова. Потом взял и сломал его посередине - между рожком и пистолетной рукояткой. Потом повертел в руках обломок и воткнул старомодный черный железный рожок снизу в тощенький приклад. И вот такую половинку с нелепо воткнутым в приклад рожком и каким-то обрывками железа на месте разлома, мне и протянул ухмыляющийся Николаич.

- Прошу любить и жаловать - 7.62мм опытный автомат Германа Коробова ТКБ022ПМ (1965 год). Легкий, компактный, удобный. По ряду причин на вооружение не принят. А нам очень даже сгодится. Я о таком только слыхал, а вот - довелось в руки взять.

- Служу трудовому народу! Или как там нынче? Служу России! Спасибо, неожиданная вещь. И очень к месту. Чувствительно тронут!

- На первых порах сами лучше не разбирайте - нам тоже интересно. А бумаги - у Андрея.

- Да уж. С меня этот контрразведчик начал такие расписки требовать, что сдохнуть легче. Остыл только, когда я ему заявил, что раз так, то он у меня расписку на каждый патрон будет писать.

- Так, теперь Саша. Грамотно проведенная засада, умело организованный отход в составе маневренной группы. Из пристрастий - судя по всему - малые артиллерийские системы. Или я ошибаюсь?

- Вообще-то мне нравится мощное, но легкое. - краснеет Саша.

- Ну под такое определение оружейного Гиви пожалуй подходит вот эта ТОЗ с магазином на 5 патронов с диоптрийным прицелом... Прими и пользуй!

- Спасибо!

- Теперь благоприобретенные кумпаньонки. Сергей сегодня подобрал вам два комплекта одежды, более подходящей к нынешним временам, обувь и спальные мешки. Все - самое лучшее, что у нас было в магазине.

- Спасибо! - обе суровые дамы - что Дарья, что Валентина - раскраснелись и стали рыться в данной амуниции. - Какая досада, что зеркала нет. А, внизу было! - Дамы собрались идти, но тут их остановил Андрей, напомнивший, что без оружия и предварительной

проверки местности сейчас никуда выдвигаться не стоит. Он сам сходил проверил, а потом запустил на склад обеих женщин.

Обратно он вернулся уже с крысом подвальным и милиционером.

Тот удивился, увидев такую обстановку, но поздоровался достаточно невозмутимо.

- И Вам здравствуйте. Вы сегодня ели?

- Да, утром.

- Присоединиться хотите?

- Конечно.

- Тогда ботинки снимайте и садитесь.

Мент живо выполняет нехитрые манипуляции, получает ложку, миску и начинает наворачивать за обе щеки. Видно, что проголодался, да и устал - похоже, весь день бегал. Да и опять же - с чего это у него три патрона осталось?

Тем временем Ильяс гордо показывает свою новую снайперку - из тех же майорских запасов. Длинный ствол и не менее длинная газоотводная трубка над стволом. И в чемто неуловимо напоминает СКСпереросток.

- Симоновская штука. Конкурировала с Драгуновкой, но оказалась хуже. Вот и глянём, чем. Прицел только осталось проверить и пристрелять машинку...

Андрей вытягивает какие-то пожелтевшие листы и вся эта братия начинает увлеченно обсуждать агрегат.

- Еще минутку внимания - приостанавливает их Николаич. - Взятый в кумпанию на испытательный срок в ранге крыса подвального стажер Демидов Сергей за сегодняшний день выполнил порученные ему задания благополучно. Инцидент с Някой посчитаем за избыток усердия. По ходатайству Андрея кумпания присваивает Демидову Сергею следующее звание - свина домашнего.

- А почему свина?

- А кто соус разлил? В лаптях грязных кто в комнату дважды вперся? Так что свин. По сравнению с крысом - ощутимое повышение и потому с положения стажер необмундированный, безпортошный Демидов Сергей получает набор амуниции и переходит в разряд стажеров обмундированных... Примите и распишитесь.

Свин домашний, новоиспеченный, не успевает ответить - пыхает холодком и в комнату заходят еще и двое МЧСников.

- Ух ты, елкин хвост, как мы удачно зашли. Хозяева, как насчет посошка на дорожку в виде бадейки супчика?

- Ну, давайте, разувайтесь, присаживайтесь.

- Лучше б не разуваясь. А то мы уже третий день из башмаков не вылазим. Пахнуть будет лихо.

- Ничего и не такое нюхали, а порядок есть порядок. Нам тут спать сегодня на полу, так что от запаха - проветрим, а мыть - напряжно.

- Хозяин - барин.

У МЧСников при себе есть ложкивилки. Стучать ложками они начинают дружно и часто. Очевидно, что парни тоже сторонники абсолютной бергинизации.

Видимо в кумпании не принято болтать за едой. Во всяком случае ни менту, ни МЧСникам никаких вопросов не задают. Пока они трескают за обе щеки, мне удастся с помощью Андрея понять, как работает мой экспериментальный автомат. Хитра машина.

Отлично понимаю, что на вооружение такое принять не могли - у любого военного рука отсохнет скорее, чем он подпишет принятие на вооружение такой экстравагантной штуковины. Куда там все этим авангардистам и креативщикам. Но отмечаю, что легкая машинка, лежит в руках уютно, очень прикладистая и компактная. По Андреевым бумагам получается, что ствол, как у АКМС, но при этом ТКБ короче на 11 сантиметров. Жалко токо, что рожок один всего.

С другой стороны - тридцать патронов - это шесть обойм к винтовке Мосина, три обоймы к СКС. Так что грех жаловаться. Если не паниковать - и тридцати патронов хватит.

МЧСники както сразу и одновременно заканчивают еду. Облизывают ложки, аккуратно прячут.

- Спасибо, хозяева, пора и честь знать. Мы сейчас в Кронштадт должны отвезти вашу докторшу. Договорились уже, нас ждать будут. Кто еще едет - мне сказали, что с докторшей еще двое.

- Это мы - я да Доктор - говорит Николаич.

- Ну, тогда пойдем, темнеть скоро будет.

- Да уже темнеет.

- Давайте Доктор, зовите Валентину Ивановну. Пора.

Спускаюсь вниз, стучусь. Открывают. Оказывается, Валентине с собой Дарья собрала мешок «приданого». Уже и всплакнуть успели. Валентина все же переделась и выглядит в камуфляже забавно. Но по ее утверждению - легко, тепло и комфортно.

Все кучей провожают нас до Гауптвахты. Заходим вдвоем получить напутственные ЦУ от Овчинникова. Седовласый мэтр все еще сидит здесь, но выглядит нелепо, как новогодняя елка в мае. Зато какойто парень в инвалидной коляске активно переговаривается по двум телефонам. Слушаю вполуха - по разговорам судя парня посадили для установки связи с теми, кто тоже удержал территорию. Проскакивает фраза про то, что Водоканал функционирует и потерь не понес практически... Безвкусная девчонка печатает довольно споро. Две тетki - в том числе та - полная считают чтото самозабвенно. Овчинников отрывается от разговора с какойто женщиной восточной внешности, глядит на нас и вынимает прозрачный файл, в который засунуто четыре десятка красных и зеленых военных билетов, еще какието удостоверения и сложенный вчетверо лист с синей печатью, пробившейся сквозь бумагу.

- Вот, подпишите расписку, в том, что получили список сотрудников ВИМАИиВС на получение оружия, и кроме указанных в списке военнообязанных 28 военных билетов рядового состава и 17 - офицерских, а также удостоверения военных пенсионеров. Оружие чувствую, нужно будет - кровь из носу. Кусанного одного застрелили в Зотовом карантине - обратился. Второго такого же стреножили и заперли пока там - как Вы рассказывали по той же схеме - связали пока не умер, и его повязали, по рукам, ногам, зубам. Надо будет показать всем - чтоб не так шугались потом. А новых кусаных уже шестеро набралось, да один из них буйный - орал и дрался... Так что оружие - и боеприпасы, конечно. Пусть устарелое, хоть какое. Иначе нам придется тут из мушкетов палить...

- А из тех, кто был в общем карантине?

- Там пока тихо. Ну не спит никто, конечно. И сами и соседи не дают. Хуже то, что уже приبلудный мертвяк к Иоанновским воротам пришел. Правда, не самостоятельно - за раненым шел, по крови. Охранники аж дюжину патронов сожгли от испуга, пока свалили. С таким расходом боеприпасов недалеко уйдем. Ну, давайте, отправляйтесь. Удачи и очень ждем обратно!

Берем бумажонки, удостоверения, выкатываемся.

Вышедший с нами парень с двустволкой отпирает ворота на пристань. Впереди - до середины Невы ледяное поле - дальше чистая вода, темносерого цвета. Недалеко от пристани стоит невзрачная штуковина - очень похоже на «Газель», вместо колес поставленную на резиновую подушку и со здоровенным винтом в кожухе на корме.

- Идти можно спокойно - тут лед крепкий. Но прощаться лучше здесь. Если все будет в порядке - завтра вернемся.

Ждем друг другу руки и расходимся - группа к судну на воздушной подушке «Хивус», остальные в крепость.

Внутри «Хивус» не блещет космическим дизайном. Спрашиваю - почему?

Все МЧСники дружно удивляются - так это и есть «Газель». И мотор и салон. Потому и похоже. Но при этом штука надежная и ломаться в ней нечему. Ну, почти.

Получаем всем сестрам по серьгам - водителю его сослуживцы вручают пластиковую коробку с пятью венскими сосисками, присыпанными укропом и кулек с сухариками - узнаю

Дарьино производство.

- Это тебе от хозяйки разведроты - чтоб в дороге не заснул - ржет тот, кто вручил кулек.

А нам вручают спасательные жилеты с кучей тесемок. Неприметно сидящий тут же майор уже в жилете. Между колен держит винтовку - самозарядку. Очень знакомые контуры, но какаято странная.

Видит мой взгляд, поясняет:

- Знаете такую винтовку СВТ?

- Конечно, знаю.

- А это карабин - так сказать сыночек СВТ.

Ну, точно - сейчас узнал - коротышка СВТ. И прицел какойто куций поставлен - вроде как снайперский, но куда короче, чем у Ильеса. Да, диковинного оружия я за эти пару дней насмотрелся...

Пока водитель уписывает сосиски, разбираемся в тесемках и я коекак напяливаю жилет на себя. А потом снимаю, потому что неудобно.

- Как быстро кончается все прекрасное - философски замечает водила, отставляя в сторону пустой контейнер с сиротливой веточкой укропа, и у нас за спиной взывает винт.

Эта резиновая галоша на удивление идет ровно и быстро.

Глянув на Петропавловку, вижу, что промежуток между Алексеевским равелином и бастионом Трубецкого уже плотно забран ровным забором. Киваю Николаичу.

- Мастерски сделано - соглашается он. - А въезд туда прикрыли просто загляденье - еще и ворота сообразили там поставить новые.

Галоша тем временем развивает приличную скорость и несется - просто с песней.

- Мы не плаваем - говорит водитель - мы летаем! Но очень низенько - как крокодилы!

И начинает хрустеть сухарями.

- Командование сообщило, что мы пока поработаем с вашей Крепостью. Остальной состав МЧС «Кроншпиц» - с семьями - перебазировался на базу в Красной Горке. На Васильевском зомби толпами уже ходят и в распоряжение полезли. Так что «Кроншпиц» пока на консервации.

- А как с топливом разобрались?

- Этот жох - Пал Ильич девчонкам на бензозаправке, что у вас там рядом, отвез гарантийное письмо от Музея - Заповедника. И закачал полную бочку бензина. Бочка - ужас на колесах, но не течет, что удивительно. Так что около 600 литров. А потом еще такую же цистерну гдето с задворков привез - та еще страшнее с виду. Взял тонну солярки.

- Я так думаю, что девчонкам больше понравилось, что бензозаправку Михайлов взялся охранять с шестью своими орлами. Это на девушек больше повлияло, а то там уже беспредел творился. Их уже грабили сегодня. У Михайлова с какимито бычарами, которые там взялись банковать чуть до перестрелки не дошло. Но он еще в Артиллерийский звякнул - оттуда публика приперлась аж с двумя РПК. Бычары зассали и сдриснули, извините доктор, вырвалось... То, что РПК нерабочие - издалекато не видно.

- Интересно, завтра поток машин не уменьшится?

- Если с такой интенсивностью бежать будут - через пару дней тут и машин не останется.

- Оно и к лучшему. С пробками - хрен куда доедешь. И все ж нервные, да борзые.

- А в Москве на выездах оружие стали раздавать - СКС и АК. И по сто двадцать патронов.

- Да, я б от АК не отказался б.

- Лучше б что полегче. Вон такую б балалайку, как у доктора. Еще и струны натянуть можно. Пострелял - песни пошел.

- Кстати, Николаич - насчет пострелял - дали б Вы патронов, что ли.

- А, ну да, конечно.

Николаич достает пачку патронов. Ктото ловкий упаковал в бумажонку с рекламой своей фирмы две стандартные пачки патронов. Типо уже не боевые, а охотничьи...

Протягивает мне. Снаряжаю магазин, еще десяток темномедных прячу в карман.

Галоша все так же ровно и стремительно несется по поверхности воды. Километров 50 в час, пожалуй. Надо бы внимательно смотреть по сторонам, запоминать, прикидывать... Но это очень тяжело. Видно, что в городе много света - и фонари и окна и подсветка некоторых зданий, фары машин и красные стопы. Но коегде горит и огонь - дымных хвостов в небе добавилось. И это очень непривычно. Город вроде с виду жив - а мы знаем, что он уже умер. Или умрет скоро - и мы не можем ничего сделать... Но пока частью работает автоматика, где-то еще работают на постах живые люди - и внешне, с воды - все отлично.

Разговоры стихают. Водитель хрустит сухариками, свистит винт сзади, урчит мотор и шлепает вода под днищем...

От поездки остается странное впечатление - вроде как на маршрутке прокатились, но очень стремительно, без лихих виражей и резких торможений. Остается по праву руку Кроншлот. Впереди торчит Чумной форт. Видны корабли в гавани. Но «Хивус» идет не туда, куда обычно прибывали суда с экскурсиями, а кудато вбок. Отмечаю про себя, что по льду он прет не хуже, чем по воде. Правда, сейчас нет волн.

Места совершенно нежилые. Какието ангары, склады, заборы. Непарадная часть Кронштадта. Не был тут ни разу. Да и не пустили бы, похоже. Вон тут как все перегорожено.

Агрегат встает окончательно. Включается свет в салоне.

- Должны тут встречать, договаривались.

- Может выйти посмотреть?

- Не стоит. Местность незнакомая.

- Ну, кому как.

- А мертвяков по уму тут быть не должно.

- Это почему?

- Да тут и людейто один - на километр. Холодно. Вода рядом.

- Протабанишь - и одного за глаза хватит.

- Это да, что да - то да.

- Мужики, а ведь в Галерной гавани у вас тоже хрен подберешься. Чего «Кроншпиц» - то эвакуировали?

- Дык говорили же - безоружному и одного мертвяка хватит. Мы же - спасатели. Вроде как и в погонах, а оружия - нетути. Почему мяса в супе нету? - Не положено.

Вот и у нас так же. А мертвяки пошли - там же Ленэкспо. А сейчас как на грех выставка была, народу приперлось...

- А пользоватьсято умеете?

- Обижаешь. Но вот жена с дитем когда из дома к нам подалась, набрала всяких тряпочек нужных, а мой «бок» так в сейфе и остался. И мне туда никак - на Полюстровский. Хорошо хоть жена с дочей живы добрались.

- Так говорите у нас на связи пока будете?

- Ну, начальство так распорядилось, пока у вас свой флот не образуется. Пока у вас в Крепости, кроме надувных резиновых, никакого водного транспорта нет.

- Как же нет. Есть - в Ботном доме - Ботик Петра Первого. И весла и мачта.

- А к слову - он в Крепости настоящий или в Военно - Морском музее?

- В Военморе настоящий, у нас - реплика. Зато руками потрогать можно.

- А что - вам действительно кошечек с деревьев снимать приходится? - невинно спрашивает майор с СВТ.

- Вот сказал бы я...

- А Вы - как Лев Толстой - улыбаясь, говорит Валентина - он когда в Севастополе батареями командовал, пенял солдатам за ругань матерную и говорил, что ругань таковая бессмысленна а речь портит. И предлагал подчиненным вставлять такие же бессмысленные слова взамен - навроче: «Едондер пуп!» и «Эх ты, елфиндер!». Так в севастопольском гарнизоне до революции ходили легенды о том, каким страшным матерщинником был великий русский писатель - дескать еще молоденьким порутчиком был, а как загнет - так и

не повторишь!

Все посмеиваются, хотя я точно знаю такой факт в биографии Льва Николаевича...

- Такой едондер пуп получается, что да - освинела публика до безграничности - вызывали последнее время и на кошечек. Мы уже думали американский вариант отработать - Игорек, когда в США был, закорешился с пожарными. А пожарных задолбала бабка одна - ее котяра любил на дереве сидеть - и старая ведьма все пожарных вызывала. Они к ней каждый день ездили. Ну, как это в Америке - приезжает куча пожарных с сиреной, красиво разворачивают лестницу и кота торжественно снимают под аплодисменты...

А в последний раз котяра после снятия с дерева сдуру уселся сзади машины. У колеса. А машине, чтоб развернуться, пришлось задом подавать. Жирный был кот, ленивый. Американцы божились, что это случайно вышло, и они страшно переживают, но наш сотрудник им не поверил.

Еще посмеялись. Один из МЧСников начинает связываться по рации, после коротких переговоров поворачивается - сейчас машина будет. Задачи какие?

- Задач много. Первое - договориться о взаимодействии. Телефоны вотвот отрубятся, так что со связью надо решать быстро и внятно. Вы в любой момент получите приказ - и фьють - поминай, как звали, а нам деваться некуда. Связь будет майор пробивать - он спец. Дальше - пара посуды кроме вашей - тоже нужны. До ледохода две недели, так что много можно успеть. Это я обеспечу - потом с оружием разобраться. Ну и доктора - Валентину Ивановну видно придется оставить - тем более роддом меньше других отделений пострадал, ей рожать скоро - да и условия для лабораторной работы тут лучше, а отрядный медик договорится, чтоб наших пациентов тут принимали.

- В плане оружия начальство наше тоже ходатайствовало.

- И как?

- Кверху каком - дескать МЧС не относится к структуре ВМФ и потому командование гарнизона без приказа сверху оружием обеспечивать не имеет права.

А штаб морской в Адмиралтействе заперт и что у них там - неведомо. Связаться не удалось.

- Мы когда мимо проезжали - там пальба была в полный рост.

- Вотвот.

На берег выкатывается машина. Судя по очертаниям - УАЗ. Мигает фарами.

Водила поворачивается к нам. Видно, что мужику тяжело просить, но он через себя перешагивает:

- Не то, чтоб я трусил, но может найдется у вас хоть какойнибудь ствол? Ято ладно, но какбы кто умный на машинку нашу не позарился. По такому времени такая машинка дороже джипа получается!

Майор делает отсутствующий вид и вылезает. Николаич задумывается на минуту - потом подмигивает мне и тоже вылезает. Вообщето пакистанское железо мне сейчас не оченьто понадобится. Делаю широкий жест, выковыриваю из кармана трофейный Пакистанский Токарева и протягиваю водителю рукоятью вперед.

- Два патрона отстреляны - осталось шесть. Держи.

- Боевой?!

Вышелкиваю магазин, передергиваю затвор. Вылетевший патрон ловко цапает на лету старший МЧСник.

- Других не держим! И - если найду что получше - о вашей просьбе вспомню! Поаккуратнее с ним!

Все - таки мужчины - как дети. Трое здоровенных и тертых жизнью мужиков обрадовались железячке как ребенок соске... Впрочем, я, когда ее получил - тоже обрадовался. Ну, теперь им есть, чем заняться. Они еще обещали помочь при погрузке, но это потому, что как считает Николаич - они могут через нас разжиться оружием, а оно им очень нужно. Потому пока - помогать будут четко.

А я забираю с собой сумку с красным крестом, которая у них была в салоне. А то

поехал, как на прогулку. И автомат пустой и без сумки. Медик на экскурсии... Жопа с ушами!

Вылезает из машины с Валентиной. Поддерживая ее, иду к УАЗу. Примечаю, что Николаич прикрывает с бережка наше продвижение. Пока идем - она тихо говорит мне:

- Я настояла, чтоб Вы поехали - дескать, чтоб договорился и сопровождал меня - вдруг по дороге рожать начну. Но договариваться Вам особо не понадобится - тут моих одноклассниц пятеро работает и все живы к счастью, и коекакое влияние имеют и на командование. Так что интересы Крепости я поддерживаю. Да и рожать мне еще через месяц.

- А зачем я тогда нужен?

- Мне так спокойнее. И Вам стоит знакомствами здесь обзавестись. Это Ваш авторитет в Крепости поднимет. Если на Вас навалят задачи по медобеспечению в крепости в том виде, как этот бравый полковник полагает - станете сельским фельдшером при Крепости. Поддай - принеси - а в благодарность яичко вкрутую. Но там фельдшеров и медсестер без Вас хватит. Вам надо организовывать работу, а не только прыщи зеленкой мазать. И не дайте военным себе на шею залезть. В войскахто привыкли, что там в основном здоровый контингент и потому у невоевавших военных авторитет медиков - низкий. Так, прислуга, седьмая вода на киселе... Воевавшие - считают по-другому.

- Ясно. Спасибо!

- Долг платежом красен.

Грузимся в УАЗ - за рулем каплей, сзади еще один сидит - на приставных стульчиках. Оба с АКМС - судя по стволу - 7,62. Сейчас - в штаб. По ряду причин работа идет неровно - но командир гарнизона хочет лично поговорить с медиком, который в мертвой поликлинике работал со смертельноопасным материалом. Завтра будет интервью с журналистами и съемка сюжета для местного радио - а если получится наладить телевидение - то и для телевидения.

- Больно шума много - недовольно говорит Валентина.

- Это нужно. Люди в ужасе, растеряны. Надо их подбодрить, дать ориентиры. Показать возможность победы. Это сейчас необходимо.

- Я не хочу, чтоб из меня делали мифологическую героиню типа 28 панфиловцев.

- Ну, Вы нам льстите. Тут Ортенберги не работают, да и масштабы другие - наврем, так всем станет известно быстро - городок маленький. Так что придется по старинке - что есть, то и писать. Это в общей теме пойдет про нашу медицину - судя по всему, наша больница пока единственная не вымерла и работоспособна. Потери страшные - до трети состава, но удержались. И теперь умные уже, повторно такого не допустим.

- Тем более - делала, что могла в тот момент.

- Тем не менее - и это и наши медики признают - Вам это в голову пришло единственной. Теперь результатами и мы пользуемся - и очень вовремя, потому что мы тут и так напортачили вначале.

Подъезжаем к зданию, выгружаемся. У подъезда - пара часовых - офицер с матросом. Оба с АКМС. Мода у них что ли такая?

Валентина идет медленно, подстраиваемся под ее темп. По привычке осматриваем лестницу. Наверху в коридоре - опять же вооруженные офицеры. У меня складывается впечатление, что тут у всех АКМСы. И кобуры тяжелые, не пустые. Схема крепления идиотская - висят на кожаных лямках - на середине бедра.

В кабинете пятеро офицеров - двое каперанги. Кто из них комендант - непонятно, но тот, что слева, делает шаг навстречу и спрашивает: - Из Петропавловки?

- Да, оттуда.

- Добро пожаловать! Я - комендант Кронштадта капитан первого ранга Змиев Георгий Георгиевич!

Далее по старой военноморской традиции чопорно представляет каждого из своих сотрудников.

Краем глаза замечаю некоторое удивление на физиономии Николаича. Но когда дело

доходит до нас - не хуже каперанга отрекомендовывается и представляет каждого из нас. Жмем друг другу руки.

- Чаю?

- С удовольствием!

- Сейчас распорядятся. Теперь докладывайте о ситуации с оживающими мертвецами - и потом мы Вас отправим на отдых - в 36 больницы сейчас безопасно и Вас уже ждут. Завтра решим вопрос об организации лаборатории. Мы уже с нашими медиками обсудили вашу разработку и, похоже, что вопросов еще больше стало. Теперь мы хотим услышать все из первых уст. И можете поподробнее. На это времени не жалко.

Валентина достаточно четко докладывает. Потом моряки задают кучу вопросов. Похоже, что некролаборатории будет с чем работать - темы получаются серьезные. В первую очередь моряков беспокоит способность мертвяков изменяться, нажравшись «своего» мяса. Пожалуй, это действительно куда как серьезно.

Приносят чай - я ожидал стаканы в подстаканниках, а тут банальные кружки в белый горошек на красном фоне. Но заварен круто и так же круто послан.

Валентина прощается с нами - и ее увозит тот же каплей. Утром мы с ней увидимся, если все будет в порядке. Я должен «договориться» с коллегами.

Николаич и майор рапортуют о том, насколько все хреново - в том числе и в Петропавловке. Оружия нет, людей грамотных нет, еды нет и готовить негде, а беженцев - уже под три тысячи.

Змиев морщится:

- Вы считаете, что у нас тут все замечательно? Из 45 тысяч человек за день осталось 34 тысячи. И это еще оптимистичный подсчет. А отстреляли за день мертвецов не более 3 тысяч. Удалось очистить территорию 36 больницы, пару городских районов, да сейчас еще сообщили, что за кольцевой в общем более-менее стабильная ситуация. На военных территориях - нормально. А в городе - куда как плохо. И сейчас надо думать и о том, чем эти 34 тысячи прокормить, да кем мертвецов угомонить, а потом куда и как убрать трупы. Так что не плачьтесь. Всем сейчас худо. А мест с сохранившимися живыми людьми авиаразведка насчитала не менее десятка. И всем помогать надо.

- Так это ваша авиетка сегодня летала?

- Да, «Дельфин» из авиаклуба.

От те раз - я и не знал, что тут ко всему прочему и свой аэродром с авиацией есть!

Действительно - База ВМФ.

- Получить данные авиаразведки можно?

- Получите, вам приготовят подборку документов. Среди ваших 3000 беженцев должны быть и военнообязанные. Мобилизуйте.

- Мы привезли документы - заверенный список военнослужащих Артиллерийского музея и еще военные билеты сотрудников Монетного Двора и Заповедника. Наш комендант говорил, что Вы обещали помочь оружием.

- Это к начартвооружения. Учтите, иду на нарушение целого ряда положений. И не рассчитывайте, что отдам самое лучшее. И строго по списку. Не больше.

- Поможете продуктами? И было бы неплохо...

- Не рассчитывайте на многое. Людей не дам - город чистить надо, а у меня за сутки 98 военнослужащих дезертировало. Часть - с оружием. Потому гарнизон вам пополнить не могу, самому мало. И люди опять же сейчас жидконогие. За те же сутки 11 самоубийств. Срочники в основном, но и офицеров двое. До утра прикинем, что сможем вам выделить. Проще бы подогнать к вам какую-нибудь пассажирскую посудину с кухней на триста порций. Но такие под мостами не пройдут. А мелкую... Подумать надо, что больше подойдет.

- По средствам связи вы обещали помочь - напоминает неприметный майор.

- А что бы вам артмузей не раскулачить? Он рядом.

- Там добро еще в порядок приводить надо.

- Так и у нас такие же музейные экспонаты получите. Давайте, хватит мне ваших

претензий. По транспорту - подойдете через два часа. Там думать буду, что сделать - но учтите - за всю помощь вам придется отрабатывать.

Комендант размашисто подписывает две бумаги - для начсвязи и начартвора.

Николаич с майором договариваются встретиться тут же через два часа и мы расходимся. Майор вместе с начсвязи исчезает на первом этаже, а мы выходим - накорябав на коленке «выдать в соотв. кол. по списку из снятого с воор.» начвор говорит:

- Скажете каплею - в 18/с склад. Там старая стрелковка.

Выходим и сталкиваемся с каплеем. Говорим про место назначения. Чешет себе в затылке.

- Ну ладно, поехали...

Склад оказывается заперт. Приходится долго мотаться по этим пакгаузам - чтобы найти чертового мичмана - завсклада. Дома его быть не может - там была самая задница и мичман был на складе, это точно. Теперь гдето шхерится. Холодно, сыро, темно, а я вспоминаю, что не взял зубную щетку.

Очень уместно. Каплей при всем том видно уже учен - вовсю пользуется фарами УАЗа, в темные переулки сначала светит фонарем, идет сторожко и АКМС держит грамотно. Наконец удается засечь логово мичмана - свет у него горит в одной из каптерок.

Каплей долбает кулаком до тех пор, пока мичман не вылезает. Пьян он жестоко. Видно, что жизнь его раньше баловала, а потом взяла и чемто прищемила. Причем сильно. Этакая роскошная в прошлом яхта, ржавеющая на приколе...

Каплей жестко ставит задачу, отвозит нас к нужному складу - и, пообещав приехать за нами через полтора часа, исчезает. Внутри склада грустно и уныло. Вроде и пыли на ящиках немного, а вид - как в пирамиде Хеопса. Вековое запустение.

Николаич выдает бумагу, раскладывает список и удостоверения. Мичман сонно читает все это, медленно сверяя военные билеты рабочих Монетного Двора со списком работников Артиллерийского музея. Разумеется, ничего у него не сходится, отчего он физически страдает. Николаич старательно объясняет ситуацию, растолковывая как маленькому дитю - что оружие и боеприпасы надо выдать и по списку и по билетам и даже по удостоверениям. И желательно побольше и поновее.

Начинается второй сеанс чтения документов. Николаич не выдерживает и начинает наседать на складского деятеля.

Глядя на Николаича грустными задумчивыми глазами мичман скорбно заявляет - все, что могу вам выдать - это 118 винтовок системы «Арисака» модель «30». И к ним патронов - аж цельных 506, правда они слегка отсыреть могли - там крыша текла.

Николаич буреет лицом.

- Доктор! Ущипни меня! Это сон, бнах! Этого просто не может быть!!!

Боюсь, что либо Николаича поразит инсульт, либо он пристрелит сейчас мичмана.

А может даже не пристрелит, а искушает. Загрызет. И съест!

- Доктор? - оживает мичман. - Это кликуха, или и впрямь доктор?

- Ну да, я врач.

- Откуда? Военврач?

- Сейчас из Петропавловки. Нет, штатский.

- А ну так - у вас в требовании написано, что из Петропавловки...

На улице слышно, что подъехал УАЗ. Это что - мичман полтора часа нас мурыжил? А ведь похоже... Вот сволочь!

Каплей начинает наседать на мичмана, на что тот отвечает - и довольно резонно - что большей дыры, чем его должность сейчас, в Кронштадте нет. Видимо это так, каплей стихает. Но вот мичман явно ожил.

- Давайте, товарищи офицеры сделаем так - вы езжайте, а мы с доктором потолкуем. Доктор разбирается в оружии?

- Ну в общем - да. - отвечает Николаич, схвативший какие-то нюансы в ситуации.

- Тогда так и решим. А доктора в штаб я и сам привезу.

- Ну ладно...

Я вижу, что Николаичу очень хочется набить мичману морду, но он нечеловеческим усилием сдерживается. Все-таки - он человек дела.

Вторая часть Марлезонского Балета после отбытия УАЗа начинается довольно необычно. Мичман с каждой минутой оживает все больше.

- Может по граммале - за знакомство?

- Нет, не стоит. Чую, что сегодня мне лучше быть тверезым. Я так понимаю, есть для меня работенка? Если оно так обстоит - то я на работе не пью. Лечить - токо трезвым.

Мичман начинает мяться.

Мнется он долго, наконец решается. Рассказывает он полную чушь. Но видно, что честно - как на исповеди. Два года назад он слегка расслабился и надрался в подозрительной мужской компании. А через пару недель после этого почувствовал себя плохо - разболелась задница. Ну вот в самой дырочке. Не желая давать повод сплетням, мичман смотался в Петербург и в частной навороченной клинике показался на условиях полной анонимности. Принимали его великолепно, со всем респектом, взяли все анализы, попросили заехать через пару дней. И на втором приеме порадовали - что это у него в анусе проявления сифилиса. Мичман со стыда чуть не помер. Он был завзятым бабником - а тут такое. Ну и вот его два года от сифилиса лечат, а только хуже. Штамм говорят, устойчивый к антибиотикам.

То, что это бред чистой воды - мне понятно сразу. Сифилис не лечат два года, тем более свежий. Шанкр не дает резкого неудобства. Если даже и дает - болевые симптомы для сифилиса не характерны. Штаммов бледной трепанемы, устойчивых ко всем антибиотикам - науке пока не известно. Зато частные клиники с врачами, которые купили диплом и умеют драть деньги - это я видел.

- Ну, давайте, раздевайтесь.

- Совсем?

- Совсем. И свет поярче.

Осмотр пухлого мичмана никаких признаков сифилиса не дает. А вот когда складской работник встает на стол в позу «коровушки», взгляд тут же отмечает роскошный запущенный геморрой с отличными геморроидальными узлами. Студенческий случай. Диагноз от двери. Так говорят о столь наглядной хрестоматийной картине. Даже жаль беднягу - как же он гадитто? Это ж боль неопишуемая.

- Постойте так пока, я сейчас снега с улицы возьму и приложу к больному месту. Потерпите.

В сумке находится несколько пар резиновых перчаток. Натягиваю пару, с автоматом высываюсь из двери, осматриваю совершенно безлюдный проулок - и не отвлекаясь цапаю сбоку от двери снежка.

Мичман дергается, но вот при контакте с холодом шишки начинают заметно уменьшаться. Конечно, тут одним снежком не вылечишь, геморрой запущен изрядно, но вполне по силам нормальному терапевту.

- Как, легче?

- Да... легче...

- Одевайтесь. Сифилиса у Вас не вижу. Можно конечно провериться на реакцию Вассермана, но уверен, что она будет отрицательной.

- А что же у меня тогда?

- Геморрой. Запущенный, но вполне курабельный.

- Как??? - Мичман делает лицо такого же цвета, как до этого Николаич. Как бурак.

- Ну, вот так. Банальный геморрой. Сидячий образ жизни, запоры и алкоголь.

Мичман погибает почище классика русской литературы Льва Толстого и говорит так, почти не повторяясь, минут пять.

- Если Вы облегчили себе душу, то могу порекомендовать новоприбывшую докторшу - если будете выполнять ее рекомендации - вылечитесь за месяц. Может и раньше. А болтать она не расположена, я ее давно знаю.

Мичман растерянно одевается. Судя по всему, картина мироздания в его голове несколько искажена, потому что первым делом он надевает фуражку на голову, а потом мучается с майкой, не сообразив снять фуражку. Когда он возвращается в реальность, то первый же вопрос его отдает детской наивностью:

- Но как же это так? Как они могли так со мной?
- Вы же нам морочили голову полтора часа?
- Так ведь они же врачи!!!
- Разные врачи бывают. Вот есть, например врачи, которым надо привезти оружие. И боеприпасы. Я вот, например такой.

- Это как раз поправимо. Что вам нужно?
- По списку и по билетам - 188 единиц стрелкового оружия.
- Сколько у вас там офицеров получается?
- 109.
- Хорошо. Пошли подбирать будем по порядку. А это точно геморрой?
- 99 % гарантии.

- Ага. Ну вот что можно прикинуть - для офицеров - 24 ТК - и к ним 2020 патронов, остальные 84 - ТТ. С патронами к ним - чуть позже. И для лечащего врача - тут мичман лезет куда-то вглубь своего склада и возвращается через несколько минут, погромыхав там - вот.

У него в руках практически новехонькая деревянная кобура. Тяжелая. Аккуратно открывает крышку и оттуда, маслянисто посверкивая, выскальзывает тот самый - К96, товарищ Маузер. Ну ясен день - самый что ни на есть Кронштадский сувенир. Лихо!

- За пистолеты спасибо, конечно, но вообще нам лучше чтонибудь подлинноствольнее и помощнее.

- Маузер - хорош?
- За Маузер - отдельное спасибо. Я о таком всю жизнь мечтал, а тут как с куста! Но вопрос о длинностволе остается.

- Мы ж про офицеров говорим? В распоряжении - выдать соответственно числу. Так для офицеров пистолет положен, как дополнительное оружие. Так что никто ничего против не скажет. А кроме пистолетов - ППС - 43. Сгодится? Могу выдать 112 штук.

- Сгодится, конечно. А вот как насчет Калашей?
- У меня всего десяток - еще АК47. И они хоть в хорошем состоянии - но трепаные. И рожков к ним - всего по два. И патронов этих у меня вообще нет. Так что выдатьто могу, но патроны добывать отдельно придется. Вот для рядовых у меня - одни винтовки и карабины. Хотя есть пара фузей... Так. Пошлика вместе - помочь надо.

Следующие полчаса мы кантуем разношерстные тяжеленные ящики. Немудрено тут геморрой получить. Наконец старомодный ящик. И ейбогу - с готическим шрифтом. Мичман возится с защелками.

- Так. Вот фузеи.

В ящике лежат два пулемета. Очень характерного вида - мы такие часто находили у немцев. Французский станковый «Гочкисс» - 8 мм, образца 1914 года. Своеобразный ствол со словно надетыми на него кольцами охлаждения радиатора, нелепая и милая в своей старомодности пистолетная латунная рукоятка.

- Ого! А рамки для него есть?
- Полно. Нука дернем вот этот ящичек.

Глаза на лоб лезут - в ящике навалом пара сотен широких и длинных железных пластинок с вырубленными штампом выступами. Эти выступы полусогнуты и если засунуть между ними патрон, то они словно обхватят его вытянутыми полукруглыми лапками. И всего влезает в эту рамку двадцать восемь лебелевских пузатеньких патрона с никелевой серебристой пулей.

Эти пулеметы - трофей после разгрома Франции - немцы потащили в Россию потому, как МГ34 оказался слишком нежным для наших морозов и грязи. В первую же зиму немцы отметили, что универсал переходит от холода на одиночную стрельбу. С перезарядкой

пулеметчиком после каждого выстрела. Вот и потащили сюда чешские и французские машинки. Те работали как часы. Спасибо к слову и чехам и французам за это...

- А патроны?

- Тысяч двадцать наберется. Станков нет, запасных стволов нет, ЗИПа нет.

- Ну станкито ладно. Чтонито придумаем. А вот СКСы есть?

- Не у меня. У меня рухлядь. Вот могу Лебелевские карабины предложить - 51 штука. Тогда все лебелевские патроны спихну с глаз долой. Это еще тысяч десять наберется и для рядовых вполне сгодится. Так думаю, что это - первое время продержаться. Потом до нормальных складов дело дойдет. Не эту тряхомудию уже пользоваться будем. Если повезет, конечно.

- Это да. (А приятно посмотреть на ожившего и воодушевленного пациента! Ишь, зашустрил мичман! Прямо - воскрес!)

- Так, осталось у нас 13 человек безоружных.

- Могу дать ящик ППШ - 41. Это 4 штуки. С дисками напруга, так что по 1 диску выйдет.

- А рожки от ППС не подойдут?

- Нет, они разные и друг к другу не подходят.

- А не найдется ли в хозяйстве пулеметов? Ручных?

- Есть Зброевки. Но к ним ни боеприпасов, ни рожков. Дрейзе есть. Может возьмете «Наганами»? Я и кобуры дам.

- А может там РПД какой? Или ДП?

- А лекарство от жадности в этой сумке есть?

- Нету. У нас там три тысячи человек. По уму - то половину бы вооружить. А получается - слезы кошачьи. Командиры тут танцы вытанцовывают. Да задницы бумажками прикрывают.

- Так бумажка - это свято. Я и сейчас вот начну выписывать. Пока думай насчет наганов.

Звоню Николаичу. От перечисленного он немного дуреет - не рассчитывал на такую роскошь. Готов и на наганы согласиться, но просит покочевряжиться - вдруг чего еще полезного добудем.

Показывая всем видом, в каком я восторге от Маузера, размягчаю, насколько возможно только это сделать, мохнатое сердце мичмана. Подумав и махнув рукой притаскивает - ну хоть стой, хоть падай - две винтовки СВТ40. И штыки к ним. Оказывается, что это было оружием часовых у знамени. Аж годов до 60х. Потому винтовочки ухоженные и главное - в стволах муха не сидела. Но патронов и к ним нет. Тоже надо начвора трясти.

И под занавес - как бы ошибившись в счете - притаскивает не семь, а восемь наганов и к ним кирзовые кобуры, почемуто белого цвета.

- Так, теперь я буду писать расходную ведомость. А ты, доктор, сколько патронов притащишь - столько и заберете. Вот тут значится они лежат - 7,62 на соответственно 25.

ТТшки маузеровские.

Пока мичманюга не спеша корябает накладные успеваю притартать и сложить в кучу тысяч сорок патронов. Оторвавшись от бумажонки мичман замечает - еще пару цинков можно прибрать. Прибираю.

Начинаю понимать, какую ГОРУ оружия мы получили! Штабель ящиков и ящичков становится все больше и больше. Черта лысого мы все это сумеем вывезти на УАЗе. Да и «Хивус» столько не упрет. У него вроде тонна грузоподъемности. А еще понимаю, что вместе с оружием и мы получили геморрой. Правда куда как более приятный в отличие от мичмана - но делитьсято придется. И что кому раздавать? Вот той же троице МЧСников - какое оружие выдать? А Михайловским? Да не говоря уж о самих себе - любимых! Страшная жаба уже начала тяжело давить меня. У Николаича все впереди.

- А вот скажи, доктор, это правда, что мужики говорили - про геморрой? Ветеринар посоветовал одному: - Весенний конский навоз набрать на дно ведра, засыпать углями, чтоб

загорелось, и посидеть пуканом на нем с часок. Чудо как помогло.

Другой хмырь тоже страдал шоферской болезнью. Ну, народное средство когда выпал «хвост» - хозяйственное мыло пользовал - и тоже помогло.

- Не знаком с таким лечением. Чтоб геморрой коптить - первый раз слышу. Ято сдуру считаю по старинке, что геморрой лечат регулировкой стула, подвижным образом жизни, свечами и прохладными подмываниями...

- А если почеловечески то же самое?

- По человечески - алкоголь пока не пить, острое не есть. Овощи, фрукты - чтоб была клетчатка. В сортир - каждый день и лучше в одно и то же время. В день пешком проходить не меньше 5 километров. В аптеке взять противогеморроидальные свечи - хоть анузол, хоть неоанузол - что есть. И пихать по свечке себе в задницу раза два - три в день. Долго не сидеть, каждый час вставать и минут пяток походить, размяться. Задницу мыть прохладной водой. От этого узлы сокращаются. Ну и руки потом тоже мыть. И к новой докторше обратиться. Я ее завтра предупрежу.

- Как же без алкоголиято?

- Вправишь шишки обратно, перестанут выбухать и болеть - опять будет можно.

- Вот это правильно. Ну что, по граммулке за знакомство?

Вот и лечи таких. Но почему бы и не принять? Настроение - хоть песни пой, а алкоголь всегда усиливает настроение. Именно не улучшает - а просто усиливает. Если грустно - то от алкоголя станет вообще - в петлю лезь. А если хорошо - вот тогда будет полный праздник.

Садимся и принимаем по граммулке. Закусь у мичмана - самая подходящая для геморроя - колбаса копченая, хлеб серый, и лимон офицерский - то есть лук репчатый.

С удовольствием от процесса режу закуску штыком от СВТ.

- Вот вылечусь от этого сраного геморроя - подарю тебе саблю! Без балды!

- Будешь так пить - не вылечишься!

- А я брошу. На период лечения. Ну - со свиданьем!

Посреди отдыха звонит мой мобильник. Братец на связи.

- Але?

- Дарова! Как дела?

- Сижу, пью водку с мичманом, который мне кучу оружия выдал. В Кронштадте. Собрали у кого были военные билеты - и комендант разрешил вооружить военнообязанных. Я и на тебя получил - твой билет у меня. Из квартиры все документы забрал.

- Это здорово! А мы тоже отличились.

- И?

- Сидели с этими кроссвордами. Заклинило на «Матрос, снимавший вражеских часовых при помощи лассоаркана». Стали перебирать всяких этих Хорнблауэров не лезут. Всего пять букв. Мучились, мучились. Взяли потом следующий номер - а там в ответах «Кошка». Ну забыли, что матрос Кошка под Севастополем так французов обижал.

Подумали - а мы то чем не кошки! Мишка так воодушевился, что пошел, взял такую трехметровую проволочную херь - ею прозектор сток канализации прочищал, если забивался - сделал из этой хери практически лассо - ну а потом мы аккуратно стеклышки из рам вынули, этой петлей поелозили - и Мишка зацепил прозектора, хоть и вслепую возился - правда прозектор уже вроде шевелиться начал. А там Мишка его подтянул к решетке и я - поздравь - из Мишкиного «Макарова» одним патроном прозектора упокоил. Черепто у покойного сильно изменился - я его сейчас вскрыю, потом сообщу что да как.

А потом мы так расхрабрились, что Мишка с арканом и я с пистолетом вылезли на улицу. Знаешь, воздух на улице всетаки подругому пахнет...

Ну, так вот - по крови на снегу нашли Гутковского - он недалеко ушел после того, как обратился - и Мишка оказал начальнику бывшему последнюю услугу последним своим патроном.

Теперь правда горюет - говорит, что если нынче поймает Золотую рыбку, то нет пока первого желания, исполнилось уже. А у меня теперь свой ПМ. Наследство так сказать.

Патроны поделили.

А когда мы уже к моргу шли нам на выручку Михин папаша приехал с соседом - у обоих двустолки. Так они все трупы сложили под окна морга - сидят в засаде на живца ловят. Или на мертвеца теперь правильнее сказать? Один бомжик из беглых как раз вернулся - они его и приняли. Хотя вроде холодно - а ходит засранец. И еще какойто левый зомби приперся. Так что возможно к утру тут навалят кучу упокоенных.

- Здорово! Рад за вас - и с Михой тебе повезло. Мы за вас сейчас выпьем!

- Ты лучше за нас поешь. А то мы вынужденно постимся.

- И поем. Ну, до связи!

- Живи долго, а я вскрывать пойду.

Уф! Камень с плеч.

Даже страшновато становится - больно уж все удачно получается. Утешаю себя тем, что на фоне ТАКОЙ катастрофы, которая нас всех постигла - эти мелкие удачки настолько крошечны, что смешно говорить.

Мичман оказывается интересным рассказчиком и травит кучу баек. Воспрял, воспрял, видно. Теперь опять орел. Все девки наши!

Уже приговариваем остатки водовки, когда приезжает, судя по звуку мотора, этакий зомбогрузовик. Лицезрею Николаича и двух МЧСников. На погрузку прибыли.

Николаич фигеет от кучи оружейных ящиков, а глянув ведомость, фигеет еще больше. Мне это приятно видеть.

- А я уж тебя убить хотел - говорит Николаич мичману - а ты глядиго реабилитировался!

- С людьми надо полюдски - наставительно отвечает мичман. - Подписывайся!

- Сейчас - приму - распишусь.

- Да знаю я - погрузишь - и Ванькой звали. Смотри здесь.

Парни из МЧС напоминают бедных детей у елки в богатейском доме. Глазато разгорелись.

Николаич, однако, службу знает. Подумав недолгое время, отбирает два Нагана и один ППС. Добавляет кобуры. Два магазина - рожка. Потом, сверяясь с маркировкой, вытягивает шесть коробочек с револьверными патронами и десять - с тэтэшками - для ППСа.

Записывает на замурзанном и мятом листе бумаги чтото вроде расписки, заносит туда номера стволов и в торжественной обстановке вручает ППС и оба револьвера нашим извозчикам.

Водила правда пытается выцыганить другой ствол, но тут неожиданно для меня влезает мичман:

- Штченок! Наган самая безотказная штуковина! Из того, что я тут выдал одноручного - самая мощная, точная и дальнобойная. Или тебе генеральский ТК нравится?

- Ну дык в ТТ - 8 патронов.

- Еще раз - штченок! Сейчас возьми машину и сними смазку. А потом я тебе пкажу, что это за зверь!

Николаич сверяет, пересчитывает, вынимает то один, то другой ствол. Раскраснелся и видно, что доволен. Но мне кажется, что и его начинает обуревать тот самый земноводный зверь. Ясно же, что придется делиться - вроде ж майор - начвор.

Но если ему так все отдать, то неизвестно, чем это повернется. Пока мы все потрясены случившимся, но как только ситуация стабилизируется - угасшие пока противоречия вспыхнут снова. И тут нельзя допустить, чтоб твои силы оказались слабее... Будем потом за десяток патронов на коленках ползать. Но и зажимать все под ноготь - глупо. Тут мы друг от друга зависим. Опять же оружие настолько разношерстно, что голову сломать себе легче легкого. Дольше всего Николаич рассматривает эти загадочные карабины Лебея. Работает затвором, проверяет магазинную пружину. Металлическая пластина под рукоятью напоминает те винтовки, с которыми перед 1 Мировой войной бегал французский Иностранный легион.

- А заряжать как? - спрашивает озадаченный Николаич.

- По одному патрончику. Ничего, не графья, не в театре. Рамок мне ни одной не досталось, так что по одному патрончику, вдумчиво. Зато машины не ношенные - и по сотне выстрелов не сделали. Там прицел идиотский, это да. А так - легкая и вполне серьезная машина. Убедите мое начальство - с удовольствием к вам в гости приеду, обучить, показать. Или Арисаки лучше?

- Ну, вполне вероятно, что и Арисаки подметем. Народто к нам бежит.

- Да мое дело выдать. Токо Арисакам досталось куда как сильнее. Там и ржавчины и разболтаны. Патронов к слову - всего пятьсот. И еще шесть. На все про все. Вы б лучше СКСами разжились.

- Не, мы брезгливые и разборчивые. Нам бы что позакывристей. А то стоят все вокруг, упрасивают - возьми СКС, возьми СКС...

Когда дело доходит до «Гочкиссов» Николаич светлеет.

- Если это не готовое вооружение для гарнизона, то плюнь мне в глаза. Единый патрон, два пулемета, карабины. Начарт плясать будет. Старикам из Артиллерийского - Коровиных. Штуки четыре себе оставим. Дарье, Валентине, пару про запас. Чтоб не тер.

Станки - либо в Артиллерийском должны быть, либо монетчики из труб сварят.

Наганы - в МЧС, если будут себя хорошо вести. Туда же пару ППШ с парой дисков, ППС, десяток ТТ и соразмерно патронов.

СВТ - грех под снайперские не сделать.

Ну а начвору - по списку - 51 карабин, 2 пулемета и все, что себе не оставим, общим количеством в 188 стволов.

А себе оставим обе «Светки», все АК, пару ППШ, 19 ТТ и полстаодин ППС.

Серьезный арсенал получится.

- А может нам чего подбросите? - невинно осведомляется водила из МЧС (видно его начальник решил, что водиле не грех размяться.)

- Вполне возможно, что подбросим. Пока даем как бы задаток. Чтоб вы сами себя могли защитить и семьи свои тоже. Пока вы нам помогаете - мы вас прикроем, чтоб ни одна сукота не попыталась обидеть. Но сам понимаешь - возьмете и передислоцируетесь - а нам хреново придется.

- Дак поговорите с нашим начальством. Нам то все равно вам помогать лучше, чем кошечек с деревьев снимать.

- Ну так и отлично - перевезем в Крепость оружие и патроны, а потом в Красную Горку съездим.

- Можем по дороге...

- Не пойдет - как на нас насядут ваши дети - жены, так я разжалоблюсь и все оставлю... Лучше уж третьим рейсом. А первым - майора со всем, что положено гарнизону.

Начинаем грузить под зорким оком Николаича. Пока таскаем потертые ящики с Лебелями он откладывает в сторонку то, что решил оставить для нас, причем смотрит перед отгрузкой - какое состояние у оружия. Мичман собирает по сусекам патроны к «французам» - получается увесистая и громоздкая куча и натуральных упаковок и разнообразных ящичков непойми от чего с пачками этих Лебелей и даже пара ящиков, где патроны свалены вроссыпь. Потом ящики ППСов, пистолеты и около половины патронов. Когда все это запикиваем в кузов полудохлого грузовичка, оказывается, что и места там нет.

Попрепившись с мичманом, Николаич подписывает накладные.

Наконец мичман и показывает фокус - вытащив из кармана Наган - не безоружным, оказывается, сидел, он очень шустро демонстрирует, как можно добавлять патроны в ходе например перестрелки. Выглядит впечатляюще. Действительно, если так действовать, то Наган всяко не хуже ТТ получается. Люди из МЧС впечатлены.

- Эти револьверы не зря полвека на вооружении стояли! - нравоучительно заявляет хозяин склада.

Остаюсь беседовать с мичманом, а троица, набившись в кабину, уезжает.

Через час возвращается Николаич с одним из МЧС, и мы набиваем оставшееся.

В кузове уже что-то есть - оказывается, дали на бедность немного тола и огнепроводного шнура. На случай, если надо будет рвануть лед в Заячьей протоке. Майор получил рации - достаточно унылого вида и состояния, по мнению Николаича. Еще майор выцыганил у начальства пару ящиков семерки и цинк с винтовочными. Николаичу не дал, отделавшись обещаниями, а выдал одну рацию. Правда, она без аккумуляторов, с этим обещали помочь завтра. Но и Николаич оказался не лыком шит - обнаружив развернутый в импровизированной караулке штаба пункт боепитания, получил разрешение забрать несколько початых, но не разобранных до конца цинков с семеркой. Навскидку - получилось три полных цинка с небольшой добавкой. Как он, посмеиваясь, объяснил - в горячке боя понаоткрывали что под руку попало, снаряжали магазины без особого порядка, в спешке кто как умел - в итоге оказалось, что развели срач. А это недопустимо в военноморском штабе. Вот Николаич этим и воспользовался.

Попутно в разговоре с мичманом Старшой дал мне понять, отчего удивился, увидев группу начальников - не все, бывшие в комнате были официально назначенными. Тут, оказалось, была и перестрелка и, похоже, двух командиров банально расстреляли и коекого назначили прямо сегодня. С вышестоящим штабом оказалось еще сложнее - он должен был переехать из Адмиралтейства в Кронштадт, а на место его должен был переехать из Москвы Главный штаб Военноморского флота, но командование Ленинградской военноморской базы вроде покинуло здание Адмиралтейства, и уже переехало в Кронштадт, однако в час Ч в штабе толком никого и не оказалось.

Гукнуло как раз в момент ремонта и переезда. В итоге бразды правления пришлось брать себе нижестоящему руководству - тут на месте. По ряду данных в Адмиралтействе оказались запертыми курсанты с трех факультетов Высшего военноморского инженерного училища имени Дзержинского. В Кронштадте на них имели серьезные виды - в основном это были хозяйственники, предназначенные для обеспечения жизнедеятельности подлодок - а значит и на островах и кораблях они могли бы оказаться полезными. К тому же у многих курсантов родственники жили как раз в Кронштадте.

После того, как мы насыпали себе по карманам патронов, Николаич возместил мне потерю отданного водиле из МЧС ПТ новеньким в смазке ТТ, мы опять же загрузили оставшееся на складе. Еще я забрал для Валентины Коровина с коробочкой иностранных патронов довоенного производства, а сверток с Маузером передал Николаичу.

Перед тем как ехать, МЧСник попросил мичмана еще разик показать, как обращаться с Наганом.

- Вот, гляди и запоминай! Потом внуков будешь учить!

И мичман снова показывает аттракцион по заряданию Нагана - и главное в его руках наглядно видно - хорошая машинка, если умеешь ею пользоваться. Уезжает МЧСник просветленным. А мы начинаем сообща чистить от смазки оба пистолета.

Вскоре мы укладываемся спать - я на ящиках в каптерке, а мичман на складной железной коечке с жидким матрасиком. Здесь я вспоминаю, что вообще забыл свой спальник...

Утро третьего дня Беды

Утром мичман безо всякой жалости меня будит. В прошлой жизни в такую рань я просыпался токо - ну да, в армии. Вылезаю изпод шинели (откуда на мне она оказалась - полная тайна) и начинаем собираться.

- Слушай, а почему ты себе взял Наган, а не Маузер? - спрашиваю мичмана, пока мы меланхолично чистим себе зубы остатками вчерашней закуски, как бы завтракая.

- Две причины: не по чину раз, не по чину - два.

- А снисходя к интеллекту сухопутной крысы?

- Просто же - первое - что я такое, чтоб с Маузером щеголять? Да любому не то что

капразов - каплеев я лучше в карман высморкаюсь - не так обидятся. Как ни крути - а тут четко - если с Маузером - то начальник. В подкорке!

Второе - материалы изменились. Сталь лучше, пороха сильнее. Если тебе нужно стрелять много - то лучше Наган. Рабочая скотинка, хрен сломаешь. Начнешь поливать из маузера - sportишь Вещь. И так советские патроны сильнее делали, чем родные, маузеровские, по пороховому навесу, так и пороха за полтора века изменились. Мне придется скоро стрелять много - мой район пока не чистили, принимать участие - свято. Ну и неохота попасть впросак в самый пикантный момент.

Резюмируя - не для Стрелка такая штука. Для Начальника. Вот ты на приеме будешь сидеть с Наганом - пациенты подумают - фи, докторишка... А с Маузером - ты профессор!

Посмеялись.

Потом собрались - мне собираться было - что голому подпоясаться, да и мичман не задержался. Место и впрямь на удивление безлюдное - можно бы даже сказать не задворки Кронштадта, а трущобы... Но безлюдье как раз радует.

У мичмана неподалеку весьма неплохая «Тойота» припрятана.

Ехать оказывается недалеко. Вполне можно бы было пеше добраться.

- Не то время, чтоб пешком гулять - возражает мичман.

И тут же видим подтверждение - молодой парень в больничной пижаме. Босой, но с виду целый совершенно - неподвижно, как столбик стоит у какого-то забора. Мичман тормозит так, что аж заносит машину слегка. Видно, что он узнал покойника. Немудрено - слышал вчера, что одной из точек распространения был как раз военноморской госпиталь? 35. Видать оттуда парень дернул. Мичман собирается вылезать из машины. Придерживаю его за рукав.

- Ты что? Это ж Васильев! Он же тут замерзнет!

- Не замерзнет. Ты что не видишь, что он белый совсем? Он еще ночью помер. Ручаюсь.

- Вот черт! Васильев! - слушай доктор - а может он живой, а?

- Ты уже зомби видал?

- Еще нет.

- Ну, так два варианта - либо живой, либо нет. Как думаешь - по такой погоде живой будет так столбиком стоять? Неподвижно? Босым, в пижаме?

- Перепугался, там кома всякая...

- Не обманывай себя. Его теперь пулей упокоить - единственно, что сделать можно...

- Я не смогу. Не думай, что соплежуй, но не смогу.

- Тогда поехали - в больнице скажем.

- Нельзя. Приказ по гарнизону вчера был - где увидел, там и успокаивай.

- Ты что, такой исполнительный?

- Нет. Просто за один день четверть города накрылась. Мне мужики уже рассказали - один мертвяк может роту угробить легко... Если Васильев обернулся - то надо успокоить. А то уйдет - натворит дел. Только точно надо убедиться, что он умер уже.

- Хорошо. Вылезает - ты с ним поговори. Попроси что-нибудь сделать - руку поднять, или наоборот сесть. Мертвяк просто пойдет на голос, ничего выполнять не будет.

Я его подпущу поближе и упокою. Только когда я его успокаивать буду - ты на это не смотри, оглядывайся. А то не ровен час, сзади кого получим...

Мичман аж физиономией осунулся. С оглядкой вылезает. Мичман машет руками, кричит, обращается к несчастному парню в пижаме и по имени и по званию. Видно, что зомби здорово остыл за ночь. Он же в пижаме - не в тужурке, потому остыть должен был сильно и качественно.

- Брось, ему сейчас долго разогреваться. Пошли ближе.

Вблизи ясно видно, что Васильев не живой. Глаза открыты и, глянув в них, мичман отшатывается. Между тем его приятель начинает, наконец, шевелиться.

- Убедился?

- Убедился... Стреляй. Поаккуратнее только, хороший человек был...
- За забором что?
- Людей там нет.

Зомби представляет легкую мишень. Он пытается повернуться, но ноги у него плохо слушаются. Захожу немного левее, чтоб пуля не шла вдоль дороги и не дала рикошетов, прицеливаюсь. Выстрел негромкий, зомби валится как бревно. Лицо спокойное, я старался, чтобы его не повредить.

Мичман притаскивает какуюто белую тряпицу, и накрывает покойнику голову.

Потом поднимает наган вверх и трижды бахает в воздух, в низкое серое небо.

Помолчав, забираемся в тепло машины.

- По нынешним временам с почестями - это редкость.

- Хороший был человек... Хороший...

До больницы едем молча...

Больнице повезло сильно. Все первичные очаги - и приехавшие из Питера по кольцевой обезумевшие покусанные люди, и наркоман с передозом, и умершая во время операции женщина, и прочие - оказались не в 36 больнице.

До нее докатилась вторая, а то и третья волна пораженных. Именно потому персонал понес минимальные потери. Не всем повезло, но, во всяком случае, сравнивать с наркологическим диспансером или военноморским госпиталем (там в отдельных помещениях еще были живые люди и с ними держали связь, но вот взяться за зачистку пока не могли - банально сил не хватало) невозможно.

Вот кто обошелся совсем малой кровью - так это Роддом. Получив несколько предупреждений по телефонам, там просто заперлись и забаррикадировали двери.

Рядом с центральным корпусом 36 больницы, выходявшем фасадом на улицу Газового Завода, стояла грузовая машина с кунгом. Сверху из торчащей трубы вился клочковатый дымок. В кабине сидел немолодой дядька в морской шапке с крабом и морской же шинели. Внимательно посмотрел на нас.

За дверями оказалось две тетki с автоматами. Кивнули мичману и внимательно осмотрели наши рукиногишей. Автоматы они держали как палки, побабьи, а вот осмотр был грамотный. Мичмана попросили на выход, а меня отправили дальше. Правда, мичман не ушел, а тут же стал любезничать с тетками, что те приняли настороженно, но благосклонно.

Ясно, после двух лет с таким приговором мичман решил опять окунуться в радости жизни, да и с Валентиной я его пообещал познакомить. Напялив на себя под строгим взглядом дежурной тетеньки бахилы, сижу жду. Приятно глазу - служба не шалаяваляй, а строго все.

Прибегает поводырь - молоденькая медсестричка - понятно, меньшую послали. Двигаем на второй этаж. Оттуда в ординаторскую. А там сидит десяток человек вместе с Валентиной. Похоже, что она им тут понарасказывала - смотрят на меня с уважением. Подавляю желание надуть щеки и задрать нос.

Чай у них горячий и мне неловко за свой затрапезный вид - они то все помыты и причесаны. Впрочем, оказывается, что мне тут могут устроить санобработку - то есть могу и душ принять и даже ванну - но с этим дольше. Душ - это бы очень к месту. Окопный дух - оно конечно вштыривает - но лучше б без него. С радостью хватаюсь за это предложение, а чтоб им было чем заняться без меня - торжественно вручаю Тульский Коровина Валентине. К сожалению, все пистолеты со склада - с банальными деревянными щечками на рукоятке, но все равно - вызывает легкое удивление.

Размываться некогда - всетаки коллеги ждут, потому приходится полоскаться в темпе. Все равно - приятно. В разгар мытья заваливается этакая медицинская санитарная бабка - с той уже привычной спокойной бесстыжестью, выработавшейся за время мытья сотен пациентов.

- Вот белье Вам свежее. А свое тут оставьте, простирнем.

Ну, просто о большем и желать не приходится. Хреновая из меня прачка, если честно.

Готовить умею хорошо, а вот стирать...

Надо же - и носки свежие! Сервис!

И на чай я являюсь чистым и довольным.

Обсуждение взаимодействия проходит и впрямь легко. Видно, что Валентина провела всю подготовительную работу. Теперь с такой базой за спиной жить куда легче.

С медикаментами у них пока все в порядке - на пару недель хватит, а там видно будет. Жаль, конечно, что по оснащенности клиника не самая обеспеченная. Но то, что она уцелела - невиданная удача.

По поводу пистолета разгорается дискуссия - треть считает, что теперь оружие должно входить в оснащение лекаря наравне с фонендоскопом. Другие уверены, что это несовместимо с профессией врача. Правда задумываются, когда уса́тый толстяк напоминает, что ритуал прощания с умершим пациентом несколько изменился - и перед тем как закрыть его простынкой, неплохо бы прострелить помершему пациенту мозговой череп.

Начальница думает недолго - посматривая на Валентинин пистолет, говорит, что сегодня же выйдет с рапортом командованию базы об обеспечении всех медиков компактным и легким оружием ближнего боя и обязательно обяжет пройти курс обучения. И примет санкции против пацифистов.

- Ну, вы знаете какие - спокойно говорит она, глядя на подчиненных.

Онито может, и знают, а мне невдомек - премии лишит? Или отпуск перенесет на ноябрь? Но судя по всему к ее словам тут принято относиться всерьез.

Говорю, что у меня внизу как раз кладовщик, который как раз веда́ет всей этой стрелковой мерехлюндией. Начальница назначает ему аудиенцию, но потом - после того, как чай попьем.

Меня расспрашивают про город - что там? У многих там родственники, знакомые.

К сожалению, радовать нечем. При всем том ужасе, которого они тут хлебнули - а в самой больнице таки оказалось двое иницилирующих зомби и потери понесли медики тоже, то, что творится в Питере, ни в какое сравнение не идет.

Оканчиваем чаепитие. Прошу Валентину пройти со мной - попутно благодарю за содействие. Смеется, отвечая, что особенно и стараться не пришлось - начальница отлично понимает, что сейчас идет потеря самого невосполнимого ресурса - людей. И дело тут не в гуманизме - нарожать детей можно, но они только через 15 лет смогут быть полезны и главное - знаний у них не будет тех, что есть сейчас. Да и нарожать при малом количестве спасенных - тоже непросто. Потеря знаний - вот самое кислое, что потом придется расхлебывать. Сейчас умирают сложноорганизованные системы - и чем глубже будет потеря их услуги, тех обученных профессионалов, которые сейчас обеспечивают все блага цивилизации, тем глубже просядет общество в цивилизационном плане. Очень бы не хотелось через пару поколений возвращаться к плетению лаптей и шитью одежды из шкур. Дикари с АК - не самый выигрышный вариант для обеспечения комфортной старости.

Знакомлю ее с мичманом. Мичман расшаркивается - и удивительно сразу начинает стесняться... Понятно, с одной стороны - после двух лет запоя видок у него еще тот. Опять же лечиться придется от такой, интимной проблемки. Но он же вроде рассказывал о том, что уж такой он бабник, просто отойдиподвинься... Забавно.

Валентина не моргнув глазом, входит в привычную ей роль «строгого доктора» и назначает мичмана на завтра - с утра. Нет, определенно робеет мужик...

А мне приходится их покинуть - матрососыльный прибыл на трепаном «Жигуле» - моя персона должна прибыть к Змиеву. Ничего не понимаю - коменданту Базы на меня обращать внимание не с руки. Не тот уровень общения. И что я с ним решить могу?

Но матрос на эти вопросы не ответит. Прощаюсь со всеми и, минуя строгих теток на входе, залезаю в «Жигуль». Машинка явно тоже из подснежников - потому наверно ее и дали посыльному, что не жалко железяки. Парень жмет по газам, что вместе с лысой резиной производит сильное ощущение. Понимаю того журналиста, который взялся за интервью с гонщиком во время пробного заезда и облевал всю машину.

Матрос упивается ездой, а у меня хвост поджигается до предела. Особенно когда вижу, что ремень безопасности некуда сунуть - замков нет.

- Слушай, земля - ты в курсах, что автотравма равна по тяжести огнестрельной? Кончай гонки!

- Фигня война! Все под контролем!

Вот не люблю эту дурацкую американскую фразу. Тем более что по традиции кинематографа - именно после нее случается все плохое.

- Земля! Если ты меня угробишь - я буду являться к тебе по ночам. А если чудом выживу - наябедничаю Змиеву. Чтоб ты потом - эп! - не обижался!

Язык я прикусил себе не больно, но обидно. Матрос ржет. Ему нравится, что мы тут подпрыгиваем на весенних ямах.

- Зато быстро! Уже приехали!

- Ты не посыльный, ты убийца! Будь моя воля - водил бы ты садовую тачку.

Козыряет мерзавец и тем же аллюром сматывается прочь.

У Змиева в кабинете пусто. Видно, что только что всех разогнал работать - накурено мощно.

Не знаю, как доложиться. Вроде б «Прибыл по Вашему приказанию, товарищ капраз!» - но я ему не подчинен. И вообще подчиняться не с чего - выдали нам хлама кучу. С другой стороны - хлам отлично работает и это куда как лучше, чем ничего.

- Здравствуйте, Георгий Георгиевич! - вот так попробую - и вежливо и показывает, что я ему не подчинен.

- Здравия желаю, доктор! Как договорились?

- Отлично, спасибо, лучшего и не пожелаешь.

- Каплей мне рассказал, какую кучу добра вы у нас уперли. Даже не хочу спрашивать о том, что за хворь вы у мичмана вылечили. Признаться, удивлен, что обошлось без десяти звонков ко мне с просьбой приказать этому скареду...

- Он оказался очень душевным человеком.

- Ладно. Не чума с проказой, я надеюсь?

- Нет. Ничего особенного. Просто на него нашло быть щедрым...

- Ладно. Перейдем к делу. За то, что надумили медиков вооружить - спасибо. АК им выдавать - неуместно, думали уже об этом, а вот у бурундука этого можно будет всяких малопулек набрать.

Далее. Не уверен, что найду полное взаимопонимание у Вашего руководства. А это делать придется. И вам без нас никак, и вы нам нужны. Потому предлагаю эээ...

- Быть Вашим агентом?

- Не так - скорее по возможности быть делегатом связи, как это называется. Сейчас нам Петропавловка необходима как спасательная база - тут я с нашими медиками согласен - выживут самостоятельно не самые нужные в дальнейшем люди. Выжить - не проблема, таких много, которые выживут. Только нам в будущем всякие бандиты не так нужны, как инженеры, специалисты разных профессий, которых десять лет учить надо серьезно. А такие сейчас в первую голову передохнут. Вот этого бы желательно не допустить. Спасать с кораблей - учитывая ледовую обстановку - проблема. Потому с территории Базы работать легче по Кольцевой автодороге - склады в основном на окраине... А Петропавловская очень выгодно расположена в центре...

Боюсь, что Овчинников не вполне это понимает. Я предлагаю Вам для начала предложить ему совместные действия по созданию опорной базы в Адмиралтействе.

Там курсанты сидят и часть штабников. Дня на три у них хватит и продуктов. За это время мы тут улучшим обстановку и сможем выделить силы. Адмиралтейство подковой выходит на Адмиралтейскую набережную. Внутри этой буквы П еще школа и несколько жилых домов - но суть в том, что если перекрыть проезжую часть и бульвар набережной в тех местах, где выходит Адмиралтейство - а это возможно - то зачистить дома и сам комплекс Адмиралтейства мы вполне можем. У курсантов и оружие есть, но сгоряча

патроны зря пожгли и сейчас сидят на мели.

Вот я и хочу, чтоб Вы довели эту точку зрения до своего коменданта.

И постарались его убедить.

- Почему Вы считаете, Георгий Георгиевич, что я для этого достойная кандидатура?

- А почему нет? С нашей больницей Вы договорились отлично, мичмана убедили.

Не вижу, почему бы Вам и коменданта не убедить. К слову - сейчас отбудете на буксире «Треска» - доставите баржу с коекакими харчами. Это Вам тоже в плюс пойдет. Вашему шефу я вчера отказал. А вот Вы меня убедили. Вопросы есть?

- Так точно. Почему Вы отказали в вооружении сотрудникам МЧС?

- А как Вы думаете? У них задача - спасать людей. Пока они скорее спасали себя. Вот пусть заслужат себе это оружие. Пока у меня были опасения, что я им все выдам - и они отлично проживут и без нас. И без вас. Это меня не устраивает. Пусть чешутся. Мне кажется - они этот посыл поняли. Рад, что обошлось без более радикальных мер. Еще вопросы?

- Вопросов много, да лучше потерплю.

- И отлично!

- Есть сообщение - у меня брат в Петергофе сейчас отсиживается с людьми в морге. Они организовали охоту на живца, выложив под окна покойников. Вероятно это неплохой способ так ликвидировать мертвяков.

- Ясно, учтем и творчески переработаем. Пока до Петергофа руки не дотягиваются. Потом подумаем, что можно сделать, но не сейчас, пусть брат не рискует. Удачи в переговорах. И под занавес - я учел, что Вы смогли организовать спасательную операцию для своей коллеги. Просто коллеги, не родни. И то, что вернулись за ней.

Буксир «Треска» представляет собой весьма убогое железное существо, увешанное со всех сторон старыми покрышками. Из кучи покрышек торчит рубка и обеспечивает все это великолепие три человека - один штатский и двое военных. Судя по тому, что военные довольно брезгливо оглядывают весьма грязноватое судно и даже двигаются както бочком, делаю вывод, что лохань не относится к ВМФ. Да и чин одного из военных - капитан 3 ранга - совсем для корыта не подходит. Впрочем, управляют они с посудой достойно. Чапаем медленно, но уверенно. Баржа, которую тянет эта «Треска», невелика по размерам, ржавовата, но не тонет. В нее накидано чтото квадратическое, увязанное сверху брезентом третьего срока службы. В общем - на тоби, боже, шо мини не гоже.

Особенно скучать не приходится - перед отплытием мне вручили видеокамеру древнего года выпуска, дополнительные аккумуляторы и кассеты. Задача - снять то, что привлечет внимание. Ледовая обстановка не интересует - экипажи МЧС уже достаточно внятно обрисовали ситуацию по всей Невской Губе и Неве, а вот что делается на берегу - это важно. Особенно - участок Адмиралтейской набережной - там, где предполагается проведение операции. Это попросили отснять особенно тщательно. Потому как планы - планами, а реальность - совсем другое дело. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги...

Звонит Николаич. Внимательно выслушивает, что я полоскаюсь с грузом в Невской губе и неотвратно ползу в Крепость. Просит поторопиться - начали операцию в Зоопарке. Пока без меня обходятся, но у него душа не на месте. Отвечаю, что не могу поторопить этот агрегат - и уточняю, что за операция. Удивляется - зоопарк - склад свежего мяса. Для тысяч беженцев в крепости - пока единственный выход. Заодно надо соседнюю территорию брать под контроль. Пока операция на стадии разработки - попутно Ильяс - с забора Зоопарка и Андрей - с крыши Кронверка отрабатывают по видимым мишеням, заодно пристреливают оружие. Новые «Светки» и СКС - переросток практически одинаковы в работе. Еще раз просит поторопиться и кончает связь.

Сообщаю это каптри. Пожимает плечами - выбрано самое экономичное судно, даже если его раскоцегарить в полную силу - выиграем минут пятнадцать, а топливо сожжем зря. Успокаивает меня, что сегодня Змиев приказал сделать несколько ходок, обратным плечом будут забирать беженцев. Удивляюсь - нельзя же возить продукты и людей в одной и той же посудине - беженцы обязательно нагадят - ктонибудь обмочится или пропоносит - нельзя же

потом туда грузить продукты!

- Пропносят - сами и уберут - наставительно отвечает каптри. - Здесь им не тут!

И уходит на корму.

Мда, скорость у «Трески» не та, что у «Хивуса». Небо и земля. Правда, сейчас мы тащим пару тонн груза. Подходит снова каптри - просит заодно снять состояние мостов - и особенно: что творится с подъемными механизмами - открыты ли входы, есть ли свет. А - понятно - механизмы скрыты в опорах мостов, но к ним ведут лесенки сверху. Видно каптри проводит рекогносцировку на местности. Ну да - без разведенных мостов в Неву разве что подлодка зайти может. А с разведенными - подгонят любую огневую поддержку.

Приближаемся к городу. Снимать пока нечего. Сидеть дурнем тоже. Решаю потренироваться с оружием. Для начала - с ТТ. Направляю в сторону воды и примеряюсь. Немного неудобная у него рукоятка. Но ничего. Раз. Отставить. Раз. Отставить.

- Чутка левую руку подверни. - каптри сбоку подсказывает.

- Как?

- Чтоб линия прицела точнее подходила под правый глаз. Ты же им прицел ведешь? И не жмурься - лучше привыкай обоими глазами прицеливаться. Появляются новые цели - ты в жмуре их не засечешь. Не ровен час и сам прижмуришься. И палец большой на правой руке расслабь, а то сведет. Вытяни его ровненько - параллельно стволу - легче будет работать. Навостришься - будешь по ощущению стрелять - пальцем ткнул в цель - и огонь. Куда проще, чем одним глазом ловить. Да и могут не дать тебе времени на щуриться, да прицеливаться. Привыкай так.

- Слушай, капитан, что ты на буксире с такими знаниями делаешь?

- Работу свою делаю.

- Кто у тебя в училище?

- Сын.

- Тогда ясно. А что ты посоветуешь по поводу автомата?

- Для начала - обзаведись обвесом. То, что у тебя все по карманам - очень плохо. Из рук вон. Смотрю - и тошнит. Вот давай - замени магазин. А я посчитаю... 9 секунд!

За это время тебя не то, что сожрут, а еще и под соусом приготовят. И с ТТ я смотрел, как ты его из кармана тянешь. Полковая артиллерия с передков снимается быстрее. Так что ты хват еще поотрабатывай - и у автомата тоже, но с карманами даже не возись. Заведи себе кабур правильный, разгрузку - тогда и привыкай. И сделай это поскорее.

Тренируюсь. С пистолетом проще. Автомат - непривычен, с ним сложнее. Больно короток и центр тяжести сзади.

Наконец вижу, что уже пора снимать. Справа - циклопическая постройка очистных сооружений центральной станции аэрации Водоканала и Канонерский остров. О, тут явно есть живые - с крыши судоремонтного завода кто-то машет красной тряпкой. Каптри бухает в серое небо зеленую ракету. Вот, похоже, еще один уцелевший анклав. Стараясь дать картинку почетче и не дергать, веду объективом. Ползем мимо порта. Тут не видно ни живых, ни мертвых - но каптри показывает на струйки дыма - похоже печурки. Слева здоровенное корыто ледокола «50 лет Советской власти». Галерный остров. Дальше - ледокол «Красин». (Сними, что там вокруг - шепчет каптри. Снимаю.) Входим в пределы городской застройки. Машины еще есть, но куда меньше стало легковых. Людей не видно вообще. То есть живых - мертвяков уже много. Так, если глянуть мельком - картинка нормальная, люди, машины, утро. Присмотришься - и люди либо неподвижны как манекены, либо ковыляют странной дерганой походкой. И становится не по себе.

Проходим под мостом лейтенанта Шмидта... У молодых и шалых лейтенантиков Балтики одно время была такая шуточка в ходу: «Скорее мост лейтенанта Шмидта станет мостом старшего лейтенанта Шмидта, чем это звание получу я!» Теперь реконструировали и переименовали в Благовещенский. Лестница в ходовое хозяйство моста чистая, дверь закрыта. Снимаю все по возможности тщательно. Чапаем ближе к центру города. У египетских сфинксов - целая толпа зомби. Что им так тут у музея Академии Художеств

понравилось - непонятно. Но на лед не лезут.

Сюрприз - Дворцовый мост разведен! Прямо как на открытках «Белые ночи!»

Веду камерой по набережной - начиная от того места, где затонула «Андромеда» - и мимо дворца Меншикова, Универа, Кунсткамеры, Зоологического музея - по разведенному Дворцовому - и на Адмиралтейство. Каптри бахает подряд несколькими зелеными ракетами - и на арке справа появляются люди в черном. Начинают махать руками - но не как попало - а как положено грамотным морским людям - явно сигнализация, только флажков не хватает. Снимаю и это. Наш рыдван почти стоит на месте - а каптри просит меня залезть на крышу рубки и снять оттуда. Хорошо, качки нет. Залезаю. Как я понял - основная проблема - отсечь арки Адмиралтейства преградами до Невы. А вот с этим сложно - страшная пробка у Дворцового моста, частью залезающая и на Дворцовый. Как перекрывать по машинам - не знаю. Ближе к Сенатской площади - то не вопрос перекрыть - да там и мертвяков меньше, а вот тут у моста... Снимаю медленно и дублирую. Все, готово. А зомби на Дворцовой площади и на Невском - черным черном.

Слезаю обратно. Каптри смотрит на Адмиралтейство и играет желваками... Трогаю его за плечо. Вздрагивает, приходит в себя. Даем полный ход - а он все смотрит назад...

А я снимаю лестницу в силовое отделение моста - и на лестнице туда перед дверью стоит добрый десяток зомби. И наверху толпятся. Странно.

Пришвартоваться не к чему, потому буксир прижимается к ледовому полю у Петропавловки. Лед немного хрустит, но выдерживает. Второй военмор из экипажа прихватывает здоровенный канат и аккуратно по покрывкам сходит на лед. Прихватывает канатом дерево на пляже. Интересно.

Дальше аккуратно спрыгивает каптри и помогает слезть мне - с камерой. По весеннему льду идти неопасно, но неприятно.

В глаза бросается новодельная постройка - слепленная из всякого разного она больше всего напоминает - точно - старомодный сортир типа «Люфтклозет», только в исполнении дивизии «Генрих Геринг» - не меньше, чем на полста посадочных мест. Явно под руководством седого сапера это соорудили на оконечности Заячьего острова, чтоб все гамно сносило долой течение. Обходим это сатанинское строение - по запаху - точно сортир. Уже обновили. Люди снуют из Невских ворот и обратно.

Входим в ворота, двигаемся к штабу.

Что заметно сразу - народу прибавилось резко. Такое впечатление, что Петропавловка битком набита. И как положено при скоплении народа - замусорено уже все сильно. Какието палатки, навесы чуть не из штор и многомного людей. А ведь еще прибывают и прибывают.

В штабе бедлам несмотря на двух часовых у входа - публика толпится здесь особенно густо. Нас пускают. Толпа, увидев каптри, оживляется, но он, не задерживаясь, проскакивает за мной. Комендант сидит багровый - похоже, тут была ругань только что.

Седовласый мэтр похоже отсюда и не уходил, у него вид оскорбленной добродетели, которой только что плюнули в душу. Потом высморкались туда же и прошли в грязных ботинках.

- Какого черта, где Вы шляется? Тут нам вздохнуть нечем, а медицина ездит, изволите видеть в круизы! Морские путешествия! Три человека вчера и сегодня умерло из беженцев! Не считая карантинных! Я Вам сказал - оборудовать медпункт или нет?

А вот хрена я буду оправдываться. Орать тоже не стоит, коменданта все это время, пока я в Кронштадте был, тут жарили на медленном огне, причем со всех сторон.

- Сидел бы в медпункте - имели бы мы сейчас 118 Арисак и полтыщи патронов.

Кстати - доставлена баржа с едой. Прошу организовать разгрузку. Также, товарищ полковник, прошу сообщить, где находится группа, к которой я приписан - они сейчас, как я понял, на зачистке и я там нужен. И к слову - я вернулся.

- Вижу. Докладываете не по форме. Группа ваша - в зоосаде. Зачистка идет нормально, только что сообщили, что добрались до входа и перекрыли его. Что за баржа?

- Прошу разрешения отбыть к группе. По морским делам - вот представитель - капитан

третьего ранга.

- Снизостили, значит к нашему убожеству, цельного морского майора прислали?

- Капитан третьего ранга Званцев. Прибыл для организации взаимодействия и обеспечения эвакуации и доставки продовольствия.

- Ага. Полковник Овчинников - комендант Крепости. Садитесь, Званцев...

Вижу, что сейчас начнется вышивание гладью и сматываюсь, пока Овчинникову не до меня.

Звоню Николаичу. Николаич сообщает, что они с группой прошли к входу в Зоопарк вдоль ограды у Кронверкского канала. Одному лучше не шляться, есть резерв - как раз под Ильясом, взять пару сопровождающих и выдвигаться.

Михайловские у ворот кивают, не прекращая осмотра идущих довольно густо беженцев. С удовольствием отмечаю на двоих из них ППСы, у третьего правда - помповуха.

- Ну, что там с мореманами, а? Мы тут сдохнем - публика прет и прет! Скоро как кильки в банке напрумся!

- На буксире приплыл - мокрошлепы баржу со жратвой пригнали, обратно эвакуировать будут. Сейчас у коменданта их представитель сидит.

- Ну, слава тебе яйца! Стой, куда? Стой, сказал - руки показывай!

Михайловский с помповухой за шкурку ловит пытавшегося проскочить мужика, кивает мне головой - пролезаю в дверь.

Прямо передо мной - параллельно Кронверкской протоке, отделяющей Заячий остров и Крепость от остальной суши, за Кронверкской набережной - здоровенная и высокая чугунная ограда Зоосада. В плане Зоосад похож на сердце. Но это, если бы я стал рассказывать про него лекарям. Если же пытаться объяснить, что из себя изображает Зоосад в плане нормальным людям, то проще сказать, что в плане он похож на корявенький треугольник. Два катета проходят вдоль каналов - один - вдоль Кронверкской протоки, другой - обращенный к боку Артмузея - вдоль Кронверкского канала - рва, отделяющего Артмузей от остальной суши. Там где прямой угол - аккуратно выгрызен кусочек. А вот гипотенуза этого дурацкого треугольника выбухает дугой наружу.

На стыке каналов - там, где грызанный кусочек в плане, чтото интенсивно краснеет на ограде. Перебегаю по льду протоку, поднимаюсь по откосу, пропускаю какуюто синюю легковуху, гляжу влево - и замечаю, что и тут саперы постарались - от дальнего угла ограды Зоосада к Кронверкской протоке сооружено чтото среднее между блокгаузом, воротами и забором. На ограде и там чтото краснеет. Оттуда - из зоосада слышится четко пальба. Равномерная такая. Частая, но без солдатской истерики. Выделяются гулкие одиночные, и трескотня - по два по три - короткими очередями, более слабенькие, как палкой по забору.

Добегаю до стыка каналов и вижу, что там, где ограда образует прямой угол, наверху положен настил из досок - и на этом настиле сидит с удобством Ильяс и еще пара человек с винтовками. Под винтовки сделаны специальные козлы и потому стрельба идет с упора. На всех трех - ядовито красные бейсболки. Это они и краснели издалика. Тут же в ограде выпиленная, наверное, болгаркой дыра. Рядом возится еще трое человек - похоже, что они варганят дверь для новосделанной дыры. На этих - рыжие бейсболки. И на четырех стариках из Артмузея, которые бдительно несут службу прямо под помостом со снайперами - тоже рыжие. Лезу к ним сквозь дыру в ограде, окликаю снизу Ильяса. Он придвигается к краю, видит меня и скалит приветственно зубы. Сверху на меня падает красная бейсболка с какойто дурацкой надписью.

- Надевай! Красный - у группы зачистки. Рыжий - группа поддержки. Наши сейчас у главного входа, только что закрыли. Двигай вдоль ограды - не ошибешься. И не лезь на рожон!

- Пошли, сопроводим - один старичина остается под помостом, трое решительно собираются со мной в дорогу. Сверху сверкнув медным боком, летит винтовочная гильза. Оставшийся дед рачительно подбирает ее в мешочек.

Территория не проглядывается полностью, мешают разношерстные домики и

павильончики - но старики, бодро выстроившись передо мной и поделив сектора обстрела (а мне опять привычно остался тыл) ведут меня вдоль ограды. Что меня удивляет - старики словно помолодели! Определенно! И выправка восстановилась и глаза горят. Двигаться стали подругому, без старческого семенения. Что удивляет - у всех троих дедков охотничьи стволы.

- Слушайте, для вас же ППСы привезли? Не выдали что ли?

- Почему не выдали, выдали. Только мы сейчас в Зоопарке. Много ты медведя или тигра из ППС остановишь? И насчет мертворок нас специально проинструктировали. Попади в нее из ППС. Ваши со снайперами от мертвецов - людей хорошо почистили, а вот зверь какойнибудь дохлый может набежать.

То, что наши постарались - это я вижу, трупы попадают часто и чем ближе к входу - тем больше. А мы ведь пробираемся по задворкам Зоопарка - тут и зверей то не было, так всякая птица.

А все - таки зря старики так рванули - запыхались. Хотя вижу, что по ряду признаков - были деды в деле. Давно, но были. И идут грамотно и прикрывают хорошо. Все четко. И даже - как мне вдруг показалось - они еще и мальчишествуют. Ну, вот словно бы в индейцев играют. То есть то, что мы в Зоопарке и тут всякие слоны и тигры придает легкий привкус невсамделишности происходящему. Нет, я вижу, что появившись изза угла зомби - старички сработают как часы и бабахнет одиночным в голову неизвестной бедолаге только один - в чьем секторе цель. Но при этом им и хочется, чтоб вышел изза угла лев или тигр и немного страшно, потому как человек для воевавших офицеров - цель привычная, ни разу не романтическая. Объект рутинной работы. Тем более артиллеристам. А вот на льва охотиться, да в Петербурге... Нос к носу... Частью я и сам так чувствую. Не ассоциируется Зоосад с рутинной. Детством пахнет. Хотя вот понастоящему - так пахнет тут пометом, навозом и слегка - ацетоном. Как раз перешагиваем по очереди через тело девчонкиподростка - растянулась поперек дорожки. Одета как солдат по форме - мода такая идиотская у девчонок: джинсы и куртка до пояса. Полпитера так ходит. Почему им так хочется быть одинаковыми? Когда перешагиваю, прошибает глупая мысль - а вдруг она не упокоена и сейчас неожиданно тяпнет снизу? Не, тут видно - кто-то аккуратным одиночным прострелил девчонке голову. Да и страшилка дурацкая - зомби тупы и на такие засады не способны. Это уже из области Чорной Простыни, Красного Пятна и Гроба на Колесиках. А может и способны?

Плохо им сейчас, зомбям, не Гаити тут, Питер. Холодно, ветер свищет, снег сыпет - весна короче. А если бы тепло было? Я и самто на холоде соображаю плохо. Надо будет некромантку Валентину Ивановну озадачить!

Головной старичина бахает из своей горизонталки. Оглядываюсь - это он дохлую крысу разнес. Видно нас не почуяла - шкандыбала по своим дохлым делам деревянной зомбьячьей походкой по дорожке в направлении от нас - вот дед ей в корму и влепил, пока нас не заметила. Однако дробь да с близи по крысаку - одни ошметья разлетелись.

- Внимание! Предельное внимание! - дед меняет патрон, потом говорит: - Пошли!

Про себя ехидничаю - пошли на льва охотиться, а подстрелили крысу. Но тут же одергиваю - неизвестно, что по нынешним временам хуже - живой зоопарковый ленивый лев или зомбокрыса? Еще и подумаешь.

Проходим мимо утиного вольера. Это я помню, всякие дурацкие птицы тут кучедрючились. Но сейчас - както приятнее, что тут не медведи. Зомбиутка - это хня. Полная хня. Крыса куда хуже.

Мертвецы валяются гуще, наконец, выходим из коридора между двумя павильонами. О, так это площадка у входа - административное здание, кассы - и кучка наших в красных кепках. Реденькая цепочка кругом - внешний периметр - внутри трое, чтото делают. Народу многовато - либо Николаич набрал дополнительно людей, либо добавили из гарнизона.

Подхожу. Ближним стоит знакомый мент, только его «Кедр» кудато делся. Держит ППС, на поясе ремень и кобура, наскоро переделанная под ТТ. Кивает, но смотрит пасмурно. Трое в центре поднимают головы - обращаю внимание, что физиономии у них бледные и

буквально похоронные. Что у Николаича, что у Саши, что у третьего мужика - вроде я его у Иоанновских ворот видал - значит из внутренней службы безопасности Заповедника. Сердце екает. Чтото гадкое случилось. Определенно. И гадкое - с большой буквы Г!

- Что?

- Вот!

У Саши забинтован большой палец левой кисти. Забинтован качественно, но и кровотечение сильное, пятно на повязке расплзлось.

- Крыса укусила. Я полез наверх - на павильон, взялся рукой - а там мягкое. Отдернуть не успел - она и ткнула. Я рукой как тряхнул - она и улетела кудато... Крыса... Большая такая... - говорит Саша монотонно, деревянным голосом.

- Ясно. Давно?

- Ну, минут десять прошло...

- Ладно, ничего теперь не остается, как надеяться. Кровотечение сильное было, может и обойдется - это хорошо, что я наострился врат не краснея. Помогает. Врач - от слова «врать»...

Но ни Сашу, ни Николаича это както не убедило.

- Продолжаем по плану - говорит жестко Николаич - теперь зачищаем от жирафятника. И двигаем к белым медведям. Руки не распускать, носы не совать! Хватит с нас... - он осекается. Саша, бледный как простыня, мрачно смотрит на Старшего.

- Смотреть в оба глаза! Тут пошли хищники, а это вам не уточки с павлинами! - так же жестко заканчивает Николаич. - Не спи - пока живой - действуй! Ракету!

Саша встряхивается - словно тогда, когда в поликлинике послушал под дверью, как ходит в кабинете его умерший отец - и начинает навинчивать на сигнал охотника мортирку с зеленой ракеткой.

Бумс! - маленькая зеленая звездочка вспархивает в серое небо... Чтото сегодня день зеленых ракет...

Ага, вон оно что - после того, как прошла ударная группа, на позиции выкатываются те - в оранжевых бейсболках. Ага, группа поддержки. Нет, две - в двух местах кепки видны.

- Двинули! Доктор - зад смотришь!

Ну вот, как всегда. Наверное, скоро буду привычно ходить задом наперед. Сзади я вижу, что в административном корпусе у входа есть люди. Много. Но все мертвые и двери закрыты. А стеклопакеты им не прошибить - силы не те.

На мое разумение, движение тут получается неудачным - как бы нам друг другу перекрестный огонь не устроить. Сейчас же встречу снайперам пойдем на директрису. Но в плане тактики тут поумнее меня собрались. После того, как Николаич убеждается, что между клеток хищников и у белых медведей зомби не осталось, он оставляет часть группы на месте, а сам с командой из своих ветеранов возвращается на исходную, по уже очищенной дороге - в угол к Ильясу. Там Саша плюхает в небо красной звездочкой. И компания теперь проходит по другому катету. Видно, что зомби и впрямь идут на выстрелы - если впервоначале группа зачистки положила не менее двухсот мертвецов, то теперь на всей остальной территории попало всего шестеро зомби. Правда, за забором добавилось тех, кому сильно не повезло. Стоит практически толпа, пытаются залезть некоторые, но здесь заборчик - лев не перепрыгнет. Специально сделан.

Зачистку облегчает и то, что все павильончики и домики распаханы по периметру - а в центре довольно хорошо просматриваемые площади. Замечаю, что кроме Ильяса, никто с помоста не целится - остальные снайпера теперь встали и смотрят в бинокли. Николаич замечает мое удивление.

- Ильяс и над головой может стрелять, я ему доверяю. Как и Андрею. Вот других стрелков в деле не видал, поэтому пусть пока понаблюдают.

Почти без стрельбы проходим опять до входа. Чисто.

Теперь задача - глянуть - заперты ли клетки и павильончики. Сегодня зачищать все не будем - как нам сказали - задача на день - белые медведи. Их двое, должно мяса хватить на

толпу. Некуда их девать, нечем их кормить и зомбобелый медведь - нахрен не нужен. Тем более, что он может не бояться ни льда, ни воды... Кто его знает.

И экспериментировать не тянет.

Еще раз патрулями по четыре человека прочесываем Зоопарк.

Чисто. Если кто и остался - то запертым. С этими позже разберемся.

К нам присоединяется Ильяс.

- Смотрю - не вижу - где же слон и гиппопотамы? И носороги?

- А нету. - Николаич лаконичен.

- Как нету? А жрать кого?

- Начнем с белых медведей.

- Мда, не поохотится мне на слона с бегемотом. Теперь уж точно - видно, что Ильясу хочется покуралесить, повеселиться - отработал они с Андреем на отлично. - Да что вы все как поиметые? Что случилось то?

- Сашу крыса укусила.

- А! - веселье у Ильяса как сдуло.

В крепость возвращаемся без воодушевления. Дарье пока решили ничего не говорить.

В штабе как это ни странно обстановка нормализовалась. Видимо переговоры прошли нормально. Каптри сидит тут же, разговаривает по телефону. Нас спрашивают - хотим ли мы галет и мясорастительных консервов? Николаича явственно передергивает. Нет, не хотим. Я тоже не хочу - ел я эти галеты. По твердости они превосходят фанеру. Раза в два. Размягчить их можно, только положив на раскаленную печку. Тогда они становятся мягкими, но горячими - в рот не взять, не то, чтоб жевать. На зубах шипят. А как чуток остынут - становятся еще тверже. Сам бы в это не поверил, но убедился. Потому, когда читаю, что алмаз - самое твердое вещество в мире, сомневаюсь. Это они галет не видали.

Докладываем, что территория Зоопарка вчерне зачищена. Можно подступаться к медведям. Вызывают Павла Ильича - организация службы грузчиков на нем. Он же и за эвакуацию отвечает. Сейчас как раз первую партию отправляют - по одному гуськом, чтоб лед не просел, женщины, дети и пятеро «расписных» (уголовников в татушках - по личной просьбе Михайлова) - всего числом 220 человек - столько в баржу поместится - идут к пришвартованной к ледовому полю барже и залезают внутрь. Судя по всему - должны бы уже и погрузиться.

Точно, слегка запыхавшись, прибегает зам. по тылу. Видно, что он в сомнении.

- Эти блатные что-то очень веселые были, не нравится мне это. И вежливые стали перед посадкой. Что не нравится еще больше.

- Экипаж в курсе, вооружен, естественно. Перепрыгнуть не получится с баржи - канат буксирный длинный достаточно. А там патруль встретит - спокойно говорит каптри. - Есть уже опыт общения с этой публикой.

- Похоже, что Змиев не очень утруждает себя толерантностью и гуманизмом? - ехидствует Овчинников.

- Почему же. Утруждает. У нас была демонстрация правозащитников вчера на Якорной площади - так не поверите - ни одного не повесил.

- Правозащитники? Seriously? И с какими лозунгами?

- Долой сталинизм! Фашизм не пройдет! - ну и так далее.

- И чем кончилось?

- А к ним пара зомби на шум пришли. Дальше не знаю.

- Ясно. Павел Ильич! Охотничья команда вчерне зачистила зоопарк. Можно направлять людей за мясом.

- Наверное, не сейчас - медведей же разделать надо?

- Так ведь и Вам грузчиков собрать время нужно?

- Нет, они у меня готовы. Есть охота. Сейчас у нас на довольствии получают 4667 человек. 226 - эвакуировали, за счет того, что дети меньше места занимают, итого - 4441 едок. У пары тысяч пока есть что кушать - а остальные прибежали кто в чем - и без ничего.

Галеты сейчас раздаем - пусть бьются пока, там и мясо подоспеет.

- А готовить где?

- Все имеющиеся мощности работают - на Монетном Дворе, Трубецком бастионе, Артмузее и в кафе на Иоанновском равелине. На любой точке, где готовить можем - готовим без перерыва - в том числе и на кухнях в жилых домах на Алексеевском. Открытую кухню сложили в горже Государева бастиона - вмуровали прямоугольный котел на 300 литров - сварили сегодня из нержавейки. На дрова пускаем все негодные стройматериалы - нашли тут заваль - на пару дней хватит. Расконсервировали кухни двух ресторанов на дебаркадерах - но там хоть начарт и прикрыл огнем, боюсь, что долго не усидим - зомби идут с жилого района - беженцы привлекают, вот они и увязываются. Ну и в ресторане «Летучий Голландец» несколько человек персонала оказалось - тоже помогают. В общем тысячи две прокормить можем. А с четырьмя - с голода сдохнуть не дадим, но и только. И без помощи извне - и этого не выйдет. Я просмотрел проспект Зоосада - дней на пять там запасов.

- Может, прекратим прием беженцев?

- И как Вы себе это представляете? Пока люди видят, что у нас творится - и в основной массе готовы потерпеть, тем более, что отправка первой партии эвакуированных очень воодушевила. И как будем отбирать? По какому критерию? По полу - маму с дитем пустим, а папа - шагай отсюда? Нас порвут на мелкие тряпочки. По профессии?

- А если не ограничивать - несмотря на зомби, у нас тут глядишь, тысяч десять наберется? Что тогда?

- Пасечник нам нужен?

- В каком смысле?

- В обычном. Пасечник.

- Не понимаю Вас.

- Да все просто - заслуженный пасечник. Из Башкирии. Сюда за какимто хитрым оборудованием прибыл. И что с ним делать? Про пчел знает все, более ничего не умеет. Сейчас - дрова пилит. Для кухни. Весной обещает развернуть производства меда, только б пчел достать. Но обещает, что и это может. И подобного - на каждом шагу. Если выгоним сейчас - как бы потом локти кусать не пришлось.

- Ладно, человеколюбы. Нам бы сюда Христа - он помнится несколькими булками и рыбами пять тысяч человек накормил... Идем по курсу, а там будь, что будет. Хорошо еще порядок обеспечивается.

- Комендантов районов назначили, патрули помогают. Начарт молодцом - без помощи гарнизона совсем бы кисло было.

- Добро. Давайте медведей к столу.

Выходим вместе с Павлом Ильичем. Тянет меня за рукав - медведей там и без Вас застрелят и разделают - организация медпункта - важнее.

- А карточки ввели?

- Еще не успели. Но питание гарнизону и командам грузчиков ведется отдельно. Детей на Трубецком кормят. Как там - в Кронштадте - будут помогать?

- Надеюсь, что - да.

К нам подходит тот седой сапер.

- Моряки предложили взрывами оторвать часть ледового поля - чтоб было проще вести погрузку-разгрузку. При взрыве будет оглушенная рыба. Конечно из Невы сейчас рыба - не деликатес, но жаль будет терять, может еще и пригодиться. Выберите по спискам своим - нам бы бригаду рыболовов, чтоб собрали. И желательно не в зоне действия сортира.

Я не выдерживаю и влезаю:

- Отличный люфтбокс! Прямо памятник дивизии «Генрих Геринг»!

- Действительно, проект типовой немецкий. Только Геринга звали Герман.

Оп! Вот афронт! Знаток тоже нашелся! Седой улыбается:

- Но память Гимmlера тоже можно почитать. Именно таким способом. Так что официально будем называть сооружение «Люфтбокс имени Генриха и Геринга.»

- Наберем Вам рыболовов. Когда рвать будете?
- Через полчаса.
- Договорились!

Среди всех беженцев оказываются три медсестры. Да одна - из медпункта в Монетном Дворе. На людях держится высокомерно, но когда на минутку остаемся одни - признается, что боится - в Монетном все работали здоровые, диспансеризацию проходили регулярно и вся ее работа была достаточно простой. А тут - тут может быть все что угодно. Действительно - если периодически возникающие истерики лечат уже показанным ранее способом, то и серьезные случаи есть - люди действительно помирали - похоже было на пару инфарктов и тяжеленный инсульт - у нестарого еще мужика нарушилась речь, половина лица обездвижилась, отчего он косноязычно утешая и улыбаясь половинкой рта еще больше напугал свою семью - и буквально через минуту умер. Люди, кроме его семьи, шарахнулись в стороны и вон из куртины, а домашние еще пытались его трясти и оживлять, но тут на крики прибежал патруль - и очень вовремя, успев застрелить обращенного в последний момент.

Рассказываю медсестрам о контакте с 36 больницей. Говорю о том, что большей частью буду с разведгруппой, это сейчас важнее. Они понимают - ситуация с едой катастрофична и без доставок в Крепости начнется голодуха, а у многих питерских страх перед голодом генетический - у многих родичи тут голодали - в городе и в 20 годы было очень голодно, аж умирали от недоедания - не зря Кроштадт восстал, и в 40 годы...

Предлагаю двум обойти помещения, посмотреть своими глазами: что, где, как обстоит, а медпункт надо устроить в доступном месте, пусть глянут - может быть найдут что подходящее... Одновременно с помещением постараюсь решить вопрос и с питанием.

В нашем «Салоне» только Дарья и Сергей (Николаич ненавязчиво оставляет все время когонибудь из наших - и у этого сторожа оружие постоянно под рукой и готовое к применению - у нас есть излишек оружия и потому арсенал должен охраняться. На всякий пожарный случай. А излишек вызван тем, что Николаич не является сторонником применения в разных ситуациях одного и того же оружия. По его мнению универсальность - миф. Кроме того, что у нас тут складировано оружие и боеприпасы - так еще и много чего ценного разного есть - от продуктов до моих медикаментов.)

Группа оказывается все еще в Зоопарке. Перед дырой в заборе сталкиваюсь с неспешно шествующим Андреем. Приветствуем друг друга. Отстрелявшись, он еще раз в бинокль тщательно проверил территорию и, не обнаружив больше ничего подходящего для отстрела, пошел на соединение с основной командой.

Он не рвется общаться, я тоже загружен всем свалившимся и потому мы молча, но посматривая по сторонам, подходим к вольеру с белыми медведями. Ребята уже застрелили обоих зверей и сейчас активно снимают шкуры и разделявают туши. Медведей пристрелили не в воде бассейна, и потому работа идет достаточно быстро.

Андрей моментально замечает, что тут что-то не слава богу.

Спрашивает меня.

Отвечаю.

К моему удивлению вместо того, чтобы так же понуриться, как остальные члены группы, Андрей уточняет:

- А какая была крыса?
- В смысле? Пасюк, наверное «Раттус норвегикус», хотя тут и занзибарская какаянибудь может оказаться.
- Я не об этом. Живая или уже обернувшаяся?
- Не знаю. Мы как-то не подумали, что она может быть живой.
- Живые кусаются тоже. Меня кусали.

Кажется, не зря я сегодня насмотрелся на зеленые ракеты. Может быть не так все страшно.

Спускаемся вниз. Оторвав команду от работы спрашиваем Сашу - какая была крыса.

Живая или нет? Задумывается, но не может сказать точно. Однако вижу, что порозовел и не такой понурый стал. И остальных вроде б тоже отпустило. Теперь только время покажет.

- Живая тоже не подарок - замечает тем временем Андрей - укусы опасны. У меня лихорадка была потом. Пенициллином лечили.

Но для всех - и для меня - это уже кажется пустяком.

Правильно - если б не постоянные мысли именно об обернувшихся крысах, не разнесенная при мне выстрелом дохлятина - может быть я б тоже подумал, как Андрей. Но если бы да кабы - во рту б росли грибы. Конечно, веселиться рано - но всех словно отпустило.

Николаичу кто-то звонит. Он дает добро на «выдать пару резиновых лодок и сетку поменьше. И сачки тоже». Поясняет нам - сейчас будет «дадан» - саперы делают удобные подходы для баржа. Потом рыбу соберут.

- Да куда ее - из Невыто? Неужели жрать?

- В крайнем случае - и жрать. Все лучше, чем друг друга. А вообще - тут у Петропавловки одно из самых мощных нерестилищ корюшки. Меньше будет всяких ершей - больше будет корюшки. Так что нам хуже не будет.

- До корюшкито еще долго.

- Ну не так, чтобы очень.

При этом мишек довольно sporo освежевывают и разделывают. Кусищи мяса складывают рядом. На шкуры определенно есть виды - хоть и весенние, не шибко хорошего качества, но сохранить обязательно. Слышу, что рассуждают о каких-то отмоке и нажорах и о том, что нужна бура и уксус...

Под охраной является два десятка мужиков грузчиков, и тащат еще кровоточащее мясо в Крепость к кухням. Иду вместе с ними. Теперь уже как-то оформилось в голове - что нужно при организации медпункта. Выработалось нечто среднее между батальонным и школьным. Надо бы написать тезисами.

На улице слышим странный шелестящий звук: «чахчахчахчах...»

- Саперы лед рванули. Скоро придет «Треска» с баржей, на этот раз быстрее справимся. Может быть, удастся и с грязью на территории музея разобраться - мы объяснили публике, что эвакуировать будем их тех районов, где чисто. Свиной, дескать, в Кронштадте принимать не будут. Не на всех подействовало, но мусор стали собирать.

По разговору с Павлом Ильичем получается, что лучше всего для медпункта выделить комнатку в Артиллерийском цехгаузе - там и первичный прием беженцев и осмотр если что рядом - очень к месту. Говорю, что вообще-то для медсестер надо вменить и контроль за приготовлением пищи. Задумывается. Потом соглашается - кухонь много, а нам тут вспышка токсикоинфекции ни к чему. Идем смотреть комнату - там сложено какое-то добро в ящиках, явно музейного характера. Некоторое время Хранитель думает, потом решает, куда это переправить.

Тут его отвлекают - прибыло два «Хивуса» с базы МЧС - привезли какую-то еду.

Он уходит принимать харчи, а я прикидываю, что получается из комнаты. Получается, что места хватит. Нужен стол, стул и кушетка. Лампа. Ширма. Медикаменты, что попроще, чтоб всякая возможная шелупонь не искала там себе кайф...

Теперь надо разобраться с медикаментами - и взять для Саши тетрациклин. Пусть лучше расстроит себе дисбактериозом кишечник, чем мне потом корячиться с содоку или стрептобациллярной лихорадкой - надо же, помню еще...

У нашего «Салона» ждет парень - тот долговязый - с первого этажа, в квартире которого мы устраивали свою первую засаду. Просит фурацилина - глотка разболелась. А ему все равно ночь сидеть, так что будет время полоскать.

Спрашиваю - что не спит ночью? Оказывается он и еще пара таких же компьютерщиков перекачивают из умирающего инета все, что может оказаться полезным. Вот ему задачу поставил Овчинников - сделать скриншоты с Викимапии - беты. Спутниковая съемка явно будет востребована. Конечно, получается четко не так, чтобы много, но город,

пригороды - все это нужно, водная система. Вот он и корячится. Выдаю ему йодинол и фурациллин. Спрашиваю - как кормят. Кормят хорошо, мама все же здесь, но вот глянул он в «Линейку» - а там последний из клана прощается со всеми. Кончился их клан и вообще похоже - и остальные кланы тоже. Только неписи и остались. И в «Линейке» мор пошел...

Вот надо же...

Начинаю копаться в медикаментах - заглядывает Демидов, свин домашний - мокрый по пояс. Он, оказывается, был отряжен с лодкамисетками к рыбакам. Доволен до невероятности - и на взрывы посмотрел и рыбу ловил и в воду угодил - все тридцать три удовольствия. Рыбы оказалось небогато - ведра четыре. Но мужиков как прорвало - теперь на льду сидит человек двадцать - ловят.

Демидов неприлично ржет - вспомнил, какие физиономии были у наших знакомых МЧСников - они только прибыли - а тут - рыбаки! Спасателей аж перекосило - они ж задолбались ежегодно этих чудиков с льдин спасать... Теперь ребята из МЧС уверены, что часть зомби неопасна для людей - будут сидеть на льду и ловить рыбу когтями - такое рыбацкое упорство и смерть не одолеет. С собой Демидов притащил только мокрую сетку. Остальное рыболовное добро по разрешению Николаича рыбакам оставил. Не успел все рассказать - явилась на голоса Дарья и погнала охламона переодеваться в сухое.

Из спешно перекиданного в мешок получается уже неплохой набор медикаментов для медпункта. На первое время хватит. Двигаю к Артиллерийскому цейхгаузу - он напротив Гауптвахты. Интересное дело - уже вижу хвост народу - и понимаю, почему - кто-то из помощников Хранителя нарисовал на картоне красный крест и написал «Медпункт». Вот народ и попер. Три медсестры героически используя единственный термометр, увораживаясь от мужиковгрузчиков, вытаскивающих ящики с музейным добром, уже начали прием. Сумка оказывается куда как к месту. Пока корячимся в поте лица своего - нам притаскивают стол и стул. Уже хорошо. Надо бы вести записи, но пока никак. С трудом удается толпу такти принять. В основном - результаты стресса, как и положено в такой чрезвычайной ситуации. Но есть и несколько очень подозрительных на воспаление легких больных, с десятков гипертонических приступов, трое явных диабетиков - а инсулина у нас нет. И еще четверо беременных на разных сроках.

Этих собираю кучкой и отвожу к «Хивусам». Те еще на месте и соглашаются закинуть теток (одна правда совсем несовершеннолетняя) в Кронштадт, да и на больных согласны - после того, как успокаиваю насчет того, что заразных среди них нет...

Мне тут токо выкидышей не хватало, а такое в подобной ситуации - частенько бывает. Договариваемся, что тетки соберут свои вещички, возьмут сопровождающих - таких всего четверо набирается - трое с одной, мама с другой беременной и две пузатые совсем одни оказываются. Паршиво. Ну да насчет беременных сегодня утром был отдельный разговор - и принимать их будут без вопросов. И вероятно кончилось время абортот - теперь каждую будут уговаривать доносить дитя до родов.

Попутно МЧСники хвастаются тем, что им лично Николаич притащил здоровенный кус парной медвежатины и кусок печени. С едой у них пока на базе вполне благополучно, но отведать белой медвежатины - они бы и раньше не отказались. Очень уж любопытно. Предупреждаю, чтоб на печенку не налегали особо - у белых в ней витамина «А» настолько много, что отравиться легко. Это им Николаич уже говорил, так что они в курсе. Знакомый водила, тот, которого учили обращаться с Наганом, вдруг вспоминает, что у них в части «мясом белого медведя» называли толстые куски жира в супе. Забавно.

Еще узнаю, что с Канонерского судоремонтного в Кронштадт прибыли делегаты - правда не сами, а военморы им пособили, отстреляв пару десятков мертвяков. Так этим делегатам на 200 с лишним мужиков, которые там сейчас на Канонерском сидят запершись, выдали сотню японских винтовок и по обойме на винтовку. Мужики чуть не сплясали от радости, хотя винтовочки мурзанного вида. Ну, понятно - крепость - она и в Африке крепость. Тут вон кронштадские даже на крепостные пулеметы расщедрились.

Не понимаю, что за крепостные пулеметы?

Оказывается, что совместными усилиями к тем самым «Гочкиссам» создали станки - весом мало не под сто кило, разбираемые на три части и с кучей приамбасов - монетодворские вместе с артмузеевскими обеспечили внятную фиксацию пулемета на станке, и при помощи винтов наводки добились точности стрельбы, которая всех удивила при пристрелке. Теперь пытаются еще и оптику приделать, но пока не выходит, а то получатся снайперские пулеметы. Один такой теперь стоит на выступе Алексеевского равелина и прикрывает огнем мост в Крепость, сортир имени Генриха и рестораны-дебаркадеры. А другой на Меншиковском бастионе, куда неугомонный начарт со своими гарнизонными - он из беженцев еще народу набрал и старики из музея помогали - пару пушек времен Наполеона приволок. Опробовали выстрел каменюками - долбанули в Неву и остались довольны результатом. Боялись, что станок рассядется или колеса треснут - но обошлось. Хотя одноразовые практически пушки - некогда их перезаряжать будет случись что - но весьма полезными оказаться могут.

Напоминаю ребятам из МЧС, чтоб присматривали в дороге за больными. Помоему они даже обиделись - это они и сами прекрасно знают. Обучены же. И что касается сопровождения больных и раненых - в курсе. И рвотой захлебнуться потерявшему сознание не позволят, на бочок повернут, и жгут свалившийся заметят, и успокоят боящихся - плавали, знают!

Возвращаюсь в медпункт. Объявляем пациентам, что на проветривание - 15 минутный перерыв. Начинают ругаться. К счастью вскоре переругиваются уже друг с другом, про нас забыли. Действительно - нервный народ стал, заводится по пустякам.

Не успел начать речь - настойчивый стук. Открываю - знакомое лицо, причем встревоженное - отставник из состава Артмузея. Один из тех троих, которые меня в Зоосаде охраняли. Теперь, правда, уже с ППС на ремне.

- Доктор, тут ситуация может быть очень паршивой!

- Что случилось?

- Я сейчас говорил с сотрудниками МЧС - им ваш командир выдал кусок медвежьей печени. И у нас в Артиллерийском - тоже. Я по дороге спросил у Охрименко - гарнизон тоже печень получил.

- Ну да, я слышал. А в чем бедато?

- Я служил на Крайнем Севере. Так нам внушали, что печень белого медведя есть нельзя. Отравись витамином «А» - там его столько, что нельзя печень есть! Мы же отравимся все!

Мда, я слышал, что печень МОЖЕТ быть вредна...

- Вас как зовут?

- Павел Александрович.

- Павел Александрович, Вы точно уверены?

- Мы печень медвежью не ели. Но плакаты висели, и я это точно запомнил. Мол, все можно есть в СССР, кроме печени белого медведя и мозга крысы.

- Хорошо, что предупредили, давайте сходим к нашему Старшому.

Николаич как раз пришел в «Салон». Обращаемся с этим вопросом к нему.

- Если сожрать грамм двести жареной печени - то да - и голова будет болеть и с животом будут нелады. А вот грамм по 10-15 в день - самое действенное шаманское лекарство было у северян. Куда лучше бубна с плясками. Вот вы и посчитайте - сколько получается, если поделить две печени медвежьих на пару тысяч человек. В МЧС пошел кусок грамм на двести, в Артмузей - чуток побольше, в гарнизон - полкило. Так что кроме пользы - никакого вреда.

- Но у нас же и плакаты были, и учили нас как следует - то есть грамотно.

- Да Вы найдите такого нашего офицера, чтоб он стал с 10 граммами пачкаться.

А если так понашему полкило навернуть печенки - отравление будет точно. Да и Вы, наверное, после 1956 года служили?

- Да, после...

- А в 1956 вышел запрет на охоту на белого медведя. В Красной книге это животное. Так чтоб и соблазна не было.

- Гм... Тогда жаль, что устроил ложную тревогу.

- Нет, Павел Александрович - лучше двадцать ложных тревог, чем травануть всех боеспособных. Потому - спасибо Вам от медслужбы за бдительность! - это я перевел дух.

- Ладно Вам...

- Доктор тут прав совершенно. К слову после хорошей прожарки витамины сильно разрушаются. Так что в жареной печени можно считать дозу вдвое меньшей. - добавляет Николаич.

Расходимся довольные друг другом.

А я лишний раз вспоминаю незабвенного Теофраста Бомбаста фон Гогенгейма, известного больше как Парацельсиус и его аксиому, что яд и лекарство отличаются только дозой при употреблении...

Саша получает ударную дозу тетрациклина и идет спать на первый этаж - на склад.

Дарье Ивановне никто ничего не говорил, но, помоему, она сама все поняла. Вид у нее озабоченный. Хотя ужин готовит.

Николаич тем временем выкапывает из оружия длинную винтовку. Помоему пневматическую. Только здоровучая.

- РСР Logun Axsog. калибр 5,5 мм. Вот говорил я, что Витька умный - умный, а дурак! Я сильно удивился, что он ее не взял. Интересно, как он там будет на зайцев охотиться с 12 калибром и картечью...

Ну да его дело. Я хочу сходить туда, где зомби у решетки Зоосада толпятся. Утку, кошку, собаку такая машина валит. Возможно, что и зомби свалит. А если не свалит, то надо проверить - без глаз как они будут себя вести. Закончите с медпунктом - подходите, я буду у входа.

В медпункте уже все 4 медсестрицы и очередь почти закончилась. Но треть сумки уже пустая. Радоваться особо нечему - завтра будет ровно то же самое. А запасов у меня - не вагон.

Когда заканчивают прием, узнаю первым делом - кто и где из них устроился. С сотрудницей Монетного Двора ясно - она перебралась в свой медпункт и живет там.

Две сестрицы с семьями - одна в Кавальере, а другая - в Секретном доме. У последней четвертой самое худое жилье - в неотремонтированной Екатерининской куртине. Пришла с последними беженцами - места и нету. Да и вещей не взяла - токо сумку с бинтами и медикаментами захватила. (Это ей плюс. Наш человек!)

Для начала решаем, чем будет заниматься медпункт - тут озвучиваю тот гибрид, что получился из смеси школьного и батальонного медпунктов.

1. Оказание первой помощи пострадавшим.
2. Выявление и профилактика инфекционных заболеваний.
3. Контроль за сансостоянием территорий и помещений
4. Контроль за приготовлением и качеством пищи.
5. Выявление и подготовка к эвакуации тяжелобольных
6. Обучение публики азам профилактики и оказания первой помощи.

Пока прикидываем зоны ответственности и контроля и расписание смен - чтоб одна обязательно находилась в медпункте, та, которая пришла с сумкой медикаментов вспоминает о педикулезе. Включаем борьбу со вшами в расписание задач.

Спрашиваю, какие вопросы и пожелания?

Та, которая вспомнила про педикулез, просит выдать ей оружие. Вторым пунктом просит разрешения остаться в медпункте. За это берется вести ночное дежурство - но с правом сна. Не вижу причин отказывать. Попутно прикидываю, чем бы ей из одежды помочь - похоже, что все, что на ней надето - то и все ее имущество. И надо бы раздобыть кушетку или койку.

Договариваемся, что если не будет ничего важного - встречаемся завтра вечером -

часов в 20.00. Обмениваться информацией и в случае чего принять нужные меры. Если что важное - обращаться ко мне.

В Зоосаде у перекрытого входа вижу кроме Николаича и Андрея с Ильясом. Володька, тем временем находясь в поле зрения, осматривает клетки.

За забором валяется уже с десятков упокоенных. Винтовка хлопает тихо, зомби на нее не реагируют, а вот вид троих живых их привлекает. И похоже их привлекают тела упокоенных. Во всяком случае уже несколько пристроилось и жрут.

- При попадании в голову валится один из трех. Все же мощность маловата. А вот без глаз они куда хуже начинают ориентироваться.

- Не бойтесь, что прикормите?

- Боюсь. Но если они догадаться толпой пойти к берегу, то вполне могут забраться в эти рестораны-дебаркадеры. Тот же «Летучий голландец» так сплошняком остеклен, что недолго простоит. А там не ровен час и по льду попрутся - в ту же «Герман и Генрих».

- Саперы сегодня толковали о подрыве льда в Кронверкской протоке.

- В протоке то подорвать можно. Но все равно в случае их выхода на лед остается еще полно места подойти. Пока нас спасает, что от Невы холодом прет. Но они уже близенько. Мужики на воротах говорят, что к вечеру к нам люди по льду добирались - по набережной уже пройти трудно, подперли из кварталов. И отдельные на набережную выперлись.

- У египетских сфинксов сегодня, когда плыл на «Треске», целую толпу видел.

- Вотвот. А на льду не попадались?

- Нет, на льду ни одного не видел.

- Странно, земля сейчас не теплее, чем лед на реке. Чтото их все же отпугивает.

- Ага. Во всех сказках нежить и нечисть текучей воды не терпит.

- Да, верно... Вот и не верь после этого сказкам...

Чтото вертится у меня в голове. Какая-то мысль, связанная с негромким хлопаньем воздушшки... Что же я хотел сказать?

Рассказываю кумпанейцам о том, как приятели брата устроили засаду «на мертвеца». Рассказ встречен полным одобрением. И тут меня наконец осеняет.

- Надо бы нам начвора потрясти. У них есть ПБСы к АК. Надо бы проверить - не получится ли оснастить наши АК. Пара бесшумных автоматов не помешала бы.

- Гм... А ведь наверно и ПНВ у них есть?

- На выставках видел. И сколько и можно ли их реанимировать - не знаю.

- Да, пожалуй, один АК - Б нам бы очень к месту был. Только боюсь, что за ПБС начвор из нас два литра крови выпьет.

- Это само собой... Но в конце концов есть на что махнуть. И может он и не такой ужэ скаредный - выдал же на зачистку Зоопарка 210 патронов для винтовок. Интересно - в Кронштадте есть патроны для АК - Б?

- А что и патроны другие нужны? Просто семерка не покатит?

- Конечно, нет. Там патрон специальный - и пуля тяжелее и пороха меньше. Вот он и плюет с дозвуковой скоростью. Вообще сомнительно, что у мореманов такие есть. Но если есть - нам бы очень бы пригодился. Надо бы Доктора сосватать - чтоб еще чего добыл.

- А что нам надо добыть? Я мигом!

- На букву «Ф». То есть «фффсе!» Нам все нужно. Потому что мы вообще нищие. У нас только беженцев много.

- Может, что удастся выцыганить - мореманы хотят нас впрячь в спасение курсантов из Адмиралтейства.

- Ну, впрячься то мы с удовольствием. Нам подрасться - ночью снится, ага. И как они себе это предлагают сделать?

- Отгородить от Арок Адмиралтейства набережную поперек - до Невы. А потом зачистить от тех зомби, что туда попали.

- Делов на пять минут. Учитывая, что там машин битком, и на Дворцовой и Невском зомби - как на Первомайской демонстрации, разве что без транспарантов. Как пальба

начнется, так они и подтянутся...

- Это да... А что у нас с бронетехникой?

- Чинят. Стояли агрегаты лет сорок. Там небось вся резинка крошится при чихе. Да и пулеметов под них нет. А вот, похоже, Горюнова монетки в боевой вид привели. Завтра будут опробовать.

- Ну что Николаич, пойдем, а?

- Хорошо. Еще один эксперимент. Володя! Махмуд, зажигай!

Вовка вытягивает из неприметно стоящего полиэтиленового пакета бутылку из под вина со свисающей из горлышка мокрой тряпкой. А, «завтрак анархиста»!

Аккуратно поджигает тряпку зажигалкой и, несильно размахнувшись, швыряет бутылку в зомби. Бутылка бьется о решетку и окатывает огненным дождем и лежащие трупы и жрущих их мертвецов.

Удивительно - зомби замирают и таращатся на огонь. Те, которым досталось, и потому они горят, ведут себя как дуболомы Урфина Джюса - пожилой дядька у самой решетки внимательно смотрит на свои горящие руки. На его изгрызенном лице - маска сосредоточенного внимания. Интересно!

- Надо бы в следующий раз раздобыть у морских всяких фальшфайеров и ракет.

- Да, я не ожидал такого. Что угодно, но не это.

- Ладно, пошли домой.

Ужин опять замечательный. Гречневая каша и ветчина ломтиками. Грог. Очень все это после холодрыги хорошо идет.

Наконец знакомлюсь с женами Николаича и Ильяса - до этого они возились с детьми в Трубецком. Оказывается, детишки очень хотят сходить в Зоопарк. К моему удивлению Николаич не раздражается громовым хохотом, а задумывается. Я бы не отважился тащить детенышей в Зоопарк. Хотя когда еще они этих зверей увидеть смогут.

Тех же львов. Вовка к слову сегодня им медвежьи потроха закинул и воды залил. Тоже ведь жрать кошек придется. И больше львов в обозримом будущем не будет. А дети потом внукам будут рассказывать.

Но общаться некогда - для себя решил, что составлю компанию Дарье и Саше. Не то, чтоб гуманист или еще что патетическое... Но мне бы было легче, если б со мной кто в такой ситуации остался.

Еще спрашиваю разрешения у Николаича - взять для медсестры ТТ и патронов. Разрешает и выдает - уже чищенный. Видно сторожачасовые от нечего делать готовят оружие к употреблению. Также получаю какуюникакую одежонку из охотничьериболовных запасов под женский размер. И пачку патронов.

Медсестра еще не ложилась. Несколько огорчается от ТТ - оказывается, привыкла к ПМ. Интересно, где успела? Но благодарит и за оружие и за одежду. Хотя по лицу большой радости не видно. Знакомимся. Ее зовут Надежда Николаевна. Ну что ж, будем знакомы, Надежда Николаевна. Спрашиваю - как у нее с едой? Нормально. Ну ладно, раз нормально, спокойной ночи тогда, Надежда Николаевна.

У меня спокойной ночи не получается. Саша всю ночь мечется в жару. Дарья тоже не спит. Советует мне дрыхать, если что - она меня разбудит. Спать у меня не получается. Прекрасный звон часов Петропавловки, который мне так нравится днем - ночью просто выматывает и я вскакиваю каждые 15 минут от близкого дилибома. А каждый час дилибом еще и с перезвонами. Минуты на три с вариациями.

Когда я вскакиваю в 4 часа, Саша синхронно со мной садится, смотрит на меня и заявляет: «Голуби! Мерзкие птицы! Летающие крысы! Нелепое техническое решение. Ненавижу!» и валится со стоном обратно.

Дарья Ивановна проверяет его температуру старым материнским методом - прикоснувшись губами ко лбу сына.

- За 39!

Очень похоже. Плохо. Для лихорадки от крысиного укуса слишком рано...

У Виктора все спорилось в руках. Бункер моментально протопился, матрасы оказались сухими, и внутри Убежища было чертовски уютно. Наверно поэтому Виктор ощущал себя действительно счастливым. Досадно, что телевизор в этой глуши было не глянуть, но радио с Ирккой они слушали. И судя по тому, как с уважением, а чуток позже и с обожанием она смотрела на него, Виктор понял, что сейчас наконец до нее дошло, насколько счастливый билет она вытащила. Радиостанции исчезали одна за другой, то, что там передавали, могло бы ужаснуть - если б не тот факт, что от этих кошмаров отделяло минимум 90 километров бездорожья и леса, озер и болот... Потому Виктор веселился от души, пересказывая своими словами готовившей праздничный ужин Иркке, что говорилось в наушниках:

- Дорогие слушатели нашего канала! Я, диджей Херофф посылаю вас всех в жопу, потому что я скоро сдохну! Я сижу здесь уже третий день! Мне не добраться даже до сортира, потому что в коридоре - звукооператор и моя телка. Они подскуливают и царапаются в дверь, но я нихрена им не открою! Может вам поставить чтонибудь послушать? Мою последнюю композицию «дохлая телка ломится в дверь»? Слушайте, она отлично делала минет, а сейчас у нее нет половины морды... Меня тошнило вчера целый день - после того, когда я на нее глянул. Такого даже под маркой не увидишь! И кому я это говорю? Мне уже два дня никто не звонит... Эй, слушатели, в рот вам всем хер с залупой как коровья морда. Позвоните!!! Я последний человек в этом доме... И на этой улице... Я уже не могу смотреть в окно, потому что там нет ни одного живого. Напротив в доме был живой мужик. А сегодня он открыл окно, помахал мне, смеясь от души, рукой - и вышел. В окно. Я видел как его ели. Его и сейчас едят. Но я не дам им меня жрать! Для тех, кто слушает наш канал ставлю шедевр Верки Сердючки «Все будет хорошо!» Я знаю, что это тупое говно, но оставайтесь на нашем канале...

- ... израильские войска отошли на заранее подготовленные позиции в центре Иерусалима для перегруппировки. Кнессет продолжает заседание в связи с необходимостью решения насущного вопроса - «Может ли еврей стрелять в другого еврея, если тот настроен недружелюбно и немного умер?» Депутат Кнессета Ави Рвуль осудил неправомерные действия бывшего лейтенанта разведбата «Лисы Самсона» Рабиновича и выразил надежду, что этот негодяй, позволивший себе открыть огонь по соотечественникам среди беда дня понесет наказание за окончательное убийство не вполне живых евреев...

- ... Сегодня Ассоциация адвокатов США заявила, что в ближайшем будущем рассмотрит вопрос о защите прав альтернативно живых американцев. Известный адвокат Бирман заявил, что альтернативно живые американцы имеют конституционно защищенное право на альтернативную жизнь. Неслыханные по своей жестокости действия некоторых явно неадекватных вооруженных маньяков вызвали ожесточенный спор в конгрессе США по теме запрета на продажу оружия и боеприпасов.

Стрелковая Ассоциация выразила решительный протест. Попдива Мадонна посвятила пришествию зомби свой новый альбом «Умри и танцуй со мной!»

Афроамериканский сенатор Мгебебуры Рабабыдла выразил озабоченность вспышкой расизма в южных штатах: «Йоу, бразза! Эти снежки застрелили трех наших братьев! Порвем их белые задницы! Отфачим их белых сучек! Покончим с белыми обезьянами!»...

- Уполномоченный представитель Европарламента Гвиридо Себевсракуполупопалос выразил возмущение и озабоченность тем, что и в этом году мэр Москвы Лужков не собирается разрешить гейпарад!

- ... Хамье Халява требует срочно рассмотреть прием Украины в НАТО... Командующий войсками НАТО Ван дер Схераливхофер считает, что вопрос о вхождении в НАТО Северной Грузии осложняется тем, что зомби недисциплинированы...

Обед был при свечах. Ирка расстаралась. А когда Виктор высунулся из люка покурить,

то обалдел - в быстро сгущавшихся сумерках прямо перед собой он увидел здоровенный силуэт лося, стоявшего метрах в десяти, не больше. Замерев, Виктор показал Ирке знак «Внимание!» и сразу же большой палец, что означало «Охотничий карабин».

Почувствовав под рукой ствол и ложе, тихо подтянул карабин вверх и, убедившись, что он снят с предохранителя и взведен медленно и тщательно прицелился.

Он был почемуто абсолютно уверен, что сегодня ему удастся все! Карабин коротко бахнул и здоровенный силуэт вихлясто осел на задницу и завалился. Задрав нелепо заднюю ногу в воздух.

Посветив фонариком и удивившись, какой здоровенный лосяра ему попал на мушку, Виктор не удержался и они практически тут же - прямо на убитом и еще теплом лосе занялись с Иркой любовью. Точнее занялись сексом, потому как особых каких чувств к Ирке Виктор не питал... Краешком сознания пыхтящий Виктор понимал, что это не от чувств - скорее первобытное ритуальное действо.

Утро четвертого дня Беды

Ощущение такое, словно я всю ночь сидел под колоколом. Слышал, что колокольный звон обеззараживает местность вокруг, убивая микробов. Немудрено, я хоть и крупнее, чем микробы, но чуть жив.

Саша попрежнему спит. Он совершенно мокрый от пота, что еще больше меня тревожит. Дарья молча открывает глаза, как только я начинаю шевелиться. Бдит. Хотя если случится худшее - Саша тогда все равно из спальника вылезти не сможет.

Заглядывает Николаич. Оказывается в Крепости нововведение - в 9.00 теперь каждое утро собираются все начальники служб и докладывают об изменениях за сутки. Своего рода пятиминутка перед рабочим днем. Разумно, ничего не скажешь. Все получают информацию о делах в целом, чувствуют себя единым коллективом и прикидывают совместно, что дальше делать. Разумно.

Соответственно, мы пойдем туда вместе - начразведки и начмедслужбы... Только вот зубы почистим. Кстати с царского плеча комендант еще утром чаем угощает - чтоб все окончательно проснулись. С печеньем.

Спрашиваю насчет разгрузок - выдадут ли?

Николаич обещает сегодня же с этим разобраться.

За окном гулко бахает выстрел, тут же второй и многоголосый визг и крик. Старшой за шкирку удерживает меня от выскакивания в дверь и аккуратно выглядывает в окошко, соблюдая все правила маскировки.

Еще выстрел.

- Третий! - считает вслух Николаич. И тут же - Четвертый! Словно в ответ сыплется несколько коротких очередей из ППС.

- Пятый! За мной - и выпрыгивает за дверь.

Кидаюсь следом. Площадь перед Собором пуста - валяется два тела, одно еще шевелится, другое неподвижно. Николаич галопом по прямой несется к раненому, я - за ним следом.

Подхватываем тело под руки - молоденькая девчонка, легкая, худенькая.

- К стене Собора - командует Николаич. Бежим туда.

Когда добегаем - откуда сверху грохает новый выстрел.

- Сука какаято с колокольни лупит! Из Лебеля!

И действительно - сверху с колокольни вперемешку с выстрелами доносится матерщина и куски какихто псалмов, причем язык знакомый, но не русский. На украинский похож - но и не совсем бы украинский...

Смотрю, что с девчонкой - из правого бока, где куртка разорвана выходным отверстием, сочится густо кровь, темная с явным запахом желчи... Девчонка странно сипит и похрапывает, глаза закатились так, что видны только белки, изо рта и носа пузырится

кровь... Очень все плохо - темная кровь с запахом желчи - прострелена печень, сипение и пузырящаяся кровь изо рта - прострелено легкое, но где входное отверстие? Николаич стягивает к себе капюшон девчачьей куртки - в районе левой ключицы торчит клочками белorozовый драный синтепон...

Все. Никелевая французская пуля пробила девчонке грудную клетку по диагонали - сверху вниз - от левой ключицы до печени справа. Разодрав, перемешав и контузив все, что там есть - легкие, средостение, сосуды, нервы - и разодрав печень на выходе.

Как девчонка еще жива - непонятно.

И делать тут нечего. Даже если бы ВоенноМедицинская академия не погибла в первый же день - туда ломанулось за помощью чуть не две сотни укушенных во время «Кошмара на Финбане» и потом такое творилось, что подумать страшно - то и там вряд ли смогли бы спасти при такой ране. Девчонка не ранена, а убита и я тут ничего сделать не могу. Словно услышав мои мысли, хрупкое тельце у нас на руках мякнет, обвисает и словно становится тяжелее. В промежности по потертым джинсам расплзается мокрое пятно. Умерла, сфинктеры расслабились...

Николаич скрипит зубами и рычит: - А ну - ка взяли! Сейчас мы ему суке в мидель торпеду...

Подхватываем теплый труп на руки и вдоль стены бежим к углу Собора.

- Николаич! Она сейчас обращаться начнет!

Старшой мотает головой, дескать - не мешай! Грохает сверху еще один выстрел.

И мы бегом бежим изза угла к дверям в Собор. Следующий выстрел раздается, когда мы заскакиваем внутрь.

Набившиеся в Собор беженцы освободили метров десять пустого пространства - трое мужиков выламывают дверь на колокольню. Когда мы появляемся, они как раз ее выносят и опасливо собираются лезть вовнутрь.

- Дорогу! - рычит Николаич. И рычит так выразительно, что перед нами расступаются.

Проскакиваем в двери, немного поднимаемся по лесенке, и Николаич аккуратно опускает девчонку на ступеньки. Кивает мне - скатываемся обратно, пока тот - стрелок с колокольни - не обратил на наш шум внимание.

Прикрываем за собой дверь, Старшой прикладывает к губам палец. Тихо!

Мужики вроде сообразили, что он задумал. Отходят от двери, и один из них наставляет на дверь короткий французский карабин. Ктото из беженек начинает подвывать, но слышно, что соседки заткнули ей рот. В тишине особенно хорошо слышна странная смесь из матерщины и псалмов сверху.

Мы с Николаичем встаем во входной тамбур. Аккуратно выглядываем. Очень бы не хотелось, чтоб ктонибудь нервный влепил по нам очередь. Даже и не попадет - а осколками толстенных стекол нас порежет сильно.

Несколько человек лупят с разных точек по колокольне - сверху сыплются кусочки штукатурки и сеет пылью, псалмопевец огрызается. Когда я уже понимаю, что наш хитрый план не удался, об булыжники площади с грохотом брякается лебелевский карабин, а наверху псалмы сменяются яростным ревом. Ярость и ужас...

А потом рядом с карабином, издав при падении мерзкий хряск, падают два тела.

Николаич велит трем мужикам проверить колокольню, но не особо высовываться - а то ктонибудь сгоряча может вlepить, мы подходим к телам. Подбираю карабин. Надо же - не сломался.

Старшой стоит над телами. Девочка добралась до своего обидчика и он в ужасе выпрыгнул из окна колокольни вместе с вцепившейся обращенной. Так головами и воткнулись, контрольное упокоение не нужно.

Сбегается народ. Скоро вокруг пары мертвецов собирается густая толпа. Перешептываются.

Прибывший комендантский патруль михайловцев начинает публику разгонять.

А мы идем в здание главной Гауптвахты. Вот никогда не мог понять - как это так -

место, куда сажают провинившихся военнослужащих - и главная вахта? А у нас так еще и дважды - главная Главная вахта...

Чушь какая в голову лезет...

На душе погано...

Пятиминутка начинается с опозданием минут на двадцать. Наконец все в сборе. Настроение у всех изза ЧП подавленное. Чай, правда, разносят - не такой крутой, как в Кронштадте, но неплохой. И с крекерами.

Вспоминаю, что куча простого народу в Крепости сейчас грызет те самые неразгрызаемые галеты, потом почемуто вспоминаю о булочках, которые по версии наших дебилов - правдолюбов возили Жданову из Москвы в блокадный Ленинград, усмехаюсь про себя. Как ни крути, а начальство жрет слаще.

Правда сейчас куча идиотов жует старую брехню - еще геббельсовского разлива, что де в германской армии все - и рядовые и генералы питались из одного котла и пайки у них были одинаковы... Ага, мне это особенно забавно слушать после практики в Германии - пришлось поработать с немецкими ветеранами войны в плане обмена опытом.

Когда профессор представила меня первому из этих пенсионеров я думал, что он примется меня палкой лупить - как доктора из России - тем более, что у ветерана не хватало куска лобной кости и вся физиономия была сшита лоскутами. Но мне немец обрадовался как родному - он был тяжело ранен на Курской Дуге, попал к советским медикам и они его спасли...

Понарассказывали мне тогда немецкие пенсионеры о равенстве в Германии много.

А недавно еще и попалась информация о Сталинграде - наши там были очень удивлены, что в армии, подыхавшей с голоду и в которой каннибализм был не редким делом - нашли наши много продовольственных складов с деликатесными харчами...

К слову от голода никто из старших офицеров и генералов 6 армии не помер.

Начинают слушанья с меня. Докладаю, что организован круглосуточный медицинский пункт, вчера приняли в общей сложности 320 пациентов, все выявленные беременные числом 4 и больные 17 человек отправлены в Кронштадт, который у нас будет принимать всю серьезную патологию. Потом попросил оказывать содействие медсестричкам в плане соблюдения чистоты.

Николаич поведал о новом методе охоты «на мертвеца», о странной реакции зомби на огонь и о том, что полагает сегодня зачистить Зоопарк.

Павел Ильич вкратце сказал, что сейчас у нас на территории Заповедника находится 3065 человек, с момента начала эвакуации водой отправлено в Кронштадт 1998, в основном женщины, дети и бесполезные в условиях Крепости люди, пришло же новых - 622.

Поток беженцев иссякает, по рассказам - в домах еще осталось много людей, но выйти не получается, улице же запружены зомби, да и практически в каждом подъезде они же. С продовольствием в Крепости уже стало полегче, медведи помогли изрядно. К слову сегодня весь день будут варить бульон из субпродуктов и костей медвежьих в «Кухневанне», так что желающие могут подтягиваться. Кроме того, удалось заложить продукты на складирование - к моменту ледохода и сложностей с доставкой по воде.

Неприметный майор очень коротко сказал, что сегодня охолощенный пулемет Горюнова будут опробовать после реставрации. Если реставрация окажется успешной - в тот же процесс запустят четыре ручных пулемета Дегтярева.

После выступил Михайлов - в плане комендантской службы все обстоит в целом благополучно, умерло в карантине 7 человек, всего задержано 22. Не вполне удастся соблюсти чистоту, но совместными усилиями надеется справиться. Было две драки, одна поножовщина без жертв. Сегодня с утра было ЧП - один из гарнизона по неясным пока причинам открыл огонь с колокольни Петропавловского Собора, выстрелив всего 18 раз.

Убито им два человека - девочка из беженок и сотрудник Музея, занимавшийся в тот момент размещением очередной группы беженцев, сотрудник комендантской службы легко ранен в руку в перестрелке. Сумасшедший стрелок ликвидирован Охотничьей командой,

подбросившей ему на колокольню начавшую оборачиваться его же жертву.

Все несколько удивляются такому способу расправы. Седовласый мэтр вякает что-то на тему безсудной расправы и неуважения к мертвым, но никто его не воспринимает всерьез. Вероятно его держат на манер предмета. А он ждет, когда ситуация устаканится, заявить о своих правах - как относившегося к руководству ранее и достойно проруководившему всем, что тут проходило во время Беды. Такие страшно любят писать мемуары, в которых поливают сладострастно дерьмом все и всех, кроме себя, Великого. Надо бы его отсюда турнуть... Совесть нации новоявленная...

Начарт встает тяжело - его человек устроил такой тарарам, что стыдно людям в глаза глядеть. Такая ситуация, с которой знаком любой, руководивший людьми - вроде и невиноват - а виноват.

- Про ЧП могу сказать, что вероятнее всего человек сошел с ума. Другого объяснения не имею - с убитыми им он знаком не был.

- А я Вас предупреждал - тихо говорит майор.

- Да, предупреждали. Я собирался с ним поговорить, но не успел. Но в плане того, что он ненадежен, потому что хохол - и тогда не был согласен и сейчас. Какой он к черту хохол? - Охрименко переводит дух - Вот я - хохол. И мои предки оселедцы носили. А этот сукин сын - гуцул, у них такой прически сроду не было.

- Я не это имел в виду. И Вас хохлом называть не буду, потому что Вы - украинец. А этот выкидыш с колокольни - из протоукров. Интересно, где это он стрелять и укрываться научился - грамотно все делал. По военному билету он шофер. Из стройбата.

- Да ладно. Ну, хохол и хохол. Вот отращу себе оселедец. Дело не в этом. Ну, что мне сказать. И стыдно и горько. Сроду у меня такого подчиненные не вытворяли. А тут на старости лет... В общем - прошу меня простить.

- Вас никто и не винит. Случайные люди, никакой проверки провести не получается, сгребая всех, кого можем.

- Ну, все-таки основная часть - проверенные люди. Сейчас совместный гарнизон Крепости и Кронверка состоит из артиллерийской группы в 8 человек, пулеметной команды при двух станковых пулеметах, взвода автоматчиков и двух взводов стрелков.

Территорию контролируем. Отдельное спасибо команде саперов - помощь своевременна и очень ценна. Сегодняшнее ЧП разберем внутри коллектива.

Охрименко тяжело садится. Видно, что переживает сильно. Порядочный человек значит.

Наступает очередь военморпредставителя (Николаич шепотом вспоминает, что была такая должность раньше - «замкомпоморде» - заместитель командира по морским делам. Те кто рядом и слышали - посмеиваются) Званцева.

Тот подтянут, четок и звонок. Эвакуировано водой 2207 человек - только что «Треска» с новой партией отошла. Доставлено в Крепость водой - 26 тонн груза - стройматериалы и продовольствие. 10 тонн продовольствия доставлено в расчете на перерыв снабжения по воде в момент Невского ледохода. Сегодня придут катера поддержки. Ожидается поставка оружия и боеприпасов. Также он сегодня же сообщит в Базу новые сведения о поведении зомби.

Завтра предполагается операция по деблокированию запертых в Адмиралтействе курсантов. Сегодня он просит у командования Крепости откомандировать Охотничью команду на один день в Кронштадт для выполнения важной миссии.

- И почему мне не радостно? - так же шепотом спрашивает меня Николаич.

- Потому что ничего радостного нас там не ждет. Вряд ли нас зовут фазанов стрелять - так же тихо отвечаю ему я.

Пока все слушают седого флегматичного сапера. Оказывается, кроме люфткалозета имени Генриха с Германом его команда развернула будки над канализационными люками и в целом на кучу народа хватает сидячих мест.

Усилена защита на флангах крепости, сделаны предмостные укрепления и два помоста

для снайперов. Пока не удалось полностью обеспечить защиту бензоколонки, потому что пришлось заняться производством разборных заграждений к завтрашней операции у Адмиралтейства. Вчерне укрепления готовы, на день работы еще осталось.

Заканчивает комендант. Просит всех усилить бдительность, чтобы не было повторов сегодняшнего ЧП. Просит Николаича выполнить просьбу Базы. Просит остаться сапера. Просит остаться начарта. Всем спасибо - все свободны!

Отдаю Охрименко карабин. Мрачно забирает его и ставит к окну.

Выкатываемся со Званцевым.

- И что такого сладкого Вы для нас припасли? - ядовито интересуется Николаич.

- Такую работу, которую не хотелось бы давать своим? - подхватываю я.

Званцев смотрит на нас удивленно:

- А что вы хотели от вышестоящего командования? Конечно грязную, тупую и выматывающую работу. И скажите спасибо, что она не бессмысленна и не бесполезна, как обычного бывает.

- А ну тогда все в порядке, а то мы уж испугались.

- Раз вы все понимаете, давайте гденибудь поговорим с Вашими людьми.

Где ж еще говорить, как не в «Салоне». Тем более - время завтрака.

Званцев приятно удивлен тем, что у нас его поят чаем и угощают сыром, вареными в шелухе яйцами и даже пиццей. Булка тоже разогретая и потому кажется свежееиспеченной. (Дошло и до нее дело - а на первом этаже как раз микроволновка.)

Я успеваю заскочить к Саше. Странно, дрыхнет без задних ног, температура спала и в общем впечатления больного не производит. Ничего не понимаю. Правда, потливость видна невооруженным глазом, но это не то, что я видел у Сан Саныча.

Пока завтракаем - о делах не говорим. После завтрака традиционно уже все отдыхают «сидя на спине», чтоб «кусочки улеглись». Так, лежа и собираются слушать боевую задачу, что для морского строевого офицера невероятно. А когда после завтрака Званцев пытается встать и вроде как на разводе зачитать боевую задачу, то встать ему не дают, и говорить ему приходится в позе отдыхающего римлянина - полулежа. Это его смущает, и он бурчит что-то про одалиску из гарема...

- Ситуация такая. Вчера ваши расписные и впрямь устроили праздник непослушания на барже - занялись грабежом, одну даму порезали и чуть не поймали пару девчонок - остальные женщины оказались не робкого десятка и девчонок отбили. По прибытии на место этих блатных встретил усиленный патруль.

- Судя по голубиной кротости Змиева вы расписных там и расстреляли?

- Так точно. Они сдуру оказали сопротивление, потом стали качать права, звать адвокатов и прокуроров. В ходе оказания сопротивления пытались порезать ножом одного из патрулей. И что прикажете с такими делать? И потом после того, как их уgomонили, ни у кого не было желания везти их в больницу. И чтобы они не обратились, их пристрелили. В головы. К слову большая часть эвакуированных встретила это с одобрением.

- Успокаивали надо полагать тоже автоматным огнем?

- И им тоже. Расписные совершенно растерялись - они ожидали, что мы с ними будем миндальничать как в мирное время. Ан уже поздно было. В итоге одного - самого борзого - установили на перекрестке в виде дорожного указателя с табличкой на расписном торсе «За уголовщину - расстрел», остальные валяются неподалеку и к ним активно идут мертвецы. Как и докладывала врач Кабанова. Штаб выделил два грузовика - их усилили и защитили дополнительно, в кунгах сделаны амбразуры. Задача - привязать к грузовикам свежее мясо и проехать по наиболее пораженным мертвецами кварталам.

- То есть тупой отстрел зомби?

- Так точно. Только для вас это отстрел, а для наших военнослужащих это не зомби, а соседи и родственники. Еще в состоянии боя - они могут по ним стрелять. А здесь надо проводить именно отстрел. Чистить город. Потому психологически это будет очень трудно. А возможности для психов у нас больше...

Представьте такого же сумасшедшего, как стрелок с колокольни, только не с карабином, а с пушкой... Или на складе торпед и мин...

- А мы, значит, железные. И потом к нам будут предъявы всяких морально нестойких матрозов, что мы их мамочку порешили, а гордые морские офицеры будут брезговать с нами в одном поле срать.

- Это личная просьба коменданта Змиева. Поддержанная всем штабом. И лично мной. Если и найдутся чересчур щепетильные придурки - то единицы. Большая часть будет благодарна за помощь. А те, кто пытался разбудить в своих родственниках - мертвецах родственные чувства - уже в основной массе погибли.

- Говоря проще - этакая команда имени Дирлевангера. Для зачистки мирного населения.

- Нет, уголовники Дирлевангера ликвидировали живых женщин и детей. Это преступление воинское. Общеизвестное. И, в общем, немцы их стеснялись. А мертвецов придется вышибать всем нам. Но легче это делать, стреляя по лично незнакомым мертвецам.

- Мы так потратим несколько тысяч патронов...

- Разумеется, работать будете с нашим обеспечением. По выполнении задачи получите снаряжение и оружие выше классом, чем то, что у вас сейчас есть. Кроме того - в ходе чистки отработаете ряд вопросов, связанных с поведением мертвецов.

- Ну что скажете, ландскнехты и дикие гуси?

- Чего тут говорить - рассудительно отзывается Андрей. - Надо помогать.

Остальные соглашаются.

Николаич распоряжается всем взять на работу ППСы. Укладываю свою вторую рыжую «ТКБ - Приблуду» к первой - такой же рыжей. Не любит Николаич универсальность. Впрочем то, почему мы берем в этот раз ППС - мне понятно.

Что СКС Николаича, что мой ТКБ, что оружие Андрея и Ильаса - рассчитано на полевой бой. Когда глубоко наплевать, куда и как полетит пуля, лишь бы зацепить врага в любое место его тела - винтовочные и автоматные пули наделают дел. ТКБ - имеет дальность боя под километр. Убойность пули из Калаша (А ТКБ - тот же Калаш по своим параметрам) такова, что у нас под Питером случайный выстрел часового в эшелоне за 1,5 км завалил садовода на участке. Наповал. Без всхлипа. Судмедэксперт была удивлена, когда умерший от инфаркта инженер показал ей дыру в сердце - и пульку с нарезками... На кокетку вошедшая на излете пуля оставила только такую малую ранку, что все ее приняли за комариный расчес или ссадинку, каких много у садоводов в разгар работ.

Потому полагаю на такую охоту в жилых кварталах - где совершенно точно есть и живые люди - Николаич обязал группу взять оружие в разы более слабое - то есть ППС. И целиться из кунга удобнее - ППС длиннее ТКБ и пуля далеко не улетит и уж тем более не прошибет стенку или окно метрах в 900... Намто поставлена задача приманивать зомби на себя, поближе к кунгу. Тут дистанция детская будет. Да и отдача у ППС изза компенсатора куда жиже, что тоже немаловажно.

Если есть возможность - то лучше подбирать оружие под задачу.

Получаю в лапы вороненый ППС - 43. легкий, прикладистый. Смазку с него уже сняли... В основном.

Впрочем вижу, что Ильяс в придачу к ППС все же взял свою снайперку, заботливо укутав ее в непромокаемую ткань. Некоторое время набиваем магазины - решено взять по шесть снаряженных. Слыхал, что лучше набивать не все 35 патронов в рожок, а поменьше, чтоб сберечь пружину, но Николаич машет рукой - и рожки набиваем под завязку.

Встречаемся с МЧСниками как с родными. Печень белого медведя оказалась сладковатой, по причине мизерности кусочков толком не распробовали, а медвежатина понравилась. Протушили ее самым мощным образом из опасения всяких там паразитов, но и в ходе еды и в ходе готовки мясо оказалось чистым. Ну да, в Зоосаде же ветеринары смотрели.

Николаичу вручили такую же рацию, как у них - действующую и рабочую. Вроде как

приняли нас в свою стаю. Про нашу зачистку сегодня знают и очень надеются, что и им перепадет от щедрот пяток другой стволов. Те стволы, которые получили от нас - уже опробовали - к базе МЧС подваливали и зомби и какие-то лихие люди. Зомби положили, лихих людей, не ожидавших автоматического огня, отогнали. От ППШ ребята в восторге - поливальная машина в миниатюре. Просто одноствольный миниган какой-то!

От участия в предстоящей резне мягко отговариваются тем, что их дело - возить, доставлять и спасать. Ну, в общем да, из больницы позвонили - больных и беременных доставили мигом. К слову впору себя хвалить - с диагнозами в общем все оказалось верным. Правда, один из диабетиков оказался симулянтом, но это уж никуда не денешься - вынужден брать слова пациентов на веру, когда ни документов, ни лаборатории...

В Кронштадте прямо на пирсе стоит два газона с кунгами. Окна и лобовое стекло защищены какой-то знакомой блестящей решеткой... Точно - это же тележки из супермаркета, только их разобрали! Так с виду выглядит прочно. На одном из кунгов грубо привинчен колокол репродуктора, проводок тянется в кабину. Встречает нас молодой коренастый старшина.

Представляемся друг другу. Старшина поедет водителем головной машины, и будет говорить в репродуктор в том плане, что живым жителям обозначить свое присутствие вывешенными в окно яркими тряпками, световыми сигналами и телефонными звонками по номерам таким-то и таким-то, а сейчас производится зачистка территории от зомби и потому живым к машинам не приближаться.

В каждом кунге оборудованы места для стрельбы в четырех направлениях, правда амбразуры пробиты грубо и наспех прямо в стенках кунгов. Есть и приятное - по ящику ППШ41 и по три цинка соответствующих патронов. Ну да и мы с собой взяли ППСы и тоже патронами запаслись, взяв с собой по шесть рожков каждый...

Николаич распределяет экипажи - меня, Андрея, Серегу - в машину к старшине.

Он, Володя, Ильяс и Демидов - его сегодня решили взять в дело набивальщиком рожков - во второй машине. Там шофером какой-то молчаливый штатский.

Инструктаж простой - едем колонной, из амбразур, направленных в сторону другой машины не стрелять, стараться не попадать по окнам домов и все-таки смотреть, по кому стреляешь - лучше погодить, чем подстрелить кого из местных живых, но обезумевших. Очередями лупить нежелательно, патроны все же не казенные. Аккуратненько, короче говоря. Обрабатываем стрельбу одиночными. Результаты считаем.

Прогуливаемся пешком до перекрестка. У Макаровской улицы лежат в рядок четверо наших расписных. Пятый то ли насажен, то ли примотан к железному штырю.

Толстой проволокой ненавязчиво ему придали достойную позу - с высоко поднятой головой, широко открытым кривым ртом и правой рукой, показывающей на плакатик на груди. Впечатляет.

Ильяс замечает название канала, ухмыляется.

- Эй, Док! Петровский это кто?

- Канал Петровского дока - это не в честь медика назван. Док - это сооружение такое. Корабли ремонтировать - покупается на Ильясовское дураковаление старшина.

Андрей тем временем стреляет. Вокруг уголовников уже лежит с десяток упокоенных. К ним еще один добавился - молодой парень в синей куртке с оторванным рукавом.

- Не отвлекаемся, работаем! - прикрикивает Николаич.

Словно спохватившись, приматываем приманку за ноги к буксирным крюкам грузовиков. Рассаживаемся. Трогаемся.

Следующие девять часов занимаемся нудной, тупой и шумной работой. Мы колесим сначала по Макарьевской до упора, останавливаясь через каждые пятьдесят метров. Во время остановок мы отстреливаем идущие на запах свеженины организмы, старшина долдонит свои тексты. Зомби мало - тут вообще-то военные уже работали раньше. Доехав до упора, разворачиваемся, возвращаемся к Обводному каналу и потом колесим по Петровской, Ильмянинова, Мануйльского. Тут зомби идут гуще. Выстрелы в коробке кунга звучат

резковато, да и порохом вонять начинает все ощутимее. Приходится затыкать уши ватой, но это не шибко помогает. Меняем уже по третьему рожку.

Поворот на Интернациональную - здесь к зомби присоединяется колоритная струя мертвецов в белых халатах, зеленых реанимационных костюмах, в пижамах - тот самый многострадальный госпиталь... Они идут и идут, словно в тупой компьютерной игре - разного пола, разного телосложения, по - разному одетые и молодые и старые - но до одурения одинаковой походкой, словно одна и та же моделька, одна и та же программа, но разные скины...

Мы не знаем никого из продвигающихся к мясу и потому для нас они однообразны совершенно, но я на миг представляю на моем месте когонибудь из местных жителей, который в этих одинаковых фигурах узнавал бы своих приятелей, соседей, родичей - и должен был бы их класть недрогнувшей рукой. Мнето и то неприятно, а они для меня всегонавсего незнакомые соотечественники, которым не повезло и которые сделают все, чтоб не повезло и мне тоже.

Добираемся до улицы Восстания. Она идет по всему северному побережью Кронштадта. Длинная как бесконечность. И так же бесконечны вереницы и кучки покойников, бредущих в ловушку. Наконец поворот. Улица Зосимова, потом начинаем крутиться по кварталам. Красивый город Кронштадт - совершенно неожиданно стучает в голову. Отстрелял шесть рожков. У остальных то же самое. Связываемся со старшиной.

Через несколько минут стоим у того самого уголовника с плакатом. Тут открытое пространство. Рядом маячит патруль. Но осторожный Андрей предлагает все же проехать на пирс - а там размять ноги, пока это можно.

Следующие пятнадцать минут проветриваем кунги. А то уже дышать тяжело, набиваем рожки, приходим в порядок. Все в достаточной степени угнетены, один свин домашний в восторге и рад до невероятия такому приключению. Впрочем, оказывается, его вчера повысили - в звание «КотРыболов» за подвиги во время сбора глушеной рыбы.

Его все приводит в восторг, а несколько сияющих желтой латунью и розовой медью патрончиков он припрятал в карман. Мы посмеиваемся - завтра Патрики уже окислятся и потускнеют. Но пусть порадуется пока. Через это проходил каждый, когда впервые держал в руке сияющий, словно золотой патрон, консервированную Мощь и Смерть в таком сверкающем виде...

Прикидываем, сколько упокоили мертвецов. Оказывается 3411...

Надо продолжать.

К вечеру мы совсем одурелые. Башка гудит, ноги устали и руки тоже. Мы еще несколько раз останавливались на проветривание и выгребание гильз. На то, чтоб перевести дух. Когда крутились вокруг 36 больницы, я отпросился навестить своих коллег и глянуть на больных. Николаич дал на все про все 15 минут. С трудом успел.

Звали отобедать, но не хотелось терять ритм, да и кусок в горло бы не полез. Толькотолько успел задать им дурацкий вопрос, навеянный еще и происшествием с Сашей. Получается, что укушенный зомби в конечность человек обречен. Но ведь можно тут же жгутом остановить кровообращение. И ампутировать конечность выше места укуса?

Также интересно - можно ли добиться эффекта прижиганием ранки тут же?

Может, есть резон провести эксперименты. Вон - тех же уголовников расстреляли - а могли бы и пригодиться, если б дали согласие в обмен на сохранение жизни после удачной ампутации...

Коллеги задумались.

Помоему на меня посмотрели косо.

Как на Менгеле...

А, черт с ним... Я сегодня и так как Дирлевангер...

Прощаюсь и возвращаюсь в кунг. Говорю об этом Николаичу. Ухмыляется - ишь, врачубийцы...

Но я вижу, что он задумался. И мне кажется, что он думает на предложенную тему, идя

в свою машину.

К вечеру машины становятся точно как душегубки. Даже Андрей с Ильясом стали мазать. По подсчетам получается, что мы свалили сегодня 5889 зомби. Проехали практически по всему городу. И заметно зомби видим меньше. Тех, кого видим - кладем. Андрей и Ильяс спокойно работают на дистанциях до 200 метров. Я так далеко не стреляю, жду подошедших поближе. Их тоже хватало. Правда старшина возил нас там, где моряки не особенного и постарались, руки не дошли.

По дороге заезжаем в штаб. Змиева нет, но часовые передают нам под расписку ручной пулемет Калашникова и деревянный ящик с винтовочными патронами. К тем восьми ППШ. Не шибко щедро за день каторжной и какойто палаческой по ощущениям работы. Оставляем Змиеву рапорт. Дежурный оперативный спрашивает - сколько упокоили. Показываем цифру. Очень сильно удивляется. Признается, что ожидали вполонину меньшего результата. Николаич приписывает к рапорту просьбу забрать завтра катерникам этих уголовников - могут пригодиться для отвлечения внимания в ходе десантной операции.

Сидя в безопасности рвущихся к приманке гробить - както так себе, не камильфо... Но завтра может это комуто жизнь спасет. И в городе не должно быть мертвяков. На кладбище они должны быть. Тем более, что кладбище тут занимает мало не треть острова... Есть место.

До Крепости добираемся на двух небольших катерах. Нихрена не понимаю в этих агрегатах - вроде как их называли «Фламинго». Николаич называет их гидрографическими судами. Ну, ему виднее.

Приткнулись там, где нам предложили, кто где и как провалились. Как плыли до Крепости - не знаю. Отсидел во сне ногу и еле вылезаю. Нашу безобразную высадку заценить явился Званцев. Правда, както удивляется, увидев у нас пулемет. Осторожно спрашивает: «Понравилось ли снаряжение?»

Потом удивляется еще больше после того, что мы заявляем, что никакого снаряжения, кроме пулемета, не было. Я его таким озадаченным еще не видел. Неожиданно для всех подтянутый и выдержанный каптри брякает:

- Вот же уебень толстоголовый!

Помогает тащить ящики. По дороге объясняет Николаичу, что там организовать должны были пулеметное гнездо на чердаке дома наискосок от штаба - для взятия под контроль всей улицы. Вот этот РПК как раз предназначался туда. Значит, логически мысля, раз пулемет у нас - в пулеметном гнезде сидят сейчас без пулемета, но со всей снарягой, предназначенной нам. И очевидно удивляются, с чего это им вручили с десятков разгрузок, пистолетов Макарова и прочего добра мешок.

Каптри обещает немедленно разобраться.

В «Салоне» нас ждет приятный сюрприз - Саша полностью оклемался и выглядит хоть и жидковато, но уже вполне прилично. Я, правда, попрежнему ничего не понимаю. Дарья Ивановна говорит, что у Саши и раньше бывали такие температурные свечки, особенно, когда поволнуется.

Здороваемся. Улыбаясь както подетски, он стеснительно признается, что сегодня днем рассердился на меня:

- Мне приснился сон, будто я умею летать. Здорово так. И попадаю на инопланетную базу. Инопланетники меня за своего приняли - я ж замаскировался.

Они чтото там делают, на своей базе, а я ничего понять не могу - что тут, чем они заняты. Прилетел сюда домой - ты мне живот почесал - я засмеялся и упал. И больше не смог летать. А ты мне потом не верил, что я умею летать. Я проснулся рассерженным...

Посмеялись тихонько.

Спрашиваю - с чего это он ночью на голубей ополчился.

Задумывается. Потом выдает:

- Мне сны сегодня всякие снились. Один точьвточь по Говарду. Ну, этот, «Голуби преисподней». Читал?

- Нет, я этого автора не помню вообще.

- У него написано, что зомби - это так, туповатая быдла. А есть еще - зувемби. Это - элита черной магии Вуду, ожившие после серьезного ритуала мертвецы с совсем другими способностями - они разумны и даже могут приказывать трупам делать то, что хотят, они быстры, могут прикидываться живыми, но весь их разум направлен только на зло и убийство - высшая радость для них.

- Приятные новости...

- Так это только у Говарда... Может нафантазировал мужик...

- Хорошо бы...

- А то у зувемби и сверхестественные способности были - могли создавать мороки, сгущать темноту и науськивать живых друг на друга.

- Мда... Хорошо бы, чтоб это было фантазией автора. А зувемби - это штучный товар или массовое производство?

- Да их вроде б считанные единицы. Ну, словно как короли зомби. Только они не руководят толпой зомбаков. Они сами по себе. Ибо страшны и велики.

Похоже, что наша компания траванулась сегодня в этих кунгах. Говорю об этом Николаичу. Тот соглашается с тем, что мы отравились, только его удивляет, почему я величаю кунгами обычные грузовые фургоны на «газонах».

- Мы сегодня ездили не в кунгах, доктор. В обычных фургонах. Надписи «Хлеб» не хватает. А так была бы ващще «кроваваягбня». К слову - помнится Вы говорили, что у Вас была какаято история с палачеством и крысами? Не поделитесь?

Отчего же не поделиться. Это запросто, тем более перед ужином еще время есть - да и чистка оружия не мешает трепотне, а нам свои Судаевы сегодня чистить и чистить.

- В подготовку медиков - курсе на втором входит такой предмет, как патологическая физиология. На первом курсе - просто физиология - то есть изучение того, как вообще работает организм - тут резать приходится лягушек. Рефлексы, сокращение мышц тыры пыры. Заодно вырабатывается определенная отстраненность от объекта работы - вот например когда надо было на той же физиологии проткнуть скарификатором палец соседу по парте, чтоб взять и сделать анализ крови - мой другэстонец предложил себя в виде кролика. Сейчас уверен, что просто еще больше он боялся колоть мне палец. Ну и я сначала три раза не мог его кожу продырявить, а потом собрался с духом и как швейная машинка аж три дырки просадил рядком... руки дрожали.

Вот, чтоб такого не было в ходе учебы, медиков и дрессируют - сначала на лягушках, на втором курсе - уже на млекопитающих - белых крысах.

Живность эта очень отличается от диких братьев - меланхоличные, медлительные.

Ничего inferнального. Симпатичные вообще зверушки.

Вот на них мы и работали.

Приходишь на занятия - а там уже лаборанты каждому по крысе подготовили - растянута животина Андреевским крестом брюхом вверх на специальной дощечке и приколота за лапы.

И спит под эфирным наркозом. В соответствии с задачей - вскрываешь животину и потрошишь с той ли иной целью. Изучается реакция организма на то или иное воздействие. Потому как реакция одинакова - что у крыс, что у человека.

Ну а когда занятие заканчивается и скотинка начинает просыпаться - ее надо умертвить - потому как она потрошенная и органы у нее как правило в недостатке - или повреждены за время изучения. Способ ликвидации простой - такая примитивная вещь, как провод с двумя оголенными концами. Один конец к носу, другой к хвосту. Сердечко дрыг - и останавливается.

Ну и комуто надо быть внештатным палачом. У нас в группе - токо я после армии, остальные либо девчонки, либо молокососы, либо хитрые и пачкаться не хотят. В первый раз мы так заспорили, что у животин наркоз кончился, и они от боли пищать начали. Я не выдержал и плюнул на спор. Ну, вот с того времени и кончал крыс после занятия.

Надо сказать, что нас две группы на занятие объединяли. Наша была смешанная - а другая - чисто девичья. И девушки там такие подобрались - ну просто все на пьедестале и сверху вниз смотрят. Рядом не стой, близко не сядь. Деликатного воспитания и не нам, быдлам, чета. А я повторюсь после армии - да и до этого воспитывали меня в глубоком уважении к Женщине, так что, в общем, относился к ним с изрядным пиитетом, аж самому сейчас смешно. Но это сейчас. А тогда мое общение с девушками было в основном сугубо приятным. Вот когда с ними поработаешь, тогда разум просветляется. Именно - поработаешь изо дня в день. Оказывается, что мужики гораздо лучше. И порядочнее и надежнее. Правда в постели женщины лучше, тут кому как, а мне мужики не нравятся... Но это я отвлекся.

Естественно, что девушки из девчачьей группы на меня смотрели как на грязного выродка и паскудного маньяка - убийцу.

А тут как раз наша чахоточная погода сообразила, что вообще уже май месяц. Мы сидим на занятии, потеем, потому как топят основательно, а за окном солнце, тепло и зеленые свежесделанные листочки от здоровенной липы прямо в кабинет лезут. И запах от них такой, что начинаешь понимать пчел - и даже хочется полететь.

Преподавательница - ненамного старше нас, молодая, крепенькая - этакая лошадка, но не в смысле лошадеушка, типо Ксюши, а в хорошем смысле - смотришь на такую бабенку, и приятно, что она такая ладненькая и двигается красиво и крепенькая вся... Ну никак такую телкой не назовешь - кобылка и все тут.

И видно, что ей из кабинета хочется на волю в пампасы и все ее поведение такое - что мы - студенты мужеска пола - перемигивались и переглядывались - потому как видно невооруженным глазом любому - мыслями она уже там, где ее такой же жеребец поджидает. Ну, может и не жеребец, а наоборот ботаник какой - но на счет того, куда спешит никаких сомнений. Больно глаза блестят. И как принято нынче говорить - аура соответственная.

Остается до конца занятий где-то полчаса, она нам и говорит:

- По учебному плану мы должны еще сегодня сделать практическую работу, но она очень сложная и делать ее придется долго. Я вам сейчас расскажу, в чем она заключается, а вы скажете - достаточно ли вам изложения, или будем проводить работу на практике.

Суть работы заключается в наглядном показе того, что эмбрион крысы более вынослив к кислородному голоданию, чем взрослая особь.

Берем беременную крысу, извлекаем из ее матки эмбрион, вводим ему в сердце канюлю (сверхтонкая стальная трубочка) и засекаем по колебаниям конца канюли частоту сердечных сокращений эмбриона.

После этого помещаем под стеклянный колпак эмбриона с канюлей и взрослую крысу. Откачиваем воздух - сначала от кислородной недостаточности погибает взрослая крыса, и только потом эмбрион, потому что его организм более приспособлен к недостатку кислорода - чтобы нормально перенести перипетии родов.

Все ли понятно, надо ли вам показывать дополнительно?

А у самой глаза говорят - ну неужели вам, ослам тупым не понятно, что я тороплюсь???

Наша группа естественно ответила таким вечевым единодушным гулом в смысле, что яснее не бывает и даже десять показов не будут столь доходчивы, чем ее изложение и в таком плане.

Она аж порозовела от радости и только было собралась сказать, что занятие окончено, как встает самая спесивая сучонка из девкиной группы - Мариной звали, на удивление у нее были волосатые ноги, к слову, и заявляет таким примерным голоском, такой пайдевички:

- Но вот как же - спросит у нас на экзамене профессор - вы видели эту практическую работу или нет, а нам придется сказать, что не видели...

И глазками так невинно - хлопхлоп.

Мы чуть не подавились от злости - прямо целой группой - нашко то девчонки в мужском коллективе нормальными были. А тут так доносом пахнуло...

Преподавательница и потухла. Вот за секунду. Необратимо.

И потом мы полтора часа смотрели, как она дрожащими от злости руками не может

попасть в сердце крохотному розовому комочку эмбриона, и только на четвертом эмбрионе это у нее получилось. (Ну, какое там сердцето у эмбриона размером!)

Да, так все и вышло, как она рассказала - и под стеклянным колпаком от удушья сначала сдохла взрослая крыса, а потом тоненький стальной стерженек, дергавшийся все чаще и чаще тоже замер.

Преподавательница очень сухо попрощалась и вышла вон, мы стали собираться, а меня как черт дернул и я повернулся к Марине.

- Слушай, а вот женщины и мужчины - они совершенно равны? Во всем?

Для современной деушки такой вопрос оказался диким. Она посмотрела на меня как на барана и снизошла до ответа:

- Ну, разумеется. Просто странно, что ты такое спрашиваешь.

- Это я для уточнения. Так вот честно признаюсь, что я с удовольствием бы сейчас вместо этой беременной распотрошенной крысы сунул бы один конец этого провода от электроприбора тебе в пасть, а другой в жопу, мелкая ты пакость.

- Ты что себе позволяешь????

- Мы же равны, не забыла?

- Я девушка и ты обязан себя вести пристойно!

- Я и веду себя пристойно. Была бы ты парнем - набил бы тебе харю. Но ты не парень. Во всяком случае держись от меня подальше, дрянь недоделанная...

Разумеется, после этого инцидента между нашими группами пробежала не то, что черная кошка, а цельная черная пантера... И всякий раз, когда мне попадалась на дороге эта самая Марина, я не упускал случая сделать ей гадость. Не потому что злопамятный. Просто не люблю, когда такая вшивота чувствует себя комфортно.

Андрей усмехнулся и вдруг сказал:

- А я тоже был подопытной крысой.

- Это как?

- Лежал на излечении тут - в ВМА. Но не слишком хорошо выздоравливал. Однажды подходит ко мне лечащий врач со шприцем, сам делает укол. Даже странно.

- Что это Вы, товарищ майор сами укол делаете?

- Да понимаешь, какое дело - тут нашего изобретения препарат. Но он еще не прошел утверждение наверху. Его вроде бы как и нет. Но тебе должен помочь. Так что если не возражаешь - я тебе курс прокалю.

(А мне уже так тошно от того, что у меня и раны толком не заживают и пневмония не проходит, что на что угодно согласен.)

Ну и действительно - после этого курса стало куда лучше, подняли на ноги, можно сказать.

- А от чего лечилито? - немножко неуместно влезает в разговор «КотРыболов».

Андрей смотрит на него и неохотно отвечает:

- Полез куда не надо. Позиция оказалась - заглядение. Ну и не выполнил старое правило - больше двух выстрелов с одной позиции не делать. Увлёкся - там же они были как на ладони, не удержался.

На втором магазине меня и засекли - и смотаться не успел - попал под взрыв. Приложило меня качественно, не охнуть не перднуть. Первые сутки еще держался - боялся, что если начну стонать, то могут меня найти.

- Чего плохого, если б нашли - «КотРыболов» аж ближе подвинулся. - Помогли бы!

- Эти помогли бы так, что я бы много бы времени имел пожалеть, что не убило сразу... Они на этот счет мастаки были...

- А!

- А дальше я три дня валялся практически без сознания. Хорошо, наши вернулись, отыскивали. Вот после этого и лечился. Там еще и от крысыных укусов лихорадка добавилась и пневмония. Еще хорошо, что раны чистые были - помощники смерти еще удивлялись - сам грязнее грязи. А раны - чистенькие.

- Опарыши? - догадываюсь я.
- Они самые - степенно кивает Андрей.
- А, это я видал - радостно заявляет «Котрыболов». - У бомжа по кличке Рожа они водились, я сам видел!

- Кличка хорошая.
- Это он всем говорил, что болезнь у него такая - рожа. А всамделе - ноги гнили.
- Ну, так это и есть - рожистое воспаление, рожа.
- Тему для разговора вы выбрали... А нам ужинать скоро...
- Тема как тема. В нынешнее время - можно сказать - актуальная весьма. Да и не прикидывайся, Сережа, сам ведь рассказывал, как вы с похмелья утречком свою же наживку сожрали? Лучше дайка масленку.

- Держи! Это не я жрал - а так да, было, спутал с пловом с похмелухи... Похоже не токо у нас такое было, слышал и от других. Но все равно «буээээ», а не тема для вечерней беседы.

- А почему это - актуальная?
- Собсно этот метод чистки ран, особенно нагноившихся, сложных в обработке или при отсутствии оказания квалифицированной помощи - может быть использован (не дай бог конечно, чтоб до такового дошло) в наше время.

Суть простая - пищеварительная система опарышей приспособлена к перевариванию только разлагающихся тканей. «Живое мясо» им не по зубам, а вот гной, мертвые участки кожи и мышц - самое то.

Соответственно в открытую рану мухи тут же откладывают яйца - ну и дальше идет процесс очистки.

Выглядит это для неподготовленного человека тошнотворно, но определенно приносит пользу. Уничтожая мертвые ткани, опарыши уменьшают интоксикацию раненого и если сравнивать раненого с опарышами в ране - его состояние будет лучше, чем у того, кто лежит с неочищенной раной.

Искренне надеюсь, что это никому не пригодится, но если что - в жаркое время и в катастрофической ситуации - имейте и это в виду.

Хотя грамотная хирургическая обработка раны - безусловно - лучше.

- А я в инете видел японца - так его в госпитале японцы личинками лечили - у него там мозги торчали. Так они, похоже, боялись инструментом там колупаться, потому этих личинок туда запустили...

- Да, была такая публикация, тоже видел.
- Кому как, а мне больше подорожник или зверобой нравится.
- Андрею в городских руинах подорожник со зверобоем искать было бы натужно...
- Тоже верно. Но мухи же могут заразу в рану занести.
- Могут. Потому, когда опарышей используют в официальной медицине - то их выращивают в стерильных условиях. Хотя при огнестрельной ране заразы там и так полно - и куски одежды грязные и пуля не стерильная. А то еще и земля и прочая грязь влетает - особенно при разрыве.

- Хорошо, опарыши вкусно питаются в ране, а ВОПРОС вот в чем, как на рану влияют отходы их жизнедеятельности? Онито походу в ту же рану испражняющца...

- В рану гадят опарыши серой мухи. Ее еще Вольфартовой называют - редкая сволочь. Ее личинки в ране вредят от души - могут дел наворочать.

А зеленой и синей - вообще не гадят - у них все при себе остается, такое устройство. Вот эти - помогают. Потом окукливаются - вот там вместе с оболочкой и остается. Причина в том, что у зеленой и синей мух опарыши очень брезгливые и свое дерьмо им аппетит портит, вот оне его в мешок и складывают.

- Серьезно?

- Не совсем. Там на самом деле все немного сложнее, но что я вам тут голову морочить буду. Говоря проще - разные виды паразитирования - одним нужно, чтоб хозяин выжил, другим это - по барабану. Соответственно разные паразиты поразному себя и ведут в гостях.

- А в хирургии - когда опарышей медики используют?

- Это делают при пересадке кожи, особенно на обожженных участках тела, когда отмершие ткани препятствуют приживлению трансплантата. Ну и в ряде случаев, когда инструментальная обработка раны опасна - как у японца этого.

- Раненому то небось противно?

- Ну, как я от коллег слышал, которые воевали и таковое видали своеглазно - личинки жрут первоочередно мертвую ткань и потому особого беспокойства раненым не причиняют, пациенты жаловались, что щекотно или чешется. А вот когда личинки смолотят все мертвое и начинают пытаться жрать «живое мясо» тут жалобы другие - больно, дергает или режет. Андрей, так?

- Не знаю. Плохо помню. Щекотали - да было вроде.

- Ладно вам, а? Похоже, у нас такого не будет. Доктор есть свойский - без опарышей обойдемся.

- Вот никак не пойму, ты же рыбак заядлый - руками этих опарышей перешшупал сотни. А тут тебя вон как корчит.

- Так ужинать же будем!

- Тут такой нюанс - мы ж бнах невероятно цыфилизованны. У нас такого быть физически не может. Как жеж - опарыши! Ужаси ужастные!

- Вотвот! Потом либо попадает такой пациент, либо не дай бог - боевые действия - молодежь в ужасе и либо корячится сама, либо - если рядом есть старшие - оказывается, что старшие с таковым сталкивались, токо рассказывать неудобно было... Самое грустное - в Великую Отечественную ровно та же хрень была. Учили одному, а получилось совсем другое - от отношения к медперсоналу солдат противника до использования подручных средств.

- А я в инете читал, что скоро бы и опарыши не понадобились бы - вещество под названием сератицин синтезирует обыкновенный опарыш. Исследование показало, что сератицин эффективен против 12 штаммов одной из самых устойчивых к антибиотикам бактерии - метициллинрезистентного золотистого стафилококка. Ученые напоминают, что еще на заре медицины опарыши применялись для лечения ран. В ближайшее время исследование продолжится, вполне возможно, что в ближайшем будущем продукт жизнедеятельности опарышей можно будет приобрести в виде мази или таблетки.

- О, память! Мне б такую...

Саша смущается...

- Доктор, как думаешь, мясо лучше сохранится с опарышами или нет? - Вовка прост, как винтовка трехлинейка и как я успел убедиться - сугубый практик во всем. - Обычно свежак в крапиву заворачивают, чтобы оно не протухло, а если такая «потемкинская» тема начнется - может, оно еще лучше сохранится? Тухлятину - съедят. А чистенькое останется.

- Ну, вообщето по аналогии - да. Они ж жрут, что подтухло с большим аппетитом.

- Тьфу ты! Вы потом морально это мясо есть сможете?

- Да вообщето жрали. Доводилось. Как сказал приятель грузин: «Не тот червь, что ты ешь, а тот - который тебя ест!» Нормально, обмываешь, обрабатываешь уксусом и горчицей - и ниче так. Если жрать охота, а взять негде. Правда контингент был - кто и воевавший, а кто - просто служивший...

- Ирландцы вообще тухлое мясо жрут - как и наши северяне - ферментная система у них слабая. И еще и гордятся своим ирландским рагу из тухлятины.

- Смех смехом, а жрать захочешь и не такое съешь. Чтобы это понять, нужно поголодать. Не так, дома возле холодильника, а серьезно - понастоящему денька дватри. Тогда и китайцы становятся понятны, когда они жрут все, что шевелится или уже отшевелилось. Эйэй! Это мой затвор, куда потянул - твой вот лежит!

- Не сползайте с темы - меня этот вопрос в принципе интересует, с высоты так сказать вучености. Опарыши это же не трихинеллез, мясо очистить не особо сложно, но вот как оно при этом сохраняется - вот это вопрос.

- Ну как мне говорили умные люди - главное яиц мушиных не нажраться. А опарышейто частенько жрут - особенно рыбаки на рыбалке да по пьяни... Насчет мяса - тут боюсь токо экспериментальным путем.

- А что мешает его засолить? - начитанный все же человек Саша. Кто ж еще сейчас про солонинуто помнит?

- Ты когда нибудь засолкой мяса занимался? И потом его ел?

- Нет.

- Тото и оно. Свеженина против солонины... Сравнения нету. Никакого, ни разу.

- Вряд ли Доктор здесь поможет... Один известный доктор своим новаторством довел команду не менее известного броненосца до бунта... «Мясо вполне пригодно для пищи. - Да оно само за борт лезет!» цитирую из С. Эйзенштейн «Броненосец Потемкин».

- Ну не поняли тогда матросы, что такое «макароны пофлотски...» Вы будете смеяться, но опарыши на мясе действительно не являются препятствием для использования его в пищу. Это я вам точно говорю, мне камарат рассказывал, а он ветеринарносанитарный эксперт был. Надо смыть опарыши водой, сварить мясо и всех дел.

- Эх, не было нас на Потемкине... Глядишь история подругому пошла...

- Сильно же вы оголодали - это Дарья входит и в комнату и в разговор - о такой дряни заговорили. Оружие почистили? Давайте ужинать!

- Что сегодня на ужин?

- Тушеная медвежatina в специях. На всякий случай тушила 5 часов. Немного рыбкой пахнет, но мягчайшая - и свежая, без всех этих ваших гадостей.

Перед началом трапезы Николаич разливает водку, пользуясь своей чаркой - я ее раньше видел, но теперь вблизи замечаю, что она серебряная и вроде старинная.

- Николаич - а что это за чарка?

- Копия чарки для роздачи винной порции на флоте - в царское еще время.

- А покажите поближе?

Тут уже все заинтересовались, стали смотреть.

- Одна сотая часть ведра - читает Ильяс. - Это сколько? 100 грамм похоже?

- Сто двадцать три.

- Старинная!

- Нет, к сожалению. Это один из мастеров местных делает - с Монетного. Реплика, называется. Но мне все равно нравится.

- Да, красиво.

- Давайте выпьем. Тяжелый был день. Давайте выпьем за живых - чтоб нас побольше осталось!

Выпиваем. Надо бы водку получше охладить, нельзя сказать, что теплая, но похолоднее бы хотелось.

А мясо - в самый раз получилось. Рыбного запаха практически не чувствуется, хотя он должен бы быть, но специи Дарья умело применяет.

- А похоже на медвежатину.

- И на китятину.

- Так это и есть медвежatina!

- Так белая все же...

Заканчивается трапеза кофеем - из какихто эрзацев и потому без кофеина.

- Надо бы овощей раздобыть - говорит Дарья после того, как ее многоголосо отблагодарили за ужин.

- Тут рынок поблизости был. Там должны быть и овощи, и фрукты.

- Померзли наверное.

- Не должны бы. Морозов сильных не было. Другое дело, там ведь, похоже, все продавцы с покупателями остались?

- Скорее всего - да. И лучше бы туда на броне добираться. Как там у артиллерийских с БРДМами - что слышно?

- Один на ходу. Второй забросили - оказалось, что хуже сохранился, чем думали.

Там еще были такие же - разных модификаций, похоже, сейчас будут тщательнее выбирать. Но сегодня все на завтрашнюю операцию готовили. Адмиралтейство чистить.

- А что скажет начальник транспортного цеха, а, товарищ Званцев?

Званцев опять порывается встать, но ему опять не дают. Тогда он делает несколько странных движений - до меня только потом доходит, что это замененные манипуляции - вроде как полулежа, он одергивает китель, как если бы делал это стоя. Страшно неудобно строевому офицеру отдавать приказания в расслабленной позе, полулежа после завтрака. А наши прохиндеи явно это делают специально, наглядно показывая, что он тут - гость, а не командер на плацу перед строем подчиненных.

- Диспозиция такова: Адмиралтейство выглядит в плане буквой «П», концами выходя на Адмиралтейскую соответственно набережную. Внутри буквы «П» находится школа и жилые дома.

- Волга впадает в Каспийское море, а лошади едят овес!

- Пожалуйста, не перебивайте. Я и так максимально пограждански выражаюсь. А не как должно. Продолжаю: На въезде Дворцового моста отмечена автомобильная пробка, что осложняет дальнейшие действия. В машинах отмечено наличие людей, но на видеозаписи не разобрать - живы ли они или нет. Также большое количество зомби отмечены на Дворцовой площади и Невском проспекте. На Сенатской площади у памятника Медный Всадник их значительно меньше. На Адмиралтейской набережной - единицы.

Стоящая задача - инженерными заграждениями отсечь и ограничить для зомби доступ внутрь буквы «П», протянув заграждения от торцов Адмиралтейства до Невы, после чего деблокировать запертых в Адмиралтействе курсантов, преподавателей и часть штабных работников.

Для этого создается боевая группа в составе трех экипажей и вспомогательная с транспортной.

Боевые экипажи имеют следующие задачи: Экипаж «Дворец» высаживается соответственно в части, ближней к Дворцовому мосту и Эрмитажу. Состоит из 32 человек - автоматчики комендантской службы Михайлова. Имеет задачей зачистку автомобильной пробки у моста и сдерживание зомби во время работы саперов по возведению заграждения от Восточной Арки Адмиралтейства до Невы с захватом Дворцовой пристани.

Экипаж «Сенат» состоит их 30 моряков из Кронштадта, высаживается с другой стороны Адмиралтейства и обеспечивает работу саперов по возведению заграждения со стороны Сенатской площади от Западной Арки Адмиралтейства до Невы. Дополнительно на них лежит обеспечение боеприпасами и спецсредствами курсантов Адмиралтейства.

Экипаж «Центр», как видно из названия, действует посередине, состоит из вашей охотничьей команды и гарнизонных автоматчиков - всего 26 человек. Имеет задачей зачистку территории внутри подковы.

Вспомогательная группа состоит также из трех групп.

- Масло масляное...

- Андрей, пожалуйста, помолчи!

Званцев прохаживается по нирванящему после ужина Андрею холодным уничтожающим взглядом и продолжает:

- Из трех групп.

1. Группа состоит из двух гидрографических судов типа «Фламинго» - вас как раз на них сегодня доставили сюда. Поставленная задача - высадка групп «Дворец» и «Сенат», поддержка огнем. А также максимальное отвлечение групп зомби путем использования сигнальных средств типа ракет, судовой пиротехники.

2. Группа из двух катерных тральщиков и известного вам буксира «Треска» с баржей. Поставленная задача - доставка конструкций заграждений и группы инженерной (саперной) поддержки. После выгрузки в зависимости от ситуации - поддержка боевых групп огнем или выполнение других задач.

3. группа из состава флота МЧС - оба «Хивуса» и их же патрульный катер имеет целью доставку экипажа «Центр» на место высадки.

Порядок высадки - первой волной высаживаются все три боевые группы, после чего встают на выгрузку катера, буксир и баржа 2 группы. Катера сейчас стоят под погрузкой в Кронштадте и должны быть здесь не позже 7.00 завтра.

Есть ли вопросы?

- Так точно! - у Николаича вопросы явно есть.

- Слушаю.

- Вопросы следующие - Петровский спуск будет огораживаться?

- Пока - нет. Будет задействован в выгрузке. Там будет видно.

- То наше имущество, что сегодня в результате путаницы попало неизвестно кому - мы получим?

- Вообще не совсем ваше. Вы уж такто не задирайтесь. Получите. С утренними катерами. А пулемет - придется вернуть, он не для вас предназначался.

- Знаете, ребята. А пулеметто я вам не дам.

- То есть как?

- Цитата. Речь товарища Верещагина. Но если серьезно - смешно - словно у вас там больше РПК нет. А если уж так соблазняли и бросили - замените хоть чем иным.

- Зачем Вашей группе пулемет?

- Из принципа. Чую сильно всеми местами, что скоро и с людьми столкнуться придется - сейчасто все как звери на лесном пожаре вместе шкуру свою спасают, а вот что дальше начнется - думаю всем понятно. Потому и хотел бы к своему арсеналу и пулемет присовокупить. Вамто странно это объяснять - не будем мы с вами воевать, весовые категории не те. А РПК с банкой - очень был бы к месту.

- Раз такое дело, то скажу так: Вашу просьбу до командования доведу. Возможно, вы и правы насчет разборок. К сожалению. Но по поводу конкретно этого РПК у меня приказ следующий - организовать вручение Вам собранного набора всяких полезных вещей. Отдать Вам пулемет - приказа не было. Потому давайте не спорить. Не думаю, что нам стоит сейчас устроить ругань по этому поводу. И я не хочу вас обижать, тем более после вашей сегодняшней работы и вы уж мне спину не грызите.

- Ладно. Следующий вопрос - что предполагается делать с кораблем - рестораном, который там стоит... Забыл как его называют, этот дебаркадер...

- Название оригинальное - «Кронверк». Ничего не делать - блокировать и вычистить от тех мертвецов которые шляются по нему сверху. Чистить будем потом - сегодня вот полезли совместно гарнизонные с артмузейными Зоопарк очищать - понесли потери - двое укушенных.

- Кого укусили?

- Один из беженцев - ранен был тяжело, уже умер. Второй - тот старик, который на собрании Овчинникова выдвинул. Он пока жив - его в Артмузей забрали, мимо крепостного карантина. Похоже, как мы с Сашей - отвечает за Званцева мент с... Раньше он был с «Кедром», а теперь как прирос к ППС. Похоже, что он к нашей компании пристал прочно. Знаю про него только, что зовут Дмитрием, был опером.

Да, жалко деда. Боевой был старик. Но тут уж ничего не попишешь. А вот что они решили насчет медобеспечения этой глобальной операции? Спрашиваю.

- Вы начмедслужбы Крепости - Вы и решайте - пожимает плечами Званцев.

Понятно. Ладно, заберу с собой медсестру с ночного ее дежурства - организуем подобие врачбносестринской бригады. Собственно особо там ничего быть не должно - разве что травмы по неосторожности. Пока укусы зомби смертелен - как дуэль на мясорубках, любое ранение летально и врачу особенного и лечить нечем...

Разве что пулей...

Званцев идет звонить в Кронштадт (надеюсь, что по поводу наших прибамбасов), а я спускаюсь на первый этаж отзвониться родителям и братцу.

У родителей все без изменений, только очень волнуются за нас. Еще занимались тем, что обзванивали всех наших родственников. Мне собираются рассказать про весь наш род как таковой, но я не очень рвусь слушать у кого что. Живы - и ладно. Еще раз прошу родителей быть поосторожнее.

Братец сообщает, что в целом дела неважные. Сидят там же, к ним прибились еще две мелкие девчонки, которые все время хнычут и действуют на нервы. Еще на выстрелы пришел водитель милицейского УАЗа.

Спрашиваю - уже обращенным?

Оказывается - нет. Живехонький. Но без патронов вовсе. Пистолет тоже потерял. Самое смешное, что и бензину в УАЗе - шиш да нишиша. Этот долбевич хотел разыграть какуюто шибко ловкую комбинацию - в итоге полагает, что бензина в баке то ли на пять километров, то ли на километр. Раньше это значения большого не имело, а вот сейчас - уже имеет. И попутную не остановишь и на галстук взять некому. Говоря понятнее - «Хитрый план - катить колесо». Попытались слить бензин из стоявших неподалеку машин - не преуспели. У одной бак засунут хрен знает куда, а другая - пустая, аж обсохла. Появление дежурной парочки зомби не способствовало успеху. Сливать бензин из машины, в которой подмога приехала - тоже неинтересно - впервых его и там немного, вовторых Миха не уверен, что новоявленный сослуживец не слиняет потихому. Есть за сослуживцем некая жлобливость и крысоватость.

Но хуже всего то, что патроныто порастравили. А зомби вокруг только больше стало. Вскрытие же прозектора еще сильнее настроение испортило - за короткий промежуток покойный отрастил себе приличный набор зубов (Всего братец насчитал 44 зуба, потом позвал Миху с его отцом и те насчитали столько же) и усилил несоразмерно челюсти, мозг уменьшился, зато толщина кости в лобной части стала сантиметра два - пила не взяла. Также отмечается наращивание мускулатуры шеи и конечностей, особенно верхних. При этом совершенно непонятно, как организм функционировал. Такая же нелепица, как неиссякающая бутылка пива...

Излагаю, что происходит у нас. Братец завидует. Но им до Кронштадта не добраться. Попробуют доехать до отделения милиции - может там патронами разживутся.

С харчами тоже все не очень хорошо обстоит. У ближайшего магазина продуктов зомби целая толпа собралась. И еще подходят. Видно какаято старая память срабатывает.

Приходят туда, где была в прошлой жизни еда... А может быть подлавливают жителей, которые уже подъели запасы и сунулись неосторожно... Михин отец все ожидает прибытия войск...

В общем нужен бензин, еда, патроны, защитная одежда, каски...

Говорю, что попробую напрямь МЧСников. Завтра, если чистка Адмиралтейства пройдет успешно, буду выходить на начальство. Беда в том, что за десятком человек ломиться вглубь мертвого Петергофа не будут ни кронштадцы, ни МЧСники. И я на них даже злиться не смогу - одним в своем городе живых спасать надо, другим с их вездеходами на подушках болтаться по узким улицам опасно... Может быть, Николаич что подскажет. В конце концов еще один врач, умеющий стрелять - лишним никак не будет.

Братец отвечает, что на круг у них 31 патрон ко всему оружию - на 6 стволов, считая две двустолки...

Ну, утро вечера мудренее.

Зато в отличие от меня он спит вдосыт...

Прощаемся...

Когда возвращаюсь на второй этаж большая часть наших уже дрыхнет. Заползаю в свой мешок - и словно свет выключили.

Утро пятого дня Беды

Очень хочу пнуть того, кто меня тормозит.

Иzza мешка получается нелепо.

Тормошаший хихикает и увещевает меня, что этак я всех подниму, а этого делать не стоит. Неправильно поймут!

Николаич, ранняя пташка!

Разлепляю веки - Вию хорошо было.

У него этой тяжелой работой занималась куча помощателей. А я все сам да сам...

Николаич уже одет и собран. Приходится и мне подтягиваться. Натягиваю штаны, рубашку - дрыхнем мы побарски - в белье, благо конвертоввкладышей в мешок у Николаича оказался немалый запас.

Пытаюсь вывести - что слу...?

Оказывается прибыли два катера из Кронштадта - Званцев сообщил, что для нас есть груз и он уже нас ждет. Потребно два человека - из них один - Командир, а другой - Доктор. Для приемки.

Ну, за подаркамито я всегда готов. Подхватываемся - и двигаем. Из зала на первом этаже высовывается уже одетая и причесанная Дарья. Предлагает выпить кофе. Пахнет вкусно, но сначала - подарки. Когда она интересно спит? Как особа женского пола она устроилась в маленькой комнатке - за складом. В тюрьму ей идти не захотелось, хотя жены Николаича и Ильяса отзывались о тюрьме, как о самом безопасном месте в Петропавловке. Днем они приходят сюда, а на ночь возвращаются в тюрьму. Какойто Боливийский порядок, правда.

Званцев нетерпеливо вышагивает между двух баулов, стоящих на берегу у пристани - один какойто прорезиненный, другой - опять же здоровучая китайская сумка для челноков. В виде сюрприза - перед сумками опираясь на сошки стоит залихватского вида ручной пулемет. Очень знакомый, но с ходу не припомнить.

- Ого! РПД! - восклицает Николаич и мне становится немного стыдно. Ну, разумеется - РПД! Только без банки снизу. В руках такую штуковину мне держать не доводилось, но слышал много хорошего - и вид у нее характерный.

- Точно так. Как насчет угостить кофе?

- А на катерах не угостили?

- Угощали. Но кофе у них плоховатый. А у вас - лучше.

- Тогда приглашаем. Дотащить можете?

- Отчего не помочь...

Ташить и не далеко, но взопред, хоть Николаич и помогал. Его мешок куда легче, чем моя сума.

Расположившись на складе, с удовольствием пьем кофе. Дарья Ивановна не поскупилась и кофе действительно будит нас окончательно. Званцев, судя по мешкам под глазами - вообще не спал. Не мудрено.

Залезаем в подарочные мешки. У меня почти вся сумка - пластиковые баночки с витаминами.

В основном - «Аэровит». Хороший комплекс, только вот по сроку годности - почти на излете. Ничего, вполне успеем употребить - весна - время паршивое - у всех авитаминоз, потому ползают как осенние мухи. Как минимум - постоянному составу раздать. Надо еще пересчитать, сколько получается, может и на беженцев хватит. Не отходя от мешка вручаю три баночки присутствующим. Вежливо берут. После коротенькой лекции о весеннем авитаминозе пробуждается некоторый интерес. Задолбаюсь я так всех уговаривать...

Впрочем, народ у нас такой - к своему здоровью относится наплевательски. Вот курить по пачке в день - это горады, а витаминки лопать - както скучно. Потом зато требуют от лекаря, чтоб он в одночасье вернул молодость и здоровье...

Кроме витаминов, еще треть сумки аккурат то, что ходово идет в медпункте. Со сроками там вообще беда - это уже списанное, ну да мы тут не гордые. Если это не фальсификат - а такого последнее время на рынке было пятая часть - то еще действует. Ну а если не действует - то эффект плацебо никто не отменял.

На дне - неожиданный презентик - две пилы - одна для ампутаций конечностей, другая, гибкая - для черепных костей. И коловорот для проделывания компрессионных отверстий при кровоизлияниях в голову... Таких древних коловоротов я в жизни не видал.

Тут же записка от Валентины. Пишет, что по ее мнению идея о превентивной ампутации разумна. Потому коллеги скинулись инструментарием. Инструменты для работы с черепными костями - в связи с тем, что в весеннее время учащается поражаемость инфарктами и инсультами. Ну, этото понятно, при инсульте и впрямь спасает...

В Питере такое было заметно, когда в определенные дни вдруг валом валились инсультники и инфарктники. Что и грустно и смешно - были подскоки такового в дни, когда девушки массово переходили на летнюю одежду... Им вишь телесами хвастаться обнаженными, а у мужичков кровеносная система не выдерживает вида открытых ляжек и сисек в декольте.

А, вот они чего аспирина накидали! Как профилактика тромбозов. Ясненько.

Ну что ж, славно. Надо будет выгрузить половину для медпункта. К слову надо бы там и стерилизатор поставить. И этот инструментарий продезинфицировать. На всякий случай. Жалко, что забыл все уже, надо освежить в памяти.

А что у Николаича?

Николаич сурово копается в бездонном мешке и вытягивает разные предметы, складывая их кучками, рядами и горками. Званцев как дремлющий кот, потягивает не торопясь, третью чашку кофе (ейей Дарья Ивановна витрину раскулачила - чашкато с видами Петропавловки!), но я уверен, что хитрый каптри успевает оценить и нашу мимику и телодвижения и обстановку не только в зале, но и метров на пятьдесят вокруг, вверх и даже вниз.

Я вижу банки магазинов к РПД - всего числом четыре. Пулеметные черненные ленты внутри - хвостики торчат. Рядом внавалку штабельками - три разного вида картонометаллические цилиндры - явно сигнальные ракеты, доводилось такими бУхать.

Три непонятного вида металлических цилиндрических детали.

Шесть пистолетов ПМ с запасными обоймами. С краснокоричневыми щечками на рукоятях.

Шесть старинного вида индивидуальных раций.

Коробки с патронами к ПМ.

Куча какихто невнятного вида тряпок с лямками.

Пара десятков железных магазинов к АК.

Какието коробочки.

- А что это за цилиндрики? - не утерпев, задаю идиотский вопрос.

- ПБС. Прибор бесшумной стрельбы для АК - отвечает Званцев.

- А ПМы зачем?

- Пригодятся - бурчит Николаич - разбираясь с разнокалиберными коробочками.

- К слову - эти ПМы производства 1965-1969 года, между прочим.

- И что это означает?

- То, что до начала 70 годов ПМ выполнялся очень качественно. С ресурсом 50000 выстрелов. После - качество снизилось. А с 80 - уже паршивое качество стало. Эти пистолеты - из крепышей. Между прочим - они уже сняты с консервации. Учитывая обстановку, Змиев организовал пункт расконсервирования.

- Получается так, что мы запаримся из этих пистолетов стрелять.

- Ага. Именно так.

- А это что за ракеты?

- С краю - РПСР40. 40мм реактивный сигнальный патрон красного огня.

Он действительно с парашютом. Стрелять лучше с упора. Единственно проблема - при длительном хранении может давать сбой при запуске в виде отклонения от запланированной траектории. Потому слегка надо обколотить его перед пуском.

- У них же срок годности уже вышел!

- И, тем не менее, они в рабочем состоянии. Раньше делали вещи прочные и качественно.

- А это - разгрузки? Странные какие-то...

- Да, «лифчики». Странные... ну просто самодельные. На первое время сгодятся.

Рассчитаны на 4 магазина к АКМ, сбоку открытая кобура под ПМ, карман под ИПП, карман под ракету и карман для всякой мерихлюндии... Примерьте пока.

Примеряю лифчик. Крестнакрест ляжки на плечи, какая-то подвязка на поясе. Материал - брезент вроде. Сшито все грубовато, но прочно. Ощущение дурацкое - словно одел передник.

Николаич протягивает ПМ, обойму к нему и пару коробочек с патронами.

- Так у меня ж вроде ТТ есть.

- Из ТТ доводилось стрелять?

- Пока нет.

- А из ПМ?

- Из него стрелял.

- Вот и держите. Получается так, что ПМ тут - как бы не у всех. А это - выходит как знак отличия. Вот пусть у Вас и будет. Еще один - Овчинникову отнесите. Как презент от разведки с медициной.

- А насчет остальных - какие виды?

- Один - себе. Мне он лучше по руке, чем ТТ. Остальные - под ноготь. И пусть пока полежат.

- У меня медсестра его просила. Вроде как умеет пользоваться.

- Эта, которая там спит в медпункте? Сегодня ее с собой берет?

- Ну, она вроде как самая боевая.

- Получается так - раз боевая и с нами пойдет, то лучше, чтоб знакомое оружие у нее было, а то засандалит кому из нас в спину.

Николаич выбирает еще пару ПМов с соответствующим гарниром.

Потом выдает мне ракету из средней кучки.

- Патрон сигнальный ночного и дневного действия. Принцип действия у них тот же, что у ракет. Патрон приводится в действие выдергиванием запального шнура. Только необходимо помнить: расположение пускового шнура в сигнальном патроне противоположно - не как у ракеты! То есть сигнал срабатывает в ту же сторону, куда дергается шнур! Если об этом забыть и выдернуть шнур не от себя, а по ракетной привычке - к себе, можно сильно обжечь руки!

- Хорошо, запомню! Тут только огонь?

- А почитать инструкцию? С одной стороны - фальшфейер, с другой - цветной дым. А из корпуса после использования хорошо делать солонку на выезд - с одной стороны соль засыпашь, с другой перец.

- Ну, ни фиги себе!

- Ага. Вот так вот.

- А в третьей кучке что?

- Ракета сигнала бедствия парашютная шлюпочная РБ40Ш. Но ее только на открытой местности использовать. Звездочка белого огня, но надолго. В темное время - и как подсветка годится. И видна издалека.

- Ясенько. Кстати - Дарья Ивановна, а у нас есть подсолнечное масло? Или другое растительное?

- Конечно. И оливковое есть и подсолнечное и рапсовое. А что Вы хотели?

- Неплохо бы всей нашей компании в день по столовой ложке употреблять. Того же оливкового, например.

- Чтобы витамины усваивались, да?

- И это тоже. Но в первую очередь... Как бы это выразиться поделикатнее...

- Вы имеете в виду - от запоров и для нормализации пищеварения, да?

- Точно!
- Разумеется. Если не будут сопротивляться - то совершенно без вопросов.
- Получается так, что ложка масла в день - и эээ... пасту давить не надо?
- Да, только масло должно быть растительным.
- Тогда ясно. Не откажутся.
- Тогда я сейчас в медпункт и к Овчинникову. Операция когда начинается?
- Сразу после утреннего совещания.
- Без завтрака?
- Потом позавтракаем. Голодные - злее будем.
- Но вы же можете позавтракать до операции, да?
- Думаю, что не стоит. Мне кажется, что больше опасность получить пулю от кого, чем нарваться на зомби... Холодно сегодня.

Набиваю суму для медпункта. Неожиданно нахожу еще пакет - зажимы, набор кривых хирургических игл и к ним кетгут и шелк. Неплохо, очень неплохо. О, и спирт есть. Странно, что сразу не заметил.

Навьючившись, вылезаю на площадь. Мокрый ветер с наслаждением залепляет мне физиономию здоровенными хлопьями снега... Весна на дворе!

Надежда Николаевна, медсестра с ТТ на боку уже выслушивает какуюто женщину. Судя по спокойным лицам, разговор либо за жизнь, либо о какомнибудь пустяке, который сам по себе ни что иное, как повод просто излить душу слушающему тебя человеку. Например, той же медсестре.

Мое появление с сумкой нарушает идиллию.

Пациентка прощается, и мы переходим к делу.

Информацию о том, что она сегодня участвует в определенно боевом мероприятии, медсестра воспринимает совершенно спокойно, только спрашивает - когда быть готовой.

ПМ вызывает у нее неподдельную радость. А так и не стрелявший ТТ она просит оставить ей - та медсестричка, что живет в Кавальере, тоже на Надежду глядя попросила оружие. Говорит, стреляла раньше, а если что - так муж научит - он из службы безопасности Заповедника, а сейчас - в гарнизоне.

Даю согласие, потому как у меня на эту Надежду расчет как на старшую медсестру. Надо только глянуть - как она сегодня будет себя вести.

Выгружаю на стол принесенное добро. Она на полном автомате тут же начинает пересчитывать и готовит ведомость. Работает привычно и ловко. Определенно - не просто медсестрой была, хотя достаточно молодая вроде. Останавливаю ее - прошу вызвать на себя подмену и готовиться к десантной деятельности. Подменщицу прошу сориентировать на то, что ей надо будет выдать витамины по командам.

Овчинников уже на месте. Похоже, я вперся на какоето хозсовещание с артмузейскими. Приветствую отставников и вручаю от лица медслужбы и разведки ПМ, обойму и патроны - как до этого медсестре. Получаю спасибо от лица службы и двигаю обратно. Похоже, что толькотолько успею собраться.

Наши уже готовятся к выходу, набивают рожки, подгоняют эти нелепые лифчики и упаковывают в них всякое полезное добро. Снайпера уже как я вижу, возятся с АК - и на концах стволов приделаны глушители ПБС. Остальные, как и я - с ППСами. Николаич почемуто для себя выбрал ПППШ, копается, снаряжая диск. Пара снаряженных уже лежит рядом. Замечаю, что Дима - опер остался с ТТ. Видно, на ПМы Николаич и впрямь лапу наложил. Настроение у всех слегка взвинченное - оно конечно и не бой в полном смысле этого слова, но если попрут на нас все покойники, толпящиеся на Невском и Дворцовой - солоно нам придется.

Крутящийся тут же Демидов - Великий Набиватель, как его вчера нарекли за подвиги по снаряжению рожков, канючит, чтоб и ему дали какойнибудь ствол, но Николаич суров - дело ему найдется, а вот оружие он получит только после обучения.

Сегодня Андрей как раз и начнет это - после работы и отдыха.

Просматриваю сумку свою, добавляю зажимы, рассматриваю пилу для ампутации, но не беру ее с собой. Не готов. Пока - не готов. Проверяю еще раз снаряжение. Рожки, обоймы к пистолету... Вроде все взял. Остальные тоже собрались.

- Двинули! - командует Николаич.

- На мокром заборе ворона усралась!

Погода же, раз два три пять! - моментально комментирует известным стихом сегодняшние осадки, попавшие ему в физиономию Владимир.

Остальные молча соглашаются. Мы с Николаичем двигаем к Гауптвахте, остальные тащатся на лед - там уже идет посадка на катера, заодно будет допинструктаж от мореманов. Чертов Званцев так и не дал патронов к АКБ и снайпера пошли пустые. По словам каптри патроны они получают на катерах - часть мореманов тоже с такими же автоматами.

В помещение штаба Крепости нервозность висит в воздухе.

Приходящим тут же раздают неплохо сострепанные схемки операции - причем уже заламинированные. Отлично. Сразу видно что, где и кто куда.

Овчинников просит всех очень кратко.

Ну, раз кратко - то сообщаю, что медпункт заработал в практически круглосуточном режиме, поступили витамины и потому прошу начслужб забрать для своих служивых соответственное количество, потому как весна у всех и так авитаминоз и цинга нам ни к чему.

Николаич докладывает, что вчера в Кронштадте опробирован новый метод упокоения зомби - катались, дескать, как Ахилл, волочащий за колесницей Гектора - вот зомби и набежали. Всего отстреляли 5889 зомби.

Пал Ильич тоже коротенько сообщает, что вчера оставалось в крепости 2756 человек, пришло за день - уже по льду 336, вывезено в Кронштадт 222, всего сейчас в Крепости 2870 человек, вопрос питания не так остро стоит, в связи с чем решено эвакуировать людей с «Летучего голландца», там уже пришли зомби и пару из них пришлось при эвакуации застрелить. Встает другой вопрос - люди приходят как к теще на блины - без ничего. Потребуется искать одежду.

Майор начвор - Пулемет Горюнова показал себя в стрельбе нормально, начинается реставрация четырех ручных пулеметов. Горюнов передан гарнизону.

У Михайлова умерло 19 в карантине, новых туда направлено 33. Была пьяная драка ночью - зачинщиков выкинули за ворота - тут же протрезвели. Сегодня отправлены мести территорию... Суров Михайлов, суров...

Начарт сообщил, что в гарнизоне все без изменений, группа в десант выделена и проинструктирована. Новый пулемет поставлен на Зотов бастион. В связи с проведением десантной операции отчет о неудачной зачистке Зоопарка вместе с выводами будет представлен завтра. Потери - 2 человека.

Замкомпоморде информировал о данных разведки - по его словам зомби с Сенатской площади оттянулись к Исаакиевскому собору и там - на Сенатской - сейчас считанные единицы. Потому он предлагает во изменение первоначального плана высадку произвести тихо, без шумовых и световых эффектов прямо по Петровскому спуску и по плану №2 высадить сначала группы именно там - с целью максимально быстрого возведения ограждения, прикрывающего и Петровский спуск. При этом ограждение будет поставлено гораздо быстрее, и более опасная работа на ограждении Дворцовой пристани будет уже проводиться большими силами, что повысит результативность.

Сапер Алексей Сергеевич согласен с предложением. Если есть возможность получить дополнительную пристань - тем лучше, ограждение с 38 метров придется тянуть всего на 23 метра дальше, а выгода прямая. Материалов с запасом, так что двойной бригадой сделают быстрее, чем одиночной изначально 38 метров.

Комендант минуту думает - и соглашается на переведение плана к №2. То есть мы не высаживаемся одновременно и широким фронтом, а сначала укрепляем западный участок - потом двигаемся по набережной и общими усилиями ставим восточный «Дворцовый».

Эффектов световых правда все равно не избежать, но зато, если что будет сэкономлено - останется в крепости...

И смотрит на Званцева. Тот согласно кивает.

Тогда - по коням. То есть - по корытцам...

Вот - выдали ламинированные схемы - даже не подтереться... ну да ладно.

Выкатываемся на лед. Нас ждут «Хивусы» и их катер от МЧС. Грузимся вместе с мужиками из гарнизона. Ильяса и Андрея не видно - оказывается они вместе с мореманами, теми, что с АКБ уже на месте и отстреливают зомби в месте высадки. Нас предупреждают о нежелательности стрельбы по окнам жилых домов и школы и, особенно - о том, что нельзя стрелять по воротам Западной Арки Адмиралтейства - там уже скопились курсанты.

Перед нами должны высадиться моряки из группы «Сенат», но на их катерах сейчас развлекаются снайпера, а те катера, что свободны - не смогут подойти к пристани - у них осадка больше.

Николаич неожиданно усмехается и мне на ухо шепчет:

- Не расслабляйтесь Доктор, но я давно заметил - если в начале операции бардак - то дальше идет нормально. А если в начале все по часам - кончается бардаком.

- Ну, бардак вообще самоокупаемое учреждение, приносящее доход, где четкое руководство, все получают удовольствие и с радостью его посещают. На мой взгляд - лучше в этом случае использовать термин «Бедлам».

Николаич пару секунд на меня смотрит, потом говорит:

- Если с такой точки зрения смотреть, то получается так. Пусть будет бедлам.

А медсестра уже в «Хивусе».

Маленькая флотилия проскакивает под разведенным Дворцовым мостом - замечаю, что стоявшие на лестнице, ведущей в силовое отделение, зомби уже лежат мешками на ступеньках и на площадке.

Проскочив вдоль Адмиралтейской набережной, видим оба катера, почти неподвижно стоящих напротив Петровской пристани. Вблизи заметно, что на каждом по четыре мужика с бесшумными АКБ. Узнаю Андрея, а Ильяса что-то не вижу. Когда проходим рядом слышны только легкие хлопки и лязг механизма автомата.

«Хивусы» не без элегантности пристают к гранитному спуску. Выходим проще, чем из трамвая. Приходится пригibasь, потому что снайпера еще стреляют. Но через несколько секунд буквально Николаич командует:

- Пошли!

А катера сдвигаются в сторону Дворцового моста.

Ну, вот мы и на Адмиралтейской набережной. Ни одного неупокоенного не видим.

Набережная метров на двести пустынна. На ней много машин, некоторые перевернуты, те, которые я вижу - мятые, с битыми фарами и фонарями. Уже привычные кучи тряпья, из которых торчат синеватобледные кисти рук и нелепо яркие кроссовки или темные башмаки или женские сапожки, лежат, но весьма негусто. Странно, но почему-то у мертвецов редко видны лица, а вот какиенибудь кислотные кроссовки заметны сразу.

Володя засекает одинокого зомби, неподвижно стоящего у павильончика на набережной. Держим его под прицелом, но пока не хотим шуметь.

За спиной - на набережной раздается какое-то шмяканье, а потом длинный скрежет. Оглядываюсь - «Треска» с баржей изволили пришвартоваться. На баржу навалено груза метра на три в высоту, как не потопла - неясно. Вторым рядом к буксиру, прижав его плотнее к пристани встал катер с моряками и они ловко перебегают с катера на буксир. С буксира на пристань. Тут же начинают таскать странно знакомые квадраты и прямоугольники... Это же строительные леса, точно!

- Продвигаемся первой тройкой к арке. Остальные на месте с медпунктом.

Последним с катера спускается седой сапер. Катер тут же отваливает в сторону и уходит к Петропавловке, а его место занимает другой.

Николаич с Сергеем и Димойопером перебегают к воротам Арки.

Туда же кидаются и несколько моряков.

Ворота начинают открываться. Надеюсь, у курсантов хватит терпения не выкатывать толпой...

Терпения им не хватило. Выбегает черным горохом человек сорок. Наша тройка тут же теряется в этом потоке. Ну и шумят, конечно. Правда пары минут восторга им хватает, и они дружно начинают таскать груз с баржи и буксира. Прибывающий катер сгружает еще мореманов. На нем же прибывает Званцев и ему удается худобедно урегулировать процесс. Несколько моряков с ППШ встают жидкой цепью лицом к Сенатской площади. Мы цепочкой перекрываем набережную с другой стороны этой Арки.

Вовка наконецто добирается до мертвяка у павильона. Больше пока целей не видно. Возможно это потому, что снег валит уже даже не хлопьями, а пластами...

Народу все прибывает и прибывает. У курсантов оказывается с десятков АК74 и теперь они под нашим прикрытием набивают рожки из снятых с последнего катера цинков. Николаич пообещал им, что утопит любого, кто начнет пальбу без приказа.

Хотели видно ответить - но сдержались.

Прямо у нас на глазах лихо лепят конструкцию - это действительно строительные леса, их сейчас собирают на высоту почти двух этажей. Сначала получалось не так, чтоб хорошо, потом наконец прибыли непосредственно саперы и непродуктивный морской энтузиазм сменился четкой сборкой. Со стороны Сенатской площади каркас лесов прикрывают щитами из рифленого железа. Получается довольно изящно, разве что парусность большая, как бы не сдуло эту стену - вон как щиты качает...

Но сапер свое дело знает - и когда вскоре стенка ставится сплошняком - стоит она прочно, не болтаясь на ветру. Замечаю расчалки и то, что похоже и к асфальту леса прикрепили. В общем, быстро, изящно, красиво. Цепочка стрелков перебирается на помост сверху лесов - над внешними щитами они торчат по плечи. Последние щиты почемуто не крепят - а, понятно - с баржи начинают таскать колючую проволоку - егоза кажется ее называют. Довольно шустро протягивают три ряда перед стенкой. Потом все забираются внутрь и задвигают щиты. Закрепляют. Вроде все в порядке.

К нам добираются Ильяс и Андрей. Ильяс шипит и чертыхается на пяти, помоему, языках. Во всяком случае, получается цветисто, но совершенно непонятно. Словно соловей поет. Андрей как всегда невозмутим и тащит в руках почти полный цинк патронов. Садятся рядом, Демидов тут же начинает набивку магазинов патронами, в которых есть чтото странное - такто они обычные меднокрасные, с красным лаковым пояском, герметизирующим пулю в гильзе, но вот носик пули раскрашен незнакомо - двухцветно - черный нос и ниже зеленосиняя полоска.

- Это что - к АКБ?

- Они самые - 7,62 УС.

- А чего Ильяс бесится?

- А ему в спину со всей дури рамой от лесов долбанули, когда мы через баржу пробирались.

- Тогда понятно.

- Готовы?

- Еще нет. Сейчас магазины набьем.

Подходит Званцев и с ним пара офицеров того же ранга. Один предлагает быстро продвинуться к Восточной Арке.

Похоже, что Званцев собирается остужать пыл выбравшихся, наконец, из осады товарищей старым анекдотом про быка, который медленно - медленно спустится с холма, но передумывает. Смотрит на них внимательно и говорит:

- Основная задача - поставить без потерь заграждение к Дворцовой пристани. А быстро только кошки родятся. Сейчас флотские снайпера начнут продвигаться по набережной, а разведка почистит все в жилом квартале. И без свалки.

- Ребята насиделись. Мы их тогда сейчас отправим чистить помещения внутри

Адмиралтейства, там есть еще мертвецы...

- Ни в коем разе! Точно будут потери!
- Так что же нам - сидеть, опять сложа руки?
- Пока - да. И уймите ребят, а то чтото развеселись. Операция еще не закончилась.
- Есть, товарищ начальник...

Моряки с бесшумками выстраиваются в шеренгу. Сзади них - Михайловские подпирают. На нашу артель выпадает задача пройти внутри квартала - зачистив Черноморский, Керченский и Азовский переулки. Тяжелое место - дворы, закутки, какieto сараюшки, построенные еще при Меншикове, наверное. Зомби тут не много оказалось - до сотни. Да и медленные они были. Один меня пугнул сильно - я не думал, что куча мусора, занесенная снегом, скрывает в себе и сидящего человека. Засек, когда он стал шевелиться и протянул руки. Сгоряча забабахал четыре патрона туда, где должна была быть голова. Попал, вероятно, потому как руки безвольно упали вниз и кучка мусора както смякла... Одновременно с нами двигались и мореманы - чутьчуть отставая, чтоб не вылезти под пули наших бесшумников.

Один раз у них вспыхнула заполошная пальба очередями из ППС, но медика никто не звал, так что подумали, что все в порядке.

Николаич корректировал наше движение внутри квартала с движением группы по набережной по той самой допотопной радиации, что сегодня нам привезли из Кронштадта. Получалось вполне нормально, правда и расстояние было всего - ничего.

Людей в окнах видели пару раз. Тетка открыла окно и просила выпустить их - на лестнице стоят «эти». Велели потерпеть - зачистка домов пока не в наших задачах.

Предупредили о том, что выходим на набережную. Аккуратно вышли.

Мореманы странно себя ведут - то и дело встают на коленки и смотрят под стоящие машины. Спросили их - в чем дело. Оказывается, зомби прячутся под машинами от снега что ли. Один такой и уцапал за портки центрального снайпера. Тот так взвизгнул от неожиданности, что теперь ему это долго будут вспоминать. Шарахнулся в сторону, выдернув мертвяка изпод машины как морковку с грядки - тутто Михайловские и оттянулись... Эту пальбу мы и слышали. Удивительно, но, несмотря на все рикошеты никого живого не зацепило.

Интересно выходит - зомби стали прятаться и маскироваться?

Прошу показать этого ловкача.

Отходим чуток назад, Николаич тут же, да и Дмитрий пошел.

Изпод помятой десятки торчит по пояс грязнющий труп. Автоматчики вклепили в него не менее полсотни пуль. Примерявшись, тяну его изпод машины, выбрав для тяги болееменее чистый кусок рукава. Не без натуги вылезает полностью.

- Бампер - перелом - заявляет Дмитрий.

Да, у мужичка перебиты голени - в типовом месте, именно так обычно ломает ноги пешеходу наскочивший на него автомобиль. Ноги в месте перелома изогнуты под углом и ступни в носках вывернуты. Значит, мужика сбили, и поэтому он оказался под машиной? Или все - же сам залез? Есть о чем подумать. И тот - в куче мусора - случайно, или прятался?

- Несколько лет назад в Купчино - в подземном переходе к метро так бомж помер - говорит Саша - в первый же день с него куртку сняли. А потом както вокруг него складывался мусор - когда через неделю его, наконец, увезли - из кучи мусора только носки ботинок торчали.

- Да врешь, небось!

- Честное слово - неделю лежал. И народ утром - на работу, вечером - с работы и все мимо него. Там нюанс такой - метрополитен и железная дорога никак не могли разобраться - чей это кусок тоннеля.

- Ну, ясно одно - глаз востро держать надо вместе с ухом. Пумплектом!

- И лучше руками не трогать - я с собой веревку взял, так что если понадобится кого тягать неприятного - то лучше веревкой.

Вот ведь! Я же видел, как Николаич куски резал от бухты - когда блокировал ворота и всякие двери. А я лапами, хоть и в перчатках.

- А этот чего без башмаков? Приглянулись кому? - осведомляется Саша.

- Скорее слетели, когда его сбили. При ударе машины со скоростью за 60 ботинки почти всегда слетают. И сапоги - это Дмитрий.

- Серьезно?

- Совершенно.

Есть о чем подумать. Но сейчас - самое, пожалуй, сложное - надо ставить забор в самой гуще автомобильной пробки. В день общего Исхода тут рвущиеся в разных направлениях автомобили собрались в кучу. Не будь тут зомби - водители бы в конце концов разобрались бы. Но вылезший из машины становился мишенью и судя по всему добавлялся в кучу мертвяков, окончательно запиравших любую попытку рассосать эту пробку. В нескольких машинах до пробки уже попадались зомби - раненные раньше доплывали уже в салонах. Здесь же - вполне могут быть и живые, так что надо смотреть.

Выковыриваю из кармана пачку патронов к ПМ. После того, как я отстрелялся по куче мусора - сразу поставил полную обойму. А вот потраченные патроны не восполнил. Запихиваю кургузые толстоголовые патрончики в обойму. Примеряюсь, чтоб если что выдернуть ПМ из кабура, но на изготовку беру уже ППС. Если пойдет стрельба, то тут он лучше будет.

Стоявшие мертвяки уже аккуратно отщелканы из бесшумок. Но вот что под машинами - и что в машинах - совершенно неясно. Сбиты машины тесно. Их тут сотни три, причем и на лестнице пристани несколько штук и на площадке перед львами и пристанью и на тротуаре и даже в воду «Опель» скатился... Как тут ставить ограждение?

Вижу, что открываются ворота Западной Арки. Вылезающие отсюда курсанты гораздо осторожнее. Николаич и Званцев убегает туда. Седой сапер, отшагавший с нами эти 400 метров набережной, двигается к ним. Вижу, что курсанты начинают затаскивать машины в глубь комплекса Адмиралтейства через ворота. Сзади рыкает двигатель - обернувшись вижу, что ребята завели «Шниву» и, расталкивая авто, начинают пробивать дорогу назад - на набережную... К Дворцовой пристани не подойти - полузатонувший «Опель» мешает. «Треска» с попрежнему нагруженной баржей (а вроде столько всего сняли с нее!) барахтается неподалеку.

Потом «Треска» отваливает в сторону, а ближе подходит катер. С него швыряют на пристань трос и кучка курсантов трос ловко ловит. Почемуто забрасывают трос обратно на катер. Через пару минут катер кособоко пятится в сторону середины реки, сдергивая автомобиль. Некоторое время он плывет вслед за катером, медленно погружаясь. Катер подходит снова и утаскивает на глубину вторую машину - с лестницы. Потом еще одну. Отходит в сторону фарватера теперь катер и «Треска» наконец производит свой коронный трюк «Плюх покрывками. Скрежет баржами». Тут же с нее тащат металлические конструкции, деревянные щиты и гофрированное железо, обрамленное досками - видно для прочности.

Общими усилиями моряки и курсанты освободили от машин маленький пятачок у ворот. Но разобрать все это - нужно куда больше времени. По машинам скачет несколько человек - похоже, они растягивают мотки «Егозы», заодно прихватывая ее к стоящим машинам, чтоб тупой зомбак не намотал ее на себя, сорвав ограждение... На пятачке уже собрали секцию тех же строительных лесов - только какуюто новомодную. Похоже западного производства. Туда сразу забирается пара снайперов. Еще пара забирается на каменный постамент адмиралтейского якоря - кубик высотой метра четыре...

Те, кто тащит колючку, сгрудились в одном месте - чтото делают. Слышим треск выбитого стекла. Машут руками, к ним побежало еще человек пять. Один из снайперов на вышке вдруг пускает вверх ракету. Желтая, на парашюте. Значит зомбаки двинулись, привлеченные всей этой кутерьмой. Ну, сейчас начнется!

Одна за другой начинают взмывать ракеты самого разного цвета - и с парашютами и

без, с воды лупят тоже, просто салют новогодний. Катерники видимо имеют на вооружении более солидные штуки - оттуда вылетают здоровенные ракеты. Одна правда пролетает в метре над моей головой и влетает в скульптуру, украшающую Арку, другая такая же наоборот бессильно падает чуть не в самую кучу курсантов, стоящих у колючего заграждения.

Но, несмотря на ракеты бесшумники молотят не останавливаясь. Толпа идет! А заграждения как такового еще и вполовину нет. Да и выглядит оно хлипко - куда хуже того, которое встало у Сенатской площади. Здесь это жидковатый заборчик без стрелкового помоста и высотой метра три...

Глянув на Дворцовый мост вижу бегущих по свалившимся в кучу машинам двух людей. Зомби? Нет, скорее - живые. Точно - живые! Откуда ж они вылезли? Кроме как из силового отделения - неоткуда им было взяться.

Перебегаю, прыгая по капотам и крышам авто на ту сторону дороги - ближе к пристани и тут мне открывается перспектива Дворцовой площади и Эрмитажа. Да там черным - черно!

В пальбу бесшумок вплетается пальба ППСов. Пока лупят короткими очередями, а саперная группа ухитряется при этом тянуть забор, увеличивая его с каждой минутой. Вижу, что из окон Адмиралтейства и, помоему, даже с крыши взлетают ракеты и фальшфайеры красного и малинового огня. Все таки основная масса мертвой толпы глазееет на представление, по машинам к нам лезут немногие - но и их десятки.

Кучка моряков, тесно сгрудившись, двигается ко мне, переваливаясь по стоящим вплотную машинам, как гусеница многоногая, вроде, они что то волокут. Следом поспешает еще одна - поменьше. Двое с Дворцового моста добегают до саперов, ставящих забор с другой стороны - от львов, причем у них получается прочно - они используют как опору постаменты скульптур. Один из саперов стоит на льве и отчаянно колотит молотком. Видимо двоих отослали ко мне - практически вместе с первой кучкой моряков они добираются до меня. Отправляю их к Званцеву.

- Женщину с ребенком нашли в машине - живые еще. Там много людей в машинах, но все мертвые, а эти - живые!

- У вас в Адмиралтействе найдется теплая комната и теплое питье?

- Найдется!

- Бегом туда потащили! Надежда Николаевна, Вы тоже с нами! Званцев! Николаич! Медпункт будет в Адмиралтействе, пришлю курсанта для связи!

Ребята также гусеницей, пыхтя волокут свой груз - мелькает иссиня бледное лицо, красносиня куртка.

- Точно живая?

- Точно!

- На глаза смотрите!

- Да знаем! Уф, знаем!

Быстро вспоминаю, что надо делать - тетка явно замерзла за это время, что сидела тут в машине. Обезводилась, конечно. Надо отогревать. Скорее вспомнить, что надо делать? Что мы делали в такой же ситуации тогда - зимой 2003 года?

На рысях проскакиваем в ворота, тут уже тащить проще. Не успеваю запомнить, куда нас ведут - какое то впечатление, что хозблок. По дороге успеваю отправить ближнего ко мне курсанта - шустрый такой и трогательно лопухий - за теплым сладким чаем, или компотом или другим ТЕПЛЫМ, а НЕ ГОРЯЧИМ питьем и чтоб тряпок принес, валенки, если есть, меховые рукавицы или перчатки. Когда он убегает, понимаю, что все кучей он не притащит - посылаю второго в помощь.

Комнатушка полутемная, висят шинели. То ли каптерка, то ли сушилка, но тепло - очень здорово. Прошу притартать матрасы, если есть - оказывается есть - совсем рядом.

Двое еще побежали.

Тетка при ближайшем рассмотрении оказывается лет под тридцать, симпатичная крашенная блондинка, вместе с ней сынишка лет пяти - шести.

Так - первым делом раздеть догола обоих. Стылая одежда сейчас холоднее, чем воздух в комнате. Сыночек выглядит хуже, чем мама, ну да это понятно - у детей система терморегуляции отлажена хуже, чем у взрослых, потому и замерзают они быстро, куда быстрее взрослых. Опять же плохо - худенький, был бы потолще - не так бы замерз, но видно, что мамка его согревала как могла, потому скорее всего вторая степень переохлаждения у обоих - температуру мерять некогда, кожа бледная, синеватая, с мраморностью... Дыхание у мамки 10 вдохов в минуту. Пульс 55 ударов в минуту. Проверяю на сонной артерии - так проще. Наблюдается резкая сонливость, она все время словно бы отключается.

- Как Вас зовут? Вы слышите меня? Как зовут сына? - ору довольно громко, за это время успеваем снять одежонку с мальчишки и поснимать большую часть одежды с мамки. Они на это не реагируют так что похоже и симптом - угнетенное сознание у них есть, смотрят оба бессмысленно, но в сознании... Значит надо орать и громко - тогда понимают.

- Как зовут сына???

- Я Рита...

(Ну, прям как в старом анекдоте про мальчикатормоза).

Но раз контактна - уже лучше. Гораздо лучше. Что еще радует - когда стягиваем джинсы с мальчишки и джинсы с Риты (Нет, ну кроме этой дерюги и одежды нет другой! Дались всем джинсы, черт дери эту одежонку! В России крестьяне такое носили только летом, когда было жарко, а тут и зимой и весной. Помню, как приятели немцы охренели, когда увидели в Этнографическом музее на наших крестьянах 1880 года джинсовую одежду - токо вот молний не было и лейблов, а грубоотканина покрашенная синей «кубовой» краской, как у нас называли «индиго» - привычна была, причем именно для самых бедных, кто побогаче - брезговал уже... А тут нате - неслыханное изобретение Левиса - рабочая одежда для грузчиков и рудокопов, все как с ума посходили - ну не полезно ее носить. Черт возьми!), так вот видно, что не мочились они в штаны, значит до последнего времени в разуме были, не так все плохо.

Вытряхиваем Риту из кофточка, лифчика, колготки к фигам. Грудь у Риты с тонкими шрамиками снизу - силикона зачемто себе навставляла. И фигура, как нынче принято - сухощавая, очевидно сгоняла с себя жирок нещадно. Тоже нехорошо, значит все, что организм мог использовать для обогрева себя - уже использовал, запас энергии у таких невелик.

Стринги? Нафиг стринги, а вот где парень с валенками???

- Не спи, не спи! Не спи, Рита! Как зовут сына? Как зовут сына?

Парни вопросительно на меня смотрят.

- Помогать будете?

- Уже помогаем.

- Тогда тоже раздевайтесь. До трусов.

(С удовольствием отмечаю, что Надежда, раздевая вместе с одним из курсантов малыша, все время его тормозит, разговаривает с ним и голос у нее приятный и звучит убедительно. А умные люди мне не раз говорили - даже с потерявшим сознание пациентом надо разговаривать все время - больше шансов, что вытащишь. И Надежда именно так и делает.)

Ожидаю, что курсанты начнут мяться как булка в попе и хихикать, но один из них понимающе говорит:

- А, эсэсовский способ!

И они довольно шустро скидают с себя свою казенную амуницию.

Только я прикидываю, как обмотать конечности пострадавшим теми же шинелями, как прибегает тот - лопоухий. Он тащит три почемучо валенка, здоровенный чайник и кучу тряпок - потом оказывается, что это какие-то драные простыни.

Теперь надо временно законсервировать холодную кровь в коже и клетчатке конечностей и отогреть голову и туловище - старый закон - греть с центра.

Один из раздетых курсантов пристраивается за Ритой, обхватывает ее лапами, греет ее спину своим пузом и грудью, а бока - согнутыми в коленях ногами. Второй забирает мальчишку и тоже греет его тельце собой. Я, обмотав ногу Риты простыней, запикиваю ее в валенок, благо он сорок последнего размера, а Надежда делает то же с ногами мальчика - они свободно уходят обе в одну обувь.

- Рукавицы, перчатки принесли?

- Женька побежал, сейчас принесет!

Так, ноги в валенках, хорошо, теперь обмотать простыней руки - и можно поить. Чайник оказывается горячим. Сильно горячим. А тогда мы вот так!

Обматываю чайник оставшейся не при делах простыней - так, чтоб не жегся - и проверив его рукой - не жжется, гож в дело прикладываю это все к затылку и шее Риты.

Волосы у нее короткие, под мальчика, так что греть должно хорошо.

- А я слышал, что растирать надо все тело! - говорит лопухий.

- Не при второй степени. Вот если бы у них была бы гусиная кожа, стучали бы зубы и они были бы эйфоричны, или, во всяком случае, на вопросы бы отвечали - тогда да, растер - или в теплую ванну - и вскоре все в порядке. А у этих как я вижу - вторая степень. Самая охлажденная кровь у них как раз в коже. Начнем растирать - погоним эту холодную кровь в мозг и к внутренним органам - получим двойной убыток: охладим мозг и органы еще сильнее, а кожу разогреем.

- А чем плохо кожугу разогреть?

- Лень, подмени меня. Я сам замерз - такая Снегурочка, понимаешь. Как Снежную бабу обнимаю - это тот, который Риту собой греет, шутит. Но и впрямь видно, что замерз.

Меняются. Я все еще грею Рите затылок и шею чайником, проверяя не жжется ли он. Надежда гладит ладошками мальчишку по голове.

- Кожу плохо разогревать потому, что сейчас охлажденные ткани - та же кожа, словно бы спят и потребляют кислорода самую малость, не так, как в норме. Кровообращение холодом тоже угнетено, потому поступает кислорода мало. А его и нужно мало - в итоге ткани живы.

Разогреем верхние слои кожи растиранием - ткани потребуют нормального количества кислорода, а нижележащие слоито еще холодные, кровообращение никакое - в итоге у разогретых сверху тканей начинается кислородное голодание и в итоге начнут гибнуть... Нам это надо?

Все это время периодически проверяю пульс. Пока ничего нового. Ну, чуток разве почаше. Вижу, что Надежда делает то же. Молодец!

Парни меняются еще раз.

Пробую чайник - вроде бы уже можно поить. Проверяю сам, что в чайнике. Там сладкий чай. Даже не так - там СЛАДКИЙ чай. ОЧЕНЬ СЛАДКИЙ!

- Рита!!! Рита!!! Нука, давай чайку попьешь!

Пристраиваю носик ей в рот, осторожно наклоняю. Сначала пациентка не пьет и немного сладкого чая выливается изо рта. Говорю громко, добиваюсь хоть какого внимания - и маленькая победа - начинает глотать и довольно долго пьет. Пульс уже под 60. Даже, пожалуй, 62 в минуту.

- Мите чаю дайте...

О, заговорила, отлично!

- Сына Митей зовут? Он - Митя?

- Митя... Дайте ему...

Да с нашим удовольствием! Передаю чайник Наде. Управляется ловко. Пожалуй, половчее меня. Опыт явно немалый.

Так, ребята, теперь после того, как она попила - можно вам и лечь. И грейте ее вдвоем.

Ноги - руки не надо, а вот затылок - голову - шею - обязательно.

Ребята пристраиваются поудобнее, а я накидываю на них шинели.

С мальчонкой поступают так же. То, что он просит еще попить - и жадно

присасывается к чайнику, меня радует.

- Эсэсовцы все ж умные были. Сволочи, но способ открыли хороший - это тот, которого вроде Леней зовут.

- Ага. Судя по мемуарам немецких солдат и офицеров по Второй Мировой - они у нас много каких открытий сделали - и что здесь есть Зима, и что во время Зимы - холодно и падает снег, и что Зима - это генерал, как и генерал Грязь и что СССР оказывается - большая страна...

- И еще, что когда им бьют морду - то это неправильно и больно.

- Вотвот. Это эсэсовское открытие можно было бы сделать и не убивая несколько сотен наших военнопленных. Спросили бы любого северянина - хоть якута, хоть чукчу, хоть архангельского помора. А так - словно в старой театральной шутке, когда нахальный певец выходит на сцену и заявляет: «Шаль». Романс Глинки. Исполняется впервые. Ему из зала - Да что за чушь, этот романс уже сто лет как исполняют! На это певец высокомерно заявляет: МНОЙ исполняется ВПЕРВЫЕ!

Вот и они открыли то, что известно северянам минимум пару тысячелетий и тайной не является.

- Она, кажется, заснула!

Нука. Если заснула - это хорошо. А вот если помирает - это хуже. Такой удар по организму тем и плох, что начинает рваться там, где тонко. Черт ее знает - что у нее не в порядке.

Но вроде бы она действительно уснула, да еще во сне теснее прижалась всем телом к тому парню, которого зовут Леней. И не только прижалась, а закинула на него согнутую в колене ногу и обняла рукой. Почемуто многие женщины любят так спать...

- Ленька, после того, что у вас с ней было - ты как будущий офицер просто обязан на ней жениться.

- Это ты от зависти! Самто на себя посмотри.

Проверяю пульс - уже близко к норме. Мальчонка опять присосался к чайнику и явно оживает. Спрашиваю у Надежды - как у него? Подтверждает, что и у мальчика показатели пульсдыхание нормализуются.

Раз так, то пока мне тут делать нечего. Прошу лопоухого провести меня к заграждению.

Не успеваем выйти из ворот, как навстречу идут Николаич со Званцевым, оба местных майора и пара тех - с Дворцового моста. Замыкает шествие седой сапер. Лицо у него странное - вроде бы и удовлетворен делом. А вроде чтото и ест его в душе.

- Ну, как?

- Забор поставлен, сейчас уже утихомирились.

- Не нравится мне этот забор. Ненадежен и нефункционален. Эрзац - теперь понятно, чем сапер недоволен.

- Пару дней постоит.

- Почистим набережную, растащим машины - усилим. Стройматериалы разгрузили. Так что справимся.

- Если не потеплеет. Покойники на солнышке пошустрее будут. Как змеи.

- Мы поторопимся.

Лопоухий делает странное порывистое движение к Званцеву. Тот протягивает ему руку, словно останавливая:

- Здравствуй, сын!

- Здравия желаю!

- Ну, как?

- Нормально.

- Отведи доктора на «галошу» - комендант просил его прибыть побыстрее.

- Доктор - тут у Вас дела еще есть?

- Срочных нет.

- Тогда стоит уважить коменданта - говорит Николаич - И возьмите пару сигар из

запаса. Пригодятся.

Явно знает что-то, чего не говорит.

Лопухий сопит обиженно. Похоже, что сухая встреча с отцом его огорчила. Парень явно ожидал совершенно другого. Ну, понятно, суровые морские волки, никаких сюсюпуси...

Залезаю на «Хивус» - водила незнакомый, но белая кобура с наганом - очень знакома. Кивает мне водила и отваливает от пристани, на лестнице остается обиженная фигурка лопухого Званцева - младшего, маленького на фоне строительных конструкций, сваленных кучей. Хороший парень. Зря отец с ним так сухо...

- Как прошло?

- Вроде без потерь. Осталось еще зачистить дома жилые, да в Адмиралтействе тоже в некоторых помещениях мертвяки.

- Спасенных много?

- Не меньше двух сотен.

- Курсанты?

- И преподаватели и штатские тоже есть.

- Теперь, наверное, то же с Училищем имени Фрунзе делать будут - там тоже курсанты заперты. Но там, на Васькином острове упырей много больше.

- Наверное.

- А мы сегодня видели три бронетранспортера - шли по Литейному мосту от Большого Дома.

- Ну, так не мы одни живы...

- Похоже на то...

«Галоша» сквозит почти до самых ворот. Как только слезаю с нее на пристань - разворачивается и уходит опять к Адмиралтейству.

Непонятно - брать сигары и идти к Овчинникову, или наоборот - сначала комендант. А потом сигары? И почему две? Я с армии не курю. Ладно, пойду к коменданту без сигар.

- Хорошо, что Вы пришли... - меня встречает старый знакомый - Павел Александрович. Тот, что предупредил об опасности поедания медвежьей печени. - Я Вас уже давно жду, а времени мало.

- Меня попросили зайти к коменданту.

- Так я Вас и ждал поэтому. Идемте, не хотелось бы опоздать.

- А комендант где?

- В Артиллерийском...

- Да в чем делото?

- Вы слышали, что во время зачистки Зоопарка пострадали два человека?

- Да. Слыхал.

- Один из них - наш коллега. Он не просто пострадал - он спас другого человека - молодого парня из гарнизона. Тот растерялся, а наш сотрудник его успел отпихнуть, спас таким образом. А сам - не успел. Он просил, чтоб Вы к нему зашли. Ему уже совсем плохо, но до конца десанта к Адмиралтейству не хотел Вас отвлекать. Теперь там все успокоилось.

- Но я ж ничем помочь не могу, Вы же знаете, Павел Александрович.

- Значит можете. В конце концов попа тут нет, да и неверующие мы тут большей частью... А врачебная тайна не хуже тайны исповеди.

- Я его знаю?

- Вы его наверняка видели. Он предложил кандидатуру Овчинникова на пост коменданта.

Ага, тот сухонький старик с планками... Две «Красной Звезды», одна - «За Отвагу»... Жаль, похоже хороший был человек, а я даже и познакомиться с ним не успел.

- Ну что ж, пошли... Только я на секунду заскочу к нам в «Салон».

Во дворе Артиллерийского идет возня - люди раздвигают стоящие во дворе экспонаты, и если я правильно понимаю их намерения - открывают дорогу инженерным слонопотамам, увешанным экскаваторными ковшами, бульдозерными ножами и прочими милыми

штучками. С другого края - торчит пара БРДМок, там тоже копошатся.

Идем по первому залу дальше поднимаемся вверх по лестнице мимо библиотеки на втором этаже и поворачиваем направо - в давно закрытый четвертый зал. Тридцатые годы сейчас немодны - ХалхинГол, Хасан, Зимняя война... Множество экспериментальных образцов оружия, трофеи, неслыханно героические картины... давно здесь не был.

Старик лежит рядом с витриной, где выставлены пробные образцы пистолетов - пулеметов. Тогда конкурс выиграл ППД - и неудачливые конкуренты оказались в музее. Мне из них всегда нравился ПП под нагановский патрон - этакий маленький карабинчик с маленьким магазином и трогательно выточенной деревяшкой с выемками для пальцев, наполовину прикрывающей магазин...

- Приветствую Вас! (Ну да, здоровья желать не получится... Плох старик... Очень плох. Вздутое багровое лицо - его укусили то ли в скулу, то ли в щеку и на рану неряшливо прилеплен грязный и нелепый носовой платок с дурацкими розовыми свинками и цветочками, уже омерзевшая каша во рту при разговоре и все прочие признаки близкой смерти от укуса зомби...).

- Взаимно. Хорошо, что пришли. Паша, ты иди пока, мы поговорить должны...

- Да, конечно, конечно...

- Располагайтесь, доктор. (Звучит как «расплываться доктр»).

- Слушаю Вас. Чем могу быть полезен?

- Есть просьба. Или пожелание. Точнее и просьба и пожелание. Просьба - нет ли у Вас чего-нибудь покурить? Не по чину собирать старые хабарники, как сейчас многие делают, положение обязывало, а курить хочется до зеленых чертей.

(Вот чертов Николаич! Откуда зналто?)

- Да, захватил вот - такие подойдут?

- Не может быть! Кубинские! Еще как пойдут, если не пересушены. Да хоть и пересушены. Да, эти были у меня любимыми, тем более, что я на Кубе пожил долго.

Лучше не придумать!

Старик довольно ловко, хоть руки и трясутся, проводит манипуляцию обрезания кончика, закуривает и с наслаждением полощет рот дымом. Видно, что ему больно из-за порванной щеки, но момент слишком хорош, чтоб на такую мелочь обращать много внимания.

- Просто замечательно. Уважили, как принято говорить, старика. Теперь пожелание. Как Вам известно, наверное, я совершил невероятно героический поступок, самоотверженно спасая жизнь другого человека, пожертвовал так сказать своей жизнью за други своя.

- Да слышал. (Что-то старик больно патетичен. Конечно, у стариков есть такой пунктик, но этот не таков - железный старик. Скорее ехидствует и иронизирует.)

- Отлично. Это я про сигару. Я боялся, что дырявая щека не даст поговорить и покурить. А ничего - платок присох и держит.

- Я могу наложить повязку.

- Глупости. Из того же разряда кретинизма, как обязательная стерильность иголки в шприце, которым в Америке колот яд приговоренному к смерти. Поберегите бинты кому другому. Так вот - у меня меланома. Нодулярная меланома. Терминальная стадия.

(Опаньки! Я не онколог, но что такое меланома - слышал. А нодулярная - самая паскудная разновидность, если не ошибаюсь. Теперь понятно, почему старик такой сухонький. Кахексия это. Ну а терминал... Это я и студентом знал.)

- Коллеги об этом не знают. Я бы хотел, чтобы и не знали. А говорю Вам об этом, чтобы хоть кто-то был в курсе - я не ангел и не святой. Брать обезболивающие негде. Анальгин уже не помогает.

Потому мой поступок - не героизм. Точнее если и героизм - то вынужденное. Как у Гастелло - или кто там по последним сведениям разоблачителей вместо него был - прыгать поздно, полет бреющий, все равно кранты - а воткнешься в колонну - хоть какая-то польза будет от неминуемой авиакатастрофы...

К чему это говорю. Я не хочу, чтобы мое имя трепали всякие пройдохи. Не хочу, чтобы из меня делали нелепых идолов вроде несчастной Космодемьянской или Матросова.

- А что - к тому идет?

- Идет. Вы ж эту импозантную сволочь всякий раз видите, когда в штабе бываете. От любого реального дела он бежит как черт от ладана - единственно, что он умеет - интриговать, подсиживать и молотить языком. И сейчас он уже примеривается стать нашим доктором Геббельсом.

Но Геббельс был трудягой - и талантливым трудягой, да еще и верил в то, что его министерство билось на переднем крае Великой Идеи. У нашего седого знакомого идея одна - ничего не делать, а жрать вкусно и быть в начальстве. Правда даже здесь в Заповеднике самым главным не стал. Потому и пропаганда его будет отвратительной - как у наших ГЛАВПУРовцев, будь они неладны. Мы ведь холодную войну проиграли только из-за недооценки пропаганды. И у нас пропагандой занимались последнее время или дураки ленивые или прямые предатели. Вот и результат...

Поэтому - у Вас должен быть язык хорошо подвешен, как это положено врачам, потому если эта скотина начнет корчить из себя очередного политработника - заткните ему пасть. Я говорил Овчинникову - чтоб он поручил хоть какоенибудь реальное дело этому негодяю, но пока таких дел, чтоб люди в результате провала не погибли - у нас нет.

И людей лишних нет. Но выпускать этого гуся на оперативный простор - нельзя.

Возьметесь?

- А у меня есть выбор? Сидеть и слушать высокопарную лживую чушь... Нет, не хочется.

- Вы уловили суть. Раз говорит о святых вещах - значит и сам святой. Как же, проходили. Не могу сказать, что все политуки с которыми встречался были дрянью. Не все. Но многие. И поди им возрази - это ж мятеж! Потрясение основ! Помню, приехал такой штукарь - нам лекцию читать. И рассказывает нам - офицерам артиллеристам - о расцвете Средней Азии в лучах учения МарксаЭнгельса. Говорить не может, читает по бумажке. А там видно плохо пропечаталось... Вот его и заклинило: дыхкане копали землю лопыгами... то есть копытами... (внимательно присмотрелся) - дикамыгами.

Тут уж мы заржали - так потом нам такую выволочку устроили. За дикамыги...

- Но ведь людям нужны героические примеры? Иначе не было бы саг, легенд, эпосов. Фильмов, наконец! Вот ведь - Толкин как на ура пошел!

- Нужны. Еще как нужны. Но мы об этом чуть позже поговорим. Я уже как плыву. Есть еще пара дел - потом побеседуем. Под сигару. У вас же и вторая есть, я видел. Если отдадите ее мне - то я просто физически не дам себе помереть, не докурив...

- Я слушаю.

- Тогда держите.

Откуда-то вытаскивается элегантный пистолет странного вида. Белого металла, с сильно скошенной назад рукояткой. Не видел раньше такого. Черная пластиковая накладная на ручку, щиток со стрелой - вроде бы «Ижмашевская» символика. Тяжелый - килограмм где-то. Но судя по дулу - под мелкашечный патрон. В ладонь ложится уютно, правильно. Удобная рукоятка.

- Не узнаете?

- Нет. Знакомое вроде что-то есть, но не узнаю.

- Это «Марго». Переделка «Марголина».

Ну, «Марголина» я знаю. Гениальное творение слепого оружейника. Отличный спортивный пистолет, простой и точный. А это значит - дочка...

- Вижу, что с «Марголиным» знакомы. Значит и эта машинка проблем не вызовет. Я было, сам уже примерялся, но решил, что торопиться с сеппуку не стоит. Хотя мысли такие, особенно по ночам - все время были. К слову - сейчас боли ушли. Доводилось видеть - перед концом становится вдруг легче.

Старик поблескивает светлоголубыми глазами. Пускает дымок.

- Тут нет самовзвода. Предохранителей тоже нет. Магазин мелкий - всего на семь патронов. Мушка цепляющая. В бой бы не взял, а для «куп де грас» - оптимально. Дарю.

- Спасибо.

- Теперь еще вот что - у Паши возьмите схему - есть тут неподалеку складик одной транспортной фирмы. Там сейчас складировано 30000 патронов - 5,6 мм - мелкашка. Взять будет несложно. К завтрашнему дню будут готовы обе БРДМ. Наши собираются на рынок податься, без вас не обойдутся. Вот и заберите. У вашего старшего видал мелкашки - винтовки. Так что пригодится.

А теперь - что там насчет героизма и второй сигары?

- Вот, держите сигару.

Старик цапает продолговатый сверток табачных листьев, как величайшую драгоценность. Первую он уже скурил с невиданной ранее скоростью. Маленький окурочок аккуратно кладет на стекло витрины, притушив до этого.

Руки у него дрожат куда сильнее... Похоже на то, что говорить нам придется недолго. Жаль. Человек явно много повидавший, умный, рассказчик, наверное, отличный. Сколько раз жалел, что не поговорил вовремя, не порасспрашивал. А такие люди в отличие от пустобрехов рассказывать о себе не очень любят - и вколотенная с молодости забота о секретности и подписки о неразглашении и вечное «так я не один воевал, все наши воевали...» А потом поздно и пласт информации исчезает...

- Так о чем мы? О героизме? Да, конечно нужен. Но вот посмотрите - как набрали героев - смертников в 41 году, когда все трещало и сыпалось, и надо было людей хоть чемто воодушевить - так весь набор этих камикадзе и гнали до самой перестройки. Удобно, ничего изучать не надо, весь опыт войны псу под хвост - у нас же есть ядерный зонтик, чего думать.

В итоге молодежь про этих героев анекдоты друг другу рассказывает, Резуна читают взахлеб, ну а фильмы о войне - и ранешето паршивые были, а уж сейчас - их и матом не опишешь. Даже не бред, доктор Геббельс - куда как тоньше работал. Но был бы доволен - в его русле вся эта похабщина...

- А какие герои на Ваш взгляд нужны были?

- Сколько у нас было Героев Советского Союза? Полных кавалеров ордена Славы? Героев - 12 352 человека. И 150 награждены дважды и трижды. Кавалеров Славы всех трех степеней - 2562 человека. И четыре женщины среди них, к слову. Не о ком писать? Нуно...

А зачем стараться, изучать чтото... Берешь и пишешь про набор наших камикадзе - и все довольны. Потом правда появляются ррразоблачители - и Гастелло не герой и Матросов - уголовник и поскользнулся, а Космодемьянская вообще чудовище - села жгла с жителями... Посмотрел бы я на этих ррразоблачителей - как бы они вели штурмовку на бреющем, пулеметный дзот подавляли и как бы на виселицу шли, сволочь пустомельная...

Ну и Резун конечно - тут его успех - целиком заслуга наших мудаков из ГЛАВПУРа. Их детище и слава. Но, конечно, гений, тут бесспорно!

- В чем гений? Резун? Вы серьезно?

- Конечно, Резун - гений! Врать каждой фразой - это талант. Мало, кто так умеет.

- А, ну да. В главномто он прав, как говорят его почитатели, когда их припирают к стенке...

- Кретинизм не лечится. Главное же по Резуну, кто не помнит - РККА проигрывала Рейху в 41 и 42 не потому, что вооруженные силы Рейха были великолепны и на тот момент являлись лучшими в мире, а потому, что - РККА была вооружена агрессивным, наступательным оружием, предназначалась к агрессии, а обороняться у нее не получалось, ибо она была армиейагрессором изначально.

Принимаем на веру этот постулат. Смотрим на период с 1939 по 1941 год именно с этой точки зрения.

И видим - войска Рейха разгромили польскую, датскую, французскую, норвежскую, греческую, югославскую, голландскую армии и так далее, попутно отвешивая пинков англичанам, новозеландцам, австралийцам, где бы те им под горячую руку не подвернулись -

именно не потому, что были сильнее и опытнее, а потому, что все перечисленные армии были агрессивными и были вооружены агрессивным оружием, не приспособленным к обороне.

Весь мир проявлял таким образом агрессивность к Германии и потому вся Вторая Мировая была сугубой защитой бедных немцев от всех остальных. А Великобритания еще и агрессивные планы лелеяла в отношении Японии - судя по тому, с какой легкостью самураи взяли Сингапур вдвое меньшими силами и раздали слонов англичанам везде, где те им попались... У США в ПерлХарборе тоже агрессивные линкоры ничего не смогли сделать для своей защиты...

- Интересный подход.
- Ничего особенного. Продолжение логической цепи самого Резуна.
- А что Вы его Суворовым не называете?
- Суворовы - плеяда русских полководцев. И как на своем плакате точно отразил ситуацию московский художник Даня Кузьмичев: Суворов - это полководец. А Резун - это кашка. Не возразишь.

- Но зачем тогда вся эта титаническая возня с Резуном?
- Отрабатывает хлеб. Как перебежчик - он сущая ерунда. Не Гордиевский, не Пеньковский. Один апломб и мания величия, а пользы как от разведчика - ноль. Вот и пускает дымовую завесу. Роль Англии в развязывании Второй Мировой очень велика, массу сил приложили для этого, вот и сваливают со своей больной головы на нашу здоровую.

- Ну да, Мюнхенский сговор, «Странная война»...
- Это уж поздние последствия. Вы про Версальский договор слышали?
- Да, он был подписан после Первой мировой войны.
- А какова была основная декларируемая цель этого договора?
- Окончание военных действий?
- Нет, основной целью было не дать больше никогда грязным гуннам - немцам встать на ноги и снова угрожать миру в Европе. По договору им запрещалось иметь армию больше 100000 человек, иметь авиацию, танковые войска, тяжелую артиллерию и еще тысяча всяких разных унижительных запретов - даже длина ствола у пистолетов - и то была ограничена. Основной промышленный район - Рейнский - был демилитаризован. Что говорить - стоило немцам пикнуть - и их города занимала бельгийская армия, подавляя всякий протест. Бельгийская!

Думаете, Рейхсвер открыл у нас тут школы от хорошей жизни?

- А, танковая, авиационная, химическая! Читал! Но ведь это наши спецучилища учили немцев?
- Какие спецучилища и чему? Немцы в Первую Мировую спроектировали, создали - массовым производством, серийно - свои собственные танки. Успешно применили их в боях, отработали боевое применение, взаимодействие с пехотой и артиллерией, обслуживание и ремонт. А что у нас? Россия выпускала серийно в Первую Мировую свои танки?

- Вроде нет.
- Вот именно. Ни одного серийного! И чему наши, работавшие на трофеях - могли обучить немцев, имевших свой собственный боевой опыт? Смешно! Нет, как раз немцы учили наших, за что Рейхсверу спасибо. И в 1933 году, как Гитлер к власти пришел - все сотрудничество кончилось. И тут почемуто Англия и Франция - гаранты соблюдения норм Версальского договора - Гитлеру мало не коврами дорожку постелили. Занял своими войсками Рейнскую область - благословили. Развернул военное строительство - благословили. А ведь в тот момент могли раздавить как клопа. Присоединил Австрию - благословили... Стал выпускать боевую авиацию, танки, тяжелую артиллерию, флот строить - благословили... Чехия уже куда позже была. Но и тут - благословили... Вот и думайте - с чего это такое благорасположение. А почитаете «Майн Кампф», где о походе на Восток прямым текстом говорится - и подумаешь...

Так что деятельность Резуна видна невооруженным глазом. Благотетелей выручает.

- Только вот скажите пожалуйста - с чего тогда нам тут начинать?

- В Артмузее великолепная библиотека. Почитайте. Архив очень хороший. Герой - не только тот, кто свою жизнь положил за победу. Герой - и тот, кто врага замогилил, а сам домой вернулся, детей растить. И таких как раз и надо помнить. И пример с них брать. А воевать вам всем еще придется... И опыт войны и всех тех мелких войнушек, о которых никто и не знал - очень пригодится.

- Но в Европе и США то же самое.

- Я и не думаю, что к нам шестой флот придет. Тут другое - человеческая порода такова, что дряни в ней очень много. И когда государство рушится - вылезает всякая мразота. И рабовладение тут будет и садизма без меры... Ночная смена приходит в час Беды, в темное время. Умный человек сказал. И справиться вам будет непросто. У подлеца руки развязаны - и делать он может все. А вам придется придерживаться морали. Потому что без морали можно пожить некоторое время, а вот долго жить - не выйдет. Потому - и сотрудников наших опрашивайте и совета не стесняйтесь - и записывайте, что полезное будет. Паша вам мои записки передаст, может и там что будет полезным.

- Почему я?

- А кто еще? Комуто придется быть дипломатом среди крутых военных мужиков.

Змиев - каперанг. Овчинников - полковник. Равны вроде. А подчиняться придется комуто из двоих. А неохота. Начнут меряться письками - полетят клочки по закоулочкам. Никому это сейчас не нужно. А наши анклав - не единственные... И везде руководить будут крутые мужики... Так что хлопот много будет.

Да и почему Вы так заинтересованно на меня смотрите?

- Извините. У Вас ранение в лицо, обычно такие раненые слюной истекают - а у Вас слюней вожжей нет.

- Эх, молодость... Вы индивидуальную аптечку в руках держали?

- Конечно.

- Так вот при ранении в лицо, чтоб раненый не истекал слюной - а потеря до трех литров, да Вы и сами знаете, что кроме влаги со слюной много чего полезного теряется, если просто течет - из индаптечки берете антидот к ФОВ - и отлично это дело прекращается. Просто и четко. А противорвотное - этапиразин - усиливает обезболивание и успокаивает, тоже полезно помнить...

А раз разговор зашел - то и противорадиационное при ранении врачи рекомендовали - говорили, что улучшает обменные процессы, дыхание тканевое...

- Запомню, не знал такого.

- Да, не ровен час пригодится... А я свою сигару докурил, подремлю немного. Удачи вам всем!

- Спасибо...

Когда старик умер, я наскоро прихватил жгутом его ноги. Обращенный попытался встать, но не смог. «Марго» сработал (сработала?) как часы. Одна аккуратная дырочка.

С пришедшим Павлом Александровичем уложили покойного, как положено, накрыли брезентом. Потом, подобрав хозяйственно оба окурка, Павел Александрович сказал:

- Сегодня на Комендантском кладбище его и похороним. Поминки устроим часов в семь. Приходите вместе со своим старшим команды.

- А схема с патронами?

- Вот тогда и обсудим. Есть еще пара вопросов важных.

- Принято!

В «Салоне» уже наши сидят и чистят оружие. В общем, все прошло неожиданно хорошо. Потерь нет, отвоеван кусочек относительно чистой территории, из заблокированного здания высвободили более трехсот человек - и в основном не абы кого, а сильных толковых ребят, грамотных технически и в целом уже вполне относящихся к категории «обстрелянные»... отработано на деле взаимодействие родов войск и наглядно проверена польза «артподготовки» ракетами и фальшфайерами. Саперы - проявили себя с лучшей стороны - состряпать из подручных материалов в сжатые сроки такое внятное ограждение -

это показатель. Что тоже хорошо - участвовала куча народу из разных учреждений, но сработали слаженно, без перетягивания одеяла на себя и без сачкования. Самое основное - впервые почувствовали свою силу. Реальную силу. До этого - несмотря на оружие - чувствовалось, что многие мужики неуверенны и откровенно боятся.

В отличие от остальной команды я сегодня пальнул четыре раза из ПМ - и раз сработал «Марго». Показываю приобретение. Осматривают, оценивают. Общее мнение - «Дезерт Игл», только маленький. Явно целевой. И цель у него весьма прозрачная. Назвали штуку «Упокоителем», хотя Саша стоял за продолжение традиций и полагал, что раз уж у меня создается коллекция неходового оружия, то и назвать надо «Третья Приблуда». Общим мнением отвергли - не рыжее оно, как метко заметил Вовка.

Через час идти на поминки. За этот час надо привести в порядок оружие и поесть. Одним походом - и за завтрак, и за обед, и уж естественно за ужин. Снизу из хозяйства Дарьи пахнет очень душевно. Даже странно - когда я к ней заглянул - она готовила макароны пофлотски, а тут такой запах роскошный, что впору самому раздобывать АИ2 и жрать антидот к ФОВ, чтоб слюной не захлебнуться.

Только закончили чистку - пришло время для еды. Получили по кружке горячего глинтвейна и по миске чего-то чудного, что имело в основе действительно макароны пофлотски, но стараниями Дарьи облагородилось до неузнаваемости.

От глинтвейна всех отпустило, обмякли и подобрели. Потому, когда появился Званцев - как оказалось - за РПК, зануда морская, встретили его крайне дружелюбно. От глинтвейна и порции морской пищи каптри не отказался и быстро пристроился рядом со мной.

- Вот не мое собачье дело, товарищ капитан третьего ранга - но зря Вы так с сыном сухо. Он у Вас отличный парень, а Вы к нему как к таракану... (Это определенно глинтвейн. Не полез бы я с нравоучениями к взрослому битому жизнью мужику вот так вот спросту.)

- А с чего это Вы так решили? Разгильдяй и очень несобран.

Рассказываю Званцеву старшему об оживлении спасенной матери с сыном.

- Вот я и говорю - разгильдяй. Четвертый валенок в коридоре обронил. В чайник бухнул два кило сахара. Простыни взял из тряпок списанных. А там все-таки не боцман с лоцманом, а женщина с ребенком. И это в спокойной обстановке. Явное проявление несобранности.

- Зато очень быстро!

- Пожар на подлодке еще быстрее. Будет суетиться - погибнет сам и людей угробит.

А так Вы конечно правы. Хороший мальчишка, только никак не повзрослеет. И кличку, кстати, заработал дурацкую - «Рукокрыл».

- С чего же это кличка такая?

- Уши у него видали? Его приятель Ленка сказал, что мой может как летучий мышь летать, размахивая ушами.

- С точки зрения биологии - редкая чушь.

- Согласен. Но кличка прилипла.

Николаич поднимает тост за успех операции, поздравляет Званцева с почином. Званцев отвечает любезностью в том плане, что наличие на пяточке нашей группы сразу же вселило в него уверенность в успехе. На этом глинтвейн заканчивается, а то бы можно представить, что было бы дальше.

Выбрав удобный момент, подступаю к стратегам - благо они тоже подмякли слегка. Рассказываю про братца, сидящего в морге. Слушают со вниманием. В принципе, если бы оба УАЗа в хозяйство принять, то худа бы не было. Четверо стрелков. Тот мент, который пистолет свой посеял - говнострелок, конечно, но все ж таки водитель, тоже плюсуем. Две девчонки. Наконец судмедэксперт.

Но и проблема - снять их с берега - значит бросить УАЗы. Погнать УАЗы по окружной дороге - хрен знает, что там и кто там. А джипы по нынешним временам куда нужнее, чем кабриолеты, охотников много.

Время идти на поминки.

К слову - завтра обещали подготовить к маршу БРДМы. Если бы что для БРДМ было бы что интересного на кольцевой. Само собой, для бронетехники первой задачей будет без излишнего афиширования выручить семью самого Овчинникова.

Дмитрий опер вспоминает, что в Молосковицах учебный центр МВД - там курсантов гоняли из СанктПетербургского Военного Института Внутренних Войск МВД РФ. То, что там была бронетехника - стопудово. И БРДМ точно были. Но до Молосковиц тарыхтеть и тарыхтеть. И неизвестно, что и кто там.

- Опасаешься, что часть твоих коллег переступили через присягу?

- Менты - люди. Люди разные. Я лично очень разных видел. Не выходя из кабинета даже. Так что тут дело такое - какой лидер выскочит. Да и предложить можно всякое и поразному. Видеть доводилось...

Однако пора выдвигаться на поминки.

Званцев почемуто прихватывает РПК с собой.

Особенно долго Виктор отдыхать не собирался, но старую привычку - чутка после секса вздремнуть перебороть не смог. Спал недолго, минут двадцать, а потом обнаружил, что Ирка уже умотала в схрон и там гремит посудой.

- Это правильно, хозяйственная - подумал он одобрительно и бодро отправился за инструментом. Вообще то ему было немного страшновато, если уж совсем честно. Самое смешное, что пугала его разделка туши. Нет, он, конечно, видел как это делается и присутствовал, да и помочь довелось - была одна охота, когда лося завалили, но там этим занималось полтора десятка мужиков - с опытом.

Только сейчас Виктор понял, что на него свалилось килограмм четыреста пятьсот мяса, костей и всего другого. Полтонны, засунутые в шкуру. Причем Виктор не был городским лохом и точно знал, что если не убрать внутренности буквально сразу - мясо провоняет жестоко и жрать его будет опасно. Дватри часа - и начнется разложение. Черт, както он об этом сразу не подумал. Вот уже больше часа псу под хвост, а работы - это он сейчас видел - край непочатый. А он один, Ирка тут не помощник. И еще - сытые они оба. Это тоже плохо. Были бы голодными - чесались бы сразу, не разводя антимоний.

Чертыхаясь вполголоса, Виктор стал быстро прикидывать, что и как надо делать - кинулся в схрон, достал тетрадку с записями - записывал туда, что слышал грамотного, и пачку распечаток с инета.

И чуть не обматерил себя - кровь же надо было сразу спустить! Вот сразу как завалил! Первейшее правило на радостях забыл!

Схватил нож, подбежал к туше, потом все так же ругаясь, вернулся обратно - не на землю же сливать - и продукт полезный и завоняет свирепо около схрона через пару дней лужа крови. Ее ж в лосе не литр полтора, а куда как больше.

Вернулся, прихватил тазик. Уже спокойнее подложил таз под шею и начал резать лосю глотку. Ножи у Виктора были отточены на славу, и толстенную шкуру с гортанью он перехватил без особых усилий. Толку, правда, от этого никакого не оказалось - никаких ручьев кровищи не хлынуло. То ли свернулась, то ли стекла вниз, то ли по закону сообщающихся сосудов не имеет желания течь в таз из поднятой тазом шеи.

Ладно, не течет - черт с ней. Внутренности снимать надо, шкуру снимать надо - та же песня вонючая будет, если не снять быстро. В одиночку. В темноте.

Ориентируясь на схему в распечатке и с трудом различая в темноте крупный шрифт (А молодец, что не жадничал на бумаге! И вообще пора звать Ирку с фонарями!) прочитал:

- От гортани по середине шеи, грудины и живота до кончика хвоста разрезают шкуру по прямой. Затем от копыт вспарывают кожу ног, разрезы соединяют на середине груди и у анального отверстия. Шкуру снимают с обоих боков сразу или последовательно, пока это

возможно и удобно, потом тушу переворачивают на бок и с противоположного бока шкуру снимают за линию позвоночника. После этого тушу поворачивают на другую сторону и подрезают оставшуюся часть шкуры до полного отделения.

- Тык, понеслись от гортани... Черт, ни хрена по прямой никак не идет, загогулины как бык поссал... Грудина... Брюхо... Совсем в сторону уехал. Не видно ни шиша, сейчас себе по пальцам заеду. Ирка! Ирка! Иди сюда!

Вывалив внутренности из брюха лося, Виктор еще больше офигел. Много оказалось этих внутренностей. Гора просто. В принципе они должны были вывалиться. Но почемуто не вываливались. Пришлось их вытягивать самому. Перевозился в кровище, если сначала пытался както остаться чистым, то тут плюнул и стал корячиться, не обращая внимания на грязь и кровь.

Ирка зажгла все фонари, развесив два из них на деревья, один повесив на лоб Виктора, подогнала УАЗ и направила свет фар на поляну. Потом запалила еще и костер и стала подсвечивать напарнику. Некоторое время он пытался работать в одиночку, но потом после особо злобных матюков, когда Виктор зацепился ногой за вываленные и растянувшиеся внутренности и шлепнулся, Ирка сообразила - ускакала в бункер и довольно скоро появилась, уже переодевшись попроще.

Оказалось, однако, что выдрать кишки было самым легким, хотя и грязным делом.

Оттащив их в сторону, Виктор прочел дальше:

- Сначала отрезают все ноги, затем - грудину по линии хрящевых соединений с ребрами. По средней линии живота вспарывают брюшину. По мере выпячивания желудка оставшуюся часть туши наклоняют на бок и желудок вываливается из разреза наружу. Далее на шее подрезают пищевод вместе с трахеей и через отверстие между ребрами втаскивают внутрь грудной клетки. Оттягивая внутренние органы за трахею и пищевод и подрезая связки и диафрагму ножом, все внутренности извлекают из туши и относят в сторону. Отделяют легкие, сердце, печень, почки и селезенку. Оставшуюся часть туши расчлениают пополам, между 12м и 13м ребром. Голову можно отделять и в начале и в конце операции.

- Так, ноги я сейчас резать не буду. Потом затрахаемся его с бока на бок ватлать без рычагато. Желудок нихрена не вывалился. Теперь выдергивать легкие с пищеводом. Бля, лучший камуфляж угаживаю вусмерть, зараза... Не лезут легкие, будь оно все проклято, херов им всем тачку! Черт, наверное сначала все же надо было шкуру снимать.

Витя начал снимать шкуру и вначале все шло отлично, а потом как кто стал под локти толкать. С верхней половины в основном слезло легко, разве что рядом с жопной дыркой застряло както. Разозлившись Виктор накромсал там ножом как попало, и в конце концов шкура подалась и дотянув ее до хребтины, Витя с Иркой стали переваливать лося на другой бок, и вот тут чтото не заладилось, хоть тресни. То есть удавалось почти перевернуть тушу, но переворачиваться она никак не хотела и тут же возвращалась в первоначальное положение. Виктор вырубил ваги, но они тоже не помогли. Туша мягко, как налитый водой тяжеленный мешок докатывалась до определенного положения - и хоть тресни.

Как ни старались - не вышло перевернуть зверя. Критически оглядев себя, Виктор приказал Ирке настелить полиэтилен на сиденье, а сам сполоснул в ледяной воде ручья руки. Подогнал поближе УАЗ и, зацепив за заднюю ногу тушу лебедкой, вытянул ее метров на пять в сторону. Стало ясно, что такое мешало - лось завалился в незаметную ямку с жидким кустиком. Повозившись еще минут двадцать, перевернул чертова зверя, не один раз подумав, что лучше б он просто полюбовался на эту животину, чем стрелял...

Ирка перевесила фонари, стало немного светлее и они в четыре руки продолжили драть шкуру. То ли уже устали, то ли по другой причине, но вторая половина шкуры слезала куда тяжелее.

Когда Виктор и Ирина окончательно вымотались и присели перевести дух, здоровенная шкура лежала на поляне и под холодным электрическим светом бликовала не менее здоровенная туша.

- Ну вот, можно вздремнуть чуток - прохрипел Виктор. - Теперь не завоняет.

- А что мы с ней будем делать?
- Запасем мяса - бодрым голосом ответил Витя. То есть он надеялся, что голос получился бодрым.

- Каким способом? - спросила Ирка самым невинным голосом, задав тот же вопрос, который Виктор уже задал себе за ночь раз двадцать... Задатьто задал, но вот ни разу не ответил.

- Ты ж хозяйка и голова на кухне. Тебе и карты в руки.

- Тут килограмм двести мяса. Еще всякие деликатесы - печень, губы, мозг...

Зовем сотню гостей и устраиваем праздник зажаренного быка. Надо бы еще бочку пива.

- Глумишься?

- А что остается? Лучше было бы сделать тушенку. Но у нас банок просто нет. Да и варить столько... У меня самая большая кастрюля - 14 литров. Это получилось бы 15 раз - самое меньшее делать заправку. А тушить надо несколько часов. Это ж бык, не теленок, он жесткий. Сала нет. Сверху не зальешь. И хранить негде. Коптить - совсем запарно. Опять же негде хранить и не надолго получится. За неделю не управиться - сделать копильню и все это обработать...

- Тогда съедим, сколько сможем, сделаем солонину, остальное оттащу подальше.

- Мясорубки жалко нету...

- Ты чего? Какая еще нахер мясорубка??? (Виктора перекосило от этой мысли: геройодиночка - и мясорубка. Тарзан с мясорубкой. Дуры бабы! Такое захерачить! Хотя котлет бы - да, чего манерничать перед самим собой - поел бы с удовольствием.)

- Не злись - так его тушить придется долго и все равно жевать может быть тяжело. Жаль, не подумала. Сделала бы котлеты, у меня и сухари есть... А солонина... Я ее ни разу не готовила.

- У меня есть рецептура.

- И куда складывать будем? Во всех бочках бензин.

- Есть большие полиэтиленовые мешки.

- Ну разве что в мешки... Но солонина както знаешь... С большой нужды. Как у пиратов...

- А что ты предлагаешь? Я сейчас увезу его к хренам - и нет проблемы!

- Не злись, милый! Выстрел был хорош, зверь хорош - давай лучше поспим - утро будет - чтонибудь придумаем.

Ворча для приличия, Виктор стянул с себя заскорузлую куртку и портки и полез мыться. В схроне к счастью было тепло и они уснули оба как провалились.

Утром, ежась от явного холода, но, помня, что надо закаляться, Виктор выполнил маневр к искусно замаскированному туалету - пудрклозету - вырытой яме под импровизированным унитазом из соснового корня, привычно взялся за свой кран для слива, удивился, потом присмотрелся и выпустил руладу отборной матерщины - на стволике, съезжившемся от холода, торчала красная горошина. На мошонке - еще одна и такая же упряталась в шерсти лобка.

Долбучие клещи! От лося наверно набежали, падлы, когда с Ирккой праздновали.

Наскоро и безо всякого удовольствия справив дела, Виктор помчался в схрон, поднял дурную со сна Ирку и стал вертеться, осматривая себя со всех сторон. Нашел еще двух клещей - правда, те надулись поменьше, но зато заползли дальше к заднице. Ирка наконец врубилась, в чем дело, и приняла посильное участие в досмотре с фонарем интересных мест Виктора, потом подставившись ему под осмотр. У нее нашлось четыре клеща...

Потом, ругаясь в два голоса, долго вынимали мелкую гадость Иркиным пинцетом для выщипывания бровей и петлей из синтетической нитки.

- Надеюсь, что мы не подцепим энцефалит...

- Мы же привитые, забыла?

- Третью вакцинацию мы не делали. Вся эта заваруха помешала.

- Первые две есть.

- Да...

- Не куксись - жизнь прекрасна. Пошли - лось ждет.

Лось ждал, куда ж ему деваться. Но вот то, что на нем пиновала какаято мелкая дрянность Виктору не понравилось совсем. Разогнав всякое зверье, в основном представленное мышами, топаньем ног, Виктор прибил к стволу ближайшего деревца перепечатанный из интернета рецепт и - периодически сверяясь с текстом - начал работу вместе с Ирккой.

Рецепт гласил: «Свежую лосятину, кабанятину, медвежатину, пока она еще не совсем остыла, вытереть полотенцем, чтобы убрать кровь. Вынуть самые большие кости, взвесить мясо, натереть его со всех сторон солью, высушенной в печи или на костре и смешанной со специями. Развесить мясо для окончательного остывания. После того, как мясо остыло, его складывают в бочонки (эмалированную, пластмассовую тару); в середину кладут крупные куски, а по краям - маленькие, чтобы не было пустого места. На дно емкости насыпают соль со специями (лавровый лист, перец, ягоды можжевельника).

Уложив первый ряд мяса, его пересыпают солью со специями, и так до полного заполнения тары. Наполнив бочонок, накрывают его крышкой и засмаливают со всех сторон. Бочонок необходимо подержать в комнате или другом теплом месте дватри дня, каждый день переворачивая его, затем убрать в холодное место (погреб) и там переворачивать два раза в неделю. Для приготовления солонины берутся следующие пропорции: на 10 кг мяса - 700 г соли. Для придания солонине мягкости можно добавить в бочонок 20 г сахарного песка на каждые 10 кг мяса.

МастерРужье, № 6, 2001».

- Охренеть! - только и сказала Ирка. Она не стала говорить, что у них нет полотенца, что кровь не удалось спустить, что на эту тушу уйдут практически все специи и изрядная часть соли, а вот результат - весьма сомнителен. Погреба нет, наступает теплое время года...

В общем - полная филейная часть, расположенная у нормальных людей как раз ниже спины...

Но, посмотрев на взъерошенного и несчастного Виктора, Ирка мудро съела все свои мысли. Она хоть и напоминала немного практичный и прочный, но табурет, однако, как практически любая нормальная дочка Евы, неплохо разбиралась в мужском настроении. Сейчас был не тот момент, чтобы бесить сожителя.

И она отправилась разбираться с деликатесами. Готовить их ей не доводилось, но как готовить печень и губы - она читала. Ничего сложного.

Виктор пластал мясо, как своего худшего врага - с ненавистью, но расчетливо. Он нарубил совсем немного, когда Ирка попросила его подойти.

- Слушай, что это такое? - спросила она, показывая на полупрозрачные шарики размером с грецкий орех, свисавшие с печени на тонких тяжках.

- Бля! - только и ответил Виктор. - Отложи - это в жратву не пойдет.

Он был достаточно брезгливым и не очень понимал профиохотников, на сайтах и форумах которых изрядно ознакомился с этими делами. То, что в кулинарных темах заядлые охотники вперемешку пишут рецептуру всяких блюд из дичины и тут же помещают фотографии всяких паразитов в этой дичине - ему было непонятно. Что было в этих пузырях - эхинококкоз, финноз или что там еще - Виктор бы не сказал, но точно знал, что заболеть глистами в условиях БП - совсем глупо.

Ирка послушно отложила печень к остальной требухе.

- Руки помой и бери губы и язык. Там этого не будет.

Второе свое «Бля» он сказал через час - Ирка уже вывернула язычище лоса и вовсю копалась в башке лосяры. Губы лоса она не ела, но знала, что это мало того, что деликатес, но еще и почетная еда, которая не каждому в жизни доставалась.

Поэтому когда она шарахнулась и совершенно неожиданно для него блеванула, чего он за ней ни разу не наблюдал, Витя бросил все дела и подбежал к ней.

Вытирая рот рукой, Ирка ткнула пальцем в сторону башки.

Виктор глянул - и понял, что блевануть может не хуже Ирки.

В открытой Иркиным ножом внутренней полости на фоне бледнорозовой слизистой вяло копошились жирные желтоватозеленые толстые личинки самого мерзкого вида. Здоровенные - с полмизинца, и Виктору показалось, что их там сотня. Ну, минимум две пригоршни! С черными глазками. И некоторые, словно мало всего остального, еще и как перхотью покрыты.

В этот момент Виктор и сказал еще раз свое «Бля».

А что еще оставалось делать?

- Что это еще за блядство? - сипло спросила Ирка, глядя на личинок.

- Это? Это личинки носового овода. Или носовоглоточного? Ну, в общем, он на зиму яйца в нос откладывает. Для человека не опасно, только выглядит похабно. А так на них наверно можно рыбу ловить. На личинку майского жука похожи.

- Да ты гонишь! Майского - симпатичная, беленькая, а эти гнойные какието! - Ирку ощутимо передернуло.

- Ладно, погуляй, водички попей. Я сейчас приберу.

- Ага, я чутка передохну - согласилась бледная Ирка.

Паскудных личинок оказалось 18 штук. Вот что угодно - но Виктор на них ни за что не стал бы ловить рыбу. На опарыша - ловил, а на этих - нет, не смог бы... От запаха сырого мяса уже подташнивало. Аппетит пропал после этой сраной печени и личинок в носу напрочь. Но все равно - начали - надо продолжать. И Виктор кромсал мясо, складывал его в мешки, а Ирка сыпала соль, сахар, специи и жалела, что нет весов.

Требуху Виктор оттащил метров за пятьдесят и наскоро накидав сверху всякого сучья и сушняка - запалил. И горелым ливером навонял на весь лес.

К вечеру у них обоих руки отваливались, а работы и половины не сделали - на лосе еще мяса осталось до черта. Самые вкусные части они, правда, срезали, но до голого скелета было еще далеко... Сваренные язык и губы не сговариваясь, жрать не стали. Ирка словно случайно варила их часа три. И мясо, вырезанное из поясничной части - тоже. Пожевали немного хлеба, а потом хряпнули по полста грамм водки и свалились в сон, как убитые.

Николаич прихватывает пару бутылок водки. Прихватываю по его просьбе то же самое. И идем на поминки.

Разнокалиберные столы, разнокалиберные стулья с уложенными на них досками - чтоб больше мест было, еще более разнокалиберные кружки и тарелки. Все это накрыто прямо в вестибюле - у гардеробов. Народу много, но шума нет. Настрой не тот. Выгружаем свои бутылки, осматриваемся. Званцев тем временем отдает РПК начарту Охрименко - он сидит почти рядом с нами. Вижу, что в основном тут музейные, есть безопасники из Заповедника, Михайлов с несколькими своими людьми - причем некоторые не охранники, а работяги с Монетного Двора, та самая стильно одетая дама, Овчинников на почетном месте. Многие с оружием. Без оружия только Павел Ильич и его люди. Непорядок...

Овчинников встает, ждет тишины.

Потом негромко говорит - но акустика тут отличная, все слышно.

- Не знаю, как одним словом назвать нас, тут присутствующих. Господа или товарищи. Пожалуй, больше всего подходит - сослуживцы. Итак, сослуживцы!

Сегодня погиб наш товарищ, подполковник Анкудинов Иван Владимирович. Отличный специалист, очень грамотный военный, образцовый командир. Кавалер восьми орденов и замечательный человек.

Он завещал поменьше разглагольствовать на эту тему и побольше сделать для пользы нашего гарнизона. Потому предлагаю помянуть его и выпить за упокой его души.

Мы выпили молча. Да и что там пить - и чарки не получилось - жидковатое снабжение

в Крепости. Осада, как ни крути. С выпивкой - совсем швах, а еды побольше, но это в основном либо куски медвежатины либо консервы из Кронштадта, правда вместо галет, пошедших беженцам, тут у нас - хлебцы. Та еще дрянь. Если честно. Но едят люди их с аппетитом. Все время забываю, что, попав в разведку, башкой рискую чаще тех, кто держит оборону стен, но зато и пождранькать у нас несравненно лучше.

Овчинников продолжает:

- Здесь собрались те, от кого зависит дальнейшая жизнь Крепости. Потому докладываю о ситуации и задачах, которые у нас стоят в первую очередь:

1. Зачистка зоопарка. Сейчас мы едим медведей - после белых пришлось прибрать и остальных - и бурых и гималайских. Мяса с них получилось куда меньше, но вроде всем хватило. К сожалению, возникло головокружение от успехов - успешно зачистили несколько павильонов, возгордились - вот и нарвались на шустрого мертвяка. Понесли безвозвратные потери. В итоге треть помещений зоопарка еще не санирована. Это плохо, нам нужна там чистая территория.

Отсюда вопрос - как организовать штурмовые группы, чтобы зачистки были без потерь.

2. Зачистка жилого квартала и школы. Это еще более сложно, чем Зоопарк. Проблемы те же.

3. Сегодня опробованы две БРДМ. На одну установили Горюнова. Вторая, вероятно, пойдет с РПК. Пока все в бронетехнике на первый взгляд в порядке, но далеко забираться - опасно. Поэтому предположительно будет короткий разведывезд с последующим ремонтом. Стоит подумать - что нам нужно узнать в первую очередь. Маршрут. Задачи.

4. Нужно разжигаться транспортом. Грузовиками в первую очередь. Вопрос, где взять, и кто сможет их водить. Водителей последнее время стало множество, но либо молодые девки, либо люди, которые права купили. Управляться с тяжелой техникой некому. Из всех, кто сейчас в Крепости, таких всего 13 человек. И не факт, что они действительно умеют водить грузовую и бронетехнику лучше выпускника школы ДОСААФ, который ни в колонне идти не может и лево с право путает. И на педалях тоже.

5. Попрежнему острая потребность в продуктах.

6. Во всем остальном - тоже нужда. Одежда нужна, бытовые предметы и даже мебель. Стройматериалы. Посуда. Да, в общем - долго перечислять придется.

В итоге - все это сводится к одному вопросу - что можно сделать, чтобы не нести потерь от мертвецов. В первую очередь - на зачистке. Успешный опыт с машиной - огневой точкой отработан в Кронштадте. А вот зачистка в помещениях...

Сотрудники Артиллерийского предлагают комплект брони - чтобы в первой линии были защищенные люди. Работники Монетного двора предложили свой вариант бронепехоты.

Давайте посмотрим, какие мнения будут.

Ну, артмузеевские собрали с миру по нитке - голому веревка. Саперный шлем с окошком, советская кираса времен второй мировой, левая рука защищена dospешной перчаткой с налокотником, ватные штаны и кольчужная перчатка на правую руку. Внизу - хромовые сапожищи.

Монетчики наряжают своего человека в более разухабистое произведение - ажурный шлем на основе шапки, такие же витые полоски на руках и ногах. В целом - изрядно оригинально. Если так прикидывать - то чтото Толкиновское - то ли гномское, то ли эльфийское. И перчатки - тоже с витыми металлическими накладками. И даже красиво. После ряда мелких замечаний, которые обещают до утра учесть, вчерне решают, что завтра же опробуют двумя штурмовыми группами добить Зоопарк. Впереди - броненосец, а сзади огневое прикрытие.

Охрименко просит передать ему пару малокалиберных стволов - для работы в помещениях. С возвратом. Николаича начинают понуждать, но он тут же задает вопрос о том самом складе боеприпасов. Кроме того, у него есть информация о находящемся неподалеку тире - там, вполне вероятно, есть и стволы.

Склад с патронами и тир ставят первыми пунктами в задачу для БРДМ.

Второй задачей получается рынок.

С рынком непросто - там явно много зомби и возможно, что соваться туда будет глупо, особенно в пешем строю. Правда один из отставников предлагает организовать с одной стороны огневую точку на лестничной клетке одного из домов, куда привлекутся на выстрелы и на мясо окончательно упокоенных остальные зомби - тогда под шумок часть рынка можно вывезти. Ну а если не получится, то стрелков можно эвакуировать - они могут перебраться по крышам на другую сторону квартала.

Перспектива воевать со всем неживым населением Петроградской стороны както не воодушевляет. Жило здесь не меньше 160 000 человек. Сколько сейчас бродит нежитью - неизвестно. Но куда больше, чем в Кронштадте...

Кто-то из хозяйственников спрашивает - а как насчет связаться с войсковыми частями? Отставники хмуро смотрят на штатского профана и за всех отвечает Охрименко:

- Нету под Петербургом частей. Ближайшая более-менее боеспособная - в Борисовой Гриве. Туда еще добираться надо.

- Но ведь в Сертолово стоят танкисты!

- Сертоловская бригада расформирована уже. Склады еще там есть, а вот кто там на этих складах - неизвестно. Попытки связаться ни к чему не привели.

- Но не может же быть так, что никаких частей!

- Может. И есть.

К моему удивлению, поднимается Званцев. Наконец он может привычно одернуть китель, как и положено - стоя.

- Имею информацию: впервых, завтра в 17 часов для медиков будет проводиться семинар на тему «Патология медицины катастроф» на базе нашей больницы, в связи с чем начмедслужбы Крепости приглашен для участия. Вовторых, в районе Петергофа проявилась живая группа, в составе которой есть живой судмедэксперт. Мы собираемся провести там спасательную операцию, так как судмедэксперт нам нужен.

- Зачем вдруг вам запонадобился судмедэксперт?

- Сейчас идет плановая зачистка жилых районов города Кронштадта от неупокоенных. Уже сейчас есть несколько случаев, подозрительных тем, что возможно это было сведение счетов с живыми, а не упокоение. Сами это разобрать мы не можем, у нас там на улице Мануильского самая вакханалия была. Пока никого живых не обнаружено, а решать надо быстро...

К слову сказать - там же в этой петергофской группе два исправных УАЗа. Совсем рядом - танкоремонтный завод, на котором в прошлом году довелось быть - и видеть БРДМ среди прочей бронетехники, а также птицефабрика. Потому предлагаем провести разведку в том направлении. Запчасти для музейных БРДМ и прочее в виде куриц - сейчас очень пригодится.

- Ну, курицы вероятно уже передохли. Это люди в квартирах могут еще держаться.

- И тем не менее - стоит посмотреть. Они могли и разбежаться. Там могли остаться живые люди. Опять же танковый завод. Мы все равно будем обследовать берега. Так что тут вы смотрите сами - нам не нужна такая бронетехника, которая есть на ремзаводе. Вам - нужна. При наличии запчастей на заводе вы вполне можете отремонтировать шесть БРДМ и некоторые другие образцы.

- Для разведгруппы и здесь сейчас полно дел.

- Не спорю. Но разведка - дело наиболее подготовленных. Зачистку Зоопарка можно провести и другими подразделениями. Если меня не обманули - у вас сегодня была акция протеста?

- Акция протеста? - удивляется Николаич.

- Пара десятков беженцев устроила сегодня митинг на тему «Какого хера ваще!» - неохотно поясняет Михайлов.

- То есть поточнее если?

- Какого хрена ущемляются из права. Какого хрена их плохо кормят. Какого хрена их плохо разместили. Какого хрена им не дают оружие. Ну и так далее.

- А, следовало ожидать. Как прибежать сюда без портков и документов - так это запросто. А потом получается так - качать права.

- Да, именно качать права. Поорать, повозмущаться. А как до дела - и я не я и лошадь - не моя... Очень характерно.

- Что предложили?

- Дали сутки подумать. Если продолжат в том же духе - дадим оружие - и пойдут Зоосад чистить. Там работы много.

- Мне кажется этого делать не стоит.

- Стало жалко «протестантов»?

- Меньше всего. Идиотов чем меньше - тем спокойнее - проблема в том, что они там друг друга постреляют, да двери пооткрывают. И получим мы на выходе потребность повторной зачистки Зоосада плюс с метаморфами уже. А это очень разные разницы. В первый раз были нормальные тупые охлажденные зомбаки. А сейчас будут и шустрики и метаморфы.

- К слову - эти протестующие в дело что, не годятся?

- В том и беда, что не хотят они работать. Грузчиками - впадлу, а что другое толковое - не умеют. Кстати - завтра вам в спальню установят несколько вещей - щиты на окна и нары, чтоб не на полу спать. Этот - как его - пчеловод - оказался толковым столяром.

- Это хорошо, что нары и щиты. Но вот дураков запускать в Зоосад... Не нравится мне эта идея.

- Зато остальные хвост подожмут. Честно - достало уже - претензии, свары, драки... Я тут не как комендач работаю, а как участковый. Пайковый сахар суконцы на брагу перевели. И сношаются сволочи, как кролики. Совсем нюх потеряли! Своего патрульного вчера с вашей кассиршей поймал - этой, как ее...

- Милкой?

- Вово! И хоть бы смутилась - еще и претензии выразила, паразитка!

- Ну что ж бог терпел - и нам велел...

- Да иди ты...

- Ну, утешься - вон есть такой любопытный факт: «за изнасилование немецкой женщины» был осужден один американский солдат. Он совсем очумел - пользовал немку прямо на своем боевом посту (правда, сдав пост, то есть хотя бы не «на часах») - в арке «Дворца Правосудия» - где шел Нюрнбергский трибунал. Дали ему несколько недель аресту на гауптической вахте. А ты говоришь!

- Что, серьезно?

- Совершенно. Точная информация - очень грамотный товарищ представил. Так что с ручательством.

- Охрененно...

Званцев прислушивается с неожиданным вниманием.

- Хотите номинантов на премию Дарвина на убой отправить?

- Зачем так грубо. Наоборот, хотим, чтоб они поверили в свои силы. Поднялись над суетой, стали полезными обществу.

- Пой ласточка, пой! Пой не умолкай...

- Морфлот против?

- С какой стати? Вы уже и так нам напisyлали... подарочков... Вот скажите, тридцать итальянок, которых вы отправили нам вторым бортом - вы были в курсе, что эти туристки - активистки самого отморозенного во всей Европе феминистского общества? Большей частью - активные лесбиянки? Бригада плоскодонок?

- Нет - хмыкает Николаич. - Змиев в восторге?

- Непередаваемом. Так и говорит: - Узнаю, кто нам их сосватал - лично скажу спасибо! Огромное и теплое. Михайлов - что ты постно смотришь. Твоя идея?

- Нет. Честно - нет.

- И совсем не знал?

- Ну, чуточку знал. Я дважды мимо них проходил - и ни одна мне на шею не бросилась

- явно ненормальные, меня, такого красивого, не замечают...

Мне вдруг стучает в голову идея. В достаточной степени идиотская.

- Слушайте, а чем они у вас заняты?

- Ничем. Куда их приспособишь?

- А почему бы им не поручить выполнение настоящей мужской работы. Ну чтоб они доказали, что действительно круче мужчинок? Потому как мужичонкам слабо.

- И какую именно работу? - Званцев выдерживает скептический вид, но вижу, что заинтересовался.

- Мортусов. Дело в Италии после чумных эпидемий знакомое. Женщины им сроду не занимались - только мужики.

- Похоронная команда? - Михайлов взблескивает глазами.

- Ага.

- И переводчика им туда же. - это добавляет Овчинников, слушавший последние фразы.

- Чтоб убедительнее получилось, пусть убеждает их на их же мове.

- Определенно у вас, сухопутных, такое представление о Базе Флота, как о мусоросборнике.

- Отнюдь, сказала графиня. Но попробовать стоит. Может и получится. А не получится

- тем им же хуже. Явный форсмажор, если не нравится питание и размещение - пусть жалуются своему туроператору.

- Ладно, попробуем. - улыбается Званцев.

Нас отвлекают от беседы подошедшие со строгой дамой работяги с Монетного Двора. Показывают очень элегантно и эргономично сделанный инструментарий - набор «Юного взломщика» - как шутит один из мастеров.

Да, такое безусловно пригодится - можно взломать практически любую дверь в жилом доме. И даже гидравлика присутствует.

- Как в «Теремке» - скромно замечает один из монетодворских гномов - медведь там такой принцип высказал - дескать «мне б только нос просунуть, а самто я легко залезу.»

- Замечательный набор. И костюм очень интересный получился. И красивый. - это я говорю.

- Спасибо. Сейчас таких наборов инструментов несколько штук сделано. Если будут замечания - учтем.

- Надо бы еще портативный сварочный аппарат.

- Есть и такие.

- Мобильные? Можно взять на выезд?

- И такой тоже есть. Завтра хотите взять?

- Да, если пойдем, на УАЗах надо бы окна сеткой усилить.

- Не проблема, сделаем. Сварщик у вас есть в команде?

- Не специалист. Получается так, что, лучше б кто из ваших.

- Хорошо, до утра подумаем.

Мне пора в медпункт. Покидаю компанию, разбившуюся на кучки, и проскочив по двору, заставленному техникой, через дверцу, открытую для меня бдительным часовым с ППСом на груди, перебегаю по льду Кронверкскую протоку.

Медсестры в медпункте уже собрались. День прошел более-менее спокойно. Без эксцессов. То есть народа привалило много, но чего-либо серьезного нет - в основном обострения старой хроники, уже известной самим пациентам. Сумку опустошили сильно. Витамины забрали гарнизонные, Михайловские и монетодворские тоже оказались дисциплинированными. Позже всех зашло несколько беженцев и жильцов Петропавловской крепости. Еще витамины остались, можно будет завтра продолжить раздачу. Теперь об оказании urgentной медпомощи.

Надежда как раз, оказывается, толковала о необходимости завести косынки - банданы. Вещь действительно толковая и очень полезная - заменяет вполне индпакет, а в некоторых случаях - например при ранении головы или переломах - куда лучше. И для фиксации конечности и для скорости перевязки. Надо раздобыть подходящей ткани.

Когда возвращаюсь к поминальному столу, там как раз кончили обсуждать два варианта завтрашней разведки. В итоге получилось нечто среднее - сначала смешанная группа двумя БРДМ и автобусом со стрелками пробирается за Финляндский вокзал - к пресловутому тире - и рядом же вышепоименованные патроны, потом забирает группу спасенных и возвращается в Крепость.

После перегруппировки подойдут вызванные «Хивусы» и забросят в Петергоф к берегу, где и будет точка встречи с двумя УАЗами. После доработки сварщиком машин «Хивусы» МЧС уходят на Кронштадт, а оба УАЗа проходят по маршруту к танкоремонтному заводу и оттуда совершают пробег по КАД - до Кронштадта же.

(Николаич тихонько комментирует:

- Ди эрсте колонне марширт, ди цвайте колонне марширт...)

А громко предлагает поставить вместо ручного пулемета на вторую машину снайперскую винтовку. В бронебашенке по нынешним временам это будет более полезно.

Артмузейские соглашаются после недолгого обдумывания и обещают к утру переделать систему крепежа под СВТ.

Попутно Званцеву задают вопрос - а что взамен даст Кронштадт. УАЗы и в крепости бы пригодились...

Званцев искренне удивляется.

- Товарищи офицеры! Торг здесь неуместен! Вы и так получили и оружие, и боеприпасы, а теперь изза двух уазиков начинаете впадать в грех гордыни. Ну, так оставьте их себе. Для нас из всей этой эскапады интереса - только информация о береговой линии.

Так это мы и сами проверим, высадив СВОЮ разведку на причал в Петергофе.

Поэтому говорить о компенсациях и репарациях совсем преждевременно.

- А куда вы дели мужиков из службы разведения мостов?

- Пока в Адмиралтействе - в себя приходят.

- И какие мосты собираетесь разводить?

- Только Благовещенский. Тогда будет прямой доступ к Крепости, и можно будет подгонять чтолибо серьезное - нашли тут яхтклуб неподалеку. Отличное плавучее жилье.

- Эта баржа отлично и под мостами пройдет.

- Онато может и пройдет, а что другое и покрупнее - вряд ли. А наша разведка уже обнаружила несколько весьма интересных судов - предположительно с топливом. Опять же лес - из Лесного порта не катерами же возить...

Когда уже все начинают расходиться, мы выходим вместе со Званцевым. По дороге он еще заканчивает разговор с монетодворскими - похоже, что его заинтересовал их противозомбовый костюм и он предлагает сделать пару таких же - для команд зачистки домов в Кронштадте. По его словам, улицы города уже вполне безопасны, а вот с подъездами сложнее - при зачистках понесены крайне неприятные потери, тем более, что сгоряча о бронировании чистильщиков не подумали. Проблем оказалось - две - либо плотная толпа зомби, прущая вниз массой, что на лестнице очень эффективно - передних сбивают, они валятся и катятся вниз по ступенькам и начинается кучамала. А тут и лихорадочная пальба с рикошетами от бетона и банальные укусы и вульгарные ушибы и переломы, либо стремительная атака шустриков - отогревшихся в тепле. Метаморфов пока не встретили, но дело за малым - квартиры тоже надо будет проверять - там как раз морфы наиболее вероятны.

Гномы ехидно спрашивают - делать ли доспех из серебра? От нежитито в самый раз. Но морские волки предпочитают сталь.

- Разумеется, сталь - говорит один из мастеров. - Из серебра еще глядишь, монеты делать будем.

- Как монеты? - искренне удивляется Званцев.

- Мы - Монетный двор. А универсальный эквивалент обязательно потребуется. Не овцами же все считать, или раковинками каури как в старые времена...

- Надо же - качает головой каптри - и ведь верно... На бумажные рубли и доллары сейчас уже вряд ли кто торговать будет...

- Тото и оно - кивает в ответ гном.

Перед тем как откланяться - уже во дворе Крепости, Званцев спрашивает меня - не хочу ли я освежить свои навыки в ампутационных мероприятиях. Моряки, оказывается, приволокли сюда пару расписных и хотят завтра в Адмиралтействе работать с приманкой при зачистке помещений. Но закидывать туда целиком труп - накладно, поэтому решили отчекрывать руки - ноги. Они и сами с этой работенкой справятся, но могут переуступить ее мне - в плане тренировки.

Вежливо отказываюсь - запасной пилы у меня нет, а мешать инструментарий трупный с инструментарием операционным еще с времен Игнация Земмельвейса не рекомендуется. К тому же расписные уже и окоченели, так что просто получается тупая тяжелая работа. Любой мясник справится лучше.

На том откланиваемся и идем спать...

Наши еще бодрствуют - нас ждали и заодно подбирали новый ранг для Демидова. Тот сегодня страшно огорчил Андрея и потому его чин понижается. Пока идет выбор между «Негрильная бибияна» и «Озорной рукожоп». Это после отсеивания унижающих честь и достоинство стажера, а также сугубо матерных эпитетов.

Удивляемся, чем это «Котрыболов» так провинился. Оказывается, стрельбу из воздушки он показал неплохую. А как дело дошло до пистолета - так все и началось. Как Андрей не бился, стажер упрямо укладывал пистолет на бок при стрельбе. Для любого стрелка, а тем более стрелкаинструктора такое гангстарэповое обращение с оружием - прямое оскорбление.

Этото мне понятно - попасть в цель, держа пистолет «плашмя» - практически невозможно. Для негритянских разборок это годится отлично, чтоб показать неустойчивые понты и не положить «бразза» в белый катафалк, но в нашем положении давать оружие такому стрелку - перевод патронов и возможность получить зомби с хорошо знакомым лицом.

Демидов чуть не плачет, но стойко отстаивает свою точку зрения, что это «реально кульно, попацански». Ему в неизвестно какой раз объясняют, что такая хватка не позволяет прицелиться толком, не позволяет корректировать стрельбу, исключает возможность хвата двумя руками, наконец рассеивание пуль при такой дурной стрельбе идет по горизонтали, а не вертикали, но это не действует. Тоже уперся.

Присваиваем ему чин «Негрильная бибияна», причем Андрей еще и подчеркивает, что этот чин означает не то, что Демидов - негр, а то, что он обезьянничает у негров...

Перед тем, как отбиться, звоню родителям. «Вызываемый Вами абонент находится вне зоны действия сети!» - значит, начала разваливаться мобильная связь... Худо.

Звоню братцу. Братец в миноре. Это и понятно. К ним добралось еще три человека - две тетки и мужик с топором. Одна из теток укушена была и потом обернулась. Патронов теперь 18 на все про все. Жратвы с собой новоприбывшие захватить не удосужились.

Сообщаю, что завтра в «послеобеденное время» доберемся до них. Это радует сидельцев - слышно, как братец передает эту новость и радостный шум в ответ. Единственное осложнение - установка места встречи. После короткого совета решаем, что оптимально подходит берег Финского залива - напротив Коттеджа - очень симпатичного здания, где с удовольствием отдыхали в свое время цари, а сейчас в нем музей. Ориентир знаком всем, так что не ошибемся. Попутно в разговор влезает Дмитрий - на случай, если мобилы не будут работать - рекомендует воспользоваться милицейской рацией со второго - милицейского - «Бобика». Мы вроде сможем поймать их сигнал своими приспособами...

Вот. Вроде все дела сделали...

Все. Отбой.

Утро шестого дня Беды

Трезвон колоколов уже не так мешает, вроде бы привыкаю уже. Немудрено - на фронте под канонаду ухитрились спать. Что мешает - так это синебелые сполохи во дворе. Понятно - монетодворские защищают дополнительно окна в нашем автобусе сетками, полосами железа и всяко ино. Поэтому спальня то и дело освещается от взблесков холодного света на потолке.

Спать на полу жестко, зато места много. Уже и привыкли вроде. Утром просыпаться легче - не залежишься...

Утром просыпаться не совсем легче - сначала встают совсем рано Николаич и Вовка и отправляются принимать бронев автобус. Естественно Вовка спросонья на меня наступил, засранец. Почти сразу же вслед за этим является по мою душу Званцев. Приходится вставать, потому как дело важное и отлагательности не подлежит.

Перебираю в голове самые разные варианты событий, но Званцев не торопит, хотя и видно, что ему не терпится. Он, конечно выдержанный человек, но мелкая мимика, неосознанные жесты и перетоптывание на месте, незаметное для него, но характерное - выдает его волнение с головой. Однако терпит и ждет - даже разрешает зубы почистить и морду лица вымыть. Значит, никакого смертоубийства не произошло. Что ж тогда у него случилось - видно же, что немного не в себе, но старается скрыть. Ага, как же - не на того напал, голубчик видывали мы разные варианты человеческого поведения, очень разные.

Выкатываемся на площадь - погодка вызывает ощущение «ну хоть мертвяки сегодня будут тоже примороженные». Глобальное потепление, ага... «Это Питер, детка!»

- Итак, что произошло, товарищ капитан третьего ранга?
- Вы вчера организовали спасение найденной в машине женщины с ребенком.
- Было такое. Но, помоему, все прошло успешно.
- Куда как успешнее... Отогрели на груди, называется.
- Ничего не понимаю!
- Куда уж вам, лекарям. Дамочка была так благодарна спасителям, что, не откладывая дело в долгий ящик, тут же отдалась. Причем всем трем... Или четверем.
- Одновременно или по очереди?
- А какая в этом разница?
- Огромная.
- Я не знаю... А в чем принципиальная разница?
- Как утверждают знатоки порно - одновременно - гораздо сложнее и требует серьезной тренировки. А по очереди - любая сможет...
- Тьфу! Кончайте шутить, мне сейчас не до шуток!
- Да успокойтесь Вы, что такого страшного? Постоянно кто-то с кем-то этим занимается. Дело сугубо житейское.
- Но не с тремя же!
- Разумеется. Не всем так везет.
- Доктор!!!
- Ейбогу, не вижу никакой беды.
- А я вижу. Впервые, неизвестно, кто она такая и что они могли на винт намотать. Вовторых, мой задрал нос и дерзит теперь. А Вы говорите!
- То есть Вы хотите, чтобы я определил - больна она или нет?
- Это в первую очередь. И потом - она их старше и не должна себя так вести.
- Насчет ее болезней... Мне это не просто сделать - обычно это строится на анализах, а в этом плане у нас тут швах. Могу порасспрашивать, конечно, но это никакой гарантии не даст. А уж мораль читать взрослой тетеньке мне совсем не с руки - и парни не дети уже. Тем более, что все вроде по согласию.
- Ленка и мой балбес - точно еще девственники... Были.

- И?

- Да не хочу я чтоб они такую замуж брали! А такое бывает - попробовал впервые, да последний в очереди оказался - потом все зубы скалят, флот же, все все про всех знают.

- Но пока же нас на свадьбу ж не зовут.

- Когда позовут - поздно будет.

- Хорошо, вы хотите, чтоб я с ней поговорил?

- Да.

- Тогда поплыли. Или пошли?

- Пошли. Там еще есть несколько человек, которых неплохо бы посмотреть врачу...

Смотрю на грустное выражение глаз сурового каптри и решаю воздержаться от резвых ребячьих шуточек на тему «а что с ними тоже кто-то переспал?» Мужик действительно волнуется, сына, конечно, любит до безобразия, а я давно замечал, что суровые и крутые мужчины зачастую так ведут себя, показывая свою круть, что внутренне неуверенны в себе. У каждого есть своя ахиллесова пята, вот у Званцева - это любовь к сыну.

У нашего ледового причала стоят два серых катера - те, которые принимали участие в десанте к Адмиралтейству и у которых осадка поменьше. К корме второго привязан небольшой открытый катерок.

Вот на этом катерке мы и уматываем к Дворцовой пристани.

По дороге Званцев сообщает, что у нескольких курсантов - ушибы, вывихи и возможно переломы. На них желательно глянуть тоже.

Что ж не глянуть. Правда в травматологии я не силен, да и опять же рентген бы нужен, но и посмотреть - полезно.

Несмотря на раннее время, публика всюю корячится, растаскивая вручную автомобильную пробку на набережной, чтобы сделать заграждение качественнее. Что удивительно - много штатских. Показываю на них Званцеву.

- Это не преподаватели - просто, когда все это началось - курсанты довольно много людей спасли - втащили их в Адмиралтейство.

- А, через закрытые двери на первом этаже?

- Нет, не дураки же они открывать дверь, когда там уже мертвецов толпа была - старым курсантским способом. Общежитийским.

- Это как? Вербками?

- Откуда в общежитии веревки. Тем более в женском. На пожарных шлангах. Берется из пожарного ящика шланг от брандспойта, на конце завязывается петля. Спускается все это хозяйство вниз, вполне хватает с третьего этажа. Сначала девчонки сообщают, затягивают вверх того, кто помельче и немного весит, ну а дальше все проще. Так и тут.

- Откуда такое знание предмета?

- Старая курсантская технология. Внизуто вахта не пускала.

- То есть «мы тоже не совсем святые»?

- Но ято сначала уточнял, с кем дело иметь буду. А эти балбесы... да и СПИДа раньше не было.

Дальше осматриваю несколько человек. У одного точно перелом правой руки - рука короче другой, здорово отекла и даже на глазок видно, что кисть руки подвывернута неестественно. У троих - банальные, хотя и сильные ушибы. Еще у одного - точно поломаны ребра - дышать ему больно, слышна при дыхании крепитация отломков, такое щелкающее потрескивание, дышит часто и поверхностно. Спал сидя - вставать из положения лежа оказалось очень больно. Видно, что гвозданулся парень сильно - гематома здоровенная, как раз над местом подозрительным на перелом.

Рекомендую обоим с переломами отправить в Кронштадт, а пока - перетягиваю туго грудную клетку нестерильными бинтами. У второго немного подтягиваю повязку, поддерживающую согнутую в локте руку - кто-то наложил, но чуток неверно - рука должна быть согнута в локте под углом в 90 градусов. Теперь таблетки с темпалгином каждому. Все, транспортировку выдержат.

И приходит пора идти беседовать с бойкой спасенной.

Мальчишка чувствует себя отлично - но сейчас еще спит. Мама чувствует себя еще более отлично - но уже бодрствует, вид имеет свежеумытый и веселый. Немножко комично то, что она сидит в накинутах шинели и тех же валенках. Эдакий смазливый курсантик с чертеньями в голубых глазенках. Званцев предусмотрительно не появляется в поле зрения, но я уверен, что он неподалеку. Тут же крутится один из «обогревателей» - тот, которого звали вроде Ленкой. Выгоняю его безапелляционно.

- Итак, Рита, как Вы себя чувствуете?

- Просто великолепно.

- Никаких жалоб?

- Медицинских - никаких. Честно - давно себя так великолепно не чувствовала.

- А немедицинские жалобы?

- Примчался рано утром офицер - он вроде отец одного из курсантов. Смотрел на меня страшными глазами.

- С чего бы это, а?

- А Вы не в курсе?

- Не вполне. Хотя подозреваю, что знаю, о ком речь.

- Ну... Ребята, которые меня согрели... Они немного перевозбудились и мне показалось, что... одним словом я решила их отблагодарить тем, чем могла. Вы меня осуждаете?

- Ну не то, что бы осуждаю...

- Знаете доктор... Когда все это началось... Мы с Митей собрались быстро - я схватила все, что под руку подвернулось - там в машине сумки остались - деньги, украшения мои, Митины игрушки, одежды немного. Еду взяли, какая была. Два пакета сока было и термос взяла с кофе. Хотела бутерброды порезать - но спешили, не стала. Потом в машине пришлось кусать от батона и консервы там и остались - я нож с собой не взяла. Не знаю почему - совсем голова дурная была.

Зачемто взяла с собой фен. Сейчас не могу понять - зачем. Тоже в машине лежит...

Мы поехали... да я даже не пойму, куда я ехала. Лишь бы прочь из города. Куда угодно. Куда глаза глядят. Моя мама живет в Краснодаре, а я рванула зачемто на север. Я не знаю - зачем. Не могу объяснить. Мы испугались.

Когда выбегали из подъезда - к нам пошел Васильев. Хороший дядька, помогал, если что в квартире ломалось. А тут я обомлела, как его увидела. Особенно - глаза. Вы и сами знаете, что тут рассказывать. Он к нам, а мы забежали с другой стороны, я сумки в салон закинула, про багажник даже думать некогда было. И как рванула! Он уже стал в стекло стучаться - а у самого руки объедены и пальцев не хватает. Я как цыган стартовала с визгом - дым от колес пошел, и горелой резиной даже в салоне пахло. Митя икать начал - не остановить. Если сейчас смотреть - я вела машину туда, где было посвободнее. На набережную выскочили - там затор на мосту, свернула вправо - вот и влипла, как муха в липучку. Зажали сразу. Народ дерется, все орут, визжат. Ктото даже стрелял, а нам и двери не открыть - только чутьчуть можно приоткрыть, и в окно не вылезти - машины плотно подперли с боков.

Из соседней машины - черная такая большая - мужик сначала матерился, что я ему дверью в борт колочу, потом он рассвирепел вконец, у него дрались на капоте люди, ему машину стало жалко что ли, или разозлился сильно он, наверное, тоже не в себе был - выбил бутылью пятилитровой с водой ветровое стекло и полез наружу.

И его сразу ножом пырнули. Наверное, в живот - он за живот держался, когда свалился. Он прямо на нашу машину упал. Мы с Митей заткнули уши, накрылись пледом - так страшно было. Я думала, что уже страшнее не будет, плакали мы оба, у Мити истерика началась. А потом уснули - как под наркозом. Раз - и нет ничего. В момент.

Проснулись - уже темнеет. И мужик этот на капоте у нас стоит. И глаза, как у Васильева. А рядом - еще несколько таких же. Я подумала, что надо фары выключить и

мотор. Наверное, правильно. Выключила все. Он сначала стоял, потом сел. А потом лег на капоте и в клубок свернулся. Наверное, грелся - капот теплый был. А мы пошевелившись боялись, сидели тихо, тихо. Спрятались опять под плед, и я Мите тихонько сказки рассказывала, потом поплакали тихонько и не заметили, как уснули.

Проснулись оттого, что замерзли очень. Мужик с капота ушел, и других тоже было не видно. Но темно - не понять что где. Фонари светят, а у нас стекла запотели - не протереть даже толком.

Вылезти из машины - надо стекло разбивать. А куда бежать? Мы же видели, когда ехали, сколько мертвых уже на улицах было. А Митя долго бежать не может, он еще маленький. И я его тащить на руках долго не смогу - он уже большой для этого.

А главное - некуда нам бежать. Включила фары - а все мертвецы тут, рядом. Выключила свет тут же. Потом у нас зуб на зуб уже не попадал - включила печку. Мужик опять пришел на капоте лежать, но нам уже было все равно. Протопила немного. Опять укрылись оба пледом и уснули.

Вылезла изпод пледа, когда проснулась чуть не заорала - мужик лицом в ветровое стекло уперся и на нас смотрит. Мы опять спрятались. Он сначала в стекло руками стучал - я больше всего боялась, что он их в кулаки сожмет или ногой ударит - он здоровый такой был, словно из братков, но он не догадался. Так ладонями и шлепал и все реже и реже. Видимо остывал тоже. Погода тогда была очень холодная.

Мы сидели, сколько сил хватило. А потом рядом крик какойто был - я так думаю, что кроме нас в машинах еще людей было много, только мы одетые были тепло, плед у меня всегда шерстяной в салоне лежал - мы все же не так сильно мерзли, как другие - а ведь многие ехали легко одетыми - не в тулупе же на санях, а в комфорте на машине. Тот мужик, что у нас на капоте сидел - в одном джемпере светлом выскочил... Я думаю, что кто-то не выдержал холода и выскочил из машины. Потом несколько раз такое видели - и почти все там и остались - замерзшие бегать плохо. А мертвецов уже было много. Совсем близко от нас так пожилой мужчина в боковое окошко стал вылезать - и застрял. Ой, как он кричал, как кричал! А они его ели. Потом прекратил кричать - и минут через десять и мертвецы от него отошли. А он стал возиться - но так из окошка и не вылез.

Нам это было хорошо - наш сосед туда тоже отправился и на наше счастье застрял ногой между машин. Не знаю, как это ему повезло, но выдернуть ногу ему ума не хватило, потопырился, потопырился и потом стоял неподвижно, столбиком.

В общем - оставалось помирать. Единственно, что радовало - в Петропавловке часы били и колокола, а когда в 12 часов пушка бахнула - мы страшно обрадовались - значит, люди живые еще есть - раз пушка стреляет. Это нас и поддерживало.

Ночь зубами постучали, спали от холода как пунктиром. К утру не выдержала - опять машину прогрела, стало легче. Этот шлепальщик ладонями уже привычнее стал.

Не так уже боялись. Устали бояться.

А потом он и ушел толстяка есть. И застрял.

Тут нам гораздо легче стало. Впервых: мы до сумок смогли добраться - и я на Митю напаяла все, что у меня было - читала, что главное, чтоб одежда была многослойной - от холода защищает. А себе я, оказывается, набрала летних платьев и футболок. И купальники взяла. Тоже не пойму - зачем.

Вовторых: пить хотелось ужасно - и мы попили. Погрызли, что было из еды. Ну - немного было, да и то все постное и диетическое. Оливки вот съели - у них на крышке петелька такая - открыть легко. Батон был с отрубями. Хлебцы, еще всякое такое же.

Вот я тогда очень пожалела, что у меня в холодильнике сала не было. По такой погоде - первая еда была бы. Хотя она не постная, грех вроде в пост такую есть, а сейчас вроде ж пост.

Но все равно сразу легче стало. Даже от такой еды.

Втретьих - бутылка эта пятилитровая с водой, которой сосед себе на беду стекло выбил - рядом оказалась. И я смогла ее в окошко втянуть, хотя два ногтя сломала, пока ее

вцарапывала. И поставила ее так, чтоб ее обогревало, когда печка включена. Потом пили два дня теплую водичку, вкусно было очень.

А людей в других машинах я видела - но через три дня уже все они были мертвые.

Кто пытался распахать другие машины и вырваться, кто кричал, звал на помощь.

Мне повезло - я заправилась - у меня как раз значок загорелся красненький - и не успела пожечь - начнись все это парой дней раньше - оказалась бы без бензина, а так я все таки печкой салон грела. Ненадолго - но помогало.

В туалет ходить было очень сложно. Но приспособились - сзади, за водительским креслом в пакетик - и в окошко. Запах, конечно, был, но что ж поделать...

И кофе конечно зря... Не стоит его на морозе пить...

А последние сутки дрожали как цуцики, поняли что все - конец. И стало все равно.

И утром вдруг - шум, ракеты, огни!

Мне уже глаза не разлепить - коекак смотрю - матросы бегут. И один на меня посмотрел - глазами в глаза. Не знаю - что его толкнуло? И к нам!

И все, не помню больше ничего совершенно - очнулась - рукиноги в простынях замотаны, лежу в обнимку с парнем голая - и на нем одни трусики. Сверху тяжелое чтото, сзади тоже кто то горячий навалился - спрашиваю:

- Митя, где Митя???

- Все в полном порядке - спит твой Митя - чаю чайник выдул и дрыхнет.

Знаете, так хорошо стало, ну не сказать - как хорошо. Как на свадьбе! Зря смеетесь, мужчины этого не поймут никогда, они на свадьбах кислые сидят, не их это праздник!

А мне тот - который сзади привалился - Да что ты Рита плачешь, все ж хорошо!

А я ему: - Потому и плачу! От радости!

- Черт вас женщин разберет - говорит.

А как ему объяснишь? Я даже не подумала, что и пахнет от меня, наверное, жутко и зубы не чистила несколько дней, и некрасивая, небось помятая вся и... ну что говорить...

Второй раз родились...

Помолчали. Что я ей должен сказать? Пока думаю, она берет инициативу в свои руки.

- Знаете, мужчинам трудно скрыть свое хотение (лукаво улыбается). А у ребят было даже не желание, а уж точно - Хотение. Немалых размеров и весьма твердое. И у меня последние полгода ни одного мужчины не было. Вот положи руку на сердце - если бы Вам спасли жизнь три красивые спортивные девчонки, текущие от желания с Вами поласкаться - Вы бы устояли?

- Боюсь, что не устоял бы...

- А я и вовсе слабая женщина.

- Слабые женщины не выживают в таких условиях.

- Если бы я была одна - тоже бы не выжила. Но я была с Митей. И мне никак нельзя было помереть. Никак нельзя.

- Не боитесь, что могли чего нибудь от курсантеров подцепить? Или зачать от них же?

- Нет, не боюсь. Я уже теперь долго ничего бояться не буду. А мальчики... Вы знаете - я ведь у них первая была. Так что вряд ли, что они больны. Ну а зачать... От таких - почему бы не зачать? (опять лукаво улыбается). Зря поторопилась силикон ставить - наверное, кормить мешать будет.

- Извлечь его не велика проблема. А к курсантерам меня вызывать не будут? У Вас все в порядке?

- Думаю, что в порядке. Я два года как донор. Там серьезно проверяли. И, кроме того, обследовалась... так что тут Вы можете не беспокоиться.

- Ну и славно. Кажется, так должен говорить хрестоматийный добрый доктор в конце нравоучительной беседы?

- В конце беседы я бы хотела сказать Вам большущее спасибо. И за себя и за Митю.

- Пожалуйста.

- И я постараюсь при первой же возможности отблагодарить Вас.

- Как курсантиков?

- Думаю, что иначе (опять улыбается) - ведь у Васто хотения особого не видно. Да и устраивать такие безобразия ежедневно...

Но я надеюсь, что смогу оказаться полезной - в чем другом - не последний же день живем.

- Да уж, давайте постараемся. Митю смотреть не буду - на первый взгляд у него все в порядке. Но если что будет беспокоить - я в Петропавловке.

- Спасибо. Я надеюсь - увидимся!

- Всего хорошего! Конечно, увидимся. Питер и раньше был большой деревней, а уж сейчасто...

Званцев стоит неподалеку. В глазах - вопрос.

- Все в порядке, если она не привирает. Она донор, их действительно проверяют.

- Могла и соврать.

- Могла. А зачем? Чтоб ее потом в мешок, да в воду? Сомневаюсь.

- Если только так.

- Я вас отлично понимаю. Но если Вас интересует мое мнение - то, что произошло - далеко не самое худшее, что может быть. Ситуация и впрямь экзотичная, но ничего ужасного не вижу. Ваши три мушкетера...

- Это вы о ком?

- О приятелях Вашего сына.

- Ненавижу этих книжных героев. И ребята к счастью на этих дурацких мушкетеров не похожи совершенно.

- Ладно, пес с ними, с мушкетерами. Как ваши ребята отнеслись к происшедшему?

- Гордятся. Не знают, как эту проходимку еще ублажить. Все ее шмотки постирали.

- Тогда тем более хорошо, что они относятся к первой группе мужчин. Это радует.

- Что это за классификация?

- Моя собственная. По отношению мужчин к женщинам после полового акта.

- Уточните?

- Пожалуйста! Первая группа мужчин после акта испытывает благодарность к женщине за полученное удовольствие. Вторая испытывает ненависть и презрение к этой шлюхе, которая добровольно дала, потому как общеизвестно, что порядочные женщины испытывают к этому мерзкому занятию отвращение и поймать порядочную женщину можно только усыпив, оглушив, связав ну или с мертвого тела наконец, как говорил один киношный герой. А третья группа ничего не испытывает к женщинам, потому как эта третья группа - гомосеки.

- Разве что по Вашей классификации...

- А что вас так бесит в трех мушкетерах?

- Бэгродство! Уж такие люди чести... Они дворяне, вроде как офицеры привилегированной роты самого короля. Считают себя оскорбленными, если кто чихнул или зевнул в радиусе сто метров от их персон. Дуэли, дуэли... Но при этом делают все, чтоб их патрону наставили рога, да не кто иной, как английский герцог, враг Франции номер один...

И какая у этих ублюдков честь? Да их повесить мало, вместе с их командиром... А люди ими уже считай сто лет восхищаются...

- Надо же... А я както и не задумывался... Действительно.

- И никто не задумывается. Раз в книге пишут - то и герой. Ладно, пошли, Вам еще к выезду готовиться.

Выезд намечается непростой и потому сумку надо собрать с запасом и походом. Самое простое - набрать перевязочных материалов вдвое больше. Так вроде перед боем делали медики в Отечественную. У нас с одной стороны не должно быть перестрелки - не с кем, но запас не трет карман.

Завтракаем на скорую руку и пора на утренний сбор.

Пока идем, Николаич подает идею взять с собой и медсестричку с пистолетом.

Удивляюсь такому предложению, тем более, что семья Овчинникова - четыре человека. Особой битвы не ожидается, если будут еще спасенные - все же не лазарет же. А так получается цельная врачбносестринская бригада.

- Слышали такое выражение «бутылочное горло», Доктор?

- Ну, да. В смысле узкое место - где затор получается?

- Получается так. В медицине ведь такое тоже есть?

- Полно! Вон в НордОсте - все ресурсы столицы были подготовлены. А на важнейшем участке первичной сортировки ни одного медика не оказалось и этим занимались спецназовцы. А у них другая профессия совсем. Ждали взрыва, медиков оттянули на безопасное расстояние. А вместо взрыва - газ. Эвакуация поэтому тоже так же пошла через пень колоду... И вместо того, чтобы разбросать пострадавших по нескольким больницам - всех направили в Градскую. А там тоже петлю подвоза не организовали, не выдвинули к воротам пункт приема пораженных, вот им во двор и набилось в очередь триста «скорых», получился неслыханно длинный и сложный рукав переноса пострадавших, вот больше сотни и потеряли... Так что рассказыватьто можно долго.

- Ну и хорошо.

- Да мнет только легче. Тем более - толковая она, опытная, так что не вижу причины спорить. Если согласится, конечно.

- А что ей еще остается?

Сегодня утреннее собрание начинается повоенному точно: ровно в девять часов две минуты. Чай явно становится традицией - и отлично. Не успеваем хлебнуть по глотку, как воспаряет наш импозантный мэтр и прочувственно - как ведущий церемонию в крематории - говорит о том, что вчера погиб смертью храбрых наш соратник и мы должны почтить его память...

Овчинников, не удержавшись от тонкой усмешки, заявляет, что память мы уже почтили - еще вчера.

За исключением тех, кто не соизволил.

Мэтр возмущенно отвечает, что ему никто не сообщил.

- Разумеется. Отговорки своей лени и невнимательности можно всегда найти. Тем не менее, мы уже почтили память своего товарища, и Вы тут уже опоздали. То, что Вы убываете в Кронштадт, Вы тоже не знаете?

- С какой стати я должен туда отбывать???

- Объединенным командованием Вы назначены переводчиком в команду мортусов.

- Что это все означает???

- Тридцать итальянок - феминисток приступают к работе в качестве вспомогательной похоронной команды. А Вы назначаетесь к ним переводчиком.

- Никогда не поверю, что они вызвались это делать добровольно! Это грубейший произвол! Они иностранные гражданки. И даже если они все свихнулись - я не собираюсь быть у этих могильщиц переводчиком!

- Знаете, Вашего согласия никто и не спрашивает. В соответствии с Законом РФ «Об обороне» в случае чрезвычайной ситуации я, как старший воинский начальник, имею право мобилизовать для выполнения насущных нужд любого. Вот Вы - как раз тот самый любой.

- А если я не подчинюсь???

- Вам разъяснить, что такое «неисполнение приказа в военное время»?

- Никто не объявлял, что у нас сейчас военное положение! И я не военнообязанный!

- У нас сейчас военное положение. Можете ли Вы это опровергнуть?

- Могу!

- Нет, не можете. А я могу отдать приказ выкинуть Вас за ворота. Михайлов, твои люди выполняют этот приказ, или нет?

- Выполнят, причем с удовольствием. Нам тут дармоеды ни к чему - каждый килограмм еды не из воздуха берется.

- Я буду жаловаться!!!!!! Вам это с рук не сойдет!!!!

- Разумеется. Вот сейчас отбывает «Треска» - получите командировочное удостоверение у моего секретаря - и езжайте. Да, кстати - итальянки еще не в курсе, что они добровольно взялись за работу похоронной команды. Вам вменяется в обязанность их убедить проявить, как говорилось ранее, высокую сознательность.

- Это тем более возмутительно!!!!

- С завтрашнего дня вводится карточная система на территории острова Котлин. Так что либо Вы и Ваши феминистки начинаете работать - и получаете рабочую карточку, либо у вас будут карточки иждивенцев... А, я забыл, что Ваши предки во время войны служили в 16 Украинском фронте, защищая Ташкент и наши питерские нюансы Вам незнакомы... Говоря проще - лучше Вам убедить итальянок.

- Я...

- Михайлов, покажи сеньору переводчику дорогу к «Треске»!

Мы, в общем, и раньше знали, что Михайлов может быть грубым, так что дальнейшее не удивило. Собственно все уже описано Гашеком в эпизоде общения сапера Водички и венгра Каконя. Разве что Михайлов еще вернулся взять бумажку командировочного удостоверения...

Особенно веселиться Овчинников не дал - и собрание покатило по рельсам.

У меня информации не густо - сообщаю количество пациентов, отмечаю обострение хронических болезней и прошу тех, кто еще не взял витамины - выполнить это. Под занавес показываю косынку - эта из НАТОвских запасов, черт ее знает, как к нам попала - треугольный кусок особо прочной чисто синтетической ткани, знакомый многим нашим людям - тем, кто постарше - как женский платок, кто помладше - как бандана. Только поболее эта штука, чем бандана.

Михайлов тут же встречается с требованием провести занятия с личным составом по применению этой косынки. Овчинников выносит вердикт - и я себя поздравляю с тем, что любой забывший армейское правило номер раз - «инициатива наказуема!» получает головную боль. Теперь надо будет и занятия проводить. Правда я могу схитрить, выполнив армейское правило номер два - «ничего не делай сам, если есть толковый зам».

Обучу медсестер - а они пускай передадут далее.

Николаич сообщает о том, что есть подозрения - возможно, зомби начали маскироваться и прятаться. Это еще не вполне достоверно, но иметь в виду стоит всем.

Хранитель выглядит измотанным, но рапортует достаточно бодро: было 2870, пришло и доставлено иными путями - 211, эвакуировано 844 - таким образом на довольствии - 2237 человек. Продовольствием обеспечены в нормальных объемах, угрозы голода пока нет, но питание все консервированное - из флотских запасов, поэтому любое поступление более свежих продуктов, особенно овощей, фруктов и так далее - приветствуется. Также ведутся работы по благоустройству территории - в неподготовленных к проживанию помещениях уже никто не размещается, но, разумеется, и комфорта особенного нет. Из Кронштадта доставили ДДП - мобильную душевую установку на автомобильном прицепе, если все будет в порядке - то с завтрашнего дня будет работать баня. Это встречается радостным гулом. Раздаются вопросы - где будет баня? Отвечает - в районе Государева бастиона. Ваннакухня уже не так потребна, как в первые дни, когда у нас надо было кормить четыре тысячи человек, поэтому она перейдет на обогрев воды - ДДП маломощна и одна не управится. Возникает проблема с дровами - есть мысль добыть дрова в Зоосаде - там спилили много деревьев, так что этим можно воспользоваться. Но упирается в недостаток грузового транспорта. Нужны грузовики.

Начвор краток и лапидарен как древний спартанец. Сообщает, что теперь на вооружении в Крепости есть 6 бесшумных АК с боезапасом (ага, вычтя наши три ПБСа получаем еще три добытых в недрах Артмузея. И АК откуда-то взялись...), а также о том, что пока работа по приведению в боеготовность ДП приостановлена из-за переключения на производство защитных костюмов.

Выступление Михайлова пестрит паузами. Надо полагать, это результат включения

внутреннего цензора. Ну не звуки же «Пи» ему издавать, а ругаться видимо охота. Речь идет о том самом вчерашнем выступлении недовольных. Выглядит забавно:

- Работать... не хотят... видите ли..., а претензий..... вагон с маленькой тележкой!...

- Но может там есть профессионалы, которых мы не можем здесь обеспечить работой? Программисты, атомщики?

- Ага!... Программисты!... Языком они работники!... Руками ничего не умеют. Принципиально.

- Но ты ж им давал сроку сутки - определиться.

- Давал. Жду, как они..... придут. Беда в том... Что те, кто бузил и подбивал... не придут. Они за спинками привыкли... сидеть. А придут дурни... мать которых... не научила в детстве думать...!

- На здоровье. Глядишь, кто другой умнее станет.

- Возражаю! Эти кретины там так нагадят, что потом не расхлебать будет. (Николаич голос подал).

- Да много ли беды от десятка идиотов?

- И от одного беды может быть столько, что потом ротой не расхлебать.

- Мы за ними присмотрим. Пока будем дрова собирать - охрана и приглядит.

- Ага. Они частью сдохнут, частью сбегут. Попутно устроят гажу мазелиновую, походя...

- Так что нам заградотряды выставять?

- А неплохо было б. Потому как в обязанности заградотрядов было и не допускать малолетних романтиков на фронт.

- А что прикажете - работать они не хотят и не умеют. В гарнизон идти или еще каклибо служить - свободолюбивы слишком. А кушать хочется вкусно и обильно. И?

- Что - и? Но посылать их в дело... Это ж не компьютерные стрелялки играть.

- Раз у тебя нет ничего внятного - то поступаем, как запланировано.

- Ну, хотя бы баб детородного возраста не пущать и парней лет до 25.

- Вотвот доктор - это и есть фОшизм - ограничение свободы воли, действий и упор на чисто биологические элементы в противовес духовному.

- И расписки возьмите, хотя бы. Типо: в случае моих неудачных действий, поставивших под угрозу чужие жизни - отвечаю жопой.

- Это как так?

- А пятьдесят палок по тупой сраке, чтоб голова лучше думала.

- Да ты Михайлов еще хуже сатрап... Нет уж - предупредим, расписки пожалуй пусть пишут - но без палок и ограничений. Насрут разок себе в штаны - потише себя станут вести. А то доиграемся до эсэров и анархистов... Хотят свободы - пусть получают.

На этом дискуссия сворачивается.

Начарт сухо сообщает, что у него без изменений. Отремонтировали станки у старинных орудий. Людей для выезда выделил. Все в штатном режиме.

Званцев тоже краток - доставлен груз из бракованных сигнальных патронов - вышел срок годности и видимо хранились не лучшим образом - картонные гильзы раздуло как раз там, где размещается таблетка. По его мнению можно эти боеприпасы утилизировать - таблетки ракет использовать при зачистке в подъездах, а порох дымный - отдать начарту.

Сапер торопится и потому очень кратко тоже информирует - сегодня при поддержке гарнизона и патрулей комендантской службы взялись за раскулачивание стройки напротив «Летучего Голландца». Нашли четырех живых строителей и живого сторожа запершихся в балке и теперь активно вывозят оттуда с территории стройматериалы - много железных конструкций, бетонных блоков, а главное - есть строительная техника на ходу, что особенно ценно. Просит извинить - надо идти - свой глаз - алмаз.

Последней говорит дама из Монетного Двора - из колец и перстней сделали четыре перчатки на левую руку - и показывает одну из них. Очень чтото знакомое - точно, была такая мода у богемы - на каждую фалангу пальца по перстню, перстни сочленены друг с

другом и получается такой заливчатый напалечник из ажурного металла. А монетодворские еще и со вкусом это все сделали - плюс добавили наладонники, не позволяющие укусить ребро и тыл ладони. Красиво сделано. Ну точно - узнаваемо. А укус такая боевая рукавичка выдержит. Опять же и краги укреплены металлом. Блестит со страшной силой - но явно не серебро. Перчатки передает Овчинникову. Но вид при этом такой - словно герцогиня снизошла к дежурному, нет не лакею, но и не герцогу.

Овчинников подводит итог:

- Бронегруппа из двух БРДМ с автобусом выдвигается по маршруту - Сытный рынок, Финляндский вокзал, Калининская площадь, проспект Металлистов. По возможности - держаться у Невы - тогда возможна поддержка с воды - катер со стрелками будет сопровождать. «Хивусы» подойдут через два часа - в случае нештатной ситуации помогут организовать эвакуацию.

Задачи - разведка обстановки. Уточнение возможности получения матсредств и продуктов. Нахождение подходящей техники - в первую очередь грузовой. Вывоз обнаруженных спасенных. В составе группы будут дополнительно включены автоматчики из гарнизона и три свободных водителя. В случае обнаружения подходящей техники таковая будет присоединена к колонне.

Вопросы?

- У меня на периметр и людей считай не останется - одна группа на стройке, другая в Зоосаде, третья с разведкой. - отмечает Охрименко.

- Комендантские помогут.

- Так и их не полк... А мои еще и баню оборудуют - саперыто все на стройку считай побиглы.

Мне кажется, что Охрименко нудит по старой армейской привычке - если уж припахали, так хоть выцыганить что полезное взамен, пока начальство в тебе нуждается. Но Овчинников сам не лыком шит. Та же старая школа, так что отвечает начарту хитрым взглядом и заканчивает собрание.

По дороге встречаюсь с медсестрой Надеждой. Собственно говоря, она уже идет с сумкой к автобусу, так что приглашение сугубо формальное. Признается, что устала сидеть взаперти - проехаться посмотреть, что в городе творится, очень охота.

У автобуса крутится несколько человек, включая Вовку. Проверяют технику перед выездом. Спрашиваю Надежду - завтракала ли? Отвечает, что да, все нормально.

Бегу завтракать сам. Пока перекусываем какимито паштетами в мягких баночках из толстой фольги с теми же хлебцами, Дарья говорит, что кончилась картошка и лук. Раз мы едем на рынок, то может, спроворим для себя самих?

- А жизньто налаживается - хмыкает Ильяс. - Мужички на рынок собрались, заодно картошки прикупить. Впору список написать, как моя мне всегда пишет - не помню больше двух покупок...

- Налаживается, налаживается. Михайлов жалился, что в каждом закутке любовь крутят. Нашу кассиршу подловили вчера с патрульным.

- Какую кассиршу? - подпрыгивает вологодский Серега.

- А, заволновался - ухмыляется Николаич - нашу, я ж сказал, а не твою. Милку поймали. Ведь вроде весна, март. Положено любовь крутить.

- Милку? Так она как кошка - только март у нее круглогодичный.

- Кстати, а куда кошка Мурка делась? Я ее давно не видел.

- Да никуда не делась, только теперь она все время у рыболовов трется - оказывается, она рыбу свежую любит. А может фенолы с бензолами в свежей рыбе. Но теперь она все время там с этими рыбаками.

- Как же она босыми лапками на льду?

- Ага, щцазз - будет она на льду сидеть - ее рыбаки на коленки пускают. Так вместе на поплавок и смотрят.

- Ладно, спасибо хозяйка - гоп - гоп - пора ребята.

Обвешанные оружием мужики спускаются во двор. Николаича что-то беспокоит и потому каждый тащит по три ствола с боеприпасами - пистолет, дробовик и ППС - кроме как у снайпера Ильеса СВТ. Андрей остается в расположении - я уже убедился, что ему нож острый подниматься по лестницам, к тому же он пообещал Демидова довести до качественной стрельбы и даже поспорил с Вовкой на шоколадку.

Демидов, «негрильный бибизян» встречает нас у машины. Он довольно громко и почему-то страшно гнусаво распевает какую-то очередную шнягу из шансона. Прислушиваюсь поневоле.

- Я себоддя дачебал с дебушкой дубибаю...
- У тебя что, насморк?
- Ты чо! Это такая пацанская песня.
- А! Ядо дубал, чдо у дебя дасборг - от либодада.
- Какого еще лимонада?
- Из чибодада. Дашел чибодад с дибодадом - и дасборг!
- Прикальываешься?
- Еще чего. Прикол - это злая шуточка над ээкомновичком в камере. А я просто шучу.
- Эта, а зачем шутят над новичком?
- А посмотреть - как он ориентируется в ситуации. Пролопушит - будет ему худо.
- Вон как... тебе магазины набить надо?
- Не, спасибо. У тебя сегодня и так работы куча будет.
- Это какой? Ракеты потрошить?
- Ага.
- А мы уже - Николаич сказанул - мы полста зачинок и надыбали.
- Каких зачинок?
- А во! - Демидов вытягивает из кармана куртки грубо отрезанную верхнюю половину патрона от сигналки с примотанными скотчем к донцу ракеты спичками.
- И работает?
- А то! Кинуть?
- Тут же кругом люди и машины, подпалишь кого!
- Да лана, я ж не тупарь, усекаю.
- Ну ладно, уже зовут, счастливо оставаться!
- Зря меня не взяли!
- Еще наездишься!

В автобусе неожиданно много народу, снаружи и не разглядел. Окна никто не мыл, видно сочли, что такое тонирование рубероидом меньше привлекает внимание, поверх наварили сеток и полос. Тут эстетики никакой - сделано грубовато, но с виду надежно.

Вид у обычного китайского автобуса стал каким-то постапокалипсичным, голливудским, в решетках и грубых подпалинах от сварки... Здравуюсь с мужиками - если нам повезет, то они вернутся на грузовиках. За руль устраивается Вовка. БРДМы сегодня ведут в дело мужики из Артмузея, которые их чинили. На головном бронике покатит Николаич и Сергей - за пулеметом, второй примет в себя Ильеса с винтовкой в жестком крепеже башенки и Сашу. Проверка работы раций. Работают. Даже у меня, хотя я с этой бесовской техникой не очень-то дружу.

А вот Димаопер устраивается на переднем сидении рядом с Вовкой. Мужичок, которого он согнал, бухтит, но затыкается, когда ему в понятной и доходчивой форме объясняют, что стрелок спереди полезнее второго водятла. К тому же Дима знает этот район - и тир тоже сугубо его наводка.

Автобус выкатывается из ворот, забирается на горбатый Кронверкский мост - и останавливается перед развороченным муравейником. Саперы развернулись во всю мощь, мало того, сейчас в их играшках участвует здоровенный гусеничный кран. Видимо решили узел обороны моста сделать циклопичным. Подозреваю, что как только вычерпают запасы бензоколонки - так и отодвинут там оборону, да и Иоанновский мост скорее всего разберут -

пока холодно еще - зомби не прут к реке, а потеплеет - не удержим.

Вовка бубнит в свою «рацею». Стоим, ждем. Пока стоим - звоню братцу. Отзывается сразу - говорит, что чем дальше, тем хуже. Зомби стало больше, мало того, идет вспышками какая-то пальба, причем Миха и его отец както очень насторожились от этого, объяснить не могут почему, но сильно встревожились. Характер стрельбы истерический, по их мнению, и очень похож на перестрелку. Не было печали! Договариваемся ориентировочно на два часа - к тому времени мы должны уже быть напротив Коттеджа. Дима обещал наладить связь. Но тут проблема - водител машины сам в рациях ни бумбум. Передаю оперу трубку, и они там бурно о чемто переговариваются. Причем я с трудом понимаю едва ли не каждое третье в лучшем случае слово.

Трогаемся - оказывается, за разговором не заметил подхода «колонны бронетехники». Маленькая такая колонна. Первая машина выглядит боевито, а вот вторая непривычна глазу - из башенки торчит СВТ, что както странно.

Пробравшись через саперное буйство, наша техника вместо того, чтоб идти по асфальту Кронверкского проспекта, сворачивает на аллеи Александровского сада. Дима, повернувшись, объясняет - надо проверить проходимость, глянуть, много ли зомби у ограды Зоосада и в парке - и чем черт не шутит - возникла идея нарастить в будущем ограду парка и оттяпать себе еще кусок территории. Под огороды, например. Сейчас, разумеется, это не получится, а вот зимой глядишь и выйдет. Ну да, картошкато с луком у нас уже кончилась...

В грязные стекла чертте что успеешь разглядеть. Но что радует - мало тут зомби. Не такая толпень, как на Невском. Вываливаемся из входа в парк на Сытнинскую площадь.

Теперь смотреть в оба глаза. До этого, на инструктаже растолковали, что Лобразное здание ИТМО с красивой башенкой огораживает площадь с двух сторон. Охватывает и территорию рынка. Сам рынок - здоровенный центральный корпус с различной жратвой - в одном конце овощитвороги - а в другом - рыба и, к сожалению - мясо. Значит там живчики как минимум. Еще есть павильоны со шмотками и всякой всячиной - а с противоположных ИТМО сторон тоже буквой Г - киоски в ряд - с продуктами. Еще просили присмотреться к магазину парфюмерии и иметь в виду колледж - может там кто живой. Проезжаем мимо закрытых ворот на рынок. Следующие открыты настежь. На углу автобус останавливается, а броники проезжают дальше. А неплохо так проезжают - дымина из выхлопных от них не валит. Значит, еще поездят.

Вовка поворачивается и говорит:

- Вполне возможно зачистить. Нашли «Газель» и «Бычок», вполне подходящие. Николаич говорит - один фургон с приманкой - и вполне за несколько часов можно разобраться.

- Беда только, что у нас нет тут фургоналовушки. Его еще сделать надо.

- Это да...

- Мда, картошкой мы тут не разживемся.

- Точно не сможем...

И к своему глубокому сожалению никаких признаков наличия живых никто из нас не находит, как ни внимательно мы смотрим.

Сзади появляются БРДМ, объехавшие квартал. Пристраиваемся им в хвост. На квадратной Австрийской площади головной броник сворачивает вправо, и по сравнительно пустому Каменноостровскому проспекту катим к Неве, заодно отмечая большое количество мертвяков без обуви - ну да, тут же центральная Мечеть...

Ближе к Неве и зомби практически нет. Единицы в поле... Сооруженный стараниями саперов забор у бензоколонки со стороны выглядит жидковато...

Набережная. Справа сидит невозмутимая ШиТза. Тут машин не то, чтоб много, но както кучками. В одной такой кучке увяз вполне приличный с виду мебельный фургончик - «зилок». Рядом с ним встает вторая БРДМ, первая отходит ближе к парапету набережной. Ворочают башенками. Но ни со стороны «Дворянского гнезда», ни со стороны Домика Петра Первого, ни даже от резиденции Представителя Президента к нам не идут зомби и не бегут

живые. Тишь и гладь.

- Первая группа - на выход - говорит Вовка, отняв от уха рацию. - Там водитель в кабине, ключи стал быть на месте.

Осторожно и аккуратно из автобуса вылезает четыре человека. Вовка, опустив стекло в своей дверце, пристраивает ППС. Упускаю момент, когда в БРДМках открываются лючки и оттуда высовываются наши люди. Буднично хлопает несколько выстрелов. Те зомби, что были рядом - грязные, медленные и какие-то несчастные с виду покорно ложатся. Остается только водитель фургончика - видно как он ерзает в кабине.

С ним справляются и без нашей помощи - один из четверки открывает дверь кабины и вылезшего оттуда водителя в три пистолета кладут на месте. Ключи и впрямь оказываются в замке, только вот бензина в машине нет и похоже аккумулятор сник.

Но оказывается, что аккумулятор в запасе есть, его тут же ставят, в бак заливают канистру из трех висевших на БРДМ, и двое из четверых садятся в кабину фургона, а двое возвращаются к нам.

Трогаемся дальше, только вид спереди закрывает теперь фургон... Смотрю на Неву - там и впрямь то отставая, то выдвигаясь вперед болтается уже знакомый катер. Приятно, что уж...

- А что это за китайские собаки там стояли? - спрашивает вслух один из вылезавших.

- Это не собаки, это ШиЦза. ШиЦза не собаки, а полульвыполулягушки. У правого - он самец - под лапой жемчужина, у левой - самки - детеныш. Сто лет уже тут стоят. - замечает Дмитрий. - Их ставили в древнем Китае у храмов и кладбищ, чтобы охраняли вечный покой усопших владык.

- Ага, как и Сфинксы у Академии... Тоже покой фараонов должны были охранять.

- Да уж, тут теперь им самое место, кладбище с гуями охранять...

- Чегочего?

- Гуй - это у китайцев демонооборотень, дух умершего грешника.

- Гламурненько!

- И к месту. А как звучит! Вот вам гуй! Ни гуя нет! Гuevo! Негuevo!

- Огуели! Гуями обложили!

- С гуя рухнул!

- Ни гуя, ни гуя, а потом - гуяк - и гуюшки, гуюшки...

- На гуя до гуя нагуярили - выгуяривайте к гуям! На гуя выгуяривать? Загуяривайте на гуй!

- Все! Принято на вооружение!

Пока трепались - проскочили мимо Нахимовского училища, где стоял в затишке пяток пацанов в форменках, мимо «Авроры». Ползем медленно, передняя БРДМ расчищает старательно дорогу, распахивая в стороны стоящие как попало автомобили.

- В Нахимовском тож никого живых не видно.

- Их тут с первого дня уже нету.

- Как так?

- А клешники тогда еще тут десант выкинули и всех пацанов, кто еще был жив - тут же под прикрытием десанта и вывезли. МЧС тогда им помогали на своих галошах - как раз и заметили, что в Крепости люди. Мимо шли - попали под полуденный выстрел.

- Небось, сразу догадались!

- Догадаешься тут...

Проходим по Сампсоньевскому мосту - и мертвецов становится заметно - и сильно заметно - больше. Не мудрено - шесть больниц, куча школ - а у нас с тридцатых годов всегда рядом с больницами размещали школы и гостиницы, вокзал с его бомжами... Не толпа на Невском, но густо. Очень густо. И грустно - много мелькает грязных и окровавленных белых халатов, зеленых шапочек и медицинских костюмчиков веселых расцветок... Коллеги...

Первые признаки живых - шторы. Свисающие из окон верхнего этажа Артиллерийской Академии. Останавливаемся. Ктото спереди пускает ракету, потом еще одну. Но никто не

отзывается. Едем дальше.

Опер сидит как на иголках. Теперь вроде как он играет роль Сусанина - где-то рядом его пресловутая не то оружейная комната, не то тир. В карты не смотрит, видимо ориентируется и так отлично. Колонна отходит от набережной и мы преся в какие-то глубины не то промзоны, не то зоны железной дороги. Впереди слышна короткая пальба, проезжаем в распахнутые ворота.

Мертвяков внутри вроде нет. Выкатываемся шустро из автобуса, кто-то в темпе захлопывает ворота, закрываются они правда с трудом - очень вероятно, что передняя БРДМ боднула их рылом и слегка погнула. Вяжут створки ворот куском веревки.

Дмитрий возбужден, аж скулы побелели - видимо не зря он у ворот Крепости кого-то ждал - и так и не дождался. Как бы не оказалось, что тут придется встретиться с тем, кого ждал...

Вокруг низкие грубо сляпанные не то пакгаузы, не то мастерские. Те, кто ехал с нами в автобусе, рассыпаются по двору. Кроме «Тоеты» на спущенных шинах ничего интересного во дворе нет. Тем не менее мужики уже довольно сноровисто берут территорию - и окна и крыши - под контроль. Ильяс остался в БРДМ, Саша тоже, а вот Николаич присоединяется к нам. Дверь довольно новая, железная, но монетодворский «консервный нож» распахивает ее шутя.

Включаем фонари, но свет внутри и так есть. Пахнет, очень знакомо пахнет. К запаху, характерному для посещаемых военными мужиками нежилых мест (оружейная смазка, гуталин, затхлость, туалет и немножко ногами для букета) - еще и мертвечинкой с ацетоном припахивает.

Замечаю на Николаиче ту самую готичненькую перчатку на левой руке. Держит ею помповуху.

Ну да мое место как всегда - в тылу.

Но никого нет. Вообще.

Пока не заходим в импровизированный тир. Явно пистолетный - тут в длину зала метров двадцать - двадцать пять. В самом конце зала - перевернутый стол. Изза стола поднимается человек. Милиционер. Был милиционером. Сержантом.

Дмитрий выдыхает. Явно это не тот (или та) кого он боялся увидеть.

Милиционер так хорошо забаррикадировался, что сейчас не может вылезти.

- Доктор, упокой его из малопульки. Не нужно ему голову разносить - просит меня опер Дима.

Ну, отчего не уважить просьбу.

Подходим ближе.

Мертвяк поворачивается к нам и тупо пытается идти, да стол не дает.

Выстрел простой, дистанция детская.

Мертвец заваливается обратно, туда, где сидел в обороне.

Сержант успел собрать баррикаду из стола и нескольких ящиков. Тут же пустая бутылка от «Фанты», заплесневелые пирожки в полиэтилене. Никаких записок нет. И на теле - никаких ран, мундир чистый. Только присмотревшись, замечаю забинтованный аккуратно указательный палец на левой руке. Не повезло парню...

А еще сержант собрал арсенал. Три «Марголина» и револьвер с необычной деревянной эргономической рукояткой. Несколько пачек патронов. Голубые с мелкашками и белочерные - с револьверными.

Дмитрий берет револьвер.

- Это что за вещь? - спрашиваю его.

- Хайдуров. Бурятский «Кольт». Шутка. На самом деле спортивный целевой револьвер ТОЗ49. В свое время намолотил кучу золотых медалей. Если никто не против - я его себе возьму.

- Бери. И кобуру на бедро, чтоб как шериф - это Николаич ехидничает.

- Спасибо.

- Получается так, что пока четыре короткоствола. А где пистолетыпулеметы?

- А это - вон та дверца. Только - не обольщайтесь особо.

Комнатушка - обычный чуланчик. Тут она была за оружейку, отсюда покойный сержант и притащил патроны и оружие. Дима выволакивает оттуда ящик, покрытый буквально слоем пыли. Открывает.

Ничего не понимаю - внутри лежит десяток металлических прямоугольных коробочек. Сантиметров этак 30 в длину, 10 в ширину и толщиной сантиметра три. С торца вороненой коробочки торчит массивный крючок. В целом - какойто дверной замокпереросток.

- Что это, Бэрримор???

- ПП90 в сложенном состоянии. Сейчас я его... вот сука, ну давай!

И в руках у опера коробочка за несколько секунд возни с ней, разворачивается в угловатый пистолетпулемет с плечевым упором. Прицельные приспособы поднимаются тоже вручную.

- Ух ты, ЦРУшный девайс - говорю.

- На самом деле - гамно. И американский - гамно получился, и наш ответ - туда же. Но все ж пистолетпулемет и сделан не в пример «Аграну».

Проверочная стрельба показывает полную правоту Дмитрия. Агрегат садит пули с таким разбросом, что диву даваться. ПМ куда как лучше...

Но, тем не менее - это оружие. Метров с пяти из него и попасть можно. Опять же пендрючистое. Для тех, кто не в теме - очень можно пыль в глаза пустить.

Забираем его, а потом грузим те самые 30000 мелкашек в голубых картонных пачках - из соседнего пакгауза. Вроде, по словам Димы - конфискат.

Пока мы болтались в тире, мужики во дворе посмотрели, что в фургоне.

Оказалось - ничего. Одна запаска.

У них тут же начинают чесаться руки, набить фургон чемто полезным.

Николаич с трудом остужает их позывы.

Обнаруживаем во дворе отсутствие одной из БРДМ - оказывается, тут неподалеку есть фирма, торговавшая бронированными автомобилями. Неугомонный старичина из Артмузея дернул туда с Ильясом. Николаич ругается на такую самостоятельность, но мы не успеваем толком соскучиться, как БРДМ оказывается у ворот.

- И как, разжились еще броневичком? - осведомляется Николаич.

- Только нас там и ждали. Как под метлу почищено - отвечает рация голосом Ильяса.

- Получается так, что вы дурака сваяли.

- Зато посмотрели. Мало ли - броневичок в хозяйстве лишним бы не был.

Рассаживаемся, трогаем дальше.

- А ведь наверное тут в этих промзонах черта косматого найти можно - тут же хрен что может храниться!

- Кто б спорил. Только вот прочесывать заманаешься. А знающих людей чтото не попадалось.

- Так ведь и зомби практически нету.

- Это и плохо.

- С чего бы плохото?

- Доклад докторши помнишь?

- Помню. И что с того?

- А то, там где толпа - морфа не может быть - там все по маленькому кусочку слопают, потому как больше не достанется - и разве что шустрее станут. Потому, где толпа зомбов - нам там легче будет. Без неожиданностей. Вот в таких безлюдных местах морф отожраться может - мама не горюй!

- Да лана тебе волну гнать! Может этих морфов и не будет вовсе.

- У тебя хомяки в доме жили?

- Ага, дочка выклянчила.

- Твой хомяк мог клетку сломать?

- А он в аквариуме жил. Ну, без воды конечно, сухой.

- А, чего тебе втолковывать...

Беседа двух моих спутников интересна. Морфов мы пока ни одного не видали. Кроме Валентины - да и она видела только крысоморфа и хомякоморфа. Понятно, люди не очень то и верят. Думают, вероятно, дурабаба нафантазировала с испугу. Но ято Валентину знаю - вот чего у нее нет, так это склонности фантазировать. Не удивлюсь, если своему ребенку она на ночь будет читать Большую Медицинскую Энциклопедию вместо сказок. Потому боюсь представить, что может человекморф. Он может неплохо бегать, прыгать, лазать по вертикали, устраивать засады и самое плохое - грамотно охотиться... И такто человек - самая хищная обезьяна в мире, а если еще и мутировать будет... Рассказ братца после вскрытия прозектора, тоже оптимизма не добавляет. Даже если у покойного прозектора и до смерти была толстенная лобная кость (а в медицине описаны случаи, когда лобную кость пуля не прошибала) - все равно - два сантиметра - это перебор. Значит нарастил. За пару суток.

И зубы. Откуда взялись сверхкомплектные? Зуб сам по себе - сложный орган, развиваться может только из зачатков. Непонятно, в общем...

О, знакомая площадь! Калининская что ли? Казино «Конти». А еще тут после блокады немцев вешали - карателей из авиаполевой дивизии и коменданта Пскова тоже. Недавно по телевизору документальный фильм видел. После этого еще наши либералыгуманисты еще громче развопились насчет жутей сталинизмы... И что особенно поразило - я тогда сдуру в свой ЖЖ об этой казни отписал, с полным одобрением этого повешения - так ругались в мой адрес две категории мудаков - либералы и русские нацисты. То, что на совести каждого из повешенных (кроме генерала - коменданта, ясен пень, он токо приказы отдавал о ликвидациих) было минимум по две сотни собственноручно убитых РУССКИХ гражданских - а это в военное время в основном бабы и дети - совершенно не парило ни либералов (ну этито понятно - мало ли что маньяк убил садистски полтора десятка несовершеннолетних детей - это херня, а вот то, что нарушаются права маньяка и ему не дают в тюрьме смотреть 40 программ по телевизору, а всего 39 - это страшное преступление режима и жуткая несвобода), ни, что характерно - русских наци. С какого бодуна русские наци так жалели не своих соплеменников, а немцев - понять умом не могу. Особенно в связи с тем, что с точки зрения немецких наци - русские наци как были унтерменшами, так ими и оставались... То есть немецкие наци мне понятны. А русские - ну никак...

Дискуссии не получилось, потер я к чертям всю их матерщину. А теперь и ЖЖ наверное нету и в помине. Надо будет выбрать минутку - зайти к долговязому соседу, узнать, что там в инете. Какникак сосед ведь тоже в разведке - токо высокотехнологической, электронной - и действительно они сутками работают, качают, что могут.

- Гляди, мужики, голые! Точно голые!

- Точно! Откуда они тут?

- Ну, чего подскочили - баня тут рядом, оттуда и чесанули...

Действительно, в редковатой, но толпе зомби отчетливо видно несколько совершенно голых мужиков и баба. Видок у них мерзопакостный - возможно еще и потому, что нынче в баню молодые не ходят, а голые пенсионеры - то еще зрелище, не «Плейбой». А эти грязные, изрядно погрызенные горемыки еще и мерзнут куда сильнее других зомби, потому вообще не двигаются. Надо же - и в зомбомире социальное расслоение - у голого и тут нежизнь тяжелее, чем у обутогоодетого...

Тьфу. Развел хвилософию. Зато когда солнышко пригреет - голяки согреются быстро и всех одетых обставят. А вот что действительно интересно - зомби из старика по силе и скорости - хуже, чем зомби из молодых? Физическая форма у них влияет на их нежизнь? А интеллектуальный уровень? Зомбопрофессор умнее зомбобомжа? Зомбосадист свирепее зомбогуманиста?

- Странно, чего влево свернули? Нам же вправо по Металлистам надо?

- Вовчик, спроси чифа - куда это мы?

- Тут региональное управление МЧС - видно туда.

- И?

- Вообще то нам бы пригодился склад Росрезерва. А МЧСники об этом должны бы знать.

- Не знают они ни хрена. Их потому Змиев в черном теле и держит, что думает - они в несознанке, а они и впрямь не знают. Это ж гостайна...

- Ну, так наши МЧС - они ж низовые, пяхота. А тут - генералы. Может если и живы - так в курсе... Или там по сейфам покопаться...

- Ага. Прямо в холле стоит сейф, а на нем крупно - «Тута все Гостайны». И открывается этот сейф ногтем... Или пинком...

- Ну, не так конечно... Но все равно о складах должны в МЧС знать. И в ФСБ.

- Ага. Да в ФСБ тебе который час - и то не скажут, потому как вообще все секретят... И что тут из складов с харчами такую тайну делать? Вот грянуло - и сидим на жопе ровно, свистим в две дырки.

- Ну, знаешь - вон про Бадаевские склады и про склады на Американских горках в Ленинграде все знали. И немцы знали. И спалили эти склады моментально... чуть не в первую бомбежку...

- Это да...

Действительно, доезжаем до Управления МЧС. Здание настолько явно покинуто, что и говорить не о чем. Правда, машин на стоянке мало. Видимо кто-то успел и уехать.

А вот зомби - много. Немудрено - сюда раненые и укушенные ломанулись ровно точно так же, как в больницы, поликлиники, военные училища и вообще - во все заведения, где есть медпункты и где могут оказать медпомощь...

Всетаки стоим несколько минут. На пущенные ракеты старательно таращатся мертвяки - их действительно даже жидковатый свет сигналок словно завораживает.

Разворачиваемся, катим обратно.

- Я вот чего не могу понять - сколько промзона проехали - а там ни работников, ни зомби. А у нас в Петропавловку сбежалась куча народу. Ну, артмузейские - понятно - старые боевые кони, у них рефлекс по тревоге в часть бежать. А монетодворские с чего семьями прибежали - вот проезжали «Игристые вина» - так там и ворота настежь, значит, если кто и был - так разбежались...

- Так Доктор, Монетный Двор - это вещь в себе! Это не просто завод какойнибудь.

У нас же династии рабочие - и поощрялось это с давних времен. И жили все рядом - вот с какой радости, например, называются Большая Монетная и Малая Монетная улицы? Вот потому и названы, что там наши люди жили. Реформаторы, надо отдать им должное, почти совсем было всех разогнали и все угробили, но както Монетный Двор устоял. Так что тут ничего мудреного нет - и коллектив устоялся и охрана вооруженная и крепость в крепости - куда ж еще бежать? На дачу? А там что делать? Без оружия? Без поддержки? Тут со своими спокойнее, хотя... Это сейчас мастером по металлу считается быть стыдно - все больше супервайзоры с мерчандайзерами нужны, а не слесари - инструментальщики.

- Э, тут ошибаетесь - нам мерчандайзеры очень нужны!

- Это зачем?

- Так мерчандайзер - это вообще то грузчик. А супервайзор над мерчандайзером - это бригадир грузчиков.

- Иопта! А зачем так мудрено?

- Ну, как же! Грузчик - это стыдно. А мерчандайзер - престижно.

- Тьфу, стыдоба...

- Прибыли! - сообщает Вовка.

Наши машины стоят в какомто совершенно обычном дворе. В пределах видимости - не больше десятка мертвяков. У дверей показывается Николаич. Рискованно, правда холодрыга стоит такая, что зомби тоже не показывают чудеса шустрости. Даже через грязное стекло видать хлопья снега... Март, бнах, весна...

- Получается так, что сейчас зачищаем двор - из малопулек. Подъезд - третий, как раз

перед вами. Потом командой из четырех человек поднимаемся на последний этаж - и выводим всех, кто там есть. В команду идем - я, мастерсоздатель брони, опер и доктор - замыкающим. Вопросы?

- Сколько там живых?

- 16 человек.

- Откуда столько, Овчинниковых там четверо же?

- Получается так, что комендантша вполне достойна своего мужа. Тоже - гарнизон организовала. К ним все соседи с двух верхних этажей собрались - внизу мертвяки выход заблокировали...

Порядок действия такой - Вы, Геннадий Петрович, в своей сияющей броне - впереди. С двустволкой. Но стрелять только по угрозе непосредственно жизни - то есть если будет необычный зомбак.

- Морф?

- Именно. Тогда сразу бухаетесь на коленки, открываете нам директрису стрельбы и стреляете сами. Во всех остальных случаях - основной стрелок - Дима. А то у нас уши порвутся в ограниченном пространстве от 12 калибра повышенной мощности. Значит, Дима чистит малопулькой. Я на случай - с калашом. Пока для меня цели не будет, кидаю зачинки. Заодно проверим их действенность. Доктор - прикрываете тыл и можете помогать Диме - сектор слева сзади на марше лестницы вверх - тоже ваш.

Вопросы?

- Не узнали - сколько внизу зомби?

- Не меньше трех.

- Ясно.

- Тогда начали.

«Марголины» отщелкали. Люди наверху предупреждены. Группа двинулась.

У «рыцаря в сияющих доспехах» - связка электронных ключей. На четвертом дверь открывается. Аккуратно приотворяем ее, стопоря на случай, если кто дернется изнутри.

Желающих что-то не оказывается, и мыдвигаем внутрь.

Но рыцарь вдруг резко останавливается в проеме. Шумно принимается и внезапно орет в полный голос:

- Все назад! Не стрелять! Никакого огня!

Довольно шустро откатываемся по дорожке на несколько метров прочь от двери.

- Что такое?

- Газом воняет. Сильно. У них утечка. Любая искра - кувыркаться устанем. А подъезд как сдует. Я такое видел - у моей жены в Пушкине по соседству так дом взорвался. Два подъезда ссыпалось кучкой, только тряпки на ветках.

Мда... Это серьезно.

Возвращаемся к остальным. Николаич рывкает на сбежавшихся мужиков:

- Держать периметр! (Мужики недовольно, но быстро возвращаются на свои места).

И уже к нам:

- Получается так, что можем вместо спасения устроить объемный взрыв, что ни к чему.

Какие предложения?

- Из ружей выбить стекла в окнах на лестнице. Дробины и картечь искр не выбьют.

- И сколько ждать придется?

- Неизвестно - мы ж не знаем, какая там утечка. Может и сейчас неопасно. А может - рванет от души и после вентиляции...

- Сидельцам позвонить надо. Чтоб не рыпались и все электричество вырубili.

- Еще какие варианты?

- Можно их сверху вывести - на крышу. Там люк должен быть.

- А на крышу как нам выйти?

- Через крайний подъезд. В таких домах подвал не сплошняком, а секциями изолированными. Значит, загазованность не должна быть везде. А взламываем люк -

вентиляция улучшится. Выдует. Тем более если стекла высадим.

- Получается так, что нашумим, тут еще на нас набегут.
- Так оно и к лучшему. Зомби из подъезда на шум подтянутся, вниз. Нам легче будет - сверху никого не окажется.

- А если окажется? Кулаками отбиваться?

- По месту видно будет. Взломаем люк на крышу - сориентируемся.

- Принято. Пошли.

Очень не вовремя вырубается телефон в квартире Овчинниковых. Дальше связь идет надежно - но анекдотично - полная молодуха с могучим голосом вылезает на балкон и начинает перекрикиваться с нами. Вот комуто жена досталась - корабельный ревун переорет легко, не напрягаясь особо.

Внизу тем временем начинается пальба по стеклам из дробовиков, звон, грохот.

Из открытого настежь подъезда вылезает несколько зомби - отмечаю, что только трое в домашней одежде, а остальные то ли шли на улицу, то ли пришли с улицы - в верхней одежде. Что странно - хоть все они мертвы, парочка явно более свежая, чем остальные. Они что, разлагаются всетаки? Очень на то похоже...

Еще несколько бедолаг сползаются с разных закутков двора.

И оказывается несколько живых в квартирах.

Открывается окно в квартире третьего этажа - в одном из крайних подъездов. Тетка бальзаковского возраста. На балкон соседнего дома - четвертый этаж - вылезает мужик в трениках и начинает голосить. И даже на первом этаже в соседнем от нашего подъезда - девчонка - подросток, высунув голову в форточку, просит помочь им с мамой...

Ор стоит - дай бог!

Николаич осматривается - первым делом - к мужичку на балконе.

- Стрелять умеешь?

- Умею! Не из чего!

- Вылезать пытался?

- А то! Там внизу их куча собралась.

- По веревке спустится сможешь?

- Я смогу, а жена - нет. Инвалид она. Слышь, помогите чутка, а?

- Чем?

- Ружье одолжите!

- И как я тебе его закину?

- А я веревочку спущу. А ты привяжешь. Слышь, я отработаю! Чесна!

- Ладно, спускай свою веревочку.

В торбочку Дима совершенно спокойно кладет свой ТТ и запасную обойму.

- Эй, в голову стреляй!

- Да я знаю!

- Ну, тяни. И долго не возись - уедем, ждать не будем.

- Ага! - мужик с сумкой исчезает в квартире.

Теперь девчонка на первом этаже. С ней все в порядке, а вот мама чего-то загоревала, сидит молча уже третий день. Поспит немного - и опять сидит.

- В квартире есть еще кто?

- Не, токо мы с мамой.

- А ты что ли эмо? Прическа у тебя стремная.

- Не, это так...

- Ну, открывай окно...

Придется лезть, смотреть, что там с мамой... А я последний раз про психиатрию слышал в институте еще, потом както везло без сумасшедших жить.

Подсаживают меня с энтузиазмом. Скорее даже закидывают в окно. Странно - первый этаж, а решеток нет. Квартирка однокомнатная, чистая, но бедная. Впрочем, была чистой - неделю точно не убирали - комья пыли на полу.

Мамашка сидит на кровати, замурзанный халатик, растрепанная прическа. На мое явление не реагирует никак. Попытки добиться от нее внимания ни к чему не приводят...

- Собирайся - бери, что у вас тут ценного - и поедем.

- А мама?

- Что - мама? Здесь я ничего сделать не могу. Заберем как есть. Будете готовы - зови.

Вылезаю из окошка обратно.

- И что там?

- Девчонка нормальная, мамаша в ступоре. Больше сказать нечего.

- Ладно, двинули к пути на крышу.

Двигаем. Состав тот же, все те же.

Эту дверь открывает восьмой по счету ключ в связке. Опять рутинно приоткрытая дверь. Поневоле отшатываемся - вымахнувшая плетью голая рука чутьчуть не дотягивается до стоящего рядом гномарыцаря. В ответ гном лупит дуплетом в щель. Дима, стопоривший дверь ногой, недовольно морщится - чудом по нему не влетело.

Николаич смотрит в щель, качает головой, потом стреляет туда дважды. Только после этого слышится шум падения тела.

- Геннадий Петрович! Не надо стрелять. Здесь - обыкновенный шустрик. А Вы еще б немного влево взяли - вlepили бы по своему. А мыто без брони.

- Она по мне чутьчуть не задела!

- Геннадий Петрович! «Чутьчуть» - покитайски - «километр»! Осторожнее, пожалуйста. И перезарядите ружье.

- Да, конечно...

Подъезд этой пятиэтажки оказывается не таким уж и сложным - по дороге встречается еще два зомби - но обычные. В квартиру на втором этаже дверь открыта, но свистнув туда и не получив никакого ответа Дмитрий закрывает ее...

На третьем дверь приоткрыта - оттуда торчит голова той самой бальзаковской дамы. Увидев нас, дама выскакивает на площадку вся - и ее оказывается много. Она экзальтированно восторженна и нам стоит немалых усилий ее утихомирить, а до этого она кудахтает и радуется «чудесному спасению» с такой энергией, что у нас скулы сводит, словно лимон сожрали. Идти вниз в одиночестве она отказывается, мне - как наиболее деликатному и интеллигентному из всей группы выпадает честь ее эскортировать вниз. Заодно еще приходится помочь ей тащить ее багаж - волокла она три здоровенных сумки...

Когда, сдав ее на руки стрелкам, возвращаюсь вверх, чувствую, что сыт общением с этой особой по горло...

- Ну, как успехи? - иронично спрашивает Николаич.

- Феерично, феерично!!! - совершенно неожиданно для себя выпаливаю в ответ...

- Забавно, мне героиня Тэффи тож в голову сразу пришла... Ладно, двигаем дальше.

Люк на крышу заперт на пустячный замок. Гном Геннадий Петрович сносит его одним щелчком чудовищной мощи кусачек. Откидываем люк, ждем у моря погоды. Первым на крышу вылезает Дима. Отсутствует минуту, потом видим его физиономию в просвете люка.

- Чисто.

Лезем по очереди. Крыша действительно безмятежно пуста.

Добираемся до нужного люка. Даже тут на крыше - воняет газом.

- Вы отойдите вон туда и лягте ногами сюда. Береженных, знаете...

- Да ничего, мы рядом постоим.

- Мне спокойнее будет, если отвалите. Не люблю, когда ктонибудь под руку смотрит. Нервничаю.

Отходим. Правда не ложимся, хотя прекрасно понимаем, что если бахнет - то у лежачего куда больше шансов выжить. Не знаю, чего тут больше - глупой мужской гордыни, вечного «авося» или некоторой солидарности.

Надо заметить, что Геннадий Петрович крут - люк выламывается за пару минут без видимых усилий.

- Такой медвежатник пропал - задумчиво бормочет опер.

Открыв крышку, Геннадий возвращается к нам, таща на себе мешок с инструментарием.

- Ну, как?

- Воняет, аж нос винтом.

- Получается так, что придется часок подождать. Сейчас вызову пару из первой группы.

- Зачем?

- Да так. На всякий случай.

- А мы куда?

- Скатаемся - тут не очень далеко есть магазин «Карусель». Глянем, что там, и как, и почем... А тут оставим пост на крыше и БРДМ на связи.

Едем и впрямь недолго - узнаю место - тут под боком у громады «Карусели» присуежилась станция «Скорой помощи».

- Николаич, нам бы неплохо глянуть, что на «Скорой...»

- Получается так, что думаем одинаково. Промедол?

- И он тоже. Вообще - что там есть по списку «А».

- Наркотики?

- Яды в целом. Ну и наркотики тоже.

- Внимание! Вижу признаки живых!

Наши машины стоят с противоположной стоянке стороны. Там, где непарадный фасад покрашенного веселенькой желтой краской здания.

Тут хоздвор крупного супермаркета. И Николаич из своего броника засек машущих тряпкой из окна второго этажа женщин. Его коробочка подъезжает поближе. Уверен - сейчас экипаж броника осматривает - есть или нет угроза. Вовку просят подъехать под окно. До этого, броник сдвигает в сторону неосторожно стоящий там пикапчик, освобождая место. Вовка аккуратно притирает автобус поближе к стене.

На автобус шустро забирается Серега. Что меня удивляет - свой пулемет РПД вологодец таскает не снимая. И тут залез на крышу как обезьяна.

Тут нас просят «к машине». Пока Серега там наверху общается с тетками, мужики разбирают периметр на сектора. Николаич подходит к автобусу, задирает голову.

- И что там?

- Восемь женщин - работницы «Карусели» и двое - со «Скорой». Прибежали сюда, похоже, когда жареным запахло. Потом отсюда было не уйти.

- Чего хотят?

- Чего? Да чтоб забрали их отсюда. Еда у них вышла уже, одна радость, что еще тепло и сортир с водой есть.

- Понятно. Мы харчами разжиться сможем?

- Сейчас спрошу.

С правой стороны цепочки охранения неторопливо хлопает пара пистолетных выстрелов - видно гость пожаловал... Из бывших покупателей.

- Отсюда через воротца можно залезть в овощной склад. А в основном товары - в палеттах, на стеллажах. Оттуда их токо погрузчиками снимать. Но в зале, тетki говорят, - много мертвых.

- Хорошо, как их оттуда вывести?

- Лучше бы через окно. Они пытались выбраться по лестнице - там пара обратившихся сотрудников из мясного цеха. Очень быстрые. Опасно, похоже.

- Получается так, фаршу нажрались и пошустрели... Ясно - вот кинь им канат - пусть там привяжут. Где воротца в овощной?

- Покажут, когда спустятся...

- Ишь, хитрюги. Ну что, привязали?

- Похоже - да. Я пошел!

- Давай.

Далее теряем много времени, пока Сергей, деликатно обвязав веревкой очередную даму, спускает ее вслед за товарками на крышу автобуса, где ее принимают на руки пара Михайловских из второй группы, а уж с автобуса их перетаскивают на стоящий рядом командирский бронник, а уж оттуда на землю - к Николаичу.

Николаич сноровисто спрашивает теток одну за другой, причем он строг и выглядит как положено герою-спасателю. Поэтому никаких отговорок нет - тетки докладывают все внятно, без женских штучек.

Получается, что мы действительно можем отсюда загрузиться овощами - и в общем сравнительно безопасно - там холодно и темно, зомби фрукты не жрут, так что есть вариант.

Меня, как грузчика, Николаич отвергает с негодованием - во-первых, есть кому грузить и без меня. Во-вторых, михайловские и гарнизонники после возвращения опять сидеть на попе ровно будут, а нам еще в Петергоф переться, третьих у лекаря руки трястись не должны. Короче - сидеть в охране грузчиковой команды и попутно узнать у теток со «Скорой» - что там с сейфом.

Тетки стараются выложить все, что знают. С их слов, ключи были у начмеда. Спешно набрасывают план помещений - и с глубочайшим облегчением присоединяются к уже сидящим в автобусе.

Стрелять мне не приходится. Ильяс, вылезший из люка бронника, лениво, и как бы нехотя, разносит головы потихоньку подтягивающимся к нам зомби из АК с ПБс. Но делает он это так молниеносно, что мне и тем троим, кто остался на периметре, делать нечего. Впрочем, ни опер, ни Вовка, ни Надежда - а именно их Николаич оставил тут - не слишком опечалены такой отставкой.

Погрузка овощей идет полным ходом. Правда и там дважды вспыхивала пальба.

Мельком глянув в ту сторону, замечаю картонные коробки и мешки-сетки, которые так и порхают из рук в руки.

Успеваем замерзнуть, когда погрузка заканчивается, мебельному фургону закрывают дверки и команда шустро возвращается к машинам.

- Николаич, что там в зале? - фамильярно спрашивает Вовка.

- Получается так, что плохо все в зале. Мертвяков полно - и шустрых тоже, вонь чудовищная и самое паршивое - видно кто-то на погрузчике воткнулся в крайний стеллаж так удачно, что эти стеллажи как домино попадали. Со всеми товарами и палеттами. Там сейчас черт ногу сломит!

Николаич в сердцах сплевывает, залезает в броник и мы катим до недалеко стоящей станции «Скорой помощи». Серега рассказывает, что овощи пожухли, но в дело годятся. Двери там заблокировали от зала, так что на пару приездов еще хватит. Радует, что много нахвалили коробок с яблоками - любит он яблоки, оказывается, но токо зеленые, на манер Семиренки.

В здание «Скорой помощи» идем опять же почти все. Впрочем, все-таки тут не так много погибших - как-никак скоростники раненых везут по больницам, а не на свою станцию. Медиков всего трое попало, остальные - из местных жителей. Поэтому зачистка идет достаточно просто. Сюрприз с сейфом - открыт и пуст.

Но тут ухмыляющийся Дима заявляет, что это не проблема. И действительно, отлучившись вместе с Вовкой буквально минут на пять, он возвращается с грязнучей сумкой. В сумке - искомые ампулы.

- Видал такое. Понял, что наркоман посетил - ну а убежать далеко, чтоб вмазать, такой не будет. Так и оказалось. Не знаю, как он ключи добыл, но покусан был добротнo. Злые вы, медики. Ну, что-нибудь еще надо?

- Нет, пора возвращаться. Только ампулы к себе перекину, а то таскать такую зомбосумку... Тиф подцепить можно... Брюшной...

Уезжаем на погрузку семьи Овчинникова, став богаче на семь ампул промедола и на десять - трентала. Про себя надеюсь, что не понадобятся они нашей группе.

Во дворе все, в общем, постарому. Разве что у БРДМ стоит и курит тот мужичок,

которому передали на веревке ТТ. Его жена - полная женщина с одутловатым лицом, сидит на сумке, привалившись спиной к колесу БРДМ. Значит, сумел вылезти. И жену выволок.

Замечаю, что упокоенных добавилось.

Мужичок суетливо подбегает к вылезшему из люка Николаичу. Трясет ему руку, что-то горячо говорит. Николаич кивает и мы наконец-то приступаем к тому, ради чего собственно и ехали.

Немного хлопотно подсаживать людей в люк, но в целом терпимо. Вещей у них немного, пожилых всего шесть человек, а один человек - грудничок. Всего 16 живых душ.

Газом все же воняет. Но не так как раньше, выдуло все же холодным воздухом.

Стрелять не пришлось. Хотя перед тем, как выводить людей, мы накидали на лестницу кучу мебели из квартир. Баррикада не пригодилась. Некому было через нее лезть.

Обратно ехали в жуткой тесноте. И, естественно, спасенные переругались друг с другом - детонатором послужила та самая экзальтированная дама с третьего этажа. Вот мамка девочки с идиотским цветом волос всю дорогу вела себя образцово - сидела тихонько и хлопала глазами.

Михайловский патруль на въезде подчеркнуто точно исполнил свои обязанности - проверив всех на укушенность и изложив правила. А дальше по настоянию Николаича мы с ним исполнили ритуальный акт передачи Овчинникову его чад и домочадцев с рук на руки. Суровый комендант даже слезу пустил от радости, а вот супруга и бровью не повела. И мне почудились у нее на плечах не полковничьи призрачные погоны, как полагалось бы жене полковника (а на всех офицерских женах лежит отблеск чина мужа) - а как минимум генеральские. Вполне могла бы его жена командовать пехотным каре, отбивающим штыками в нос конные кирасирские лавы... Но это я расфантазировался.

Звоню братцу - получилось изза газа некоторая задержка в планах. Телефон пока работает исправно, уже благо. Вижу идущих по двору МЧСовцев - сообщаю братцу, что все в силе. Договариваемся о связи через час.

Знакомый уже водила отрекомендовывает нам своего коллегу - с Хивуса, носящего имя Николая Микитенко. Спрашиваю уже виденного ранее - он меня вез от Адмиралтейства - угрюмого водилу, кто был Николай Микитенко. Водила мрачно бурчит: понятно кто - спасатель. Ну, вытягивать из такого кремня информацию - надо сначала каши поесть, да еще у монетодворских инструмент тягательный заказать...

МЧСники опять притащили рыбу - корюшку. Неужели скоро пойдет? А ведь уже и впрямь - конец марта, апрель на носу. Обедаем вместе - на этот раз у Дарьи ведро кулеша - каша пшенная со шкварками и жареным луком. Хорошо запивается чаем, только чай уж очень мощно душистый. На упаковке написано - с жасмином. Наверное этот жасмин был размером с баобаб.

Сходимся на том, что этим чаем можно перешибить любой запах. Попрыскал в помещении - и все. Навсегда. Хоть святых вон выноси.

Дарья очень обрадовалась тем овощам, фруктам и зелени, которые мы раздобыли в «Карусели» и которые свалены сейчас в холодной Екатерининской куртине в виде такого снайдерского натюрморта. А тут еще и корюшка. МЧСники скромно замечают, что им больше по вкусу кулеш оказался. Один вообще из казаков - говорит, как у мамы погостил.

А мы, отдохнув полчаса, начинаем собираться.

Дмитрий пытается связаться по своим милицейским каналам, используя свою рацию - но судя по всему - неудачно. Ну да мужик он настырный - не свяжется, так хоть согреется.

А еще получаем в команду сварщика из Монетного Двора. С портативным агрегатом и кучей уже порезанных сеток - из расчета аккуратно на два УАЗа. Как только грузимся - Николаич вручает сварщику ППШ, правда с одним диском. Еще замечаю, что на другой «Хивус» загружают кроме сеток и ящик с ППС... Выходит продолжаем вооружать своих помощников.

- Высадим с удобством! Прямо под бережком! - говорит водитель.

- Это лишнее - лучше в трехстах метрах. И зайдите не напротив Коттеджа, а от

Спортбазы.

- Это чтобы деревьями прикрыться?

- Получается так. Если выпремся на галошах такие красивые, а там кто с дудкой сидит - прищучит нас как детей. Лучше мы пешедралом. И с прикрытием пулеметом и снайпером. Тут нас обидеть сложнее будет.

- И нас?

- Нас всех - действуемто в составе группы. Одной группы.

- Ладненько. Мы тогда крюка дадим небольшого...

Вопреки опасениям Николаича высадка проходит гладко и даже, пожалуй, чересчур гладко. Вспоминаю его постулат про то, что если все идет гладко в начале - дальше будет гажа... Ох, не хотелось бы.

Цепочка наших беспрепятственно добирается до берега, ни из зарослей тростника, ни из парка - а он тут скорее на лес похож - ни шума, ни тем паче пальбы. Через пару минут - это они, наверное, лес проверяли - там как раз Нижняя дорога проходит - появляется фигурка Саши, машет рукой.

Двигаемся - пулеметчик, я и сварщик. Ильяс пока остается на «Хивусе». Случчего - он со своей «Светкой» окажет воздействие, близкое к артиллерийскому. Вторая галоша держится еще дальше.

Николаич озабочен - Серега сходил к домикам «Спортбазы» и нашел там пару трупов. Оно само по себе и привычно уже, токо вот тут трупы - свежие, явно расстрелянные - впридачу босые и раздетые. Мужик и баба лет по сорок.

- И обратиться не успели - им и в голову стреляли.

Вообщето мне это тоже не нравится. Да судя по физиономиям - и остальным. Дмитрий с совершенно безнадежным выражением на лице пытается всеже наладить связь с милицейской рацией на стоящем гдето неподалеку «УАЗе». Николаич хмуро смотрит на эту реинкарнацию «фильмов про войну», угрюмо бурчит:

- Ладно, СоколяНезабудка, оставь свою шарманку. Телефон еще работает. Сейчас вдоль бережка не суетясь и занимаем позицию напротив дороги к Коттеджу. Пошли, смотреть в оба!

Идти непривычно, потому как замыкающим теперь идет сварщик с ППШ. Но судя по мимолетному и многозначительному кивку Николаича в мой адрес - тыл все равно на мне. Сергей со своей бандурой идет первым. Хотя в основном гляжу назад - не могу удержаться от восхищения тем, как он скользит, несмотря на пулемет в руках и весь груз, причем еще ухитряется держать под контролем окрестности - и не запинаться. А вот засидевшийся в замкнутых пространствах Монетного Двора гномсварщик запинаясь все время и конфузится, хотя, кроме меня, назад никто не смотрит. Никак у сварщика не выходит одновременно орлиным взглядом окидывать враждебные окрестности и смотреть под ноги - как только взметнет глаза героически - так ноги цепляются за всякий мусор и плавник - тут его богато накинано. Хихикаю про себя - вспоминаю практически ВСЕ фэнтези, где изящные эльфы злобно смотрят на навязавшихся в компанию неуклюжих и шумных гномов. Хотя Бильбо был не эльф, а совсем даже хоббит. Но его шумгром от гномов в лесу тоже раздражал...

Передние пригибаются - мы выкатываемся на открытое пространство, прикрываясь гривкой берега - он тут слегка подмыт и потому прятаться за ним удобно. Как в траншее. Открывшееся перед нами поле с редкими деревьями очень напоминает летом саванну... Сейчас снега для этого многовато. Поле аккуратно поднимается вверх - и там как изящная игрушка стоит царский Коттедж - дача многих царей, начиная с Николая Первого. Милое и очень уютное здание, очень душевные интерьеры. Практически за ним - СанктПетербургское шоссе. Оттуда должен приехать братец со товарищи. Очень на это надеюсь.

Николаич связывается по телефону с Мишкиным отцом - я звоню братцу. Оба отвечают. Они выбрались из морга, расселись по двум УАЗам и сейчас ждали от нас звонков. Собираются ехать окольными путями - Сашинской дорогой, а потом Луизинской. (Вот и

представления не имел, что тут такие есть) Далее выйдут в Александрию - по этому непарадному окраинному парку проскочат до СанктПетербургского шоссе, пересекут его и так же парком сначала до Коттеджа. А потом катятся по склону вниз - прямо к нам в объятия... Если ничего не помешает.

Сообщаем, дублируя друг друга, точку встречи - причем Николаич сух и точен, а мне достаточно сказать братцу, что тут как раз мы устраивали пикники с самоваром, чтоб он с завязанными глазами нашел место. Ну, теперь осталось ждать. Братец от нечего делать не отключает мобилу, комментируя то, что видит. Судя по его рассказам - в городе что-то сильно неблагополучно, поэтому они перелезли через железную дорогу и встали в захолустье - тут у петергофцев огороды и сараюшки. Людей не видали, потому как сараюшки в основном летние, а сейчас холодрыга, зомби видели несколько штук, но и те примороженные какието. Если б мы не появились - они бы уехали окольными путями к Стрельне, там у Миши и его соседа женщины отсиживаются в какомто лодочном гараже...

Скопление зомби у вокзала колонна проскакивает без проблем. Парк чист и безлюден.

- Вот все и в порядке! - заявляет довольный братец - готовьте оркестр из девушек, букеты и почетный караул... Это что за нах? Тут бля комитет по встрече какойто. Трое мудилей, двое менты... Вооруженные... (Слышно, как кто-то недоуменно спрашивает: - Исполнять? - Чего им надо? - Я встаю? - и тут же резкий молодой голос: Гонииии! Газ, батя, газуй, матьперемать!!!!) Хряск. Сухие щелчки. Треск. Братец издает щипяще руладу сплошь состоящую из матюков. К моему глубочайшему удивлению он тут же возобновляет репортаж, но совсем в другом тоне и другими словами:

- Бляяя!!! По нам херачат!!! Прямо по машине!!! Что делать??? Сейчас вы нас видеть будете!!!

Николаич выдергивает у меня мобилу - я както немного опешил от такого развития событий - и резко четко командует:

- Вниз до берега - и влево к Центральному парку. Вниз и влево! За вами хвост - мы его примем - токо с директрисы уйдите!!!

- Вниз и влево, уйти с дороги, расстреляют!!! - слышу, как орет там братец.

- Там канавы, куда я там уйду - вопит кто-то в ответ.

- К парку!!!

В ответ - ворох матюков, в которых потерялось коротенькое, сквозь зубы - понял, я, понял!!!

За виляющим из стороны в сторону УАЗом изза холма выскакивают две легковухи - одна - красная - явная кабриолетина с открытым верхом, другую вижу хуже - грязная до чертиков. Расстояние уверенно сокращают.

- Пулемет, и все, кто от меня справа - первая тачка, кто слева - замыкающая. Приготовились! Огонь по команде!

УАЗ, мотыляясь по пьяному, проскакивает мимо нас, чуть не улетев при этом с дороги, преследователи - уже метрах в сорока от нас, когда Николаич вскакивает и орет:

- Огонь!

Мы со сварщиком - слева от Николаича и потому ловлю в прицел заднюю тачку. В этот момент начинается грохот и кабриолетина - по которой, похоже, и я сгоряча влупил, улетае влево, а открывшаяся вторая тачка принимает в себя все пули - мазать тут невозможно - дистанция смешная - от меня, Саши и сварщика, который, стоя во весь рост и прицелившись как на полигоне, выдает длиннейшую - на диск - очередь, поливая машину, как герань на балконе...

Хотя все происходит моментально, успеваю заметить алмазные радужные блики, которые вышедшее не к месту солнышко высекает из стеклянных брызг раздробленного лобового. Не успеваю испугаться того, что машина вылетит по прямой на нас, как ее бросает вбок, стекла еще продолжают сыпаться, а тачка уже ухае в канаву и встает почти вертикально на капоте.

- Ильяс, Ильяс - на холме если кто выскочит - сшибай!

Не вижу, но видно кто-то выскочил - сзади бемкает «Светка». Это получается «Хивус» подтянулся - раз у Ильяс сектор обстрела открылся...

Серега тоже дает пару очередей туда, на холм. Одна пуля - трассер, видно как, долетев до гребня холма, она дает красивый рикошет свечкой.

- Ильяс, кого видишь?

- Никого. Один лежит, второй ушкандыбал.

- Выдвигаемся!

- Прикрываю!

Из остановившегося УАЗа вываливается долговязая фигура - братец. Зачем-то прижимает к голове красный платок. Не было у него красных платков. Он вообще платков не носит, разве токо туалетную бумагу рулоном, когда у него насморк... Что за хня в голову приходит, когда не хочется принять очевидное - братец ранен, а тряпка просто в крови. Будь это кто другой - тут же дошло бы, а так сознание слабенькими лапками пытается загородиться от очевидного - но очень неприятного факта.

Прежде, чем Николаич что-либо успевает сказать - уже галопирую в сторону УАЗа. Правда, пригнувшись, в общем - грамотно.

Братец - у него действительно изпод какой-то тряпки сильно течет кровь, все-таки скалит зубы и говорит с удовольствием:

- Дароф! А где оркестр?

- Ну ты в зад с твоими шутками! Что с тобой?

- Когда через бревно на дороге перепрыгивали - башкой стойку поймал.

- Эй, вы, трупорезы, хорош трендеть! Миша ранен! - мужик лет пятидесяти помогает выйти из машины парню в милицейской форме.

- Поссать, батя, поссать - бормочет парень.

- У тебя перевязочныето есть? - спрашивает братец.

- Есть, сейчас тебя забинтую, в четыре руки разберемся, еще сейчас медсестра прибежит. Что это у тебя за тряпка?

- Не знаю, в бардачке валялась...

Остается только вздохнуть... Братец...

Теперь тряпку эту дурацкую вон - странно, она действительно была когда-то красной, хотя кровяца хлещет и впрямь серьезно - но это и при незначительных ранениях головы бывает - есть древняя хирургическая поговорка про ранения в голову - «Хлещет как из барана, заживает как на собаке» - ну да, кровоснабжение мощнейшее - потому и льется обильно и заживает быстро.

Братцу тампон к ране - рассекло кожу сильно, но это не страшно, теперь он пальцами его сам прижал, а мне - растягивать косынку. Ну, тут просто, не раз делал - прямой угол на затылке, а длинными концами - через лоб, на затылке их поверх того - прямоугольного конца перехлестнуть и обратно на лоб, где их и завязываем покрепче. А теперь хватаем за прямоугольный конец и аккуратно тянем вниз - к спине. И тампон плотно прижимается косынкой к ране. Остается подтянутый угол аккуратно заправить за перекрещенные на затылке концы - и вуаля - первого раненого обработали.

Второй еще мочится, мотылясь в руках у поддерживающего его под мышки отца. Крови на нем не вижу - но вот сип какой-то и кашляет... Так, но не прерывать же ему процесс - минута другая, ничего особо не изменит. Что в машине? Избитато машинка знатно - боковое стекло вынесено, в лобовом дыра и с десяток дыр сзади и с левого бока. Но заметно, что били по пассажирам и водителю, а машину старались не уродовать.

Братец тянет к себе сумку. Отдаю ему, лезу в салон.

А там сидит еще один пассажир. Еще дышит, но я бы сказал, что уже агональное дыхание. Спереди вроде целый. А сзади?

А сзади ему в голову прилетела не то картечина, не то пуля.

Крови немного, зато из дырки вываливается комочками розово-желтоватосерое вещество... Мерзкий у человеческого мозга цвет, даром, что самый могучий сейчас

компьютер...

Пульс частит как заяц на барабане, но тут вряд ли мне что можно сделать. Разве что подвязать умирающему челюсть покрепче...

Вылезаю за сумкой. Братец уже жрет горсть таблеток - хоть и врач, но считает, что кашу маслом не испортишь. Явно сожрал сразу и обезболивающее и антибиотики...

Паренек тем временем закончил мочиться и сразу както обмяк. Отец растерянно оборачивается на нас.

Вместе с уже повеселевшим братцем отводим паренька ближе к берегу, усаживаем на камень.

- Куда тебя?

- В спину... в спину...

- Оружие есть?

- Пистолет.

- Отцу отдай. Заберите, ему пока не понадобится.

- Не... Не надо... Пусть...

- Не спорь, Миха! - братец довольно нахраписто выворачивает у приятеля пистолет из кобуры - отдает стоящему рядом мужику.

К нам подбегает Надежда.

- Что здесь?

- Похоже на пневмоторакс. Сейчас разденем, глянем.

- Кто вас охраняет?

- В каком смысле?

- В прямом! Стоите кучей, отличная мишень со ста метров.

- А сварщик где?

- Вам виднее, с вами же был.

- Да кто тут подберется?

- Кто угодно. Тут черте что творится.

- Все, признаем свою глупость. У Вас оружие есть?

- Один патрон в ружье и у сына три патрона. - отвечает Михин отец.

- Так, держите мою машинку, рожок и вот - пачка к ПМ. Поглядывайте.

Ловлю неодобрительный взгляд Надежды - она демонстративно вздергивает плечо, на котором висит ее ППС, но дальше уже некогда - парень стремительно плошает, прямо на руках. Что совсем погано - на губах розоватая пена...

Надежда действует быстро - машет руками над головой и «Хивус» послушно подходит к нам очень близко, насколько позволяют торчащие из снега валуны.

Ну да, опять она меня утерла - я както про салон «Хивуса» забыл - а там тепло и удобно, куда удобнее, чем тут на холоде, на промерзшем валуне... негоже раненого морозить.

Сверху от Коттеджа доносится перестрелка. Несколько раз угадываю солидные очереди из РПД. И ведь действительно - наши кудато делись, пока я тут возился. И сварщика не видно.

Когда стягиваем с раненого бушлат, уже становится ясно, что да - это пневмоторакс. Пуля - или чем там их обстреляли - прошибла обшивку машины, спинку сиденья, бушлат, китель и влетела в грудную полость. Что паршиво. Что замечательно - ранение скорее сбоку, а тут чем ближе к середине грудной клетки - тем гаже прогноз.

Но по - любому - радости мало.

Паренек кашляет, мелким таким хеканьем, потом пытается сплюнуть. Надежда шустро подставляет чистую белую тряпицу... Кровь. Кровохарканье - значит легкое повреждено точно. И дышит часто и поверхностно, как собака на жаре.

Китель уже в крови неплохо запачкан. Режем его какимито жуткого вида ножницами, поданными водителем... Кровельные, что ли? Но китель распластывают наполь со всем, что там внизу было пододето.

Вот и дырочка, маленькая, но сволочистая зараза. Миха опять начинает кашлять - и я точно вижу, что в дырку эту подсасывает воздух, с мерзким таким сюсюкающим присвистом. Открытый пневмоторакс - воздух прет в грудную клетку не оттуда, откуда ему положено, сдавливает легкое - и то спадается, теряя объем, изза этого сдвигается в сторону средостение и сердце словно повисает на своих сосудах, зажимая еще работающее здоровое легкое...

- Повязка Банайтиса? - спрашивает братец.

- С дуба рухнул! Ни вазелина, ни серой ваты у нас нет, да и устарело уже это.

Надежда тем временем мажет широко края раны зеленкой, я кладу марлевую салфетку на рану и Надежда, понативно кивнув, вытягивает из своей сумки банальный полиэтиленовый пакет с рисунком какойто бочки и еще успеваю прочесть «дегустация ви...»

Пакет плотно ложится на мокрую от зеленки кожу. Сестра аккуратно приглаживает полиэтилен, чтоб он обеспечил герметичное закрытие дыры. Миха опять кашляет. Но уже свиста нету. Отлично, бинтуем.

Теперь аккуратно уложить раненого - как положено при такой ране - набок. МЧСник догадливо подкладывает Михе какойто бушлат и подстилает одеяло. Миха старается лечь на здоровый бок, но тут же встречает единодушное сопротивление всех нас четверых. Намто надо его уложить как раз на больную сторону.

- Не... не надо... больно же... - слабо пытается спорить раненый.

- Как раз лучше - убедительно, как маленькому, втолковывает ему Надя - так ты меньше боль будешь чувствовать, поверь мне. И шок будет меньше, и сердцу будет легче...

- Вот у Нельсона было такое же ранение. - гудит МЧСник, обертывая еще сидящего милиционера одеялом. - Так его положили на здоровый бок. Вот он и умер от этого. На здоровое легкое - сколько сразу навалилось - и средостение давит и грудная клетка к палубе прижата не вздохнуть, и кровь подтекает внутри, давит на средостение и все вместе - на здоровое легкое. Вот он и задохся. А ты ложись, как доктора говорят - живым довезем. А там уже операционная готова - все мигом в лучшем виде...

- Точно, Миха, подтверждаю! - и братец до кучи высказался. И протягивает Михе несколько таблеток.

Начинает зуммерить переговорная штукавина. Отзываюсь. Николаич немногословен - просит медиков прибыть наверх, много раненых. Спрашиваю - брать ли братца. Ответ лаконичен - если братец работоспособен, то обязательно...

Братец говорит Михе, что мы сейчас вернемся, тот чуть не плачет - а я как на грех и его отца из виду потерял. С трудом убеждаем раненого чуть подождать - под опекой водителя. Но выдвигаться с братцем не получается - хоть и агонирующий - но у нас еще раненый. Тот, в салоне расстрелянного УАЗа.

Умирающий еще дышит. Предварительно примотав ему нижнюю челюсть, чтоб при смерти и обернувшись, рта не раскрыл, относим и второго человека в «Хивус», где сразу становится тесно. Братец остается, мы с Надеждой возвращаемся к УАЗу. Ключи в замке.

- А может, стоило Мише промедола дать?

- Нет, у него и так дыхательная функция ослаблена, промедолом вообще обидеть ее можем до отключения.

- А трамал? У нас же тоже есть.

- Ну да, меньше угнетает. Но угнетает же. Обколоть бы местным анестетиком было б лучше. Но раз у нас ничего нету - придется ему потерпеть...

Машинка заводится сразу. Видно, что ухожена. Немного жестковатый руль, сидеть высокогато, ну да не до Москвы ехать. Въезжаем наверх, проскакиваем мимо Коттеджа, аккуратно объезжаю валяющийся на дороге труп в милицейском наряде - судя по вывороченным карманам и бумаженциям вокруг - уже обыскан.

На перекрестке - с десятков хаотично стоящих машин. Останавливаюсь недоезжая - и маячить не стоит и поперек дороги лежит нехилых размеров бревно. Видно тут братец и стал

бодаться со стойкой. Второй УАЗ выделяется из кучи машин своей милиционерской принадлежностью. И вот рядом с ним кучка народа, довольно шумная.

Всетаки есть такие открытия, что, сколько бы веков ни прошло - а они не тускнеют. Вот как сортировка раненых, разработанная Пироговым. Сколько ни корячились остальные - а пришли к исполнению его постулатов. Потому как открытие это - как закон Ньютона. Или Архимеда. Ни убавить, ни прибавить.

Вот как бы я разбирался в куче раненых и на скорую руку второпях перевязанных людей? А так все ясно и просто - сначала из кучи раненых выделить две категории, которые во враче не нуждаются - во первых, легкораненых - а их половина - отправить подальше, чтоб не путались под ногами и не мешали. Вовторых, если есть агонирующие - те, кого не спасти - тоже обеспечиваем покоем и не тратим время. Таких, по статистике каждый десятый раненый. И остается у нас две категории - нуждающихся в срочной помощи, и те, кому помощь можно отложить, но оказать надо обязательно.

Так, громче всех кричат баба с мужиком. У мужика вижу повязку на бедре, прямо поверх джинсов, кровь там, где внешняя поверхность. Сидит у милицейского УАЗа, ругается в голос, увидев нас с Надеждой, встает, сильно морщась, и ковыляет в нашу сторону. Баба измазана кровью - и руки и лицо, но перевязок нет. Две девчонки лет 10-12 воют навзрыд - у той, что помладше густо замотана кисть руки, на плече - наложенный жгут. Самый тихий из всей компании парень милиционер. На плече тоже жгут, предплечье забинтовано, хотя кровь проступает через бинт, искромсанный рукав свисает лохмотьями.

Что я точно помню? А помню я что «громче всех ругаются матом и другими словами, а также воют и плачут легкораненые. У них на это есть силы. Тяжелораненые молчат!».

Значит надо заниматься бледным милиционером.

Надежда с ходу показывает мужику с бабой, что им надо идти вниз - к кораблю МЧС - который внизу стоит. Лихо, конечно, она этому агрегату под названием «Хивус» польстила.

Мужик продолжает ругаться, потому как считает себя самым пострадавшим и поэтому требует к своей персоне исключительного внимания. Ага, щщщаззззз... Я уже видел, как ты шустро ходишь - ранение явно по касательной, был бы задет серьезно мышечный массив или тем более кость - хрена бы ты так поднялся и пошел. А оставить его тут - достанет претензиями до глубин души - он ведь ранен и доктор обязан проявить гуманизм, а то, что за то время, пока его царапину будут йодом мазать, кто-то другой дуба врежет - так на это насрать. Люди эгоистичны в массе, а уж раненые - тем более.

Игнорирую мужика, но это не проханже - он меня сильно дергает за рукав и просто требует, чтобы я обратил внимание именно на него и никак иначе. Баба тож подвыывает ему в тон.

- Слушай, страдалец - тебе помощь оказана, повязка наложена. Кровотечения нет, больно конечно, но потерпишь. Иди вниз - там в салоне врач и медикаменты. Я здесь занят - извини, но им моя помощь нужнее!

- Я ранен, твою мать! Видишь, я ранен, твою мать! Ты что на хер, твою мать, совсем края не сечешь?

- Ты, калека недоделанный! Ты оцарапан, а не ранен. Будешь мне мешать - я тебе сам прострелю ногу как следует - и тогда буду заниматься именно тобой! Вали отсюда вниз, болван чертов и не дергай меня за рукава! Я кому сказал? Вали давай!

- Сука ты, а не доктор!

- Я еще хуже - все - пошел - пошел! Не беси меня! Сейчас тебя еще дополнительно подстрелят - добьешься моего внимания! Забыл, что тут перестрелка? Иди, давай!

От нашей перебранки есть польза - девчонки голосить перестали. Видимо злой доктор Ойнеболит напугал.

Кстати - какого хрена на девчонке жгут?

- Надежда Николаевна! Уберите лишних отсюда - нам новых ранений только не хватает! А ты, принцесса - как тебя ранило?

- У ммменя ппаллеец отсттреллилло... ик... ттуттт в ммешшочке воттт... ик...

- Больше ран нет?
- Эттой ммаллло... ик...?
- Этой хватит. Нука - где палец?
- У Лиллльккки... ик...

Пока разговариваю, вижу, что жгут наложен безобразно - кисть руки опухла и посинела до безобразия же. Осматриваю девчонку - внешне состояние удовлетворительное, не ниже. Напугана, конечно, но ничего страшного. Потому жгут долой - толку от него нет - и прошу Надежду и эту парочку отправить вниз.

Теперь милиционер. Вот ему точно плохо. Белый, холодный пот на его лице глазом невооруженным видно.

- Кости ему надо совместить правильно! - авторитетно заявляет мне в затылок все еще пасущийся тут мужик.

- Вы кто по специальности?
- Я? Экспедитор!
- Медицинское образование есть?
- Нет, но я в телевизоре видел.
- Слушайте, если вы немедленно не уйдете туда, где сейчас сборный пункт раненых - в судах МЧС - я вас буду лечить только урино и копротерапией! И от других врачей добьюсь того же!

- Так я ж помочь хочу!
- Внизу - на берегу ваша помощь будет уместнее. Все - вниз, на посадку.
- Я...
- Тебя пристрелить, чтоб понял? - рывкает сзади Надежда мужику в ухо. Мужик подпрыгивает и, наконец, сваливает вместе с девчонками.
- Ильяс, видишь группу из четырех человек?
- Вижу. Отработать?
- Нет, ты что, это спасенные. Двое ранены.
- Принято. Не отрабатывать.
- Сопроводи. Чтоб никто не обидел. Я имею в виду: не бегай туда сюда, а огнем прикрытием.

- Понял, не деревянный.
- Куда делись мужики - этот, сварщик и второй - из первого УАЗа.
- Сварщик рванул за нашими на холм, еще до того как вы туда поехали, а мужик с УАЗа - после того, как вы раненого сюда потащили - второго, с обвязанной головой - побежал к Центральному парку. Прямо вдоль берега.

- Куда ж его черти понесли?
- Вот уж извини, не в курсах...
- Ясно, связь кончаю...
- Буюкши, хихихи...

Теперь что у парня с рукой. Надежда уже дерет ножницами рукав - аж треск стоит.

Парень прикрывает глаза и вроде собирается потерять сознание. Роюсь в сумке - одноразовый шприц. Ампула промедола. Теперь одно соединить с другим - и в ляжку. Готов. Будем надеяться, что шибко инфекции я ему не занес.

- Эй! Земляк! УАЗ на ходу?
- А?
- Ты тут не помирай - все равно не дадим - УАЗ на ходу?
- На ходу...
- Можем сейчас на нем вниз съехать?
- Можем... Бензина нету...
- Что, прям тут кончился?
- Ну да, тут... Я мотор не выключал... Он чуток поработал - и заглох... Этот пидор по нам очередь дал, а завести не смог...

- Какой пидор?
- Этот... мент - он нас остановил...
- Сколько тут всего было?
- Этих?
- Да, этих.
- Трое... Двое ментов...
- Всего трое?
- Ага.
- Я закончила!
- Надежда, как подбинтуем или перебинтуем - на Ваш взгляд?
- На мой - подбинтовать и хорошо будет.
- А жгут?
- Давайте проверим.
- Хорошо, распускаю.

Смотрим на повязку. Кисть руки розовеет, а вот кровяки на повязке не добавляется. Надежда добавляет еще бинта сверху, а я тем временем стягиваю с раненой руки часы - они хоть и на растягивающемся браслете - но на раненой конечности лучше не оставлять всяких колец, браслетов, часов - отечет - хрен снимешь и можно получить на ровном месте отмирание тканей. Был у меня пациент - с ожогом и ботинком на обожженной ноге. Успели снять этот чертов ботинок по кускам, еле успели, а то потерял бы пальчики - уже цвет был у них очень гадкий, когда освободили...

Иммобилизовать бы руку - очень похоже, что уж одну кость пуля поломала. А может и вторую тоже - без рентгена не скажешь. Шин у меня нет. Разве у МЧС спросить? Или тут какуюнибудь ветку - доску поискать...

- Что вы озираетесь?
- Дощечку ищу, для иммобилизации.
- Да бросьте, даже если и найдем - то грязная же будет. Выщелкните из запасного магазина патроны - и прибинтуем. В самый раз по длине будет. И на косынку.
- Вот бы не подумал.
- Доводилось так делать. Уж чего-чего, а пустой магазин найти было проще, чем шины - Надежда улыбается и подмигивает.

Горсть ТТшек сыпается в карман, магазин от ППС прибинтовывается к раненой руке, сама рука, под прямым углом согнутая в локте, берется на косынку.

Начинаю приподнимать парня. С трудом, но идти может. Потихоньку тащимся туда, где оставили возле бревна УАЗ. Надежда тем временем прикрываясь машинами отходит сзади, на всякий случай глядя, чтоб нас, убогих, никто не обидел.

- Ильяс, возвращаемся.
- Как говорится - вэлкам.
- Ничего нового?
- Водилы с твоим братцем собирают трофеи с битых машин, раненые токо что добрались. Мужик уже до меня докапывался - послать пришлось. Ну, болтливый...
- Это он после ранения раздухарился.
- В курсе. Эйфория, называется.
- Она самая.

Аккуратно скатываемся вниз. Осторожно добираемся с парнем до «госпитального» «Хивуса». А салонто уже и заполнен. Миха вроде дремлет. Агонирующий все еще дышит. Остальные расселись по лавкам и смотрят - что скажу...

- Связываюсь с Николаичем.
- Раненые готовы к эвакуации. Что у вас?
- Прекратили преследование. Одного добили. Второй утек. Сварщик с вами?
- Нет, он же за группой побежал.
- Черт...

- И этот, Михин отец тоже утек - побежал в направлении Центрального парка.
- Да что же это за балаганто с самодеятельностью! Ладно, его телефон у меня есть - уточните - вроде бы сварщик на связи был с МЧС - они с машиной нашего «Хивуса» точно по мобиле разговаривали.
- УАЗ наверху - без бензина.
- А тот, что до берега доехал?
- В дырках, но полностью исправен. Плавающий госпиталь можно отправить в Кронштадт?
- Можно Машку за ляжку...
- Ясно. Разрешите отправить.
- Сопровождать кто будет?
- Считаю, что водителя и врача из спасенных хватит.
- Отправляйте.
- Они сейчас трофеи собирают.
- Гляньте, что они надыбают. Если что ценное - отбирайте.
- Принято.
- После того, как отправите - возвращайтесь сюда, на перекресток. Мы сейчас уже там будем.
- Что, кого-то зацепило?
- Нет, все целы, но пара стрелков лишними не будут. Подозреваю, что убежавший к нам гостей притащит. А нам тут есть на что внимание обратить.

Виктор проснулся както сразу. В бункере тяжело пахло кровью от сваленных в углу мешков. Припахивало еще чемто, не очень аппетитным, но Витя предпочел этого не замечать. Ирки уже не было рядом и, высунувшись из люка, он увидел, что она ковыряется в том мясе, которое они не успели еще срезать с костяка.

Вчерашний азарт кончился, начался отходняк. К тому же удачливый охотник отчетливо понял, что скоро станет тепло и все эти мешки с десятками килограммов мяса, на которое ушло до черта соли, сахара и приправ - придется банально закопать, потому что протухнет солонина.

Вяло ковыряясь ножом, который вертелся в одеревеневшей после вчерашней работы руке, Виктор лихорадочно думал - что делать? Чернышевский нафиг, с Белинским - мелькнуло у него в голове.

- Ирк, что скажешь, как нам лучше мясо сохранить? - неожиданно спросил он подругу.

Ирка сдула прядь волос - но та осталась на месте, прилипнув к потному лбу - и незамедлительно сказала:

- Я считаю - ледник надо делать.
- Ледник?
- Ну да, погреб со льдом.
- Откуда я тут в лесу погреб возьму! Да еще со льдом!
- Погреб придется вырыть. А лед привезем - тут же озерцо есть недалеко.
- Хренасе, недалеко! Пять километров бездороги.
- Ну, иначе не знаю...

Набив еще пяток мешков - причем Витя краем глаза увидел, что Ирка сыплет соль и прочие приправы, явно страдая, он понял, что не верит подруга, что это мясо будет съедобным... А работа мясника - хуже чем у грузчика оказывается... Жиловец это называется вроде... Рука уже как чужая. Не хватает по своему мясу секануть... На мясокомбинатахто перчатки кольчужные выдают...

Ничего другого, кроме как ледник так в голову и не пришло. Взяв лопату, Виктор опять

задумался - где его рыть. Если рядом с бункером - мухи задолбают. Запах уже есть, вряд ли ослабеет. Оттартать мясо подальше - тоже нюанс - опять значит грузить, а перекидывать эти мешки снова очень не хотелось.

Опять же неизвестно, что за зверье ползет...

Виктор отошел метров за двести и в тенике на склоне холмика наметил контуры квадратного погреба. Воткнул лопату в землю и начал рытье...

Через час он незначительно углубился в землю, но уже взмок. Еще хорошо, что с этими чудиками таскался - подумал Витя - если б не коп - уже сдох бы с непривычки, а так куда ни шло. До вечера яму вырою. Доски есть - они сырые и гнутые, но тут пойдут. Значит, еще колы вырубить для распора. И за льдом. Лед можно будет бензопилой резать... Правда можно вместе с бензопилой под лед улететь - хреноватый сейчас уже лед... А везти на чем? В мешках в УАЗе? Засру весь УАЗ... Сани бы надо...

Тут он немного опомнился. - Какие нахрен сани? Еще лошадку, конюшню, баньку, сарайчик с амбаром, хлев с коровкой и свинкой, курятник... Это ж бля цельный хутор строить... Домик в деревне... А Ирка уже мечтала вслух о бане... Чистоплюйка. Не, из города все эта поеботина смотрелась куда как симпатичнее, романтичнее и героичнее...

С трудом сплюнув - рот пересох - Виктор прошелестел сам себе - Перекур!

Воткнул лопату и пошел к Ирке.

Боевая подруга билась насмерть. Видно было, что у нее тоже руки болят, но она свирепо шипя сквозь зубы, пластала и пластала куски мяса.

- Погодь. Давай хоть чаю попьем.

Она обернулась, посмотрела както нехорошо и ответила:

- Если сейчас оторвусь от этого занятия - потом уже не смогу взяться. Пальцы не гнутся и руки болят сильно.

- Хрен с ним. Мы всяко полтора - два центнера уже накрошили. Больше не осилим. Да и соль еще пригодится.

- Да жалко же... Когда еще повезет.

- Живы будем - повезет. А так я скоро сдохну. Руки отваливаются.

- Ладно. Чай на дрючке вскипитим?

- Ага. В бункерето жару устраивать не охота.

Попили чаю, вскипятив его на костерке - пока Виктор делал бункер и закладки - тайники тут разбивался лагерь из палаток. Теперь тут осталось кострище с рогульками да шалаш - склад бракованных досок и другой строительной всячины.

Прикинули, что делать дальше.

Получалось, что надо копать - и никак от этого занятия не открутиться. Все тайники - закладки еще были полными. Пустой - на всякий случай - Виктор сделать в то, спокойное время не догадался.

Прикинули объем солонины. Прикинули, как ее размещать, чтоб переворачивать было можно. Прикинули, сколько надо будет привезти льда.

Немного ужаснулись объему работы...

И пошли копать. Виктор - ледник, а Ирка - яму под недогоревшую требуху лося.

Водила «Хивуса» действительно знает номер телефона сварщика. Побурчав насчет расходов, звонит, но безуспешно. Занято - и все тут. На всякий случай записываю себе этот номер. Заодно обмениваемся номерами с водителем. Смотрим - не осталось ли на галоше чеголибо, что понадобится нам здесь. Но все наше добро - на второй галоше, той, которая сейчас стоит поодаль и винтовкой Ильяса контролирует весь склон парка.

Спрашиваю - когда собирается связываться с Кронштадтом? Водила обижается всерьез - он уже предупредил о наличии раненых, уточнил, какая нозология будет им доставлена. Не

ребенок, дело свое знает.

Машины уже они осмотрели, собрав все, что подвернулось - и сейчас тараканят трофеи на свои галоши. Невелики трофеи, честно говоря. Слили бензин, сняли аккумуляторы, разжились домкратом и парой огнетушителей. Какаято одежда, одеяла - замечая, что лежащих на полу «Хивуса» раненых заботливо укутали потеплее.

Интерес представляют разве что стволы и боеприпасы.

Стволов с десятков - три ПМ, два охотничьих ружья - помповушка и автомат, пара АКСУ, да два «Кедра». Патронов разного калибра ко всему этому - несколько магазинов, пачек и вроссыпь.

Предложение поделиться не вызывает восторга, но тем не менее готовы к этому.

Вопрос один - как делить.

С моей колокольни - не шибкое сокровище все найденное.

Звоню Николаичу.

Думает несколько секунд.

- МЧС и так ящик с Судаевыми получило. По уму - они даже не стреляли. Там к «Ксюхам» сколько патронов?

- Эээ... Три рожка и еще десяток вроссыпную.

- Тогда им АКСУ отдайте и помповуху. И то жирно будет.

- ОБЕ АКСУ?

- Обе.

- Принято. Обе АКСУ и помповушку.

Подходит братец. Жует чего-то. В руке - полупустой полиэтиленовый пакет.

- Мы еще там немного харчей нашли. Делить тоже?

- Да ладно, вам нужнее. Токо не напирайтесь сразу.

- На всех поделить - совсем смешно. Тут и одномуто мало будет.

- Ну, двигайте. За агонирующим приглядывай.

- Само собой. Там, говоришь, операционную готовят?

- Ну да. Так что еще и тебя припашут.

- Разве что как сильно нерасторопного ассистента.

- Ты ж хирургией увлекался?

- На четвертом курсе. Так что шить отвык вовсе.

- Ну, живы будем - сегодня на семинаре встретимся. К слову - помыться не забудь - там у них даже ванна есть.

- Пахну?

- Не то слово.

- Это изза того, что в морге сидели.

- Ага. А так от тебя розами и амброзиями пахнет обычно. Пока не уехал - может нужно что?

- Нужно. Патроны к ПМ у тебя найдутся?

- Вот, последняя пачка.

- Последнююто вроде не отдают?

- У меня еще две обоймы.

- А насчет медикаментов?

- У МЧСников возьмишь, если что.

- Ну, все - до вечера! Голову береги!

- И тебя туда же!

Надежда вылезает из салона «Хивуса».

- Думаю, что транспортировку перенесут. Вы проверили - ничего не осталось в салоне нашего?

- Проверил. Вот - братец остался вне салона.

- Уже все, ухожу.

Вместе с братцем уходят и оба водилы, до этого что-то осматривавшие винт своего

глизсера. Машем прощально руками, и набитый людьми агрегат усвистывает по льду в Кронштадт.

Стараюсь поаккуратнее уложить оружие, лежащее на тряпице, похожей на половинку покрывала, потом вяжу корявоватый узел (такие обычно таскают беженцы и погорельцы, только вот хорош он для подушек, а не оружия) и укладываю его сзади в УАЗ. Торчащий ствол автоматадробовика мешает, вытягиваю пушку из узла и стараюсь ее поставить аккуратно. Обнаруживаю крепление - в нем стоит двустволка. Ну, раз есть крепление - то пусть в нем стоит автомат, а двустволку... она еще и не заряжена - можно и так уложить. Вроде не особенная она какая - обычная наша тулка, да и калибр мелковатый, не 12 во всяком случае.

Когда садимся с Надеждой в УАЗ, вызывает Николаич.

- Что, все еще поделиться не можете?
- Не, уже поделились, госпиталь плавучий убыл.
- Эт хорошо. Вы возьмите видеокамеру.
- А канистры?
- Пока не треба, тут уже подразжились. Сварщик где? Не нашелся?
- Телефон у него занят.
- Вот черт! Ладно, ждем вас.
- Принято.

Надежда Николаевна очень неодобрительно на меня смотрит.

- Что я сделал сильно не так?
- Не мое дело врача учить...
- Бросьте. Здоровая критика снизу, сверху и сбоку - основа врачебного мастерства.
- Про врачебное мастерство ничего не скажу, а вот ППС хрен знает кому - Вы отдали зря. И патроны тоже в конце. Хоть он и брат Ваш.
- Ну, тут нас и Ильяс прикроет и у Вас...
- Это легкомыслие. Может случиться всякое - останетесь один - с двумя обоймами - курам на смех. Хотя бы из узелка возьмите чтонибудь. Меня подташнивает, когда я вижу невооруженного человека, тем более врача.

- Вы правы. Я сейчас тут приторможу и схожу за камерой, а Вы - если не трудно подберите на свой вкус эквивалент.

- Хорошо.

Идти мне недалеко - чертов УАЗ спокойно пролез на лед и мы подъехали почти вплотную к «Хивусу». Непривычно - до этого ездил только на обычных машинах. Начинаю понимать людей, которые любят джипы. Есть за что.

Ильяс на секунду отрывается от бинокля, ухмыляется приветливо и снова начинает осматривать местность. В его действии есть что-то механическое, хотя я понимаю, что это стандартный способ снайперского контроля - зигзагами от близкого к дальнему участкам...

Беру камеру, все-таки прихватываю канистру с бензином и скоро мы уже катим снова вверх - к Коттеджу. Надежда спроворила один из «Кедров», четыре магазина к нему и три патронные пачки. И пока я это не разместил на себе - не успокоилась. Зато сидит сейчас довольная, как кошка, у которой за ушком почесали.

Бревно уже спихнуто с дороги, поэтому выкатываюсь на перекресток.

Удивляет то, что наши не стоят в полный рост. Вижу только Серегу, пристроившегося лежа за каким-то «Опелем». Правда лежище пулеметчик себе оборудовал на каком-то пальто, но то, что он внимательно смотрит в сторону Санкт-Петербурга, мне как-то не нравится - нет никакой расслабухи после удачного боя, наоборот, видно, что вологодский взведен, как боевая пружина.

- Ну, что тут?
- Да знаешь, похоже, странновато тут все. Думали просто бандюганы - мародеры. А тут как-то гаже.
- А что гажето?

- Дуй к Николаичу - они у караулки сейчас.

- Которой?

- Вон той - Серега дрыгает ногой, показывая ботинком примерное направление.

Поневоле пригибаясь, двигаемся между машин. Новоприобретенный «Кедр» удобно лег в руки. Смешная плюшка...

У караулки стоит мангал, вкусно пахнет шашлыком. Правда видно, что шашлык пригорел маленько.

- Эй, медицина!

Смотрю, кто тут такой фамильярный. Оказывается - Саша. Мы его не заметили - и прошли боком к нему, а он уютно устроился за зеленоватым «Хюндаем» с прострелянными стеклами... Сидит, смотрит на нас и улыбается во весь рот. Нехорошо. Хреновый из меня Виннету.

- Ну, что тут?

- Стоял дозор из десятка сукиных детей. Несколько человек мы внизу постреляли, в тех двух машинах, двух Ильяс зацепил - один у Коттеджа валяется, второй - вон стоит...

- Где? Как стоит?

- Стоя стоит - на два пальца левее указателя. Видишь?

Указатель - вижу. Вытягиваю руку, отставляю два пальца, прикладываю их как бы к указателю, глядя при этом одним глазом - старый метод целеуказания - и действительно - за нетолстым деревцем стоит мужик в грязном камуфляже и целится в нашу сторону. То есть - целился. Он попрежнему стоит как статуя, только оружие у него из рук уже кто-то вынул.

- Впервые вижу такое каталептическое трупное окоченение, только читал о таком. А Вы, Надежда Николаевна?

- Тоже не доводилось. Это при попадании в голову такое бывает?

- Да, ментальное разрушение продолговатого мозга.

- Лихо!

- Ну, а еще один куда делся?

- Удрал, сволочь. Мужики было за ним погнались - но этот парк как лес, плюнули и вернулись. Вот сижу, смотрю, чтоб он обратно не пришел.

- А чего ему возвращаться? Небось чешет во все лопатки.

- Николаич считает, что это не вся банда. Да и сами по себе это отморозки до абсолютного ноля. Шашлычок видал?

- Ну, да. И что?

- Непростой шашлычок. Очень непростой.

- То есть?

- Сами увидите. Еще и снимать будете.

- Ну ладно. А где Николаич?

- Он с опером в караулке. А Вовка - около УАЗа.

- Ладненько. Смотри в оба!

В готической караулке в които веки и впрямь пахнет караулкой. Тут судя по всей обстановке и ночевали разбойнички - койки, матрасы, даже и белье на них. Шмотки - очень похоже не принадлежавшие разбойному люду, чемоданы, сумки - но толком рассмотреть не получается.

Николаич озабочен и помоему очень зол. Кивает головой и с места в карьер огорошивает тем, что получается так - тут мы накрыли одну смену. Так что возможно прибытие следующей - возможно с усилением. Ввязываться в бой нет никакого смысла.

Желательно уносить ноги и поскорее. Что повезло - нас никак не ждали. Работали в штатном режиме - потому и легли от нашего огня большей частью не вякнув. Также повезло - оружие у них ближнего боя, явно из арсенала МВД. Плохо, что ни Михин отец, неизвестно куда дернувший, ни этот чертов сварщик никак о себе не заявляют, а уходить, бросив двух человек - из рук вон плохо.

- А что отвечает телефон Михиногo отца?

- Выключен, или находится вне действия сети.

- Мда, положеньице... Но не жить же нам тут? А почему решили, что здесь одна смена?

- А вот - смотрите - железный ящик. А в нем кулек с золотишком. И зубы и кольца и цепочки и серьги. Не принято так в мелкой банде, складывать в общий котел. Вы, кстати, давайте, снимайте все. Что видите, то и снимайте - потом разбираться будем. И комментируйте. Так вот Дмитрий говорит, что и бумажки интересные нашел. Гнездо у них не здесь - они сюда на дежурство прибывают. Еще есть нюансы. Сестричка. Вы помогите оперу собрать тут что интересного найдете. Пошли за мной, Доктор.

Перебравшись через дорогу - к тому, стоящему у дерева труп - Николаич просит пока поснимать общие планы, а сам неслышно ускользает вперед. Понимаю это так, что обеспечивает безопасность места. И совершенно неожиданно слышу из кустов переливчатый звонок мобильного телефона. Позвонили Николаичу не вовремя.

Пока снимаю мертвеца - ему действительно перепало сбоку в голову. Попутно нахожу входноевыходное от Ильясовской пули.

Когда уже заснял перекресток - вылезает Николаич.

- Этот Михин папаша объявился. Сказал, что вышел с той стороны парка и подловил бежавшего от нас ублюдка. Не отвечал, потому как телефон вырубил, пока охотился. Получается так, что разумно сделал - вот забренчал бы, как у меня сейчас...

- А это точно он?

- Получается так, что он. Я ему вопросик задал - кто там с ним в машине еще был. Ответил верно. Сын, друг и врач из морга.

- Ну, все равно осторожнее стоит быть.

- Само собой. Осторожность лишней не бывает. Я ему сказал выходить к караулке - второй - там как раз Саша посматривает. Заодно глянем, как Саша сработает.

- Как бы они друг друга не постреляли.

- Да не должны бы. И Саша не дурак и мужика я проинструктировал - как услышит на перекрестке «Стой», так стой - и руки в гору. Идем, тут еще есть что снять - за караулкой и в караулке.

Оказывается, что речь идет о второй караулке - их тут две. Мы возвращаемся к шашлычнице. По дороге Николаич предупреждает Сашу о госте. Саша кивает.

Около караулки сидит на цепи голый мальчишка лет шести - семи. Картинка милая - потому как детеныш жрет чьюто ступню. Ясно, что пацан - мертвяк. Снимаю.

- Упокойте его. Из мелкашки.

Пацан не обращает на нас никакого внимания, но после выстрела не падает, а остается сидеть - только недогрызенная ступня вываливается из рук.

- Да что за черт! Или закон парных случаев - и еще один кататоник?

Николаич показывает пальцем кудато вниз. Наклоняюсь и чувствую, что бешенство мутит голову.

Мальчишка сидит на достаточно толстом металлическом штыре вроде лома.

И, скорее всего - от этого мальчик и помер. Николаич стягивает тело с испачканного кровью, дерьмом и содержимым тонкого кишечника стержня - точно, вбитый в землю лом. Труп опускается на землю - тут вижу то, на что не обратил внимание раньше изза ярких и пестрых гольф - голени искривлены - проверяю - да, перебиты голени. Качественно так перебиты.

- Вы снимайте, снимайте - говорит тихо Старшой.

Снимаю. Потом снимаю стоящие внутри караулки баки - литров по двадцать.

Отборное мясо. Правда, без разбора, как положено в производстве - видны куски похожие на окорок, куски помельче - вперемешку. Когда Николаич поднимает крышку последнего бака, я уже знаю, что там увижу - потому не удивляюсь виду нескольких печеней и сердец - нормальных, человеческих внутренних органов. В принципе в анатомичке ровно то же и было. Разве что назначение было разным.

- Ну, как, Доктор?

- Да паршиво. И не зомби - а людоеды.
- Двинули дальше - там у них три станка для разделки. Не тошнит? Меня так подташнивает. А Вовка и сблевал.

- Ну всетаки подготовка имеет место... Но прибил бы я кого из этих гурманов с удовольствием...

- Не ровен час - накличете.

С улицы доносится приближающаяся невнятная брань, прерванная звонким «Стой!».

Николаич осторожно выглядывает в щель и спокойно говорит:

- Получается так, что пришел Михин папа. И Саня его взял грамотно.

Вылезает на улицу. Действительно Саша подловил и этого мужика, как до этого нас.

Мужик стоит с поднятыми руками и продолжает ругаться. Узнает меня и спрашивает:

- Рукито опустить можно?

- Конечно. Чего так материтесь?

- Вы разделочный пункт в парке видели?

- Видели. Сейчас снимать будем.

- Так чего спрашиваете?

- Получается так, что зря спрашиваем.

- Миша где?

- Перевязан, обезболен - сейчас его уже оперируют. Судя по расходу времени.

- В Кронштадте?

- Там.

- Какие перспективы?

- Для Миши - хорошие. Для Вашего соседа - плохие.

- А для твоего брата?

- Думаю, что тоже хорошие.

- Здесь еще долго собираетесь сидеть?

- Нет. Скоро поедем.

- Не забыли, что еще женщин в Стрельне забрать надо?

- Отлично помним. В парке никого не встретили?

- Этого пидора - да три штуки мертвяков.

- Ладно, помогите нашему парню в подготовке милицейского УАЗа.

- Хорошо. Что там готовитьто, бензин залил да поехал. С него все погибли?

- Нет, водиле пуля в руку попала, да одной из девчонок пуля оторвала палец.

- Надо же, как сvezло. Я уж думал им крышка. Вы там не копайтесь долго - не нравится мне тут очень. А я своей интуиции доверяю.

- Не волнуйтесь. Мы мигом. Пришли бы вы раньше - раньше бы уехали. Решили вас не бросать.

- А, ну да... не подумал... Зато я его снес, суку!

- Это его АКСУ? Ну, за спиной?

- Его. Токо патронов мало.

- Сколько?

- Ну... рожок. Неполный.

- Тогда оставьте эту штуковину себе - а ППС - верните Доктору.

- Так у него же еще - вон висит.

- Хотите поменяться?

- Не, не хочу... Держите.

Получается снимать не так быстро, как хотелось бы. Тут даже меня пронимает. Три перекладки, как гимнастические невысокие турники, на двух еще растянуты не до конца разделанные тела. Чемто напоминает гейдельбергские поделки - там тоже экорше в непривычных академичному глазу позах. В принципе так разделяют в деревне свиней - подтягивают за задние ноги и достаточно секануть по брюху аккуратно - все внутренности вываливаются долой. Охотники так тоже делают. Доводилось видеть.

Пока я снимаю, Николаич нарезает круги, постепенно удаляясь от меня и места разделки.

Не понимаю, что его так заинтересовало.

Заканчиваю, надеясь, что старательно запечатлел все. При видеосъемке важно не дергать камерой и не терять резкость - чтоб потом на стопкадре было видно, что и как. В свое время потратил много времени и угробил кучу пленки, пока не насобачился снимать так, как следует.

Возвращается озадаченный Николаич.

- Сняли все?

- Все. А что Вы искали?

- Внутренности. Кости. Следов того, что закапывали - нет. Даже кожи нет.

- Возможно, недавно тут разделка работает?

- Непохоже. Кровь они спускали - так по этой канаве сгустки метров на сто. С пары тел столько не наберется. Самое малое - десяток. Но уверен - больше.

Выбираемся из такого уютного раньше парка - Дмитрий с Надеждой волокут какие-то сумки. Собрали все, что нашли полезного и интересного в помещении.

Оказывается, что мы не заметили слона - за жилой караулкой притулился незаметно «Жип Широкий» - опер натренированным глазом сначала нашел ключи с брелком.

А потом методом дедукции и выхода через заднюю дверь обнаружил и Джип Гранд Чероки - сочного вишневого цвета, всего с одним пулевым отверстием в водительском стекле.

Тремя джипами скатываемся вниз - к «Хивусу». Оттуда высовывается водила и кричит, чтобы я позвонил сварщику по телефону. Оказывается сварщик отзвонился на тот - госпитальный сантранспорт - но там уже таскали раненых и потому свалили связь на меня.

- Отыскался след Тараса!

- И где этот болван?

- Сейчас узнаю.

Так, уже лучше, теперь телефон уже не занят.

- Помогите мне, пожалуйста, помогите!!! - трубка так орет, что приходится отдалить ее от уха.

- Спокойно! Вы где?

- На дереве...

- Где это дерево?

- Тут в парке!

Николаич нетерпеливо отнимает у меня мобилу. Звук громкий - слышно всем, кто не на охранении.

- Парк большой. - терпеливо, как с идиотом, хотя впрочем - почему как - именно с идиотом - начинает говорить Николаич. - Куда вы пошли от берега?

- Я пошел к вам, потом стали стрелять... я взял в сторону и заблудился...

- Вы видите как-нибудь дома?

- Нет...

- Шоссе переходили?

- Не помню, нет наверное...

- Нет - или наверное?

- Нет...

- Так, что потом?

- Увидел собак, они странные какие-то - сразу напали.

- Вас укусили?

- Нет, я успел на дерево залезть. А они внизу сидят.

- Сколько собак?

- Четыре. Три - и еще одна.

- То есть три рядом и одна - в сторонке? Не лают?

- Да, так. Сидят молча.
- Оружие у Вас есть?
- Ннет...
- Я ж вам выдал ПППШ?
- Я его уронил... Когда собаки погнались...
- Ясно. Через пару минут начинайте кричать «ау».
- Вы мне поможете?
- А куда денешься...

Выключает мобилу, протягивает ее мне.

- Получается так, что этот иерой сидит гдето совсем рядом. Тут до поселка - доплюнуть можно. Чтоб заблудиться - постараться надо. Найдито его не вопрос. А вот собаки мне не нравятся. Тем более молчаливые.

- Дохлые псинкито? - влезает Михин папа. Он уже осмотрел печально свой УАЗ и теперь стоит с сокрушенным видом.

- Скорее всего. Пойдете с нами?

- Тык у меня патроновто чорт ма.

Николаич сопит, потом спрашивает меня:

- Что там - патроны есть к автомату?

- Есть. Десятка два.

- Получается так, что придется выдать оружие помощнее...

И выдает дробовикавтомат и патроны, выкопав их из узелка.

- А может и пистолет дадите? Ну, пока тосе?

Николаич, сопя, выдает и ПМ с горсткой патронов.

Немного повеселевший Михин отец начинает снаряжаться.

Остается на месте Серега и Ильяс. Беречь джипы и амфибию. Вообще я бы лучше их с собой видел, както спокойнее было бы. Вот то, что оставили Надежду - это хорошо.

Влезаем в жидковатый лесок, разделившись на две ударные тройки и обоз. Слева - глубже в лес - идут Николаич с новобранцем, да Дмитрий, в правой тройке - Саша, Вовка да я, а обоз остается на берегу.

Одновременно останавливаемся - впереди и левее дикий голос начинает орать «ау!». Ага, уже легче. Стараемся не шуметь, идя на голос. Мужик орет от души. В другое время - не выдержали бы, расхохотались. Но тут собачки... не смешно. Ни разу не смешно.

Мужик недалеко ушел - пройдя меньше двух сотен метров, левая тройка останавливается. Кустов тут совсем мало - даже я вижу здоровенный нарост на достаточно тонком дереве. Сварщик, словно мартовский кот, сидит метрах в трех над землей и жалобно вопит. С чувством. Как Козловский...

А вот собак я чтото не вижу. Вовка вроде тоже - слишком головой крутит. Зато Николаич и новичок недвусмысленно прицеливаются. Они же и начинают стрелять первыми. Тут же начинает молотить и Вовка, но не в сторону сидящего на дереве - а вправо. В сторону дорожки. Я цель к своему стыду не вижу. Краем глаза замечаю, что правая тройка лупит теперь кудато влево и опер тоже сует в ту сторону короткие очереди.

Ладно. Зато я все это время бдительно охранял наше воинство с задней полусферы - и ни единый враг с моей зоны ответственности не прорвался. Так и запишем.

Пальба прекратилась, все спешно заряжаются. Мужик, невзирая на эту суматоху, продолжает аукать как нанятый. Подходим к нему под дерево. Внизу валяется довольно приличных размеров дворняга. Еще одна - практически такая же - метрах в пяти. Больше псов не вижу.

- Эй, на мачте! Землю видно? - громко спрашивает Николаич.

- Ау! А? - сварщик прекращает свой концерт.

- Мадам! Извольте слезть! - это Вовка.

- А, да конечно, слава богу, я уж думал, что тут сдохну!

Понятно, теперь полчаса у него будет словесный понос, а потом не удивлюсь, если

уснет, как вырубится. Стрессто у него был изрядный. И реакция будет изрядной.

- Где бросили ППШ?

- А? ППШ? Автомат? Гдето тут вот. Сейчас. Сейчас найду, конечно. Мигом!

- Стойте, сами найдем. Откуда бежали.

- Вроде оттуда. Помоему. Мне так кажется... Я практически уверен...

- Не - он оттуда бежал - заявляет Михин батя, осмотрев ствол дерева - видно ж как карабкался. Отсюда начал - значит вот так бежал.

Действительно с указанного им направления очень быстро получается результат - метрах в 15 лежал ППШ. С пустым, к слову сказать, диском.

Николаич смиренно вздыхает. Я смотрю на трясущиеся руки перепуганного сварщика и тоже смиренно вздыхаю. Надо бы ему дать седативных - так глядишь уснет. А нам надо, чтоб он сперва УАЗы усилил.

Возвращаемся тем же порядком. Но нас никто не преследует.

В обозе за время нашего отсутствия ничего не произошло.

Посмотрев на очумелого сварщика, решаем немного изменить план - сначала доехать до лодочных гаражей, принять семьи и уже там сварщик, придя немного в себя (я надеюсь) - сможет нормально наварить сетки.

Вылезать на СанктПетербургское шоссе совсем не хочется.

Михин батя - мы, наконец таки, с ним познакомились и он оказался Семен Семеновичем - причем я сначала не понял, почему он немного застенчив и почему ухмыльнулся Николаич - потом дошло - так звали героя «Бриллиантовой руки».

- Вот, и вам смешно. А у меня и супруга от кинематографа пострадала так же.

- Как?

- Ее Ларисой Ивановной зовут.

- И?

- Да «Мимино» это дурацкое! «Ларису Ивановну хочу!» Еще в студентках надоело.

- Ясненько, учтем. Так как поедет?

- А вот - по Нижней дороге. Или по совсем Нижней - то есть по берегу. Здесь вроде бы никаких целей нет - можем и по бездорожью. Тут кроме джипов сейчас никто и не проберется. А мы аккуратненько - шмыг - и на месте.

Знаю я эту дорогу - она идет понад берегом залива - и действительно достаточно раздолбана и безлюдна. На более - менее целых участках еще видно старое покрытие - из дореволюционной щебенки. Видно для гостей - совсем рядом с нами огрызки дачи Николая Второго - тут его сын Алексей как раз родился... На погибель Империи... Красивая была дача - с пятиэтажной башней и сделана на совесть - при Хрущеве взорвали... А мы тут пикники раньше устраивали. Четко - каждое 9 мая... И самовар с собой привозили. Красиво тут. И людей немного было.

От этих воспоминаний отвлекает голос Николаича:

- У кого есть что сказать важного?

- У меня.

- Потерпит до того момента - когда сварщик сетки начнет ставить?

- Потерпит.

- Тогда по машинам - командует Николаич - головной УАЗ - первая тройка, ведет хозяин, второй УАЗ Володя, вторая тройка, Доктор снимаете как можно больше всю дорогу... И знаете что... Поменяйтесь местами с Дмитрием. Лучше, чтоб Вам можно было по дороге указания давать, что обязательно снять. Так, теперь трофей... В трофее - группа тяжелого оружия и медсестра. Сейчас ведет Сережа. К слову - Сережа - возьми себе на ближний случай один из «Кедров». Племянничек СВД в салоне поухватистее будет.

- Я тоже умею - отзывается Надежда. - Умею вести машину.

- С автоматом ездили? С автоматической коробкой передач?

- Откуда? Но если негритьянки пожилые управляют - думаю, что и я справлюсь.

- Ладно, тогда сейчас и проверим. Все, поехали. Амфибия - сопровождаете параллельно

дороге, метрах в четырехстах.

- Мне куда? - пискает сварщик.

- В «жип широкий». И Надежда Николаевна - сообщите, когда мастер будет готов работать.

- Я уже могу.

- Вытяните руки. Нет, лучше уберемся отсюда, заодно и у вас руки трястись перестанут...

Трогаемся. Семен Семеныч - видно, что профи. Ведет так легко, что кажется - как бывает всегда, когда смотришь на работу мастера - неважно гимнаста или хирурга - что это сущий пустяк и я бы сделал так же играючи...

Попутно водила начинает негромко мурлыкать под нос какуюто песенку:

В гареме нежится султан, да, султан,

Ему счастливый жребий дан, жребий дан:

Он может девушек любить.

И я б хотел султаном быть.

Но он несчастный человек, человек -

Вина не знает целый век, целый век.

Так повелел ему Коран.

Вот почему я не султан.

А в Риме папе сладко жить, сладко жить:

Вино, как воду, можно пить, можно пить,

Он может утонуть в вине.

Вот если б папой быть и мне!

Но он несчастный человек, человек -

Любви не знает целый век, целый век.

Так повелел ему закон.

Пусть же папой будет он!

А я различий не терплю, не терплю:

Вино и девушек люблю, да, люблю.

Чтобы все это совместить,

Простым студентом надо быть.

В одной руке держу бокал, да, бокал,

Да так держу, чтоб не упал, не упал,

Другую обнял нежный стан -

Теперь я папа и султан!

Твой поцелуй, душа моя, душа моя,

Султаном делает меня, эх, меня!

Когда же водки я напьюсь,

То папой римским становлюсь!

- Ого! - восклицает Николаич - сто лет не слышал!

- Что? Эту песенку?

- Ага. Я уж думал ее и не помнит никто.

- Ну отчего ж. Мы с Валеркой - это сосед мой - всегда распевали, как поддадим.

Мы ж дальнбойщики - едешь да поешь всякое - и не уснешь и ехать веселее. Грузыто ценные, «грачей» нынче брать опасно. Может, вместе грянем?

- Обязательно. Только бы нам найти место поспокойнее - и чтоб «Хивус» смог подойти. Мне както с сетками спокойнее. А то любая зомбака не ровен час в окно прыгнет.

- Э, спокойных мест тут полно - сейчас заберемся к водокачке - там и обустроимся.

- Нам бы глянуть, что там в Знаменке.

- Это можно, конечно, только там выезжать я бы не стал. Лучше через Шуваловку.

- Почему?

- Дорогу там перекрыть - раз плюнуть. Пара ублюдков с автоматами в сторожку - и

копец нам. И не развернешься. А задом под огнем корячится - удовольствие малое.

- Ладно, обойдемся без Знаменки.

- Можем встать, в бинокль аккуратно глянуть.

- Хорошо. Нам вообще сама Знаменка равнофиолетова. Кронштадтским может быть интересна.

- Здесь как место? Подходит для ремонта? Я к слову - тоже немного варить умею, так что если что - сеткуто прихватить смогу.

- Годится место. Вполне. Встаем.

Местечко и впрямь вполне себе подходящее - от берега прикрывают деревья и тростники, от трассы - опять же деревья. В сотне метров - какое-то полуразрушенное краснокирпичное здание, но за ветками его видно плохо. Явно нежилое, так что вряд ли там сидит засада. На всякий случай Николаич и Семен Семеныч осматривают в бинокли окружающие пейзажи и остаются довольны.

Располагаемся под прикрытием машин. С подошедшего «Хивуса» вытаскиваются баллоны, шланги. Куски разномастных сеток и решеток. Михин батя напару с немного пришедшим в себя сварщиком начинают примеряться к работе. Ильяс с Сережей растопыриваются, беря в прицел окрестности. Остальные собираются кучкой и приседают на корточки.

- Ну, что там надо было сообщить команде медицинского? Токо Доктор - вкратце.

- Ясно. Сейчас наша команда оказывала помощь раненым. В целом - все отлично, но в наложении жгутов были грубые ошибки. Опасные. Поэтому - без деталей и упреков: Первое: Жгут накладывать ТОЛЬКО при артериальном кровотечении. Причем сильном. Таком, которое реально угрожает смертью. Девчонке при травме пальца жгут накладывать не надо было - максимум из нее выльется стакан крови, это она переживет. А от наложенного жгута может и с пальчиками попрощаться.

Второе: Если накладываете жгут - не тяните со всей дури - надо пережать всегонавсего артерию, а не разминать в хлам мышцы, нервы и сосуды. Не перекрывайте кровоток уже первым туром жгута - нервы попортите. И не себе, а раненому.

Третье: Если все же накладываете жгут - надо перетягивать артерии. Не вены! У девчонки жгут был наложен слабо - словно ей внутривенный укол собирались делать. Это плохо - артерии продолжают качать кровь как ни в чем ни бывало - а вот венозный отток вы перекрыли - кровотечение от такого жгута только сильнее. Рука со жгутом должна быть белой - и без пульса, а не синей и с пульсом.

Четвертое: У мента жгут наложен был правильно - но записки с временем наложения я не видел.

- Я писал - обиженно говорит Вовка.

- Вова - я не упрекаю! Сделал - молодец! Но я записки не видел - значит и в госпитале не увидят. А срок у наложенного жгута - полчаса - час - потом ручку нахрен отрезать придется.

- Глупости это, с бумажками - встречается Надежда - пишите на лбу у раненого.

- Во, человек дело говорит! Наконец - последнее - пятое - жгут очень серьезное мероприятие, небезразличное раненым. Поэтому - не частите. Чем меньше наложено жгутов - тем лучше.

- Понятно - отвечает опер. - Ну и как мы узнаем - артериальное это кровотечение или венозное?

- Дык артерии идут в глубине конечностей - под прикрытием мышц и костей. Вены - поверхностнее - обеспечивают отток. Артериальная - светлая, алая, венозная - темная.

- Позвольте, я добавлю - хмыкает Надежда Николаевна.

- Валяйте!

- Валяю! Все просто - артериальное кровотечение - как молодецкая эякуляция - стреляет струями, прерывисто, мощно. Из сонной - аж на три метра может прыскать. Венозное - как старческое мочеиспускание - вялая струйка с убогими потугами на

пульсацию... Так понятно?

- Понятно...

- Раз понятно - мы с Ильясом сейчас сходим глянем на Знаменку. Доктор с камерой - держитесь сзади, мало ли, снять будет что. Остальным - по расписанию боевого дежурства.

Элегантный особняк Знаменка гордо стоит на холме - и глядя на него Николаич тихонько присвистывает.

- Красиво люди жили. Тут если все расчистить - загляденье.

- А сейчас как насчет живых?

- Сейчас живых не видать. Зомби вижу. Немного.

- Ну. Уже легче. Я боялся, что у этих тварей тут основная база.

- Да, их гнездо искать придется. Неизвестно, что они там задумали.

- Я бы их гнездо лучше бы с броней искал. Както не воодушевляют меня джипы.

- Меня тоже. Но кто ж знал... То есть бандиты должны быть - и первое время их должно быть густо. Однако вот такого - не ожидал...

- Я панораму снял. И на приближении - тоже.

- Тогда возвращаемся.

И мы возвращаемся.

Пока мы ходили, ребята вытащили из амфибии жратву и термоса - и сидят закусывают. Только мастерсварщик старательно что-то налаживает и колдует над оборудованием, остальные обжигаясь хлебнут чай и жуют, что бог послал. Я видел, что тащили две коробки - одну «от Дарьи», другую с сухпайком на сутки. Сухпай получили от Крепости. И Ильяс успел уже отметить, что в этом сухпае - все те же хлебцы, мясорастительные консервы - проще говоря, перловая и гречневая каши с мясом, ну и еще правда сахар добавлен. Это НЗ - на всякие непредвиденные. От Дарьи же вещи куда вкуснее - немножко уже подчерстевшие хлеб и булка, что для многих обитателей Крепости уже лакомство, масло, плавленый сыр в коробочках, вакуумные упаковки с ветчиной, несколько банок с пресервами - в основном селедкой. Привет от минисупермаркета, в который уже черт знает как давно мы ходили с Сергеем...

Семен Семеныч орудует ложкой и вилок - я то с чего-то взял, что он голый и босый, совершенно упустив тот момент - что вот он - его джип, а у охотника в джипе много чего откопать можно, не только ложкувилку.

Жалею, что Дарья не видит как он ест. Нормальной женщине вкусно и со вкусом жрущий ее стряпню мужчина тоже доставляет удовольствие. Одним видом. Видно, что Семен Семеныч знает толк в житейских радостях. И ест с аппетитом. Тоже наш человек - бергинизатор.

Присоединяемся. Этаким пикничок получился. Жаль только, что совсем недалеко такое, что даже мне вспоминать неохота, чтоб аппетит не портить.

- Мужики, а горяченького спроворить не получится? Роллтона какого или еще что? - просительно говорит Семен Семеныч.

- Вот кашу, например можно подогреть. Пойдет?

- Конечно, пойдет. Паяльная лампа есть в хозяйстве?

- Лампы нет, сварка есть.

- Отлично. А где банка?

- Держи.

Радуется, что, получив банку, Михин отец тут же ее вскрывает. Дурни, взявшиеся разогревать не открытые банки, получают массу удовольствия, когда консервы начинают рваться в костре с энтузиазмом ручных гранат...

Потом он отправляется к сварщику, минут несколько они колдуют вдвоем - и Михин батя возвращается с шипящей и аппетитно пахнущей жестянкой в которой пузырится гречка с тушенкой.

- Не подумайте, что жалею - но вы особенно не напирайтесь в один присест. Все ж таки постились несколько дней.

Семен Семеныч смотрит на Надежду с жалостью.

- Милая девушка, я отлично все понимаю, спасибо. Только это для меня не напираться, это так - легкая закусь. Не хотите каши? Горячая, с поджаристостью!

- Не откажусь.

И мне кажется, что железная Надя, как ее втихомолку окрестил смешливый Серега, разругивалась сильнее от этого видно непривычного «милая девушка» обращения и ласкового тона. Мужикито к ней клеились, раз она была в военном, судя по всему коллективе, а вот так - получилось очень подомашнему.

Сварщик тем временем уже освоился, выдернул Вовку в ассистенты - и начал с бесхозного милицейского УАЗа.

- Не нравится мне, что у нас ментовоз - допив свою кружку и выскоблив ложкой нерастворившийся сахар со дна, говорит Димаопер.

- С чего это? - спрашивает недоуменно Серега.

- С того, что на перекрестке было двое в ментовской форме. Причем очень похоже, что они и были ментами раньше. Арсенал - весь МВДшный. По своим они огонь открыли моментально - видели же и Миху в форме, и водила на УАЗе этом - тоже не в гражданке был. И неизвестно где эта шелупонь еще шарилась. Вот и выходит - если с ними встретимся - огонь они откроют без соплей. Если встретимся с теми, кого они обидели - нас могут не за тех принять... Короче - ситуация хреновая. - отмечает Николаич.

- Мальчишка на колу свеженину жрал - на нас даже не посмотрел. Значит, морфов они вполне могут откормить. - вливаю и я порцайку яда.

- И мы не знаем, где у них база. Припрямся на ремзавод - здравствуйте, посрамши...

- Мы морская пехота и должны выполнить свой долг! - цитирует Саша. - На самом деле не все так худо.

- И почему это?

- Оружие у них - хуже, чем у нас. Сугубо для помещений. У десяти человек - ни одного серьезного ствола.

- У девяти.

- Нехай у девяти. Броников - ни на одном нет. Все - без касок. Действовали тупо - как ниггагангста какаято. Чего стрелятьто было сразу? Вы бы остановились?

- Не знаю. Ято стал тормозить, да Миша заорал, словно его шилом ткнули, чтоб я гнал.

- Интересно - что он такое заметил.

- Не знаю, он вообще глазастый. Как думаете - его прооперировали?

- Думаю, что еще оперируют. Да и после операции Вас сразу же не пустят.

- Под присмотромто лучше было б.

- А за ним мой брат присмотрит. Он хоть и пошел в судмедэксперты, но уход за пациентами у него хорошо получался. Ручаюсь. Его и пустят к слову.

- Ну, ваши б речи да богу в уши...

- Ладно, пошли готовиться к выезду - нам еще по КАДу пилить...

Подсознание еще не перестроилось - смотрю на украшенные опалинами и покрытые сетками машины - и не воспринимаю их как реальность. Словно на съемку очередного нашего «блокбастЭра» попал. Очень вторично - как в фильмах наших недорежиссеров - выглядит наша боевая техника. Дешевая голливудчина...

Однако дальше едем в этой панковской технике. Из разбитых окон немилосердно дует, правда скорость у нас убогая, так что терпимо. Периодически теряем из виду сопровождающий нас «Хивус», да пару раз приходится ждать Надежду - ведет она аккуратно, но очень медленно.

- Я думал, что вы этого сварщика всеми ебуками обложите - говорит Семен Семеныч.

- За что?

- За дикое поведение во время стычки.

- Получается так, что не за что - сами виноваты - взяли необстрелянного человека, неудивительно, что он голову потерял. Вот, к примеру, Суворов - тот который

генералиссимус - очень снисходительно относился к трусившим необстрелянным. Исторический факт.

- Стараются быть Суворовыми?

- Не самый худший образец для подражания. К слову - выто тоже не очень блеснули. Между нами - повезло вам несказанно - и нам тоже.

- Это в чем? В том, что по мне не попало, а прилетело другу и сыну?

- Не обижайтесь - тут как кому повезло - я про другое. Тот людоед, которого вы положили - мог бы точно так же вас положить. Окажись он чуток поопытнее или пошустрее... Вы ведь его на выходе из парка отстрелили?

- Ага. Смотрю - мелькает. Прилег в канавку - тут он и нарисовался. Я ему первой очередью по ногам, а потом когда он посреди дороги корчился - еще добавил.

- Вот видите. А если б он не мелькал?

- Так тут как кому повезет!

- Нифига! Побеждает не тот, кому везет, а кто организован лучше, обучен, кто все силы использует грамотно, координировано. Вы ведь действовали как бы в составе нашей группы? Но самостийно. Ни куда пошли, ни что делать собираетесь - нам не сообщили. Случись что - мы вам помочь ничем не смогли бы. И что делать - сидеть ждать? Без вас уезжать - стыдоба. А где вы - неизвестно.

- Ну это да. Свалял дурака, признаю. Очень уж зол был. Увидел, куда вы чесанули - вот и решил в тыл выйти. И ведь получилось же!

- Тактически ваши действия - на отлично. Без вопросов. И то, что этого пидора снесли - тож плюс. Но есть и минус - о чем говорилось уже - были бы на связи - глядишь у нас бы язык образовался. И мы бы знали, кто, где и почем. А сейчас едем наобум святых. Понимаете?

- Понимаю. А если б он говорить не стал?

- Шутите? У нас аж два медика в команде. Да и еще люди опытные есть. Соловьем бы запел. Что скажете, доктор?

- Скажу, что папаша Мюллер - из берлинского гестапо - говорил: «При применении допроса четвертой степени все говорят. Препятствием в получении информации может быть либо неопытность допрашивающего и применение недостаточных мер воздействия, либо полная неосведомленность допрашиваемого. В последнем варианте он все равно ответит на вопросы, но это будет совершенно ложной информацией и вызовет неправильные действия с потерей времени и сил.»

- А как же герои, которые не выдали военной тайны - и всякие образцы нестигаемых революционеров?

- Как сказал Мюллер. Либо допрашивали неумело, либо спрашивали не о том.

Мы бы спрашивали о том, да и допрос бы вели соответственно. Куда б делся...

- Ну, вы и штукари... - похоже, Семен Семеныч неприятно удивлен.

- Получается так. Цель оправдывает бомбы. Вы к слову не лучше.

- Это как же?

- Раненого добили, вместо того, чтоб оказать помощь.

- Так эта сука по нам стреляла! Первой!

- Получается так, что мы не на Диком Западе - это у мериканцев с детства вколочено - кто первым за оружие схватился, тот и виноват, того и повесить. Потому у них даже в политике - за оружие схватиться вторым, а вот выстрелить - первым... Ваши же действия с точки зрения действующего на нашей территории права - явное превышение самообороны. И чистое умышленное убийство. Будете спорить?

- Нет. Не буду. Но - пытаться?

- Вопрос очень спорный. Повашему лучше вот так благородно въехать в огневой мешок? И потом болтаться на потрошильне? Или вы из тех, кто считает, что бешеных собак нельзя стрелять, а надо их кормить-поить, давать книжки читать и освобождать досрочно - за образцовое поведение, чтоб они еще успели помясничить?

- За кого вы меня, дурака, принимаете? Нет, конечно...

- Так чего спорим? Чем своих терять - лучше пойти на любые меры по отношению к противнику. Притормозите - Жип отстал. Как дальше поедem?

- Можем аккуратно выбраться на Нижнюю дорогу - и по ней до АТЭП доберemся. По дороге можно будет глянуть что на заправках творится - между Знаменкой и Шуваловкой как раз две заправки ПТС стоят. Вот и посмотрим, кто тут верх держит.

- АТЭП - это что?

- Автотранспортное эксплуатационное предприятие. Мы там с Валерой работали.

- Чтoнибyдь есть интересное?

- Большегрузный транспорт. По нынешним временам - не самое ценное. Ремонтное производство. Но мне интереснее то, что там наши семьи - рядом. Лично для меня - это и самое ценное и самое интересное.

- У них как - все в порядке?

- Пока - да, я им все время звонил.

- Тогда так и делаем.

Нижняя дорога совсем пустая - в отличие от СанктПетербургского шоссе, идущего параллельно и на возвышенности. Там - то брошенных машин было густо.

Идем на приличной скорости и я стараюсь снять все, что глазу видно.

Зомби попадаетcя всего два раза - у коттеджного поселка пузатый мужик в роскошной шелковой пижаме - с виду целый и совершенно противоположная ему по всем статьям бабка в резиновых сапогах и облезшем лапсердаке. Эту грызли за лицо, кто - непонятно, потому как стоит посреди леска...

У деревни Шуваловка - это такой набор деревянного зодчества в русском стиле - и даже с ладьей, в которой спрятан ресторанчик - совершенно безлюдно. Опять же высылаются разведдозор со мною в хвосте. Вот тут Ильяс тихонько присвистывает - он первый засекает спрятанные около заправок бронетранспортеры. Так их не видно - но когда покажут, гробовидные контуры выступают отчетливо.

- Ну, ты глазастый!

- А то ж! Я ж не зря из семьи, где были «амурчики»!

- Какие это амурчики? С луками?

- Ага.

- Кончайте трепаться!

Снимаю с упора, тщательно - понятно, что такой возможный противник будет серьезной угрозой. Людей долго не удастся засечь, наконец, там проходят два человека - один в ментовской форме, другой - штатский, у обоих чтото длинное, но не калаш.

- Итак, какие мысли?

- Мысли такие, что соваться под пулеметы както стремно. Если это свои - один коленкор, а если нет - то мы и вякнуть не успеем.

- Фифтифифти.

- Пошли обратно...

Дмитрий все это время пытается шариться в эфире, но както нефертикуляписто это у него получается. Пока ничьих переговоров не поймал.

Быстро проводится блицопрос - соваться ли нам туда, где стоят БТР?

Результаты не удивляют - практически все единогласно решают этого не делать.

В скором времени, убедившись, что в АТЭП ворота настежь и никого нету, просачиваемся дальше, вдоль забора.

- Тут завод - для рыбаков какуюто механику делали... А сейчас - вот тут и мои. Выходим аккуратно, а то шарнут сгоряча...

Я почемуто ожидал, что домашние сидят в какомто лодочном гараже - а они в целом довольно комфортно разместились в домике не то сторожа, не то диспетчера - видна пристань, причалы - если это и не яхтклуб, то чтото похожее. Подступы просматриваются - и простреливаются. Но тут чисто - ни живых, ни мертвых.

На всякий пожарный выставляем часовых, после чего, наконец, происходит встреча. Нельзя сказать, что шибко радостная. Как - никак двое тяжелораненых - по одному в каждой семье. Поэтому радость быстро стихает, как только узнают о последних событиях.

Всего тут шесть человек - старушка, две женщины и трое детей - от девушки на выданье до погодков мальчишки и девчонки лет семи - восьми. Два ружья - у решительной на вид женщины, оказавшейся как раз Ларисой Ивановной - и у старушки.

Держат уверенно, видно, что умеют с оружием обращаться.

- Ну, и как вы тут жили?

- Как всегда - фыркает Лариса Ивановна - куры не доены, кошки не стрижены, тараканы не кормлены и щи пригорели...

- Собирайте вещи.

- Уже все с час как собрано. Как Миша с Валерой?

- Их оперируют. Пока сказать нечего. Надеюсь на хороший результат.

- Понятно. Ну, здесь нам делать нечего. На какой машине поедет?

- Вон на той - видите - подгребают?

Хоть жена Семен Семеныча видывала виды, тут у нее брови становятся домиком - не видала она «Хивуса» похоже. Странно - раз они тут обретаются - то наверно лодка своя есть, должны бы встречаться.

- Так мы морем поплывем?

- Скорее полетите - эта штука на подушке воздушной.

- Ой! Я бы лучше сушей.

- Лора, не дури - пятнадцать минут - и все в Кронштадте. Там встретят.

- Я бы лучше сушей.

- Мишке сиделка не помешает. И детей сейчас по дорогам возить - совсем ни к чему. Не валяй дурака.

- Вот с кем поведешься, с тем и наберешься. Ладно, пошли за вещами...

Пока они разбираются с вещами - подхожу к Ильяссу.

- Слушай, так что ты говорил насчет амуров?

- Так французы и прочие европейцы презрительно называли нашего брата, служившего в легкой иррегулярной кавалерии. У многих и впрямь луки были. Летомто презрительно, а как побежали зимой из Москвы, роняя кал, так наши им и задали. Вот если был в Эрмитаже в Галерее Героев Отечественной войны - там есть портрет моего предка.

Начинаю судорожно перебирать в памяти портреты генералов царской армии, но чето никого из иррегулярной кавалерии не вспоминаю.

- А где там?

- Стыдно не знать - там две картины Хесса. Вот на той, которая «переправа через Березину» - справа - как раз мой предок. На лошади, красивый такой. У прабабки еще украшение было из какого-то золотого ордена - не то польского, не то французского...

Оттуда привез. Много чего привез - разбогатели.

Смотрю на его невозмутимую физиономию и не могу понять - шутит или нет...

Через пятнадцать минут оба семейства грузятся в амфибию и вместе с кучей вещей и сварщиком усовистывают в направлении Кронштадта.

- Семен Семеныч, вы тоже могли поехать.

- Ага, а УАЗ я на кого оставляю?

- Ну, так сейчас всяких машин можно добыть и поновее.

- А мне нужна не поновее - а моя. Едем?

- Едем. Чтото хотите сказать?

- Да совсем перед этим Концом Света к нам приехала на мелкий ремонт фура - с бананами. Фары у нее не работали. Я подумал, что бананы эти за неделю не испортились.

Можно было бы фуру пригнать в Кронштадт - глядишь - и пригодилась бы. По всему судя бананов мы теперь долго не увидим...

- Получается так...

- А разведать, что там на заводе - можно от Нойдорфа - подъехать, да глянуть. С той же фуры - далеко видно будет.

- А там эта громада сможет развернуться?

- Смотря кто за рулем будет.

- Если - вы?

- Тогда без проблем.

- Пойдемте, глянем.

Здоровенный «американец» с кабиной, в которой есть холодильник, спальня, телевизор и прочие навороты, так и стоит, как его поставили в то еще мирное время.

Семен Семеныч хозяйственно осматривает, заводит. Фары действительно не включаются. Зато все остальное в порядке.

Мы в это время парами осматриваем предприятие - стоит еще с десятков фур, но следов смертоубийства не видно - похоже, народ просто разбежался - вот следы поспешного бегства - везде. Мертвяков - тоже нет. Просто пусто.

- Не хочется все же туда идти полной колонной - еще и с грузовиком. Давайте лучше двумя УАЗами. И желательно не к главным воротам.

- Да не вопрос. Единственно там через железную дорогу надо перебираться - на УАЗах - тоже не проблема. Вот этот полупаркетник может и не перелезть.

- Это вы про Жип?

- Про него, горемычного. Когда едем?

- А сейчас и едем - чего ждать.

- Нечего ждать. Но может тут чемнибудь полезным разжиться можно? Наши пока тут нас будут ждать - глядишь и сделали чего полезного.

- Можно солярку слить из всех фур. Вон там были пустые бочки и канистры - замка я не вижу, так что взять, да налить...

И отлично.

Пара УАЗов осторожно пробирается по какимто улочкам. Через рельсы мы перебрались не без трудностей, но достаточно просто.

Семен Семеныч напряженно мурлычет очередную песенку, которую я впервые в жизни слышу. Впрочем, она не более идиотская, чем современная эстрада... Даже пожалуй нравится больше.

Зелененький кузнечик чемуто очень рад,

Сидит себе на веточке, коленками назад.

Нашел себе подружку, не девка - просто клад.

Такая же зеленая, коленками назад.

Ходил по ресторанам с ней, пил водку, лимонад

И время проводил он с ней коленками назад.

Потом сыграли свадьбу четыре дня подряд,

Под «Горько!» целовались коленками назад.

А после этой свадьбы, соседи говорят,

Все гости расползались коленками назад.

Потом на профсобрании об этом говорят:

Морально разложился он коленками назад.

- Вот, приехали. Что интересно - зомби не больше десятка видели, а вон тот забор - как раз ремонтный завод.

- А это что за одинаковые домишки? Коттеджный поселок?

- Ага, Нойдорф. Немцы построили для фольксдойчей. Для русских немцев.

- Симпатично.

- Ну, что полезли на крышу смотреть?

- Токо лучше на ментовский...

- Ладно, понял.

Непонятно почему - но тут зомби мало. Нет, есть конечно и к нам направилось

несколько штук, но не то, что было в Кронштадте и уж тем более не то, что в Питере.

Что непонятно - и живых тоже не видно.

Пока Ильяс отщелкивает идущих к нам мертвяков из бесшумки, Николаич осматривает территорию за забором.

- На кране наблюдатель - говорит Ильяс, перезаряжая магазин.

- С чего взял?

- Блик видел. То ли бинокль, то ли очки. То ли стекло в кабине поднял.

- Ага, вижу. Доктор, залезайте - снять нужно.

За забором рядами бронетехника. Но весьма убогая, ржавая и какаято неухоженная. Помоему частью и горелая. Та, что мне видна - БМП - 1 и БТР - 70 (а может и другой цыфири, не секу я в этом). Какието голубые контейнеры. Вдали - опять же броня рядами, но не вижу - какая именно. Людей не видно, да наблюдатель смущает. Правда может это и обезумевший от голода и жажды крановщик, спасающийся там от толпящихся внизу зомби в спецовках и с гаечными ключами. А может и представитель команды людоедов.

Может быть - и рабочий... Или из местных - из окошек чтото никто тряпками не машет... В конце концов разоруженная бронетехника - все равно серьезная сила. Интересно - куда они складировуют снятое вооружение? Тут, на заводе - или гдето в другом месте. Можно бы рискнуть и сунуться... Но както поневоле хочется, чтоб между мягким пузиком и возможной автоматной очередью было чтото вроде брони БРДМ... Похоже, что Николаич разделяет это мнение, потому как предложений устроить пешую прогулку както нет.

- Все сняли?

- Да, и круговую панораму тоже.

- Тогда так - проедем еще вперед - возьмем с другого ракурса - а то тут корпуса цехов загораживают - и за бананами...

Что и делаем. Мне кажется, что я увидел и БРДМки. Нет, конечно, землю есть не буду, но очень на них похоже. Хотя... хотя может быть и БТР... Далеко все же.

Так же аккуратненько и не привлекая ничьего внимания - по пустым улочкам мимо какогого неизвестного парка с громадным прудом утекаем обратно. Добираемся благополучно.

Там, откуда мы убыли - все в целом как и было - только у ворот валяется свежий упокоенный - легко одетый светловолосый парень. Надежда бдит, стоя на крыше фуры, а Саша с Димой и Серегой пыхтя тартают бочку. Судя по скрежету - полную.

- Тут есть запасец соляры - мы баки залили под завязку, а еще три бочки полных.

- Знаете - давайтека мы их припрячем. Потом - если тут будем - так найдем.

- Куда лучше?

- А вот сюда в хлам этот. И прикроем.

- Теперь как?

- Вы ж на КАД хотите?

- Ну, да...

- Тогда по Волхонскому шоссе - как раз на развилку и выйдем.

- Какой порядок?

- Получается так, что лучше вперед пустить фуру.

- Ежели обстреляют - так пусть чужака первым?

- Нет. Все равно фуре придется спихивать с дороги машины - сейчас мы вон - вьюнами вились - а на шоссе я думаю еще гаже обстановка. Так уж лучше сразу дорогу почистить - глядишь и нам пригодится. Если хотите - могу с вами поехать.

- Ладно, это я так, спросту. Но от пары стрелков в кабине не отказался бы. Сетокто у меня нет. И еще - за руль моего УАЗа - посадите опытного водилу. Я серьезно.

- Разумеется. Вот Володя и поведет.

Выпадает ехать в американце мне и Саше. Мне - потому что сверху и без сеток снимать удобно, а Саша както отлично освоил это сатанинское устройство для связи - и ловко с ним управляется. Да и в случае чего стрелять мы тоже можем - не как Андрей, но неплохо. За

нами встает джип Семен Семеныча с Вовкой за рулем, следом ментовский с Дмитрием (награда нашла героя) и замыкающим - Жип Широкий. Надежда уже освоила езду на этом агрегате, быстро мы все равно не помчим, так что должна справиться. Серега с пулеметом ей в компанию - и в случего прикроет огнем наши тылы. Вот так и трогаемся.

Ожидая, что Семен Семеныч споет еще что-то, но ему не до песен - мы ныряем в узкие переулки и меня в очередной раз удивляет как можно мастерски управлять таким слонопотамом. Несколько раз американец притормаживает и нежно спихивает с дороги стоящие как попало авто. От таких нежных прикосновений легковушки отлетают прочь.

Ориентировку я потерял, потому где мы болтаемся - представляю с трудом.

- Крутая все-таки у американцев техника - говорю я.

- Это смотря какая и где. И в чем.

- Ну, вот этот агрегат, например.

- Этому агрегату сто лет в обед. Крутизна в том, что бодаем без проблем?

- Ну, да.

- Стальные бампера перестали выпускать уже лет двадцать пять. Теперь везде пластик.

С пластиком я б так себя не вел. А старушка со стальными зубами - самый таран.

- А пластик - чтоб дешевле?

- И дешевле. И менять часто. И получать деньги. Сейчас вообще вещи стараются сделать хрупкими и недолговечными. Цивилизация потребления и огромных помоек. Читал раньше фанатастику - рассказ о суде над мужиком, который нарушил закон и сделал себе тайно табуретку, которая даже за неделю не развалилась. Все общество было возмущено этим - нормальныето табуретки через сутки распадались. Вот мы к этому и шли - одноразовая посуда, одноразовая мебель, одноразовые машины и одноразовая любовь...

- Да вы философ, Семен Семеныч!

- Так что еще дальнобойщику делать? Думать да песни петь. Иначе закемаришь с открытыми глазами и пойдешь в лучшем случае в кювет, а в худшем - на встречу...

- Ну, так можно еще жевать чегонито. Тоже спать не дает.

- Ага, вот еду я сутки - и все это время жевать?

- Ну, не все время - можно периодически...

- Периодически - нужно, а не можно. Вот сейчас мы выкатимся к платформе Стрельна - снимите, что там.

Погромыхиваем на переезде - никак не могу опознать местность, а потом картинка словно поворачивается и встает прочно на место - я никогда не проезжал с этой стороны и все видел только из окна электричек. А как только мы вышли в позицию, совпавшую с видом из окна - узнавание моментальное.

Снимать особенно нечего - платформа почти пуста - десяток зомби стоит или слабо шевелится. Один - совершенно неожиданно сидит мирно на краю платформы. Свесив ноги. И почемуто много всяких бумажек, оберток от пакетов и прочего мусора.

- Сейчас вывалимся на Волхонское шоссе, там прямо до КАДа доберемся.

- Что-то детей много попадает. Зомби с ранцами...

- Школа неподалеку. Видно этим сильно не повезло. А еще вроде тут психи неподалеку были.

- Мда... С моей колокольни - зомби и так все сумасшедшие...

- Это да...

- А что вы начет прозектора скажете?

- Тьфу, я его только забывать начал. Что говорить - не приведи господь с таким встречаться. Хуже медведицы с медвежатами... Везет нам пока - холодно у нас. Вот тем, кто на югах - не завидую. Мы еще можем успеть подготовиться. Вот что мне интересно - где наше руководство?

- А не все ли равно?

- То есть?

- Ну, раз мы не видим никаких централизованных действий - значит, руководство либо

погибло, либо свалило за рубеж, либо в бункере спряталось. Во всех трех случаях нам без разницы, где оно. А Волхонское шоссе скоро?

- Мы на нем. Как влево повернули - так и пошло.

- Действительно прямое. Притормозите - это что, заправка была?

- Да. Только уже даже не дымится. Наверное, в первый день еще сгорела. Нам тут явно ловить нечего.

На всякий случай - сам не знаю зачем снимаю напрочь сгоревшую заправку - несколько ржавых остовов выгоревших легковых машин, обугленные остовы магазинчика и навесов, мне даже кажется, что асфальт тут другой - тоже обгоревший...

- О, калаш валяется! - замечает Саша.

- Где? - резко тормозит Семен Семеныч.

- Да вон же - рядом со знаком на выезде. Зря тормозите - тоже сгоревший - одно железо. Закопченное.

- Жаль. Калаш по такому времени очень к месту.

- Так у вас же автомат неплохой?

- Это в смысле, что стоит как мой УАЗ? Я бы предпочел АКМ. С боеприпасом. Дробовик - это по собакам стрелять хорошо.

- Привередливый Вы, однако.

- Не привередливый, а практичный.

- Из калаша зато по собакам сложнее попасть.

- Это смотря кому. Меня больше пугают живые людоеды и прозекторы переродившиеся...

Некоторое время пилим по прямому как стрела шоссе. Снимать нечего, но както неуютно - поля вокруг, едем, как муха на скатерти. Впереди появляются домики и коттеджи - и довольно широко раскинувшиеся.

- Володарское. А вот что там за толпа на обочине?

- Сейчас приближу, гляну. Мертвяки - жрут чего-то.

- Чтото их до хрена.

- Да, человек с полсотни.

- Не человек, Доктор. Уже не человек.

- Ну, да... Но если я правильно понимаю - там жратвы много - раз им всем усесться есть где. Давайте потихоньку.

- Это зачем - я так отлично вижу, что здесь кого-то расстреляли. И машин стоит на обочине много. И тоже в дырках. Опять наши знакомые?

- Вы по кого?

- Да про любителей шашлычков.

- Николаич спрашивает - чего встали? - это Саша слушает, что ему в «Длинное Ухо» говорят.

- Да какое-то место стремное.

- Николаич говорит, что на засаду похоже.

- Да сами видим. Только гнездышко пустое. Они тут раньше были.

- Кто они?

- Не знаю. Кто машины останавливал. К слову - вон там еще трупы валяются.

- Где?

- В проулке и вдоль забора.

- И с другой стороны вон тоже.

- А я б сказал, что это упокоенные лежат.

- С чего бы?

- А грязные и объеденные. И на них неупокоенные внимания не обращают - жрут тех, кто в кювете.

- И то верно.

- Николаич предлагает отъехать метров на пятьдесят.

- Принято.

Через пятьдесят метров встаем и совещаемся, не покидая машин. Не факт, что здесь хамили наши знакомцы. Тут машины припаркованы аккуратно к обочине. Опять же перекресток. Значит, их аккуратно тормозили. Правда Дима уверен, что машины обнесены - да и стоят сугубо бесполезные в такой момент легковушки. Почему обнесены? Так признаков много - видно, что в одной тачке изпод капота торчит провод от аккумулятора. В другой неплотно закрыт багажник. Открыты двери. Валяются какие-то явно бывшие в салоне и багажниках вещицы. Короче - Димаопер зуб готов дать.

Николаич решается на достаточно рискованную эскападу. Он идет впереди, как головной дозор. Мы тянемся сзади - в полукилометре. Если он наткнется на тех, кто тут фильтровал беженцев - то мы подтягиваемся и берем их на мушку, для чего Ильяс и Серега заберутся на фуру. Связь сейчас держим постоянно.

Решение Николаича никак не приятно. Но ехать надо и колонной переть просто опасно. Может быть в канаве валяются ограбленные беженцы. А может и наши знакомцы - людоеды. Ильяс утверждает, что на дороге были гильзы от охотничьих ружей. Ну, глаз у него - ватерпас...

Катим, глядя во все глаза. Но пока пейзаж за окнами - совершенно привычный - домики, из которых не вьется печной дымок, бестолково торчащие на улочках мертвяки, садоводческие хибарки - и никаких признаков жизни. Машин тоже немного - частью в кюветах...

Мимо тянутся заборы здоровенных гаражных кооперативов. Ворота заперты, но на наш шум никто не высовывается.

- Есть контакт! - Саша репетует то, что ему говорит Николаич. - Трое мужиков, перекрыли дорогу машиной. Показывают остановиться и вылезать из машины. Николаич сейчас вылезает, но требует поддержку. Принимаем огневики!

Из подскочившего к нам под бок Жипа выпрыгивает Серега и шустро вскарабкивается на крышу фуры. Более степенный обычно Ильяс подбегает вприпрыжку, сует свесившимся сверху Сергею свою «Светку» и тоже вскарабкивается наверх, прогремев ботинками по крыльям, капоту и крыше кабины.

Семен Семеныч трогает так мягко, что впору вспомнить отправление экспресса «Красная Москва». Оба джипа тем временем шустро укатывают вперед.

- Николаич требует поторопиться - там сейчас горячеет!

Американец прибавляет скорости, но опять же очень мягко - чтоб не ровен час не уронить лежащих на крыше стрелков.

- Ильяс цель видит! Еще сто метров - и встаем!

- Что за цель?

- Трое мужиков в дурацких желтых жилетах, дорога ими перекрыта.

Так же мягко, фура тормозит.

- К машине! - и мы с Сашей выкатываемся из кабины.

- Кто там?

- Не знаю! В Горелово было военное училище, внутри и здоровенная зона...

При ближайшем рассмотрении оказывается, что к перечисленным категориям мужики не относятся. Обычные штатские, причем сильно напуганные - вооружены в общем слабо - два охотничьих ружья и мосинский карабин. Зачемто напялили на себя флюоресцирующие жилеты - такие вроде гаишники одевали - ядовито - химического зеленожелтого цвета. Дорога перекрыта и вовсе диковинным самоваром - ГА321 - «Волга».

Впрочем, мужики хоть и дрейфят, но пытаются бодриться. Ситуация похожа на голливудский боевик, где главные герои стоят враспыр и почемуто не хватаются за оружие. Ну, с амерамито старанием Николаича все ясно - дуэли дозволялись, но схватившегося на оружие первым считали априори виноватым и частенько линчевали. У нас тут все чуток иначе - за оружие схватились уже и держат друг друга на мушке.

Мы с Сашей становимся еще более неприятным сюрпризом, выкатившись сбоку - им во

фланг. Наверное, это выглядит частью отработанного хитрого плана, хотя на самом деле просто старались мы держаться поближе к канаве и подальше от гаражного кооператива. Так по придорожной канаве и выкатились. То, что у нас сбоку открытое поле - както успокаивает больше, чем стена из бетона... Во всяком случае неожиданностей меньше.

- Повторяю - говорит Николаич достаточно спокойно, увидев, как задержались ребята в жилетках, - Вы имеете дело с мобильной группой разведки гарнизона города Кронштадта. Во избежание печальных инцидентов предлагаю убрать оружие в положение «На ремень». Также рекомендую представиться и объяснить причину перекрытия дороги.

- Шустрые какие - огрызается тот, у которого карабин. - Мы оружие за спину, а вы нас продырявите!

- Еще раз повторяю - в настоящий момент вы находитесь под прицелом у грамотного снайпера и пулеметчика - это не считая нас. Если бы нашей целью было бы вас ликвидировать - это давно было бы сделано. Без потерь, издавек. Долго испытывать наше терпение не рекомендую, мы только что ликвидировали бандформирование типа вашего и потому не настроены на долгие разговоры. Ваше же положение - хуже архиерейского - потому как с другого конца Володарки явные следы чьейто засады и мародерства, возможно, ваших же рук дело. Кроме того у нас сегодня еще несколько пунктов запланированы для разведки.

Короче - либо стволы за спину, либо мы едем дальше без разбирательств. Убрав помеху в вашем лице. К слову - все наши разговоры уже известны штабу гарнизона, так что и с этой стороны у вас при любом раскладе будут неприятности.

- Мы не бандиты - вякает стоящий слева жилет.

- А вы - хрен знает кто. Сказатьто можно что угодно. Если гарнизон - что это у вас одежда разномастная?

- По вашему мнению, мы тут должны клешами мести? - спрашивает Николаич.

- Тогда документы представьте!

- Вы что - серьезно? - удивляется Дима - И какие документы вас устроят?

Теперь очередь озадачиться мужикам в жилетах.

- Старшой! - неожиданно окликает Саша - Да проще этих мудаков положить нахер, чем убеждать. Мы и так график не выдерживаем!

- Отставить! Живых и так мало! - рявкает Николаич.

- Так какие документы вы хотите от нас? А главное - какие в ответ можете представить вы? - опять спрашивает опер, грамотно прикрывшийся дверцей УАЗа.

- Ладно - сдастся тот, что с карабином. - А как вы докажете, что у вас снайпер?

- Прострелить тебе голову? - ласково спрашивает Николаич.

Сзади - от фуры - очень к месту бахает приглушенный выстрел.

- Что там у вас? - спрашивает по рации Николаич.

Выслушав ответ, информирует - Зомби подошел, упокоили.

- Хорошо, раз так обстоит, со снайпером - уберем оружие - только вы первые. У вас же снайпер!

- Лады - и в рацию - мы здесь убираем оружие, внимание, пока собеседники свое не уберут!

Повинуясь знаку Николаича, берем оружие «на ремень».

Немного помедлив, то же делают и «жилеты».

Николаич с опером подходят к «жилетам».

Мы с Сашей поворачиваемся спинами друг к другу - он попрежнему контролирует сбоку «жилетов», а я уже на автомате - прикрываю тылы. Правда слышно все отлично, а еще замечаю, что Николаич и Дима стоят так, чтоб не перекрыть линию стрельбы ни нашим на фуре, ни нам с Сашей.

- Итак, вы кто?

- Отряд самообороны гаражного кооператива!

- Сильно. А зачем дорогу перекрыли?

- Ну, эта... проверять, кто тут мимо нас едет.
- И кто мимо вас едет?
- Да вот хоть и вы...
- Мутное какое-то объяснение. А жилеты эти зачем?
- Это после того, как с зомби в гаражах возились. Одного нашего подстрелили случайно
- сумрачно было, за зомби приняли. Вот и одели, чтоб своих видеть.
- А кто подстрелил?
- Да сами и подстрелили... Кому же еще.
- Старшой! Тут какие-то невнятные покойники! - это Надежда - с той стороны дороги.
- В смысле?
- В смысле и здесь на расстрел похоже.
- Ваших рук дело?
- Ннет... Мы никого живых не убивали... Ну кроме того, нашего... Эти здесь уже лежали, когда мы из гаража осмелились вылезти.
- А долго собирались?
- Сегодня впервые. Еда у нас кончается. Думали разжиться.
- Ну... Дима, что скажешь?
- Очень не хочется, но можно провести по усеченной программе следственно-розыскные мероприятия. А Доктор обеспечит судмедэкспертизу... Еще нужна пара понятых. Если эти из самообороны не при делах - одно дело, если разбойничают - другое.
- Сколько времени займет?
- А это как Доктор ковыряться будет. Протокол не ведем?
- Не ведем. Доктор, сколько времени понадобится, и что сможете определить?
- Прижизненность ранений и причину смерти, также и калибр - если огнестрелом пользовались. Ну, если в темпе - то минут 15.
- Давайте - и тут Николаич ловко берет на мушку одного из самооборонцев. Стоявший рядом Вовка так же моментально тычет стволом ППС в ребра другому. Я не успеваю открыть и закрыть рот - а уже все трое в жилетах обезоружены и Дима ловко хлопывает их в поисках дополнительного оружия.
Надя одобрительно на это смотрит. Оставив под присмотром Николаича и Вовки задержанных, выдвигаемся к ней. Она стоит рядом с тремя лежащими рядом трупами. Все трое - молодые ребята, одеты в гражданскую одежду, но короткостриженные головы заставляют думать о военнослужащих. Дмитрий бурчит под нос:
- Мы с Тamarой ходим парой, Понятые мы с Тamarой.
Потом смотрит на нас с Надей и бухтит:
- Не топчитесь на участке местности, где произошло событие, в отношении которого имеются данные о возможном наличии в нем признаков преступления.
- Шутишь? - недоуменно спрашивает Надежда.
- Статическая стадия осмотра заключается в изучении обстановки места происшествия без нарушения ее первоначального состояния. Так положено. Начнете топтаться - исказите картину.
- Нет, это он не шутит, он это серьезно - озадаченно заключает медсестра. И смотрит на описывающего круги по спирали мента с некоторым суеверным уважением.
- Сильное колдунство - отвечаю я ей. Пару раз я присутствовал на подобных мероприятиях, поэтому не удивляюсь.
И вообще на одном из них - разбиралась пьяная драка, где уже все виноватые были задержаны, но проформы ради место, где до начала драки участники играли в домино и «совместно распивали спиртные напитки», как суконным языком протокола именовалось это веселое действо и где, нелепо свисая через лавку головой под стол с еще валявшимися там костяшками домино, стаканом и почему-то вилок лежал уже холодный пострадавший, менты вели себя довольно легкомысленно и уж всяко не напоминали священнодействующего Дмитрия.

А на втором - там да, на меня - рывкнули сразу с двух сторон - и следак и мой же собственный учитель, стоило мне только начать движение в сторону тела. Там видно было, что и ходят внимательно, и не перешучиваются и вообще - работают. Ято хотел, как меня учил мой же стоящий рядом профессор, проверить - может быть, жертва еще жива. Но эта школьница жива не была - те же менты уже это проверили. Да и сложно девчонке было выжить - ее изнасиловал, задушил, а потом уже в мертвую забил два кола некий сукин сын.

Потом както я встретился с тем самым следаком. Поговорили о томсем - следак уже работал охранником, слиняв из добываемой правозащечниками милиции и время потрепаться у него было. Сукина сына взяли. Оказалось, что за ним был шлейф из аналогичных преступлений - доказано было еще три подобных эпизода.

А потом оказалось, что он, горемыка этакая, невменяем и его, несчастного, надо лечить, холить и лелеять, а не сажать, и уж тем более - никак не стрелять. Рассказывая это, следак аккуратно переместился ближе к урне и несколько раз ожесточенно плюнул точно в нее, чтоб не пачкать пол.

- Ну, может его там залечат - безнадежно протянул я.

- Ага... Как Джумагалиева. Помнишь такого людоеда?

- Помню.

- Так вот, полечили полгода и выпустили. И хрен знает, где он сейчас шляется. И таких примеров - десятки, если не сотни. Я сейчас одного бы хотел...

- Чего?

- Чтоб все эти упыри девчонок ели не у простых людей - а у правозащитников. Это бы здорово либералам мозги прочистило. Тут я уже увольнялся - приехали кучей референты - у столпа нашего правозащитного движения кошелек подрезал кто-то. Сумма смешная - всего шесть тонн зеленых на карманные расходы. Но жалко ему ее до слез и рези в животе. И вопиет о мщении наглым ворами, вплоть до пожизненного! Даже работать не может - и потому правозащитная деятельность в опасности! А у меня на руках - четыре свежих «мокрухи» и еще разной дряни такого же уровня - куча. Сейф не закрыть.

- И? Нашел?

- Увы, увы... Такая жалость... Не оправдал надежд нашей правозащитной общественности. Да мне и похеру - я ж увольнялся. Хоть напоследок удовольствие получил. Он ведь ко мне прискакал собственной персоной - показания давать и торопить, очень уж ему денежек было жалко - даже важнейшие задачи защиты маньяков и садистов отставил в сторону... Ребята спецом пришли послушать. Я был великолепен - после разговора со мной столп аж кипятком брызгал. Уверен - во всех интервью теперь рассказывает, какие идиотымилиционеры у нас работают... Ладно, поболтали и хватит.

Следак ушел - наверно обход делать пора была. А может я ему душу растревожил...

Хорошо мы тогда поговорили. А потом, сколько там ни ходил - другие охранники дежурили, а мой знакомец вроде уволился и уехал... Хороший был мужик, толковый...

- Доктор! Я закончил.

Что-то я замечтался. Опер уже со статикой закончил, теперь, как это у них называется - динамическая стадия осмотра. То есть теперь ворочаем тела и смотрим, нарушая первоначальную обстановку.

Ну, по первоначальному положению тел я бы сказал, что их поставили на колени и расстреляли очередями в спины. Лежат ничком, руки поджаты под грудь, ноги вытянуты. Мертвы несомненно и всяко уже больше суток. По трупным пятнам судя - тела не перемещались. Так что все здесь и произошло, похоже.

Одежда у всех троих имеет следы огнестрельных попаданий - рваная на спине, запачкана кровью.

Дмитрий начинает ворочать окоченевшие тела. В ложе трупов - на слежавшемся снегу полно кровищи. Две важные детали - одну замечаю сам - это связанные в запястьях каким-то шнурком руки всех троих - другую - кляпы во ртах - показывает Дмитрий.

Вообще-то ковыряться в ранах на месте запрещено. Но совместно с опером решаем, что

все равно то, что мы делаем - жалкое подобие с кучей нарушений и я одноразовым скальпелем тут же на месте делаю крестовидный надрез на короткостриженной голове - парней добили выстрелами в головы, а пуля, пробивая кость оставляет обычно вмятое входное отверстие, по которому можно понять - какой калибр был у пули.

Ну вот - после отсепарирования кожномышечного лоскута видна отчетливая круглая дырочка в желтоватой кости. Зову опера, но он машет рукой - продолжай, дескать. Копаются в снегу неподалеку.

У всех трех дырочки одинаковы.

И у всех - головы пробиты навывлет.

Надо бы покопаться - в мерзлой земле пули недалеко ушли.

Но опер уже тащит что-то на ладони.

Две пистолетные пули от Макарова. Ну, во всяком случае, я так думаю, хотя признаться - баллистический эксперт я никакой... Хотя пулька в 7,62 мм. входит в пулевое отверстие с люфтом, значит калибр был больше, это и мне понятно.

- Картина ясна в целом?

- Карманы проверил?

- Проверил. Только там кто-то до нас все выгреб. И никаких жетонов на шее...

- Возвращаемся?

- Возвращаемся.

Докладываем коротенько - несколько стыдясь такого куцега осмотра - что трех парней кто-то связал и принудил к молчанию. После чего расстрелял здесь, поставив на колени и добив выстрелами в голову. Дима нашел 19 гильз от ПМ и 14 - от ПММ, но сразу признался, что не ручается за количество выстрелов, поиск был поверхностным.

Николаич, учтя то, что оружие у жилетников другого калибра и не автоматическое, возвращает им взятое оружие. Напряжение несколько спадает, хотя Дмитрий бурчит, что эти пистолеты или скорее пистолеты-пулеметы могут быть и у другой смены самооборонщиков, а проверять эти гаражи - а их тут сотни - у нас времени нету.

Жратвы - делиться с сидящими в гаражах - а их там оказывается около шестидесяти человек - у нас нет. Оставляем им несколько коробок с бананами, даем номера телефонов в Крепости и Кронштадте.

Один из них - тот, что с карабином, просит взять его с собой - он пристроится в конце колонны и под нашим прикрытием доберется до Кронштадта. Николаич спрашивает:

- Один поедешь или с семьей?

- С семьей, конечно. Здесь сидеть без толку.

- По профессии кто?

- Ветеринар.

- Оружие свое? Стрелять умеешь?

- Да. И вот этот «бок» - тоже мой.

- А звать как?

- Олег Бистрем.

- Бистрем - это фамилия?

- Да. Мой дальний предок был адъютантом у коменданта Нарвы генерала Горна.

- Это что, при Петре Первом?

- Совершенно верно.

- Хренасе, извините за мой грубый французский...

- Что поделать. Я ж себе фамилию не выбирал.

- Ладно, давай быстро собирай свою семью и догоняй. Мы сейчас вперед продвинемся, там встанем - это что впереди?

- Справа домостроительный комбинат, слева - таможенники сидели. Терминал у них там. - подсказывает тот, у которого в руке бистремовский «бок».

- У меня жена и три дочки. Если вы ничего не найдете у терминала - где будет следующая остановка?

- У развязки КАД. Мы понимаем, что четырем женщинам собраться - дня мало, но ждать долго не сможем. Так что придется вам свою шведскую флегматичность побороть.

- Поборем. Вы свой телефон дадите?

- Записывай. И свой номер оставь. Мало ли жена воспротивится поездке.

- У меня правильно воспитанная жена.

- Ну ну...

Беглый осмотр ДСК ничего интересного не дает - разве что потом тут можно чего-нибудь надыбать для стройки или укреплений. Ворота настежь, на территории несколько унылых зомби.

А вот напротив - где терминал таможни - там видно было веселье.

Прямо в воротах намертво склепились две фуры, забив мятым железом проезд наглухо. Выскакивая наружу, ни один не уступил. И завязли оба. В кабине одной из них все еще сидит водитель. Совершенно неподвижно.

- Мда - такой тут был порядок всегда - замечает Семен Семеныч.

- А что, тут может быть интересного? - спрашивает практически настроенный Саша.

- Да что угодно - смотря, что везли в тот день через пост. Может детали к синхрофазатрону, а может фуры с марципаном. Поди угадай. Но как помню - у них десятка три - четыре фур - и большей частью груженных под завязку - на территории стояло. И мы уже проехали - там тоже склады были.

- Это где куча разношерстных пакгаузов за забором?

- Они самые. Что встали? Как там говорит «Длинное ухо»?

- «Длинное ухо» предлагает доктору залезть на крышу фуры и снять - что там за забором.

- А они прикроют, пока я тут ползать буду?

- Уже прикрывают.

Делать нечего - надо лезть. Лезу.

За аккуратным забором - аккуратные домики - вижу явно административный корпус и вроде как и складские ангары. На территории - хаос, машины и легковые и фуры стоят в беспорядке. Почемуто раскидано много картонных коробок непонятно с чем. Видимо вывалились из какойто фуры. Тут же толкуются зомби - довольно много - десятка два в поле зрения. Парочка из них в рваной таможенной униформе. Признаков живых - не обнаруживаю. Сняв все панорамно и не торопясь, потом поскорее лезу в теплую кабину.

- Ну, как и что?

- Хаос и живых не видал. Фуры есть.

- Ладно, двигаем дальше.

У въезда на КАД машин брошенных, спихнутых с дороги, битых, горелых - масса. Но, похоже, что сквозь эту автопомойку прошел кто-то серьезный - проход пробит - аккуратно нам проехать.

Место безлюдное - всего три зомби видны.

Николаич предлагает свернуть влево. Я вижу там здоровенный новодельный гипермаркет, вот только странной окраски - ранее не попадалось такое. Что тем более удивительно - на здоровенной парковке буквально пара машин и несколько - не больше пяти неподвижных человеческих фигур. Непонятно, что это за такой магазин...

- А что это там слева за магАзин?

- Этот - Семен Семеныч показывает пальцем на непонятный гипермаркет - Это «Зеленая страна» - все для огородников и садоводов. Только почему слева? Он от нас вообще справа.

- Черт... И верно. То есть мы не туда едем?

- Не туда. Хотя... Александер! Свяжись с командиром - Доктор хорошую мысль подал.

- Ничего я не подавал, я вообще мыслить не умею... Если б я мыслил, я бы здесь не сидел - начинаю отбредиваться я от незаслуженного почета.

- Николаич спрашивает, а что мы там забыли? Нам полезнее осмотреть, что у «Ленты»

творится, да там же еще и заправки, и авторемонт...

- В «Зеленой стране» есть рассада, семена, удобрения, инструменты и прочее. Сейчас весна, картошку из Белоруссии не привезешь. Огороды, вероятно, самим придется делать, если свежих овощей или клубники охота. Кроме того, там было кафе - а в кафе должна быть еда. Машин на стоянке нет, бывших посетителей - тоже нет, значит и внутри там не густо зомбаков. Но меня больше всего интересует сетка - там ее полно было.

- А сетку там зачем продают?

- Для садоводов и огородников - огороды и сады огораживать. Сейчас нам много чего огораживать надо будет. Вот кабину бы сеткой прикрыть.

- Да, кофейку свежесваренного бы я выпил... С пирожком... Или двумя.

Саша докладывает все Николаичу. После короткой паузы получаем приказ выдвинуться на парковку огородного гипермаркета, а Саше поручается отзвониться этому, как его - Шлиппенбаху... Который нас догнать должен.

Паркуемся так, чтоб с фуры можно было б на крышу перебраться. Серега осторожно перебирается туда, следом за ним и Ильяс. Идут аккуратно и осторожно - до центрального корпуса - он похож на громадную оранжерею и богато остеклен. Вблизи к слову это сооружение в целом впечатляет - потому как громадное - гектара полтора, не меньше...

- Внутри чисто, никого не видим. Зелени много, это есть. Людей не обнаружили.

- Войти там можно?

- Сейчас, тут вроде что-то на фрамугу похожее... Ага, можно войти!

- Тогда погодите прыгать - Дима с веревкой к вам пошел.

Мы тоже вылезаем из кабины. Семен Семеныч тут же пробует свой пистолет, свалив трех стоявших рядом зомби пятью выстрелами. Ничего так мужик стреляет...

- Левее надо целить - замечает он, набивая магазин.

- И пистолет лучше сразу полной обоймой зарядить - замечает вскользь подошедший с Надеждой Николаич.

Несколько неожиданно для нас открывается входная дверь, неподалеку от которой мы и стоим... Открывший дверь опер несколько озадачен:

- Закрыто изнутри было. Так что может мы и не одни. Поглядывать надо.

- По нынешним временам всю дорогу поглядывать надо - отвечает Надежда.

Убедившись, что Дмитрий дошел до двери, Ильяс отходит от стекол наверху и присоединяется к Сереге, удобно пристроившемся на крыше.

- Володя, Надя - останьтесь у машин!

- Ладно.

- Остальным - цепью, аккуратно, под стеллажи посматриваем. Доктор, не спим - раз камеру в руку взяли - сняли все, что видим.

- И растения?

- И их. Черт его знает, что понадобится. Не расстегиваться! Сам вижу, что здесь тепло - но пока не расслабляемся, лучше попотеть. Кто его знает, что тут за комиссия по встрече.

Снимаю по возможности так, чтобы потом можно было б разобрать все в деталях. В гипермаркете тепло, света много - и я вижу, что горят лампы. Пахнет землей и свежей зеленью...

Потихоньку продвигаемся из зала в зал. Зелень, рассада, горшки, кашпо, саженцы, удобрения, черта в стуле. На мой вкус - кроме рассады клубники и саженцев яблонь - ничего нам тут толкового нет.

- Я ж говорю - тут кто-то есть живой - уверенно говорит Дмитрий.

А я открываю рот довольно неприлично.

Совершенно неожиданно для огородного магазина оказывается, что сразу за всякой халтурой в виде скульптур для сада, сделанных достаточно аляповато, открывается здоровенный отсек с аквариумами.

- Ну, рыбки-то хоть и живые, а как б не так уж им по чину, чтоб ты так говорил.

- А я не про рыбу. Аквариумы в полном порядке, зелень в полном порядке. Значит за

ними всю неделю кто-то ухаживает.

- Зомбивегетарианец?

- Это вряд ли. Скорее кто-то из сотрудников.

- Эй, тут крысаки! - окликает Саша - он с краю в цепочке и что-то там усмотрел. - И кролики!

Если при слове «крысаки» мы все ошетинились, то «кролики» как-то сразу успокаивают. Оказывается рядом с аквариумами - я как раз снимаю здоровенный стеклянный куб, в котором переливается двигаясь стая крупных рыбешек, похожих по абрису на пираний - еще и отдел с животными. Лошадей там, правда, нет, что вполне было бы в духе садаогорода, но зато есть самые разношерстные крысымыши, шустрые пасюки, меланхоличные белые, четыре здоровенных кролика, сидящих по одиночке в своих плексигласовых клетях, черепахи, еще какая-то живность.

- Дмитрий прав - крысы без водыдохнут за сутки. А поилки у них полные. Явно недавно заливали. И животные все сытые и спокойные. Вон - у кроликов сено в подстилке. Эти соломорезки за неделю бы все подчистили. Жрут они много и все время.

- И попугаи тоже в порядке.

- Отлично. Значит, кроме ветеринара и дальнобоя мы сегодня еще и ботаников найдем. Ищем аккуратно - и пока - не расслабляемся. Нечего на попугаев пялиться.

В ответ на слова Николаича из угла доносится отчетливый ехидный хохоток. Или хихиканье. Старшой хмурится, и мы двигаемся туда. Очень быстро становится ясно, что человек там усидеть не может. Вместо человека находим десяток каких-то грызунов. Я лично таких первый раз вижу. Один сидит у переднего стекла - и нагло хихикает.

- Пакость крысомордая - в сердцах говорит Николаич.

- Дегу - читаю я на этикетке.

- Художник был, Эдгар Дега.

Ходил он часто на бега.

Как приходил он на бега,

Кричали все - Дега, Дега

- неожиданно помоему даже для самого себя выдает Семен Семеныч.

- Это кто такие стихи придумал?

- Поэт Антон Чеботарев.

- Мда, поэтов развелось... А грызуны - это хорошо. Посмотрю я на тебя, хохотун, когда к Кабановой попадешь - мстительно говорит Николаич.

Оказывается, мы прошли половину магазина - и, выйдя из прохода, видим, что еще идти и идти. Зато находим кафе. Стойка, к слову, совершенно пустая - никаких зачерствевших булок и засохших салатов.

- Ну вот, по кофейку - и перекур.

- Ага. Доктор, если мы опоздаем на семинар - это очень катастрофично?

- Не знаю, смотря о чем говорить будут.

- Получается так, что не опоздаем, тут беспокоиться не о чем. Кронштадт сообщил, что часа на два научная деятельность задержится. К ним прибыло две больших партии раненых и там работы теперь медикам непочатый край. Много тяжелых.

- Это они что - о наших?

- Не, наши прибыли еще до того пожара в борделе, с нимитом как раз все в порядке. Куча раненых - с зачистки дома в Кронштадте - нарвались на метаморфа судя по всему, да и Крепость удружила - эти придурковатые смельчаки в Зоопарке что-то такое учудили, что вернулась половина, причем драная. Тех, кто с укусами, Кронштадт отказался принимать, оставили на карантине, а остальных раненых МЧСники свезли.

- Ну, как Михайлов и говорил...

- Получается так.

Семен Семеныча явственно передергивает.

- Что?

- Прозектора упокоенного вспомнил. Братец докторский его, когда вскрывал - все время чертыхался. Видок то был тот еще, хорошо по морозцу его утомили. А в тепле представляю, что он мог наворочать.

- Зубы?

- И зубы. И когти. Самые настоящие - на манер кошачьих причем, кривенькие.

- Что и втягивались?

- Насчет «втягивались» врать не буду, а не как у собаки. Острые и кривые.

- Мда...

- У покойников к слову ногти еще неделю растут. И волосы.

- А у морфов когти...

- Ладно, поговорили - и хватит. Кофе выпить и впрямь неплохо. Я с Семен Семенычем гляну, что там на кухне. А вы пока покричите - может кто и отзовется. Живые тут точно есть, или до недавнего времени были. Если сами не вылезут - их дела. Вылезут - поговорим. Сетку присмотрели? Еще что хорошего?

- И сетку и инструменты. Ну и раз вы говорите, что грызуны нужны - то и их тоже.

- Получается так. Ну, пошли.

Орем недолго - минут через десять Николаич с напарником вытаскивают весьма приличный набор всяких пирожков, разогретых в микроволновке. На кухне оказалось довольно много продуктов, в основном готовых - только разогреть. Находится кофе и чай - причем отдельно Николаич отмечает то, что вода была уже горячей.

Площадка кафе квадратная, окружена всякой зеленью в кадках, в общем если абстрагироваться от реалий - можно представить, что сидишь этак гдето в кафешке на пляже РиодеЖанейро... Или БуэносАйреса...

Но от реалий никуда не денешься, потому садимся в центре площадки, чтоб держать окрестности под присмотром.

Чуждый излишества Старшой подогрел каждому по три пирожка - довольно оригинальных на вид. При поедании оказывается, что тот, который длинный - это с ветчиной, а два квадратных - с сыром.

- На кофе не напирайте - деликатно замечает Семен Семеныч - нет у них тут куда посетителям гадить. А в горшки - както невежливо.

- Как нет?

- Ну так вот - нету тут туалетов.

- Ну а местное чудище какже?

- Это которое?

- Да то, что тут все в порядке содержит. Похоже ведь на сказку - как в «Аленьком цветочке» - все в порядке, еда, питье - а кто что - неведомо... Вот кстати и аленькие цветочки - Саша показывает невоспитанно пальцем в кучу цветущих кактусов...

- А вот и чудище обнаружилось - тихо говорит Дима, глядя за спину Николаичу.

Чудищем оказывается вовсе не принц, а молодой парень в одежке сотрудника этого гипермаркета - с белой кляксой, которая по мнению рисовавшего эмблему дизайнера видимо олицетворяет ромашку.

Парень сторожко подходит к нам. В руках ничего не держит.

- Здравствуйте...

- И вам не болей.

- Чем обязаны визитом?

- Весна! Время посадок и каждый садовод должен посетить наш гипермаркет! - несколько перевирая рекламный листок на входе отвечает Семен Семеныч.

- Понятно. А где вы разжились оружием?

- Выдали в Кронштадте, как группе разведки.

- А лишних единиц у вас не найдется? Знаете, кассирши у нас сейчас в краткосрочном отпуске, вопрос денежного обращения непонятен, придется прибегнуть к бартеру, нас бы вполне устроило оружие.

- Не опасаетесь, что по нынешнему странному времени могут заплатить несколько превратно поняв - пулями? - черт меня за язык дернул.

- Опасаюсь. Но кто не рискует - тот не пьет. И не ест. - довольно спокойно отвечает напрягшийся парень.

- Получается так, что мы подумаем на эту тему. С другой стороны - а стоит ли вам тут оставаться? Еды у вас осталось немного. В любой момент отключается вода и электричество - и что дальше? Не лучше ли вместе с нами в Кронштадт податься? Город уцелел, контролируется моряками. А здесь знаете - както мне бы лично неуютно было бы оставаться.

- Что, плохо все снаружи?

- Да, в общем - плохо. И дело даже не в зомби.

- Человеческая натура?

- Она самая. К слову - у вас тут судя по всему все спокойно?

- Да. Только снаружи - в открытом отсеке с хвойными зомби. И на парковке несколько человек было.

Рация Николаича начинает подавать признаки жизни и искаженный, но узнаваемый голос Ильеса докладывает, что со стороны гаражей к нам двигается три легковушки.

- Левенгаупт с фамилией?

- Непонятно. Но людей больше, чем четверо. Скорее - дюжина.

- Ясно, идем к вам.

Быстро подхватываемся и вслед за шустро побежавшим к выходу Семен Семенычем проскакиваем вторую половину маркета. Отстаю от остальных, снимая залы. Засаекаю еще какието печки, магазинчик с бутылками - квас, газировки, мед, какието сувениры и банные веники. Мебель, кассы - и выход.

Успеваем практически одновременно с этими машинами. Рассредотачиваемся - но открывать огонь не по кому - из головной неспешно вылезает Бистрем с карабином. Закидывает карабин на плечо, подходит к нам.

- За мной увязалось еще две машины. В средней - нормальные люди. За тех, кто на девятке - ручаться не могу. И он без башни и она без тормозов.

Девятка действительно привлекает внимание. Оттюнингована в стиле «Мечта неграсутенера», так же озвучена - если верить ушам - оттуда какойто рэп доносится. Но, как и бывает обычно, кроме «пумбапумба» ничего не разобрать. Зато громко.

- Без тормозов - это ты про машину?

- Про его девку. Впрочем и машина тоже вполне вероятно...

- Ладно, ждите, сейчас закончим в магазине, двинемся.

- Помощь нужна?

- В смысле?

- Круглое таскать, плоское перекатывать?

- Да, конечно, этото всегда пожалуйста.

- Ну, пойдете...

Забрав с собой Надежду, возвращаемся обратно в кафе. Чуть позже приходит румяный кряжистый мужик с сыномподростком. Что сын видно сразу - похожи оба друг на друга.

- Решили глянуть - может помочь что нужно. А прикрыть - там у вас на крыше серьезные ребята сидят...

- А этот - ну с девятки?

- Этот рук марать не будет... Праильный такой пацан ваще...

- Ладно, черт с ним. Сами управимся.

- И что вы намылились забрать?

- Сетку, грызунов, и может быть что из рассады. Да и с кухни полагаем забрать все специи - там всякого перца много, приправ, соусов сухих, а вам вряд ли что это понадобится.

- Слегка похоже на грабеж.

- Парень, грабеж - это если б мы забрали еду всю. Вы ж не будете перец есть?

- Перец - тоже ценность. И насчет грызунов - это вы должны с Ленкой поговорить.

- Это твоя напарница?
- Ну... эээ... да.
- Подруга, что ли?
- Подруга. Изза нее тут и застряли - не могла живность бросить. Она живность - а я ее...

- Так она, пожалуй, живность и не даст похорошему.
- Не даст. - парень вздохнул.
- Ну и ладно. В конце концов и без мышей обойдемся. Пошли сетку грузить.

Ленка оказалась невысокой худенькой симпатичной девушкой. Единственно, что сильно смущало в ее облике - это сидящий у нее на плече здоровенный рыжий крыс. Когда мы забили пустое пространство в фуре свертками сетки разных видов, вытащили из кухни то, что вряд ли так смогут съесть обитатели «Зеленой страны», а также напихали всякого инструментария - от лопат и топоров, до всякой более сложной электротехники, девушка с крысом сама подошла к нам.

Познакомились. Оказалось, что крыса зовут Ырк. Почему - Ырк, Ленка и сама не могла сказать, объяснила только, что именно на это имя зверь откликается. Ырк действительно заволновался, увидев чужих, а когда еще и имя услышал - забегал по плечам хозяйки.

В плане взаимопомощи сгрузили с фуры еще короб с бананами (Семен Семеныч посчитал более важным загрузить всякого железа, а оно не влезало, вот и пошел в дело мешающий загрузке короб). Ленка искренне поблагодарила, но отдать крыс отказалась наотрез. Полагаю, что она заподозрила перспективу лабораторную для своих любимцев.

Зато предложила для детишек в Крепости взять попугаев - двух здоровенных матерых птиц роскошной расцветки и десятков - помельче и поскромнее - неразлучников и тому подобных. К птицам, похоже, она не испытывала такой любви, как к шерстистым и хвостатым...

Опять же даем телефоны, парень таки выпросил у Николаича ствол. Николаич со скорбной миной достает ТТ - мой старый знакомый опять в деле - китайскопакистанский ублюдок из рук в руки прямо кочует. Замечаю при этом, что взгляд у Николаича становится особым - остреньким таким.

Парень, не замечая этого, выщелкивает магазин, проверяет патроны. На ладони лежат три патрончика.

- Если самим стреляться - так перебор, а отстреливаться - так мало. Может добавите хоть десятков?

- Ладно, экзамен сдан - отвечает усмехаясь Николаич, забирая обратно и пистолет и магазин с патронами.

- Какой экзамен?

- Неважно. Оружие получишь, когда пойдешь провожать нас.

- Ясно - говорит озадаченный парень.

Перед самым отъездом Ленка догоняет нас и вручает пару ящичков с рассадой.

- Петунии. Очень красивые - и до осени цвести будут. Для ваших женщин.

- Спасибо. Счастливо оставаться!

- Счастливо доехать! Попугаев не застудите!

- Не застудим.

На улице, пока все распахивается по машинам, Николаич выдает парню один из ПМов, да десятков патронов в россыпь. Парень еще просит минутку задержаться - ему приходит в голову, что можно было бы для своих нужд приспособить старенькую копейку на парковке. Старшой задерживаться не хочет, но совместными усилиями мы вскрываем брошенную машину и сняв ее со скорости - ручник, как и положено таким старушкам ясно дело не работает - вручную откатываем поближе к дверям. Парень уверен, что сможет разобраться - какой проводок нужен для зажигания. А имея даже такие колеса - они и уедут отсюда, если все плохо будет...

Экзамен на оружие успешно сдает и мужик со второй машины - и тоже получает ПМ с

десятком патронов. А вот наконец соизволивший вылезти из своей затонированной рублидом девятки фуфел и начинает не по людски - банально наехав на Николаича с дурацкими претензиями и требованиями и оружие не просит, а требует.

- С чего бы это я тебе должен оружие давать?

- А с хера ли не должен? Ты папаша имеешь стволы, этим вот уже дал, так хули мне не дать?

- Да причин не вижу, тебе давать ствол.

- Да что, старый, какие нах причины? Им дал - и мне давай!

- А ты оружие в руках держал?

- Твою мать! А то нет! Да я...

- Ладно, держи ствол.

- О правильная воля. Ништяк, Папаша.

- А как насчет спасибо?

- Ты что, старый? Я тебе что, сывка какаято?

- Ладно, ладно, не размахивай стволом...

- Не ссы! Я праильный пацан, все ништяк будет, Папаша!

Гордый обладатель ствола шествует к сваей телке, а Николаич подмигнув тихо говорит:

- Совсем склероз замучил - забыл я в магазин обратно патроны вставить...

- Ну, я так думаю и к лучшему. Праильные пацанчики - и так разрулят.

- Мда, сокровище нам Левенгук сосватал.

- Не, Левенгук - это который микроскоп изобрел.

- А, одна дивизия...

- Чтото Вы сегодня ПМы раздаете. Вроде ж сами так поставили, что ПМ - престижнее ТТ?

- Действия руководства не обсуждаются.

- Ну, так я и не обсуждаю...

- И прекрасно. Эти ПМы хоть и новые по году выпуска, но ушатанные до безобразия.

- Хуже пакистанского ТТ?

- Нет, пострелять еще постреляют, но престижа в них - ровно никакого. Такое неухоженное оружие не красит. Ладно, поехали - сейчас пойдем медленно - объектов для разведки много.

Расходимся по машинам.

Колонна медленно выкатывается с парковки. Парень машет рукой и залезает в «Жигуль» у дверей...

- Вот ведь, Адам с Евой в райском саду. Или огороде? А вместо Змея - Ырк. Даст он еще пареньку дрозда.

- Ревновать будет?

- Вне всякого сомнения. А ревность - страшная штука! Хотя бы и у крыса.

- Ну да и оперы и балеты и всякие другие произведения...

- Про крыса? - заинтересовывается Саша.

- Нет, про ревность... Вот к примеру:

В тазу лежат четыре зуба,

А я как безумный рыдал,

А женщиनावрач хохотала,

Я голос Марусин узнал!

Тебя я так нежно любила,

А ты изменил мне, трепач!

За то я тебе отомстила,

Изменщик и гнусный палач!

- Откуда Вы такие песни выкапываете, Семен Семеныч?

- Отец с приятелями пел, когда поддадут, Александер. Я вам еще и вечером спою -

любимую, про Отелло!

- Кстати, насчет вечера - Вы что дальше планируете?

- Это о чем вопрос?

- Вы в нашу команду не хотите вступить?

- Мой дед отломал на двух войнах - Финской и Великой Отечественной. Так вот он мне категорически запретил вызываться добровольцем. И сам добровольцем никогда не вызывался.

Они потому вызываются - говорил дед - что понятия не имеют, на что идут. Потому и погибают, и дело заваливают, что не готовы они к тому, что их ждет. Приказ исполнять надо точно, а лезть куда не звали - глупость. Так что по завету деда добровольцем не полезу, хотя ребята вы симпатичные. Вот прикажут - тогда дело другое.

- Ясно.

- Тут еще деталька в пейзаж - сын и сосед. Мне сейчас нужно будет из шкуры вывернуться, а медикам потрафить. Денег уже никто не возьмет - а что им нужно - черт их знает. И пока сына на ноги не поставят - вы уж ребята, не взыщите - а я весь в распоряжении больницы. На это время - «Я - раб лампы». Такие дела. Кстати, Доктор - а что им там может пригодиться - может мы бы и поглядели по дорожке? Чтоб не с пустыми руками ехать?

- Ну, откуда я знаю, что им там может быть нужно?

- Эээ, Доктор, нехорошо так подетски хитрить. Я ведь и у братца вашего узнавал и у ребят из команды - есть у вас с больничными зацепки, завязки и кореша ваши там работают - в немалых креслах сидя. Я - человек памятный и благодарный, так что не сомневайтесь. И Мишку таким же воспитал. И к слову - спасибо за то, что все путем сделали - и эвакуировали, и на стол без проволочек...

- Так я и не хитрю. Знакомые там есть, не отказываюсь, а вот насчет моего всезнания - это через край хватануто. Seriously - понятия не имею, что им там надо - может компьютерный томограф, а может простыней новых...

- Компьютерный томограф мы не потянем. Здоровый больно. И демонтировать небось спецы особые должны?

- И монтировать, и эксплуатировать. Это я так - для примера.

- А может - позвоните?

- Ну, позвонить - то почему и не позвонить... Попробую.

Проба проходит неудачно - удается дозвониться только до секретарши и она объясняет, что сейчас «такое творится, такое творится, что из врачей позвать некого.»

Ясно, что она со своей колокольни просит привезти ксерокс и канцбум принадлежностей. Семен Семеныч загорается насчет и этого заказа, но загорается ненадолго - пока не объясняю, что как раз с канцбумом в Кронштадте все в порядке - офисы там были, а вот офисная деятельность пока закончилась и, наверное, - на большой срок.

Саша, оторвавшись от «Длинного Уха», командует:

- Мы на КАД, Доктор с камерой - в головной УАЗ, к нам на замену - Ильяс.

- А остальные куда?

- Будучи в прямой видимости посмотрят, что у комплекса заправок и гипермаркетов внизу на Таллинском шоссе. Все примазавшиеся остаются с нами.

Ишь, заговорил репродуктором...

Выбираюсь с камерой, вприпрыжку бегу к УАЗу. Американец попер куда-то по развязке - явно вопреки знакам. За ним дисциплинированно - Жип Широкий, «Хонда» Бистрема, «Форд» его знакомого. Тонированная девятка остается на месте.

Забираюсь в УАЗ. После кабины американца как-то очень тесно и холодно.

Следом за нами идет милицкий рыдван, потом внезапно увязывается и девятка.

- Хе. Чую всеми фибрами организма - увидим мы сегодня незабываемый балаган! Весь вечер на манеже - девятка с двумя укатайками! - ядовито говорит Николаич.

- Вы им приказали ехать наверх?

- А то ж! И был послан, просто так, без затей...

- И стерпели?

- Не вечер еще. Да хрен с ним, муздой. Этот завод снимать пожалуй стоит - он был на последнем издыхании, а забор качественный. Получается так, что временную базу можно поставить случего, тут удобно.

- А что тут выпускали?

- Электронику всякую. Но не заладилось, прогорели. Людей выставили за ворота, ворота заперли, так что и чистить тут скорее всего немного придется, тьфу, тьфу, тьфу... Ага, наши вышли на позицию, нас прикрыли...

Жужжит «Длинное Ухо». У Николаича не слышно толком, что ему говорят, не как у Саши. Но он, выслушав, сам информирует:

- Шлиппенбах предупредил - тут гдето рядом звероферма, так что ежели увидите зверюшку типа хорька или еще чего меховое - бойтесь. Завод сняли?

- Снял, потом неплохо бы еще с КАД с другого ракурса.

- Не вопрос. Теперь слева - «Краута», строймаркет, инструменты... А немного народу, смотряка, я думал тут сотни будут пастись. И машин мало.

- Да похоже у них вообще двери закрыты - а эти зомби скорее всего из этого завала автомобилей, что у КАДа...

- Вполне возможно. Вон слева - вообще в рубашке стоит...

- Ну, так что тут особенного покупать.

В этот момент девятка поцыгански - с дымом и прокрутом колес проскакивает мимо нас и фитилит вперед.

- Да, не заскучаем... Определенно...

- Это он куда ломанул?

- В Макдональдс? Точно, туда!

- Пописать или покушать?

- По нему судя - покушать. Нехай гнилья нажрется.

- Ну почему сразу гнилья. У них может только шпинат подвял.

- То есть как?

- Макдональдс, да и другие амерские рестораны для третьего мира славны огромным количеством всякой химии в еде. И консервантов там невиданно - поэтому еда долго не портится. Голландцы и немцы на эту тему эксперименты ставили - простенько и со вкусом - гамбургеры и картошка фри из разных заведений были положены в закрытые банки. Гамбургеры из Макдональдса не портились три недели, картошка фри - четыре. Немецкая же продукция с голландской испортилась как и полагается - за несколько дней. В полный хлам.

- Что, действительно это правда?

- Правдее некуда - а наш клоун уже обратно выходит.

- Действительно - дуракам везет. Ишь, в двух руках тащит.

Николаич подруливает к девятке, куда «риальный патсан» складывает пакеты со жратвой из Мака.

- Во, учитесь, пока жив! Во, как надо - быро и четко! Эти дохлые даже не чухнулись - а я их обнес в момент, конкретно! Ну, короче там и вам хватит, если не засыте.

- Сколько там мертвых?

- А, с десяток! Я и лавэ взял - во!

- Круто. К слову у тебя за спиной как раз кассирша.

Патсан не успевает повернуть голову - из второго УАЗа щелкает одиночный, и вышедшая из дверей Мака девчонка в сильно рваной и грязной форме этого рестораника, резко контрастирующей веселенькой жизнерадостной расцветкой с искаженным и восковожелтым лицом, валится на бок.

- Херня! Ей без мазы! - самодовольно заявляет патсан.

- Ага - соглашается Николаич. - Но за лавэ лучше в «Хонду» заехать.

- Короче, я сам знаю, блин, что мне делать, усек, папаша?

- Нет проблем - опять же спокойно говорит Николаич.

И провожает взглядом патсана, покотившего как раз в салон «Хонды».

- Вот за что люблю этих кретинов - не жалко будет, если что... - задумчиво замечает Старшой.

- Дегенерейшен некст... Будем в ресторан заходить?

- А кокакола у них портится?

- Ну, я не знаю срок хранения ортофосфорной кислоты. Но думаю, что портиться в этой самой большой фикции нечему.

- Ладно, потом с удовольствием послушаю - и в «Длинное Ухо» - Володя, Дима к нам давайте - зачистим Макдональдс.

Внутри - погром. И действительно зомби всего с десяток. Зато кровищи на полу, потерянная в панике обувь, разбросанные вещи - посуда, жратва, лужи кофе, женские сумочки, перчатка, шарф «Зенита» и еще чего-то - давленное, раскромсанное, испачканное... Что не отнять у МакДональдса - там было всегда чисто, а тут - как в вокзальном туалете. Кстати и запах.

- Мда... Получается так, что чуть ли не отсюда тут началось. Вот все и ломанулись вон.

Николаич аккуратно обходит размазанное по полу дерьмо - кого - то пронесло прямо в зале - но успел удрать, засранец, похоже - если судить по следам на выход.

- Надо было бы с заднего фасада идти, тамто почище. А мы зачемто поперлись, как посетители...

- Привычка.

- Ладно, Доктор, давайте своей малопулькой. И старайтесь стекла не выбить.

Цели малоподвижны - видно тут все случилось чуть не в первый же день, обратившиеся то ли в спячку впали, то ли еще что - но на визит патсана отреагировала только бывшая у входа кассирша. Остальные начали шевелиться только сейчас - хотя в зале тепло, вся техника и автоматика работает в штатном режиме. Это надо запомнить - что зомби без раздражителей «отключаются». Может оказаться полезным.

Кроме Димы, застрявшего почему-то у тела девчонки в форме, остальные рядом. Ну да, тройка, стандарт зачистки. А опер в тылу, значит.

Парень с дурацкими дредами. Две девушки, одетые совершенно одинаково. Полный мужик средних лет. Еще девчонка в форме. Отпирсингованный чувак непонятного возраста.

Женщина. Так и стоявшая ко мне затылком. Короткостриженный паренек - тоже в форме ресторана. Курсант. Все. Зал чист, больше никого нет.

- Обратите внимание - говорит подошедший опер - все с тяжелыми травмами, то есть умершие тут же и очень быстро. Раненые разбежались.

Трудно не согласиться - все упокоенные залиты кровью густо, у курсанта горло перепаяно или скорее пережевано. Хотя - кассирша у входа вроде как не так окровавлена.

- Дим, а что ты там у нее смотрел?

- Ты тоже глянь, когда обратно пойдем - характерные следы.

- Ладно, ладно, пошли дальше. Потом поговорите.

Дальше в Макдональдсе оказывается еще всего пять зомби. Один правда пугает неосторожно открывшего кабинку в туалете Вовку до родимчика - в итоге мы немного глохнем от истерической очереди Вовкиного ППСа. С остальными - в рабочих помещениях - разбираться просто.

Еда и впрямь не испортилась. Шпинат подвял, остальное - как и ожидалось.

Опять же снимаю все внутри - на случай если приедет выгребная команда - выгребать, что полезного найдут. Далековато, правда и от Кронштадта, и от крепости, ну да и в магазинах добра полезного немало.

Подгоняем УАЗы к служебному входу - ну и получается как в рекламе - действительно Макавто. Набиваем пакетами салоны - благо Николаич считает, что часть сбросим в кабину американца. Пока грузим - от «Ленты» подтягивается полтора десятка зомби. К слову - и у «Ленты» не толпа - тут поблизости жилья не было, все на авто приезжали, потому не сравнить с теми магазинами, что в городе попадались. Там то клиентура пеше сползлась.

Память у них что ли выборочно работает и сохраняются воспоминания о том, где была еда?

- Помидор мало взяли - замечает Николаич.

- Чтоб все взять - грузовик нужен. А он у нас под бананами.

- Получается так. Ладно, закрыли двери и покатили дальше, пока эти до нас не дочапали.

- У кассирши притормозите...

Притормаживает. Ну да, прав опер - девчонку словно стамеской тыкали в спину - видел уже один раз такое, действительно характерно... Давка возникла в дверях, а толпа - жуткая штука - затоптали бедную девчонку. Женщины вообще чаще в таких давках погибают, причем и основные травмы они же наносят - своими каблукамишпильками...

- Затоптали, да?

- Точно. А вы откуда так решили?

- В Минске видел. Пивной фестиваль летом. Все благодушные, добрые... А тут ливень хлынул, все с хохотом с площади в метро кинулись. Ктото на лестнице упал. Веселая толпа поднаперла... Пятьдесят три человека убитых, еще больше поломанных - две сотни... «Ленту» отсняли?

- Нет, не успел.

- Так снимайте. Чего же вы мешкаете.

- Готово - еще бы вперед проехать.

Малым ходом катим вдоль фасада магазина. По уму неплохо бы глянуть, что там сзади творится, но лезть в хаос впоперекосья забивших стоянку машин неохота. Их не так и много, но стоят они крайне неудобно - наверное, пытались объехать пробку на шоссе...

- Интересно - а что тут так дорогу расчистило? Танк?

- Думаю, что скорее какаято дорожная штука типа Кировца - грейдера. Танк бы все чтонибудь да сплющил, а тут все сгребли с дороги на обочину. Сняли?

- Снял. Напротив - это салон «Хонды»?

- Он самый. Но там наш дозорный доложит, что да где. Я смотрел - он туда похрюл.

- Теперь мы куда?

- За пост ГИБДД. Там заправки, авторемонт и еще всякое.

На посту машины вообще кучами. Глаз цепляется за яркое пятно - милиционер в жилете с отражателями, лежит ничком, рядом валяется рваная кобура от Макарова. Голова у мента какого-то странного вида - маленькая, желтая и совершенно лысая. Когда проезжаем рядом вижу, что просто его уже объели - до голого черепа и какаято мелкая живность копошится там, где шея переходит в грудь. То ли крысы, то ли эти... хорьки...

- Притормозите. Снимать его?

- А зачем? Тоже невидаль - что у утопленников, что у прочих, кого всякая мелкая живность обгрызла - жрать их начинают с мягких тканей - глаза, губы, лицо, потом жрут шею и в грудную клетку лезут. И у этого то же. А оружие с него уже сняли. Поехали, нечего тут таращиться...

Действительно, дивьято...

Когда уже едем обратно, убедившись, что заправки целы и, чем дальше к городу, тем все больше и больше зомби, Семен Семеныч устами Саши сообщает - по дороге можно заскочить на армейский склад техники неприкосновенного запаса.

Николаич уточняет, где сворачивать, потом очень недолго катим по проселочной дорожке, пока не упираемся в ветхий деревянный забор с колючкой наверху. Сотня метров вдоль серого дощатого забора - распахнутые настежь ворота.

- Интересное кино - замечает Николаич.

Внутри огороженного забором пространства прямо под открытым небом стоят зеленые армейские машины. Частью - как успеваю заметить - прямо на своих колесах, не вывешенными. Тут и медицинские УАЗики - буханки и шишиги, и КАМАЗы с кунгами. Медленно катим внутри, снимаю все максимально старательно.

- Может, Вы остановите да я пешочком пройду - так все ж потряхивает.

- Ничего, ничего, общая картина ясна. А на входе от нас какаято тварь в кусты шмыгнула - то ли собака небольшая, то ли хорь отожравшийся. Не стоит рисковать.

Вид у техники грустный - выцветший, пошарпанный - у части даже стекла выбиты. В центре стоит жилой как будто домик, но оттуда никто не высовывается... И нам там пока делать нечего. Единственно, что может быть еще интересным - пара десятков запертых голубых контейнеров...

- Мда, могучее НЗ...

- Получается так, что смотреть надо. Те же кунги на КАМАЗах - мне лично понравились. Возможно, что техника еще ремонтпригодна... Все? Снято?

Снято. И мы выезжаем на Таллинское.

- Чудится, или визжит кто?

- Где?

Николаич глушит двигатель. Действительно, вроде как визжит человек.

- Справа?

- Мне тоже так кажется.

- Не наши ухари патсаны?

- Патсаны так конкретно не визжат!

- Ну, это как сказать. Там же с ним девка еще была.

- Нужна ли нам девка?

- Девки всегда пригодиться могут. Хотя если она под стать своему корешу...

- Да, Шлиппенбах ее так и рекомендовал.

- Ну что, кидаемся на выручку прекрасной даме?

- А надо ли? Патсана схарчили, доигрался член на скрипке. Девка вне себя, визжит, привлекает к себе всех, кто ходить может, скакать и прыгать. Сама она без мозгов. Делать, скорее всего, ничего не умеет, кроме как на понтах оттопыриваться да еще тусить не подцепки...

- Ну, может еще родить сможет...

- Доктор, вы сами верите, что при такой правильной пацанской жизни девка здорова будет? Ладно, если у нее хватит мозгов бежать к нам - поможем. Если она кудато понеслась в другое место - я ее по всем этим закоулкам искать не собираюсь.

Николаич берется за рацию.

- Ильяс, что наблюдаешь?

- Наблюдаю деваху. Оп, шайтаньга, уже не наблюдаю.

- Схарчили?

- Нет, она подалась через дорогу - мимо АЗС - туда, где всякие домики.

- Сейчас ее видишь?

- Неа. Там не просматривается.

- Получается так Доктор, что не судьба ей с нами ехать. Хватит мозгов до МакДака добраться целой - глядишь, кто и подберет...

- Меня больше интересует, кто патсана сожрал.

- А нам не один черт? Шустрик или морф. Все, поехали.

Стоящие на ветру у перил КАДа попивают кофеек и чтото жуют. Правда, в бинокли тоже смотрят. Причем разделили по секторам и ведут круговое наблюдение. Мне страшно интересно - перепутает кто из стоящих бинокль с кружкой и не попытается напиться из бинокля или приложить кружку к глазам, но никто предметы не путает...

- Сейчас доедайте, проглоты, да догоняйте - мы вперед проскочим - НЗ снять сбоку. Будем в прямой видимости.

Сверху с приближением база армейского НЗ тоже не шибко впечатляет. Но, учитывая, что комуто вероятно надо будет тут работать - снимать надо внятно, до деталей.

Наши пока не двинулись с места. Потому, раз гора не идет к Магомету - то Магомет едет ругаться с горой. Ну, или хотя бы ее поторопить.

Судя по тому, каким чертом подлетел Николаич к группе наших компаньонов и как

вдарил по тормозам - намерения у него были самые серьезные подтянуть дисциплинку. Но ничего не вышло, потому как одновременно с визгом тормозов совсем рядом - прямо в салоне машины за нашими спинами раздался резкий крик:

- Херрасе!!!

Подпрыгиваем с Николаичем синхронно - как герои комичного мультфильма. Крик раздался над ухом, но насто всего двое в салоне машины. Лезем смотреть - кто орал.

- Чертов ара! Напугал до усрачки!

Мы и забыли, что у нас под одеялом сзади - клетки с птицами. Выражение морды, да нет - скорее лица у благородного попугая - возмущенное. Он просто кипит от негодования! Николаич конфузится под выразительным взглядом, снова накрывает клетки одеялом и, пряча свой конфуз, говорит:

- Вот, раньше эти птицы кричали «Пиастры», а сейчас - «Херасе!». Куда катится мир!

- Да уже прикатился, чего уж тут...

Колонна трогается.

Оказаться снова в теплой кабине американца после продутой насквозь УАЗовской клетушки - приятно. Николаич под предлогом заботы о тропических птицах избавился от клеток - теперь они у нас в кабине. Рассказываю об инциденте.

Спутники тихо веселятся, пока я пытаюсь найти объекты для съемки. Кроме небольшой фермы - тут особенного смотреть не на что - поля, вдали взлетная полоса аэропорта «Пулково», всякие полетные причандалы для вывода самолетов на глиссаду, а еще дальше - Пулковские высоты. Слева - Ульяновка, городской район, отделенный от нашей КАД рельсами железной дороги и станцией - опять же с тем же названием «Ульянка».

Давно тут не был - а ведь детство тут прошло - причем уже такое - сознательное... Как после переезда пришел в новую школу - удивился - тогда еще была такая игра «Зарница» - пионеры бегали с деревянными автоматами и все вроде как сейчас так понимаю, было предармейской тактической подготовкой школьников - как и НВП к слову. Но обычно делалось это под руководством холодных сапожников, а то и учительок-женщин - и получалось коряво и глупо. Тут же первые попавшиеся на глаза трое мелких первоклашек поразили меня тем, что на полном серьезе бегали с ржавоватым ПТРД. Я аж глазами захолопал - нет, все верно - троица мальков волочит противотанковое ружье.

Оказалось, что район Ульянки - весьма своеобразен - тут шла ожесточенная молотилка весь период блокады и две армии дрались с невиданным ожесточением на весьма небольшом пространстве, то отбивая, то теряя жалкие куски территории в одиндва километра.

Естественно - все мальчишки копали. Не копать тут - означало быть белой вороной со всеми последствиями. Разумеется и я стал рыть.

Для того чтобы на месте боев можно было вести сельхозработы, саперы прочесывали это место раз десять. Потом довелось пообщаться с теми, кто тут разгребал завалы из ВОПов. Оказалось, что поговорка «мина на кочке, мина в кочке, мина под кочкой и фугас сбоку» вовсе не было поэтическим преувеличением, а являлось сухим протокольным описанием реальности. Ну и, разумеется, хоть саперы и почистили, что могли, хоть потом все запахали, и теперь на полях росла капуста и турнепс - на нашу долю все равно хватило сполна. К тому же на наше счастье мины - самая страшная угроза оставшаяся с войны - уже проржавели, взрыватели их закисло да и взрывчатка погнила. Если у нас кто и рвался - то практически всегда по своей вине - и обычно на снарядах да минометках. Это было крупным везением - как я сейчас понимаю, потому что до конца шестидесятых годов, подрыв на старой мине был частой вещью. Ну а такой пустяк, как оторванные взрывом детонатора пальцы были обыденной штукой.

Достаточно было пройти по дорожкам, огибающим поля подальше от станции - к Пулковским высотам - как начинался участок под названием «Разбитое». Что тут было - кто знает, но сельхозугодья огибали это место как черт церковь.

Судя по торчавшим из земли искореженным огрызкам бетонных плит, молотого кирпича и свитых штопорами арматурин - стояли здесь какието дома.

За 900 дней боев естественно все это было разнесено вдрызг, щедро засыпав строительным хламом землю. Пахать тут было невозможно. А копать - получалось отлично. Чуток в стороне оставались окопы в русле речки, которую незамутненные школьники дружно прозвали «Говнотечкой» - там тоже по склонам не пахали.

Тут конечно копали все - от мала до велика. Самые мелкие и начинающие не брезговали и бродить по вспаханным полям и собирать всякую чушь - патроны, гильзы, хвостовики от минометов, корпуса от ПОМЗ - это такие стаканы из чугуна с рифлением для большего числа осколков... И разумеется кости, пробитые и мятые ржавые каски, коробка от пулеметных лент и дисков, рваные цинкачи, сплюснутые футляры от немецких противогазов - и сами противогазы - без стекол, прострелянные - наши с хоботами и немецкие на резинках...

Поэтому те, кто похитрее, шли дальше - стоило перебраться через какойто канал - метров пятишести в ширину, что делало его труднопереходимым - и начинались кусты и сравнительно молодой болотистый лесок. Место было добычливое, только все время лез в гости «сапер Водичка». Поэтому наша группка шла дальше - на Пулковские высоты.

Вот там, на основной линии немецкой обороны мы и шарились. А для того, чтобы перебраться через канал в любую погоду наша артель стырила металлическую лестницу со стройки. Как ее перли - отдельная песня, но дотащили до канала, где и притопили, привязав предварительно веревку. А дальше в любое время выдергивали утопное сооружение, перекидывали ее через канал и снова притапливали.

В это милое время ни о каких гаджетах типа нынешних металлодетекторов и речи не шло, поэтому кроме собирателей было только два типа поиска - «копательство» и «бульканье». Копатели без затей подыскивали понравившийся лично им кусок окопа или блиндаж и проверив как можно перспективность - ну например воронки на бруствере, гильзы, что говорило о том, что тут шла стрельба - начинали откачивать воду и рыть, рыть, рыть... После этого доступной на дне окопа или блиндажа становилась всякая фигня и мелочь - поэтому рыть было интересно, было в этом чисто археологическое ощущение - тогда я впервые ощутил дикое чувство временного пробоа - когда мы нашли баночку с кремом после бритья и свернув крышечку, увидели четкие отпечатки на креме трех пальцев - даже и папиллярные линии сохранились - как взял немец последний раз крем - так след и остался, словно и не было десятков лет, словно это было сейчас. А наличие вероятного хозяина баночки, совсем рядом оставшимся в позе молящегося на коленях - тем более впечатляло.

Булькатели были более смелыми - работали они токо летом - ну и пока можно было залезть в воду - и, забравшись в воронку, щупали там в иле руками и ногами. Разумеется, никаких находок вроде книг, газет, тубиков, зеркал, самодельных рюмок с резьбой, сделанных от скуки в период затишья из гильз и прочего бытового добра таким методом найти было невозможно - но вот крупные вещи и в первую очередь оружие, которое саперы не чинясь скидывали по воронкам - булькатели находили куда чаще, чем мы. Ну и разумеется периодически они резались о куски стекол, напарывались на колючку или повреждались другими способами - но это их не остужало.

Наша артель твердо встала на путь копателей (дурацкое это словечко прилипло из курса истории - там какието протестанты чтото рыли в знак протеста). Вожаком сразу стал крепкий и ловкий одноклассник со странным прозвищем Боров. Вот уж на кого на кого, а на борова он никак не был похож. Оказалось, что он по доброте душевной поменялся прозвищем с другим нашим одноклассником, который был ему однофамильцем. Однофамилец был сырой, пухлый и не очень сообразительный парень (класс это списывал на то, что он был «искусственник»). Я тогда не знал, что это означало, что он всегонавсего вскармливался не грудным молоком, а смесями).

Одно то, что он упер со стройки кафельную плитку и потом облицевал ею ванну и туалет, причем плитки хватило и на потолок - достаточно характеризовало его. Особенно же характеризовало, что плитка вскоре с потолка и стен стала отваливаться, но не вся - часть

оказалась прилепленной насмерть. Угадать, какая плитка свалится сидящим на унитазе или моющимся под душем было невозможно и незадачливый дизайнер и сам получил пару раз плиткой по башке и от матери еще огреб.

Вот наш вожак и отдал тому - свою кличку Лаф, а сам стал Боров. Обмен ничего не дал - новоиспеченный Лаф повесился через несколько лет. Кстати - он практически и не копал...

Боров был уже тертый калач - и довольно ловко разбирал минометы, гранаты и противотанковые мины. К снарядам у всех нас было отношение куда более осторожное - мы отлично запомнили, когда подорвался Невзор - местная знаменитость, к которому милиционеры приезжали по расписанию чуть ли не раз в неделю и выгребали из квартиры кучу всякого разного взрывчатоогнестрельного... Заскучав от привычного и возжелав новых ощущений, паренек стал разбирать 37 мм. снарядик - чертовски красивая штучка вообще. Кто понимает - пояски, деления, да и вообще - как игрушечка...

Его приятели, не одобрявшие этого занятия, отошли в сторонку - тут у Невзора в руках и бахнуло.

Соратнички чесанули по домам, зачемто выкинув портфель Невзора в Говнотечку... И затаились. Прижали уши.

Утром какойто работяга шел из Ульяновки в Горелово на работу - тогда многие так ходили - и часть тропинки шла как раз у воды этой самой речушки.

Вот дядька и обратил внимание на какие-то темные потеки на склоне - поднял взгляд с тропинки на откос берега и увидел там Невзора. Тот еще теплый был, когда его мужик нашел.

Оказалось, что взрыв снарядика в руках не убил Невзора, а страшно порвал - кисти рук, колени, лицо роем мелких осколков. Как удалось искромсанному Невзору проползти пару сотен метров, и как он сообразил, что на тропинке у него еще есть шанс когонибудь встретить - мне и сейчас непонятно. До речки он за ночь дополз и там окончательно кровью истек... След за ним остался - через неделю еще видно было.

Мы из этого сделали два вывода и твердо их придерживались - не разбирать снаряды и, если кто из наших взорвется, - не убегать, как приссавшие дети.

Несколько лет, пока я жил в Ульяновке, были посвящены копу. Если времени было побольше - отправлялись на Пулковские, если мало - болтались по Разбитому, а зимой в морозы рылись в болотистом леске, благо морозцем прихватывало воду и находки попадались там зачетные.

К нашей компании както относилась и ватага Коната. Что это было за прозвище - или фамилия - понятия не имею. Парень был примечательный мелкий, шустрый блондинчик, скорее всего родившийся в детской комнате милиции. Если бы не тот факт, что мама у него была очень порядочным человеком, а бабушка, жившая с ними и тем более была старорежимным реликтом, мы бы твердо в это поверили, потому как все наши контакты с милицией заключались в том, что периодически нас отлавливали на железной дороге по возвращении с копа и отбирали трофеи. Делалось это рутинно, спокойно и даже както патриархально.

Ровно так же уничтожалось все, что я притаскивал домой - мои родные словно чуяли, где у меня новый тайничок, и все накрывалось медным тазом моментально.

Конат же все время влетал покрупному - с оформлением документов. Это считалось ужасным ужасом.

То Конат начинал подрывать мусорные баки толовыми стограммовыми пашками - мы как раз по физике проходили электроцепи и наш Куперштейн спросту объяснил, как действует подрывная машинка у партизан.

На пятом или шестом мусорном бачке бравый диверсант был схвачен охреневшими от такой наглости милиционерами. До этого было негласное соглашение - за полями и в полях все время что-то щелкало бахало или бумкало, но в жилых кварталах никаких взрывов до Коната не устраивали.

После этого Конат похвастался коллекцией синяков на заднице, в некоторых из

которых угадывались при наличии небольшой фантазии пятиконечные звезды от пряжки офицерского ремня.

То Конат обнаруживал на железнодорожных путях товарняк, в одном из вагонов которого был груз кубинского рома. После этого Ульянка пару дней благоухала полагородному, а милиционеры опять ломали себе головы - почему от синяков, которым и «Три топора» были недостижимой мальвазией, пахнет так непривычно романтично. Потом запахло попираетски и от милиционеров, а Конат опять хвастался новыми звездами.

Явно в этом мальчишке сидело несколько чертей, потому как только он мог поспорить на то, что профутболит череп от Разбитого до Ульянки. То, что череп с равным успехом может быть и от нашего, его не парило совершенно. Вообще отношение к останкам было глубоко философским - убрать такую прорву павших явно было невозможно - разве что всем забросить свою деятельность и начать собирать кости. Правда, в нашей компашке както было запахло рыться в костях наших солдат. Не то, что мы были такие уж сознательные. Просто както не катило. Поэтому и рыли у немцев. Вроде как вот какие мы аристократы.

Конат одно время рыл с нами, бросив бульканье, но получилось как со щукой, что пошла мышей ловить. Раз Конат нашел явную одиночку - и на бруствере попались довольно редкие гильзы от патронов к парабеллumu. На первых же сантиметрах ячейки попалась немецкая каска, которую Конат почемуто тут же назвал «эсэсовской». Потом пошли кости.

Мы столпились вокруг, потому как Конат вопил про здоровенного автоматчикаэсэсовца и рыл словно одержимый... Честно говоря - мы страшно завидовали. Кости были и впрямь здоровые. А потом, к нашей громадной радости, Конат выволок копыто с подковой. И потом еще одно. И еще. И лошадиный череп.

В следующий раз, взявшись за не менее перспективный объект, Конат нарвался на сортир - во всяком случае нашел там стандартный стульчак тех времен - две доски с аккуратно понемецки вырезанной дырой.

После этого копательство он бросил и опять взялся булькать. И тут же утер нам морды, найдя в одной воронке четыре «Гочкиса» - причем два были с треногами...

А еще Конат чуть не застрелил Борова - когда нам взбренило в голову собрать идеального сохрана К98. Для этого тщательно отбирались наиболее сохранившиеся детали от разных карабинов. Тут таилась засада - вроде бы одинаковые Маузеры оказались разными - в долях миллиметров, но разными. Подгонка шла с трудностями.

Вот в ходе этой подгонки ствольной коробки к стволу и корячились мои приятели. Патрон - единственный на тот момент трассер упорно не лез.

Наконец удалось подогнать одно к другому и стали возиться с магазином. Разумеется этот патрон то вставлялся, то вынимался. Комнатка у Коната была маленькая и потому Боров сидел на кровати, а Конат - напротив на табуретке. Как раз на тот момент железный остов карабина был в руках у Коната.

Увидев, что ствол смотрит ему прямо в пузо, Боров решительно отвел его рукой в сторону.

- Ты что, меня кретином считаешь? - вспыхнул Конат. - В стволе нет патрона!

- А все равно не надо! - Боров, когда хотел, мог тоже упереться.

- Ах, так! Смотри!

Дальше все произошло стремительно - Конат нажал на спуск, оглушительно ударило по ушам, простыню перечеркнула черная, по словам Борова, молния, а из стены ударил фонтан зеленого огня.

Боров на автомате тут же заткнул этот фонтан подушкой. Завоняло палеными перьями.

В запертую дверь стала ломиться мама Коната с вопросом:

- Мальчики, вы живы?

- Да, мам, это детонатор хлопнул! - ответил Конат.

- Чтото больно сильно! - заметила опытная мама.

- Показалось! - возразил Конат, несколько сбледнувший с лица, но не потерявший хладнокровия.

Боров отнял тлеющую подушку от стены. Из бетона торчал задний кончик трассирующей пули и кинематографично дымился. Подушку залили водой из графина и задумались.

Самое кислое было на кровати. Мы, конечно, все знали, что пуля из винтовки крутится вокруг своей оси. Но както по кроватям не стреляли - и то, что приятели увидели - сильно их удивило. Пуля прошла вскользь, зацепив простыню и матрас. При этом она словно постаралась намотать на себя тряпки, но это у нее не вышло. В итоге простыня была изодрана затейливым образом - словно как тигровая шкура получилась - неровная прямая дыра как хребтина и отходящие от нее вбок разрывы - как полосы. Залатать такое было невозможно. Пришлось судорожно искать замены простыне и подушке. Матрас потом зашили... Так что экстерриториальность комнаты Коната еще некоторое время сохранялась и мама туда без спросу не заходила, мальчик взрослый уже, как же...

Правда это тоже кончилось - таким же заковыристым образом, как все, что вытворял Конат. Он нашел совершенно сохранившийся ППС42. В магазине еще было три патрончика. Надо заметить, что в отличие от винтовочных патронов, где пули в гильзе обжимались плотно по всей окружности, ттшки были как эрзац - пуля в гильзе держалась за счет трех точечных вдавлений. Вода в такие патроны попадала на раз и все ттшки, которые я видел, были сырые, даже мелкий игольчатый порох в них обычно был не только мокрым, но и зеленым от окислов...

(Разумеется в сухих цинках патроны были нормальные, но поди найди непочатые цинки...)

Конат тоже это знал и тут его после разборки и чистки Судаева черт дернул.

Он потом сам не мог объяснить, с какого это ему понадобилось лезть на рожон - но он решил опробовать машинку, не выходя из квартиры. Захотел - сделал.

Целью был избран бабкин окованный жестью сундук со «смертным». Сундук был из толстых досок и Конат почемуто решил, что пуля застрянет в стенке. Если сработает...

Сработали короткой очередью все три патрона. Все три пули прошибли стенку и ушли в бабкино приданое.

Бабку же на следующий день понесло перебрать тряпочки и переложить их лавандой - для запаха и от моли... Внучок оказался самой могучей молью за всю бабкину жизнь - пульки изрядно проскочили в тряпках, разорвав их так, что помянутая ранее простыня была образцом целостности и сохранности.

Это послужило последней каплей терпению и матери, и бабушки. Замок с комнаты был торжественно свинчен, а Конат похвастался нам еще более причудливыми синяками, в которых на этот раз угадывались отпечатки кожуха ППС... Мать гонялась за сыном вокруг стола и лупила его ППСом.

- Хорошо еще, что приклад не отомкнула... - заметил на это Боров.

Насчет приклада - это верно замечено. Приклад сильная штука...

- Эй! Гляньте, что это справа?

А справа у самой дороги - здоровенная помойка посреди поля. Было бы полное впечатление того, что высыпали сюда несколько мусоровозов свой груз и потом еще и подпалили... Если б не торчащий посреди этого безобразия закопченный хвост от авиалайнера с какимто незнакомым значком - хотя компаний сейчас много было, все эмблемы и не упомнишь.

Чуть поодаль - груда металлолома, какието баки. Нет, не баки - сильно обгоревшие турбины скорее. Опять хлам, рваные шмотки, вяло шевелящиеся на земле от холодного ветра тряпки и бумажки...

- Самолет грохнулся. Должен был видно сесть - да не угадал.

- Живые интересно есть?

- Да после такого удара и пожара и неживые - то вряд ли уцелели...

Медленно проезжаем место катастрофы. Горело здесь сильно - металл плавленный, кроме хвоста, больше ничего вмятого и не осталось... А бумажки какието все равно

уцелели...

- Апатит твою Хибины! - скороговоркой выдает Семен Семеныч, резко взяв в сторону и вдарив по тормозам со всем усердием...

Мда, это надо снять...

Совсем рядом с капотом нашего грузовика стоят ноги. Голые человеческие ноги с тем самым, к чему они обычно прикрепляются - бледные, с синюшными трупными пятнами. Босые, но какието рваные тряпки внизу болтаются. А вот сверху... сверху - из таза торчит столб позвоночника с черепом наверху. Все, что было выше пояса, словно сорвано страшной силой - как и ткани с головы - только на макушке нелепый ежик из недогоревших волос. Все грязное, закопченное. И неподвижное.

Саша удивленно втягивает воздух:

- Пряма как в «Хищнике»... Только грязное и не до конца выдранное.

- Кто ж это так развлекался?

- Может и впрямь весь катаклизм - инопланетного происхождения?

- Ну, это уже бред. Чтобы катастрофа развивалась по идиотскому голливудскому сценарию?

- Так они столько наснимали, что почему бы и нет? «Близнецов»то ведь точно как поголливудски долбанули!

- «Близнецы» - это не инопланетяне. Сами амеры и долбанули...

«Длинное Ухо» спрашивает - что встали. Проще показать, чем объяснить.

Отъезжаем в сторону.

Николаич присвистывает.

- Интересное кино. Сняли?

- Снял.

- Чего стоим? Трупов не видали?

- Видали, но этот какойто уж совсем наособицу.

- Вот на семинаре и разберетесь. Поехали, поехали!

Двигаемся дальше, смотрю в зеркало заднего вида - безглазый череп словно провожает мертвым взглядом наши машины...

Выкатываемся на развязку - и тут мне приходится снимать долго - станция Предпортовая, куча всяких промышленных предприятий, складов, мелькомбинат - короче говоря, ни черта я не понимаю, что где, но Семен Семеныч тут не раз бывал и по старому принципу «не выпендривайся, пальцем покажи» целеуказует без проблем.

Вспомнив про конфуз моего приятеляжурналиста, который с башни Нарвского замка должен был отснять старейшее в республике Эстония промышленное здание, а вместо этого запечатлел синагогу, на что читатели указали уже после выхода газеты - все время показываю драйверу то, что снял.

Сразу вслед за этим снимаю по другую сторону - вроде как это окраины Авиагородка - какойто склад топлива - Николаич велел. Склад внешне в полном порядке.

Съемку прерывает увесистый толчок в бок.

Саша одновременно кричит в «Длинное Ухо»:

- Колонна бронетехники! На встречной!

Видеокамера позволяет приблизить эту бронетехнику. Колонна - да, пожалуй, но далеко не вся - бронетехника. Спереди - БТР - не то 70, не то 80 - не разбираюсь я в них совершенно, сразу за ним военный грузовик с кунгом, потом пара автобусов и замыкает это два грузовика штатского вида и еще один БТР.

Колонна начинает притормаживать и встает, чутка не доезжая до нас.

Ствол дудки крупного калибра в башенке переднего БТР застенчиво поворачивается в нашу сторону.

Мило.

Николаич не торопясь проходит рядом с нашим грузовиком. Останавливается на полпути к бронетранспортеру.

- Вот еж твою медь - отчетливо выговаривает Семен Семеныч. - Если начнут поливать - то и не рыпнемся.

- А спрыгнуть если с дороги?

- Ноги поломаешь, высоко тут...

- Но на шашлыкто идти не хочется.

- Постарайся поскорее разлить желчь, пусть им горько будет...

Остается сидеть, ждать...

Ждем.

Прошло несколько веков наверное, когда в головной БТР отваливается боковая дверцаступенька и оттуда вылезает чувак в городском камуфляже и берете.

Не торопясь идет к Николаичу.

Останавливается в паре шагов.

Небрежно козыряет.

Саша нервно хихикает:

- Ваши документики, гражданин!

Точно, это же мент, ято смотрю, камуфляж знакомый.

Николаич ведет себя спокойно, то, что начнет вертеть башкой в опасной ситуации - оценивая расклад и таким образом оповещая остальных - он не раз толковал. Значит, похоже на то, как говорит обычно Серега - это тоже обычные выжившие. Но получше экипированные.

К менту подходят еще двое мужчин - один в военном камуфляже и гражданский. Правда, у обоих за плечами «весла». Но вместо разгрузок - на солдатских ремнях с цинковыми пряжками древние подсумки из брезента.

Николаич машет рукой, подзывая к себе.

Подходим. Правда, Надежда и Серега с Ильясом, а также все примкнувшие к нам остаются в машинах.

Оказывается, это техника с учебного центра МВД в Молосковицах. Занимаются вывозом уцелевших, правда в отличие от нас берут не всех, а только тех, кто подходит по полу, возрасту и профессии.

Сильно удивляются тому, что Кронштадт устоял. Както упустили они мореманов из внимания - но по сухопутчикам дают несколько точек, где вояки удержались.

Не удержавшись, спрашиваю, а куда спихивают всех остальных.

Не моргнув глазом, мент отвечает - к воякам - те дальше по КАД находятся. Будем проезжать - не пропустим. В свою очередь спрашивает - что мы такого хорошего видели.

Николаич хмыкает и предлагает поделиться информацией взаимно.

Мент задумывается. Я пока рассматриваю автомат у него на груди. Первый раз такой вижу - явно АК - но непривычного вида - по силуэту - калаш, только газоотводная трубка непривычно толстая. А все, что было в АК74 из черного пластика, тут из какого-то серозеленого, да еще и цевье слито воедино с накладкой на газовую трубку.

Не могу не отметить, что дисциплинка у них на уровне - никто поперед бабки не лезет. Разве что военный спрашивает разрешения выпустить публику «для оправиться» из автобусов.

Мент разрешает и скоро на дороге уже сильно позабытая картинка - «мальчики направо, девочки налево».

По физиономии мента видно, что он пареньжох. Но и Николаич не в соломе найден. Оба это видят, и начинается этакий торг информацией, с попутным прощупыванием, кто чем может быть полезным.

У ментов - техника и оружие в неплохом наборе. Правда с топливом и боеприпасами неважно. Пока хватает, но хотелось бы и побольше. Делиться броней не рвутся.

Ответно Николаич соблазняет всякими благами выжившего города, среди которых больница занимает не последнее место.

На предложение мента присоединиться к ним Николаич вежливо отказывается, а на

попытки запугать - мент никак не может не проверить и такое - отвечает, что все, что мы говорим - репетуется на Кронштадт. Немедленного ракетного удара за наши обиды он обещать не берется. Но отношения будут попорчены, а кому это сейчас надо.

Мент с этим соглашается, хотя у меня создается впечатление, что и угрожать он стал по привычке, без особой старательности.

Нам от этой встречи пользы ровно никакой, а молосковицкие узнают - зачем это мы сеткой стекла прикрыли. Морфов они не видели, шустрики только попадались. Экие счастливики... Не уверен, что они в это поверили, но вроде как призадумались. Дополнительно пытались нам всучить семью театрального критика, но Николаич вежливо отказал, ссылаясь на загруженность транспорта...

Еще Старшой рассказывает про людоедов, что тоже воспринимается как байка. Ну да к Финскому заливу им выдвигаться пока без надобности, но если что - проверят, кто какие шашлычки жарит. У них пока все пучком - кушают только правильную еду.

В свою очередь, сообщают волну и позывные сидящих неподалеку от нас ОМОНовцев.

Тут к Николаичу подходит Димаопер и говорит, что у одного из штатских обнаружил винтовочку, о которой давно мечтал.

Мент поднимает бровь.

Дима тычет пальцем в справившего свои нужды паренька лет шестнадцати.

У того на спине болтается странный агрегат - явно снайперская винтовка, причем впридачу еще и с глушителем, но какаято очень короткоствольная, несерьезная, несмотря на сошки и прочие приамбасы, положенные снайперке.

- Что дадите взамен? - спрашивает, немного оживившись, мент.
- «Клин» и две обоймы.
- Не смешите мои тапочки. У нас Клинов вагоны и фургоны. А это - штучный товар.
- Но ведь малопулька!
- Зато снайперская и бесшумная.
- Хорошо - тогда можем дать еду из ресторана.
- Китайского или корейского? Крысы и собаки? - ехидничает мент.
- МакДональдс. Пойдет?
- Черствые булки?
- Нет, все из холодильника. Двадцать килограмм полуфабрикатов под гамбургеры и чизбургеры. В комплектности. То есть булочки, мясо, сыр, шпинат.
- Там еще был лук.
- Лука нет. И помидоров нет. Дам двойной набор соленых огурчиков.
- Тогда это не ресторанная еда. И огурчики - какой дурак потратит на бигмаки!
- Ну, как хотите. Дима - придется тебе обойтись...

Николаич поворачивается и показывает спиной, что ждет ответного предложения. Типо, вот уже уйду. Почти совсем весь ушел.

Мент хмыкает и говорит:

- Сорок килограмм. И я все взвешу.
- Тридцать!
- Тридцать пять. И еще пятьдесят пирожков с вишней.
- Тридцать три. И откуда вишня?
- Пятьдесят пирожков! И заберете семью театрального критика.
- Тридцать пирожков, если с семьей. К слову - семья большая?
- Он с женой.
- Жена красивая?
- Нет, она тоже критик.
- Да это шантаж и грабеж!
- Винтовка куда дороже стоит! И учти - сейчас таких уже не делают.
- Хочешь сказать, что только по доброте душевной?
- Точно так. Сам себе удивляюсь.

- Тогда тридцать пирожков.

- По рукам.

Далее мент и еще несколько человек тщательно принимают груз и оттаскивают его в грузовик. Мы взамен получаем куцую снайперку и пару пожилых, пришибленных судьбой супругов. Их сажаем на освободившееся в милицейском УАЗе после выгрузки пакетов с едой место.

В итоге желаем друг другу доброго пути, встречные рассаживаются по своим местам и катятся своей дорогой.

- Грузовичок бы такой я бы не прочь был получить - мечтательно замечает Николаич.

- Это который зеленый - военный?

- Получается так... Зилок 4334... Симпатичная вещь. Нам бы не помешал.

- А мне непонятно, почему они броней не выручают своих ОМОНовцев.

- А почему мореманы не выручают курсантеров из училища им. Фрунзе, не удивляет?

- Удивляет. А почему кстати?

- Да потому. Высокая политика.

- Это как?

- Получается так, что очень просто. В Дзержинке - парни самые что ни на есть демократические - из низов, так сказать. Максимум карьерного роста - каперанг, да и то сложно этого достичь, инженеры же, не командиры. Потому амбиции - низенькие. Да и в другом у них амбиции - зато могут починить реактор при помощи кирпича, куска проволоки и пары гвоздей. Стыдно такие вещи не знать - питерские девушки и то в курсе, и потому женихи из Дзержинки как бы не очень котируются у невест - вечно в мазуте, масле, погоны жиденькие, денег мало и гордятся тем, что девушка и поняты не сможет изза сплошной технической терминологии.

А во Фрунзе - учатся многие родственники весьма высокого полета птиц, Элита морская потомственная, амбиции у фрунзаков - как у молодого Цезаря, карьеру могут сделать - огого какую. И у невест фрунзаки - самая желанная добыча.

Вот и представьте, Доктор, кто Змиеву больше нужен - несколько сотен инженеров по разным коммуникациям и без амбиций - или несколько сотен Цезарей начинающих. Ну да, они могут провести флот через три океана по звездам, но вот копать в говне и мазуте и чинить коммуникации - их хрен заставишь - они ж все во сне видят, как по «Розе ветров» пройдут...

- Это как?

- В актовом зале училища в самом центре паркет в виде розы ветров выложен. По традиции прямо через нее может идти чин, не ниже адмирала. И только. Остальные же права такого по традиции не имеют, потому обходят. Странно, что вы такого не знаете - вроде ж даже ленинградец...

И что еще сказывается - начальство во Фрунзе повыше рангом, чем каперанг Змиев. Потому выручать он их станет, когда они совсем в ничтожество впадут и сами поймут, насколько их благодетельствовали. Не раньше.

- Вон оно как!

- Получается так. Ну, по коням.

Двигаемся дальше.

Честно признаться - уже умотался. Потому снимаю указанные объекты на полуавтомате... Магазины, склады, предприятия, которые чемто могут быть интересны. Еще делаем просок на паре УАЗов по Пулковскому шоссе - ближе к городу у комплекса магазинов оказывается весьма густая толпа неупокоенных, а в сторону аэродрома ктото уже уселся на складах и предупредительно пострелял в воздух, когда мы приблизились. Хорошо хоть не по нам...

- А знаете Доктор - вот Вы толковали о руководстве...

- Ну, толковал...

- И с чего это Вы посчитали, что оно могло за рубеж рвануть?

- А почему - нет?

- Так вроде оно же наше?

- Ну, так оно же очень неоднородно. Вон бывший предсовбеза сидит в Лондоне и призывает устроить крестовый поход на недемократическую Россию. Или вон Илларионова уволили - и он сразу дернул в США и давай там опять же требовать санкций. А ведь не член собачий - советник Президента какникак. Гостайны знает, наверняка - а рванул в Штаты. Вот можете себе представить, что Кондолиза эта после отставки в Россию рванет, и будет тут требовать, чтоб США наказали за ее отставку?

- Не, не получается.

- Вот видите. Потому как ее хозяева - в США. Ну и у Илларионовых хозяева - тоже там. Или в Лондоне. Помните, как наших руководителей легко сажали - раз и Адамов в тюрьме, раз - и Бородин... И ниче так...

- Мда... Ладно, я лучше песню спою. А то Вы еще тут гадостей наговорите... Лучше слушайте:

Жил - был знаменитый писатель
Лев Николаич Толстой,
Ни рыбы, ни мяса, не кушал
Ходил по аллеям босой.
Жена его Софья Толстая,
Напротив, любила поесть.
Она босиком не ходила,
Спасая семейную честь.
Из этого в ихнем семействе
Был вечный и тяжкий разлад:
Его упрекали в злодействе -
Он не был ни в чем виноват.
Имел он с правительством тренья,
И был он народу кумир
За роман свой «Анна Каренна»,
И обратно «Войну да и мир».
Как спомню его сочиненья,
По коже дирает мороз,
А роман его «Воскресенье»
Читать невозможно без слез.
В деревне той, Ясной Поляне,
Ужасно любили гостей.
К нему приезжали славяне
И негры различных мастей.
Однажды, покойная мама
К нему в сеновал забрела.
Случилась ужасная драма,
И мама меня родила.
В деревне той Ясной Поляне
Теперь никого, ничего...
Подайте ж, подайте, граждане,
Я сын незаконный его.

- Ну, как, понравилась песня?

- Отлично! Просто замечательно. Только вот, наверное, надо было бы снять слева - там же Мясокомбинат и Институт Крылова были?

- Нечего там снимать - полностью демократизированы.

- Что, вот прямо полностью?

- Ага. На всем мясокомбинате работает, может один цех - колбасу делали, а остальное -

либо в забросе, либо в аренде. Дружок мой Валерка оттуда кондитерские изделия возил...

На Московский соваться неохота - в районе Шушар немыслимая свалка машин, дороги не видно. Дальше подкатываем к ТЭЦ.

Мне приходится побегать, чтобы выбрать лучший ракурс для съемки - тут оказывается в Купчино здоровенная овощебаза и куча всяких складов. Что интересно - явно живые здесь есть - мало того - вижу, как туда заворачивает несколько грузовиков. Да и дорога изрядно почищена - все брошенные машины стоят на обочинах. На ТЭЦ такой яркой жизни не видно, но Семен Семеныч говорит, что видел нормальных людей на территории... Ну да, тут же и вооруженная охрана была и режимный объект опять же...

Но вот зомби я видел куда больше и куда чаще, чем живых...

Потом сплошной чередой - склады, терминалы, предприятия - и так до Невы. Красавец вантовый мост дает возможность сделать подробную панораму. А дальше опять те же гаражи. Предприятия и склады. Сроду бы не подумал, что их так много, а мы еще и половину дороги не проехали. Както не обращал раньше внимания, какой громадный город, в котором я прожил всю свою жизнь...

Ну, не всю жизнь еще... Надеюсь еще поживу...

Кусок трассы на котором нет ничего особенного и можно перевести дух откровенно радует. Зато очень скоро встаем на трассе, и долго снимаю комплекс магазинов - тут и ИКЕА и МЕГА и еще чтото. Прямо при нас от магазинов вырывают пять грузовиков и катят к нам. Я не заметил, откуда они взялись, но что на площадках магазинов машин немного и я отсюда вижу. Стоячих зомби нет, зато с краю явно валяется пара десятков тел.

Грузовики выезжают на КАД и скоро останавливаются рядом с нами.

Оттуда вылезают мужики в камуфляже - но камуфляж разношерстный и по виду и по цвету. Двое так вообще в черном да еще и в касках. Настроены настороженно, но стрельбы не открывают, хотя все оборуужны - вижу у них калашы - со складными прикладами, ну да в кабине такие в самый раз.

Снимаю, но по возможности незаметно, не из положенной позиции, а положив камеру на торпеду.

К подъехавшим подходит Николаич с Димой. Один из черных кивает и, помоему, даже делает движение рукой к козырьку. Но удерживается. Не стал козырять.

Разговор идет совершенно спокойно, потом черный достает блокнотик и начинает чтото черкать, как усердный школьник на диктанте, а Николаич всей своей фигурой изображает смирение и терпение школьного учителя, в тысячный раз повторяющего свое исконное «Мама мыла папу рамой».

Стоящий за спиной черного, долговязый парень в камуфляже, очень сильно напоминающем мне эсэсовский пятнистый времен войны, заглядывая через плечо пишущего черного, быстро перекачивает информацию к себе на какуюто бумажку.

- Ишь, двоечник - шепчет Саша, глядящий туда же.

При этом небрежно лежащий автомат Саши смотрит дулом как раз на группку встреченных.

Николаич подносит к голове коробочку «Длинного Уха». Зуммерит у нас в кабине.

Саша дисциплинированно откликается. Оказывается, мы можем выйти размять ноги. Про охранение - не забываем.

Вылезаем из кабины. Снимаю на камеру встречу, при этом заметивший мои действия второй черный тут же решительно двигается в мою сторону, громко и грозно вопрошая:

- Кто дал разрешение на съемку?

И решительно тянется рукой к видеокамере.

Семен Семеныч ловко втискивается между нами. Саша передвигается вбок, открывая для себя директрису стрельбы, но тут оторвавшийся от записей пишущий начальник поднимает башку в зеленом шлеме (именно шлеме, а не обычной армейской каске) морщится и громко останавливает напарника:

- Леша! Это не журналисты, а мы не на задании. Уймись.

Леша унимается. Похоже, что спонтанно при виде камеры сработали вколоченные рефлексy.

- Закурить не найдется, мужики?

- Да вся команда некурящая собралась...

- Здоровье бережете?

- Ага. Вот - Доктор не разрешает. И к слову у тебя в кармане неплохие сигареты.

- Чужие вкуснее - откровенно лыбится Леша.

- Даа лаадно, как говорит Канделаки, скажи уж лучше, что так привычнее разговор начинать.

- И это тоже. Вы что, и впрямь из Кронштадта?

- Ага. Как в фильме.

- Каком фильме?

- Вот, уже молодежь подросла... Известно в каком: «Мы из Кронштадта».

- Не слыхал.

- Ясен день, не кунгфу же...

- Даа лаадно, как ты сам сказал...

Пока они треплются, я доснимаю сцену встречи. Зачем - не знаю, но вдруг пригодится.

Немного прохожу вдоль ограждения трассы, хочется взять вид этой группы гипермаркетов получше. В операторском раже немного забываю про то, что на дороге не вполне может быть безопасно - что мне и выговаривает Сергей, стоящий на страже.

Наши найденыши тоже повылезали из своих машин, разбрестись им не дали. Кучкуются, не отходя далеко. Объясняю Сереге, что неплохо бы пройти метров 50 - так будет и боковина видна этого комплекса, и фасады тоже.

Серега окликает мужиковбеженцев, чтоб смотрели по сторонам, и провожает меня, аккуратно и грамотно прикрывая. С его дудкой рядом мне становится куда спокойнее, и работать уже проще.

Замечаю то, что то ли упустил впопыхах, то ли только сейчас открылось с нового ракурса - на ветках деревьев у парковки трепыхаются несколько зомбаков, подвешенных как на гравюрах Колло, но при этом трепыхающихся... Дистанция невелика - видно в деталях. Ну, трепыхаются - сильно сказано. Скорее - шевелятся.

Кроме этой детали, замечаю еще будки на крышах. Сделаны по моему разумению из подвернувшихся под руку материалов, из двух дымок валит - печки наверное внутри.

Но это не самое важное - важнее то, что я точно вижу стволы как минимум трех пулеметов. Конечно - от современного противника - зомби - ДОТ не обязательно делать из бетона. И караулки на крышах поставлены грамотно - под прострелом и фас и дорога, на которой мы стоим, и подъезды к магазинам. И сидеть внутри достаточно комфортно - это не под открытым небом за мешками с песком. Хотя какуюто защиту они там должны были бы поставить, мало ли кто с дороги пульнет...

Когда возвращаюсь обратно, группки уже расходятся - встреченные рассаживаются по своим грузовикам, наши тоже лезут по машинам. Грузовики берут резкий старт и быстро уходят от нас прочь. Мы придерживаемся прежней своей скорости - ну типо чтоб отснять все подробно, но ято, посидев в УАЗе с вынесенными стеклами понимаю, что на скорости не то, что попугаи простынут, а и наши компаньоны заледенеют.

Саша рассказывает, что это сборная селянка из Медвежьего стана. (Вот уж имечко для поселка!) Там в куче оказались и заводские с предприятия, делающего взрыватели и инженеры из соответственного НИИ и полицейские - мы как раз с ними и разговаривали - учебка там для наркоконтролеров оказалась очень кстати, да плюс конечно местные, беженцы из Питера и все, кто живым добрался.

Вот вся эта орда подмяла под себя эту группу магазинов и худобедно их контролирует. Спрашиваю насчет того, кто тут висел. Вроде как - со слов этих полицейских - были стычки с несколькими группами не то бандитов, не то просто беспредельщиков.

- Чушь. Обычные пьяные мудаки, устраивавшие погромы в магазинах. На рупь выпил,

на сто разбил и на тыщу нагадил...

- И что, за это сразу вешать? - несколько удивляется Саша.

- А почему бы и нет? - хмыкает Семен Семеныч. - Вот Доктор, небось, это и обосновать может легко.

- С чего бы это мне обосновывать?

- Интеллигентный человек - Семен Семеныч хитро косит глазами в мою сторону - всегда с легкостью найдет оправдание любой мерзости. Неужели не сможете найти исторических примеров пользы жестокости?

- Этого легко. Недалеко ходить - цивилизованные англичане несколько сотен лет вешали за все подряд - и за бродяжничество, и за мелкое воровство, и за все остальное...

И за дебош в лавке с нанесением ущерба - тоже вполне бы повесили...

- На это положено отвечать - хихикает Саша - что когда одних воришек вешали, другие тырили по карманам у зевак и, дескать, эта жестокость бесполезна - любимая отмаза либеральная в инете была.

- А на это положено отвечать, что потом вешали и этих воришек, и тех воришек, которые уже на их казни крали - тоже вешали... Так что за сотни лет воспитали законопослушную публику. А законопослушную - банально повесили. И в Германии ровно то же было и во Франции... Только в Англии это было пожесточе. Сиживали в инете, сиживали!

- Вот! - торжествует наш водитель - Я же говорил - интеллигентный человек может оправдать все, что угодно!

А ведь подловил он меня, ехидина...

Дорога идет по неинтересным в плане выживаемости местам. Единственно, на что обращают мое внимание - какойто хладокомбинат, стоящий в километре от дороги.

Да эти промышленные коробки уже осточертели до сбева... Да их же сотни!

Но я понимаю, что потом все эти видео материалы не один раз отсмотрят штабники в Кронштадте и очень может быть, что по нашим следам пойдут группы для взятия под контроль жизненно важных предприятий, участков дороги или поселков.

Потому - снимаю и снимаю...

- О, сейчас наконец армейские должны быть.

- А что тут?

- Ржевский полигон имени соответствующего поручика. Самая здоровая пушка СССР тут стоит. Так и называется - Главный калибр Советского Союза! Только хрен доберешься - все под охраной.

- А вы откуда узнали?

- Был в Финляндии - ездил на экскурсию на Мокрый остров - там такие же стояли. Финны хвастались, что их пушки в отличном состоянии, а вот наша дескать - ржавая до визга.

- Это что, финны такие же пушки сделали, как СССР?

- Ага, как же... И та и те - российские. И у финнов всетаки думаю калибром пушечкито поменьше... Не уникумы.

- А, вон оно как... так тут полигон и сейчас?

- Не знаю. Но военные тут были точно. Хотя их сейчас куда меньше стало - вон казармы - так там сейчас страйкбол. Типа пейнтбола, только для честных.

- Это как?

- Ну, в пейнтболе если попало - так сразу по краске видно, а в страйке - нет. Саша - сообщи Старшому - пикет впереди.

- Где? Дорога пустая же?

- У моста справа - явно блокпост. Дорогу перегораживать не стали - а вот расстрелять тех, кто прорываться попробует - раз плюнуть.

- Наблюдаю блокпост и патруль еще один.

- Где?

- Над КАД поперек - путепровод. Вот они на нем.

Ого! Серьезно у них тут все - на путепроводе стоит БТР, смотрит дудкой вниз, чуток подалее - за бетонными блоками - приземистая БМП и рядом с мостом - еще одна.

Только танков не хватает.

Мда, Ржевский полигон.

Сильно похоже, что нас тут ждали - на обочине довольно спокойно стоит группка вооруженных АК74 людей. Явно вояки. Один из них машет рукой.

Послушно тормозим.

Николаич подходит к стоящим.

Видно, что здороваются.

Нам Старшой никаких знаков не подает, ведет себя спокойно.

Беседуют.

Незаметненько снимаю, что тут и как. Саша замечает еще пару БМП, обеспечивающих круговую оборону. Дорога тут под прицелом. Я тем временем обнаруживаю будки за машинами - ну точно, блокпосты.

Дорогу могут перекрыть на счет раз.

Николаич подходит к нам, открывает дверь.

- Вояки предлагают нам взять с собой десяток раненых и спрашивают - на семинар их медики могут прибыть?

- Что за раненые?

- Не знаю. Но получается так, что тяжелые.

- Ну, я так не против.

- Ага. Я уже согласился - нам броник придадут для усиления.

- С чего они про семинар узнали? Им что ли звонили?

- Звонили - те мужички, что с нами пообщались у ИКЕИ. Языками...

- Чтото мне говорит, что особо нам выбора и не оставили?

- Не без того. Полностью добровольно... И отчасти принудительно...

- Ждать долго придется?

- Нет, у них уже все готово...

- Чтото не очень верится...

И действительно минут пятнадцать ждем. Разговаривать под прицелом как минимум трех серьезных огнестрельных приспособлений не тянет, да и вояки выглядят уставшими, тоже не очень общительны.

Что странно - справа и слева у дороги разнесенные вдрызг пятиэтажки. Бои у них тут что ли были?

Наконец выкатываются две машины - медицинская обшарпанная таблетка и фургончик. Следом катит БТР70. Техники тут у них... Но коптит БТР изрядно, старенький уже видно.

Вылезаю из кабины под снежок, иду к новоприбывшим. В кабине таблетки - двое.

Шофер нормален, а вот пассажир выглядит паршиво. Стучу в стекло со стороны пассажира. Чуток опускается.

- Вы сопровождающий?

Шофер машет рукой - дескать, отсюда подходи.

Подхожу.

- Это больной, медиков с собой не брали, у них работы и так до дури, не оторваться.

- Больных много?

Шофер мнется.

- Слушай! Нам выбирать нечего под всеми этими дудками и под конвоем БТР. Все равно едем в больницу, так мне знать надо, что везем.

- А ты кто?

- Дед Пихто! Врач я.

- Че, серьезно? А что ты тогда не в больнице?

- Забыл тебя спросить. Что за больные?

- Да я без понятия - во второй машине санитар - его и спрашивай. Вот этот рядом - кашляет. Это заразно?

- Нет... наверное.

Санитар во второй машине - сухонький мужичок под пятьдесят. Но в отличие от шофера замечает сумку у меня на заднице и потому не хорохорится. Всего больных - дюжина. Тяжелых - трое, у одного газовая гангрена, которую не удалось подавить, а ногу ампутировать он не дает, здоровый мужик, да и родственников у него полно, потом не расхлебашь, девушка после аппендэктомии, но прошло както не очень удачно удаление, хотя вроде бы любой врач аппендицит удалить обязан уметь, сейчас похоже - перитонит завязался, еще один - с явным столбняком, диагноз поставили с трудом - такого давно никто в глаза не видал. Остальные - вперемешку с обострениями хронической и прочими мирными и привычными бедами, тут в момент ставшими совершенно непереносимыми.

- Инфекционные болезни есть?

- Нет, все с этими хворями - вон, на поле. (Тычет пальцем в табор из палаток и вагончиков на пустыре).

- Решительно тут у вас.

- А что еще остается. Да, и не раздражайте командира БТР.

- С ним что?

- Зубы болят. Вторую ночь не спит. А стоматологов у нас нет.

- Мда... Подарочек... Учтите, если тащим укушенных или инфекционных больных - а вы меня не предупредили - будет очень плохо сначала мне, потом еще хуже - вам. Нет возможности кому из пациентов обратиться и перекусать остальных?

- Да не должны - на всех платки надеты, чтоб рта не открыть было. Ну и присматривают друг за другом, разумеется.

- Жидковатая защита.

- А они вооружены. Частью. Кто повменяемее. В основном, кто вменяемые. И этот - с гангреной - сразу предупрежу - тоже с пистолетом... Но он пока тоже немного вменяем...

- Подарочек...

Из БТР высовывается злющая распухшая рожа, обмотанная какимито тряпками, отчего похожа на футбольный мяч.

- Эй, ты, выкидыш свиной! Долго еще задерживать будешь?

- Я врач. Мне нужно, чтоб все пациенты доехали живыми. Это вы две ночи не спали?

- А то, твою мать, ты сам не видишь! Глаз нет, придурок?

- Вы пока тряпки эти смотайте с себя. Там компресс?

- Да ты очумел, живодер! Я же застужу еще хуже!

- Там у вас компресс?

- Ну да, со спиртом, чтоб грело!

- Нельзя греть снаружи. Только хуже будет. Снимайте все. А насчет хуже - вы считаете, что может быть хуже? Помоему, хуже некуда. Снимайте, снимайте!

- Отвечаешь?

- Отвечаю. И пошлите когонибудь за горячим чаем в термосе. И лучше не сладким.

- Что, пить захотелось?

- Нет, это вам - рот полоскать, пока едем. Лучше бы шалфеем, или корой дуба заваренной, или водой с солью и содой, но и чай пойдет, главное, чтоб горячий.

- Ты что, серьезно?

- Совершенно серьезно. А сейчас я тебе таблеток дам.

- Уже давали. Пару горстей, бнах!

- Ничего, я правильные дам.

Что ж дать ему? А вот «найз» и дам. И пару темпалгина. А вообщето если б не койкакой опыт - в пору было б в штаны наложить. Пациент, съехавший с катушек, способен наворотить черт знает чего - во время боевых действий раненые бывало и стреляли в медиков, потом объяснить не могли - почему это делали... А тут у пациента и автомат на

плече, и крупнокалиберный пулемет...

Таблетки взял. Съел без запивки. Судя по слезящимся глазам и выражению лица - готов на что угодно, лишь бы чуток отпустило. Пару ночей ходить по стенкам - это воодушевляет сильно.

Посланный паренек оборачивается быстро:

- Во! Лучше, чем чай! Кофе с молоком! Сказал, что для больных!

- Мудило! Я ж тебе внятно сказал - чай! В жопу тебе кофе!

Влезаю в беседу, пока до смертоубийства не дошло:

- Нормально, кофе тоже годится! Горячий?

- Кипячий! - это паренек говорит.

- Тогда полощите рот - только не ошпарьте слизистые. Чтоб горячо, как терпимо. Но без ожога.

Мужик с перекошенной мордой - а раздуло его качественно, что особенно заметно после того, как он тряпки с головы сматал, смотрит подозрительно:

- А ты точно врач?

- В чем сомненья?

- Да тебе один хрен - что чай, что кофе... Чтоб кофеом рот полоскать...

- Не один. Я вам внятно говорил - заварка шалфея или коры дуба - лучше. У вас есть заварка с шалфеем?

- Глумишься? Откуда тут шалфеем?

- Ну вот. Принцип простой - снаружи греть больные зубы нельзя - лицо еще больше отекает и боли будут интенсивнее. Греть надо изнутри - ополаскивая больную десну. Горячей жидкостью. Постоянно. Кофе - жидкость?

- Ну, жидкость.

- Вот и полощите. Приедем - найдем и шалфей, и стоматолога. Хотя зуб придется драть - бессонная ночь прямое показание.

- А если не драть?

- Потом придется операцию делать на челюсти, потеряете пару - тройку зубов. И давайте закончим разговор - вам полоскать и полоскать...

Болезный улезает в люк. Подмигиваю пареньку и возвращаюсь к санитару.

- Это ж кто тут у вас?

- Да всякие разные - и санитар перечисляет пару десятков предприятий, ВОХР, подразделения с Ржевского полигона и так далее...

Всетаки вернуться обратно в кабину - приятно. Трогаемся - ну если не гора с плеч, то такой курганчик...

- А кроме вояк тут кто еще?

- Да всякой твари по паре - и ВОХР с завода и заводские, и химики, и местные. Беженцев набрали еще... Монолитовцы тож...

Саша подпрыгивает:

- Какие монолитовцы?

- Гаражный кооператив здоровенный так называется. От них тут отряд самообороны. А что ты подпрыгнул?

- Не, так, ничего...

Прыскаю про себя с серьезной физиономией - явно Саша в «Сталкера» рубился...

Тем временем нам дают отмашку, трогаемся дальше.

На пустыре за блокпостами табор - яркие туристические палатки, строительные вагончики, автомобили. Пара вышек с силуэтами на них. В ту сторону как раз санитар показывал.

- Это что такое за цыганский лагерь?

- Беженцы, наверное. Санитар толковал, что тут у них инфекционные больные.

- Дык тут домов полно. Разместили бы в тепле.

- Ну, это типа карантина. А может в домах места нет или опасно. Хотя если тут

дизентерийные - лучше их в чисто поле.

Прокатываемся уже разросшейся колонной по Беляевскому мосту.

Тут меня дергают снять какуюто нефтебазу в полукилометре от дороги.

Встряхиваюсь. Чегото замотался. Спать хочется сильно. Саша откровенно зевает.

- Эй, вы кончайте зевать - буркает Семен Семеныч. - Глядя на вас, и меня в сон потянуло! Хотите уехать в кювет? Не хотите - тогда давайте общаться. Грачи вы или кто?

Раз едете пассажирами - извольте увеселять водителя. А зевать да спать - себе могилу копать.

- А вот что вы так презрительно про «Жип Широкий» отозвались?

- Дык а как о нем отзываться? У джипа - и несущий кузов! Курам на смех. Далее - зеркала очень быстро начинают портиться. Все шильдики ржавеют за год. Ну и с электрикой беда. Вот остановимся - спросите у Нади - подогрев сидения работает или нет. Готов на рупь поспорить - не работает. А самое главное - коробка автомат для джипа. Если его по нашим дрищам гонять - выходит из строя на раз. Ну и получается джип - девок в казино возить. А для этого джип не нужен. Это - понты. Самое смешное - что целая куча этих самых чероксов - заднеприводные. Вот это уже понтее понтов. На брюхе - шелк, а в брюхе - щелк.

- О, а я вдруг подумал - можно же у Нади кроме электроподогрева и про подарки женщинам в больнице спросить! Она и женщина и медик.

- Спихватились! Уже спросили. Она меня при всех в галошу посадила и плавать отправила.

- Когда это вы успелито?

- Пока вы в «Макдональде» шарились. Мне эта мысль в голову тоже пришла. Я ее спросту и спросил.

- А она?

- А она глянула так и спрашивает: «Вы же вроде говорили, что женаты?»

Ага, говорю, уже двадцать шесть лет.

Она так картинно удивилась и заявляет: «И что ваша супруга никогда колготок не носила?»

Ну и все. И сказать нечего. Конечно колготки... Умыла девчонка как маленького...

- Ловко! Действительно, все гениальное просто. И что будем делать?

- Есть у меня наколка на карте, где колгот куча.

- Сейчас приберем?

- Нет, сейчас не получится.

- А где колготыто?

- Будете ржать - высажу.

- Не будем.

- В кузове моей фуры. На том предприятии, откуда бананы брали. Рядом с американцем этим стояла.

- Семен Семеныч - при всем уважении - Бугага!

- Вот так и знал, что заржете.

- А что еще остается?

- Ржать внутренне. Про себя, с соответствующим выражением лица.

- Извините, но реакцию надо было обозначить, чтоб показать свое участие в беседе. Вот представьте - вы сказали, где колготы. А мы сидим с индифферентными мордами. Както не почеловечески...

- Ладно, проехали.

- А что вы про пушки рассказывали - интересуетесь вопросом?

- Нет, это так. По детским впечатлениям.

- А что за детские впечатления?

- Я перед армией в ДОСААФе на водителя учился. А положено было еще и работать - школу закончил - до армии еще время оставалось - пока восемнадцать лет стукнет. Ну и поработал некоторое время, пока прав не было, еще в Артиллерийском музее. Вот там

пришлось пушки покатать.

- С чего это так? Там же они навечно поставлены?
- А как раз была реконструкция пятого зала.
- Это который про начало Великой Отечественной?

- Он самый. Там уже подиумы старые стали ломаться - пушку же для хранения вывешивать надо, если она на колесах стоять будет, то наполнитель резиновый - гусматик - деформируется и катить такую пушку будет нельзя.

- Точно, я видал - у нас маневры были, так в арtpолку треть гаубиц накрылась после небольшого марша в сто километров - от колес аж ошметья летели...

- Вот - вот. Пушки со старых подиумов скатили и они в зале стояли вполне себе на полу. А со старыми подиумами распрощались - разобрали и вынесли. Новые же задержались. Ну и так вышло, что я участвовал сначала в снятии пушек с подиумов, потом в расставлении их по залу - ну и на новые ставил тоже. Не один конечно. Но как молодой - здоровый участие принимал с остальными стариканами.

- Так что есть опыт артиллерийский?

- Скорее транспортный - по профессии. Сам себе тягач, называется. По работе это было необходимо - разбирались старые подиумы, орудия откатывались в сторону, потом ставились на новые подиумы. Поэтому опыт есть. Кроме того, пришлось принимать участие в перекачивании во дворе Артмузея более тяжелых систем. Вот это действительно тяжело пришлось. Там тоже в тот год перестановки делались. Вроде бы как раз ставился этот атомный миномет «Ока».

- Это такая жуткая дура вроде Большой Берты?

- Нет, Берта - пушка, нарезная. И атомными минами стрелять не может. А минометик - не нарезной. Зато может вдуть атомным зарядом на 45 километров.

Так что артиллеристом назвать меня нельзя. Работу танковых орудий и артсистем наблюдал в армии на полигоне только.

- Чтото вы улыбаетесь хитро?

- Из молодеческой дури часть пушек катал сам. В одиночку. Стыдно признаваться, но дурил много - было достаточно свободного времени - столеры задержали поставку подиумов и меня забыли нагрузить работой. От безделья спал в кабине «Катюши» - ну самые мерзкие ощущения - как там люди ездили, кабина «Шишиги» после «Катюши» - прямо роскошный «Бентли», а уж про «Шишигу» ругани у шоферов было много, очень там сидеть неудобно - и сиденье не регулируется и кабина тесная.

- А у нас трое во время маневров влезало в кабину.

- Зимой, небось?

- Ага. В Сальских степях - неподалеку от Волгограда.

- Знаю эти места - там зимой за тридцать градусов мороз, да с ветерком...

- Точно! Но я вас перебил.

- Да и кроме того я там охотился с пушками за бабкойуборщицей - она была слепая и глухая, возраста такого, что Мафусаил по сравнению с ней - мальчонка пестрожопый, поэтому мои экзерциции она не замечала - зал здоровенный - выкатываешь пушку на прямую наводку, наводишь - потом открываешь замок и смотришь в ствол - попал, аль нет. Азартное занятие.

Самое теплое ощущение - от 37 мм. немецкой «армейской колотушки». Ее еще немцы после знакомства с нашими танками стали называть «Дверной молоток».

Не пушка, а песня, бегом катать можно было. ДШК на станке в разы тяжелее. Утюг утюгом... Даже наша 45 мм легче. Очень хороша на ходу 76 полковушка - на станке от 45 мм.

- А другие пушки как?

- Далее идет 76 мм наша, грабинская, но там куда лучше, когда ктонибудь на стволе повиснет - так все-таки станины поднимать тяжело - центр тяжести у нее смещен назад. Ну, потом наша 57 мм и наконец немецкая 50 мм. Эта при перекачивании вызывала

грызеносные чуйства. Также легко было катать зенитки 37 мм. 85 мм. - не пошла вовсе. Зато на зенитках - сядешь в кресло наводчика по горизонтали, крутишь рукоятку наводки - такая карусель получается - куда там Луна парку - крутишься с площадкой ажик со свистом.

- А 88 мм. противотанковую не таскали?

- Шутишь! Она впервых в соседнем зале стояла - а там реконструкции не было, а в вторых вес у нее - трактором не сдвинешь.

- А закатывали эти пушки наверх как?

- Так по пандусу и закатывали - там же пандус с двух сторон как раз для этого и сделан. В одно время со мной там два таких же молодых балбеса перед армией прохлаждались - вот у них было любимое развлечение - гонки по пандусам устраивать. Понедельник вторник выходные, посетителей нет, вот эти балбесы заберутся наверх - и бегом с гиканьем по пандусам вниз - кто первый добежит. А там еще такие барьерчики стояли - так они на бегу через них прыгали. Хранитель там был - спец по стрелковому оружию - Нацваладзе звали - так один его чуть не убил - налетел со всей дури. Дальше вместе по пандусу катились, чудом ничего не поломали.

- А вы с ними не бегали?

- Да ну, я был положительный, а они - шелапуты какието. То сперли у художников репродукцию плаката с Великой Отечественной - там такой пареньсибиряк со снайперской винтовкой показывает шесть гильз на ладони - а за его спиной - шесть березовых крестов с немецкими касками - и такая подпись нетолерантная: «Бей так - что ни патрон - то немец!» и прилепили к автобусу с немецкими туристами, которые в этот момент из Петропавловки возвращались. Ну скандал, Бульба извинялся. Другой раз их за досками послали - на нашей музейной «Шишиге». Ну а им скучно сидеть было. Так сообразили - там в кузове валялся какойто ватник - грязнее грязи. Весь в мазуте и прочем говнище. А за нашей музейной таратайкой на светофоре встала какаято расфуфыренная иномарка - кадиллак. А тогда иномарок в городе было по пальцам пересчитать. Вот они в знак пролетарского протеста, когда зажегся зеленый, этот ватник за рукава взяли и на лобовое стекло иномарки и кинули. Хорошо лег, плашмя. И рукавами обхватил. Иномарка так тормознула, что задние колеса от асфальта оторвались.

Оказалось - это американский консул ехал. Когда им на ветровое стекло такое прилетело - чуть от испуга не помер - думал человека сбили. Потом его расфуфыренный водитель двумя пальчиками ватник стянул... А сквозь стекло попрежнему не видно ни хрена - ну мазут с грязью от ватникато остался... Ровным слоем.

Опять скандал, на этот раз - дипломатический, опять Бульба извинялся.

- А Бульба - это кто?

- Директор музея тогда был. Полковник Бульба. Хороший мужик, но чтото ему не везло.

- А что с ним еще такого случилось?

- Собака ему живот погрызла. Причем он сам же настоял, чтоб собаками усилили охрану Артмузея. Тож инцидент был из ряда вон...

- Да рассказывайте, не тяните!

- Так и не тяну. Он как пришел - так и понеслось. Идет по коридору - а там сотрудницы перед фотографом рассаживаются - групповой снимок делать. И его позвали. Он в цветник этот залез - а в Артмузее и женщин много - в художественном отделе, экскурсоводы, бухгалтера - причем и молодые - их всех сфотографировали.

Через пару дней - Восьмое марта. В коридоре - стенгазета на эту тему. В центре тот самый снимок с подписью - «Наши милые женщины». И полковник в цветнике улыбается...

Так както и шло. Вроде и пустячки - а неприятно.

А потом двое сукиных детей - шпана лет по 12 - спрятались в экспозиции, дождались окончания работы музея, дождались прохождения патруля - и, побив витрины, потырили кучу всего - автомат немецкий, несколько пистолетов, гранаты (холощенные, но с видуто не скажешь), награды разные - и по веревке из окна третьего этажа спустились в парк.

Добрались до «Горьковской» - а в метро их и повязали - как раз в тот день начал действовать «комендантский час для детей» - Романов распорядился, чтоб после 22 часов дети без взрослых должны задерживаться милицией и доставляться в отделения.

Везли их в грузовичке-фургончике - ну вот в «Операции Ы» там как раз в таком Феде на стройку обед с сиреной везут - вместе с каким-то пьянющими синяками. Мальцы перепугались и пока синяки дрыхли, им засунули гранаты в карманы, пистолеты, а автомат и остальное высыпали под лавку.

Приехали. Открыли менты дверь, говорят - выходите. Дети эти чертовы выпорхнули, а синяки проснулись, стали вылезать да и упал первыйто. И граната покатилась.

Менты аж подпрыгнули - брали ханурика пьяного, а у него и граната оказывается! Заломали ему руки - пистолет в кармане! Тогда террористов и в помине не было - ну разве что в Москве дашнаки пару взрывов состряпали. Да и как-то это не прошумело. Другого синяка шмонать - еще пистолет! О, банду взяли! «Черная кошка»!

А в фургончике - автомат, еще пистолеты, ордена на полу. В общем - атас! Потом разобрались.

Вот после этого Бульба и выпросил впридачу к милиционерам еще и сторожевых собак - чтоб унюхивали нарушителей. И первым под раздачу попал - засиделся в библиотеке, пошел к себе в кабинет - а тут как раз обход. Ну и покусали его... За живот...

Потом правда оказалось, что собак правильно ввели - постоянно кто-то прятался, благо есть куда. Но уже старались, чтоб собачки сами по себе не бегали - неровен час опять директор в библиотеке засидится...

- А что, воровали все время? Даже тогда?

- Конечно! Наган Чапаева - раз пять тырили. Эсэсовский кинжал в пятом зале украли. Но тут нюанс - тогда все находили почему-то и возвращали.

При мне было - мужик из закрытой зоны мортиру украл. Красивая такая. Маленькая - кило на сорок весом. А ее еще и отпидорасили до этого для съемки асидолом - сверкала как золотая. Мужик взял лодку и по протоке заплыл. Того не учел, что хоть и октябрь был - а солнечный денек удался. Вот по сиянию его менты и засекли - подошли к берегу - и смотрят, как он внизу веслами ворочает. Он ментов увидел - и херак мортиру за борт. А она - начищенная - лежит на дне и сияет. Пришлось дураку лезть в одежде в холодную воду, доставать - там глубина в метр где-то была.

Вот что мне непонятно - этот на БТР который - он едет или помер? Мы ж сдохнем так тащиться, а оторваться - чревато, как бы не догнал из своей пулялки.

- Может, тормознем? Да я схожу, гляну. Я ему посоветовал зубы полоскать - видно у него что-то не заладилось.

- Я бы лучше по радио запросил. Меньше риска - ну сгрызет он рацию в крайнем случае - все не те потери. А то мы вон - крематорий проехали с колумбарием... Навевает осторожность... Саша, свяжись с Николаичем, а?

Саша, не кобенясь, берется бубнить в «Длинное Ухо». Сидим, ждем...

- Кстати о крематории - кто знает, что в трудовой книжке у тех написано, кто непосредственно трупы жжет?

- Сжигатель жира? И мяса?

- Не, «оператор кремцеа».

- Серьезно?

- Совершенно. Такой тортик - мастер, знаете...

- Во, жгут так жгут...

Рядом бахает пара выстрелов. Кто-то из наших - звук от ППС уже хорошо знаком.

Семен Семеныч смотрит в окно.

- Тетка какая-то загуляла - в ночнушке и босиком...

- Откуда, тут же поля сплошь?

- Поди знай...

Неожиданно громко взрыкнув движками подъезжает БТР. Из люка высовывается

измученная вспухшая морда.

- Эй, помощник смерти! Можно глотать, или надо сплевывать?

С трудом подавив рвущееся с губ «ты не девушка и не минет делаешь, чтоб такие вопросы задавать!» отвечаю сдержанно, как подобает врачу, говорящему с измученным пациентом:

- Разумеется можно. Если кофе вкусный.

- Так я микробов наглотаюсь!

- Последние пару дней вы этим и так занимаетесь, так что ничего нового не проглотите.

А пить вам надо побольше - интоксикация уменьшится. И полощите не горло, а именно зуб.

- Глумишься? Думаешь, я такой тупой?

- Нет, просто бывали пациенты, которые путали. (А про себя - «ну да, именно тупой!»)

- Тогда поехали.

Двигаемся с места. Навстречу бойко катят старые знакомые - те самые грузовики. Мигают фарами, приветственно бибикают и рулят дальше. Видимо у них это круглосуточная доставка, а в комплексе гипермаркетов сидят грузчики и стрелки...

- Быстро их, однако, разгрузили - замечает Семен Семеныч.

- Так не вручную, наверное. Там погрузчиками. Тут погрузчиками.

- Скорее всего. И коробами же и нагружают. Ловкачи!

На развязке встречаемся с людьми из «Поиска» - эти, которые из Медвежьего стана. Стоит инкассаторский броневичок, УАЗ, пара джипов и автобус. Уже сразу замечаем черных - из наркоконтроля. Есть и МЧСники. Военные. Вооружены кто чем, но в основном серьезные дудки - ружей охотничьих не заметно. Серьезные серьезные, но очень уж разношерстные. Хотя таких раритетов, как наши ППС, ни у кого нет. Калашы разных видов и пистолетыпулеметы - которые тоже похожи на калаш, но меньше «ксюх» и магазины неширокие.

Опять останавливаемся. Старая песня - нам доверяют жизни еще полтора десятков раненых и сопровождающих их лиц - парня в знакомой куртке МЧС, двух гражданских, капитанасвязиста и пожилого мужика в камуфляже.

Опять же это все без каких либо просьб - сугубо явочным порядком. Экипаж сопровождающего нас БТР ведет себя индифферентно, командир видно упился кофеем и вместо него торчит из люка голова того веснущатого паренька, который так неловко расстарался, бегая за чаем.

Николаич уже в этой небольшой толпе. Саша, рассказав все услышанное из рации, предлагает мне присоединиться с Николаичу - тот седой в камуфляже оказывается медсестрой. Так уж повелось, что медбратом называют обычно санитаров без специального медицинского образования и парни, обучившиеся в медучилище, оказываются с несуразным названием профессии. То есть вроде как они медбратья, но отрекомендовавшись так, тут же воспринимаются как санитары...

Подхожу. Здравуюсь. Мужик называет себя, представляюсь ему, жмем друг другу руки. Признается, что его отправили для проверки - не загребут ли кронштадтские всех медиков к себе. Если не загребают - тогда можно работать, хотя у них тут медиков кот наплакал.

Спрашиваю - а как же он будет семинар слушать - и потом рассказывать своим коллегам? Усмехается и показывает портативный диктофон. Собирается записывать все подряд. Потом пусть слушают. Неплохо придумано. Раненых нам набрали полтора десятка - частью сидячих, частью - лежащих, для чего в автобусе сняли половину сидений. Наборчик тот еще - падение с высоты, переломы, кишечная непроходимость и в том же духе. И огнестрел тоже есть - аж четверо, причем у всех - с повреждением костей...

Мда, с хорошим хвостом мы припремся в больницу... Ну да делать нечего.

С нами отправляется броневичок и автобус.

Катим дальше.

- Я одного понять не могу - нарушает молчание Семен Семеныч.

- Чего?

- Нафига сейчас ерундой заниматься - раненых, больных куча, а тут семинар, лекции... Ерунда какаято!

- Вовсе нет. Самое время для обмена информацией. Если б еще и пораньше - лучше было бы. Медицина - это ж не математика. Тут все на опыте строится, а человек - существо сложное, поэтому подготовить врача, чтоб он все знал и все умел - невозможно. Отсюда куча специализаций. И сейчас разумеется - время медицины катастроф, полевой хирургии и полевой терапии. А это мало кто знает - в мирное время совсем не нужно было. Так что молодцы, что затеяли.

- А все равно - не понимаю.

- Ну, тогда - пример. Работала у нас в клинике молодая, красивая буфетчица. Не смейтесь, я понимаю, что обычно буфетчицы - низенькие и полные - а эта как раз наоборот. Очень красивая была - по всем статьям. Доброжелательная, общительная, но в моральном плане - скала.

Почемуто на работу она брала с собой своих сыновей. Вот ее старшенький и ухитрился, на кухне помогая, засунуть руку в новокупленную немецкую мясорубку. Немцы потом были в шоке - их агрегат был гарантирован от такого, но кисть тем не менее мальчишке смололо. От фирмы ему устроили поездку в Германию, и протез сделали суперский - механикаэлектроника реагировала на сжатие остатков мышц и пальцы протеза сжимались и разжимались как настоящие. Одна беда - мальчик растет, значит протез надо менять периодически.

Ну, вот както на эту тему мы с ней и общались - я по образованиюто педиатр, потом на взрослых перешел.

Немного позже узнал от нее, что муж страшно ревнивый и потому ей приходилось детей на работу с собой по его настоянию таскать - он был уверен, что она не столько работает, сколько трахается с любовниками. Травму сына он тоже интерпретировал посвоему - дескать она так подсурипила, чтоб сын не мешал трахаться с любовниками.

Меня это удивило. Спрашиваю осторожненько: а он в норме вообщето, мужто?

Нет, уже лежал в психушке. С бредом ревности. И пытался покончить с собой - в окно пытался выпрыгнуть, да она не дала. Я ей - мол, развестись бы вам. Она удивилась - по ее мнению ревнует - значит любит... Какая же любовь без ревности?

Ну, ладно. Дело к майским праздникам. Отмечаем значитя это дело - сугубо после работы - и она подошла посоветоваться - дескать, вот что ей делать. Муж совсем сам не свой, но просит ее не сдавать его опять в психушку. Почесали мы репы - да так ничего и не решили, что сказать. С одной стороны - лучше б этому Отелло - в психушку. С другой стороны она его любит, жалеет, он - судя по дикой и дурной ревности - ее тоже обожает, дети опять же, праздники... С тем и разошлись.

Я взял за свой счет несколько дней и поехал на «Вахту» - собирать останки наших бойцов. Возвращаюсь - мужики какието кислые. Спрашиваю их:

- Что случилось?

- Ну, ты на похороны ездил и мы тоже.

- Что такое? Кто?

- Свету муж зарезал. При детях. А хоронить некому было - вот клиника и впряглась...

Я так и сел.

А через пару месяцев встретился со своей однокурсницей - хорошая девчонка, но вся в психологии и психиатрии, аж никакой личной жизни - хотя милая такая.

Спросил ее насчет этой ситуации.

А она очень удивилась.

- Это ж говорит - азбука. Бред ревности - в типовом виде - именно таков. И сначала попытка самоубийства характерна, а в случае если жив остается - ну или жива, если пациентка - то обязательно постарается объект убить.

- То есть как Отелло?

- Именно. Отелло - четкая картина сумасшествия с бредом ревности. Хотя историю болезни пиши. Токо вроде у него не было компоненты с самоубийством. Давно читала. Да вроде и там чтото такое он думал...

- Но она же себя вела очень сдержанно!

- А сумасшедшим это без разницы. Он был уверен, что жена неверна - и точка. Дездемону придушили тоже без разбирательств.

- Ну а как тогда с тем, что без ревности не бывает любви?

- Чушь! Хороша любовь, когда при детях ножом кромсают насмерть...

Вот и судите, Семен Семеныч - как бы дело повернулось, если б я эту информацию имел, когда она перед Первомаем к нам подошла посоветоваться?

- Может вы и правы...

- Снимать панорамно - скорость снизить - мы на прицеле - заявляет Саша, ведомый духом из «Длинного уха».

- Чей прицел?

- Тут вояки стояли - похоже, что они - вон на пешеходном переходе явно пулеметное гнездо. Да и место вкусное - складская зона Парнас... тут все что угодно есть.

Снимаю, что вижу, и на что показывают спутники.

Впрочем, нас не останавливают, едем беспрепятственно.

И оживленно здесь - совершенно неожиданно. За весь день мы и сотни машин с живыми не видели - а тут и грузовики, и БТРы, и люди. Видим, что со складов вывозят, кто во что горазд. Мертвяки угомонено лежат на обочинах дорог, таких, чтоб активно передвигались - не вижу. Да и упокоенныхто мало. Стрельба идет - но не суетливая, без перестрелки. И что непривычно - редковатая какаято.

Несколько стрелковых гнезд на складских крышах.

Парные патрули.

Но опять же не чистые военные - а всякие разные люди. Ну да последнее время и у военных самый разношерстный камуфляж был - что на складах залежалось, по принятию на вооружение юдашкинского милитаригламура. Вот интересно - камуфлю какое он придумал? Не иначе голубоваторозоватых тонов с бантиками и рюшечками...

- Саша, спроси Старшего - с этими военными контакт заводить будем?

Оказывается - не будем. Кронштадтские и сами тут отовариваются и эта зона в принципе им известна болеееменее. Союз не сложился, но некое взаимодействие место имеет быть.

И отлично - меньше раненых притащу на хвосте.

Спина затекла, задница - словно кто напинал кирзачом, голова тяжелая...

Скорее бы Кронштадт.

Да и тут вроде всякие военные уже есть, хоть немного - но есть. А вот крупных жилых кварталов - нет. Поселки - старые деревенского типа и коттеджные - таких толп зомбаков не дают. Уже легче.

Дорога отличная, прямая, брошенные машины выкинуты нахрен с полотна - в общем - все отлично. Еще раз видим кучу гипермаркетов - рядом у дороги. И тоже тут уже болеееменее порядок.

Что удивляет - и тут пара висельников на ветру сохнет. Мда, вот бы развернулись правозащитники. Те же «Гумын Рэкс Вотч». Последнее их резюме тронуло до слез - оказывается арест Ходора - страшное нарушение человеческих прав...

Даже странно, что когда в Ичкерии в начале 90х - как всегда, когда государство у нас слабеет - brave ичкерийцы устроили русскоязычным резню со своими национальными прибаутками - ни одна вша из этих правозащитников не пукнула даже на тему резни, этнической чистки и геноцида этих самых русскоязычных (так и вертится на языке «русскоязычные членистоногие») - зато когда туда сунули недомордованную еще к счастью армию - несмотря на все уверения либералов таки оказавшуюся нужной - вот тогда вой с лаем был до небес... После этого у меня лично к правозащитникам - сугубое отношение...

Немного интересно - что ж эти линчеванные такое устроили, что их подвесили сушиться? Хотя, какая разница...

Уже на автомате снимаю и этот узел снабжения.

Похоже, что уже вышли на прямую финишную. Движение тут достаточно оживленное. Правда, несутся все, как оглашенные, что туда - что оттуда. Мы же сохраняем величавый неспешный темп. Ну да наши в простреленных УАЗах небось вмерзли уже до синих носов.

- Стоп колонна - неожиданно командует Саша, репетуя ожившую рацию.

- Чт сл...? - надо же - а ведь задремал и аж слюни пустил, вот ведь стыдоба.

- Пока просто стоп. Сейчас уточнят.

Вывернув голову вижу, что Николаич и Сергей подходят к краю дороги. Смотрят в бинокли. А подходилито враскоряку - тоже устали уже.

Старшой подносит рацию ко рту и Саша тут же оживает:

- В поле метрах в трехстах от дороги стоит БТР, видимо брошенный. Грех не прибрать, если исправен.

- Каким составом идем?

- Всей группой - плюс Семен Семеныч. Охранять остаются приданные и примазавшиеся. Камеру не забыть - мало что там... Чтоб потом не заявили, что де пристрелили экипаж и злостно исхитили.

Не было бабе печали - нашла баба в поле БТР...

И чего ему в поле стоять - ежели вещь хорошая - то с чего это ему стоять в поле...

Не трактор же...

Ветерок со снежком после теплой кабины вызывает какое-то судорожное зевание, от которого все тело дергается и глаза слезятся. Подходим к Николаичу. Вижу, что также идут Дима с Вовкой. Из машин вылезло несколько человек - организуют охрану колонны.

Когда подхожу, Николаич в рацию уговаривает Надю не лезть с нами.

Строптивая медсестра в конце концов внимает доводам разума - и остается.

Когда начинаем выбираться с дороги на поле подбегает веснущатый из БТР.

- Командир сказал, что если что не так пойдет - ложитесь - мы из КПВТ врежем!

- Спасибо. А по нам, лежачим - не влепите сгоряча?

- Не, командир сам за пулемет встал.

- Ладно, учтем...

Здесь выбраться с кольцевой не проблема - город закончился и потому кольцевая, как и положено нормальной дороге лежит на земле, а не висит на высоте трехэтажного дома на столбах - колоннах...

- А вы обратили внимание, что снимали много шумозащитных экранов? Раньше-то как в тоннеле едешь, а сейчас обзор открыт?

- Сектор обстрела чистили. Не иначе. Да и экраны эти - материал хороший.

- Для чего, интересно?

- Да для чего угодно - я бы на даче у себя легко нашел применение.

- Разговорчики отставить! И держитесь левее - не забывайте про тяжелый пулемет за спиной!

Вроде как наш строй называется «косой уступ», если не путаю. Во всяком случае, идем цепочкой, но не гуськом и не шеренгой - так получается, что у каждого сектор обстрела чистый. И я могу снимать не спины товарищей, а все тот же БТР.

- Ты комментируй - подсказывает идущий рядом опер.

- А что комментировать - и так ясно.

- Это тебе сейчас ясно, а когда будут смотреть посторонние, да через месяц - ни черта ясно не будет.

- И что мне комментировать?

- Да все подряд! Время действия, место, состав группы, цель визита к БТР, сам БТР - вид камуфляжа, бортовой номер, повреждения и так далее - включая, куда он смотрит рылом и куда повернулся задом.

- Ну, кому это все нужно?

- Если уж делаешь что - так делай хорошо. Все равно ж ты не стрелок сейчас!

Приходится бормотать все то, что опер предложил. Потихоньку втягиваюсь. Вообще-то я понимаю, что он прав - так делают при всякой видеозаписи с места событий грамотные люди. Положено так. А то потом смотришь такое видео с места событий - камера дрыгается, а снимающий верещит что-то среднее между «твоюмать!» и «божежмой!»

Чем ближе подходим, тем больше становится бронемашина. Наконец ее гробообразный бок занимает все поле видоискателя. Соответственно сообщаю видеокамере, что с левого бока БТР не имеет видимых повреждений, левый бок БТР покрашен равномерно зеленой краской, номеров и условных обозначений не имеет.

Скашиваю взгляд на опера - как он отреагирует на подначку. Но у него физиономия совершенно невозмутима. Вспоминаю, как он себя вел при осмотре места происшествия несколько часов назад и понимаю, что зря тратил порох - потому как он сам ровно точно так же описывал машину. Также отмечаю, что бортовой люк закрыт, открыт только люк сверху - то ли мехвода, то ли командира.

Окликает Николаич. Просит аккуратно обойти кругом агрегат. Остальные собрались в шеренгу с кормы машины. Оружие уже давно приготовлено к бою и стрелки - как взведенные пружины.

Уже втянулся в это дело, потому без внутреннего сопротивления отмечаю, что и носовая часть и правый борт также покрашены не в розовый или бирюзовый цвета, а как раз наоборот - все в тот же зеленый, что повреждений видимых не обнаруживаю и что корма выглядит соответственно левому и правому бортам. Десантный люк и с правой стороны закрыт. Ствол башенного КПВТ задран почти вертикально. Что еще добавить - внешне выглядит совершенно нормально.

По той же окружности, соблюдая болевое безопасное расстояние, возвращаюсь к мужикам.

Судя по всему, пока я ходил - тут уже распределили роли.

Поэтому снимаю, комментируя, что две пары стрелков взяли на прицел десантные люки по бокам машины (ну это и я понимаю - снаружи скорее всего у боевой машины люки хрен откроешь без специального ключа, да и у восьмидесятки боковые люки наполовину откидываются так, чтобы прикрыть десантников от огня спереди таким щитом, а вторая половина - падает вниз и служит порогом - подножкой.) Трое лезут на крышу бронетранспортера. Николаич стучит по броне прикладом и громко орет:

- Эй! Есть кто живой внутри? Отзовись!

Продолжаю комментировать каждое телодвижение - и поясняю камере, что старший группы только что стуком приклада по броне и голосом пытается войти в контакт с находящимися внутри БТР людьми... Ну типа вдруг мужики собрались на пикничок и сейчас там квасят, а мы помешаем...

После этого Серега ложится на броню и прикладывает к стылому железу ухо.

Пожимает плечами, насколько это возможно в такой ситуации.

Опять слушает.

Встает.

Вся троица, аккуратно держа на прицеле люки - и открытый и закрытый впереди и десантные верхние. Николаич что-то говорит Семен Семенычу. Тот забирает с брони лопату. Что-то делают там с лопатой, не вижу.

- Люки закрыты - так они сейчас их предохраняют от того, чтоб кто изнутри вдруг распахнул на полный мах - поясняет стоящий рядом Вовка.

Трое наверху продвигаются к башенке. Стопорятся.

- Ага, сейчас надо в люк смотреть, а то черт его знает, что оттуда выскочить может - поясняет Вовка.

- Володь, подгоника сюда ментовский УАЗ! - кричит сверху Николаич.

Мой сосед шустро припускает в сторону дороги. Пока он не подъехал - Старшой еще

несколько раз кричит свою текстовку, а Серега слушает, прижимаясь ухом к железу... Практически одновременно с подъехавшим УАЗом Серега уверенно говорит:

- Внутри есть шевеление! Шуршит кто-то.

Вовка подпирает задом УАЗа левый бортовой десантный люк. Теперь его хрен распахнешь.

Вылезает из машины. Под указанием Николаича группа перестраивается.

- Володь, загляни в лобовое - посвети фонариком! Если кто в люк прыгнет - скатывайся на землю и под прикрытие носа. Остальным внимание!

Подбираюсь поближе. Наш универсальный водитель вскарабкивается на БТР спереди и, подсвечивая себе фонариком, заглядывает через ветровые стекла в салон БТР, благо бронезаслонки подняты в походное положение.

- Фонарик слабый. Не видно ни хрена!

- Что, и водительское место не видно?

- Водительское пустое. На стекле есть брызги чего-то похожего на засохшую кровь.

Стоящий слева от Николаича Саша вынимает из кармана свой фонарик, но Николаич мотает головой. Тогда Саша вытягивает откуда-то с правого борта двуручную пилу, вешает на ручку пилы фонарик и аккуратно начинает опускать в открытый люк эту конструкцию.

- Бля! - орет Вовка, скатываясь с брони - Идет!!!

Саша одновременно дергает пилу из люка и пока пила, взблескивая фонариком и певуче звеня, брякается на крышу, перехватывает со спины короткую помповушку из еще тех - магазинных запасов.

Практически в это же время в люк высовывается что-то похожее на большую грушу и получает в эту самую грушу со всех сторон из всех стволов, аж ошметья летят.

Груша моментально скрывается в люке.

Но я уверен, что по ней попали все, кто стрелял. А еще мне показалось, что это была странная, карикатурная - но определенно человеческая голова. Помнится, так французские ехидные карикатуристы изображали своего короля - Луи Филиппа. Вроде как и не король, но всем ясно, что такое - груша в карикатуре...

Саша тем временем снова подбирает свою пилу. Фонарик опять в люке.

- Ну, что там у вас - кричит изпод БТР Вовка.

- Неясно. Обстреляли - были попадания. Но смотреть все равно надо, Володя. Глянь еще раз, аккуратно.

Вовка сторожко лезет к лобовым стеклам.

Прикладывается.

- А завоняло ацетоном - замечает он со своего наблюдательного пункта.

- Этого и сами чуем. Ты что там видишь?

- Лежит какая-то туша на командирском кресле. Большая!

- На что похожа?

- Да хрен ее знает. Саша, доверни пилу градусов на тридцать! Не так, наоборот!

- Что наблюдаешь?

- Еще доверни! Ниже! Стоп! Вот так держи!

- Не томи! Что там?

- Тетеха толстенная! Мертвая! Башка разбита в хлам. Зараза, она же всю сидущку изгадит!

- Еще что?

- Не пойму. Но вроде как больше там никого.

- Саша, дайка доворот - посвети в глубину.

- Чисто! Она одна тут была!

Дальше возникает небольшая заминка. Подхожу ближе, слышу, как опер говорит Николаичу:

- Эх, жаль риального патсана потеряли. Как бы он тут был к месту!

И слышу, как в ответ Старшой заявляет:

- Так я и пустил бы эту тупую обезьяну к пулеметам!

Понимаю, что комуто надо лезть внутрь. Ясно, что это не очень охота делать, но придется.

Лезет сам Николаич. Через минуту из недр БТР гулко раздается:

- Там, наверху! Разблокируйте люки!

Вовка отгоняет на пару метров УАЗ, Семен Семеныч пыхтя, выдергивает лопату.

Люки один за другим начинают распахиваться.

- Доктор, давайте сюда с камерой!

Иду, прикидывая, что надо делать, чтоб снимать в темном салоне.

Внутри не так уж и темно, серый пасмурный денек дает достаточно света, чтобы через открытые люки сделать хоть и темноватую, но внятную съемку. Воняет около машины изрядно - и ацетоном, и мертвечиной, и особым запахом подгнившей крови...

Я никогда раньше не заглядывал внутрь бронетехники и разобраться сразу в скопище всяких прибабасов достаточно трудно. Почемуто сразу заметны какие-то коричневатые мешки - один свисает сверху - из башенки, да еще такой же - на спинке водительского сидения. Понимаю, что оно водительское потому, что там автомобильный руль и приборная доска.

Зато глаз ухватывает то, что мне привычнее видеть - размашистые потеки бурой, засохшей уже несколько дней тому назад, крови на покрашенных белой краской стенках, рванный мужской полуботинки, драные цветастые тряпки в подсохшем кровавом киселе, покрывающем пол БТР (Николаич как раз тоскливо смотрит на подошву своего ботинка, только что выдернутую из этого киселя с ясно слышимым хлопом.), какие-то яркобелые осколки костей, и конечно же - здоровенную желтоватосинюшную тушу впереди - там, где сидения водителя и командира.

- Погодите сюда пока лезть! Ботинки поберегите!

- А что делать?

- В УАЗе стопка полиэтиленовых пакетов из «Зеленой страны». Наденьте поверх!

А, точно - как эрзацбахилы.

- Дима, тащи веревку! Потолще! Доктор - несколько мешков сюда и камеру отдайте комунибудь. Саша, умеешь снимать?

- Умею, чего тут хитрого.

- Возьми камеру и продолжай съемку!

- Для чего мешки?

- Покойницу выволакивать будем. А мешки - чтоб с головы не текло на сиденья, когда потянем.

Понятно. Хотя по габаритам покойная килограмм на двести тянет, не меньше. Ну да УАЗом дернуть - лишь бы в люк бортовой пролезла. Если не пролезет - будет хуже, ну да в БТР и так уже все загажено.

Шурша своими бахилами, аккуратно лезу вперед. Да, голову раскроили залпом изрядно. Хорошо догадался перчатки хозяйственные натянуть, теперь, стараясь не слишком измазаться, подбираю в пакет перепутанные лоскуты кожи, куски костей и мышц в пакет.

Мозговой череп, разнесенный почти вдрызг - и впрямь втрое, если не больше, уступает могучим челюстям. Челюсти в пакет запихнуть удастся с трудом. Зубки мелкие, треугольные, очень непривычные на вид. И их действительно очень много.

Вот поэтому и груша получилась. Вижу свисающее вбок маленькое, явно женское ухо с сережкой. Если бы этот упокоенный кадавр улыбнулся - то улыбнулся так широко, что мочки ушей в рот попали с серьгами вместе...

- Готово! Замотал голову!

- Принимай веревку! За щиколотку возьми!

Легко сказать - щиколоткуто сразу и не найдешь - стопа изменилась весьма сильно и стала похожа на собачью.

- Погодите, я сам узел завяжу. (Николаич возмущенно пыхтит, распуская мой дурацкий

бантик и завязывая узел какого-то хитрого типа, что в грубых перчатках из черной резины делать непросто.)

Конец веревки там снаружи уже привязали к УАЗу.

- Володя! Давай помалу! Доктор - сдвиньте в сторону сиденье стрелка - тыкает пальцем Старшой на приделанное к штанге из башенки простенькое металлическое креслице.

Складчатая рыхлая туша, похожая чемто на моржовую, но раскрашенная в мерзкие цвета разложения с черноватым сетчатым венозным рисунком медленно скользит к выходу, сгребая собой с пола кровавое желе.

- Я, конечно, извиняюсь - но оно стоит того? - спрашиваю Николаича - Вонючка же здесь будет невиданная? Как бы мы машину не мыли, все равно вонять будет, а летом - ЕБЖ, как говорит наш сапер - тем более.

- Вонючку потерпим. Летом тем более вонять будет везде. А новенький БТР с бортовым оружием и полным боекомплектом сейчас бесценен. Ничего, помоем. Он нам не на блядки ездить нужен.

- Ясно. Просто у меня приятель купил, было дело, по дешевке джип, в котором четыре рыбака угорели - ну и просидели внутри с декабря по май. Так даже полная смена всего нежелезного ни черта не дала. Стальной остов - и тот шмонил нестерпимо. И мытье тоже ничего не дало.

- Я в курсе. Но повторяюсь - потерпим. Зато эту броню винтовочная пуля не берет. И пройдет этот агрегат везде... И проплывет. Что еще лучше. Семен Семеныч, лопату давайте!

Морф так застревает боками в проеме. Действуя лопатой, как рычагом, Семен Семеныч вместе с Вовкой потихоньку полегоньку, но выдергивают труп из БТР. После этого УАЗ оттаскивает тело в сторону метров на тридцать. Мне приходится идти к нему, пока Саша снимает что это мы такое упокоили. Остается отснять челюсти - рву мешки на голове трупа, прутиком приподнимаю то, что было губами.

Все, вроде бы дело закончено. Можно ехать.

- А ты заметил, что на этой зувемби были стринги? - спрашивает меня Саша.

А ведь и точно - грязный шнурок и треугольнички пропитанной кровью ткани - точно, стринги. Больше на теле нет никакой одежды.

- И смотрика - она коленками назад - как Семен Семеныч про кузнечиков пел.

- Это не коленка. Коленка - вон, выше. Это у нее так ступни изменились. Наше крутое счастье, что она разожралась в замкнутом объеме и ее габариты ей не дали из люка выбраться. Она кинулась - и плечами застряла. А если бы проскочила и плечами - застряла бы брюхом - в животе она тоже плечиста.

- А давно она обратилась?

- Судя по гнилостным изменениям - дней четыре - шесть назад.

- И почему делаешь такой вывод?

- Потемнение поверхностных вен, видишь - похожи на веточки черного цвета, просвечивают через кожу. Ткани приобрели зеленоватый оттенок, отчетливо наблюдается их вздутие, особенно лица, груди у нее тоже вздулись. А живот - еще нет. Так что минимум - дня три, максимум - дней шесть уже. Учитывая холодную погоду - скорее дней шесть.

- Вы там закончили?

- Закончили.

- Тогда поехали!

За руль свежеполученного бронника садится Володька - ездил он на таких. Люки он не закрывает. Николаич хочет возразить, но воздерживается. «Найденыш» становится за первым УАЗом - и мы трогаемся дальше.

Семен Семеныч вертит подозрительно носом - хоть я и оставил перчатки и бахилы в поле, пахнет от нас с Сашей ощутимо.

- Что, одежду выкидывать придется - спрашиваю нашего драйвера.

- Ерунда, выветрится все отлично. А не выветрится - так закопаем.

- Не по чину - одежду хоронить - выкинем где по дороге и все.

- Не хоронить - просто закопать на пару дней. Земля отлично запах берет на себя.
- Это вы откуда знаете?
- Бабушка рассказывала. Во время войны носить что-то нечего было. Так у них один инвалид что делал - как фронт от деревни ушел, так он одежду с мертвецов собирал, обувь тоже - детишки одежду и обувь, с покойников снятые, прикапывали, бабы потом стирали - сушили и это продавали на станции, сами не носили, а на той же станции покупали себе одежду.

- Так наверное и покупали тоже с мертвяков?
- Может и так. Но когда сам не видал - так и ничего.
- А почему инвалид одежду собирал?
- Он с фронта пришел - а там сапером был. Кроме него, по лесам там шляться дурных не было - пацаны сунулись пару раз - так кишки на деревьях оказались - фронт то через деревню тудобратно несколько раз катался, все вокруг в минах было. И ставились мины не на несмышленных пацанов, а на грамотных мужиков, так что пацанята вляпывались только так...

- А с инвалидом что потом было?
- Умер лет через пять. Он же не просто так инвалидом стал - его ж порвало железом страшно. Руки ноги вроде и остались, а весь ливер дырявый. После войны таких калек много было, так они лет десять самое большее жили. Всей деревней хоронили - если б не он, нищета была бы дикая. А он и не только одежду таскал, после войны в лесу много добра было.

- Ясненько.
- А что там в БТР то случилось?
- Черт его знает. Только, похоже, что водитель из машины все же выскочил - и мотор заглушил - иначе хрен бы мы на ней сегодня поехали. А так и соляра есть, и аккумулятор живой. Начнем чистить - понятно будет. Но одно понятно, что кости этот морф своими челюстями дробил влегкую - причем и такие, как бедренная. Так что челюстито не слабее, чем у гиены, а то и посильнее будут.

- Мда. Обратно повезло.
- А что там сзади, Семен Семеныч - никаких сидений не было. Где же десант то сидит?
- Что, такие сплошные полати, что ли, были?
- Ага. Не сиденья.
- Так это сиденья, только разложенные в спальные места. В БТР и спать можно. Сиденья разложил - и дрыхни.

- Значит, лежачих везли?
- Скорее всего.
Ташимся по лесу - деревья с обеих сторон дороги. Спрашиваю Сашу - сообщили ли в Кронштадт, что везем еще кучу больных и раненых? Оказывается - да, уже успели. Жмурюсь, представляя глубокую благодарность за такой мой ответ на приглашение.

Неожиданно над дорогой довольно низко пролетает маленький, словно игрушечный самолет.

- Кронштадтский?
- Нет, тут оба аэродрома удержали - и Левашево, и Горская.
- Лихо!
- Да ничего особенно лихого - как-никакие, а вооруженные силы тут были - а вот населения мало. Рота в масштабе такого города, как Питер - не величина. А вот для Левашова - вполне себе сила. Пустынных мест тут много. Мы вот только что проехали мимо Северного кладбища - так по нынешним временам самое спокойное место - а с другой стороны - не менее здоровенная Северная свалка. Неоткуда тут толпам зомби браться.

- Ну и соседство!
- Так и на юге ровно то же самое - и кладбище, и свалка рядом - через дорогу буквально.

Жужжит «Длинное ухо». Старшой просит принять влево и собраться тем, кто находился рядом с бронетранспортером и стрелял по морфу. Останавливаемся, вылезает. Николаич настоятельно рекомендует всем, принимавшим участие в охоте на морфа, воздержаться по прибытии в Кронштадт от рассказов, что морф просто и банально не мог выбраться из своей консервной банки. Стоит рассказывать как и было - отлично скоординированная система взаимодействия и высокая боеготовность остановили атаку морфа в самом начале. И точка. Можем продолжать движение. Залезаем в машины, трогаемся.

Ну, это понятно. В итоге команда отбила броневик в честном бою с нехилых размеров и кондиций морфом. Двести кило с зубами (а возможно и побольше) - это и в Африке двести кило с зубами.

- Жук у вас Старшой - ухмыляется Семен Семеныч.

- Не без этого - соглашается Саша. - А что вы за песню хотели исполнить?

- Про Отелло?

- Ага.

- Что ж - извольте, да не завянут ваши уши:

Отелло, мавр венецианский

Один домишко посещал.

Шекспир узнал про это дело

И водевильчик написал.

Девчонку звали Дездемона,

Лицом - как полная луна.

На генеральские погоны

Видать позарилась она.

Он часто вел с ней разговоры,

Бедняжка мать лишилась сна.

Он ей сулил золотые горы

И реки, полные вина.

Она сказала раз стыдливо,

И это было ей к лицу.

- «Не поступай несправедливо,

Скажи всю правду ты отцу.»

Папаша - дож венецианский

Любил как следует пожрать.

Любил папаша сыр голландский

Московской водкой запивать.

Любил пропеть романс цыганский -

И компанейский парень был,

Однако дож венецианский

Ужасно мавров не любил.

А не любил он их за дело -

Ведь мавр на дьявола похож.

И предложение Отелло

Ему как в сердце острый нож.

Был у Отелло подчиненный,

По кличке Яшкалейтенант.

Ужасный мавров ненавистник

К тому же плут и интригант.

У Дездемоны спер платок он.

А мавр, конечно, жаден был

Не говоря дурного слова

Жену он тут же придушил.

Вот того, девки молодые,
Смотрите дальше носа вы
И никому не доверяйте
Свои платочки носовы.

- Бис. Браво, бис - вежливо говорит Саша и тихо хлопает в ладоши. Присоединяюсь.
- Вот если Валерка оклемается - мы вам еще споем дуэтом. Как, Доктор, есть у Валерки такой шанс?

- Возможно. Недалеко ходить - Кутузову в голову дважды пули попадали - и вполне себе выжил и ума не растерял. А вы бы нам в команде здоровогодились.

- Я понимаю. Но тут такое дело...

- Мы помним - отвечает Саша. - Пока - «раб лампы».

- Вот именно. Вот байку мне одессит - дальнбойщик рассказал: По длинной, дикой, утомительной дороге шел человек с собакой.

Шел он себе шел, устал, собака тоже устала. Вдруг перед ним - оазис! Прекрасные ворота, за оградой дворец, музыка, цветы, журчание ручья, словом, отдых.

- Что это такое? - спросил путешественник у привратника.

- Это рай, ты уже умер, и теперь можешь войти и отдохнуть понастоящему.

- А есть там вода?

- Сколько угодно: чистые фонтаны, прохладные бассейны...

- А поесть дадут?

- Все, что захочешь.

- Но со мной собака.

- Сожалею, с собаками нельзя. Ее придется оставить здесь, за воротами.

И тогда путешественник пошел мимо.

Через некоторое время дорога привела его на ферму. У ворот тоже сидел привратник.

- Я хочу пить - попросил путешественник.

- Заходи, во дворе есть колодец.

- А моя собака?

- Возле колодца увидишь поилку.

- А поесть?

- Могу угостить тебя ужином.

- А собаке?

- Найдется косточка.

- А что это за место?

- Это рай.

- Как так? Привратник у дворца неподалеку сказал мне, что рай - там.

- Врет он все. Там ад.

- Как же вы, в раю, это терпите?

- Это нам очень полезно. До рая доходят только те, кто не бросает своих друзей.

Некоторое время перевариваем. Наконец Саша спрашивает:

- А это про собак или вообще?

- Я так думаю - вообще. Про друзей.

- Ну, а я думаю, что нынче далеко не все собаки - друзья.

- А некоторые друзья - собаки.

- Интересно - собака - это оскорбление или похвала?

- Дык это то же, что разбираться в том - незваный гость хуже татарина или все же политкорректно - лучше татарина?

- Ит ыз зэ квесчен!

- Вы меня поймите верно...

- Понимаем. Но будем вам рады.

- Спасибо. Мне и самому бы интересно с вашей ордой поездить. Как мы сегодня вляпались глупо днем... Вашто жучище небось так бы не влетел...

- Кто знает. Но вообще он из тех, кто режет после семи отмерок.

- Я уже заметил. Ну, считай, тьфутьфутьфу - уже и прибыли почти.

Нас останавливают на весьма грамотно сделанном - и прилично укрепленном блокпосту. Рядом заправка, тут же стоит пара похожих на нашего найденыша бронетранспортеров, но закамуфлированных и с бортовыми номерами, армейские грузовики - и чуток поодаль - три маталыги с пулеметами в башнях. Упокоенных не видно, правда неподалеку фырчит бодро работающий экскаватор - то ли ров роет, то ли братскую могилу.

Лейтенант подходит с вопросом - где старший колонны.

Николаич уже рядом.

Словно и не было всего этого кошмара - спокойные вопросы - состав колонны, цель прибытия, груз, наличие укушенных.

Оказывается, мореманы сообщили о колонне разведки из двух УАЗов и джипа Чероки, но у нас колонна несколько разбухла. К лейтенанту подходят и сопровождающие.

Некоторое время идет разбирательство - кто, чего и зачем.

Слышу, что лейтенант спрашивает о профессиях следующих с нами беженцев. Отмечаю, что Николаич бодро рапортует о театральных критиках, но умалчивает о ветеринаре. Лейтенант морщится и дает добро на проезд. Ято уж думал, что нам еще десяток больных привинтят. Но тут видимо вояки и сами с усами - или просто отправляют своих заболевших в Кронштадт. Хотя здесь были лечебные учреждения, но в основном санатории.

Катимся уже по дамбе. Поглядывая на стоящие по сторонам форты и батареи - островки с краснокирпичными сооружениями.

Первый серьезный блокпост моряков - на довольно крупном острове. Опять же пара БТР70 и несколько неожиданно - грузовики с зенитками в кузовах. Зенитные автоматы малого калибра - 23 мм., но я могу себе представить, как могут врезать такие установки. Впору поежиться. Клешники обустроились с удобствами - натащив и бетонных блоков, и вагончиков для жилья, причем и вагончики эти сами по себе установлены так, что создают внятное укрепление.

Опять те же вопросы. Тут санинструктор досматривает раненых и больных. Приходится вылезти и ходить вместе с ним.

Получаем добро на проезд от щеголеватого каплея. При этом замечаю, что писарюга старательно вколачивает фамилии и инициалы прибывших в допотопный - но ноутбук. Совсем как в те времена, когда сюда въезд был только по пропускам.

Наконец - город. Уф!

С того раза, как мы тут работали, многое изменилось - там, где мы едем - ни одного зомби. Зато патрули попадаются часто, причем и морские, и сухопутчиков, и состоящие из гражданских. Народу на улицах заметно больше, причем много и вооруженных. Замечаю, что у многих - как раз маломощные, но удобные в городе пистолетыпулеметы.

Вот теперь я вижу, что город устоял.

УАЗ с Николаичем обгоняет и теперь ведет колонну.

На ближайшем перекрестке останавливает регулировщик комендантской службы.

Связывается с блокпостом, потом пропускает нас дальше, предупредив, что беженцы должны зарегистрироваться в комендатуре не позднее полудня следующего дня... Тут уже карточки получать надо... Остальные приписываются к больнице - соответственно и питаться там будут. Подозрительно оглядывает распахнутый настежь БТР, но вопросов не задает.

Вид больницы не изменился - но уже у входа не дежурит дядечка в грузовике с кунгом - вместо него стоит пара десятков разношерстных автомобилей. Ну да, серьезный кворум. Явно начальство.

Встаем рядом, сразу образовав хаотичный беспорядок. То еще зрелище - неряшливо задекорированные сетками УАЗы, рядом шикарный Чероки с единственной словно нарочитой пулевой дыркой в боковом стекле, тут же скромные машинки беженцев, забитые всяким добром под крыши, расхристаный БТР на фоне фуры, изза которой высовывается

инкассаторский броневичок, автобус - ну в общем воскресная ярмарка металлолома...

Отправляюсь в больницу - доложить о прибытии и получить ЦУ.

Вместо теток с автоматами - вполне такой грамотный парный патруль. Правда, старший патруля - скорее всего уже отставник, а вот второй - пожалуй, что десятиклассник. Но стоят грамотно, прикрывая друг друга и не мешая при этом. Даже повязки какие-то на рукавах - не привычные красные с белой надписью «патруль», а что-то военноморское.

Неожиданно для себя рапортую о прибытии как-то чересчур повоенному. Надо с этого съезжать, а то глядишь привыкну.

Старший патруля смотрит в своих бумажках, кивает головой. Уточняю - что делать с ранеными. Оказывается надо зайти к заведующей приемным отделением, оповестить ее, потом забрать кого из хирургов для выборочной сортировки, а главврачу передать списки раненых и больных - с положенными данными и диагнозами. Так что мне аккуратно - в актовом зале, перерыв будет через 15 минут.

Выкатываюсь на улицу. У седого медбрата бумаги по раненым в порядке и даже написано все четким печатным военнописарским почерком. Заглядевшись. Даже указано, какое лечение проводилось. А вот у тех, кого подобрали первыми - бурелом после шторма. Единого списка нет, какие-то записульки, накорябанные разными почерками, да еще и почеркато медицинские, словно для прокурора написанные - чтобы в случае чего неприятного можно было прочитать «левая рука» как «правая нога».

Озадачиваю санитару составлением единого списка по образцу. Чешет в репе. Потом лезет писать в автобус.

Ко мне подходит Бистрем. Оказывается, очень хочет послушать то, что будет говориться на семинаре. Ну, вроде как по нынешним временам - почти коллега, благо педиатров всегда с ветеринарами ехидно сравнивали - у тех и других пациенты не могут толком отвечать на вопросы.

Проходим мимо БТР - из люка высовывается голова страдальца. Смотрит очень красноречиво.

- Помню я, сейчас уточню, где стоматология работает - киваю ему головой.

Когда уже захожу в двери, догоняет Николаич вместе с седым медбратом.

Патрульные выслушивают кто откуда и пропускают. Оказывается, действительно указано - всех медиков - пропускать. Николаич и Бистрем таким образом и просачиваются, под мое поручительство. Как два медбрата.

Некоторое время теряем в фойе - там сидит дракон в виде бабки-санитарки. Известно - самые свирепые люди - это уборщицы и гардеробщицы. Тут она выполняет обе роли. Выполняет как часовой - строго, с достоинством и честью. Мало того, что мы как положено, оставляем верхнюю одежду - так и башмаки туда же. Взамен нам выдают новехонькие идиотских расцветок резиновые шлепанцы пляжного типа и застиранные, но чистые халаты...

Мда, сурово. Но справедливо - сейчас бахил на всех не напасешься, да и грязь в клинике совсем ни к чему. И опять же каждый посетитель тут же встает на положенную ему полку.

Понимаю это, когда из актового зала нам навстречу выкатывается Змиев собственной персоной, в компании еще нескольких офицеров, у которых изпод халатов выглядывает форма. Ясно, перерыв, люди поползли ноги размять и покурить. Так вот на разминаемых ногах у всех - включая Змиева - резиновые эти шлепки, отчего гости явно чувствуют себя не в своей тарелке. Николаич подходит к каперангу, докладывает о прибытии, но делает это с легкой, почти неуловимой глазу развальдой, чуточку развязно - с дерзинкой, так себя ведут обычно представители привилегированных военных специальностей - те же десантеры, например - то есть формально - все как положено, но с нюансами...

Змиев это замечает, но спускает на тормозах, разве что бровью повел.

Предлагает дать самые важные для упоминания данные, рапорт о результатах - представить в штаб через час после окончания семинара начальнику разведки. У него же

оставить и видеоматериалы.

Николаич вкратце говорит о каннибалах, о Молосковицах и двух аэродромах. Попутно замечает о фуре с бананами и вроде как не охваченных ничьим вниманием магазинах в районе Таллинского.

Змиев кивает. Поворачивается к стоящему рядом офицеру - распоряжается насчет фуры. Потом смотрит на меня - я не успеваю отвести глаза и слишком поздно меняю улыбочку на постную физиономию:

- Я уже распорядился о доставке сюда достойной сменной обуви. Так что еще раз вы меня таким клоуном не увидите.

И уже снова к Николаичу обращаясь:

- Напоследок хотел бы, чтобы вы разъяснили одну непонятность.

- Слушаю вас.

- Судя по отчету похоронных команд, собиравших тела с маршрута следования ваших машинловушек, получается цифра около указанных вами в рапорте 6000 человек.

- Не вижу ничего необъяснимого - мы рапорт не из пальца сосали. Сколько упокоили - столько и указали. А именно 5889.

- Это и удивляет. Я был уверен, что вы взяли цифру с изрядным походом.

- Нет, все подсчитывалось.

- Как?

- Очень просто - в основном наши стрелки не мажут. Нет такой привычки. Самая слабая подготовка была у медика. Тем более он все первое время срывался на очереди. Потому посчитали, сколько он выпустил патронов - исходя из известного числа отработанных магазинов, и поделили пополам. У остальных еще проще вышло - при каждом промахе - патрон из кармана кидался стрелком в ватник посреди кузова. Снаряжающий этими патронами тоже набил рожки - соответственно из числа отстрелянных патронов было вычтено то количество, которое оказалось на ватниках. Его посчитать тоже было несложно - набитые рожки на ватниках плюс там же немного россыпи. Записывали и прикидывали во время остановок.

- Ловко...

- Погрешность имела место, разумеется, но незначительная.

- Спасибо. Ловко придумано.

- Старались...

- Хорошо, еще поговорим по результатам разведки. Располагайтесь, тут полезные вещи рассказывают.

Покидаю своих спутников - надо раненых пристроить. Нахожу Главную. Сообщаю, что привез еще 27 больных и раненых. Особо отмечаю, что выбора у меня не было. Воспринимается это без восторга, но в то же время достаточно спокойно. После пары минут к раненым уже идет один из хирургов, инфекционистка и зав. приемным отделением. Мне сообщается, что в конце дадут слово - потому надо подготовить сообщение о виденном сегодня минут на десять - коллегам любопытно узнать об окружающей ситуации, а тут свежие новости. Успеваю попросить хирурга спровадить командира БТР к зубодерам, если таковые есть. Хирург кивает головой.

Бренчит колокольчик, перерыв закончился, поток втягивается обратно. Оказывается, что кроме медиков тут же и военных полно. Не только Змиев с окружением.

И вроде как не только кронштадтские. Замечаю знакомые физиономии - братец и парни из МЧС, пробираюсь к ним.

- Много пропустил?

- Считаю половину.

- Досадно. О чем была речь?

- Мужик по медицине катастроф толковал. Но у него с собой брошюры есть - так что можно потом получить будет, я договорился. И записал коечто, так что не страшно.

Хирург напомнил про правила сортировки - толковый мужик, с боевым опытом - так

что все, так как должно с примерами.

- А что осталось?

- Про патологию катастроф сейчас - потом про биохимию зомби немного - что-то у этой из лаборатории интересное было ну и напоследок - всякое разное.

Выступающий - крепкий мужичок с рукой на перевязи начинает рассказывать о массовых нарушениях здоровья населения при катастрофах. Сразу оговаривается, что речь ведется в общем - о различных катастрофических ситуациях, каковые были раньше, разумеется такого, что произошло сейчас никто и представить себе не мог, но тем не менее как показывает опыт - принципиально по воздействию на население катастрофы не отличаются.

Первым делом рассказывает о психогениях - получается, что 80 % людей в ситуации катастрофы страдает от острого реактивного состояния, что резко ухудшает и без того сложную обстановку, а то, что 10 % из них доходят до острого реактивного психоза - усугубляет и еще больше. При этом, разумеется, благие пожелания помещать таковых в специально оборудованные психоизоляторы или хотя бы привязывать к носилкам - остаются невыполнимыми.

Второе при катастрофах - механические повреждения. Таких в разных ситуациях набирается до 20-25 %. При этом они нуждаются в оказании первой медицинской помощи, а до четверти из них - и в первой врачебной. Это - при уже указанном выше количестве людей с острыми реактивными состояниями - становится весьма трудновыполнимым.

Третье - термические повреждения. В зависимости от ситуации и времени года это может быть самым различным - от ожогов - до ознобления и обморожения - видом повреждений.

Четвертое - возможно и радиационное поражение. В нашем случае к счастью ЛАЭС сумела удержаться. Ситуация там стабильна и в целом пока этот вид поражения для нас не является актуальным. Тем не менее забывать о нем не стоит - есть достаточное количество объектов, где таковое возможно.

Пятое - токсические. Источники могут быть самыми разными - от холодильных предприятий, использующих аммиак до химических производств - тот же хлор например. Также возможно поражение токсического характера и дымом и угарным газом и так далее.

Шестая проблема, широко представленная в случае крупной катастрофы - обострение хронических соматических болезней, причем, как правило, это начинается со вторых суток, первые сутки такого вала острой терапевтической патологии нет, но со вторых суток и далее это проявляется у 40-45 % оставшегося в живых населения.

Седьмое - после вторых суток с постоянным нарастанием увеличивается количество инфекционных заболеваний - как желудочнокишечных, так и респираторных. Разумеется, это требует немедленных и четких действий - в первую очередь по изоляции таких больных не только от здоровых - с учетом уже страдающих от обострения хронических заболеваний в данном случае термин «здоровых», как вы понимаете, означает «не болеющих еще инфекционными заболеваниями» - но и во избежание микст - инфицирования. То есть требуется отдельно содержать больных с ЖКИ и отдельно - с респираторными инфекциями, мало того - перевязочные для них тоже должны быть разными и, разумеется, очень важно соблюдать санэпидрежим и проводить дезинфекцию.

Восьмое - в первую неделю наблюдается большое количество преждевременных родов и выкидышей, в связи с чем беременным надо оказывать особое внимание.

Девятое - и последнее - после четырех дней начинается всплеск анаэробной инфекции - с максимумом на 6 день. Это связано со сроками инкубационного периода данных возбудителей.

Есть ли вопросы?

Вопросы есть - несколько человек поднимают руки. Лектор тычет пальцем.

- Скажите, почему у нас достаточно много больных с ОЖКИ, но практически нет с респираторными? Банальных насморков нет, не то, что ОРВИ.

- Возможно, это связано с тем, что у вас лучше поставлена профилактика ОРВИ?
- Нет, это у всех так.
- Тогда пока не могу вам сказать. Могу заметить, что у меня тоже прошел насморк не за неделю, а за день...

- Какие психогенные реакции на Ваш взгляд стоит иметь в виду?
- Наиболее опасны экстрапуитивные - с немотивированной агрессией в отношении окружающих, интрапуитивные - с аутоагрессией - всплеск суицидов все отметили - и импуитивные - беспорядочное и бессмысленное бегство, в том числе и в сторону угрозы.

- То есть рост бандитизма и хулиганства - изза реактивных состояний?
- Отчасти - да. Как сейчас было принято говорить у молодежи - «крыша едет». Но и, безусловно, играет свою роль и ослабление репрессивного государственного аппарата, вызванное катастрофой.

- Скажите, пожалуйста - а отсутствие реакции на речь у пациентов - у нас сейчас несколько таких - насколько обратимо?

- Вы, вероятно, говорите о пациентах с аффектогенным ступором? Безразличны к окружающему, взгляд в одну точку, редко моргают?

- Да.

- Пройдет в течение недели. Такое возможно и в случае фугиформных реакций - но там наоборот имеет место двигательная буря - совершенно бессмысленное бегство или такие же нелепые с точки зрения логики попытки спрятаться.

Доходит очередь до меня, встаю, представляюсь и спрашиваю:

- У нас был случай, когда боец открыл хаотический огонь с колокольни по совершенно посторонним людям. Если считать это случаем реактивного психоза - то почему он развился не в первый же день катастрофы?

- Я слышал про этот инцидент. Но здесь, как мне кажется, был скорее реактивный параноид или как его еще называют параноид языковой изоляции. Там ведь человек оказался в чуждой языковой среде, испытал дополнительный стресс - поэтому характерные для параноида убежденность в наличии врагов, бред преследования, галлюцинации и тревожно мнительные черты характера обусловили такую реакцию. А развивается параноид не так быстро.

- А что за дополнительный стресс Вы имели в виду?

- То, что принято называть боевыми стрессовыми расстройствами или боевой усталостью - когда потрясение увиденным, получение ранее невозможных впечатлений, ощущение своей незащитности и повышенной уязвимости, наличие постоянной угрозы, да еще на фоне недосыпа и недоедания, несоответствие всего виденного этическим надстройкам и чувству долга превышает барьер психической адаптации.

- Так боевая усталость значит, у всех нас есть?

- В той или иной степени - да. Безусловно.

- Ясно, спасибо...

Остается переварить информацию...

Сажусь. Братец пихает меня в бок и ехидничает:

- Вот война - а ты уставший!

- Да ну тебя...

Разговорчики в зале, достигшие уже заметного уровня шума, затихают, когда появляется наша Кабанова. Помоему она еще пополнела. И мне кажется - что похорошела, хотя обычно беременные наоборот дурнеют.

- Наша лаборатория пока не может похвастаться серьезным прорывом в понимании того, что же все-таки стряслось. Поэтому не буду писать вилами по воде и ограничусь той информацией, которая может быть полезной.

Проведенный эксперимент еще недостаточно информативен, но, судя даже по тем данным, которые нами получены, можно сделать первые выводы о причинах странной водобоязни зомби.

Утопленные лабораторные животные, обратившись, старались изо всех сил выбраться из воды. При этом отмечено, что у зомби мацерация кожных покровов проходит быстрее, чем обычно. Отслоение эпителия - также протекает ускоренно. То же относится и к облысению - в норме не раньше чем через месяц, а в ходе эксперимента уже на третий день - полная потеря шерсти. Но самое интересное - гистологически обнаружено очень быстрое образование жировоска в организме находящихся в воде лабораторных животных. В обычных условиях жировоск образуется минимум через 3-4 недели. В наших экспериментах такое было заметно на третьи сутки. При комнатной температуре воды!

Объяснить причины столь раннего образования жировоска не представляется возможным. Но можно сказать точно - зомби крайне отрицательно относятся к этому. Не вполне понятно, как работает организм зомби, но жировоск вероятно обездвиживает их и ослабляет.

- То есть Вы хотите сказать, что старый постулат: «гнилостные изменения при пребывании трупа в течение недели на воздухе будут такие же, как через две недели в воде и через восемь недель в земле» в данном случае не работает, и разложение идет в воде гораздо быстрее? - неожиданно басит сидящий рядом со мной братец.

- Не совсем так - речь идет не вполне о разложении. Во всяком случае, не в полном объеме этого процесса. Должна отметить, что биохимия зомби разительно отличается от привычного нам цикла Кребса. Пока можно уверенно сказать, что у зомби резко выраженный ацидоз - в связи с чем и ощущается резкий запах ацетона, но это пока и все, что можно сказать.

- Так что, зомби вообще боятся воды?

- Нет. Им не нравятся большие объемы воды. Водяная пыль, или дождь совершенно их не пугают. А вот купаться и тем более жить в воде у них, скорее всего не получится.

- Так значит зомби можно распугивать водометами и пожарными машинами?

- Возможно, что и так, но здесь я некомпетентна.

Ну что ж - кратенько, но со вкусом. Значит, зомбокрокодилов у нас не будет. И мертвых боевых пловцов тоже. Это уже очень и очень неплохо. Упыри, лезущие из воды, для Петропавловки были бы сущим кошмаром. Да и для Кронштадта тоже, чего уж...

Следующим выходит усатый капитан второго ранга - судя по представлению - начальник разведки. Свет тушат, и офицер начинает отщелкивать слайды, показывая на экране нам всякую пакость.

- Как всем присутствующим уже известно, обычные зомби (шелк, щелк, щелк - и на экране появляются почти в натуральную величину наши горожане, так и не переправленные Хароном через Стикс) - медленны, тупы, малоспособны к координации действий. Передвигаются шагом.

Они же, употребив любую мясную пищу - и в более теплом климате - становятся гораздо активнее, могут передвигаться бегом, проявляют определенные начатки интеллекта и способны кооперироваться. Есть не до конца проверенная информация, что эти шустрики или шустеры, как их называют наши чистильщики, могут оценивать обстановку, прятаться, спасаться бегством или нападать из засад. (Щелк, щелк, щелк, щелк - часть снимков смазаны, видно, что запечатленные на них зомби бегут бегом.)

Но это всем и так уже известно. Поэтому подробнее я остановлюсь на мутантах.

- Вы имели в виду морфов?

- Да, их и так называют и метаморфами.

Офицер щелкает несколько раз.

- Пока у нас не так много исходного материала для обобщения, но уже сейчас можно сказать, что это новый тип зомби, гораздо более опасный. Условно по тем особям, которых удалось сфотографировать или хотя бы собрать информацию, более менее достоверную можно сформулировать следующее:

1. Отмечены мутировавшие вороны, крысы, хомяки, собаки и люди. Вероятно, список можно продолжить. Из перечисленных только вороны оказались полным непотребством -

летать не могут, передвигаются с трудом и легко забиваются своими живыми товарками. Остальные вполне дееспособны. К сожалению - только во враждебном нам плане. (Прощелкивает несколько фото довольно мерзких животных, вызвавших бы отвращение даже у заядлых гринписовцев).

2. В ходе мутации изменяются параметры объектов - как в сторону физического увеличения - рост, вес, так и в сторону вооруженности. Отмечен рост средств нападения - рост клыков, зубов, когтей и усиление соответствующих групп мышц. В итоге они могут дальше прыгать, быстрее бегать и осваивают ранее невозможные для них способности. Так бывший ранее человеком мутант был замечен и ликвидирован пулеметным расчетом, когда совершенно спокойно полз по стене здания на уровне четвертого этажа. Но человек в принципе может так лазать - все-таки от обезьян проходим. Практически в тот же день патруль засек, и вызванная бронегруппа сбила с дерева мутанта, который, судя по ошейнику, до обращения был сенбернардом - хозяин, к счастью, остался жив и подтвердил информацию. Как все прекрасно знают - сенбернары не лазают по деревьям. Этот же мало того, что залез, причем высоко, но и сидел там в засаде, как леопард какойто. (Щелкает еще несколько раз и зал озадаченно перешептывается - туша бывшего сенбернара и впрямь озадачивает, особенно в сочетании с поставленным рядом АКМ, выглядящим детской игрушкой.)

3. Наличествует и дифференциация мутантов, если можно так сказать. Пока невозможно сказать, почему бывшие люди настолько разнообразно мутируют - как принято говорить у ученых - часть мутантов остается антропоморфными - то есть прямоходящими и человекоподобными, часть - зооморфируют, то есть становятся похожими на четвероногих животных, повышая этим себе целый ряд параметров.

(Офицер делает эффектную паузу, которую безнадежно угаживает мой забубенный братец, ляпнув трагическим шепотом на весь зал: «Если они еще и фалломорфируют - тогда совсем худо!») В зале начинаются смешки.)

Начраз тем не менее продолжает:

- Так, группой зачистки номер 12 зафиксирован мутант, бывший ранее женщиной пожилого возраста, который одним прыжком покрыл расстояние в 8 метров 66 сантиметров. Вот, обратите внимание на изменившуюся структуру задних конечностей. (Еще десяток щелчков. Я обращаю внимание, что голову упокоенному морфу деликатные кронштадтцы закрыли какойто тряпицей. Также целомудренно прикрыты грудь и промежность дважды покойницы. Ну а по грязным тряпкам опознать кто это был раньше - невозможно.) Сегодня мутантом была атакована группа зачистки номер 4 - вы уже в курсе понесенных потерь. Мутант прорвался через оцепление и был остановлен огнем группы огневой поддержки. (Здоровенный гориллоид с длинной не пообезьянью шеей и могучими лапами - руками не иначе влетел под крупнокалиберный пулемет - растрепало его сильно.)

- Особо хочу обратить ваше внимание на изменение челюстей и зубов. Извините за качество съемки - первоочередной была задача остановить и ликвидировать, а о сохранности както не подумали. Также акцентирую ваше внимание на то, что мутант после атаки пытался скрыться, вместо того, чтобы начать жрать убитых им матроса Велера и мичмана Худеева. Такое поведение совершенно не характерно для зомби, которые обычно теряют всякую осторожность при виде свежего мяса.

(Когда на экране появляются крупно снятые жутковатые и всяко уже не человеческие челюсти - слева похоже они остались целы - братец неожиданно заявляет: «Точно как мой прозектор!»). Этого офицер уже не выдерживает и довольно неприязненно спрашивает: «Что вы имеете в виду?», на что братец неожиданно четко и внятно рассказывает об изменении своего сотрудника морга. Это несколько успокаивает начрара.)

- Вот видите - морфирование идет несколькими разными, но видимо конечными в числе направлениями. К слову - толщина лобной кости и в нашем случае была значительно увеличена.

В дальнейшем мы продолжим обобщать данные и доводить их до всех заинтересованных лиц. Вас всех прошу содействовать в этом.

Зажигается свет.

- Есть ли вопросы?

- Есть дополнение - встает Николаич - мутант, о котором говорил сейчас судмедэксперт подобен показанному Вами. А наша группа сегодня ликвидировала мутанта иной формации - крупного, весом за двести килограмм и с очень мощными челюстями.

- Как обстояло дело с подвижностью?

- Трудно сказать - мы его расстреляли первым залпом в самом начале атаки.

- Однако... Неизвестно, на скольких он откормился?

- Постараемся это уточнить до завтрашнего дня.

- Еще вопросы?

- Возникает вопрос - до каких размеров морфы могут увеличиваться? Полутонный мутант вряд ли сможет карабкаться по стенкам. Да и на дерево не залезет - не выдержат сучья.

- Мы должны постараться не дать морфам возможности так отъестся.

- Это конечно, но не все в наших силах. Неизвестно что творится в Питере - тем более сегодня наблюдали вероятную попытку откорма мутанта. Именно человеческой свежениной.

- И кто такой добрый нашелся? - оторопевает начраз. Да и остальные в зале поражены. Много всякой дряни уже видели - но вот люди, специально откармливающие морфов - пока не воспринимаются как реальность.

- Был огневой контакт с группой в девять особей нашего вида - людьми их язык не поворачивается называть - организовавшими засаду на Петербургском шоссе в районе парка Александрия. Обнаружены не допускающие иного толкования следы каннибализма и откорма морфа, а также и того, что ликвидированная группа - часть большой банды. Все материалы - включая видеозаписи - мы вам представим. Так вот интересно - в случае откорма морфа такой сволочью - что будем иметь на выходе - суперморфа или неподвижную пасть с брюхом.

- Валентина Ивановна, что вы можете сказать?

- Сейчас мы ведем эксперимент на крысах. Именно в этом направлении - оба экспериментальных существа уже достигли размеров средней собаки - но вынуждена отметить, что агрессивность и боевые качества у морфов с увеличением массы только увеличились.

Наклонившись к уху братца спрашиваю шепотом:

- Слушай, а у прозектора зубы какие были?

- Часть - свои. Обычные, человеческие. А часть - шипообразные остеофиты.

- То есть просто костные выросты из челюстей?

- В тютельку.

- Бред какойто. Такого в природе не бывает...

- Зомби тож в природе не бывает.

- Уже бывает... Деталь пейзажа...

Начраз тем временем вспоминает о моей скромной персоне и вытаскивает меня к себе. Приходится коротенько рассказать о нашем сегодняшнем рейде. Вообще я предпочел бы, чтоб отдувался Николаич, но раз семинар медицинский - то медику и лопату в зубы. Отмечаю, что женская часть особенно близко к сердцу принимает эпизод в «Зеленой стране», а мужская остается под впечатлением встречи с каннибалами.

Подводит итог Главная, отметив, что благодарит всех за участие и если собравшиеся посчитают полезным такие семинары впредь - коллектив больницы будет рад и в дальнейшем вести эту работу.

Отвечаем ей аплодисментами.

Далее оказывается, что запланирован небольшой фуршет. То есть семинар плавно перетекает в симпозиум - в старом, римском понимании этого слова. То, что у греков было веселым пиршеством с плесканием вином в цель, суровые римляне ввели в рамки, да еще и серьезно разбавив деловыми беседами. Сочетав практично полезное с приятным.

Когда выкатываемся в холл, где уже расставлены столы с бутербродами, пирожками, пакетами с соком и даже бутылками с сухими и полусухими винами, вижу дурацкую сценку - какаято маломощная писюлька - в наброшенном на плечи халате, то есть из приглашенных - звонко начинает отчитывать Николаича за то, что наша группа бросила без оказания помощи девушку. Дурочка явно работает на публику и страшно гордится своей принципиальностью и добродетельностью. Вероятно, она полагает, что Николаич стушется, затрепещет губами, задрожит подбородком и всяко разное покажет свое раскаиание и ничтожество.

Ага, щщщаааззз...

Замечаю, что публика отвлекалась от разговоров и с интересом наблюдает за этим броском молодой Моськи. Изза того, что речь зашла о неспасенной девушке (хотя ребенок звучал бы еще звонче и обличительнее) публика определенно заинтересовалась.

- И о какой девушке вы толкуете? - невозмутимо спрашивает Старшой.

- Вы сами отлично знаете о своем отвратительном поступке - наставительно заявляет девица.

- Не припоминаю, чтоб мы кого-то сегодня бросили без помощи.

- А девушка, которая убегала от морфов - Вы отлично это видели и должны были ее спасти. Если вы хоть немного мужчины и претендуете на то, чтобы называться людьми!

Братец довольно громко заявляет, выслушав эту звенящую негодованием тираду:

- Точно! Эта пигалица - журналистка! Статьейку готовит.

Пигалица бросает на братца пламенный взгляд - но зря старается - может, кого другого такой взгляд испепелил бы, но на братце даже щетина не задымилась.

- В такое тяжелое, но судьбоносное время мы - люди - должны оставаться людьми! А вы бросили девушку - беженку погибать! Мне рассказали, как она у вас на виду спасалась из автосервиса «Нисан»!

- Получается так, барышня - начинает Николаич - что меня много кто поучал в жизни. С удивительным, к слову, апломбом. Как вы сейчас.

Потом как на грех оказывалось, что те, кто с пеной у рта поучал меня патриотизму и любви к Родине - стали в одночасье предателями, готовыми даже не за гринкарту, а за гринны продать эту Родину в любом виде.

Те, кто взахлеб поучали любви к Партии - потом громко гордились тем, какими плохими коммунистами они всегда были и как ловко они вредили, где можно и нельзя.

Те, кто поучал меня героизму - оказались трусами, и выяснялось, что все их заслуги и награды - наглое мошенничество и ложь.

Те, кто нагло поучал меня интернационализму - в момент оказались ярыми нацистами, страстно ненавидевшими на протяжении столетий омерзительных русских оккупантов.

Наоборот - те, кто не лез ко мне с поучениями, оказывались и патриотами, и героями. Как тихая соседка по квартире - оказалась медсестрой - с орденом Красного Знамени за спасение С ОРУЖИЕМ нескольких десятков наших раненых...

С поля БОЯ, что характерно.

Поэтому не надо меня поучать. Чем громче поучения - тем меньше я верю поучающему.

- Это он ей дал фитиля под копчик! - одобрительно замечает братец.

- Но вы не ответили про девушку! - топорщится еще писюлька.

- Отвечаю. Вы очевидно действительно журналистка, потому как все переврали.

- Выбирайте выражения! Что это я переврала?

- Все. Во - первых салон «Хонды». Вовторых - не девушка, а любовница риального патсана. Втретьих, беженцам было приказано находится в безопасности - в колонне, но парочке отморозенных зачесалось забрать деньги из «Макдональдса» и «Хонды». Вчетвертых, при опасности указанная вами псевдодевушка кинулась не в нашу сторону, а в совершенно противоположную, где и потерялась. Заниматься прочесыванием целого района силами четырех человек без защиты - при том, что у нас была внятная задача и еще другие

беженцы - не вижу никакого резона.

К слову - сколько человек спасли лично Вы, барышня?

- Это не входит в мои обязанности! - гордо поджимает хвост журналюшка.

- Ну, так и не лезьте, куда не просят, и в чем не разбираетесь - заканчивает пикировку Старшой.

Перекусить и впрямь приятно. Тем более - и бутерброды свежие, и пирожки.

Братец в двух словах сообщает о том, как они прибыли и как его тут же отправили ассистировать, наложив несколько швов на башку.

- Ты что-то веселый и бойкий - подозрительно посматриваю на него.

- Э, чутелька выпили. Граммов сто. Если б не твое усердие - так и спать бы завалился.

А ты вон еще кучу страждующих притарабанил.

- Хочешь сказать, что оперировать придется на ночь глядя?

- Очень возможно, если у кого-то из твоих ургентное состояние. Тут все строго поставлено - не забалуешь! Так что если кого на стол - то премедикация - и поскакали.

- Да я как-то замудохался, честно говоря...

- Ага. Сидел себе, величался. Дивьято по КАД проехать. Вот тут - да, потно было.

- Миха и второй раненый? С рукой?

- Нет, с нимито без заморок обошлось, меня и не напрягали. А потом покатилося - тут морф группу зачистки раскатал, да из Петропавловки приволокли - с политравмой, да детей - чихнуть некогда было.

- А что там в Крепости произошло?

- Без понятия. Заваруха была знатная, это ясно, но в деталях не силен. А что у тебя интересного попало?

Рассказываю о встреченном странном мертвяке у места крушения самолета.

Братец свысока смотрит и лекторским голосом снисходит:

- Давно такого не видел.

- Что это?

- «Селедка». При сильном взрыве сносит ударной волной все, что к позвоночнику прикреплялось - кроме черепа. Череп приделан прочно. А остальное - нет. Вот селедку чистил когда?

- Чистил. И все так просто?

- Организовать сильный взрыв - это не так, чтоб просто. Меня другое удивляет.

- Что ноги уцелели?

- Нет. Это как раз понятно. Где прошла взрывная волна - там все и снесло, ноги значит были в укрытии. То, что вся эта конструкция стояла.

- И? Я уже сегодня видел каталепсичный труп.

- Сравнил жопу с пальцем. Ты сам подумай - самолет хряпается о землю, взрывается и еще и горит впридачу. И ты думаешь, что огрызки мягкого, еще гибкого трупа так вот на ножки и встанут? Чушь!

- Напекаешь, что это такой обращенный - сам встал?

- Вот вот, ты уловил. И мне непонятно, как там мозг уцелел, под волнойто и непонятно, как встал. Надо было бы вам его проверить - то ли действительно каталепсия да еще так удачно взрывом поставленная, либо действительно зомби.

- Ну, могли и поставить посмертно - по КАД - много все же народу еще таскается.

- Ага, щцаззз. И ступни поставили перпендикулярно и центр тяжести разместили где надо... Нюню...

- Интересно - это как бы такой зомби смог бы отожраться? В морфа?

- А черт его знает... Думаю, не самый актуальный вопрос нынче.

- Пожалуй. Слушай, а политравма какая была?

- Огнестрел, сочетанный с механическими повреждениями и ожоги...

- Ожогито откуда?

- Нашлись умники с бутылками... Огнемечики недоделанные... Весело было у вас в

Зоопарке, чего там... И здесь тоже весело было, когда все это обрабатывали. Думаю, сейчас опять продолжим. Санобработку уже сделали по времени судя, сортировку провели - а раз так, то несколько человек под премедикацию идут и на стол... Во, что я говорил - хирург с сортировки пришел.

И действительно - без особой суеты, но часть персонала покидает общество. Крепкая тетка, немного по силуэту похожая на самоходную артиллерийскую установку «Зверобой», подкатывается к нам.

- Эльвира Семеновна, продолжаем? - достаточно панибратски обращается к ней братец.

- Конечно. - она смотрит на меня - Вы можете провести первичную хирургическую обработку раны?

- Смотря какой... - осторожно отвечаю.

- Значит, справитесь - безапелляционно заявляет тетка и, повернувшись к нам спиной, идет прочь. Оборачивается: «Вы что, особого приглашения ждете?»

Судя по всему особого приглашения не будет. Придется обходиться уже сделанным...

Судорожно вспоминаю, что входит в понятие «ПХО»... Расширение раны, очистка ее от нежизнеспособных тканей, от попавшей в рану грязи и кусков одежды, дренирование после обработки... Черт, я это ж делал еще в Казахстане, но тамто это фантики были - и прикрытие имелось, случись что. Мордой в грязь тут падать неохота...

Поэтому пока мою руки под придирчивым взглядом пожилой медсестры, старательно работая щеткой и мыля как положено - ладонную часть, тыльную, каждый палец и между ними и все это так - от кончиков пальцев к локтю и первой левую руку и при купании рук в вроде бы первомуре, судя по запаху, судорожно вспоминаю курс хирургии. Замечаю в тазике пуговицу от халата. Делаю замечание сестре, в ответ - удивленный взгляд.

- Вы доктор ее выньте и сюда бросьте.

- А что это у вас пуговицы так лежат?

- Как положено - десять пуговиц - десять обработок. Вы - последний, вот и пуговица последняя - раствор свое отработал.

Прокололся, однако, ну теперь не напортачить и при переодевании в стерильный халат. Колпак и маску. Уф. И ничего на пол не уронил, уже хорошо, только вспотел, как лошадь.

Наконец доходит дело до перчаток. Натянул.

Пациент уже здесь - парнишка зеленый, сидит весь из себя бледный, замотана кисть руки.

- Это гнойная процедурная? - спрашиваю медсестру, раскладывающую с характерным и леденящим душу пациентов металлическим лязгом, инструменты на операционном столике.

- Нет, чистая.

Уже легче. Значит и рана у пациента не такая страшная. Да и размер у нее, по повязке судя, несерьезный.

Срезаю повязку. Под ней - аккуратный разрез между большим и указательным пальцем - сантиметра три длиной. Ага, кажется, я такое видал уже!

- Что у вас случилось - консервную банку открывали, и нож сорвался?

- Дааа... (парень явно поражен врачебной проницательностью).

Приятно ощущать себя таким многомудрым КонанДойлем. Врача и писателя в то время, когда он был студентом, натаскал его учитель - профессор Белл. Сэр Артур потом беззастенчиво придал черты Белла Шерлоку Холмсу ну и, разумеется, метод дедукции тоже. Белл безошибочно угадывал профессию пациентов на приеме, их семейное положение и прочие тонкости, чем удивлял и пациентов, и учеников.

Потом, когда он разъяснял - по каким очевидным признакам сделал свои выводы - ученики диву давались - как это элементарно. Тем более что обычно профессии того времени сопровождалась и профессиональными заболеваниями и потому врач, зная, кто по профессии пациент, уже понимал, что придется лечить. КонанДойль тоже наострился в этом и, к слову сказать, применил не только во врачебной практике - даже сам раскрыл

несколько преступлений, так что Шерлока Холмса писал со знанием дела... Но у меня ситуация проще - ранение типовое и там, где много народу питается консервами, обязательно бывает.

Перевожу дух - страхи пока оказались напрасными - тут все ясно и понятно, тем более, что распорота только кожа - лежащая глубже артерия не пострадала - так что обработать края раны йодом, промыть рану и наложить пару швов. Шил я правда очень давно, да и когда шил - не шибко мастер был, но пара банальных швов - не велика мудрость.

От укола новокаином парень героически отказывается, некоторую премедикацию ему сделали - спиртом от него пахнет и помоему он его принял «внутриутробно» - не в том смысле, что еще в животе матери, а в том, что в свою собственную утробу. Поэтому четыре прокола иглой для шитья вместо двух от шприца - и потом плюс те же четыре ему кажутся более легкими. Простая арифметика.

И действительно - мои весьма неуклюжие манипуляции надо отметить переносит стоически, как спартанский мальчик. Теперь отчекрыжить ножницами концы нитки над узлами. Пластырную повязку сверху - и свободен. Рана у парня чистая, так что заживет скорее всего первичным натяжением. Через неделю снять швы - и можно красоваться шрамом.

- Все? - спрашиваю с надеждой у медсестры.

- Все. - отвечает она.

И тут же радужные надежды на возвращение к пирогам рушатся как воздушный замок, потому что сестра мрачно добавляет:

- Чистые - все. Остальные - гнойные. Пойдемте!

Идем не в операционную - там как раз, по словам сестры, идет полостная операция по поводу перитонита у неудачно прооперированной девушки с аппендэктомией, а в наспех приспособленную под гнойную палату. Здесь к моему облегчению, я уже оказываюсь в ассистентах. Это проще. Братца не вижу - оказывается, он в операционной - но тоже в помогалах.

Возни много. Раненые действительно непростые, но, по словам сестры - самая тяжелая - девчонка, которую нашли на крыше.

Мужик, в раненой руке которого мы как раз копаемся, оживляется при упоминании девочки. Анестезия у него проводниковая, в подмышечную область ему вкатали серьезный коктейль, отключив плечевое сплетение, так что он в сознании и рад случаю поучаствовать в разговоре. Нам это немного мешает, но рану видно то ли не обрабатывали вообще, то ли обработали неумело - дух от нее уже тяжелый и хирург как раз тянет оттуда - прямо из раневого канала - кусок тряпки, вбитый туда пулей.

- Это наш взвод ее нашел! Представляете - на крыше дома! Мы мимо проезжаем - а она нас услышала и давай руками махать. Ну, мы подъезд зачистили - и ее спасли!

- Руку вам тогда повредили?

- Не, это уже позже было!

- Вчера?

- Ага, вчера. Какието сукины дети обстреляли.

- Заметили кто?

- Куда там. Попрыскали туда из пулемета - но даже не смотрели, попали или нет.

- С грузом шли?

- Ага. А девчонка действительно слабенькая была. Хотя голодала не так чтобы долго.

- Дело не в голодании - бурчит хирург. - Дело в обезвоживании.

- С чего бы? Снега там было полно. - удивляется раненый, деликатно морщась от действий хирурга.

- Снегом жажду не утолишь. Только хуже будет. Опять же холод.

- А что холод? Это же не в пустыне?

- Так на холоде человек обезвоживается не хуже, чем на жаре. На жаре - в основном потеют, а на холоде почки начинают ураганить. С мочой вода уходит куда быстрее, чем с

потом. А снег не восполняет потерю. Это ж считай - дистиллированная вода. Солей нет вообще. А состав плазмы и межтканевой жидкости определенный, значит, на потерю солей реагирует организм усиленным выведением воды, чтоб баланс удержать. В итоге снег только усиливает обезвоживание. Короче и проще говоря - слыхали что нельзя пить морскую воду и мочу?

- Слыхал конечно.

- Так со снегом то же самое - только в морской воде солей слишком много, а в талой - слишком мало. А любой солевой сбой для организма - совсем не полезен. Вон - недостаток калия - и вполне возможна остановка сердца или парез кишечника. С натрием - еще хуже.

- А, так вот для чего мы изюм и курагу ели в жару - чтоб калий возместить, да? Нам еще говорили, что в Афгане за сутки 10-12 литров жидкости человек теряет.

- Именно. Вы, коллега, мне не те щипцы дали.

- Извините, задумался.

- Полезное дело, только не в ущерб операции. Над чем задумались?

- Выходит, хрестоматийный немецкий военнопленный из Сталинграда, который умер изза того, что порезался, открывая консервную банку, тоже был обезвожен? Там еще помнится, упоминалось большое количество внезапных смертей у немецких военнопленных изза отказа почек и остановки сердца.

- Несомненно. Город они раздолбали, все что могло сгореть - сгорело, а в степях там топлива просто нет. Да и снег в Сталинграде - после гари, да с толовым привкусом...

- Точно, с толовым привкусом снег не годится вообще - с видом знатока заявляет раненый. Он так увлекся разговором, что и не смотрит на работу хирурга.

- Но там же не все войска в Сталинграде находились, часть по деревням вокруг.

- Так избы на топливо не разберешь - там, небось, набилось в избы и сараи как шпрот немцевто, румын, хорватов и итальянцев. А сельские колодцы - ну не рассчитаны они на дивизии, да еще и с техникой и лошадьми. Картина обезвоживания явно прослеживается. Обычното речь идет о том, что немцы оголодали, обморозились и приболели... А вот обезвоживание почемуто не учитывают. Вот и у девчонки - все проблемы изза обезвоживания. Но, надеюсь, обойдется - прокапаем - восстановится...

Раненый косится на свою рану и озадаченно говорит:

- Вот ведь какая маленькая, а мозжит, как большая...

- Так она и есть большая - отзывается хирург.

- Как же большая - дырочкато была маленькая. Пока вы ее не расковыряли - осуждающе заявляет пациент.

- Иначе нельзя. - отзывается хирург. - Иначе заживать плохо будет.

- Да как же долго - меньше было б заживать - упирается раненый.

- Пуля на пробивание тканей - такая, как у Вас - судя по ране - калибром 7,62 мм. - тратит 70 % энергии. А 30 % идет на боковой удар - на контузию соседних с раневым каналов тканей. Те ткани, которые рядом с раневым каналом - погибают, получается зона первичного некроза. Это все надо чистить, некротизированные ткани не оживут. Ну а до трех сантиметров - зона молекулярного сотрясения. Чистая контузия.

- Да ну? А малопулька если б была?

- 5,56 мм? С той еще хуже - зона травмы - 6 сантиметров, при том, что малопулька на пробив тканей тратит наоборот - 30 % энергии, а на боковой удар - 70 %. Скорость полета у нее выше, отсюда и беды.

- Скоростьюто при чем?

- «Е» - равняется «эмвэ в квадрате пополам» Слышали такую формулу?

- Не, не доводилось.

- Ну, в общем - чем выше скорость объекта - тем выше энергия. А масса имеет меньшее значение. Так что малопулька дает не только зону первичного некроза, но и зону вторичного некроза, да еще и создает временные пульсирующие полости.

- Так чпокает, что ткани в стороны отпрыгивают?

- Точно так. Но скорее не отпрыгивают, а отшибаются.
- Значит, выходит, мне еще повезло?
- Везение тут относительное. Но то, что могло быть куда хуже - несомненно.
- Да что уж повезло мне, что к вам попал. Как там этого знаменитого доктора звали в сериале - ну он еще все время язвил и диагнозы ставил... О, вспомнил! Доктор Хаос. Так вы еще больше знаете!

- Язвите?

- Не, я серьезно. Сегодня сижу, лапу ненькаю, а тут от ротного посыльный - хватай мешки - вокзал отходит - сейчас будет колонна до больницы. Бегом не побежал, врать не буду, но поспешал, как мог. У насто санинструктора - правда, много, учебка целая. Часть конечно из них накрылась, пока разобрались, что к чему, но все равно много осталось.

- Что ж если серьезно - тогда ладно. Сейчас еще дренаж поставим. Чтоб всякая дрянь свободно оттекала - и хватит на сегодня. К вашей удаче - кости не задеты - рядышком прошло, но не зацепило. На рентгенограмме хорошо видно.

- И что, даже зашивать не будете?

- Не стоит зашивать. Если все будет хорошо грануляциями заполняться - потом прихватим. Сейчас отдыхайте, набирайтесь сил...

- Ага, постараюсь...

Пока пациента с его капельницей откатывают из процедурной в палату, хирург размывается и говорит мне:

- Вовремя вписались - и тут мужику повезло. Начиная с третьих суток после ранения или травмы, начинается резкая декомпенсация организма. И лезть становится опасно - половина получается после хирургической обработки с осложнениями и нагноениями.

- И долго такое?

- 12-14 суток. Две недели - потом снова компенсаторные механизмы включаются... А еще у раненых сгорают антиоксиданты - сиречь витамины. Витамин С - аж на 86 %, Е - 45 %, В - 66 %, А - 30 %. Вот и лечи их после этого. И углеводы у раненых сгорают в момент... Ладно, нам уже следующего везут. Продолжаем.

Работа заканчивается сильно за полночь. Мне предлагают переночевать в больнице, но оказывается, что за нами - мной и братцем - прибыла машина. Раз такое дело - идем посмотреть, что там приехало. Оказывается это Семен Семеныч с Николаичем. К Михе отца пустили. Но на ночное дежурство оставили Ларису Ивановну, а папу вежливо попросили долой. Тут как раз прибыл Николаич - нашу команду разместили в домике неподалеку - без особого шика, но кровати, матрасы и белье есть, есть санузел с душем и окна зарешечены, а кроме того - тепло еще впридачу. Соседями у нас семьи мореманов - пока эвакуировали в чистый район из пока проблемного, но наш отсек имеет отдельный выход и в целом - о лучшем и мечтать не приходится. Сейчас еще должны подойти - или подъехать Вовка с Серегой - они, получив в распоряжение трех срочниковсалобонов, припахали мальчишек на мытье новоприобретенного БТР.

Семен Семеныч чемто обеспокоен, думаю, что визит к сыну и соседу сказался. Задумавшись, Семен Семеныч начинает напевать одну из своих бесчисленных нескончаемых песен:

С деревьев листья опадали, елки - палки, кипарисы

Пришла осенняя пора - после лета

Ребяток всех в армию забрали, - хулиганов

Настала очередь моя. - Главаря.

И вот приходит мне повестка - на бумаге - семь на восемь, восемь на семь

Явиться в райвоенкомат - утром рано.

Маманя в обморок упала, - с печки на пол
Сестра сметану пролила. - Вот корова!
Влезай маманя взад на печку - живоживо
Сестра сметану подлижи - язычищем
Поставить надо богу свечку - огроменну
И самогону наварить - Две цистерны!
Я сел в вагон, три раза плюнул - прямо на пол.
Гудок уныло прогудел, - трутутуууу
А я молоденький парнишка - неженатый совершенно
На фронт германский полетел. - Вот везуха!
Сижу в окопе неглубоком - пули свищут мимо уха.
Подходит ротный командир. ну зверюга!
А нука, братцыновобранцы - мать вашу!
Давай в атаку побежим! - Через поле!
Над нами небо голубое - с облаками.
Под нами черная земля - небо в лужах
Летят кусочки командира, - ексельмоксель
Их не пымать уж никогда. - Не пытайся!
Летят по небу самолеты - бомбовозы
Хотят засыпать нас землею, - жидким илом всякой дрянью
А я молоденький мальчишка - лет семнадцать, двадцать, тридцать, сорок восемь,
Лежу на пузе и стреляю из винтовки - трехлинейки шибко метко - точно в небо!
Бегит по полю санитарка, - звать Тамарка иль Маринка или Фекла
хотит меня перевязать - сикось - накось
мне ногу напрочь оторвало железякой - или бонбой
в обрат ее не примотать. - Взял в охапку!
Меня в больнице год лечили - уморили
Хотели мне пришить ногу - чтоб как было.
Ногу они мне не пришили - троглодиты, охламоны.
Теперь служить я не могу - Дайте выпить!
- Забавно, а у нас ее подругому пели - неожиданно оживляется молчавший до этого
Николаич.
- Как - по другому?
Николаич смущается, но всеже нетвердо и неожиданным тенорком напевает:
Ко мне подходит санитарка (звать Тамарка)
Давай я ногу первяжу.
И в санитарную машину (студебекер)
С собою рядом положу.
Бежала по полю Акси́нья (морда синя)
В больших кирзовых сапогах.
За нею гнался Афанасий (восемь на семь)
С большим термометром в руках.
Меня в больнице год лечили - уморили
Хотели мне пришить ногу.
Ногу они мне не пришили - трагладиты,
Теперь служить я не могу.
- Ну и так можно - соглашается Семен Семеныч.
Зданию, где нас расположили на ночлег, стоит слегка на отшибе, но вход освещен
ярко. Выгружаемся и заходим внутрь, не забывая посматривать по сторонам.
Уюта, разумеется, ноль, видно, что готовили для нас место наспех и формально.
Придаться не к чему особенно, но явно - холодные сапожники делали - по списку причем:
кроватей стокото, матрасов - соответственно, белья до кучи - вали кулем, потом разберем!

Говорю об этом братцу. Тот таращит непонимающе глаза и вопрошает с недоумением:

- Кисейных занавесочек не хватает?
- Уюта, чудовище!
- А ну да, Станислав Катчинский, как же! Поспал бы ты в морге на люменево каталке не выдрючивался бы, как девственная девственница.
- Какой Катчинский? - осведомляется оказавшийся рядом Семен Семеныч.
- Персонаж Ремарка - «На Западном фронте без перемен». Я эту книжку перед армией как раз прочитал и мне этот солдат понравился - вот я его за образец и взял.

Пыхтя, начинаем расставлять удобнее наставленную абы как мебель.

- А чем он так хорошо оказался?
- Он умел в любых самых гадких условиях приготовить - и найти - жратву и устроить удобный ночлег. За что его товарищи и ценили.
- Немудрено. Хотя вот сейчас токо бы прилечь. После моргата тут куда как здорово, это вашим братом верно сказано было.
- Вас хоть покормили?
- Ага. Куриным супом, представляете? Это ж какая прелесть, если подумать! Картошечка, морковочка, риса чутка - и курицы здоровенный кусище, мягчайший! Петрушкой посыпано, укропчиком! Душистое все - чуть не расплакался. И потом макароны - с тертым сыром и соусом! И кисель вишневый! От аромата нос винтом закрутился!
- Да вы ж уже роллтона сегодня хотели?
- Э, роллтон по сравнению с грамотно и душевно приготовленной пищей - ничто и звать никак. От безысходности - роллтон то. Все таки жидкое и горячее...
- Во! Братец, слушай, что умные люди говорят!
- Слушал уже, несколько дней. Токо не верю ни единому слову - ибо воистину - харчевался Семен Семеныч и в шавермячных и фэтсфудах и в прочих богомерзких и отвратных зело местах.
- А куда денешься? Кушинькаться хочется. А у нас тут не Европы, на каждом шагу ресторанов нету.
- Истинно, истинно говорю вам, чада мои - отверзши уста свои на шаурму совершают человецы смертный грех!
- Эко на тебя накатило, братец, святым духом!
- Дык меня в больнице пару раз за священнослужителя приняли, вот и вошел в роль.
- Стричься надо чаще и лицо делать попроще. А то отрастил конскую гриву, хоть косички заплетай!
- Дык косички както не в дугу.
- Почему не в дугу? Вон гусарам было положено по три косички носить - две на висках и одну на затылке. А без косичек - и не гусар значит.
- Ну, так это при царе Горохе было!
- Нефига! Наполеоновские, например гусары - все с косичками были. И отсутствие косичек было весьма серьезным нарушением формы, традиций и обычаев. Да и у наших - таки тоже многие с косичками щеголяли.
- Не, на гусара ваш братец не похож.
- Почему?
- Долговязый слишком. Таких в уланы брали.
- Это что ж, такой серьезный отбор был?
- А как же. И еще серьезней - вон Павловские гвардейцы подбирались все курносые и светловолосые, а Измайловцы - наоборот темные были. С кавалерией - так там еще и по задачам - кирасиры - крупные дядьки в кирасах, да на толстомясых конях - дыхалки хватает на один таранный удар, далеко бежать не могут, зато удар получается страшный. Гусары - мелкие, лошадки тоже мелкие, верткие - эти в разведку и преследовать хороши. Ну а уланы - в пир, мир и в добры люди, да еще и с пиками...

Улан побьет гусара,

Драгун побьет улана,
Драгуна гренадер штыком достанет, хехе,
А мы закурим трубки,
А мы зарядим пушки,
А ну, ребята, пли!
Господь нас не оставит...

Допеть Семен Семенычу не дает явившийся опер, злой как черт и столь же недовольный.

- Когда вампир кусает человека, тот непременно становится вампиром... Когда зомби кусает человека, тот непременно становится зомби... Так вот, такое ощущение, что людей покусали дебилы...

- Сильное вступление - одобрительно говорит братец - а к чему это?

- К тому, что сколько живу - убеждаюсь в конечности всего и лишь глупость людская безгранична! - раздраженно отвечает Дима.

- Ты прямо афоризмами говоришь. Но если, снисходя к нашему интеллекту - это ты к чему? - заинтересовываюсь и я.

- Меня припахали опросить поступивших из Крепости раненых. Снять показания. Для разбора полетов. Так вот этих пострадавших явно кусали дебилы. У меня в голову не помещается, насколько надо быть крестинами, чтоб такое вытворять...

- Давайте сначала наведем порядок, а потом все послушаем - вмешивается Николаич, и мы возвращаемся к тасканию и перестановке мебели.

Впрочем, создать подобие казармы, составив кровати попарно, повтыкав между ними разнобойные тумбочки, освободив место для стола и четырех стульев и застелив койки - минутное дело. Опыт есть минимум у половины, а неслужившие - как мой братец и Саша - достаточно сообразительны, чтобы с этой нехитрой премудростью справиться.

- Ну, давайте, Дима, рассказывайте, что там без нас устроили?

- Тогда слушайте. Можете на автомате вставлять после каждого предложения «матьперемать» - не ошибетесь. Излагать буду по возможности своими словами - видел сегодня уже, как наши медики от нормального грамотного протокола корчатся. Так вот, между 8.16 и 8.55 группа подростков из шести человек несовершеннолетних обоего пола воспользовалась невнимательностью часовых и несанкционированно проникла на территорию Зоопарка. Оказывается, детишки уже второй день туда шастают - на зверей посмотреть, заодно они же занимались тем, что дразнили запертых в помещениях за стеклом зомби. Прикольно, им, видите ли, было - типа шоуреалисти - за стеклом. Я думал, что хуже быть не может. Оказалось, у меня просто убогая фантазия... В 9.12 на территорию Зоопарка вошла группа окончательной зачистки, сформированная из тех самых протестантов, на которых Михайлов жаловался. Всего таковых набралось 18 человек. Михайлов и Охрименко пытались организовать их действия, но были посланы «на хутор бабочек ловить» - это цитата из показаний. После чего артель инвалидов умственного труда хаотично разбрелась по территории, застрелив для начала двух антилоп и козла. Им, видите ли, тоже показалось прикольным козла замочить.

- Время говорить «матьперемать»?

- Разумеется! Группа подростков услышала выстрелы и решила «помочь»! Открыли для этого дверь павильона, в котором была пара «зомби прикольных». И прямо из Роттердама попали в Попенгаген... Зомби оказались шустерами, и погнались резво за своими освободителями. Разумеется, детишки ломанулись на выход, то есть прямо на эту группу зачистки.

- И навалились на нестройный и неточный залп?

Мент подозрительно смотрит на брата.

- Это откуда стало известно? Раненые рассказали?

- Просто выбрал самый дурацкий вариант поведения.

- Угадали. Этим залпом было ранено трое подростков - девчонка и два парня. То, что

тупые дети визжали и верещали на бегу и уже поэтому никак не могли быть зомби горечистильщикам и в голову не пришло. Угадаете опять, что дальше было или мне продолжить?

- Наверное ситуация развивалась так - дети и зомби влетели в кучу стрелков, шустеры сцапали первых подвернувшихся и стали драть мясо, остальные частью кинулись наутек, частью устроили неприцельную пальбу в разные стороны...

- Вечно вы, лекаря, наперед все знаете... Точно так и вышло. В итоге ранено было еще четверо, да зомби троих искусали. После этого укушенных посадили в карантин, раненых отправили сюда, а в Крепости возникла драка - между родителями детей и уцелевшими протестантами. Полагаю, что михайловские и гарнизонные приняли тоже участие - протестантам насовали изрядно и оружие изъяли.

- Шустров кто угомонил?

- Пулеметчик с «Гочкиса». Одного достал через ограду, второй погнался за убежавшими и был упокоен, когда замешкался перед протокой. Что любопытно - на две движущиеся цели этот мастер потратил четыре патрона.

- Виртуоз прямо. С ранеными нескладуха какаято - привезли из Крепости не семь человек, а одиннадцать. Опять же не все с огнестрелом, а с переломами. В драке пострадали?

- Нет, отступление у них такое бодрое получилось. Поломались, когда в дверцу самодельную кинулись.

- Мда... Надо бы проследить, чтобы эти раненые иерои кого не покусали - хватит уж дебиловто.

После наведения порядка в жилье, которое с легкой руки Николаича окрестили «кубриком» - самое время железо почистить. Николаич берется за РПД, остальные разбирают свои стволы - так, чтоб вовсе безоружным не оставаться, и чистят вразнобой - чтоб у одного был разобран пистолет, а основной ствол стоял в готовности - а у другого наоборот. Саша недоуменно спрашивает:

- А мне непонятно - козлато зачем было убивать. С едой вроде же порядок, задача была простая - зачистить павильоны. Козелто причем? И оружие этим недоумкам зачем давали?

- Саша, тебе доводилось заставлять работать человека, над которым у тебя нет власти и который туп и нагл? Тут вариантов токо два - либо замотивировать, что трудно, учитывая, что туп и нагл, либо заставить силой - типа избиения по лицу и так далее. Попутно не давать жрать. Но к этому мы еще не пришли, вот и получается - есть куча горлопанов, всем недовольных, не знающих - как и что делать, да и не желающих руки пачкать, но критикующих все, сделанное другими, так, что земля дрожит - и что с ними делать?

- Ну, заставить работатьто можно?

- Как? Как заставить? Человек не хочет работать. Принципиально. Жрать вкусно - хочет. А работают пусть тупые лузеры и быдло, а он - не будет. Он выше этого!

- То есть считаешь, что Овчинников прав?

- Считаю, что да. Потери понесли те, кто нарушил распорядок. Помоему - там все - кандидаты на премию Дарвина без всяких сомнений. И подростки - прокравшиеся в Зоопарк - они уже не Том Соьер - им самое малое по 14 лет - а полезли безоружными на рожон. Дразнить зомбаков, а уж тем более их выпускать - это вообще надо быть анэнцефалом. И ровно то же самое - но постарше - группа протестантов. Ну, вот получили они оружие - так ведь просто ствол ровно ничего не дает. И даже ствол с патронами - тоже.

- Да это я и сам вижу, что тактика и сработанность рулят.

- И рулят и педалят. И урок получили знатный. Уцелевшим начистили хари, отобрали оружие, опустили, что называется. Если они теперь вякнут - то получают по хлебалу с лета. И вот уже сейчас их заставить работать - можно. За них вступаться теперь не будут - слишком знатно облажались. А так ведь знаешь нашу публику - сразу жалеть бедненьких начнут, начальство ругать.

- Хотел бы отметить такой еще нюанс - если интересно - добрая половина ранений - мелкой дробью. Девчонке вообще бекасиной вlepили.

Смотрим на Николаича. Он чешет в затылке, ухмыляется и спрашивает:

- И что вы на меня уставились? Какие были патроны - те Михайлову и отдал.

- А Михайлов?

- Что Михайлов?

- Ничего не спросил? Патроныто он посмотрел?

- Конечно. Он же грамотный человек. А на патронах и коробках все написано.

- И?

- Получается так, что сказал спасибо - патроныто из наших запасов пошли. И если вас интересует мое мнение - так и слава богу. Нука лекаря - если б девчонка например картечью огребла вместо бекасинника?

- Если б там была картечь, то у нас было бы куда меньше работы. Может, конкретно у меня работа бы и была - меня с утра уже напрягли в морге разбираться - более двадцати подозрительных трупов нашли, надо будет посмотреть. К слову - и Дмитрия тоже напрягают.

- Те самые сведения счетов с живыми?

- Они самые. Вообще мне так намекнули, что на часть команды тут имеют серьезные виды. Менято вроде как и выручали специально как судмеда, но и опера у вас забрать хотят и брательник тоже запонадобился, да и насчет остальных тоже внятно говорилось - нефиг вашей группе прозябать в Крепости, тут вы больше наворочаете. А теперь вы еще и приданым обзавелись - так что вы завидные невесты.

- Приданое - БТР имеешь в виду?

- Его самого. Зачетный сундучок. А морфиня, которая там сидела - и впрямь сущая жесть? Тут ее размеры произвели серьезное впечатление. Стокилограммовый морф группу как кегли разметал - а там не дети малые были, у вашей же габариты еще серьезнее?

- Помалкивать будете?

- Обижаете. Я хорошо помню, кто меня сегодня из Петергофа вывез.

- Вообщето братец - вывезли тебя ребята из МЧС - а вся работа пошла с подачи командования базы.

- Отчепись - понимаешь же, что я имел в виду.

- Будет он помалкивать, Николаич.

- Получается так, что боевые качества морфини мы оценить не успели - она оттуда вылезти не смогла. Лючок мал, а она отожралась. Челюсти у нее правда - посильнее, чем у гиены - ваш брат утверждал, что она спокойно дробила бедренные кости.

- Впечатляет. Видел я на вскрытии медвежьих покусыв - так там бедро съедено было, а кость мишкам не по зубам оказалась.

- Это где вы такое видели интересно - заинтересовывается Николаич.

- Да тут в Ленобласти был инцидент.

- Чтото вы путаете - не было такого, я точно знаю за последние лет тридцать! Да чтобы еще не один медведь был! Сколько медведей напало?

- Двое.

- Чушь!

- Отнюдь не чушь. Даже в зарубежной прессе про этот случай писали - «В Зеленогорске - фешенебельном пригороде Ленинграда медведи сожрали женщину!»

- Нука, нука?

- Да все очень просто. Какомуто из НИИ запонадобились для экспериментов крупные млекопитающие. Добыли двух медвежат. Эксперименты закончились, медвежата подросли - а у медведей характер с возрастом сильно портится. Списать - так они на балансе Минздрава. Зоопарку бурые и даром не нужны. Цирк руками и ногами отрешивается - медведи старые для трюков, уже не обучишь. Долго ли коротко - пожалел мишек главврач детского санатория в Зеленогорске. Не совсем надо полагать бескорыстно - он у Комитета по здравоохранению эту проблему снял, ему, наверное, чтонито для санатория выделили, все довольны.

Но медведейто кормить надо. Жрутто они изрядно. А фондов под медведей не

выделено, потому кормили их так ли сям ли. Жили бурые впроголодь. А когда переехала ухаживавшая за ними техничка - так и совсем дела пошли плохо, а главврачу еще и других проблем хватало - время веселое было.

Вот никто новую уборщицу и не предупредил, чтоб она у клеткито не шарилась.

Она еще наоборот конфеткой зверей захотела угостить. Миши с голодухи ее лапами к прутьям клетки подтянули - и объели докуда морды хватило. Косолапых, конечно, после этого в расход, главврача по шапке, а тут еще и шведы с англами про этот случай провешали - дескать, не зря мы рассказываем своим читателям, что в России медведи по улицам с балалайками ходят и людей жрут - вот извольте видеть, что в культурной столице происходит, можете представить, что в других городах дееся...

От себя замечу, что более тощих медведей никто из бывших там не видел - и во всей пищеварительной системе у мишек только и было, что злополучная конфетка, да куски несчастной уборщицы.

- Это что, действительно, правда?

- Абсолютная.

- Ни за что бы не поверил!

- Э, у нас еще и не такое бывает. Братец, помнишь зебру?

- Которая девочке пальцы откусила?

- Ага.

- Помню, как же. Редкий был случай - микрохирурги в Педиатрическом как ни корячились, а пальчики не прижились. Кусанные раны - вообще плохие - размозженные и инфицированные.

- Что девочка хотела зебру погладить?

- Нет, чемто хотела угостить. А лошадка была не в духе. Так пальчики в варежке и привезли. Дикие зверюшки - они таки дикие все же...

В дверь стучат. Оказывается - приехали наши омыватели БТР. Тоже как опер - злые. Только еще и зачуханные сильно - причем наряжены в какоето грязнейшее морское шматье очень сильно с чужого плеча.

Злые клоуны из военноморской самодеятельности...

В помещение не входят, говорят, что связывались с Надеждой и та пообещала устроить помыв личного состава - благо уже поздно. К слову - ей тоже предложили остаться при больнице...

Ну, просто на куски кумпанию рвут...

Однако помыв - он и в Африке - помыв. Меня удивляет, что братец, хоть и принявший уже сегодня душ, собирается вместе со всеми.

Он замечает мое недоумение.

- Приходится наверстывать план по помыву в конце месяца. - и ухмыляется.

Ну да, отоспаться он уже отоспался.

Хоть уже и глубокая ночь, но моемся не торопясь. Надежда ухитрилась еще по бутылке пива на нос раздобыть. Решаем так - две трети команды пиво примут сразу после помыва, треть - после того, как до кроватей доберемся. Что особенно трогает - бельешко какоеникакое нам тоже приготовили. Рабочее шматье Вовке с Серегой выкинуть не дают, увязывают в отдельный узел - время такое, что еще и пригодится может.

Сидим распаренные, дожидаемся последних - Сашу с Димой.

Вовка тем временем высасывает бойко свою бутылку, невзначай половинит долю зазевавшегося Сереги, а потом начинает рассказывать эпопею о промывании внутренности БТР. Жалко, среди нас нет Гомера - со слов Вовки получается настолько эпический подвиг, что куда там авгиевым конюшням!

Приданные салабоны конечно ни на что не оказались годны. Это и понятно - пахать на чужого дядю отправляют не самых лучших. Конечно по уму там еще мыть и мыть, но во всяком случае уже можно в БТР ехать, не особо боясь перемазаться в жиже из крови и сала со всякими включениями еще более неаппетитного характера.

Машина не новая, но и не сильно потрепана. Боекомплект практически полный - и для КПВТ, и для ПКТ. В мешке для гильз - пара десятков пуляшек от крупнокалиберного было, да на полу в жиже попадались гильзы от АК. Тряпки и огрызки обуви Вовка не смотрел - это Серега разбирался.

Серега, грустно оценивший понесенные потери в бутылке заметил, что по его мнению в машине было четыре человека и водитель. Водитель успел удрать - вполне возможно, что и укушенным, а вот остальные - по рваным шмоткам Сережа решил, что там был рослый мужик - ботинок 44 размера - женщина средних лет - подметки от сапожков 38 размера и две девушки или девочки - тряпки насколько разобрал молодежные и остатки кроссовок. С размерами кроссовок разобраться не вышло, но не детские, это точно. Крупных костей не попало, так, мелкие осколки...

- Получается так, что с трех человек морфуша разожралась.
- Сидячий образ жизни. Нарушение обмена веществ. Да может и была толстой.
- Сережа, а по тряпкам там с размерами разобраться нельзя было?
- Нет, Николаич, у меня не получилось. Не силен я в этом. Не барсучьи же следы или там заячьи... Это вон лучше любой женщине показать - они лучше скажут. Мы тряпки отдельно сложили и велели не трогать.

Интересную беседу нарушает явившийся Семен Семеныч.

Задумчиво предлагает ехать спать.

И в два приема кумпанья оказывается в «кубрике»... Николаич делит смены и все, кроме часового, валимся как в омут...

Последнее, что слышу - тихое бурчание своего соседа Саши:

- Козлато им зачем было стрелять...

Седьмой день Беды

В джунглях жарко и сыро. И душно. Роскошными игрушками порхают здоровенные бабочки и попугаи. Немного странно, что и бабочки, и попугаи практически одинаковы по размерам. Но смотрятся они на сочном зеленом фоне листьев, листочков и листов - и листищ - роскошными пятнами, очень гармоничными, что часто бывает в природе, когда плохо сочетающиеся на холсте или бумаге цвета легко уживаются в оперении попугая или раскраске насекомых... Солнце бьет в глаза и пятнает тенями зеленое буйство вокруг.

Не могу понять, куда делись кумпаньоны - вроде бы они должны быть рядом, но я никого и не слышу, и не вижу. Зачемто я тащу в руках тостер с волочащейся за ним вилкой на шнуре. Белый шнур, белая вилка.

Тостер необходим. Это я точно знаю. Просто уверен. Совершенно железно.

Впереди мелькает человеческий силуэт.

Спешу, как могу, но ноги словно проскальзывают, и двигаюсь я медленномедленно.

Силуэт приближается и я четко вижу, что это женщина, причем молодая.

Олька!

Точно, ее спина. Правда, волосы почемуто длинные, а у Ольки всегда под мальчишку стрижка. О, это отлично, что встретились. Видно ей както удалось добраться из Хибин.

- Эй! - хочу ее окликнуть, но глотка пересохла и получается тихо и сипло.

Она впрочем, услышала - и поворачивается, неожиданно оказавшись совсем рядом.

Нет, это не Ольга. То есть и Ольга тоже, но больше - та девчонка с крысом на плече.

Мертвая девчонка - Ольга с мертвым взъерошенным крысом.

Пушистые волосы сбились в паклю жгутами, как у наших недоделанных уиггеров, лицо сохранило приятный изящный абрис, но щеки смякли, кожа полупрозрачная как грязный воск и на обнаженной груди отвратительная сетка зеленых трупных вен... Страдальческий оскал полуоткрытого рта с обсохшими зубами медленно меняется на мертвую улыбку, глаза широко открываются - узнала меня!

Деревянно протягивает в мою сторону тонкую руку с крошечной ранкой на

указательном пальце, отчего мертвая и какаято мятая грудь - обвисшая и с трупными пятнами вздергивается совершенно нелепым рывком - и я прекрасно понимаю, что сейчасдохлый крыс со слипшейся шерстью проскочив по ее руке своим мертвецким скоком прыгнет мне в лицо.

- Наконецто созрел для ночных поллюций? Можно поздравить? - радостно спрашивает меня братец.

- Не - с трудом шевелю пересохшим языком - это Оле Лукойе недоглядел. Всучил мне твой профессионально ориентированный сон!

- А что приснилось? - с интересом спрашивает с другой стороны Саша.

- Мертвая голая девушка с мертвой крысой на плече.

- Жалкий извращенецподражатель. Считаешь, что если мне приснятся толпы обдриставшихся и взахлеб орущих младенцев - то это будет твой сон?

- Обязательно! - тут я уже немного прихожу в себя и вижу, что свет горит, наши ребята уже большей частью встали и собираются.

- Ладно, вставай. Тут рукомойник один, так что уже толпа собралась.

- А Николаич где?

- Пошел уточнять, что там нам светит. А Володька - к БТР похрял.

- А насчет завтрака что?

- Ты глаза разлепи сначала...

Совет хороший. Разлепленные глаза показывают довольно идиллическую картину - наши уже проснулись все, я последний валяюсь, как ненужная вещь. Кряхтя и потягиваясь, встаю. Это монументальное событие остается незамеченным публикой. Озадаченный Дима с Ильясом рассматривают вчерашнюю малопулечную снайперку, Братец копается в какойто рыхлой исписанной и исчерканной тетради, совершенно антисанитарного вида, Саша роется в вещмешке, а Серега то ли сочиняет стихи, то ли просто дремлет с открытыми глазами, прислонившись к стене и скрестив на груди руки, как и положено романтическому, влюбленному герою. Непонятно, куда делся Семен Семеныч - ночевал он с нами, ну да, скорее всего - в больницу уже побег, к сыну.

Чтоб добраться до рукомойника, приходится вылезать на улицу и стучаться к соседям. Открывают не сразу и общее впечатление, после того как под строгие окрики - Дверь закрывай, не май месяц! - проскакиваю внутрь - довольно диковатое. Народ тут сидит буквально как лягушки в банке. Под строгими взглядами торопливо плещусь в холодной воде, вместо чистки зубов скорее обозначаю это действие и поскорее возвращаюсь в наши хоромы. Да у нас тут хоть балы закатывай - так просторно в сравнении с соседями.

- Кстати, братец! Ты вчера грозился пересказать мне все, что я пропустил на семинаре.

- Легко. Садись - слушай! Чтото ты изумился?

- Да был уверен, что ты начнешь отбрехиваться, говоря - да ты и сам врач и так все знаешь...

- Э, какой с тебя врач! Короче - слушай мудрую мудрость наимудрейших и умудренных мудростью мудрых.

Братец вертит в руках свою замусоленную тетрадищу, помоему даже переворачивая ее вверх ногами, хотя кто ее поймет - где там у нее верх, а где низ.

- Ага, вот! Значится - задачи медицины катастроф.

1. Участие совместно с аварийноспасательными группами МЧС и ГО в оказании первой медицинской помощи, организация эвакуации пострадавших из очага. Очаг массовых санитарных потерь - территория, на которой имеется не менее 10 тяжелопострадавших, нуждающихся в первой врачебной помощи по неотложным показателям в срок до двух часов.

2. Организация доврачебной и первой врачебной помощи.

3. Оказание квалифицированной и специализированной помощи в лечении и реабилитации.

4. Организация эвакуации меж этими этапами.

5. Организация и проведение судмед экспертизы и судмед освидетельствования пораженных.

Как ты понимаешь, пятый пункт особенно согрел мне душу.

Но тут есть нюанс - этот проф добавил, что при крупном песце, который затрагивает целиком населенный пункт - реально помощь можно оказать только со стороны. Самостоятельно справиться пострадавшие не могут.

- Это почему же? - осведомляется заинтересовавшийся Саша.

- Ну - в первых статистически оказывается, что при БП адекватно оценивают ситуацию и толково действуют только полпроцента руководителей всех звеньев. Что характерно - это вневременной и интернациональный показатель, так что можно считать его оценкой человеческой сути в катастрофе. Остальные 99,5 % руководителей либо банально гибнут, получают травмы, теряют голову, впадают в психоз или отдают совершенно бессмысленные распоряжения, только усугубляющие ситуацию. И не факт, что в этих полпроцента сохранивших способность к разумным действиям окажется мэр, а не директор прачечной, например.

Соответственно рушится вся структура управления, вся координация и херовая изза прихода полярной Лисы ситуация становится совсем херовой. Хаос подогревается тут же и тем, что гавкается вместе с другими структурами и служба правопорядка - тут же начинается бандитизм и мародерство.

- Вово, похоже, как в Петергофе! - вклинивается в разговор Серега.

- Ага. Причем опять же - совершенно все одинаково - что в итальянской Мессине, что в армянском Спитаке, что в американском Новом Орлеане.

Вовторых разрушаются сами организационные структуры - например, то же здравоохранение. Чисто физически.

Мне не терпится показать себя шибко умным, чтоб братец нос не шибко задрал:

- Коллеги работали в алжирском городе ЭльАснаме - там было землетрясение - уцелели окраины, а центр многоэтажный - сразу сложился. Как карточные домики. Наши жили за городом - ну и в целом не пострадали, хотя один мой знакомый чуть не прыгнул с балкона на четвертом этаже, когда квартира тошно заколебалась - остановило только то, что балкон у него на глазах отломился и улетел вниз. Другой - достаточно тертый калач, дагестанец - выпрыгнул в окно - со второго этажа правда - в полете услышал - жена кричит: «А как же мы?». Тогда по лестнице вернулся и жену с детьми вытащил на руках. Но дом устоял. Наши потерь не понесли. А вот центральный госпиталь рухнул кучей - накрылось и оборудование, и медикаменты - и персонал местный обученный тоже. Ну а те, кто из медиков в городе уцелел - кинулись домой - к семьям. И все - раненых толпы, а лечить - токо голыми руками... Опять же улицы завалены. Ни пройти, ни проехать, руины нестабильны, то тут, то там чтонито валится... Так что понятно, что со стороны помощь необходима.

Серега фыркает:

- А нам полкан на ГО толковал, что после ядерного взрыва население должно выйти из убежищ и начать расчищать улицы.

- Мда, такие мудаки только у нас есть!

- Не, мудак - это явление интернациональное. Вон в «Терминаторе» - повстанцы рассекают по разрушенному ядерным ударом городу на обычном пикапчике. Еще и из пулемета стреляют... В Хиросиме с Нагасаки было не проехать, хоть у них там домики из реечек и палочек с бумажками были, а уж современные города с многоэтажками такие бетонные завалы дают... Это ж не фиглимигли с ВТЦ, когда близнецы вертикально с чего-то сложились, а прикинь, если б они набок легли.

- А убежища?

- Убежища - только для избранных. Для руководства в первую очередь. На некоторых предприятиях - и то только для одной смены.

- То есть ложись и помирай?

- Ну почему ж. Не задумывался, что это у нас в Питере всех садоводов гнали за сто

километров от города и наши садоводства у черта на куличках?

- Романов садоводов ненавидел.

- Щцазз... Предполагалось, что в случае ядерной угрозы успеют часть населения вывезти как раз туда, где ядерный взрыв уже не достанет - в Мшинскую, Бабино, Пупышево. А там уже и домики есть... Для этого опять же и метро строилось так, чтоб конечные станции совпадали с железнодорожными. Да и само метро - это суперубежище. По нормативам - если ты в 800 метрах от метро - есть реальный шанс спастись.

- А если дальше?

- Есть такое слово «Анеповезловоттебе!»

- Но ведь зальет метрото, да и жрать там нечего!

- Не зальет, там такая система отсечных конструкций - как в подводной лодке. И склады со жратвой и медикаментами есть. Только слыхал такие слухи, что под флагом обновления запасов те консервы, что там раньше хранились - отличная вкусная тушенка, нежнейший сосисочный фарш и обалденные каши - уже ловкачами распроданы, и теперь на хранении лежит нынешняя соя в жиже... Но с голодухи и нынешние консервы жрать можно.

- Мы вообще с темы съехали! То, что тут у нас произошло, ни в какие ворота не лезет. Потому вся система ГО - без толку. В то же метро я хрен полезу!

- Не, не все уж прям аналогов не имеет. Вот я смотрю, что мы сейчас действуем по одной из секретных инструкций стран НАТО. Там прямо говорилось, что в случае ядерного удара уцелевшие медики должны использовать такой инструментарий, как автомат, дабы облегчить муки тем, кто обречен. И то, по предварительным расчетам и такую помощь было б не успеть оказать - слишком таких пострадавших много окажется.

- А остальные?

- Остальные - если медик видит, что у человека есть шанс выжить - будут выживать, как бог на душу положит. Человек живучая скотина. Почти как крыса, ворона и таракан.

- Да ну, быть такого не может!

- Почему нет? Наша агентура работала в Англии и США неплохо, пока всякие Калугины не написали подробнейшие мемуары с указанием агентуры, другое дело, что особого навару с этой инструкции не получишь. Подозреваю, что в душе наши с этим согласны были. Тем более, что по другим ставшим известными секретным документам, ядерный удар по нам намечался не по одному городу, а по нескольким десяткам сразу - тут уж хрен кто кому поможет... Так что есть параллели.

- Ладно, возвращаемся к теме. Нам еще показывали образцы имеющегося оборудования для оказания помощи вне лечебных учреждений. Вот это точно надо раздобыть.

Тут братец лезет к себе в мешок и начинает вытаскивать оттуда всякую пластиковую и резиновую фигню. Большую часть вижу впервые. Уверенно опознаю только воздуховоды и пакеты с плазмозаменителем.

- Уж не обокрал ли ты уважаемого проффа, хитрый братец?

- Только б обидеть, родственничек тоже мне... Сам дал. Я и клячилто недолго. Сегодня обещали после вскрытий дать куда больше. Даже и для тебя запросил.

- Чувствительно тронут. Ну давай. Хвастайся. Мужики, на минутку! Дима, давай тоже послушай, пригодится.

Кислый Дима вместе с ухмыляющимся Ильясом пристраиваются рядом.

- Че кислый, оперупалнамоченный?

- Да снайперка эта... С изъяном оказалась. Надули нас коллеги.

- Не, нас хрен надуешь, не лягушки - вступается Ильяс. - Просто эта СВ99 воды хлебнула, не чистили ее давно, ну и не новая, конечно. А прицельных приспособлений, кроме как через оптику целить, в ней не предусмотрено. Оптика же в воде побывала.

- Дык не велика беда. Андрей разберется?

- Конечно. Ну а если не сможет - махнем на аналогичный - в Артмузее. Тут о чем речьто идет?

- О девайсах для оказания медпомощи. Вот, например - механический жгут

кровоостанавливающий. (Братец показывает пластиковую коробочку, из которой свисает матерчатая петелька). Расстегиваем застежку, надеваем на конечность, застегиваем и крутя ручку затягиваем, пока кровь не остановится. Дозированность давления - отличная штука, а то от резинового бывает травма нервов и сосудов, когда со всей дури затягивают. А вот тут в торце - часы на 60 минут. Завел - и потикали. Никаких бумажек с записями. Сразу видно, как давно поставили жгут.

(Братец с видом Деда Мороза тянет следующую штуковину).

- ИПП - 1.

- Ну, братец даешь, этой штуке сто лет в обед. Я даже помню скандал был - на маневры выписали кучу ИПП - 1, а прибыли ИПП - 11. Тоже куча.

- Эээ... А в чем разница - то?

- Да особой разницы нет, ващето. Только ИПП - 1 - индивидуальный перевязочный пакет, а ИПП - 11 - наоборот же индивидуальный противохимический пакет. С жидкостью. Для обработки кожи - нейтрализует действие всех ОВ, которые должны в кожу всасываться - причем как раздражающих типа CS, так и обычных пестицидов от зарина, зомана и всяких разных других инсектицидов и препаратов кожноарывного действия.

- Чтото, Доктор, ты пургу понес! Зарин и зоман - не инсектициды. Это нервнопаралитического действия ОВ!

- В 1939 году по заказу Министерства сельского хозяйства Рейха лаборатория профессора Шрадера, входившая в состав АГ «Фарбениндурии», создала инсектицид «Табун». Потом в рамках этого же заказа - «Зарин» и «Зоман». Причем реально - сугубо для травли насекомых.

- А потом?

- А потом амеры провели блестящую десантную операцию, в ходе которой захватили нетронутыми и лаборатории, и промышленные цеха, и склады с готовой продукцией, и сотрудников, и руководство, и документацию...

И после этого у США появились ОВ нервнопаралитического действия.

- Ладно, такое вы точно не видали!

Действительно, не видали - трубка с петелькой. Чтото подсказывает, что одним концом ее можно вставить в рот... непонятно зачем.

- Аутоанализер «Тренган». Вот внутри фитиль, как у фломастера - заполняется 10 миллилитрами трилена. Ремешок надевается на запястье раненому, раненый вставляет себе наконечник в пасть и дышит, пока не заснет. Как заснул - рука падает, «Тренган» изо рта выдергивается.

Устойчивая аналгезия до четырех часов. Эвакуируй на здоровье.

Теперь вот этот пакетик - НМ - накладка медицинская, одна сторона матовая. Другая серебристая. Серебряная сторона отражает тепло - так что зимой укутать пострадавшего - и серебром к нему, а летом - просто накрыть - и серебром наружу. Соответственно - зимой будет греть, летом охлаждать.

Теперь - воздуховоды. Эти уже устарели - потому как раненого раздышать, нависая над ним сверху - высокий силуэт получается и вполне себе медика зацепят - а вот этот с гофроставкой - позволяет дышать, лежа сбоку от раненого и не торча, как глупая мишень.

Ну и напоследок - пакеты с кровезаменителем. Вот такие вот пластиковые мягкие контейнеры с кристаллоидным раствором. Есть литровые, есть на семьсот миллилитров. Регулируешь на 60 капель в минуту, втыкаешь - и эвакуируй.

- Э, погоди - а вешать куда? И вообще вену искать запарно, в боюто.

- Гы, тут все учтено. Иглу втыкаешь в переднюю поверхность бедра - можно сквозь одежду, а вешать никуда не надо - наоборот, подкладываешь под раненого, он своей тушкой обеспечивает давление. Ловко?

- Ловко.

- Эни, грубо говоря, квесченз?

- Что посоветовать можете при ранении? Что делать? - это опять Саша.

- Для начала - убраться оттуда, где ранили, пока добавка не прилетела - меланхолично замечает Ильяс.

- Или оттащить раненого в укрытие - дополняет Сережа.

- А потом останавливаешь кровотечение. (Братец подсматривает в тетради). Потому что 38 % погибших раненых - от кровопотери. А 26 % - от асфиксии. Это уже знаешь наверное - перевязка или жгут и перевязка.

Ну, асфиксия - блин, да это ж курс первой помощи надо читать!

- А мы вроде куда и не спешим - отзывается весьма логично Саша.

Братец смотрит на меня и хмыкает:

- Валяй, внеси в массы сияющую истину!

- Это потому, что он старший брат?

- Неа. Его и наши, и англичане натаскивали. А потом он сам спасателей дрессировал. Так что ему и карты в руки.

- А чем первая помощь у англичан так уж сильно разнится от нашей?

- Кхм... Подходом. Первую помощь в Англии начинают преподавать уже в детском возрасте, в скаутах многие приобретают и знания и навыки оказания первой помощи. Далее это отрабатывается в армии. Каждый солдат обязан знать азы. На предприятиях также в обязательном порядке - в соответствии с законодательством - подготавливается по одному спасателю на 50 работающих. В обязательном порядке проходят такую подготовку пожарные, полицейские, учителя, сотрудники охранных структур и немалая часть водителей. Все это позволяет быстро и качественно помочь при несчастном случае.

В любой толпе всегда оказывается человек, готовый оказать первую медицинскую помощь. То, что продолжительность жизни у них больше, чем у нас, также объясняется и этим.

Массовое обучение основам первой медицинской помощи уходит корнями во времена 2 мировой войны, когда Англия подверглась разрушительным бомбардировкам. Оказалось, что штатная медицина физически не могла прибыть к раненым вовремя, и это взяли на себя гражданские органы самообороны. То же самое происходило и у нас, только мы, к сожалению, совершенно забыли опыт 2 мировой войны в целом и опыт наших МПВО в частности. Богатейший к слову опыт.

- Ты особенного не увлекайся, времени у нас не вагон и жучишь ты не студней. Попроще докладывай. - резонно замечает братец.

- Ну, да, увлекся. Но все равно разгон нужен.

- Так разгоняйся побыстрее, Боенг тоже мне нашелся...

- Необходимо отметить различие между нашим и английским преподаванием. Наш преподаватель обычно знает намного больше своих учеников и старается дать им как можно больше информации. При этом материальная база у нас как правило весьма слаба и основной массив информации является теоретическим. Ученик очень быстро забывает почти все, но точно помнит, что его преподаватель знает очень много.

Англичанин дает гораздо меньший объем информации, но этим добивается стопроцентной усвояемости. (Тратя по нашим меркам очень много учебного времени на очень небольшое количество учеников. На одного инструктора приходится не больше 6 человек.) При этом инструктор сам знает весьма немного, но его задачей является «создание зеркала». Его ученики должны к концу обучения полностью соответствовать своему учителю. Преподавание ведется почти по нашей старой доброй армейской методе: «рассказ, показ и отработка», только с добавлением перед самостоятельной отработкой навыков обязательной отработки вместе с преподавателем по разделам. Самое серьезное внимание отдается практической подготовке. Она отрабатывается до автоматизма. На практику расходуются весьма большие средства, которые нам и не снились. Не говорю об обеспечении учебного процесса необходимым оборудованием, это и так понятно, но даже экзамены спасателей проводятся в реальной обстановке, имитирующей действительную катастрофу самолета, аварию автобуса или теплохода. То есть - работа ведется в разбитом самолете,

мятом автобусе или на корабле. Привлекаются актеры, прекрасно изображающие пострадавших, создается весьма точное подобие травм и поражений, а также общая ситуация. Обстановка создается самая правдоподобная.

Все это позволяет быстро оценить подготовленность спасателей, а самим спасателям не теряться в дальнейшем при виде кровотечения или травмы.

Преподаваемый материал доведен до минимума, но это именно тот объем, который жизненно необходим. (Нас постоянно подводит как раз желание объять необъятное. Школьнику дать знания как медсестре, медсестре - как врачу и т. д. Так как это невозможно, возникает необходимость в показухе. А показуха неминуемо приводит к краху.)

- Это он пытается нам сказать, что вообще необходима практика. Без манекенов и актеров, залитых кетчупом, слова мало помогают. - берет на себя тяжелую обязанность перевода братец.

- Ага.

- Боюсь, что тебе не отбрыкаться. Время уже другое.

Ладно, раз напросились - пробежимся галопом. Манипуляции потом отработаем. Итак - слушайте ушами.

Цели первой помощи простые - надо спасти человеку жизнь и при этом не сдохнуть самому. Конечно, пострадавшему уже и так плохо - раз ему нужна помощь - значит нужно не допустить еще большего ухудшения состояния и обеспечить возможность дальнейшего лечения. Первая помощь состоит из весьма простых действий и манипуляций. Но быстрота тут рулит. Вся мощь современно оснащенной многопрофильной больницы может оказаться бесполезной, если было упущено время.

Значит, если взялся оказывать помянутую помощь - оцени ситуацию: поймешь, что и как произошло - и сам жив останешься и помощь окажешь. Не кидайся, как полоумный.

- Ты бы на примерчике пояснил, а?

- Запросто. В Пакистане - в деревне куренок упал в колодец. Его кинулись спасать, в итоге утонуло 14 человек. Понимэ?

- Что - один за другим?

- Ага. До песка постоянное дело было - столкнулся на дороге или сшибут кого - начинают бегать, как у себя в саду - треугольник не ставили - в итоге как те пакистанцы.

Или помню у нас зимой - холодрыга была. Публика грелась, кто чем может. Ну а самое простое, что для сугрева квартиры - на скрепке вешаешь листки бумаги на вентрешетки - их к вентиляции присасывает - и включаешь газовую плиту. Тепло. И накапливается угарный газ. Пока наши не сообразили - два экипажа на вызовах сами траванулись. Не насмерть, но неприятно. Ну а в перестрелке - тем более это важно, прикинуть, что и как может угрожать.

Дальше - прикидываешь, что случилось. В данном случае не требуется точного диагноза, особенно если у вас нет медицинского образования. Важно определить угрожающие для жизни состояния - например кровотечение, шок, отсутствие дыхания и сердцебиения и т.п. Если пострадавших несколько, определить очередность оказания помощи, начав с того, у кого под угрозой жизнь. Самые тихие - самые поврежденные. Нет у них сил орать. Ну а дальше - в зависимости от того, что произошло - и оказываешь первую помощь.

Не делай того, чего не знаешь. Подавившемуся собутыльнику испугавшийся приятель попытался сделать трахеотомию, о которой что-то слышал. Вместо рассечения трахеи в четко определенном месте, перерезал сонную артерию.

Вообще не старайтесь быть Господом Богом. Два шахтера увидели, как мотоциклист въехал в дерево. Побежали помочь и поняли, что он без сознания и голова у него вывернута на 180 градусов. Решили поставить ее на место. Что-то хрупнуло и пострадавший обмяк. Тут рьяные спасатели убедились, что просто парень одел куртку задом наперед, чтобы ветер не задувал под пуговицы, а голова у него до оказания помощи была совсем не вывернутой.

С ранением в общем видели - остановить кровь, обезболить и эвакуировать.

- А с асфиксией что?

- Без пищи человек может прожить до 30 дней, без воды до 2 недель. Без кислорода - несколько минут. Раньше погибают наиболее тонко организованные клетки. Так клетки коры головного мозга гибнут раньше всех остальных.

В зависимости от ряда условий от момента прекращения подачи кислорода клеткам коры головного мозга до их гибели проходит от 3 до 10 минут.

Следовательно, основной задачей первой помощи является не допустить прекращения подачи кислорода.

Кислород поступает в организм через дыхательные пути. Очень важно, чтобы они были свободны.

Первый приоритет - проходимость дыхательных путей (ДП).

Сами по себе дыхательные пути не обеспечивают организм кислородом. Нужно, чтобы человек дышал.

Поэтому второй приоритет - дыхание (Д).

Однако кислород, попавший в легкие, бесполезен, если не доставляется кровью в ткани.

Третий приоритет - циркуляция крови (ЦК).

Все это легко выразить формулой ДП - Д - ЦК.

Англоязычные спасатели называют эту формулой азбукой спасения, так как в английской транскрипции она выглядит так: А - В - С, где А - airway (дыхательные пути), В - breathing (дыхание), С - circulation (циркуляция крови). Также эту формулу называют азбукой реанимации, так как в ходе реанимационных мероприятий придерживаются четко определенной последовательности действий напрямую связанную с постановкой приоритетов.

Реанимационные мероприятия не всегда приносят ожидаемый результат. К этому надо быть готовым.

Но совершенно точно - они отдалают гибель коры головного мозга и позволяют дожидаться прибытия квалифицированной медицинской помощи, что значительно улучшает шансы пострадавшего на выздоровление.

- Мне кажется, ты чересчур увлекся. Слушать тебя интересно, конечно, как арию Хозе в опере Бизе, но немного не ко времени. Тем более, что скорая помощь отмерла как класс. Реанимацию сейчас проводить - смерти подобно, да и вообще речь шла о поведении при ранениях, а это другая песня. - братец пресекает мой полет.

- Ну. Я хотел сказать про азы.

- Ага. Никто не знает, что сердце у человека качает кровь, а легкие - служат для газообмена крови... Кумпаньоны уже зевать сейчас начнут.

- Неправда! Это вы оба лекаря, а мне, например, это интересно.

- Похоже, и пригодиться может.

- Лады. Я умываю руки! Вещай! - братец демонстративно трет ладошки.

- Вещаю! Следующий пункт нашей программы:

- Безопасное положение.

Чтобы правильно определить объем необходимой помощи, требуется верно оценить состояние человека. Первоначальная оценка пострадавшего включает в себя пять проверок. По развернутой формуле азбуки спасения английские спасатели добавляют к уже названному ранее еще D - danger (опасность) и R - reaktion (реакция). Полностью формула азбуки спасения выглядит так DRABC.

Таким образом надо проверить:

а. опасность

б. реакцию пострадавшего

в. дыхательные пути

г. дыхание

д. циркуляцию крови.

Оценка опасности - уже рассказывал...

Совершенно необязательно рисковать. Особенно, если кроме вас оказывать помощь больше некому. В этом вопросе наша общепринятая мораль разительно отличается от их установок (нельзя сказать западных, так как точно то же в азиатских странах).

Спасатель, умеющий оказывать первую помощь не должен брать на себя обязанности тех же пожарных и лезть, например, в огонь.

Вообще старайтесь увидеть ситуацию в целом. Опасность может быть многоликой.

Оцениваешь реакцию пострадавшего.

Делается для решения вопросов: нужна ли вообще помощь и насколько тяжела ситуация.

Спрашиваешь громко: «Что с Вами? Вы меня слышите?» (Обычно это камень преткновения для обучаемых. Даже хамовитые подростки стесняются спрашивать громко).

Первый раз задаем вопрос с дистанции метра дватри. Возможно, что человек лежит для собственного удовольствия и ваша помощь ему не нужна. Если он ответил и помощь требуется - окажите ее.

Если он не ответил, то ситуация сложнее. Подойдите ближе и так же громко повторите вопрос. При отсутствии реакции на вопрос опуститесь рядом с человеком и потрясите его за плечи, повторяя вопрос. Лучше всего встать на колени. Это наиболее устойчивое и удобное для оказания помощи положение. Сидящий на корточках спасатель находится в неустойчивом положении и может легко потерять равновесие. Травма копчика или руки для спасателя в такой ситуации совершенно ни к чему.

Если реакции на прикосновение нет, остается проверить болевую чувствительность, ущипнув за мочку уха или тыльную сторону кисти руки. Отсутствие реакции на боль означает отсутствие сознания.

Проверяешь дыхательные пути.

Слушаешь дыхание и одновременно, положив ладонь одной руки на лоб пострадавшего, два пальца другой ему под подбородок, несколько запрокидываем его голову назад.

Это открывает дыхательные пути, поднимая язык, он обычно западает при потере сознания.

Проверяешь дыхание.

Проще поднести к носу пострадавшего тыльную сторону ладони, кожа нежная и даже легкое дыхание ощутит.

Проверяешь циркуляцию крови.

Для этого надо проверить пульс. Проще всего это сделать на сонной артерии. Обычно эта манипуляция не представляет большого труда. Прикладывать нужно два пальца. Большой палец не используется, так как можно почувствовать свой пульс.

Длительность проверки не меньше 10 секунд. После проверки пульса желательно проверить, нет ли кровотечения, для чего рукой проводите снизу по контуру тела.

Если кровотечение есть - уточнить источник.

Как - еще терпите?

- Еще терпим.

- Тогда валяю дальше.

Безопасное положение.

Для человека, находящегося без сознания, самое опасное положение - на спине. Он может погибнуть из-за совершенной ерунды: - мышцы не контролируются, обмякают, поэтому язык западает и перекрывает дыхательные пути.

(Пример: в нашем городе перед футбольным матчем подросток-болельщик потерял сознание и погиб именно по этой причине, прямо на глазах у толпы зевак.) - кровь или другие жидкости (рвота и др.), попадая в гортань, вызывают рефлекторную остановку дыхания.

(Пример: одна из спасательных служб в нашей стране организована на средства человека, потерявшего в автоаварии свою 15-летнюю единственную дочь. Девушка погибла

изза рефлекторной остановки дыхания, вызванной носовым кровотечением.) - различные предметы, находящиеся в ротовой полости (жвачка, зубные протезы, сломанные зубы, пища) также могут перекрыть дыхательные пути.

Человек, лежащий на боку, рискует значительно меньше. Поэтому необходимо потерявшего сознание уложить в безопасное положение.

Предлагаемая здесь методика не оригинальна. Зато она легко запоминается, легко выполняется и дает очень хорошие результаты.

Положительные стороны безопасного положения:

- язык не может перекрыть дыхательные пути.
- свободный отток жидкости из ротовой полости и носа.
- согнутые рука и нога обеспечивают устойчивое положение и гарантируют от возможного переворота обратно на спину.
- кисть руки поддерживает и защищает голову.

Придание безопасного положения проще всего выполнить в пять этапов.

1. Уложить пострадавшего на спину, обеспечить проходимость ДП. Выпрямить ноги. Ближнюю к себе руку пациента отвести под прямым углом к телу.

2. Дальнюю от себя руку пострадавшего перенести через грудную клетку и приложить тыльной стороной к щеке пострадавшего. Желательно держать руку «пальцы в пальцы», что обеспечивает четкую фиксацию. Придерживать руку до конца переворота в боковое положение.

3. Дальнюю от себя ногу пострадавшего согнуть в колене. Ступня должна стоять на поверхности земли.

4. Используя согнутую ногу как рычаг, аккуратно повернуть пострадавшего на бок. Делать это плавно и спокойно. Поворот корпуса не должен быть резким. При этом совершенно не требуется усилий. Хрупкая девушка спокойно перевернет таким способом здорового мужчину.

5. Установить бедро перпендикулярно корпусу для устойчивости положения. Убрать свою руку изпод головы пострадавшего. Обеспечить проходимость ДП по уже описанному способу, слегка запрокинув голову. Убедиться, что пострадавший дышит. В данном случае можно поднести ко рту и носу пострадавшего тыльную сторону своей кисти, нежная кожа ощутит даже слабое дыхание.

После приведения в безопасное положение целесообразно вызвать скорую помощь и контролировать состояние до ее прибытия. Если вы вынуждены отлучиться, например для вызова скорой, подложите к спине пострадавшего свернутую одежду или что-нибудь другое, чтобы предотвратить бессознательный переворот на спину.

Безопасное положение нельзя применять только при тяжелых травмах - например, переломе бедра и т. п.

В большинстве ситуаций она надежно защитит пострадавшего.

Знаете, мне кажется, на первый раз и хватит. Сейчас давайте отработаем несколько приемов.

- Что, прямо здесь?

- А почему бы и нет?

Всетаки мотивированность - великая штука. Когда наши люди чего захотят - горы свернут. Беда в том, что обычно хотят выпить и весь пар уходит впустую. Но сейчас ребята стараются - минут за десять получается вполне прилично и ватлают они друг друга на бок достаточно уверенно, что не может не радовать.

- А вот утопые - с ними как? - Ильяс опять удивляет нестандартностью мышления.

Я не могу понять - утопые-то тут при чем?

- Плавать научись, неумеха - свысока щучит приятеля Сережа.

- Я сделан из того благородного материала, который тонет - не менее свысока парирует снайпер.

- Похоже - из утюга? - парирует Серега.

- И что именно тебя интересует, Ильяс?
- А в общем. И в целом.
- Наше золотце озаботилось тем, что мы все у воды, да у воды. Соломку стелит. Если тонуть будет - на тот случай.

- Ну... Ну - Утопление бывает двух видов - синее и белое по цвету кожи утопленников. При белом - спазм дыхательных путей, вода в легких отсутствует.
При синем человек дышал водой, поэтому попавшая в легкие вода активно всасывалась в кровь.

Это я к чему. К тому, что копать, откачивая воду из человека не нужно - это пустая потеря времени. У белых воды в легких нет, у синих - уже всосалась. Опытные спасатели ухитряются начинать вентиляцию легких еще в воде - при транспортировке к берегу. Ну а на берегу начинать качать воздух сам бог велел.

При этом надо иметь в виду, что синий утопленник может блевануть, из него идет пена и вообще все неаппетитно. Помним про использование полиэтиленового пакета с дыркой - чтоб не контактировать совсем уж напрямую. Также не забыть проверить пульс - обычно у утопых сердце еще работает и проблема только в вентиляции легких.

Если начал кашлять, блевать - вентилировать не надо - уже оживает, главное, чтоб блевота не попала в легкие - на бок немедленно.

При отсутствии брезгливости и быстроте шансы на успех неплохие - мой знакомец так себе жену из воды достал, откачал, навестил и заневестил. Уже давно женат, живут неплохо. Хотя делать искусственное дыхание симпатичной девчонке при всей пене куда приятнее, чем датому старику...

К слову у утопых не так быстро кора мозга гибнет - даже теплая вода охлаждает организм и замедляет процессы окисления. Ну а в холодной воде и до получаса мозг еще жив.

Последнее - утопых после оживания обязательно доставлять в больницу, даже если они себя отлично чувствуют.

- Нафига, их же уже спасли?

- Синих - потому что через часдругой у них начинается гидремический шок - вода из легких всасывается со свистом в кровь и разжижает ее со всеми вытекающими последствиями. Белых - тоже, так как остановка дыхания - это сильный удар по организму и может вызвать отказ той или иной системы по принципу: где тонко, там и рвется.

Братец широко ухмыляется:

- Анекдотец в тему: Сидят два рыбака на бережку, рыбку ловят. Тихо, лепота...

Вдруг мимо них - вжжжжж - катер с воднолыжником. Аж стрекозы разлетелись.

Только все угомонилось - снова тот же катер с этим уродом на лыжах - ВЖЖЖЖЖЖ...

И еще раз - ВЖЖЖЖЖЖ...

Тут рыбаки не выдержали и швырнули в катер ведро с пескарями.

Ведро хрясь лыжнику в репу. Лыжник бульк - и нет. А катер усвистал.

Мужики в ужасе - убиватьто не хотели - скинули сандалии, кинулись, вытащили, один тут же дыхание искусственное зарядил. Дышит - и морщится...

Второй ему - ты чего это?

Первый - Да странный этот парень какойто - изо рта воняет, как будто всю жизнь зубы не чистил!

Второй - и точно странный - то на лыжах ехал, а сейчас на нем коньки одеты...

Это я к тому, чтобы вы не забывали проверить - не помер ли уже этот утопый безнадежно, чтоб зря не возиться... К слову и вообще это по нынешним временам полезно делать.

- Ну, так уже говорил о проверке всего этого - дыхание, сердцебиение.

- Гыгы... Похоже тут все просто - если умер - то встал и пошел кусаться.

- Сейчас - да. А раньше. Раньше ученые так и не сошлись в едином мнении - что такое смерть. А когда еще реанимация всерьез заработала - то вообще караул.

- Да ну, что тут сложного, умер - сразу видно.

- Сейчас - да. А вот суди сам - кора мозга у человека погибла. Тело же с искусственной вентиляцией и поддержкой сердцебиения - живо. Это смерть - или нет?

Клиническая смерть, которая при грамотной реанимации обратима - смерть или как? Оказался рядом толковый человек - пострадавший живет и в ус не дует, не оказалось человека - помер. И это только так - что на поверхности.

- Угомонись. Вот уж что нам меньше всего нужно - так это философские дебаты. По нынешним временам вполне годится старая и безусловно запрещенная к применению бесчеловечная практика скоропомощников и ментов.

- Спичка?

Братец кивает:

- Она самая. Тут такое дело - когда труп грязный и принадлежит человеку, которого руками и при жизни трогать неохота, хотя бы и в перчатках, а определять, жив он или нет, все же надо - и быстро, то проще всего, пока никто не видит, ткнуть ему горящей спичкой в открытый кусок кожи.

- И что? Закричит?

- Нет, конечно. Но если человек живой - то сосудистая реакция будет, как и положено, при ожоге кожи - с моментальной реакцией, заметной и через слой грязи - пузырь, отек, краснота. А если мертв... ну как перчатку кожаную прижгли. Небольшое желтоватое пятнышко - и все. Сейчас уже от ментов такие давно не появлялись, а скоростники и труповозы нет нет, да и скинут «пятнистого».

- Видно зашугали ментов - то.

- Сомневаюсь. У них в среднем подготовка сотрудников здорово упала. Писанину старую не отменили, новую ввели. Короче - как в медицине - если делаешь - не успеешь записать, если пишешь - не успеешь сделать. Полубоному начальство твердо знает, что можно любого сотрудника взять за хвост - если у него все записано - значит в практической работе огрехи - и наоборот. Раньше участковый всех на своем участке знал. Во времена кровавойгэбни и дяди Степы. Сейчас у участкового столько писанины, что долго на этом месте человек не работает - деньги смешные, обязанностей куча и писанины море. А от участковых польза была офигенная...

- Что скажешь, Дима?

- Так... Старые то зубры поувольнялись. Новые частью мальчишки, а частью за властью прутся и деньги молотить любыми способами... Опять же спасибо газетерам - русаки теперь уверены, что в милицию идти неprestижно и впадлу. Зато кавказцы ломаются с удовольствием. Им не впадлу...

- Так и с армией та же херь. В общем - русакам нынче впадлу быть везде, где вручают оружие и толково обучают им пользоваться. В смысле - не только стрелять, а работать в команде, тактически грамотно и взаимодействуя с другими группами - например, той же артиллерией, танками и авиацией, да еще и используя связь.

- Похоже, спецом такая линия гнулась - чтоб у нас тут через пару десятков лет с оружием токо кавказцы и ходили?

- Вполне возможно. Вот уличный бандит со шпалером - это да, это герой.

- Но ведь тоже оружие, раздаться можно было б - ляпает Саша, потом сам же себе и отвечает: - мда, а тактику отработать и обучиться с оружием обращаться сам не сумеешь...

- Не только тактику. Регулярная армия всегда и везде необученные толпы и банды громила не особо напрягаясь. Ученье - свет.

Я усмехаюсь про себя, вспомнив наши старательные, но очень неумелые тактические эскерции на лестнице Сашиного дома. Судя по мелькнувшей по лицу Саши легкой ухмылке - ему это тоже вспомнилось. Словно год тому назад было...

Братец, игнорировавший наши высокомудрые рассуждения, видимо находит у себя в гробсбухе чтото веселое.

- Вот, зануда, чтоб у обучаемых уши не опухли от твоей нудятины - инфа по стрессу. У

них оказывается в Кронштадте тоже - как у вас в Крепости - такая любовь началась. Плотская, ураганная. Соответственно публика вопрос и задала. Я тут даже записал себе несколько моментов из его ответа.

Вот значит первый вывод: по физическому воздействию стресс, что положительный - радость оказывает на организм человека ровно то же воздействие, что и отрицательный - горе. Помереть таким образом можно и от радости и от горя, потому как сердце реагирует одинаково. Вся разница - в эмоциональном окрашивании и только.

Второе - клин клином вышибают - потому одни стресс отрицательный закуривают, другие - заедают, а третьи - затрачивают. То есть долбают по отрицательному стрессу - положительным. Любой путь получения эндорфинов годится. Поэтому тот факт, что в стрессовой ситуации половая распушенность цветет пышным цветом - медикам известен давно. Вот тебе известен?

- Ну, то что дистресс по воздействию на организм равен эустрессу - я знал. Насчет траха... Во фронтовых условиях вполне себе любовь крутили, что у нас, что у противника. Попадалась инфа, что в Германии в конце войны немки совсем стыд потеряли и вполне были непротив - хотя это было непросто из-за малого количества мужчин. Ну, в общем да, в целом стыкуется...

- То есть вся эта визготня по поводу жутких и массовых изнасилований бедных немок не совсем достоверна? Не с пустого же места пишут! И много где читал. И у наших историков тоже было. Или не было двух миллионов?

- Наоборот! Известно, что немецкие, румынские и прочие солдаты армий, пришедших к нам в гости на огонек в 41 году были: а) импотентами б) высокоморальными глубоко религиозными людьми, свято чтившими женщин как таковых. И опять же глубокими импотентами.

Таковыми же были и пришедшие в 44-45 году в Германию войска союзников - начиная от американцев (включая негров) до всяких колониальнонабранных английских войск.

Одновременно известно, что все русские наоборот: а) являются половыми гигантами б) не имеют никакой морали.

Так общеизвестно, что каждый русский в день совершает от 3 до 6 половых актов, а если выпьет водки - то от 17 до 34 половых актов длительностью до 2 часов каждый.

Таким образом, каждый русский солдат, выпивая наркомовскую водку и не имея возможности удовлетворить свою животную похоть с 22 июня 1941 года по май 1945 года накопил от 3600 до 20 500 нереализованных половых актов.

Что и привело к повальному изнасилованию всего немецкого населения.

Простодушный Серега лупает глазами, потом смущенно говорит:

- Да не, я ж серьезно - столько об этом последнее время писали...

- Если серьезно... По далеко не полным НЕМЕЦКИМ данным воины Рейха изнасиловали у нас не менее 10 млн. женщин. Скоко успели румыны, венгры, хорваты и прочая перхоть - неизвестно... Другое дело, что на фоне террора в оккупированных местностях такие преступления как грабеж и изнасилования уже никак не впечатляли. Деревни жгли с населением, поголовно, с детьми - чего уж тут про насилия говорить. Другое дело - белорусы свои сожженные деревни посчитали, а русским опять все похрен - хотя только в Ленинградской области так спалили не меньше полусотни деревень...

- А чего тогда так распинаются на тему снасилованных немок? Ведь не просто так?

- Конечно. Я так полагаю - против нас велась активная информационная война. Типа - ругаем советских, в виду имеем русских. Ни разу не слышал, чтоб к советским преступлениям какимто боком относили украинцев или грузин, например, хотя украинцев в армии СССР было не меньше трети, а фамилии Джугашвили и Берия сами за себя говорят. Все мерзкое советское - только русское. В общем я пришел к выводу - как надо было писать о войне, чтоб напечатали:

1. Все советское (точнее - русское) - бесчеловечно, ужасно и омерзительно.

2. Все немецкое (точнее западное) - прекрасно, сияюще и добродетельно (исключение -

один нехороший Гитлер).

3. Далее можно писать любую чушь. Например, что Сталин - он на самом деле - Гитлер, токо днем он гримировался так и работал в Германии, а на ночь улетал в СССР и гримировали его в самолете - именно поэтому современники и вспоминают, что Сталин работал по ночам.

Сталину эти гримирования были необходимы, потому как он был китайцем, женатым на Берии (Берия был женщиной, это всем известно) и войну они начали изза семейной ссоры, где муж Гитлер пытался обидеть жену Берию...

- Ну, это Доктор ты уже бредишь!

- Скажете бред? Да ничуть. Вона - Осокин глаза раскрывал - СССР и Германия должны были вместе завоевывать Англию, к чему и подготовились в 1941, но Черчилль сумел их поссорить... Солонин - все совки рвались сдать немцам и воевали только из боязни НКВД, Соколов насчитал в убитых считай все мужское население страны, а особенно прославился тем, что вставил в свой исторический труд стыренный с порносайта садистического направления рассказец, выдав за исторически достоверный документ, в целом вся эта писанина производила впечатление как если б какойто пидор дристал на братской могиле... Но ведь покупали же люди эту макулатуру!

- А другой не было.

- Почему - Дюков, Пыхалов, Лисицын, Исаев, Драбкин наконец...

- Доктор! Только мы о бабах заговорили - ты тут же съехал с темы. Сейчасо после БП никто с этой дрянью к нам приставать не будет.

- Уверен?

- Уверен.

- И зря. У нас есть слой публики, которая ничему не учится. Вон - прогрессивная общественность перед революцией боготворила уголовщину и воспевала ее как могла. Потом столкнулась с социально близкими нос к носу - без прослойки в виде городских - и заткнулась. И не воспевали уголовников у нас по 70 годы - когда выросло новое поколение прогрессивной общественности, не встречавшееся с уголовщиной нос к носу...

- Нда, и Высоцкий отметился...

- О чем и речь... так что кому нас попрекать - всегда найдется.

- Доктор, а таки вернемся к разговору о половой распущенности? Оно както милее, знаешь...

- Да что вы прицепились! Нормальная физиологическая реакция - дважды нормальная - впервых, заменить отрицательные эмоции положительными, вовторых, при угрозе уничтожения - восполнить потери усиленным размножением. На крысах - не ходя далеко - это доказано было.

- Тьфу ты, мы о бабах, ты о крысах...

- Про серого речь - а серый навстречь - глянув в окошко, говорит Саша.

И действительно стук в дверь - почти сразу.

Оказывается, в гости Кабанова пришла. Не одна - с сопровождением - тот самый мичман со склада устаревшего оружия. Держится мичман скромно, но с достоинством.

Здороваемся. Валентина объясняет, что ей положены прогулки, а мичман оказался столь любезен, что взялся сопровождать и защищать.

Оказывается ее очень заинтересовала наша морфиня.

- Дело в том, что мы сейчас ведем исследования по проекту «Крысиный волк». Тут есть несколько интересных моментов, поэтому информация о любых морфах будет полезна.

- А «Крысиный волк» - это что за экзотика такая?

- Это старое морское средство борьбы против этой живности - замечает Николаич. - на корабле их вывести очень сложно, потому издавна так боролись, хотя и хлопотно очень - ловится как можно больше этой живности. Пить им дают вволю. А жрать - нет. Они начинают жрать друг друга. В итоге остается один - самый крутой. К людям он привыкает - матросня к этому делу относится с азартом, пари заключает, ну и фаворита балует, конечно,

а вот к остальным крысакам он уже относится как к еде. И соответственно давит и гоняет люто. Бывало, крысы при первой же возможности гамузом покидали корабль, где такой монстр заведется. Стоил такой зверь дорого, некоторые ухари неплохо зарабатывали на этом бизнесе. Правда, когда пошли всякие яды, крысиных волков перестали сотворять - хлопотно это очень и ждать долго надо. Получается так, Валентина Ивановна, что Вы пытаетесь выдрессировать крысоморфа?

- Да, Вы верно сказали. Хотя зомби и резко теряют в интеллекте, но есть все же вероятность взаимодействия. Если уж кошек дрессировали...

- Мне кажется, хлопотно это и опасно впридачу.

- Мы и не собираемся выпускать крысиного волка. С крысами надеюсь, мы справимся и так. А вот результаты работы много дадут для решения вопроса - можно ли человеческого морфа направить на ликвидацию зомби. Если удастся добиться этого от крысы - то с бывшим человеком это будет проще.

- Вам бы проект «Полицай» назвать.

- Если «Крысиный волк» получится удачным - то весьма вероятно.

Интересные тут дела творятся, однако.

- А еще ктонибудь работает по этой теме?

- Да, нам известно о проекте «Химдымы» - неподалеку отсюда армейские пытаются сочинить химическое оружие именно против зомби. Какаято лаборатория у них есть - так что обещали сообщить, если у них будут результаты. Хотя я сильно сомневаюсь в их успехе.

- Пока неясна биохимия, непонятно чем ее сокрушить?

- Да. Они пока будут действовать методом научного тыка...

Рассказываем про морфиню. Валентина делает пометки в блокнотике.

Виктор проснулся уже уставшим. Жесткий запах кровищи провонял уютный бункер. Снилось какаято дрянь, и во рту остался медный мерзкий привкус. Ломило руки и ноги. Погреб вчера под ледник вырыть не успел, хотя работал со скрежетом зубовным, наизнос, в полный мах.

Очень не вовремя вспомнилось, что с мясом он поспешил. Это шкуру, требуху и яйца надо было убрать моментально, а вот мясо - мясо должно было бы чуток «созреть» - хотя бы сутки. Чтото такое про это толковалось, ферментация что ли какаято...

С трудом, в несколько приемов, уселся. Растолкал Ирку.

- Не жизнь, а каторга! - сказала боевая подруга.

- Заткнись, корова - обрезал ее Виктор.

И удивился. Обычно Ирка молча глотала все его грубости, а тут ее как подменили.

- Полегче, Витенька, полегче. Еще раз вздумаешь чтото такое вякнуть - не порадуешься.

- Ты что, охренела?

- Это ты охренел. Я тебе, дураку, не корова.

- Как дураку? Как не корова? - Витя растерянно бормотнул эти две нелепые фразы и его мысли раскатились, как горох по столу.

- А вот так - торжествующе воскликнула Ирка. - Это там, в городе, я тебе была корова. Там ты мог какую - другую себе взамен выбрать, не корову. А тут - фигушки. Тут я тебе единственная и на всю жизнь. Женился ты на мне, мудила, хоть и бежал от этого всю свою жизнь. А теперь - все. Отбегался, муженек.

- Нихера себе! С чего это я женился? Ты, скамейка коротконогая?

- Какая есть. Какую выбрал. Думал я тебе Пятница бессловесная? Так вот, голубчик - Пятница - это выдуманный герой, а я - настоящая. Я этого долго ждала, пока ты куражился, герой суперменский. А теперь - кончилось. Девоч ты фиг найдешь. Я теперь твое счастье -

сам выбрал.

- Вот ты как заговорила, сука!

- А ты чего ждал, кобель? Что я тебе вечно в рот смотреть буду? Хватит, насмотрелась.

- Да я тебя сейчас изобью, как собаку!

- Попробуй только!

Виктор за всю свою жизнь все-таки несколько раз дрался и в принципе, наверное, напугал бы разошедшейся подруге, но его остановило выражение ее глаз. Смотрел на него из Ирки совершенно другой человек - жесткий, властный и знающий, чего хочет. Это перерождение покорной как пластилин Ирки, всегда с восторгом смотревшей ему в рот и ловившей каждое его слово, было ошеломляющим, словно ушат ледяной воды.

- Думаешь, забоюсь? Да мне тебя калечить неохота, дура!

- Не обманывай себя! Еще вопрос, кто кого искалечит, муженек. Забоишься, муженек, забоишься. Без меня тебе капец - готовить не умеешь, стирать не умеешь, зарастешь тут говном в берлоге этой.

- Да я тебя убью сейчас! Падла!

- Остынь. Никогда не задумывался, почему это заключение в одиночной камере - самое худшее наказание, а, муженек? Иди лучше проветришься!

- Без твоих указивок разберусь!

- Ну ну. Мясо прокиснет.

- Да нахер это мясо! - Виктор пришел в то состояние слепого бешенства, когда уже и себя не жалко, Ирка это почувствовала сразу. И благоразумно отступила.

- Как знаешь...

И уже вылезши наверх, добавила оттуда в люк, как гранату кинула:

- Муженек...

Витя завалился на кровать. Голова словно вспухла. Сердце заколотилось как бешеное. Лежать в таком состоянии было физически невозможно. Злобно дергая одежду, которая словно нарочно оказалась вывернутой наизнанку, Виктор спешно оделся, выскочил наружу и остановился, не зная, что предпринять - начать колотиться своей глупой башкой о деревья, рвануть в лес и бегать кругами или все-таки отбуксовать Ирку.

Та безмятежно что-то полоскала в ручье.

В итоге новоиспеченный муженек, походя пнул женушку в зад, так что она плюхнулась на руки в ручей и словно испугавшись сделанного Виктор быстро заскочил в свой УАЗ и дернул куда глаза глядят, так что ошметки грязи взлетели изпод колес фонтаном. Мысль «застрелиться» он отложил для более детального изучения. Где-то с краешка сознания внятный голос сказал:

- Ну и что ты психуешь? Хочешь, как это любят девочки-подростки, поупиваться своим горем по типу «вот я буду лежать такая красивая, а им всем будет стыдно»? Так никто тебя тут не найдет. Да и глупо это.

Но поупиваться своим несчастьем было все-таки немного приятно. Поэтому Виктор отогнал голос разума и предался горестному отчаянию. Впрочем, и тут ему не повезло - УАЗ, на что уж был крепкой машиной, а застрял в болотистой низинке, как динозавр в асфальтовом озере.

Пришлось тащиться обратно за лопатой, решив раз и навсегда, что в машине должен быть полный набор инструментов. Хорошо еще недалеко уехал.

На полдороги к бункеру Виктор приуhaustился - мелкий ельник, через который он проломился на машине как кабан сквозь камыши, затрещал - что-то крупное лезло навстречу. Тут по спине Виктора пробежал явственный холодок, словно посыпалось мелкое ледяное крошево - выскочилто из бункера безоружным, даже ножа нету... Ругнув еще раз себя, тупую Ирку и вообще все вместе взятое он приготовился дать деру, но оказалось, что это заботливая женушка со стволом наперевес отправилась глянуть - куда суженый делся. Благо мотор порычал и замолк явно недалеко.

Виктор перевел дух, а нахальная теперь супруга не моргнув глазом, предложила

позавтракать. Идти обратно, как под конвоем, не хотелось вовсе, но и тут женское чутье сработало как часы и Ирка на голубом глазу протянула ружье Виктору.

- Ты стреляешь лучше, так безопасней будет.

И не удержалась стерва, чтоб не кольнуть:

- А для меня и пистолета хватит.

Пистолет действительно висел в кобуре, и кобура была расстегнута.

Виктор решил, что единственным выходом из положения будет «завернуться в тогу молчания». Получилось не очень складно - обычно молчаливая, теперь Ирина трещала как сорока. Оказалось, что она еще и успела сервировать раскладной столик на природе, что выглядело посреди леса както необычно и празднично. Спугнув наглую белку, стырившую со стола сухарик, Ирка стала быстро и ловко расставлять еду. Чтото слишком много еды. И очень разной.

- Слишком празднично получается. С чего бы это? - мрачно подумал Витя, усевшийся на скрипнувший под ним стулик. Высвободил, называется, джинна из бутылки.

- И что мы празднуем? - хмуро осведомился Витя, решивший, что своим молчанием он ни черта не добьется - подруга вполне выглядела довольной и стрекотала сама за двоих, даже не замечая, что он так нахохлился.

- Как что? - удивилась Ирка - Нашу свадьбу празднуем. Эх, жаль, фаты нет. И свидетелей.

Она мечтательно помолчала.

- Зато шампанское - есть! Я знала, что так все и будет, специально взяла «Голицина». Кстати, не откроешь бутылку?

Нашу идиллию нарушает какаято резкая перебранка за окном быстро становящаяся многоголосой матерщиной. Мичман бойко выскакивает на улицу, выдергивая уже знакомый наган из кабура, за ним выскальзывает Саша. Серега, очень неодобрительно глянув им вслед, шустро занимает позицию у окошка, Ильяс делает то же - у другого, симметрично перекрывая своим сектором наблюдения мертвую зону у Сереги. Помогаю Валентине встать и неторопливо, но, не теряя времени, отвожу ее в угол - что там не происходи - сюда пули не влетят.

- Как у Вас делато? Как пациент? - спрашиваю шепотом Валентину.

- Ой, он такой забавный - кокетливо покосившись, тихо отвечает Кабанова.

Глазам не верю - чтоб Кабанова да кокетничала. Ба, да она еще и разругалась! Ейбогу втюрилась цельнометаллическая Валентина Ивановна! В душкувоенного втюрилась!

- Гм... Ну Вы в курсе, что у него слава ДонЖуана?

- Конечно. Я сразу увидела, что он очень боится женщин.

- Э? Это как?

- А то Вы не знаете, что этот комплекс как раз вызван боязнью оказаться несостоятельным и потому качество отношений заменяется их количеством. Пикаперы нынешние - тому пример.

Вижу, что раскрывается дверь, Серега и Ильяс сбрасывают напрямую - входит взъерошенный и красный Вовка. Открывает пасть - но видит нашу гостью и некоторое время, очевидно, раздумывает, что делать дальше. Очевидно - решает пасть закрыть.

Выдавливает из себя «здрасьте!»

Одновременно замечаю, что ругань за окошками пошла на спад.

- Ну и что ты там как всегда вытворял, что народ так возбухнул?

- А это не на меня возбухнули. Я иду - смотрю: мертвяк в уголке приткнулся - рядом с соседним входом. Достал пистоль, только примерился в затылок ему грохнуть - а он и зажурчал. Посс... Извините, в смысле помочиться мужик живой в уголке су... решил.

Хорошо вовремя успел начать. Я ему - мужик, а я тебя чуть не пристрелил! Он обиделся чего-то, стал в драку лезть. Пока мы возились - соседи ваши вылезли - наклали ссык... ну то есть этому - их уже задолбалось шугать таких - тут такой угол - все время насс..., ну то есть грязно.

К слову - Доктор - там за тобой приехали. На нашем, что характерно, «Чероки». Забрали себе, штабнички чертовы.

- Ну, невелика потеря. Семен Семеныч его весьма низко оценил.

- С чего бы?

- Ну, там кузов несущий, электрика паршивая и вообще УАЗ лучше.

- Кузов и у «Нивы» несущий. А с УАЗом - задачи разные. УАЗ - хорош танки сопровождать, слово «комфорт» там ни разу не было, а «Чероки» - наоборот.

- То есть ты бы взял «Чероки»?

- Сейчас - да. А через лет пяток - УАЗ будет единственным Жипом. С «Нивой» на пару.

- Потому как сервис йок?

- И сервис, и масла, и детали, и грамотный персонал... И топливо... А вы, мужики, собирайтесь - пойдем «Найденыша» пидо... чистить.

- А что ж тогда Семен Семеныч так УАЗ хвалил?

- Да потому что та машина самая лучшая - которая твоя. Вон он свою жену любит, а она, что характерно, тоже не Мерилин Монро... Давай! Давай, не расслаживаемся! Пошли ходом!

Ехать в «Чероки» действительно куда комфортнее.

Забавно, что водитель - тот самый морячок, который меня уже тут катал. Однако манера ведения машины у него что-то изменилась. Сидит, как архиерей на обеде, определенно стал величав.

- Ты скоро забронзовеешь, как памятник!

- Машину жалко. И вообще - надо соответствовать.

Доезжаем в этот раз еще быстрее.

Оказывается, треба дать пояснения по ряду эпизодов съемки. Когда считаю, что уже отбоярился, велят подняться наверх - к Змиеву.

Комендант здорово вымотался, выглядит плохо - осунулся, глаза красные. Что удивительно - в комнате на этот раз не накурено. Замечаю знакомую клетку с арой. Понятно, берегут морячки птицу. После приветствия Змиев мнется.

- Чем могу быть полезен, Георгий Георгиевич?

- Не могу спать, бессонница. А таблетки - не помогают, только голова дурее.

Ага, понятно. Своим лекарям местным говорить о своей слабости не хочет.

- А Вы попробуйте старый метод - стакан теплого молока перед сном выпить через соломинку - или трубочку для коктейля. И вспомните что-нибудь хорошее, что у Вас в детстве было.

- Сосунком заделаться? К слову - как Вы относитесь к соблюдению врачебной тайны?

- Как к основному способу сохранить здоровье врача, как же еще.

- Это правильный подход. Теперь, что касается встреченных вашей группой каннибалов. Какое впечатление произвело на вас то, что вы видели - точнее, какие перспективы у этой банды? Не для посторонних ушей - ваша коллега сейчас пытается выдрессировать морфа. Могут ли эти каннибалы выполнить похожую задачу? И главное - они жрут людей просто как мясо, или это может каким-либо образом помочь противостоять укусу? Может ли это дать иммунитет?

- Я не готов ответить. Мы даже не знаем, что это вообще - инфекция или божье наказание. Если предположить, что инфекция, то тогда логичнее было бы жрать упокоенных. Но у них на разделках висели не зомби. За это ручаюсь.

- А на уровне интуиции?

- Интуиция мне подсказывает, что эти ублюдки могут создать массу хлопот.

- Но и дать потом результат, которым можно воспользоваться? Например, иммунитет

или дрессировку морфов?

- Да, это тоже возможно. Мы не знаем, кто у них там заправляет.

- Ясно. Чтобы ваши крепостные не слишком веселились, отправив сюда кучу лесбиянок, мы решили послать вам группу журналистов. Это первое. Постарайтесь, чтобы никто их особо не обижал - буду считать ответственными вас с вашим командиром. Второе. Послезавтра отправится сводная бронегруппа - завод посчитали достаточно важной целью. Вашей группе придется принять в этом участие. Так вот - вы должны ориентироваться именно на получение данных по нашим друзьям каннибалам. Морфы и каннибалы.

- Бронегруппа имеет задачей найти и ликвидировать эту банду?

- Нет. Бронегруппа имеет задачей взять под контроль обнаруженные вами объекты - в том числе и завод. Гоняться за бандой пока мы не можем. Пока. Нет у нас достаточных сил. Если будет что интересное - сообщайте сразу. Особенно в плане иммунитета. Теперь поехали - представляю вам журналистов. Заодно будет и вам пища для ума.

Пищей для ума оказывается отправление индийской посуды на родину. На что надеются эти ребята - непонятно. Корабль маленький, экипажа полторы сотни, да и выглядят они както кисло - маленькие, странно смуглые на фоне нашего серого неба и словно в мундирах с чужого плеча. Но стоят в строю. На берегу чтото похожее изображают наши мореманы... Ну - вольному воля...

Журналюг трое - среднего роста полноватый мужик с камерой, та самая пигалица, которая неудачно пыталась поучать Николаича и совершенно бесцветный, но явно очень самоуверенный парень.

- Что это за проводы? - спрашиваю у оператора. Тот закончил водить своей профессиональной камерой и уже упаковывает ее заботливо, как мамаша младенца.

- Фрегат «Тарбар». Построен на Балтийском, сейчас был на гарантийном обслуживании. Теперь вот домой собрались.

- А чего их не уговорили тут остаться?

- Видно не срослось. Переговоры были, но вон - отплывают.

- А вы что?

- А мы тут репортаж делали - типа «Верность присяге и долгу». Теперь вроде как с вами придется в Петропавловку тащиться?

- Вроде так.

- Вот не было печали...

- И не говорите...

Честно признаться, компания этих журналистов нужна нашей артели как сапог на голове или мыло в супе. Да и намеки Змиева както мне показались слишком прозрачными. С другой стороны - возможно, я перечитал в свое время всяких романов про мафию, и про то, как отдаются приказы на ликвидацию... Хотя... Может Змиев и не Понтий Пилат, а вот Николаич вполне может быть Афранием.

Но вот что мне кажется совершенно точным - если Змиев узнает, где у этой банды каннибалов гнездо - не врежет он туда бронированным кулаком. И другим не даст. Разве только если будет знать, что ни хрена у этих уродов не получилось - ни с иммунитетом против зомбирования, ни с дрессировкой морфов.

Он явно не хочет упускать шанса получить результаты грязной работы. Только вот сомневаюсь я, что результаты будут скольконибудь интересными... И у Кабановой думаю ничего не выйдет. Вот что надо сделать - это позвонить девчонке с крысом. Чтоб сон был не в руку.

Публика, проводив индусов, потянулась в город. Едем с журналюгами в распоряжение на расхристанной «Газели». Я иду в кубрик, а журналюги прутся в больницу. Наверное, делать очередной репортаж о долге...

Николаич озабочен.

У всякой самостоятельности всегда есть и обратная сторона. У нашей самостоятельности - тоже. Пока Николаичу удастся более-менее комфортно сидеть сразу на

двух стульях, но понимаю, что он сказку про Колобок помнит хорошо. Главное - вовремя понять, где кончается очередной стул, а начинается хитрый лисий нос.

Пока ему удастся справляться. Ловлю себя на том, что, глядя на Николаича, вспоминаю легенды об ушлых купцах прошлого - которые умели и торговать, и дипломатничать, и воевать, если придется, а буде нужно - и царя морского умаслить, и вокруг пальца обвести.

Теперь Николаич прикидывает, что ему сделать с имеющимся в наличии транспортом, личным составом и имуществом. Получается, что транспорта много, имущества тоже, а вот личного состава - негусто. Говоря проще - водил нехватка.

Попытка развести кронштадтских на доставку БТР хотя бы водным путем провалились. Николаича обозвали «Маринеском» и тему свернули. Придется ехать автомобилем до Крепости. Зато можно использовать всю технику, а Николаич выцганил ментовский УАЗ и бычокфургон. А вести грузовую тяжелую технику умеет токо Вовка.

Ясен день - он поведет БТР, бычок же оставлять - Николаич не хочет.

Пользуюсь тем, что наступает время обеда и нам привозят два зеленых термоса - с какимто вермишелевым супом и пшенной кашей, спрашиваю об индийском фрегате.

- Обычный сторожевик, только название красивое - фрегат.

- И что, он нам бы тут не пригодился?

- Пригодился бы. Только он не наш. Он индийский. И команда у него - индийская. Если к нам припрется американский флот - а их флот, судя по ряду данных, понес минимальные потери - то сторожевик нас не спасет. А так Змиев с этим тарабаром спихнул с глаз долой кучу лишнего народа, к тому же индусы дадут болееменее внятную информацию о состоянии и ситуации на море по пути следования.

- Этого зачем?

- Торговые пути всегда были важны.

- Вы что, всерьез собираетесь торговать с Индией или что там от нее останется?

- Почему нет? Никитин ходил за три моря - чем мы хуже? Немножко оклемается человечество - обязательно торговать примется. А морем - оно и спокойнее и дешевле.

- Сроду б так не подумал.

- Ну, так вам лечить. Нам плавать - ну и торговать. - Николаич усмехается.

- Но денегто уже нет? Ради чего торговать?

- Ради процесса - отвечает Старшой.

В итоге выкатываемся из Кронштадта маленькой достаточно нелепой колонной, благо идем вместе с теми, кто вчера вез с нами раненых и больных.

Правда, пришлось изрядно задержаться - ждали, когда очередным рейсом «Треска» доставит из Крепости водителя - кронштадтские своими так и не поделились... Потом время ушло на то, чтобы дожидаться грузовика с «персонами нон грата» - как раз была проведена очередная облава на бомжей и наркоманов. С недавнего времени с чьейто легкой руки в форте «Тотлебен» организовали коммуны «Райские мечты», куда из всех окружающих анклавов свозили «социально далеких», тех, кто еще был живым. Со слов журналисточки, это было вопиющее нарушение основных прав человека,ставлявшее организаторов сатрапами, тиранами и негодьями.

Суть была проста - остров затащили наспех колючей проволокой по периметру, накидали противопехотных мин и оставили подход только с одной стороны. В казематах форта - ограбленных подчистую в ходе демократизации - разместили отловленных нарков и бомжей и обеспечили им минимальный комфорт - как я понял, туда свезли всякое шматье из секондхендов, вроде даже какуюто мебель, печки и - самое главное - бесплатное и доступное бухло и наркоту в достаточном объеме. Осталось добавить для полноты картины и жратву - в основном консервы с истекшим сроком годности - чтобы понять - особого рвения к покиданию своего рая коммунары не испытывали.

- Это же такие же люди, как мы! - возмущалась пигалица. - Как можно так лишать их права выбора! Свободы передвижения! И ведь что самое страшное - сами эти зэки - или, как их называют, коммунары - себя же и охраняют! Совки долбанные!

- Это невозможно - не выдерживаю я - наркоманы не способны к каким-либо созидательным действиям.

- Вы считаете, что вертухайство - созидательно?! - подпрыгивает журналисточка.

- Разумеется - от передоза на халюву обязательно нарки будут резать дуба, а мертвяки нынче опасны для окружающих. Так что кто-то должен за этим присматривать.

- Ну да из бомжей там сформировалась полиция... Им даже пару ружей выдали. Это гнусно!

- Чего гнусного?

- Все это гнусно! Им не предъявили никаких обвинений! Их не судил суд! Их не имеет права никто лишать свободы! А ведь если кто-то из них сбежит - то его расстреляют на месте!

- Э, а как узнают, что он беглый?

- У них татуировки - прямо на лбу! Представляете? Тут есть татусалон, так мастер уцелел - ну и перед отправкой - их туда водят. И у них остается поперек лба «Ай эм фри!»

- А что, очень даже разумно - неожиданно вставляет Саша.

Девушка смотрит на него уничижительным горящим взором.

- А бегут они оттуда?

- Нет... Наоборот, туда желающие ехать есть... Не понимаю... Добровольно...

Взгляд у пигалицы теряет накал, тухнет... Прямо как у Терминатора под прессом.

Интересно - она действительно такая идеалистка, или просто дура, поднабравшаяся либеральных бредней. Я всякий раз теряюсь, когда приходится общаться с такими людьми. Особенно теряюсь, когда они оказываются совершенно искренними в своих убеждениях. У меня после общения с наркоманами сложилось четкое ощущение - как в старых фантастических романах, где в человеческое тело вселяется какая-то чужепланетная гадость - что передо мной уже не люди. То есть выглядят они как люди, но ничего человеческого уже в них не осталось. Чего греха таить - до знакомства вплотную не верил рассказам о «золотом уколе», который предоставляли любимому чаду отчаявшиеся родители. А сейчас - верю.

Нет такого преступления, на которое ради дозы не согласится нарк. Чемто они сродни зомби на улицах - точно так же нет у них родственных чувств, дружеских привязанностей - только Доза. Немудрено, что они в «райскую мечту» сбегутся сами, как узнают о халювности мероприятия. Лишь бы дури хватило.

- А откуда дурь взяли?

- Эти - люди в черном - наркополицейские откуда-то добыли.

- Гм... И не продавать взялись, а отдали так?

- За продажу наркоты - расстрел. Мир сошел с ума! Ведь только-только приблизились к цивилизованному обществу, смертную казнь отменили - и все прахом, опять в средневековье!

В бронетранспортере я еду впервые. Очень странное ощущение - как в детстве, когда меня посадили на циркового коня и прокатали на нем немного. Словно сидишь на диване, а диван плавно и мерно, чуть-чуть убаюкивающе покачиваясь, побежал кудато.

На первый взгляд в салоне до черта всякого лишнего. Разумеется, я понимаю, что все, что размещено на крашеных белой эмалью стенках - жизненно необходимо, вот только мне все эти ящички, приборы и прочее в виде шлангов, проводов и проводочков - непонятны. За рулем - Вовка, на командирском сидении - Саша, а за ними в жестком стульчике, висящем на кронштейне из башенки - Серега. Я вообще считал, что стрелок находится в башенке сам, а оказывается в башне хватает места только для пулеметов, а сам стрелок сидит ниже своих дудок, практически под ними...

Вместо меня снимает придорожные мотивы теперь профессиональный оператор, не упустивший возможности кольнуть - «для непрофессионала снято сносно...» - мои записи. Мне вроде как делать нечего, разве что приглядывать за пигалицей, тем более она сама признала во мне «единственного интеллигентного человека». Расчет на то, что можно будет разместиться комфортно, не оправдался - и у журналюг багажа оказалось что-то многовато, да и Николаич набил к нам кучу ящичков, ящичков и тюков. Точно так же набит бычок, да и в

головном УАЗе навалено много всего - разного.

Восьмилепый «Найденыш» на удивление мягок на ходу. В отличие от нас, сидящих на диванах для десанта, те, кому видна дорога, явно не собираются дремать. Серега то и дело вращает рукоятки наводки и катает себя как на карусели вправо-влево. Вовка что-то бухтит себе под нос, только это не слышно. Подозреваю, что он развивает тему о перестановке в БТР комфортных кресел с какого-нибудь «Мерседеса».

- Слушайте! - раздаётся с другого диванчика страдальческий голос бесцветной звезды журналистики - Ну невозможно же это нюхать! Я хочу пересест в бобик, в грузовик - тут же ехать невозможно!

- Почему? - (все-таки женщины прирожденные лицемерки. Надя, нюхнув смрад в салоне БТР, пообещала Вовке, что за такое он заслужил клизму скипидара с вьетнамским бальзамом, а тут - у нее получилось очень искреннее удивление.)

- Вы что, сами ничего не чувствуете? - возмущается звезда.

- Земляничкой пахнет. - уверенно отвечает Надя.

- Скорее елками - со своей сидухи отзывается Серега.

- Слабый аромат дыни! - заявляю я.

Неудивительно, но журналамеры Джерома конечно не читали.

- Вообще-то тут действительно пахнет плохо - заявляет пигалица - но я считала, что так пахнет везде в армии. Портянки, да?

Нет, это не портянки. Даже после мытья в салоне БТР густо воняло смертью - протухшей кровью, разорванными внутренностями, рвотой, мертвечиной - и в придачу густо пахло «жившей» тут морфиной...

Вовка на эту тему совершенно не рефлексировал.

- Чем еще должно вонять в морге с сортиром? БТР так и пахнет, что удивительного. Потерпите, не графья, не в театре...

- Но тут же и другие люди поедут.

- Это кто? Доктор? Серега? Опер? Так они и не такое нюхали.

- Надя, чучело ты! И журналисты еще...

Вовка всегда выбирал самые простые решения.

В этот раз он себе не изменил.

Когдато давно вез он сильно перебравшего приятеля и тот ему в машине наблевал.

После уборки запах не изменился. Вова опрыскал все спреем «Хвойный лес». Стало пахнуть облеванными елочками.

Тогда - будучи упрямым в достижении результатов - Вовка добавил еще пару дезодорантов и спреев. И вонюю воню поправил. По его словам, в сравнении с химическим фоном, запах рвоты стал пустяком...

Тут же для журналистов он расстарался вовсю. Даже Николаич имел непривычно растерянный вид, когда вылез из БТР.

- Ты ж небось половину бытовой химии, что я тут добыл, на это дело угробил?

- Да ты чо, Николаич! Всего три баллончика!

- Чтото густо уж очень сильно... Не нюхал, как пахнет американская «бомбавонючка», но думаю, что вряд ли америкосам удалось тебя переплюнуть...

- Выветрится. Сейчас постоит с открытыми люками - проветрится.

Но ничего из проветривания не вышло. Единственно, что помогало нам перенести страшную воню - муки журналистов. Они так физически страдали, что это выглядело уже веселым розыгрышем, тем более что, не сговариваясь, мы делали вид, что вообще не понимаем, о каком запахе идет речь. Я успел узнать, что звезда, который сейчас находился в шоке, был достаточно известен как знаток быдла и многие его статьи были именно об этом.

- Эй, писатель! Если соберешься тут блевать - предупреждай! Наблюешь в салоне - набыю харю! - не оборачиваясь, заявляет хамским толстым голосом водила. Звучит весомо и убедительно.

- Он что, серьезно? - испуганно шепчет мне в ухо пигалица.
- Абсолютно. Он невежественный и невоспитанный человек. Мы его и сами опасаемся. Страшный негодяй, все время когонибудь бьет! Даже ногами! - так же шепотом отвечаю я.
- Пигалица бледнеет так заметно, насколько это возможно в полумраке БТР.
- Я не понимаю, откуда же берутся все эти плохие люди! - не унимается она.
- А что такое - плохие люди?
- Грубые, жестокие, бесчеловечные... Неужели Вы меня не понимаете?
- Не очень, если честно. Я ведь не философ, а обычный лекарь. Для меня понятие жестокости достаточно размыто - больным часто приходится делать больно - для их же блага. А уж бесчеловечность - это вообще понятие, не имеющее точных критериев.
- Как не имеющее? Эти палачи расстреляли без суда пятерых беженцев! Труп одного и сейчас стоит у въезда на причал! Я сама видела! У нас же мораторий на смертную казнь, а они - без суда. Если те и провинились - их надо было судить, в конце концов, они же были людьми, человека можно перевоспитать, переубедить, наконец!
- Нет, похоже, что она скорее идеалистка. Лучше б была циничной стервой - с ними проще общаться. Во всяком случае, нет никаких угрызений совести, а скорее удовлетворение, когда перепашешь такую наглую дрянь гусеницами - в переносном смысле, конечно. Да она и сама знает, что может получить ответно и не шибко обижается.
- А тут вроде как ребенка обижать. Ну, дура. Так это не повод. Вон дауны - тоже глуповаты с общежитейской точки зрения, но так добродушны, что обижать их возьмется редкостная скотина только.
- Знаете, вот привезли мы раненого с газовой гангреной. Чтобы спасти жизнь здоровенному мужику, скорее всего, придется отрезать ему пораженную ногу. Жестоко это? Жестоко. Может быть даже и бесчеловечно. Но у меня нет никаких причин осуждать за это хирургов. Вот если бы они отрезали ему здоровую ногу, чтобы сделать себе шашлычок - тогда я бы категорически был бы против.
- Но это же общепринято! И медицина - это святая профессия!
- (Боже мой, боже мой, за что мне эта кара, слушать идиотские благоглупости!)
- Знаете, нет в медицине ничего святого. Обычные люди со своими грешками. Вовсе не ангелы. Выполняют свою работу по ремонту человеков. Человеки, в свою очередь, делают все, чтоб подорвать свое здоровье всеми доступными способами. При этом медики чуток более гуманны к окружающим, да и то не все. Мне попадались и слесаря, более чуткие, чем иные медики. И что общепринято - резать ногу в разумении шашлычка?
- Не передергивайте! Есть же определенные правила, которые и делают человека отличным от животного!
- Ага. И что делать с вроде бы человеком, если он сам добровольно отказывается от человеческого в себе? Если вместо того, чтобы быть человеком, он становится бешеной собакой?
- Вы сравнили - собаку и человека.
- Ну, немножко оскорбил собак, перетерпят. Вы же им не расскажете?
- Не занимайтесь шутовством! Человек - не собака.
- Именно. Поэтому с человека и спрос выше. И к слову - бешеная собака становится такой изза болезни. Нет ее вины в той смертельной угрозе, которую она несет. А человек - делая свой выбор в сторону чистого Зла - совершенно добровольно и разумен. И потому он страшнее бешеной собаки. И если бешеную собаку можно остановить, только выбив из нее дух, то и человека такого можно перевоспитывать соответственно.
- То есть вы вот так вот - за смертную казнь?
- В некоторых случаях - да.
- Но ведь не Вы дали этим людям жизнь! И не вам - вашему государству - ее отнимать!
- Будь это люди - может быть, я с Вами и согласился. Но если они только подобны людям внешне, а вот по сути своей - нелюдь до костного мозга?
- Нелюдь - это фэнтези. Человек если выглядит как человек - то и внутренне - человек!

- девица уже так возбуждена, что говорит вовсе не шепотом.

- Чушь! - встревает Надежда. - Тупая уродская чушь для дебилов!

- Согласен с коллегой. Еще как бывает. В Новокузнецке например были такие - про Спесивцевых не доводилось слышать?

- Нет. Но это отдельный эпизод. А отдельные эпизоды ничего не доказывают!

- А я думаю, что доказывают. Хотя бы то, что в отдельных случаях люди становятся такой нелюдью, что любой зомби мне лично милее и симпатичнее.

- Я не думала, что медики могут быть такими свирепыми! И это как раз подтверждение именно тому, что с виду люди - а понастоящему - нелюдь - те, кто готов убивать, как вы!

- Да заткнись ты, без тебя тошно! - взвизгивает бесцветная звезда. Ему дурно...

Молчим. А что тут скажешь. Либерастия - тяжелая хворь...

Колонна из наших трех машин втягивается в город. Саша, повернувшись, спрашивает - не хотим ли мы глянуть из его закрытого бронированным стеклом оконца. Звезды отказываются, Надежда тоже не рвется, а я пробираюсь вперед. Честно говоря - не хочется смотреть на мертвый город, где все знакомо с детства. Надо бы быть готом для получения от похорон удовольствия, а я не гот... И потому знакомое и дорогое лицо, ставшее мертвым - тяжело видеть. Но вот снять маршрут - надо, хотя это получится дублирование операторапрофессионала.

БТР идет впереди, распахивая стоящие как попало машины, периодически пробивая колонне дорогу сквозь пробки - дури в этом агрегате - чудовищно. Несколько раз попадают движущиеся машины - но контактировать с нами они не рвутся, а в паре случаев резко уходят в сторону, избегая встречи. Совершенно неожиданно что-то шлепается нам на крышу, Серега дергается и лепит длинной очередью из ПКТ.

- Ушел, сволочь! Проворный, как обезьяна! И сообразил от очереди увернуться.

Веселуха, однако.

Пытаюсь понять, как мы ехали - пока прикидываю - вваливаемся в какойто парк. Спрашивать у Вовки неловко, обязательно съехидничает. Простая душа.

Просветление ума наступает, когда вижу павильон метро «Пионерская». Это мы, значит, по Удельному парку пилили.

У метро зомби кучей. Успеваю заметить, что и внутри похоже битком... Даже не хочется думать, что творится внизу.

Прибавляем газу - и я определенно хренею, увидев нескольких эльфов. Мертвых эльфов в причудливой одежде, причем вроде как у одного из них видны длинные уши - и дальше страшно окровавленный - гном. Гномша, то есть. Своими вычурными одеждами они странно выделяются среди обычных мертвых горожан. Толстая гномиха стоит как тумба. Что за дьявольщина...

- Тут у Черной речки толкинисты собирались, ролевики. Видно не помогли мечи. - замечает тоже удивившийся Саша.

Ну да, деревянным мечами не навоюешь...

Николаич вызывает Вовку. Замедляем ход. Величественное здание ВоенноМорской Академии горит. Както неспешно, с достоинством горит. Огонь не рвется полотнищами, не жрет торопясь добычу - но видно, что сгорит все дотла...

Не к месту вспоминаю рассказ деда о том, как в блокадную страшную первую зиму горел дом на углу Разъезжей улицы и Лиговского проспекта - медленно, спокойно - этаж за этажом несколько дней...

А на первом этаже была библиотека и умирающие от голода и холода сотрудники выносили книги и упрашивали редких прохожих взять эти книги, чтобы те не достались огню... Вот рассказать об этом маленьком человеческом подвиге обиженной пигалице - так ведь не поймет, ляпнет привычно уже что-то о тупых совках, погибавших зазря во имя мерзкого тоталитаризма...

- Странно - ни одного курсанта не видно - ни живых, ни мертвых - замечает Серега.

- Были бы живы - Академия бы так не горела...

Трудно передать, как приятно после проскока по Петроградской стороне выкатить к стенам наших тетдепонов. Быстро въезжаем в ворота и очень скоро останавливаемся на площади у собора. Володька под конец отмачивает неожиданный трюк - вылезает из люка по пояс и, дав задний ход, рулит ногами, встав на рулевое колесо. Когда вылезает - оцениваем его виртуозность - так многие четко и легковушку не припаркуют.

Встречающих понабежало много. Николаич тут же организует разгрузку, причем по какимто критериям часть вещей складывают на площади, часть волокут к нам в караулку, а часть прибирает команда грузчиков, пришедших с Хранителем.

Мне в этой кутерьме делать нечего, а вот проверить - что там у нас в медпункте - стоит. Нагоняю Надежду, идущую туда же - ну да, там же она и живет... Спрашиваю - не хочет ли перебраться к нам. Отвечает сразу:

- Две медведицы в одной берлоге не уживутся. Лучше я уж здесь.

- Не очень это здорово. Весь день пациенты заразу всякую таскают.

- Я проветриваю.

- Не очень мне это нравится.

- Э, я в таких условиях последние годы жила, что это - санаторий во дворце. Не меньше.

- Я всетаки...

- Коллега, давайте прекратим? Я ненавижу бабские общежития, женщины хороши поодиночке, а собранные в кучу становятся бабами. Знаете, какая руготня в Трубецком бастионе? Такая коммунальная квартира - аж тошно. Оставим?

- Хорошо, оставим. К слову - все както времени не было спросить - вы медсестра или?

- Или. Четыре курса мединститута. И некоторая практика в военнопольевых условиях.

- Ясно.

Хотя вообщето ни черта мне не ясно.

В медпункте все подомашнему спокойно. Народу много, но теперь както даже и без брани. Оказывается мои подчиненные, которым надоела ругань за дверь, ультимативно потребовали спокойствия - пригрозив буянов не принимать. И угрозу выполнили, в чем помог и муж одной из них, поработав патрулем некоторое время...

В общем - все уже накатано.

Иду домой - и вижу, что «Найденыш» быстро выкатывается из Крепости. Поспешаю.

У ворот сталкиваюсь с Андреем. Киваем друг другу.

- Сюда прет такой же БТР, как вы пригнали. Решили подстраховать крупнокалиберной машинкой, если будет неадекватным.

Подстраховка оказывается лишней. Машина гостей, покрытая нелепыми бежевыми пятнами по зеленому фону, остается под стенкой Крепости, а заодно и под присмотром нашего агрегата, а трое гостей заходят в Никольские ворота.

Одеты в сероголубой камуфляж, характерный для МВД. У двоих зеленые колпаки без забрал, третий - гораздо меньше ростом - в черном берете. Когда проходят мимо - вижу на спинах надпись ОМОН. Странно, я почемуто считал, что омовцы выбираются по росту здоровенными, а этот както слишком обычен. Двое тех, что в колпаках - те да, по росту подходят, только один сухощавый, жилистый, а другой наоборот - не толст, но крупный, в теле.

Их как раз останавливает патруль из комендантских. Обмениваются приветствиями, потом после паузы гости отдают свои автоматы. Замечаю, что и гарнизонные на взводе - если б гости рыпнулись - прилетело бы по ним с нескольких сторон. Но гости ведут себя спокойно, демонстративно миролюбиво.

- По нашивкам судя - эти из «Бастиона» - замечает оказавшийся рядом Павел Александрович.

- ОМОН?

- Да, у них база неподалеку - между Новой Голландией и Мариинским дворцом. А как вы съездили? Судя по технике и тому, что все, кроме вашего милиционера, вернулись - уже

хорошо?

- А убыток в виде милиционера считаете пустяком?

- Ну, мы же знаем, что его там напрягли по основной специальности. Был бы ранен - вряд ли смог работать. А чем это вы таким надушились?

- Дезодорант «с Херсона». Заменяет запах пота.

- Не в обиду Вам будь сказано - но пот был бы предпочтительнее. Тошнотворная, честно говоря, смесь.

- Пришлось заглушать запах в «Найденыше» - так прозвали БТР. Просто внутри было четыре человека, а к нашему приходу остался один разожравшийся морф.

- Интересно!

- Да чего интересного?

- Видите ли, вы много что видели в ходе своего рейда. Конечно, нам любопытно.

- Хорошо, только рассказ будет нудным и скучным. Да еще видеоманитофон старый нужен - у меня записи на кассетах.

- Найдем. Как насчет через пару часов?

- Годится. А в виде ответной любезности - ответите на пару вопросов?

- Извольте.

- У Вас ведь это Штурмгеве 43?

- Нет, этот - уже 44. Югославский, под наш патрон.

- А Вы могли бы показать, отличается он от АК или нет?

- Доктор, Вы то уж могли бы не городить такую ахинею! Это совершенно разные агрегаты, разве что оба под промежуточный патрон и по компоновке несколько схожи. Причем только внешне!

- Лучше б раз увидеть...

- Ладно. Где разборку произвести?

- А у нас, в караульне.

Разборка наглядна до удивления. Когда Павел Александрович отщелкнул пистолетную рукоятку, снял деревянный приклад, куда входила возвратная пружина и разложил затвор и прочие детали, даже мне стало ясно - совершенно разные машины.

Остальные тоже заинтересованно смотрели на это действие, бросив на время знакомство с новой мебелью - нам установили двухэтажные нары и какие-то штурендрачины у окон.

- Все понятно, полагаю?

- Почти все. Кроме одного - почему не заткнули пасть этим врялям, утверждавшим, что АК - копия Штурмгеве 43? Разок вот так разобрать - и всех дел.

- На этот вопрос ответить никак не могу.

Уйти Павел Александрович не успевает. Ктото деликатно стучит и вваливается в комнату. Тот самый - здоровяк омоновец. У него добродушная круглая рожа с носом картошкой и круглыми глазенками. Совершенно простецкий вид, только вот глаза с обликом не совсем совпадают - если присмотреться - диссонируют глаза с общим видом, как у медведя - пухлый, пушистый, медлительный, а глаза - серьезные. И не поймешь, что может в следующий момент сделать.

- Здравствуй! Мне бы с Павлом Александровичем поговорить.

- Это я. А что вы хотите?

- Тут такое дело... Я давно интересуюсь фехтованием. Особенно мне нравятся двуручники, но по ним мало сведений.

У меня создается впечатление, что эти двое моментально опознали друг друга по каким-то невидным для непосвященных приметам, во всяком случае, Павел Александрович даже как-то лицом просветлел.

- Это немудрено. Мастера двуручного боя - немцы да швейцарцы. Среди благородных это оружие считалось грубым и простонародным, разумеется, потому и описаний мало.

- Вот вот, у Альфьери всего шесть мулин, а мне кажется, что это слишком скудно, да и у Сильвера...

- Альфьери описывает чуждый вид оружия, потому у него дан минимум данных, так, для соблюдения энциклопедичности труда. Я лично уверен, что фехтование двуручем включало и ряд приемов, характерных и для длинного меча, уж всяко - колющие удары и удары яблоком, удары крестовиной...

- И я о том же! Если уж у Калаша три ударные точки, то уж двуруч еще более разнообразен...

Парочка выкатывается из караулки.

Помоему они явно счастливы. Странные люди.

- Что это они толковали про три ударные точки у Калаша?

- Это, Саша, в рукопашном бою можно бить прикладом автомата, штыком - или стволом, если штыка нет, и концом магазина. При навыке получается шустро и больно. А вот откуда тут все эти усовершенствования?

- Нары? Нары пчеловод этот, пасечник сделал со своей бригадой. Вечером зайдет потолковать. Дело у него какое-то.

- А у окон?

- В случае нападения щиты задвигаются - а в них части орудийных щитов. Броня от пуль. Солидно все.

- Это здорово. А вот ужин когда?

- Как Николаич придет. Уже готово все.

Старшой задерживается. Андрей както очень задумчив. Успел обмолвиться, что поругался с Демидовым. Того все гнет стрелять попацански. Поэтому инструктор своего ученика от лица нашего отсутствующего коллектива вчера нарек чином «Озорной рукожоп». Но, помоему, нашего снайпера чтото гнетет другое. Его уже успели озадачить снайперской винтовкой с подмоченной репутацией и он аккуратно разбирает девайс, подложив чистую тряпочку, руки работают сноровисто, но вид у него отсутствующий.

Снизу из кухни пахнет невыразимо вкусно. С удовольствием бы нажал кнопку или что там нажимали собаки Павлова...

- А что ты говорил про сексуальных маньяков? - осведомляется Саша. Ему по молодости еще видимо, интересны эти нелюди. Вообще - публике почемуто малоинтересны нормальные люди, хотя как раз у нормальныхто людей жизнь куда как впечатляет - и раньше как раз о нормальныхто писатели и создавали свои захватывающие романы - хоть «Капитан - Сорви Голова», хоть «Робинзон Крузо», хоть «Дети капитана Гранта». Это сейчас - «Парфюмер» да прочая жбонь имеет успех. Хотя как лекарю мне смешно - описывающие маньяков интеллектуалы создают совершенно нежизнеспособные ходульные образы вроде Ганнибала Лектора - то есть описывают себя, Любимых, если бы они этим занимались. А настоящие маньяки - серые убогие личности с убогими фантазиями, у каждого есть какойнибудь пунтик и шаблон, как у Цюмана - черные колготки - и фантазия у них отсутствует. Чую этот диссонанс и состряпали писательницупрактика - в «Основном инстинкте»...

- А что я говорил?

- Но интересно, как он мог когото насиловать, если был импотентом?

- А он и не насиловал в принятом смысле этого слова. К нормальному половому акту он способен не был чисто физически. Спесивцев пытался себе сделать парафиному в члене - по блатным мифам это делает сверхмужчиной. А получилось сильное нагноение, член накрылся. Но импотенция - это как раз характерно для серийниковсексуалов. Вспомни того же Чикатило - он тоже не насильник. Для них как раз подходит фраза Хрущева «власть - слаще бабы!».

Ну а власть над бабой - слабой, беззащитной, унижаемой и мучимой так, как только в его гнилых мозгах придумать можно - вот где оргазм. Нет ни одного серийного маньяка сексуала, чтоб он мог похвастаться половой мощью. Оне все - убогие. Вот и изобретают заменные способы - типа например имитации полового акта ножом, или палкой - как у Пичужкина... Типа засунул в рану трупую какуяонито фигню - а оргазм, как у нормальных.

- Слушай, так вот надо этим было либералам правозащитникам и показывать такие случаи, чтоб они не так рвались маньяков защищать!

- Саша, ну ты наивен до безобразия. Либералу - маньяксерийник - идеал и предел мечтаний. Для либералов - уголовники - самые близкие люди. Они одной крови.

- Ну, это ты залупил!

- Элементарно доказывается. Жрать нам все равно пока не дадут, так вот для чесания языка практика. Раньше западная цивилизация была цивилизацией Долга. Хорошим в понимании общества был тот, кто исполнял Долг - перед своими родителями, своими детьми, своим городом, церковью, руководством. В пример обычно приводят римлян - но те же американцы недалеко ходить - тоже блестяще это показывали. Взять хотя бы их безнадежные атаки - на устаревших машинах, необученными летунами - отлично подготовленных япов. Послали древние торпедоносцы против авианосца - знали американцы, что не вернуться - а полетели и атаковали бесстрашно. Всех сбили, ни один не струсил. Сейчас такое можно представить? Да ни фига, потому что сейчас Запад создал цивилизацию Прав. У людей теперь нет долга, а есть права. Причем долг - может иметь границы, а права - границ не имеют. Потому что права - это разнообразные хотения и прихоти, а хотения безграничны.

- Типа самурай присягал одному господину и более никому?

- Ага. Ну а с правами - началось вроде б с разумного - право на голосование у женщин, право на свободное волеизъявление, право на свободу слова, а потом понеслось - право на брак у гомосексуалистов, право на проведение гейпарадов, право на то, право на се... Аппетитто во время еды приходит. Как у старухи с корытом... Потому вот читаешь либеральных литераторов - наших например Аксенова да Ерофеева - с таким упоением они описывают палачество, так у них палачи кончают от восторга, что задумываешься. Палачто - это обычный работник, делает свое дело изо дня в день. Нука токарь оргазмирует, обтачивая деталь? Или штукатур при укладке штукатурки?

- У палача всеж другая работа... - в разговор вступает Андрей.

- Типо мясо, кровь, боль? Так и хирурги не кончают в штаны при операциях, и стоматологи этому чужды. Даже мясники - и те... Либерал, ни черта в жизни не делавший руками, живет в своем мирке, фэнтезийном. Почитали бы Сансона мемуары... Скучная работа по живому материалу. Человеческий столяр... Так вот я уверен - вся эта эскалация прав венцом имеет право на безнаказанное убийство для собственного удовольствия. Вот это - венец мечтаний либералов.

- Думаешь, потому и маньяков защищают так усердно?

- Да, идеал либерала - таки уголовник отмороженный. Потому что уголовник взял себе право делать то, что хочет. Либерал пока законов боится, всех этих мусоров, которые развернуться не дают, государства в целом. А вот уголовниками - восхищается и боготворит их.

- Ну, это уж очень...

- Я лично уверен, что все либералы - готовые серийные убийцы и потому сочувствуют не жертвам, а преступникам. И у меня есть тому свидетельство осязаемое.

- Что руками можно пощупать?

- И руками тоже. Даже ногами попинать.

- И где?

- А рядом - в скверике у «Дома Политкаторжан» стоит здоровенный валун. Мемориальцы наши поставили. Это памятник репрессированным - и что очень характерно - надпись там замечательная: «УЗНИКАМ ГУЛАГА».

- И что? В чем тут соль?

- Да в том, что ГУЛАГ - это вся система наказаний в СССР с 1930 по 1960 года. Для всех! А теперь прикинь - сколько там было уголовщины, сколько там было с обывательской точки зрения ПРАВИЛЬНО посаженных и наказанных - и палачей вроде Ягоды и Ежова и банальных грабителей, убийц, людоедов - и маньяков. Но памятникто поставлен не невинно

пострадавшим. Которые тоже за тридцать лет были - а ВСЕМ узникам. Оптом.

- Тогда что ж либералы начинают так вопить, когда их уголовщина обидит?

- Чудак человек! Они ж уголовщину «своими» считают! Когда вор вора обкрадывает - это ж по понятиям запахло?

- Эх ты повернул!

- Да как есть. Именно поэтому либералы так свое государство ненавидят. Мешает оно хотения исполнить. Отсюда непримиримая ненависть к ментам, копам, вертухаям и прочим гадам, изза которых нельзя безнаказанно хапнуть девчонку на улице и три дня неторопливо ее мясничить, пуская слюни от счастья... Отсюда все вопли о свободе и утеснениях оной. Что у нас, что в Европе и Штатах.

- Но менты нередко критиковались справедливо.

- Разумеется. Тоже люди и ничто человеческое...

- Столкнулся я тут с одним знакомцем - либералом - глухо говорит Андрей, глядя в сторону.

- И что?

- Ничего...

Чтото не верится мне в это «ничего.» Темнит Андрей. Но тормозить его без толку.

Закончив завтрак, совершенно счастливая Ирка обошла стол и уселась Виктору на колени.

- Скажи, что ты меня любишь! - сказала она, глядя на Виктора сияющими глазами.

- Вот еще - буркнул Виктор, спихивая ее с колен.

- Ну не порть мне праздник. Скажи!

- Да ну тебя! Отстань!

- Ладно, посидишь у меня на консервах с солониной недельку, подругому заговоришь. К слову - когда мы будем детей заводить?

Виктор поперхнулся.

- Ты чего? Какие еще дети?

- Обычные человеческие детеныши. По возрасту нам самое время...

Виктор офигел еще сильнее.

- Как ты себе это представляешь? Где мы тут с детьми жить будем?

- Вот я и толкую - пора завязывать с этой ерундой твоей и перебазироваться в приличное место.

- Да ты совсем крышей съехала!

- Да? А как ты себе представляешь наше житье? Ну, несколько лет - туда сюда проживем. Паршиво, но проживем.

- Как это паршиво! Ты ж сама говорила, что тут райское место!

- Место райское. На шашлычки приехать. Ты что, всерьез собираешься тут всю жизнь жить?

- Чем плохо?

- Всем. С той жратвой, что у нас есть - через год уже цинга будет. Ты ж первый захочешь картошечки, лучка, огурчиков и свежих щей с морковочкой и укропчиком. И чесночок еще, конечно. И жилье в землянке - достойно. На такой природе мы быстро радикулитом разживемся.

- Ладно, посадим лук. У меня семена есть. (Витя с определенным недовольством самим собой вдруг почувствовал, что сейчас картошечки бы с огурчиками... Но вся еда выбиралась долголежащая и картошке тут места не было.)

- Огородик разбивать? Ты сам к слову огородом когданибудь занимался?

- У меня книжки есть, из инета инфа...

- А я - занималась. Так что книжки твои - на растопку хороши. Про баню у тебя тоже, небось, книжки есть?

- Есть. И не скаль зубы!

- Как не скаль, если смех берет. Значит, ты всерьез собираешься в этой землянке так всю жизнь и сидеть? До старости. Если доживем. Так?

- Так! - по возможности твердо ответил Виктор, хотя почемуто сейчас его идея както померкла и поблекла в его собственных глазах.

- Супер! И огородик разобьем. И баньку из трех досок построишь. Загляденье.

- Чем плохо? - ошетинился Виктор.

- А всем. Жить надо - в доме, огород разбивать - там, где удобно, а не посреди леса пластаться, тоже мне Робин Крузо нашелся. И мыться - в бане, нормальной, а не в мисочке кружкой. УАЗ твой если сломается - что дальше делать будем. Зимой, например. Ты знаешь, сколько на зиму дров надо? Я - знаю, сама из деревни. Да мы с тобой зимой поубиваем друг друга - хрен ты куда нос высунешь отсюда по метровому снегу. Значит, как два немытых медведя в одной берлоге шариться будем. И ради чего? Будешь строить тут хутор - потому как без этого не обойтись, а до нас люди не дурнее жили - а зачем? Неподалеку - Ольховка, там уже три года как бабка Арина померла - все дома заколоченные стоят. Мост у них еще в прошлом году развалился - хрен кто доберется. Помнишь - как мы в июле корячились с бродом?

Виктор промолчал. Конечно, помнил. Долго корячились. После этого он и поставил на свой УАЗ отличную лебедку. Теперь ему оставалось только объяснить самому себе - почему, когда он завяз - сегодня ему эта лебедка в голову не пришла. Второй мыслью - лишь бы Ирка лебедку эту не вспо...

- А теперь у тебя и лебедка есть, так что через брод можно ласточкой летать. Кстати, муженек, что ты сегодня ее не использовал?

- Чтоб тебя! Решил, что нельзя тебя одну оставлять, дуру такую! Вот и вернулся!

- Ты такой милый! Я так и подумала! - Ирка тут же оказалась снова на Витькиных коленях и полезла целоваться...

- Э, насчет детей - это ты брось!

- Ну, милый - мы ж состаримся. Представляешь, как страшно будет - если кто один останется? Да и не один - мы же надоедим друг другу. А дети - и нам помощь и в старости забота о нас.

- Ага. А им каково будет - даже и потрахаться не с кем. - ляпнул Виктор и моментально оценив появившуюся в глазах Ирки нехорошую задумчивость, услышал внятный внутренний голос: «А вот это зря я сказал!»

- Ты прав - тихо произнесла Ирка. - Ты совершенно прав...

Наконецто является Николаич, да еще и не один - с Михайловым и двумя омовцами.

Дарья заглядывает и тут же командует поставить стол.

Это новость - у нас теперь в комнате и стол состряпали - аккуратно на полтора десятка человек - я както и не заметил эти доски. А они оказываются столешницей при установке спрятанных под ними упоров. Целиком стенка - становится столом. О, плюс этому пасечнику - толково сделано - поел - убрал... Нар к слову сделано куда больше, чем нас тут есть. И что интересно - откудато добыли пласты строительного поролонa - которые и положены как матрасы.

- А Дункан где? Он же к вам пошел - спрашивает маленький омовец.

- Это вы о ком?

- Да о нашем парне. Кличка у него - Дункан МакЛауд.

- С чего это ему так повезло?

Маленький омоновец вздыхает.

- Это же самый баянистый баян инета.

- А поподробнее?

- Да господи! Он - реконструктор. Обожает железяки средневековья. Мечник до мозга костей. Возвращался со сбора таких же сумасшедших - из лени - а он ленивый - не снял панцирь и меч, просто сверху длинный плащ надел. Зашел в подъезд к себе - а там два нарка с мечтой о дозе. Они ему: «Деньги давай!» Он, разумеется, освирепел, дескать вот вам вместо денег длинный мужской половой... Ему естественно в печень отверткой. А там собственноручно сделанный панцирь, отвертка и застряла.

Он тем временем выдергивает из ножен меч - эти два придурка, видя такое дело, падают на колени и вопят на полном серьезе: «Пощади нас, Дункан МакЛауд!». Тогда как раз этот фильм шел - «Горец».

Он их повязал и сдал. И сдуру нам это и рассказал на следующий день.

- Я это читал на Баше, только думал, что выдумки. - заявляет Саша.

- Ага, выдумаешь такое. Так, где Дунканто?

- А вон он - руками машет - говорит Андрей, глядя в окошко, что выходит на Артмузей.

Смотрим и мы. Омоновец, голый по пояс, както забавно и грузно пляшет у ворот Артмузея, действительно размахивая руками над головой.

- Он чего, сдурел? - удивленно говорит высокий омоновец.

- Нет, у него чтото в руках - отвечает Андрей.

- Двуручем разжился. Точно. Сбылась мечта идиота. - уверенно заявляет маленький.

Ну, он вообще не то, чтоб уж совсем маленький, скорее так выглядит по сравнению с коллегами.

- Верно, он тут как раз с одним из музея об этом говорил. - вспоминаю я.

- Мальчики, обед уже остыл - твердым голосом Дарья заявляет распорядок дня.

- На нас, Хозяйка, хватит? - улыбаясь, спрашивает маленький.

- На вас - хватит. - в тон ему отвечает наша кормилица, смерив его взглядом.

- Тогда пойду, остановлю Дункана. - маленький шустро вывертывается из комнаты.

- Того музейского, что с ним, тоже захватите - вслед ему кричит Дарья.

И, увидев наши вопросительные взгляды, поясняет:

- Мне этот Павел Александрович книжку подарил - Максима Сырникова, по кулинарии. Вот сегодня все по книжке и сделано, хочу, чтобы и он попробовал.

Мы еле-еле успеваем разложить этот здоровенный складной стол, который Дарья заботливо накрыла чистой синей скатертью, хотя это не скатерть, а кусок рулона материи, расставить миски, хлеб, водрузить чудовищную кастрюлю из нержавейки и две поменьше - эмалированных, не такого монструозного размера, когда в двери появляются шустрый омоновец, немного смущающийся Павел Александрович и здоровяк, который действительно тащит здоровенный двуручный меч с пламенеющим клинком.

Меч торжественно ставится в угол, причем я замечаю, насколько влюбленным взглядом глядит на эту кованную рельсу детина из ОМОНа, редкая девушка может похвастаться, что на нее смотрели так обожающе.

- Мы не помешаем? - спрашивает стеснительный сотрудник музея.

- Наоборот. Я хочу, чтоб вы тоже попробовали, что получилось. - отвечает Дарья.

- Разве невкусно? - пугается Павел Александрович.

- Наоборот - пальчики оближешь.

- А что у нас сегодня? - Николаич пытается навести порядок.

- На первое - рассольник со сметками, на второе - жареная корюшка и тельное из окуней.

- Обалдеть! - кратко выражает общее мнение худощавый.

Я тоже ни разу не ел рассольник со сметками, а что такое - тельное - и слыхом не слыхивал. И, похоже, не я один.

В ознаменование завершения операции Николаич вызывает наших в БТР. Оба сундука

въезжают во двор. Михайлов в виде одолжения обеспечивает охрану агрегатов своими патрулями и трое, сидевших в машинах - наши Вовка с Серегой и водитель из ОМОНа являются к столу. Чуть раньше приходят из тюрьмы жены наших товарищей с Демидовым. Вот теперь - полный сбор. Табуреток у нас маловато, зато от пасечниковой бригады остались доски - гладко оструганные и легкие - положенные на табуретки, они дают достаточно места для всех. Чутьочку тесновато, но уютно.

Николаич отпускает тормоза - и на стол выставляется водка в том самом холодном виде, который позволяет употреблять ее без судорог и в таком количестве, чтоб было весело - и не более. Первым тостом - за Хозяйку и дам, которые ей помогали в готовке этого пиршества. Вторым - за успехи. Рассольник и впрямь оказывается объединением, хотя по словам Дарьи - готовить его просто.

Маленький омовенец, не удержавшись, вытаскивает КПК и тут же заносит в анналы рецепт приготовления, который ему с удовольствием надиктовывает Дарья.

- На две горсти сметки: одна морковь, одна луковица, горсть перловки, две картофелины или одна репка, два средних соленых огурца, стакан огуречного рассола, пучок петрушки и укропа, черный перец горошком.

Сметки варятся в полуторадвух литрах воды, без всякого предварительного замачивания, вместе с ломтиками картошки или репы и перловкой. Морковь, огурец и лук по отдельности пассеруются на постном масле и тоже добавляются в кастрюлю. А как картошка размягчится - вливайте доведенный до кипения рассол.

Зелень в готовый рассольник покрошить не поленитесь. Я еще сметану добавила.

- Но здесь поболее двух литров супато.

- Все в пропорции.

- А сметок откуда?

- Ребята из МЧС привезли. И корюшку. И филе из окушков. Оно на тельное пошло.

Возникает желание спросить добавки, но еще две кастрюли несколько охлаждают жадность.

Третий тост - за гостей. Дарья и дамы раскладывают тельное - оказавшееся маленькими румяными котлетками. Оказывается, что ребята из МЧС привезли окуней уже разделанными - к вящей радости Няки, позорно предавшей своих друзей рыболовов. К удивлению нашей хозяйки, компанию кошке составили двое кавалеров - один - мрачный котяра с располосованными ушами и одноглазый, другой - почти котенок, тощий и жалкий. Но рыбьих потрохов хватило на всех котеек.

- Этого понятно, чешуя у окуней гадкая. Запаришься драть.

- Так они шкуру надрезали и сняли. Филе мы порубили тут сечкой - у Сырникова написано, что мясорубка мясо и рыбу делает менее сочной - вот получилось.

Получилась действительно вкуснотища. Перевели дух перед последней кастрюлей.

Подняли, не чокаясь, четвертый тост.

А после жареной корюшки отяжелели.

Расползтись и залечь Николаич не порекомендовал - оказывается, с легкой руки гостей, наклеивается разведка находящегося рядом предприятия «Носорог» - там производят одежду для МВД и можно разжиться много чем полезным. А ехать - совсем рядом - на Малый проспект дом 5. Там магазинсклад.

Но кидаться прямо сейчас не резон.

Сидим, отдуваемся.

Неугомонный Дункан начинает делиться впечатлениями о наконецто попавшем ему в руки настоящем боевом двуруче, отлично сбалансированном, хорошо сидящем в руках. Оказывается, это он не плясал, а пытался отработать круговой удар.

- Ставишь яблоко на ладонь и начинаешь вращать.

- Ага. Барон Пампа Дон Бау немного был похож на вертолет на холостом ходу...

- Да не, я серьезно...

- Уймись, все равно кроме тебя это железо вертеть не будет никто.

- Вы зря так, молодые люди - вступается Павел Александрович - я впервые наглядно убедился, что действительно двуручный меч - многофункциональное оружие. Ваш товарищ - очень толково подошел к этому.

- Вы знаете, папаша, честно признаться, нас это фехтование не очень, чтоб трогало.

- Ну и дурни! Я вам сколько говорил - вся эта работа дубинками - чистое фехтование.

- Сравнил! - фыркнул привычно маленький омоновец.

- А Вы знаете, Ваш коллега прав. Во всяком случае - когда милиционеры работают в строю со щитами и дубинками - очень многое почерпнуто еще из римской армии. Вы практически один в один передрали такие построения, как черепаха, шеренга. Разве что копий у вас нет.

- Невелика потеря, если честно.

- И здесь ошибаетесь - римские копья - пилумы - были прорывом в военном деле того времени. Пилум, сделанный из прочной тяжелой породы дерева с острым железным наконечником, был тяжел - килограмма четыре и имел чрезвычайно длинную железную часть с острием. В отличие от простого метательного копья пилум, попавший в неприятельский щит, не мог быть перерублен ударом меча, как обыкновенное копьё, до древка пилума меч противника не мог достать, и щит с вонзившимся пилумом оттягивал врагу руку вниз. А атакующий легионер, наступив на волочившийся пилум ногой, заставлял врага согнуться и открыть для удара мечом шею и спину. Вроде пустячок - а работало смертоносно.

- Лучше Вы, папаша, скажите - что у вас в музее там за куча макетов - и самолетики, и дирижабль, и пушки всякие. Там написано, что это противобатарейная борьба, но я както не просек, в чем суть.

- Ну, если хотите. Я вам расскажу один пример - а вы уж смекайте. Мне его рассказал покойный Витте, а он был одним из организаторов контрбатарейной борьбы, когда во что бы то ни стало надо было не дать немецким дальнебоям долбать по городу.

Все знают, что после прорыва блокады в 1943 году в дополнение к «Дороге жизни» - стремительно была построена железная дорога по берегу Ладожского озера вдоль Староладожского канала. Строили ее практически сразу - еще работали трофейные и похоронные команды и рядом с ними строили насыпь и клали рельсы.

Работа была титаническая - а еще надо было сделать мост на сваях - через Неву.

Немцы все это отлично видели и старались сорвать строительство дороги. Соответственно наши им в этом мешали как могли. Дорогу построили. Мост построили. Пошли поезда.

Железнодорожную ветку называли «Дорога победы». По ней доставили 75 % всего, что получал Ленинград. 25 % - прошло через «Дорогу жизни».

Правда у железнодорожников эта ветка была известна как «коридор смерти». В среднем за день полотно разрушалось прямыми попаданиями трижды. Но ремонтные работы проводились стремительно. Поезда шли. Вместе с ними в город шло продовольствие и снаряды. Снарядный голод тоже кончился - и немцы это ощутили на своей шкуре очень быстро.

Естественно, что им было очень важно перерезать эту транспортную артерию. Проще всего это было сделать, развалив мост через Неву - у Шлиссельбурга. Но это было сделать очень непросто - особенно без корректировки.

И корректировка пришла. В воздухе появилась группа «ФоккеВульфов». Один - двухместный, остальные - явно истребители прикрытия. Действовали очень грамотно.

В мост пошли попадания. Его чинили, но с каждым днем все становилось хреновее и хреновее. Мало того - этот чертов корректировщик был виртуозом. Он дирижировал ансамблем из нескольких дальнебойных артиллерийских групп и потому артполк, прикрывавший мост, раз за разом проигрывал дуэли. Связь с нашей истребительной авиацией была многоступенчатой, и когда начинался очередной сеанс корректировки немцы успевали отстреляться до прибытия наших истребителей.

Летуны говорили, что буквально сидели в кабинах и взлетали не теряя ни секунды, но вот то время, пока запрос из артполка проходил по инстанциям - безнадежно гробило возможность успеха. Выделить зенитную артиллерию для того, чтоб отогнать наглеца - не получалось, имевшаяся и мостто с трудом прикрывала.

Ну и неизбежное случилось. В один далеко не прекрасный день сразу после появления группы корректировки в воздухе начался обстрел. Но не такой как раньше - было одно орудие. Мощное. И очень точно. С такой дальности, что артполку оставалось только смотреть.

Пристрелка шла так, что командир артполка спал с лица. Посланный к мосту писарь приволок осколок. После осмотра осколка всем, кто понимал в артиллерии, стало тошно.

На снаряде не было медного пояска. Нарезка шла сплошняком прямо по стальному телу снаряда. Это означало, что дальнбой этот сверхточен. Правда, внутренний вкладыш ствола - лейнер с нарезкой - выдержит выстрелов 70-80, после чего орудие пойдет в ремонт. Но минимум 10 % будет прямых попаданий в мост. А мосту и столько много.

Орудие отстрелялось. В мост попал десяток снарядов.

Все. Финиш.

Группа корректировки улетела на аэродром.

Мост вышел из строя.

Катастрофа...

Прилетели на перехват наши истребители...

Практически сразу же командира полка вызвали к начальству. Он собрался и уехал, как на собственные похороны.

Вернулся очень поздно - но довольный.

Разговор был тяжелый. Но артиллеристов отличало умение видеть проблему - и при этом предлагать решение ее. Дело дошло до Говорова, а он был человеком безусловно умным и справедливым (хотя и носил модные в то время усы - как и Гитлер к слову)...

Командир артполка не с пустыми руками приехал - к тому же и до этого он постоянно докладывал об ухудшении ситуации. Потому вместо крика и брани было проведено совещание спецов. В основном предложения командира артполка были приняты. Связь с авиацией стала прямой. Дополнительно придана зенитная артиллерия. Договорились с моряками о взаимодействии. Были и еще решения - но я тут не буду распинаться долго.

В ближайшие же дни оказалось, что когда истребители прилетают быстро - корректировка стрельбы у немцев срывается. Мало того - поехав договариваться с моряками о взаимодействии, командир получил неожиданный сюрприз.

Разговорился в штабе клешников с красивой молодой женщиной в морской форме - оба они ждали приезда задерживающегося начальства - и тут артиллерист узнал, что женщина - переводчикслухач. То есть она слушает эфир и записывает переводы немецких разговоров.

Работа скучная - а главное бесполезная, потому как немцы прямым текстом не говорят, вот разве что бывает такой бархатистый уверенный баритон - так его слушать интересно - он правда больше говорит всякими позывными и цифрами, но, как правило, в конце либо хвалит. («Носорог 33. Благодарю за работу и сделаю все зависящее, чтобы Вы повидали свою семью уже в этом месяце. Великолепно!»).

Либо дает разносы («Аист 28 - Рекомендую Вам собрать свой чемодан - и не забудьте взять свою любимую соску и плюшевого мишку! Я не понимаю, как Вы смогли попасть из ясель в армию! Возвращайтесь обратно!») - и это интересно слушать, потому как язык литературный, очень богатый. Познавательно в плане обогащения лексики.

Командир артполка поинтересовался - а что за цифры. Переводчица привела примеры.

И удивилась оттого, что ее собеседник буквально подскочил и разволновался.

Слухач записывала авиакорректировку этого немца с «ФоккеВульфа»!

Учитывая важность своей задачи, командир артполка добился перевода слухача - с техническим же обеспечением - из флота в сухопутную армию, а именно в его полк.

И очень скоро для корректировщика настали трудные времена. Его бархатистый

баритон начинал звучать в эфире сразу, как самолеты поднимались в воздух. Соответственно наши истребители почти одновременно прибывали к месту встречи, благо оно не менялось - основной целью оставался мост. (Его уже отремонтировали, и это было весьма неприятно для немецкого командования.)

Немец ухитрялся вести корректировку даже в условиях воздушного боя, но это уже были не те санаторные условия, что прежде. Все чаще приходилось линять. Правда его телохранители всегда успешно связывали боем наших, и если он и не мог вести корректировку, то улизнуть ему удавалось беспрепятственно.

Попытки одной группой связать истребители прикрытия, а другой атаковать корректировщика - не увенчались успехом - пилот на корректировщике был дока.

Но дела с обстрелами теперь не ладились. Без точной корректировки попасть в тонкую нитку моста с расстояния в два десятка километров было непросто. А тут еще и то, что стараниями Говорова налаживалась система контрбатарейной борьбы и чем дальше, тем жиже были результаты у немецких артиллеристов.

А потом корректировщик вдруг пропал. Совершенно точно, что он ушел из собачьей свалки целым. Но больше в эфире бархатистый баритон не появился.

Много позже летчики узнали, что ходивший тогда в свободный поиск истребитель из другого полка, не имеющего никакого отношения к защите моста, увидел за линией фронта одиноко идущий на малой высоте двухместный «ФоккеВульф», воспользовался тем, что пилот «Фоккера» его не заметил, подошел поближе и «немецкий летательный аппарат тяжелее воздуха» пошел считать елки...

Больше развлекать мост немцам не удавалось...

Маленький омовенец видно такой же, как наш Вовка, практик, потому что вывод сделал сразу:

- Ясно. Взаимодействие и связь. Ну и стрелять метко. Спасибо за рассказ, папаша, но вообще пора уже выдвигаться - скоро темно будет.

Павел Александрович почемуто грустно улыбается в ответ.

Задержавшись на минутку, спрашиваю - с чего грусть.

- Знаете, ято ведь себя никак в папашах не чувствую. Вот только когда так напоминают. По своим внутренним ощущениям - так я совсем недавно училище закончил. А скажут «папаша», сразу и понимаешь, что ощущения обманывают. Вы сами это прочувствуете, покато вы совершенно безобразно молоды.

- Ну не так и молод.

- Это вам так кажется. Поверьте мне.

Снизу орут:

- Эй, медицина, поспешаем!

Честно признаться, никуда тащиться неохота, но надо.

На базе остается Саша и тоже чемто озабоченный «Озорной рукожоп».

Чтото произошло тут, пока мы болтались по КАДу.

Двумя утюгами проскакиваем мимо активно корячащихся саперов. Они спешно разбирают те стройматериалы, которые остались на стройке и которые могут пригодиться нам. На шум туда сходятся зомби, их отвлекают бракованными сигнальными ракетами, что привлекает еще больше зомби, частенько их и отстреливают, для чего привлекают свободные смены гарнизона и комендантских, это создает шустеров, потому как на убитых садятся кормиться следующие зомби, короче говоря - жизнь и нежизнь кипит всюю. Но по прикидкам вышло - нам выгоднее пойти на это. Адмиралтейские тоже в это дело влезли - присылают свои команды человек по сорок.

Отчасти эта возня помогает нам сейчас - за то время, пока саперы работают, большая часть ходячих зомби стеклась туда и теперь, проскочив их кольцо, мы едем по сравнительно безлюдной першпективе.

На углу Малого проспекта бронетранспортерповодырь сворачивает вправо, проехав метров сто, останавливается. Осматриваемся, насколько позволяет техника.

- В поле видимости - шесть мертвяков. Морфов не вижу. - заявляет покрутивший свою башенку Сергей.

Николаич переговаривается с омовцами. Решаем вылезать. И вылезаем, прогремев по откинутому вниз, как ступенька, люку...

Перед нами глухо запертые стандартные железные ворота старого советского типа.

Густо намусорено - рядом магазинчик с высаженной витриной и разбитой стеклянной дверью - видно, что обнесли его лихо - всякие давленные банки, рваные пакеты и блестящие обертки мало не слоим, но следов смертоубийства нет - да и двинувшиеся к нам зомби медленные и с чистыми физиономиями.

Поневолe вспоминаю одного инетовского знатока зомби, возмущавшегося отсутствием гигиенических навыков у этой нежити: «Почему у них морды в кровище? Я вот люблю кушать малиновое варенье - но я ж не хожу измазанным по пояс!»

Омоновец спокойно, как в тире, выцеливает подходящих к нам из старомодного ПБ. Щелкает несколько раз. Все. Больше движения нет.

А вот дальше идет совсем не так, как ожидалось - компаньоны в сером камуфле озадаченно начинают озиаться.

- Что не так? - спрашивает Николаич.

- Да магазинчик пропал - тут он был, а теперь нет, продукты какието - смущенно признается худощавый.

- Так что, ликвидировали?

- Нет, наши совсем недавно сюда ездили.

Андрей, ворошивший ботинком валяющийся мусор, неловко наклоняется и поднимает с загаженного тротуара прозрачный файл. Бумажка внутри залита какойто коричневой жижей, но видимо чтото можно разобрать.

- Его за угол перевели - замечает Андрей.

Заляпанный бежевыми пятнами БТР проезжает вперед.

Под его прикрытием двумя тройками лезем за угол.

Вот тут была веселуха - маленькая пивнушка вынесена почище того магазинчика.

И кровища здесь есть - и много. На льду, на стене... Правда, нет обглоданных костяков, что мы уже видывали не раз.

По висящему на кусте рваному милицейскому кителю понимаем, что видимо не приметная дверка без вывески за кафешкой - как раз магазин и есть.

Прикрываем омовцев, благо их получше учили заходить в помещения. Они и заходят - дверьто открыта. Внутри пусто - валяется ничком одетый как они мужик в шлеме, да еще вещи все разбросаны с полок, словно стадо павианов порезвилось.

Когда наклоняюсь глянуть, почему мент умер, замечая странный цвет кожи.

Это манекен в милицейской форме.

- Рюкзаки и сумки потырены, ножи с витрины, а все остальное только раскидали. Там еще складик был, надо будет и оттуда все забрать.

Ну, этото понятно, сумки и рюкзаки при грабеже магазина - самая нужная вещь.

- А еще потырили все колпаки, наладонники и наколенники - замечает Николаич.

- Не, «Носорог» только форму производит, колпаки и прочий пластик тут не делают.

- Так вот же на манекене все в комплекте!

- Так только на нем. Тут еще у него и щит был, понравился видно комуто.

- Жаль. Нам бы как раз они бы большегодились.

- Ничего, одежда и обувь никогда лишними не будут. Тканькато неплохая - хрен прокусишь.

Управляемся за полчаса ударной таскательной и пихательной работы.

- Тут в погрузке такого груза в БТР есть важный аспект - пыхтя, говорит Дункан.

- Какой?

- Вот берете побольше в руки - и - внимание! Подходите вот так. Левую ногу ставите сюда, правую - сюда. И пихаете шмотки в салон изо всей силы!

- Тьфу ты, купил!

Дункан ржет.

Потом компаньоны проверяют пивнушку - но там что не выпито, то вынесено, а не вынесено, так разбито вдрезг. Та же картина и в магазинчике. Правда под заваленным стеллажом омовец находит картонную коробку с энергетическими напитками.

- О, стимулякры!

- Вообще-то так себе штука.

- Почему ж, как лимонад пить нельзя, а вот перед пробежкой - вполне себе пойдет.

- Не знаю. Я как ее выпил, так только сердце стало колотиться, а радости никакой...

Коробка идет в омовевский БТР. Туда же на броню устраивают и поднятого манекена. Николаич успел снять с него и колпак и накладки на ладони и колени, вместо этого манекен щеголяет новенькой фуражкой, закрепленной под подбородком ремешком.

- Нехорошо своих бросать - а он вроде как свой. Пусть сидит. Тылы охраняет.

- Я вам ММГ Калаша подарю - хмыкает Николаич.

- Годится.

Когда возвращаемся, щекастый Дункан тут же улетучивается, вероятно, махать своим двуручем под руководством Павла Александровича. Остальные двое ментов напрашиваются квартироваться у нас.

Саша тихонько делится со мной подозрениями насчет того, что байка про Дункана - вообще боянище, которую он видел в Инете... Также его гложут сомнения на тему того, что БТР якобы приплыл, а не приехал. Этому я тоже что-то не очень верю, хотя вообще-то этот агрегат плавает и довольно шустро.

Вообще, я как-то раньше с омовцами дел не имел и потому до недавнего времени считал их обычными тупыми гориллами, придатками к дубинкам, которые лупят всех подряд, кто под руку подвернется. Ну как бы у кого в МВД есть мозги - те операми, следками и врачами, а вот ежели токо физическая мощь - то значит - в ОМОН.

И виденный сюжет в ютубе, где жизнерадостный болван ударом в печень убил какого-то светловолосого парня, укрепил это впечатление.

Правда, меня сильно поколебало в таком убеждении то, что глянул в свое время в том же инете - репортаж о марше Несогласных у нас тут - в Питере, когда несогласные перекрыли Невский. Я вообще не могу понять этих несогласных - что может быть общего у либералов, нацболов и пенсионеров? Это ж даже не конь с трепетным раком. И вот это почтенное собрание устроило дебош, для чего Невский и перекрыло - специально подставляясь под дубинки - не санкционировано было перекрытие основной магистрали в городе.

На первых же фото я с удивлением обнаружил пидораса, который явился на этот шабаш с маленьким ребенком на плечах. Являться в толпу с ребенком - уже опасно. Ну а если заведомо знаешь, что будет потасовка с дубинками и может еще с каким весельем - то тройне опасно. Никто и не заметит, как мелкого затопчут. Ну и соответственно тот, кто пришел с ребенком - пидорас с моей точки зрения в самом худшем смысле этого слова.

Далее этот пидор старательно оказывался в самой гуще. Тщательнейше подставлял детеныша в смешной и милой шапочке с ушами, как у медвежонка, под дубинки. Но ментовское зверье так и не ударило эту парочку ни разу (а кто-то ведь все снимал и снимал и наверно чертыхался, что все никак по ребенку никто не долбанул хотя бы кулаком). Тогда, чтобы видно отработать деньги пидорас стал изображать страдания и боль, типо вот меня стукнули, но снять не успели. Вышло крайне убого, не то, что Станиславский, даже я не поверил. Тем более детеныш сидел спокойно и с интересом за всем этим наблюдал. Хорошо, что этот пидорас тупой как пробка и не догадался надрать детенышу задницу для достоверности.

Потом попались снимки с задержания китайскими полицейскими какого-то хмыря. Хмырь при задержании пытался застрелиться, но в итоге прострелил одному из полицейских руку.

Еще были снимки из Мексики - там при подобном наобороте пара полицейских получила пули в животы, а задерживаемый утек.

Вот мы уже с час вместе, а омоновцы так драку и не затеяли.

Мне кажется, и Саша озадачен тем же.

Худощавый омоновец замечает Сашин взгляд и ухмыляется широчайшим образом:

- Удивляешься? Что у нас не волчаьи клыки и зрачок не вертикальный?

Саша, пойманный на горячем, смущается.

Подозреваю, что ему так и хочется ляпнуть что-нибудь вроде: «И рога и борода! И уши вразнос!», но парень воспитанный и потому отвечает обтекаемо:

- Ну, так репутация у вас соответствующая.

- Зато в ряде случаев и физического воздействия потому не требуется. Причем часто. Иначе - была бы у нас другая репутация - и потери бы были, и калечить бы пришлось всерьез. Человеку нужно кого-нибудь бояться, иначе человека закидывает.

Страх - лучший цивилизатор. Проверено. Особенно при жестком задержании.

- Ну, есть же и другие вещи, делающие человека человеком?

- Есть. Но страх - самый результативный. Тем более нас же не в детские сады посылают.

- Ага, против пенсионеров... - ехидно отмечает Дарья.

- Хозяюшка - а вот хоть кого из пенсионеров тогда обидели? Когда зурабовские реформы начались?

- То есть перед нами ангелы?

- Этого я не говорил. Но разница есть - антифу разогнать, чтоб Невский не перекрывали или стариков ограничить. Толпато все равно толпа, сама себе опасна, но к разным толпам и отношение разное.

- Опять таки - ангелы?

- Не. Люди, как и остальные. И должен доложить - что по сравнению с теми же американскими копами мы куда мягче действуем. Не потому, что ангелы. Да, воровства в милиции много - новые установки работают, но отношение к людям - пока еще то, советское. Это еще изжить не успели.

- Слушай, а вот ты зачем в ОМОН пошел?

- А чего не идти? Я здесь живу. Хочу, чтоб тут был порядок. Почему я должен это поручать кому другому? Другой тут свои порядки установит. Мне свои милее.

- А напарник твой?

- А он оружие любит.

- И как с порядком?

- Дык все в сравнении же познается. Верно? Если с точки зрения идеального общества - то это одно, а с точки зрения реальности - другое. Вы Вторую Гражданскую ведь застали?

- Это ты о чем?

- О «лихих девяностых», как игриво это время называли журналисты. Нормальная такая гражданская война получилась.

- Это через край хватануто. Где ж войнато?

- У нас тут. Сорок тысяч только обнаруженных и зарегистрированных криминальных трупов в год - вполне себе военные потери. А сколько вообще не нашли? Химоружие в расчет не беру - там тоже еще та цифирь. И не один год такая развлекуха была, десяток лет...

- Так то ж бандитские разборки, криминал. А химоружие - это как?

- Ну, хозяйюшка - а Петлюра, Махно - тож ведь бандитские разборки, а? Да и белые с красными друг друга тоже бандитами величали. Просто такое количество убитого народа - это уже война. А уж Чечня - как там не называй - гражданская война по всем признакам.

- А химоружие?

- Да наркота же. Уже сейчас от нее больше народу передохло, чем от всех ипритов с люизитами.

- Это да - соглашается Дарья пригорюнившись.

- Ну а сейчас что? - вмешивается Саша в разговор.
- А сейчас - Третья Гражданская... И пожалуй что почище двух предыдущих будет...
- Ленъ, не морочь людям голову - отрывается от кулинарной книжки маленький омоновец.

- Тебе хорошо, тебе вон наконец книжку дали - обиженно отвечает худощавый.

Оба прыскают.

- О чем это вы? - настораживается Дарья, как всякая женщина, тонко чувствующая какуюто подкладку и недоговоренность во фразе.

- Гм. Это хозяйюшка - тоже баян.

- Тем более не понимаю.

- Так на компьютерном жаргоне называют анекдот с бородищей. - поясняет Саша.

- И что за анекдот? Пошлый, наверное?

- Ну, немного...

- Рассказывайте, рассказывайте, раз начали.

- Гм. Не взыщите, если что, люди грубые, служивые, воспитание никакое... Короче говоря - дежурство. В полной боевой готовности. А выезда нет и нет. Сидим, ждем. Долго ждем. Должны нас послать - а не посылают. Запарились сидеть.

Ну и поставили в видак эээ... жестковатую эротику. Стоял там в комнате для личного состава телевизор и видак.

Сидим - смотрим. Дело к кульминации идет, все актерам сопереживают, увлеклись, смотрят напряженно - а тут распахивается дверь и входит Высокое Начальство с командиром. Решили проверить боеготовность.

Боец с пультиком - ленивкой отреагировал моментально и каналы переключил.

Высокое Начальство посмотрело на кучу напряженно всматривающихся в экран мужиков и говорит тихо командиру:

- Ты б им книжек каких дал, что ли...

Ну и вышли они. А на нас ржач напал. Боецто переключил на другой канал, только там передач не было. Была сетка настройки. И вся орда в эту сетку настройки внимательнейшее пялилась.

- Точно - баян. - разочарованно говорит Саша.

- А ты что от служивых ждал? Любое военизированное образование - одновременно склад бородатых анекдотов. С времен Древнего Египта. Положено так.

В дверь просовывается голова Демидова.

- Доктор, на выход, пациент явился!

- Кто?

- А этот, пчеловод.

Спускаюсь на первый этаж.

Аккуратный скромный старичок азиатской внешности. Держится с достоинством, но немного скособочен. Здравуемся. Спрашиваю, что случилось.

Говорит практически без акцента. Но объяснить толком не может - голова болит, спина, спать нельзя. Раньше такое было? Было. Долго болело. Говорили, что лишай.

Глазкито у него блестят, температурит явно. По пульсу - к 38 градусам товарища Цельсия... А со спиной что? Нука посмотрим.

Везет мне всетаки последние дни, все както хрестоматийные проявления болезни попадают - так и тут, ломать голову с дифференциальным диагнозом нечего - от позвоночника по краю ребра кожа отекает полосой с неровными краями, даже на взгляд - надута, резко покраснела и по этой вздутой коже пузырьки с прозрачной жидкостью гирляндами - и уже язвочки, там где пузырьки сорваны или лопнули...

- Опоясывающий герпес у Вас.

- Эх, так не ко времени. Беда... Месяц в прошлый раз спать не мог.

Это да, не позавидуешь ему. И зудит и болит и проходит с трудом, потому как вирус после такой наглой выходки прячется обратно - в нервные узлы и сидит там до следующего

раза, когда организм ослабнет по какой причине и даст этой дряни опять вылезти. Выбить же вирусы из их убежищ невозможно. Вот у старика этого, переболевшего когда-то банальной ветряной оспой с того детского времени вирусы так и ждали момента...

Так что разве что можно помочь организму расправиться с этим наглым десантом и загнать болезнь обратно - сидеть до поры до времени в нервных узлах. Долгая песня, пара недель минимум.

Сейчас могу намазать старичку пораженную зону мазью с зовираксом, а еще ему надо бы дать таблетки с фармвиром - они посильнее зовиракса будут. Есть у нас такие таблетки - только они в медпункте. Можно бы старика послать, но, пожалуй, стоит сопроводить - в знак уважения за проделанную работу - комната, наконец, приобрела хоть немного жилой вид, да и стол складной удачно вышел. А еще не нравится мне, что Надежда хоть и в отряде, а вроде, как и нет. Вот и ужинает она черт знает чем - не пришла на общий сбор. Не по - людски - както.

Прошу старикана подождать и быстренько поднимаюсь - все-таки без автомата шастать не стоит, хотя знаю со слов и Андрея, и Николаича, что караульная и патрульная служба стараниями Охрименко и Михайлова отработана как минимум на твердую четверку и, в общем, в Крепости - безопасно.

- Что там стряслось? - спрашивает Николаич.

Ну, тут особо хранить врачебную тайну нечего - отвечаю.

- Заразно? - спрашивает Николаич.

- Для тех, кто ветрянкой не болел - да, заразно.

- Получается так, что если я болел, то и у меня такая дрянь может быть?

- Получается так.

- Не было печали. А куда собрались?

- А в медпункт, там есть, что ему нужно. Заодно посмотрим, что его бригада могла бы в медпункте сделать полезного.

- Правильный подход. Только радиоуху возьмите.

Спрашиваю Дарью - не осталось ли у нее чего вкусного.

- У меня вкусное всегда есть. Только вообще-то гордечка эта могла бы и не заноситься и придти. Ногито не отвалились бы.

- Это не гордость - мрачно замечает Андрей, протирающий ветошкой детальки мелкой снайперки.

- А что же?

- Она, похоже, в Чечне жила, когда там свобода накатила. Не стоит ее дергать.

Дарья фыркает. Но уже както невоинственно.

Омоновцы переглядываются. Потом один спрашивает:

- А этот герпес - это как на губах?

- Нет, вирусы разные. Герпеса две разновидности - один обычно сидит на губах, его зона - красная кайма губ. Которые на лице губы. Другая разновидность - генитальная.

Ну а опоясывающий - вызывается третьим вирусом - ветряной оспы, но картина как при герпесе - вот и назвали.

- А эти две разновидности герпеса - они как - перекрещиваются, или каждый свое место знает?

- Перекрещиваются. Особенно последнее время в связи с легкостью нравов.

- Хватит вам ерунду обсуждать - вмешивается Дарья. И я получаю пару увесистых пластиковых коробок, заматанных в кусок ватина, что тепло не терялось.

Мы уже практически подходим к медпункту, когда оттуда хлестко щелкает несколько пистолетных выстрелов. Сую пакет с едой опешившему старичку и дергаю к двери. Двое патрульных подспевают практически одновременно - только с другой стороны - значит, стрельба мне не померещилась.

Патруль тормозит мою прыть, и дальше я открываю дверь уже под их грамотным прикрытием.

И ничего не понимаю.

На полу елозит голый задницей мужик со спущенными штанами. Кровищи так много, что я не сразу понимаю, как он ранен. Одной рукой мужик держится за окровавленное лицо, другая плетью на полу в луже. Корячится мужик вяло - и я вижу, что у него прострелено колено и возможно еще пуля в животе, хотя и не поручусь.

Надежда, такая же белая, как надетый на нее халат, держит раненого на прицеле и даже не смотрит, кто тут в двери вломился. По возможности шустро огибаю стол и старательно отвожу пистолет в сторону и вверх. Сделать это непросто, мускулы у сестрички напряжены до каменности, единственно, что пистолет на вытянутых руках - и это позволяет мне использовать методу старика Архимеда, повернув Надежду вокруг ее оси, давя именно на руки, держащие пистолет.

- Уже все, мы здесь, теперь все будет в порядке, спокойно, Надя, спокойно, коллега, а то рикошетами ребят покалечишь. Все, все уже прошло, все в порядке... - плету какуюто успокоительную фигню, главное, чтоб интонация была мягкой и пациентка расслабилась. Но сестричку не так просто уболтать.

- Не надо меня успокаивать, я в порядке - жестко говорит она.

Но пистолет, тем не менее, уже смотрит стволом в потолок. Уже легче.

- Вы его перезарядили?

Удивленно смотрит на меня.

- Конечно.

Теперь ее окончательно отпускает, она словно встряхивается, прогоняя наваждение и становится самой собой - и мне почемуто вспоминается мультфильм «Маугли», там где Багира приходит в себя. Только вот непонятно, что тут за танец Каа был. А что ситуация непростая - ежу ясно.

- Что вы натворили, подлецы? Что, что вы тут вытворяете??? - это орет какойто незнакомый мне господин, распахавший стоящий в дверях народ. Видно, что он привык к подчинению окружающих, но вид валяющегося на полу выводит его из состояния господинности и он брякается на коленки, нелепо хватая раненого за руку.

- Вызывай своих - говорит мне старший патруля. И сам вызывает на ЧП своего начальника.

К своему удивлению я справляюсь с демонической коробочкой и в темпе докладую Николаичу, что тут наблюдаю.

Господин на полу поднимает бешено оскаленное лицо, тычет в Надежду пальцем и буквально визжит:

- Ты убийца! Ты его просто расстреляла, сука! Тебе это с рук не пройдет! Ты ответишь!

Странное ощущение у меня от этого субъекта. Не могу понять - почему. С одной стороны - лицо у него мужское, даже бы вроде и мужественное - грубой лепки, такое, с крупными чертами лица, но чтото есть в нем карикатурное - как в образах Райкина - и брови чересчур густые и нос както слишком картошкой. Но держится самоуверенно, не отнимешь.

- Что вы все стоите! Человек кровью истекает!

Тут он прав на все сто, помощь оказать надо и быстро. Прошу патрульных удалить лишних. Михайловские, не чинясь, выпихивают за двери всех набившихся в медпункт - и в том числе и этого странного человека, хотя он бьется и орет. Слышно, как и там он орет на них.

- Я напортачила, мне и помощь оказывать - уже достаточно спокойно, но очень странным голосом говорит Надежда.

К моему гигантскому удивлению она начинает с того, что выхватывает из своей сумки жгут и, невзирая на слабое сопротивление раненого, накладывает на бедро. Это странно, при ранениях суставов кровотечение, как правило, минимальное. Вот откуда кровь действительно хлещет - так это из раны на лице. Пуля, на мой взгляд, влетела с левой стороны (маленькое входное отверстие на щеке), раздробив челюсть и потом вместе с кусками кости и выбитыми зубами разодрала язык и противоположную щеку. Вот оттуда и

лется. Раненый слабо пихает медсестру рукой, оставляя кровавые отпечатки на белом халате, но сестричка, не прерываясь, коротким тычком в пробитое пулей колено отправляет пациента в обморок.

- Вы не вполне успешно наложили жгут - вполголоса говорю ей.

- Да? А помоему - нормально.

- Накладывая жгут, Вы передавили и мошонку заодно. Так не рекомендуют делать.

Она поворачивает голову - и я натурально пугаюсь. Такого бешеного взгляда, находящегося на грани безумия, я давно не видал.

- В данном случае это не только допустимо, но и рекомендовано.

- Надежда Николаевна, Вы действительно в порядке?

- В полном, коллега. Не поверите - в совершенном порядке.

И вытянув из корзинки под столом какие-то грязные тряпки и использованные чужие бинты, мотает их как попало, придавая умирающему - а я вижу, что пациент уже отходит - вид неряшливо сделанной мумии из трешевой фильмы.

За дверью короткий всплеск голосов - и в кабинетике появляются встревоженные Николаич и Андрей. И если Николаич ведет себя как положено, то Андрей меня удивляет не хуже Надежды. Ухмылочка на физиономии флегматичного снайпера вылезает такая злорадная и хищная, что впору любому вампиру, дорвавшемуся до бабьи со свежей кровушкой.

Вместе с ними врывается и товарищ умирающего - он растрепан, явно прорывался силой.

- Сволочи, убийцы, быдло, скоты!

- Вы тут пока с товарищем побудьте - говорит ему Николаич достаточно убедительно и кивает нам головой, однозначно требуя покинуть помещение.

Выходим. Андрей все так же скалится, чем вызывает внимательные взгляды патрулей.

- Милицию вызовите! Я видел, что здесь были менты - пусть делают свою работу - кричит изза двери господин.

- Обязательно! - отвечает Старшой и тихо приказывает Надежде запереть дверь в медкабинет. Ключ дважды проворачивается в двери. И окошко в медпункте маленькое и высоковатое.

- Так. И что дальше будем делать? - спрашивает прибежавший Михайлов.

- Получается так, что разбираться в происшедшем.

- Странное тут какое-то происшедшее - Михайлов смотрит подозрительно на Надежду с кровавыми отпечатками на халате.

- Давайтека пойдем в более подходящее место и там будем разбираться. А что скажет наша милиция?

- Ничего не скажет - это ваши проблемы, а мы не оперативники, не следователи, не прокуроры и не наша работа тут что-то расследовать. Мы тут вообще в гостях. - резонно отвечает маленький омоновец в берете.

Его худощавый напарник тоже тут, при этом замечаю, что он посматривает в обратную сторону - видимо непроизвольно и привычно стараясь не оставлять тыл открытым. Ну да. Можно подумать, что он простреленных не видал, видал конечно и потому зеваки из него не получатся.

- Надежда Николаевна, что там произошло?

Сестричка странно смотрит в лицо Николаичу и вдруг начинает плакать навзрыд.

Как смертельно обиженная маленькая девочка.

Это сильно поражает всех, кто успел убедиться в ее железобетонном спокойствии за последнее время.

- Знаете, мне кажется, надо бы расследование отложить до завтра. - вмешиваюсь я.

- Получается так, что у нас тут нет специалистов - и опер и судмедэксперт в Кронштадте остались.

Михайлов задумывается.

- А с чего это вы о судмедэкспертизе заговорили? Тот, со спущенными портками еще жив?

- В судмедэкспертизу входит как составная часть работа с живыми клиентами. И по времени даже ее больше - всякие ссадины, синяки и шишки описывать. Другое дело - не зрелищно это ни разу и не интересно вовсе. У меня вот только один случай и был - когда одна дама другой даме по морде мороженой курицей залепила - брякаю я не совсем к месту.

- Ага. Значит, один судмедэксперт у нас есть - хваток Михайлов, хваток, ничего не скажешь.

- Ну, я вообще не специалист... - мямлю я, понимая, что язык мой - таки все же враг мой и не зря человек пять лет учится говорить, а потом всю оставшуюся жизнь - учится молчать.

- Диплом есть? Есть. Курс проходили - проходили. Экзамен сдавали?

- Сдавал...

- И на сколько?

- Ну, на «отлично»...

- Вот и прекрасно. Всегото несколько огнестрельных ранений - говнапирога, это ж не с травмами после мороженой курицы разбираться. Теперь гости. Ребята, я понимаю, что вы ни разу не следователи, но какойникакой опыт у вас ведь есть?

- Специфический. Очень специфический - осторожно отвечает маленький.

- Но с огнестреломто встречались?

- Это да... Только что здесьто разбирать. Это ж не на Кеннеди покушение - стрелял один человек, из ПМ. Так она и не отрицает и свидетели есть. Что нужного?

Михайлов на секунду - другую задумывается.

- Нужно, чтоб у нас тут таких инцидентов не было. Уже один такой с колокольни стрелял. Мне нужно, чтоб тут было спокойно и безопасно. Без стрельбы. Без трупов.

- Это понятно. Только я так и не вижу, что тут разбирать. Отплачется она - сама и расскажет, что там было.

- Уверены?

- Это не так чтоб уверен, женщины - они всякие фортели выкидывают. Может это ее любовник был, или там бывший муж. Что он там без штановто щеголял?

- Да вроде как нет у нее мужа...

- Ей к тридцатнику. Много вы о ней знаете?

Тут мне приходит в голову, что вообще о своей сестре я не знаю толком ничего.

Похоже, что ровно такие же мысли приходят в голову и Николаичу.

Только Андрей производит впечатление чегото понимающего в ситуации.

- Можешь что сказать по делу? - спрашивает Андрея маленький.

- Только с адвокатом - неожиданно отвечает тот.

Маленький пристально смотрит на попрежнему скалящего зубы снайпера.

- Ты, зема, улыбочкуто эту убери. Примерзла у тебя улыбочкато.

- Неа. Не могу, извини - все так же мерзко скалясь, отвечает Андрей.

- А что так? Это я тебе прямо скажу - смотреть на тебя с этой улыбочкой - неприятно.

- Ага. Но пока не могу...

- Получается так, что сестру я заберу к нам - решает Николаич.

- Под вашу ответственность?

- Да.

- Ладно. Только чтоб она опять палить не стала. Что с раненым? Ему уход нужен?

- Нет, только покой - отвечаю я, и внутренне краснею. Честно говоря, дурацкая ситуация. С сестричкой мы знакомы всего - ничего. Ничего о ней не знаю. Ну да, надежна в деле, имеет опыт военнополевой медицины, умеет обращаться с оружием. И что это значит? Да ничего. Только то, что принимала участие в какихто локальных конфликтах. А в таких конфликтах и стороны разные и люди там были самые разношерстные и вытворялось там такое, что Стивену Кингу никакой фантазии не хватит... Тем более, что от ребят ускользнул

нюанс, который как раз мне покоя не дает. Для всех тут стоящих мужиков спущенные штаны - признак чего-то сексуального. А для меня - в большей степени - скорее то, что пациент подготовился к внутривенной инъекции. (Я ж пока в педиатрии корячился на задницы, причем такие, которые о сексуальной стороне никак не говорили. Видели ли когда-нибудь детские ягодички, в которые проведено несколько полных курсов инъекций - от витаминов до антибиотиков? То еще зрелище.)

А получил пациент полную обложку, причем хладнокровно выпущенную по ключевым точкам - в рот, чтоб не орал, в плечо, в колено, в живот. Как он еще после этого ухитрился шевелиться - ума не приложу.

Может он и впрямь ее например хотел изнасиловать прямо в кабинете, на столе?

Или действительно муж какой-никакой?

Тогда почему Андрей так выглядит, словно ему жутковатый, но долгожданный подарок сделали?

- Точно? - Михайлов чувствует мою неуверенность. А откуда тут взяться уверенности - да те же омовцы, глянув на наложенный по мошонке жгут, приплюснувший яички к туго перетянутому бедру при всем отсутствии у них следователского образования не поверят ничему. Да, бывает такое, особенно у очень неопытных и невнимательных, когда напугавшись до усрачки жутким фонтаном крови из бедренной артерии одним махом прихватывают под жгут и мошонку. Но Надя не неопытный автолюбитель, кровотечения не было, да и на бедро не жгут кладут грамотные люди, а закрутку вертят... Вот окажется чертова Надя ревнивой сукой, а ее скажем бывший муж - невинной жертвой - так я буду прямым соучастником гадкого и тупого дела.

- Там же остался его друг. А кстати - кто это такие оба - двое? И пострадавший и этот... господинчик?

Михайлов стеклянно смотрит на меня.

- Из столицы. Весьма высокие гости. Перечислять титулы не берусь - там у меня их визитки лежат, так мелким текстом - на две страницы... Как минимум европейского значения птицы...

Еще интересней.

- Вот знаете - продолжает Михайлов - Больше всего я не люблю, когда делают из меня идиота. И сейчас у меня такое ощущение, что если и не все, то некоторые здесь именно этим и занимаются.

- Если уж признаваться - в тон ему отвечаю и я - то ситуация непонятная и идиотом тут я себя тоже чувствую.

- Не знаю, не знаю... Не пойму, в чем тут штука - но вообще при тяжелораненом доктор как-то уместнее, чем тут на площади. А вы тут стоите, словно у вас в медпункте все как должно...

- Нечего мне там делать.

- С чего бы? Я вот слышал, что при ранениях положено оказывать помощь. А ребята сказали, что перевязки наложены на фуфу... Типа - отвяжись.

Черти глазастые. Хотя тут и образования не надо, видно, что халтура, да еще и нарочитая какая-то. И то, что бинты уже использованные заметить - тоже ума большого не надо.

- Чего молчим?

- Ну, а что тут скажешь? Я ж сказал - чувствую себя идиотом.

Николаичто с Андреем ушли, Надежду уведя с собой, а я тут с омовцами, да с комендачами - как рак на мели. Хорошо темно, да в ушанке, а то светились бы у меня уши малиновым светом...

- Почему помощь оказана херово?

- Почему-почему... да потому что безнадежник он. В лучшем случае до завтра дотянет - ляпаю я.

- И потому вы там оставили второго? Запомнили, где карантин находится? - Михайлов явно свирепеет.

Омоновцы пользуются случаем и ретируются поанглийски.

Ситуация глупее не придумаешь. И что особенно противно в таком положении - прав Михайлов, будь он неладен - причем по всем пунктам. Набираю в легкие воздуха.

- Вы правы. Причем полностью. Я растерялся. Как скажете - так и будет. Командуйте, Петр Петрович.

- Тогда так - раненого в карантин, под присмотр, по протоколу. И тащите своими силами. И делаете это быстро. Прямо сейчас.

- Так этот второй вой поднимет!

- Ваши проблемы.

- Ну. Ладно.

Вызываю Сашу. Прошу взять кого в носильщики еще и придти в медпункт.

Михайлов сопровождает меня к медпункту. Смотрит нехорошо, разозлился видно мужик от наших непонятностей. Я бы и сам разозлился. Да я и разозлился, только вот предмет для злости не определить. За неимением такового злюсь на самого себя.

Упираемся в запертую дверь. Подливается масло в огонь. Михайлов пыхтит, как паровоз - вот - вот тронется.

Вспоминаю, что ключ у Николаича.

И тут как раз какието жалобные причитания за дверью сменяются воплем.

- Доигрались, ребятки! Обернулся ваш безнадеежник!

В медпункте грохочет и орет.

- Таковую дверь без лома не вынесешь, старая работа - замечает старший патруля.

На шум опять собирается куча народу. К счастью поспевают Саша, Серега и Андрей - с ключом, слава богу.

Саша, встав на колено, открывает дверь. В медпункте - погром. Но московский гость оказался не так прост - сориентировался в обстановке и зажал своего обернувшегося дружка в угол столом, да еще и кушеткой сверху прищемил. Голосит не уставая, но кушетку держит твердо. Дружок, как и положено новообратившемуся, вяло машет целой рукой, но дотянуться не может.

- Давай. Того, что слева - говорит Серега Андрею.

- С удовольствием - почемуто отвечает тот и грохает одиночным.

Зомби с простреленной головой так и остается стоять, припертый в углу мебелью.

Голосащий затыкается после весьма увесистых плюх справаналево. Его уводят патрули.

- Завтра мне - рапорт к планерке. Я знаю, что вы мне не подчинены напрямую, но настаиваю. Категорически настаиваю.

Михайлов поворачивается и уходит.

Публика потихоньку начинает рассасываться.

Стоим вчетвером. Потом запираем дверь и идем в салон. Говорить неохота.

Замечаю, что рядом с нами идет тот самый старичокчеловод.

- А Вы что хотите?

- Вам некогда было. А обещали мазь и таблетки - отвечает дедок.

И ведь действительно...

Возвращаемся в медпункт. Пока пасечник косит глазами на хаос и вертикального зомбака за баррикадой, смазываю ему пораженную зону зовираксом. Потом пытаюсь вспомнить - где у Надежды лежат таблетки. К счастью зона полков в боевых действиях не участвовала, а порядочек у медсестры - прусский. Потому нахожу таблетки без проблемы.

Объясняю деду, чтоб мазал мазью пять раз в день, чтоб таблетки принимал - как сказано в аннотации и на всякий случай читаю ее. И чтоб не лапами лез мазать, а ватку использовал на палочке - ну и чтоб выкидывал после применения. Даю вату - палочки и сам настругает. Еще даю ему валерьянку. Может, спать будет лучше, несмотря на боль и зуд.

Все. Теперь в салон.

- Это - весело тут у вас - замечает маленький омоновец.

- Ну, а у вас, что - скучно?

- Тоже весело. Но не так. Мы там друг на друге сидим и спим по очереди - как в подводной лодке. Соответственно - и веселье. А у вас тут - жилищная проблема решена в целом.

- Солоно вам пришлось?

- Эта - да, солоно. Кто ж знал, что раненых и укушенных изолировать надо подружому. Работали так положено при карантине.

- А что, вы и карантинны обеспечиваете?

- Мы ж в любой бочке затычка. Когда медики сообщали о вспышке инфекции - так ОМОН туда в первую голову выезжал, а как же. Месяц назад оцепление обеспечивали - на железной дороге сообщили о вспышке карантинного заболевания - два вагона с пассажирами в тупик тут же, и держали там, пока не разобрались, что это дизентерия. Это вы не знаете, а такое по стране постоянно происходит. Рутинка. Тут у нас тоже с железной дороги началось, кстати. С Московского вокзала.

- Вот, похоже, что эта херь с Москвы пошла.

- Это не похоже, а точно так. С Москвы. Мы на несколько часов отстали всего.

- Как это определялось?

- Так пока связь была - уточнили. Задним умом крепки...

Хлебаем чай. В воздухе как топор висит напряженность. После того, как оценил ситуацию со стороны - мороз по коже. В двух словах - все плохо. Может быть, даже и еще хуже. Особо противно то, что в принципе я тут в начмедах, значит, отвечаю за то, что происходит в медпункте и за персонал. Впору Охрименко вспомнить, тот недавно в такой же мешок попал. Только вот он лично не участвовал в стрельбе своего подчиненного и никак ему не способствовал, чего про меня не скажешь.

Поговорить бы с Николаичем - так он кудато ухрюл. Надежда внизу сидит, отплакалась и замкнулась в себе. Андрей к ней пошел, вроде как есть что ей сказать. И Дарья там же.

- Это, к слову - у меня тут фурункул образовался - говорит мне маленький омовец.

- Ну, надо полагать предлагаешь мне его вскрыть?

- Ага. Струменты у тебя надо полагать в медпункте?

- Ну, да.

- Так пошли?

- А до утра никак не потерпеть?

Маленький странно смотрит.

- Эта... Никак... Ага.

Делать нечего - плетусь обратно. Оба омовца следом. Заходим в кабинетик, свет там так и горел.

- Ну. Показывай свой фурункул.

- Эта. Вот.

Продолжаю тупить. На предъявленной к осмотру руке есть пара гнойничков, но фурункулами их даже спьяну не назовешь. Смотрю на маленького вопросительно.

- Эта... Ты, что ли, Доктор, не высыпался неделю?

- Вроде высыпался... не пойму я тебя.

- Эта... начни с того, что намажь мне руку йодом. И налепи пластырь. А то я мнительный такой, что просто ужас.

- А потом?

- Потом - суп с котом. Утром ваш комендант обязательно сюда припрется. Будет осматривать место происшествия. Нас будет спрашивать. Нам от вашего гарнизона много чего надо, значит, придется отвечать. Не доходит, почему он вам ночь цельную дал?

- Ну, он с нашим старшим в дружбаках. Оружием его выручали. Боеприпасами...

- Работали на него?

- И это было.

- По уму он вас должен был бы взять под стражу немедленно - минимум медсестру.

- И расстрелять...

- Вполне возможно, что и расстрелять. Меньше бы удивился, чем тому шалтайболтай, который видел. Тыто в этой истории тоже куда как хреновато выглядишь. Откровенно признаюсь. Да и паренек ваш - этот, толстун - тоже хорош гусь. Лыбу с морды снять не может, цаца этакая...

Худощавый тем временем осматривает стенку, потом лезет за баррикаду к покойнику, возится там.

- Я не пойму, с чего выто участие в моей печальной участи принимаете?

- А ты подумай всем мозгом, а не только мозжечком. Ленъ, снял?

- Ни хрена, накручено тут... Есть!

Вылезает изза стола, протягивает мне, ухмыляясь, жгут. До меня медленно начинает доходить, что этот обормот выполняет за меня работу по подтасовке фактов и фальсификации улик. Что вообще должен был бы сделать я сам собственноручно.

Щедро мажу маленькому лапу йодом. Гнойнички вскрываю, обрабатываю их зеленкой. Забинтовываю. Вяжу красивый бантик.

- Во! Теперь совсем хорошо. Ленъ, что у тебя?

- Да, в общем, все ясно. Я конечно не следак, но вот получается, что он на нее напал, спустив штаны. Она его, значит, оттолкнула, отбежала за стол и после того, как он на нее напрыгнул - стала стрелять. Стреляла побабьи, вероятно зажмутив глаза, чем объясняется такой разброс попаданий. Потом пыталась исполнить свой долг медика, но, будучи в стрессовом состоянии, сделала это не лучшим образом. Далее друг погибшего попросил побыть с умирающим наедине, что врач и выполнил.

- Полный бред!

- Я и не следак. Просили версию - получите. Других - нету. Ладно, пошли обратно.

В салоне уже ждет Дункан. Наши тоже подтянулись.

Приходится рассказать все еще раз. Худощавый выдает снова свою версию.

- Не проканает - уверенно говорит Дункан.

- Смотря для кого - отвечает ему Ильяс.

- Я бы не поверил. Слабых мест много. Леня - слеплено белыми нитками. И халатность как минимум остается.

- Для официального отчета - пойдет. Для широких масс общественности - тоже. Пипл - схавает.

- А руководство?

- Ты этого Михайлова видел?

- Нет.

- А я видел. Почемуто думаю, что его этот рапорт удовлетворит вполне.

- С чего взял?

- С того. Васьвась, а не комендантская служба. А это что означает?

- Что?

- Либо нету у него над этой разведфербандой власти. Либо ссориться не хочет, либо ему самому этот покойник мертвым лучше подходит, чем когда был живым. Либо все вместе.

- Как с Потаповым, считаешь?

- Ну.

- Может и так.

- К слову - покойничек - он кто?

- Михайлов говорил - какаято шишка из Москвы.

- А я что говорил. Это он в Москве шишка, а теперь - где это - Москва... тут и свои шишки есть...

Возвращается Николаич. Смотрит хмуро. Так же хмуро выслушивает версию омовца.

- Получается так, что именно в такой последовательности все и произошло. На том и

порешим. Все. Отбой. Всем спать. Дежурство - по очереди, как установлено.

Про себя отмечаю, Вовка и Сергей почемуто из дежурящих исключены и в салоне их нет...

Ночь. Восьмые сутки Беды.

Звонящий грохот совсем рядом. Вскакиваю ошалелый. Вместе со мной подпрыгивают соседи. Ктото включает нововведение - синие ночники, отчего помещение выглядит совершенно странно. Зато с улицы нихрена не видно, что тут у нас происходит.

- Пулемет с равелина. Очередь на всю обойму. - говорит дежуривший Саша.

Видим отблески - с равелина влупили несколько осветительных ракет.

- Оделись - побежали - командует Николаич.

- Нам как? - спрашивает маленький омоновец.

- На ваше усмотрение.

На пальбу, кроме нас, прибегает свободная смена с разводящим от гарнизона - мы поспеваем чуть позже. Стрелял «Гочкис» с Алексеевского равелина.

- Расчет говорит - лев из зоопарка удрал - встречает Николаича разводящий.

- Расчет этого не говорил - с неудовольствием поправляет пулеметчик, не отрываясь от прицела. Тонкое жало ствола с раструбом пламегасителя мягко ходит из стороны в сторону. Чемто это похоже на сканирование темного пространства с серым снегом и черными деревьями странным прибором.

- Так заряжающий сказал.

- Заряжающий - не весь расчет. Это не лев. Это было человеком. Раньше.

- Прыгало, как лев!

- Ладно, где оно сейчас? Ты по нему попал?

- Попасть - попал. Как повредил - вот вопрос. Деревья мешают. Вырубить надо.

- Что делать будем? - это разводящий у Николаича спрашивает.

- Вам положено по инструкции что?

- Оборонять объект.

- А как?

- Занять места согласно расписанию и подготовиться к ведению огня.

- Тогда занимайте. А мы посмотрим, что тут сделать можно. Эта тварь куда делась после обстрела?

- Влево убежала - уверенно говорит второй номер.

- Влево она дернулась. А ушла вправо - к саперам. - недовольно поправляет первый.

- Мы тогда берем левый фланг равелина - говорит разводящий.

- Хорошо. Посматривайте там.

- В курсе. Есть там местечко, где по стенке забраться можно.

Часовые довольно шустро сматываются. Вместе с ними утекает и второй номер - показать, куда рванул псевдолов. Меня это удивляет, второй номер должен бы остаться, но, похоже, в расчете не все гладко и первый воспринимает исчезновение второго с явным удовольствием. Даже по спине заметно.

Некоторое время проходит в ожидании - Николаич по старомодному полевому телефону связывается с саперами, просит прислать поводыря, сообщает о первом случае прорыва водяного периметра в дежурку, потом ему звонит разводящий - никого не видят, предупредили патрулей о возможном морфе.

Наконец является сапер - невзрачный паренек, обстоятельный и флегматичный. Помоему пацан копирует своего начальника.

- Долгонько ходим - с неудовольствием замечает ему Николаич.

- Как говорил Великий Старинов: Саперы ходят медленно, но обгонять их не стоит! Вы ж собираетесь по минному полю шариться?

- Получается так, что не исключено.

- Так идем. Инструктаж - на месте.
- Эй! Мне напарник нужен. - не отрываясь от пулемета заявляет первый номер.
- Доктор останется. - решает Николаич и команда гуськом идет за сапером.
- Херовата наша вата - говорю пулеметчику.
- В точку. Раньше эта дрянь по льду не бегала. Если скопом пойдут - плохо будет. Странный акцент у него. Знакомый, но не могу определиться.
- Обойму набей пока. Справишься?
- Нехитрое дело. А мины где установили?
- Прикрыли въезды на мосты.
- А откуда взяли?
- Баржа привезла.
- А ты чтото не слишком хорошо к своему напарнику относишься?
- Молодой, глупый. Ничему учиться не хочет. Говорить с ним не о чем.
- Ну, не всем пулеметчиками быть.
- Пулеметчиком лучше верблюда поставить. Этого балбеса - без толку.
- Ну, невелико искусство! - подначиваю я собеседника.
- Э, шутишь? Эта вещь - Машина Тысячи Смертей, Хан поля боя.
- Однако морф ушел?
- Я в него попал. Ты - не попал бы.

Это вполне вероятно, пулеметчик из меня - никакой. Да я из этих агрегатов и не стрелял никогда. Слышал, что есть масса тонкостей и хитростей - и без артиллерии, если что, с такой вещугой не справиться.

Пухлые французские патроны встают в зацепы. Готова рамка. Пальцы с латунным запахом. Как в детстве...

- Куда класть?
- В короб. Аккуратно.
- Да уж знаю, бросать не буду.
- А напарничек - бросает. Не понимает, что мятый патрон - беда. Акмак!
- Ты - казах?
- А что, не видно?
- По затылку и шапке - нет. По акценту и по слову «дурак» сужу.
- А! Работал что ли у нас?
- Было дело. Как считаешь - у вас такое же творится?
- Нет. У нас такого не будет.
- Почему?
- Казахи - умный народ. Себя в обиду не даст. Возьми схему ориентиров. Ориентир шесть лева палец - шевеление. В бинокль посмотри.

Бинокль стоит прямо под рукой. Схема ориентиров нарисованная корявенько, но старательно и закатанная в пластик - под биноклем. Прикинув, что ориентир шесть - дерево с корявым легко заметным суком смотрю что там. Точно шевелится чтото. Но явно очень мелкое. Скорее всего... Ага - кот или кошка. Вроде тот - одноглазый.

- Котья это. А ты я вижу - националист.
- Конечно. Националисты - это нормально.
- А нацисты?
- Нацисты - ненормально. Кретины.

Отрываюсь от бинокля, смотрю на затылок первого номера.

- И какая разница между ними?

Не оборачиваясь, снисходительно отвечает:

- Нацисты считают всех соседей дерьмом. Потом получают от всех соседей. По башке. Националисты считают все народы равными. Но свой народ - чутьчутьчуть лучше остальных. По башке не получают потому. Живут хорошо. И соседи уважают.

У саперов взлетают две осветилки, медленно плывут на парашютиках по черному небу.

Тени от деревьев метнувшись вначале, одумываются и медленно и величественно начинают синхронное движение. Гляжу туда в бинокль, нахожу наших - неторопливо идут по бережку.

- След взяли. Видишь?

- Вижу.

- Разговор продолжай. Соскучил по беседе.

- А напарник?

- Он Дом2 смотрел.

Мда, тут не позавидуешь. Правда, знал я людей, которые и журнал Дом2 выписывали и читали на полном серьезе.

- Ну, так у казахов соседи спокойные.

- Особенно китайцы. Очень спокойные. Только споткнись.

- Зато у вас чеченцев например нет.

Он хмыкает чуть не в голос.

- К нам их сослали. Всех. С мужчинами. Наши мужчины на фронте были. Чеченцы стали свои порядки устанавливать. Наши их поставили на место быстро.

- Это как интересно?

- Просто. Подъезжает к смелому чеченцу мальчонка на лошадке. Аркан на шею и в степь. Выживет - задумается. Не выживет - пишут, что сбежал. Милиция тоже казахи. Горцы в степи непривычны. Сбежал, заблудился. Шакалы объели. Потом наши мужчины вернулись. Тихие были чеченцы. А ваших потом сотнями резали. Никто ничего не сказал. Нет у вас нации, и националистов нет.

- Нацисты же есть. Да и националисты же тоже...

- Националисты? Где тогда их партия? Газеты? На выборы они шли? Смешно. Да ваших националистов трое соберется - не договорятся.

- Ну, прямо.

- Что ваши встали? Видишь?

- Вижу, но что встали - не пойму. Опять пошли.

- Так вот не договорятся. Потому как один считает, что русские - только православные. Другой - что только язычники. А третий - вообще коммунист.

- А нацисты?

- Нет русских нацистов. Нацисты ваши русских ненавидят. Немцев боготворят. Третий Рейх. Какие же они русские нацисты. Опять смешно. Учился я в Германии. Не за что немцев боготворить.

- Непростой ты пулеметчик.

- Люди все непростые.

- И твой напарник?

- И мой напарник. В дураке все непонятно. Чего простого?

- Слушай, а ты кем работал?

- Философию преподавал. - невозмутимо говорит казах.

- Сочувствую. Когда философу и поговорить не с кем - это тяжело.

- Я не философ. Я философию преподавал.

- Ну ладно. А как тогда скинхеды?

- Гопники. Организации нет. Финансов нет. Оружие - ножи. Пока они ерундой занимаются, диаспоры спокойно занимают командные высоты. Власть берут. Финансовые потоки седлают. Берут силу, контроль. Только в газетах шум - на это гопники и годны. Страшный русский фашизм.

- То есть ты их не боялся?

- Чего бояться. Ножом я владею хорошо. Опыт есть. А были бы уличные бои - я пулеметчик. А они в армии не служат, откуда им тактику знать. Несерьезно. У Гитлера в партии почти все фронтовиками были. Те да - сила.

Неожиданно оживает рация. Голос Николаича приказывает положить на лед пару ракет - сразу за «Летучим Голландцем». Первой мажу и она булькает в темную воду, не успев

толком загореться. Вторая и третья рикошетами прыгают по льду. Тут же начинается стрельба, и мы слышим, как там сыплются стекла.

Напряженно всматриваюсь в темную глыбу плавучего заведения. Неожиданно оттуда на лед сваливается крупная туша. Не успеваю ничего сказать, а пулемет оживает, лупя туда экономными короткими очередями. Вижу в окулярах брызги льда, взбитые пулями, туша дергается, но ползет к кромке льда.

- Старшой, видим цель - с обратной стороны дебаркадера или как там его.

- Принято.

Три фигурки бегут в сторону по набережной и останавливаются как вкопанные, как только замечают ползущее тело. Хлопают выстрелы.

- Обойму давай!

Спыхватываюсь. Я же за второго номера! Хватаю из короба своеручно снаряженную обойму и щелкиваю ее в бронзовый приемник. Лязгает затвор. Пулеметчик со счастливой улыбкой молотит и молотит.

- Патронов не жаль? Эй?

- Это уйти не должно. Любой ценой. Иначе придут другие следом. Нельзя.

Логика в этом есть. Вторая обойма пустая. Вываливается с другой стороны пулемета. Звякает, упав вниз. Я наготове и третья идет стык в стык со второй. Но на девятом выстреле пулемет замолкает. Три коротких очереди было. По три патрона.

- Сделано. Сейчас пойдут смотреть - бинокль возьми.

Да, вижу что наши по льду добрались до туши.

Виктор давно не чувствовал себя таким замудоханным. Кисло было и то, что мысли в голове крутились всякие - но в основном неприятные.

Когда он делал схрон и склады, все рисовалось совсем не так. Послушная Ирка, он, героический и всезнающий, вооруженный до зубов информацией и знаниями. Теперь ему казалось, что если кто в их паре Пятница - то скорее всего он сам. Противно было и то, что и впрямь получалось - все выживание выльется в итоге в потогонное коряченье посреди леса.

Он никогда так не уставал, как сейчас. Строительство схрона было планомерным, себе в удовольствие, а тут обстоятельства гнали вперед, а Виктор напоминал себе клоуна, которого видел в детстве в цирке - тот сел на лошадь, но съехал с седлом под брюхо и както чудом виса там и вопя, потешал весь цирк. Только потом оказалось, что клоунтаки наездник, а это все было шуточной репризой. Про себя Виктор так не думал. Сейчас он не вполне был уверен, что выберется изпод брюха. Как бы наоборот, не свалиться вовсе.

Вчера он все же дорыл погреб. Уже в темноте сбил щиты и худобедно облицевал щитами вырытую яму. Получилось преотвратно, и Виктор был крайне недоволен своей работой. Теперь ломило все тело, мышцы ныли, и впридачу не спалось. Одна радость, что в честь свадьбы Ирка устроила ему роскошный минет.

С утра решили поехать на озеро за льдом, а по дороге дать крюка и заехать в нежилую уже Ольховку. Это тоже угнетало. Одно дело - чистый и красивый сюрвайв. И совсем другое - банальный крестьянский труд, тяжелый, постоянный, ежедневный с утра до вечера и малопродуктивный - Виктор прекрасно понимал, что у него, горожанина в третьем поколении самые простые крестьянские дела пойдут совсем не гладко. Да и по инвентарю он получался самым убогим бедняком. Ни курочки, ни пороса... курям на смех.

Но самое противное было сознание того, что Ирка кругом права. Почемуто захотелось привычного «в прошлое время» с утра яйца всмятку со свежим подогретым ржаным хлебом и сливочным маслом. Вместо соли Виктор всегда использовал приправу «Подправка» и сейчас он буквально почувствовал аромат.

На складе был яичный порошок. Было натопленное своеручно топленое масло. Даже

«подравка» была. И муки достаточно. Но все это было не то. Свежие продукты нужны. А вот мясом они что-то уже и наелись. Не хотелось мяса. Даже думать было противно.

Бесконечное его ворочанье с боку на бок в конце концов разбудило Ирку. Она проснулась неожиданно бодрой и свежей.

- Черт, как быстро бабы восстанавливаются - с неудовольствием подумал помятый Виктор.

Собирались недолго. Выехали - еще темно было, и свет фар контрастно освещал, словно вырезанные из бумаги силуэты деревьев.

Виктор вел аккуратно и когда фары высветили повалившийся штакетник в сухом бурьяне - было все еще темно.

Ольховка когда-то была небедной деревней в два десятка крепких домов с грамотно продуманными подворьями. Сейчас целыми в ней оставалось два дома. Еще три были в полуразваленном состоянии, а от остальных и фундаментов толком не сохранилось.

Последняя жительница - бабка Арина была знакома и с Витькой и с Ирккой - они у нее останавливались по дороге к бункеру. А то и жили - пока бункер был совсем в начале постройки. Хорошая бабка была, скуповатая, кособокая, с изломанными ревматизмом суставами, но веселая и неунывающая, со светлыми голубыми глазами. Три года назад она померла, отравившись угарным газом - экономная бабка была и дрова берегла, вот и поторопилась закрыть выюшку. Нашли ее через месяц какие-то шальные лыжники, которых сюда занесла нелегкая.

Погода была холодная, тепло от печки выдуло, избу проморозило и бабка, доползшая перед смертью почти до двери сохранилась неплохо, хотя запах стоял конечно сильный.

Ее похоронили в райцентре - родственники какие-то нашлись, причем быстро, а дом простоял полгода с открытыми окнами и дверью. Потом кто-то все же заколотил окна досками и проезжая мимо Виктор с Ирккой убеждались, что так никто сюда и не ездил.

Теперь Ирка настояла на том, чтобы осмотреть оба дома - и по результатам переселиться сюда.

Не сговариваясь, решили начать с другого дома - не того, где жила покойная.

- Заходи, будет время. Поговорим. Покурим. - говорит мне пулеметчик на прощание.

- С удовольствием - отвечаю.

Николаич счел нужным зайти на равелин и рассказать первому номеру, что тому удалось зацепить морфа дважды - причем в первый раз на лету. Во время прыжка. Последними пулями той самой длинной очереди попал еще раз. В итоге морф оказался с перебитой... ногой? Или уже все же задней лапой? Дальше морф пошел по кромке льда, переплыл промоину и пытался укрыться на «Летучем голландце», где у него было что-то вроде гнезда. Но до гнезда не успел добраться, его засекли сквозь стекла и достали. Причем в основном - опять таки «Гочки».

Пулеметчик нельзя сказать, что обрадовался. Да и Николаич выглядит вовсе не счастливчиком. Я понимаю, что магический круг воды, отпугивавший нежить - дал сбой. И морф впридачу ко всему еще и плыл... Он пока единственный такой. Но ведь нет никакой гарантии, что и другие такие не найдутся.

Спать уже не получится. Ставим стол, Николаич начинает по свежим следам писать рапорт и предложения по укреплению обороны. Мне тоже надо накропать что-то для умасливания Михайлова. Остальные валяются досыпать - еще время есть. Но что-то ворочаются сильно.

Правда, не верю я в то, что мой рапорт Михайлова утешит в любом случае. Ситуация действительно хреновая, как ни отписывайся. Пишу обтекаемо, придерживаясь канвы сляпанной долговязым омовцем версии.

Искренне надеюсь, что лампа - переноска не очень мешает компаньонам. С улицы нас все равно не видно - окна завешивают тяжелые полотнища - практически мы обзавелись кроме раздвижных щитов с бронькой и тканевой защитой. Раньше было немного стремно - по освещенным окнам стрелять удобно, а мы тут как рыбы в аквариуме были видны.

Оказывается, задремал, сидя за столом. Будит Николаич. Выглядит он паршиво - отеки заметны еще больше, чем обычно. Пора идти на утреннее собрание. С нами увязывается и командир из ОМОНа.

В здании гауптвахты все постарому. Здравствуемся. С нами здороваются.

Опять же мне первому и выступать. Рапортую - сколько и каких больных медпункт принял. Делать это просто - по моему настоянию завели журнал приема больных. До полноценных карточек пока руки не дошли, но у работников Монетного двора они уже есть, так что неплохо бы и остальной постоянной состав охватить.

- Нахрена нам эта бухгалтерия? - спрашивает майорначвор.

- Ну, мы ж собираемся вроде жить?

- Собираемся.

- Значит, будем и болеть. Когда знаешь, что с пациентом было - лечить проще.

- Это как раз понятно - неторопливо говорит Овчинников.

- Давайте сразу перейдем к вечернему инциденту со стрельбой - замечает Михайлов.

За дверью какая-то шумиха - в дверь, пятясь, вваливается стоявший там часовой, буквально вдавленный небольшой толпой. К своему неудовольствию замечаю знакомые рожи - которые бы с удовольствием бы не видел век: журналисты, привезенные сюда нами же, вчерашний господинчик, несколько незнакомых, но решительных и мрачных молодых лиц.

- Петр Петрович, это что за? - удивляется несколько картинно Овчинников.

- Это - представители прессы и общественности. - отчетливо поясняет господинчик. Держится он уверенно, да и говорить, судя по всему, горазд. А еще мне кажется, что он точно из той породы, которым ссы в глаза - все божья роса.

- И что же собственно вам нужно?

- Вчера было совершено умышленное и сознательное убийство, и мы требуем, чтобы было расследование проведено, как должно и виновные - как преступница, так и покрывающие ее негодяи понесли заслуженное наказание! - это выпаливает та самая пигалица.

- Мило - замечает Николаич - и вы уже, несмотря на так долго восхваляемую презумпцию невиновности, все знаете и преступников назначили?

- Случай совершенно ясный - безапелляционно заявляет пигалица.

- Замечательно - невесело ухмыляется Николаич - у вас, надо полагать, богатый опыт?

- Прекратите пикировку - обрывает Овчинников - давайте к делу. Доктор - начраз - Михайлов - потом выслушаем тех, кто в этом немного больше нас понимает. Гости из смежного министерства здесь?

- Здесь! - привстает маленький в берете.

- Вы провели свое расследование?

- Точно так.

- Хорошо. Давайте тогда по порядку.

Помня, что язык мой сейчас должен быть укорочен по самые гланды, чтоб не ляпнуть чего ненужного, сухо и кратко докладываю о том, что вчера видел. Максимально сухо. Николаич дублирует так же. К моему удивлению и Михайлов не шибко распространяется о своих подозрениях. Правда упоминает, что перевязка была сделана небрежно, а мы оставили раненого на попечении его друга, явно не учитывая того, что раненый и помереть может.

Вижу, что господинчик что-то шепчет писюльке на ухо, потом что-то вкручивает стоящему рядом с ним парню. Явно он дирижирует, но сам вперед не лезет. Писюлька прямо рвется в бой, но терпит, пока не выскажется омоновец.

Тот высказывается - зачитывая бумажонку суконным голосом. Текст, надо заметить,

еще более суконный - уши вянут. Но вот что хорошо - в бумажке совершенно недвусмысленно излагается версия нападения покойного на медсестру с сексуальными целями.

- Мне кажется, что инцидент исчерпан - заявляет Овчинников, строго смотря на вломившихся.

- Как бы не так - горячо заявляет журналистка.

Начальник Крепости поднимает вопросительно бровь.

- Да, у меня есть точные данные, что это было невозможно!

- И почему?

- Потому, что убитый был нетрадиционной ориентации! Он был геем! И это всем известно! Кстати - нас сюда прислали из Кронштадта и вы ничего не посмеете с нами сделать! Мы видим, что вы тут сговорились - вместе с ментами, но повторяю - мы под защитой!

- Помилуйте. Никто вас топить не собирается! Как можно. У вас какие-то странные представления о военных. Другое дело, что вы явно передергиваете информацию. Мне вот совершенно не было известно, что умерший был пидор..., то есть геем. Полагаю, что и остальным здесь присутствующим это тоже не известно.

- Вы - гомофоб?

- Помилуйте. С чего бы? С какой стати мне их бояться? Я, правда, считаю, что пока человек полагает свою интимную жизнь - интимной, то это правильно, а вот когда начинает делать ее общественной, да еще и политику приплетают - это уже предосудительно. Тем более не вижу, почему надо отдавать предпочтение только одной сексуальной патологии. Поэтому маршей садистов, демонстраций некрофилов и гейпарадов на территории крепости не будет. Во всяком случае, пока я тут начальствую.

- Значит, вы все-таки - гомофоб! А гомофобы - как указывает наука - скрытые гомосексуалисты.

- Ага. Получается так, значит, что женщины, боящиеся мышей - сами скрытые мыши. А кто не любит макароны - сам скрытая макарона. - бурчит сквозь зубы Николаич.

- Отставить! Давайте не будем устраивать балаган. Вернемся к теме. Вы утверждаете, что всем известно, что покойный был геем. Я этого не вижу. Тут есть любовники покойного? Вы, молодые люди?

- А хоть бы даже и так? - хорохорясь, выкрикивает один из пришедших.

- Во всяком случае - далеко не все знают, что он был гей. Поэтому вашим словам уже невелика цена. И к тому же - может ли так быть, Доктор, что у покойного возникло желание попробовать и женщину?

- Ну, как правило, такое бывает редко, но бисексуальность у гомосексуалистов - явление частое. (Понимаю, что что-то не то сказал, потому как публика захмыкала, но уже сказал, а слово - не воробей...)

- Я знаю, что покойный был убежденным геем - твердо и громко заявляет господинчик.

- Мне понятны ваши чувства - самым задушевным тоном заявляю я - так трудно перенести измену! Но, увы - это со многими происходило, что поделать, гомосексуальные пары как правило недолго живут вместе. Вы еще достаточно молоды и еще можете найти свое счастье.

- Вы - соучастник убийства и потому ваши слова мне безразличны - парирует господинчик. - И покойный был мне Другом!

- Это все болтовня - отвечаю ему я, решив, что хуже не будет и кидаясь в перепалку очертя голову - у вас есть фактические данные о том, что ваш приятель и впрямь имел нетрадиционную ориентацию? Фото, видео, например?

- Не выкручивайтесь! Вы соучастник - и в этом никаких видео не нужно. Есть зверски расстрелянный человек! И я требую самого сурового наказания! И сообщникам тоже!

- Какое наказание вы требуете для сообщников - заинтересованно спрашивает Овчинников.

- Расстрел! Я противник смертной казни, но такое зверье тюрьмой не перевоспитать!

- Между делом - мягко замечает Овчинников - должен отметить, что в таком случае начать мы должны с вас и тех, кто с вами пришел - за исключением журналистов.

- Конечно, озверевшая военщина не хочет слышать голос Правды! Вам не удастся заткнуть нам рот! Это не 37 год!

- При чем здесь военщина? У всех свеж в памяти недавний инцидент - когда вами - в том числе и ныне покойным - была организована акция протеста, вы потребовали вооружить своих сторонников. После этого группа ваших протестантов устроила бойню в Зоопарке, провалив достаточно легкое, в общем, задание. Результатом вашей деятельности стала гибель троих человек и 11 - серьезно пострадали. В том числе - трое детей. Детей! И у вас еще хватает наглости тут что-то требовать!

- Вы подло всучили смелым и свободолюбивым ребятам негодное оружие! Их гибель - ваша вина! Вы специально это сделали, и мы отлично видели, как ваши гориллы оцепили наших ребят. И даже угрожали мальчикам оружием!

- Если б не наши гориллы - к слову сказать: вы еще и расист, потому как обозвали обезьяной казахапулеметчика - то жертв было бы больше. Вам напомнить, кто остановил шустеров? И теперь - что это за болтовня про негодное оружие? Михайлов, какое оружие было выдано?

- Исправное. Полностью боеспособное. Просто у этих дебилов отсутствовало хоть какое-то понятие о том, как оружие применяется.

- Это вы дебил! Мальчики должны были получить инструктаж, а вы их погнали на убой! - (нет, все-таки глядя на господинчика я понимаю, что наглость - второе счастье.)

- От инструктажа, предложенного дважды, к слову - ваши, как вы их называете, мальчики отказались в резкой, я бы даже сказал - хамской форме. Что было сделано при 18 и 15 свидетелях соответственно. О чем, к слову - были составлены акты - вот и вот.

- Выкиньте ваши бумажонки - все знают, что вы дали негодные патроны!

- Да, я была в больнице, и там удивлялись, какой мелкой дробью были нанесены раны - подтверждает журнопигалица. (Отмечаю про себя, что оператор и бледный звезда отодвигаются от группы, и теперь стоят несколько поодаль, типа мы не с ними, а так случайно.)

- Получается так - встречается Николаич - что выражение дурнaluги и журноламеры вполне обоснованы - вы опять попали впросак в самом прямом смысле этого слова, не потрудившись хоть немного ознакомиться с вопросом, но сразу вынося свое скороспелое мнение.

- И в чем же это оно скороспелое? Если мелкая дробь живым людям нанесла легкие раны, то зомби она тем более не остановит! Вы послали их практически безоружными!

- Смотря каких зомби. Зачистка шла в Зоопарке. До этого там попадались и зомбокрысы, и другая мелкая дохлая живность. Стрелять по такой форме некрофауны картечью - нецелесообразно, тут нужна дробь мельче. Именно поэтому были выданы патроны разной поражающей силы. Любому дураку должно быть ясно. Те, кого вы рветесь тут защищать, валя с большой головы на здоровую - оказались куда более дураковистыми дураками, чем среднестатистический вариант.

- Я знаю, почему вы так относитесь к нам! Детская шалость вами воспринимается как потрясение устоев!

- А что считать детской шалостью? То, что застрелили редчайший экземпляр козла, повесив ему на шею картонку с надписью «Овчинников»? К слову - козел был как раз убит картечью - когда его тут разделявали на мясо - картечин наковыряли самое малое на дюжину зарядов.

- Вона оно как! - вслух удивляется начарт Охрименко.

- Репрессии не остановят порыв людей к свету и свободе и этому не помешают такие кровавые палачи, как вы!

- Что-то вы поистрепались, и раньше была демагогия, а тут уж совсем балаган

начинается... Резюмирую: взвесив и обсудив представленные факты, руководство Крепости пришло к следующему выводу: была попытка изнасилования медсестры. Медсестра несколько превысила пределы самообороны. Медсестре выносится предупреждение. Все. Вопрос закрыт. Посторонних прошу покинуть зал.

Гора с плеч - подрутому и не скажешь. Хотя, подозреваю, что не только у меня остались вопросы, и не все закончилось с этим инцидентом. Но это потом, пока можно перевести дух. Я здорово опасался, что Михайлов окажется принципиальным службистом. Но еще и не вечер и если я правильно научился оценивать мимику и телодвижения людей - каменюка за пазухой у него еще лежит, аккуратно завернутая в чистую тряпочку.

Краем уха слушаю Николаича. Утренний морф добавляет напряженности - ее ощущаешь как сгустившийся воздух. Чуть-чуть людей отпускает, когда Старшой озвучивает свое сомнение в том, что морф сам кинулся в воду. По мнению нашего начраза вполне могло быть, что кромка льда под тяжестью чудища обломилась, и тот оказался в воде против своей воли. Человеческое тело имеет положительную плавучесть, течением как раз бы снесло к «Летучему Голландцу»...

Охрименко возражает - по сведениям пулеметчика, морф полз к воде. Спрашивают меня. Приходится подтверждать - да, полз. Ну да тут не та ситуация, чтоб выдрючиваться. Водоплавающие морфы для всех нас - гибель.

Предложения Николаича по усилению обороны принимаются с рядом оговорок - тут и Охрименко, и седой сапер весьма толково высказываются. Деревья перед Крепостью решают все же спилить. Видно, что Хранителю это нож острый, но приходится согласиться, сектора обстрела должны быть чистыми. Да и перебраться с деревьев на стену - запросто можно. Николаич отдает листок с тезисами секретарше, потом сластит пилюлю:

- Возможно, что морфы действительно умеют плавать. Только вот из головы не идет один мой старый знакомый. Он, после гибели своего корабля, проплыл больше 20 миль в пресной, холодной воде. Большинство наших соотечественников при том не проплывут и пары сотен метров - в теплой, соленой.

- Считаете, что нам попался бывший моряк или спортсменпловец? - заинтересованно спрашивает Званцев.

- Или водолаз. Не исключаю и искренне на это надеюсь.

Всетаки что же произошло в медпункте? Что?

Задавая себе этот вопрос, и пытаясь смоделировать возможные варианты ответа, пропускаю достаточно рутинный доклад Павла Ильича, вот только конец доклада меня отвлекает от самоедства.

- Таким образом, трагические инциденты в Зоопарке и в медпункте ставят перед нами серьезную проблему: какой у нас здесь порядок и как, собственно говоря, нам жить дальше. Мы выжили в первое время хаоса, когда было главным просто выжить - но теперь ситуация более менее стабилизируется, если можно так говорить применительно к тому ужасу, который вокруг нас. И вопрос правопорядка становится насущным. Тут сегодня уже много говорилось о свободах и ответственности, расстрелах и так далее. Пока мы жили остатками прошлого. Но у нас тут нет возможности не то, чтоб содержать тюрьму, но даже и кормить тех, кто не хочет работать. Что сейчас законно здесь?

- Говоря проще - Вы спрашиваете, по каким правилам будет идти наша жизнь дальше? - Михайлов кратко формулирует длинные периоды речи Хранителя.

- Именно. Логично было бы ввести, скажем, военное положение.

- Невозможно. Военное положение на нашем уровне - да и на уровне Кронштадта, например, ввести незаконно.

- Почему? - видно, что любезнейший Павел Ильич просто не понимает сказанного.

- Потому что ВП вводится указом президента. Не ниже - отвечает Овчинников.

- Хорошо. И что тогда делать нам? За расстрел детей - бить морды стрелявшим? Или выносить порицание - как медсестре? А сейчас этот удаленный отсюда деятель устроит демонстрацию из трех десятков своих последователей с требованием свобод и расстрелов

для несогласных? Должна быть отправная точка.

- И что рекомендуете? Создать хунту?

- Да откуда мнело знать? Давайте вместе думать. Старое законодательство погибло вместе с тем миром, во всяком случае, для нас оно невыполнимо, хотя формально тюрьма в Крепости и есть... Значит - нужно новое, всем понятное. Нужно что-то, ну я не знаю, на манер совета старейшин или трибунала - чтобы не расследовать, как попало каждый невнятный случай. Нужно решить вопрос с несогласными. Собственно говоря - мы находимся в осажденной крепости в прямом смысле этого слова. Для нас роскошь - устраивать такие эксперименты, теряя сразу 14 человек просто потому, что у кого-то дурь разыгралась.

- Эге, да вы ретроград и консерватор...

- Да, когда в мою несовершеннолетнюю племянницу какие-то остолопы стреляют из ружья - я сразу становлюсь консерватором. И ради Бога - не надо заводить эти песни о свободах и прочем неповиновении властям. Прекрасно помню чеканное выражение этой недояпонки, сказавшей буквально: «Я буду бороться с любой властью, пока меня не будет в этой власти!» И здесь - все ровно то же самое. И я прекрасно помню, что такое власть в руках таких господ!

- Хорошо. А что Вы сами можете предложить для тех, кто тут мутит воду?

Павел Ильич переводит дух.

- А я предлагаю вернуться к истокам демократии.

Немая сцена. Как в «Ревизоре».

- Да, именно к истокам демократии. В наидемократичнейших - ставших предтечами и символом демократии греческих государствах был такой обычай, как остракизм или петализм.

- А, подвергнуть острейшему кизму! То есть выставить за ворота на все четыре стороны?

- Именно так. И кандидатов у меня четверо.

- Я бы сказал - шестеро таких - замечает Михайлов.

- Сверьте свои списки - предлагает Овчинников.

После сверки оказывается, что три фамилии совпадают. Это показательно.

- И как вы себе это представляете? Черепков на все население Крепости не напасешься.

- Может показатки? - спрашивает Охрименко.

- Одни налево, другие - направо и кого больше - тот и прав?

- Ага.

- А потом как положено на Сечи - в кулачки сойтись? Ну, как на новгородском вече? А драки устраивать на Иоанновском мосту?

- Вообще можно конечно. Но как показывает опыт - все равно для решения всех вопросов это не годится. Делегирование прав ведь уже было сделано - руководство избрано. Думаю, что не стоит нам тут заигрывать с массами. Раз это сделаем - и хватит. Надеюсь, что и не понадобится впредь.

- И куда выгонять будем? Опять в Кронштадт?

- Это не пойдет - Званцев аж вскочил - у меня категорическое запрещение от Змиева на спихивание в Кронштадт всякого непотребства.

- Ну да, конечно. Тото вы нам всучили этих журнаглистов. Кстати, как там наши лесбиянки поживают?

- Лесбиянки доставлены по назначению. Практически все. Три добровольно остались в Кронштадте, две сейчас следуют на «Тарбаре», остальные высажены с фрегата на остров Хийумаа, относящийся к Эстонии, которая входит в ЕС, так что считай - почти дома. До Италии - рукой подать.

- Ну, вы даете, водоплавающие! Ничего себе рукой подать! Пока мы тут про остракизм толкуем, вы уже вон как ловко - прямо как в старые добрые пиратские времена - вот тебе шлюпка, вот библия и вали на остров с корабля. Может и выживешь.

- А это не мы - ханжески заявляет Званцев - это индусы.

Дом, в который залезли молодожены, был больше бабкиного - четыре окна по фасаду. Пришлось отбивать доски со всех окон - иначе темнота угнетала, да и мешала осмотру. Осматривать дом при свете прикрученных к оружию фонариков показалось голливудчиной, но и сажать аккумуляторы базового фонаря непойми ради чего тоже было расточительно.

На всякий пожарный Виктор притащил в дом и ДП с дисками. Когда собирались, возникла мысль переснарядить диски новенькими патронами, купленными в охотничьем магазине.

По некоторому размышлению Витя оставил все как есть - пока нападения крупных сил противника не ожидалось и стараканенные новехонькие патроны остались лежать на складе. В биографии продавца была одна шероховатость, которая помешала бы официально приобрести нарезное оружие, поэтому особенно Виктор и не заморачивался, только приобретя ДП, он стал приписывать к покупкам винтовочных патронов небольшое количество сверху, делая это очень просто - когда очередной счастливый обладатель мосинки покупал патроны, Виктор, как и положено делал запись в журнале, где покупатель и расписывался. А потом Виктор слегонца исправлял своеручно написанное, доплачивал в кассу, где Милке было все пофигу, лишь бы суммы сходились, и разживался патронами. Всего до БП удалось скопить 560 винтовочных «гвоздей». Теперь они лежали в НЗ. Кроме них Витя таким же макаром разжился еще и другими патриками, правда не борзея сверх края - взял немного и сугубо ходовых параметров.

Начали осмотр с чердака, который оказался сухим к удивлению Виктора. Шифер, уложенный на древнюю дранку, не пропускал воду, и даже печная труба устояла. Хлама было много - несколько ящиков, коробка, картонные коробки, старые шмотки, пяток древних чугунных здоровенных горшков такой формы, которую удобно брать ухватом, куски стекла... Груда пыльных банок разной величины, но все больше трехлитровок... Может быть, тут что и было полезного, но Виктор не видел - что. Ирка наоборот задумчиво присела перед чугунками, внимательно осматривая их, подсвечивая фонариком внутрь посудин.

Потом попросила сопроводить ее во двор - там она, прошуршав в зарослях прошлогоднего бурьяна, позвала свежее испеченного мужа к себе - с его помощью она выволокла из снега и переплетений высохшей травы здоровенный чан древнего вида.

- Тут мысль возникла - сказала Ирка мужу - ято сначала думала, что мы у Арины ее сани возьмем - на них можно было б сколотить корабль и нагрузить льда сотни полторы кило, а сейчас думаю, что лед нам возить не понадобится.

- И?

- Этот котел литров на тридцать. Чугунки. Наши кастрюли. Если печки тут в порядке - то мы на санках сюда солонину притащим, и я из нее сделаю тушенку. А потом закатаем в банки - у меня и крышки есть. Во втором складе, как помню. А у Арины и погреб был неплохой.

- Так грязное же все, пыльное.

- Ну, помытьто можно. Вода рядом, дрова есть. Давай, глянем печку.

Печка была странноватого вида - накрыта сверху коробом из жести с дверцами на щеколде, этакий эрзац русской, занимавшей слишком много места. Открыв вьюшки - не слишком разбираясь, какая из них для летней, а какая - для зимней топки Виктор сунул в холодный зев давно не топленного сооружения ком мятой газеты и подпалил спичкой. Тяга была.

- Замечательно - обрадовалась Ирка. И продолжила свои поиски.

Виктор, почитавший в свое время, как правильно проводить обыски, взялся за дело методично. Ирка - наоборот. Забавно, но это дело както увлекло обоих. Темный здоровенный

незнакомый дом был достаточно любопытным и таинственным объектом - еще когда Витя возился с чудаковатыми копателями у тех высшей оценкой сохранности был «чердачный сохран» - и в деревнях и в городе много чего валялось с незапамятных времен на чердаках и Витя в свое время проспорил бутылку «Абсолюта», не поверив, что на чердаке городского пятиэтажного дома стоит остов грузовика и лафет от зенитки.

- А что мы вообще ищем? - спросил он Ирку.

- Все, что может нам пригодиться в дальнейшем - ответила она и улыбнулась.

- Ну, бедному вору все впору - пробурчал он в ответ.

Собственно все, что они находили - вполне могло пригодиться не сейчас, так через несколько лет. То, что деревня давнымдавно попала в список «неперспективных», в немалой степени спасло ее от многочисленных мародеров, особенно от террористов нового типа. С легкой руки бузINESSменов, крышующих пункты по сбору металлолома и цветняка в стране создались многочисленные диверсионные группы бомжей. В пунктах принимали все что угодно, совершенно не парясь - украденный ли это бронзовый памятник, стыренный рельс, раскуроченное лифтовое оборудование или новые алюминиевые кастрюли, еще пахнущие щами. Ради сраного пошла бомжи перли все и отовсюду, нанося ущерб почище диверсантов - бесхозные советские металлы давно кончились и последние лет пятнадцать доморощенные террористы тащили то, что уже было чьейто собственностью - особенно доставалось хозяйству железной дороги, лифтам и обычным гражданам. Пустующие дома и дачи в зоне досягаемости обносились ежегодно, причем совершенно варварски - с выдираньем проводки и выносом всего металлического.

А эта деревня, находившаяся в медвежьей глуши, не имела ни своих бомжей или нарков, да и добраться до нее было очень непросто - потому получилось почти как на острове Сааремаа, где скуповатые селяне не выбрасывали ничего, отчего и вышел у них самый лучший краеведческий музей с экспонатами трехсотлетней давности.

Здесь не было электричества, телефона, газа, да и дороги как таковой - тож не было. Родственники к Арине ездили редко, и она както ухитрялась жить натуральным хозяйством - курочки, огород. Привозили ей керосин, соль, спички да муку. Пока была жива ее соседка - жившая как раз в этом доме - посетители бывали часто - соседка выкармливала для своих родственников поросят, которых ей совсем малышами привозили весной, а глубокой осенью забирали туши. Этот диковинный котел из бурьяна как раз и пользовался для запарки травы свинкам.

Потом соседка померла, дом заколотили, и Арина осталась одна. А когда началась вся эта перестройка - и не до бабки стало. Да она и не жаловалась, вполне обходясь для бесед своей кошкой. Гостям же искренне была рада.

Виктор, правда, не очень обращал внимание на то, что тут есть, будучи увлечен постройкой своей базы. Ирка наоборот засекала все, что могло пригодиться. Она нашла стеклорез - весьма приличный - и связку обоев с наивной расцветкой - не иначе годов шестидесятых. Виктор надыбал инструменты - стамески, рубанок, пару ржавых пил.

Его удивило, что мебель стояла на своих местах - и древний шкаф с точеными балясинками сверху и стулья и столы. В допотопной тумбе Ирка нашла какуюто замшелую посуду и Виктор буквально охренел, когда Ирка лукаво улыбаясь, подала ему пыльную кружку с польским орлом, узником за решеткой и надписью «Тюрьмы панской Польши».

Вот со спальными местами было неважнец - кроватей было аж три штуки. Но панцирные сетки на них были безбожно растянутыми, а матрасов и помины не было. Пара подушек, тяжелых с отсыревшим пером, были стремного вида - с какимито неприятными разводами на наволочках.

Решили пока не осматривать все тщательно - видно было, что дом можно занять и жить в нем. Стекол не хватало половины, рамы были гниловаты, но вставить стекло для Виктора было не проблемой - он умел это делать. Вот защитить окна чемто вроде решетки и продумать запасной выход - на всякий случай - было уже сложнее.

Заглянули в чулан и сарай, примыкавший к дому с другой стороны. Уже и свинками

там не пахло. Нашелся еще койкакой огородный инструмент, но весьма убогий.

Впрочем, Виктор и такого не имел.

Когда вылезли из дома, Ирка, словно что-то вспомнив, поманила пальчиком своего суженого и пошла к третьему от Ариногого дому - крыша у того прогнулась седлом, напоминая варварские жилища вождей - галльских или германских. За домом оказалась бревенчатая покосившаяся пристройка - не то большеватая банька, не то маловатый гаражик. Что удивительно - крыша этого сооружения еще каким-то чудом сохранилась. В отличие от дома. Заперто это все было на проржавленный замок, висящий тут явно не один десяток лет.

- И что тут?

- Свадебный подарок! «Газенваген»!

Виктор сильно озадачился. Впервые, с какой стати душегубка может быть свадебным подарком? Вторых - как тут могла оказаться душегубка?

Тем не менее, он сходил за фомкой и, подцепив замок, дернул. Замок удержался. А вот железяка, на которой он был прицеплен, вырвалась из трухлявой древесины ворот. Створки выросли в землю. Да еще и снегом их присыпало. Пришлось покоряться.

Наконец, выломав одну створку - петли не выдержали, Виктор вошел в «баньку».

Стоявшее в ней сооружение было закрыто ветхим, расплывшимся белесым брезентом. Поднимая пылицу, Виктор с супругой стянули полотнище.

Под ним оказалось что-то очень знакомое - изрядно потрепанная грузовая машина с каким-то здоровенными баками по бокам перекошенной кабины без стекол.

- Ну, дела! Это еще что такое?

- Я ж говорю - газенваген! Он на дровах ездил!

- Тьфу, глупая баба! Не газенваген, а газгольдер.

- Не, газгольдер - это такая круглая кирпичная башня на набережной. А это - газенваген. Мне так Арина сказала.

Виктор на минуту задумался. Да, пожалуй не газгольдер... Черт, как же его... Ну не важно. Он осмотрел эти баки и трубы. Видно было, что когда-то их густо обмазали тавотом. Потыкав пальцем, Витя отметил, что тавот как камень. Может из-за холода, а может - и по возрасту.

- Подарокто еще тот... Нафига нам этот механический мертвяк нужен?

- Сосед Арины все его хотел в порядок привести. Рано умер, а то б починил.

- А намто какой прок?

- Раньше делали прочно и просто, и раз сосед собирался это починить - то и ты мог бы. Чем дизелюху гонять - лучше б эту - на дровах. Не сможет ездить - так хоть как генератор - для электричества. А если еще и ездить будет - бензин сэкономим.

Виктор присел на корточки - колеса у машины - сейчас уже он понял, что это полуторка - давным - давно сдулись и сплющились, автомобиль практически сидел брюхом на сгнивших досках. А что, можно и попробовать... Ведь видел же он, как отреставрировали валявшуюся неподалеку от Мясного Бора в лесу такую же полуторку. Эта всяко в лучшем сохране... От той - только двигатель с рамой оставались...

Супруги вышли из гаража и Виктор задумчиво поставил вывернутую створку на место.

- Газген эта штука называется! Газогенератор! Вот, вспомнил!

- Ты у меня такой молодчина - Ирка прижалась всем телом и игриво заглянула ему в глаза - снизу вверх.

- Демократию разводить в окруженной крепости - последнее дело. Считаю, что тут должно быть все просто - и повоенному внятно - ну, от металлического Михайлова чего другого и ожидать нечего.

- Всетаки - может ли ктонибудь внятно сказать - что считается приоритетным в случае

осады? Насчет внятности у военных - знаете - как раз все последнее время внятности в военных делах было совсем мало. Скорее - невнятность.

- Замечу, Павел Ильич, что военные - не сами по себе, слушаются приказов сверху. Так что тут не только к военным вопрос. Дело не в этом. Вопрос остается - по каким правилам будем жить дальше? Если брать военные - то полезно все, что дает возможность гарнизону крепости перенести осаду, а вредно все, что снижает обороноспособность. Что Доктор руку тянете?

- Ну, мне кажется, что мы сейчас заберемся в дебри дискуссии о Добре и Зле. Позволю себе сказать пару слов на эту тему - был у нас такой санитар - Евгением звали, так вот он, было дело, высказался так: Добро - все, что позволяет виду выжить. А Зло - то, что ведет вид к гибели. Соответственно этот постулат подходит и для нашего гарнизона. Все - что позволяет выжить гарнизону, включая кошек и собак - Добро.

- Чтото такое было в Третьем рейхе - вмешивается седой сапер: - Тоже - «что для Рейха благо - то и Добро». Потом они с этим благом допрыгались до выжигания деревень с унтерменьями и массовой ликвидации взятых в плен недочеловеков. Потому как для Рейха этот геноцид считался благом.

- Так вот я ж не зря сказал о виде - поведение Третьего Рейха как раз виду - биологическому виду - людям - было вовсе не добром. Для вида - как раз это было угрозой. И отсюда же - такая привлекательность Третьего Рейха. Зло вообще привлекательно и интересно.

- Нука, нука? И с чего же это Зло интереснее?

- Товарищи, вам не кажется, что мы не в лектории и не в дискуссионном клубе?

- Погодите, Петр Петрович, тут вопрос действительно интересный. Действительно ведь - хоть в кино, хоть в романах - положительных персонажи скучные и хрен их потом вспомнишь, а отрицательные - запоминаются куда лучше.

- Так это и понятно - Добро - предсказуемо. Требуется постоянных усилий, тяжелой работы - и так всю жизнь. И все знают, что положительный герой, если взялся ухаживать за девушкой, то все будет по стандартному плану развития событий - цветы - букеты, ухаживания - поцелуйчики, свадьба, дети, потом внуки. Причем в количествах, обеспечивающих положительную демографию. И с ребенками - тоже все ясно - родили, кормили, перепеленывали. В школу водили, домашнее задание проверяли. Сопли утирали... Из дня в день одно и то же, планомерно и монотонно.

- А отрицательный?

- А вот у отрицательного - море вариантов. Не угадаешь. Он может изнасиловать девушку, бросить ее с ребенком - а то и продать в рабство, или взять себе в гарем, или приковать в подвале или вообще посадить на кол... А из ребенка можно чучело набить, или суп сварить, или свиньям скормить...

- Скажете тоже!

Это та - толстуха. Ну, погоди, тетя!

- К моему сожалению, в реальной жизни и не такого насмотрелся - и вариантов у Зла - действительно прорва. Я прекрасно помню офигевших гинекологов - у женщины с опухолью - этой самой опухолью в малом тазу оказалась бутылка изпод водки, маленькая и древняя - когда эти чекушки выпускали без бумажных этикеток, там весь текст был выдавлен стеклом - рельефно. Других вроде тогда и не выпускали.

- Точно так, были такие - там еще олень был и то ли солнце, то ли северное сияние. - у седого сапера на минутку мелькает тень давних воспоминаний - и право слово - приятных воспоминаний.

- Ага, был олень. Тетка потом, сконфузясь, призналась, что когда была молодая, вела себя весело. Вот видно, когда была сильно датой, ей ее дружки бутылку во влагище и загнали «смеха ради». Бутылка просадила свод влагища и ушла в малый таз, где и пробыла несколько десятков лет. А алкоголь обеспечил обезболивание и дезинфекцию. Ну а другие приколисты забивают в это место и поболее бутылки, видал случай, когда по приколу еще

бутыль и разбили, кокнув по донышку. А была ситуация, когда такой ухарь у женщины после насилия вытянул кишечник руками. Она глухонемая была, чем он и воспользовался - потрошил ее всю ночь посреди жилого квартала - и никто ничего не слышал. Видите, сколько вариантов у Зла - и я далеко не все припомнил.

- Какие вы гадости говорите, как не стыдно!

- Ну, гадости. Так ведь из реальной жизни.

- И все равно - нельзя о таком рассказывать!

- Почему? Все эти уроды - они ж рядом жили. И сейчас у нас вопрос - как избежать активности уродов в нашей среде обитания. Чтоб не ходили тут путем Зла. К слову - если какая цивилизация изобретала для себя веселое и увлекательное Добро массивные человеческие жертвоприношения, гомосексизм как священная обязанность, убивание незащищенных соседей во славу Добрых Богов и тому подобное - такая цивилизация в исторически быстрый срок кончалась. Сама или при помощи тех, для кого служение Добру - тяжелая и трудоемкая обязанность, но они ее соблюдают. Вот у нас последний пример - как раз Третий Рейх. Их Добро для нас оказалось куда как Злом.

- Говоря не так учено и высокопарно - полагаю, что на первый раз стоит поновгородски или показавки вынести общее решение по поводу этих трех персональных геморроев - а потом решать выделенным Трибуналом.

- А состав Трибунала?

- Да вот - штаб в полном составе.

- И по каким правилам?

- А это надо подумать. Вот значится присутствующим задание на дом - проект свода правил и свод наказаний. Как в Зоопарке - чтоб ясно и понятно - «Пальцы в клетку не совать! Штраф - один палец.» Срок - до собрания послезавтра. Митинг проводим сегодня в 11 часов 00 минут по московскому времени - перед Собором. Начальникам служб - обеспечить явку. С этим вопросом - все. Давайте дальше.

Собрание идет своим ходом. По сообщениям видно, что неразбериха первых дней в основном изжита - руководители таки справляются с задачами. Доклады уже - не рапорты с поля боя, уже спокойнее, рутиннее.

Отмечаю про себя, что в Крепость пошли валом мины - и вокруг Крепости уже сделаны первые минные поля - судя по кислой физиономии седого сапера Алексея Сергеевича - крайне примитивные, рассчитанные только на тупых зомби. Ну, это понятно. Зомби это отпугнет, часовым легче, а если кто живой доберется - увидит и щиты с надписями и лежащие прямо на насте минки.

Правда, тот же морф проскочил, судя по следам, через такое минное поле минимум трижды - то ли так ему повезло, то ли соображал, куда лапы ставить. И ведь в воде не замерз, сволочь, двигался потом хоть и медленнее, но ведь двигался же. Не прыгал, как тут под пулеметом, брел скорее, потом вообще полз. Или полз - как положено ползти под огнем, уменьшая грамотно силуэт мишени? Или перебитая лапа не давала прыгать?

Наконец, собрание закончилось. Иду с твердым намерением поговорить как следует с Надеждой Николаевной.

Идущий рядом маленький омоновец вполголоса спрашивает:

- Про глухонемую - случаем не рядом с Фрунзенским универмагом это произошло?

- Случаем - там.

- Откуда узнали?

- Наш город - большая деревня. Так вышло, что один мой хороший знакомый проходил мимо этой парочки в подворотне - еще в самом начале, пока до дела не дошло - потом свидетелем был. А другой хороший знакомый дежурил в приемном отделении своей клиники, когда женщину привезли. Собственно он ее и вытягивал, чтоб могла на вопросы ответить. Менты тогда подсустились - оперативно работали - и сурдопереводчика мигом нашли и вообще.

- Ясно.

Добраться сразу до Надежды и выяснить ситуацию не получается. В салоне идет оживленная беседа, центром которой оказывается вчерашний дедпасечник. Вид у него счастливый.

Не сразу понимаю из его бурной восторженной речи - что собственно его так обрадовало. Задирает на себе одежду. Вместо вчерашней воспаленной жути с пузырями - вполне здоровая кожа, то, что у него вчера был цветущий и здоровенный опоясывающий герпес подтверждает только несколько кровавых корочек и шелушащиеся участки на месте пузырьков. Не, этого не бывает!

Сам дедок полагает, что это я - великий шаман и кудесник дал ему чудодейственные таблетки. Об этом с моей колокольни и речи быть не может. Таблетки, несомненно, лучше работают, чем мазь зовиракс, но не настолько же. Случай и впрямь уникальный, хоть публикуй. Впрочем - вот Валентине о нем сообщить стоит.

Обращаю внимание на то, что деда наши подначивают тем, что он просто скинхед какойто. Не понимаю, в чем тут соль - дед не похож на скинхеда ничем. Спрашиваю его напрямую.

- Ваши люди развеселились, когда я рассказал о том, для чего приехал сюда. После войны у вас тут на СевероЗападе пчеловодство было практически разгромлено - как и все остальное. Своих пчел - не осталось. Порода северо - западная только у нас в Башкортостане осталась - климат оказался подходящий, у нас они давно уже работали. А к вам сюда кавказскую породу и некоторые другие завезли. Кавказская - больше меда дает, зимует недолго, свой улей защищает от других пчел, а к пчеловоду не агрессивна. Воровата правда, из соседних ульев мед любит таскать в свой, делает умело, а от других пчел улей обороняет хорошо. Все хорошо, но оказалось, что на зимовье на кавказских больше питания уходит, а мед они в ваших условиях дают меньше, из-за короткого зимовья погибают часто. А северозападные как раз к пчеловоду относятся жестко, а вот воровства у себя не пресекают и у других пчел не воруют. Зимуют ровно столько, сколько тут по погоде получается и мед дают хоть и меньше, чем кавказские, но на них и трат по зиме меньше. Проще говоря - они сюда лучше подходят.

Обратно завезти сюда северозападную породу собирались давно, но все не выходило. А вот сейчас я как раз договариваться приехал. И вот чего вышло.

- Ну да, есть нечто скинхедское. Типа кавказцев вон, своих разводить.

- Что поделать - северозападные для СевероЗапада лучше годятся. А кавказские - лучше на Кавказе. И для меня все пчелы свои, что тут глупости говорить. Пчела - вообще святая живность.

- Прямо святая!

- Конечно, святая. Вся другая живность хоть кого да жрет. А пчелы никого не жрут, наоборот - где пчел нет - там и не растет ничего. А где пчелы - там все растет хорошо. Этого - сельского хозяйства - без пчел быть не может. Много вы искусственно опылите, как же. Вот погодите - летом, если все получится - я вам меда буду возить. Сами увидите.

- За мед конечно благодарны будем.

- Рано пока. Но доктору - мед будет. И спасибо, я готовился месяц болеть. Таблетки я себе оставлю, да?

- Да ради бога. Рад, что вылечилось так быстро.

Наконец словоохотливый дед выкатывается из салона по своим пчеловодским делам, не забыв вернуть вчерашние коробки. Правда, уже без еды, но зато чисто вымытые.

Николаич тихонько спрашивает:

- Получается так, что чтото не так, а? Самое бы то триумфом медицины насладиться, а Вы чтото задумались?

- Не лечится герпес за ночь. Не бывает такого.

- А почки? Нет у вас таких таблеток? Чтоб за ночь?

- Раньше не было. Сейчас - не знаю.

- Посмотрите тогда. Плоховато мне сейчас чтото.

- Ясно, что смогу сделаю. Но может, стоит Вам лечь в больничку? Я б договорился.
- Тогда послезавтра. Завтра - операция будет, нельзя мне выпадать.
- И это ясно. Сейчас потолкую с Надеждой - прикину, чем помочь пока можно.

Николаич кивает.

Всякие серьезные разговоры надо проводить после завтрака. На сытый желудок злости меньше и получается конструктивнее.

Наконец мы с Надеждой свет Николаевной наедине. Деликатная Дарья свинтила кудато. Мужиков я прямо попросил не соваться на первый этаж. Просто так не соваться.

Ну, вообщето начать можно только одним способом - начать!

Ктото великий сказал.

Лезу в холодную воду неприятного разговора с неизвестным финалом.

Кобура с ПМ все еще у медсестры - насколько знаю, Николаич не дал снять, а то была такая попытка со стороны Михайлова. Несколько утешает, что кабур не на животе, а спихнут в «штабное положение» - аж кудато на спину. Вообщето я договорился с Андреем и Николаичем, что если начнется ор или тем более стрельба - они вмешаются. Но то, как Надя влепила сразу несколько пуль в нужные места, показывает, что если она начнет палить по мне - Николаич уже не поспеет. И Андрей с его коленками - тоже...

Перед тем как идти - спрашиваю Андрея:

- С чего была такая усмешка при виде этого раненого деятеля?

- Я его по Чечне помню. Работал на ичкерийских бандитов совершенно откровенно, правозащечник херов. Достаточно известная сволочь, хотя конечно по заслугам перед Ичкерийской республикой в подметки не годится Березовскому, лорду Жабе или Кавалеву, рыцарю Чести со Звездой.

- Последнее - это о чем?

- Кавалев за заслуги перед Ичкерией стал кавалером Большой звезды ордена «Рыцарь Чести» Чеченской Республики Ичкерия - получил орден в 1997 году. Это как в 1942 году кого бы в Москве наградили Железным Крестом с дубовыми листьями.

- Не знал.

- Надьку не надо прессовать. Заслужил покойный за свои штучки не такое даже обхождение. Я бы его грохнул, да долго думал как да что... А он на нее как раз наварлся.

- А тебе он чем насолил?

- Лично мне? Да пустяк. Гарантировал лично своим честным словом безопасность четверых наших мальчишек раненых. Оставили их с санинструктором в «мирном» селе. Через день, когда мы в село вернулись - по нам влупили, сгорела БМП. Потом мы нашли и оставленных раненых - их помясничили с усердием. И полумертвых облили бензином. Ну и сожгли. Дружок мой там был.

Мы откатились и отработали по селу. Потом приехала охрененная комиссия - как мы посмели по «мирному селу» стрелять... А этот - укатил в Гаагу рассказывать о зверстве русской имперской военщины...

Мда...

- Надежда Николаевна! Должен признаться, что покойный и его дружки мне не пришлись по вкусу. Но стрельба в медпункте - это перебор любому. Рядом были люди, в том числе и патрули - вам достаточно было заорать и этого деятеля катали бы ногами по двору полчаса, если не больше. Поэтому я бы Вас попросил либо внятно объяснить, что там произошло, либо - если объяснений Вам давать по какимлибо причинам неохота - я буду настаивать на переводе Вас в Кронштадт.

- Вас не устраивает моя профессиональная деятельность?

- Ну, с этой точки зрения у меня никаких претензий нет. Просто по ряду причин я теперь не люблю работать с людьми, мотивы поведения которых мне не понятны.

- То есть Вы не верите в официально признанную версию произошедшего? - Надежда както хмуро улыбается.

- Да как Вам сказать... Есть конечно такой анекдотец, когда богобоязненная мамаша

спрашивает дочку, что та будет делать, встретившись с насильником и когда дочка отвечает, что спустит с насильника штаны, а себе высоко задерет юбку - мамаша приходит в ужас. А дочка резонно спрашивает: «Но мама, кто будет бежать быстрее - я с задраным подолом или он - в спущенных штанах?»

Надежда реагирует на анекдот такой мимикой, что я быстро понимаю, что хватил через край и шуточки сейчас крайне неуместны.

- Ну, а говоря серьезно - меня очень смущает то, что Вы повели себя демонстративно. Вы не защищались - Вы карали. Обдуманно, с предельной жестокостью.

Я бы даже сказал - с женской жестокостью, которая мужскую, как правило, превосходит в разы. В отличие от остальных я прекрасно понимаю еще и то, что если б он на Вас напал - вы бы справились с этой гнилью и без оружия. Ну, или сделали бы в нем одну - две дыры.

Если у Вас были с ним старые счеты - то инъекцией - или максимум двумя - Вы спокойно уложили бы его. Он ведь сам пришел, ему какаято медпомощь была нужна, принял бы уколы еще и с благодарностью. Вы грамотный специалист - и в условиях отсутствия патанатомического и судебномедицинского контроля могли бы сделать все, совершенно не афишируя. Даже его приятели бы не вякнули, повода бы не было. А тут...

- Вы настаиваете на объяснениях?

- Нет. Если Вы не хотите - не говорите. Но тогда работать Вам придется в Кронштадте. Или - если охотничья команда меня в этом не поддержит - а я вполне допускаю такой вариант - тогда я переберусь в Кронштадт.

- Даже вот так?

- Да. Так.

Дом бабки Арины как ни странно - тоже произвел впечатление незнакомого. Во всяком случае, на Виктора. Ирка же наоборот сориентировалась в момент. Пахло в доме больше керосином и скоро стало ясно, почему. Мало того, что попередвинута была вся мебель, словно тут слоны танцевали, так еще впридачу какойто дурень из бабкиных родственников уронил керосиновую лампу - стекло разбилось вдрезг, а из перевернутого резервуара вытек и впитался в пол остаток керосина. Было керосина немного, но вонять невыразимо керосин умеет и в малых дозах.

Обругав бестолковых Ариных родичей, Ирка сбегала в сарай и притащила коротенькую лестницу. Витя и не знал, что его супруга знает бабкины тайнички. Оказалось - знает.

Скоро она притащила три запасные стекла для той лампы, которая валялась на полу, связку запасных фитилей и отдельно - пакет из пожелтевшей бумаги. Оказалось к той жестяной штуковине, бывшей повседневной лампой для Арины, имелась и добавка - ни разу не пользованная лампа - со стеклянным голубоватым резервуаром, и латунной головкой. Фитилей к ней (а они были шире других) оказалось всего пяток. И ламповых стекол - всего два. Бабка, оказывается, берегла эту лампу «на праздник». Но так ни разу и не попользовала.

- Толкуто. Керосину - то нет. Да и этот вытек.

- Да должен быть керосин. Пошли!

Керосин и вправду нашелся - в мятном десятилитровом бидоне и здорово ржавой канистре. Была еще одна - но она стояла открыто и ее видно прибрали к рукам. А эти - спрятаны за дровами и остались незамеченными.

Виктор наклонился, поднять жестяной резервуар с головкой, и заметил на полу какieto блики. Присмотревшись, он понял, что это играет свет из окошка, неплотно забитого досками - на мельчайших металлических шариках. И было таких шариков много.

- Что за фигня? - удивился Виктор и потыкал тонкой щепочкой в один из шариков. Тот

послушно перекатился в сторону, наткнулся на другой такой же и слился с ним. Пихаемые Витей шарики послушно и както радостно сливались друг с другом, как оттаявшие части жидкого Терминатора.

- Тут ртути до фигища на полу - безрадостно проинформировал Витя свою подругу.

Та подошла, посмотрела, потом почемуто стала осматривать стену напротив.

- Ты чего?

- У Арины тут термометр висел обалденный, ртутный, ртуть в такой спирали была. Начала того века, «городской» как она его называла. Ага, вот на полу осколки. Разбили, черти полосатые...

- Да плевать, откуда ртуть. Ноги надо уносить, отравимся.

- Брось, токо начали. Давай, я ее соберу в банку, сколько удастся - а там останется мало - разберемся.

Виктор открыл окно, посбивав доски, стало светлее. Пока Ирка корячилась на полу, сгребая капли, Виктор старательно вспоминал, что он о ртути помнит. Помнил он мало - что если ртуть выпить, то ничего не будет, а вот пары - ядовиты. Вот насколько ядовиты и какие признаки - этого он не помнил.

- О чем задумался?

- Оборону тут держать сложно. И кто угодно в дом залезет. Хоть через веранду, хоть через дверь, хоть через сарай или подпол...

- Сортир забыл. Через выгребную яму - тоже можно. Но, вопервых, тут немногочленно и раньше было, а вовторых, оружия у нас на табун медведей хватит. Кстати - подпол надо проверить - у Арины там еще банки были. С соседского дома 17 трехлитровок. Да литровок два десятка - Ариныны если есть - и вполне нам на тушенку хватит. О, вспомнила - у бабки еще лаврушки куча была.

И Ирина действительно притащила жестяную коробку, от которой остро пахло лавровым листом. Мешок с тяжелой, отсыревшей солью. Упаковку спичек - целую и початую. Потом почемуто очень обрадовалась, откопав в груди тряпок у раскрытого шкафа деревянную шкатулищу с разномастными пуговицами и огорчилась, не найдя на привычном месте древнюю зингеровскую швейную машинку. Зато нашла нитки и иголки.

- Кто про что, а вшивый про баню! Пуговицыто тебе на кой ляд сдались, а?

- Мы ж по твоему решению с людьми в контакт не входим, да? Значит, сорок лет живем в лесу. Одежду треплем. Молнии тебе 40 лет прослужат? Шить прорехи на пальцах будешь? Или как молнии через лет пять - шесть поклинит - деревяшки вместо пуговок понашиваем? К слову, дорогой - презервативов у тебя тоже не вагон. Как насчет детишек?

- Ну, сосок у тебя, пеленок всяких там распашонок и памперсов тоже нет!

- Адам с Евой без памперсов обходились.

- Так они ж не одни были.

- Как не одни? Одни! Они ж первые люди были вообще!

- Эх, крестик носишь, а Библию не читала.

- Читала!

- Значит - дура! У Адама с Евой было два сына - Каин и Авель. Так?

- Так. Дальшето что?

- Дальше яйца не пускают. Каин убил Авеля. Так?

- Да так, так!

- Затакала, Анкапулетчица. Так вот Каина выгнали нахер из семьи. И он пошел в Ханананские земли - и там женился. На ком он там женился, если Адам, Ева и сам Каин - единственные люди на Земле, а? Лезь в погреб, а то разумничалась тут.

Он с некоторым усилием дернул разбухшую крышку люка в полу.

- Значит, нам тоже придется идти в Ханананские земли - буркнула из погреба Ирка немного погода. И загремела чемто стеклянным.

Виктор предпочел отмолчаться, подсвечивая фонариком сверху... Вообщето он никогда в карман за словом не лез и умел отбрить собеседника легко, но происшедшие с

Иркой метаморфозы совершенно его сбили с толку. Вылупилась бабочка из куколки. Заготовленные комплекты одежды - продуманные и тщательно подобранные - действительногодились, чтоб выжить в случае катаклизмы. Но вот под таким углом - как только что сказала спутница жизни - както и в голову не приходило. Придется, придется вылезать из берлоги. Или жить хуже, чем бабка Арина - уж у нее на огороде всегда была разная ботва - и картошка, и морковка с огурцами... Тут из города никто рассаду не притащит. От курочек, составлявших Арине компанию, осталась только хорошо обглоданная косточка посреди кухни. Опять же керосин, мука, сахар, соль, спички...

Поглядев в окошко, Виктор мрачно сказал про себя:

- Зато есть и хорошая новость - дров у нас - не перепилишь.

Потом почесал в затылке и спросил в люк погреба:

- Ирка, а где у бабки была двуручная пила?

Собравшись с мыслями, Надежда Николаевна непонятно говорит:

- Он знал.

Молчу. Жду.

- Он точно все знал. Я ему напомнила о себе, еще и не сказала ничего толком - язык путался. А он этак паскудно ухмыльнулся, спустил портки, потряс своим отростком и заявил: «Почмызгай, подстилка! Ничего ты не докажешь!»

- А что Вы должны были доказать? И кому?

- Ему виднее. Видимо он все время ожидал скелетов из шкафа, потому так и отреагировал истерично.

- Как Вы напомнили о себе? (Черт, чувствую, что за языком мне весь сегодняшний день следить придется неустанно и бдительно.)

- Не о себе. О папе. Папа ходил к нему, это я теперь точно понимаю, что к нему. Вернулся радостным - человек из Москвы, правозащитник, демократ, уж онто поможет, обещал же, обнадежил, документы взял, чтоб помочь. Ведь не может же так быть, что такое творится с ведома Москвы, там просто не знают. Папа был врачом. Хорошим врачом, только очень наивным человеком, простодушным.

Такое бывает с гуманистами, да еще и воспитанными соответственно. «Светя другим - сгораю сам!»

Мама над его идеализмом посмеивалась, хотя и сама была такая.

Вот к нам той же ночью и пришли. В дверь позвонил сосед - дескать, помощь нужна. Мама говорила - не открывай - а папа - ну там же человеку плохо, я должен...

Он ведь просто не мог понять - он тут людей лечил, помогал всем - и что его будут убивать за то, что он не коренной национальности и потому не человек вовсе - никак понять не мог.

Физически.

Вот и открыл...

Надежда Николаевна переводит дух.

Я вижу, что сейчас она вся там - в своем страшном прошлом. В том кошмаре, которому подвергли четверть миллиона людей, сказав другим людям: «берите свободы, сколько влезет». Оказалось, что свободы нужно совсем немного - всегонавсего нужна свобода от соблюдения Уголовного кодекса РФ. И больше ничего.

Свобода держать рабов, грабить, насиловать, глумиться любыми способами над теми, кто не относится к твоей народности. Кто унтерменьш, потому что говорит порусски. И в отличие от прошлой громадной войны унтерменьшей никто не поддержал - никто не помогал оружием, моральной поддержкой или хотя бы сочувствием.

Строго наоборот. Другие унтерменьши, тоже говорившие порусски знать не хотели о

том, что творится в свободной Ичкерии, Москва не организовывала сопротивление, не формировала партизанские отряды и не посылала полки - там и так хватало работы по распилу невероятных размеров бабла. Какое кому дело, что в свободной стране - нормальным стало рабовладение в полный рост. Она же свободная. Значит - имеют право.

Московские журналисты наперебой воспевали храбрых и свободолюбивых ичкерийцев. А хрип тех, кому они перерезали глотку - звучал куда тише, чем все телевидение. Много ли накричишь перерезанной глоткой?

Ну и конечно же демократические страны в едином порыве поддержали свободную и демократическую рабовладельческую республику. Да, были конечно неприятные инциденты - то свободолюбывы поотрезают головы англичанам. То перестреляют сотрудников «Красного креста» прямо в госпитале - ну что ж, издержки борьбы за свободу, бывает...

И в Чечню валом валили «врачи без лекарств», «шпионы без границ», «хало траст», обучавший минновзрывному делу и целые кучи отморожков из мусульманских стран, да и из Европы, где отлично работали центры по вербовке.

Москва чухнулась только тогда, когда оказалось, что московский бомонд парят и бабло пилится неровно. Тогда в Ичкерию послали недоеденную реформами армию. Сопляков - срочников, дезориентированных офицеров, несработанные экипажи. Напрочь забыв весь опыт прошлых войн. Свой же собственный опыт, купленный страшной кровью.

И налили еще больше крови. Посреди страшного кровавого гноища жировали правозащитники, депутаты всех мастей - как опарыши в сортире. Они ловко убеждали поверивших им дурней в погонах - не воевать, сдаваться - ничего, дескать, не будет.

Это «ничего не будет» отлично видно на множестве трофейных записей - спокойная и веселая резьба по живому мясу.

До последнего момента не верящему тому, что сейчас с ним будут вытворять...

Потом, когда стараниями тупой военщины финансовый проект «Свободная Ичкерия» оказался под серьезной угрозой - не врубившиеся в тему войска вывели. Оставив для жуткой разборки несколько десятков тысяч еще живших там русскоязычных и тех чеченцев, которым такой разгул бандитизма и беспредела не нравился - а с беспределом даже шариатские суды не справлялись, что уже о многом говорит.

Позже, совсем потерявшая чувство реальности «Свободная Ичкерия» сама пошла воевать - и на этом кончилась.

Я не могу себе представить три вещи - глубину подлости, меру страданиям и верха лицемерия в этой истории...

- Чего тут рассказывать... - вздохнув, продолжает Надежда. - Читали «Гадюку» Толстого? Должны были - в школе ее проходили...

- Читал.

- Ну вот... Только есть разница в том, как хрустят кости чьихто родителей в книге - и как хрустят - твоих собственных. Рядом. Я не хочу об этом говорить... Да и отделалась гадюка дешево. Там ведь соседи прибежали. К нам никто не прибежал. А меня перепродавали несколько раз. Быть рабом - это... Тяжело... А рабыней...

Надежда опять замолкает.

Да, я читал несколько произведений на эту тему. «Кавказский пленник» - бывший в старину добротным триллером для непуганых современников - отдыхает. Тогда горцы были патриархальными, без фантазии...

- Потом оказалось, что я организовала несколько десятков полукриминальных подставных фирм и набрала кредитов на многие миллионы... Паспортнато наши папа тогда отдал. Надеждой я снова стала только сейчас, до Катастрофы звалась Еленой. Мир все же не без добрых людей оказался, а на войне человека сразу видно становится, на войне человек - голый.

- Да, видно, что в военнопольевой медицине у Вас опыт. К слову - вы этих ребят из «Бастиона» знаете? Очень уж они за Вас горой встали.

- Не помню... Хотя если у этого дылды, как его - ну пошотландски его еще называют -

огнестрельное сквозное верхней трети бедра - то может и встречались. Но я думаю, что просто у них, как у всех воевавших - к ичкерийской агентуре отношение ясное. Насмотрелись.

Помолчали.

- Ну что ж, рад, что версия омовцев подтвердилась. Завтра вроде намечается крупная операция - слышал, что все кому ни лень соберутся для захвата ремонтного завода и прочего, что мы там разведали. Вы поедете?

- Конечно. Такое упустить...

- Тогда готовимся. Сегодня вроде ничего не предвидится - можно перевести дух.

- Не получится. Пациенты все равно набираются - вроде и меньше здесь людей стало, а каждый день толпа.

- Ну, раз человек жив - значит болеет. Здоровых людей нету - есть недоработки в диагностике...

Надежда бледно улыбается, услышав эту бородатую аксиому. Надо развивать успех и потому, судорожным напряжением мозга выдаю еще умную мысль:

- «Многих воителей стоит один врачеватель искусный». Старикан Гомер в этом деле разбирался. Насчет воителей у нас будет небогато, так что придется искусностью брать... На митинг пойдете?

- Нет, не пойду. Лучше я подготовлюсь к завтрашнему дню. Тут из Кронштадта вчера прислали еще груз - а я и не приняла.

- Ну. Ладно.

В салоне напряженная обстановка, все ждут митинга. И я добавляю в нее перцу - присутствующие, включая и Демидова, держат в руках красночерные банки «Яги» - слабоалкогольного энергетического напитка.

Видя таковое, я неожиданно для всех начинаю громко ругаться.

Понимаю, что это некрасиво и неразумно.

Маленький омовец сильно удивляется такой моей реакции.

- Эта. С чего крикто?

Перевожу дух. Вообще не дело лаяться с компаньонами и гостями. Это неубедительно и вообще некрасиво.

- Откуда у вас это поило?

- Почему сразу же поило? Сам же вроде не трезвенник?

- Не трезвенник. А это поило.

- Да ладно, Доктор - вмешивается и Серега - оно же слабоалкогольное. Ну, угостили ребята, что такого?

- Парни, нам сейчас только панкреатиты заиметь. Я серьезно - не надо это пить.

- Да слышали, алкоголь - яд. Доктор - какая тебя муха укусила?

Так. Действительно, наехал как трамвай. А тут у всех нервы. Вздохнутьвыдохнуть и можно говорить. Поехали.

- Это не алкоголь...

- Слышали. Это поило - отравка. Дальше что?

- Извините. Я погорячился. Дело в том, что эта хрень сделана по принципу «качелей», как это называется у наркоманов и представляет собой не только алкогольный коктейль, что не очень страшно в принципе, а фармацевтический коктейль, что хуже. Это когда несколько препаратов даются одновременно, и никто не скажет, как это сработает. Здесь - алкоголь и кофеин. Это антагонисты, вообщето. Бьетто оно по печени, поджелудочной и мозгам добротно, только надо ли это нам?

- Хочешь сказать, что это хуже водки?

- Если водка не паленая - то хуже. Чтоб от водки получить панкреатит - надо постараться. А это - как специально заточено.

- Но написано же - слабоалкогольное.

- А «ерш» - слабоалкогольный или нет?

- Сравнил, то ж - «ерш»!

- Дык и сравнил - тоже коктейль - то есть смесь - и по градусам - таки слабоалкогольный. А по отвалу башки?

- По отвалу башки - сильно, да.

- Так тут тот же принцип - газировано, чтоб всасывалось лучше, «качели» - то есть одномоментный ввод релаксанта и стимулятора - я уж не говорю о всякой химии типа красителя и консервантов, тоже печени подарочек.

- И прямо так вредно?

- Ну, на Западе такого «молодежного» поила нет. Было, но запретили. Показатель?

- Возможно.

- А для меня большой показатель, что коллеги из Джанелидзе говорили, вал идет панкреатитов у молодых совсем пациентов - да и на вскрытии - печенка у современных двадцатилетних - как у сорокалетних. Это для меня тоже показатель.

- Ладно, не такое пили. От одной не развалимся.

- И еще раз напомним - нам сейчас панкреатиты лечить сложно будет. И цирроз - тоже.

- Да поняли. Поняли...

- И нестойк еще до кучи!

- Ох, поняли... Хватит уж, а?

Общее собрание - или митинг - начался даже чуть раньше. Как я понимаю, собрались если и не все, то многие. Толпа жужжала, как большой рой пчел. Во всяком случае, так было слышно из нашего салона. Вместо трибуны использовали нашего «Найденыша».

Пока мы собирались, в толще толпы началось какое-то движение - как оказалось, комуто били морду. Но за помощью ко мне никто не обратился, так что я и не понял - что там было такое. Наверное, отголоски разборок родителей с протестантами.

На БТР залез Овчинников. Голос у дядьки поставлен хорошо, не особо надсаживаясь, командир изложил вкратце ситуацию:

- Петропавловцы и петропавловки! У нас осажденная Крепость, каждый человек на счету, требуются общие усилия и потому от каждого, кто в Крепости находится, требуется полная самоотдача. Иначе не выживем. Поэтому безделье и всякое вредительство, снижающее нашу обороноспособность - является преступлением. Личной угрозой каждому.

Перед гарнизоном ставится вопрос - выгнать из Крепости трех типов, от которых пользы нет, а вред - есть? Работать не хотят, хотят Власти. При этом провалили самую простую задачу - и с большими потерями. Мало того, вчера один из их компании напал на медсестру в медпункте с целью изнасилования, за что и был убит.

Вот эти субъекты.

(На БТР поднялись двое уже виденных мной утром - и Друг Покойного. Поднялись даже где-то спокойно. Не знаю, то ли Михайлов пообещал им всяческих чертей в случае сопротивления, то ли пока не понимают, что дело идет к концу. Раньше еще и не такое сходило с рук...)

- Я требую, чтобы нам также дали слово! - голос у Друга Покойного тоже отлично поставлен.

- Наговорились, хватит - обрезает стоящий внизу Михайлов.

- Нет времени на дебаты. Сейчас те, кто считает, что выгонять этих дармоедов не надо - встает сюда, за БТР. Если таковых наберется больше половины - останетесь тут. Если меньше - вам в Никольские ворота - ну или в Иоанновские. - Овчинников спокоен, как сидящий в Зоомузее Березовский мамонт.

- Я требую, чтобы хоть видимость законности была соблюдена!

- Будет соблюдена законность. Не видимость ее. Мы все-навсего выгоняем вас оттуда, где вам не нравится. Как это делали в демократических Афинах. Вы при этом не являетесь гражданами Петропавловской крепости, никаких оснований для вашего нахождения здесь нет - и по правилам за хулиганство и неподобающее поведение сотрудники Заповедника имеет право выставить вас вон.

Тем временем из толпы выходят люди. Набирается неожиданно сотни три.

Но по сравнению с остальными - это очень немного.

Не половина.

Дальше правозащитник пытается что-то прокричать, но его ловко сдергивают с брони. В скором времени всех троих тащат мимо нас - в ворота.

Тут происходит задержка. У ворот лежит жердь, к которой привязан упокоенный вчера Надеждой деятель.

- Покойничка своего захватите - для достойных похорон - удовлетворенно говорит Михайлов.

- И не вздумайте в Неву выкидывать - тут вам не Ганг - добавляет полный мужик - он как раз в день нашего прибытия сюда отводил женщин в тюрьму.

- А если мы откажемся? - нагло спрашивает один из троих остракизированных.

- Я рассказал этому парню, что вы назвали его обезьяной. - Михайлов показывает на казаха - пулеметчика, который с непроницаемой физиономией наблюдает за всем этим сверху.

- И что? Расстреляете нас, сволочи?

- Нет. Он вам прострелит по одной ноге каждому. И если не уберетесь быстро - прострелит и другую. А потом руки. Он знает неторопливый. Но меткий. Хотите попробовать?

- Оружие нам дайте!

- Уже давали. Результат известен. Ни черта вы не получите!

- Минутку! - к группе подошел тот самый дылда - омоновец, который Дункан.

В руках у него швабра с какой-то гнусной тряпкой.

Что особенно удивляет - наиглупейшее выражение его лица.

- Эта, вы покойному кем приходитесь - вдовой или вдовцом?

- Что за издевательство!?

- Эта, никакого издеательства. Просто вам по наследству - вот штанишки покойного причитаются. И можете швабру взять - все какоеникакое оружие. Глядишь, еще и станете людьми, по примеру дарвиновской обезьяны.

Правозащитник плюет нам под ноги.

- Мы вернемся! И вы еще горько пожалеете, быдло, мразь...

- Еще слово - и я тебя прострелю - серьезно и как-то очень убедительно говорит Михайлов.

Фонтан затыкается. Трое, взяв жердь с трупом, идут в ворота.

Следом проходят двое автоматчиков из службы безопасности Заповедника.

Толпа начинает расходиться.

Ворота закрываются.

Концерт окончен.

- Самое паршивое, что они действительно вернутся - задумчиво говорит Михайлов.

- Это - вряд ли - отвечает ему Дункан.

- Не эти конкретно. Такие же. Потом. Мы, если выживем и вынесем все это, станем защищать своих внуков от того ужаса, который видели. Будем стесняться рассказывать, как все было жутко, жестоко и страшно. И вырастим наивных дуралеев. Тогда и появятся такие жулики и напарят за милую душу.

- Это - вряд ли - повторяет Дункан, но не так уверенно. Маска Глупости медленно сползает с его лица.

- Может - неожиданно для самого себя лезу я в разговор. - Может. Как с нами было - нас так оберегали от жути той войны, что в итоге... А, чего говорить... Нам ввали совершенно забубенно, а мы развешивали уши. В итоге - сколько пацанов считало, что пили бы баварское пиво, если б деды сдались...

- Я вот не пойму - встречается Саша, до этого так ожесточенно о чем-то думавший, что кожа на лбу шевелилась - я никак не пойму, как у людей, громче всех учивших нас

толерантности и тому, что все люди одинаковы - самое любимое слово «быдло»?

- Этого просто - жестко говорит Михайлов. - Это просто.

- Да что просто?

- То просто, что часть публики самоназначила себя элитой, новодворянством. И эти новые арийцы естественно не обязаны разбираться в сортах говна. Для них, небожителей, полубогов - все остальные быдло и совершенно одинаковы. Ну не царское дело морочить себе мозги разницей между там хохлами или таджиками, или русскими. Так что они совершенно искренне призывают быдло толерастничать. Ну а к ним - сверхчеловекам - вся эта похабель не относится и они естественно толерастией не страдают. Какая толерантность у эсэсовца могла быть к белорусской бабе с детьми? Он же ариец, а она - унтерменьш. То же и здесь.

- И все-таки есть и хорошие новости. Вот выперли трех дармоедов - итого воздух чище и меньше интриг будет.

- Ой, не уверен...

- Ладно. Там видно будет.

В салоне застаю Званцева. Судя по всему, пока я ротозейничал на митинге, каптри с Николаичем разбирались с завтрашним заданием.

- Интересное кино - говорит Николаич - получается так, что не все так просто будет. И даже скорее - наоборот.

- А что такое случилось?

- Вояки с Ржевского полигона туда направили около взвода - сливки снять. Те прибыли, закрепились, успели сообщить, что вступили в контакт с каким-то местными, местные настроены дружелюбно. И все. Глухое молчание.

- Может рация сдохла?

- Не похоже. Все нам не сказали, но вероятно были другие дублирующие способы связи. Так что вероятно - там противник. И очень может быть - ваши знакомые. Сейчас учитываем такую возможность. Пока идет координация - но, судя по всему, сколачивается неплохая группа - сухопутчики пару танков выкатят, да еще брони будет штук с десяток.

- Ага. И станем мы сгоряча друг по другу лупить. Сработанностито нуль.

- Есть такая опасность. Постараемся ее учесть.

- Ага. Как начнется пальба, так сразу все все забудут и начнут шарашить в белый свет. Как в копейку. Деловто для грамотных людей - влезть в промежуток и обстрелять тех и этих, а потом быстро унести ноги. Видали.

- Я понимаю. Но как сказал Модель - когда ему сообщили, что планы раскрыты - машина пущена. В конце концов, это не самая большая опасность.

- И что тогда - большая?

- Недалеко ходить - соседи - те же финны и эстонцы. Американский флот потерь не понес практически.

- Насчет финнов - это както странно.

- Не так и странно. Народ свирепый, упертый и как пехота и моряки - очень даже ничего себе.

- Да не смешите - уж такой упертый и свирепый.

Званцев иронически смотрит на сказавшего это Вовку.

- Вот представь себе - и свирепый и упертый. Например, на флаге ВВС Финляндии - свастика. С тех самых времен. И ничего. У единственных в Европе. И совершенно официально. А насчет свирепый - берешь и смотришь, как они сюда лезли после революции и какие тут боевые действия шли. Или еще раньше.

- Ладно, бог с ней, с историей. Вы что - серьезно считаете, что есть возможность военного вторжения?

- Такая возможность не исключена.

- А что сейчас слышно - где американские корабли?

- Корабли НАТО - сейчас сконцентрировались у Шпицбергена. Информация точная.

- Что их туда понесло? На Севере считают не заразятся?
- И это тоже - на Шпицбергене зомби нет. Но мы полагаем, что основная цель - Хранилище.

- Не вполне понимаю Вас.
- Хранилище - известный бизнес проект. Вы что, действительно ничего не слыхали? Svalbard Global Seed Vault - «Хранилище судного дня»?

- Както пропустил, знаете. Да я не оченьто разбираюсь в военноморских делах.
- Вы даете! Что, серьезно - не слыхали?
- Совершенно. Там что бомбы, ракеты? Или топливо?
- Семена. Хотя бомба, пожалуй, та еще.
- Какие еще семена?
- Обычные семена. Которые сеют. Сельскохозяйственные культуры, говоря проще.
- Шутите?
- Нет. Отлично сделанное убежище, рассчитанное на воздействие самых серьезных повреждающих факторов. Внутри - громадная коллекция семян сельскохозяйственных культур. Оптимальные условия для вечного хранения. Прикрытие - дескать на всякий случай, если что будет катастрофичное, то Человечество будет иметь откуда взять Спасение...

- Чтото Вы ироничны.
- Да не верил тогда и сейчас не верю в эту чушь. Уверен, что катастрофы ждать пришлось бы недолго. Ничего личного - только бизнес. В таком аспекте.

- Попрежнему не понимаю.
- Вы немного с сельским хозяйством знакомы?
- Минимально. Ну, там гуси мечут икру, а булки растут на деревьях...
- Тогда вкратце - есть три типа ведения хозяйства - первый - кустарный - есть у вас три ведра картошки - посадили, собрали, съели, на следующий год осталось три ведра картошки на посадку. Удобрения - свои - из компостной кучи. Расход сил большой, отдача невелика, финансово невыгодно, зато ни от кого собственно и не зависите. Второй - промышленный - с участием многих - одни технику делают, другие - удобрения, картошки сажаете соответственно не ведро, а тонны - и собираете соответственно. Расход сил на ведро картошки получается меньше, финансово выгодно. И тут самостоятельность есть - и технику можно купить у другого и удобрения... А сейчас в дело пошел третий способ - семена обрабатываются так, чтобы дать урожай - и больше воспроизводства не будет. Не предусмотрено. И фирма, поставляющая Вам эти семена, обеспечивает всем остальным - техникой, химией - заточенным именно под эти семена. И получается очень выгодно, только вот тут уже самостоятельности никакой - поставщик - монополист.

- То есть выращенное ведро картошки на следующий год не взойдет?
- Взойти - то взойдет - но урожайность будет никакая. А следующая - и того меньше. Это все вместе с ГМО идет - в одной струе. И никакой в итоге самостоятельности - либо покупаешь такие семена, либо сдохни. Ну а почему продадут такие семена во имя Демократии - полагаю, понятно.

- Но ведь есть же свои семена. Никто ж сдуру не будет одноразовые покупать?
- Уже покупают. Выгодно. А конкуренты... Знаете, в бизнесе с конкурентами не церемонятся. Вот почемуто все случаи птичьего гриппа на нашей территории - как на грех в тех местах были, где птицеводческие крупные комплексы. С чего бы, а? И заброска колорадских жуков имела место. Так что есть о чем думать.

- Это не паранойя?
- Обычная борьба с конкурентами. Капитализм. Ножки Буша - помните, а? Вроде ж не президентское же дело? А как они переживали, Буши, стоило уменьшить покупки.

- То есть, как я понимаю, Вы намекаете на то, что готовилось крупномасштабное «Принуждение к миру2»? Ну, то есть принуждение к покупкам одноразовых семян в мировом масштабе?

- Точно так. Та же песня, что с долларом, только тут уже с жратвой. Тут уж за глотку всех бы взяли куда как крепко.

- А Хранилище - на тот случай, если поиметая природа отомстит и все пойдет не гладко?

- Точно так - еще раз.

- Но ведь даже у нас тут в Питере - есть на хранении семена. Заведено так - и наверное давно - вон гордились же, что даже в Блокаду не сожрали.

- Не видите разницу между Хранилищем - и научноисследовательским институтом? НИИто даже бомбовой удар не перенесет, чего уж...

- Кстати, раз такое дело - неплохо бы и нам семенами разжиться. Тут недалеко - на Исаакиевской площади, у Астории.

- Там от мертвяков чернымчерно - мрачно замечает маленький омоновец.

- Да и не только мертвяки... - это не менее мрачно говорит Леня.

- Депутатов имеете в виду? - пытается острить Серега, но Леня отзывается невесело.

- У нас там неподалеку БТР сожгли. Очевидно, хотели захватить - шарнули из какого-то крупнокалиберного винта по водителю, не попали с первого раза, ну а мехвод в Чечне бывал, обстрелянный, толковый. Дал, как положено при обстреле, по газам - следующая пуля влетела в моторный отсек. Гражданских никого не уцелело, а наших - двое добрались, но искусаны были сильно...

- Откуда в Питере крупнокалиберные винтовки?

- В городе - миллионнике и не такое находится. Может старое что - типа ПТР, а может и новые - после того, как в Грузии война шла с 92 года, да после Таджикистана, Карабаха и Чечни - тут всякого можно найти. Мы потому и дернули по воде, что повторять не хотелось. Черт его знает, может он еще жив, стрелокто.

- Ну, Леня, по воде мы дернули потому, что ты из «катерной роты» водоплавающий. Тебя как утку в воду тянет.

- Но сработало же?

- Сработало. Только экскурсовода не хватало: «Посмотрите направо, посмотрите налево, наша экскурсия по рекам и каналам СанктПетербурга начинается!»

- И как - плавают бронято?

- Нормально. Правда, когда плюхнулись - такую волну подняли, думал - утонем. Но ничего, обошлось. Скорость, правда, никакая, но ничего, дочапали.

- А какой помощи от Крепости ждете?

- Гражданских бы сдать - частью вообще левые. Еда нужна, патроны нужны.

- То есть перебираться сюда хотите?

- Зачем? Мы там прочно окопались. Вот лед пройдет - можно будет нашу речную технику задействовать. Не все ж броней плавать. А на катере тут по каналам - в момент доберешься.

- А что - неплохо так - водные экскурсии на БТР, такси на БРДМ. Жизнь налаживается.

- Конкуренции с нами не выдержите - спокойно замечает Званцев - на горячем разоритесь.

- Кстати - а как насчет эвакуации? Вот ведь «Миновозец «Бренчащий» - сейчас тут стоит - очень было бы здорово - уж безопасность бы мы обеспечили. А мы бы вам одного Терминатора подарили.

Что то не понимаю разговора. Судя по физиономиям - это я один что то протабанил. Влезаю с вопросом.

- После доставки несколькими рейсами груза противопехотных мин решением Штаба в честь заслуг баржа при «Треске» произведена в ранг миновозца. И соответственно получила имя «Бренчащий». А что такое Терминатор - пусть омовцы разьясняют.

- Эта, Терминатор - это робот.

- Ребята, а серьезно?

- Эта, действительно робот. Саперный робот - для разминирования дистанционного.

Наши его немного переделали - так теперь он и стрелять может - идея давно была, а тут и поприжало. Ну и модернизировали - как израильтяне - те тоже к такому ружье приделали, чтоб по шахидам контрольный выстрел делать перед разминированием.

- Точно, я такие машины у амеров видел - даже фильм по телевизору шел - вмешивается Саша. (Вот странное дело - меня в его возрасте девчонки интересовали. А он вроде больше техникой да компами увлечен. Нехорошо это, порядочные люди должны размножаться.)

- Не, у амеров - чисто боевые машинки «Свордз», тупая пехота. А наш Терминатор - он и саперить умеет.

- Опробовали?

- А то ж! Нормально работал, как часики.

- У амеров и саперные есть. «Талоны». И не только они...

- Эта, все равно - НАШ - лучше.

- Ладно, ладно. Пошлика вместе на Главную гауптвахту, обсудим: «Что кому почему?» - Николаич тяжело встает.

Званцеву тем временем сообщают что-то по его рации. Отмечаю, что у него она не такая, как у нас, а словно бы погромоздкстее.

- Так, Доктор - пошли встречать комиссию.

- Какую комиссию?

- Из столицы - городагероя Кронштадта. Проверяющую, разумеется - как у вас тут документация ведется, как соблюдаются санитарные нормы, как обстоит дело с противопожарной безопасностью...

- Не надо так шутить, меня от таких шуток оторопь берет! Знаю я такие комиссии!

- Ладно, не переживайте - ваш водоплавающий морф вызвал такие эмоции у нас в штабе, что тут же собрали группу для изучения - так что не так все жутко. Вот эта группа и прибыла. Сплошь ваши знакомые, как на подбор. Пошли, пошли. Они уже на подходах.

Успеваем чуть заходя. Катерок - раньше такой к нам не приходил - щеголеватый, надраенный и какойто неуловимо парадный ловко причаливает. С катерка на берег перебирается десяток человек - и действительно я узнаю среди них Кабанову, ее кавалера - мичмана и - самым последним спускается братец.

Приятный сюрприз!

Здороваемся. Комиссия тут же рассыпается на составляющие - часть рвется умотать к упокоенному морфу для осмотра на месте и последующей эвакуации, оказавшийся тут же начальник саперов остужает их рвение. Судя по возникшей перепалке, для саперов эта малоинтересная возня совсем не ко времени и потому для увязывания интересов вся куча народу валит к Овчинникову. Братец увязывается вместе с галдящей группой - ему не чужд задор свар и перепалок, правда обязанностей по осмотру тела на месте происшествия никто с судмедэкспертов не снимал, так что может кроме поехидничать ему и впрямь должно присутствовать при этом толковище.

Остаемся в дворике вдвоем - я, да Валентина с мичманом.

- Не ожидал вас тут увидеть - и рад тому, что приехали. Не опасаетесь такие прогулки устраивать?

- Гулятьто надо, а я в Петропавловке сто лет не была. Да и денек сегодня хороший. Смотрите, какая погода - весна уже явно. Опять же морские прогулки...

- Погода как погода, холодно и пасмурно.

- Не заметили, что сегодня на восемь градусов теплее? И с неба ничего не сыплется.

- Ой. Ну, не знаю... Я больше лето люблю.

- Лето - оно еще когда будет. И знаете - очень приятно прогуляться после сидения в лаборатории. Тем более у вас тут совершенно безопасно, в Кронштадте еще бывают эксцессы.

(Это да, грамотная система караулов и патрулей и секретов - обычно и не заметна, но требует толкового подхода, четкости и слаженности. Тут не возразишь. Безопасность люди

вообще не замечают, считая, что так оно и должно быть. А на самом деле - безопасность это опять же громадный труд многих людей.).

- Пока они там морфа будут тянуть, хочу пригласить вашу Охотничью команду на свадьбу.

- Ого! А кого с кем? (Сильный вопрос получился - и умный и тактичный, не отнимешь...)

- А нас - меня и Алика - тут Кабанова кивает на мичмана.

Мичман начинает както странно ежиться и помоему даже немного краснеет.

- Здорово! А когда свадьба?

- Когда ваша кумпания в Кронштадте будет. Идею Алик подал - говорит у дитя должно быть отчество, да и вообще... Я както даже растерялась, но он такой галантный кавалер... Где уж тут слабой женщине устоять. Я и согласилась.

И задорно глядя на жениха, железная Валентина неожиданно для меня, негромко, но мелодично спела на мотив Государственного гимна:

Пусть муж изменяет,

Пусть ходит в пивную,

Я не приревную его ни к кому

Доход не растрочу,

Прибьет - не заплачу,

Всегда буду верной ему одному!

Что утешает - хлопаем глазами мы оба - и я и Аликмичман. Это... да это просто невозможно, хоть ушам не верь. (Наверное Валентину укусил Семен Семеныч, он у нас песельник...)

Но это явно было. Вот и поди ж ты. А я думал, что знаю свою коллегу.

- Откуда ж такой текст? - удивляюсь я, втайне подозревая, что может Валентина Ивановна и стихи по ночам пишет. Да и не удивлюсь уже, если так.

- А это из первомедовского капустника. «Медикхолл» я уже не застала, но коечто еще помню. Кстати - тут обнаружилась такая вещь - ректор Первого Медицинского успел организовать эвакуацию части студентов и преподавателей. Куда они убыли - неизвестно, но вряд ли на север - там уже наши отзванивались и связывались с кем возможно. Так что вероятнее направление на юг. Имейте на всякий случай это в виду, когда будете завтра там работать. Может, какиенибудь следы найдете, свидетелей может быть.

- А что была за колонна?

- Автобусы. Автобусы и вроде пара грузовиков с какимито курсантами.

- Ясно. Будем смотреть.

На самом деле я и так смотрю - на мичмана, краешком глаза - и замечаю, что новоиспеченный женишок моментально втягивает животик и молодецки выпячивает грудь, как только невеста на него посмотрит, и с явным облегчением отпускает пухлое пузико в первоначальное положение, стоит ей отвести взгляд. Учítывая, что Валентина посматривает на него часто - зрелище получается довольно комичное.

- А тебе не влетит, что склад оставил без присмотра?

- Так с вашей легкой руки на складе шаром покати - все роздал, подчистую. (Тут мичман неожиданно подмигивает мне со значением) Только обещанная тебе сабля и осталась! А к Валентине Ивановне меня приписали официально - приказом. Я теперь занимаюсь охраной и обороной Лаборатории.

- Как телохранитель?

- И как телохранитель тоже. И знаешь, когда мужчина реально кого-то должен защищать - жизнь приобретает смысл.

- Кто б спорил.

Из гауптической вахты вываливается мой братец.

- Во! Старика уже почти уломали - сейчас рванем на мины. Между прочим - у нас там в Кронштадте новостей вагон с тележкой. А у вас?

- Ну, вот подплавный морф... Сегодня перед вашим прибытием выперли общим собранием трех возмутителей спокойствия из числа левонападающих.

- Фигасе! Это что ли те, которые организовали свалку в Зоосаде?

- Они самые.

- И что - так прямо и выперли? За ворота?

- Ага. Голова Крепости зачитал краткую речь - типа братья и сестры, к вам обращаюсь я, друзья мои - вот три вредителя - давайте решать, что с этими выкидышами демократии делать? Далее прочел их вины, публика разошлась в две стороны - и пожалуйста граждане вон.

- Типа билетиков на посещение музея нету - пшли отседова?

- Еще раз - ага.

- А оружие им дали?

- Дали.

- Ну и дураки. Лопоухие! (Мичман Алик не выдержал и высказался).

- Это омоновец смилосердничал.

- Вы тут совсем с ума посходили! И что выдал омоновец?

- Швабру.

- А, тогда ладно.

- А в Кронштадте что нового, братец?

- Вчера прибыл наш сухогруз - ну это не новость, корабли постоянно приходят, тут в другом дело - у них за день до прибытия матрос повесился. И его труп они поместили в холодильник. Я его вскрывал - обычный висельник.

- И что?

- Дуб - дерево! Труп не обернулся! Двухдневный труп остался, как и положено - трупом. Не зомби!

- Так что - инфекция все же получается? А эти - изолированные - потому все у них по старому?

- Или иммунные. Но скорее - отсиделись, как в карантине.

- Есть и еще непонятности - добавляет Валентина Ивановна.

- Хорошие или плохие?

- Скорее хорошие. Вы знаете - прогноз исхода заболеваний и ранений улучшился практически вдвое. Мы сначала немного возгордились, что удастся вытягивать тяжелых раненых и больных, но здесь видимо не наша заслуга. Раны заживают быстрее, заболевания протекают легче.

- Так что, больные вообще перестали помирать?

- Нет, всетаки и сейчас бывает. Но судите сами - пациент с огнестрельным ранением головы - все еще жив. Больной с молниеносной формой столбняка - еще жив. Я понимаю, что и Кутузов выжил - но тем не менее. Явно есть новый фактор, который придется учитывать.

- А у меня тут как раз уникальный случай излечения опоясывающего герпеса за ночь...

Из здания выкатывается куча народу - уломали Алексея Сергеевича. Братец кивает мне и, поддержав свою здоровенную сумку с судмед барахлом, двигает с остальными. Валентина тоже идет с комиссией - хочет быть на вскрытии.

Мне там делать нечего - с результатами и так ознакомят. Сидеть в штабе и слушать, как препираются и торгуются договаривающиеся стороны - можно бы конечно, но зачем?

Завтра выезд. Значит надо помочь Надежде разобраться с грузом, подготовить самое необходимое и еще провести занятия по первой помощи. Вот этим и займусь до обеда.

Странное ощущение оставили слова Званцева - о возможных набегах соседей. С одной стороны, в это не верится. В конце концов, жратвы у них своей достаточно. С другой - не все счастье в жратве.

Есть и другие вкусности. Например - женщины. То, что без женщин жизнь плохая, не годится никуда - еще по древним римлянам ясно. Не украли бы они сабинянок - не было бы

Рима. А украли - не стало сабинян. Или вот тоже - дети. Очень ценный ресурс. Те же янычары - отличный показатель того, что при правильном воспитании и дети врагов прекрасно служат.

Потом мне в голову приходит неприятная мысль - рабы отличный ресурс. Да, наконец, на мясо люди тоже годятся - столкнулись же мы с людоедами, а чем те же европейцы лучше? Ровно ничем, людоедства и у них даже сейчас полно. Достаточно послушать милую песню Раммштайна «Майн Тайль»...

Так что визиты за женщинами, детьми и рабами - запросто могут быть, тут весьма вероятна паранойя Званцева. Насчет мяса... Впервых, каннибализм экономически не выгоден. Рабовладение дает куда большие выгоды. Раб значительно полезнее - что проверено веками.

Вовторых, куча болезней передается при каннибализме. Причем серьезных. Примеров - масса.

Втретьих, проще и дешевле разводить птицу и домашних животных. Человек - несурзное существо, нарушающее законы природы - у млекопитающих как на грех - особь готова размножаться и становится взрослой, прожив одну девятую своей жизни. А у человека - это получается четверть...

Вчетвертых, когда дело доходит до каннибализма - оказывается, что потребляемое мясо не полноценно. Раз все оголодали - значит и поедаемые тоже. Проще говоря - далеко на этом мясе не уедешь, нет в нем уже витаминов и прочих весьма важных веществ, иначе бы не оголодали так окружающие, чтоб друг друга жрать.

Както так вот. Хотя... Видел своими глазами потрошильные стойки. Мясо и готовый шашлык... и взвод дуралеев пропал...

И завтра мы туда едем...

Растопить печь у Арины не получилось. Гдето либо сажа забила дымоход, либо кирпичи вывалились - но дым стоял на половину высоты комнаты, когда, наконец, Виктор прекратил попытки реанимировать печку.

За это время Ирка натаскала из подвала груды пустых банок и, посчитав чтото, пришла к выводу - должно хватить.

Осталось совсем немного - вытащить остов санок, сваренный когда-то из стальных труб и потому практически вечный, сколотить короб из отодранных с Ариного дома досок и отбуксировать все к бункеру.

Добрались без хлопот, санки пытались пару раз перевернуться и зацепиться за кусты. Но водителем Витя был хорошим.

Вылезли, размяли ноги.

Виктор прикинул, сколько придется всего - всякого перетаскать - от мяса до воды - для того, чтоб заготовить консервы - и присвистнул.

Ирка, косо посмотрев на него, добавила, словно прочитав мысли:

- Еще забыл, что вечером баню топить надо будет - мы уже как лошади потные пахнем, а после заготовки тушенки - тем более завоняем. С города мертвяки прибегут на запах.

- Ты с чего взяла, что я воду считал???

- А я ведьма. У нас в роду все такие. Так что бойся!

И побежала в бункер.

Проводив Ирку взглядом, Виктор и сам не понял - злится ли он на жену, или действительно попугивается уже. Впрочем, время уже прошло много, а работы было еще полно. Кряхтя, Виктор стал перетаскивать и грузить пакеты с мясом в санки. Подруга тем временем собирала чтото в бункере, и пришлось вскрывать один из схронов - Витя понятия не имел, что среди консервов и тщательно упакованных продуктов лежат и Иркины

приправы.

Когда мясо было погружено, обнаружилось, что Ирина набила какимито пакетами весь салон УАЗа. Попытка возмутиться этим была ею встречена достаточно мягко - Виктору и впрямь пришлось согласиться, что консервирование - не его сильная сторона. Оставалось только подозревать, что это скорее переезд, чем перевозка крышек и приправ... Но стойкое ощущение того - что всетаки переезд - оставалось.

- Мешкито спальные нахрена? Матрас зачем?

- Ну, Витенька, миленький - мы ж не успеем столько тушенки наварить - в Ольховке ночевать придется, так не на полу же спать?

Возразить было нечего - санки с набитым коробом выглядели даже в зеркало заднего обзора внушительно.

Остаток дня для Виктора был таким, что он не один раз обругал тупого лося, припершегося не вовремя и не туда. Для тушенки потребовалось немыслимое количество воды и дров - Ирка перебивала и кипятила все найденные банки. На счастье Вити банька у Арины оказалась функционирующей, котел в бане тоже задействовали, это немного помогло. Потом Ирка тушила лосятину, а Виктору пришлось заниматься китайской работой - поддерживая в печи «малый, но равномерный огонь», что оказалось сложнее, чем спалить всю эту деревушку и пару таких же.

Когда дело дошло до закатывания банок, Витя считал, что может перевести дух, но Ирка погнала мужа в баню - оказывается, что там опять надо набирать воду. Хорошо колодец оказался неисчерпаемым, но все равно было непонятно, куда Ирка всю воду подевала...

Пообедать не получилось - вся кухня была заставлена разномастными банками, а за ужином Виктор, поев чего-то, что и не разглядел - уснул прямо за столом сидя. Ириха милосердно дала ему подремать четверть часа, после чего, продрав глаза, он вдруг вспомнил:

- Слушай, а ведь тушенка опасна - там ботулизм может развиваться!

- Не разовьется!

- Почему это ты так уверена?

- Потому что - потому, что кончается на «у». Если хранить при температуре ниже 18 градусов - ботулотоксин не вырабатывается. А у Арины в подполье - до июля 18 градусов не будет. А может и вообще не будет - подвал у нее качественный. Давай, вставай, банки закатывай. Нехорошо, конечно, что у нас в трехлитровых в основном. Да и сала нету - залить бы сверху... Ладно, что есть...

В баню поползли уже глубокой ночью. Мылись вяло, как сонные мухи. От тепла окончательно развезло. Все за день сделать не успели, но сил уже никаких не осталось. В избе было жарко и сытно пахло тушенкой.

В медпункте вовсю идет свара - понятное дело, дамы, оставшись одни, делят полученные медикаменты. Правда до стрельбы не дошло, но вмешаться приходится.

Забрав то, что стоит раздать завтрашним участникам вылазки, величественно отбываю, прекрасно понимая, что вообще это скорее отступление - дамы сейчас опять заспорят.

В салоне застаю Демидова. За последние дни он както отъелся, определенно. Вижу, что он занят своим делом - опять набивает рожки, при этом выбирая патроны из разных кучек. Оказывается, трассеры добавляет каждым третьим патроном. Ну, это хорошее дело - в перестрелке прицельно не всегда может получиться. Ну, это я не на своем опыте знаю, это мне рассказывали.

Спрашиваю Демидова - о чем он задумался.

- Да этот, дядь Паша мне про таких кульных пацанов рассказывал тут. Реально - крутые.

Сильно удивляюсь - заподозрить милейшего Павла Александровича в рассказах о

криминальных авторитетах - никак не получается. Если б омовцы еще об этом толковали - я б понял.

- И чего рассказал?

- Короче там один авторитет крышевал Малышевских, собрал бабло, а когда на хазу поехал - решил, что мало взял. Ну, короче - он крутой такой - братву по домам отправил, а сам один вернулся и Малышевским - давай еще бабла, короче. Те его за ноги к двум елкам привязали - порвали пополам нахрен. Потом, короче к его бабе поехали, типа твой волчина позорный коньки откинул - будем тебя теперь крышевать, а ты за Малышева выходи, пучком тогда все будет. Ну а та, короче, хитрая скобариха - да говно вопрос - говорит. Я согласна типа, давайте квасить. Ну, те, короче купились, как лохи последние, ужрались в усмерть - баба своим братанам - мырг - те пьяных Малышевских замочили во сне. Во, какие дела!

- Круто! Ты, кстати, из пистолета - научился работать, или все неграм подражаешь?

- Да че вы все прицепились!

- Голова - два уха - людей не хватает, стрелки нужны, а тебе все понты детские покоя не дают.

- А то вы мне ствол дадите!

- Если будешь уметь им работать - и без понтов - то да, дадим. Ты к слову читать умеешь?

- Ну, умею.

- Если тебе пару книжек толковых притащу - будешь читать?

- Да ну, скука это.

- Ну, гляди. Хозяин - барин. Токо телевизора тут нету, кина тоже долго не будет.

- Ты сам обещал музейским кино казать. Дядь Паша говорил. А книжки причем?

Оп! А ведь и действительно - вчера разговор об этом был. И я забыл - и они чтото не чухнулись.

- При том, что про твоих кульных гангста - нигда книжек нет. А про твоих сверстников, которым оружие дали - есть. И про то, как они это оружие грамотно пользовали - тоже.

- Не, не люблю читать. Ты мне лучше так расскажи.

- Будет время - расскажу. А где все?

- А дернули к ментам.

Это новость. И точно - нет обоих бронетранспортеров, на площади отсутствует наш автобусик, да и грузовиков вроде тоже нет. Это они, получается, колонной рванули? И почему меня не позвали?

- Здесь кто еще остался?

- Андрей внизу вещи роет.

Спускаюсь вниз. Андрей там и разбирает сумки с вещами. Еще те - из магазина.

- Ну, а меня что не позвали?

- Николаич так решил. Там несколько сотен человек, опять же омовцы. Лекаря попросят помочь, тосе, только мы лекаря завтра и видали. А так - приедут люди сюда, тут им и помогут. Да они такой колонной поперли, что некому их останавливать.

- А ты тут чем занимаешься?

- Да была у нас пара серьезных болтов. Оптику я на них поставил. А вот патроны гдето тут.

- Ну, а чем СВТ не годятся?

- Болты охотничьи - на крупного зверя. Если против морфов - то, пожалуй, могут быть и лучше Светок. Берут дальше, кладут лучше. Завтра и посмотрим.

С этими словами Андрей выкапывает наконец коробку с патронами. Показывает мне один. Совершенно диковинный - длинная гильза непривычного размера и рисунка, странноватая пуля.

- Калибр 300wm. Винчестер магнум. А вот и.338 Lapua Mag.

- Это что, крупнокалиберная винтовка?

- Ага. Чутьчуть до нашего 12,7 мм. не дотягивает. Потому - отдача мягче, грохот не

такой сильный, а работает на приличные дистанции. Патронов кот наплакал, потому возьмем как дополнение к Светкам.

- Я о таких даже не слышал.

- Немудрено - вещь редкая. Цены немалой. Очень немалой.

- Слонобой?

- Ага. Можно и так сказать.

Странные патроны с виду. И пули странные.

- Не понимаю - вы по стоимости что ли отдавали оружие Михайлову?

- Нет, по характеристикам. Это конечно и со стоимостью совпадает, как правило - но вот с какой стати отдавать стражу ворот дальнобойную снайперку? Вполне хватит помповухи. Самое смешное - у него и получится лучше - с помповушкойто. И толку больше будет. А что это у тебя?

- Медицинские прибамбасы вам на завтра. Подвинься, что ли, - мне по кучкам разложить надо.

Некоторое время копаемся каждый в своем. Успеваю разложить свое добро по новеньким полиэтиленовым мешкам. Теперь еще раздать и кратенько инструктаж провести - совсем хорошо получится.

- Что думаешь насчет завтрашнего задания?

- Признаться по совести - не нравится мне оно. Группа наша - с бору по сосенке, несработанная. Друг друга не знаем, противник - не пойми кто. Лупить по всем попавшимся по дороге - тоже кисло - могут быть и люди непричастные. Зря положим - некрасиво выйдет.

- Но взводто пропал?

- А взвод вырезать - несложно. Особенно если там пьющие лопухи. Сколько таких случаев в той же Чечне - напьются до зеленых соплей, папамама сказать не могут - баранов резать и то сложнее, чем опившихся болванов. Дватри человека вполне взвод уделают. А если в пойло чего хорошего добавить - так и тем проще. Тот же клофелин.

- Ну, клофелин - вчерашний день. Сейчас таксисты уверенно угощали лепонексом и азолептином.

- Это как?

- Сажает пассажира, желательно небедного, цену дает минимальную, услужливый, вежливый, по дороге останавливается у какойнибудь забегаловки, берет себе кофе - и пассажиру. Воспитанные идиоты не отказываются из деликатности, невоспитанные - клюют на халяву. Ну, в кофе у водителя - ничего нет. А в кофе у пассажира - лошадиная доза. Если выживет - хрен что вспомнит, а частенько и не выживают. Погодка у нас прохладная, замерзнуть раздетому - раз плюнуть, да и публика стала куда безразличнее - раньше б «Скорую» вызвали или милицию на худой конец - в вытрезвителето всяко сдохнуть сложнее, чем в сугробе, а сейчас всем похеру вареники - ну лежит и лежит, его дела...

- Что, серьезно?

- Про похеру вареники?

- Нет. Про такси.

- Абсолютно и с ручательством. Особенно это любили бомбилыгастеры. Впрочем, намто это по барабану и глубоко фиолетово - такси теперь если и будет, так токо на БРДМ.

- Это да...

- Слушай, давно хотел спросить. А действительно все чеченцы героические и бесстрашные?

- Нет, обычные люди. Героев и отморозков и у них не больше, чем в других нациях. Но, впервых, они никогда себя не критикуют. Тем более, перед чужими людьми. Вовторых, у них сохранилась архаичность, этакий племенной подход: «люди - это только те, кто из моего племени, остальные - не люди и с ними можно делать что угодно». Втретьих, они очень боятся за свою репутацию в своем племени.

- Как потерять лицо у японцев?

- Ага. Поэтому если чеченец один - он вполне нормальный человек. А если чеченцев с

десяток - они начинают друг другу показывать, что они нереально круты и кончиться это может чем угодно. Допросить одного - да если он посчитает, что из своих не узнает никто - будут результаты и без особой напряги. А спрашивать сразу у трех - никакого толку.

Говоря это, Андрей не перестает аккуратно протирать тряпочкой патроны из коробки. Но видно, что думает о чемто другом.

- Мне вот непонятно - люди - вроде же разумные существа. Но почему у большинства основное желание как можно гуще нагадить окружающим?

- Что это тебя на философию потянуло?

- А что, скажешь не так?

- Люди вообщето изрядная сволочь, тупая и неблагодарная априори.

Хорошихто людей - как раз небогато. Откровенно плохих - еще меньше.

А вот основная куча - никакие. Могут быть и такими, и этакими, как начальство прикажет. Токо вот беда - плохими быть легче и веселее, а сейчас - и выгоднее.

Ты его, пидора, перевязываешь, а он, веселясь, тебе в полу халата сморкается.

Приходишь на вызов - а он страдает похмельем. Вот так вот.

«Ты, доктор, клятву демократа давал? Не финти! Ты, доктор, обязан ко мне относиться с гуманизмом, потому обязан меня опохмелить.» - и это все на полном серьезе. С какой радости я ему чемто обязан - неясно.

Но вот такая херь - и доктора обязаны, и менты, и учителя, и все вокруг, а он - никому нихрена не обязан, поэтому срет у себя на лестнице и так далее...

- Так вот и я об этом. Причем отличается только величина возможности насрать, масштабы, так сказать, действия. Вот не могу понять разницы принципиальной между бомжом, который на металлолом дербанит лифт в подъезде, и «эффективным собственником» дербанящим на тот же металлолом доставшееся ему даром пароходство или завод, между панком, гадящим в подъезде, и чиновником, который с винтотряса лупит редчайших козлов из Красной книги, гордо гадя всему человечеству. Не пойму я этого. Вот богач - купил полсотни дорогих шлюх - в чем тут величие? Членто у него все равно один и возможности именно в этом - самые среднечеловеческие, на пару палок разве... Ну, вот я нагребу в кучу сто банок консервов, и буду гордиться - тоже ведь богатствие неслыханное по нынешним временам?

- Это ты к чему?

- К завтрашнему дню. Ты необстрелянный, просто будешь бояться. Опять же работа у тебя - спасать - лечить. А мне надо будет вышибать мозги из людей. Которые с виду - такие же как мы с тобой, а на деле - хуже крыс. И я никак не могу понять - почему им хочется быть не людьми, а крысами. Никак не могу. Людей и так мало, вроде б помогать друг другу должны, чтоб вместе выжить - а они стойки ставят, шашлычок на природе...

- Везет мне чтото на философов последнее время. Вон казахпулеметчик - тоже философ.

- Немудрено. Кто воевал - чтоб с ума не сойти - этим умом думает. И потому - все вояки - чуточку философы. Когда тетенька с косой неподалеку ходит - это вразумляет.

- Ну, тетеньку с косой нынче люди видят редко, отношение к ней странное стало - большая часть отгородилась от ее присутствия больницами и ритуальными бюро, часть думает, что откупится, хотя это никому еще не удавалось - от этой тетеньки откупиться. Может потому и свинства много, что думают, будто жить смогут вечно. Это в средневековые люди с детства знали - тетенька всегда рядом, в полушаге. Нынешние уже всерьез путают виртуальность с действительностью. Потом в морге диву даешься - ну ничем крутой крутяк от лоха последнего на каталках не отличается. И ноги такие же синие с бирками и кудлают их так же равнодушно...

- Зато гробы у крутых из ценных пород дерева с инкрустациями...

- Толкуто. Из роскошных погребений малая часть не ограблена. Чем выше курган - тем больше шансов, что его тогда же в древности и обобрали. Фараонов - считай всех обнесли, отличный был бизнес у тех, кто их землю захватил. Впрочем, обычные египтяне тоже влипли

- наверное, не знаешь, что мумии их продавались в промышленных масштабах?

- Для музеев, что ли?

- Не. Хорошо просушенные и крепко просмоленные мумии древних египтян шли как дрова - пароходы на них ходили, поезда. Древесина в тех местах дорогая, а мумий было запасено до черта. Семейный склеп обычной средненькой древнеегипетской семейки - это тесная коробка с десятками стоящих стоймя мумий. Так что торговля у арабов шла отлично. Ну и бальзамы всякие из них делали аптекари...

- Хренасе. Теперьто с трупцами такой возни нету...

- Ну, почему ж нету. Я даже не буду говорить о тех случаях, когда санитары деньги вымогали специально - но и бальзамирование не только Ленину делали, да и у косметологов работы полно. Вот очередная несовершеннолетняя дура в приступе суицида хряпнется скажем с высоты - так чтоб ее расплющенную физию привести хоть в маломало надлежащий вид поработать надо было много и усердно. Покойник красивым не бывает, смерть всегда несимпатична, это в кино да литературе навывдумывали красотостей... Ну, ты ж воевал, видел сам...

- Да, нагляделся. И рваных, и горелых, и гнилых, и все сразу... Хорошо в мирное время такого не бывает.

- Ну, еще как бывает. Автотравма - вполне себе огнестрельной соответствует. Впилятся молодые придурки на скорости в 200 километров куданито - и ровно то же, что ты видел. И рваные, и горелые...

- Пожалуй. А что за вымогательство?

- Ну. Это когда коллектив морга оборзевает в край - или, скажем, отощает, а клиент простоват и не скупится - труп ведь можно поставить на голову - будет тогда лицо чугуносинее, или положить лицом вниз - нос помнется, опять же лицо посинеет - ну и так далее. Потом показывают родственнику такого жуткого кадавра и толкуют - вот де, разложение далеко зашло, работать много надо - родственник в ужасе - ойой! Сделайте хоть что - нибудь, я заплачу! Ну и платили. Наши санитары из морга за зарплатой даже в кассу не ходили - не интересовали такие гроши, а морг у нас в институте - смешно говорить, какой был, ни разу никому не конкурент...

Нашу милую пасторальную беседу грубо прерывает Дарья - ей надо готовить обед, а мы тут ей мешаем.

Нас изгоняют из рая. Тем более жестко, что часть нашего разговора она слышала.

И он ей явно не понравился.

Наверху Андрей начинает возиться с охотничьими винтовками, мне приходится по его настырному предложению чистить свой ТКБ. Сидим, копаемся. Пахнет смазкой и металлом.

- Знакомца моего винтовка - говорит задумчиво Андрей и усмехается.

- А что он ее сдавать решил?

- Это не он. Вдова.

- Лихо.

- В верхних сферах вращался. А там пить много надо. Думали - пьян, а у него инсульт. Утром после банкета и не проснулся. А так - хороший был человек. Я с ним разок на барскую охоту летал - зарекся потом.

- Что так?

Андрей опять усмехается.

- Мне собственно не по чину там было быть, но знакомец мой меня рекомендовал как охотникапрофи. Для настоящего сафари дескать такой нужен. И поехали. На сафари.

Прибыли в очень северный городишко. Тем же вечером пришлось пить пиво. На троих оказалось 9 литров. Это мой знакомец так сказал. Мне это не очень понравилось - завтра на охоту лететь, а тут столько пива. Но мне говорят: «Донт, грубо говоря, ворри, лучше ты бе хеппи, потому как тут полный орднунг!» И ставят на стол канистру с пивом. Нормальную такую, белую пластиковую, двадцатилитровую. Я удивился - вот же говорю - на канистре русским языком написано: «20 Liters». Друг моего знакомца удивился очень - он оказывается

всегда считал этот жбан девятилитровым и платил соответственно за 9 литров.

Не знаю, то ли торговцы там считать не умеют, то ли это изза того, что принимающий нас был в этом городишке шишкой крупного калибра. Утром он не полетел - ноги у него от пива отекали сильно.

Остальная часть компании полетела - потому что пила водку. Правда они и подраться успели по пьяной лавочке. Зачинщика драки засунули в шкаф, где он благополучно и проспал вылет, его потом уборщица выпустила.

Утром встретились у вертолета. Багажа оказалось невиданно. Грузили конечно местные работяги, ну а начальство стояло, наблюдало и руководило.

Впихнули в оранжевый вертолет два снегохода «Буран», сани - прицепы к ним же, американские ледобуры, вкатили мечту Козлевича - бочку с бензином, потом пошли ящики с консервами, колбасами, булками, прочей снедью, которой бы хватило не на девятерых на три дня, а на взвод спецназа на месяц, сумки, спальные мешки, какието вещи. Десяток винтовок и ружей, ящики с патронами. Еще чтото. Ящик водки «Пшеничная», покрытой слоем пыли - видно из глубоких тайников и еще ящик - если этот кончится, три двухлитровых бутылки со спиртом - на тот случай, если и второй ящик кончится внезапно. Сверху водрузили эхолот для определения рыбы в воде и полезли сами. Командовавший всем этим действием Генеральный собственноручно выкинул из салона мэра городка, который чтото неправильное сказал - и взлетели.

Итого полетело семь человек высокого руководства, да я впридачу.

Летим. Стали пить за успешную охоту. За лес. За лосей. За медведей.

Вдруг куча вещей зашевелилась, и не успели все толком испугаться, как оттуда вылез начальник городской милиции - пришел проводить начальство, да сморило. Прилег отдохнуть на минутку в винтотрясе - а работяги видно не разглядели - ну и завалили всякой мягкой рухлядью.

- Летим назад - говорит - мне на службу надо!

- А штуку баксов за час полета оплатишь?

- Не, вы чо?

- Тогда летим до точки. Вернешься через четыре часа.

- Ну ладно.

Пьем дальше. Закусываем соответственно.

Долетели до места, где сторожка и посадочная площадка. На 250 километров - ни одного дома вокруг.

Стали выгружаться - на этот раз без работяг. Тут и «егерь» местный толчется - мужик лет 60. (На самом деле оказалось - ему 36 годков.)

Милицанер походил, посмотрел и говорит:

- А ну ее на хрен, службу. Я тут с вами останусь.

И остался.

Вертолет затрещал - и убыл.

А мы с площадки, где десантировались - отправились в избушку. Опять стали пить.

А водка, зараза, густая и не льется толком. Этак неохотно вылазит из бутылки.

Генеральный посмотрел, как она из бутылки вылезает и тоном знатока:

- Точно сейчас градусов тридцать. Холодно, однако. Пошли ловить рыбу!

Наделали бензобурами дырок во льду речки - «егерь» только глазами хлопал - у него на лунку в полутораметровом льду неделя ушла. А как посмотрел на эхолот в деле - совсем очумел. С этого момента вся его речь стала сугубо матерной, хотя и раньше чистотой не блистала.

В общем - жрем, пьем. Чтоб не переводить ценный продукт - «егерю» дали спирт.

Пьет, все нормально.

- Я ж говорю, что не метиловый! А мне не верили. - это Генеральный опять в экспертах.

С чегото вдруг компании мяса захотелось свежего.

«Егерь» засуетился как триста хомяков и говорит:

- У меня тут лось неподалеку. Я тут счас. Живым духом!
Милицанер хоть и пьян - а тут же прочкнулся, профессионал, ничего не скажешь:
- Эй, а чем это ты лося завалил? Топором что ли? Ты ж потомственный алкоголик. Тебе ружье иметь запрещено!

«Егерь» заюлил и предпочел исчезнуть.

Возвращается весь в снегу и злой как черт.

- Сперли лося, суки!

- Кто спер, волки?

- Какие там волки! Следы от вертолета!

Ну, дела. Прилетел хищный винтотряс и сожрал бедного лося, как сказочная птица Рухх.

Милицанер ржет:

- Тото мне вчера предлагали лосиную ногу купить! Вернусь - задам им встряску!

Тем временем «егерь» спался кудато побыстрому и притащил аж две лосиные башки. Сварили из них какойто национальный «хаш» - язык, мозги, губы и прочее.

Я такого сроду не едал.

Потом с утра поехали тетеревов стрелять. Мне, как охотникупрофи, выдали «Тигр» - охотничью версию Драгунова. Признаться, я с утра был немного не в себе после такой пьянки и хорошо, что стрелять не пришлось - а то от тетерева бы только перья и ошметки остались бы.

Ни одного тетерева не оказалось, хотя вчера «егерь» клялся и божил, что там на полянке тетеревов целых 27 штук. Вернулись замерзшие, и приступились к «егерю» с расспросами.

Он удивился и говорит:

- Какие к черту тетерева! Холод же собачий! Они все под снегом отсиживаются!

- А чего нам не сказал, ездили зря черт знает куда!

- Так я ж пьяный. А вы не спросили.

Тогда Генеральный поехал за семгой, а остальные за хариусом. «Егерь» остался спирт переваривать. Поход без аборигена оказался неудачным - ухитрились один «Буран» в промоине утопить, да и ледобуры поломали, начав сверлить лед на перекатах. Правда и семгу, и хариуса добыли.

Потом оказалось, что у милицанера полно по карманам пистолетных патронов. Устроили стрельбу по бутылкам, благо бутылок уже набралось изрядно. Не знаю, то ли спьяну, то ли и впрямь стрелять они не умели - но попадали по бутылкам метров с трех, не дальше.

С горя сходили в баню. Самуто баню построили, а вот предбанник - не успели, поэтому ритуал был по принципу «баня - через дорогу раздевалка». Раздевались на снегу и в парную. Там пол ледяной - а выше не вздохнуть от жары. А, помывшись - обратно на снег, одеваться. Сильное было впечатление и ощущения необычные.

Опять жрем - пьем. Уже и спирт в дело пошел.

Публика как может веселиться. Запомнил, как Генеральный на озере кругами ездил - уснул на «Буране» сидя, вот машина по кругу и едит. А сзади меня - какието щелчки.

Поворачиваюсь - а это одна из городских шишек из мелкашки по Генеральному лупит.

- Ты чего, охренел? - спрашиваю, а сам у него винтовку отнимаю.

- Да ладно, говорит - я с него шапку хочу пулей сбить! Чего ты взъелся. думаешь, не попаду?

Вот так вот. А там дистанция была - от ста метров до трехсот, это если дальнюю сторону круга брать, да и стрельба по бутылкам с трех метров в его исполнении меня не воодушевила... Хорошо еще, что мне в спину не попал...

Костер уже в снег ушел на метр, хотя его по уму - на мокрых бревнах делали, когда, наконец, винтотряс прибыл.

В городке запомнилось, как милицанер по прибытии узнал, что все в порядке, только

вот за время его отсутствия обнесли отделение банка, чего в городе раньше не бывало. Но он это спокойно воспринял, железный человек...

- О, наши прибыли - пошли встречать.

Колонна действительно вползает в ворота и машины встают на площади. Сразу становится многолюдно - из БТРов и грузовиков - а я вижу, что колонна разрослась - еще омовская техника присоединилась, вываливается публика, в основной массе - гражданская.

Возни для медиков с эвакуированными получается много - работать приходится всем наличным силам. Наконец, заканчиваем. Честно говоря - думал, что ситуация будет хуже, особенно когда увидел, что наш китайский автобус страшно искалечен - с правой стороны кабины - здоровенная вмятина, стекла частью выпали, частью висят лоскутами, решетки погнуты и сорваны и даже дверь помята и осталась в полуоткрытом состоянии.

Морф какойто непонятный атаковал, хорошо, что еще на пути туда, когда в автобусе был только водитель и пара стрелков. Если б на обратном - когда эвакуированных набилось в каждую машину как сельдей в бочку - было б у нас проблем.

Отличился Серега, размочаливший морфа из пулемета. Забрать тушу не представилось возможным, на автобусе еще смогли людей привезти сюда, замотав на скорую руку пробоину чем попало, но похоже - это у автобуса был последний рейс - от удара техника пострадала слишком сильно. Все, отъездился.

Серега тем временем топчется неподалеку. Когда заканчиваю - подходит.

- Слушай, тут такое дело... Можешь дать консультацию?

- Запросто. Если не слишком выходит за пределы человеческих возможностей. Ну, или - как говорил Ходжа Насреддин - не слишком далеко выходит за эти пределы. В чем вопрос?

- Вопрос такой - вот как так сделать, чтоб пол будущего ребенка угадать?

- Чего угадывать - в клинике есть УЗИ - смотришь, определяешь.

- Похоже, не так сказал. Не тогда, когда ребенок уже ЕСТЬ, а вот ДО того как он уже ТАМ.

- Чтото ты мудришь. До зачатия, что ли?

- Вово - до зачатия.

- Ну, такого пока нет еще. Только всякие приметы - но заранее предупреждаю - все это совершенно ненаучно. То есть без фундаментального подтверждения.

- Давай что есть.

- Ну, с моей колокольни наиболее близко такое наблюдение - если сперма свежая - то рождаются мальчики. Если постоявшая - то девочки. Некоторое подтверждение - чисто эмпирически - турецкие султаны. Те, кто в основном сидел у себя во дворце и в гарем ходил все время, обновляя свою сперму - у таких больше рождалось сыновей. А кто воевал и болтался черт знает где, изредка навещая гарем - у тех рождались девочки. Но повторяю - научного подтверждения это не имеет.

- А постоявшая - это сколько по времени?

- Ну, так, на пальцах - суткидвое - свежая. А больше - уже под девочек заточена. Только тут гарантии слабые - сперматозоиды - не солдаты, чтоб строем ходить. Глядишь, какой задержится... Да и к слову - если на вызревание спермы выходит меньше восьми часов - вообще сперматозоиды к оплодотворению не готовы. Не успевают созреть.

- Похоже, как такой способ не беременеть?

- Ну не сказал бы - глядишь, и найдется опятьтаки какой завалыщенький из неторопливых. Но вот тут есть ряд научных наблюдений - это в общем подтверждено - бесплодие при слишком интенсивном сексе... Временное конечно.

- Ага. Слушай. Раз пошли говорить о приметах - а вот есть приметы, чтоб с ходу прикинуть - какая будет жена из конкретной девушки?

Последние слова слышит подошедший к нам Вовка. Вытирая какойто грязной тряпкой не менее грязные лапы, Вовка безапелляционно заявляет:

- Да как два пальца. Хочешь узнать, какая из девушки жена выйдет - познакомься с ее

мамкой. Вот такой и дочка будет.

- Забавно. Но я могу добавить, что есть пара приметок. Считается - опять же строго ненаучно - что чем выше сосок на груди - тем девушка своенравнее. И ровно то же самое - если на ступне большой палец длиннее других.

- Seriously?

- Совершенно. Насколько серьезны могут быть приметы.

- А ну тогда по пальцу судя все в порядке. И сосок - это да, гордая она, это есть - Серега задумывается.

Вовка перестает тереть лапы. Крутит головой и носом.

- Обедто готов?

- Еще нет. А вы еще будете людей возить?

- Решили, что хватит на сегодня. Здесь их кучами собирать - резона нет, и в Кронштадте к приему не готовы. В «Бастионе» стало попросторнее, еды им там пока хватит. С топливом беда, так что много не наездишься.

- А что в городе?

- Зомби до черта. Пробок много. Пожаров меньше стало.

- БТР сгоревший видали?

- Не, мы это место седьмой дорогой обошли. Я вот не понял - чего и наши и кронштадтские финтят - вывезли бы всех гражданских из «Бастиона» - тут не так уж много ходок. Да и все равно меньше получилось бы, чем когда медведей резать пришлось.

- Ну, не знаю. Эвакуация - это сложная штука, организовать ее надо грамотно. Вначале - то это не эвакуация была, а паника и бегство, вот оно комом и катилось. Сам суди - транспорт обеспечить надо - причем по цепочке, а то будут на пирсе сидеть сутки, едапитье тоже нужны, опять же помнишь, как в первые дни беженцы тут все засрали?

- Это не забудешь...

- Ну вот, значит и это тоже учитывай. Медобеспечение тоже нужно организовать и материалами обеспечить, ну и наконец - жилье подготовить. Те, кто к нам прибежал - готовы были и в необорудованной куртине жить, а из «Бастиона» так людей не поместишь. Да еще, думаю, и политика тут место имеет. Разгрузим омовских от их беженцев - глядишь они и забудут благодетелей. А так они на крючке. Да и в Кронштадте - их же принять и разместить надо, тоже мелкими партиями проще сделать... Короче - непростая штука - эвакуация.

- Да это я сам знаю - у меня так несколько родичей померло - эвакуировали из блокады, а за кольцом от души накормили от пуза дистрофиковто. Вот и загнулись с непривычки. Бабушка рассказывала, как дристали всю дорогу после такой кормежки в тридцать три струи не считая мелких брызг. А сестрички ее померли.

- Вово. К слову, раз ты такой умный - про девушек правильно сказал - а вот как мужика оценить?

- Даже и не два пальца, а еще проще. Смотри - какая у мужика собака. Лучше зеркала собака скажет. Если пес тупой и злобный - то и хозяин мудака, а если собакин умный и дружелюбный - то и с хозяином дела иметь можно.

- Тото ты собаку не держишь.

- Держал. Только очень трудно, когда помирает. Живутто недолго, по сравнению с человеком. Вот после последнего своего еще не отошел. Но будь спок - у меня они все были умные и толковые.

- И машину водить умели?

- Лапами их бог обидел. Были бы у них руки - водили бы. А шутишь зря - вот все собачонки - даже самые никчемные по мирному времени - а в обороне участвуют куда лучше, чем многие людишки. Сейчас тут собаки на вес золота. В курсе?

Да, конечно в курсе. Прекрасно помню, как мелочь пуделиная нас тогда с Сашей предупредила. К слову - частенько ее вижу утром на прогулке вместе с хозяйкой. Немного непривычно видеть, что хозяйка идет с готовым пакетиком в руках, чтоб за зверюшкой дерьмо прибрать - тут Михайлов строг и суров, за дерьмо в периметре - кара неотвратима и

моментальна. Причем неважно - люди нагадили или собаки. Тут он мне нашу главврача напоминает, тоже была на чистоте помешана. Вроде как над этим и посмеивались, но уважали.

К слову - и за кошками убирают. Прямо как в поликлинике. И что забавно старая вражда кошатников с собачниками - так и не померла. Смешно было раньше читать в инете страстные споры тех с этими. Создавалось впечатление, что дай волю кошатникам - и они недрогнувшей рукой перестреляют всех собак с их хозяевами, а дай волю собачникам - и кошки с их хозяевами будут передушены немилосердно... А тут и в крепости уже было несколько крупных ссор - именно на эту тему.

- Однако собакзомби в городе тоже много. А они страшнее людей. Особенно когда в стае.

- Так не собаки виноваты. Люди тысячелетия старались, чтоб из волков и шакалов собак выдрессировать. А теперь изза мудаков тупоголовых обратно получилось - прямо в городах из собак успешно получили волков и шакалов. Вся эта болтовня к чему привела? К тому, что появились серьезные бродячие стаи. И это уже не собаки. Внешне да - еще собаки - но в душе они уже дикие. А это в городах - недопустимо.

Серега тем временем закончил глубокомысленные думы. Теперь его можно послать в комиссию - рассказать, что за новый морф появился, с легкостью мнущий кабину автобуса. Жаль не сняли - фотографий нет, только на описание расчет.

А мне - вести занятия с группой добровольцев - и не очень добровольцев - по первой помощи.

Набралось таких 22 человека. Ну, это и не удивительно - если б речь шла о какойнибудь ерунде, которую бы я преподнес как аццкую панацею - все бы сбежались. Как к Малахову на его бред. А вот серьезное дело - всего 22 человека. Из них - три медсестры и из охотничьей кумпаньи четверо.

Удивила круглолицая девочкаподросток. Очень все всерьез изучала, старалась на полную катушку. Под конец занятия спросила - есть ли возможность диагностировать инсульт. Вот так - с ходу.

- Ну, распознать инсульт возможно на месте, не медля, для этого используются три основных приема распознавания симптомов инсульта, так называемые «УЗП». Для этого попросите пострадавшего:

У - улыбнуться.

З - заговорить, выговорить простое предложение. Связно. Например: «За окном светит яркое солнце».

П - поднять обе руки.

Дополнительные методы диагностики: попросить пострадавшего высунуть язык. Если язык кривой или неправильной формы и западает на одну или другую сторону, то это тоже признак инсульта. Можно попросить пострадавшего вытянуть руки вперед ладонями вверх и закрыть глаза. Если одна из них начинает произвольно «уезжать» вбок и вниз - это признак инсульта.

Если у пострадавшего проблемы с какимто из этих заданий, немедленно бейте тревогу (опасность повторного удара) и опишите симптомы прибывшим на место медикам.

Ключевое слово - неодинаковость. Неодинаковость видна невооруженным глазом. Если человек вам улыбается, и у него одна половина рта движется, а другая нет, то это инсульт. Если человек жует, и у него с одной стороны рта начинает вываливаться пища, а он этого не замечает - инсульт. Если вы просите человека сжать ваши руки, рука в руку, и чувствуете что одна рука жмет заметно слабее другой - туда же. Если человек, еще недавно вполне внятно разговаривавший, вдруг начинает говорить неразборчиво - туда же.

Понятно?

Девочка кивает, а я вдруг вспоминаю, где ее видел. Точно - она дочка того крупного мужчины, который помер внезапно от инсульта. Или сильно ошибаюсь - или вот подрастает медик...

Потом совершенно неожиданный вопрос задает уже вполне себе зрелый мужик. Нет, честно, я никак не устаю удивляться всей той херне, которой набили головы наших сограждан за последнее время - вгоняя в прямое Средневековье, гробя все вековые достижения. Вот и сейчас - хоть стой, хоть падай:

- Доктор, я читал на одном уважаемом сайте, что ранения надо прижигать каленым железом - и это лучший способ дезинфекции ран. Почему вы об этом способе ничего не сказали?

Несмотря на то, что очень охота сказать «мать - перемать, да откуда такой бред берется!!!» приходится следить за речью.

- Не сказал я об этом способе потому, что еще в средние века было совершенно точно доказано, что этот способ только вредит. Пользы от него - ноль. Равно как и от заливания раны раскаленным маслом.

(Это что же получается - мне сейчас надо будет читать лекцию по истории медицины для первокурсников? Вспоминать хрестоматийный случай, когда у хирурга-иерульника Амбруаза Паре кончилось в котелке раскаленное масло, а раненых солдат с поля боя волокли и волокли, калить железо тоже было некогда, да и не на чем, и потому, плюнув на общепринятый способ обработки огнестрельных ран «отравленных ядом свинца», хирург - бедолага применил свой «способ» - делая просто перевязки чистой тканью - с холодным маслом. Наутро он был уверен, что горемыки, которым не хватило кипящего масла, уже передохли в страшных муках, а оказалось вовсе иначе - они чувствовали себя куда лучше обработанных «по правилам» - и вылечились куда легче... Нет на это времени и глупо будет выглядеть.)

- Но я читал на серьезном сайте и у компетентного человека.

- Возможно, в чемто автор сайта и компетентен, но не в медицине. Предложенный способ - вреден. То, что вы сейчас говорите - такая же замшелая и вредная средневековая «медицина» вроде уринотерапии и так далее. Это делалось потому, что ничего другого не имелось и не умелось. Да и то - (ну вот, съехал таки в историю медицины) - лучшие медики того времени, начиная с Амбруаза Паре - этот способ отвергали. Сейчас вообще глупо о нем говорить, потому что кроме дополнительного ожога места ранения Вы каленым железом ничего не сделаете. А в ране и так уже есть погибшие ткани, бактерии попавшие с ранящим предметом и нарушение иннервации и кровообращения. Все вместе создает отличные условия для размножения болезнетворных бактерий. Вот если Вас - здорового каленым железом прижечь - Вам станет лучше.

- Нет, конечно, но у раненого обеззараживание произойдет!

- Где?! На какую глубину? По какой поверхности? Да основная задача хирургов - уменьшение в ране нежизнеспособных, отмерших тканей - базы для инфекции. А Вы ожогом еще некроза добавите. Да и где Вы во время боя будете железо калить?

- Вотвот, на сайте как раз и писалось, что в больницах этот способ не могут применить, нет возможностей.

- Вы меня слушаете? Я вам толкую, что уже в середине 16 века убедились на опыте - на многочисленном опыте, на тысячах пациентов - что прижигание ран - вредно. Понимаете, на опыте - на полях боев, наглядно. Раненому и так хреново, а вы его еще железкой прижжете, вот здорово! Вот он вам спасибо скажет! Так делали, пока не имелось дезинфицирующих средств, опыта перевязок - и то у древних греков и римлян такого варварства не было, ну да в Европе их медицинские достижения забыли надолго, не умели жгутовать, не умели перевязывать сосуды или хотя бы пережимать их инструментом. Что для раненого лучше - обработка раны тем же фурацилином - или Ваше прижигание, а? Мертвые ткани так в ране и остались. И будут там гнить. Так что, кроме дополнительной возможности для инфицирования - ничего прижигание не дает.

А в том сайте небось обморожения рекомендовалось маслом мазать?

- Да, а что?

- А то, что опять привет из забытого средневековья, когда понятия не имели, что кожа

дышит и поры закупоривать - вредно. И что вот интересно дает масло на обмороженном месте?

- Тоже скажете - нельзя?

- Именно так и скажу. И что интересно - любой медик скажет то же.

Продолжить мне не дают - явившийся в зал Павел Александрович терпеливо ждал, а я - и не вытерпел.

Оказывается, в Артмузее уже установили видео с телевизором и мне пора туда - обещал.

Прощаюсь со слушателями, решаем продолжить послезавтра.

- Замечу, что например казнимым культи и позже 16 века обливали кипящим маслом - деликатно замечает мой спутник, когда мы уже отошли на некоторое расстояние.

- Ну да, это дает кровоостанавливающий эффект и позволяет не дать преступнику истечь кровью, пока ему будут отрубать остальные конечности. Нам сейчас еще не хватает раненых с сочетанной травмой. Кстати - а что это Вы рассказывали нашему воспитаннику, что за реальные и кульные пацаны?

Музейщик оторопело смотрит на меня.

- Я рассказывал Демидову про русскую историю. По «Повести временных лет».

Офигеваю теперь я. Ну. Точно же.

Сообщаю, что мне изложил воспитанник.

Смеемся вместе, но с грустью.

- Мда, средневековые возвращаются...

- И скоро вероятно и тут княжества будут.

- Да, всякая власть от бога. Только он почемуто выбирает зачастую самых злых, лживых и подлых на эти роли. А уж политика - и тем более символ лицемерия и подлости...

- Интересно, будет ли потом описание приглашения нового Рюрика, скажем?

- А Вы считаете, что его приглашали? Который уже век нам тычут в нос тем, что де пришел Рюрик и нас цивилизовал. До этого, дескать, на Руси вообще не было ничего. Сидели голые дикари посреди дикого поля, потом что-то в голову стукнуло - и пошли князя себе искать...

Мне в военных мемуарах понравилось, как солдат вермахта пишет вообще забубенные вещи - например «норманские купцы ездили через Ладогу в Византию. Археологи находят при раскопках в г. Ладога детские деревянные мечи, что указывает на то, что норманские купцы ездили с семьями...» То есть вот так - у русских дикарей не было ни мечей, ни детей, ни дерева для игрушек, ясен день.

- Это в принципе нормально. Проще воевать, когда врага презираешь и считаешь опасным - но дикарем. Но насчет Рюрика... Знаете, это вполне возможно.

- Но летопись то писалась через двести лет после происшествия. И сохранилась по тому времени однаединственная. Вот почитают через двести лет сохранившийся экземпляр «Московского комсомольца» или там «Новой газеты» - сделают верные выводы?

- Она не одна сохранилась, Ипатьевская летопись, Иоакимовская летопись, например говорила о том, что Рюрик - внук Гостомысла, российская история по Татищеву то же толкует. Дело даже не в Рюрике. Князь - необходимая деталь того времени. Его положено было иметь. Мало, кто знает, что новгородцы зачастую не только выгоняли князей из города - или как целомудренно писали летописи «указывали им путь», но и несколько раз удерживали князей силой, а в случае побега - и силком возвращали. Документально подтверждено. Да и у Святослава они просили себе князя - и старшие сыновья от захудалого Новгорода отказались и только младший согласился - и то после угрозы «найти себе князя на стороне». И это тоже задокументировано. Конечно, считать летописцев бесстрастными механизмами - смешно, но и пристрастны они были в меру. Я признаться не понимаю, что Вас так Рюрик раздражает?

- Ну, мы дикари, это понятно. То, что норманны (викинги) служили нашим князьям, а Рюрик оказался по праву наследником - как старший родич, женатый на княжьей дочке и

потому стал князем в обычае местном как положено - это никого не парит. Хотя мне всегда было интересно - кто в понимании европейцев и как звал Рюрика на трон... Видимо собралась куча голых дикарей в лаптях с квасом и балалайками и пошли за тридевять земель князя искать, пока Рюрик не снизошел... Но ведь у дикарей не бывает крупных городов... А у нас уже и Ладога была и Новгород.

В то же время англичане так гордятся своей историей, что даже у нас каждый знает, как Вильгельм Завоеватель высадился в Англии, надрал при Гастингсе саксов, отчего их громко сказано король Гаральд помре, и захватил страну, прижав саксов к ногтю. При этом все культурно, достойно и поевропейски.

То есть мы должны стыдиться того, что произошло мирно и в соответствии с нашими законами того времени, ибо это показывает нашу дикость, а вот англичане могут гордиться, что какойто залетный хам надрал задницу и покори́л их предков.

Но тогда почему захват наших княжеств татаромонголами для нас позор? Чем это отличается от похода Вильгельма?

И к слову - норманны были бичом божьим для жителей Англии и Франции. Остались и молитва о защите от норманнского неистовства, и картинки, и летописи. И это все нормально, тут нечего стыдиться, ага.

Но почему у нас такого викингского беспредела не было? Наоборот, нанимались тут на службу, жили спокойно, соседствовали. Может потому, что у нас стоят в Новгороде ворота из Сегтуны, а в Англии такого экспоната нет?

- Вы слишком остро реагируете. Да, есть проколы в пропаганде. К слову и с варягами не все просто - некоторые племена русских им и дань платили, было такое. Новгород дань платил, к слову. Есть такая запись за 912 год. А в 1015 году Ярослав Владимирович, отказавшись платить подать своему батюшке - киевскому Владимиру Святославичу, нанял варягов, как его батюшка делал в сваре с братьями по смерти Святослава. Варяги в Новгороде повели себя похамски, за что их новгородцы и вырезали. Чем вызвали недовольство князя, потратившего на варягов много денег. Так что всякое было. Конечно, не было такого бесчинства варягов у нас, как они чудили в Европе... А вообще - история - это основа политики. Меня вот больше интересует - какой Старый город заменил Новгород?

- Не понял я чтото?

- Новгород. Новый город. А это означает, что до этого был Старый. И сейчас это неизвестно, на смену какому городу возник Новгород.

За приятной и содержательной беседой доходим до музея. И потом я долго показываю и рассказываю по своим записям - что и как. Учítывая, что показ имел полный аншлаг, пришлось выложиться. Потом отвечал долго на вопросы и Овчинникова, и Охрименко, и прочих...

Остался без обеда и успел уже на ужин. Комиссия, оказывается, уже свалила. Мне передали записку от Валентины, где та деликатно указала, что нынче при переломах ребер тугую повязку уже не рекомендуют. Учил и проникся.

Настроение у Николаича грустное - оказывается, пришел начвор и изъял полученные нами в начале осады стволы - все три, сославшись на приказ командира гарнизона. Ну, понятно, они ж оба - музейские. Наши както посопротивлялись, стволы отдавать было неохота - но начвор вывалил впятеро больше патронов, чем мы тогда за стволы дали, упер на то, что не оговаривалось - навсегда нам стволы дали или на время, воззвал к сознательности... В итоге моя вторая «рыжая Приблуда», ТКБ откочевала обратно в фонды - вместе с двумя другими экспериментальными. Жаль, я уж както и привык к ней.

Вместо нее Николаич выдает мне обычный, слегка пошарпанный АК. Честно признаться - двойственное чувство - ТКБ выглядел экзотично и можно было попижонить, а вот старичок АК - явно привычнее... Возношусь мыслью в эмпиреи, представляя себе, как сейчас накручу на свою машину ПБС и оптический прицел - как положено в «Сталкере» и сам черт мне не брат. Постный Николаич возвращает меня с небес на землю, последовательно отказав по обоим пунктам.

Неприятно чувствовать себя сидящим в галоше, тем более, что вообще уже не в первый раз убеждаюсь в том, что все всегда только с виду просто - а начнешь вникать - и дьявол сидит в деталях. Так и тут...

- Получается так, что не стоит оно того, Доктор. Патронов УС у нас мало. Это раз. Резиновых шайб к ПБС - тоже мало. Это два. Пуля после ПБС дает поражение на 300-400 метров. Это три. Для перехода от стрельбы с ПБС - надо откорячиться - снимать сам ПБС, накладку на прицел, магазин менять, да еще иногда и пристрелку заново проводить. Так что либо оптика, либо ПБС. А и оптика вам в нашей вылазке не полезна будет - черт его знает, может противник сбоку выскочить - а в оптику и не увидишь, да и не имеете вы опыта работы с оптикой.

Прицел оптический серьезного навыка требует.

- Шайбыто зачем? И что за насадка на прицел?

- Без шайб бесшумки не выходит. Пуля первая пробивает мембрану, делает в ней дырочку, газ в эту дырочку с трудом пропихивается в глушитель, там расширяется в камерах и уходит в атмосферу. Звук и глухнет. Чем больше пуль выпустишь - тем дырочка в мембране больше - тем звука больше. Такая вот девственная плева получается, если повашему, помедицински говорить. Ну а накладка на прицел - пулято УС - тяжеленная, траектория совсем другая, соответственно и прицеливаться надо по-другому.

- Вот ведь чертовщина...

- Так оно только в кино все просто. Кстати - калаш этот хорош - старый выпуск, серьезно тогда к работе относились, качественно...

- И что, подвернись случай - на новый менять не стоит?

- Смотря какой новый. Но с восьмидесятых годов - качество резко вниз пошло. Вот и смотрите. А сейчас и вовсе опаскудились, такое фуфло лепят... Без напильника - не работает. Капитализм, не напаришь, не продашь... Кстати - чужое оружие - дело темное, хотя бы по пристрелке. Хапнете - а оно непристреляно - ну и получили палку с железной инкрустацией. Нашето мы здесь качественно пристреляли. Впрочем, может вы и правы и стоит прицелы на калаша поставить оптические. Но сейчас уже не успеем - опять же из-за пристрелки, да еще и подгонку делать надо - АК под ПСО не предназначался вообще... А для понтов только лучше не делать.

- Мда... Озадачили вы меня, Старшой.

Беру автомат, принаравливаюсь. Рукито помнят... Нормально, прижился.

После ужина навстобурчил сослуживцев. Роздал им медикаменты на завтра, еще раз напомнил, как и что применять - и тут уже оказалось, что пора отбиваться.

И как в темную воду провалился.

Выныривать приходится с трудом. Мужики что-то суется в мертвенном синем цвете, меня трясет за плечо Саша, и сквозь сон слышу голос Вовки:

- Да нехрен его будить, можно подумать, сами не управимся.

Продираю глаза.

Кто-то блюет прямо посреди нашего салона. Не вижу, кто это так развлекается, так как мужики окружили блюющего.

Присоединяюсь к полуодетым кумпаньонам и вижу, что свинячит Демидов. Запах не оставляет сомнений - пацан надрался в драбадан, а печеночкато у него ношенная - а может и принял много. Но в общем Вовка прав - с отравлением алкоголем практически каждый из нашей компании явно встречался и в целом ситуация достаточно простая.

Мальчишка в сознании, хотя сквозь сопли, слезы и икоту (вот ведь как у него лихо получается) выдает какую-то мутную пургу, в которую мне вникнуть не удастся:

- И ладно и похрен, тоже бя нафиг... И я не баба и нехрен бя... Ик...

Товарищи и впрямь отлично обходятся без меня - судя по запаху пьянице дали уже и воды с накапанным туда нашатырным спиртом - носом чую знакомый запах и Дарья Ивановна тащит свежесваренный кофе... Собственно - ситуация достаточно банальная, Саша перестарался, мальчишка оклемается без врачебного вмешательства.

- Ик... По забору едет трактор, ноги волосатые, тут корова подлетает, тоже дерево клюет. Авдигору мудитора Алям дыр дыр семадцатая пристань... Ик... А я не баба! Ик...

- Чего это он? - спрашиваю у Саши, который единственный не участвует в спасательной операции.

- Да Озорной рукожоп очень хотел с нами завтра ехать - а Андрей против был, ну и Николаич тоже. Вот гопник и нализался с обиды.

- А что он все про бабудо?

- Да Андрей накосячил - Демидов уж расстарался, стрелял сегодня как надо - ну Андрюха его и произвел в ранг «Надежда группы». Кто ж знал, что для неуча Надежда - это только женское имя и все. Тогда ничего не сказал, а вот оно как вышло...

- Получается так, что давайте все спать! - командует Николаич.

Остается только он, Андрей да Дарья.

Опять проваливаюсь в темную воду...

Утро девятого дня Беды

Подъем не носит эпохального характера. Встаем както спокойно, спокойно собираемся. Я немного мандражирую, но вроде как не показываю этого. Впрочем, наверное, актер из меня убогий, потому как Андрей тихонько говорит мне:

- Это нормально. Только не повторяй распространенной ошибки салобонов - не надо смотреть на себя все время со стороны и думать «а не боюсь ли я». Все боятся. Да и в конце концов ты уже почти обстрелянный...

Он тихо улыбается.

Николаич собирает нас и дает коротенько вводную:

- Сегодня будем работать в районе Стрельны. Основная задача - взять под контроль ремзавод бронетанковой техники. Ситуация лично мне непонятна, потому как мне еще тогда не понравилось, что мы там видели. Странное малолюдство в районе супермаркетов, ну да остальное - вы сами видели. Возможно, я ошибаюсь, но готовиться лучше к тому, что будет оказано реальное сопротивление. Наши силы - сводная группа сухопутчиков и кронштадтские. Хорошо то, что обещали провести авиаразведку - и вроде б выполнили это.

- Более серьезной поддержки с воздуха не будет? С вертолетчиками не связывались?

- Какими вертолетчиками?

- А в Вартемяги же полк стоял?

Николаич переводит дух. Плохо он сегодня выглядит - словно свинцовой пылью осыпан, губы серые и отеки заметнее, чем раньше. И то, как он дышит - часто и поверхностно - мне и вовсе не нравится.

- Докладываю. Бывший военный аэродром «Касимово», на котором в свое время базировался вертолетный полк, является аэродромом, где размещаются самолеты аэроклуба «Звезда» и Федерации парашютного спорта Северозападного региона России. Что там нынче происходит - не знаю. Но рассчитывать на вертолетную поддержку не стоит.

- Жаль...

- Получается так, что пока противник вырисовывается не слишком мощным. Так что может и обойдется.

- Идем на броне?

- Вопрос сейчас будет решаться.

- Николаич, а самто как решаешь?

- Полагаю, что отправимся мы без своего панциря. Есть такое подозрение. Побывать на заводе и ничем не разжиться - странно както будет. Ладно, давайте собираться. Званцев обещал нам и бронежилетов и касок подбросить, ну а сами мы должны предусмотреть, что там еще нам понадобится.

Тут меня стучает в голову. Странно, что раньше не пришло на ум.

- Что Доктор подскочили?

- Да вот, вспомнил - нам надо сидушек нарезать из полиуретановых ковриков - ну так - на резинку - чтоб на задку было. И на броне простатит не получишь и на снег сесть можно.

- Это как?

- Ну, режется прямоугольник из пенополиуретана, сквозь прорези продевается резинка, так чтоб не давила, а на заднице держалась вся конструкция - надо куда сесть - получается своя сидейка. Такое в Мясном Бору видел у копарей - удобно.

- Дело. Видал такие, продавались. Жаль, в нашем мы такой фигней не торговали, глядишь, пригодилось бы сейчас. Пока будем на собрании - Сережа - нарежь на группу. И в запас тоже - пригодятся.

- Размером не ошибись. А то ходить не сможем - скалит зубы Андрей.

- Шути, шути. У кого воспитанник нажрался? Да еще и с нарушением правил?

Андрей скисает, отводит глаза.

- Каких правил? - влезаю я, чтоб Андрея не очень пинали.

- Получается так, что основополагающих: градус не понижать, из разных материалов - не смешивать. А то этот гусь ухитрился тяпнуть водки - это из пшеницы, значит, потом портвешка - этот из винограда вроде - раздобыл и пивком - из ячменя - отлакировал. Получите - распишитесь. Вон оно лежащее - посылка из вашего мальчика.

Обсуждаемый предмет дрыхнет без задних ног и только посвистывает носом.

Нам пора с Николаичем идти на собрание. Остальные собираются. Уходя, слышу знакомый звук позвякивания антабок на оружии, глухой грек от магазинов на столешнице.

- Не нравится Вам ситуация?

Николаич некоторое время идет молча.

- Получается так, что - не нравится. Но выбирать не из чего - либо грудь в крестах, либо голова в кустах... Мутное там что-то, чую, что очень мутное - и получается так - что я раньше с таким не встречался. Не люблю, когда не понимаю ситуацию. Сейчас - ни черта не понимаю. Честно скажу - если б взвод этих разгильдяев просто перерезали или перестреляли - мне бы было б легче. А так - есть какая-то гнусность во всем этом, не все так просто...

Мда, разговорился что-то Старшой...

На собрании мешает то, что я все время прокручиваю в голове - что еще надо взять с собой. Такое странное впечатление, что что-то забыл. Возможно, просто это из-за внутреннего мандража. Достая блокнотик и начинаю записывать, что уже готово.

Поневоле вспоминаю, как наша отличница Галка так же мандражировала перед каждым экзаменом и в конечном итоге спасалась тем, что садилась писать шпаргалки, но к общему удивлению соседок по комнате в общаге писала их по памяти - не из учебника...

Схема получается достаточно простой - сушей, придерживаясь окружной дороги, поперет сводная бронегруппа сухопутчиков - и наши знакомые из Медвежьего Стана и с Полигона, еще кто-то. Сапер выражает удивление тем, что танки и БМП пойдут по автостраде - они ж гусеницами весь асфальт снесут, а ремонтников теперь не дождешься.

Вроде б сухопутчики обещали этого не делать... нуу...

Мы со своей стороны высаживаемся со сводной группой морской пехоты из Кронштадта. Всего от крепости идет наша команда, взвод курков из Дзержинки да сборная солянка из свободных от несения службы гарнизонных и комендантских. Место высадки знакомое - как раз оттуда мы эвакуировали семью Семен Семеныча и его дружка... АТП вроде. Там еще фура с чулками и колготками осталась...

Точка приложения сил - завод. До этого сухопутные займут супермаркеты на Таллинском. Заодно проверят - что там с пропавшим взводом произошло.

Николаич задает волнующий всех вопрос - сужу по одобрительной реакции присутствующих - какая связь между группами и внутри групп? Ясно, ему не дает покоя то, что в неминуемой неразберихе - а начальника единого так и нет, к сожалению, каждый получается сам себе голова, не смогли договориться, вполне возможно такое дело, как френдлифайер. А в исполнении танковых пушек и прочих дудок это вовсе нежелательное явление.

Отвечает Званцев. Поддерживаться будет радиосвязь (называет частоты, все пишут, а я хлопаю ушами), кроме того, группы обменялись делегатами связи и по возможности обсудили возможные варианты. Также обеспечена связь при помощи ракет - ракеты при этом используются флотские, у сухопутников такого нет, так что не ошибемся. Кроме того, всем «нашим» будут выданы повязки из одинаковой ткани - синего цвета. Ткань сама по себе дерьмо лежалое, больше ни на что не годна, но цвет получился специфический - так что сейчас командиры подразделений получают эту рухлядь - и обязательно должны обеспечить у каждого бойца на левой руке такой лоскут.

- Как обозначена наша техника?

- Белые полосы на башне и по корпусу.

- А с моря поддержка будет?

- Да, высадку прикроет учебный корабль и сейчас подготовлен катамаран типа «Зибеля» - он сможет подойти ближе.

- «Зибель» - это немецкий паром, набитый артиллерией?

- Так точно. На наш тоже поставили достаточно серьезные системы. Но когда десант удалится от берега - прикрывать будет сложно, так что с собой тоже будет выдано дополнительно тяжелое вооружение - крупнокалиберные пулеметы и два АГС. По зомби АГСы работают не совсем удачно, но, учитывая возможность наличия крупной банды - могут понадобиться.

Сейчас при погрузке на катера - десант получит дополнительно шлемы и бронежилеты. Убедительная просьба командирам - присмотреть, чтоб бойцы не пролюбили имущество.

- Что с питанием?

- При удачном раскладе - за счет раскулачивания находящихся там магазинов. Если что-то будет наперекосяк - питание обеспечит камбуз учебного корабля.

Так вроде все понятно. Пока отцыкомандиры обсуждают всякие вопросы по подчиненности и разграничению обязанностей, равно как и с полосами наступления и зонами ответственности, прикидываю свои силы и средства. Раз нет единоначалия - значит, я отвечаю за своих. Правда, курки думаю тоже на нас с Надеждой, да и гарнизонные никуда не денутся... А, надо спросить, лучше будет.

- Какие силы и средства медицинского обеспечения задействованы?

- Сухопутчики сами себя обеспечивают. От Кронштадта будет врач и фельдшер и шесть санинструкторов. Старшим по сводной кронштадтскокрепостной группе будет наш врач - Вы у него в подчинении. Возражения есть?

- Нет возражений. Материальное обеспечение значит - с него?

- Точно так.

- Отлично.

Получаем карты, распечатки с приказом, расписание - кто на каком судне идет, таблицу сигналов...

Поневоле лезет в голову то, что говорил Николаич насчет бардака или порядка в начале операции. Тут пока все образцовопоказательно, что, похоже, не должно радовать... Или должно?

Завтракаем не торопясь, но и не затягивая. Катера подаются вовремя. Так же вовремя - по плану отваливают. Подгоняем вымазанные грязносерой краской каски. Вроде не бликуют, краска матовая, уже хорошо. Старье, конечно, такие по лесам ржавеют, где бои были.

Но с другой стороны - если поймать в голову пулю из «Кедра» или картечину - то каска к месту безусловно будет.

Корячимся с тяжеленными бронежилетами. Когда разбираюсь, наконец с подгонкой, обнаруживаю, что по мою душу приперся тот мужик, что задавал дурацкий вопрос о прижигании ран каленым железом.

Ну, сейчас начнется...

И действительно начинается.

Не зря моя начальница на отдыхе всегда представлялась бухгалтером. Если узнают

о окружающие, что лекарь - обязательно назадают кучу нелепых вопросов... Какой уж тут отдых!

Вот и сейчас мушшшина рвется обличить не то, что мою - а и общемедицинскую некомпетентность.

Нет, я, конечно, понимаю, что есть, за что нашу медицину критиковать. Да бедато в том, что критикуют в основном не по делу.

И почемуто вспоминается, как в конце тяжелого дня патриарх Герардыч неожиданно заметил севшим отдохнуть в ординаторской коллегам:

- А ведь мы окружены мертвецами, сэры.

И когда мы не поняли его посылы - пояснил:

- Если мы сейчас откроем свои пуза - то у всех там будет шрам от аппендэктомии. Что бы не говорили о ничтожности медиков и медицины - а ведь совсем недавно это было совершенно смертельным заболеванием. А сейчас - вот мы ходим, а могли бы быть и мертвецами.

На меня нашел стих глупой гордыни и я както неприлично хвастливо заявил:

- А у меня на пузе нет шрама!

На это мудрый Герардыч спокойно заметил:

- Значит, вам повезло.

А я тем временем вспомнил, что пару раз у меня было тяжеленное воспаление легких, и без массивной антибиотикотерапии вряд ли бы я тут величался. И я устыдился.

- Вот вы давеча говорили о бесперспективности прижигания ран железом! Вот почему у вас, медиков, такое отвращение к народной медицине? Это же вековая мудрость, а вы самонадеянно свое гнете! Небось, скажете, что и чеснок, и лук на раны класть нельзя?

- Ну, давайте, рассказывайте, что там делать надо...

- И расскажу - вот пусть люди слушают! У меня память отличная - я четко запомнил, что на сайте писалось: «Закладывая в свежую рану зеленую, травяную кашицу, мы обеспечиваем ране усиленное дыхание, а это главное для предотвращения инфекции и для стимуляции заживительных процессов. Такой тип лечения невозможен в официальной медицине - она не может обеспечить наличие свежих зеленых трав в течение круглого года, официальная медицина вообще игнорирует народную медицину, ошельмовывая ее. Повезло тому, кто ранен летом!

В другое время года можно использовать другие природные антисептики и стимуляторы, которые длительно сохраняются в свежем состоянии: чеснок, лук и алоэ. Очень сильным природным антибиотиком на все случаи жизни является чеснок. При всех острых воспалительных и инфекционных процессах чеснок надо есть внутрь, желательно луковичу каждый день. А для местного лечения ран чеснок можно применять еще и в виде чесночной водной настойки.

Если рана с самого начала загрязнена, большая по размеру, и вообще сразу подозрительна, надо раздавить луковичу чеснока до кашицы, и просто ежедневно свежую кашицу класть прямо в рану, а старую вымывать чесночной водой.

Также можно использовать и репчатый лук. Репчатый лук пропускается через обычную соковыжималку для апельсинов, и этот, но только свежеприготовленный, сок употребляется для залития и промывания ран, а получающаяся в отходе соковыжимания каша лука используется для закладки в рану. Например, если рана после хирургической обработки не большая и легко зашивается: залили рану свежим соком репчатого лука и зашили, сверху положив зеленую массу». Вот так прямо и написано - и каждое слово верно! Что вы на это скажете?

- Скажу, что это бред.

- Я так и думал! Вы все держитесь за свои пилюльки. А вот сила природы - вы ее игнорируете и презираете! Вот что конкретно - бред?

- А все, что вы сказали. Все - бред. Это бы могло пойти для какогонибудь раннесредневекового трактата.

- Давайте конкретизируйте!

- Ох!

- Вы тут не охайте - ошельмовали уважаемого автора - так будьте любезны отвечайте за свои огульные обвинения!

Замечаю, что кумпаньоны, сидящие рядом, наострили уши.

Не получится незаметно скинуть этого умника за борт. Ладно, буду отдуваться.

- Ну, поехали: Первое. Закладывая в рану кашицу из травы, мы суем туда инфекцию. Растения с поля не стерильны - потому вместе с ними пойдут и бактерии. Чем скажем отвар зверобоя хуже? Разговор о живительности только зеленых растений - опровергнут сотни лет назад - как раз когда активно собирались травяные сборы. Да, травы собирать надо со строгим соблюдением правил, так же важно правильно провести процесс ферментации и сушки - но собранные растения отлично работают весь год.

Второе. Официальная медицина не отвергает народную медицину. Но выдавать всякую чушь за народную медицину - не надо. Почему только лукчеснок вами упомянут? Крапива - отличное кровоостанавливающее, подорожник, зверобой, чистотел, кора дуба, шалфей, золотой ус - отличные средства, в том числе и раны со ссадинами обрабатывать... Могу продолжать и продолжать, но уже и этого хватит.

Третье. Вы пробовали сжирать по головке чеснока в один присест?

- Нет, но я же не был ранен!

- Ну, так вот я вам точно скажу - единственно, чего можно добиться, лопаю чеснок в таких количествах - это развития гастрита или обострения язвы. Чушь. Тем более - проверенная и уточненная именно как чушь - примеров хватает. Каждый год в клиники попадали такие умники. Известное дело.

Четвертое. Лук в виде печеного - помогает оттоку гноя. На свежую рану класть свежий лук - сделать дополнительно химический ожог поврежденных тканей. Ровно то же - с кашицей от чеснока. Вы эту кашицу себе на язык положите и посидите так с часик - потом я на Вас гляну. А язык, между прочим, защищен и приспособлен к агрессивной среде - это не распоротое мясо с драными нервами.

Пятое. Какую рану предлагает зашивать автор? Что такое хирургическая обработка в его понимании? Хирургическая обработка - это иссечение нежизнеспособных тканей, разможенных в первую очередь. Обычно делается при огнестреле - и после хирургической обработки рану зашивать НЕЛЬЗЯ! Это еще в Первую Мировую установили. На десятках тысячах примеров - на всех фронтах. Во всех армиях! После этого в гное утонешь, раны зашивая.

Этого хватит?

- Вы меня не убедили!

- Ну, разумеется. Я другого и не ожидал. Впрочем, когда Вас ранят - я, так и быть, напишу Вам в рану тертого чеснока с луком.

- Поперчить, посолить и поджарить на медленном огне, - облизнувшись плотоядно, говорит Ильяс.

- Вам все шуточки! А возразитьто, по сути, и нечего! - оскорбленная невинность в лице поборника народной медицины тем не менее отходит на другой борт, подальше от нашей дикой компании.

- Ютить вашу мать! - не выдерживаю я и рассказываю ребятам о пациентке, которой кто-то рассказал про контрацептивное действие лимона - и она, не мудря, запихнула себе во влагалище лимон целиком. Потом вспоминаю про лук и про препарат в музее кафедры судебной медицины - матка с проросшей в нее из влагалища луковицей - был раньше такой «народный» метод аборта, только вот думаю, от него чаще помирали, вспоминается виденной мной старичок с терминальной стадией рака - опухоль в распаде, а он до последнего был адептом копротерапии и мазал развивающуюся опухоль свежим калом...

«Знатоки! Убивать надо таких знатоков, папаша его студебеккер» - как совершенно правильно в подобной ситуации сказал великий гроссмейстер.

Фэнь шуй им всем в нос... С дыню размером.
За содержательной беседой время незаметно пролетело.
Катера идут по заливу, держась пробитого во льду канала.
Скоро будем на месте.
Уже скоро...

Вовка успевает еще рассказать про то, как он боролся с чирьями на заднице во время службы в армии - а у мехводоов на срочной такое часто бывает - грязища, немытость, ГСМ, пот застарелый, да плюс авитаминоз в придачу. Лук он, оказывается, применял, но по совету «знатоков» - как раз сырой. Сидеть после этого недели две не мог. Потому, по его мнению, лучше удалять чирей, взяв пустую бутылку, насовав туда горящих спичек, а потом приложив горлышко к больному месту - отсасывает в момент все!

Мне остается только жалобно кряхтеть, слыша о таких варварских обычаях и вспоминать, что в старой армии у кавалеристов было золотое правило - «беречь жопу пуще глаза», потому как кавалерист с чирьем на заднице - ровно то же, что пехотинец с переломанными ногами.

За поучительной и не лишенной приятности беседой прибываем к точке высадки. Мореманы обеспечили все путем - обеспечив даже колонновожатых. На льду чувствуем себя неуютно, словно мишени и потому, как только получаем с соседнего катера усиление в лице трех матерых саперов и отделения явно срочников желторотых бодро бегом за провожатым несемся к берегу. По дороге замечаю, что вроде как нас высадили не там, где полагалось по плану, а немного левее. Сбоку в сотне метров вижу бегущих курсантеров - соседями будем.

То, что со спины нас прикрывают стволы корабля и катеров - греет душу, но когда добираемся до домишек на берегу - становится както легче.

Кронштадтские уже там. Попадается пара упокоенных, но в целом видно - территория уже подчищена. Не успеваем перевести дух, как Николаич командует занять второй этаж невзрачного дома. Саперы парой быстро проверяют двери, потом один зачемто включает обычную школьную лазерную указку, второй его страхует. В домике пусто. После быстрой проверки лестницы нам машут - можно заходить.

Запаленно дыша, вваливаемся в угловую комнатуху. Всетаки бегать с таким грузом - тяжело. Окна берутся под контроль, мы - несколько человек, не занятых немедленно для наблюдения, я в том числе - плюхаемся на пол задницами, и переводим дух, опершись спинами на стенку. Так. Теперь можно и перекурить. Пока без нас обходятся, и понадобится мы не раньше, чем через полчаса - Николаич говорит, что нас должна подобрать броня, она на подходах...

Когда немного прихожу в себя - замечаю рядом лежащую в углу гранату - немного запылившуюся, но знакомую Ф1. Снаряжена, готова к бою, только отогни усики да дерни чеку. Вполне себе пригодится лимонка в хозяйстве. Тянусь, чтоб забрать, но сидящий рядом сапер из приданных хватает меня за комбез и я плюхаюсь обратно.

- Не рекомендую вам подбирать всякое, что валяется - спокойно, доброжелательно, но очень убедительно говорит мне этот мужик.

- Думаете растяжка?

- Вижу, что не растяжка. Но к бесхозным боеприпасам привык относиться очень осторожно. Есть знаете, опыт.

- Оставляли, что ли, такие сюрпризы? - спрашивает смекнувший что к чему Андрей.

- Ага.

- Так те видео, которые на ютубе были - как духи с криком «аллаху акба...» рвутся при стрельбе из миномета или гранатомета - ваши шуточки, или они просто бестолковые? Я не понял, вы портачили с боеприпасами, а потом их сплавляли духам, или это случаи брака и криворукости были? - Саша уже отдышался и изза Андрея выглядывает.

- У духов бахали модернизированные 82 мм мины, РПГ 26, выстрелы РПГ7, ВОГи (лягухи) - все в момент выстрела. Гранаты рвались в руках. Особенно запомнился выезд на позицию одноразовых минометчиков, миномет самопальный, один выстрел нормальный -

мина ушла, а второй или наше творчество, или смежников - труба в ключья, плиту не нашли (хотя может, и не было) и весь джаз банд рядом притих. С нашей стороны потерь нет. Жаль редко представлялась возможность зреть дело рук своих. Фэйсы втюхали на ту сторону паленую иглу, при старте - вышла и бахнула, старт был замечен, двадцатьчетверочки долго резвились.

- Хотя убейте, не могу понять, как может рвануть ВОГ в момент выстрела?

- Вот и они не могли понять. (мужик весело улыбается) ВОГ - легко, если под вышибным зарядом кусок ЭДП и бризантная доп. навеска, детонация страшная штука. И не портачили, а модернизировали. Патроны в том числе - тенересом, но его достать было трудно, одних бумажек кучу напишешь и вопросы лишние. Сплавляли путем бросания - а ля просто потеряли. Были и те, кто продавал, но покупатели, как правило, второй раз не приходили, а новых геморно искать. Проще бросил и забыл. Только сводки сиди читай.

- А следы демонтажа на «модернизированных» изделиях - насколько оставались заметны? Скажем, Вы сами, зная такую практику, могли бы увидеть - «доработанный» боеприпас или фабричный?

- Все зависело от того, кто делал. Во всяком случае, найденные боеприпасы и границы мы не использовали и писали МУКи, что их использовать нельзя. Внешний вид отличить практически невозможно, все это таскалось как попало - сколы краски и лака, потертости, царапины - обычное явление. Минам в хвосте, под вышибным, отверстие и запальная трубка. Одноразовые РПГ - визуально - однозначно нет. А попытаться вытряхнуть оттуда гранату - желающих не было, доработанная в руках рванет. В РПГ - 7 дорабатывался стартовик выстрела, головные части тож крутились но это в разы сложнее, стартовик не определить.

ВОГ 25п разбирался до нуля - при сборке резьба клеилась - если руки не из задницы - то только эксперт сказал бы, ну или неудачная попытка разобрать. ВОГ 25 - извлекался капсуль вышибного заряда, сверлилось отверстие под КД, после доработки капсуль заменялся новым - но это экстрим, хотя и это делали. УЗГРМы и запальные трубки у нас безукоризненно дорабатывал командир приданных саперов из Сибири - с виду не отличить, а замедление «0».

Запалы РГО - РГН - не крутились вообще. Патроны разбирались и собирались только 7,62X39 и 54 - под них была у снайперов приبلуда. После всех манипуляций с изделием - в «пластилин» на недельку под открытое небо для придания товарного вида.

При всем том, что некоторые из оппонентов таки воевать умели - специалистов раздва и обчелся. Они в основном ловушки ставили на «чистильщиков». Так что каналы даже корявые поделки.

- Непростой Вы сапер - замечаю я.

- Не, я - простой, я не единичный экземпляр, наштамповала Родина. (Тут он лукаво подмигивает). Вот заведение, где нас натаскивали - то да, непростое было. Хотя самоучек дохера. Но откуда у самоучки неучтенки в больших количествах? Во всем этом, нюансы были, и особка как грушу трясла самоучек или тех, кто без предварительной договоренности чудил - однозначно за сбыт или утрату потянут. Всем не объяснишь, что боеприпасы и ВВ - тютю. А куда тютю - хз. А уж тем более при обнаружении в схронах номерных единиц - особка плюс прокуратура. И доказывать, что этот предмет вовсе не полетит, а совсем наоборот - замучаешься.

А потом еще слить могут гады - особенно прокурорские, в конторе покапывало, но не сильно, а у них - обмен информацией... И будут потом за тобой гоняться местные и на КП большие деньги предлагать, чтоб показали, кто таков. В общем, документы прикрытия были как воздух и надзирающий военный прокурор в придачу для общения со своими коллегами во избежание расшифровки.

- И что, духи разве не пользовались купленными в других странах боеприпасами? Вроде ж им со всех сторон поставляли? (Вижу, что Сашу заинтересовало всерьез, а вот Андрей жмурится както по котовьи - очень похоже на то, что знакомые вещи слышит.)

- На халяву и известка - творог. У меня видеопособие трофейное есть, так там сплошь и

рядом фигурируют наши боеприпасы. Патроны они покупали, а все остальное было затруднительно. Тот же тротил не у каждого есть. А шайтанки и подавно. Вообще то они без затей были. Все простенько достаточно. Были и у них умельцы... в основном бывшие наши, но этих отлавливали с повышенным энтузиазмом. Был один выродок Смирнов В., он же Абу - Малик, бывший сержант спецтуры, русский, уроженец ст. Наурская кажется, до 2003 года был жив, сейчас не знаю.

- Так что проблемы у них с боезапасом что ли?

- Начиная с 2000 года появились. Если бы все было ок - не ковыряли бы они снаряды и не плавил тол. На всех желающих не хватало. С патронами проблем у них не было. Так что - лучше б гранату не трогать.

- А что с ней может быть не так? Замедление «0»?

- Ага. Или не срабатывает.

- Ну, это ладно. Оставим как оружие последней возможности.

- Куркуль Вы, Доктор. Жадность - она губит.

- И не говорите.

С этими словами обтираю гранату и прячу в пустой кармашек разгрузки.

- Наблюдаю бронетехнику! - это заявляет пацанчик с странной винтовкой, очень похожей на СВД, только вот приклад складной и какаято она, ну немного другая. Пацанчик смотрит из приоткрытого окошка, пользуясь прицел.

- Какая техника? - интересуется Николаич.

- Три маталыги, БТР и... и еще БТР! За нами?

- Белые полосы на них есть?

- Нет, целиком зеленые... Нет полос...

Значит, не наши? Это уже весело, пулеметы с маталыг нам тут не страшны, а вот если на БТР крупняк стоит - так нас через стену найдут без проблем... Вижу, что остальные тоже насторожились.

- Номера видишь? - Николаич шустро разворачивает выданные сегодня утром бумажки.

- Вижу.

- Диктуй!

Пока колонна шла боком, пацанчик успел сказать номера первого БТР и маталыг. По списку Николаича получается - это наша бронеподдержка. Почему без полос?

Приданный нам связист, совершенно ботанского вида паренек, связывается с броней. Отвечают сразу. Насчет полос удивляются - никто о таком не говорил. Ну, ясно. Бывает. Особенно в армии...

Когда убеждаемся в том, что это и впрямь свои - Николаич все же настаивает на том, что полосы быть должны. Летеха, командующий этими жестянками, наконец, соглашается с тем, что получить от танка в борт гостинчик - не самое лучшее. За краской посылают к мореманам.

В итоге рассаживаемся на броне, сторонясь липких, подмерзающих на холодрыни полос все той же шаровой краски. Удивляюсь - а чего не в десантный отсек?

- А так привычнее - отвечает Андрей. - Тут нет толп зомби, что вообщето удивляет. А морфа увидим - стволов хватит затормозить.

Да уж, стволов у нас нынче богато - у снайперов по два - взяли в дополнение к Светкам еще и охотничьи слобойи, Вовка к калашу еще прихватил какуюто гладкоствольную многозарядную коротышку, Николаич как раз с АКБ и только мы с Сашей и Надей как обычные мотострелки. Только с ПМ в кобуре. А я так еще по совету Андрея и «Марго» взял. Хотя зачем - не понимаю. Ну да он опытный парень, зря не посоветует. Все. Тронулись.

Гарнизонные и курки - те забились внутрь. Ну, там сейчас теплее, конечно, хотя пока наоборот жарко - броники, сумки, запас боеприпасов - и взятый с собой на всякий пожарный сухпай и фляги - весят густо. Предполагается, что нас забросят к югу от завода и мы начнем действовать оттуда - и лишний груз можно оставить в технике. Хотя, сомневаюсь я в том, что наши на это пойдут - пропадет что - хрен кого найдешь потом и хрен чего докажешь.

Едем медленно. Рядом грохает выстрел - мальчонка со складной СВД горделиво задирает нос - свалил стоящего метра в 150 от дороги обглоданного мужика.

- Ты зря так лупишь по всему подряд. Винтовочку не напрягай зря.

- Тебeto чего? Ты что возбудился? Я - снайпер, а ты кто? Сиди со своей допотопной берданой, охотничек!

- Снайпер говоришь? Хорошо, скажи, будь добр - что такое тысячная? Формула тысячной? Цена щелчка барабанчика ввода боковых поправок?

- Да чего ты ко мне докопался, толстый? Я те что - школьник?

- Ты не снайпер, ты мотострелок с винтовкой. И не надувайся - у таких как твоя винтовочек при настреле более тысячи выстрелов заклинивает затвор в затворной раме. После этого - только неполная разборка винтовки. И так далее. Ты сколько выстрелил уже?

- Откуда я помню? Я же - компьютер?

- Если ты снайпер, а не пулеметчик - то должен это знать, настрел у тебя не ящиками. Вот и прикинь - как оно будет - если твоя заклинит в самый неподходящий момент, а толстого рядом не окажется? Дальше: пистолетная рукоятка коротка, мизинец висит в воздухе. Значит - увидишь ломаные носилки или велосипед - снимай резину с рукоятки и натягивай на пистолетную рукоятку. Понял?

- А почему - сломанные носилки только для этого годятся?

- Потому что целые нужны будут в дело. Затыльник приклада - голое железо, удерживать приклад в плече одинаково во время стрельбы сложно. Значит надо намотать пластырь, изоленту. Можно нас попросить - глядишь какой затыльник и найдется.

- Ты дядьку сынок слушай. Дядька дело говорит - заявляет сапер, остренько покосившись на Андрея. - И за толстого извинись, кстати.

- Да отвалите вы от меня. Чего прицепились, сам знаю, что делать. - снайперишко обиженно нахохлился. Андрей коротко подмигивает саперу. Тот в ответ ухмыляется.

- Что, действительно клинит после тыщи выстрелов?

- Ага. Гдето с четверть таких браковок.

- Мда... мрак...

Останавливаемся у какихто домиков. Вокруг валяются всякие домашние вещи, которые дико смотрятся посреди улицы - видно тут хорошо помарадерили. Сапер подбирает себе пухлую подушку в наволочке, пристраивает ее себе под задницу. Предложенную ему пенкусидейку отвергает - так привычнее, да и потом горит наверно это пенка хорошо. Последнее явно отмаза, потому как на замечание Андрея о том, что если тут так все будет гореть, то нам и без пенок хреново придется, пропускается мимо ушей.

- Чего ждем?

- Танки еще не приехали.

- Ясно.

Пока ждем прибытия тяжелого железа бойцы потихоньку шарятся в близлежащих коттеджах. Николаичу это не нравится, мы остаемся сидеть как сидели, да и приданных Николаич не отпускает - токо слезть, ноги размять. Правда ничего и не происходит - шарящие ничего не нашли - «все уже украдено до нас», зомбаков не попалось ни одного, так что тишь.

Единственно, кто работает - так это наш ботансвязист. Вроде как он проникся важностью своей задачи или просто нравится ему болтать с приятелями - но связь с соседями он держит четко.

Николаичу - видно с утра хворь достала - и это не по душе.

- Ты поменьше трепись - если нас слушают - слишком много знать будут.

- Так я ж о пустяках!

- Из пустяков можно тоже выводы сделать...

Кронштадтские продублировали связь - прикомандировав в каждую группу двоих своих - связиста и координатора. Ясно ребятки треплются вроде бы о ерунде. Но может Николаич и прав. Связываюсь с начальством - врач оториноларинголог оказывается.

Развернули они свой пункт практически на льду - под прикрытием корабельной артиллерии. Ну, это умно, мало найдется охотников их там обижать. Определяемся по порядку взаимодействия. Так мне от него и не перепало матобеспечения, ну да живы будем - сквитаемся.

- Заводи! Выходим на исходные!

Все рассаживаются по местам, БТР под нами фыркает и дергает вперед.

- Хорошо, что мы первые идем, а то от маталыг нам в морду накидало бы дерьмища! - орет мне в ухо Андрей. Киваю в ответ.

Мотает нас сильно - водила прет не разбирая дороги.

Хоть мы тут уже ездили - не могу сориентироваться. Вроде мы должны выкатиться с юга, но чтото забираем слишком к Петергофу.

Водила дает по тормозам, Николаич орет: «Не стрелять!»

Нам навстречу бежит расхристаный мужичонко, видимо выскочил из какойто ямы - только что его было не видно. Он явно живой, машет руками и орет: «Я живой!!! Живой!!!»

Добегают до борта, тычется как очумевший, смотрит на нас снизу вверх дикими глазами. Видок у него жуткий, впору забубенному бомжу - и воняет от него дерьмищем, рвотой и страхом. Но чтото в лице - а у него именно лицо, а не синяковая рожа - говорит, что это нормальный человек, только вот хреново ему пришлось. Лицо осунувшееся, голодное и глаза ввалились как у старой лошади.

- Вы - военные? Вы - военные?

- Да. Из Кронштадта. Ты кто? Откуда?

Мужик садится прямо у колеса, его колотит и он начинает плакать какимто лающим сухим плачем - без слез. Жутко, когда так рыдает взрослый - и явно не трясогузный мужик.

Тут мне надо работать. Соскальзываю с брони, слышу, как Николаич прыгает следом, крикнув: «Наблюдать! Всем - по секторам. Нечего тут тарашиться, мы разберемся!»

Подбежавших от маталыг курсантов рыком гонит обратно.

У мужика не истерика, просто отходняк такой дикий. Сую ему фляжку, забыв, что там водка. Он хапает несколько больших глотков, кашляет.

- Водички, водички дайте.

Поспевает Николаич - ухитряется налить воду в пластиковый стаканчик (видно не хочет, чтоб такой грязнучий мужичина его флягу смоткал.) Стаканчик мнется в ходуном ходящих руках, мужик жадно глотает воду, расплескивая ее вокруг. Ему немного легчает.

- Ты откуда?

- Из лагеря спасения! Там еще люди остались! Много! Помогите!

- Нехреновый у вас тут лагерь спасения. Где он?

- На заводе. Там, в цехах.

К нам присоединяется сапер, что постарше. Николаич, мельком глянув на него, тут же возвращается к мужику. Видно, что по его мнению сапер здесь полезнее, чем на броне.

- Что там в лагере? Ты что такой дикий?

- Ты б сам был такой дикий!

Мужика снова начинает колотить.

- Давай излагай по порядку. Потом будешь истерить. Есть что важное - говори.

- Спокойнее, Николаич, спокойнее - ему солоно пришлось, видно же. Давайте рассказывайте, чем можем помочь. Вас зовут как?

Николаич не возражает против старой, но верной методы хороший - плохой.

- Получается так, ничего он не расскажет. Он вон в истерике. Нашатырь лучше дайте ему понюхать, даме нервной.

Мужик словно выныривает из омута, с ненавистью смотрит на Николаича и обращаясь уже только ко мне достаточно внятно говорит:

- Я - инженер Севостьянов. Лагерь спасения - открыли на второй день этого гадства. Указатели поставили. Эвакуации помогали. Тут неподалеку учебка ментовская - вот курсанты прикрывали. Народ туда бежал потоком. Епта - чего не бежать - тут это самое

укрепленное место.

И из Стрельны. Из Петергофа были. С дороги - кто откуда. Мы помогали колючку тянуть, забор нарастили, сами как дураки вышки дополнительно поставили. Но все равно мертвяки прорывались, а потом какието твари - тоже мертвые, но здоровущие. Народ потому заперли по цехам - чтоб жертв не было. А потом ночью стрельба. Утром - бя, утром оказалось, что власть переменилась. Новые какието появились - но и ментов осталось, хотя сильно меньше, чем было.

Мужик со стоном переводит дух.

- Весь лагерь - ловушка. Люди - мясо. Последние три дня ни воды, ни еды. Согнали как селедок в бочку - не сесть, ни лечь. Кто умирал - соседи, чтоб не сдохнуть, голыми руками шеи умершим ломали. И бя нашлось пидоров - тоже в охрану подались. Из наших же! А там ритуал. Нам показывали. Мы все видели. Чтоб они суки в своих кишках задохлись! Нелюдь, хуже мертвяков.

- Кто там сейчас верховодит?

- Психопаты какието, долбанутые на всю голову. Церковь «Священной Вечной жизни» с Великим Мастером во главе.

- Первый раз слышу.

- Я тоже впервые услышал. Но от этого не легче.

- Они могут оказать сопротивление?

- Могут. И окажут. Они ж долбанутые! Оружие у них есть.

- Там у вас на заводе - только корпуса или бортовое вооружение тоже есть?

- К нам техника разоруженная поступает. Но у этих пара БТР с вооружением были точно - свои, наверное. Это только то, что я видел. БТР80. Но камуфляж у них другой.

- Мины, фугасы - видел? - это сапер о своем, о девичьем.

- Не видел.

- Гранатометы есть? ПТУРСЫ? Танки на ходу?

- Не знаю. Тех, кого видел - с легким стрелковым были.

- Сколько всего там этих церковников?

- Полста будет точно. Может и больше.

- Тыто как удрал?

- Нас шестеро бежало. Ночью еще. Мы ж заводские, там у себя как дома. Я один выбрался. Водички дайте еще, а? Пересохло все внутри.

Издалека доносится автоматная трескотня, потом раскатистое драканье крупнокалиберных - два, потом еще один. Интересное кино - это наши или по нашим?

- Связь, что там?

- Огневой контакт! Атакованы морфом, есть потери, просят медиков - помочь.

- Это точно наши?

- Ручаюсь - Пашка там, точно он на связи. Да, морф необычный - у него четыре руки!

- Они что там - пьяные?

- Нет, точно - подтверждает - четырехрукий.

Ерунда какаято...

Летеха, к которому мы обращаемся с требованием транспорта - жметя и кряхтит.

Начинается херомуть многоначалия - мы не можем ему приказать, он - нам. В итоге возникает дискуссия изначально дурацкого свойства типа «должен ли джентльмен, если он должен?»

Под огонь попали не его сослуживцы, ему до них нет никакого дела, а отправить коробочку непойми куда - тоже стремно. Я прекрасно его понимаю. Самому ехать неохота, тем более, что начальство новоявленное точно не стронется со своего бережка, где ему уютно под сенью пушек.

Однако там раненые, и они точно ждут с нетерпением бронированную скорую помощь. Будет очень кисло, если они помрут только изза того, что летеха пожабится дать колесницу гусеничную.

Некоторое время идет яростная торговля в радиоэфире, в итоге летехе обещают много всего полезного - если придет коробку - и кучу ебуков физического свойства - если не придет.

Скоромощной экипаж формируется несколько необычно - маталыга, как наиболее подходящая для перевозки раненых - у нее дверцы сзади и пузо вместительное, мы с Надеждой (чертова баба даже слушать не стала возражения - дескать не стоит класть всех медиков группы в одну корзину и просто залезла в таратайку), Саша с Серегой - в усиление и пара курсантов - в которых я не без удивления узнал Званцевамладшего и его приятеля.

Туда мы катим, сидя внутри гусеничной кареты скорой помощи, как ее нарек смешливый лопухий курсантер. Одно дело - когда рядом сидит Андрей со слобоем, а другое дело Саша или курсантеры, которые хорошие ребята и даже стреляют неплохо, но вот при нападении морфа я бы все же лучше б оказался рядом с Андреем.

Маталыга идет несколько жестче БТР, нас потряхивает в салоне, который куда здоровее БТРовского, но вроде как сильно ниже - сидеть приходится бубликом. Зато видно, что тягач - кроме лавок, никаких загадочных ящичков и коробочек с проводами и шлангами нет. Пока едем - по совету Надежды Николаевны вынимаем пластины из броников. Дышать сразу становится легче.

На месте оказывается, что все не так плохо - раненых четверо, но к счастью все не тяжелые - один с гордостью показывает каску с содранной краской - морф, не шибко разбираясь, хапнул парня за голову, а голова оказалась в шлеме, что и выручило. А так - переломы. Сильные ушибы, ссадины и царапины, у одного возможно - повреждение внутренних органов, очень похоже на тупую травму живота, но тут все равно - эвакуация, не боец он со сломанной ногой. Санинструктор у них в команде оказался неглупый - так что в шесть рук обрабатываем и шинируем быстро.

У них, оказывается, и носилки есть. Курсантеры хватаются за ручки и бодрим галопом тянут первого раненого. Успеваю вспомнить про Марка и рываю, чтоб остановились. Остановились - а на меня все уставились недоумевающе.

Когда нас дрессировали на военной кафедре и учили эвакуировать раненых, мы на своей шкуре убедились в том, что это сложное и тяжелое действие. Майор Сухов, подтянутый, голенастый и ироничный поручил первой четверке носильщиков пробежать с «раненым на носилках» кружок по стадиону. После чего загрузить пострадавшего в угрюмую приземистую транспортерину. Жертвой выбрали Марка - как самого легкого. Не учли того, что в нем явно был актерский талант, и он нередко веселил однокурсников различными репризами, особенно ему удавались сцены из постановок Жмеринского драматического театра оперного балета.

- Э, Мепистохэл! Вам зовут из подземелье!

- Кому, мне? Чичас иду!

Калитка пипснула и Мепистохэл явился.

Вот тут во время таскания Марк и смешил и бесил своих таскателей, всю играя роль раджи на прогулке. Ржать, неся бегом тяжесть (а Марк все-таки был в сапогах и с автоматом) - не сахар. Когда ребята подбежали, наконец, к транспортному средству и закинули передние ручки на борт, передняя пара залезла в кузов и все облегченно рывком вдвинули носилки с телом в кузов.

Тело неожиданно прервало свою тираду о «нерадивых и нелепых слугах» таким мощным ревом, что все чуть не подпрыгнули. Марк коряво вывалился из носилок, спустил свои портки и стал корячиться, пытаясь глянуть, что у него на тыльной стороне организма. На тощем заднем фасаде оказалась здоровенная ссадина и быстро наливающийся мрачной синевой не меньших размеров синячище.

- Вы видите - невозможно пояснил майор Сухов - одну из характерных ошибок при загрузке раненых в транспорт. Самая нижняя часть при переноске раненых в брезентовых носилках естественно провисает и выдается за уровень ручек, что при резкой загрузке в кузов или салон сантранспорта вызывает дополнительную травматизацию раненых.

Мне тогда показалось, что майор это объясняет уже в сотый раз, и такой ход событий нимало его не удивил, наоборот - все шло по накатанной колее.

Раненых загружаем быстро - но аккуратно.

Возникает короткий спор с полканом, который командует этой группой - он безапелляционно требует эвакуировать раненых, чтоб под ногами не болтались, а мне надо на морфа глянуть. К слову - и вывезти тушу отсюда - если не сделаю, мне Валентина этого точно не простит - отращивание дополнительных конечностей некрофауной обязательно нужно изучить как можно быстрее.

Полкану эти премудрости - как зайцу барабан, так, суемудрие.

Не знаю, чем там дело бы кончилось, если б не Надежда, которая спокойно влезла в беседу с совершенно штатским заявлением, что пока я гляну неидентифицированное метаморфированное некрообразование, она задержит отправку «этой машинки» и обещает присмотреть за пострадавшими мальчиками. Все это выговаривается так, что любого военного может Кондратий хватить - всетаки каждая женщина в душе актриса - тут Надя может и хватанула через край, но спорить с такой гражданской интеллигентной дурой - явно бессмысленно, полкан смотрит на нее - и право, если б он сплюнул, это было бы менее оскорбительно, но наша сестричка отвечает ему настолько безмятежным взглядом, что офицер теряется.

Отыгрывается он на мне, тыкнув пальцем в ту сторону, где эта падаля валяется.

- Совсем рядом с боковым охранением. Охранение вон там, у сарайчика, а туша чуть дальше.

Припускаю туда мелкой рысью.

На полдороге соображаю, что вообще надо было бы взять ребят с собой для переноски. Когда собираюсь бежать обратно - соображаю, что на коробочке проще было подъехать. Да и не стоит тут в одиночку гонять. Ну да ладно - авось обойдется, тем более, что боковое охранение в случае чего прикроет.

Около сарайчика никакого боевого охранения нет. Видно, что тут была пальба - гильз до черта. Прикидываю, в какую сторону стреляли - и действительно совсем рядом нахожу кучу прострелянных тряпок. Морф сравнительно невысок, зато широк в плечах, скорее антропоморфен, рук вижу только две (или это уже можно назвать лапами?), на теле - одежда и обувь, грязная конечно, но вполне по размерам, что странно.

Башку ему расквасили добротнo, потому переворачиваю его на спину без опаски.

Чертыхаюсь.

Из расстегнутого драпового старомодного пальто действительно торчит еще пара рук. Маленькие такие ручки - причем очевидно, что падая морф их своим весом поломал. «Ничего не понимаю, шеф! - Аналогично.»

Расстегнув пуговицы пальто, чертыхаюсь еще раз. Морфы не дошли еще до того, чтоб отращивать себе дополнительные конечности. Просто я не взял в учет того, с кем мы имеем дело. Ночная смена пришла, действительно.

Обе руки пришиты в области середины грудины. Просто пришиты. По виду - руки принадлежали ребенку лет 6-7, потом ампутированы в области плечевого сустава и вшиты в грубо сделанный разрез на груди... Всего - навсего.

Даже без особого разбирательства видно, что они нефункциональны - тот, кто этим занимался - не заморачивался с иннервацией, созданием суставной сумки и так далее. Топорная работа, хотя, пожалуй, какая-никакая медицинская практика имеется. Но не выше третьего курса. И по качеству исполнения - троечная.

Мда... Что еще можно сказать. А можно сказать, что пришивалось прижизненно. Безусловно. По потекам крови видно - лежащему на спине. Грудь еще выбрита, хотя человек при жизни был волосат изрядно. Но никаких следов нормальной обработки хирургической операционного поля - и в помине нет.

Ладно. Надо побыстрее эвакуироваться. Побыстрее рассказать Николаичу, что видел. Противничек у нас еще тот, даже и не знаю, какой гадости от него ожидать.

Встаю, осматриваюсь по сторонам.

Несмотря на безлюдность - почемуто остро ощущаю себя мишенью. Пухлой, здоровенной мишенью. Слева слышу голоса - азартные такие и молодые похоже. Высовываюсь аккуратно изза сарайчика - впереди метрах в тридцати в низинке растет дерево. Там скучилось четыре солдапера - судя по снаряге и повязкам на руках - наши.

Мне кажется, что они окружили чтото висящее на суке дерева, ну да веревку вижу точно. Увлечлись ребятки так, что подхожу совершенно беспрепятственно, они дергаются только, когда я начинаю говорить.

- Это вы - боевое охранение?

- А тебе какое дело?

- Такое, что вы лихо несете службу. Достоинно. Немного удивляет ваш повышенный интерес к дамским трусикам. На память взять хотите, или поносить?

- А не пойти ли тебе...!

Адрес сопляк называет конкретный. И, похоже, что из них четверых - он самый борзый. Лидер, скорее всего. Так с веткой в руке и стоит. То ли забыл, то ли наглый. Вот те двое, что слева - засмутились. Четвертый пока не ясен. Значит надо быстро чморить лидера и дробить группу, а то, не ровен час, в спину пальнут. Не думаю, что их сотоварищи очень одобряют то, что вместо боевого охранения эти придурки старательно тянут веткой с подвешенной за ногу зомбачки ее трусы. Значит, могу пострадать за свое необдуманное вмешательство.

- Зачем девчонку подвесили?

- Это не мы, она уже висела так. - отозвался слева крайний, значит я не ошибся в оценке.

- А подумать, кто и зачем ее подвесил - не судьба? Вы вон стояли - меня не увидели, так увлеклись. Вас с ножа можно было б снять, не то, что очередью. Автоматы у вас - за спиной, пока дотянетесь... Думаете тут морф один на всю округу?

Кажется, проняло - заозирались. Кроме лидера. Тот подходит ближе и цедит:

- Вали отсюда, сами разберемся!

- Не вопрос. Уже валю.

А вот теперь не ошибиться - начинаю поворачиваться как бы уходя, замечаю движение оппонента и опережаю его - с разворота в челюсть. Он явно этого не ожидал, да еще похоже собирался мне пинка дать на прощание - хорошо ему влетело, душевно. Башку о мерзлую землю не расшибет - она у него в каске, а вот в себя приходить будет долго. Надеюсь, что я ему ничего костного не поломал. Ну да рукой бил, хотя хотелось врезать прикладом по наглой тупой роже.

- Ты чо, охерел?

- Товарищ попросил меня, чтоб я валил. Я его просьбу выполнил. Теперь я вас убедительно прошу - заняться не некрофилическими забавами, а вести, черт вас дери, наблюдение за окрестностями и прилегающей местностью, для чего вас сюда и направили. Я сюда за ранеными приехал и мне тут еще калеки не нужны. Все, дискуссия окончена - автоматы в руки - поделили зону контроля на сектора - и наблюдать.

- А с Тимуром что? Ты ж его убил!

- У Тимура нокаут. Всегонавшегося. Хамить не надо незнакомым докторам. Да и не докторам тоже не надо. Меня ваш полкан попросил глянуть, как вы службу несете - раз я морфа обследовать сюда пришел. Так что автомат этого дурня я с собой возьму - у командира пусть заберет. Ясно? Ответа не слышу.

- Ясно...

- Вот и молодцы.

Так, вроде они в драку лезть не собираются. Ну, это знакомо - выбил лидера - остальные теряются, а они еще и не банда, так, сброд малорослый. Теперь - что с зомби.

Красивая была девушка. А теперь висит вниз головой, нелепо растопырившись изза того, что веревкой подтянута за ногу к суку. Тяжелые роскошные волосы с набившимся в них мусором метут по грязному насту - она пытается дотянуться руками до стоящих

неподалеку салобонов. Лицо классических пропорций, только чугуночерное изза прилива крови и резко выделяются белки глаз - как на древнегреческих бронзовых статуях, где вставлялись кусочки серебра в глазницы. Стрелять в такую красоту из ПМ както совестно, вот тут и пригождается «Марго». Приседаю, не теряя из виду этих балбесов, вот она поворачивается виском... Таптап. Все, обмякла, руки шлепаются на снег. Теперь вместо «Марго» - «Копуша» - перехватываю лезвием веревку сразу над высоченным каблуком - девчонка полуодета, из зимнего на ней только сапоги на каблуках. По уму надо бы глянуть - от чего умерла, но какая собственно сейчас разница.

Прихватываю калаш с вяло возящегося Тимура и, не слишком поворачиваясь спиной, откатываюсь за сарайчик.

То, что совсем рядом появляется урчащее рыло МТЛБ с серыми полосами - радует очень сильно. Оказывается, ребятам пришло в голову, что поговорка про гору и Магомета имеет возможные варианты. Это замечательно.

Морф оказывается не слишком тяжелым и ребята сначала держатся отлично, только вот когда мы его затягиваем на верх агрегата одна из ручонков отрывается. Званцев - младший стремительно бледнеет, что особенно по ушам заметно и прыгает с машины долой. Мне тоже мерзко на душе, но надо держать фасон - подбираю ручонку и запихиваю ее морфу в карман пальто.

Прихватываю тушу к какойто выступающей детали поданным водителем шнуром.

Теперь не свалится.

Водила очень недоволен тем, что мы ему погрузили, но уж не знаю как - Надежда его уgomонила. Бурчит, но вот даже шкертик нашел.

Все - едем на берег.

Вкратце рассказываю все, что видел.

- А я таким всегда место уступал - немного непонятно заявляет младший Званцев.

- Каким - таким?

- У кого каблуки высокие. Они всегда с радостью садились - а вот старухи вечно какуюто щемоту разводят - то выговоры устраивают «что я повашему такая старая, что вы мне место уступаете!», то кота за хвост тянут мокрым полотенцем, пока какойнибудь тин без комплексов на пустое место не плюхнется, стоишь потом как дурак. Даже беременные не всегда садятся - а вот у кого каблуки - те очень рады и благодарны.

- Походил бы ты на каблуках - вопросов бы не возникало - немного свысока заявляет Надежда.

- Не, боюсь мне это не светит - с искренним огорчением заявляет лопухий.

И залиvisto хохочет, видя удивленное лицо медсестры - купилась Надя как маленькая. Раненые тоже посмеиваются и по мере возможности участвуют в разговоре. Каждому не терпится рассказать о своей героической схватке с нежитью. Как я понимаю, контакт был внезапный, но шумный. Заметили его поздно - тихарился гдето.

- А он мне как даст - так я кувыряться устал! - хвастливо говорит тот, у кого подозрение на тупую травму живота. Мы посматриваем за ним - но вроде пока признаков внутреннего кровотечения - во всяком случае бесспорных - нет, и это замечательно.

Не замечательно то, что старший машины, после некоторого бубнения рации, высовывается в салон и говорит:

- Подполковник этот требует, чтоб мы вернулись. Говорит - необходима ваша помощь, причем немедленно.

- Что у них там стряслось?

- Не сказал. Ну что, поворачиваем?

- Поворачиваем. Своим сообщи. Ну, нашим в смысле.

- Ага.

Бойко развернувшись на левой гусенице, отчего нас сложило в кучу, маталыга поперла обратно. Раненые бухтят, пытаясь донести до водителя массу интересной информации о нем и его манере езды - и по - моему настроение у них упало - вот уже совсем близенько было

оказаться в безопасности, а не приходится возвращаться, куда не надо.

Сунутый в угол тимуровский автомат во время боевого разворота вывалился и больно стукнул стволом по колену лопоухого курсанта. Естественно тот заинтересовался - откуда тут ствол. Вкратце объясняю.

- Да, тут только ипатьевский метод поможет - соглашается сосед лопоухого.

- Это как?

- А был такой передовик производства - Ипатьев. Сталин часто рекомендовал использовать его метод для улучшения показателей.

- И какой это метод?

- Ипать, ипать и еще раз ипать!

- А что, хороший метод. А то разборзелись салобоны, края не видят, застариковали!

- Ну, да, в общем.

Тут лопоухий снимает крышку затворной коробки и ахает както поженски удивленно.

- Не, вы гляньте - этот мудиль только сверху смазку обтер - а внутри все как было, так и осталось в консервации. Как он стрелять собирался?

К моему несказанному удивлению вместо того, чтоб вытереть замасленную руку об штаны паренек достает из кармана носовой платок и старательно обтирает пальцы. Потом безглаголиво ставит оружие обратно в угол.

- Пяхота!

Прибытие наше оказывается настолько долгожданным, что нас тут же встречают букетом матюков - какого лилового мы так долго ехали?

Водитель и старший за словом в карман не лезут - лай стоит добротный. Мы с Надеждой тут же оказываемся утянутыми от машины - по пути видим, что тут чтото произошло - причем нехорошее - достаточно благодушный раньше народ словно ошетинился, оружие под рукой держит, все какието нервные.

Уже знакомый санинструктор корячится в небольшой комнатенке, где на полу лежит и сидит с десяток окровавленных человек - один свернувшись клубком в углу и рядом с ним - автоматчик наизготовку, остальные - на особицу. Ничего не понимаю - одеты они все в одинаковый камуфляж. Да и повязки синие вижу. Разве что кажется - у того, одиночки вроде как повязка какаято пыльная. Санинструктор мельком кидает - этого потом. Если время останется.

Работы оказывается неожиданно много. Настоящий, без дураков, огнестрел, причем не только пулевые ранения, но и осколочные. За окном странное сочетание звуков - очень знакомое. Давно уже удивился тому, что тяжелая техника сочетает в себе несочетаемое - например ревущий за окном танк к басовому низкому гулу двигателя приплетает чистые высокие звуки лязгающих траков и странно это слышать в комплекте - по уму кажется, что не может быть такого звонкого мелодичного звука от бронечудища. Чего там танк возится непонятно - санинструктор не успевает нам толком ничего сказать, как какойто капитан бегом уводит его - несмотря на наши возражения. Попытка забрать и нас для чегого спешного - проваливается, капитан посылается в лес и поля. Это его страшно бесит, но Надежда заявляет, что она вольнонаемная, а я на голубом глазу ставлю его в известность, что сам офицер того же ранга.

Работаем, лихорадочно спеша - раненые как на грех все тяжелые, не безнадежные.

Восемь человек. Два жгута. Двенадцать перевязок. Кровопотеря здоровенная. Хорошо еще, что вроде справляемся - и везет - терминальных нет. Пока нет. Везти их надо быстро. А еще этот странный парень в углу с часовым. Но сопровождающий с маталыгой должен быть и охрану снимать нельзя. Ладно, сам справлюсь.

Одним махом расходуем половину своих припасов, а лягушки с кровозаменителем - уходят все. Этих надо эвакуировать как можно быстрее. Вызываю нашу маталыгу - и начинается пересадка. В итоге маталыга забита битком и на броне еще сидят наши знакомые - те, с переломами, ради которых мы изначально сюда и прикатили. Они очень недовольны этими изменениями. Надежда затыкает их фонтан неудовольствия тем, что садится с ними -

успев сказать мне перед отъездом:

- Будете оказывать помощь тому, который в углу лежит - сначала проверьте его на наличие оружия, шиколотки, карманы, рукава. И хорошо проверьте.

- Вы что-то о нем знаете?

- Его охраняют. Потому лучше сразу относитесь к нему, как к враждебному и опасному, целее будете. Может его и обыскали - а может и нет.

- Хорошо, посмотрю! Удачи!

- Мы за вами заедем!

Лежащий в углу - невысокий, худощавый мужик. Молодой. Ранения в грудь - замотан поверх одежды на скорую руку.

Както так получается, что к словам своей медсестры мне стоит прислушаться. За последнее время она уже доказала, что не бросается словами на ветер. Осматривая раненого лишний раз убеждаюсь в том, что она знает, о чем говорит - на шиколотке находится злобного вида небольшой нож с черным лезвием, а под мышкой - странный пистолетик белого металла - я такой ни разу не видал. Несмотря на смешные размеры - как ПСМ, который мне доводилось держать в руках - этот явно под 9 мм. В магазине - пять знакомых кургузых патрончиков. Нож просит себе караульный, прикрывавший меня стволом, отдаю ему, потому как прикрывал грамотно - и случись что - не вцепил бы очередь мне в спину, себе прибираю пистолетик - патрон ходовой. Да и размер приятный.

Найденный в кармане брелок с автомобильными ключами оружием не является, но прибираю его совершенно автоматически, как Шура Балаганов.

Раненый и впрямь оказывается враждебным. Немного подругому - я не успеваю толком оказать ему помощь, а он уже помирает. Не могу сказать, что реанимационное пособие я оказал полностью. Нет, конечно. Да и две дыры в грудной клетке както не воодушевляли. Отходим с караульным - он страхует. А я второй раз за день делаю тап-тап при первых признаках обращения.

- Кто это был?

- Хер его знает, пидораса.

Удивляюсь такому.

- Так он не из ваших?

- Куда там. Дивер, сволочь.

- Да что тут у вас случилось-то?

- Это пусть начальство рассказывает. Я не в курсах.

- Зря я тебе нож дал.

- Да я действительно не в курсах.

Ладно, тут делать уже нечего. Выхожу на улицу и иду глянуть - что там танк вытворяет. Зрелище странное - из под груды строительного мусора - видимо обломков нехилого совсем недавно домика торчит орудийный ствол, видно, что танк въехал в дом и его там привалило. Второй такой же металлический агрегат старается выволочь из руины своего незадачливого собрата.

Судя по толпе народа и начальственным крикам - сейчас именно тут разворачивается основной эпизод. Подхожу поближе - вообще-то мне надо добираться к своим - и санинструктора тоже зачемто вызывали.

Санинструктор стоит в толпе зевая, одетых милитаристайл и глазеет самым наглым образом. Оказывается, начальство упало и сломало палец. Ну да. Скользко нынче.

Что происходит - он и сам знает плохо, но со слов раненых - какieto хамы пытались захватить и угнать танк. Вот прямо так, посреди полного здоровья, на шарап. Говорят хамов было двадцать, все спецназовцы. Наших успели убить пятерых, да еще восемь ранено. В застрявшем в руинах танке еще осталось два танкиста - что с ними неясно, водила вроде живой.

Нахожу подполковника с забинтованной лапой, отмахивается от меня как от мухи и продолжает командовать. В здоровой руке держит приспособу для беспроводной связи, но

орет в нее так, словно и без нее обойтись может.

Чертов капитан, который вертится рядом, заявляет, что к своим меня отправить могут только по окончании операции, если на то будет решение командира. Думаю, что это он только что сфантазировал, просто мстит за то, что мы нагло игнорировали его приказы. Правда снисходит до объяснений инцидента - дивергруппа составом четыре человека совершила нападение на экипаж танка, убив двоих и ранив одного - но к общему счастью водитель сообразил, что происходит, и дал задний ход, въехав при этом в дом.

Оставшиеся с носом диверы, вступили в перестрелку с подоспевшими бойцами. Результат известен. Двое диверов были раздавлены при въезде танка в дом, один убит на месте, а взятый язык по докторской косорукости помер, непонятно, чему этих штатских идиотов в институтах учат...

Да и кстати - я по распоряжению командующего группой полковника прикомандировываюсь к группе до особого распоряжения и потому - далеко не отходить, закончат с танком - капитан скажет мне, что делать.

Сердечно благодарю за ценнейшую информацию и начинаю претворять в жизнь старый армейский принцип - подале от начальства - поближе к кухне. Кухню не нахожу. Зато нахожу скромно приткнувшийся за углом соседнего дома маленький джипик синего цвета.

Машино здесь много - в основном брошенных, но эта обращает на себя внимание - впервых, видно, что на ней недавно ездили, вовторых это «Судзуки», а у покойного дивера брелок как раз этой фирмы. Заманчиво, черт возьми, очень похоже на то, что на той машине диверы и прикатали... Да и не нравится мне тут. Я уже както привык к несколько привилегированному положению, а здесь к медикам относятся явно неуважительно.

Минуто - другую раздумываю на тему - а не заминирована ли машина, потом решаю - что в таком случае ключики бы остались в замке. Была - не была, еду!

Салон маленький, но, в общем, все понятно, разве что рычажок добавил к стандартному набору - 2-4. Надо полагать - для включения полнопривода. Ну да мы люди простые, мы и так уедем, если заведется. Оно, конечно, могут быть всякие секретки противоугонные типа размыкателя цепи или еще чего, но вряд ли диверы угона боялись...

Заводится влегкую, аккуратно трогаюсь и сматываю удочки без каких либо проблем. Немудрено, что диверсанты приехали как к себе домой.

Места знакомые, сориентироваться особой проблемы нет, но и гнать не резон. Машинка идет ходко и я даже несколько расслабляюсь. И совершенно зря, потому как лопаается переднее колесо, руль дергается, бьет по рукам и машину закидывает в сторону. Скоростыто была - самокат быстрее ездит, так что ничего не произошло особенного, но вот возиться со сменой колес тут както не с руки. Озираюсь внимательно по сторонам - безлюдно совершенно, место глухое, дорога второстепенная, особенно не спрячешься. Ладно, пошли менять на запаску.

Инструмент к счастью есть, домкрат есть - запаска на мое удивление - тоже, причем новехонькая, так что собственно дело на пять минут.

Ну вот, даже не вспотел. Теперь все по местам и - ходу. Колесо, правда, уже ни к черту - видно, какуюто арматуру словил, порвало от души. Да впрочем, и осталось ехать всего - ничего, а машинка понравилась, надо бы ее себе прибрать. Теперь в теплый салон и...

Повернувшись - вижу новое в пейзаже.

Вижу и не хочу понимать.

Не могу даже.

Никак.

В метре от меня - человек.

В грязной просторной одежде.

Лицо немножко изменено.

(Да какое нахер лицо!)

Чего ему надото?

Подошел как?

Почему я запаха не почувал?

Окатывает ледяной волной, как в детстве, когда весной с плота упал.

Морф.

Из расстегнутой на груди хламиды свисают две маленькие синие ручки.

Пытаюсь нащупать рукой автомат.

Еще раз передергиваюсь от ужаса - АК на боку нет.

Вмать!

Я ж его там и оставил, у переднего колеса.

Чтоб под рукой был.

Морф слегка раскачивается.

Нелепо шарю руками по себе...

Гдето ж у меня пистолеты были...

Три штуки...

Не успею...

Ничего не успею...

Все!

Теперь - точно все!

Морф разевает пасть.

- Ахххрушший. Ахххрушший хеммхааа.

Туплю невероятно. Такое только на экзаменах было - когда надо немедленно соображать, а нечем и никак. Он что - говорит?? Говорит???

- Ахххрушший!!! Ахххрушший хеммхааа!!!!

Эта скотина явно злится. Да и до этого не аллегория дружелюбия и добродушия был. Челюсти в метре от лица мозг просто отключили! Но пока не атаковал - есть время. Что ему надо? Что обычно требуют при первом знакомстве? При таком знакомстве? Что я бы потребовал?

- Ахххрушший хеммхааа!!!! Ахххрушший хеммхааа!!!! Ахххрушший хеммхааа!!!!

Судорожно память выволакивает из глубин мальчишку, которого дразнили прозвищем «сушеные кузнечики» соседи по палате. Волчья пасть, незаращение верхнего неба. Очень похоже у него получалось. Здесь - то что?

Морф ступил на шаг вперед. Пятиться мне некуда - за спиной машина.

Совсем мне в лицо с мерзким смрадом мертвечины с ацетоном:

- Ахххрушший хеммхааа!!!!

- Оружие? Оружие?

- Ахххрушший. Хеммхааа!

- На землю?

- Хеммхааа...

- Автомат - там.

- Хисоxxxессс!

Выкидываю из кобуры ПМ. В последний момент думаю, что мог бы применить, потом понимаю, что нет - не успел бы.

- Храссиххаа! Хеммхааа!

Уже в установившемся ритме кидаю вниз рацию. Пытался ее включить, но не получилось - пальцы не слушаются. А еще может от того, что старательно пытаюсь вспомнить - чтото в его речи очень напоминает не только бедолагу с кличкой «сушеные кузнечики», еще чтото... Чтото очень знакомое... Вот вертится...

Странное ощущение - было такое. Когда я с двумя балбесами на передних сидениях, уверенными в том, что марка «Мерседес» гарантирует от всех бед, невзирая на лысые покрышки и криворукое вождение вылетел на поворот в селе с дурацким названием Большое Опочивалово. Толькотолько начался дождик и эти первые минуты всегда самые страшные - асфальт еще не мокрый, а капельки воды еще не растекаются, а остаются шариками, покрытыми пылью - и дорога оказывается сплошь с такими водяными микроскопическими

шарикоподшипниками, на которых и нормальная машина идет юзом, а уж на лысых покрывахто и тем более.

Ну, мы и пошли вертеться, дав два полных оборота на 360 градусов, как корова на льду, после чего улетели в кювет. И все это время отчетливо запомнилась до мельчайших деталей вся обстановка вокруг, и я успел передумать чертову прорву всего, правда превалировало утилитарное - сейчас врежемся в этот грузовик левым бортом, значит повреждения у меня будут как на рис. 38 учебника по судмедэкспертизе, нет проскочили, значит воткнемся передом в «Жигуль», значит повреждения пассажира на заднем сидении слева будут как в случае, описанным у рис. 40 - того же учебника - и в том же духе.

А потом втроем мы выдернули тяжеленный «Мерс» из кювета - на голом адреналине. И не проносилась передо мной вся жизнь...

И сейчас я вижу отчетливо бежевые метелки прошлогоднего бурьяна, серый мерзкий снег, репейник на хламиде морфа, отчетливо - хоть рисуй потом по памяти - все пятна на его роже и все зубы... Да акула симпатичнее! Но это не все... С речью что-то... Его речь очень характерная. Было... Точно было... Когда? Что-то с опухолью... Точно!

Раковая опухоль - молодой очень успешный инженер 34 лет. Отличная семья, отличная карьера, отличный специалист и, видимо, очень хороший человек - друзья к нему ходили все время, даже когда стало четко ясно, что это - все. Мне его спихнули, потому как студентшестикурсник уже может что-то делать, а больше уже пациенту и не нужно. Опухоль была не курабельна. Ни оперативно, ни терапевтически. И развивалась стремительно, отчего у пациента отключались одна за другой функции мозга - то он забыл как логарифмировать, потом уже становилось невозможным считать - это ему-то, блестящему совсем недавно инженеру, потом резко ухудшилась речь - сначала перестал говорить сложносочиненными предложениями, дальше он мог говорить на странном языке, состоявшем практически из существительных - и понимал тоже максимально упрощенную обращенную к нему речь, отчего мучился не меньше, чем от болей...

Но ято хорош гусь. Взяли тепленьким. Остается только покрываться холодным потом. Хорошо еще не обделался. Вот есть такая теория, что обсираются от ужаса не трусливые люди, а те, которых в детстве хвалили за «хорошо покакал». Меня видно не хвалили. Или просто забыл, как это делается. Не до того сейчас.

А до чего?

Чего ему надо?

Я что, в плену?

У кого?

Или ему собеседник нужен?

Да нет, морда у него в кровище, жрал он когото, иначе б морфом не был.

Или я, такой покорный, отлично гожусь на консервы?

- Хессиххх?

- Что?

- Хессиххх??

Смотрит на сумку. Ага, понял!

- Медик. Врач. Доктор.

(Черт, чего это на меня словесный понос напал - взамен положенного по ситуации натурального, что ли?)

- Это понятно. Великолепно! Теперь продолжим начатое. С чего это вы, почтенный, так нахально разъезжаете?

(Не отрывая правого глаза от зубов у самого лица, левым стараюсь посмотреть вбок. Там стоит герой - картинка. Не знаю почему, но первое впечатление - манекен из оружейного бутика. Снаряжение такое впервые вижу - от амуниции до оружия. Все определенно дорожущее и навороченное, прямо прет таковым от этого красавца. Шлем на башке - явно НАТОвский, да еще с какимито привинченными прибрдами, а вот автоматик в лапах - явный АКСУ, только не простой какойто - и магазин коротенький, и повешено на автомат

всякого - вроде и глушитель, и гранатомет, но все какое-то необычное - либо я очумел, либо и у гранатомета торчит магазин. И стоит это чучело в картинной позе. Хотя вообще ему есть с чего так стоять, чего уж там...

- Итак, эскулап как тот медведь - шел по лесу - увидел: горит машина, сел в нее - и сгорел. Что с нашими диверсантами произошло?

(Убивал бы таких баянистов, рассказывать с таким понтом самый старый анекдот - это даже не хамство. Хотя да. Похож я на медведя. Сгорел. Сел в машину и сгорел. Расслабился както - катались мы взад - вперед без проблем, да и ехать тут всего - ничего. А про то, что у диверсов обычно есть группа поддержки и прикрытия - совсем запамятовал. Вот она - группа. Прострелили мне колесико и пока я возился и пыхтел - подошли мягонько и незаметно...)

- Убили несколько человек, ранили с десятков, сами тоже легли. Ключи взял с умершего - помочь было невозможно - проникающие огнестрельные грудной полости.

- Замечательно! Поменьше употребляйте существительных, когда разговариваете.

- Извините, не понял?

- Я так хочу! Меньше существительных! Теперь - молодец, Мутабор! Мясо!

Пендрила вытягивает из сумки кусок мяса и кидает морфу. Морф ловко его ловит и чавкает прямо у моей физиономии. Хорошенькая парочка.

- Снимайте каску и медленно бросайте влево. Чтоб не питать ненужных глупостей.

Шлем стальной звякает о наст.

- Великолепно и замечательно. Какая специализация?

- Терапевт.

- Это хуже. Хирургически подготовлены? Шить умеете?

- Хирургическая подготовка была, практики было мало. Шить умею.

- Отлично. Мутабор! Позиция!

Морф, к моему несказанному облегчению, отодвигается. Правда то, что он стоит чуть дальше, не меняет в ситуации ничего - судя по тому, как он мясо поймал - шустрый, зараза. Да и пендрила ненавязчиво меня на мушке держит.

- Присядьте на колени. И руки поднимите. Прекрасно. Итак, мне нужно, чтоб мне ассистировали. Работать приходится много, жаль тратить время на второстепенные второстепенности. Вы меня понимаете?

- Не совсем. Много раненых?

- Вот еще глупости, тратить время на такую слюнявую чушь. Экспериментальные изыскания по некробиотическим новоформам! Вот где можно развернуться! Это - потрясающе! Да вы и сами видите - какая здесь перспективность! Перед вами стоит. Вы о таком и не мечтали, верно?

- Да, дрессированное некрообразование - не ожидал.

- Все не ожидали и не верили. Но я могу и не такое, это только начало. Жаль, что не могу показать это тем, кто... Ну не важно. Короче говоря - выбирать вам не из чего. Либо - работать под моим управлением, что обещаю будет не скучно и фантастически увлекательно, либо... Продолжать или поймете сами?

- Корм для Мутабора?

- Еще раз повторяю - меньше существительных. Не более одного на десяток других форм. Иначе пожалеете. Понятно, наконец?

- Ограниченность восприятия охраняете?

- Уловили. Значит сработаемся. Разумеется, ваше опасение беспочвенно. Я - гениален. Вы сами в этом убедились. Скормить? Да это самое простое и легкое. Разумеется - нет. Я только что потерял Альманзора. Он был первым полученным мной результатом по моей методике, а первый блин - комом, глуповатый получился, слабоуправляемый. Хотя и раньше интеллектуально был не слишком развит, зато агрессивен, несговорчив и уперт невероятно, но знаете, обидно терять созданное.

Второй блин перед вами - управляемость уже лучше, как можете убедиться сами, и к

слову наглядно показывает, что вас ожидает, если вы проявите нечуткость. Вам ясно? Я предложил ему то же, что и вам, а ему вдруг приспичило изза сущего пустяка заартачиться. Гуманизм - вредная фица, совершенно ненужная в человеческом составляющем.

- Мутабор - врач??

- Еще одно употребление существительных вне моих рекомендаций - и вы на себе узнаете, что такое огнестрельное проникающее. Или сквозное. Это больно, судя по наблюдаемым. Ясно, наконец?

(А глазки то прищурил! Боишься, сволочь, своего мутанта, определенно не хочешь, чтоб эта скотина тебя понимала. Хотя почему скотина? Выходит - порядочный был человек, только упустил, что это раньше все кончалось смертью, и туда можно было кинуться как в последний выход и тем спасти свое доброе имя, а сейчас - вон на манер собачки, хоть в цирке показывай... Или в добровольном обществе морфоводов...

Мнето что делать? Если я что и помню про попадание в плен - все в один голос утверждают, что чем больше походит времени - тем сложнее удрать - налаживается охрана, улучшается контроль, а вот ты теряешь силы и чем дольше - тем дальше тебя уведут от своих, тем больше возникает сложностей при побеге. Этото ясно, а вот как тут удерешь? Не вижу никакой возможности. Это в кино герой одним прыжком выхватывает автомат, косит всех врагов и с автоматом в одной руке и спасенной героиней в другой гордо уходит в закат. Тут мне так не прыгнуть. И пендрила девайс свой держит хватко и морф на стреме.)

- Извините, не подумал толком. Но сказанное вами поразило - ей богу - я не представлял себе, что это можно дрессировать. Если это так, то это действительно - гениально!

(Сейчас он должен купиться на лесть. Не до конца и не совсем - но должен. Потому что отчасти эта лесть - правда. Разумеется, интеллект у морфов есть - но вот дрессировка их меня действительно поражает. Если купится - то скажет обязательную фразу, чтонибудь про интеллигентного человека, понимающего другого интеллигентного человека, это своего рода символ веры у таких людей, мы, дескать, одной крови, Элита, в отличие от окружающего нас быдла.

Давно заметил, что вся эта сволочь, проповедующая нам о «равности всех людей» при этом приходит в ужас, если их самих, Великих Телеведущих и Сиятельных журналистов, Гениальных актеров и прочих из их числа вдруг кто сравнит с ментом каким позорным или ничтожным слесарем...

Сразу становится ясно - эти господа считают себя Элитой, Совестью, Мозгом и всем прочим нации, а вот всех остальных - быдлом, и потому на голубом глазу говорят о равности. Но не между собой и другими людьми, а о равности этого нижележащего говна, в сортах которого Элита разбираться не обязана. Этот фрукт явно из того сада).

- Вы же интеллигентный человек, разумеется, понимаете. Но это не последнее, множество нового, которое можно изучить - и использовать! Вы и представить себе не можете - что вас ожидает в случае, если вы будете работать совместно! Это - абсолютная свобода!

- Но ведь нужно сложнейшее оборудование?

- Все гениальное - просто. Оборудование - самое простое. Интеллект - вот что главное! Мой интеллект!

(А вот сейчас не худо бы узнать, как он морфов дрессирует. Видно же, что допросов ему проводить не доводилось, а это еще та задачка. И я вижу, что он нарушает основную заповедь допроса - не давать допрашиваемому никакой информации, которую тот может потом использовать во вред допрашиваемому. Пендрила так уверен в себе - или давно не мог распушить хвост, что теряет бдительность. А средневековая мудрая немецкая поговорка так и говорила: «Потеряешь бдительность - потеряешь девственность!». Но ко мне это тоже вообщето относится - кто у кого на мушке, забывать не стоит.)

- Я потрясен.

- Разумеется. Что ж, тогда поехали - мы успеем уже сегодня создать замену

потерянному Альманзору и я уверен, что получится гораздо лучше. Немного времени займет подтверждение вашей лояльности, но без этого никак не обойтись.

- У вас есть запас морфов, которых вы дрессируете?

Пендрила очень удивляется.

- Вы мне показались умнее. Зачем держать диких - их невозможно дрессировать, ну или потребуется дрессировать очень долго, что бессмысленно и слишком расходно, у меня это делается куда быстрее. Сами увидите. Вставайте и вперед!

(А вот сейчас есть шанс соскочить! Пистолеты тут не у дел. А вот граната - та, которую я нашел сегодня - как раз под рукой. Пока мы трепались, я рукито подпустил и сейчас кисти на уровне лифчика, только б нашарить сразу.)

Кряхтя, неловко начинаю подниматься с колен, к своему удивлению, сразу цепляю пальцами стерженек взрывателя, тут где-то колечко, так вытягиваю, вытянул. Пендрила все же протабанил - я успеваю выдернуть чеку, хотя с неразогнутыми усиками это сделать оказалось очень непросто - и теперь показываю ему хрестоматийное - колечко на пальце и феньку в кулаке другой руки.

- И что вы этим хотите сказать? - осведомляется весьма спокойно пендрила.

С нечеловеческим трудом подавляю лезущую на лицо дурацкую самодовольную улыбочку.

- То, что мы в равных условиях. Если граната хлопнет - вам укрыться будет негде.

- Вас тоже порвет. В выигрыше будет один Мутабор.

- Ну, вамто какое дело до меня?

- Мне нужен подходящий ассистент.

- Да както не хочется мне быть вашим ассистентом.

- Завидуете?

- Нет. Вы занимаетесь аморальной вивисекцией.

- Ойой, какие мы нежные! Раз вы учились в меде - то точно резали лабораторных животных. Какая разница?

- Ну, крысы не были моими коллегами! И они пищали не на том языке, на котором разговариваю я.

- И что из этого?

- Да то, что...

А больше я сказать ничего и не успеваю.

Чертов морф так лупит меня своей лапой по руке, что фенька зеленым мячиком улетает далеко в сторону. Руку сушит немилосердно и я теряю возможность ею двигать, уже просто от отчаяния кидаюсь к автомату, стоящему где-то у сменного колеса, но это уже без толку. Морф прижимает меня к джипу так, что мне получается только жалко пискнуть.

Пендрила довольно шустро кидается в небольшую ямку. Секунд через десять, не дождаввшись взрыва, встает. С весьма неприятной смесью чувств на своей харе смотрит на запачканный комбез, потом на меня. Брезгливо отряхивает прилипшую грязь перчаткой.

- Вы сами не представляете всю глупость совершенного. Но я дам вам шанс. Не ожидал такой внезапной удачности, а ассистент мне все же нужен. Вы будете работать на меня, хотите того, или нет. Но ощутить собственную глупость вы сможете неоднократно.

И признаетесь в ней сами.

(Чего там признаваться! Я уже признался. Не один раз с того момента, как заменил колесо. И с гранатой сглупил - прав оказался сапер, лучше б я ею сразу пендриле в морду кинул - и то прок был бы лучше...)

Пендрила подходит ближе. Видно, что запачканная одежда его огорчает больше всего, ну а на меня он уже и не смотрит. Похоже - накатанная дорожка, взгляд лаборанта, подготавливающего очередное лабораторное животное для работы.

Ну да, шить ему влом, да и не умеет он это делать, самолюбие страдает, нужна рабсила для того, чтоб выполнять всю рутину. Значит глаза и руки мне оставят... Но, либо я плохо разбираюсь в людях, либо он точно приложит все старание, чтоб убедить себя в моей ошибке

- и наглядно убедить. Как нагляден этот чертов Мутабор. А он нагляден. Безукоризненно нагляден.

Как вот морфа удастся в подчинении держать? Не собака же, не конь - откровенно хищник, да и те же собаки несколько тысячелетий воспитывались, теперь у них это вколочено. Хотя дичают они в момент, это тоже есть. Почему морф не жрет хозяина? Явно побаивается, слушается отлично...

Мутабор растягивает пасть в чемто похожем на улыбку. Улыбку в исполнении крокодила или акулы...

- Ссхеббосссь... Херроисснн... Хассиссхеннн...

Пендрила смотрит на своего зверька, вопросительно подняв бровь.

- Мутабор! Место!

Морф поспешно выполняет команду.

Геройкрасавец (а я совершенно не к месту отмечаю, что падение сняло с моего оппонента лишний лоск, теперь он не выглядит как манекен, скорее - как голливудский актер, заботливо подготовленный костюмерами к съемкам боевичка) успокаивается, переводит взгляд на мою персону.

Теперь явно последуют оргвыводы и распоряжения о транспортировке моей тушки в нужное место. Не знаю, что у них еще есть в запасе, но раз добыть танк у них не вышло - видимо будут сматывать удочки, каким бы раздолбайским не было несение службы в группе подполковника, но два танка против пехоты - это серьезно. Вынесут обороняющихся на раз. Издалека и не торопясь. Как говорят умные люди - лучшая противоснайперская винтовка - танковая пушка.

- Руки держать на виду и повыше! Вперед пошел - вон к тем кустам! Двигай! Обернешься - отрежу яйцо! На выбор - правое или левое. Мутабору скормлю. Вам понравится, ассистент...

Веселится, сволочь. К бабке не ходи - отрежет и скормит. И чтоб я все видел в деталях.

Плетусь, задрал руки. Мерзейшее ощущение, тем более, что даже обманывать себя нечем. Тут никаких Женевских конвенций нет и быть не может, да и были бы - вермахту вон они никак не помешали угробить несколько миллионов наших пленных...

За кустами - здоровучий джип - пикап, с грубо приляпанной железной будкой без окошек. Вот и с доставкой определились...

Сзади удивленный вскрик, хрюканье морфа, бряканье чего-то железного о мерзлую землю, вопль боли, хруст...

Железный бряк к слову очень сильно похож на падение автомата.

Оборачиваться не могу - после слов героякрасавца не хочется экспериментировать.

- Мутабо...

Поспешно делаю несколько шажков - пикап пыльный, но в боковом окошке - отражение того, что за моей спиной. Мне так будет видно, что там - сзади... И пистолет, этот маленький, скорее в кулак...

Ирка словно двужильная - взялась с таким пылом наводить порядок, что Виктор устал на нее смотреть уже за пять минут и отправился по деревне - просто чтоб перевести дух.

Ноги самостоятельно привели его к сараю с газенвагеном.

Вообще-то идея насчет электрогенератора на дровах была очень заманчивой. Что ни говори, а это реальный выход из проблемы с освещением. Осмотр показал, что вообще-то эту хреновину действительно можно починить. Причем Виктор - как не безрукий и безголовый - понимал, что вроде бы и несложно, но нужного инструмента для ремонта у него нет. И в деревне - тоже нет. Нужна мастерская.

Еще до БП он пошел несколько другим путем - пока основная масса тех, кто считал

себя трусурвайверами, в основном только писала всякую чушь на разных форумах в инете, Витя всерьез занимался подготовкой. Не только базы, но и самого себя. Теперь он вполне себе представлял, что может сделать все необходимое для ремонта и наладки. Сварка,ковка, пайка, рихтовка были знакомым делом. Схема агрегата тоже была понятна. Все упиралось в материалы и инструментарий. Кое что было в схронах, но вот представить себе находку допотопного, но рабочего газгена - такого и представить себе было невозможно и всего нужного, естественно, запасено не было.

Задумавшись, Виктор вернулся в дом. До обеда он стеклил рамы и наводил порядок, по возможности стараясь защитить избу получше. Коечто заколотил досками, потом всерьез занялся сортиром. Он терпеть не мог выгребные ямы с их вонью и мухами и был строго привержен тем самым приспособам, которые гордо именовались «пудрклозетами». На деле это означало ведро с засыпкой - лучше всего подходил сухой торф или сено или еще что, погигроскопичнее. Сделал дело - засыпал. Потом вынес в компостную кучу. Запаха это не давало вовсе, и както было гигиеничнее, что ли. А торфа вокруг было до черта. Делая сидушку для важного дела, Виктор думал и думал.

Получалось, что либо выбираться из безопасной глухомани туда, где можно было б раздобыть необходимое для ремонта - а то и сделать по месту все нужное сразу, либо плюнуть на затею.

Отсидживаться в схроне было бы безопаснее, и раньше это как раз и было целью. Однако, несмотря на ежедневную тяжеленную работу - Виктор стал чувствовать отупляющую скуку. К своему стыду он отметил, что баня и дом сейчас както кажутся куда привлекательнее. И добавить комфорта - было бы неплохо. Да и развлечений стало мало. Радио уже перестало доставлять удовольствие - да и исчезли практически все радиостанции, а в словах Ирки было рациональное зерно - без картошки житье представилось не слишком комфортным. Только побыв в сюрве больше недели, Виктор увидел еще целую кучу необходимых вещей, упущенных при подготовке.

И самое противное - както сильно съезжилось то вкусное ощущение своей победы и исключительности. Еще и Ирка както слишком вознеслась. Чем дальше, тем сильнее захотелось выбраться из глуши, показать Ирке, кто в доме хозяин и заодно разжиться многими полезностями.

В конце концов, можно тихо просидеть в лесу, подъедая потихоньку запасы. Но запасам и так ничего не будет - отобрано все как в Росрезерв - долго и спокойно хранящееся. Тушенка в жестяных банках может и подождать. Крупа и сахар - полежат. А вот свежего чего - было бы не дурно.

А еще слова Ирки навели на мысль - а и впрямь, почему бы не устроить тут огородец? В бункере возиться с рассадой было невозможно, а вот тут - в доме на подоконниках... Да даже стеллажи можно сделать... Вообще настоящий сурвайвер вполне знает, как варить щи из свежей крапивы. Без картошки. Без лука.

Но только самый настоящий сюрвайвер знает, что щи с капустой, картошкой, лучком и помидорами - гораздо вкуснее.

Еще бы и чесночок со сметанкой...

Ира покладисто согласилась с планом мужа. Получалось, что придется катить к маленькой автомастерской. Там еще была какаято мелкая деревушка, вроде бы даже ктото там свиней разводить взялся, помнится рассказывали чтото такое, одно время Ирка носилась с идеей готовки молочного поросенка, но Виктору это както не понравилось.

А в мастерской - где во время разведки местности незадолго до прихода Пушистого Зверя Витя ремонтировал помятую дверцу, вроде бы было все необходимое.

Посидев над картой, Виктор прикинул, куда можно будет еще заглянуть во время вылазки, написал на бумажке, что нужно для ремонта газгена.

Ирка, расставив тушенку в подвале, занялась обеспечением со своей стороны.

К удивлению мужа, она выволокла какоето старушачье шматье.

- Это еще зачем?

- Если там живые люди, сначала лучше мне в одиночку зайти. Глянуть - кто да как.
- Думаешь, нас возьмутся обидеть?
- Не исключено. Ну не удивлюсь. Хотя бы ради оружия.
- Зубы обломают.
- Так не обязательно встречать огнем и вступать в перестрелку. Можно нас напоить или отравить. Или зарезать в подходящий момент. Да просто вывернуть на тебя кастрюлю кипящего супа. А меня сразу гробить нет резона, в одиночку я неопасной выглядеть буду - если что, так ты и вступишься, милый, когда они засветятся...
Виктор подумал, что в этом есть смысл. Но не оставлять же за Ирккой последнего слова.
- А если там будут мертвяки?
- Мы же сначала глянем, что да как. Ты же у меня осторожный и бдительный!
- Ладно. Мы так и поступим.
Последнее слово все же осталось за Витей.
Это было приятно.

В пыльном стекле вижу ровно то, что мне сообщает отчаянный вопль:
- Некротическое взбесилось!!! Стреляй - разойдемся похорошему!!! Хватай стреляющее!!! Скорей!!!
Вопль резко заканчивается очень болезненным криком.
Вот уж дудки, нашел дурака!
Дверь в кабину не заперта.
Прыгаю в машину.
Запираюсь.
Ключей нет.
Смотрю, как морф будет жрать своего хозяина.
Морф не жрет.
Он наслаждается.
Геройкрасавец изо всех сил пытается отползти, сидя на заднице, но не замечает того, что Мутабор придавил его ногу лапой и потому гений впустую елозит ручонками по насту.
Странный навороченный девайс с глушителем и гранатометом валяется аккуратно посередине между мной и сладкой парочкой.
Вообщето можно бы рвануть за ним, пока они так заняты друг другом.
Не успел.
Морф поворачивается в мою сторону и идет к машине, волоча за ногу свою добычу. Добыча, вместо того, чтоб раскрыть висящую на боку кобуру, продолжает в слепом ужасе хвататься руками за снег. А ведь не получается у него, ручкито не слушаются. То ли Мутабор их поломал, то ли так засушил. У меня рука еще не в порядке и болит, зараза.
Показываю морфу зажатый в руке пистолет.
Сам прекрасно понимаю, что выгляжу смешно с этой пукалкой.
Морф реагирует, тем не менее, серьезно.
И совсем не так, как я ожидал.
Сорванная с пояса гения кобура отлетает как пушинка...
Чудище деловито поднимает ногу хозяина на уровень своих глаз и обдирает и маленькую кобуру со щиколотки.
Это что, он понял мой жест не как угрозу ему, а как помощь и напоминание о возможном противодействии хозяина?
Слишком хорошо, чтоб было правдой.
Но чем черт не шутит.
Когда бог спит.

Морф что-то заботливо делает со своим создателем, отчего тот орет совершенно немыслимым ревом. Наконец отстраняется - когда у меня уже в ушах звенит.

Вижу, что пальчики на обеих руках у экспериментатора торчат нелепо в разные стороны - минимум вывихнуты, но со своей дури морф мог их и переломать легко.

Не успеваю ничего умного придумать, как машину сотрясает гулкий удар.

Мутабор слегка грохнул в дверцу кабины кулаком.

Я это понимаю как намек на то, что стекло между нами не преграда и не защита.

Такое приглашение вылезать из кабины.

Ужас, как не хочется этого делать.

Вылезаю.

Геройкартинка с недоверием глядит на свои изувеченные руки и начинает захлеб плакать. Слезы ручьем текут. Ну да, это еще и больно впридачу, а не только обидно.

Морф даже головой начинает мотать - не будь он мертвяком, я бы сказал, что он восторженно слушает этот плач - как великолепную музыку.

Надо бы по дуге обойти этих ребят и попытаться добраться до автомата, но - странно до невозможности - ноги не идут. Держат худобедно, но не слушаются. Не было у меня такого никогда раньше.

А еще - совершенно не к месту - мне становится жутко любопытно - что черт это все побери, тут происходит? Такое дурное любопытство можно сравнить с тем, когда мы шестиклассники разбирали взрыватель здорового снаряда, нарезки на медных поясах которого четко говорили, что давнымдавно эта стальная дура вылетела с грохотом в облаке пламени из орудия, просвистела десятков километров и потом тяжело рухнула в этом лесу. И не взорвалась.

Детонатор мы разобрали, ни черта не поняв в полученных деталюшках. Зачем разбирали - так и осталось неясным. Как решили, повзрослев - по чистой и незамутненной дурости. Потом была возможность посмотреть, что делают с человеческим телом и куда меньшие железяки - и я не только в руки больше эти штуки не брал, но и взял за правило уносить ноги от безлюдных костров в лесу...

Вот и сейчас - любопытство ровно того же разлива. Нет, разумеется, его можно объяснить - говорящий и думающий мертвец, чего никто не видал раньше... Его создатель, владеющий явно технологией производства морфов в почти промышленных масштабах. Сам морф - невероятно ценный материал для изучения.

Коечто мне и так понятно. Всякая ерунда - например, откуда звуки. Раз зомби двигает конечностями и может кусать и жевать - и глотать - значит, мышечные группы работают. В сложных сочетаниях, точно, координировано. И почему бы не работать мышцам грудной клетки - набирая в грудную полость воздух? И получается по принципу детских резиновых игрушекпищалок. Те тоже не живые, а звуки издают - токо в путь. Голосовая щель и пасть - тоже работают. Да любой мертвяк издает стонстенанье. Тут только еще отмодулировано несколько звуков. Вот сохранившийся интеллект - это совершенно непонятно. Мозг умирает - кора во всяком случае. Раз морфы охотятся, да еще и хитрят при этом - интеллект у них точно есть. Так что тут просто еще к тем структурам мозга, которые у морфов работают на охоту - добавились дополнительно огрызки коры. Вот как - совершенно не понимаю.

Хотя не только тут. Как функционируют зомби - никто не понимает.

Мутабор, насладившись музыкой воя и плача, поворачивается ко мне.

- Хессих!

- Да, я медик.

Мотает башкой, совершенно человеческим движением отрицания. Тычет лапой себя в грудь, повыше висящих ручонков.

- Хессих!

Потом в меня.

- Хассиссхеннн!

- Ассасин?

Отрицательное мотание башкой.

- Хассиссхенни!

Это что получается? Конкурирующая фирма?

- Задача? Цель?

Мда... Что, интересно, морф захочет? Интересный шеф получается. И улыбочка у него... Устрашающая улыбочка...

- Хабботха. Хассиссхеннссиа.

Морф напрягается, видно, что говорить внятно ему физически трудно. Поневоле напрягаюсь, непроизвольно помогая ему, как это делают все люди, беседующие с косноязычным или заикой.

- Рхееанниассииха.

Теперь не понимаю. Но вижу, что как раз хозяин свою зверюшку понял отлично, аж плакать перестал и притих както подозрительно...

- Эй, гений, как вы делали морфов? Почему грудь Альманзора брита? Зачем бритье? И раз уж речь пошла - зачем ручки пришиты? Жду ответ. Нахрена шитье ручек? Жду мало времени.

- А что сделаете? Вы теперь меня беречь будете!

- О, а я думал, что вы речь в норме забыли. Насчет ожидания - это вряд ли. Сомнение. Я не научный работник. Практик. Примитив. Говно цена вашей деятельности.

- Она уникальна! Любое начальство вас поставит на место, идиот!

- Есть сомнение. Тут начальство - медик Мутабор. Главврач Мутабор.

- Льстите, льстите, жополиз. Он все равно не поймет.

- Ерунда. Отрыв башки он вполне обеспечит. Доеение коровы - видели?

- Что за бред?

- Бред? Нет. Дерганье пальцев. После вывиха. Итак, информация?

- Пошел в жопу, мудак! Я жив, пока не говорю.

- Жизнь эквивалент боль.

- Ничего, потерплю. Он тебя тоже сожрет. Не первый будешь. Он - людоед.

- Вы тоже людоед. А он - ваше творение. Симпатия к нему - не к хозяину.

Морф вмешивается довольно бесцеремонно.

- Хесссих. Херрссъ. Рхееанниассииха. Херрссъ. Рхееанниассииха. Херрссъ. Рхееанниассииха. Херрссъ. Рхееанниассииха. Херрссъ. Рхееанниассииха. Херрссъ. Рмуххабборр.

Слушать это - уши в трубку сворачиваются. Понять - мозг пухнет. Но вроде как - начал с медика, а получился в конце Мутабор, если я его правильно понял. Несколько циклов. Что за циклы.

- Повтор? Еще повтор?

Морф повторяет. Но при этом делает нелепые жесты. Нелепые, потому как странно их видеть в его исполнении. Получается, как в детской картинке «Найди спрятавшегося мальчика». Смотрел, смотрел - и вдруг как повернулось чтото - и странно, что раньше очевидного не видел. Он тычет лапой в себя, скрещивает лапы на груди, потом словно трет чтото зажатое в руках, потом прикладывает эти невидимые предметы, потом снова скрещивает руки на груди... На всякий случай проверяю.

- Врач. Смерть. Реанимация. Вторая смерть. Вторая реанимация. Третья смерть. Третья реанимация. Четвертая смерть. Четвертая реанимация. Пятая смерть - конец. Мутабор.

Жуткая башка медленно кивает.

- Причина? Болезнь?

- Ппрреххось...

- Прихоть?

- Ппрреххось.

Мило. Хорошая развлекашка.

- Эй, гений. Симпатии у меня к вам не было, а теперь вы мне еще больше не по нраву.

- Вы не можете так со мной поступить!

- Почему?

- С вашей точки зрения я преступник. Допустим. Но выто нет. А если поступите как я - вы тоже станете преступником, ничем не лучше меня.

- Сравнение для дурака. Антибиотик не равен возбудителю болезни.

- Вы значит - антибиотик?

- Роль вполне меня устраивает. Правда, у меня нет уверенности, что я обеспечение пяти реанимациям одолею. Задача - морф хозяина? Кстати, как вы обеспечивали послушание Мутабора?

- Он притворялся, сволочь. А вам ничего не скажу.

- Надобности у меня нет. Пока осталось одно. Непонятка с детскими ручками, которые вы вшили взрослым мужикам. Но раз у вас такая прихоть и фантазия - есть уверенность - просто по приколу. Видно как побрили первенцу грудь, чтоб шарашить разряд дефибриллятором, идея и пришла. Совершенно дурацкая идея.

- Конечно, сейчас можно топтать свободу творчества! А я - творил.

- Свобода подразумевает ответственность. Иначе получается не свобода, а херня. Затея идиота - жестокость и только. У Альманзора уже явления некролиза были на ручках. Он их стал переваривать, а не адаптировать. Да и исполнение - такое же, как и идея. Ну, мы заболтались. К делу. Главврач, распоряжения?

- Хрусс. Хашина.

- Груз?

- Хрусс. Хуссофф. Хоссаинн.

- Хозяина в будку?

Кивает. Сам значит на место хозяина, а гения - в ту самую жестяную конуру, где видно Мутабора возили. А что, хорошая мысль. Только вот возникают у меня совершенно козацкие мысли - хоть гения и обваляли уже по земле, но одежонка и амуниция у него отличные - а так как он шуплый, то тому же Демидову в самую пору будет. Это раз. Второе - голый и босый до смерти не замерзнет, а вот бежать и сопротивляться ему будет куда сложнее. Это два. А три - надо мне собрать в кучу разбежавшиеся мысли. Пока я получил просто передышку. Не более. Морф - он и в Африке морф, никак не святой Николай. Значит можно ожидать любого варианта. Но вроде я ему нужен для расправы с хозяином - значит пока идет по плану - жить буду.

Вот только потом у меня в соседях окажется два морфа.

И если у гения останется часть мозгов - то любить он будет уже конкретно меня.

А мне по уму и одного Мутабора - с походом хватает.

- Одежда. Обувь. Изъятие.

- Ссмыхлн?

- Побег. Хозяин. Затруднение.

Морф кивает. Величественно это у него получается.

Вытряхивать гения из одежонки удастся не быстро - несмотря даже на внятное запугивание его Мутабором. Голым вивисектор производит весьма убогое впечатление. Тощий, но рыхлый и с брюшком. В кузов лезть не хочет, но тут я убеждаюсь, что силенка у морфа - несмотря на его не такие уж значительные габариты - есть. Помоему, мертвяк еще и руку хозяину сломал. Все, кузов закрыт. Подбираю шмотки.

- Штурм. Завод. Предупреждение. Товарищи.

Мотает головой. Не согласен.

- Помощь. Альтернатива. Обстрел. Оpozнание. Отсутствие.

Опять не согласен.

- Время. Нехватка. Реанимация. Обстрел. Танки. Снайпера. Помеха. Работа.

А ведь если бы я мешки грузил - меньше бы потел.

- Месть. Время. Торопливость. Помеха. Помощники. Хозяин. Нейтрализация.

Необходимость.

- Ххерняя.

О, это у него четко вышло. Приходится бросить шмотки. Успеваю накоротке прикинуть пару ориентиров - как тот гоголевский дид, у которого было проклятое место между хатой и левадой.

Похоже, что дискуссия закончилась - проиграл всухую. Правда, пара недопистолетов все же есть в активе, но чтото мешает всерьез оценивать их наличие, как кардинально меняющее расклад сил.

Надо ехать.

Открываю кабину и получаю увесистый толчок, так что с трудом удерживаюсь на ногах, отсеменив на пару метров в сторону.

Морф лезет на водительское сидение.

Уверенно и привычно.

Помоему, у меня уже даже удивления не хватает.

Сейчас заведет и поедет.

Как на макабрических гравюрах Средних веков - токо смерть не на коне и не на возу, а в джипе...

Но чтото не склеивается. Сделав несколько неуверенных движений лапами, морф замирает в неподвижности. Потом начинает колотить лапами по рулю, отчего несчастный кругляш мнется как пластилиновый. Выдав такую реакцию, Мутабор с видом побитой собаки вылезает из кабины. Жаль, у него нет хвоста, он бы его точно поджал. Но приходит в себя быстро - тыкает пальцем в меня.

- Сшшофферр.

- Направление?

Ну, разумеется. Мы не выпендриваемся, мы пальцем покажем.

Странно, на карте этого КПП не помню. Но еду куда показано.

Тут недалеко.

В заборе просто и незатейливо пробита брешь. Вроде никого нет рядом - вижу довольно высокую вышку, торчащую как марсианский тренажник. Но на вышке пусто, это четко заметно.

Сбавив ход до пешеходного вкатываюсь на территорию завода, правда тут все загорожено контейнерами, лабиринт какойто. Морф тыркается в дверь. Тянусь, открываю его дверцу, и он легко выскакивает из машины, оставив в кабине стойкий запах мертвячины и ацетона.

- Стреляй, стреляй, тревога, стреляй! - гулко, как из бочки начинает кто-то вопить за спиной - ну да, хозяин разошелся, терятьто ему нечего, а охрана тут всяко должна быть.

Не успеваю разогнуться, как с дробным грохотом по кабине лупит несколько пуль, боковое стекло брызжет мелкой стеклянной дрызготней и, не особо понимая, что я делаю, сугубо по велению спинного мозга и дремучих инстинктов, выскальзываю в открытую дверь головой вперед, больно приземляясь на вытянутые руки. Куда податься - понятия не имею. Но лучше бы с наружной стороны стены. Охранато, скорее всего внутри - в периметре. Чертов трофейный пистолетик застрял в кармане. Дергаю изо всей силы, карман трещит и выворачивается наизнанку, верчу башкой, надо ж хоть както сориентироваться, куда утекать. Морфа не видно, кто стрелял - неясно.

Прямо над моей головой, словно какойто идиот приколист со всей дури шарашит ломом по ограде - на меня секуще сыплются кусочки стены, а я и так, как Дед Мороз в блестках - весь в кусочках насыпавшегося битого стекла. Оборачиваюсь на грохот - метрах в десяти - совсем рядом какойто молокосос с удивлением на тупой морде и таким же странным комплексом, как у хозяина морфа, в лапах.

Стреляю в его направлении наобум святых и пытаюсь не то перекатиться, не то пропрыгать полягушачьи. На мое счастье, бестолковая пальба вспугнула молокососа и вместо того, чтоб положить меня второй очередью, он лепит ее кудато вообще в молоко - на меня даже ничего не сыплется. Кусочком сознания удивляюсь - отчего его бесшумка грохочет так громко.

Три патрона я сдуру спалил. Осталось два. Противника не вижу попрежнему. Искренне надеюсь, что и меня он тоже не видит, во всяком случае, по мне не стреляют.

Гений в будке заливается во всю мощь легких, охрипнет ведь, зараза. И еще меня очень беспокоит тот, кто стрелял по кабине - это явно не молокосос - не успел бы он переместиться так шустро - явно сидел в секрете. И вообще - сколько их тут? Двое - точно. А может больше?

Вздрагиваю от какого-то заячьего верещащего визга совсем рядом - справа. И вижу нелепую фигуру Мутабора, удовлетворенно поднимающегося во весь рост. Морда у него свежееизмазана «малиновым вареньем». Молокососто меня почти натянул - я его оттуда не ждал никак, ловко подобрался.

- Секрехх. Ппарра. Ххьяссо.

Бреду на ватных ногах обратно к джипу.

- Хех! - заявляет морф и стучает лапой по будке.

Вопль как обрезает.

Прислоняюсь к будке.

Перевожу дух.

Какого лешего меня понесло искать себе на задницу приключений?

Ну, прикомандирован и прикомандирован. Эко, невидадь.

Ну, необученная команда, ну, дисциплины нет, но в конце концов, танк у них захватить не смогли. А тут хрен поймешь, что дальше ждать.

- Мута...

Дальше кто-то хлестко бьет меня по ушам здоровенными ладонями, от удара мозг словно перекувыркивается в черепной коробке, на какое-то время, которое я не могу определить - я глохну и слепну от боли, слезы ручьем, звенит и пищит внутри головы и вроде как словно фоном какой-то стукоток вокруг и словно по мне кто-то бежит на маленьких беличьих лапках. И, по моему, дрогнула земля под ногами и будка по спине приложила как доской плашмя.

С трудом проморгавшись и уняв льющиеся сопли и слезы, вижу совершенно очумевшего Мутабора рядом - мы оба скорчившись сидим сбоку от джипа, а вокруг все еще сыплется какая-то дрянь - от стекол из кабины до каких-то огрызков и комочков, они стучаются о мерзлую землю, сыплются и сыплются с неба.

Обалдело озираюсь - с трудом до меня доходит, что вышки нет - вместо нее рваное дымное облако.

- Та... Танк! Артподготовка! Отходим! Отход!

Мутабор словно со скрежетом, как заржавевший, распрямляется.

А я вижу быстро расползающуюся изпод джипа, странно перекосившегося, темную лужу.

Наше счастье, что взрыв был с той стороны - джип принял на себя кучу осколков и сейчас четко видно, что он свое отъездил.

Чуть поодаль долбает еще раз - но чуток слабее - и рот у меня уже открыт, и оглох я уже. Танк снес что-то на крыше цеха.

- Коллега! Отход! Минута - накрытие!

- Ххуссофф!

Отщелкиваю щеколду - в будке достаточно светло - много дырок и кусок крыши снесен чем-то крупным. Гений свернулся в клубочек и скулит. Совершенно непонятно как, но он целехонек - не считая причиненных его питомцем увечий.

Морф выдергивает свое начальство. Это радует, я действительно боялся, что он начнет требовать, чтоб мы поехали дальше на машине с пробитыми колесами и развороченным передком.

Даже с грузом морф бежит быстрее меня. Но шансов на то, чтоб оторваться и потеряться по дороге у меня точно нет. Успеваю только дать небольшого крюка - туда где валяется молокосос с расквашенной головой и подхватываю автомат. Мутабор

оборачивается, выражает свое недоумение гулким рыком и я быстро несусь вслед за ним. Скатываемся в какуюто яму, куда насыпалось снега и мусора.

Танк молотит с ровными промежутками - звонкий грохот выстрела - и обвальное рокотание у нас за спиной.

- Пехота. Бронемашины. Танки. Плохо.

Морф смотрит исподлюбя.

Нехороший у него взгляд, тяжелый и неприятный.

Гений крючится под ногами.

- Надобность. Помощь. Товарищи. Связь. Поддержка.

Морф оживляется.

- Фоммосшь.

Тычет лапой в меня.

- Храсссрерр.

Показывает себе над ручонками.

- Пррен. Хубанисмм.

Тычет лапой в скорченного хозяина.

Не лишено смысла.

Стоя рядом с морфом я чувствую себя крайне неудобно. Вообще хоть он и разумен - а стрелнуть ему в башку очень тянет. Инстинктивное желание.

- Варианты? Сторона охрана сектанты. Сторона танки и пехота освободители. Мутабор и ассистент - промежность. Жопа. Выбор стороны. Одиночка - бесполезность. Одиночка поле воин несоответствие.

Не могу сказать, что сам себе кажусь убедительным.

Это паршиво. Убедить другого, не убедив себя - крайне сложно.

Чтобы получить передышку, отщелкиваю магазин в гранатомете. Пусто.

Магазин в ксюхе - четыре обычных патрона.

Мучительная как судорога в сведенной ноге диллема - зарядить и попробовать выбить морфу мозги - или рискнуть - и все же попытаться разобраться в чертовщине. Морфсоюзник танка стоит. Смотрю на него. Он также смотрит на меня, неуловимо сместившись на чутьчуть. Почти незаметно, но я уверен - он готов прыгнуть. Щелкаю магазином. Закидываю укорот за спину.

- Благодарность. Спасение.

- Ы?

- Патруль. Дистанция кинжала. Выручка.

Молчит. Смотрит.

- Долг возвращение. Действия? Движение брюхо рожон? Повторение?

- Хррошонн?

Изображаю в лицах сидя в яме, как мы героически лезем на рогатину пузом.

Молчит. Смотрит.

- Бронетранспортер - конец. Яма могила.

Молчит.

- Харрранссии?

- Польза. Мутабор - танк. Свой. Союзник. Отсутствие агрессии. Взаимность. Выгода.

- Ххххоссйинн?

- Командир группа решение. Предположение - согласие план Мутабор. Руки жопа шитье заслуга.

- Хррприссинна?

- Вивисекция. Долг. Платеж. Красота. Информация сохранение мозг. Опыт.

Вот сейчас я и сам верю в то, что говорю. Всетаки разрыв танкового снаряда рядом - убедительный довод.

- Ссффой? Мыутабор сффой?

Опа, а это же не сущестительное!

- Утверждение ассистент. Ожидание ответ подтверждение командира группа.

Неподалеку даданят и крупнокалиберники БТРов. Канонада внушительная, по нынешним временам - вполне себе. В трескотне уже и калаши слышны - звук у них характерный.

Видимо морф принял решение.

- Хффосффрасссшениие.

Вытягивает синюшного хозяина и двигается впереди меня.

С трудом подавляю уже ставшее привычным желание вклепать очередь в полулысую голову. Както странно голова двигается и я почемуто вижу нос спутника. До меня доходит, что он меня банально провоцирует, весь такой раскрытый, но сечет каждое мое движение. Я не смогу вскинуть автомат беззвучно - либо антабка брякнет, либо ремень прошуршит по комбезу. Точно, он ждет. Когда я начну вскидывать автомат - он быстро меня накажет. Дистанция тут смешная, а походка у него валкая, затылок мотается перед глазами по заковыристой амплитуде.

Нет, даже и пытаться не буду.

И, пожалуй, не только потому, что у меня четыре патрона, чужое оружие, хрен знает кем пристрелянное, и попасть морфу, чтоб наповал - таки непросто. Не в этом дело... не в этом. Даже и сам не скажу, в чем. Но, скорее всего в детских ручках, пришитых заживо...

- Мутабор! Оружие хозяина! Одежда.

Фыркает - помоему, презрительно.

- Храхрафферр!

- Оружие и одежда. Необходимость. Образец редкость.

Но, тем не менее, выводит как по нитке на то самое место, где еще валяется разбросанная одежда и вооружение. Явно пользуется носом - обоняние работает. Как - черт его знает.

В темпе собираю все это в охапку. В кобурепереростке - ято думал будет какой навороченный «Глок» или «Беретта» - а там ПБ, в маленькой кобурке - братблизнец моего трофея.

- Я мерзну! Вы же врач! Должны же в вас быть капля сострадания и человечности!

- Одежда - в распоряжении главврача. Мутабор, пациент одежда просьба.

- Хых!

И морф стремительно рвет почти напополам трусы господина. А я отмечаю, что коготь, располосовав ткань, кожу даже не оцарапал. Весьма внушительная координация движений...

- Боюсь, что это означает отказ.

- Не возносьсь, сволочь, ты такая же мразь, какой считаешь меня! Такое же - для своего удовольствия, только под прикрытием высоких идеалов!

- Бросьте вопить. Чьи, к слову, ручки вы присобачили? Да вы не стучите зубами, лучше ответьте.

- А пошел ты!

- Да мнето... Все равно ведь расскажешь.

А вот и чертов Судзуки. Стоит игрушечка. Не был бы он таким новеньким - может я бы и не притараканил его на свою голову. За разговором подбираю свою каску. Автомат так мирно и простоял у колеса. И, наконец - рация.

Выхожу на связь и получаю ворох нелицеприятных эпитетов в свой адрес. Николаич всетаки сдерживает эмоции, но вопрос - где меня черти носят - несколько теряется в орнаментике.

Очень чешется язык возопить в ответ так же цветисто. Но сдерживаюсь.

Потому как не тот момент вопить цветисто.

Не могу я себе сейчас позволить свободы слова.

Брехать, что на ум взбредет, можно только в полном благополучии.

Сейчас за базар отвечать придется не то что своей шкурой.

Приведу морфа в группу - если окажется враждебен - положит половину не напрягаясь.

Значит, каждое слово он должен понимать.

То же - и Николаич.

И я сам.

А тут возникает проблема - каждый человек понимает в разговоре все посвоему, и я не раз нажигался, предполагая, что меня поняли именно правильно. Потом оказывалось - ровно наоборот.

Не зря же во время составления договоров стороны нудно уточняют все по пунктам. Иначе окажется, что все все поняли диаметрально противоположно и договор не то что, туалетная бумага, а много хуже - повод для вражды и злобных мероприятий...

Сейчас мне тут надо отработать устраивающий три стороны договор.

Причем одна сторона - мертвец.

Понимающий только существительные.

А я, выходит, при нем переводчик.

Что тоже - сахар.

Не зря на итальянском слово переводчик от предателя отличается одной буквой.

Ляпну что не так...

Надо собраться.

Даю выговориться Николаичу.

Наконец

В

«самое безрассудное поведение на моей памяти только полный идиот может себе позволить такие выходки на боевых действиях. Надя уже обе группы на уши поставила» попадаете «где вы находитесь???»

Вклиниваюсь.

- Командир. Спокойствие. Медик в порядке. Проблема в наличии.

Николаич видно уже спустил пар, да и сам понимает, что длинные рулады можно отложить на позднее время - когда будет разбор полетов, я точно огребу со всех сторон.

- В чем дело? Не можете говорить?

- Просьба - разговор существительными словами. Громкость максимум. Решение группы необходимость.

- Да что у вас там такое?

- Контакт - противник. Группа обеспечения диверсантов.

- Вы попали в плен? - чувствую, что Николаич подобрался.

- Подтверждение.

- Что хотят?

- Просьба - только существительные слова в разговор.

- Удивление. Какого черта? Отсутствие владения русским языком? Гастарбайтер?

- Группа обеспечения диверсантов - состав два человека - вивисектор и Мутабор.

- Пояснение?

- Вивисектор - создатель. Шитье рук на тело - развлечение. Часть - эксперимент.

- Мутабор?

- Счет рук: мужчина - рука рука, ребенок - рука рука.

Не хочется мне сейчас оперировать словами «морф», «мутант» или «мертвяк».

- Мутабор - имя?

- Подтверждение. Даю слово вивисектору.

Пока клацающий зубами хозяин визгливо просит понять то, что не понял тупой лекарь - а именно то, что он очень полезен, я искренне надеюсь, что ребята в группе сообразят, для кого эта клоунада с существительными. Мутабор, однако, не разделяет моей точки зрения, придвигается ближе и решительно рубит перед собой лапой воздух. Не хочется ему, чтоб с хозяином договорились.

- Ситуация. Вивисектор - взятие в плен? Медик - взятие в плен?

- Точность.

- Требования Мутабора? Мутабор - командир?

- Подтверждение. Требование - отработка на хозяине вивисекторе - операция производство Мутабора. Шитье рук. Цикл подготовки.

- На грудь?

- Отрицание.

- Место?

- Жопа.

- Причина?

- Месье. Возвращение долга. Символ квалификации вивисектора. Оценка работы вивисектора.

- Понимание. Роль медика? Роль группы?

- Роль медика - работа. Операция и цикл...

- Уточнение - цикл?

- Повторение умерщвления и реанимации. Мутабор - обладание речью и понимание разговора. Потеря глаголов и прочего. Понимание существительных.

Мутабор предупреждающе шипит.

А я с мелкой дрожью в душе ожидаю какого-нибудь удивленного возгласа - когонибудь из группы - типа - «Ого, фигасе! Этот мутант еще и говорит!»

На мое удивление голос в переговорнике так же спокоен. Даже, пожалуй, еще спокойнее. Речь Николаича приобретает ощутимую тягучесть, становится вязкой и замедленной. Понимаю, что он сейчас осторожен, как с гремучей ртутью манипулируя, взвешивает каждое слово и интонацию. Чувствую радость - как теплом пахнуло.

- Мнение медика - важность информации вивисектора?

- Ноль. Отсутствует. То есть отсутствие. Необходимость - информация от Мутабора. Мутабор - врач. Вивисектор - недоучка.

- Понимание. Ворон ворону глаз клевание отсутствие?

Ого, Николаич уже тему как держит!

Морф оценил шутку, хмыкает.

- Мутабор возможность?

- Очевидец медик - ликвидация охраны на КПП завод. Патруль. Момент. Мощь.

- Враждебность?

- Взаимность вопроса. Опасение расстрела.

- Опасение атаки взаимность.

Смотрю на Мутабора.

Он смотрит на меня. Вообще нет у нас поводов для обоюдного доверия.

- Вопрос. Реанимация - сохранность мозга обеспечение?

- Повторение. Цикл повторение. Требование Мутабора - увеличение количество циклов для вивисектора...

Разговор ползет, как вша по струне. Беременная тяжело груженная ломовая вша...

Слышу, как там кто-то удивленно что-то спрашивает. Пару минут идет обсуждение.

- Саша вопрос. Количество циклов - влияние на сохранность мозга?

- Вероятность подтверждение.

- Виви... ну этот, хирургсамоучка - получение увеличения цикл сравнении Мутабор?

- Подтверждение.

- Самоучка сохранение мозга сравнение Мутабор увеличение?

А черт его знает... Кто б сказал... Может и так... нужен ли нам морф, умнее и разговорчивее Мутабора? И впридачу гораздо паскуднее, хотя может он и изменится? Тот же покойный Альманзор как-то ж управлялся, хотя не должен бы после вивисекции к своему создателю пылать любовью.

Пальба у нас за спиной начинает стихать. Танк перестал долбать, практически стихли крупнокалиберники, редко давая только совсем коротенькие - максимум по три выстрела очереди, даже калашы уже не барабанят.

Слышу в рации, что кто-то громко говорит: «Наши вошли! Все, отработали!»

Сопротивление подавлено полностью. Теперь только зачистить. Пустяки остались! Сейчас эту шпану переловят - нам приказано перекрыть перекресток.»

Мутабор както перекашивается.

- Ххийроссть. Сзасазза. Хоссоррошшшность.

- Командир, Мутабор выказывает озабоченность! Предупреждение!

- Конкретность! Нужда конкретность!

- Вопрос? Вопрос? Конкретность! Мутабор?

Морф не успевает ответить.

Нестрашно хлопает несколько раз в том направлении, где на завод вошла соседняя группа.

За пальбой я бы не заметил, немного громче, чем выстрелы.

И сразу за хлопками лавина звуков - бешеная пальба из всех стволов, жуткий рев и визг. Так орать может не одна сотня человек. Не надо быть Клаузевицем, чтоб понять - соседи вляпались во чтото основательно.

Морф морщится.

- Ссзннаннниие хотсусстффие. Хрразххоффорр. Сззассадда.

- Разговор о засаде. Информация неконкретность. Командир?

- Минута!

Слышу, как наш радист пытается чтолибо узнать, но связь гавкнулась как обрезанная.

Хихикает лежащий на снегу хозяин морфа. Вот это зря он сделал. Ой, зря! Помоему он и сам это смекнул, и тут же притих мышонком. Хренушки, я твой хихикс слышал.

- Мутабор, потребность блиц допрос вивисектора.

- Ппррреххметт?

- Уточнение по засаде.

Краем уха слушая разговоры встревоженных моих кумпаньонов, пытаюсь убедить морфа в надобности этого действия. Но ему наплевать на наши интересы, его беспокоит только его задача - все остальное несущественно и потому он равнодушен как чиновник.

Черт его знает - то ли он сейчас таким стал, то ли и раньше был человеком с одной мыслью в голове. Допрос делать не позволяет, ему хозяин нужен на столе целым, а тут может сдохнуть. Нет, не согласится, могильный памятник.

Стоит как вкопанный на своем - мы должны добраться до лаборатории и там отработать на вивисекторе то, что Мутабор скажет. И никак иначе. Интересно, а как мы будем добираться, если танковая группа чтото не блещет. И очень сильно не блещет, потому как калашаи чтото один за другим стихают, зато пулеметы дербанят просто истерически. Поклинит их от такой стрельбы, как пить дать. И я четко слышу - стрельба выкатывается за пределы завода.

Опять начинают щелкать калашаи. Но чтото сильно меньше, чем было. Бьют одиночными. Истерика солдатская вроде б прекратилась.

Связи нет.

Николаич попросил подождать.

Ждем.

Верчу в руках НАТОвскую каску. Легкая, а по силуэту очень на вермахтовскую похожа. Приходит в голову идея. Вообще то она достаточно идиотская. Ну да сегодня день соответственный.

Распускаю ремешок до максимума. Протягиваю каску морфу.

- Ы?

- Защита головы. Пята Ахиллеса - голова Мутабора.

Ну, да он же не современный школьник, поймет аналогию. Мозг у него единственно уязвимое место. Напялит каску - считай за тяжелую кавалерию. Смотрит недоверчиво, потом начинает прилаживать шлем на купол. Помогаю затянуть ремешки.

Мда, и такто жутковатый видок был, а каска еще и усугубила. Но доставать зеркало и показывать ему, как сидит обновка - не хочется. Кто его знает - как он на свою харю в

зеркале отреагирует.

Со стороны соседей взлетают в воздух красные ракеты. Сигнал бедствия.

Действительно вляпались.

Знать бы еще во что.

Николаич ничего не может сказать внятного. Предлагает прибыть туда, откуда начинали. Где подобрали инженера.

Настойчиво спрашивает - как Мутабор сможет гарантировать свою невраждебность. Морфа интересует это симметрично - хоть он и в каске, но понимает, что случись что - и шлем не спасет. Не знаю, видел ли он в инете записи стрельбы иракского снайпера по американцам - но там видно было как шьет СВД кевларовые каски навывлет...

Получается, что гарантий не может дать никто.

Придется верить друг другу на слово.

Тонкая материя. Очень тонкая.

Это раньше дворяне и купцы в России на слово данное могли полагаться. Вон как в «Бесприданнице» Вожеватовто не мог через данное им слово перепрыгнуть при всей охоте. Но это когда было. Нынче и письменные договоры от надувало не спасают...

Остается надеяться, что в мертвом мозгу морфа доминанта мести - достаточная мотивация. И что у моих друзей не возникнет ощущения, что лучше такого союзника определить для общего блага в яму. И присыпать для надежности.

Попрепивавшись - наконец садимся в джипик - тесно, но влезли, и тут уже морф не рвется за руль, чего я признаться опасался. Искоса поглядываю на него, но похоже, что манипуляция с заведением мотора у него выпала из памяти и мои действия не вызывают у него ассоциаций. А интересно - если б сел в заведенную машину - повел бы?

От волнения ухитрюсь заплутать в трех соснах и выкатываюсь совсем не оттуда, откуда хотел. Но все же выкатываюсь. Наши расположились грамотно, прикрывшись броней.

Останавливаюсь аккуратно под прицелом пулеметов с БТР. Вылезаем, вытаскиваем гения.

Навстречу спокойно идет Николаич. Совершенно неожиданно протягивает руку Мутабору. Отрекомендовывается и спрашивает - врач ли Мутабор. Мутабор... ну, самое подходящее слово - он охренел. Точно. Руку не пожимает, показав явно растерянность свою лапу. Потом говорит уже слышанное мной раньше: «Хесссиххх...»

Старшой кивает. То, что ему отказали в рукопожатии, видно его мало смутило, а вот морфа он определенно озадачил. Удивил - победил?

Как источник информации морф оказывается малоинтересен - он может рассказать на своем волапюке с моим кривым переводом только про медлабораторию. Что происходило в лагере - не знает. Да и возили его в будке без окошек. Хотя проскакивает намеком, что видимо его использовали в акциях устрашения, но развивать эту тему он не хочет категорически.

Связи попржнему нет. То есть с кронштадтскими кораблями и подразделениями связь в порядке - а вот соседи что-то заткнулись. И стрельба смолкла. Это совсем непонятно. Не было артиллерийской пальбы - нечем было б танки выбить. Должна была бы часть брони уцелеть. Да и дымов оттуда не видать - а горящая техника дает такие чадные столбики, что слепой - и тот, если не увидит, так за пару километров унюхает.

Хотя не факт, что битая техника обязательно должна пылать костром...

Но вообще желание лезть на завод пока остывает...

Только сейчас замечаю, что не вижу никого из тех, с кем мотался к соседям.

Оказывается, Надежда с Рукокрылом - еще там у подполковника.

Меня искали.

Летеха, несколько скисший, топчется рядом.

Он вообще между стульев - и как бы не решил, что лучше ему с броней откатиться к супермаркетам. Я бы так точно так решил. Потому как жирная синица в руках - она сытнее.

Вообще - самое хреновое - это отсутствие информации.

На военный совет из БТР вытаскивают Севастьянова.

Инженер хренеет, увидев морфа. Первое охреневание не успевает схлынуть, когда замечает лежащего на насте голого Творца.

Мне кажется, что у Севастьянова возникает сильное желание напинать пленного, от которого его удерживает только наше присутствие. И больше, пожалуй - присутствие морфа.

- Это ж этот! И тварь егонная!

- Знаем. Вопрос в другом - штурмовавшая группа на что-то напоролась и откатилась, судя по всему - с потерями. Что там могло оказаться такого, что разгромило считай батальон с танками? Артиллерия? Зенитки? ПТУРСы? Что у вас там было?

- Не, этого не было точно. На территории завода есть склад охотничьего вооружения и боеприпасов - в виде конверсии делали. Артиллерии точно не было.

- Оборудование в цехах - в рабочем состоянии?

- Пока да. Но его ж рвануть - минута делов. Ну не минута. Но все равно - ломать - не строить.

- Получается так. Если нам внутрь лезть - как лучше?

- В каком составе? С коробочками или пешком?

- А пешком рекомендуете?

- Залезтьто проще будет. Вот вылезти боюсь, не получится.

В этот момент появляется счастливый ботан. Такой радостный, словно только что удачно девственность потерял.

- Есть связь! Командир, есть связь! Паштет отозвался! Сюда едут!

- Какой еще паштет?

- Да Пашка же!

- Челепить! - авторитетно заявляет с брони Ильяс, не отрываясь от бинокля.

Странно, это ж покорейски вроде? Ну да он полиглот, это я уже видел. Ну, то есть слышал.

- Мутабора с гением пока попросите в грузовичок перебраться.

О, а группато тоже не зря сидела - отрофеились, похоже. Действительно не увидел сразу - а позади брони стоит пара КАМАЗов с кунгами. В одном кунге даже печка топится - дымок видать. Вот вроде и большие объекты, а по сравнению с дулом пулемета на первом плане - совершенно не видны были.

Сообщаю морфированному коллеге, что идет бронегруппа, лучше пока нам с глаз долой из сердца вон спрятаться. От волнения путаюсь, но почемуто морф не злится на вставляемые глаголы и прочие части речи.

У машин - новый сюрприз. Из кабины вываливается Семен Семеныч, дальше на его слегка заспанной и потому помятой физиономии пролетает сложная гамма чувств. Сделавшая бы честь любому современному актеру, не говоря уж про Балуева, сохраняющего твердокаменность морды лица в любой из своих 569 ролей.

Семен Семеныч спросонья видит сначала меня - радость совершенно искренняя и приятная мне, потом посторонних - удивление, потом морду морфа - удивление, ужас - и руки шарят по куртке в поисках того, что верно в кабине осталось, потом сомнение, потом опять удивление и уже с недоумением в глазах, выдав всю эту палитру эмоций в пару секунд:

- Привет! А это кто?

- Это пленник и союзник. Мутабор - союзник. Коллега. Врач.

- А голый вассер?

- Нудист - представитель противника. Творец Мутабора.

- Это как?

- Повтор реанимации - сохран деятельности мозга.

- Ничего не понял? Он что - врача садировал, пока тот не обернулся?

- Подтверждение. Момент - прятки в кузов.

- Доктор, а что это вы так странно разговариваете?

- Мутабор - сохранение речи. Понимание речи. Только существительные.
Наконец находится хоть один нормальный человек. С нормальной реакцией на мой явный бред.

- Охренеть! Что, серьезно? Он говорит?

- Подтверждение.

Мутабор начинает кряхтеть.

Семен Семеныч с сомнением смотрит на меня, с опаской на Мутабора.

- Ладно, давайте в кузов.

В кунге шаром катать. Печки нет, хотя вроде как положена по штату - и лист железа на полу и забитая дырка в стенке. Холодно, почти как на улице. Наверное, потому и нет никого.

- Мутабор, а что на заводе?

- Ы?

- Семен Семеныч - конкретность вопроса.

- В каком смысле?

- В таком, что так и я не отвечу.

- Вам и отвечать нечего - вы там не были.

Морф опять начинает кряхтеть. Это конечно лучше, чем их стенание или как там они кричат перед атакой, но все равно неприятно.

- Извинения.

- Хххеррня!

Семен Семеныч подскакивает.

- И впрямь говорит! А петь он умеет?

Ну, это понятно. Дружок - песельник еще в себя не пришел толком, петь Семен Семенычу было видно не с кем, а привычка - вторая натура. Соскучал.

- Мутабор - песня? Приглашение.

Морф опять чумает. Когда уже начинаю бояться, что он завис наглухо - пожимает плечами.

- Проба?

Еще раз пожимает плечами.

Потом както скептически выговаривает:

- Хххммусыххафerraпхия... шшуушшь!

- Музыкотерапия польза. Логопедия.

- Ссзаиха?

- Мутабор заика отрицание. Фонетика улучшение. Коммуникативность. (После такого словечка и отдохнуть пару часиков не грех...)

- Времяпрепровождение - вклинивается Семен Семеныч.

Опять пожимание плечами.

- К слову. Семен Семеныч, оружие отсутствие?

- Йопта! В кабине оставил! Я мигом!

Пока он бежит морф презрительно спрашивает:

- Хххоннфохь?

- Отрицание. Шофер. Профессионал. Певец.

Фырканье в ответ.

Хлопает дверь. На этот раз у Семен Семеныча на спине АКМС.

- Готовы? Споем?

И, не дожидаясь ответа, с воодушевлением начинает:

На далеком Севере

Эскимосы бегали,

Эскимосы бегали -

За моржой!

Эскимос догнал моржу

И вонзил в нее ножу,

Он вонзил в нее ножу

Глубоко...

Он содрал с нее кожу

И забросил на баржу

И забросил на баржу

Далеко.

Но моржа не стала ждать,

Взяла кожу и бежать

Взяла кожу и бежать

Босиком

И опять на севере

Эскимосы бегали,

Эскимосы бегали

За моржой...

Знаю эту песенку. Старая, студенческая. Петь можно бесконечно. Очень хорошо петь в пьяной компании, слова заучиваются быстро. Хотя сюрреализм происходящего у меня на глазах песенка только подчеркивает.

Очень вовремя дверь распахивается - меня вызывает Старшой.

Напоследок решаю пустить парфянскую стрелу:

- Мутабор консультация возможность хирургия раненый?

Опять бедалага завис.

- Решение по возвращении.

Уф!

Бегом с посыльным. Николаич спорит о чемто с инженером и летехой - командиром бронетехники нашей группы. Кроме них там же еще несколько человек - и мой знакомый сапер. Только они в перепалке не участвуют.

- Получается так, что это лицо американского империализма вы с рук спихнули? - отвлекается от спора Старшой.

- Это вы о ком?

- О морфе. В каске рожа у него - хоть плакат рисуй. Чистый агитпроп. Он что, все время в каске бегал?

- Не, это я ему одел. Каскато с хозяина.

- Это зря. Хорошая касочка и прочная. Поменяйте потом под благовидным предлогом.

- Я там в джипе еще шмотки оставил и трофеи - пара автоматов, пистолеты.

- Уже прибрали. Вовка первым делом машинку проверил.

- А что звали?

- Получается так, что непонятно?

- Ну, опять оказание помощи раненым в той группе?

- Ага.

Договорить не успеваем.

- Повторяю, мне вне основной группы здесь делать нечего! - летеха ожил как недобитая огневая точка.

- Да что ты как маленький! Не отобьем завод - ты без ремонта на своей железке много накатаешься? - ясно, инженер в долгу не остался.

- Железо на складах еще есть - а людей положить это как?

- Так и на заводе люди, а не хвосты собачьи, притырок ты прыщавый! Несколько тысяч!

- Было! Было несколько тысяч! А сейчас - хера. Сейчас там несколько тысяч зомби! И куда нам лезть?

- Стоп, стоп! Охолоньте! - Николаич вклинивается между вспыхнувшим Севастьяновым и летехой.

- Да какого мужского полового он меня тут лечит? Полковник покойный тож гуманист

был. Полгруппы в сраке и сам туда же! У меня жена. Между прочим. И нехер мне по сознательности топтаться. Этот вонявый - небось, самто удрал, а теперь все вокруг ему должны.

Теперь уже приходится присутствующим держать летеху с инженером за руки, фалды и всяко разное - чтоб парочка в драку не пустилась. Страстиито накалились нешуточно.

- Я те сука харю разобью!

- Да пошел ты! Гнида пластинчатая!

Николаич буром влезает между спорщиками.

- Хорош! Хорош я говорю! Идиоты, оба. Лейтенант - что такое бронетехника без ремонта - это наглядно Красная армия в 1941-1942 показала. А панцерваффе вермахта - в 1944-1945. Изза поломки грошовых деталюшек технику бросали пачками. Видал? Сейчас на броне токо и ездить, а без ремонта - кукиш без масла, а не броня. Этото понятно?

- Не надо меня лечить, не мальчик. Броня еще походит, а вот мертвяками мы вполне сегодня станем. И насчет присяги - не надо. У меня три десятка человек и я их гробить просто так не дам. И не просто так - тоже не дам. Больше у меня подчиненных нет. И я без них приезжать не хочу. Все, разговор окончен! Мы отходим.

Похоже, летеха прямо сейчас отдаст приказ.

- Разве только в мир иной отойдете.

А Севастьянов ему под колеса кинется.

- А ты что ль не дашь?

- Эйэй, давайте пока перекурим. Лейтенант, курите?

- Курю. От такой жизни закуришь, мля...

- Тогда угощайся.

- Ого! Богато живете. Сигары!

- Только в затыг не вздумай.

- А как надо?

- Держи дым во рту.

- Да ну?

Замечаю, что Севастьянова отвели в сторонку. Ну да, страсти то охолонуть надо.

Скуповатый Николаич тем временем роздал сигары. Вот не ожидал такой щедрости. Но тут получилось грамотно - все отвлеклись, а еще обрезка кончиков, да прочие хитрости. Опять же многие впервые вообще сигары в руках держат, это раньше кубинские сигары продавались на каждом углу, как и кубинский ликер, хорошая была штука... Пробовал в детстве... Сейчас обязательно ктонибудь по привычке затынется во всю мощь легких и начнет КАШЛЯТЬ...

Как у нас в роте - я тогда из отпуска ребятам сигару привез. На роту хватило. Три дня ее курили по очереди. Один затыг - и готово...

О, что я говорил! Уже закашляли.

Ботанрадист тоже отхватил себе сигару, но ничего сделать не успел - я наседаю с вопросами. Ответов оказывается не густо. Тот самый Паштет успел сообщить, что группа разгромлена, потери офигительные - пехоту считай всю потеряли, бронетехника откатилась, потом после спора и ругани поделилась надвое - часть ушла к супермаркетам. А часть сейчас идет к нам - с кучей раненых. Мой знакомый полкан вроде погиб. Командуют там непонятно кто.

Оставляю ботана разбираться с куревом. Надо бы все ж пополнить сумку - тут у меня - если Нади не окажется среди отступающих, будет хлопот полон рот. И того толкового санинструктора здесь нет. И кстати - автомат свой забрать - вылезая из машины, я его не прихватил, что не помешало мне потом Семен Семенычу глаза колоть.

Вовку нахожу в БТР, на котором Ильяс сидит. Выслушиваю нотацию. Ну да, на этото мы все горазды, других жизни учить. Сам такой. Меня не отпускают, пока не рассказываю о своем путешествии. Вовка затыкает тех из слушателей, которые начинают сомневаться в моей умственной полноценности.

- Джип хорош. Сам бы тоже угнал. И бак полный. И пара гонореек тоже к месту. А если с твоего говоруна еще прок будет - совсем заелдыс. (Похоже, что Ильясовское полиглотство заразно.)

- Запаски там нет. И что за гонорейки?

- Ксюшки с глушаком и подствольником - комплекс «Канарейка» называется. Довольно редкая хреновина. А запаска... Фигня, добудем. Не та проблема. Вот что там начальство решило?

- Ну, их старшой хочет тикать. Наш - не хочет.

- Эй! Воины! А вы как? - спрашивает Вовка у солдат летехи.

- Чо мы. Как скажут. - отвечает ему водитель.

- Орлы! Богатыри! - одобряет Вовка.

За броней шум. Вылезает. Но это не разгромленные - это, как я вижу, кронштадтские усиление подогнали. Сотни две человек, только уж очень сбродные какието и одеты и вооружены разношерстно.

Выделяется взвод морпехов вроде - не шарю я в их наклейках и нашивках, да еще группа здоровых ребят, скромные такие, но с достоинством. Оказывается - тут те, у кого родственники могут оказаться в лагере этом заводском.

Мда... Эти настроены решительно и отойти летехе и его ребятам вряд ли дадут. Видно, что у них командир есть - и грамотный.

Виджу знакомые лица - две медсестрички из кронштадтской больницы. Это уже веселее. И сумки у них - как среднего размера рюкзаки. И набиты битком. Машу им рукой.

Замечаю, что здесь охранение - они мимо нас прошли и заняли удобную позицию - мух ртом не ловит. Это хорошо. Так же вижу, что и пулеметчики у прибывших - толковые.

Осторожно чмокающий сигару лейтенант стоит рядом со мной.

Медсестрички тож подходят, здороваемся. Николаич представляет присутствующих. Предлагает принять участие в перекуре.

Одна забирает сигару для мужа, другая отказывается - достает свои, тоненькие ультралайт. Кокетливо прикуривает от одной из четырех поданных зажигалок.

Ну да, симпатичная она. Токо вот курит зря.

Видимо в плане компенсации за многочисленные в последние дни случаи словесного воздержания черт дергает меня за язык.

- Коллега, лучше б вы сигару курили.

Девушка ухмыляется.

- Типо фаллический символ, как у Шэрон Стоун?

- Ну что вы. Просто то, что курите вы - банальный обман и дрянь. Фальсификация продукта. Надувало. К тому же еще и сильно вредное.

- Да бросьте пугать. Ясно же, что никотина здесь меньше. Это же - ультралайт!

- Ага - отвечаю, радостно про себя отметив, что девчонка вляпалась. - Именно. А курят ради чего? Ради никотина. Только поэтому. И кайфа не будет, пока концентрация этого алколоида в крови не дойдет до нужного уровня. А никотинато как раз и не доложили. Получается, что курите сено или прошлогодние сушеные листья, а не табак. Получаете мало никотина, поэтому до нужной дозы вбираете в себя двойную порцию дыма, смол и прочей дряни.

- Насчет сена - это ты заливаешь - вмешивается летеха.

- Отнюдь, сказала баронесса. Это - точные сведения, с ручательством. Табака мало, а курильщиков - много. На всех не хватает. С алкоголем просто - его можно произвести из чего угодно, в любых объемах. С табаком сложнее.

Потому чистый табак курят счастливики - либо те, кто табак выращивает - тут можно вспомнить наших горных долгожителей, либо богатеи - кто может позволить себе дорогие сигары или некоторые сорта трубчатого - действительного табака.

- Какая радость в сигарах. Они ж крепкие, как железный лом. Чуть легкие себе сейчас не выкашлял!

- А ты неправильно курил.

- Рассказывай. Я уже десять лет курю. Тоже мне лектор. - летеха стоит как победоносный памятник самому себе.

- И, тем не менее - неправильно. Для того, чтобы получить кайф от курения надо, чтоб нейротоксин (никотин) всосался в кровь. Это и происходит при контакте со слизистыми оболочками. Так?

- Ну, так.

- При курении например сигар или трубки (то есть чистого табака) дым содержит высокую концентрацию никотина и для получения достаточной дозы для кайфа достаточно дымом полоскать рот, не нужно курить «взатыг». Слизистые рта всосут достаточно никотина. Но это очень дорого и расточительно. На всех табака не хватает. Сигары и трубки могут себе позволить только богатые люди.

А как быть остальным?

Для этого и сделаны сигареты. Табака там мало, зато много всякого хлама - от прессованной табачной крошки до банального сена, заодно все это пропитано селитрой - чтоб горело побыстрее. Положи сигару или трубку - так огонек и погаснет. А сигарета горит как бикфордов шнур. И знаешь почему?

- И почему?

- А потому что они и сделаны по методе бикфордова шнура - с пропиткой селитрой. Встречаются и так называемые соусированные сигареты - где табака нет вообще, а есть сено с пропиткой вытяжки из отходов табака. Старая немецкая методика производства эрзацпродуктов. За две мировые войны отточили до совершенства.

- Как напоить бутылкой водки 20 человек? Разболтай ее в ведре с грязной водой, всем и хватит. Пусть пьют, пока шары на лоб не полезут - добавляет ухмыляясь Николаич.

- Вотвот. Тот же принцип. В сигаретах концентрация никотина такая убогая, что для кайфа, чтоб доза никотина долбанула по мозгу, требуется задействовать куда большую поверхность слизистых - например всю поверхность слизистых оболочек легких и бронхов. Разница между поверхностью слизистых рта и слизистых легких - как между спичечным коробком и ангаром.

Но вместе с никотином идет довеском больше сотни других продуктов горения - они в легких и оседают. Соответственно отсюда бронхит и прочие удовольствия курения - до рака легких. Да и горят сигареты изза добавленной селитры куда горячее, чем горит табак в сигарах, поэтому добавляется еще и эффект постоянного ожога легких.

Поэтому, чем легче сигареты - тем меньше в них никотина, зато больше смол и прочей дряни. Отличное надувательство. Великолепное.

- Ну вот, только удовольствие всем испортили. - морщится медсестричка.

- Да не удовольствие и было. Все равно люди курят большей частью не для никотина.

- Понеслось! И пьют не ради алкоголя!

- И тем не менее. Любого психолуха спросите - оне и ответят, что курят по целой куче причин, а не ради никотина. Тем более, что никотина - в тех же лайт - курям на смех.

- Да ну вас. Выдумки это все! И тему тож нашли!

- Получается так, что доктор долго был вынужден воздерживаться от разговоров. Вот его и несет. - Старшой хитро подмигивает мне.

- Ладно. Так какие причины? - спрашивает тот самый сапер. Сам он аккуратно попыхивает сигарой и вид у него - хоть на обложку журнала «Солджер оф форчун». Он тоже подмигивает мне. Размигались, черти. Но после напряги с Мутаборовым лексиконом, язык просто вьюном вьется.

- Ну, получи деревня трактор, так вот - по пунктам.

1. Получить кайф. Принцип действия: при жестком воздействии на мозг, мозг от воздействия нейротоксина страдает и в плане компенсаторной реакции выделяет эндорфины - вещества, доставляющие удовольствие.

Это нормальная физиология.

2. Для того, чтоб дать себе паузу. Сделать перерыв в работе, в разговоре. Отсрочить решение. Занять руки в неприятной ситуации.

3. Это модно. Можно познакомиться с другими людьми, заговорить с ними. Такто вроде неудобно. Человек очень любит обезьянничать - потому, как другие это делают, должен это делать и я.

4. Часто женщины закуривают, чтобы похудеть - никотин увеличивает «расходную часть» обмена веществ, одновременно снижая аппетит. То, что у курящих женщин кожа стареет куда быстрее и обычно курильщицы выглядят старше лет на 5-8 - это побочный эффект. Ну, зато косметические фирмы с их «чудодейственными омолаживающими кремами» не прогорят...

5. Когда закуривает подросток (любого пола), это наверняка стремление доказать всем, что он уже взрослый. Если ребенок с малых лет в доме считается личностью, если его уважают и с ним считаются, то он вряд ли станет курить... А те дети, с которыми взрослые нянчатся до седых волос, практически всегда начинают курить, и очень рано: чтобы показать своим домашним, что пора бы перестать их воспитывать...

6. Люди нерешительные (даже если эта нерешительность запрятана очень глубоко и нередко маскируется показной наглостью) курят затем, чтобы везде «чувствовать себя как дома» - иными словами, запах сигарет создает привычность в незнакомой обстановке.

7. И наконец, успокоительный эффект сигареты на самом деле обусловлен лишь фактом того, что эта сигарета находится у вас во рту. Природой задумано так, чтобы человек испытывал чувство покоя и комфорта под действием сосательного рефлекса. И точно так же, как младенец сразу успокаивается у маминой груди, взрослые приходят в себя, беря в рот сигарету.

Столько хватит?

- Хватит.

Все курившие, разумеется, продолжают курить. Разве что девушка таки берет сигару. Ее тут же берутся обучать. Она стоит в кольце из мужиков и кокетничает напропалую. Ее напарница от этого както похмурила.

Некурящий Николаич с сапером не принимают участия в этом культурном мероприятии по борьбе с неграмотностью.

- Как, легче стало? - улыбаясь, спрашивает сапер.

- Легче. Отбарабанил привычную лекцию - теперь можно опять с Мутабором общаться.

- Чем он сейчас занимается?

- С Семен Семенычем песни поет. В кунге.

- Мда... вот и думай. Дальше то что с ним делать. Доберемся до амбулатории, реанимируем вы этого ублюдка. Пришьете ему руки к жопе. Дальше - какой прогноз?

Непроизвольно чешу себе в затылке.

- Ну, честно сказать - не знаю. Пока у Мутабора есть цель - он нам не опасен, полагаю. А вот выполненная цель неизвестно, что даст потом. Доминанта мести пропадет, скорее всего. Сейчас он даже от жратвы воздержался. У его хозяина была сумка с мясом - и морф ее обнюхал, в лапах подержал, а потом оставил.

- Получается так, что лучше б нам этого морфа упокоить. Информатор важнее для нас. А этот голый хлюст должен знать много. Не по медицине, этого я с вами согласен. По тому, откуда эта секта взялась, кто старший, какая структура, какие силы, где еще базы. Вы как?

- Пожалуй, согласен.

Сапер, сказав это, смотрит на меня.

С трудом удерживаюсь от чесания затылка.

- Ну, мне кажется, что рано нам это обсуждать. Мы даже не знаем, что там на заводе за ловушка была. В деле - морф при мне, шутя, разобрался с парным патрулем за секунды. Короче говоря - считаю, что надо подождать - пока ситуация станет ясной. Со своей колокольни замечу, что мертвый морф пока у меня вызывает больше симпатии, чем живой его хозяин. И опасности от живого вижу больше.

- Получается так, что ладно. Пождем пока. Но доктор - как бы изза вашего миндальничанья не погиб кто из наших. Морф - это морф. Он - мертвец. Жрал человечину. Севастьянов прямо показал, что эта парочка ему знакома до синего ужаса. А информация нам важна. Очень. То, что он вас не сожрал - ничего ровным счетом не говорит - вы нужны были как инструмент во внутренних разборках.

- Поддерживаю. Самое худшее, когда человек наделяет своими чертами характера другое существо. - сапер смотрит внимательно и очень серьезно.

- Ну, я понимаю. Но ведь Мутабор не согласился помогать в вивисекции.

- Тот, кто не согласился - умер. Несколько раз причем. Теперь мы имеем дело с морфом. Морфомлюдоедом. Вот с этой точки зрения и надо рассматривать ситуацию. Пока кунг с морфом - под перекрестным прикрытием моих людей. И лейтенант отделение выделил. Так что лучше морфу сидеть и петь песни. Целее будет. А вы уж постарайтесь не создавать своим гуманизмом и порядочностью дополнительных трудностей. Договорились?

- Договорились. Но и вы поймите, что выбивать ему мозги...

- Потекло говно по Енисею толстым слоем шоколада! Начинаем новый триллер - «все во имя науки?». Безумные ученые ради интереса снова гробят мир? Цена больно большая светит. На общем, что особенно пикантно, фоне. Кстати - эта похабель вокруг тоже вполне себе может быть результатом чьего-то научного эксперимента. Не корчите из себя странствующего рыцаря. Договорились?

- Ну, договорились... Но ведь феномен же уникальный!

- Получается так, доктор, что, к счастью, тут собрались олухи царя небесного - и нам любой из наших балбесов - куда более ценный феномен, чем морф. А учитывая события последнего времени - значительно более ценный. Единственно, что могу пообещать - при культурном поведении вашего питомца я постараюсь воздержаться от ликвидации. При очень культурном поведении. Все ясно?

- Так точно. Ясно.

Думать о том, как жить дальше, лучше в приятной компании. Залезаю к Вовке. Ильяс все так же степной каменюкой сидит наверху. Степная каменюка с биноклем.

Внутри тепло. Мне суют вскрытую банку тушенки и чьюто ложку в сале. Ложку вертаю. Своя есть. Тушенка явно с кучей сои, но жрать хочется, как из пушки. Не до привередничанья.

Вовка тем временем разобрал трофейные автоматы. Ну, разобрал - сильно сказано - отделил оба гранатомета, да глушители снял. Гранатометы лежат как какие-то причудливые толстоствольные пистолеты с вывернутой в обратную сторону рукоятью.

Залезший в БТР замерзший Ильяс поспевает как раз в тот момент, когда Вовка задумывается, вертя в руках глушители.

- Что, попрежнему не понимаешь, как ежи сношаются? - ехидничает сменившийся с НП снайпер.

- Не, глушаки разные, чтото не въеду в тему.

- А чего странного? Этот - ПБС4 последняя, можно сказать, разработка.

- А этот?

Ильяс свысока смотрит на приятеля и, выждав достаточную паузу, мудро отвечает:

- А этот - не ПБС4. Непонятно?

- Да иди ты!

Мне самому интересно становится, и я влезаю в их разговор:

- Seriously, Ильяс, в чем разница?

- Да просто все, как веслом по яйцам - ПБС4 - вот этот, который позволяет стрелять любым патроном, не только УС. А другой заточен только под УС.

- А, вот оно что - когда сукин сын в меня из него стрелял - грохоту было!

- Тут вообще какая-то лажа. Одна Ксюха - реально «Канарейка» - видишь и накладка на прикладе резиновая и кусочек кожи на клепках. А эта - просто ксюха с глушаком, а граник присобачен кустарно. Дерibas, короче. Гранат в трофеях не оказался?

- Нет, только патроны.
- Жаль. Всегда хотел из такого бахнуть.

Рации начинают пищать одновременно у нас троих. У командира БТР тоже что-то пиллюкает.

Вызов одинаковый - к нам подошли остатки бронегруппы.

Выкатываемся на холод.

Знобит.

В расположение вкатилась пара маталыг и БТР70. Но это сразу не понять - броня буквально облеплена людьми, железа не видно. Кронштадтские, обеспечив кольцо оцепления, сгружают замерзших людей.

Подбегаю к Николаичу. Рядом с ним несколько человек - часть уже знакома - тот же сапер, летеха, но есть и новые - мешковато одетый пожилой мужик в флотской фуражке и городском камуфляже. Похоже - это наш штаб в полном составе.

Он как раз и спрашивает меня с места в лоб:

- Прибыло больше ста беженцев - из лагеря на заводе. Ваши действия?
- Оповестить медслужбу на берегу и отправлять беженцев туда незамедлительно. Оттуда - на учебный корабль. Прямо сейчас.

- А оказать им помощь здесь и сейчас? Лениво? Руки марать неохота?

- Их поить надо - горячим питьем, согреть, одежду обгаженную заменить на хотя бы сухую, помыть опять же. Здесь у меня такой возможности нет. Только зря приморозим дополнительно.

- А так часть из них не доедет!

- Ослабевших отвезем под присмотром. Но если их сгрузим тут - потеряем больше.

- А сразу на боевой корабль - потвоему лучше? Черт знает, кто может в этой толпе оказаться!

- Ну, отфильтровать тех, кто три дня не ел не пил, от тех, кто примазался - не вопрос.

- Для матросов первого года службы - еще какой вопрос.

Вспоминаю ловкачана начальника, мирно сидящего на берегу под сенью корабельных пушек.

- На берегу - грамотный врач с запасом медикаментов. С фильтрацией и сортировкой он точно справится. Придать патруль для охраны подозрительных. А нам здесь, я так понимаю - еще завод атаковать...

- Умный шибко! Атаковать... Темнеть уже скоро будет!

В толпе у прибывших машин начинается крик и ругань. С радостью узнаю голос Надежды Николаевны. Уцелела, значит!

- А ну пошли прочь с тушенкой, придурки! Только сахар и сухари! Чай давайте, у кого есть!

Николаич негромко говорит:

- Давайтека, доктор - наводите порядок.

И повернувшись к кронштадтцу:

- Считаю, что эвакуация беженцев - причем срочная - лучший выход.

Остальные присоединяются.

Мешковатый моряк смачно сплевывает и вопреки ожиданиям не орет, а ровным голосом начинает сыпать приказами в свою рацию.

Поворачивается к командирам.

- Сейчас придет пешая толпа. И сколько-то на замыкающем танке едет. Давайте всю воду и весь сахар. С вас - ваши маталыги, с вас - оба кунга. В теплый детей посадим. Возражения есть?

- Если там есть беременные - то лучше их в теплый кунг. Дети выдержат и так. (Это я умничаю.)

- Я не буду действовать в отрыве от основной группы - заводит старую песню летеха.

- В случае саботажа я, как старший по званию, снимаю вас с командования.

- А возражений от моих людей не боитесь?
- В каждой вашей коробочке кроме ваших людей - уже сидят и не ваши. Так что лучше давай тека не кучедрючьтесь, лейтенант. Если мы и не вполне по уставу действуем, так ситуация обязывает. Сочтемся славой.

- Славу в тарелку не нальешь и в рот не положишь.
- Лийтенант! Я уже вам все сказал. Вы тут - в единственном числе. Слыхали поговорку про одного воина? Которого за это - поленом? Все, давайте действовать.

Кунг для неафишируемой среди широкой публики высадки морфа и его хозяина приходится отогнать за передовое охранение.

Летеха скрепя сердце посылает БТР. Сапер опять же ненавязчиво перекрывает яму, где мы втроем устроились, своими подчиненными.

Елееле я успел перекинуться парой слов с Семен Семенычем. Мутабор все это время старательно подпевал - то есть выл и ревел как заведенный. Особое воодушевление ему дало то, что вивисектор мало не блевал от этого пения. Сейчас вивисектор с отвращением кутается в грязнющее красное одеяло. Холод преодолел брезгливость. А мне почемуто вспоминается, что приказом царя Петра старательно утеплили тулупом любовника царицы Евдокии - первой петровской жены. Чтоб, сидя на колу, прожил подольше.

Если можно сказать про мертвеца, что он нервничает - то по отношению к Мутабору это определение годится. Я тоже нервничаю. В меньшей степени, конечно.

А моего знакомого - вивисектора просто колотит. Когда сидишь в яме, мир приобретает несколько странную перспективу.

Честно признаться, я сильно подозреваю, что собственно расклад уже сделан и скоро невзначай подошедший автоматчик из нашего конвоя - охраны просто с трех метров длинной очередью снесет морфу башку. Судя по всему, морф думает в том же направлении. Как ни странно - о нас словно забыли и меня не дергают для помощи беженцам.

Остолбенело открываю рот - со стороны завода на бреющем проносятся пара вертолетов. Боевые, вроде их крокодилами зовут. Сначала, услышав очень характерный рокот со свистом (а винтотрясы, как и танки, дают смешанный шум - низкий рокот и ритмичный шелестящий присвист) я и не понял, что это.

В первый момент прижигает мысль, что противник уже и винтотрясами обзавелся и сейчас нам тут кашу устроят, но агрегаты мирно проходят над нашей группой и беженцами. Один начинает облет по кругу, другой зависает в нескольких метрах над землей, словно чудовищная стрекоза, потом ложится на курс к Кронштадту, следом - сзади и чуть выше, уходит и второй. В воздухе еще летают какието не то тряпки, не то бумажки, поднятые воздушным вихрем.

Пока хлопаю глазами, оживает почемуто вивисектор.

- Мутабор яма расстрел. Господин Кронштадт лечение.

Это он интересно к чему?

- Господин информация ценность. Мутабор людоед дрянь говно.

Ага, понимаю. Видимо решил злить морфа. Заодно и недоверие возбудить, что просто в наших условиях - без виагры недоверие у всех нас друг к другу и так возбуждено - дальше некуда.

- Мутабор башка пуля мозги жопа. Мутабор дурак. Дурак. Дурак. Дурак. Скотина.

Пора встрять.

- Эй! Язык в жопу! Пинок по пальцам охота?

- Да пошел ты! Аййй!!!

Ну да, Мутаборуто и тянуться не надо.

До меня, кстати, ему тоже рукой подать.

Сзади шаги.

Поворачиваюсь.

Двое незнакомых офицеров и Николаич. Раньше вроде я этих мужиков не видел. Незаметные они какието.

Спускаются к нам в яму. Становится тесновато.

- Атака через час. Мутабор готовность? - спрашивает устало Николаич.

Мутабор шевелится, вроде как кивает головой.

- Доктор готовность?

Встряхиваюсь. Гляжу на свою сумку. Висит плоско, как груди у старухи. Подрастряс я ее сегодня. Потому отвечаю не слишком молодцевато.

- Доктор готовность. Медикаменты недостаток.

- Ситуация. Мутабор надобность мести. Подтверждение?

Мутабор напрягается, потом старательно выдает, мутно глядя на незнакомцев:

- Бодберршешииие.

- Доктор группа надобность информация. Информация содержание убл... вивисектор. Понимание?

- Бодберршешииие.

- Резюме. Необходимость получение информации.

- Ххеррння!

Незнакомые офицеры и ухом не ведут, словно всю жизнь сидели в яме с морфом и слушали его речи. А вот мне както неуютно.

- Доктора на выход! Скорее, времени мало!

С облегчением, но стараясь не показать этого, обращаюсь к Старшему:

- Разрешение?

Старшой кивает. Встаю и замечаю, что Мутабор напрягся и зашипел.

- Спокойствие! Доктор надобность Мутабор конец атака. Группа надобность доктор медикаменты начало. Беженцы нужда помощь медицина. Спокойствие! - Николаич и впрямь производит человека, знающего, что говорит. Так же спокойно он продолжает:

- Следователи доктор надобность?

- Что? А, нет, пока не нужен. - отвечает один из офицеров.

Мутабор шипит.

- Да, конечно... надобность доктор пока нет... отрицание. Хотя... Доктор боль вызывание умение?

- Подтверждение.

- Пример?

- Невралгия тройничный нерв вызывание. Эээ... Веточки выход череп. Отсутствие проблемы.

Мутабор хмыкает. Черт его знает, что он своим хмыком выразил. Но вроде както расслабился.

- Надобность вызова невралгии - вызов по рации.

Николаич кивает мне, ступай дескать, разберутся.

Киваю в ответ и дергаю к беженцам. На бегу отмечаю, что хоть и пропала большая часть нашей техники - а толпа вроде еще больше стала. Костры палят. Поспеваю одновременно с транспортом - пустые маталыги урча выкатываются из домиков.

Работы прорва, как и ожидал - большая часть беженцев ознобилась, вымотана до последнего предела, часть ранена и практически у всех явные признаки обезвоживания - складка кожи, взятая пальцами, не сразу меняет форму. Секундудве расправляется. Так, навскидку - еще не страшно. Вторая степень обезвоживания. Слизистые сухие, у некоторых - судороги, что хуже. Но не вижу ни одного ребенка, а они вроде ж были.

Транспорт тут же набивается людьми, кто покрепче, подсаживаются на броню.

Колонна укатывает, а спасенныхто как не убавилось. Откуда то ребята таскают в разношерстных ведрах и кастрюлях воду, стараются хоть немного подогреть на костре, но она выпивается куда быстрее... Одна радость, что беженцы так вымотались, что большая часть из них сидит апатично. Какieto они сонные. Но оживляются при виде воды. Ненадолго, правда. Часть плачет. Но тоже както тихо, обессиленно.

Наконец, кроме догорающих костерков и загаженного наста, не остается ничего.

Отправлены последние и о своем начальнике я думаю без злорадства - там у него завал.

Подходит осунувшаяся серая Надежда. Через силу улыбается.

- И где ж это вас носило?

- Ох, не спрашивайте, Надежда Николаевна. Что у вас там произошло?

- Гордыня и самонадеянность... Один из смертных грехов. Давайте присядем, а? Ноги не держат. А вы и вправду с морфом ручным заявили? И языка взяли?

Извечное женское любопытство както подбадривает ее. Даже глаза заблестели.

- Ну, по правде, это меня взяли. Морф ни черта не ручной, сам себе на уме. Ум, кстати, сохранился частью. Языка вроде как сейчас допрашивают. Но это потом расскажу. Что с вами случилось?

- Мы за вами вернулись. Тут нас полкан и припахал. Пока вас искали - началось. Хочешь - не хочешь, а пришлось присоединиться. Ребята хотели слинять под шумок, но я отговорила - думала же, что вы там гдето, да и раненые вполне могли появиться - стрелятьто по нам стреляли.

Правда недолго - там этот бешеный майор из своей пушки раздолбал все, да и из крупняков добавили. Что ему подозрительным показалось, то и снес, так что стрелять по нам перестали очень скоро.

- А чего автоматчики палили?

- Да сдуру и для куража. Целей для них не было. Стенку - забор то есть, повалили добротнo, въехали на территорию завода. Покойный полкан не дурак был - там, откуда мы вперлись - пустырь, по следам похоже чтото вроде обкаточного полигона. Бронетехники стоит - чертова куча, рядами. Но это по краям поля. Да, доехали до корпусов - цеха, что ли. Народ внутри, как услышал стрельбу, так и завопил. Наша маталыга, когда подъехала поближе - там уже из одного цеха люди валом валили через распахнутые ворота. Полкан, герой этакий, ворота второго цеха сам открыл. Без ансамбля... Вот оттуда и выскочило несколько десятков шустриков - и людей и зомбак вперемешку. И с ходу - прямо в толпу, там же и солдатики и спасенные - все в куче были. Мы и охнуть не успели, а начались хлопки - и дымки такие. Это ктото умный подрывные заряды подорвал. Снесло ворота и куски стен, двери там разные. Все нараспашку! Ворота у соседнего цеха прямо на толпу положило - это у меня и сейчас перед глазами стоит. Кто уж оттуда выбегал - я не видела. Хорошо, из наших никто далеко от машины отойти не успел. Лопоухого этого считай за уши на броню втянули. Рев и вой - ну да их и тут слышали. И побежали. Кто как мог. Наперегонки с шустерами. Кто сообразил - те откатывались назад, откуда мы пришли, а у кого ума не хватило - пошли врассыпную.

- А техникуто как потеряли?

- Так очень просто. Мы ж героипобедители. И люки открытые и водилы повылезали. Там же такое творилось. Еще хуже б было, но опомнились - поле всетаки помогло сильно.

- Много живых положили?

- Много. Слишком много. Но человек триста - четыреста вывели. А потом разругались - один танк прямо с разворота уехал и часть другой брони тоже. Правда вроде как кого-то из беженцев и они взяли. Ну а нас майор в кучу собрал, подождали, может еще кто выбратся сможет, постреляли тех зомби, которые из пролома лезли - и сюда подались.

- А что за майорто?

- Танкист. Вы его не видели - он за водилу был в том танке, на который диверсанты напали. Думаете у срочника хватило бы сообразительности снести диверсантов с брони в дом вкатившись? Он же их группу одним махом ополовинил.

- Ну, это я понимаю, если б танк захватили - плохо бы вышло.

- Куда хуже! При небольшом везении они бы раздолбали второй танк - а потом разнесли бы всю группу на клочки без большой напряги. Против танка не прыгнешь. И почти им удалось. Экипажто они втихую сняли, никто не заметил ничего, только на майоре зубы поломали.

- А вы это уже рассказали?

- Да, спрашивали. Боюсь не решатся наши лезть. Там и просто фугасы могут быть, не только отсечка ворот. Хотя мне показалось, что и дальше люди кричали - не во всех цехах мертвяки. Но их не кормили три дня, сколько продержатся - сказать трудно.

- А паренек этот. Санинструктор?

- Он рядом с полканом был. Все время. И у ворот наверное тоже.

- Жаль, если погиб. Толковый парень был.

- Да всех жаль. Ладно, пора идти сумки пополнить - у Николаича заначка была. Так что у васто было? Это правда, что морф говорить может? Действительно говорит?

Мы успеваем набить сумки, когда пищит вызов рации.

Сбор группы.

Все таки мы будем сегодня атаковать.

Успеваю мельком глянуть на майоратанкиста. Физиономия у него в грубых складках и весь он как мельник в белой пыли. Упертый мужик, сразу видно.

Сбор нашей группы там, где в яме сидит Мутабор. Наскоро прощаюсь с Надеждой - както так получилось, что нас двое осталось медиков - те приданные сестрички застряли с беженцами.

Надя с той самой маталыгой идет в бронегруппе. Они опять попрутся тем же маршрутом. С максимумом шума и треска, отвлекая на себя зомби и внимание противника. А мы - и часть кронштадтских - тихо и неприметно полезем через ту дыру, где остался раскуроченный джип. Потом разделимся - и будем действовать по обстановке.

Вовка еще успевает сказать мне, что над нами болтается самолетик - разведчик и что именно он навел пару вертолетов на колонну, выехавшую с завода как раз во время штурма. Откуда взялись вертолеты, Вовка не знает, но наличие такой поддержки радует. Впрочем сам Вовка скептически относится к воздушной поддержке.

- Э, танки гонять они горазды. А когда на кого морф напрыгнет - толкуто от вертолетов. На крышах если кто и сидел - так танкисты посшибали.

Морф сидит довольный. На морде его это написано.

Меня удивляет, что и его хозяин не имеет новых видимых повреждений.

Парочка допрашивавших о чемто толкует с сапером, Николаичем и мешковатым моряком. Впрочем, Николаич скоро отделяется от остальных - ну да, он же весь разговор слышал уже.

Перед постановкой боевой задачи успеваю его спросить - как это так допрашивали, что никаких переломов и выбитых зубов?

Николаич неподдельно удивляется.

- Это у журналюг в бреднях бьют - колотят при допросах. На деле такое неэффективно. А эти ребятки - не журноламеры, а профи. Они его на старый трюк взяли. Еще в Варшаве эсэсовцы отметили, что перед смертью люди любят сделать другим гадость. Как же так - моя семья погибнет! А соседи спрятались лучше - и спасутся? А вот не бывать этому! Вылезай Василий Иванович, нас предали! Психология - это сила. А кости ломать - глупо и бесполезно. Для тупых работа, получается так.

- А Мутабор как к этому отнесся?

- Получается так, что с пониманием. Он ведь опасался, что его пристрелят. Что его хозяин нужнее для нас, чем он. А сейчас, когда виви... ну короче этот выкидыш все изложил - получается, что опасения беспочвенны.

- А если наврал? И небеспочвенны?

- Знаете, доктор, мне вот кажется, что при штурме амбуланса эта хрень для стуканья током может поломаться. Вещь нежная, хрупкая... Так что проверить данные время хватит. Ну а насчет почвы... вы мое мнение знаете. Если б не вместе идти - не знаю, срослось бы. Да, кстати, а у вас случаем нет этого, как его, Женевского что ли, симптома?

- Стокгольмского синдрома?

- А, одна геометрия. Вы поняли.

- Ну, чего нет, того нет. Мне знаете чужда ситуационная каузальная атрибуция. Но мне

его жаль - по причине того, что он лекарь, что отказался помогать этой гниде, что подозреваю по поводу пришитых ручек - от его родни эти ручонки... Пожалуй и то, что этот садист - действительно недоучка и помирать от такого - особенно обидно. Да собственно захватилто меня садист, а освободил как раз морф.

- Ну смотрите. Не знаю, как с атрибуцией, но лекарь - помер. Может вы и правы и с морфом можно как с няней детей оставлять. А может и нельзя. Вот я думаю, что нельзя.

И буду так думать, пока не возникнет веских доказательств обратного. Ладно, идите каску ему поменяйте. Скажите, что силуэт одинаковый должен быть у всех. А то не ровен час за чужака примет кто.

- Последний вопрос разрешите?

- Валяйте.

- Валяю. Что насчет вивисектора решили.

- Получается так, что в расход. Решили отработать производство разумного морфа.

- А в Кронштадт для допроса забирать не будут?

- Зачем? Языки бывают короткие, одноразовые. Бывают длинные. Как вы любите аллегории приводить - вот фельдмаршала Паулюса взяли - так его рассказов на десять лет хватило. И все - польза. А вместе с ним взяли кучу румын. И всей информации с этой кучи - на пять минут разговора. Так что с вашего героя Шахерезады не вышло. Самомнение колоссальное, а на деле - даже не начмед - так, полулекарь, полупалач на побегушках. Знает мало, все уже рассказал по два раза. Не сатана, а - мелкий бес. Рассчитывал подняться как повелитель морфов. Ну и поднялся. Что вас так его судьба волнует?

- Боялся, что комунито в голову придет его отвезти в город и там судить и потом скажем показательно повесить...

- Получается, что не хотите правосудия и справедливой казни?

- Знаете, правосудие хорошо до определенной черты. Мне кажется есть ряд случаев настолько вопиющих, что в УК такого не может быть предусмотрено. И даже вешать в таких случаях - несправедливо. Слишком легкое наказание.

- Получается так - вот вам и флаг в руки, и барабан на шею. Дерзайте. А мы глаза прикроем. Только вот беда - легко увлечься в этом деле - и встать на одну полку с казнимым негодяем. И переплюнуть его в негодяйстве и бесчеловечности. Учтите, доктор Линч.

- Учту.

Мы начинаем выдвигаться через полчаса после того, как на другом конце завода снова защелкали выстрелы. Нашу команду выпихнули в авангард. Николаич это съел без всякого удовольствия. Правда нас усилили - саперами и несколькими водолазами. Я здорово обрадовался, узнав среди них своего приятеля - грека Филиппа, рыжеватого с такими простодушнонаивными глазенками на продувной роже с перебитым носом, что любому понятно - тот еще жучара этот парень. Как он ухитрился водолазить несмотря на битый нос - а я так помню, вроде это для их братии абсолютное противопоказание к профессии - одному богу ведомо.

Хотя, как любил говорить сам Филя: «Хохла обманет цыган, цыгана обманет еврей, еврея обманет армянин, армянина обманет грек. Грека же обманет только черт, да и то если ему Бог поможет».

Рыжий тоже обрадовался. Кончится операция - надо будет пообщаться.

Пока тихонько подбираемся к той самой дыре в заборе. Мутабор четко ведет, идет вторым - рядом с ним Серега с пулеметом. Ну а мы - следом. Гений чтото скис - его поручили заботам пары самых нерасторопных водолазеров. Идут в хвосте. А я опять - замыкаю.

По приказу - полное радиомолчание. За весь день вроде никаких переговоров у противника не услышано, но тут перестраховка - пока в драку не влезем - разумна.

До забора подбираемся без особых хлопот. Единственно, попадаетеся пара зомби - девчонка лет семи, залитая кровью с головы до ног, да паренексолдат, тоже как покрашенный. Только лицо чистое, а ниже - как из ведра окатили. Обоих щелкает из

бесшумки сапер.

Мутабор исчезает в проломе, мы распространяемся справа и слева от развороченного джипа. Мне на него страшно смотреть - непонятно, как мы уцелели, он весь в дырах.

Николаич, не удержавшись, забирает с мертвого солдата рожки, густо заляпанные кровью. Потом тихо, явно по следам проходит по местности, поднимает калаш. Пристраивается рядом со мной - показывает автомат.

Ну, ничего особенного - АКМ, как АКМ. Только ручка разве что както не на месте. Николаич довольно ловко разбирает агрегат, распахивая детали в разгрузку и по карманам. Ну да, заело автомат - гильза осталась в патроннике.

Мутабор еще не вернулся. Николаич аккуратно вышибает гильзу, показывает мне:

- В крови патрон был. А кровь прикипает намертво, запомните. Хуже любой грязи.

- Старшой, нам что, автоматов мало?

На мой шепот Николаич так же шепотом отвечает:

- Запас карман не трет и денег не просит. Тут, вы говорили, еще одна «Канарейка» должна валяться. Где?

- Там.

Неугомонный Николаич бесшумно ускользает в направлении моего пальца. Ну, точно, у него в роду казаки должны быть. Те тоже ходить умели бесшумно и ради трофея готовы были головой рисковать.

Сергей косит на Старшого глазом. Старшой ищет недолго - вскоре возвращается обратно с гонорейкой. Но теперьто я вижу, что это опять самодельный эрзац, хоть и с гранатометом.

Николаич морщится, потом аккуратно прячет оба трофея в куче мусора и бурьяна у забора.

Всетаки мы вздрагиваем, когда силуэт Мутабора выныривает изза контейнеров.

- Противник? - тихо спрашивает Николаич.

- Хоссуссвие - так же тихо отвечает морф.

- Раз хоссусвие - двигаемся! - шепотом прокатывается по цепочке.

Группа сторожко крадется вперед между контейнеров. Синие контейнеры, мы на их фоне видны наверно за километр. Пару раз мельком вижу кран - там в прошлый раз Ильяс видел блики словно от бинокля. Догоняю Ильяса, на ухо говорю ему: «Наблюдатель на кране». Ильяс почемуто отмахивается. Словно я ему прошлогоднюю газету взялся читать. Возвращаюсь в хвост, пропуская перед собой всех.

У соседей пальба идет и идет. Правда танк больше не бахал. Несколько раз даданили короткими пулеметы. И помоему - они продвигаются.

Нам никто не мешает. Поэтому следом за нами, но уклоняясь вправо идет еще большая группа - с Севастьяновым во главе.

А еще за ними «крадется на цыпочках» БТР с Вовкой.

И если мы вляпаемся и не передохнем в один момент, Вовка тут как тут будет. Обещал. Летюха же со своими маталыгами - наш резерв. Хотя жидкий резервто.

Мне както муторно. Сало от тушенки словно застряло на полдороге. Но я понимаю, что дело не в сале. По любому расклад мне не нравится. Не нравится встревоженный Николаич, не нравится морф, не нравится вивисектор, которому замотали морду скотчем. Чтоб не заорал - как тогда из джипа. Мне не нравится, что тут несколько тысяч зомби. Которые могут высыпать горохом из аккуратно срезанных взрывчаткой ворот и дверей. Если тут не зомби, а беженцы - тоже та еще песня - одновременно оказывать помощь куче изможденных людей - та еще радость. У нас здесь нет ни еды, ни воды, ни одежды. Я доложил об этом всем, кто имел к этому отношение, но что уж там выйдет - не знаю. Живые правда куда лучше, чем зомби.

Странное безлюдье. Один зомби только и попался - худая косматая полуодетая женщина. На нас она внимания не обратила - пыталась дотянуться до какойто странной фигни, свисавшей с плоской крыши домика, мимо которого нам пришлось проходить. Фигня

при ближайшем рассмотрении оказалось рукой в рукаве камуфляжа - видно кого-то разнесло на крыше - вот оно и повисло на пропитанных кровью тряпках.

Второй раз результат действия крупнокалиберного пулемета попался, когда мы вдоль длинного ряда корпусов от БТР добрались до того самого крана.

Под кабиной крана уже натекло вишневого желе. Ильяс на секунду отвлекся - шепнул: «Кабина saniрована еще раньше из КПВТ. А наблюдатель - точно был. Вон как протек, сучара.»

Саперы нашли какие-то проводки, шедшие с крана - и бормотнув: «И чему нас учили в разведке? Как провод увидел - перерезал!» - тут же выполнили заученное.

А я получаю локтем в бок от Фильки.

- Не расслабляйся, медицина! Жопой чую - что-то будет!

Двигаемся дальше.

В этот момент из-за угла цеха на нас рысцой выбегает несколько человек с румяным ментом во главе - он в форме и даже в фуражке, что странно вообще.

Я не успеваю толком удивиться, а Серега присев коряво, но пружинисто на полусогнутых ногах лепит перед собой длиннющей очередь на всю колобаху. Вижу, что только один из выскочивших успевает метнуться обратно, остальные валятся под струей пуль. Кроме мента, который, словно задумавшись, стоит столбиком. А потом неуловимым движением свинчивается вокруг своей оси, вертикально оседая на землю. Из-за угла огрызается автомат. Несколько очередей с нашей стороны дробят бетонную стенку. Озираюсь - наши уже позанимали укрытия. Быстро пристраиваюсь за какой-то железкой - держать заднюю полусферу. Все равно толку от меня, ротозея, больше нету. Несколько раз мне мерещится что-тодвигающееся - но ничего толком не замечаю.

Разве что вижу, что взлетает совсем рядом несколько ракет. Но это не наши ракеты. Я таких раньше не видел.

Сбоку кто-то знакомым голосом кричит: «Не стрелять, свои!»

- Эй, давай подходи, медленно! Кто?

- Свои!

Из-за пустых корпусов аккуратно высовывается лопоухая голова. Машет каской. Убдившись, что все в порядке - вылезает и сам Рукокрыл. За ним пацан такого же возраста - тот, кто за угол шмыгнул, а потом Саша да Мутабор. Языка словили. Пока языка вяжут и присоединяют к вивисектору, Николаич вполголоса читает мальчишкам нотацию за сумасбродное убежание вслед рванувшему Мутабору. Онто первым кинулся, чтоб зайти с другой стороны цеха. А сапер добавляет от себя:

- Какой простофиля сигналки зацепил?

- Это он - Мутабор.

- Под ноги смотрите, разгильдяи, тут, кроме растяжек от сигналок, и мины могут быть. Ясно? Это ко всем относится. Мутабор!

- Ы?

- Ноги. Проволока. Мины. Внимание.

Несмотря на усилия сапера морф явно ни черта не понял. Либо и раньше в военном деле не разбирался (выбивать оружие из чужих рук - невелика хитрость, когда не боишься попасть под выстрел и силы много) - либо все же мозг сильно покалечен. Лезем дальше.

Четко слышу - отвлекающая группа явно продвигается по отношению к нам. Со стороны тех, кто пошел с инженером - тихо. А в паре цехов, мимо которых мы прошли - какие-то звуки вроде плача, гудение какое-то. У меня так гудело осиное гнездо, которое осы устроили прямо в стенке дачи.

Сапер тихо и аккуратно со своими товарищами всякий раз осматривает ворота и двери. И помоему - мрачнеет. А Николаич еще больше мрачнеет, заметив в нескольких местах видеокamеры. Черт их знает - то ли заводские их повесили - дуры здоровые, старомодные, то ли уже поздние хозяева. Да полюбому - если есть центр наблюдения - то неважно, кто установил камеры. Важно - кто смотрит на то, что они показывают. Может уже пальчик

шаловливый тянется к кнопочке - и нам тут насыплется шустрых гостей с зубами. Ворота - вот они - рядом. И за этими воротами - тихо. Лучше б гудело.

Николаич нарушает радиомолчание. Долго общается с группой Севастьянова, переспрашивает. Да, есть тут хитрый домик. Причем не один - два. К основному и идет та группа.

А второй - совсем рядом с нами.

Оттуда видно и бежала группа, попавшая нам под стволы.

Двигаемся быстро - следы пробежавших видны отчетливо на ноздреватом крупитчатом снежке.

Сапер подтянулся в голову нашей жиденькой колонны, мы посматриваем по верхам и сторонам, а вот он идет, уткнувшись носом в землю. Я так думаю, что не его одного встревожило использование взрывчатки врагом - значит есть у людоедов спец по этим делам. А мин наделать - а тем более поставить, если есть запасец - дело куда более простое, чем подготовить заряды для одновременного открывания дороги для шустров.

Выбрались удачно, никто по нам не стрелял.

На разведку опять настропалили Мутабора.

Тот недоволен, но идет.

Только заворачивает за угол - бахает выстрел. Из пистолета.

Мутабор возвращается тут же - спиной вперед.

Тихо.

Мне машут руками. Подтягиваюсь поближе. Рана у Мутабора странная - из дыры в растоптанном башмаке торчат лохмотья, куски тканей и битые косточки. Еще и дымок идет - прям как в кинокомедиях.

- Выстрел?

- Хемхааа...

Новое дело.

- Это он о чем, а?

- Земля говорит.

- Ясно. Эй! По цепочке - не топтаться! Стоять, где ноги поставил! - тихо, но очень убедительно рывкает сапер.

- Что случилось!

- Ногами не топчите! Стой, где стоишь. Мины!

Высовывает зеркальце за угол. Я тем временем собираюсь перевязывать простреленную ногу, тяну бинт, но морф тыкает лапой себе в бок. Там уже на его хламиде давно подсохли потеки жижи - и это явно входные дырки от пуль. Ладно, не будем перевязывать. Да он и не хромает фактически. Это человек живой с такой дыркой в стопе уже бы лежал на спине и выл от боли.

Ждем. Сапер тем временем вытягивает небольшой металлодетектор на длинном стержне из своего объемного рюкзака. Чтото знаками показывает своим коллегам. Те аккуратно присоединяются к нему.

- Вот еще этого говна не хватало. Прямо война настоящая - замечает Серега.

Мы страхуем саперов, работающих в проулке между домами. Была мысль подобраться к объекту с тыла - вот и навались.

- Ладно, двинули по следам! - предлагает Сергей.

- Отставить! Сейчас всякого дерьмища наизобретали, вполне могли путь отхода прикрыть парой сюрпризов.

Серега смотрит на Николаича.

- Похоже, не успеть им было - шустро бежали больно.

- Получается так, что за ними никто не гнался, планово отходили. А ты не отвлекайся - посматривай. И ко всем это относится.

Николаич вылезает в эфир, сообщая, что возможно - установка противопехоток.

А саперы вскоре вызывают нашу группу - на снегу валяются какието небольшие узкие

цилиндры. Сроду таких не видал. Но брать в руки и рассматривать - не тянет.

Здание покинуто. Наши ангелыхранители находят пару растяжек в самых неожиданных местах. А пункт наблюдения здесь был. Только все разгромлено вдребезги.

Причем совсем недавно.

Как стадо бабуинов порезвилось. Даже стулья поломаны.

- Это - хорошо - удовлетворенно замечает сапер.

- С чего это - хорошо - удивляется Саша.

- С того, мил человек, что если б тут все было в рабочем состоянии, то не ровен час тут же была бы и фугасина с замедлением. Хорошо припрятанная. Которую хрен найдешь и хрен обезвредишь. Дедушка меня еще учил - что самое вкусное на войне - вполне себе будет заминировано.

- Что - тоже сапер был?

- Артиллерист. На дальнбоях. Взяли Лугу - устроились с комфортом в хорошем двухэтажном доме. Самый уцелевший дом был, остальные гансы пожгли при отходе. Ночью и бумкнуло. Был дивизион - и нет дивизиона. Деду повезло, что в карауле оказался. Оглох только и кровь носом шла. Как раз когда немного позавидовал приятелям. Которые в тепле спали.

- А что это за мины такие странные? Я таких раньше не видел. Чтото новенькое?

- Не. Хорошо забытое старенькое. Васек, это ПМП?

- Ага. - не оборачиваясь буркает его небритый приятель, рассматривающий в этот момент сваленные грудой битые мониторы.

- Проще говоря - это и не мина даже. Это самострел простейший с пистолетным патроном. Дешево и сердито. Однако рассиживаться нам не надо.

- Получается так, что двигаем. Броня к забору вышла.

Мы еще только спускаемся вниз, когда у соседей - тех, что с Севастьяновым пошли, вспыхивает стрельба.

Что самое странное - четко слышно, что работает крупнокалиберник. И работает, приближаясь к нам.

- Занять оборону! Не высовываться! - кричит Николаич.

Не успев подумать, оказываюсь на втором этаже - там, где мониторы со стульями. Рядом Саша. Конопатый водолаз с гением. А остальные кудато делись.

Осторожненько высовываюсь в окно.

Задом наперед к нам в гости выкатывается БТР. До него метров сто. На броне за башней лежит десант - человека три. Лупит агрегат туда, откуда приехал. Оттуда вроде бы постреливают из калашей.

Прежде чем успеваю подумать - Саша лепит короткими очередями по броннику.

Скорее даже по десанту.

Это он зря.

БТР резко поворачивается, подпрыгнув на рельсах, десант на броне встряхивает и крайний ватной куклой сваливается вниз. Зря Саша стрелял. Люди на броне были уже мертвы, это ясно видно, как понеживому, словно манекены, их тряхнуло.

А вот стрелок в башенке лупит теперь по нам.

Времени хватает только вякнуть «Ложись!» и повалиться на грязный пол. Замечаю, что держу за рукав лежащего рядом Сашу, видно успел непроизвольно дернуть. А над нами из стенки выхлестывают фонтаны битого кирпича. Комната в момент заполняется едучей краснобелой пылью, зависшей в воздухе. Чувствую, как вздрагивает стенка, когда ее прошибают пули.

Сейчас снизит прицел и будет тут фарш...

Второй очереди по нам не прилетает.

Пулемет продолжает бить, но уже не по нам, а меня черт дергает глянуть в дыру от пули (ничего такая дырочка, кулак пролезет).

Как раз в рамке битого кирпича вижу сценку - с тыла к БТР подлетает вертолет и

совершенно шутя показывает в реальности старую поговорку про бога и черепаху. Опять достается лежащим на броне, от БТР что-то отлетает, он окутывается легким дымком, дергает назад и упирается кормой в стенку...

Что-то орет Николаич снизу - но вроде не нам.

Из БТР выкатывается несколько человек, последний, хромающий и скособоченный, валится, не пройдя и нескольких шагов, вокруг него начинает брызгать чернобелыми дрызгами наст. До меня доходит, что это пули клюют мерзлую землю. Куда делись остальные из подбитой машины - не вижу. Но высовываться в окно уже все равно не тянет. Винтотряс заинтересованно уваливает в сторону - причем в этот момент он до удивления напоминает мышкующую лису.

Все.

Трескотня выстрелов продолжается.

У Саши пищит рация.

Неловко вытягивает ее из разгрузки.

- Живы?

- Живы.

Мыто живы. А вот рация моя хрупнула. Тото больно было падать - шмякнулся я от души, с размаху. Аж каска по стенке скрежетнула.

Николаичу некогда, поэтому нотация за самовольную и бесполезную стрельбу короткая.

Да мы и сами поняли, что сморозили глупость.

Потом получаем от Вовки.

Вовка не церемонясь выкладывает Саше все, что думает.

Оказывается, Саша сорвал ему охоту. БТР из нашего прикрытия и впрямь крался на цыпочках буквально сзади и получив приказ Николаича бодро сунулся с другой стороны здания, чтобы аккуратно выйти чужому бронезавру сбоку и сзади. Чувак за пулеметами гарантировал, что вырубит только водителя и стрелка и нам достанется четкий трофей, куда лучше пахнувший, чем «Найденыш». А тут как-то придурки начали из своих пуклоков пердеть, чужак развернулся, заметил вылезающего из угла Вовку и вдул, хорошо Вовка - гигант и самородок - дернул назад так шустро, что колеса с аж дымом провернулись.

А теперь после винтотряса - черт его знает, что там с БТР. Корпусовто тут на заводе и так сотни три.

Странно, но вид дыр в стене так на меня повлиял, что когда мы спускаемся вниз, Николаич воздерживается от нравоучений.

- Ближко прошло?

- А что, заметно?

- Получается так - еще как заметно. Вы бы хоть отряхнулись. В пылице, как мельник. Да и мордасами побледнели. Голова не кружится?

- Ну, да, близко. Не успели бы залечь - поймали бы. А с головой - все в порядке.

- Ага, там же кость, чему там болеть. Вроде - все. Негусто тут сил противника было.

- Что - две группы и все?

- Три. Одну на подступах емельяненки раскромсали.

- Какие емельяненки?

- Позывной у вертолетчиков «Емельяненко».

- Гм... А откуда эти вертолеты и кто такой этот Емельяненко?

- Вертолеты - гвардполк под Приморском. А Емельяненко - что, действительно не знаете?

- Не знаю.

- Бои без правил. Чемпион. Красиво ведет бой, помужски. Бьет метко - редко, противники потом не встают. Да и братан его - тоже кремень. Видно командир у них - поклонник.

- Ну да, видел как БТР они уделали.

- Что за ребячество! Делать больше нечего - под прицелом в окно высовываться!
- Ну я не в окно - я в дырку от пули...
- Глупость! А еще бы раз вlepили?
- Не, они по Вовке уже лупили.
- Вот же олухи царя небесного! Хороши! Счастье, что у людоедов за пулеметами нучок сидел...

- Николаич, честно, выводы мы сделали.

- Да уж, хотелось бы верить.

Вовка возвращается расстроенный. Опять напускается на Сашу и его с трудом успокаивают. Решает все Серега, заявивший, что не факт - кто бы в кого попал - пулеметчик Вовкиного БТР или его противник.

- Парень божился, что попадет!

- Похоже, тебе девушкой бы родиться, Вовик. - иронично заявляет Серега.

- С чего это девушкой? - ерепенится Вовка.

- А клятвам веришь. Детский сад, штаны на лямках! С первой очереди поймать в проекции стрелка и водятла - это тебе не баранку крутить! Я и то бы клясться не стал на встречных курсах. А ты уши похоже развесил, как маленький. Честно слово.

- Все равно обидно до усрачки!

- Что, все вдрызг?

- Ну не все. Но ремонта там до Евгении Марковны!

- Это кто такая - покупается наивный Саша.

Вовка, несмотря на свой незначительный рост, ухитряется глянуть на более высокого Сашу сверху вниз:

- Это - Бенина мама!

- А Бенька кто такой - продолжает тупить Саша. Все невольно прыскают.

- Ну это эвфемизм называется. Типа елкина хвоста или ешкина кота. - пытаюсь я спасти положение.

Ребята начинают откровенно ржать. Напряжение боя отпустило, накатила расслабуха. Саша смущается.

- Ты б Вовик все ж поконкретнее. Мытьто там много, это ясно, а по железу что?

- Двигло цело. А пулеметы гавкнулись. Патроны я правда помылил - вон в сумке.

- Не побоялся, что кто тяпнет?

- Рагу не кусается. А там - рагу. Кто мог - удрал.

- Охотнички, пойдемка пройдемся - заявляет пришедший с улицы сапер.

- А что?

- Арифметика. Было три группы. Одна попала вертолетам на зубы за заводом, в лесу. Вторая - вон стоит и лежит. А третью мы по дороге подловили, в пешем строю. Это что значит?

- Получается так, что тут гдето еще БТР стоит исправный и заправленный.

- И мы знаем - где.

- Язык рассказал?

- Ага. Полезный язычок попался.

- Это хорошо, когда полезный.

Наш язык, который не Шахерезада никоим разом, начинает мычать и возить ногами по грязному полу. Мутабор заинтересованно смотрит на него, потом поднимает зубастую харю:

- Хессих! Фффреффя!

- Мины. Очистка - спокойно отвечает сапер.

- Ххеррня! - коронным словом опровергает морф, показывая свою дырявую лапу.

- Проблема - так же невозмутимо парирует сапер показывая свой целый сапожище.

Мутабор както съезживается и отворачивается.

- Так, тут кого оставляем?

- Этих двоих, доктора - и Саша пусть тоже тут будет на связи. Лекарь ухитрился рацию

раздавить.

- Интересно как?

- Ну, умеючи можно и член сломать.

- Тоже верно. Тогда от нас - тоже язык и в усиление два человека. Все, двинули, а то обскажут.

Второй язык - тот, кого удалось взять единственного из выбежавшей нам навстречу группы - старается забиться подальше от морфа. Его конвой - а наше усиление, располагается у двери, недвусмысленно взяв на прицел вход - мало ли кто явится. Старший из них - седой полноватый мужик глазами показывает Саше на морфа, держи его, дескать. Саша перемещает ствол автомата.

Морф этого не замечает, помоему. Он вытащил изпод пальто детские ручки и сидит, поглаживает их своими лапами. Помоему он задумался, если можно такое сказать про эту страхолюдину. И то, как он поглаживает эти детские мертвые ручонки, приштопанные к его груди - както сильно действует на меня. Бывают такие моменты, когда словами и не объяснишь, что почувствовал. Глупо получится. Или фальшиво. Только после этого подругому себя ведешь.

На Пулковских у найденного нами в осыпавшемся блиндаже бойца - с молодыми крепкими зубами - нашли копеечное круглое зеркальце. Такие продавались перед войной и мы встречали их часто - сантиметров восемь в диаметре, стекляшка сзади защищает зеркальный слой, под стекляшкой - какая нибудь картинка, а скреплено все жестяной рамочкой. Боров перед тем, как выкинуть эту фигню в отвал, просто по привычке теранул пальцем, а потом махнул нам рукой. Зеркало уже все съелось, а вот с обратной стороны оказалось с тремя маленькими фото на обороте под стеклышком - мужчина в железнодорожной тужурке, женщина в платочке и молоденькая симпатичная девчонка в пилотке.

А кроме вязаных шерстяных носков, прокрасивших кости голеней синим цветом, да горстки пуговиц, больше ничего и не было у бойца. Так и не поняли - тогда я еще понятия не имел, как определять принадлежность скелета к мужскому или женскому типу - была эта девчонка с фото или ее дружок.

Мы после этого и нескольких подобных случаев копать стали только немецкие окопы. Совпало както... И у моих родителей, тщательно выкидывавших все копаное добро - тоже рука не поднялась выбросить это зеркальце... Так и долежало. Сейчас оно в музее кафедры судебной медицины института.

Вот и ручки эти... Тоже... Как тот скелет с зеркальцем и носками домашней вязки...

Тем временем к нам прибегает связистботан. Командир группы требует саперов, чтоб они обеспечили безопасность на территории - в принципе сейчас понятнее в каких корпусах люди, а в каких пусто или зомби. Опасение, что опять повторится выпуск зомби в толпу освобожденных - не исчезло.

Для начала седоватый сапер делает ботану внушение за беготню. В ящике этих мин 96 штук. Сняли два десятка, так что еще штук семьдесят вполне могут быть в деле. Это пункт раз. Пункт два - сейчас идет поиск пультов. Потому как - пункт три - то, что саперы видели - явно предназначено для радиоуправляемой системы взрывов. Найдется пульт - пункт четыре - можно будет ворота открывать. Но - пункт пять - еще глянуть надо - где тут мины стоять могут. А до этого желательно - пункт шесть - не бегать как очумелым кошкам.

Пока сапер внушительно рассказывает все это, Сашу неожиданно начинает колотить. Ботан удивленно смотрит на него.

- Эй, ты чего, а?

Саша вымученно улыбается - и сквозь зубы отвечает:

- Только сейчас до меня доперло, что случись что - а сейвато у меня нет.

Ботан понимающе улыбается.

- Жизнь глючная штука, но графика офигенная!

Ну, понятно. Тоже компьютерщик со стажем и, небось, болезнью пальцгеймера.

- Это по вам с бэтээра поливали? - с интересом спрашивает ботан.

Саша мотает головой, показывая вверх. Ботан неожиданно резво взбегаёт вверх по лесенке.

Возвращается немного обалделым.

- Крутански! Ну и дырищи! Так значит он вполне мог домик развалить?

- Ага.

- Здорово. Надо сходить сфотографироваться у бэтээра. Да, доктор - это вы?

- Ну, я.

- Петропавловка сообщила - у них там эпидемия началась.

- Погоди, какая эпидемия??

- С животами что-то.

- Стой бегать, тут бэтээров куча, снимать - не переснимать. Ты лучше про Петропавловку давай. Связь дать можешь?

- А чего нет. Могу.

Информация мало сказать странная - треть людей в Крепости банально поносит. То есть из них льётся. Струйкой. Как из дырявой грелки. Началось недавно, но вот обуревают сильно.

Ничего не понимаю.

Температуры нет.

Животы не болят.

Рвоты нет.

Обилия газов нет.

Спокойное состояние - просто льётся. Ручейком. Не отойти. И не уследить.

Не отравление явно. А с чего ж они дрищут так залихватски?

Связиста, что это излагает - я немного знаю - он все время в штабе, инвалид в кресле. Единственно, что он сообщает - Михайловские с вылазки привезли рыбу. Брали вроде в «Карусели». Добрались там до холодильника. Рыба была нормальная, вкусная.

Но рыбу ели почти все, а пробрало треть. Сам он уточнить не может по понятным причинам, а изза могучего дрездена настигшего кучу народа и послать узнать что да как - некого. В общем, гарнизон выбыл из строя. Настроения близкие к паническим.

Обещаю интенсивно подумать.

Начинаю это делать - и чувствую, что ничего не выходит. Мне такой спокойный понос никогда не встречался. И посоветоваться не с кем. Своему начальнику звонить - так он не гастроэнтеролог, да и некогда ему сейчас - сотни ознобленных да голодных...

Рыба. Ктото мне толковал, что он заядлый рыбак... Только б вспомнить.

Вспомнил - Семен Семеныч.

Теперь бы с ним связаться, да где его найти?

Тупо думаю на эту тему. Мысль ходит по кругу, как заключенный на прогулке.

Вполуха слушаю, как седоватый сапер негромко успокаивает Сашу:

- ... в боюто не страшно, крутишься как посоленный, думать некогда, а вот после боя..... Помню, взяли Гульрыпш, с грызунами договорились обменять пленных и мертвых, всех на всех. У нас было два десятка грузин и мегрелов. Наших у них - восемь трупов и пять живых. Мы подвезли своих пленных в БТРе к месту, грузины приехали на УРАЛе. Смотрим, а наши все мертвые. Восемь уже окоченевшие, а от пятерых еще пар идет (январь был). Были у нас связистки - Анна и Александра (наши русские девчонки), из Питера. У Анны грудей не было (отрезали), а Шуре загнали кол..... Мы увидели это и все...: Вытащили грузин из машины - и эршисен всех. Везде кровушка и парок над ней..... Ничего, это пройдет, скоро отпустит...

Решаю пойти по пути наименьшего сопротивления - запросить Николаича.

Саша удивляется - Семен Семеныч тоже у нас радиофицирован, связаться с ним можно.

И действительно - чудо Великого Маниту - певунрыбак скоро откликается.

Стараюсь внятно изложить ситуацию.

Он хмыкает и задает два вопроса:

1. Пил ли я когда касторку?
2. Не ели ли наши поноски масляную рыбу?

Касторку я не пил. Насчет рыбы...

Вообще я ее в продаже видел. Обещаю уточнить и ответить.

Инвалид в штабе говорит, что понятия не имеет, кто что ел - он в рыбах не разбирается. Рыба и рыба. Минут пять у него уходит на уточнения. Да, была масляная рыба. Макрель такая. Типа тунца.

Саша опять вызывает Семен Семеныча. Тот с некоторой ехидной замечает, что странно - доктор, а не в курсе. Масляная рыба так называется потому, что в ней именно жира до черта. Если ее не обработать, как положено - то этот жир срабатывает как стакан касторки. Принцип тот же.

Йопта! Я ж сам рекомендовал нашим по ложечке растительного масла пить для улучшения перистальтики. Ну а тут, при таком количестве жира... Тут перистальтика так улучшилась, что со свистом и песней, как скорым поездом... Даже название этого явления вспомнил - пищевая стеаторея. От животных жиров такого не бывает, а вот от жидких масел...

Искренне благодарю Семен Семеныча за науку.

Связываюсь с Крепостью. Ловлю себя на том, что говорю таким мерзким менторским профессорским тоном, но никак не остановиться. Рекомендую проверить наличие жира в поносе - каемочка жирная должна быть. Успокаиваю. Дескать угостились наши люди стакашом касторки. Ничего страшного. Главное - водичку восполнить потерянную. И соли.

Инвалид обещает все передать в точности.

Уф. Ну, с этим разобрались. Не забыть выручившему меня певуну что приятное сделать.

Кумпания вернулась быстро. На потрепанном бронетранспортере, как и рассчитывали. Железяка встала почти вплотную к двери и под понукания сапера и Николаича мы побыстрому покинули домик. Мутабор не мог объяснить, в каком из цехов располагалась лаборатория, поэтому особенно и не возбуждал, ожидая прибытия группы. Но сейчас, когда понял, что место медцентра стало известно и мы туда едем, опять стал проявлять нетерпение. Мне с трудом удалось отвертеться от соседства с ним и ехать на броне.

- Получается так, что у нас на все по все часполтора - устало и монотонно говорит Николаич.

- А что потом?

- Потом будет темно и людям в цехах придется терпеть еще одну ночь. Соваться разминировать наощупь - неинтересно. Саперы считают, что здесь хоть и не шибкий мастер сработал, но сюрпризы поганые будут.

Старшой переводит дух.

- Ну а пультыто нашли?

- Один. Разбитый вдрезг. У того румяного мента в кармане был. Не могли они без подстраховки действовать - должен быть дубликат. Они сволочи, но, к сожалению не глупцы.

- Может пока светло - глянуть на третью группу? Похоже у тех должен быть пульт. - замечает Серега, сидящий с другой стороны и слушающий нас.

- Мы туда и едем.

Вовкиным надеждам на трофейные БТР не суждено сбыться - это мы видим сразу, как только добираемся до места, где днем вертолеты вышли в атаку.

- Два бэтэра было и грузовик, похоже - говорит Сергей.

Глазастый! Я на этой свалке вижу задравший нос гроб БТР и кучу хлама.

От грузовика осталась куча рваного металлолома, на которую взгромоздился горелый БТР, словно на постамент. Странно он выглядит - характерные мощные шины сгорели, БТР теперь какойто убогий вид имеет. Второй бронетранспортер съехал с дороги и был накрыт

уже в лесу. С виду вроде - целый. Но это только с первого взгляда, через деревья. Просто большая разница с тем - который сгорел и стоит теперь чернобурой громадиной, почемуто с розовой подпалиной на боку... Воняет мерзкой смесью горелой резины, паленой шерсти, горелым железом - и жареным мясом. Последнее заставляет подумать, что пару дней мы с удовольствием будем лопать вегетарианскую пищу. Ну, кроме Вовки, пожалуй, его такие сантименты не трогают.

Ссыпаемся с брони.

- Осмотрительнее действовать! Руками не трогать ничего - пока сапер не глянет.

Ну, это они зря так перестраховываются, под вертолетом минысюрпризы ставить не станешь. Хотя - начальству виднее.

Вылезший Мутабор, оглядевшись и увидев, что мы в лесу, от досады грохает кулаком в борт привезшей нас железяки. Меня радует такое проявление человеческих привычек.

- Он злится - вполголоса замечает Саша.

- Нормальная заменная реакция. Когда хочется треснуть оппонента по морде, а вместо морды стучат по столу или стене. Лично меня это радует.

- С чего это?

- Подтверждение того, что он себя может контролировать.

Николаич взглядом показывает мне на злого морфа. Да я уже и сам поспешаю.

- Хессих! Фффреффя!

Ну вот, завел шарманку. Время... А кстати - сколько у нас времени? Вот морф - он вечен или нет? Это у него - бессмертие наконец или как?

- Мины. Сюрпризы. Надобность пульт поиск.

- Ы?

- Пульт. Управление. «Ленивка».

Морф немного успокаивается. Тычет опять пальцем в дырявый башмак.

- Возможность - фугас. Объем взрыв.

Дальше, пока мы ведем дискуссию, причем морф далеко переплывает самых упертых пациентов, которых я когдалибо видел, наши делают свое дело. У тех, кто был в сгоревшем БТР, пульт искать без толку - из люка на крыше торчит голова и плечи видимо водителя - сильно обгоревшие, черные, обугленное лицо с впадинами глазниц и с белым оскалом зубов, словно неряшливо сделанное экорше - видны мышцы, а кожа сгорела. Второй труп - голый, в ботинках, с вздутым животом я вижу у борта. Сначала подумал подсознательно, что негр - но просто прокоптило хорошо. И дальше чтото невнятное лежит в лохмотьях железа, но я уверен - там валяется третий. Их прожарило так, что не обратились даже. В нескольких местах еще и дымок идет.

Подошедший Николаич, покашляв, выдает:

- Мутабор! Поиск пульт. Раз, два, три, четыре, пять (тут он перед зубастой харей бестрепетно загибает пальцы) сволочь - отход лес. Просьба - помощь поиск.

Помоему морф слишком уж заинтересованно смотрит на шевелящиеся у его морды пальчики. Мало не облизывается. Но тем не менее переспрашивает в свойственной ему манере:

- Ы?

Николаич спокойно и терпеливо репетует.

Морф подозрительно смотрит на него.

Старшой выдерживает взгляд.

- Хессиххх?

- Подтверждение. Операция - взрыв фугаса - финита ля комедия. Нежелательность.

Николаич (вот чем дальше, тем больше мне не нравится, как он выглядит - вижу отчетливо, что держится из последних сил, скрутила его хворь почечная явно) замечает:

- Беглец с пультом - возврат к заводу - от забора сигнал - взрывы. Медпункт на воздух.

Медик на воздух. Мутабор на воздух. Пульт - безопасность.

- Хаа хоссухх?

Николаич изображает руками мало не взрыв сверхновой звезды, отчетливо выговаривая сероватыми губами: «бабах!»

Мутабор медленно кивает Старшому. Старшой кивает мне. Подходим ко второму БТР и я вижу, что он битый и драный, только почемуто не загорелся, хотя все вокруг в соляре, аж под ногами хлюпает. Вот меня всегда удивляло - почему как битая техника - так вокруг сразу помойка возникает - из какойто тряхомудии из салона, какихто железячек, раньше бывших на месте, а вот после обстрела валяющихся вокруг и прочего хлама...

Внутри машины - матюки и характерный металлический лязг - чтото наши орлы уже отвинчивают. А Серега показывает на кровавый след - словно волоклось что по насту - а потом - с другого бока БТРа - вероятное направление еще трех следов - в лесу снега оказалось больше - цепочки отметин от башмаков видны неплохо, даже я вижу, не то, что такой следопыт как Серый.

Делимся - по кровянке идет пара водолазов, а мы - по другим следам. Попытки убедить Мутабора в том, что ранение медика сведет на нет все начинание, не увенчиваются успехом. Очень скоро слышим сзади пару неторопливых выстрелов. Водолазы нашли объект.

- Пистолет, похоже, - говорит Сергей очевидную для всех вещь.

- Ага, - соглашается Саша.

Мы идем сбоку от следа, из опасения нарваться на растяжку.

Удравшие от БТР не помышляют вроде о мести - следы четко идут в направлении от завода. Не догоним. Пройдя еще пару километров, поворачиваемся назад.

Нас уже ждут. Битый агрегат - без пулеметов в башне - стоит на буксире за нашей тачанкой. Рассаживаемся и трогаемся назад.

На заводе неожиданно для нас царит оживление - прибыли еще пара групп из Кронштадта, совершенно неожиданно пригнали вояки три полевые кухни. И ПАК200 вижу - это такой грузовик с кухней в кузове, обычно офицерской. Шмотки стопками на насте - прямо вываливают из грузовиков. Мимо нас волокут на буксире ржавый остов БТР - без колес, прямо на брюхе.

- Ворота такими подпирают в тех местах, где никто не отозвался и есть шанс, что там зомби. Заодно утюгом таким разминирование идет - поясняет мне Старшой, когда мы вслед за седоватым сапером гуськом двигаем в направлении того самого «медпункта».

- А что, мины еще есть?

- Получается так - что да. И не только те самопалы.

Это паршиво.

Медпункт - небольшой домик. Ну, небольшой по сравнению с цехами завода, конечно. Там, кстати, все еще постреливают. Редко, одиночными - но все время.

Воспользовавшись тем, что Мутабор с сапером пошли обходить зданье, Старшой сдергивает с морды нашего пленника висектора полоску скотча и внятно спрашивает:

- Какиенибудь поганые сюрпризы в твоей норе есть? Предупредишь - вколю промедол. Если кто из моих ребят нарвется - я тебе сам все поотрезаю. И сам пришью. А режу и шью я медленно и херово. Ну?

- Да пошел ты!

От плевка Николаич уворачивается, да и плюнуть нашему пленному не вышло - слюна липкая и вязкая повисает на его подбородке.

- Как скажешь - и Николаич ловко лепит скотч на место.

Как раз к появлению изза угла сапера с Мутабором.

- У нас, похоже, гости.

Не торопясь оборачиваемся туда, куда смотрит сказавший эту фразу Сергей.

К нам идет трое человек. Одного я знаю - это тот майор танкист. Второго и третьего тем более - рядом с Надеждой Николаевной своей прыгающей походкой рассекает мой братец. Вот уж кого не ожидал тут сейчас увидеть.

- Сейчас майор начнет рык на тему - какого хрена мы тут копаемся.

- Или потребует нейтрализации Мутабора.

- Ну и не удивлюсь ни разу.

Здороваемся, майор представляется, Николаич в ответ представляет нас. Обходимся без рукопожатий, на нашего морфа майор смотрит както чересчур внимательно.

- Через полчаса саперы снимут мины с первого из цехов. По ориентировочным прикидкам там около двух тысяч человек. Медпункт будет нужен, а мне сказали, что вы его займете надолго с какойто странной целью. К тому же двое медиков в категоричной форме заявили, что отказываются что либо делать без команды вашего врача, хотя по моим данным - главным тут тот, который на берегу сейчас корячится.

- И вы хотите нас построить? - невинно вопрошает Николаич.

- Нет - совершенно неожиданно отвечает майор.

Николаич удивляется, причем искренне.

- Мне нужно разобраться, что тут у вас происходит? - майор неожиданно для своей грубоскладчатой физиономии широко улыбается.

И продолжает:

- А еще у меня ревматизм разыгрался и мне нужно бы подлечиться побыстрому.

- Вы уверены, что ревматизм? Может быть, просто артрит, или остеоартроз...

- Мне так сказали. С утра таблеток наелся, а сейчас опять мозжит.

- Вам вообще в больницу бы надо. Обоим, что характерно - вместе с нашим старшим.

- Ну да, разумеется. Начальство долой - и вы тут такое устроите... Давайте лучше насчет моих вопросов - что у вас тут и насчет таблеток. И, наверное, уколов - раньше меня кололи пенициллином в такой ситуации.

- Гм... Вроде был у меня ибупрофен.

- Мовалис лучше - влезает братец.

В итоге по второму пункту майор получает вожделенные таблетки и обещает при первой же возможности залечь в больницу. Говорит это он так искренне, что я ему сразу не верю.

- Знаете, «ревматизм лижет суставы»...

- «И кусает сердце». Знаю. Серьезно - закончим тут в общих чертах - с удовольствием залягу. Но вы с темы не съезжайте. Что вы тут собираетесь делать?

Забегать поперед батьки в пекло - нарушать субординацию. Выразительно смотрю на Николаича.

- В ходе сегодняшних мероприятий на нашу сторону перешел Мутабор. За его содействие и спасение жизни нашего доктора ему обещали некоторое воздействие на того, кто его собственно создал. Этим и собираемся заниматься.

- И что за воздействие?

- Многократное проведение реанимации и потом ампутация конечностей с вшиванием их в задницу.

- И зачем?

- Впервых, с целью установить - является ли экстренная ампутация укушенной зомби конечности спасением для укушенного - bravo заявляет Надежда Николаевна.

- Вовторых, с целью установить - можно ли таким образом продлить жизнь для умирающего человека - так же бодро добавляет братец.

Я чертовски умею владеть собой, и потому никто не заметил, насколько они оба меня удивили. Впору бы стоять с открытым ртом. Вот чего братецто приперся. Явно - как мы утром начали сообщать о четвероруком морфе - и дальше - Валентина за это дело четко ухватила. И впрямь - перспективы тут разворачиваются...

Интересно - тот старик с меланомой - согласился бы на такой эксперимент?

Майор некоторое время раздумывает, поглядывая на морфа.

Морф начинает слегка раскачиваться.

- Ясно. Давайте глянем на медпункт, да я сейчас сюда танк подгоню.

- Танкто зачем?

- На всякий случай - наш номинальный командир - этот полный морской офицер - в

Кронштадте потерял свою семью при нападении мутанта. А через полчаса вполне себе найдутся желающие из спасенных вырвать вашему соратнику зубы и кишки. Этот ваш инженер...

- Севастьянов?

- Он самый, Севастьянов - много чего рассказал... Так что такую возможность тоже сбрасывать со счета не стоит. Тем более - в плане раздача спасенным, способным носить оружие - патронов и ружей со склада - нашли тут такой складик.

Нашу беседу прерывает небольшой автобус, с грохотом врезающийся в здание медпункта. Саша и Мутабор чудом вывертываются изпод колес.

При виде вылезавшего из кабины водятла невозмутимый до этого момента майор меняется в лице и орет, явно не владея собой:

- Фетюк, летать-тулюсю, опять ты, чмо университетское!

Водител тут же бодро и стремительно кидается в направлении, откуда приехал.

Майор яростно сплевывает, плевков тяжело, словно свинцовый, прошибает наст - и помоему, даже еще шипит там, остывая.

Николаич окриком останавливает Сашу, намеревавшегося влечь в сторону удирающего очередь, Саша, ухватив за рукав хламиды, тормозит Мутабора.

- Это еще что за чудо в перьях? - ядовито осведомляется Старшой у майора.

Майор в ответ еще раз сплевывает.

- Дали мне этого коня педального в экипаж танка - когда диверсанты основной порезали. Дескать - вот, не боец, а сокровище, все знает. Все может... У меня выхода не было. Держится орлом, смотрит свысока, поговорили три минуты - так он мне пять раз по разным поводам заявил: «Вы не в теме!»

Ладно, я его поспрошал - вроде как чтото знает. Поехали. На третьем выстреле электроника крикнулась.

Слышу - возится там, пытит в башне. Спрашиваю - не отвечает. И второй - тоже из пехотных - помалкивает. Полезу смотреть. Сначала не понял ни черта - они там чтото перочинным ножом режут - наконец пригляделся - дошло, почему электроника сдохла.

Откуда-то в башне оказался старый валенок - так он у них в лючок для эвакуации поддонов от выстрелов упал - и его там зажало, вот они валенок этот тянут, а он не вылезает, зажевало его там...

Я этому олуху говорю, что делать - а он так свысока глянул и заявляет через губу: «Вы жалки!»

Я не утерпел, обернул его херами и погнал вон из машины. А он, оказывается, еще что учудил - свой автомат пристроил так, что тот провалился в конвейер подачи зарядов. Выдернули в конце концов автомат - а его помяло так, что затвор не передернешь. Вот что точно знаю - идти с такими ходячими авариями в бой - живым не вернешься. Это горе заднеприводное вернется - а все вокруг сдохнут.

Когда с завода выскочили - мне на глаза попался тот, кто мне этого Фетюка сосватал. Оказалось, что у них он тоже всем пыль в глаза пустил - а когда дело дошло до снаряжения магазинов - напихал в магазины для калашей макаровские патроны.

- Ну, вот это вы точно преувеличили!

- Ни на грамм. Автобус кстати - вот он стоит.

Автобус действительно стоит и под ним увеличивается темная лужа.

Сапер тем временем машет нам от двери. Чисто, можно заходить. Внутри темно и запашок совсем неуместный для медпункта - пахнет, черт его дери - ацетоном и мертвечиной. И еще одеколоном или духами - ну совсем как в море.

Сапер опять таки подсвечивает своей указкой впридачу к нашим фонарям. Выходим из коридорчика в помещение, толком не успеваю что-нибудь заметить кроме какойто мебели, как сзади меня сильно толкает кто-то. Отлетаю к стене, прямо передо мной возникает кучамала из нескольких человек.

Николаич не ввязывается в свалку. По его примеру пытаюсь охватить лучом фонаря

комнату. Совершенно неожиданно за кучей из возящихся людей вижу - совсем близко от них тянущего руки к куче зомби. Стрелять не могу - зацеплю когонибудь из дерущихся, дергаюсь вбок, сталкиваемся с Николаичем.

- Стойте, стойте! Оно на цепи. Не дотянется!

Ребята начинают подниматься с пола. Предпоследним встает Филя, от души навешивает пендаля по ребрам лежащему ничком голому вивисектору.

- Получается так, что надумал соскочить, фрукт.

- Ага. А еще и кого из нас бы тяпнула.

Филя добавляет лежащему по ребрам еще раз.

Теперь мы все смотрим на прикованного к стенке на цепь зомби.

Филя собирается по результату увиденного добавить по ребрам еще разик. Но я его останавливаю. Реанимацию проводить со сломанными ребрами сложно, а теперь я уверен, что буду заниматься реанимацией столько раз, сколько выдержит наш пленник.

Зомби, тупо пытающийся дотянуться до нас руками - девчонка лет одиннадцати. Голая, если не считать драных сетчатых чулок и какойто латексной фигни из БДСМ атрибутики. Лихо накрашена, но макияж смазан и на мертвом лице жутко смотрится.

А в остальном - обычный, голодный и тупой ходячий мертвец. Только вот в садомазо наряде я мертвецов не видал раньше.

Совсем рядом - буквально за стенкой - начинает знакомо както тарабанить движок. Ктото щелкает выключателем - вспыхивают лампочки, жмурюсь, вспоминая, что вообщето учили один глаз в темноте прикрывать, на случай внезапной засветки.

- Йопта! - говорит ктото из наших.

Нихрена это не медпункт. Бред дурацкий, а не медпункт. Да, есть операционный стол, коекакие аппараты, обшарпанное древнее гинекологическое кресло, ага столик с инструментарием - но в зальчике тут же здоровенное ложе, покрытое черными простынями - и задрапировано густо алым блескучим материалом - видно ктото разматывал прямо из рулона и приколачивал гвоздями к стенке. Получился стиль Мэрилина Мэнсона в провинциальном исполнении.

С улицы заходит Вовка с седоватым сапером - ясно, кто генератор врубил.

- Эй, осторожно, там девчонка на цепи.

Вовка равнодушно проскальзывает взглядом по зомбачке, зато сексодром его определенно заинтересовывает. А седоватый сапер - наоборот, словно даже и цепенеет немного.

- Хрреммя... - напоминает о себе Мутабор.

- Получается так, что пора. Принайтовывайте этого к столу.

- Старшой, тут 16 матрасов стопками! - не к месту вклинивается Вовка.

- Потом!

Неохотно оставив распотрошенное лежбище, Вовка продолжает осмотр на предмет «что бы нам отсюда свистнуть» - вид у него, как у охотничьей собаки.

А мне пора думать - как оно все выполнять. После мертвой девчонки, наверное, ни у кого в нашей группе не возникает сомнений в том, что определенная справедливость в подходе морфа к своему создателю есть.

- Николаич! Тут живые!

- Не отвлекаться! Этого без присмотра не оставлять!

Очень вовремя сказано - потому как уж больно у Вовки голос удивленный. А наш водитель таки довольно тертый калач, его удивить сложно.

В маленькой комнатухе, где елееле помещается матрасик - причем вовсе не таких кондиций как те европейские физиологические, из которых собрано ложе - еще две девчонки, ну может чуток постарше, чем сидящая на цепи. Но так же одетые, то есть скорее - раздетые. С тем же БДСМ уклоном. Одна - в ужасе забилась в угол, закрыв голову руками, вторая тоже напугалась, но держится лучше.

- Да продлится жизнь вечно! - бойко тарабанит она.

- Это ты к чему?

Девчонка немного теряется и, помоему, начинает радоваться, но боится это показать.

- Эээ... вы - всеблагие?

- Получается так, что мы тебя не понимаем. Мы из Кронштадта. Вышибали отсюда сегодня какихто уродов.

- То есть вы - не всеблагие?

- Получается так, что нет. Не всеблагие. А всеблагие - это кто?

- Вау! Круто! - девчонка с размаху кидается обнимать Николаича.

Николаич некоторое время стоит с нелепо разведенными руками - вроде как было хотел ее обнять ответно, да смутился - девчонкато голая практически.

- Так кто это - всеблагие?

- Да пидоры эти, молельщики.

- А ты кто?

Девчонка криво ухмыляется:

- Я - парное мясо.

- А подружка твоя?

- Гонишь, папик. Какая она мне подружка! Она - старое мясо.

- То есть? И давай полюдски говори.

- Бздец! Маста меня привел - сказал - кто лучше ублажит, тот живет. Я ублажила лучше. Так что сегодня ее - в кормушку. У нее вроде крыша поехала, пока ожидала.

- А на цепи кто?

- Я откуда знаю? Наверно предыдущая.

- А Маста - это кто?

- Хозяин наш местный. Крутяка тут строил, прыщ сифозный. Долбанный фурри трутериан, гондон моченый!

- Вафлистка дешевая! - доносится голос вивисектора. Видно, скотч отлепился.

Дечонка в ответ выдает тираду, скорее подходящую заскорузлому портовому грузчику. Меня особенно удивляет, что ее, повидимому, искренне оскорбил только эпитет «дешевая»!

- Эй, девочка, ты всетаки с взрослыми говоришь, язычокто придержи, а?

Дечонка отлипает от Николаича, меряет глазами сказавшего это Серегу и невинным голоском отвечает:

- Я, дяденька, два года в элитном эскорте работаю. Так что кто взрослый тут - вопрос большой. А этому мудиле можно слегонца в кису насыпать? Я быро!

- Насчет Масты, как ты его величаешь, планы другие. А элитный эскорт, это ты имеешь в виду...

- Ага. Именно это.

И девчонка, по своей фигуре скорее похожая на лягушонка, принимает вызывающую позу, которая может и сработала бы как надо, будь она взрослой, но тут вызывает скорее желание накинуть на эту нелепицу худенькую какоенибудь покрывало потеплее.

- Ладно, давай, красавица, собирайся, у нас тут дело есть.

- Так мне собиратьсято нечего - вон кроме этих тряпок, что на мне, тут нечего одеть. Есть вон ящик - так там тоже дылды и такие же с сексшопа прибамбасы.

- А можешь нормального говорить.

- И поанглийски и немного пояпонски.

- Коннетива! - не выдерживает Ильяс.

- Ага. Охренеть. Если кто хочет - обслужу бесплатно! Вы мне нравитесь.

Николаич наконец очухался.

- Получается так, девочка, что вот повзрослеешь, отратишь себе, что женщине положено - тогда и будем об этом говорить. А сейчас - не мешай. Сережа! Притащи что из одежды и обуви, да и давай девчонок на эвакуацию. Тут им делать нечего.

- А я хочу с вами остаться!

- Мы сейчас будем этого гуся потрошить. А ты нам будешь мешать.

- Я тут насмотрелась уже. А потрошить - так я помогу, а?

- Получается так - что нет. И взять тебя собой не можем - у нас сегодня еще рейд со стрельбой. Давай Серега, действуй.

Пока они препираются, осматриваю сидящую в углу девчонку. Вроде целая - следов побоев, синяков разной свежести, мелких ожогов - вероятно от сигарет, и неглубоких порезов много, но так вроде в порядке. Только она в ступоре. В глубоком. Ну да таких сегодня будет много - когда начнут людей из цехов выпускать.

Смущает меня то, что дефибриллятором я пользовался мало. И давно. И практически все забыл. Опять же както этого мерзавца надо доводить до клинической смерти - это тоже мне проблема.

Потом надо его несколько раз реанимировать, ампутировать руки - и чтоб жив еще был. Ну, ампутировать это я могу - на оперативке насобачился. Тогда мы поспорили - правда в мифе про французскую хирургию или нет, вот я и подготовился. До уровня Ларрея, правда не дошел, конечно, тот, говорят, умел ампутацию сделать быстрее, чем его коллега успевал очки надеть, но, в общем - и я насобачился.

А еще бы неплохо не просто ампутировать - а именно с прикидкой - спасает ли это от заражения при укусе.

- Я приготовила дефибриллятор - ровным голосом говорит Надежда Николаевна.

- А... (не годится тут слово пациент никак) клиент?

- Клиент готов.

- Вам работа с дефибриллятором знакома?

- Более чем...

В этот момент по нервам бьет истерический визг.

Потом хохот ребят и обиженный голосок эскортной девочки.

Понимаю, что она подобралась к своему мучителю в кису ему насыпать или что там еще ей в голову пришло и тут наконец разглядела рядом Мутабора. Он то там все время стоял - наслаждался видом Хозяина, примотанного уже к столу.

Теперь девочка не имеет ничего против того, чтоб чесать отсюда. Куда глаза глядят, лишь бы подальше от морфа.

- Все. Приступаем.

Мутабор тащит откудато из угла сверток толстого полиэтилена.

Становится понятно, как Маста его убивал.

Примеряюсь закрыть лицо вивисектору.

Меня хлопает по плечу Николаич.

- Давайте лучше я это сделаю. А вы реанимируйте потом. Так оно лучше будет.

Неожиданно для самого себя чувствую странно - облегчение.

Николаичу неожиданно возражает седоватый сапер.

- Не пачкайтесь. А мне лишний грех не в тягость. Может наоборот, несколько грехов скостят, когда в котел рогатые запихивать будут. Вы вот Доктор лучше скажите - девочка эта - она может тоже в разуме?

Он показывает на зомби, прикованную к стенке.

- Нет, к сожалению.

- Уверены?

- Уверен.

- Тогда упокойте ее. Мало ли что, нехорошо мертвую за спиной держать.

Смотрю на Николаича.

Он утвердительно кивает.

Скорее для набившихся в комнату людей, чем для себя, задаю девчонке несколько вопросов. Чуда не происходит. Обычная зомби. Вытягиваю «Марго».

Сапер морщится от гулковатых в помещении выстрелов. Потом стягивает с вивисектора держалку для кляпа.

- Последнее желание какое будет?

- Покурить дайте, суки!
- А нету. Не свезло тебе.
- Суки! Суки!!! - и найдя меня глазами, кричит во всю мощь легких: - Вы ничем не отличаетесь от меня! Вы такая же мразь! Совершенно такая же!

Крик осекается. Немного звенит в ушах и потому глуховатый голос майоратанкиста похож на шепот:

- Да, мы тоже люди.

Тело вивисектора не хочет умирать. Борется за жизнь изо всех сил. Я чуть не пропускаю момент, когда наступает клиническая смерть - и Мутабор рыком указывает мне на это. Странно, он просто стоит, но както видит и чувствует момент остановки сердца. Странно, очень странно.

- Руки поднять вверх, так чтоб я видела. Всем на шаг назад от стола - командует Надежда - разряд!

Тело на столе дергается, сердце заводится тут же - раздышать вивисектора удастся тоже без особой проблемы...

Морф пьет глазами это зрелище.

Еще раз.

И еще раз. Тут уже начинаются пробемы. Удастся реанимация, но солоно нам она приходится.

- Доктор, растолкуйте Мутабору, что нам не нужно превращать вивисектора в умника. Время поджигает - пора к хирургии переходить.

Я начинаю растолковывать морфу точку зрения Старшего, неожиданно легко мертвяк соглашается. При этом добрая половина нашего отряда быстро и не сговариваясь выкатывается из помещения. Вроде бы - взялись Вовке помогать таскать матрасы, но вижу, что рады сбежать. Другие наоборот - приближаются и дышат в затылок.

Вивисектор приходит в сознание. Пытается чтото мычать, таращит глаза.

Вздрагивает, когда Мутабор, смакуя, откусывает ему пальцы с правой руки. На пол прыскает кровь. Николаич начеку и накладывает старательно жгут.

- Время наложения жгута писать не буду. Хорошо?

- Да, конечно.

- Вы в двух словах - как ампутироватьто?

- Так я сделаю. А вы посмотрите.

- Нет, лучше вы растолкуйте - вдруг нам придется вскорости такое на своих отрабатывать... Те, кому страшно смотреть - не смотрят. Кто в обморок мог упасть - уже слиняли.

- Ну. Если просто... Выше места разреза - тоже жгут кладем. Режем между двумя жгутами. Это понятно? Хорошо. Грубо говоря, есть такой способ, как гильотинная - это быстро и любой может сделать. Нож лезвием от себя - и перерезаем ткани до кости в ближней к себе половине, потом нож перекладываем лезвием к себе - и так же одним разрезом - дальнюю от себя часть тканей. Мышцы тут же сокращаются, открывают кость. А кость пилим.

- А если отрубить одним махом? Без жгутов?

- Кровопотеря будет большая. И осколки костей останутся. Потом трудно лечить будет. Вот еще стоит перед тем как резать - выкроить лоскут кожи. Чтобы культю прикрыть. Заживать будет лучше, но это уже не гильотинный способ.

- Ясно. Начали!

Краем глаза замечаю, что столпившиеся смотрят внимательно. Как студентызубрили. Ну это понятно. Если выйдет - окажется, что не любое ранение смертельно при укусе. Уже както легче на душе будет, когда в драку полезем. Если, конечно, получится.

Ну, Ларрея мы вряд ли посрамили. Однако, что наметили - выполнили. Одна рука лежит отдельно от туловища. Вторая - уже с откушенными пальцами, зажгутована. Танкист тоже влез в это дело - прикидывают, как лоскут кожи отсепарировать. Как могу - советую.

С улицы слышен женский визг, потом ор в десяток глоток.

Когда грохает несколько выстрелов, Николаич подхватывается на выход.

Мы продолжаем. Прислушиваясь вполуха. Спрашиваю у седоватого сапера:

- А вот когда я в обществе кавказцев начал взмущаться трагедией в Беслане и тем, что терроры захватили и убивали детей - мнение кавказских приятелей было таким: «Все верно - детей выбивают сначала - тогда потом мстить некому, безопасно можно гадить». Вы вроде с юга - это так?

- Так. Есть дети - народ жив - нет детей - и народ кончится. Такого лоскута достаточно?

- Ну, чтоб срез ампутационный прикрыть - не великоват?

- Великоват... С запасом взял. Перестарался. Но это же не страшно?

- Сейчас - не страшно. Своего кромсать - лучше лишней резни не делать. Больно же ему будет, своемуто.

Пила повизгивает по розовой кости. Все.

- Зря такой огрызок оставили - будет потом болеть - тут при ампутации надо, чтобы он из мышц не торчал.

- Ага, понял.

- А ручной болгаркой не проще будет кость пилить?

- Проще. Только все попытки применить электропилы и механику разную показали, что кость обгорает и потом культя не заживает вовсе - гноится, остеомиелит добавляется - так что все вручную - не просто так.

Тянет холодком - зашел кто-то.

- Доктор, Старшой зовет! Можете оторваться?

- Зашьете без меня?

- Зашьем, зашьем!

Ловлю себя на том, что радуюсь возможности оторваться от этого действия.

Не лежит душа.

Нет, все понимаю, умом - заслужил вивисектор еще и не такое, его бы потрошить и потрошить, но вот будь моя воля - врезал бы по нему очередь - и все. Без изысков. Жить такому ублюдку - нельзя. Но и потрошить его в лучших английских традициях - лишнее. То, что Мутабор меня вынудил это делать - не добавляет ничего.

На улице уже сильно потемнело. Народу прибавилось. Причем народу озлобленного - вижу с десяток мужиков, судя по всему из освобожденных, которые наперебой чего-то требуют, наши - уже со вскинутыми автоматами - полукругом охватывают эту группку. Ор стоит серьезный - громче всех надрывается мужик, которого я не видел раньше. Ну да, воняет от них, как от Севастьянова. Из цеха значит. Сняли саперы мины.

Николаич - пожалуй, единственный, кто стоит спокойно, хотя мужик орет ему чуть ли не в лицо. Замечаю, что сбоку от Старшого стоит веселый Филя. Такой веселый рыжий всегда перед потасовкой - он вообще не дурак подражаться, мы и познакомились случайно - когда он из любви к искусству за меня вступился. В одиночку против трех гопов я бы точно не справился, а вот Филя уравновесил стороны.

Когда я подхожу, замечаю, что и с нашей стороны прибавление - за Вовкой жметесь девчонка в замурзанном милицейском наряде. Интересное кино...

Подхожу так, чтоб не перекрывать никому направления стрельбы, если что.

Николаич поворачивает голову ко мне и спрашивает:

- Вы можете помочь в одной проблеме?

- Постараюсь.

- Мне не нравится рожа вон того кента - третий слева стоит. Не пойму чем - но не нравится.

- А этот - который вам в лицо орет?

Притихший было мужик от такой беседы аж подпрыгивает и начинает орать снова, из бурной речи кроме матерщины успеваю понять только, что они тут пострадались. А мы тут суки, а они тут за справедливость, а мы тут суки...

Николаич кивает головой, и Филя со счастливым выражением лица выдает мужику в ухо отличный прямой. Мужика сносит как пух ветром.

- Считать не надо! - гордо заявляет Филя.

- Этот, который мне в лицо орал - обычный дурак. Остальные, полагаю - тоже. Кроме этого кента - морда у него шибко грязная и противная.

Попытки мужиков с палками както возмутиться тут же давятся несколькими очередями в воздух над головами. Комуто из них попадает прикладом по спине - в общем слабые они еще. После трехдневного стояния на ногах - немудрено. Через пару минут они уже стоят рядком у стены, палки валяются на месте происшествия. Одному еще и нос разбили - стоит, утирается.

- Отвечать, когда спрошу. Начнете орать опять - получите люлей. Вы - кто? Ты - отвечай!

Мужик с краю смотрит исподлобья и бурчит, но достаточно отчетливо:

- Из цеха мы. Выпустили нас токо что.

- Девушку чего гоняли?

- Так она мент. Нас тут менты и кошмарили. Мы решили наказать.

- Девушка была в охране лагеря? Вас кошмарила?

- Вроде была.

Остальные чтото помалкивают.

- Ты конкретно ее видел.

- Я - нет.

- Кто видел?

- Да вот Кузин вроде говорил...

- Кто Кузин?

- Вот - он.

Мужик показывает пальцем как раз на того, подозрительного.

- Стукач! А еще свой! - выдает грязный Кузин.

- Старшой, а что вам не нравится в клиенте?

- Держится подругому. Не как остальные. Двигается не так. Выделяется.

Вот и поди ж ты.

Начинаю с опаской подходить к шеренге.

- Если кто хоть какой вред доктору причинит - пришьем вас тут всех к стене. Ясно?

Мужики ежатся от этих слов Николаича.

- Похоже, ясно.

Осмотр коротенький выходит - морда у подозрительного вблизи четко отличается от стоящих от него справа и слева. Щипаю за щечку его и его соседей. Возвращаюсь к Николаичу.

- Он не обезвожен. Тургор кожи - нормальный. У остальных - снижен.

- Получается так, что последние три дня он ел и пил?

- Так точно.

- Я мочу свою пил! Лицо отекло! - вякает подозрительный.

- Глупости - отвечаю на вопросительный взгляд Николаича.

- Ага. Нука, давай сюда курсантку. Вы откуда тут взялись?

- Я из третьей группы. Нас сегодня привезли на усиление - старший группы этот, как его... То ли Кугушев. То ли Кутушев. А с берега направили сюда. А эти как увидели - так на меня и напали.

- Не поломали ничего, не отбили?

- Не, бушлат толстый...

Николаич задумывается на минутку.

- Получается так, что доктор - свободен, а вы все сейчас под охраной - обратно. Там разбираться будем.

- А я?

- И вы, девушка. Как подтвердят, что вы сюда прибыли сегодня из Кронштадта - вопрос будет снят.

- Вы мне не верите? Я документы могу показать!

- Милая, мне эти документы даром не нужны. Я сам какие угодно документы сделать могу за полчаса. Хоть Президента Земного Шара или Командира Дивизии тяжелых пулеметов.

Девчонка надувается, но Николаич на это не обращает ровно никакого внимания.

Видя, что расстреливать их уже не будут, один из мужиков не выдерживает:

- Опять нас под замок, значит? Так что ли?

- Я б вам еще и морды набил - неожиданно опережает Николаича Филя - и по жопам бы пинал, пока в разумение бы не пришли.

- Это за что это так? - офигевает мужик - и вроде не он один.

- Пальцы загибай, дурило - взяли вас тут теплыми как маленьких? Эт раз. Сидели вы и не петюкали? Эт два. Вместо спасибо вы своим освободителям хай устроили? Эт три. Какого то мутного корефана послушали? Эт четыре. Девку зря обидели? Эт пять. С дубьем на автоматы полезли? Эт шесть. Хамы вы неблагодарные, вот что скажу. И тупари.

- Ну и я добавлю - силы бегать по заминированной территории за девками - у вас есть, а помочь своих же в порядок приводить - нет. Эт, как говорилось выше - семь.

Пришедший за это время в себя мужик, лежавший на снегу, привстает и злобно глядя на Филю заверяет:

- Я тя укропаю!

- Ты по национальности кто? - необычно серьезно спрашивает Филя.

- Русский я. Сволочь! Сбоку бил!

- Ну, тогда живи - успокаивается рыжий водолаз.

Группу только собираются конвоировать, как девчонка милиционер (ну вообще курсантка еще зеленая) отдает вынутые из бушлата наручники Николаичу и, показывая глазами на подозрительного Кузина говорит:

- Как бы не удрал по дороге. В браслетиках ему неудобнее будет.

- Хорошо. Надень ему браслетики.

Девчонка только принаравливается подойти к объекту, как Старшой окликает ее:

- Не на руки браслетики! На ногу!

- На ногу?

- Получается так, что да. Делай, что сказал.

Пожав плечами, девчонка присаживается рядом с Кузиным и защелкивает браслет на его щиколотке.

- А второй?

- Второй пусть так болтается. Какнибудь на досуге - попробуйте с таким украшением на ноге побегать...

Девчонка, сидя на корточках, к чему то присматривается.

- Эй, красавица! Что тормозишь?

- У него штаны сухие!

- И что?

- Остальные гадили себе в штаны. А он - нет.

- Умница! Я думал, не обратишь внимания, а из тебя толк выйдет.

Публика под конвоем отправляется туда, откуда прибежала, я возвращаюсь обратно. Культи ушиты. Мда... Увидел бы такие швы профессор Баиров... Интересно - потерял бы дар речи, или нет. Вот профессор Камардин - тот бы обматерил круто. У нихто шитье было - загляденье. Токо Баиров - детский был хирург, помнится первым в мире сумел справиться с таким врожденным дефектом, как непроходимость пищевода у новорожденных, а Камардин - тот госпитальер, мог оказать хирургическую помощь на манер Пирогова - в любых условиях.

Совсем не к месту вылезает воспоминание, как мы сдавали экзамен по госпитальной

хирургии. Естетственно, идя на экзамен, узнали от старшекурсников, что профу надо все время говорить о мази Вишневского, как панацее, доценту Петрову (здоровенный дядька с трубным голосом, тоже отменный хирург) - о ней же, но как о вредной дряни, а ассистенты просто слышать о мази Вишневского не могут уже - тошнит их.

А в итоге оказалось, что если придти за час до экзамена, то обеспечивающий старший лаборант просто позволит в поощрение первым зашедшим выбрать билеты. Ну наша группа и приперлась чуть свет. И зашли первыми готовиться. Все копались, выбирали что получше. А я как взял билет, так и оказалось, что именно этот номер я знаю лучше остальных. Старлаб очень удивленно на меня посмотрел, когда я гордо отказался выбирать дальше...

Клиент еще жив. Без сознания, но жив. Теперь надо подождать хотя бы час.

Мутабор опять начинает проявлять нетерпение.

Совершенно ни к чему в голову приходит студенческий стишок:

Бьет копытом, землю роет

Молодой сперматозоид...

Угломонить Мутабора удастся с трудом. От запаха мяса и крови он становится дерганым. Да и то, что месть уже почти свершилась - тоже накаляет обстановку.

Делаю пару инъекций, приспасабливаю пакет с кровезаменителем. Клиент плох, пульс частит, дыхание тоже не в норме. Но три клинические смерти и ампутацию обеих рук перенести - это не хухрымухры.

Вошедший Николаич устраивает тем временем малый военный совет.

- Получается так, что МЧСники предлагают помощь. Как бы их профиль работы - и привезти могут много всякого полезного, те же одеяла, например. Но теперь они понятно опасаются свою базу без прикрытия оставлять. Я предложил командованию такой ченч - наша группа вместе с... с Мутабором отправляется на прикрытия базы МЧС. МЧСники прибывают сюда своим транспортом, помогают в обеспечении и эвакуации соответственно. Потом нас перебрасывают в Кронштадт.

- А технику, значит, МЧСникам в подарок оставим? - осведомляется хомячистый Вовка.

- Не оченьто и техника была. Пока разжились БТР да джипом.

- Все равно ченч не удачный - решает Вовка.

- Что думают остальные?

- Похоже, от мычысников тут пользы поболее будет. Только как бы потом нас не послали в едриня - типо вас тут не стояло и не ехало.

Николаич поворачивается к танкисту:

- Майор, а вы как к рейду на ночь глядя относитесь?

- Танк без электроники, осталось три заряда. К пулеметам - половина БК. Есть еще повреждения и поломки. К тому же танк не мой. Так что мне поровну, если только доехать сможем, а не сломаюсь по дороге... Я вообщето не танкист. Просто водить умею, вот и согласился помочь. Но завтра хотел бы уже быть в больнице - ревматизм свой я знаю. Завтра от меня полчеловека будет...

- Получается так, что я даю согласие выехать на поддержку МЧС. Танк постараюсь забрать с нами. Вова! Особенно не тушуйся - МЧС утверждает, что мы внакладе не останемся.

- Эти бы речи да богу в уши - бухтит Вовка вполголоса.

- Николаич, а кронштадтские не возразят против отдачи танка?

- Эге, мы ж технику не дарим. Мы ее даем в лендлиз. Но вот если какой БТР у людоедов в запасе есть и базу МЧС они в новый лагерь переделают - будет хуже.

Пока Николаич утрясает ситуацию, а я слежу за состоянием оперированного вивисектора, компаньоны рассаживаются, кто где.

- Вот не ожидал увидеть СВТ - говорит танкистмайор, подогнавший танк поближе и присоединившийся к нам.

- Да. Добротная вещь - отвечает Ильяс.

- Капризная только - замечает Саша, ухитряющийся сидеть на гинекологическом кресле - ложето стараниями Вовки уже притараканено.

- У СВТ только три типовые причины задержек. Первая - патроны напиханы в магазин фланцами не последовательно. Если напиханы правильно, никакая трясучка их не перетрясет. Вторая - густо намазано высокотемпературной смазкой, а тут мороз. Третья - положить винтовку затвором кверху на ночь, чтоб наледь зацементировала затвор. Вот положи ее не на этот бок, а на другой - и ничего не будет. А сколько плохих отзывов от уроков криворуких!

- Считаете, что неумехи дурную славу создали?

- А то нет. В морской пехоте СВТ отлично до конца войны провоевали. Почему? А потому, что морячки - люди технически грамотные. А дай сложную технику чабану - он ее в момент угробит. Была бы винтовка плохая - не стали бы ее копировать.

- Кто ж ее копировалто?

- ФНФАЛ - самозарядка, слышали? ФАЛ содран с СВТ. Точнее, не ФАЛ, а САФН1949, предшественник ФАЛа. Не, Дидьен Сэва утверждал, что во время оккупации он ночей не спал и, в сортире прячась, проектировал, но тока момент: СВТ войну прошла, а САФН выпрыгнул после ее окончания, ничем не подтверждая факта своего существования до появления. А СВТ трофейных было много. Поэтому Попенкер может утверждать что угодно, но я остаюсь при этом мнении - содрали.

Ильяс подмигивает мне. Да я сам вижу, что майор не прост. И заметно, что ходить ему больно.

Время ползет.

Мужики зацепились языками, и как обычно бывает среди мужиков, оставшихся без присмотра начальства или женщин, что впрочем, идентично, медленно скатываются в чисто мальчишеские споры. Сейчас бурно обсуждается - сколько техники угробили салобоны в армии. Мне не до этого - клиент плох, но вот признаков инфицирования - не вижу. Боюсь сглазить - но очень похоже - удалось. Ампутация спасает от гибели.

Краем уха слушаю, как Саша рассказывает о своем друге, проходившем службу в эстонской армии. Откуда то для обучения салобонов с консервации НАТО поставили какие то бельгийские грузовички 1951 года выпуска - с кривыми стартерами и тремя скоростями, включая заднюю, и как brave эстонские парни в сжатые сроки превратили бельгийскую технику в хлам.

Тут оказывается, что у каждого есть, что сказать на эту тему и выходит в итоге - никакой противник не угробит столько техники, сколько ее смогут наломать салобоны, сынки, нучки, тупые уроды и малограмотные неучи. И это - интернационально.

Масла в огонь подливает братец - только сейчас замечаю, что его не было с нами, пришел озябший и загруженный с улицы.

Сначала он привлекает всеобщее внимание тем, что неторопливо достает офигенно элегантную трубку, кисет с табаком, размеренно и обстоятельно набивает табак, поджигает его и, пыхнув ароматным дымом, с достоинством говорит:

- Некоторую технику и ломать не надо. Она изначально плохая.

Проводив глазами клуб дыма вижу, что на эту провокацию купились.

- И какая ж техника в армии плоха? - спрашивает Вовка.

- Ее ж проверяют долго - поддерживает его и Саша.

Я отлично вижу, что братец «валяет Ваньку» - именно когда он начинает разыгрывать окружающих, его манеры приобретают верблюжье высокомерие, а речь - некоторую вальяжную замедленность с толикой так бесящего людей менторства.

- Например, никудашными были плавающие танки Т37 и Т38.

Братец опять величаво пускает клуб дыма.

С трудом удерживаюсь, чтоб не съехидничать на тему того, что хреновый из него Гендальф - дымит, дымит, а колечки так и не получаются.

Майор поднимает брошенную перчатку.

- Так и чем же эти танки были изначально плохи?

- А всем. Никудышное бронирование, никакое вооружение, жидкая грузоподъемность, убогая проходимость и далее по списку, кончая дальностью хода и надежностью механики. Даже внешний вид убожеский, жаль не могу сейчас сводить показать.

- О! А вы их где живьем видали?

- Музей прорыва блокады Ленинграда в Кировске - там танки стоят, что из Невы достали. Ну и Т38 тоже. Убогость на гусеницах!

(Ну сел братец на конька! Не пойму с чего - а нравятся ему нелепые мелкие бронированные тварюшки. Даже когда клеил модельки - выбирал почемуто не «Тигры», а самые что ни на есть легкие танкетки вроде Т1. С обсуждаемыми же машинками связан один сильный провал, в котором и братец поучаствовал - нашли в лес пару битых Т38. Самое грустное, что из двух можно было с некоторой натяжкой собрать один - на ходу. Но пока пудрились-румянились, сваты уехали к другой - местные сдали технику на металлолом и радостно пропили деньги. Второй такой провал по нелепости был у моего одноклассника - нашли амерский танк, лендлизский. Пока собирали деньги и готовили вывоз, местные ухари собрали толпа и долбанули под брюшком машинки - чтоб по кускам из чащобы таскать. Ну и перестарались, мудозвоны. Когда наконец оснащенная экспедиция прибыла на место - увидели здоровенную воронку в мерзлом грунте, выбритую вокруг растительность и мелкие фрагменты заморского железа раскиданные мало не на полкилометра... Хотя в авоську собирать...)

- Да? Живой Т38 и в свободном допуске?

- Ага. Потому смело говорю, что сам руками трогал. Говномашина, а кто принял на вооружение и наплюшил несколько тысяч такой фигни - идиоты. Летний пробег 1937 года при температуре окружающего воздуха от 27 градусов по Цельсию - половина машин вышла из строя от перегрева мотора и потребовала его замены. Удельная мощность не для эксплуатации Т38 вне дорог - недостаточная проходимость по пересеченной местности, а гусеницы часто спадали на поворотах. Подвеска - неудовлетворительная, а значит, невозможно эксплуатировать Т38 на грунтах со слабой несущей способностью. Для успешного выхода Т38 на сушу требовался очень отлогий галечный пляж с твердым основанием - а на песчаном или глинистом берегу танк застревал. Итогом стало объявление Т38 небоеспособным и ограничение его приемки уже осенью 1937 года. Тем не менее, танк оставался на вооружении. И зачем?

- И в боевых операциях они тоже были убогие - подхватывает Саша.

- Точно! Впервые Т38 применены в ходе польской кампании 1939 года. Соппротивление поляков было убогим, и потерь танки не имели. Когда плавающие танки применялись в Зимней войне, сначала, до замерзания водоемов, были успешные случаи использования плавающих танков для форсирования водных преград. С одной стороны, отмечалась слабая проходимость танка, особенно по глубокому снегу, маломощность и слабое вооружение машины, тонкая броня, делавшая танки беззащитными от огня не только артиллерии, но и противотанковых ружей, но там, где у финнов не было ПТО и местность позволяла, легкие танки действовали достаточно эффективно, «цементируя» боевые порядки пехотных подразделений. Основными потери дали подрывы на минах - танк не держал взрывы даже противопехотных мин.

- То есть танк так плох, что лучше на бревне через речку, чем на этой железяке?

- Ага. В ряде случаев так. - И братец задумчиво выпускает, наконец, клуб дыма, отдаленно напоминающий колечко.

- Да ну... Хотя и несерьезная машина, но все же самодвижущаяся и пулемет лучше, чем ничего - вступается Вовка, который и вообще не прочь пообсуждать всякое железо, но и не любит, когда всякие там гуманитарии лезут в область механических устройств, где этим гуманитариям вообще нечего делать.

- Ты бы сейчас такую железяку стал бы водить?

- А чего и нет? Не графья, не в театре. Если выбирать между ногами и колесами -

лучше плохо ехать, чем хорошо топать.

Майор, чуть подумав, выдает:

- Машина принята на вооружение, поставлена в армию в очень значительных количествах. Эффект от ее боевого применения неудовлетворительный, это да. Так ведь это другое дело. Совсем другое дело. Предлагаю не вешать лапшу на уши отнюдь не мне, а себе. Не бросаться словами «небоееспособный», а думать. Я вот не оперирую практически чужими оценками. У меня своих полно. А у кого своих нет, тому вовсе не надо широко банчить чужими, а вообще воздерживаться. Быть осторожным, идти как по болоту. И больше уделять внимания общим вопросам. Там труднее запутаться без специальных знаний и личного опыта. И, конечно, не тупить до такой степени, что танк плохой, я лучше на бревне с пулеметом поплыву.

- Э, минуточку! И в чем же польза от этих железячек? Вы же признали - применение в боевых условиях - неудовлетворительное. - Во, уже и водолазы в разговор вступили. Чувствую, что сейчас братец поставит дымовую завесу и спокойно станет со стороны смотреть, как народ сцепится в клубок. Видал я уже такое, умеет. Отработал.

- Польза в том, что был получен уникальный опыт.

- Уникальный в том, что сделали кучу никчемного говна? (во, младший из саперов влился.)

- Представьте себе такой гипотетический справочник с миллионом вопросов-ответов по теме, что на войне экономить, а что не жалеть, когда плохое лучше хорошего, и так далее. И все научно обосновано и проверено обширной практикой. Такая книжка и есть секрет непобедимости.

Особенно ценны наименее очевидные решения. Когда кажется, что несомненно надо вот так, а на самом деле надо наоборот. Этот опыт - главное богатство и сила нашей военной машины. Можно вконец развратить армию, попилить танкиракеты, но потом все опять возродится лучше прежнего. Искоренить этот опыт или пересадить его на чуждую почву чрезвычайно сложно. Китайцы добросовестно пытаются нам подражать, но получается у них пока не очень. Но идея правильная.

- И при чем тут Т38? Да и если шире глянуть - те же легкие танки в ту войну практически все - говноговно! Не зря же от них отказались! А ты тут про справочник!

Все ж знают, что Т34 лучше их всех был.

- Т34, конечно, лучше справится, да не напасешься их. Легкие танки тут как бы эрзац, но во многих случаях задача как раз по ним. И они давали массу подвижных средств, от которых немцам приходилось отбиваться. И вот посмотри на причудливые зигзаги истории. Она в итоге приехала к БМП.

Тогдашний легкий танк можно рассматривать как неполноценный заменитель БМП, который не умеет возить внутри десант и не умеет плавать. Но на него можно коечто навьючить, чтоб бойцам меньше на горбу переть, он может быстро менять позиции. И еще неизвестно, что хуже - что десант внутри не возит, или что не плавает. Форсирование водных преград - одно из самых кровавых занятий. А русские плацдармы - один из главных кошмаров немцев. Их командование требовало от своих подразделений идти даже в самоубийственные контратаки ничтожными наличными силами, чтобы эти плацдармы ликвидировать как можно быстрее, или хотя бы не дать их спокойно расширять и укреплять. Потому что через несколько часов, а не дай бог через сутки, это будет уже глобальный гимор. Даже если оставить пока в стороне плавающую технику, то видно, что в этом деле очень важно железо, которое занимает позиции не там, где удобно ездить, а там, где нужно.

Вот маталыгу изначально придумали, чтоб она могла батареи затаскивать в любую срань, лишь бы позиции для стрельбы получше оказались. Это все очень важные вещи. Вот мне дискуссия про Т38 напомнила такую же про БМП. Это было в 60х годах гдето. На западе военная мысль била фонтаном, а у нас это просто сделали. Тогда они стали выискивать недостатки у нашей, но своей так и не имели. И долго еще не имели. Потом сделали своих уродцев, которые не плавают. Хотя сами изначально считали, что плавать должна. А у нас

сделали концепцию, а под нее машины. И массовую систему подготовки людей. И вооружением занимались очень серьезно. А ногито растут из взаимодействия пехоты с теми ублюдочными танками. Опыт собирался и обобщался. Просто не публиковался.

- Вотвот. Не опубликовывался! Потому как отрицательный!

- Сравниваем нашу технику и зарубежную. Без Т38 не было бы и современной. А на Западе так и не научились такое делать. И опыт по эксплуатации этих малявок - он действительно бесценный. Другое дело учить надо было серьезнее, а это тогда никак не получалось.

- То есть гнешь к тому, о чем раньше говорили, как тут расселись? Что неопытный салага любую технику опояшет ломом?

- Я о том и говорил. Низкая надежность тогдашних машин (всех, а не только этих) отпугивала малограмотных людей. Водителей с хорошими навыками было мало. Это сейчас почти все на чемто ездят смолоду. Тем людям, которые хаяли поплавки, если выдать тигры, они бы их точно так же грязью поливали и бросали при отступлении. Ибо ломались на каждом шагу. Сам я имею богатейший опыт езды на неисправных машинах.

- Это сколько же?

- Специально не считал, но если вместе с колесными, то не один раз вокруг Земли объехал. Гусеницы слетают у раздолбаев, которые не хотят или не умеют пощадить слабоватую гусеницу. Абрамс, например, нельзя водить как нормальный танк, он быстро разуется. То же и про перегрев двигателей. То же и про поломки трансмиссии КВ. Совершенствование техники идет по пути устранения этих слабых мест. В данный момент мы в этом сильно преуспели в отличие от американцев. Но тогда все только начиналось. Большинство критических замечаний к тем машинам являются или формальнобюрократическими или откровенно идиотскими.

- Это какие к примеру, а?

- К примеру? Как - то невозможность переправлять на них дополнительных бойцов с вооружением. Это очень маленькая машина с минимальным запасом плавучести и устойчивости. Два здоровых лба перевернут ее легче, чем казанку. А вот самопрокидывание при резких маневрах - это из грязного пальца высосано. Нормальные водилы фактически в шторм на ней переплывали большие расстояния. А требовать, чтоб любой неумеха мог водить гусеничную технику, плавать на ней и выходить из воды - это абсурд. Этому надо учить. Очень серьезно учить! А тогда еще нормальной школы не было. Тогда и другой техникой люди в массе плохо умели пользоваться. Все еще было впереди. Кстати, ссылок на позитивные отзывы с подробностями нет и не будет. Они хранятся под замком. Можно об этом догадаться и самостоятельно вообще. Сейчас на дворе ХХI век. Большинство государств на планете не имеют ни такой техники, ни тем более опыта массовой эксплуатации.

- Да сейчас уже все рассекречено! Нет таких данных! - горяч конопатый водолаз.

Не могу удержаться и влезаю:

- Знакомые архивисты рассказали - в Англии в очередной раз засекречены все данные по хозяйственной деятельности армии.

- Так это нормально!

- Ну, если не считать, что это данные по армии в Крымской войне. 1854-1855 года, соответственно.

- Seriously?

- Отвечаю!

- Да что там секретитьто?

- Ну а что секретного в миссии Гесса?

- Гесс был сумасшедший!

- Ага. Совершенно. Потому все засекретили - и хрен рассекретят. Это ж токо у нас злые архивисты с собаками, за рубежомто все нараспашку...

Ну. Все! Спор покотился, как лавина с горы. Ладно, мнето за клиентом следить.

Спрашиваю у Надежды, которая все время смотрит за дыханием и пульсом - и заодно поглядывает на экран мониторчика, что, по ее мнению, происходит с организмом. Наплевать вообще нашей медсестричке на глупые мужские темы. Но вижу, что и Николаич и старший из саперов в дрязгах не участвуют, пеной не кипят и слюнями не брызгают - сидят вроде расслабленно, но вот спинным мозгом понимаю, что они контролируют нашего морфа и готовы начать стрельбу моментально. И Андрей - тоже готов. А вот Ильяс и Серега - уже в гуще словесной сечи.

- Помоему, нормальный травматический шок.
- Признаки заражения не наблюдаете?
- Нет, точно нету.
- Уверены?
- А вы?
- Боюсь поверить - но тоже не вижу. Вроде бы удалось.
- Братца своего позовите, а? Для полного конвульсиума.

Подзываю братца.

Вылив еще масла в огонь, он подходит к нам.

- Откуда у тебя трубкато?
- Подарили хорошие люди. И мешок отличного табака.
- Как говорила наша бабушка: «Надолго псу красное яйцо!» - ты ж ее ломаешь, у тебя же трубки живут месяц. (Свойство братца в том, что любая техника, да и вообще вещи в его руках гибнут быстро и бесславно, причем он сам вроде и не прикладывает к этому особых усилий, само ломается. Вот трубки он несколько раз себе заводил, ан и они долго не служили, хотя вроде б и не техника.)

- Ага. Мне подарили два десятка. Когда кончатся - обещали еще подбросить.
- Понимают толк. Ну а за что?
- За безукоризненную помощь следствию.
- Ясно. С чего ты про танкито завел волынку?
- Вижу - людям скучно, грустно и даже - не побоюсь этого слова - тошно. Надо было поднять настроение хорошей сварой. И о чем прикажешь спорить? При наличии всего этого паскудства вокруг - о сиськах и девках говорить кощунственно, про зомби - твой этот рекрут смущает, про футбол - так это для мазохистовизвращенцев... Остаются танки. Любят мужики обсуждать большие и тяжелые игрушки. Но в тех же джипах понимают немногие, а в танках - ну просто все... Вона как разогрелисьто!

- Что скажешь насчет клиента?
- Еще минут 15 для гарантии подождать надо - охлаждает своим здравым смыслом нашу радость братец.
- Но по временито уже должен был бы обратиться?
- В большинстве случаев - да. Достаточно было бы. Но нам нужно что? Нам нужна гарантия. Принятые в медицине 95 % уверенности. А вы как малые дети обрадовались. Кстати - нашили вы тут омерзительно, вполне по результату можно присвоить медаль «рукожопые херурги 2 степени». Почему второй степени - разьяснить?

- Это не мы шили, мужики помогали - ляпаю я и, уже не договорив, понимаю как подетски это звучит и вообще некрасиво - перед младшим братцем оправдываться.

Точно, вон и Надежда ухмыляется краешком рта - видимо думает, что я не увижу.

- Глупая отмазка. Сам ты не лучше шьешь - усмехается и братец.

- Это мерзкая злонамеренная лжа!

- Нет. Это профессиональная критика! Ты плохо шьешь, но много ешь.

- Критика несколько отличается от злонамеренной лжи в пользу третьих лиц.

Ну, типо заявить, что я многовато ем - это будет критика. А вопить о том, что я пожираю младенцев и любимое мое блюдо - сало, натопленное с девственниц - это уже будет лжой.

И твое заявление о мерзком шитье - именно лжа...

Надежда делает страшные глаза и указывает взглядом двум развеселившимся братьям на Мутабора. Осекаемся, хотя морф явно не видит и не слышит окружающего - нависнув над лицом прооперированного смотрит и смотрит, неподвижно, неотрывно, жутко.

- Какие поручения дала Валентина? - как бы невзначай даю понять братцу, что понимаю цель его миссии.

- Никаких. А что - должна была?

Я теряюсь.

- Ну, я думал, что это она тебя послала.

- С какой стати? Сгребли всех, кто под руку попался, для участия в спасательной операции, как стало известно, что тут много живых будет. Я только рад был сменить обстановку, меня уже задолбало на Малой Пискаревке работать - вот и воспользовался оказией. Теперь есть причина - почему не напечатал 68 актов о вскрытии, так сказать форсмажор. А тут посмотрел что к чему - лучше уж с вашей командой, там и без нас разберутся.

- Малая Пискаревка - это что такое?

- Братские могилы рядом со старым кладбищем на Котлине. Уже 17 с лишним тысяч человек захоронили и конца не видно. А я там как раз в новодельном морге и работаю. Те еще условия. Комп дали какойто ублюдочный - глючит сурово - как тогда, когда я в бюро вирусов приволок кучу...

Это я помню - мужик свел счеты с жизнью и прыгнул с балкона. Ухитрился в полете побиться о всякие детали и гвоздануться о козырек подъезда, отчего его - мужика разумеется - порвало практически пополам. Часть полета бесстрастно зафиксировала камера наблюдения, и братец сгоряча попросил местную охрану скинуть ему на флешку этот эпизод записи - проще было разобраться, какие повреждения самоубийца получил в разных фазах полета.

Ну а вместе с записью на флешке оказалось куча вирусов.

Хорошо еще, что в тот момент не было вала писанины и хоть и с великим трудом и потением братцу удалось компы пролечить...

- А вон оно что! - братца явно осенило - Тот ты глаза вылупил, когда я сказал, что речь идет о продлении функционирования безнадежных больных! Ты подумал, что меня порученцем прислали! Ты что, сам об этом не подумал? Это же на поверхности лежит! Любому студенту сразу бы в голову пришло, какие тут перспективы открываются.

- Ну, я то не студент!

- Да. Я все время забываю делать соответствующую твоим умственным способностям скидку. Мне как сказали о... о твоём новом знакомстве - я об этом сразу подумал.

- Ну и удрал с трудового поста...

- Кто б говорил. Я последние дни работал как бирманский слон. Здесь - этим спасенным не лечение нужно, а уход. Самое то для меня - водичкой поить, с ложечки кормить, штанишки поменять и одеяльцем накрыть...

- Черствая скотина.

- А какой есть. Ты бы лучше написал ход проведения операции - и результат с выводами - вот эту бумажку очень неплохо прямо Змиеву на стол. К рапорту от вашего старшего группы в приложение.

- Ты еще и бюрократ.

- Самый часто используемый инструмент врача - шариковая ручка. Если приказом провести информацию - глядишь пяток хороших ребят живы останутся. Так что стоит подсушиться.

Вообщето смысл в его предложении определенно есть.

Николаич подходит к нам. Сапер - следом. Спрашивают о результатах.

Ну. Результаты налицо. Заражения удалось избежать. Клиент жив, и если бы он был одним из нас - выжил бы с большой долей вероятия. Сейчас его выживание - нам не нужно.

Совсем наоборот.

- Не чувствуете себя неловко после такой экзекуции? - уточняет Николаич.

- И пришли к Конфуцию его ученики и спросили: «Учитель! Чем нужно платить за зло? Может быть, за зло следует платить добром, как подобает всякому хорошему человеку?»

И ответил им Конфуций: «Нет, ни в коем случае! Нельзя платить за зло добром! Ибо если вы заплатите за зло добром - то чем же тогда вы расплатитесь за добро?» - философским голосом отвечает ему братец.

Я вообщето чувствую себя паскудно. И, пожалуй, не столько потому, что мы тут вивисектора раскромсали - на это вообщето плевать, подобное лечится подобным, это еще Авиценна говорил, а он был дядька мудрый. Ловлю себя на том, что царапка в душе оттого, что сейчас из цеха выпустили толпу народа и вообщето самое то двум врачам и медсестре - двигать туда. Там бы мы точно пригодились. Нет, конечно то, что мы тут делаем - вещь эксквизитно нужная. Но...

Спор за нашими спинами разгорелся почти до ругани. Знакомое дело! Отчетливо слышу, как майор выдает оппонентам:

- Мневренная война - это такая хрень, когда подвижные соединения находят дырку и устремляются в нее в обход любых серьезных очагов обороны. Таких, где есть противотанковые средства, гарантированно поражающее наши танки. Мы, таким образом, пытаемся разгромить коммуникации, тылы, и в итоге лишить вражеские боевые части боеспособности. Поскольку мы движемся быстро, а в самом зародыше нас тормознуть не смогли, теперь нужно противопоставить нам такие же подвижные части. Никто больше не успеет нас перехватить.

Причем, для успешного пресечения нашей деятельности нужно таких частей вдвое против нашего. А они дефицит. Поэтому тот, кого хреначат безостановочно таким способом, практически обречен. Это цейтнот, тришкин кафтан и прочие прелести, которые ведут только к одному - гибели. Вот, собственно, из какого положения мы вывернулись. А больше никто не вывернулся в этом мире.

Эко танкист завернул. В двух словах - а внятно выразил то, о чем копы ломают уже не один десяток лет куча народу. Надо запомнить, вверну какнибудь в нужный момент. Но сейчас лезть в спор - совсем не с руки.

- Что собираетесь делать дальше? - спрашивает Николаич.

- Ну, надо в исполнение обещанного вшивать руки в жопу. Так как никто раньше такую операцию не проводил, план операции туманен, придется импровизировать. Но вроде как у нас времени на это нет?

- Времени нет, это верно. Нам подтвердили задание на охрану базы МЧС - так что трогаемся.

- А танкист?

- Получается так, что с его командованием не связывались. Самый старший из его группы здесь - тот самый лейтенант. Майору значит, его слушать не должно, хотя вообщето он прикомандированный. Так что в Кронштадте решили, что - на усмотрение майора. Как говорилось выше - танк и в МЧС пока постоит, а в больницу вы танкиста уже пообещали сосватать.

- Ясно.

- А раз ясно - объясняйте коллеге, что надо ехать.

Мда... Коллега мой словно окаменел, как горгулья на крыше стоит.

Несколько раз окликаю его, пока наконец он отрывается и смотрит уже на меня.

Смотрит невидящим взглядом.

Всегда думал, что это такое выражение, которое можно понимать в переносном смысле. На самом деле - непереносимое это выражение... У него и такто мертвые зенки, а тут еще и это...

- Как, руки этому шьем? - спрашивает седоватый саперюжанин.

- Николаич - как со временем?

- Нету у нас времени. Надо выдвигаться. Давайте с коллегой договаривайтесь. Потом руки присобачим, если это так надо.

Мутабора как заклинило. Он явно не то, что не понимает, что я ему говорю - но даже и не слышит.

За стенкой - сигналит машина.

- Получается так, что идем. Этого - на носилки, Мутабора под руки - все пошли. Пошли, живее...

К моему удивлению с нами остаются и трое саперов и водолазы. Когда спрашиваю об этом Андрея, тот совершенно спокойно удивляется:

- Так саперы нам как разведгруппе положены, а водолазы еще имеют задачу, к которой и нас потом пристегнут - есть склад их амуниции по дороге - надо будет загрузиться. Да и заработали уже наши саперы сегодня уже рублей пятьсот - теперь те, что в группе усиления, продолжают. У них даже и собака есть.

- Какие пятьсот рублей?

- По установленным расценкам за разминирование взрывоопасного предмета 1й степени сложности платят 15 рублей 54 копейки, 2й степени - 10 рублей 34 копейки. Вот и считай.

- Это шутка?

- С чего это? Я даже знаком с одним человеком - тот на таких расценках в Чечне заработал 200 тыров рублей. Жигули купил потом.

- А собака что - такая ценность и сверхдевайс?

Андрей удивляется еще пуще.

- В Чечне снайпердух получал за убитого офицера - 2 тыра зеленых, а за саперную собаку - 6 тыров. Вот и считай. У кронштадтских собачка - как раз так тыщ на 5... Не совсем обучена и опыта маловато, но - уже помощница.

- А в Петергоф полезем?

- В Петергоф пока нет. В Рамбов - да, полезем. Но сначала с МЧС разбираться надо - пока их не прикроем - с Красной Горки никуда. Разве только недалеко. (тут Андрей хитро подмигивает.)

Мы выкатываемся маленькой совсем колонной - и очень разношерстной - впереди БТР, за ним окаянный джипик, КАМАЗ с кунгом и замыкающим рычит танк. Вовка прет по какимто дорогам, о существовании которых я и не знал.

Очень скоро обнаруживается, что и Вовка - тоже. Колонна заехала в какие-то кусты, в два человеческих роста, дорога и кончилась. Вылезаем, чтоб убедиться, что это обычная «левая свалка». Тупичок завален всяким строительным мусором в пластиковых мешках. Обсуждение вариантов затягивается, Вовка настаивает на том, что он тут проедет, Николаич уже сомневается в этом, а подошедший Семен Семеныч с ходу выдает одну из своих баечек:

- Меня в свое время удивил эпизодик - в Артмузее есть традиция - наши пушки стоят с гордо задранными вверх стволами, этак задрал нос. А вражеские трофеи - хоботы печально склонили вниз.

А тут надо было поставить на экспозицию немецкий шестиствольный миномет - а у него, заразы, стволы в принципе не опускаются. Ну, нельзя ему иначе никак. И так корячились и этак - все равно вверх смотрят.

Позвали мужика, который с этим девайсом дела имел во время войны и даже стрелял. Пришел, спрашивает у хранителя фондов - целостность миномета важна - он подлежит консервации? (это в случае войны часть музейного добра идет в армию к слову.) Хранитель отвечает - нет, куда ему.

Тогда мужичок берет фомку, лезет под агрегат, пытит. Откудато снизу отваливается со звоном кусок металла и миномет печально свешивает стволы. Так и сейчас стоит, к слову...

- Это вы к чему? - недоумевает Николаич.

- К тому, что дело надо поручать тому, кто в нем разбирается.

Вовка открывает рот, но Семен Семеныч его опережает:

- Я - местный, да еще и охотник. Если помните. Есть ли возражение?

- КАМАЗ не бронирован.

- А у кабанов ружей нет. И больше мы вряд ли кого встретим.

- Ну а если кто из благоизбранных уцелел?

- Им в тех местах делать нечего. Да и вряд ли прыгнут - колонна все ж не простая, танк за километр слышать.

- Получается так - что на ваш страх и на наш риск.

- Годидзе! Не глянете - что там в кузове с вашими протезе?

В кузове, наполовину забитом матрасами - все постарому. Хозяин еще жив, Мутабор рядом, как кошка у мышиной норки. На открывшуюся дверь не среагировал никак. Мы дверь и прикрыли обратно...

Внутри БТР в общем тепло. Сидим кучей, тянет подремать, но чертов Вовик заранее предупредил - будет болтанка. Так что - задремлешь - долбанешься башкой. Курсантеры наконецто завели разговор про баб. Это както встряхивает присутствующих и дремота на время отходит.

Таких разговоров я уже наслушался, служивые такие темы любят и что странно - чем неопытнее - тем гуще рассказы. Самые сперматозавры - обычно как раз девственники - их послушать - так и яйца у них трехлитровые и сперма ручьями и девки кучами.

Настраиваюсь на типовое ведение разговора, и тут тот самый Ленка - дружок нашего РукокрылаЗванцева неожиданно признается - очень жалеет, что в свое время не успел пройти курсы для пикаперов. Ну, сложно ему знакомиться.

- Да все это херня, как говорит Мутабор! Ничему толковому там не учат - заявляет в ответ Сергей, но както слишком уж уверенно.

- А как же пикаперы? Из закомплексованных сосунков отлично готовят в сжатые сроки таких баболобов! Любую снять могут за пять минут.

- Да ну?

- Это - да, полезные курсы. Мне рассказывали.

- Точно! У меня приятель прошел обучение - по паре телок в неделю снимал! Весь страх как рукой сняло. - поддерживает дружка лопухий Званцевмладший.

- Ага. А до того? - дергает меня нелегкая за язык.

- А до того вообще с девчонкой заговорить не мог!

- Нуу. То есть был мальчонка, стесняющийся и боящийся женщин. Так?

- Точно!

- Значит, была у человека боязнь женщин. Считал он их за чтото необъяснимое. Не поддающееся пониманию и жутковатое в своей таинственности. А тут ему объяснили на пальцах, что все девки - бляди и вообще представляют собой три дырки на ножках. Ничего таинственного, ничего мистического, ничего загадочного, ничего, достойного уважения. Три дырки, легкодоступных к тому же. Брякнулась женщина с пьедестала. Так?

- Не так. Он их бояться перестал!

- Он - пикапер - продолжает их бояться. Потому и снимает по десятку за неделю, раньше это называлось комплексом ДонЖуана, то есть паническая боязнь ответственности и неумение строить нормальные отношения с противоположным полом.

А доказать себе, что он крут - охота. Вот и получается - замена количеством качества. Только это фигня.

- Херня! - подсказывает заинтересованно слушающий Серега.

- Ну, можно и так. Я уж не говорю о том, что частая смена половых партнеров чревата боком - как нам говорили на занятиях по кожвенболезням - в среднем каждый тринадцатый партнер - дает новое вензаболевание. А когда нас учили - еще не было такого разгуляева. Вот и прикинь - девок пикапер по определению уважать не может - потому как они либо тупые давалки - если дают, либо заносчивые стервы - если не дают. И пикапер стопудово уверен - если ему не дали - то это не потому, что девчонка себя уважает и не собирается давать

первому встречному, а потому, что она просто сучка заносчивая.

- Да ну прямо!

- А простой вопрос - жениться пикапер будет? Уважать свою жену будет? Он же знает, что все девки - бляди. А как насчет детей? Какой из пикапера папаша выйдет? Да никакой - как стерилизованный самец мухи цеце - жужжит, летает - а потомства нету.

- То есть считаешь, что никакой пользы от такой тренировки?

- По пикаперству? Почему ж никакой. Люди хорошие деньги на дураках делают.

- Я не про тренеров.

- А не про тренеров - вот ты заплатишь денег, чтоб тебе черт знает кто стал чтото в задницу запихивать, причем неясно - то ли палец, то ли совсем даже не палец?

- Охренел? С какой стати? Ты чо?

- Я ниче - через плечо - вокруг ноги - еще винтом - и в сапоги - а если серьезно - то вот такое предложение насчет пальца в жопе - возмущает - а вот в мозги позволяют себе лезть люди кому попало и чем попало. Совсем не пальцем - такой мозготрах делают - китайское промывание мозгов - отдыхает полностью.

- Э, погоди, погоди. Вот насчет девок - сейчас же контрацепция вполне себе - и если с резинкой - то безопасно ведь. Вы же лекаря сами так говорите!

- Говорят, что на 95 % безопасно. А чехи - так и на 70 %. Правда, тут наши считают возможность заражения - а чехи - беременность. Вирус герпеса, гепатита может проникнуть, например. А еще презерватив может свалиться, порваться...

- И гнутся и рвутся! - влезает несерьезный Филя.

- Да бросьте вы. Вот ведь действительно - для пикаперов все девушки доступны - и что ж получается? Порядочных и нету? - Сергей не на шутку встревожился, а мне только сейчас становится понятно, что нашему Ромео такой разговор ножиком режет.

- Почему нет? Полно. Пикапер не может снять любую. Это недостижимо. Он может просто заговорить с любой, а вот даст она или нет - вопрос открытый. Поговорил с тремя - одна дала. С одной понятно - а две другие кто?

- А у них одновременно ангина и менструация! - продолжает резвиться Филя.

- Сережа, дружище - если ты находишься в публичном доме - там все барышни доступны?

- Да, наверное. Но им же деньги платят?

- Не о деньгах вопрос - доступны?

- Ясен день. Это ж бордель.

- Ну, так и пикапер ищет - где попроще. Так что успокойся. Твоя Светка вне подозрений, да и не станет она такого как ты на непойми что менять.

- Говори, говори... - озабоченно отвечает наш пулеметчик.

- Вообще лучший оргазм у женщины вызывает норковая шуба - уверенно заявляет Филя.

- Ну, тут природа такую вилку устроила, что может ты и прав, водоплавающий.

- А то ж - самодовольно восклицает мой приятель.

- Что за вилкато? - это его конопатый сослуживец.

- А возрастная. Парень чем моложе - тем охочее. А у женщин - после 35 охота просыпается. Нет, они, конечно, могут и в молодости завестись как следует. Но пока молодайку заведешь - семь потов сойдет. А вот когда уже начинаешь стариковать - у них наоборот просыпается. Доктор - а почему кстати так?

- А пес его знает. Я так думаю - природа схитрила. Чтоб детенышей растить не мешало. Ну мужички со своей гиперсексуальностью стараются по молодости оплодотворить поболее кого. А у женщин другая задача - дитя выносить и родить, тут секс ей не помощник. А вот вырастила детенышей - уже и оттянуться может по полной.

Некоторое время все молчат, переваривая, после чего Рукокрыл неожиданно спрашивает:

- Вот зомби - тупые и враждебные. Морфы - умные и враждебные. А если их учить,

лечить и кормить молочной кашкой, то может быть нервная система со временем восстановится и они станут полезными членами общества?

- Ну, вообще может и возможно. Но, к сожалению, как говорили классики марксизмаленинизма - «Битье определяет сознание!» Например, европейцы, которые все время к нам лезли (Отечественная 1812, Крымская, Первая мировая, Гражданская с интервенцией, Вторая мировая) приходили в чувство только после неоднократных увещаний сапогом в рыло и дубиной по хребту. Да и американцы тоже.

- Американцы с нами не воевали.

- Ну, не знаю. Медали их видел - «За Сибирь» и «За Россию». Ленточки у них еще такие гомосексистские - радужные.

- Когда они это успели?

- Во время интервенции. В Гражданскую.

Незатейливый треп продолжается, прыгая с темы на тему. Нас довольно сильно мотает из стороны в сторону, ну да это пустяки. В железяке уютно, вроде бы мы дома...

Совсем бы можно бы обмякнуть, да только мысли в голове столбом встали - у танкиста резко ухудшается состояние - когда в последний раз видел - он уже хромал вовсю, а мужик не показушник. Николаич совсем скис, на одной силе воли держится. И еще в кунге - морф и - потенциально еще морф. Мальчик... и еще мальчик. Надо решать, что с ними делать со всеми. А в голове какаято каша...

Парни опять съехали на обсуждение девок. Расслабились.

Ну, это как раз хорошо.

Начинаю клевать носом...

Будят достаточно немилосердно. Приехали, оказывается. Уже на базе у МЧС - и я последний в салоне засиделся. Вот ведь чертовщина - и не заметил. Да иное путешествие на электричке куда как приключистее, а тут мы колонной проехали как у бабки по огороду. В который раз убеждаюсь - что работа действительно Мастера - не заметна. Получается так естественно, что любой стоящий рядом поневоле думает - Э, я б так тоже смог, ничего особенного...

Не понимаю, как нас так ухитрился Семен Семеныч провести, тут все-таки места населенные худобедно. Интересно - кабаньто хоть попались? Тут их много было.

Половину нашей компании ведут ужинать. Другая половина остается на охране. Народу-то многовато на базе, женщин много, детей полно. Чтоли у наших знакомых мчсников такие семьи? Да не похоже вроде... И еще - у многих на спине СКСы висят. Интересно, откуда?

До стола добраться не получается - сначала приходится визитировать несколько человек больных. Идем вместе с братцем и Надеждой, как выражается братец - чтоб конвульсиум был полный. Серьезных больных оказывается трое.

Два артрита у взрослых и воспаление легких у десятилетнего мальчишки. Добросовестно слушаю, но после сегодняшнего от контузии еще не отошел. Какие там хрипы услышать - шум в ушах такой, что я шепот не слышу и сам ору громче, чем надо. Но вроде и без хрипов на пневмонию очень похоже.

В общем надо пятерых в больницу везти.

И, наконец - можно идти за стол. Потому что жрать хочется - аж из глаз искры.

Останавливает Надежда. Напоминает - у нас морф. И руки пришивать к заднице лучше сейчас - пока клиент жив. На обернувшемся это делать не стоит - обидно будет уколаться об иглу или поцарапаться скальпелем. А в нашем состоянии это - раз плюнуть, чутьчуть ошибиться и уколаться... А после еды - и вовсе не пойдет.

Сильно тру ладонями лицо. Вроде немного становится легче.

Но самому начинать не резон - пока тут у нас Николаич главный.

Нахожу его довольно быстро, отзываю от группки местных, спрашиваю разрешения на окончания операции.

Ответить он не успевает.

Успавает только очень укоризненно глянуть.

Потому что все остальные уставились на меня круглыми глазами.

Какого черта?

Самое время сказать это самое «Упс!»

Или что положено говорить, когда понимаешь, что ляпнул очень неуместную вещь? Шепотто мой после контузии ээээ... Громковат оказался. Это я думаю, что тихонько спросил. Судя по опупевшим физиономиям вокруг - ошибаюсь я... Очень сильно ошибаюсь...

- Вы что, собираетесь живому человеку руки к заднице шить?

- Вы охренели? ВЫ СОВСЕМ ОХРЕНЕЛИ?

- У вас тут живой морф? МОРФ?

- Вы к нам сюда привезли мертвяков?

И все это спрашивают сразу, одним залпом. Ктото побежал прочь, ктото наоборот публику зовет. Начался кипеш...

Мде... Заварил я кашу...

Что особенно неприятно - я спросту спросил Николаича открытым текстом.

Ну, сдуру конечно, спросонья, да и уже както привык, что у нас в команде все в курсе, опасаются конечно, но тем не менее. А тут уже и оружие вон в руках наизготовку...

Знакомых своих не вижу.

Морды все чужие.

И женщин много. Это совсем плохо. Толпа баб - самая жестокая...

Настроены они куда как гадко. Дети раньше тут вертелись - а глядь - никого не осталось, всех видно в укрытие погнажи. А мне уже стволом в пузо тычут. И палец у дуры на спуске двустволки. Вот молодец, ловко и быстро создал себе радостей жизни. Сейчас ее пхнут, она и бахнет мне в кишки дуплетом!

Орево достигает апогея.

Да есть тут у них начальство или что?

Меня уже за локти хватают. Николаича затерли.

А нет, еще и громче орать можно - похоже, наши подоспели...

Сейчас по мордасам - и понесется.

На мое громадное счастье прибыло видно начальство.

Ктото громко - во всяком случае, куда громче баб - орет: «Тихо!»

Убедительно получается.

Хороший голос. Добротный, как у спасенной нами раньше молодухи.

Как Боинг на бреющем прошел!

Толпа аж головы в плечи вобрала.

Но недоброжелательность - еще куда как осталась.

Николаичу предлагают разьяснить людям - что да отчего.

Николаич разьясняет. Говорит он негромко, чем заставляет толпу притихнуть и говорит - это я должен признать - хорошо. Именно для женщин так и надо говорить. Просто Котбаюн. Когда речь доходит до девочек в медпункте, вижу у бабенки с ружьем слезы на глазах. Тихонько пальцем отвожу стволы от живота. Уфф...

Дальше - хуже, потому как толпа рвется линчевать вивисектора. И оказывается, что кунга нет на том месте, где он стоял до моей оплошности. Охрана на воротах подтверждает - выехал, причем совсем недавно.

Вовка собирается дернуть следом, но толпа теток не дает ему двигаться. Максимум кого выпустят - это меня с парой сопровождающих. На джипе. И с обязательством максимум через час вернуться. Со мной выбираются Филя и братец.

За воротами ощущаю, что у меня вся спина мокрая - и задница тоже. «Со спины в жолоб стекло!» как говорили раньше в подобных случаях. Чтото сегодня я туплю серьезно - и все время. День что ли такой?

Филя, тем не менее, рулит уверенно - видно знает куда ехать.

На моем языке давно уже вертится вопрос:

- Филя, а что ты спрашивал у того мужика, которому в ухо прописал, кто он по национальности?

- А чего?

- Да просто интересно. Ты ведь не чихнешь спростуто. А тут вопрос такой странный.

- И ничего странного. Русские - забывчивы и незлопамятны. Потому на его угрозы я плюю и сморкаюсь.

- То есть если б другой какой нации - так ты бы его за угол - и пришил?

- А то!

- Не, серьезно?

- Конечно. Был бы он поляк или литовец - я б к его словам отнесся серьезно. Или если б финн или венгр.

Мне остается только изумленно покрутить головой. Не, ну про финнов понятно - в Калевале там это четко прописано, про их злопамятность. А книжка - для воспитания, так что все ясно. На чем детей учат, на том они такими и вырастают. Но вот насчет поляков и литовцев... Надо будет с артмузейскими поговорить.

В свете фар вижу наш КАМАЗ. Стоит у какого-то ветхого барака. Филя мигает фарами. Грузовик отвечает. Вылезает. Идем к нему.

- Я уж думал, что вас там на тряпочки порвут - как бабыто подступились! Я сразу понял - мотать надо - говорит выпрыгнувший из кабины Семен Семеныч.

- Да медицина орать стала как с похмелья - вот тетки и оцетинились.

- А чего оратьто?

- Да рассказал бабам докторище - вон, дескать, все в команде алиментщики, а не платят!

- Филя, кончай трепаться. Лопухнулся я опять, Семен Семеныч - спросил про морфа Николаича, а того не учел, что сегодня меня приглушило, вот громко и вышло...

- И надо ли мне сказать, что простота - хуже воровства?

- Нет, Семен Семеныч, не надо. Мне сегодня видно весь день положено делать дурости и потом стыдиться.

- Ладно. За бритого двух небритых дают. Мне уже Саша все рассказал. Дальше что? МЧСники отказываются морфа перевозить. Так что ждем корыто из Кронштадта.

- А в Кронштадте что решили?

- Приказ доставить морфа и вивисектора живьем. Или мертвым? Короче - неуспокоенными на один из фортов. Капитан корыта будет в курсе.

- Ясно. А Валентина в курсе?

- Там повыше люди задействованы. К слову - от вас ждут устного и письменного доклада. С выводами и рекомендациями. Так что спать не получится. И мне вот не дали.

- Семен Семеныч! Ну не добивайте уж выто...

- Да ладно, чего уж... Сам грешен. Как говорили мне мужики у нас на автобазе - «Язык твой - враг мой!». Бывало... Петьто оно безопаснее.

- Ваша правда.

- Дальше что делаем? Скоро уже кронштадцы придут.

- Заканчиваем эту проклятую операцию. И тут за Мутабором пригляд нужен.

- Опять орете, Доктор!

Тьфу ты, зараза. Самто я себя плохо слышу.

- Где работать будете? В кузове пачкать не стоит. Там уже беженцы напачкали. Я хоть полиэтилен настелил, но грязища.

- Говно - не сало, помыл - отстало.

- Кровища будет?

- Ну. Будет, жгут на задницу не наложишь.

- Так вот мне б этого не хотелось. А на почте не лучше?

- Это почта?

- Была. И вроде печка там есть. Сейчас доски с двери отдерем - выход можно охранять. Только вы уж побыстрее.

За спиной слышу треск. Пока мы тут говорили, а Филя нас охранял, братец уже входную дверь освободил. А вообще надо ухо остро держать. Места здесь безлюдные, но чем черт не шутит...

Мы укладываемся за полчаса. Хоть братец и попрекал меня жуткими швами - сам нашил не лучше. Да и то сказать - руки замерзли сильно. Ехидностей от братца наслушался на полгода вперед. И то сказать - остались без ужина, на холоду и в теплой компании. Морф, правда, молчит - прям воплощение Немезиды. Вивисектор на наши упражнения уже не реагирует, пульс нитевидный, дыхание агональное. Немного ждать осталось.

Выходим с братцем на улицу. У входа бдят Филя и Семен Семеныч.

- Все?

- Все. Давайте с нашими связывайтесь.

- Как Мутабор?

- Молчит. Сейчас пиковый момент - Хозяин вотвот сдохнет - непонятно, как себя Мутабор поведет.

- А какие варианты?

- Любые. Отмена доминанты. От ступора до агрессивности.

- Опять вы громко слишком говорите!

Чертыхаюсь злобно.

Про себя думаю, что вообще-то впору пришить себе язык суровой ниткой. Для ограничения подвижности оно.

Впрочем, долго упиваться своим горем не получается - вызов и пожелание прибыть поскорее к пункту отправки. Оба шофера прекрасно поняли куда ехать. Остается забрать с собой Мутабора и прооперированного.

Неожиданно начинаются сложности.

Мутабор не дает забрать носилки. И сам не идет.

- Рррхохоффоррр хисфолнеенние. Хонесс...

- Исполнение договора - не конец. Отрицание. Наличие перспективы.

- Ы?

- Перспектива.

Морф хмыкает. Ясно, что он перспектив не видит. Честно говоря - я их тоже не очень себе представляю. Я ж не знаю, что у него там в искаленном и умершем мозге сейчас просходит. Смешно ожидать от него самопожертвенного служения интересам Человечества. И людито в подавляющем большинстве этого не делают. А к подвижникам относятся как к идиотам. Тем более зомби, и уж тем более морфы в этом и вовсе не замечены. Но если я хочу убедить морфа в чемто, сначала мне нужно убедить себя.

Посреди разговора Мутабор дергается, поворачиваясь к своему ненавистнику.

И я тоже вижу тот момент, когда у человека отлетает душа. Если была таковая у покойного. Неуловимо и неопишимо меняется облик - особенно это видно по полуоткрытым глазам умершего. Вроде бы все как раньше, но это заметно, как щелчок пальцами.

Умер талант и гений. Теперь оборачиваться будет. Хорошо мы его после операции примотали к носилкам добротно.

- Удовлетворение наличие?

Мутабор помолчав, очень неохотно отвечает:

- Ффроффал... Ффеассха.

Вот тебе и раз! Столько корячились - а он - провал, фиаско!

- Недоумение.

- Ссффысллл... Хоссусфие... Ффотерии...

Он неожиданно хватается меня за грудки своей лапищей и, подтянув к себе, шипит:

- Ссеммья... Шшисснь...

Видно, что ему не хватает слов, отчего он бесится еще больше.

Слышу лязг затвора оттуда, где стоит водолаз. А на плечо морфу ложится знакомая рука - братец невозмутимо говорит ему:

- Доктор! Работа - перспектива. Готова лаборатория. Руководитель - назначение.

Отправляемся - вы прием дел. Запрос оборудования.

Зубы от моей физиономии отстраняются.

- Хиссушение Мхутхаапорр? Песссмыслисса...

- Изучение - психология, физиология, послежизнь. Мутабор - помощь.

- Ххерня! Фоммосшь? Фффомосшшь??? Ссиссиосисссммм!

- Подтверждение. Медик Мутабор - оказание помощи населению.

Морф свистяще шипит - получается, как ни странно, иронично. Честно говоря, мне тоже кажется, что братец ляпнул.

Видно братец чтото уловил и снисходительно поясняет:

- Вивисектор - жив. Образец для изучения морфирования, биохимии, поведения, способов защиты от вивисектора. Контроль и охрана - только Мутабор. Люди - нет возможность управления вивисектором. Знания - необходимость. И сила - и безопасность. Вивисектор - безопасность Мутабор. Плюс - возможность восстановления речи... Вивисектор - объект изучения Мутабором.

- Шушшь. Ххерррня.

- Предложения?

Мутабор задумывается.

Мы сильно опаздываем на берег. Полчаса бились с чертовым упрямцем. Как удержался Филя - не понимаю. Поводов стрелять было достаточно. Но както удержался и он, и приехавший позже экипаж на БТР.

Получился несуразный базар.

Я так и не понимаю, когда морф согласился двигать дальше.

Как ни пытаюсь понять - что сработало - не понимаю.

И женщин не понимаю. Перед самой отправкой мне всучили пакет с чемто холодным и мягким. Сказали - для Доктора.

Оказалось - сырое мясо. Пока думал - на кой хрен мне кусок мяса, лучше б котлету жареную прислали - оказалось, что это поварихи не меня, а Мутабора покормить решили. Так растрогались после рассказа Николаича.

А про меня забыли, дуры сентиментальные.

На Кронштадт отходит «Хивус» с больными, да потом видим огоньки на катерке - посуда забирает морфа с его Хозяином и сопровождать едут братец с Филей. Чтото там намутили уже. Правда, не могу понять - что там за лаборатория. Была чумная - в форте Александр, но там давно уже ничего такого нет. Оставят двух мертвяков самих по себе? Или там охрана какаято? Вряд ли кто согласится добровольно жить в присутствии морфа.

Ну, разве что Валентина. Та - могла бы. Надеюсь, что Алик ей этого сделать не позволит.

Николаич оставил после себя старшим Ильяса, теперь видимо волнуется - правильно ли сделал. Я тоже волнуюсь - быстро нашего командира не вылечат, а хватит ли у нового сообразительности лавировать и предусматривать все на три шага вперед. Да еще при этом не обижая окружающих, не наживая врагов и получая выгоду от каждого телодвижения. Такто Ильяс - нормальный мужик, но и власть людей портит, да и цена ошибки велика. Нашей группе достаточно одной очереди - вот как сегодня Серега сектантов скосил...

К моему удивлению, нотаций мне ни Николаич, ни танкист не читают.

Хотя заслужил я их за нынешний сумасшедший денек - с походом. Хоть метрами меряй и пудами вешай.

Вместо этого Старшой вполголоса рассказывает майору о сегодняшних трофеях:

- Автоматами разжились... Разбираться придется - в основном заклинившие достались. Черт знает, как эта пяхота готовилась к операции - автоматы толком с консервации не сняты. Да и не только разгильдяйство.

Николаич поворачивает голову ко мне:

- Помните окровавленных солдата и девчонку - когда мы к заводу подходили, они нам первыми попались? У него еще автомат заклинило изза крови на патронах? Так вот - по следам я видел, что этот солдат девочку на руках нес, ему в спину пуля попала. Но он сумел еще сколькото пробежать. А девочку пуля убила прямо у него на руках. Вот солдат себе на беду и не заметил, что она умерла - и обратилась. Порвала ему сбоку шею. А он в нее потом стрелял - но автомат заело. На втором выстреле.

- И вы все это по следам прочли?

- Получается так. Но ведь в этом нет особо чего сложного. Нормальная обычная мужская работа - следопытство.

- Такая уж и обычная...

- А то ж... Получается так - что обычная. Про охотников не говорю, но вот например гаишники - следопыты, когда аварию фиксируют. Сантехники - следопыты. Автомеханики - ровно то же самое. Криминалисты - уж точно следопыты. Да и у вас у врачей - тоже ведь так?

- Ну да, работа того же судмедэксперта или патанатома... Я вот помню как на первом курсе нас на вскрытие привели - старушка - горожанка померла. И патанатом нам прямо как по книге читала - вот шрамик от инфаркта, старый, лет 10 тому назад был, вот - лет 5-6 назад, а этот - свежий след... Нас еще тогда поразило, что у старушки легкие были черноватые - словно усыпаны черными точками и узелками. Нас патанатом спрашивает: «Как думаете, откуда эти точки?»

- А вы?

- Ну а мы же - первый курс, самые знающие, это ж на шестом понимаешь, что не знаешь ни черта, а на первомто наоборот, ну просто считай все знаем - ей так уверенно отвечаем: «Курила женщина много!» Патанатом улыбнулась и говорит в ответ: «Ручаюсь, что она в жизни не курила. Эта копоть - нормальна для обычных горожан. У вас ровно то же будет...»

Мы ясно удивляемся - а как у курильщиков?

А у курильщиков - завтра приходите.

Ну, мы и пришли. Там мужика вскрывают. И легкое наполовину розовое, а наполовину - черное как у бабки. Ну, может слегка чернее.

Патанатом закончила - какие, мол, вопросы?

Вопросов ясно дело два - почему легкое розовое и почему копотти мало? Он же курил?

Она посмотрела на глупых щенят и отвечает: «Розовое - это раковая опухоль. В нее копоть не попадает, опухолью пациент не дышит. А копотти мало - потому что вчерашней старушке было 86 лет, а сегодняшнему пациенту - 43. Дышал он и курил вдвое меньше, чем та бабушка.»

Нам так стыдно стало!

- Нормально. Это нормально. Не знаю людей, кто бы в щенячем возрасте не попадал в глупое положение - улыбаясь, говорит майор.

- Получается так, что вот когда взрослые люди как щенята дуркуют... - с явным намеком начинает выговаривать Николаич.

- Бросьте, и хуже бывало. Никто не святой. Как сказал Иисус: «Кто без греха - пусть первым бросит в лекаря вот этим кирпичом... Потом сам первый и бросил...»

- Не, там блудница была... Доктор тоже сегодня наблудил, а?

- Это детали. Поговаривают, что в тех местах и сейчас камнями за такое забрасывают. И не без основания - замечу - говорят. Вы лучше скажите - после контузии - как себя чувствуете? - поворачивается танкист ко мне.

- Да както не очень. Слышу плохо, шум в ушах.

- Потеря сознания была? Рвота? Провал в памяти?

- Нет, только по ушам сильно прилетело...

- Кровотечение было? Из носа, ушей?

- Нет, обошлось.
- Тогда хорошо. Можно считать - повезло.
- Да я понимаю.

- Вряд ли. Серьезная контузия - это частенько смерть. Печень рвется, сосуды, легкие лопаются... Тяжесть тоже хрен определишь - сослуживца как трянуло - так у него потом с неделю чертовщина была - по его ощущениям то время несется, то замедляется и еще жаловался, что тело у него меняется - в пропорциях. То одна рука длиннее другой, то нога короче, то голова разбухает, то весь состоит из туловища, а ножки сантиметров по двадцать. Или наоборот - как на табурет залез... А другой на неделю оглох и онемел... И что похабно особенно - потом психика у многих меняется - заводятся с полоборота и никак не остановиться.

- Получается так, что после войны - пока инвалиды были живы - так контуженные как где какой скандал - сразу предупреждали. Да вот - недалеко ходить - в фильме «Я шагаю по Москве» - герой Ролана Быкова - странноватый такой мужичок, заводится не пойми с чего, а потом милиционера предупреждает, что он контуженный - удачный образ, четкий. И милиционер, что характерно, понимает ситуацию правильно, в отличие от молодых обалдуев.

- Это да, наши профессора ставили в пример некоторых актеров - как те в образ входили. Токсикологи в ВМА гордились тем, что Евстигнеева натаскали - он к ним обратился, когда Плейшнера играл. Ну и сыграл потом так, что курсантам показывали - вот, дескать, достоверно показанная смерть пациента от приема цианистого калия.

- Надо ж. Не знал.

- Да кому это интересно, по большому счету... Сейчас полезнее знать, как автомат с консервации снимать...

- Боюсь сглазить, но сейчас еще не самое плохое время.

- Дальше хуже будет?

- Несомненно.

- Так вроде устаканивается же - влезает в наш разговор один из больных - другие прислушиваются. И водила тоже уши наострил.

- Баечка такая. Восточная. Был такой мудрец. Абдул. Умел гасить звезды. Прослышал об этом тамошний султан - велел Абдула доставить во дворец со всеми его причандалами.

- Мое султанское величество желает, чтоб ты погасил вооон ту звезду!

Абдул - слушаю и повинуюсь - оборудование свое настроил - все, говорит, о Великий - погашена звезда!

Султан глядь - а звезда сияет, как ни в чем не бывало.

- Ах ты сволочь, над своим султаном издеваешься? А - ну голову ему долой!

Абдул и слова сказать не успел - снесли ему башку.

Двести шестнадцать лет прошло. И султана забыли, и Абдула.

Вчера - смотрят астрономы - а звезда - погасла.

Двести шестнадцать лет свет от той звезды шел.

Намек ясен?

Все некоторое время переваривают сказанное.

- Это ты, служивый, на то намекаешь, что цивилизация помирает медленно?

- В тютельку. И электричество еще есть и водопровод. Даже канализация работает. Только чинить некому. Так что начнет сыпаться все - и чем дальше, тем больше.

- Мда... Тут с нашими эффективными собственниками - и то уже посыпалось...

- Ну, эффективные собственники - тож разные.

- Э, одна порода...

- А нет одинаковости в породе. Большая часть - банальные воры в особо крупных размерах, получившие эту возможность при присасывании к верхушке и соответственно бюджету. Оказавшись в жопе, такие не блещут - ну вот олигарх сидит себе - один в тюрьме, другой в Англии - и сидит - ни восстания не поднял, ни ход не прорыл... Очень малая часть - действительно могут организовать не только попил бабла, но и, скажем, какоеникакое

производство.

Остальные, будучи от кормушки отодвинуты, резко теряют силу... Получают себе тихонько гранты и прочее воспомоществование, руководят какойто синекурой...

Они ведь в основном сродни карточным шулерам - создать чтолибо не оченьто горазды. Развлекать - это да, тут у них талант. Скорее вор в законе может что в эксклюзивных условиях, а не эти ребята. Они ведь не хищники, не тигры - скорее ленточные черви или там аскариды - без организмадонора - никто и звать никак...

- Онито себя как раз тиграми считают!

- Ага. До всего этого мертвяцкого бедлама они выглядели как нерадивые приказчики - богатый купец умер - ну давай растаскивать, что можно, пока наследник не приехал. Кстати - вот цивилизация от СССР - тоже как свет от звезды. Пока нанотехнологии не поспели - на всем старом сидели. А сейчас уже и нанодирижаблей не будет...

- Ну, без нанодирижаблей обойтись можно, а вот без водопровода и канализации - грустно...

- Это да...

- Кстати, о цивилизации - что так на базе МЧС народу много?

- Так набегали, куда ж деватьсято. Все ж МЧС, спасатели.

- А СКС откуда столько?

- Да тут склад непода...

Водитель внушительно кашляет, говоривший больной осекается.

- А патроны?

Больной показывает глазами на широкую спину в куртке с буквами МЧС на спине. И меняет тему:

- А баечка про звездочета хорошая. Турецкая?

- Нет, Лагин написал.

- Это кто такой?

- Старика Хоттабыча помнишь?

- Конечно.

- Тот же автор...

Разговор сворачивается сам собой.

Прикидываю, что сейчас поделывает братец с Мутабором.

Видимо эти мысли не мне одному в голову приходят.

Водитель, повернувшись к нам, спрашивает как раз о такой диковине, как «свой морф». Дался же он им, вот ведь. Сенсация! Приходится рассказывать еще раз, по возможности избегая скользких мест и придерживаясь канвы, данной Николаичем.

Уже и Кронштадт. Машина нас ждет. Инвалидная команда занимает места, залезаю вслед за ними - собираюсь прощаться с парнем на «Хивусе», но он машет рукой - велели ждать, скорее всего обратно вместе поплывем.

Несмотря на позднее время, в больнице нас ждет несколько больше народу, чем заслуживает пяток инвалидов с сопровождающим. Получается короткая прессконференция, причем и главная здесь, и начраз прискакал - и врачи многие. Вопросов куча, я както не представлял себе, что мой нелепый контакт с Мутабором вызовет такой ажиотаж.

Приходится спешно писать отчет. К моему счастью, находится потертый диктофон - и мне остается наговорить все на пленку. Вроде есть, кому напечатать.

Дальше оказывается хлопотно - саперы разблокировали уже несколько зданий, освободили людей и на ремонтном заводе сейчас полный завал. Судорожно комплектуется несколько групп - в том числе и медицинская. Коллега - отоларинголог, командовавший на берегу, свалился с сердечным приступом, эвакуирован. Короче говоря - придется ехать обратно и работать там до момента, когда ситуация исправится, потому что там сейчас самый настоящий очаг санитарных потерь.

Времени хватает только на перекусить походя чемто вроде бутербродов.

Меня несколько задевает, что врачи больницы остаются на месте - посылаются

медсестры - три человека, пяток санинструкторов - и меня старшим. По дороге надо забрать брата, да и группу нашу перебрасывают обратно на завод. Сейчас уже идет замена охотничьей команды на базе МЧС на два десятка кронштадтских.

Пытаюсь выцыганить медикаменты и прочее, что необходимо в такой ситуации. Когда на руках несколько не то сотен, не то тысяч замерзших, голодных - и обезвоженных впридачу людей, многое понадобится. Мне толкуют, что уже послали, что можно и нужно. Тут вмешивается майортанкист - как он появился, я не заметил.

- Пошлите туда еще старые газеты, ткань в рулонах, можно телефонные справочники и картона побольше.

Главная смотрит на него как на идиота.

- Мы все необходимое уже послали!

- То, что я перечислил, тоже лишним не будет. Кстати - надо также туда караульные тулупы, если есть, и валенки тоже. На тех, кто там сегодня корячился - одежка не слишкомто теплая, а охрану налаживать надо будет.

- Но газетито с картоном зачем?

- От холода спастись. Газетами - и газетной бумагой из телефонных справочников - эти, желтые страницы, например - можно неплохо подсушить сырую одежду и обувь, и утеплиться тоже можно. Просто напихиваешь ее под верхнюю одежду. Если не надо стоять, а лежишь или сидишь на чемнибуть, сапоги надо поднять немного. Ткань нужна на портянки, носками все равно всех не обеспечишь. Если приходится стоять на замерзшей земле или утоптанном снегу или льду, надо набросать под ноги чегонибудь. Картонные коробки очень хороши - одиндва слоя дают офигительную разницу. Можно лапник, только его там сейчас не наберешь. Можно газеты опять же. Можно пакеты поверх сапог надеть. Но это не вместо картонок или других подстилок. При минус двадцати без снега мы спали на земле без обморожений. В сапогах. Приняв необходимые меры. А однажды я отморозил уши чуть не при нуле градусов и без особого ветра. Просто варежку раззявил, дурень. Так там сейчас таких дурней будет богато, вам разве это нужно? Лечитьто здесь придется. И не только обморожения - циститы там всякие, ангины, бронхиты, радикулиты, аднекситы и воспаления легких.

Главная смотрит на говорящего это офицера несколько благосклоннее.

- Хорошо, учтем. Мысль любопытная. Только сейчас уже груз укомплектован. Следующими рейсами. Эту макулатуру еще найти ж надо...

Медсестры уже собрались. Забираем санинструкторов (ну совсем мальчишки) - и отчаливаем. Или как оно называется. Если правильного, по военноморскому?

Кроме людей - на корыто еще и пару мешков с медикаментами и перевязочным материалом закинули. Что в мешках - коротко докладывает сумрачная тетка - старшая у медсестер. Вроде все, что надо в таких случаях.

Тесно, зато тепло. Приходится еще раз озвучить, что там на заводе происходило. Один из санинструкторов в самом вроде неподходящем месте рассказа стал хихикать - получил от медсестры подзатыльник. Ну, пацан еще совсем...

Коротко инструктирую о том, чтоб заботились о своей безопасности. Они вооружены - у каждой и у каждого есть по пистолету, но признаются, что сами не пользовались, знания сугубо теоретические. Надо будет потом попросить Николаича и того же майора - чтоб в плане ответной любезности научили медперсонал пользоваться оружием. Времена, когда медики пользовались неприкосновенностью - закончились уже давно. Я уж не говорю про уголовников - раньше лепилу обидеть было реально запаadlo, нынче - взятие медиков в заложники уже привычно. Но и вроде как патентованные военные стали вести себя совсем не по кодексу чести - наши, обжегшись на европейском отношении оккупантов к врачам в Великую Отечественную, сделали выводы - уже в середине войны каждый медсанбат старался сформировать у себя отделение санитаров из толковых бойцов (подбирали обстрелянных - из поступивших раненых) и всеми правдами и неправдами удерживал их у себя, а заодно разживался неучтенкой - в первую очередь автоматическим оружием, на что

начальство смотрело даже не сквозь пальцы - а вообще глаза ладошками закрывало.

Доходило до того, что в медсанбатах были даже противотанковые пушки и несколько раз в конце войны медсанбатовские сами подбивали танки и бронетранспортеры немцев и венгров, прорвавшихся в тылы, или пробивавшихся из окружений...

А если кто что скажет насчет того, что это нарушение правил войны и тырыпыры про Красный Крест - тому можно просто напомнить, что больше 200 госпиталей и медсанбатов были вырезаны и расстреляны в первой половине войны - когда они еще рассчитывали на то, что наш противник - нормальные люди и были безоружны...

Братца и Филю подбираем там, где я и предположил - на форте Александр Первый. Черт, хотелось давно тут побывать, читал про этот форт много, а видел только издалика.

Интересная история этого форта была. Когда его строили - он уже устарел, потому как гладкоствольные пушки уступили место нарезным орудиям. Да и защищал он внутренний рейд Кронштадта, а дотуда добраться противнику было очень непросто.

Потому и поместили в небольшом, в плане похожем на почку форте (если уж продолжать сравнивать с анатомией) чумную лабораторию. Чума сильно напугала человечество и производство противочумной вакцины было делом очень важным. Вот и содержали там лошадей - для получения сыворотки, проводили эксперименты и много чего успели. А что такое чума - видно было по истории болезни Выжникевича - заведующий Особой противочумной лабораторией Института экспериментальной медицины, Владислав Иванович Турчинович-Выжникевич заболел 3 января 1904 и умер 6 января 1904, за три дня сгорел от легочной чумы.

По тем временам - первоклассно оборудованная лаборатория со строгим режимом и своим крематорием, в котором сжигали все - вплоть до мусора и конского навоза - из лаборатории в мир выходила только вакцина...

И даже пароходик, обеспечивавший связь с Кронштадтом, носил гордое название «Микроб».

Эх, вот будет свободное время - обязательно сюда напрошусь - интересно тут походить. Нет, конечно, похожее видеть доводилось - известный форт Байярд - такой же, только поменьше. И в Англии такие же есть, и в Америке... Их еще называли «каменные линкоры» - действительно на корпус корабля похоже и орудия ярусами ставились...

От всего этого отвлекает братец, залезающий в салон. Кивает и говорит:

- Направление - завод? Помощь беженцам? Медикаменты - наличие?

- Окстись, братец! Тут нет Мутабора, все живые.

- Тьфу. Черт! Момент. Перестройка.

- Как тут устроились?

- Есть тут помещение с печкой. И отчаянный дед - вроде как он бывший лоцман. Согласился остаться, а Мутабор - как собеседник, деда вполне устраивает.

- Извините, Мутабор - это - тот самый морф? Про которого сегодня говорили?

- Он самый - отвечает за нас Филя, достаточно плотоядно посмотрев на спросившую медсестричку. Ну да, в его вкусе. Полненькая, светленькая. Самое то. И - главное - смотрит восхищенными круглыми глазами.

- Ой, как интересно!

Я уже собираюсь открыть рот для честного заявления вроде как «ничего интересного, он просто инвалид с изменением еще и обменных процессов», но вижу весьма выразительный взгляд Фили и решаю воздержаться.

Водолаз элегантно и бесцеремонно впикивается рядом с медсестричкой и начинает заливать.

- Как устроились? - спрашиваю братца.

- Нормально. К слову мясо очень к месту пришлось, не забудь теткам спасибо сказать.

- Слушай, а с чего морф вдруг согласился ехать? То упиралсяупирался, а потом вдруг как щелкнуло.

- Да сам не пойму.

- А может изза того, что стайное животное, человекто?

- И?

- Ну. Мы его так уговаривали, что он почувствовал себя, скажем не лабораторным животным, а своим? Так, скажем, обрел компанию?

- Ага. Наша рота - дружная семья. Помоему - плетешь не ту святую. Скорее посчитал, что надоест нам его убеждать - ктонибудь из политически неграмотных и пальнет. Может, посчитал, что так он будет в большей безопасности. Если в нем будет постоянная надобность, не припомнят художеств под руководством ныне беспокойного вивисектора.

- А может обещанное тобой руководительское кресло соблазнило?

- Кто знает. Тебя кормили?

- Сожрал пару бутербродов на ходу.

- А про меня забыл, а? Бутерброды с сыром были?

- Гм...

- Ясно. Забыл. Родственничек!

Братец поворачивается к нашим спутникам.

- Месье, мадам и мадемуазель! Я же не манж ну не все сис жур, но жрать хочется как из пушки. Может, кто удружить голодному, заброшенному всеми лекарю? Найдется ли у вас капля сострадания или на худой конец холодная котлета за пазухой?

- Вы еще забыли сказать, что сами вы не местные и извините, что мы к вам обращаемся - ехидно замечает старшая медсестра, тем не менее начиная копать в своей сумке.

- Так низко я не пал, чтоб попрошайничать поцыгански. Тем более что основной бизнес на нищенстве держат цыганелюли. А они вроде и среди цыган - не почитаемы.

- Ладно, держите.

- Вот спасибоочки!

В итоге нам насовали провизии - как раз на троих и хватило - Филя, разумеется, мимо не прошел и трапезу с нами разделил.

Правда поесть спокойно не дали - вопросов было много.

Кронштадская медицина уже на морфов насмотрелась - причем на разных - оказалось, что и братца присутствующие знают - он препарировал несколько морфов у себя - на новом кладбище, названном в честь большого Пискаревского, где лежит 470 000 ленинградцев, умерших в блокаду от голода, холода, обстрела и бомбежек, - Малой Пискаревкой.

Но вот появление болееменее разумного, да еще и выступившего союзником морфа - это их сильно удивило. Помоему даже посеяло всякие беспочвенные утопии, типа вечной надежды людей на практическое бессмертие. Хоть в каком виде, не зря же так были популярны дурацкие фильмы про вампиров. Только бесплатный сыр - как правило в мышеловке. Причем для второй мыши.

Вовсяком случае, по одному морфу судить нельзя. Ну, мне так кажется...

Хотя заманчиво, конечно. Потому как вроде жизнь после смерти - и что там - один Мутабор ведает. Но мне так кажется, что тут не будет все так уж просто - пореанимал безнадежного - и вот он встает, говорит «Благодарность. Доктор. Коньяк. Завтра.» и прет домой к радостным родственничкам. Вот что узнать надо точно - осознавал себя мой подопечный сразу или память потихоньку возвращалась. И что там такое было - при дрессировке того же Альманзора. Пряник какой был - ясно, а вот кнут? И ведь был кнут, совершенно точно - больно уж вивисектор был уверен в том, что морф его боится. Морф, конечно, жульничал, но ведь это показывает, что применяли по нему какуюто неприятность...

- Подходим, приготовьтесь высаживаться! - не оборачиваясь говорит МЧСник.

Народ начинает прибирать свои сумки, а старшая из медсестер раздает брезентовые котомки - точно, в таких были бахилы и рукавицы от ОЗК.

- Это зачем?

- Загажено на территории уже все сильно, а в цехах, где людей три дня держали - тем более. Без бахил - угадимся сильно, нам же там ходить придется...

А ведь и верно. Добавляю футляр в свою поклажу.

На берегу людно и довольно оживленно. Людей полно и видно, что грузы кучами. Встречает комендантский патруль из мореманов. Переваливаем сумки и себя в маталыгу, к которой нас привели патрули. Медпомощь никому не требуется - командование решило не проводить массовую эвакуацию.

Вместе с маталыгой отправляется несколько разномастных грузовиков. В холодном, сыром воздухе чад солярки и сгоревшего бензина звучат какойто особенно тревожной нотой. Водила перед прощанием сообщил, что наши благополучно убыли в Ораниенбаум, их заменили присланные с Котлина люди, но вообщето МЧС предпочло бы иметь дело с нами. Танк и БТР остался в усиление, да с собой кронштадтские приволокли серьезные стволы - и АГСы, и пулеметы. В том числе и крупнокалиберные. Опасение, что какието залетные хамы начнут обижать, поэтому сейчас сильно ослабло.

К слову - не для передачи всем подряд - МЧСники таки нашли место, где можно разжиться СКСами и патронами к ним. Но об этом пока - молчок, там вроде есть еще много всего вкусного - наш Старшой об этом информирован, а вот кронштадтские могут наложить лапу - и целуйте веник! Потому им припомнили голодный паек с вооружением в самом начале и делиться не хотят категорически.

На месте требую от своей группы не расходиться и идем гуськом к стихийно образовавшемуся штабу - по имеющейся информации - аккурат в домике, где битые мониторы, можно найти командира. Стараюсь идти там, где на снегу брюхом корпуса от БТР промятая полоса. Еще не хватает сейчас комунибудь на мину нарваться.

Первое впечатление - из рук вон плохое - толпа народу - кучами, группками, поодиночке - ходят, лежат, сидят где попало, в некоторых местах снега не видно. Бахилы мы натянули. Идти неудобно, но по запаху судя - народ не слишком заботится о том, где гадить, а может просто вытряхивали накопившееся за три дня в штанах дерьмо. Как это описано у капитана Франсуа из Великой армии Наполеона - во время отступления из Москвы многие европейцы так поступали - гадили в портки на ходу. И на ходу же и вытряхивали - потому как сядешь - замерзнешь, или толкнут - и не встанешь...

У немногих освобожденных хватает силы ругаться - но так как вообще людей густо - то ругань выделяется на фоне плача. Не выпустить всех - было жестоко, а сейчас помогающие захлебнулись в таком объеме работы. К тому же на периметре видна охрана, да патрули опять же - в итоге помощников кот наплакал, тонут они в массе нуждающихся.

Пальба идет все время, то ли патрули отстреливают подтягивающихся зомби, то ли мерещится что часовым, то ли подбадривают себя - картинкато страшненькая, чего уж тут. На благостность не настраивает.

У штаба - толпища народу, явно - не протолкнемся. То самое гудение - как у пчелиного роя, как и слышал рядом с цехом - слившееся вместе и плач, и брань, и стоны, и жалобы. Не, не проскочить.

- Там лесенка пожарная сзади - пошли - на крышу залезем.

Толковое предложение. Идем с Филей туда, где сегодня - а словно месяц назад сидели, я еще любовался на простреленный сапог Мутабора. Чтото не помню я лесенку.

Оказывается - прав Филя. Для народа в штабе наше явление через люк на крыше - неожиданность. Хорошо не подстрелили, взвинченные все и злые.

Отбрехиваюсь от какогото резкого свежebritого мужика, который хотел меня с ходу припахать и нахожу, наконец командира - того, полноватого морского офицера в мешковато сидящей форме. Он как раз в голос лается с парнем в зимнем армейском камуфляже.

- Вы не отбирать себе тут красивых девок и молодых парней должны - это скотство чистой воды, вы должны были припасы привезти. А что привезли?

- Мы привезли нормальные продукты!

- Да?! Что тефтели рыбные за 12 рублей банка - это еда для тех, кто три дня ни черта не жрал? Совесть у вас есть? Питье где?

- Здесь воды полно, какое еще питье! И матрасы нами доставлены и палатки - чего

оратьто?

- На ваших палатках брезент ползет как паутина! Где колья к палаткам? Где кувалды? Где пальцы, в землю чтоб вколачивать? Веревки где, что вы меня за идиота держите, я что, не знаю комплектацию армейских палаток? Печки где? Трубы к печкам?

- Да нахер мне тут еще вашей бранью уши сушить - шел бы ты в пешее эротическое! Что привез - то привез...

- Ах ты, сопляк! Да я...

Дальше они наконец переходят на нормальный армейский язык. Слушать их без толку, завелись уже оба, да и вокруг хай стоит.

Пропихиваюсь к ним, лезу между. Докладываю, что прибыла группа поддержки.

Парень в камуфляже пытается свинтить, но моряк цепко хватает его за рукав.

- Вот - идете с этим гусем - примите груз - и присмотрите за кухнями - там две кухни - вот чтоб работали обе всю ночь. Старлея не отпускать никуда - пусть вместе с вами работает.

- Я вам не подчинен!

- А будет упираться или попробует удрать - разрешаю огонь по колесам. Или по ногам - я, старлей, с вами шутить не намерен. Организуйте временный медпункт - пройдите потом по цехам - там народу много, который уже идти не может, окажите помощь.

- Мне нужна охрана, все медики - необстрелянные.

- Так, оружие у них есть?

- Да, оружие имеют, пользоваться не обучены.

- Значит, пусть на месте учатся. Фалалеев! Свободные люди медиков прикрыть есть?

- Нет, товарищ кавторанг. Пусть сами себя охраняют.

- А Охотничья команда сюда прибыла? - влезаю я в разговор.

- Это те оболтусы, которые сегодня с морфом тут цацкались?

- Они самые.

- Нет, часа через два ожидаются.

- Связь как держать?

- Посыльными. Пришлете кого - вот через люк. Дверито заблокированы. Сейчас будем с ходоками разбираться, но чую надолго это все. Серегин, что там доставили второй очередью?

Лейтенант действительно захотел свинтить, но передумал, когда я, аккуратно выбрав направление, разбрызгал короткой очередью наст рядом с его бercaми. Пули на рикошетах аккуратно встряли в стенке.

- Ты что, охренел? - сильно удивляется лейтенант.

- Мне нужно развернуть медпункт. Болтаться тут по заводу просто так - никакого желания нет. Так что будешь мне мозги пудрить - прострелю. Аккуратно, чтоб ничего важного не задеть. У меня задача - людей спасать, потому - не финти.

- Да ты понимаешь, мудака, на что ты напрашиваешься? Да я...

- У тебя кабур на жопе. Застегнут. Если я доложу, что ты помер от укуса и пришлось тебя пристрелить - никто не засомневается.

- Ну, ты и отморозок! Ну, ты и придурок!

Филя неторопливо и веско добавляет:

- Сейчас ты получишь по морде. Потом я тебя сам пристрелю.

Старлей находит в себе мужество ухмыльнуться. Правда улыбка получается кривоватой.

- Потом и укусишь?

- И укушу.

- Ну вы пацаны и нарветесь... Сильно нарветесь... Поедете вы мимо нас...

- Ты, твое имя не Дима Еблан? Если нет - то води куда надо и не выдрючивайся.

Продолжая грозить дальнейшими карами, старлей вместе с нами выходит к нашей группке. Потом вместе с ним куда-то идем. Настроение наигнуснейшее - тут явно несколько тысяч человек, а вот нас - мало. Очень мало.

Сначала я вижу густую черную толпу. В центре этой толпы торчат две трубы с легким дымком - явно полевые кухни.

- Нож? Нож у вас есть? - кидается к нам сразу несколько человек.

Толпень окружает нас, обдавая густым тошнотворным запахом. Одновременно у нас просят тысячу вещей - но чаще всего - вода. Ножи, еда, одежда, тепло - во вторую уже очередь.

- Так, слушайте все! - ору я как можно громче. - Дайте нам место! Не напирайте!

Куда там, словно не слышат. Лейтенант делает попытку прорваться через толпу, но его крепко держит и Филя, и пацан из санинструкторов. А не держали бы - так все равно бы не прорвался.

Плохо это. С толпой вести дело невозможно. Толпа - это скопище тупых людей с невнятной мотивацией, уродливым извращением инстинктов и самыми дурацкими выходками. Любой умный человек, попав в толпу - тут же дуреет. Все в толпе дуреют даже ниже среднего уровня. Это как с морским конвоем - какие бы суда не шли вместе - скорость хода даже самых лучших будет - как у самого медленного. То же и с толпой - толпа профессоров мало отличается от толпы подростков... Одинаково тупое животное - толпа.

- Нам нужны инициативные помощники и помощники! Не напирайте - иначе мы ничего не сможем сделать! Нам без вашей помощи не обойтись - поможете нам - поможете себе! - заливаюсь я.

Братец в дополнение к моим словам сдергивает с плеча в давке свой АКМС и лепит над головами длинную очередь.

Толпа шарахается от нас, освобождая пустое пространство.

- Убили, убили - орет заплешивая какая-то женщина.

- Тиха! Никого не убили! Вот сейчас этот офицер - старший лейтенант - покажет вам, где палатки. Вот вы - назначаетесь руководителем по постановке палаток - я выдергиваю из толпы исхудавшего мужика, глаза которого вроде как показывают, что он - человек разумный.

Братец сопровождает еще парой очередей. Не пожалел он для себя трассеров - весь рожок у него такой. Толпа немного отвлекается, глядя на красивые дуги, прошедшие в небо. То, что между нами и толпой остается пространство - несказанно меня радует.

- Филя - доглядай за лейтенантой! Вы - идите ставить палатки! Зачем были нужны ножи?

- Консервы! Нечем открыть консервы! - галдит толпа. Но уже начало ее размывать, мужик вытаскивает несколько человек себе в помощь. Те тоже кого-то тянут. Начинается какое-то движение внутри монолита толпы, разваливающее недавно единый многоголовый организм на кучки и ручейки.

- Ножи не нужны! Берете банку, трете ее плашмя - вон о бетонную стену - через пару минут сотрется тонкий слой жестянки и крышка свободно отойдет. Не порежьтесь только!

Мне удастся пробиться к кухням - на первой очень полный повар в запачканном белом халате поверх длинной куртки. Держит воинственно черпак в пухлой лапе.

Медики оттирают толпу, тем более, что многие отправились к стене - открывать консервы старым альпинистским способом. Я помню свое удивление, когда приятель стал ржать в патетический момент фильма «Вертикаль» - там, где нашли в заваленной снегом палатке замерзший труп сванаальпиниста и прочли его записку, что нечемде открыть консервы. Приятель пояснил мне, что консервы откроет любой альпинист. В том числе и стержень соединения крышки с банкой. Только тут надо постараться, чтоб жижа не вытекла.

А потом из банки можно сделать кружку.

Вот не подумал бы, что такая фигня пригодится.

Ан даже братец удивился.

- Что готовите? - спрашиваю повара.

- Вовремя вы. А готовим похлебку. Та еще похлебка, но чем богаты - привезли нам тефтели в томатном соусе, да я еще манку выклянчил. Вот их и варим. Зато горячая жидкая

пища.

Чувствую, что у меня начинается изжога. В студенческие годы - когда финансы не позволяли позволить себе внятную закуску, приходилось брать эти самые «братские могилы» - кильки в томате. Но они были деликатесом по сравнению с тефтелями. С трудом представляю себе такой супчик. Повар понимающе смотрит на меня и говорит неожиданное:

- Любая горячая жидкая пища сейчас необходима, сами понимаете, обмен веществ у них нарушен и заторможен. Усвоиться должна нормально, вкус приемлемый, а манная крупа - даст необходимые углеводы. Несварения вряд ли будут.

- Вы повар? Медик?

- Биолог. Готовить немного умею. Похолостячки.

Ясно. Ну, биолог - это уже неплохо. Если еще и варево у него съедобное - тогда совсем хорошо. А армейцы - сукины дети, прислали что похуже, Собакевичи.

- Готово уже?

- Через десять минут. Только и тут проблема - котелков у них нет. И тарелок тоже. В ладони разливать не выйдет - все кипячее...

- Эй. Кто в курсе - где тут может быть посуда?

- Я, наверное знаю...

- Палатки невозможно поставить - там нет кольев и веревок!

- Вода, где тут вода?

Мама родная, только б мне сегодня не свихнуться!

Раздачу похлебки нам все же удалось организовать. На вкус она и впрямь оказалась не совсем омерзительной - я ее попробовал. Сварить что-то пристойное из того, что было - это повару-биологу зачет.

Палатки поставить не удалось. Учитывая, что помещения и так уже были забиты людьми, оставалось только расстелить палатки у стен цехов - люди собирались кучами - и другой палаткой накрывались. До утра дотянем, а там видно будет. Удивительно - но даже маленькая порция такого хлеба вырубает как кувалдой - чуток поели - и тут же спать валятся. Медики мои стараются - высматривают, кому помощь нужна, но тут скорее можно выбрать только тех, кого надо эвакуировать - приказ недвусмысленный - что-то с первой партией неладное случилось. Потому - держать всех тут, утром придут еще люди, будет одновременно и распределение спасенных и проверка начнется.

Надо бы пройти по цехам, откуда люди спасены - там тоже остались, причем самые слабые. Но я своих не пускаю - хоть фонарики у них и есть, но любой зомбак для вооруженных, но неумелых - смертоносен. Если кому в цехах суждено сегодня помереть - что поделать. А без грамотной охраны я своих не пущу. Ну, да и тут работы много - публика все время норовит сломать организацию раздачи пищи, возни много.

Тяжелых находим все время. Даже не смогу сказать - сколько всего получается, но где-то три десятка. Несколько мужиков из числа выпущенных сегодня из цехов - помогают - таскают воду. Кухни варят непрерывно - манку заливают водой, дают разбухнуть - и варится она очень быстро. А тефтели эти и так уже готовы. В похлебке они разваливаются в кашу...

Повар постоянно и очень убедительно, даже завораживающе все время говорит что-то.

Прислушиваюсь - и меня охватывает ощущения сюрреализма происходящего.

- Экспедиция адмирала Ноульса в Балтийское море, русскоанглийская война 1719-1721. Высадившись десантом на остров Нарген, британцы сожгли у нас избу и баню... Петр Первый милостиво согласился компенсировать владельцам за свой счет стоимость избы, а Меньшиков - бани. Еще англичане безмолвными наблюдателями смотрели, как под Гренгамом русские галеры методично и спокойно вырезают «на шпагу» команду 4 шведских фрегатов. Сами же не вмешались - типа мелко больно и фарватера не знаем. Так что шведам они тоже были хорошими союзниками.

Следующая англорусская заваруха - 1801 год - Адмирал Нельсон, спалив к такой то матери Копенгаген (Копенгаген), кстати, без объявления войны - попер на Таллинн.

Но тут обошлось - в Питере Павел Первый помер от апоплексического удара табакеркой в висок и замирились.

Зато в 1807-1812 Россия воевала с Англией не на шутку - тут тебе и морские бои были, и попытки англичан «парализовать русскую торговлю и рыболовство», что греха таить, воевали мы в ту войнушку не слишком весело - на Балтике потеряли 74 пушечный «Всеволод» (дрались, правда, до конца, выжило только 56 русских моряков - что «Всеволод» сдался мол - лжа британская наглая, флага они предъявить не смогли), погиб в бою и 19ти пушечник «Опыт».

Хотя бы про Крымскую вы знаете? И про содействие Британии инсurreкции в Польше? А про дело шхуны «Виксен» везшей оружие чеченам? Англия самый ГОВНИСТЫЙ противник России 19 века. И весь 19й век они нас в общем то не любили, ажно кушать не могли. С кратким перерывом на 1812-1814, даже не 1815, уже тогда Веллингтон начал возбужать и гадить...

- Но ведь дрались же с общим врагом! - возражает истопник, копающийся у форсунок. (А, вот кому это все говорится, ято уж подумал, что повар с ума сошел. А они оказываются диспут ведут на исторические темы, железные люди в расчете кухни.)

- Да уж - сражались с общим врагом... То ли как генерал Вильсон под Бородино, который настаивал чтобы Кутузов дал Наполеону «во имя интересов человечества» бой под стенами Москвы и положил всю армию, то как в Первую мировую - когда чуть у инглизов на Сомме запарка - давай русский иван - наступай в болота Польши, выручай союзничков, то ли как в Великую Отечественную, когда британцы не пожалели лишних канадцев - высадили их без поддержки под Дьеппом - что бы мол обозначить активность в Европе перед маршалом Сталиным в 1942 м.

- Так, но все равно же союзник, Федор Викторович!

- АТЛИЧНЫЙ союзник. С таким даже врагов не надо... А еще какой блестящий нейтралитет - в 1904-1905 когда японским макакам в Сити аплодировали стоя («Победу под Цусимой над царской Россией одержал джентельмены не японский флот, а наш флот, во имя наших интересов в Китае...»). Доаплодировались ажно до Сингапура с речкой Квай. Или как инглизы в 1919 м под Архангельском с мониторов деревни газом травили напомнить? Союзники млин, братья по оружию.

Простых англичан сие не касается - те и правда бывали союзники - а вот «истеблишмент» тридцать раз их канцером - Шуршилл, который Спенсер, достойный потомок взяточника Мальборо - не успела война кончиться, какие бочки в Фультоне накатил - спасибо, спасибо ТАКОМУ союзнику - удружилс. Так, готово, сварилась манка, давайте. Разливаем!

Совершенно неожиданно (хотя я об этом думал с самого начала) съезжает с катушек один из санинструкторов. У него начинается истерика со слезами на тему «Все бесполезно! Мы ничего не можем сделать!» Одна из медсестричек жестко давит эту вспышку эмоций, надавав мальчишке пощечин и затрещин. Вроде помогает. Только присматривать за этим парнем все равно надо.

- Делай то, что можешь - и будь что будет! - жестко заключает медсестра: - От твоих соплей никому лучше не станет! А нам за тобой еще впридачу ухаживать некогда - тут и так есть кого спасать!

Чтото неувловимое делает ее схожей с нашей Надеждой Николаевной. Не хочется лишний раз вспоминать про тех самых, которые коня затормозят или с горящей избой разберутся. Но вообщето у нас такие женщины - не переводятся. Что странно - ничего общего с феминизмом это явление не имеет. И что удивительно - в медицине таких почемуто много. Нормальные девчонки, нормальные женщины - но если дело становится тухлым и можно стать дохлым - откуда что берется. Иным мужикам нос утрут походя.

Надо эту медсестричку взять на заметку.

А вообще ситуация поганая.

У нас тут пока организацией пахнет слабо, а потому может быть все что угодно. То, что

уже есть защита по периметру и патрулирование территории - конечно хорошо, только вот всего остального - нет практически. Мне негде и не в чем развернуть медпункт, а это как ни верти - сортировочное приемное отделение, место для агонирующих - и по нынешним условиям там должен быть вооруженный упокоитель, да еще палатка для хирургических манипуляций - перевязочная. Да еще, скорее всего, будут инфекционные больные - среди нескольких тысяч обязательно окажется и дизентерия, тех опять же отдельно содержать надо. Хорошо еще ОРВИ пропали как таковые, а то еще и под таких пациентов выделять бы пришлось отдельный «рукав».

А еще надо организовать поиск и сбор тяжелобольных - такие тоже есть. Без быстрой помощи - помрут ведь. И ладно, если это окажется гламурный телеведущий, невелика потеря, эту работу любой дурак с избытком наглости легко выполнит, а вот скажем, если умрет слесарьинструментальщик 6 разряда с этого завода - хрен кого найдешь на замену. Значит надо быстро все это делать. И находятся они как на грех в тех цехах, где сейчас вероятно уже и зомби есть, а наверное уже и шустики отожрались...

В общем - ужаси!

И это - минимальный минимум - по уму куда как больше нужно.

А тут еще и переодеть и, скорее всего, переобуть людей надо - и иметь во что переодеть, да и где переодеть - чтоб там тепло было. И напоить. И накормить. Ято надеялся, что доставят армейские сухпайки или что из близлежащих магазинов - а пока только тефтели рыбные... Да и тех мало - их еще частью люди расхватали. Хорошо мы подоспели и совместно с толстым поваром отстояли уцелевшее для жидкого супа. Хотя по уму - именно жидкий суп сейчас самое подходящее. Я гоню от себя мысли о том, что обязательно будут дурни, которые с такой голодухи нажрут жирного до упора - и будет у нас тут куча пациентов с острой кишечной непроходимостью, или как это называется в народе «заворотом кишок». А каждый такой пациент - тяжеленная полостная операция, тяжеленный уход потом, малая выживаемость и чудовищный расход сил и средств. Не пришлось бы еще и решать - кого из них эвакуировать, а на кого глаза закрыть - и в палатку «для анаэробной инфекции» отправлять. Кстати - еще и эта погань будет, только позже - не в первые дни, потому сначала «отделение для анаэробной инфекции» и служит для размещения агонирующих. Проходит несколько дней - агонирующие кончаются - зато появляются анаэробники...

Совершенно неожиданно рядом грохает выстрел, чиркает трассер - братец встает с колена, а я вижу, что в освещенный круг у кухонь зашел вполне себе готовый зомби.

- Неплохо - одобряет Филя.

- Не неплохо, а отлично! - скромно поправляет его братец.

- А нуную. Из чего стрелять доводилось?

- Из СВТ, Штурмгевера, МГ34 - опять же скромничает братец.

Что забавно - не врет. Только вот зря Филя глаза пучит - братец стрелял холостыми, когда с приятелями ездил на реконструкцию прорыва блокады. Там знакомые реконструкторы и дали повеселиться.

Но это все хорошо, конечно, только плохо очень.

Дальше что делать? Устраиваться гдето надо, разворачиваться и работать в полную силу, а мы пока жмемся около кухонь, не знаю, как там повар и его истопник с оружием обращаются - а наших стрелков получается трое - я да Филя с братцем и хоть братец сейчас отметился - все же в его способностях стрелковых я не уверен.

Все освещение здесь - несколько костерков, да пара ржавых дырявых бочек, таких, какие во всех американских фильмах - рядом еще всегда бомжи греются. Вот не думал, что и у нас таковое пойдет в дело. Среди освобожденных того и гляди еще зомби появятся - черт знает, чем это кончиться может.

Надо возвращаться в штаб, узнавать - где мы будем разворачиваться. Какое имущество на нас приходится. Раздача похлебки, слава богу, устаканилась - с одной кухни раздают, в другой подспекает. Воду тоже таскают - некоторые спасенные из последних сил, но

помогают. Но этого - мало, очень мало.

Иду с одним из санинструкторов - серьезный такой парень, вроде как годится.

Кто б мне сказал, что придется мне идти в штаб узнавать, где разворачивать посреди концлагеря медпункт, да при этом держать наготове автомат - очень бы я тому поверил.

А - вот оно - кушайте с маслом, и сразу - есть свои - есть враги... Все просто и ясно, без полутонов словесной мишуры. Свой - чужой. И точка. И определяется сразу.

Я много времени потратил на поиск мемуаров немца - командира полка, провоевавшего под Питером практически всю блокаду - и под Шлиссельбургом и под Погостьем и в Новгородчине. Казалось - найду книжку - сразу много чего вкусного найти можно будет, привязавшись по местности и ориентирам. Нашел книжку. Почитал - и возникло жгучее желание хватить книжкой об стенку, что бывает со мной редко. Никакой конкретики, один пафос и разбор событий на уровне не ниже дивизии...

Да еще и разбор херовый - типа «южнее Петербурга». Это ж сколько времени из своей драгоценной жизни я зря на него ухлопал!

А тут как раз братец. Я ему и пожаловался. Ну он меня и утешил (кто ж утешит лучше родственников! И соли в раны заботливо посыплют...) - типа а чего ты расстроился? Все так помудачки мемуары пишут. Наши мудачки тоже так пишут...

Ну, крыть нечем, верно все.

Поговорили - я и задумался потом. Почему от наших мудачких мемуаров только досада, а немец такую злобу вызвал...

Повспоминал, что мне дед рассказывал, что бабушка с матерью.

Как эшелон с эвакуированными из Ленинграда бабами и детьми стоял на мосту под бомбежкой люфтвафлей (вот грамотный машинист попался - в нитку моста попасть сложно, обычно составы разбивались близкими взрывами), как грохотало вокруг и по крыше вагона барабанило (думали, что пули. Но раз никого даже не ранило, то скорее это были осколки от зенитных снарядов.) и наш дядя, будучи еще не в совсем осмысленном возрасте закричал восторженно и звонко своему такому же мелкому дружку: «Петька, вот как наши папы немцев бьют!», на что бабы в вагоне истерически потребовали, чтоб мальчик «не привлекал криком внимание самолетов».

А потом они ехали мимо предыдущего эшелона - его люфтвафли на станции накрыли - там как раз трупы таскали - и много еще трупов вокруг валялось - горожанки, платья светлые - отличная мишень, а ПВО станцию не прикрывало, вот немцы и веселились - была у них в 41 такая забава - гонять даже за одиночками.

Нашего с братцем деда так истребитель по полю гонял. Дед потом сокрушался, что бегал с полной выкладкой и был так занят, что и о винтовке не вспомнил, хотя фрица отлично видел, как тот башкой вертел, выходя после очередного захода на вираж - «как футбольный мяч башка, только еще очки поблескивают».

Маму тогда поразило, сколько кровищи вытекает даже из некрупных трупов. Там просто лужи были... (Подозреваю сейчас, что это были детские трупы - человек существо эгоистичное и в первую очередь себе подобных смотрит. Девчонка в первую очередь девчонок замечает).

Короче говоря, я понял - наши потому у меня злобы своей писаниной бесполезной не вызывают, что они наши. Как ни банально звучит - они не давали убить наших родителей.

Отца и мать. И свою главную задачу - защитить наших родителей - они выполнили. И я родился. Братец тож...

Ну а то, что мемуаристы воевавшие писать не умели интересно - так это общая беда - война такое громадное событие в человеческой жизни, что хочется придать воспоминаниям больше значимости. И что писать про Ваську - про дивизию солиднее звучит. Про Ваську - это в курилке...

А немец как раз старался, чтоб мои родители сдохли. Старательно и рыцарственно добивался того. Чтоб мой отец - в то время совсем пацан - сдох в Ленинграде от голода или от артобстрела (пришлось ему пару раз лежать носом в землю, то есть в асфальт), а мать

вишь бомбили, и если б ей повезло оказаться в предыдущем эшелоне, то вполне вероятно, что ее - визжащую от ужаса белобрысую девчонку - гоняли бы пулеметными очередями по полю веселые рыцари люфтвафлей. Кстати, вы видали в реале, как пулеметная очередь шьет человека, вышибая мозги и ломая влегкую кости?

Что такое артобстрел я понял, когда копать начал. Я еще своему деду не верил, что земля при взрыве бьет лежащего на ней как доска. И что в ушах пищит, если рядом долбанет.

И что звуки плавают и растягиваются, если уж совсем близко чтонито крупное шмякнет.

И что земля потом еще долго сыплется с неба. А оказалось - все правда. Сегодня как раз дополнительно убедился.

И под пулемет я один раз попал - ребятки отрыли и наладили, стали пробовать - а пулито далеко летят. Кто ж знал, что мы на директрисе...

Полагаю, что мы не намочили штаны токо потому, что сразу не поняли, что это так шуршит и щелкает бля по кустам. Можете смеяться, но меня тогда потрясло - какие борозды выкапывает простая пуля, попадая в землю. Действительно, как дед говорил - словно черные кусты мгновенно вырастают.

А что касается коммунистов... Все таки бабку с моей матерью и отца обстреливали конкретные немцы, как раз не коммунисты. И голодом морили в первую очередь они же. Поэтому к коммунистам у меня один счет - я из семьи раскулаченных и это помню, а к немцам другой. И я считаю, что это разные вещи. И обсуждать их надо поврозь, потому как несравнимо. К слову тогда немцы быстро и наглядно убедили наше население, что коммуняки куда лучше.

Тем более, что вариантовво в общем не было. Я не знаю, что там где было, а Питер - судя по целой куче и немецких и финских документов - полагалось ликвидировать со всем населением. И сдать ся нашим немцы не предлагали ни разу...

Нет, конечно, тут можно сказать, что немцы не ожидали, что в Ленинграде столько населения, и что они имели полное право это делать, как любят это писать в Интернете всякие уроды, маскирующие свою натуру якобы «объективностью». Ну, то есть писали. Когда еще инет наладится и у людей появится возможность, сидя в тепле и бездельи поливать говном тех, кто им эту возможность дал и обеспечил...

Хотя мне адвокатство немцев не понятно. На войне убивают, вырезать мирное население - старая традиция и они тогда это и не скрывали. Это - нормально для войны. Но вот то, что сейчас об этой нормальной войне на истребление говорят, будто фрицы пришли сюда в кружевах нас шоколадом кормить - на мой взгляд - неверно. Хотелось бы понять - почему эти писаки такое вытворяют?

И что такое любовь к Родине я себе не очень четко представляю...

Есть семья, родичи, знакомые. И мне они симпатичнее, чем люди, старавшиеся убить и ограбить лично меня, убив моих родителей. Но стоило об этом заявить както в инете - куча умников тут же обвинила меня в урапатриотизме.

Не вижу в чем тут урапатриотизм, если я уважаю своего деда, например, больше чем какого то мудака из вермахта. Тем более что на минуточку - дед победил, а мудака этот немецкий всрал вчистую - до безоговорочной капитуляции, что вообщето позорище немалое.

Одно дело, что правозащечники объясняют например, что наше занятия Афгана - это гнусное преступление, а когда Афган занимают амеры - это победа гуманизма и демократии - правозащечникам за это амеры деньги платят. Но немцыто никому не платят. С чего ж такое рвение - то? И почему слово патриот - отличное, если речь идет об американском, английском или израильском патриотизме. Или там римском. А у нас - это ж позор - быть патриотом, ужас какойто, педофиломманьяком - гораздо почетнее...

Пока я про себя все это бухтел - добрались до штаба. Как ни удивительно - а толпы уже у дверей нет. Подумал было плохое - ан и кучи трупов не вижу. Нука. Нука.

В штабе на втором этаже тот же шум. Докладываю, что обеспечен порядок при раздаче на кухнях, разжились посудой - в целом ситуацию контролируем. Но надо разворачивать

медпункт. Для чего нет ни имущества, ни сил. Палатки - к использованию непригодны и некомплектны.

- Знаю - отвечает мешковато одетый командир.

- Тогда что будем делать?

- Сейчас к вам в усиление направлена прибывшая охотничья команда - и сотрудники МЧС с коекаким имуществом. Вот тут (показывает пальцем на рукописно нарисованной схеме завода) - разворачиваете медпункт. Здесь - отнеся от вас подальше - будем разворачивать пункт по принципу разворачивания кадрированных частей - с переодеванием. Учетом и сортировкой заниматься будем там же. Вы сейчас постарайтесь выявить среди освобожденных тех, кто может нам быть полезным в дальнейшем. В помещении медпункта вы были?

- Был. Считаю, что его сейчас использовать можно, но лучше бы что другое.

- Почему? Там же оборудование есть, мне доложили.

- В первую очередь там занимались работой по производству морфов, соответственно там использовался трупный материал. Инструментарий - весь - в трупной органике. Потому - лучше б другое помещение, это серьезно дезинфицировать надо, а мы пока вряд ли сумеем добиться хотябы чистоты... Да и к тому же туда народу набилось, насколько я знаю, выгонять их на холод - не лучшее решение. В конце - концов, тут не поле боя, раненых много не будет...

- Ладно, подумаем. Пока ожидайте свое подкрепление - и с ним начинайте обустраиваться.

- Ясно.

Возвращаемся к кухням.

Вспоминаю еще одну проблему.

Препоод по хирургии рассказывал, что их медсанбат разжился гдето полным и новехоньким комплектом указателей и табличек «Hospital» Трофейным, вестимо.

Роскошный, чуть ли не на эмали, развесишь на деревьях и перекрестках и нет проблем у тех, кто раненых везет. Даже ночью видно.

Свои знали, что это медсанбат форсит, ну и медсанбатским приятно, что их уже даже стали госпиталем кликать изза табличек. (Разница меж медсанбатом и госпиталем как у лейтенанта с полковником.)

Уже наши наступали почти постоянно и таблички были очень полезны. (Ну, сами прикиньте - если вас ранили, а дурковатый или что еще хуже - дурковатая сопровождающая никак санбат найти не могут? Кровищато течет, да и паршиво по кузовуто на кочках подпрыгивать.)

Однажды поздно вечером только медики дух перевели, въезжает десяток грузовиков и с ходу из них начинают раненых таскать. Ну, все, капут, всю ночь корячиться.

Только собрались идти - глядь: чтото не то.

Немцы это. И грузовики и раненые и водилы и санитары - все немецкое.

А это хреново, так как получается кроме раненых самое малое два десятка вооруженных мужиков.

Резню могут устроить запросто.

Немцы меж тем выгружают и в ус не дуют - табличкито свои, палатки брезентовые, людишки в белом - ну здорово все, не ошиблись.

Наши стоят столбами, тут и фрицы замедлились.

Гоголь, короче говоря. Ревизор, последняя сцена.

Сейчас аплодисменты начнутся.

Тут на одного докторишку и снизошел святой дух. Напрягся он и почти понемецки: «Варум стоп арбайт? Арбайт вайтер, алле ферлетцтен траген нэхсте цум хирургиише блок. Шнелль!»

Так, хорошо покомандному получилось.

Немцы таскать.

Наши вострепнулись.

Дальше почти рождественская история: фрицы «ваффен хинлеген», ну а наши прокормились с их ранеными.

Оказали помощь в полном объеме.

Препода эта ситуация особо поразила, что такого гуманизма никто не ожидал на третьем году войны. Не принято было так, особенно у немцев.

А это я к чему?

Это я к тому, что указатели нужны. При том что «Печатни» с толковыми работниками тут нет. Краски тоже нет.

Появившихся наконец Сашу и Сергея видеть очень радостно. Значит, наши прибыли.

- Похоже, что вы и впрямь - поближе к кухне - улыбается Серега.

- Даже к двум кухням - добавляет Саша.

Публика, стоящая в очереди к кухне, и повар настораживаются.

- Вы нас покидаете? Уходите? - с тревогой спрашивает худая женщина, держащая в грязных руках какуюто пластиковую коробочку - тут их используют вместо тарелок.

- Нет. Будем разворачивать медпункт. Вон там.

- А может быть лучше прямо тут? - спрашивает повар.

- Тут места мало.

- Жаль, с вами спокойнее както.

- А мы поглядывать за вами будем - успокаивает его Сергей.

- Всяко кухню обижать не станем. Не волнуйтесь, Федор Викторович, я еще не дослушал про английские козни!

- Раз так - возвращайтесь. Есть что припомнить и для кронштадтских - например совместную атаку английской авиации и торпедных катеров...

- Отлично. Пока посматривайте по сторонам повнимательнее. А мы будем и за вами присматривать.

Наши прибыли. Это здорово. Еще и не порожняком - я рассчитывал, что они притащат с собой модули - палатки на каркасах. Но все примитивнее - есть с собой три древние - чуть ли не времен Отечественной войны шатровые палатки. Одна - здоровенная и пара - поменьше. И что совсем хорошо - они не рвутся от тычка пальцем, брезент хоть и выцветший, желтоватый - но еще прочный. И судя по куче всякого добра - столь долго перечисляемые командиром детали комплекта, делающие кусок брезента - примитивным, но жильем - все тут. Даже печки вижу.

Возмемся достаточно дружно, подгоняемые старшим сапером. Дело простое - кувалдой вбить в мерзлую землю старый палец от танковой гусеницы, Забравшись в палатку вставить в надлежащие места толстые колья и внатяг от верхушек кольев к пальцам растопырить, натянуть палатку. Помоему в средние века уже такие палатки были. Два шатра раскидываем быстро, барак побольше заставляет повозиться.

Прикидываем, что где размещать. Все постулаты, которым меня учили, встают враспых - потому что как ни крути, а толком из трех палаток ничего не сообразишь.

Единственно, что радует - скоро вроде прибудет подкрепление. А нас вообще сменят.

Начинаю радоваться, но вижу кислую физиономию Ильеса.

И смеаю, что если сменят - то не для недельного отдыха. Отоспаться нам светит только в случае, если мы окажемся в Петропавловке - и начнется ледоход. Хотя и тут не посачкуешь - выход в город сухопутный есть, значит, будем опять в деле.

Решаем - большая палатка для больных, малая - для медпункта, вторая - для личного состава. Потому ее делаем на отдалении от двух других. Печек всего четыре. Дров вообще нет.

Вовка чешет в затылке и вместе с седоватым сапером и парой водолазов испаряется ненадолго. Мы печки все же устанавливаем, составляем трубы, выводя их в специальные дырки с жестяным листом, вставляем в окошки какие-то дурацкие рамочки с полиэтиленом - и удивительно - сразу становится теплее. Даже без печки. Остается еще мебелью разжиться -

чтоб был стол и стул, хотя бы. Или ящики в замену.

До чего же хорошо, когда рядом с тобой свои. Да еще такие, которых знаешь с лучшей стороны... Санинструкторы правда побухтели, что не на это соглашались, но перспектива погреться у печки и вздремнуть не под открытым небом оказалась сильнее, чем даже брань и подзатыльники.

Вовка обернулся достаточно быстро. Не знаю, как уж удалось - но битый вертолетчиками БТР так и стоял бесхозно - и теперь Вовка подогнал его к медпункту. Мало того, где-то по дороге разжился досками.

После первого же взгляда в дверцу залезать вовнутрь не захотелось, хотя видно было, что в основном все выгребли. Пока ребята вытаскивали доски, Вовка лазал по бронетранспортеру, вылез недовольным и в знак этого плюнул метра на два.

- Откуда таких притырков берут, ни ума, ни мозгов!

Видно отчетливо, что ему надо высказаться - а то его вспучит. Но при этом желательно не указывать на некоторую тавтологию его высказывания.

- Это ты к чему?

- В «Найденыше» водятел тоже тьюфак был. Правда, может, машинка с хранения снята только. Но все равно - тьюфак. А этот водятел - дважды тьюфак и осел!

- С чего это ты так решил, а, Володь?

Наш драйвер смотрит на меня с сожалением, потом решает снизойти до моего уровня и поясняет снисходительно:

- У любого нормального водилы должен быть в броне набор для джентльменов - запас воды, приспособа, чтоб харч сварить если надо - то есть паяльная лампа, например, котел, тренога или что в таком духе. Жратва должна быть. И горючее - для самого водителя. А тут - шаром катать. И ЗИПа нет и инструментов. Броня - это дом на колесах и на всякие случаи жизни должно быть соответствие. Куда этот недоносек пилу дел?

- Чего это тебе пила запонадобилась?

Водила опять смотрит на меня с сожалением и мне это не нравится - как бы в привычку не вошло.

- Доски пилить. Печки такие, что их коротенькими дровами топить только можно.

- Забудь! Доски пойдут в барак - на пол стелить, иначе больные к утру помереть успеют - вмешивается сапер.

- А без печек - мы сами пометим!

- Не переживай, чего-чего, а дров добудем. Поехали!

БТР исчезает, как и появился, а по его следу с коротким промежутком приперлась пара зомби. Обоих упокоили, но стало тревожно - видно Вовка запачкал колеса в огрызках из салона...

- Что могли - сделали. Сейчас печки затопим - совсем хорошо станет.

- Ильяс - надо бы санинструкторов хоть чуть-чуть натаскать с оружием обращаться.

- Знаешь, за пять минут ночью - это не учеба, а комеди клуб в дурдоме.

- Ну, хоть в общих чертах.

- И зачем? Мы охраняем.

- Надо пока можно пройтись - тяжелобольных собрать. Тех, кто еще жив, но до утра может не дожить?

- Кель бере! Ты что - хочешь, чтоб мы в потемках по цехам шарились? С этими недотепами?

- Ну, там все - таки первая волна чистильщиков прошла. Так что если и будет кто мертвячный - так единицы.

- Ага! Нам и единицы по глаза хватит. Мы уже утоптались за день, нам и одного шурале достаточно.

- Ильяс!

- Нет. Если порусски не понимаешь - переведу. Но. Найн. Сааа. Юр андерстенд?

- Ну да, вакаремас...

- Вот и сумимасэн, раз так. А санинструкторов... Якши, Андрей в этом толк знает - поучит.

Оттащили силами санинструкторов обоих упокоенных подальше от палаток. Один - явно из охраны лагеря, толстомордый, крепкий, с развороченным крупнокалиберной пулей плечом, другой - исхудавший мужичишко в грязном тряпье. Охранник и заключенный, а теперь они оба против нас...

Андрей без большого воодушевления, но взялся за обучение, поглядев при этом куда как выразительно мне в глаза. Понимаю, что тут возни действительно много - мальчишки строят из себя опытных стрелков и потому по уму сначала надо выбивать из них дурь, всю эту киношную чушь, а потом учить как надо...

Но времени у нас нет.

Минуты не проходит, как спокойнейший Андрей закатывает одному из обучаемых такую затрещину, что я даже не могу сказать - то ли первым делом я вижу вылетевшую из строя и вертящуюся на снегу как юла каску, то ли слышу звук рукоприкладства.

- Никогда! Никогда, чертовы дурни, не направляйте боевое оружие на других людей! Это понятно? Понятно я вас спрашиваю?

Обучаемые испуганно бурчат что-то в ответ.

- Не слышу! Громче! - орет совершенно неожиданно тишайший обычно Андрюха.

- Йес, сэр! - лают в ответ мальчишки, от испуга вспомнив самое подходящее к случаю из их опыта.

Мда... Это ж куда мы докатились?

Водолазы ухитрились уже разломать что-то деревянное. Наверное, как это положено по закону сволочства - самое нужное и через пару дней нам начнут пенять, что мы спалили что-то на вес золота, ну, да и черт с ним. Главное - печки затопили.

Народ подтягивается к кухням, и не успел я глазом моргнуть - вместе с тяжелыми больными в барачную палатку набилось публики под завязку. В дохлом желтом свете единственной керосиновой «летучей мыши» зрелище угнетающее. Еле - еле удалось выполнить основное правило при таком расположении на ночь - не лежать на снегу и мерзлой земле. Вроде бы сейчас есть всякие хитрые спальные мешки и прочее в том же духе - но у нас только палатка, доски и грязные старые матрасы двадцатого срока службы.

Вот их и постелили, распихивая, разгоняя и ругаясь на беженцев, старающихся уснуть. Где попало. Мама дорогая, за такую организацию мне бы на госэкзаменах вклеили пару... Хотя... Может быть и не вклеили - тут уж смотря кто бы сидел экзаменатором. Если тот, кто работал в очагах бедствия - наверное бы обошлось... Тьфу, какая чушь в башку лезет... Надо бы обругать наших водолазов, что они позволили набиться в палатку куче народа, кроме точно больных, но... Но спасенные настолько жалко выглядят, что - ладно. Больным теплее будет.

Когда вернулся Вовка с БТР, толпа еще прибыла. Даже и не знаю - хорошо, что они такие вымотанные или нет. С одной стороны - пока нет никаких недовольных, заводящих смуты и раздразнивающих, требующих для себя любимых всякого всего - для этого им надо еще прийти в себя, с другой - до утра точно будут умершие - и значит восставшие. Мы не справимся с контролем, и предотвратить укусы не выйдет.

Что хорошо - основная масса народу тихая, безразличная и аморфная. Но с десятков помощников у нас образовался. Потому дрова сгрузили быстро, пилу вроде так и не нашли, но слышу, что стучат топором.

Толпа пациентов в медпункте и около него не убывает. А вот наши медикаменты - наоборот - скоро сумки пустые будут.

Тощенькая девчонка-подросток просит меня подойти к кухням - толстяк повар зовет. Отправляясь, беру с собой Сашу и в который уже раз за пару последних часов проверяю - тут ли мой автомат. На сегодня я уже перевыполнил план по приключениям в стиле «докторидиот».

Ночь. Десятые сутки Беды.

- Эти кронштадтские сильно с военными поругались - говорит Саша.

- Что так?

- А сухопутные пригнали четыре автобуса с конвоем, отобрали кого помоложе - парней и девчонок - и к себе увезли. А кронштадским, получается, одни старики и старухи останутся при таком раскладе. Пообещали автобусам колеса прострелить, если еще раз такое будет.

- Ясно. Ты б тоже присматривал - тут девушек еще осталось, может кого и спасешь. Небось, изза компа и не было девчкито постоянной?

- Как сказать...

- Тебе надо завести себе девчонку.

- Надо. Они мягкие такие. Их щупать приятно.

Ишь, тихоня... Ято думал, он сугубо компьютерный ребенок, а он нормально мыслит. Благодаря компа с одной стороны - можно познакомиться было хоть с японкой, хоть с австралийкой, с другой стороны - с соседской девчонкой хрен познакомишься, особенно если у нее компа нет. Вот и получалась куча народу, переписывающаяся в инете, с другой - боязнь противоположного пола при общении вживую стала проблемой.

Хотя, помнится, видал я девушку в отделе с компьютерной литературой Дома Книги - ждал там своего коллегу, а место встречи я всегда назначаю в теплом и сухом месте, это у меня после армии рефлекс такой.

Девчонка явно была «на охоте», нормальная такая симпатичная девчонка. Она держала в руках какуюто книжку типа «компьютеры для заварочных чайников» и, приглядев подходящего парня из тех, кто там шарился по полкам - обращалась с вопросом.

Ясное дело - парни тут же начинали пушить хвост и надувать щеки, отвечая на ее вопрос. Что уж она там спрашивала - я не слышал, но, судя по тому, с каким пылом ей начинали растолковывать - вопрос был достаточно простой.

Подошел коллега - я ему показал эту сценку. Коллега хмыкнул: «Толковая девчонка. Берет за самое мягкое место, а парни в этом отделе всяко не самые бедные, не самые глупые, не сильно пьющие и как положено компьютерщикам - вряд ли избалованы женским вниманием. Она сейчас наберет координат, потом попереписывается по мылам - глядишь и будет свадьбка! А парень еще и будет думать про счастливое стечение обстоятельств, про знак судьбы и про то, что его невеста - ламер...»

Около кухни оказывается кисло - истопник, скорчившись в позе эмбриона, лежит на какойто дерюге, повар стоит на коленях рядом, оба окружены кучей народа и даже патрульные тут - и наши, и пара кронштадтских.

Один из них как раз сует лежащему фляжку.

У меня возникает сильное желание прострелить патрульному башку - это тот самый борец за народную медицину. Надо было его с катера все же сбросить, чую спинным хребтом - я еще с ним наплачусь. Успеваю убрать флягу от губ истопника. Встречаюсь взглядом с милосердным патрульнымсамаритянином.

- Что вы лезете? - возмущенно спрашивает меня знаток медицины.

- Вы - патрульный?

- Да. И я оказываю помощь.

- Вот сейчас подберется к нам сзади очередной шустер - и будет тут веселье. Помощь я и сам окажу - а вы будьте любезны - патрулируйте, черт вас дери, доверенную вам территорию.

- Но вы ее окажете неправильно!

- Знаете, мне несколько неловко...

- Что?

- Если вы не встанете на ноги и не отправитесь патрулировать, мне придется дать вам ботинком по морде, а это не очень хорошо для воспитанных людей. Идите патрулировать!

Упоминание о шустерах, однако, делает свое дело - одна пара патрульных

спохватившись, начинает выбираться из толпы. Мало того - они тянут за руку и моего оппонента. «Пийшлы, пийшлы!» - убедительно толкует один из них.

- А я уж думал дать ему по харе прикладом - заявляет Саша.

- Я тоже думал... Что тут у вас случилось?

- Живот... схватило... - в два приема выдыхает лежащий.

- Как схватило? Рвота, понос были?

- Как ножом под ложечку пырнули. Больно, аж режет...

- Рвоты и стула не было - замечает толстый повар. - И ножом не пырлял никто - я испугался - рукой залез - нет там ран. И крови нет.

- У вас язву диагностировали? - спрашиваю лежащего.

Истопник испуганно смотрит на меня. Дыхание у него частое и неглубокое - даже так видно, а поднесенная к его носу кисть руки это подтверждает - кожа на тыльной стороне кисти нежная, дыхание улавливает четко.

- Да была вроде. Думаете - она?

- Мужайся, княгиня, печальные вести, как пелось в опере «Князь Игорь» - глупо шучу я - Думаю, что у вас прободная язва желудка или двенадцатиперстной кишки. Будем вас эвакуировать. Саша, свяжись с нашим ботаником - urgentный случай, надо больницу предупредить - операционная нужна на ушивание перфорированной язвы желудка. Нам тут транспорт нужен для доставки лежачего на берег и транспорт с берега до больницы.

Саша начинает бубнить в «Длинное Ухо».

- А без операции - никак, а? Обязательно резать надо? - жалобно спрашивает пациент.

- Никак. Но вы так не волнуйтесь - в клинике и операционная есть, и врачи - сделают в лучшем виде.

- А может все-таки не надо резать, а?

- У вас дырка в желудке. Сквозная. И все из желудка льется долой. Прямиком на кишечник, в брюшную полость. Сейчас вам хреново, потом через несколько часиков станет полегче - накроются нервные окончания, а еще через несколько часиков будет отличный разлитой перитонит и придется ампутировать кусок кишечника. Дальше вы или будете как многочисленные наши сограждане - зомби или выживете, но останетесь калекой. Мне очень не весело вам это говорить, но лучше, чтоб вы были в курсе дел.

- А попить можно? Во рту пересохло!

- Сейчас ватку намочу - язык увлажним, легче станет, а вот пить нельзя категорически. Кстати! - тут я поворачиваюсь к повару - Вы же говорили, что вы - биолог?

- Да, а что?

- Почему допустили к пациенту этого самозваного лепилу?

- Знаете, он был очень убедителен, а я к своему стыду должен признать - растерялся...

Смущенный повар лезет на кухню - продолжать раздачу супчика.

Ну да, разумеется - как появляется очередной наглый сукин сын - так окружающие вместо сапогом под копчик - развешивают уши. Потом удивляются - где мозги были. Знакомо. Главное - вести себя самоуверенно, тогда любая лажа годится... Эх!

Поверхностный осмотр только подтверждает диагноз.

Холодный пот, живот как доска и любое движение усиливает боль.

В утешение рассказываю страдальцу про то, как я давным-давно делал хирургическое пособие в глухомани - операция была по удалению нагноившегося ногтя на большом пальце ноги. Под анестезией стаканом портвейна, пациент пел лежа на койке и играл на баяне, так ему было не страшно, а я оперировал безопасной бритвой и перочинным ножиком. Да, еще у меня были пассатижи... И самогонка для стерилизации операционного поля и инструментов. Зажило, кстати - отлично. И новый ноготь вырос нормальным.

Больного увозит в кузове обшарпанная «Газель», а мы, вернувшись обратно, застаем определенно суету, характерную для начала действия.

- Решили выдвинуться к пустым цехам, как тебе и хотелось - удивляет меня Ильяс.

- И почему такое пуркуа па? Ты ж мне отказал категорично.

- На свете есть такое друг Гораций, о чем не ведают в отделе эксгумаций! - вворачивает одну из своих типовых шуточек стоящий рядом братец - возник шанс разжиться всяким вкусным, заодно оказав массу благодетелей страждущему человечеству.

- Я пустой. Медикаменты нужны.

- Сейчас с берега привезут. Давай, прикидывай, кого из медиков берешь.

- А чего прикидывать - братец и медсестрички остаются тут, поиск проводить будут санинструкторы, ну и я с ними в первый раз схожу. Поднатаскать. Тут другой вопрос возник.

Ильяс поднимает вопросительно бровь.

- Повар этот напомнил, что куча жертв при переправе Великой Армии через Березину была связана с особенностями человеческой психологии...

- Бре! Сейчас будешь рассказывать, что мосты французские саперы построили еще вечером. Ночью мосты стояли совершенно пустые, никто по ним не шел, хотя некоторые толковые офицеры пытались заставить этих жарильщиков оторвать задницы и пройти полкилометра, но все сидели у костерков, а вот утром ломанулись скопом, устроили давку, попадали с мостов в воду, сами мосты своей тяжестью поломали и в итоге обеспечили полноценную катастрофу. Так?

- Так. А ты откуда знаешь?

- Ты ушами слушаешь? Я тебе говорил - мой предок там отличился. У нас в роду к предкам относиться принято серьезно. Мы ж - Ильяс ядовито ухмыляется и с нескрываемой издевкой выговаривает - не цыфилисофанские, дикие... Ладно. Сам думаю, что с утра хлопот добавится куда там...

- Я все же не понимаю, что вдруг ты согласился...

- Там стоит брошенная исправная бронетехника. Несколько единиц. Кронштадтские пока не сообразили, армейские - тож туда опасаются сунуться. Руки у них не доходят. А нам - как бы и с руки. И медпомощь оказали, ну и к подметке что-то прилипло... Не отлеплять же... Компрене ву, или нет?

- Ву! Сейчас сумку пополню. С братцем детали обговорю - и форвертс!

- Это по - какейски?

- Вперед. Понемецки.

- Понемецки я только «ахтунги» знаю.

Ильяс подмигивает.

Пока я снова набиваю сумку, никак не могу отделаться от впечатления, оставшегося после разговора с нашим командиром. Вишь, у них в семье помнят парня, который воевал, черт возьми, аж два века назад. Честно говоря - мне завидно. Хотя, вот я своего деда помню.

Он был очень спокойным и работающим человеком - причем руки у него были золотые. Одинаково мог починить часы и сделать легкую и удобную мебель, сделать сруб для дома или починить резную раму для старинного зеркала. Неторопливый, добродушный.

Про войну рассказывать не любил. Свое участие в ней оценивал скромно. Потому я, воспитанный на поганой совковой ГЛАВПУРовской пропаганде, считал, что вообще, раз солдат не убил пару сотен немцев и не сжег десяток немецких танков - то и говорить не о чем.

Это большая беда - про войну воевавшие рассказывать не любили - берегли нас от тех ужасов, а пропагандисты, как правило, были из «героев Ташкентского фронта» и потому их стараниями сейчас разные выкидыши от истории плетут невиданную чушь - и им верят внуки и правнуки тех, кто победил великолепную германскоевропейскую армию, кто дал нам жить и так напугал наших неприятелей, что полвека мы не воевали - нас боялись.

Еще будучи совсем мелким я сильно удивился, когда мы с дедом мылись в бане. У деда правая ягодица сверху была украшена пятачком тонкой блестящей кожицы, а вот снизу отсутствовал здоровенный кусок - с мой кулак, причем там шрам был страшным и здоровенным. Какимто перекрученным, сине - багровым, в жгутах рубцовой ткани.

Естественно я поинтересовался. Дед, смутившись, объяснил, что это пулевое ранение.

Навылет.

Должен признаться, что както мне это показалось диким. Ведь все ранения у смелых - спереди. А тут сзади. Да еще в попу. Совсем както неловко. Очень нехорошо. Хотя деда жалко, конечно, но както стыдно и нехорошо.

На том дело и закончилось. В разговорах с мальчишками «про войну» я эту тему старательно обтекал. В семье были еще воевавшие, но все както категорически не вписывались в плакатный образ бойцапобедителя.

Часто в гости приходил брат деда - Витька. С одной стороны - он был моряком, участвовал в обороне Одессы, списавшись там с корабля на берег - в морскую пехоту.

Это звучало дико - морская пехота. Сейчас такое представить трудно - потому как американцы со своими маринами - морскими пехотинцами - так всем прожужжали уши, что теперешние дети, небось, скорее пехоте удивятся. А вот в то время, когда я был маленьким - как - то странно это звучало.

Как какойто суррогат пехоты. Моряки же должны на кораблях воевать, а то вдруг - в пехоте. Все равно как спешенный танкист или летчик.

Потом брат деда воевал под Севастополем. Там и попал в плен. Ну, как так в плен?

А героически подорвать себя гранатой? С десятками немцев? И хотя дед уважительно отзывался о том, как воевал его брат, к самому брату он относился не очень хорошо.

Я это понимал так - брат женился на некрасивой бесцеремонной толстой бабе с трубным голосом, много пьет и с дедом часто спорит. Отсюда и прохладность в отношениях.

Сильно потом уже узнал, что брат после немецкого плена и, хватанув еще конца войны после освобождения, все время был уверен, что скоро будет новая война и потому глупо заводить детей, а надо жить в свое удовольствие. Красивый умный парень стремительно спился. И красивые женщины, идя чередой, както незаметно превратились в страшноватых баб, последней из которых хватило ума держать мужа (таки убедила расписаться) постоянно датым. Меня еще удивляло, что она отмеривает ему из бутылочки, которая всегда была у нее в сумке, дозы портвейшка - по чутьчуть, но довольно часто.

Деду не нравилось, когда Витька начинал над ним посмеиваться - ишь выводок родил, а вот сейчас война будет - и все. Яде хоть пожил! Не нравилось, что пьет. Не нравилась его беспардонная жена...

А потом мне попалась книжка Ремарка «На западном фронте без перемен». Этого писателя я уважал - и потому отношение его героя к ранениям в задницу, как к совершенно одинаковым с другими - меня удивили и заставили подумать. То, что и смелый может получить рану в спину, а тем более в задницу - это я тоже понял.

Опять же и бабушка както невзначай вспомнила, когда я пришел из школы с разбитым носом, что вот дедто в драке был крут и обидеть его было непросто и что она - будучи завидной невестой с выбором - выбрала его после того, как он на деревенских посиделках отлупил деревянной лавкой целую кодлу пришедших озорничать парней из соседской деревни.

То, что мне удалось в свое время выпросить у скупно рассказывавшего деда, запомнилось. Получилось отрывочно и не очень точно - дедто мне называл и деревни и части и фамилии генералов и другого начальства, фамилии товарищей - он все это отлично помнил. Забывал то, что было час назад - а то, что было тогда - помнил точно - и не путался.

В финскую войну дед служил в зенитнопулеметной роте. Это счетверенные станковые пулеметы «Максим» на тяжелой тумбе, установленные в кузовах грузовиков.

Работы было много, боев мало. У финнов было негусто самолетов, летали они редко.

Финская армия дралась за свою землю свирепо и потери в нашей пехоте, штурмовавшей линию Маннергейма, были серьезны. Деду запомнились наши горелые танки - особенно многобашенные монстры. Дырочка в броне маленькая, а танк сгорел, люки закрыты и горелым мясом пахнет вместе с горелой резиной. Или - если не горелый - под танком и на броне кровь студнем...

Выбили финнов из деревни. Танки по улицам ездят спокойно, а пехотинцев тут же расстреливают непойми откуда. Прибыло начальство. Распорядилось. Пришли огнеметные

танки - маленькие со стволом, на конце которого горел шмат пакли - от этого огня вспыхивала струя горючей жидкости. Сожгли дома. Оказалось, что стрельба велась из подвалов, переоборудованных в доты. Саперы эти подвалы подорвали практически без потерь - вместе с их гарнизонами. Ходили слухи, что у финнов воюют и женщины.

Дед ни разу среди мертвых финнов женщин не видел, но эту точку зрения разделял уверенно. Ему надо было с приятелем перейти открытое пространство между двумя рошицами - на виду у финнов. Решили дернуть «на авось» - обходить больно не хотелось.

Только вышли - с того края - из кустов, куда они направлялись, им кричат: «Не ходите здесь! Снайпер стреляет!» И - хлоп выстрел. Мимо!

Дед и его приятель пустились бегом. Еще выстрел - и еще мимо.

Дед был твердо уверен - женщина стреляла, потому и промазала. Мужик бы двух дурней ленивых не упустил бы.

Колонну грузовиков вечером обстреляли из засады. Ответ получился внушительный, финны его явно не ожидали - видно приняли боевые машины за обозные - вот и напоролись. Из счетверенныххто - сильное впечатление. Один пулемет 300 выстрелов в минуту, а тут вчетвером с одной только машины - 1200 пуль в минуту, да машин - не одна. Колонна остановилась. Потом собрались - и прочесали опушку. Нашли какиеето финские шмотки и брошенный автомат «Суоми» с круглым диском.

Боец, который на гражданке был часовщиком, взялся его разобрать. Разобралто его быстро, а потом оказалось многовато лишних деталей. Не получилось его собрать, бросили в костер.

Почемуто часть роты стояла отдельно, и потому пришлось выбирать каптенармуса и повара для тех, кто стоял в отрыве от основной группы. Выбрали деда, чем он явно гордился - мне так это и сейчас кажется хлопотным делом, а деду польстило, что его посчитали достойным, порядочным человеком. Ну, он и натерпелся в первый же день. Привез мясо - и, взвесив - ужаснулся - недостача, причем большая. Кинулся обратно. Ему со смехом показали на все еще лежащий на весах топор - дед его сгоряча положил вместе с мясом, вместе и взвесил. Получил дополнительно кусок с гарниром из шуточек. Привез, сварил, взвесил вареное мясо. Опять ужаснулся - мяса стало снова меньше, чем было. Чертовщина какаято! Ну, осторожненько поуточнял - и успокоился - умные люди разъяснили - мясо оказывается, уваривается, вареное легче сырого...

(Думаю, что сейчас многие удивятся - во, какие лохи! И эти болваны не стырили кусок мяса, а вернули и каптер дурак какойто, при кухне, а не воровал, да и работе обрадовался, тоже значит лох, не лохи - оне не работают! Могу только сказать если так - поганое сейчас время.)

А то время, когда они были подальше от начальства, и как бы совсем сами по себе было очень спокойным. Не было дурацкой работы из принципа - чтоб солдат только занять. Деду, например, очень не нравилась перебивка лент для пулемета - это было как раз «чтоб не бездельничали» - из длиннющей ленты в 1000 патронов надо все патроны вынуть, почистить саму ленту, почистить патроны - и потом машинкой вставить обратно. Было много работы по обустройству - уже была зима, а надо было и жилье сделать и баньку - в войсках того времени это было привычно - как встали на место и надолго - тут же начинали обзаводиться баньками для личного состава. Командиры гордились, если их подчиненные и живут удобнее, и баня если лучше, чем у соседа.

Помимо деда были и другие мастера - но плотники. А плотник супротив столяракраснодеревщика - никакого сравнения не выдерживает. Поэтому дед еще и стройкой там руководил. Соседям нос утерли - добротные получились и блиндажи и баня и прочее, что требовалось. Дед хорошо и печи клал.

Одно деду жизнь отравляло - на кухне у него крыса завелась. Вот посреди леса - и крыса.

Дед чистюлей всегда был, и такое соседство его бесило. Он раздобыл у приятелей наган - почемуто с отпиленным куском ствола и решил крысу подкараулить у одного из ее

выходов. Несколько раз крыса выбиралась не оттуда, где ее ждали - но, наконец, совпало, и дед ее героически пристрелил. Для остальных бойцов это приключение было долго основной темой и источников всяческих шуточек и подковырок - как Иваныч за крысаком охотился. Но вместе с тем зауважали больше - потому как чистота на кухне - это дело.

А дед после похорон крысака подале от кухни задумался - что пасюк посреди леса делал?

Ну не живут крысы в лесу, они в домах живут. Стал копать снег, где крысова нора была.

Под снегом - слой углей. А под углями - недогоревшие доски бревна и кирпичный свод с люком. Дом был с подвалом. Домто сгорел, а подвал уцелел и оказался набит всякими соленьями - вареньями, что здорово улучшило рацион зенитчиков. Ощутимый оказался приварок.

(Опять же по нынешним понятиям - лохство сплошное - что б товарищам все это продать, а не отдавать даром... Разбогател бы!)

Вообще финские дома поражали зажиточностью, самито дома - не так чтоб очень, наши тоже не хуже строили, а вот городская мебель и особенно костюмы «на плечиках» - удивляли. В подвалах оставались запасы - и хотя политбойцы рассказывали, что финны все отравляют - ели. Многие поживились финским добром из брошенных домов. Дед не польстился. Еда на войне - это одно, а воровать вещи был не приучен. Посылал дочке (моей будущей маме) цветные картинки в письмах. Птички, цветочки... Пачка открыток гдето попалась. Вот их и пользовал.

А еще отметил, что у финнов срубы рубили не так, как у нас, да еще то, что сараи для хранения сена были «дырявые» бревна со здоровенными щелями уложены - видно чтоб сено на сквозняке было...

Потерь в зенпультоте было мало и какието они тоже были нелепые. Два солдата чистили пулеметы после стрельбы. Один случайно нажал грудью на общий рычаг спуска. Стоявший напротив был убит наповал - в одном из четырех пулеметов в стволе оказался патрон...

К деревне, где стояли наши войска, из леса на лыжах прикатило гуськом пятеро финнов. Их увидели издалека и сбежались посмотреть. Ктото ляпнул, что это финны в плен сдаваться идут. Народу набежало много, а финнов пятеро, идут целенаправленно, ясно видят же - что в деревне русские. Наверное, действительно сдаваться. А оказалось - не совсем. Подъехали поближе, шустро развернулись веером и вlepили из автоматов «от живота» - да по толпе. Наши шарахнулись в разные стороны, но многим досталось. А финны так же шустро - по своей лыжне - обратно в лес. Тут и оказалось, что поглазеть пришли без винтовок. Пока тосе - финны уже у леса. «Если финн встал на лыжи - его и пуля не догонит» Но одного догнала. Тогда двое финнов раненого подхватили под мышки, двое других съехали с лыжни - и пошли, проторивая лыжни для носильщиков, чтоб тем, кто раненого тащит не по целине переть - и в момент в лес.

После этого наши сделали такой вывод - без винтовки - никуда. Чтоб всегда при себе. А то умыли почти вчистую... Так и учились.

Еще дед запомнил финские окопы - старательно сделанные, глубокие, с обшивкой - и то, что во время наших артобстрелов финны утекали во вторую линию, а наши молотили по первой. Когда артобстрел прекращался, и наша пехота поднималась - финны тут же занимали передовые окопы и встречали плотным огнем. Пока комуто из артиллеристов не пришло в голову перенести огонь на вторую линию, а пехоте подняться до окончания обстрела. Вот тогда получилось почти так же, как действовали немцы в 41 - финнов здорово накрыли на запасной позиции, а потом еще и пехота оказалась куда ближе. Трупов финских осталось в траншеях и ходах сообщений богато. Ребята из расчетов ходили смотреть и ходили долго. Ну а дед глянул для общего развития и не особо долго зрелищем наслаждался - ну трупы и трупы, не велико счастье на мертвецов пялиться.

И о дотах финских, о полосах заграждения дед отзывался с уважением - большая

работа и грамотно сделана была.

Уже летом 40 года. Дневной марш по пыльной проселочной дороге. На потных солдат пыль ковром садится, вместо лиц - странные маски с зубами и глазами - не узнать, разве что по голосу. В глотках пересохло. Долгожданный привал - в лесу у озера. Солдаты толпой к воде.

Дед был дневальным, задержался. Но быстро договорился с другим парнем - с соседней машины и тоже побежал с дороги под уклон, снимая пилотку, ремень и гимнастерку. Влетел в кучу сослуживцев, а они, полуодетые, почемуто в воду не лезут, хотя жара и пыль на зубах скрипит. Дед их спрашивать - а они пальцами тычут. В воде - неподалеку от берега лежат на дне прошлогодние трупы в нижнем белье. Непонятно чьи, почти скелеты уже, но еще не совсем... Вода прозрачная, все в деталях видно.

Поплескались с краешку...

Не вышло купания.

Дальше поехали как пришибленные.

Кто там валялся - одному богу известно.

(Сейчас конечно ясно всем, что там могли валяться токо совки, потому как финны практически войну выиграли, только от щедрого сердца отдав все, что им сказал Молотов, своих солдат они не бросали и вообще финнов нисколько не погибло.

Мне лично так считать мешает то, что мой родной дядька нашел както вместо гриба череп - принял его за шляпку боровика, торчащую из мха. Потом они с приятелями скатали мох - и нашли несколько скелетов в полном обвесе, с лыжами, оружием. Нескольких финнов. Рассказывал он, что там они лежали практически кучей, а считать не было интереса. Начало 60 годов - все еще было неплохого сохрана - и финская обувь с загнутыми носами и свитера и кепи... Ну тогдашние мальчишки такого добра видали много, а эти лыжники, судя по многочисленным пулевым дыркам в костях попавшие под пулемет, были какимито нищербродными, даже ножи были какieto некрасивые...

И другие мои знакомые не раз находили в лесу финские останки. Да, я знаю, что наша партия и правительство хреново относилась к нашим погибшим бойцам и их много и сейчас лежит недопохороненными, но не надо рисовать наших врагов ангелами во плоти. У них тоже всяко было. Вот чего у них не было - это такой выжженной земли, какую они устроили у нас, уходя с нашей земли... И нашим дедам надо было все отстраивать заново. Может потому не до мертвых было...)

Дед вернулся с Финской войны целым и невредимым. Никого не убил и не привез никаких трофеев.

После Финской дома прожил всего - ничего. Практически на следующий же день после объявления войны был призван. Попал в орудейный расчет гаубичного полка.

Полк повоевать не успел. Он был разгромлен немецкой авиацией на марше - в течение одного ясного летнего дня. Подобное в нашей литературе уже не раз описано куда как красочно: Яркое солнце, безоблачное небо и воюющие сиренами безнаказанные самолеты. Дым от разрывов (толовый дым гадкий на вкус и от него потом болит голова), дым от горящих грузовиков и тракторов, вопящие, мечущиеся под огнем люди, сумятица, крики, неразбериха - и весь спектр человеческих характеров - от панической трусости, до героической храбрости.

Люфтваффе работало как на полигоне. У наших не было ни авиационного, ни зенитного прикрытия. Тут дед очень пожалел, что не зенитчик. Немецкие бомбардировщики и истребители бомбили и штурмовали раз за разом. Колонна оказалась запертой - с шоссе почемуто в поле съехать было нельзя и на шоссе был ад кромешный - тем более, что немецкие летчики грамотно разнесли сначала голову колонны, потом хвост, потом принялись за середину. То ли они меняли друг друга, то ли аэродром был рядом - но весь день они домолачивали злосчастный полк. Гоняясь даже за одиночками.

Деда гонял по вспаханному полю немецистребитель. (Я так понял, что в основном личный состав подался в одну сторону - где были какieto жидкие кустики. Дед решил, что

кустики - не защита. Да и сверху все равно все видать, а вот с другой стороны - поле и глубокие борозды. В борозде отлежаться безопаснее, чем под кустом. Вот за ним истребитель и увязался. И дальше летчик персонально занимался дедом.)

Самолет шел буквально в метрах над землей и бил по одиночному артиллеристу из всех дудок. А артиллерист, тяжело навьюченный сидором, скаткой, винтовкой, противогазом, подсумками и т. п. метался по полю и когда видел, что самолет выходит на цель - кидался в борозду.

Дед удивлялся двум вещам - тому, какие борозды рыли пулеметные очереди - как плуг, а разлетающаяся земля - как черные кусты вырастали, не как в кино жалкие фонтанчики песка, и тому, что за все время охоты дед совершенно забыл про винтовку - не до нее было.

И это его здорово огорчало и тогда, когда он мне об этом рассказывал: отстрелявшись, немец задирает нос машины, давал вираж и снова шел на цель.

При этом пилот оборачивался, и дед отчетливо видел его голову в шлеме - как футбольный мяч. Стрелял дед вообще прилично, и, по его мнению, если б он вспомнил про винтарь, то у летчика развлечение стало бы пикантнее.

Когда фриц наконецто улетел, дед долго приходил в себя.

Полк остался без техники. Некоторые пушки были целыми, а вот все тягло сгорело или было разбито. Уцелевшие собрались кучей и пошли обратно. По дороге неоднократно попадали под налеты авиации, зубами скрипели - потому что шли вместе с беженцами и насмотрелись, как немцы веселились, расстреливая баб и детей - лето, платья светлые. Издалека видно и целить удобно.

Дед отметил, что такое хождение по головам и развлечения в виде охоты на одиночек были только в 41 году. Уже в 42 люфтваффе отучили так веселиться. Но в 41 летуны вытворяли что угодно и потому на обочинах дорог и поодаль валялось много трупов - и женских и детских и солдатских...

Дальше бредятина хаотического отступления без руководства. Немцы перли по дорогам, а наши пытались их обогнать, идя по лесам и болотам. Но мне кажется, что какое - никакое начальство все ж было. Сидели у костерка впятером. Один сказал, что надоело отступать и завтра же он пойдет к немцам сдаваться. Кто из четверых доложил - неясно, но утром пятый сдаваться не пошел. Расстреляли его.

В одном месте отходившим по лесному проселку гаубичникам преградили путь немцы.

Из баньки на бугре били по дороге, прижимая наших к земле. Дед говорил про автоматчиков, но, учитывая новые публикации - может там были пулеметчики. Артиллеристы - здоровые, злые от всего виденного и пережитого мужики сунулись дуром - «да мы этих карлушек на лоскутки порвем!»

Немцы прекратили огонь, чем изрядно подбодрили наших - «Ааа! Бегут небось!» Подпустили метров на 80 и грамотно срезали огнем по животам. Автоматического оружия в баньке оказалось достаточно. Атака захлебнулась, кто уцелел - залег, началась перестрелка с весьма невыгодной позиции. Лежать на ровном месте под плотным пулеметным (или автоматным - на полусотне метров это однохренственно) огнем и лупить из винтаря наугад - толку мало.

Дело спас один солдат, подползший попластунски к бане с другой стороны и закинувший в окошко противотанковую гранату. После взрыва стрельбу немецкую как ножом обрезают и дед, подбежав вместе с другими, увидел, как выползшего из бани по стеночке немца, впереди бегущий так гвозданул штыком, что немец повис на обломившемся острие и так и остался висеть, пришпиленный к стене.

Всего немцев оказалось шестеро.

Пятеро мертвых.

Одного, помятого и сильно контуженного, взяли в плен.

Пока толпились вокруг, не зная, что с фрицем делать - тот был совершенно ошарашен и похоже ничего не слышал вообще - откуда ни возьмись, появился полковой политрук, которого раньше что-то было не видно. Произнес пафосную речь - и выстрелил в пленного.

Тот свислся веревочкой и умер (тут дед показал винтообразное движение рукой и я словно своими глазами увидел, как вертикально, поворачиваясь вокруг своей оси рухнул застреленный).

На красноармейцев это произвело гадостное впечатление. Не воодушевило. Также совсем не воодушевило то, что убитыхто в этом бою было немного, а вот тяжелораненых - куча.

(Ну, тут чего говорить - ранения в область живота, перебитые позвоночники, рваный кишечник, пробитые почки, печень, мочевого пузырь... Врагу не пожелаю. И перитонит впридачу, в полевыхто условиях.)

Сколько могли - тащили раненых с собой. Потом попалося какое-то тоже отходившее медучреждение - с радостью оставили еще живых раненых там. Понимали, что раненым и там не сахар будет, но вроде как долг исполнили. Все - таки, не бросили. А такое тоже было, видели по дороге.

Даже и думать не хочу, что там стало с этим медсанбатом, которому brave артиллеристы всучили пару десятков тяжелых раненых в запущенном состоянии. А как цивилизованные немцы обращались с нашими ранеными и медиками - из первых рук знаю...

Деда назначили вторым номером к пулемету ДП. Первый номер нес сам пулемет, а дед таскал короб на три диска и запас патронов. На перекрестке артиллеристы напоролась на немецких мотоциклистов (вообще мотоциклисты были вездесущи - куда ни сунься, а тут вот на них напоролась.) Пулеметчика стукнуло по голове, и дед перевязал его, как умел. Почемуто дед решил, что первый номер будет вести огонь из ДП, потому привстал с винтовкой и увидел довольно близко - метрах в 200-300 мотоциклы и немцев, поливавших разбегающихся наших.

Прицелился, нажал спуск - осечка. Передернул затвор, выстрелил. Обернулся на своего первого номера - а того нет.

Глядь - далеко уже в пшеничном поле мелькает белый мячик. И пулемета нет - с собой уволок. Дед решил, что убегать по полю на виду у немцев неумно и решил бежать в лес - по другую сторону дороги. Вытряхнул диски из короба, раскатил их, благо круглые, в разные стороны и тоже дал тягу.

Кругом пальба, по слухам немцы обтекли и справа и слева, а какойто разъяренный майор угрожая пистолетом, заставил всех, кто мимо шел ночью, тащить на себе из дрища застрявшую пушку. Утром, потратив все силы и устав смертельно, извозившись в грязище до ушей выволокли пушку на сухую дорогу. И увидели то, что в темноте было незаметно - ствол орудия был пробит навывлет. Пушка была безнадежно искалечена. Майор снял с нее замок и прицел и пошел со всеми дальше.

К слову - дед вполне одобрительно относился к тому, что бросивших свои части и подразделения, утративших свою технику командиров расстреливали. Многие беды по его мнению в 41 были изза того, что начальство чаще думало как самим утечь, а не о том, чтоб командовать. Солдаты зачастую шли сами по себе, без руководства. Если было к кому примкнуть - примыкали.

Дед с приятелем примкнули к хорошо организованной и неплохо вооруженной группе, которой командовал очень правильный мальчиклейтенант. Ночью приготовили засаду у дороги. Затрещали мотоциклы. Пулеметчики хотели врезать по фарам, а лейтенант запретил: «Вдруг наши?» Когда уже проскакивали мимо - стало ясно - никакие не наши. Немцы колонной.

Ушли от дороги. Шли по лесу, заваленному противогАЗами, и деревья были увешаны винтовками СВТ. Дед отзывался о них, как о капризных и ненадежных, хотя признавал, что у него всю войну были только мосинские и судит он по чужим словам. А я сравнительно недавно узнал, что известная винтовка ФНФАЛ - практически передер СВТ и вся беда СВТ была только в том, что патроны с закраиной, что многие плохо обученные солдаты не учитывали...

К своим выбирались вдвоем - вместе с приятелем, и тут неожиданно встретились с тем

самым политруком из гаубичного полка, который застрелил немца. По дороге к деду с приятелем пристал маленький козленок - откуда уж он в лесу взялся - кто знает - но шел как собачонка. Так политрук застрелил этого козленка «чтоб немцам не достался». Видно руки у политрука чесались.

Вылезли на дорогу и увидели свои грузовики. Пошли «голосовать за развитие автопрома» А потом политрук остановил машину и укатил, враз забыв о сослуживцах. Те плюнули ему вдогонку и пошли пеше.

Дальше их отправили на сборный пункт. Вопросов к ним не возникло - вышли с оружием, с всей снарягой, короче - подозрений не вызвали. (ЕМНИП - вышли гдето у Гатчины, которую успели уже переименовать сначала в Троцк, потом в Красноармейск.)

Приятеля - как оказавшегося грамотным наводчиком - отправили в артиллерию. А дед неожиданно встретился с родственником - мужем свояченицы. Майор пехотный - по тем временам - шишка. Родственник решил помочь и забрать к себе. О чем и сообщил комиссии. И все бы было отлично, да один из чинов спросил деда - «Вы служили в его части?» Дед честно ответил, что нет. Произошла некрасивая сцена, потому как майорродственник сказал, оказывается, что это его боец и потому он его заберет себе.

В итоге деда отправили в пехоту - но не к родственнику. Тот и после войны не раз деду пенял за такую глупую честность, а дед оправдывался, что откуда ж он знал, что говорить, а что нет...

Но чувствовал себя при этом неловко.

(И бабушка не упускала случая высказать свое мнение на этот счет).

Началась блокада. Так же как штатские - голодали и солдаты. Дед за блокаду потерял много здоровых зубов - в распухших черных деснах они не держались и болтались как на нитке. Их вынимали пальцами, практически без боли.

А вот блох и вшей у деда за всю войну не было. Он считал, что они заводятся только у тех, кто опустился. Боролся с ними как умел. И потому вшивым не был. Даже просто переодевать навыворот рубашку - и то было полезно. Хотя на холоде, да голодным - это требовало определенного настроения.

Каково в целом было можно судить по тому, что когда их обучали метанию гранаты, дед от слабости поскользнулся, упала боевая граната рядом. Хорошо, что сержанткадровик успел ее пнуть, рывкнуть: «Ложись» и сам залег. Граната отлетела подальше, и осколки пролетели мимо.

Зимой часть, в которой служил дед, бросили под Колпино. Голодные мерзнут сильно. Замерзли до костей, пока добрались.

Шли долго, периодически посвистывало. Оказалось - пули. Один из сержантов был убит наповал, еще не дойдя до окопов. Потом добрались до второй линии, немного погрелись в блиндаже, а получилось еще хуже - окончательно задубели и самое паршивое - сыпавшийся со стенок при взрывах песок набился в винтовки. Попал в стволы, затворы заклинил (винтовкито сдуру к стенке прислонили). А там уж и совсем на передовую линию - окопы мелкие, в дно мертвецы вмерзли и прибывшие шли по голым спинам, животам, головам - трупыто смерзлись, твердые как камни, да скользкие - как кто идет - одеждато под сапогами и валенками рвется и сползает.

Дальше была атака. (Я так понимаю сейчас, что взрывы - это видно артподготовка была).

Вылезли все разом и поползли под немецким огнем к линии их окопов. Изза густоты огня и по слабости - ни покинематографически - в рост, ни осторожно - попластунски не вышло. Поэтому все, не сговариваясь, поползли на четвереньках.

Дед с тоской думал, что делать, когда до немцев доберется - негнушимися пальцами ни гранату взвести, ни обойму зарядить - да и затвор изза песка заклинил - не передернешь.

Вдруг деда по его словам как толкнуло чтото, и он нагнул голову. И его как колом ударили - в тот же миг немецкая пуля скользнула вдоль спины, распоров напополам шинель, перебив ремень и просадив навывлет ягодицу. Тут же мерзкое тепло в штанах - кровь потекла.

(Я не от одного деда слышал, что при ранении эта теплая мокрядь ощущается человеком как что-то опасное и мерзкое.)

Дед пополз обратно, вначале даже обрадовавшись, что и жив остался и обратно вернуться не стыдно, съехал в окоп и заковылял туда, где сидел комбаткапитан. Рядом был фельдшер и пара искалеченных пулеметов. Дед сказал, что ранен. Фельдшер развел в стороны половинки шинели, глянул, сказал: «Повезло тебе. Идти можешь?». Дед ответил, что может. Капитан велел бросить винтовку в тупичок - ответвление окопа, где уже лежали кучей полтора десятка винтовок, и идти к санитарам. Что дед и сделал.

Оказалось, что поступил легкомысленно - за поворотом траншеи нога просто отнялась, и дед позорно повалился. Опереться было не на что, да еще и портки, распоротые сзади пулей сваливались, и их надо было придерживать. Да еще ведь и слабый, голодный. Коекак вскарабкался по стенке и волоча совсем уснувшую ногу пошкандыбал к землянке, где были санитары. Перевязали. Уложили на нары.

А потом ждали вечера - для эвакуации день не годился, все было пристреляно. Что-то санитары ели, дед попросил у них поесть, на что они ответили: «раненым в живот есть нельзя!» - «Так я ж не в живот ранен!» - «А нам виднее!»

Ну да грех их винить - сами голодные были, а таскать раненых - работа тяжеленная.

Дальше госпиталь. Злющая докторша, осмотрела деда через несколько дней после прибытия, да и то после настоятельных его просьб - от раны шел уже тяжелый запах.

Докторица мстительно просадила зондом по раневому каналу - дед аж оставшимися зубами заскрипел. Потом вынули попавшие в рану лоскутья тряпок. Отстригли омертвевшую ткань. При этом чертова баба словно специально старалась сделать побольнее.

Дед провалялся в госпитале полгода. На его счастье попал к другой докторше - и с ней дело пошло на лад. Очень трудно было восстановить функцию ноги - пуля выдрала здоровенный кусок мышц. Постепенно дед все же стал ходить, сильно хромя, но из всех сил, стараясь ходить ровно. Не хотелось к жене возвращаться после войны калеккой колченогой.

Всетаки он выздоровел. А его сосед по палате, которому осколок вбил в задницу разбитую вдреизг стеклянную флягу - умер.

Из команды выздоравливающих деда забрали в артиллерию. Во взвод топографической разведки артполка.

(Сразу признаюсь - когда дед рассказывал про деятельность топографической службы - я и половины слов не понял. Одно усвоил - хоть дед и имел отношение к разведке, но в тыл к немцам не ходил, языков в одиночку не таскал. Потом, правда, вроде понял, что это была за работа.

Для успешной работы артиллерии надо как можно точнее определить - где установлены орудия. Привязать пушки к местности и максимально точно нанести эти позиции на карту. Чем точнее привязался и нанес - тем проще готовить данные к стрельбе и тем точнее будет стрельба. Учитывая, что, как правило, позиции батарей были не в цивилизованных местах, набитых геодезическими знаками и приметными ориентирами, это становилось непростой задачей.

Мало того, все прекрасно понимали, что и противник постарается привязаться по ориентирам - и если поставить пушки возле приметного ориентира - враг этим обязательно воспользуется. Потому и наши и противник хитрили, стараясь максимально усложнить друг другу привязку целей к ориентирам.

В общем тщательная, незаметная, кропотливая работа, которую военные журналисты не видят, а кинооператоры не снимают. Видят результаты этой работы пехотинцы и танкисты, которые лезут в атаку после артподготовки. Вот тут сразу заметно - как артиллерия отстрелялась. И жители города тоже это видели. Чем лучше наши артиллеристы учились работать, тем реже и жиже становились артналеты.)

Полк принимал участие и в контрбатарейной борьбе. Только после смерти деда - я понял насколько ювелирной, филигранной была работа артиллеристов под Ленинградом.

Тем более, что каждый снаряд был большой ценностью - те артиллеристы, которые служили в Первую империалистическую любили говорить - каждый снаряд - как хорошие сапоги стоит! Одного такого ветерана (с целью подкузывать) молодые солдаты както спросили: «Ну, это от полковушки снаряд стоит как пара сапог. А от наших сколько стоит?» На что мужик снисходительно посмотрел на зелень и ответил: «А от наших - как пара сапог со шпорами».

Подумал и добавил: «Хромовых, конечно».

Потом эта шуточка - «Пальнули, аж шпоры зазвенели» долго у артиллеристов ходила.

Но правда в шуточке была - за бесполезный расход снарядов драли нещадно. Потому старались работать на совесть. Да и не только потому - большая часть были ленинградцами, родственники в городе жили, потому ненависть что к немцам, что к финнам была осознанной, четкой, ясной. Практически у каждого ктонибудь из родственников или знакомых умер от голода или был убит при бомбежке или артобстреле. Командование части отпускало периодически особо заслуживших - домой сходить. После этого бойцы еще больше свирепели. Были и потери - одного из знакомых деда осколком свалило на пути в часть.

Деду же идти было не к кому - бабушка с сестрой и детьми успели эвакуироваться буквально в последние дни, на одном из последних эшелонов.

Помимо привязки по местности и топразведки работы и тут было много. Чем лучше окопаешься - тем меньше потери. Копали много. Опять же делали блиндажи для жилья, для служб, погреба под боезапас, капониры и много чего еще.

Были и другие задачи - для орудий оборудовались основные и запасные позиции. Естественно противник долбал по засеченным позициям. То, что долбал - было хорошо - боезапас и у немцев с финнами был не безграничным, да и нежные были дальнбойные орудия - стволы у них снашивались куда быстрее, чем у меньших калибров.

Главное - чтоб на тот момент наших орудий на обстреливаемой позиции не было. Потому использовали и макеты орудий - отстрелялись, настоящие орудия долой - на их место макеты в натуральную величину и немного - с умом демаскировать, когда скажем в воздухе авиакорректировщик появился. Например, как бы случайный дымок из землянки.

Правда, такие развлечения проходили только пока стояли напротив немцев. Финны практически не стреляли из дальнбоев. Политрук полка объяснял это тем, что орудия у финнов английские, а Англия, как наш верный союзник, не поставляет финнам ни боезапас, ни запчасти, потому финны в 41-42 поистрепались, а сейчас пальцы сосут.

Немцы же незамедлительно долбали по обнаруженной «батарее». Чем больше снарядов они расходовали - тем лучше. Правда, один раз веселья не получилось. Отделение не успело убраться с места ложной батареи достаточно далеко до артналета и снарядом их накрыло. Бежали всемером, разрыв здоровенной чушки был совсем рядом - но посеколо деревья вокруг, сбило с ног и только тому парню, который бежал предпоследним досталось - осколок снес ему переднюю брюшную стенку - так что внутренности вывалились.

К нему подбежали, а он белый как мел, уже не в себе, смотрит сквозь товарищей и чтото быстро и тихо шепчет. Деда больше всего потрясло, когда он увидел, как раненый непослушными руками пытается засунуть вываливающиеся кишки обратно в живот - с прилипшими к ним сосновыми иголками, муравьями, травинками и прочим сором.

Бойцы уже были обстрелянные, тут же из двух деревцев и своих ремней сообразили носилки и на рыси - в ногу, чтоб не растрясти по дороге, потащили в медпункт. Фельдшер у них был толковый, но сделать ничего не смог, умер раненый. Как принесли - так и утих, посреди перевязки.

Но в другие разы везло больше. Дед гордился тем, что когда принимал участие в таких розыгрышах - немцы покупались.

Тот же политрук, рассказывая им о важности соблюдения маскировки и опасности демаскирования обязательно рассказывал полюбившуюся ему байку о фальшивом немецком заводе, на который англичане сбросили деревянную бомбу с запиской - «какая цель - такие и

бомбы!» Вообще то, что политрук любил рассказывать одно и то же, было его, пожалуй, единственным недостатком - в отличие от того политрука - «стрелка», этот всерьез заботился о том, чтоб быть полезным для личного состава. Дед о нем отзывался с теплотой.

Ленинградский фронт имел свои особенности - фронт топтался несколько лет практически на одном и том же месте, потому тут у нас в ходу были разные хитрости - чаще, чем там, где до этого просто руки не доходили из - за того, что надо было или отступить на сто километров или наоборот наступать на такое же расстояние.

Тут же сидя друг напротив друга, точнее враг напротив врага - изучали привычки, слабые места и придумывали как бы досадить посильнее. Та ненависть, практически средневековая, которая была тут в ходу - что у немцев, которые даром торчали у упорно несдававшегося города, что у наших, видевших весь немецкофинский гуманизм воочию на своем собственном городе и чувствовавших его не на политзанятиях, а на собственной шкуре заставляла придумывать самые разные ловушки и гадости противнику.

Дед рассказывал об аэростатах наблюдения - оказывается, это были довольно вкусные цели и их старательно уничтожали при первой же возможности. Наши наострились из вдребезги изодранных аэростатов делать приманки - драный и латаный списанный аэростат не мог уже поднять корзину с корректировщиком, а вот имитацию корзины с соломенным чучелом в обносках и двумя кружками из жести с консервной банки на «лице» (издалека - точно бинокль посверкивает) - в последний раз мог. И поднимал.

Соответственно противник покупался - а он покупался практически всегда, потому что как наши солдаты ненавидели «раму», так и немцы ненавидели «колбасу» - по «колбасе» и стоявшей внизу полуторке с лебедкой начинала работать артиллерия или прилетала парочка истребителей. Потом истребители перестали присылать - к 43 году ленинградская истребительная авиация насобачилась в достаточной степени, чтоб устроить баню паре немецких истребителей, да и нередко шуточка с «колбасой» поддерживалась и зенитным огнем мешком. Тем более в этом случае у зенитчиков были развязаны руки, и они не опасались задеть корректировщика.

Героическое чучело мало того, что заставляло немцев потратить кучу дефицитных снарядов, но и позволяло одновременно разведать, засечь и привязать к карте артпозиции противника.

К 44 году уже соседей знали хорошо. Отработали такой метод борьбы с дальнобоями, до которых не могли достать по причине удаленности - как только те начинали работать по городу - наши орудия начинали долбить по доступным по дальности разведанным целям - штабам, складам, дорогам. Немцы нервничали, перебрасывали огонь на подавление беспокоящих их батарей и в этой собачьей свадьбе город оставляли в покое.

К слову - немцы сперваначала тоже использовали аэростаты наблюдения. Но если в Ленинграде была неплохая база по их производству и ремонту, то видно у немцев с этим не заладилось - чем дальше, тем их поднимали реже, а сбивали чаще. Потом вообще перестали этим заниматься, аэростаты кончились и немцы перешли на авиакорректировку, которая была менее точной по результатам да и обходилась дороже.

Активно работали звукометристы. Дед рассказывал, как при нем накрыли пропагандистскую установку противника - заговорил вечером репродуктор, причем гдето довольно близко. Речь шла о том, что вот красноармейцы сидят в окопах, а у Сталина Орлова в голом виде на столе танцует...

Дед пока это слушал, подошел его командир и сказал, что ничего, сейчас звукометристы сделают цель (с двух направлений устанавливается наибольшая сила звука, потом на пересечении этих направлений делается засечка, потом по засечке готовятся данные для стрельбы - и залп.). И действительно скоро батарея отбабахала по засеченной цели и. похоже, накрыла установку - больше тут не выступали. А батарею пришлось переводить на другую позицию, потому как и с нашей стороны громкоговорители эти с пропагандой выполняли двойную задачу - наговорить гадостей противнику и попутно засечь и идентифицировать открывших огонь. А потом и прихлопнуть.

Вначале это получалось почти самоубийственно, а потом наловчились репродуктор держать на удалении от громкоговорящей установки. Репродуктор разносило, а машина оставалась целой.

Дед отметил, что данная передача у бойцов вызвала недоумение и они посчитали, что чтоо пропагандеры противника перепили - с чего это на столе танцевать... Глупость какая - на столе же там всякое вкусное стоит... (Вообщето в России раньше на столах танцевали токо две группы населения - купцы, да российские литераторы. Куприн, вот вроде засветился.) Поэтому солдатня этот посыл не оценила и решила - врут, как сивые мерины...

Немцы тоже активно занимались звукометрией. По Ленфронту ходил рассказ, что немцам удалось накрыть успешно вернувшуюся с задания разведроту - пока праздновали возвращение, немцы сориентировались по звуку не то баяна, не то патефона - и врзали, искалечив мало не полроты.

В 1942 году пал Севастополь. Дед сильно переживал по этому поводу - в Севастополе воевал его младший брат Витька. Повезло так братьям - оба в блокированных городах оказались.

Витька был красавчик и очень удачлив - с самого детства. Причем во всем везло - всем на зависть.

Даже в Ленинграде - его прописали раньше, чем моего деда, хотя дед и жил тут дольше.

На действительную службу Витьку взяли на флот - почемуто Черноморский. В письмах он поддразнивал брата, что и тут - Никола на севере мерзнет, а он на курорте, да на флотских харчах...

По моим детским меркам вроде Виктор больше подходил на роль героя, но вот както и рассказы его и то, что он часто во время рассказывания начинал плакать - смущало, и жена тут же выдавала ему очередную дозу портвешка - и цыкала на нас обоих. Чтоб тему сменили...

Он рано умер. То, что он рассказывал - скорее сохранилось потому, что став постарше я спрашивал уже деда. К сожалению и дед уже многого сказать не мог - ну все воевали. Мало ли чего там было. И действительно - когда собирались у деда гости - практически все были из фронтовиков (ну ясно - совковое быдло, ни одного умника, слинявшего в Ташкент, потому как его жизнь была крайне нужна всем нам) то танцевали, пели песни под баян - немудряще развлекались, короче.

Особенно отличался сотрудник деда - тоже краснодеревщик - дядя Боря... Вот после того, как этот бывший танкист играл и пел - я знаю, что присказка «хоронили тещу - порвали два баяна» совершенно правдоподобна. Не я один - все, кто был помладше - действительно всерьез боялись, что либо растянутый мало не за спину баян порвется, либо у поющего дяди Бори лицо лопнет...

А дед Витя еще в Одессе добровольцем пошел в морскую пехоту. То, что он списался с корабля и пошел защищать осажденный город в пехоту, многие восприняли как дурость - ясно же, что шансов погибнуть в пехоте куда больше.

На его счастье первыми противниками были румыны. «Тренировались на кошках» - как он откомментировал первые боевые опыты своего подразделения. Первое боевое задание морпехов кончилось удачно, хотя и тут все с моей точки зрения было «неправильно».

Свежеиспеченным героям поручили выбить румын с важной высотки. И как на грех начальство позорно заблудилось. (Осталось от деда Вити выражение: «Крались, крались и на берегу усрались...»)

Где их там ночью черти носили, но таки вылезли они к этой высотке, уже под утро. Причем аж с тыла. Командир так явно обрадовался, сориентировавшись, наконец, на местности, что потом более поздние рассказы о хитро и коварно продуманном плане годились токо для лопоухих простаков из других подразделений - «лопни, но держи фасон».

Румыны не подкачали. Судя по всему, несение караульной службы и организация наблюдения были для них совершенно неизвестными мероприятиями - потому морпехи свалились буквально им на головы. Дальше был хаотичный и скоротечный бой, скорее даже

потасовка, после чего румыны просто разбежались.

Вообще-то как солдаты румыны бывали и неплохи. Вот только когда их пугали внезапно - они терялись совершенно. С немцами такое не проходило, да и подобраться незамеченными к гансам было сложно - наблюдение у немцев было налажено добротное.

Дальше Витька полностью убедился в том, что он - везучий. Кроме пары легких контузий он никак в боях не пострадал, хотя не уваливал и лез в драки напрапалую.

За участие в обороне Одессы его наградили медалью «За Отвагу». Потом из Одессы их перевели в Севастополь - и там оказалось, что немцы тяжелее, чем румыны. Но и немцев можно бить. Время, когда морпехи слышали о себе, что, дескать «послали щуку мышей ловить» - прошли. Стали уже обстрелянными тертыми бойцами. Самое тяжелое было - научиться убивать, причем делать это вручную. Тут и оказалось, что повезло с румынами.

Когда в первый раз краснофлотцы сцепились на высоте с мамалыжниками, то и те и другие хватали друг друга за грудки и вообще вели себя не очень грамотно, как дерущиеся школьники. Ну, трудно живого человека ножом резать или лопаткой хлестать по лицу, чтоб оно лоскутами отлетало. Многих тошнило после боя. А потом привыкли - и главное - сами освирепели. Наши, наконец, настроились убивать.

Это было облегчено тем, что видели и на фронте и в осажденном Севастополе. Там ведь в городе и мирное население было - и то, что обстреливали и бомбили город беспощадно - на бойцов оказывало куда более сильное влияние, чем совершенно идиотская пропаганда, что 41, что 42 года. Познакомится с девушкой, закрутить любовь - и вдруг узнать, что ей снарядом оторвало ноги - оно лучше любой пропаганды о солидарности рабочих и крестьян всего мира действует.

Севастополь еще и потому так держался, что, как и в Ленинграде, гуманизма европейская там была максимально наглядно преподана. Токо тут у нас - немецкофинская гуманизма, а в Севастополе - немецкорумынская. Оказалось, что эти мамалыжники не хуже немцев любят забавляться, добивая раненых. И делают это изобретательно и с выдумкой. А с мирным населением - так румыны немцев далеко переплюнули - больше паскудства, пожалуй, токо венгры смогли сделать. И с пленными тоже. Те, кому удалось удрать из плена, добавляли ненависти...

Морпехи оказались своего рода гвардией Севастополя. Правда, форс с них уже посбивали. Командование их впихнуло в обычную полевую форму РККА, но начальство сквозь пальцы относилось к тому, что клешники эту форму одежды нарушали то неуставными брюками навыпуск, то еще как. Правда и сами морячки убедились, что хаки полезно - «жук на тарелке издали виден».

Так же как в Ленинграде противники старались поизобретательнее напасть на врага. Например, когда в город прибыло весьма ненадежное подкрепление с Кавказа и возникло серьезное опасение, что эти «бойцы» постараются как можно быстрее сдать немцам, именно морпехи устроили изящную провокацию - с белыми тряпками кинулись якобы сдаваться - немцы заинтересованно не стреляли, а с нашей стороны как раз пошла пальба «по дезертирам».

Подбежав на гранатный бросок морпехи, закидали немецкий окоп гранатами, а потом сошлись «в ножи». Те из немцев, кто смог - дернул во вторую линию, морпехи похватав, что подвернулось под руку из трофеев, тем же духом рванули назад, а их отход прикрыли стеной взрывов минометчики и артиллеристы. Вылазка оказалась очень успешной.

А потом на этот участок поставили ту самую ненадежную часть. Несколько попыток перейти на сторону противника закончились весьма ожидаемо - перебежчиков немцы сладострастно уложили очередями по коленкам у самых своих окопов и потом с упоением и восторгом долго добивали ползающих и воющих раненых. В дальнейшем эта часть воевала нормально - как и остальные.

Сейчас жалею, что не узнал - имел ли дед Витя отношение к этой эскападе.

Корабль, с которого он списался на берег - у него на глазах накрыло бомбами. Виктор, когда рассказывал об этом - всегда плакал. Меня это страшно огорчало и раздражало - ведь

если он герой, то никак не должен плакать. Вроде как у меня нет повода не верить деду, который говорил, что Витька воевал отлично, а с другой стороны - плачет, как девчонка... Фу!

Виктор был на берегу, как в амфитеатре и видел отлично все, что там внизу происходило. Несмотря на бомбежку, как только «шарнуло» он вскочил на ноги, не понимая, что делает, а когда увидел, что корабль заваливается носом, ноги стали ватными и он сел и заплакал.

А внизу уже только корма торчала...

И все меньше и меньше...

Я только недавно увидел запись того, как в современный эсминец попадает торпеда - потому мне сейчас понятнее, что означали его слова «вбило в воду».

Такая деталь: я не знал, на каком корабле служил краснофлотец. Почемуто считал, что никак не меньше, чем на крейсере. Ну, как же - ясен день, что никак не меньше...

Но, похоже, что детская гордость ввела меня в заблуждение - выяснил я, что потопленный в Севастополе крейсер «Червона Украина» хоть и завалился на нос, но тонул несколько часов и экипаж его оставил организованно (кто выжил после бомбежки). Так что, похоже, что мой родич служил на куда более мелкой лайбе, как это ни печально для детского самолюбия...

А дальше все слилось в сплошной череде боев. Говорят, что Севастополь взял Манштейн.

Севастополь взяли немецкие артиллеристы. Такого шквала огня Виктор не видел, как это было в последнем штурме. По его словам немцы не жадничали тратить снаряды даже на отдельных бойцов, и артиллерия шла на прямой наводке чуть ли не в пехотных порядках, гася любое сопротивление, раздалбывая очаги обороны...

Потом он оказался практически в городе. Посмотрел на эвакуацию - а по его словам на каждую посудину набивалось народу сверх всякой меры и доходило до стрельбы по своим, когда лезшие на борт грозили потопить посудину - лупили из автоматов и пулеметов по своим свои же. На берегу были толпы безнадежно ждущих спасения людей. По слухам командование уже увезли или уже увозят. Пошло к тому, что каждый сам за себя... И тут два его закадычных дружка, с которыми были не разлей вода чуть не с Одессы - сказали вдруг: «Витюх, мы решили сдаться немцам. Город считай, сдали, чего тут тянуть... ты с нами?»

Уповая на свою удачливость, он отказался. Надеялся, что либо просочится, либо - не бросят же всю кучу народу просто так! И еще такая мысль в голову ему пришла - «Пристрелить бы их, сволочей! Но у меня винтовка - а у них две. Не успею. Второй меня свалит.» Похоже, что и бывшим дружкам похожие мысли в голову пришли - расходились спиной вперед, держа под контролем каждое движение друг друга.

И разошлись.

Навсегда.

Решил, что стоять в толпе у воды смысла нет. Даже если кто и придет спасать - тут не сядешь. И попытался просочиться берегом. Ничего из этого не вышло. Мешок оказался плотно завязан. Оказался в группе из пары десятков сбродных разных людей, незнакомых друг с другом, у большинства уже и оружия не было. Он оказался самым богатым - у него еще было три патрона. Группа пыталась двигаться, хотя раненые тяжелели с каждой минутой. Да и те, кто был не ранен - совсем уже обалдели - и голодные и оглушенные и подавленные. Страшно бесила прозрачная вода у берега. Пить хотелось люто, некоторые пытались пить морскую воду, но только блевали потом судорожно и тяжело. Мозги не работали, апатия одолевала - к тому ж еще и не спали толком который день.

Единственно держались совершенно нелепой и дикой надеждой, что вот всплывет сейчас рядом подлодка, или подойдет катер... Хотя Виктор как моряк отлично понимал, что при такой плотности осады никаких катеров уже не будет, но сам - надеялся. Из всех сил - надеялся.

Вместо катера появилась немецкая цепь прочесывания. Виктор, считая, что терять уже

нечего - приложился разуваться, чтоб застрелиться. Лежавший рядом пожилой командир с простреленным бедром его остановил - «Брось, парень, нечего за немцев работать. Выживи лучше. Еще повоюешь. Расплатишься.»

В словах был смысл - а может очень уж не хотелось канителиться с самоубийством - а из длиннющей винтовки стреляться - куда как малое удовольствие - и Виктор бабахнул по немцам в цепи. Он до конца своих дней уверенно говорил, что видел, как немец кувыркнулся.

А дальше свои же отняли у него винтовку с оставшимися двумя патронами и закинули ее в воду - прямо так, не вынимая затвора - изза тебя, дурака, нас тут всех порешат! И еще насовали кулаками. Ну, насовали - сильно сказано - силто уже ни у кого и не было.

Пока немцы дошли - Виктор успел еще выскоблить в берегу ногтями ямку, сунуть туда завернутые в платок документы и награды - за Севастополь он еще «Красной Звездой» был награжден - и камнями присыпал, какие сгрести вокруг успел. Еще мысль мелькнула - прыгнуть в море и уплыть - или утонуть - но командир за ним присматривал и отчетливо ему сказал: «Успеешь, мальчик, умереть. Ты лучше их убивай. ты молодой - у тебя еще все впереди.» И Виктор по его словам - спекся. Сел, где стоял. Все.

А тут и взопревшие, злющие немцы подоспели. Вот они старательно люлей раздали - и сапогами и кулаками и прикладами. Оружия у пленных уже не оказалось - все в воду покидали за Витькиной винтовкой следом. Потом обыскали, отняв все маломальски ценное - от часов до сапог и погнали.

Раненых лежачих пристрелили там же. И того командира, который Витьке застрелиться не дал - тоже. Тех, кто идти не мог - стреляли без всяких сантиментов, спокойно, деловито. По дороге еще Виктора поразило то, что валялись давленные машинами трупы наших и немцы спокойно по ним ездили не сворачивая.

Почемуто больше немцев Виктор ненавидел крымских татар. Что там такое они делали - не рассказывал, но вот ненавидел пуще немцев и сильно злился тому, что их реабилитировали и разрешили вернуться. «Их надо было в Черное море переселить, за все, что они там вытворяли» - говорил он. Тут его всегда совместно затыкали и моя бабушка и его жена. Дескать, нельзя ребенку такое слушать. Так ребенок и не узнал, что с крымскими татарами получилось. При этом у Виктора в бригаде работали татары - чуть не треть - но астраханские и казанские - и с ними у деда Вити отличные были отношения, слова дурного о них не слышал.

При первой же возможности Витька удрал. Вот тут не могу сказать точно - то ли он утек с разминирования, когда наши военнопленные под присмотром немцев «вытапывали» минные поля, то ли ему повезло и в разминировании - и он утек после. Разминирование проводилось просто - разрешили взять палки, построили шеренгами и погнали. Подорвавшихся немцы издаля добивали, стараясь на поле все таки не соваться.

Удрав, Виктор первым делом постарался найти воду. Нашел когда - вроде как по описанию похоже на поилку для скота - пил в несколько приемов. Напьется - аж глаза вотвот выпадут, и брюхо лопнет - а поспит чуток - и опять пить охота. Пленныхто немцы тоже не поили. Он еще возмущался, когда гдето прочитал, что немцы гнали пленных как скот. Как же, как скот! Скот и кормят и поят и по жаре не гонят и не стреляют! (Но тут его опять жена осекла.)

Напившись вволю и отоспавшись, он приободрился и пустился на авантюру - обратился к местному селянину. Селянин дал ему кусок хлеба, укрыл в сарае и пообещал принести еще и сала.

Видно по рассеянности селянин перепутал - и вместо сала привел двух драконовфельджандармов. Виктора очень поразили щитки на цепочках. Так поразили, что и я про горжеты запомнил. Избили его от души, и опять он очутился в плену.

Всего он убегал, как я помню, пять раз. Дважды с этапа. Один раз из лагеря. И дважды с работ.

Четырежды его ловили и каждый раз били зверски.

Но это уже было не в 41 году - немцам были нужны военнопленные для работы и потому просто так умерщвлять пленных они не старались. После четвертого побега опять повезло - как штрафованному ему светила виселица - но путем хитрой аферы свои смогли както поменять его с умершим пленным (вроде как куртки с номерами обменяли) - получилось, что штрафник сдох после побоев и потому вешать его нет резона, а безнадежный больной чудом выздоровел.

Последний побег получился успешным - грязный, зачуханный шкелет спрятала у себя дома не то немка, не то бельгийка - тут семейные предания расходятся. А сам он мне это не рассказывал. Жена его от этого просто кипела - похоже, что там был какойто лямур с тужуром и бабища ревновала.

Дальше его освободили американцы, успели передать нашим - и Виктор еще успел повоевать в нашей армии...

А до этого не раз в концлагере немцы агитировали в РОА вступить.

Он рассказывал, как в РОА вербовали. Приезжает в КЦ значит полевая кухня. Перед строем пленных ставят, откидывают крышку. Пахнет охрененно - мясом. Все голодные - аж шатает, от запаха скулы сводит, слюна вожжой.

Офицер - пропагандист закатывает речь. Что характерно - о святом долге борьбы с большевизмом - пара фраз в начале, чисто дежурно. А дальше все пунктуально и конкретно - про сапоги, про паек, про табачное довольствие, про обмундирование, про свободное относительно передвижение, отдых, одеяла, кровати, даже и бабы и так далее. Короче сугубо материально - о том, что выживешь, если вступишь.

А из кухни пахнет - аж глаза вылазят.

Ну, несколько человек не выдерживают, выходят. Их кормят тут же - при строе, чтоб все смотрели. Те из власовцев, у кого еще совесть есть, жрут отвернувшись, а были и такие, что еще и глумиться над своими товарищами начинали - вот я мясо ем, а вы тут окачуритесь.

Потом вышедшим давали табачок покурить.

Все не торопясь - с расстановкой.

Ну, чтоб остальные еще понюхали.

Далее кухня уезжала, власовцев уводили, а всем остальным что придется - то стоять пару часов на плацу по стойке смирно, то галопом несколько кругов вокруг плаца, то по спинам и башкам палками, когда в барак бегут, а то и все подряд...

Вот както после его рассказа мне не верится в то, что в РОА шли по идейным соображениям - с большевизмом бороться. Идейныето не ждали б, пока их начнут мясной пищей с ума сводить, да сапогами с куревом соблазнять.

Умер Виктор както незаметно и очень быстро.

А через полгода после его смерти пришло сообщение, что под Севастополем поисковики нашли его документы и награды. И соответственно его приглашают приехать.

Его вдова тут же и покатила. И блистательно доказала, что моя бабушка совершенно ошиблась, считая ее дурой набитой. Путем нехитрой махинации с документами - приписав женское окончание к фамилии и поправив инициалы на свои, вдова переправила бумаги с покойного мужа - на себя.

И стала ветераном войны.

Героиней защиты Севастополя.

О так от! Сотрудникам военкомата в Ленинграде было видно лень перепроверять и посылать запрос в Севастополь...

Но наверно всетаки дурой она была - потому как, придя в нам в гости, стала рассказывать про свои героические подвиги в Севастополе моему деду с бабушкой. Моя бабушка, знавшая доподлинно, что вершиной героизма нашей этой родственницы была торговля пивом в киоске, пыталась ее похорошему вразумить, но та уже и сама поверила в свое героическое прошлое. Наглость у торговок пивом в ларьках - это профессиональное, очевидно. Короче бабушка моя выперла одуревшую от славы торгашку мало не взащей.

Та потом еще правда несколько раз объявлялась - ей, как ветерану и героине - дали

квартиру. Ну, она и не утерпела похвастать. Была повторно выставлена внаем.

Связь с этой героиней я не поддерживал, да и практически все мои родичи относились к ней плоховато. Единственно моя одна сердобольная родственница ее навещала, да потом пришлось и ухаживать - толстуха двигалась мало, расхворалась.

А потом вдруг в начальный период перестройки у нее объявился какойто ранее никому из нас не знакомый шестипородный племянник и он так ей понравился, что она тут же стремительно приватизировала квартиру и завещала ее этому племяннику. Ухаживающая за ней родственница была отправлена в отставку, потому как грубая, скупая и плохо ухаживает. Вот племянничек - просто золото.

Родственница, позвонив поздравить с какимто праздником через несколько месяцев с удивлением узнала, что в этой квартире живут уже совершенно посторонние люди, купившие эту квартиру не пойми у кого. Наведенные справки дали интересную картину - практически в том же месяце, как родственница была выставлена внаем - вместо завещания была оформлена гендоверенность на квартиру, а вскорости - чуть не через пару дней героиня севастопольских фронтов скоростно померла, стремительно была кремирована и где похоронена - неизвестно. Ну а квартира так же молниеносно была продана...

Всетаки моя бабушка, похоже, хорошо разбиралась в людях...

Но вот чтоб прашуров своих знать... На прадедах все заканчивается...

Интересно - что про нас помнить будут...

Но для начала - вообщето детей еще завести надо.

И вырастить.

Эх, чего там...

Нам не удастся добраться спокойно до цехов.

Там была бойня.

Но и здесь убитых валяется много. Вижу, что это, скорее всего, упокоенные.

Погибшие лежат не так чтоб слоём, но проехать невозможно, а давить тела Вовка категорически отказался. Благородно, конечно, но есть у меня смутное подозрение, что причина несколько иная. Впрочем, эти мысли я высказывать не собираюсь.

- Будем растаскивать - чтоб дорогу освободить. Мы с Андреем - на прикрытии с БТР, Серега - пулемет, держишь заднюю полусферу. Пятая и шестая тройки - оттаскивают, третья и четвертая - на прикрытии, меняются через десять минут - направление на вон ту маталыгу, что к нам ближе, резерв - у кормы БТР - дает расклад Ильяс.

- Мне что делать? - спрашиваю у него, когда он лезет на БТР.

- На тебе ракеты. Если вдруг что нештатное - давай ракету. И посматривай по сторонам.

- Ильяс - как бы не укусили таскателей!

- Багров у нас нет. Вереvoчных петель не напасешься. А все одеты по - зимнему, в перчатках, так что только лицо беречь. Да и почищено тут уже.

- Пару багров я видел - откликается Рукокрыл, сидящий за фаройискателем.

- Где?

- На пожарных щитах.

- Третья и четвертая тройки - вместе со Званцевым - притащите багры. Одна нога здесь - другая - там.

- Нехорошо людей как тюки какие баграми кантовать - отзывается один из посылаемых.

- Исполнять! Нам тут еще не хватает укушенных!

- Так они же упокоенные!

- Доктор видал такого - засадника, в куче мусора поджидал. И ваши тоже видали - под машиной прятался, так что отставить базар - и бегом! Времени мало! Бегом, я сказал!

Чтото быстро стал Ильяс заводиться...

Посланцы скоро вернулись, теперь БТР рывками продвигается по 10-15 метров и встает, подсвечивая фарами следующий участок пути. Пока ни одного зомби не попало. А

вот тела идут все гуще и гуще. Едем как по рельсам - не свернуть. В БТР уже накидали два десятка собранных автоматов, несколько бронников, под сумки с магазинами. А мы еще не добрались до эпицентра.

Черт, какие нелепые потери - и катастрофические! Тото сухопутчики свалили большей частью. Такой провал деморализует мощно, здорово, что у зомби скорость мала.

А то добили бы оставшихся - паника страшная беда, бегущий в панике - легкая добыча.

У маталыги сюрприз - дверцы заперты изнутри, люки закрыты. Ктото успел закрыться.

- Ну, кто что скажет - зомбак там или живой?

- Постучите, да спросите.

- Эй, есть кто живой?

В ответ в брюхе стылой машины отчетливо лязгает передернутый затвор автомата.

И снова тихо.

Сидящий - или сидящие - не отвечают.

Зато затвором лязгают на каждый окрик.

Андрей внимательно послушал несколько раз, попросив остальных не шуметь, потом о чемто поговорил с Ильясом и Вовкой.

Вовка явно отрицательно отнесся к сказанному - головой мотает.

Ильяс злится. В конце концов сам идет к кормовым люкам, руками показывает, чтоб все ушли из возможного сектора обстрела - и рывком открывает дверцу, отскакивая в сторону.

Опять лязгает затвор.

И еще раз.

- Вы что, первый раз на свет родились? - яростно спрашивает Ильяс.

- А что ты хочешь? - осторожно осведомляется конопатый санинструктор, предусмотрительно стоящий сбоку от темной глыбы МТЛБ.

- Фонарь давай! - поворачивается ко мне Ильяс.

Отмахивается от попытки удержать его за плечо и выставляет фонарь, так, чтоб ослепить сидящего в глубине машины.

Затвор начинает лязгать несколько раз подряд.

Тогда наш командир, не скрываясь, вылезает в проем двери и светит перед собой.

- Пятая тройка - вытаскивайте!

Заглядываю через его плечо. В луче фонаря - скорчившись в комочек и выставив перед собой автомат, сидит совсем мальчишка и дергает затвор автомата. Понятно, что слушал Андрей - магазин давно пуст, патроны при дерганьи затвора не вылетают, не стучат по полу, не катятся... А вот физиономия пацана мне не нравится никак. Не в себе пацан.

Мимо лезут ребята из тройки. Внутри после короткого бухтения и звука пары пощечин начинается драка, и резкий визг бьет по ушам.

- Этот суконыш вылезать не хочет!

- Эй! Не бей его!

- Дык он кусается!

Сроду бы не подумал, что выковыривать из довольно просторного салона худенького мальчишку окажется таким трудным делом. Ребятам с колоссальным трудом удается дотащить - или дотолкать, докатить свихнувшегося к дверцам. Там он упирается, не переставая пронзительно верещать, да так прочно, что выдернуть его удастся только совместными усилиями двух троек и Ильаса.

Причем он не дерется. Ему нужно только одно - спрятаться обратно в салон, он просто выворачивается из хватающих его рук и бьется как здоровенная рыбина, тупо, бессмысленно, но неожиданно мощно для своих размеров. И этот режущий уши визг! Как у него глотка выдерживает?

Нам с трудом удастся примотать его к носилкам, потом я колю ему весьма зверский коктейль, а Ильяс напяливает повязку на широко распахнутые запредельным ужасом глаза.

Не знаю, что сработало - но паренек затихает и только тихонько поскуливает.

- Свихнулся? - отдуваясь, спрашивает Ильяс.
- Скорее бы сказал, что острый реактивный психоз - отвечаю на не требовавший ответа вопрос.

- Неужели нельзя это сказать более русским языком? - не нравится Ильясу, когда кто-то шибко умничает.

- Да, свихнулся.

- Вылечить можно?

- Надеюсь.

Переводим дух. Носилки с пареньком ставим обратно в МТЛБ. Нафига спрашивается корячились? Сидел бы себе, лязгал затвором.

Вовка уже осмотрел новый агрегат. Все исправно - и ему придется теперь шоферить на гусеницах - с БТР берется справиться старший сапер, а вот гусеничное он водить не умеет - какието свои хитрости в управлении этой техникой.

Действуя по такому же принципу, добираемся до следующих броняшек - но в них не оказывается никого живых. Вот шустрик оттуда - из чрева старенького БТР80 с полустертыми цифрами на блекло - зеленом борту - выпрыгивает - и получается очень ловко у него.

Мы както не успеваем рыпнуться. Но меланхолически стоящий на крыше нашего бронетранспортера Андрей молниеносно валит одним выстрелом измаранного кровищей зомби, бывшего при жизни средних лет мужиком.

- Зевсгромовержец - выразительно заявляет откуда-то справа Филя.

- Да уж, не Венера - показывает слабое знание греческой мифологии Андрей.

Мы уже добрались туда, где на торжествующих победу наших товарищей, высыпалось несколько десятков специально откормленных зомбаков, причем не только шустриков - среди густо валяющихся тел ребята быстро находят штук пять недоморффов, все вокруг в шелестящих под ногами с легким металлическим звуком гильзах, стены цехов - в густой сыпи пулевых сколов, на броне - тоже полно белесых пятнышек...

И мертвецы - слоем. Темным слоем на мутно белеющем небольшими кусками насте. Живых тут нет никого. Мы все же заглядываем в цех - и у самого входа я натыкаюсь на женщину со свернутой шеей. На вид она умерла пару дней назад. В голову приходят слова инженера - как живые ломали своим умершим шеи, чтобы не дать им укусить себя... За оборудованием ни черта не видно, пол завален всяким хламом - и трупами тоже. Но все они уже окоченели, а мы решили на коротком совещании, что склоняться над каждым и проверять так, как это было принято раньше - не стоит. Потому проверка заключается в коротком тычке ботинком. И пока все тела - словно пинаешь деревьяху.

Пальба начинается неожиданно - в дальнем углу. Лупят два пистолета.

Подбегаю туда вместе с пожилым сапером и парой водолазов.

Мертвец - грузная женщина - зацепился рваным пальто за какуюто деталь станка, двигается вяло, топчась на одном месте, и потому двое санинструкторов под прикрытием ребят из четвертой тройки стреляют в спокойной обстановке. И мажут. Причем оба. Раз за разом.

Убогое зрелище.

Только теперь понимаю, насколько ж эти неплохие ребята беззащитны и беспомощны.

Наконец выстрелом десятым (с пятито метров) одному из стреляющих удается попасть в голову.

Выбираемся из цеха удрученные. Получаем головомойку от Ильяса. Санинструктора получают двойную порцию - еще и за перерасход боеприпасов. А потом сразу - еще и третью - за то, что при проверке у одного в пистолете магазин с парой патронов - а у другого с пятью.

- Эй, ребята, а я полковника нашел! - окликает нас паренек из третьей тройки.

Офицер лежит с намертво зажатым в кулаке пустым ПМ. Узнать его можно только по росту, мощной фигуре и погонам. Под подбородком отчетливо видна штанцмарка от ствола

пистолета. Застрелился. Потому и обгрызли его так сильно.

Свечу своим фонариком вокруг - но пропавшего симпатичного и толкового санинструктора, бывшего тенью у своего командира не вижу. Тут вперемешку и штатские и военные. Залитые кровью, изрешеченные пулями. Упокоенные. Тяжелый запах крови, грязи и смрад дерьма и мочи из разверстого цеха.

Не могу побороть любопытство - и мы с несколькими парнями заглядываем в здание, где стоял до поры до времени нам на беду зомбячий засадный полк. Ничего интересного, кроме обглоданных костей и обгрызенных частей разрозненных скелетов - человеческих и собачьих... Зря совались. Но это мы зря, у саперов другое мнение.

Уйти сразу не удастся - все трое саперов с колоссальным интересом осматривают рухнувшие ворота и места подрывов. Причем седоватый ухитряется залезть довольно высоко, двигаясь неожиданно проворно для своего возраста, и что-то там нашел интересное для себя. Вижу, что он показывает как-то не то проволоочки, не то тонкие детальки...

Ну, хорошо хоть им польза какая-то - на территории завода по предварительным данным минимум еще в трех местах сидят такие же засадные полки - и черт их знает, сколько всего морфов и шустеров. Ворота там подперли, но все равно разбираться надо.

Ребята уже собрали то, что получилось собрать, выдергивая автоматы из под тел. Из бронетехники сформировали колонну - два БТР, две МТЛБ и БМП. Еще одна БМП сдохла - завести не удалось и БТР с работавшим все это время мотором осталась без горючки. А у нас с собой бочек не оказалось. Потому сняли, что не привинчено - в частности боезапас - и вывели из строя на всякий случай бортовое вооружение.

Медленно выкатываемся по расчищенной дороге.

Нормально управляются два БТР и Вовкина маталыга. Остальные две коробочки едут крайне неуверенно и пешие стараются от них держаться подальше.

Ильяс нервничает - мое напоминание о необходимости осмотра других цехов встречает раздраженным бурчанием. Приходится надавить. Это раздражает его еще пуще.

- Фигня, Ильяс. Никому ничего мы не отдадим. То, что наше - то наше - нащупывает причину волнения Андрей, внимательно наблюдавший за нашей перепалкой.

- Ага! А увести как? Нет у нас водмехов. Так поставить - сопрут и фамилии не спросят - тут всякие шляются.

- Упреют таскавши.

- Ну да, говори - с утра военные опять припрутся - им эти коробки запонадобятся. Хотя бы для охраны супермаркетов. Значит хай будет. И что ты им скажешь?

- Утро вечера мудренее. Побросали технику - значит пролюбили.

- Не плюй в колодец, Андрюша - вылетит - не поймаешь. Они КАД контролируют - а нам там еще ездить придется.

- Знаешь, мне кажется не о том переживать надо.

- А о чем? О мировой скорби? О том, что в 2012 году астероид может прилететь?

- Выдохни! Сейчас технику подгоним к медпункту, оставим под присмотром наших, проверим пустые цеха - дальше видно будет.

- А да ну тебя! Если прохлопаю сейчас трофеи - век себе не прощу. А уж Николаич - тем более.

Пока наши разбираются с собранным трофеем, успеваю заскочить на кухню - опять повару что-то запонадобилось, о чем сообщила все та же тощенькая девчонка, от которой уже пахнет густо соляжкой - видно заняла место истопника. Ну да солярка - не ацетон, потерпим. Еще девчонка ухитрилась перемазаться сажей, но зато кожа порозовела, не такая восковая, как была совсем недавно - видно подкормил повар помощницу.

- Я собственно хотел с вами посоветоваться - начинает толстяк.

- Слушаю вас - не менее политесно отвечаю я.

- У меня кончились консервы и манка. Принесли небольшой мешок картошки. Варить просто картошку - смешно, очень уж мало. Чистить некому и нечем. Вы не могли бы сообщить командованию, что нужны продукты и знаете - чтоб вас всякий раз не дергать -

связь бы неплохо организовать.

- Хорошо, это сделаем.

Тут я вспоминаю рассказы нашего преподавателя, отработавшего лет тридцать в Заполярье и предлагаю повару раздать картошку, чтоб особо настырные клиенты ели ее потихоньку сырьем - из расчета полкартофелины на нос в сутки.

- Как витамин «С»? - схватывает повар суть.

- В точку.

- И помогает?

- Наш преподаватель так успешно от цинги лечил.

- Хорошо, попробую - усмехается печально толстяк.

- Ждете, что утром бедлам начнется?

- Да. Неясно, по какому пути эта публика пойдет.

- Да уж, путей много.

- Нет, тут вы не правы. Путей мало. Всего три.

- Мало?

- Конечно. Вот послушайте, это еще Гумилев написал.

И толстякповар с чувством декламирует:

Созидающий башню сорвется,

Будет страшен стремительный лет.

И на дне мирового колодца

Он безумье свое проклянет.

Разрушающий будет раздавлен,

Опрокинут обломками плит,

И, всевидящим богом оставлен,

Он о муке своей возопит.

А ушедший в ночные пещеры,

Или в заводи тихой реки, -

Повстречает свирепой пантеры

Наводящие ужас зрачки.

Не уйдешь от той доли кровавой,

Что земным предназначила твердь,

Но молчи: несравненное право

Самому выбирать свою смерть.

- Собственно Гумилев тут впервых сказал, что мы все умрем. И что дальше? Смыслто девкаламеровать?

- Смысл как раз глубокий. Человечество выживает уже много тысячелетий - и принципы выживания не изменились с древних времен. Три способа поведения для того, чтобы выжить.

- Не маловато получается - для всегото человечества?

- В самый раз. Только три - и вы не сможете упомянуть четвертый.

- Тогда перечисляйте!

- Запросто. Первый - Конструктивный. Для выживания люди организуются в общество, создают себе защиту, обеспечивают себя продуктами, создавая их, созидавая себе жилье, обеспечивая будущее своему потомству - и давая себе спокойную старость, завязывая торговые и родственные отношения с соседями.

- Ну, предположим.

- Второй - Деструктивный. Создается банда, для того, чтоб - не созидавая своего, отбирать чужое и жить за счет бедолаг, оказавшихся рядом.

- Так. А третий?

- Изоляционистский. Удрать подальше и жить отшельником. Выживать не в группе, а в одиночку.

- Это как Сергей Радонежский?

- Отнюдь, как говаривала незабвенная графиня. Он не выживал в отшельничестве - он Веру искал. В смысле - постигал религию и самосовершенствовался. Постиг - вышел к людям. Если уж вам так нужен живой пример - так больше подходит семейство Лыковых.

- Ну да, ну да... Живой пример тому - ныне покойный Иван Иванович...

- Вы можете добавить четвертый способ?

- Я должен подумать.

- Бьюсь об заклад - ничего нового не придумаете.

- Ладно. Пока больше голова болит, чтоб эвакуировать всех тяжелых... Да, и еда, конечно... Еда, вода...

Ботан радуется - скоро придут еще группы - в том числе и из Крепости.

Наши обстоятельства сообщены, так что возможно и ремонтники будут и водилы. Ильяса точит, что две коробочки стоят брошенные. На его осунувшейся физиономии это как маркером написано.

- Ты пока тут побудь, мы все-таки железячки дернем, не могу, чтоб они там оставались - бурчит Ильяс.

- А тут кто останется?

- Вот ты и останешься. Мы только часть народу возьмем. Давай, действуй!

- Ильяс, зря ты это - припрется кто - угонит железяки уже наши отсюда.

- Вот и охраняй. БТР сейчас - акче!

Мне не удастся выразить в звуке все свое неудовольствие, а наш батыр уже слинял, на двух броневиках, забрав большую часть личного состава. И Филя урыл и саперы. Прошу Сашу максимально приглядывать за стоящей техникой. Взять пару человек - и приглядывать. Техника стоит сплошным черным массивом. Только антенны торчат сверху в посеревшем уже небе. Подобраться можно со всех сторон - тут эти железяки друг друга загораживают. У нас так из охраняемого часовыми парка пропало несколько танковых катков. Все расположение обыскали - пропали катки. А ведь не иголка - каждый за сто кило весит... Блинчик зеленый.

Потом на КПП девушкапионервожатая пришла. У них был в школе сбор металлолома...

Ну, дальше понятно? Точно, пионеры ухитрились с ремонтируемых танков четыре катка увести. Как - одному богу известно. Семикласснички... И три километра до их школы - специально меряли - както перли. По тропинке. Над речным обрывом.

А тут - если проморгает - кончится все может куда хуже.

Собираюсь позвать ближайший к нам патруль - но он отирается у кухонь, вроде и близко, да не очень. Второй пары вообще не видно.

- Скорее! Ты - врач? Да? Скорее - там моя жена рождает!

Молодой парень, неприятно землистая кожа, глаза какieto снулые. Но возбужден сильно. Жена рождает, это не фунт изюму, тем более в таких условиях.

Делаю, не подумав, вместе с ним несколько шагов, потом останавливаюсь, начинаю разворачиваться. Нужна горячая вода, теплое помещение, подмога. Куда это я поскакал?

- погоди, надо носилки взять, ребят еще - даже если рождает, в палатке с печкой это лучше де...

В голове грохает гулкий колокол, я както нелепо падаю, потеряв по дороге ориентацию в пространстве, и потому шмякаюсь, сбив дыхание. Чтото рвет у меня ухо.

- Эй, э... Что...

Еще раз гулко по башке. Ухо больно очень и голову крутит набок. И еще раз колокол...

Прихожу в себя с трудом, кто-то дергает меня за плечо. А я сижу в какойто нелепой и неудобной позе. Руки подламываются, но я вроде ухитряюсь на них опираться. Меня кто-то ритмично и очень нежно трогает за кончик носа - быстрыми легкими касаниями.

Фокусирую глаза. Голова не моя. Руки вижу. Между ними серый грязный наст и по нему проявляются темные точки. До меня, наконец, доходит, что это такое.

Капельки крови капаят из носа - словно кто-то тихонько трогает тебя за нос - организм не может понять, что это из него утекает, не положено такому, вот нервы и сигналият, как умеют... Получается странно. Цвет крови на темно сером - какой-то неправильно веселенький...

Что это я опять отчебучил?

А вообще хрен его знает.

Кто-то подхватывает меня под руку, помогает встать. Ноги тоже не мои. Нет, такто внешне - мои, в бахилах озкашных, не отказываюсь, только слушаются плохо. И голова не моя... Вокруг несколько человек, что-то спрашивают наперебой.

Наконец начинает доходить. А еще у меня нет сумки с медикаментами на боку. Башка гудит. А ухо болит. Трогаю - да и там мокро.

- Этот пидор у тебя сумку сорвал! И по каске настучал - у него то ли фомка, то ли монтировка. У вас каска криво сидит! Да не слышит он вас! Ну, давай оклемывайся, Жеппа!

Ага, по последнему, что я выловил из кучи разноголосых реплик - и братец тут.

- Куда он побежал?

- Не знаю. На вот тампон, прижми ухо, а то кровит.

- Я видела - за ним двое патрульных погнались.

- Знаете, мне бы присесть, а?

- Пошли в медпункт!

В медпункт - это я с радостью...

Ввалившись в палатку, сгоняем дремавшего сидя мальчишкуинструктора с его насеста. Это тот, который истерику закатил и был подвергнут рукоприкладству. А сидел он оказывается на сложенных стопкой касках. Вона как нашими трофеями распорядился.

Мы копая немецкие окопы самое большее за раз нашли стопку из составленных друг на друга 8 касок - пулеметчик на них сидел... Откуда он каски надыбал при том, что рядом ни одного шкелета не было - а мы метров 50-60 по траншее все взрыли в полный профиль - неведомо. Причем и каски были какие-то разношерстные по окрасу и зимние и летние... И почему ему ящики не подходили - а там в траншее и снарядные и минометные и черт знает какие еще откопались - тоже непонятно. Мы вот на этих касках пробовали сидеть - так жопа устает быстро... На ящиках лучше.

Но ящиков у нас нет. Сажусь на теплые каски. Неудобно, как в детстве - но очень приятно.

С меня снимают мою собственную, хотят кинуть в сторону. Не, так дело не пойдет, меня сегодня шлем спас - следы от ударов четко видны на шаровой краске. От души сволочь бил. Ничего, я его рожу запомнил, свидимся еще.

Нос затыкают ватой, даже кто-то из особо умных рекомендует запрокинуть голову, но с этим заявлением тут же оказывается заткнутым. Сижу, как положено - носом книзу, братец своими клешнями вату прижал к уху - видно пряжка от сумки зацепилась, вот и надорвало ухото. Ладно, сейчас кровь свернется - можно будет действовать дальше.

- Это уже совсем херь - громко заявляет братец.

- Вы о чем? - удивляется светленькая толстушка.

- Да о том - вон старшенькому по голове настучали, звон был как в Ростове Великом при большом церковном празднике - мы тут сидим на птичьих правах - дальше что? Мне тут не симпатично. Причем - ни разу!

- Давай на правах подлекаря, братец связывайся со штабом. И это - радиста спроси - наши еще будут когда. Вроде с Крепости должны были прибыть. - у меня какбы в ушах уже не так шумит, начинаю распорядиться.

Разбудили санинструкторов. Организовали два своих патруля. Ботан порадовал - уже сейчас наши прибывают, вотвот можно сказать. Наконец и Ильяс вернулся и очень удивился - ботан сгоряча ляпнул, что врача убили до смерти.

А тревога не проходит.

- Олама - говорит Ильяс. Нет, он конечно рад, что я живой, но вот коробочки

оставшиеся ему покоя никак не дают. И факт - он их там не оставит.

Но что хорошо - убывает багатур на этот раз с половиной людей и на одном БТР.

Как только уехал - приваливает куча народа. Наши! Сроду бы не поверил, что серенькая невзрачная физиономия нашего начвора доставит мне такую радость. Начвор крутит носом - не доперло им бахилы взять, явно вляпались по дороге.

- И как вы тут?

- Ценю, что начали не с сурового «доложите обстановку», а так вообще плохо. Ситуация непонятная. Армеуты прислали всякого добра по принципу «на тоби небоже, шо мини не гоже». Всего не хватает. Публика после освобождения попадала кто где, дрыхнет, после трех дней стояния на ногах. Порядка нет - на меня вот какойто ублюд напал, настучал по голове, сумку спер.

- Сколько здесь освобожденных? - начвор вправляет поток моей болтовни в русло.

- Несколько тысяч, точно никто не скажет.

- Их както регистрируют?

- Не видел. Да и некому. Пока жратва была - кормили, теперь кипяток раздаем. На том конце - вроде еще кухни были, не ходил.

- Ситуацию, то есть - не контролируете?

- Вот до кухни и у палаток - боле мене. Да еще есть патрули и часовые выставлены вроде. Внутри - хрен его разберет.

- А это у вас тут что?

- Пародия на медпункт. В барачной палатке - полсотни тяжелобольных, да, помоему, пара сотен просто в тепло спать набилась. Помощь мы оказали для полутора сотен обратившихся.

- Обратившихся?

- За медпомощью обратившихся.

- Зомбаки шляются?

- Шляются. Но мало. Хуже - тут мины попадают.

- Уже были пострадавшие?

- Пока нет.

- А почему пока?

- Утром начнут ползать - обязательно ктонибудь напорется...

- Из тех, кто тут командовал - этих людоедов - коголибо живьем взяли?

- Да был язык. Тут вроде ваши коллеги работают. Допрашивали при мне.

- Так, а что за техника здесь стоит?

- А эта - из армейской. Экипажи накрылись при атаке шустров. Ну, вам рассказывали наверно?

- Да, в курсе. Штаб тут в этом кефирном заведении где? Нет, рассказывать не надо - на схеме покажите. Да и кстати. Эти беженцы - которых мы сейчас видели у кухонь - почему не спят?

- Мы напрягли нескольких мужиков помогать. А экземпляр схемы есть для нас?

- Для вас - нет. Сидите тут при медпункте. Для того, кто Николаича заменил - привезли. Ладно. Вы помогалам чтонибудь обещали?

- Нет. Просто приказал таскать воду.

- Еще такие помощники есть?

- Ну. Да. Инженер Севастьянов он отсюда убежал, был потом проводником, правда не в нашей группе.

Показываю начвору где штаб, куда поехал Ильяс и где надо будет обеспечить санитарный поиск. Кивает, потом быстро сваливает - прихватив не что нибудь, а БМП.

Больные перестают прибывать. Ну да - собачий час. Всех разморило.

Даже у кухонь притихло.

Саперы и водолазы выручают - взяли на себя охрану медпункта, да и техники остальных, пока есть передышка - отпустил дрыхать по машинам. Из прибывших с начвором

пара человек осталась с нами, вместе с саперами посматривают за порядком. Саша после нападения заявил, что шага от меня не сделает, да братец еще не спит. Ну, братец всегда удивлял - может пару суток не спать без особых проблем, зато потом сутки дрыхнет - и хоть его за ногу таскай - не проснется.

- Ты как думаешь - минновзрывные травмы будут утром? - спрашивает меня братец.

- Будут.

- На сколько ставишь?

- Ну, две.

- А я думаю - одна. До полудня.

- Охота вам такое говорить, беду накличете - осторожно замечает Саша.

- При чем тут накличете? Это статистика. Положено было в год угробиться тридцати тысячам на дорогах в автоавариях - и гробились. И беду накликало не то, что об этом говорили, а совсем другое - купленные права, безголовость и хреновые дороги все с теми же дураками...

- И все равно - не буди лихо... Давайте тему сменим, а? Вот раз уж не спим - почему человеку с дыркой в пузе нельзя давать пить?

- Ну, это ж все знают!

- Этот из патруля - не знал явно.

- Да тут все просто. Пищеварительная система - она для чего? Для пищеварения. Все, что человек слопал и выпил - перерабатывается, переваривается. Потому там и щелочь и кислота и куча весьма злобных ферментов, чтоб например то же мясо разобрать на фрагменты. Пищеварительная система, как трубка. Изнутри выстлана специальным защитным слоем - и потому изнутри готова ко всем этим кислотам - ферментам. А вот снаружи - защиты такой нет. Сравнение дырки в желудке или кишечнике простое - картина пробоя в фановой трубе, по которой в кухне вся канализация протекает. Пока вся канализация внутри трубы - в кухне чисто и приятно. А как лопнула труба...

- Так вся кухня и вообще квартира в говнище по колено - братец видимо решил, что у малоопытного Саши не хватает воображения.

- Потому если пациенту с дырой в желудке или кишечнике дать еще попить...

- То в кухне и квартире говнища прибавится и будет не по колено, а по пояс. - все так же деликатно заканчивает лекцию мой братец.

- Так ведь хирург потом все равно все промывает и чистит - не успокаивается Саша.

- Ну а разница не видна - между подтереть тряпкой лужу на кухне или вычерпывать говны по всей квартире? Стоя в них по пояс? Ущерб где больше?

От продолжения лекции отвлекает прибытие какого-то агрегата. Оказывается - Ильяс приволок на буксире БТР без горючки. Узнает о прибытии начвора и сразу скучнеет.

- Ясно. Будут из нас амебу делать!

- В плане давайте ребята делиться?

- Ага. Хапкидо - искусство хапать и кидать.

- Ну, так нам все равно не утащить с собой все. Даже и вести некому.

- Э, что с тобой говорить! Раздать все - и босым в степи - так что ли?

- Нет, я такого не говорил. Просто ты вполне можешь выторговать взамен и нам что полезное...

- Говори, говори, льстун... Ладно, поедом БМП притащим. К слову - рад, что ты жив остался.

Ишь как!

Развозит еще пуше. Но если прикемарить - потом долго в себя не придешь. Потому как усталость тяжелая. Давящая. Это когда на машине катишь, и дрема нападает - то вполне двадцати минут вздремнуть хватит - а вот когда все тело устало, а не только мозг - тут минутами не обойдешься. А меньше четырех часов - спать без толку, только хуже будет. К тому же время гадкое - если на нас кто нападет - то, скорее всего сейчас.

На воздухе становится и впрямь легче.

Начинаем обход - и тут же сталкиваемся с нашими - пара саперов задерживает смутно знакомых мужиков. Двое тащат третьего - и в этом волочащемся я с мерзкой радостью узнаю «мужа рожаящей женщины».

- Во, узнаете - этот?

- Этот, сукота! Он самый.

Несколько удивляюсь, потому как двое - а это патрульные, бывшие у кухни раньше, бодро поворачиваются на 180 градусов и маршируют прочь от нас. Пока я думаю - что это они собрались делать - и мне даже приходят в голову дурацкие заумные мысли о камере предварительного заключения, трибунале и прочем воздействии Фемиды на того, кто меня хлестал железякой по каске, патруль повыше прислоняет задержанного к стенке здания, быстро отскакивает в сторону, а второй - коренастый, какойто брезгливой короткой очередью перечеркивает моего обидчика.

Расстрелянный сползает по стенке - там как раз лежат двое упокоенных нами раньше зомби.

Коренастый закидывает автомат на плечо и подходит к нам.

- Яке жажлыве самогубство... - ехидно это в его устах прозвучало. Он протягивает мне мою сумку. Надо же, вернулась.

- Спасибо!

- Тю, та нима за що!

Залезаю глянуть. Медикаментов поубавилось, да и в коробочке с ампулами - четырех не хватает. Вопросительно гляжу на коренастого. Тот уже без шуточек отвечает порусски, но с очень внятным южным акцентом.

- Эта хнида сумку вывернула на землю, перед тем, как вмазаться - кохда собирали, что особо попачкалось класть в суму обратно не стали. Себе тож немнохо взяли, ну так - из пачканного же. И по ампуле тоже. Но мы ж - не бесплатно - коренастый уже без всякого юмора кивает в сторону напарника, поджидающего, когда убитый обратится и начнет вставать.

- И зачем вам ампулы?

- Спокойнее, кохда есть. Хоть и по одной на нос.

- Воевали?

- Было дело.

- Чечня? - неожиданно спрашивает тот сапер, который седоватый.

- Ни. Я за мусульман воевать не буду - серьезно говорит коренастый.

Бахает выстрел. Что характерно - никто и не почесался - ни на очередь, ни сейчас.

Второй патрульный подходит к нам, с ходу просекает обстановку и начинает тянуть напарника в сторону, приговаривая, что пора вернуться к кухне, которую они ради ликаря покинули.

- Что скажешь, Крокодил? - спрашивает напарник седоватого.

- По мне так и их грохнуть надо б. Или проверить.

- Думаешь из УНСО мальчики?

- Не удивлюсь. Но хоть с принципами...

- А кроме Чечни украинцы где еще воевали?

- Везде. И в Карабахе и в Абхазии. Причем с обеих сторон... Ладно, живы будем - приглядим. Вы к слову - того мордатого не обыскали?

- Которого?

- Да вон - у стеночки лежит. Безрукий.

- Нет. А надо?

Сапер по кличке Крокодил пренебрежительно фыркает носом, и идет, не торопясь к мертвецам у стенки.

- А что его Крокодилом зовут? Может, по именам познакомимся?

- Пока не стоит. Меня зовите Правилом.

- ПрАвило или ПравИло?

- Оба допустимы. Вот схему минирования мы так и не нашли, что печально. То, что мальчик показал - сняли, но не факт, что это все. Как бы с утра не потащили ущербных.

Крокодил тем временем подходит с жменей всякого барахла из карманов покойного охранника. Саша брезгливо морщит нос. Саперы уходят в палатку, но очень скоро выкатываются оба оттуда - причем, не долго думая, угоняют БТР.

Тот, который Руль - успевает махнуть с брони - дескать, обходитесь пока без нас.

Наверное, нашли, что искали.

- Счастливые люди - меланхолически замечает братец.

- Так мы тож счастливые - возражаю я.

- С одной стороны - несомненно - так же меланхолически соглашается младшенький.

- А с другой?

- С другой... нет. Конечно, нам остолбененно повезло, что в самом начале остались живы. Упредить успели, кого могли, тебе люди хорошие сразу попались, мне тоже - если б не Миха - я б может, и умом тронулся. А у Михи психика - железобетон марки 600. Родители наши - в глухомани, надеюсь живы. Так вот глянешь на то, что в этом лагере творилось - особенно это понимаешь.

- Так в чем дело?

- В этом. Во всем этом. Какой везухой это назвать можно? Корапыто потонуло, а то, что нам повезло в шлюпке оказаться... Еще неизвестно, как оно окажется - братец и впрямь выглядит понурым.

- Да брось. Сказку Гайдара читал? Про горячий камень?

- А что, Гайдар еще и сказки писал? - удивляется Саша.

- Не, речь про его дедушку. Так вот у него есть сказочка - типо вот лежит валун - на ощупь горячий - и мальчику становится известно, что если его раздолбать - то жизнь снова проживешь. Ну, мальчик идет к героюреволюционеру - типо дедушко - вот иди разломай камень, а то ты вот и без руки, и без ноги, и без глаза, и без зубов - а так жизнь проживешь занова.

- И что революционер?

- Не, говорит, на фиг мне это - чтоб опять и ногу оторвало, и руку отрубили, и зубы повышибали...

- Э, как всегда заковыристо... Прощето что хотел сказать?

- Проще? Ну, вот с дедами нашими ты хотел бы временем проживания поменяться? Чтоб три войны, да коллективизации, да индустриализации? Или с отцом - охота поменяться временем проживания? Чтоб опять же пара войн, да блокада, да голод, да потом работа на износ на благо страны - и в итоге оказывается, что работал на страну, а присвоили себе все это сотня шустрых прохвостов? К фигам. Мне мое время нравится больше. Хотя и такое - оно нам досталось. Вот и нихът ин ди гроссе фамилие клювен клацклац.

- Ладно. Залез на своего конька. А я вот хочу рыбу половить, да в баньке попариться.

- Ну. Скоро уже народ просыпаться начнет - взопреем мигом. Токо так пропотеть - в минутку.

- Это да. Часа два - и начнется...

- О, Личный Его Императорского Высочества Принца Фернуапа Тридцать Девятого Четырех Золотых Знамен и Золоченого Бунчука с Хвостом и Брякалкой Именной Бронеход «Гордый Варан» - говорит Саша при виде нашего бэтра, волочащего за собой другую железяку.

Совершенно неожиданно первым с командирской машины прыгает Демидов - вот уж кого меньше всего ожидал тут видеть.

- Тыто откуда?

- А я с пополнением!

- Что Дарья тебя отпустила?

- Ну... почти...

- Гляньте, а он с винтовкой!

И действительно на плече у Демидова - малопулька. Вид у него забавный - с одной стороны вроде как побаивается. А с другой - как бы и самолюбованием занимается. Гордится мальчишка собой, явно.

- Вот сейчас Андрюха вставит тебе фитиля.

- Не. Он одобрил. Только звание такое присвоил, что не пойму.

- Это какое?

- Гаврос. Это что вообще? Чето на Барбоса типа?

- Гаврос - удивляется Саша. - Греческое чтото?

До моей головы, наконец, доходит.

- Да не Гаврос. Гаврош наверно?

- Да, точно - Гаврош. Это - собака?

- Не это пацан такой был, беспризорник. Когда в городе пошли уличные бои - воевал как зверь. Так что все в порядке - почетное погоняло. Ну, то есть звание.

- А, ну тогда - ладно.

Бывшая «Надежда группы» успокаивается, видно опасался попасть снова в глупое положение. А так - свой брат, пацан такой кульный...

Шум в ушах все таки сильно мешает. Надо ж, как меня этот чертов наркоман уделал. С другой стороны - неудивительно. Ради кайфа нарк пойдет на любое преступление, ему и себя не жаль. Что забавно - я ж своими глазами видел два эксперимента, после которых словечко «кайф» стало для меня синонимом слова «смерть».

Известно, что у любого живого существа самое главное - это его жизнь.

Но не всегда.

Ято прекрасно помню эти довольно интересные эксперименты по поводу приоритетов.

Антураж - клетка с полом, по которому проведен ток. Когда крыса идет по полу - ее бьет током. Ток можно регулировать - вплоть до смертельного уровня. Есть два безопасных островка - на торцах клетки, там током не бьет. Крыса располагается на одном конце, а на другом размещается чтото важное для крысы.

1. еда. Крыса идет к еде и ее шарашит током. В конце концов, при повышении силы тока крыса предпочитает сдохнуть от голода, но не получать разрядов.

2. вода. Тут силу тока надо увеличивать - от жажды крыса помирать соглашается только под более сильными разрядами. Потому как без воды крыса живет не дольше суток, обмен веществ у нее ураганный.

3. детеныши. К своим новорожденкам крысамама прет, невзирая на любой ток. Как пишут в романах «только смерть могла остановить ее».

Понятно с приоритетами? Так вот оказывается, что если сочетать этот эксперимент с известным вживлением в мозг - в центр удовольствия электродов - крыса давит на клавишу и получает кайф, то такой кайфующей крысе похрену и еда и питье и детеныши.

Ее ничего кроме собственного кайфа не интересует, и кайфует она аккурат до смерти - которая изза пропажи интереса к жратве и питью наступает через сутки...

Вот я и вижу, что нам старательно вколачивают, что самое главное в жизни - это кайф... Крыса с детенышами и клавишей так перед глазами и стоит.

Вроде бы становится светлее. Или изза фонарей на технике? И вроде бы уже глаз различает, что техника - зеленого цвета и даже детальки всякие. Или все же фары?

Народу становится еще больше - начвор приехал.

Первым делом они сцепляются с Ильясом.

Нашему командиру уже не понравилось, что саперы утряхали на коробочке, то, что начвор увел самую мощную нашу единицу - понравилось еще меньше. А тут начвор нагло налагает лапу на большую часть благоприобретенной нами техники. Этого Ильяс вынести не может.

- Майор, эти мукти бхукти здесь не проханже! Я тебе не девадаси! Мне такие майтхуны нахрен не нужны! Техника была брошена, мы ее взяли с боя, при проведении этих, спасательных работ. А тут ты такой красивый нарисовался и говоришь, что нам хватит трех

БТР, а на остальное лапу накладываешь?

Майор, оказывается тоже не прост.

- Ну а я - не сурасундари, а офицер. Есть приказ по Кронштадтской базе - а полномочия мои тебе от Крепости известны, но можешь и уточниться. Поэтому не надо мне тут - и майор широко ухмыляется - майтхуны показывать. Все четко и просто - на охотничью команду с прикомандированными - три БТР. И все. А то хитрый какой - нахапал полную жопу огурцов и похинди говорит.

К нам подходит несколько прибывших с начвором мужиков. Зам. Михайлова - медлительный, вальяжный неторопливо выговаривает:

- Это тебе повезло, что их Старшой в больницу попал. У того еще хлеще было, по принципу:

Сел паром на мели - три рубли.

Сняли паром с мели - три рубли.

Поели - попили - три рубли.

Итого: тридцать три рубли...

Майор морщится.

- Я в курсе. С самого начала. Так вот - какие неясности?

- Дакайти просто откровенный! - продолжает Ильяс.

- Чья бы корова! Нам еще отмазываться от армеутов придется. Они почемуто эту технику своей числят. Да, к слову - я и Старшого предупредил. И от него добро получено.

Ильяс пышет жаром. Но последнее его сломило, машет рукой.

- Не унывай, дружище - задумчиво произносит Михайловский заместитель, помни:

Судьба играет человеком,

Она изменщица всегда!

То вознесет его высоко,

То бросит в пропасть без стыда!

- Да ну тебя к Иблису, мораль мне читать.

- Ты не ругайся, ты деталькито верни. И боекомплект попяченный.

- Какие детальки? Какой боекомплект?

- Детальки такие - металлические, боекомплект - опять же такой - металлический. Ты же жук хитрый вторую БМП разоружил, а?

- Не бросать же так было! И все равно - с какой стати мне вам все отдавать?

- С такой. Из чистой любезности. Вот, например, мы твою семью охраняем совершенно бесплатно. Или вот, например, поедешь ты на БТР мимо армейских - а они по тебе не пальнут. Неплохо, а?

Мне уже надоел торг, да и смысла в нем для меня лично нет. Ильяс, я надеюсь, выторгует все что можно. Может даже - и что нельзя, но очень хочется. Другое дело, что сейчас явно будет решаться - что будем делать дальше, а это полезно знать из первых рук.

К беседе присоединяется и еще несколько человек - и наших и новоприбывших. В кучку камуфлированных айсбергом впиливается белая туша повара - вместо тощенькой девочки своей персоной явился.

Начвор обрывает торгованский спор.

- Все, закончили! Итак, для всех сообщаю следующее: Ситуация сейчас критическая. Первая задача - учет находящихся здесь людей. Потому здесь, здесь, здесь и здесь - он тыкает пальцем в схему - будет вестись запись беженцев и выдача временных удостоверений. Один такой пункт - будет у вас здесь - в палатке медпункта. Всего территория делится на 4 сектора - по номерам, помимо директора Завода (так решили назвать коменданта лагеря, чтоб без ассоциаций) - еще старшие по секторам. Наш сектор - второй, я назначен базой старшим второго сектора.

Второе - из находящихся здесь людей выделять сразу тех, кто может оказать помощь - пока в хозяйственном плане, потом в охране - после соответствующей проверки. В дальнейшем - особо тщательно отбирать специалистов важных для нас профессий. Это

понятно? Хорошо.

Третье - любое недовольство - пресекать без соплей. За бандитизм, воровство, грабеж - при неопровержимых уликах - сразу к стенке. Смотреть за рикошетами и помнить, что не всякая стенка пулей не прошибается.

Четвертое - выделить лиц подозрительных, скандальных, ленивых, бесполезных, короче говоря - тех, от кого будут проблемы и головная боль. Руководителям подразделений и начальникам патрулей дано право задержания - вот здесь будет КПЗ.

Пятое. В течении пары часов ожидается прибытие трех пожарных машин - в роли водовозок. Еду уже подвезли. Вопрос доставки с берега до лагеря решается - но не хватает грузчиков. Сейчас идут переговоры с армейскими, сделавшими на Таллинском свой опорный пункт - на магазинах. (Сердитый взгляд на надувшегося Ильеса). Полагаю, что они оттуда подбросят еще что-нибудь, им проще - погрузчики есть. Если не будет чего-нибудь особо гадкого - к второй половине дня с продовольствием проблема решится в целом.

Шестое - кухни сейчас разворачивают дополнительно - по паре кухонь на каждый сектор. Начальник кухонного отряда здесь?

Повар - толстяк недоуменно оглядывается, потом до него доходит - почему на него все уставились.

- Я собственно просто готовил и все, с помощником...

- В таком случае - с назначением - потом подойдете ко мне, после сбора.

Продолжаю. Размещаться беженцы пока будут по остаточному принципу - где смог, там и пристроился. Вопросы?

- Помывку производить будем?

- Нет, нам просто не хватит воды. Пока только для питья есть. Даже умыться им нечем будет.

- Где туалеты?

- До захвата власти в лагере святошами уже были организованы сортиры Мы и Жо. Так что там - если потребуется - все-таки людей сильно поубавилось - накопал еще. Все равно вся территория - как один большой вокзальный туалет пока.

- Почему сразу не раздать оружие тем, кто его может носить? Тут же вроде есть склад.

- Вопрос преждевременный - враг хитер и коварен, как совершенно справедливо говорилось раньше. Оружие выдавать будем только после тщательной проверки. Инфильтрация публики в лагере врагом очень вероятна. Да и преступный элемент наличествует. Не для посторонних ушей - кроме нападения на Доктора было еще минимум четыре таких происшествия с нашими людьми - в итоге у нас трое убитых и один легко раненый. Пропало два автомата. Вот и смотрите сами. В двух случаях нападавшие не ликвидированы. Так что - имейте и это в виду.

- К кухне фургон нужен для продуктов. Растащат ведь.

- Учтем. Только где тут фуры возьмешь, искать надо.

Решаю, что пора влезть.

- Фуры тащ майор есть совсем рядом - на АТЭП - там много дальнобойщиков стоит. А идею разместить пункт переписи в медпункте считаю неудачной - у нас и так с утра толпа народа будет, пока в очередь построим - запаримся, а тут еще толпа на переписку...

- Вот кто к вам за лечением идет - пусть сначала регистрируется. Как в любой поликлинике - сначала очередь - регистратура, потом - очередь - доктор. Медпункт у нас получается один, так что лучше всех больных собрать тут.

- Есть угроза эпидемии, если их тут складировать. И указатели нужно развесить, что где находится, вообще информационное обеспечение...

- Не учи ученого, съешь слона печеного. Это из уважения к вашей гуманной профессии. Цените.

- Ценю. Вопрос остался.

- В печатне всю корячатся. И утром сюда журналюг пригоним. И бахил не дадим... Еще вопросы?

- Охрана как обеспечивается? - интересуется практичный Андрей.
- Внешняя - неплохо. И посты, и патрули, и опорные пункты уже работают. Внутри пока не контролируем толком, так что сегодняшний день решающий.

- Что с эвакуацией?

- Пока эвакуация запрещена. Рассказывать долго не буду, но без предварительной работы соответствующих наших работников с эвакуированными - эвакуацию не проводить. Это приказ.

- С первой кучей народа в Кронштадт, похоже, въехали нежелательные элементы? - осеняет Серегу неожиданная догадка.

- Пока не имею права отвечать. Потом все доложат. Пока - бдительность и еще раз бдительность...

- Очень уж, знаете, это еще в старые времена надоело. А в итоге все просрали, извините, конечно - бурчит повар.

Начвор вздыхает.

- Имели место перегибы на местах. Но говорю я как раз обоснованно. У нас - три трупа за ночь. Это непозволительные потери. Все, прошу по местам. Где ваши водоносы устроились?

Повар объясняет и начвор быстрым шагом с сопровождающими его лицами покидает наш медпункт.

- Я слышал, на вас напали? Наркоман?

- Да, вон валяется.

- Ага... Ну отзвуки той войны мы еще долго будем слышать.

- Это вы о чем, Федор Викторович?

- Пока Китай остается нацией наркоманов, нам не стоит бояться того, что эта страна превратится в серьезную военную державу, так как эта привычка высасывает жизненную силу из китайцев - сказал британский консул в Китае Джефф Херст в 1895 году.

Против Китая велись опиумные войны, против нас - героиновая, разница невелика. Производство зомби несколько иной модификации. Причем под флагом настоящей свободы. Не будь рабом государства, семьи и условностей, а будь рабом наркобарыги. Вот истинная свобода, черт бы их всех побрал. А скажите - поспать у вас часок в бронетехнике можно?

- Ильяс, как у нас с бронетехникой?

- БМП отдаем обе, МТЛБ - тоже пару, себе оставляем три БТР и маталыгу - под твоих раненых. А еще он дает соляру и боезапас, плюс - мирные отношения с армейскими. И еще по пустякам всякого рахатлукума получим. Я - велик, могуч и силен и затмеваю собой Луну и Солнце!

- Причем одновременно!

- Ага! Видишь - вот он я - а солнца с луной - йок.

- Ребята говорили - по кольцевой объездной уже не дают на гусеницах кататься. В трех местах уже жестко стоят.

- Да кто ж броню остановит - удивляется Гаврош Демидов.

- Да другая броня, кто ж еще. С большим калибром. Но вообще - это разумно...

- Ладно, потом махнем маталыгу на что другое. Повару - наш салам - спать можно вон в той маталыжке, там как раз медсестрички дрыхнут. Вы смотрите, не обидьте их!

- Вон там? Отлично. А в плане обидеть - боитесь, что задавлю кого тушей, когда ворочаться начну?

- Нет, конечно, ладно, проехали.

Санинструктор в палатке опять дремлет на стопке касок.

- Ишь, чего натял, поросенок - киваю я на него Андрею.

Андрей удивляется.

- Это я такую сидейку сделал. На ней и ногам отдых, и не разоспишься, как раз для дежурства. У нас так все время делали.

Упс... То есть - ой!

Вот - через столько лет - и оказалось, что чудак за немецким пулеметом просто имел над собой толкового фельдфебеля. Надо же...

А мне сейчас надо думать. Изо всей силы. Потому как скоро утро.

Ильяс на маталыге укатывает опять же на поиск - взяв двух санинструкторов, заодно Вовка натаскивает небритого сапера по имени Васек - тот когда-то учился ездить на такой штуковине, но практики не было, а сейчас самое время освежить навык. Саперы вернулись довольные - по их мнению, все подозрительные участки и обнаруженные по схемкам минные поля ликвидированы. Где - просто поснимали, где - раздавили мины буксируемым корпусом БТР. Шустеры изолированы, так что, если нет особо поганых фугасов - то уже куда как легче.

У меня же особо похвастать нечем. Конечно сам факт наличия медпункта и медиков - уже здорово людям поднимает настроение в таких ситуациях, а уж если еще и пилюли какиенибудь дают - так вообще праздник. С другой - мне невозможно толком тут заниматься диагностикой, и с эвакуацией полный швах. А это - этапность в лечении - главное на данный момент. И если заразные больные будут - то тогда все еще хуже.

- О, точно, я видел такие - шарстулья - японцы придумали, когда оказалось, что на обычных стульях старательные работники наживают остеохондроз, геморрой и прочие радости - вспоминает начитанный Саша.

- И чем кончилось? - интересуется Андрей.

- А оказалось, что с остеохондрозом и геморроем справились, зато производительность труда упала. Японцы и решили, что уж лучше работник с остеохондрозом, чем такое...

Но мне сейчас надо судорожно вспоминать, что можно сделать в такой ситуации.

Когда человек думает - у него больше шансов выйти победителем.

Меня в пионерском возрасте очень поразил рассказ приглашенного к нам в класс ветерана. Сначала, как и положено всякому ветерану он долго трендел эту отвратительную лабуду «развивая успех 10 ордена Расула Гамзатова По колено Сине Морепереходященской дивизии в направлении на БирюлевоТоварное 67 ордена Переходящего Красного Знамени стрелковая армия заняла высоту 33,6 и т. д. и т. п.» то есть то, что так любят мемуаристы и отчего тошнит любого нормального человека, а уж детей в особенности. (Кстати, я давно замечал что ветераны стесняются рассказывать о себе, предпочитая рассказывать красоты в духе официальной пропаганды. За это надо сказать спасибо паскудам - пуристам из ГЛАВПУРа.)

Итак, оттрендев свое с явным облегчением ветеран собрался уходить, но тут я его спросил: «А за что вам дали «За отвагу»? (Мой дед мне говорил, что это была серьезная награда, сам он ее за форсирование Свири получил.)

Ну, ветеран мялсямялся, потом рассказал, что его послали подавить огневую точку - пулемет в ДЗОТе на горушке. Он до амбразуры ползком добрался, а дальше что делать - неясно. (Видно, не слыхал про Матросова.)

Немцы лупят очередями, а он лежит. И товарищи его по роте - тоже лежат, головы не поднять.

Гранату в амбразуру не сунешь - сделана грамотно, с отбивками, из ППШ тоже с пулеметом не поспоришь.

Вот он и закинул шинелью амбразуру. Тут от шинели так клочья полетели, что он ее от греха пришил ножом и полез выше. Немцы было сунулись занавеску эту снять, но он им этого сделать не дал, так и лежал на крыше ДЗОТа и стрелял, пока наши не подоспели. Пулеметчикуто без разницы, что ему закрыло видимость - тело Героя Советского Союза или драная шинель, если ему сектор обстрела закрыли глухо - мало от его пальбы толку.

Высотку взяли. Наградили солдата медалью, а старшина долго ему голову грыз за испорченную шинель. Потом удалось махнуть у кого-то (с мертвецов старались не брать, была плохая примета, поэтому когда менялись. то произносилась ритуальная фраза: «Ты не думай, это с живого» (Вариант - «это моя собственная») Ну так или нет, а примету обходили.)

А фрицев в блиндаже оказалось всего несколько человек. Потом они так нагличать перестали, вставили им ума, уже прикрывали свои огневые точки с флангов.

Вот и мне тоже извернуться придется.

И с карантинном что думать.

Коллеги говорили - ОРЗ пропали как класс, а вот дизентерия - никуда не делась. Цветет бурно - только у армейских, чей карантинный лагерь мы видали по дороге - таких больных несколько сотен. А это пустяк только для того, кто такого пациента вблизи не видал...

И будет у меня тут как в Ветлянке - станице, ставшей символом неразберихи, паники и смерти. Хотя тот же адмирал Федор Федорович Ушаков - задолго до трагедии в Ветлянке самостоятельно отработал простые и четкие правила борьбы с эпидемией.

Когда чума началась в Херсоне, где как раз был кавторанг Ушаков - он свою команду разместил на берегу поартельно - в камышовых шалашах - палатках. Если в артели заболел человек - его помещали отдельно - в шалаше на 1 персону. Артель же расселяли по нескольким новосделанным шалашам, а общий - ставший заразным - сжигали. Таким образом больные изолировались и лечились (а не просто бросались, как в той же Ветлянке, где при осмотре больницы среди 70 трупов обнаружена только одна живая казачка), здоровые не контактировали друг с другом - токо внутри артели и бригады, а зачумленное жилье ликвидировалось. Тогда не знали, что разносчики - блохи с зачумленных крыс, но крыс Ушаков тоже изводил, блюдя чистоту и на берегу. В итоге в его команде чума кончилась на четыре месяца раньше, чем у других и потери оказались минимальны настолько, что никто в это не мог поверить.

Ладно, пока пугаться рано. Надо продрать глаза и подготовиться к наплыву пациентов.

Продрать глаза помогает то, что привозят воющего раненого.

- Что с ним? - спрашивает втаскивающих носилки мужиков братец.

- На mine подорвался!

Братец присвистывает. С трудом подавляю такое желание и с выражением гляжу на сидящего неподалеку сапера по прозвищу Крокодил. Тот багровеет и подскакивает к носилкам.

- Ээээ - почемуто говорит сапер, глянув на раненого.

Странное вступление. Впрочем, и у братца физиономия выражает интересную гамму эмоций. Носилки ставят на пол. Оглядываю раненого. Мне тоже кажется несколько странным то, что я вижу.

А вижу я, что сапоги на сучащем мелко ногами солдапере - целые. Совершенно.

Рука - причем левая - окровавлена и перевязана довольно грамотно - и из кулька марлевого торчит три пальца.

- Он точно на mine подорвался? - спрашивает братец.

- Точно - отвечает носильщик.

- Где было? Как получилось? - обретаю дыхание Крокодил.

- Да там, где вы сегодня мины снимали - отвечает переводящий дух носильщик.

Раненый, положенный к нашим ногам, продолжает плакать и скулить.

- Что, не все сняли? - допытывается сапер.

В палатку понабилося народу - старший сапер тоже тут - на его физиономии отпечатались складки рукава бушлата - спал видно.

- Нет. Этот малец уже снятую мину стал расковыривать - вот его и тяпнуло.

- Йопперный театр! - с чувством облегчения произносит старший сапер.

- Согласный - подтверждает Крокодил, и они выпирают животами лишних из палатки.

Подрыв странный - парню размолотило ладонь, снесло два пальца и здорово повредило оставшиеся. Кровотечение незначительное, но, глянув на все это безобразие, заматываем искалеченную кисть обратно. Трачу еще ампулу промедола. Парень в полубморочном состоянии, рассказать, что он там учудил со снятой миной, не может, да нам и дела нет. Эвакуировать надо.

Помня о нравоучениях начвора, прошу поднять ботана и теряем время в уточнениях -

наш ли это боец, кто командир и что скажут в Кронштадте.

Ревут моторы какойто техники - совсем рядом - к нам прибыли грузовики, повара подняли и он ушел к кухням принимать продукты - вот обратным рейсом они и раненого захватят на берег, а там уж какаянибудь шаланда найдется - сейчас между Кронштадтом и берегом постоянно курсируют не меньше двух десятков всяких посудин.

Перед тем, как его уносят - строго предупреждая носильщиков и самого бедолагу, чтоб ничего не пил по дороге.

Саша удивленно смотрит.

- Ты ж все время говоришь, что вода - всему голова. А тут - кровопотеря!

- Пустяковая у него кровопотеря. А если его напоишь - он после дачи наркоза вполне может блевануть. В стерильной операционной. Там это самое то будет. И если еще ухитрится быть без сознания и вдохнуть чутков своей блевоты - так после операции гарантированно будет воспаление легких. А его и так бог обидел.

- А куритьто ему можно? - спрашивает носильщик.

- Да не оченьто... лучше и без этого обойтись - от курева давление может подскочить - усилится кровотечение, тож это ни к чему.

- Ясно.

Сигаретку раненому таки дают и утаскивают наконец. Последнее что вижу - испуганные и заплаканные его глаза, глядящие с неверием на раскуроченную руку. Боюсь, что в лучшем случае сохранят ему указательный палец и половину большого. Если повезет, конечно.

- Вот мудака! - проницательно замечает братец.

- Ну, у нас тоже всякое бывало - возражаю, просто чтоб не уснуть.

- Чтоб противопехотки так ковырять и руки свои на выкид - этого не было!

- Доктор, вы портянки заматывать умеете? - перебивает наш разговор сапер Крокодил, зашедший в палатку вместе со своим начальником.

- Умею, а что?

- Ткань из Кронштадта привезли, рулонами, довольно много. Порезать ее тут возможность есть, только вот публика с портянками обращаться разучилась. Выходит, что знатоков раздва и обчелся.

- Дык у меня ж пациенты попрут.

- Ладно, но все равно вас учтем. Попросили прикинуть - сколько умеющих наберется. В базето тоже морячки, а они с портянками не дружат. Да газеты привезли, картонки. Сейчас тут пол застелют картонными коробками.

Вона как. Курсы повышения квалификации по намотке портянок. Прямо раздел в «Космополитэн» - «18 причин, почему девушке стоит носить портянки на территории ремонтного завода» и «26 признаков того, что вы неправильно намотали портянки»...

Ладно, научим и портянки мотать, чего тут. И газеты в дело пойдут. У тех же немцев это было широко представлено. Если надо - то не вопрос.

К слову - немцы вроде пришли сюда воевать в носках. Но уже в 41 появились инструкции - как мотать портянки. А зимой - как утепляться старыми газетами - и опять же мотать портянки. Видал я эти инструкции...

И когда в Сталинград шли самолеты, в том числе с грузом старых газет, те, кто отправлял - не понимали зачем, думали снабженцы с ума сошли, а вот те, кто сидел в котле - понимали отлично.

- Было дело - как раз когда на Малую Пискаревку отправили работать - тоже показывал на своем примере, как портянки мотают - говорит братец.

- Лучше скажи, как додумались до Малой Пискаревки? Тут ведь тоже трупы хоронить надо ударными темпами, а то на запах набегит всякой твари - спрашиваю я братца.

- Да просто - собрали комиссию, поставили вопрос. Выбор был невелик - либо в воду, как у индусов, либо скормить, кому попало - как у тибетцев, либо кремировать, либо ингумировать. Первые два способа не пошли вовсе - там в комиссии были ребята, которые в

Индии полюбовались на красоты Ганга с недогорелыми мертвецами по берегам и водной глади...

- А «Тарбар»! Небось обмен опытом?

- Да вроде, не спрашивал. По кремации этот ваш Хапенгуген выступил толково - у него опыт оказался...

- Какой Хапенгуген?

- Соображаешь что-то совсем плохо. Ветеринар Бистрем, какой-какой... Ему довелось утилизировать павший скот, так что он в курсе оказался. Получилось по его словам, что для кремации 1 килограмма трупного материала понадобится 2 килограмма дров - в лучшем случае. Посчитали. Поняли, что такое не катит никак - топливо нынче в дефиците - ну и стали копать рвы. Тут я думаю, то же придется делать. Главное, не откопать какой газопровод сгоряча...

Мда, трупы убирать надо быстро. А тут еще и живые трупы по цехам. Да и вокруг вроде б тоже ходят.

- А эти, итальянки - мортусы - как у них вышло?

- Четыре только стали работать, остальные пришли в ужас. В общем, кроме визга - никакой шерсти...

К нашей палатке уже подтягиваются ранние птички - первые пациенты. Связываюсь с штабом. Просят подождать - к нам направлены писаря. Скоро будут.

Писаря являются через сорок минут. Мы уже приняли кучу народа, но просили не расходиться - потому как приказом по заводу кормить будут и выдавать паек и прочие радости жизни - только зарегистрированным.

Писарей двое - стервозного вида девка с кучей пирсинга в нижней губе и мягкая какая-то тетечка, робкая и боязливая даже внешне. У девки свирепый взгляд и выдающаяся вперед нижняя челюсть - что вместе с разноцветной фигней в губе делает ее страшно похожей на выловленную нами - мной и братцем - в одном озере Псковской области заслуженную щуку - у той тож три блесны в пасти как медали были. Видимо у братца проскакивает та же ассоциация, потому как он совершенно нелогично заявляет:

- У щук скоро нерест...

Девка злобно на него смотрит, он отвечает ей совершенно бараньим взглядом. Девка фыркает. Женским чутьем она полагает какой-то подвох, но не может понять - какой. Это ее бесит.

- Нам нужен стол, стулья и охрана! - чеканит «Щука».

- А мне массаж, педикюр, коктейль «Дайкири» и негра с опахалом - отвечает братец раньше, чем я успеваю открыть рот.

- Вы что себе позволяете?? - взвизгивает девка.

- Предаюсь несбыточным мечтаньям, как и вы впрочем. Вы тут видите столы и стулья?

- Так обеспечьте! Вы обязаны!

- Милая, мы обязаны оказать медпомощь в возможном объеме. А матобеспечением занимается База - так что претензии - туда. И работу вы должны были начать пораньше - людей кормить надо, а с регистрацией пока у вас никак!

- Не смейте мне хамить!

- Никто и не хамит. Это у вас, милая, воображение разыгралось.

- Извините, что вмешиваюсь в ваше воркование - но вы собираетесь заниматься регистрацией? - приходится лезть, куда не просят.

- Нам не приготовили рабочее место, я отказываюсь работать в таких условиях!

- Милая, вот вы еще повыдрючивайтесь, пока побольше публики здесь не соберется, потом публика начнет спрашивать - почему их не кормят, не дают одежду и так далее. Окажется, что без регистрации - вашей, заметьте, регистрации им ничего не светит. Вы не опасаетесь, что вам банально начнут бить морду? Пардон за мой французский, вы думаете, что кого-то из тех, кто три дня на ногах простоял, бычит наличие у вас рабочего места? Вы, милая начинайте работать как угодно, а то через час-другой тут будет бунт. И вас грохнут и

нам достанется, так что будьте лапочкой - начинайте работать!

- Я требую, чтобы со мной не разговаривали в таком тоне!

- Слушайте, милая, мы не в бакалее, а вы не продавщица - «вас много, а я одна»!

- Я требую, чтоб с вами разобрались! Я при исполнении обязанностей!

- Слушай, сука тупая, или ты садись и работай - или вали отсюда к такойто матери? Так понятно излагаю?

- Вы за это ответите! Я так этого не оставлю! Да вы не знаете с кем связались, хамы!

Мне не остается ничего иного, чем трясти непроспавшегося ботанасвязиста.

Утречко начинается славно.

Высказываю начвору все, что думаю на тему переписи населения двумя писарями, да еще и с таким настроем. В ответ получаю не менее жесткую отповедь. Лаемся минут пять, за это время народу набирается вокруг куда как много, то есть медпункт окружен практически толпой. Пока толпа еще молчит, но вот достаточно будет пары заводил... И мы не обойдемся без жесткой стрельбы.

- Короче говоря, тащ майор - либо вы регулируете перепись в удобной форме, либо я выгоняю эту дуру к чертовой матери и делаю все так, как подсказывает обстановка!

- Не забываетесь! Руковожу сектором я.

- Так руководите, кто против. На данный момент у меня медпункт окружен толпой народа не меньше чем две сотни человек, кухни - окружены еще большим количеством публики, перепись даже не началась. При скорости переписи один человек в минуту - что еще очень славно - у нас тут все затянется на 5-6 часов - в лучшем варианте. Все это время достаточно одного протестанта - и будет веселуха в полный рост.

- Так... У вас там бригада водоносов на виду?

- Точно так. Таскают воду. Уже принялись.

- Организуйте такую же команду писарей. Пообещайте доппитание. Выбирайте тех, кто по внешним признакам не относился к охране лагеря. Первыми переписать желающих убирать территорию и тех, кто согласится убирать трупы. Через час вам доставят инвентарь для работы. Людей добавлю, насколько возможно. И организуйте людей в очереди. Главное - чтоб не толпой стояли. Девуцу отправьте ко мне в штаб, очень жаль, что вы с ней не нашли общего языка - она работала в паспортном столе и дело знает. Все, действуйте, связь кончаю.

- Пипец нам - горестно замечает братец, как раз уже занимающийся здоровенным не то фурункулом, не то уже и карбункулом у перекошенного мужичка.

- Что так?

- Пойдем в 45 лет менять паспорта, нарвемся на эту Щуку - и все, кончена жизнь...

После двадцати минут ора и неразберихи, наконец, удастся наладить хоть какое-то подобие организованного беспорядка. Первыми переписали водоносов, премировали каждого банкой сгущенки, у кого не было сменной одежды - выдали, что успели подбросить в самый удачный момент сумрачные грузчики из кронштадтских и отправили к кухне. Дальше удалось разбить толпу на очереди, кучки и команды. Раздобыли столы, что-то приспособили под стулья, появились добровольные помощники, начали, наконец, потихоньку организовывать ситуацию вокруг себя. Самое время дух перевести, а некогда.

Привезли метлы, лопаты, носилки, сгрузили. Тут уже за дело взялись саперы, а мне удалось вернуться к приему пациентов. Они теперь не просто так подходили, а показывали отпечатанные на шикарнейшей мелованной бумаге регистрационные удостоверения участников бизнесконференции «Золотой шар». А там корявыми от холодрыги буквами, карандашом вписаны фамилия, имя, отчество, год рождения и профессия. И отношение к военной службе в графе «Компания, должность». И в разномастных журналах - продублировано. Это, конечно, все филькина грамота, но хоть удастся представить общую картину. На обороте помечаем - кратко диагноз. Там же будут отметки о выдаче продуктов и одежды...

Периодически происходят мелкие стычки и инциденты, народ весь на нервах, так что ругани хватает. Особенно часто почемуто ругань возникает у столика переписи, стоящего

через один от меня. Там писарчуком присланный в усиление из штаба какойто крикливый самоуверенный мужик, непонятно зачем щеголяющий в бронежилете с вставленными туда пластинами. Вроде б обстрела не было и не ожидается. Вот и сейчас у этого стола свара нарастает до градуса кипения и начинается банальная драка. Не было печали! Вылезаю из палатки глянуть.

Сбежавшиеся патрули растаскивают драчунов. Слышу, как мужик в бронежилете орет изо всей силы, обвиняя своих обидчиков во всех грехах. Ильяс меняет его на Сашу и ситуация тут же успокаивается. Мужика переместили на выдачу одежды, но скоро и там начинается свара. Да что за черт возьми такое!

Не могу понять, о чем речь, только слышу громко сказанное трубным и какимто назойливым голосом этого мужика:

- Ты опять вафлей подавился? Не было их там... сколько раз говорил. Приглашаешь моего барсика на язычке поддержать? Я тобой брезгую, недоумок!

Бнах, опять начинается драка! Терминология услышанная сильно удивляет, тем более, что настораживает знание предмета... С чего бы взрослому мужику предлагать другим взрослым мужикам оральный секс, да еще в таких тонкостях? Нет, в некоторых случаях оральный секс весьма даже, гмгм, но с мужиками с какой стати?

- А ну - пошел вон, живо, чтоб духу твоего тут не было, кутак! - орет рядом Ильяс.

И когда я вижу в проеме палатки спину утекающего, сразу вспоминаю ночной эпизод с разбитым об стенку дома автобусом. Точно - тот самый чувак, фамилия у него еще заковыристая...

Неожиданно забирают почти всю нашу команду. Не могу понять, что случилось, но спешки и суеты нет, все идет спокойно - Ильяс успевает только сказать, что получил приказ на сбор - будут зачищать те участки, где в цехах заперты шустики. Попутно порекомендовал подготовиться к отбытию - через пару часов нас перебросят в Ораниенбаум, там намечается операция по возвращению территории. Так теперь называют зачистку от зомби и обеспечение безопасности на отвоеванном куске пространства. Ну, мне собраться - как голому подпоясаться. Когда уже возвращаюсь в палатку, вижу заруливающие фуры. Ребята толковали, что сюда стали свозить всякие материалы из строительных товаров - полиэтилен, теплоизоляцию, доски и так далее - там кто то толковый нашелся, сейчас из всего этого будут устраивать походный быт для тех, кто в лагере оказался. Кунги еще прут с консервации - на буксирах. В общем - завертелось дело.

Начвор приказывает, чтоб я сдал дела братцу. Попутно братцу сообщают, что он должен еще и принять участие как судмедэксперт в работе следственных органов - с Кронштадта перебрасывают, кого нашли и собрали - как ни крути, а фильтровать беженцев нужно и разобраться с тем, что происходило - важно. Еще на братца вешают контроль за сансостоянием территории лагеря, противоэпидемические мероприятия и далее по списку двадцать два пункта.

- Да я же сдохну! - вопит братец.

- Это ваше дело, а работать придется - отвечает сухо начвор.

Как не вспомнить такую деталь, на которую не раз обращали мое внимание умные люди: когда есть что то, что надо сделать во что бы то ни стало, американцы говорят «Сделай или сдохни» (Do or die), а русские наоборот «Сдохни, но сделай».

Таким образом, у русских даже смерть не является уважительной причиной не сделать положенного.

Мы плывем в Ораниенбаум. Вырваться из вонючего, страшного лагеря - праздник. Неясно, что нас ждет дальше, но сейчас - мы чувствуем себя замечательно. Только что пообедали, чутка выпили - и настроение отличное. Ребята приложили лапы к ликвидации двух очагов с зомбаками, даже Демидов отметил - и довольно лихо, отстреляв полсотни шустров в цеху из окошка, куда они не могли допрыгнуть. Но оказалось, что пальба в цехах - не то, что нужно, выживший Севастьянов устроил ор, потому что одной из пуль покорежило крайне ценное оборудование, поэтому решено пальбы такой больше не

устраивать, работать только малопульками и аккуратно. Как раз по примеру Демидова. Опять там «отличился Фетюк», которого на этот раз поставили старшим над взводом курсантов. Он так ловко наруководил, что чудом не потерял сразу нескольких своих подчиненных. Но так как он умеет навешать лапши на уши - разные начальники то и дело принимают его за грамотного, инициативного и знающего товарища. Кончается все одинаково - сварой, дракой и провалом.

А Рукокрыл, его приятель Ленька и еще несколько из их взвода какимто образом примкнули к нашей команде. Теперь нас куда больше - водолазы и наша троица саперов тоже с радостью покинули жуткое место.

С кормы грохает взрыв хохота. Любопытство тянет посмотреть - что там.

Ленька, нахлобучив себе на голову три каски и навесив на себя три бронежилета, пародирует Фетюка. Талант у парня явно есть - он точно копирует характерные интонации, высокомерный взгляд, жесты и мимику своей жертвы. Текст получается, на мой взгляд, несколько хуже. Но зрители тут невзыскательные и потому ребята киснут от смеха.

... эльф Сглазавнос получил в подарок от своей невесты - принцессы Наполлейэль - бронелифчик с шестнадцатью заклепками. Жалки те невежды, кои мнят неважным количество заклепок, а тем более подвергают сомнению уникальность защитных свойств эльфийских бронелифчиков. Простой пример: 123 особопехотный полк гуркхов не был снабжен бронелифчиками в сражении под Пешаваром - и был вдребезги разгромлен всего лишь 80 тысячным войском найтилинского эмира. Другой пример - мой персонаж в «Линеаже» - эльфийка Лезькомненаэль будучи защищена бронелифчиком голубого цвета с 8 заклепками легко добилась 3 уровня, а после замены на бронелифчик с 14 заклепками смогла выполнить квесты на 5 уровень! Не каждому и 30 левельному гному это под силу!

- У гномов квесты другие! - вступаете с обидой в голосе Рукокрыл.

- Вы жалки! - дико глянув на дружка, истерическим тоном выкрикивает Ленька.

- Я жалок, я жалок - начинает слезливо причитать поникший головой Званцевмладший.

- Нет, вы даже представить себе не можете - насколько вы жалки! В знак этого, чтоб удобнее было поливать вас моим презрением, я поднимусь в гордые выси, где только мне и место! - с этими словами Ленька ловко карабкается на какуюто металлическую хреновину, позволяющую ему подняться сантиметров на шестьдесят выше уровня палубы, гордо взблескивает глазами, да не глазами, а очами, коль скоро это более подходит к патетическому моменту, встает в победительную позу, простирает длань и громко и пафосно вещает сверху:

- Вы все - ЖАЛКИ! Весь мир - жалок, ибо я - и только я - воистину велик! Я Бог Всеведущий!

Тут он поскользывается, нелепо взмахивает руками и улетает за борт, мелькнув в воздухе рубчатыми подошвами ботинок. Этот кульбит настолько смешон, что нас аж сгибает от хохота пополам, ржем так, что слезы текут.

- Стоп машина, человек за бортом! Стоп машинаааа!!!!

Крик не вписывается в общий настрой, и несколько секунд мы все приходим в себя. Впрочем, не все, побледневший Рукокрыл срывает с себя одежду, нелепо прыгает на одной ноге, избавляясь от застрявшего на полдороге ботинка и не очень ловко - мешает зажатый в руках спасательный круг, сдернутый с крепления на поручнях (или как там водоплавающие эти штуки называют) - прыгает туда же, в стылую воду за кормой. Катер действительно сбрасывает ход, это заметно.

Следом за Рукокрылом сигают двое водолазов, потом, бросив несколько быстрых взглядов на берег, на плывущих в ледяной воде, туда же без всплеска прыгает Филька.

До меня доходит, что курсант свалился в воду, обвешанный железяками и всплыть ему - проблема. Каскито он сбросит. А вот комично напаянные и закрепленные посмешнее бронежилеты с пластинами - сорвать в воде ему будет трудно, да и глубина тут... Черт ее знает, какая тут глубина. Маркизова Лужа мелкая, но всяко раз плывем - тут есть где тонуть...

Катер останавливается. Прыгнувшие за борт собрались в кружок, вижу, что начали нырять. Черт, а далеко мы усвистали от места падения, если они, конечно, правильно засекли место. Прошибает самый настоящий ужас - если его не найдут - получится, что мы потеряли хорошего парня на ровном месте, просто по глупости, еще и ржали, как идиоты. Тошный ужас, ледяной какойто, сжимающий внутренности - аж дыхание комом встало.

Переглядываемся с Надеждой.

- Давайтека место подготовим - если и не искусственное дыхание делать, то греть несколько человек придется точно. - Она подбирает разбросанную прыгнувшими в воду одежду и обувь.

Места на посудине не густо, но находим, где тепло и где можно разместить замерзших людей. На душе - мерзко.

- Ничего, он курсант, они плавать умеют - бормочет скорее самой себе в утешение побледневшая медсестра.

А по часикам - уже больше пяти минут прошло. Катер тихо дает задний ход. Еще бы не хватало, чтоб кого винтом секануло. Совершенно дурацкая мысль проскакивает: «А еще хорошо, что акул у нас тут не водится». Свинцовая мутная водичка плещется совсем рядом и гулко раздаются голоса.

Капитан лайбы вертится тут же, чтото сопоставляет.

- Эй, левее возьмите и метров десять к берегу! - кричит ктото из саперов ныряльщикам.

- Точно! Левее надо!

- Нихрена, они правильно место взяли!

Время ощутимо тикает внутри черепной коробки. Его потерю просто ощущаешь физически. Словно оно течет как песочек, только это не песочек, а жизнь отличного талантливого и еще толком не пожившего мальчишки...

- Уже десять минут прошло - мертвым голосом шелестит рядом Саша.

- Ничего, ничего, вода холодная, мозг в таких условиях кислородное голодание выносит устойчиво... - таким же шуршащим как старая газета голосом выдавливаю я.

Капитан тем временем отгоняет тех, кто собирается лезть на помощь, популярно объясняя, что в воде и так слишком до хрена купальщиков. Водолазы - а они все там - с Рукокрылом - рвякают чуть не хором, чтоб к ним не лезли.

В их действиях видна какаято система, только я не могу понять - какая именно, но ныряют они целеустремленно. Прожектором с рубки слегка подсвечивают участок - чтоб в глаза не бил, а именно подсвечивал.

Плещется водичка за бортом...

- Есть! - орет ктото - Тянут!

На часах - семнадцать минут прошло... Одна надежда на холодную воду...

На корме клубок народа - вытягивают Леньку - как был в касках и бронежилетах, так его водолазы и вытянули наверх, как с ним доплыли - не понимаю.

Лицо белое как мел, голова мертво мотается.

Ктото пристраивается уложить его поперек колена, чтобы воду значитса эвакуировать из желудка и легких, но тут уже наша епархия.

- Отставить, тащите его в этот, как его - кубрик! Давайте, давайте живо! (И тихо Саше, всовывая ему в руку теплую тяжесть «Марго»: «Следи, если он мертв и оживет - чтоб не успел!»)

- Он же в каске - шепчет Саша.

- Изловчись!

Мокрое тело, с которого ручьями льет вода, притаскивают в кубрик - или как там оно называется - самое просторное помещение на этом катере. Ванна у меня просторнее, черт бы все это побрал.

Дыхания после 17 минут под водой, ясен пень, нет как нет. Огромное облегчение - пульс на сонной артерии тихонький, слабенький - но есть, тело еще живое, зрачок на свет моего фонарикабрелка реагирует - значит, есть некоторая надежда, что вернем душу

обратно. Правда душатой душой - а вот кора головного мозга может и сильно пострадать... Но это видно будет только потом.

Значит сердце - молодое, здоровое гоняет попрежнему кровь по сосудам, только вот беда - в этой крови кислорода нет. Нам надо быстро дышать за Леньку. Самто он не сможет, понятно, пока я его не заведу.

Так, долой с него бронежилеты, вытряхиваем его из одежды, одеяло какое-то на пол и ровно тело на спину. Теперь - дыхательные пути чтоб были свободны - одной лапой - под челюсть, другая на лоб - чуток откидываю его голову, чтоб язык не мешал - когда человек без сознания - язык мякнет и комом закрывает путь воздуху, часто люди без сознания от этого гибнут. Особенно если еще и с носом проблемы - кровотечение или насморк.

Теперь рот открыть, проверить - нет ли там чего, а то начну дуть - и влетит в бронхи какая-нибудь фигня вроде жвачки, сломанного зуба или еще что такое же нелепое, но вызывающее потом очень серьезные осложнения.

Чисто во рту. Еще что-нибудь проложить между его ртом и моим - и можно качать. Ага, вот подходящий полиэтиленовый пакет, так дырку пальцами рву - все, можно.

- Воду, воду из него вылить надо! - тормошит меня за плечо Саша.

Отмахиваюсь. Белая кожа утопленника означает, что тут была остановка дыхания, нет у утопленного воды в легких, не дышал он водой. Вот был бы синий - тогда да, попала вода в легкие и немало, и пена бы во рту была. Только и такого без толку выжимать - вода, попавшая в бронхи и легкие, не стоит там печально, как в лесном озере, а всасывается моментально в кровь, потому без толку вытряхивать ее.

Прикладываюсь плотно губами к губам Леньки, старательно зажимаю пальцами ему нос (а иначе воздух вместо трудного пути в легкие с легким свистом выскочит куда попроще - в атмосферу) и - вдуваю ему несколько литров воздуха из своих собственных легких. Воздух, конечно, второй свежести, мой организм кислород из него чуток забрал, а углекислый газ вбросил - но и на долю Леньки пока кислорода хватит.

Отлично пошло - грудная клетка пациента с натугой поднимается, и когда я отстраняюсь слегка - опадает с шумным выдохом. Ай, я молодец - а то бывает недостаточно голову запрокинут и вместо по трахее в легкие - начинают качать воздух через пищевод в желудок, что совершенно бесполезно. Следующий вдох - грудь поднимается, отстраняюсь - Ленька с шумом выдыхает воздух.

- Смотрите - дышит курокто!

- Дурень! Выдохто пассивный, атмосферное давление учитывай! Так и труп выдыхать будет.

Некогда слушать, дышать надо. Тяжело, это ж не воздушный шарик надувать приходится, а жесткую конструкцию, именуемую грудной клеткой. Счастье еще, что сердце у Леньки работает в автономном режиме - если бы пришлось делать сердечнолегочную реанимацию - чередуя вдыхания с непрямым массажем сердца - затрахался бы я тут, даже и учитывая помощников.

Вдох - я - выдох - он, вдох - я - выдох - он...

Ленька никак не хочет начать дышать самостоятельно...

Когда в голове начинается легкое кружение и признаки того, что я с такой интенсивной дыхательной нагрузкой уже сам переокислородился, меня заменяет один из водолазов - они уже переоделись во что-то, готовы помочь.

Уступаю место.

Парень неплохо справляется, правда забыл нос зажать, но сам же и заметил, что ему в щеку дует.

Филя очень мрачно замечает, что мы так упреем качавши.

- Вода ему в нос попала. Херово это. Сразу остановка дыхания и не факт, что заведется.

Что-то я такое слышал. И даже название помню. Вот на языке вертится... Как это, ну же чертей сто... Ладно, неважно. Этому рефлексу еще была посвящена сценка убийства в музее восковых фигур мадам Тюссо. Мистер Смит и очередная жена в ванне.

Англичанин этот трижды женился - на состоятельных, но безнадежно засидевшихся в девках невестах, они значится страховали свою жизнь на кругленькую сумму - и прямо во время медового месяца помирали - от остановки сердца. Ну, ничего на вскрытии иного не находили. На беду этого женишка досужему инспектору СкотландЯрда попалась на глаза сводка «подозрительных случаев смерти к сведению». Видимо ему совсем было нечего делать, показалось странным, что три молодоженки умерли от сердечного приступа во время купания в ванной. Он навел справки - оказалось, что хоть их муж и регистрировался под разными именами, но был одним и тем же человеком. За страховое мошенничество его и арестовали. Но за сообщение о себе ложных данных надолго не посадишь. А три трупа - вещь серьезная. И все найдены в ваннах. Причем ванны запрашивались при поселении в гостиницы. И если их не было - требовали поставить в номер.

Инспектор был человеком дела - раз все дело в ванне - он начал экспериментировать, заручившись поддержкой нескольких матерых пловчих. Девушки с энтузиазмом взялись помогать полиции - тогда, в начале 20 века, феминизма еще было мало. Тут и оказалось, что утопить женщину в ванне - сложное мероприятие. Никак не выходит, чтобы без синяков, царапин и визга.

Бились, бились, все без толку.

Отчаявшись, полицейский взял деваху, сидящую в ванне за щиколотки и неожиданно даже для себя дернул пловчиху за ноги, так что ноги оказались над ванной, а девушка соскользнула на дно. Вот тутто инспектор и перепугался, потому как пловчиха обмякла и перестала подавать признаки жизни. Ее с трудом откачали, благо и врач при этих экспериментах сидел как привязанный. Оказалось, что она ничего не помнит, все произошло мгновенно.

Женоубийцу суд присяжных приговорил к смертной казни единодушно, а медики получили информацию о рефлексогенной зоне в полости носа - как только ее раздражают струей воды - так отключается дыхание.

Вот и Ленька у нас так же - отключил себе дыхание, клоун чертов.

Проверяю пульс через каждые десять вдохов. Работает сердце, и даже порозовел утопленник, только вот сам дышать не хочет, засранец.

Ильяс о чемто переговаривается с капитаном корытца.

Ребята дышат и дышат, Ленька попрежнему между небом и землей.

- Доктор, сможешь его сам качать до Кронштадта?

- Смогу.

- Тогда так. Мы сейчас выгружаемся в Рамбове. Тебя с клиентом отвезут в Кронштадт. Мы договоримся, чтоб встретили. У тебя пара часов есть - заодно привет передай Николаичу и этому танкисту. Потом - сюда, к нам. Мы пока без тебя начинать не будем, так что не тяни.

- А что начинатьто?

- Охота на особо крупного хищника. Тут морф какойто ушлый колобродит, местные аборигены его отловить не могут. Вот нас и напрягли. Так что ухо остро.

- Мы с ним прокатимся - говорит Филя.

- С какой бы это стати? - удивляется Ильяс.

- С такой, что обсохнуть нам надо, а не бегать тут в разные стороны. Да и дело было в Кронштадте.

- Мне никто не сказал.

- Вот я говорю. К слову - мы в состав охотничьей команды не входим, так что не пузырись.

Ильяс как раз собирается пузыриться, это явно написано на его лице, но мы уже причаливаем - к совершенно пустому пирсу - напротив паромной пристани. На пустом пирсе - только будка, в ней кто-то сидит, но к нам не выходит. Из трубы валит клочковатый серый дымок. Ребята один за другим выпрыгивают на пирс. Машу им рукой - и возвращаюсь к Леньке.

Мы прокорячились с курсантом практически час. Когда уже отчаялись, он, наконец,

задышал - прямо в холле все той же больницы, когда к нам уже шли коллеги.

- Надрать бы тебе, Ленька, уши!

- Кхы, кхы! За что???

Взгляд у ожившего чист и невинен, как у младенца. А ну да, судя по тому, что пловчиха в ванне ничего не помнила - у нашего артиста тоже провал в памяти. Значит, ругать его без толку - как щенка, который уже не помнит, что натворил пару минут назад.

- А ты еще спроси, как положено в таких ситуациях - «где я»!

- Где я???

- В холле больницы.

- Что???

- То, свинтус грандиозус.

Коллеги ухмыляются и явно радуются тому, что обошлось без их вмешательства.

- Сколько он был без сознания? - спрашивает толстячок с усами.

- Примерно около часа. В воде пробыл 17 минут - отвечает за меня Филя.

- Повезло ему...

- Относительно повезло.

Недоумевающего Леньку утаскивают из холла, он правда пытается прыгнуть с каталки, но это у него не входит по двум причинам - координация движений у него не вполне восстановилась, а вот у коллег с координацией все в порядке. Любуемся кобурой на заднице у толстячка.

Главврач таки заставила своих носить оружие - и ничего, судя по всему - привыкли. Забавно - сколько копий было переломано до Беды о праве ношения оружия, сколько споров было. Впрочем, мне всегда казалось, что всем оружие доверять нельзя - в армию в конце концов не всех же берут, но наличие оружия может помочь. Мне фиговый газовый пистоль помог и наглядно показал, что вооруженным людям - не хамят.

Шли мы по парку несколькими семьями с детенышами, вели степенные разговоры. В частности одна мамка рассказывала, как у них под окнами квартиры в фирме «Лето» вылезшие в подкоп из вольера сторожевые кавказские овчарки загрызли насмерть сантехника той же фирмы. Живописно так рассказывала, с подробностями.

Тут вдалеке такой добрый душевный лай. причем приближается явно... Я занял удобную позицию, приготовился к стрельбе - бежит как раз кавказец размером с теленка. Естественно, без удили и седла, и с явным интересом показать нашей кумпании, кто в лиси пан... Ну, я и бахнул по нему. Эффект был потрясающий - впервые видел, как передняя половина пса уже бежит назад, а задняя все еще вперед.

Несколько позже прибежали хозяева - и маслом по сердцу - вместо привычного: «...на себя намордник одень, собака поумнее тебя, козел, я те щас покажу!» - вели себя нежно и трепетно, косясь на спрятываемый пистоль. Еще и приятель мой подбавил огоньку, заявив, чтоб они не волновались, собака раз убежала, то не сразу сдохнет, может они ее и вылечат...

Водолазы, помоему, тоже с облегчением переводят дух, глядя вслед незадачливому Леньке. Сейчас они явно собираются кудато двинуть из больницы и вид у них деловой, особенно у Фильки.

- У нас два часа - потом отплываем. Ты здесь остаешься? - спрашивает Филипп.

- Ага.

- Тогда ладно, мы за тобой заедем. А то поехали с нами? - Филя подмигивает заговорщицки.

- И что будет?

- В порядок себя приведем. И тебя заодно. Винца выпьем, позавтракаем.

- Не, спасибо, конечно, но мне тут пару пациентов еще проведать надо.

- Смотри сам, только ваш этот молодой - ранний не оченьто захочет слушать, что Старшой посоветует. Только обидится.

- Я понял.

- Тогда ладно - два часа!

Странно, только сейчас заметил - у самого младшего водолаза - свежая перевязка - на все предплечье. Уверен стопроцентно - когда отплывали из лагеря - у него все в порядке было.

- Эй, ихтиандры - откуда перевязкато?
- Порезался о какуюто дряннь, когда дно ощупывали. Хлама там всякого... А что?
- А кто перевязывал?
- Надюшка. Да в чем делото?
- Может скобки наложить, или швы?
- Не, фигня. Просто царапина глубокая. Я ж говорю - там, как и везде всякого на дне хлама - и стекла и железяки. Филимонидес даже жмура нашел - пришлось в сторону оттаскивать, чтоб не мешал.
- Что, утопленник? Серьезно?
- Слушай, йятр, жмуров сейчас везде полно. Чего напрягся?
- Ну, страшно же - там не видно ни хрена.
- Э, мертвые не кусаются! То есть - наши, подводные мертвые не кусаются. Это ваши - наземные - совсем от рук отбились.
- А как поняли, что это не Ленька?
- Бре, это просто - подняли, посмотрели - наш в касках был, а эта - без половины головы. Упокоенная наверно.
- Фигасе!

- Ладно, харе болтать. Времени и так мало. Все - мы за тобой заедем!

Парни выкатываются на улицу, хлопают двери. В холл врывается холодный воздух. С минуту смотрю им вслед - даже и меланхолические вроде ребята. Так и не подумаешь, на что способны. Ну, онито в этом деле героями выступили, не отнимешь. Тут нам повезло, что они рядом оказались. Мне кажется, я бы сдох от страха, вытащив из воды раскромсанную покойницу, а они спокойно заценили: «Не, не то» - и всех дел.

Поднявшись наверх, застаю неожиданную картину - медики и пациенты сидят в зале, а наш вчерашний знакомец - майор явно читает лекцию. Сидя, что характерно. На столе лежат различные пистолеты и автоматы, майор тоном лектора выговаривает прописные истины, которые, однако, явно внове большей части народа в зале.

- Еще раз про меры безопасности. Я уже много про это рассказывал, но сейчас коечто акцентирую. Да, незаряженное оружие не стреляет никогда. Это такое оружие, которое ты только что лично (сознательно, а не формально!) проверил на незаряженность, и с тех пор не выпускал из рук.

Все остальное потенциально заряжено. Враг незаметно сунул патрон, пока ты секунд на 10 отвернулся. Враг залез в твой личный опечатанный сейф и дослал патрон. И никаких смехуечков.

Теперь, почему нельзя направлять на людей даже гарантированно незаряженное оружие. Потому, что это скотство. Ты знаешь, а онто не знает. Он не проверял лично и не уверен. Если нужны постановочные действия, оружие проверяется на незаряженность совместно, и с этого момента не исчезает из поля зрения коголибо из участников ни на миг. Это понятно?

Судя по кивкам в зале - понятно.

Меня ктото дергает за рукав, осторожно, но настойчиво.

Оказывается та самая молодая медсестричка.

- Вас просил подойти ваш командир, пойдемте, провожу.

Николаич, как образцовопоказательный больной образцовопоказательно лежит под капельницей и читает книжонку в мягкой обложке. Увидев меня, откладывает ее на тумбочку. Странно он выглядит - один в палате. Правда, палата очень маленькая.

Здороваемся.

- О, видите - респект оказали - всех ходячих погнали на лекцию к майору, а мне разрешили полежать. Как там лекция?

- Ну. Вроде дельно читается. Толковые вещи говорит этот танкист.

- Рассказывайте, что нового, как тут оказались...

Но рассказать толком не успеваю ничего, за дверью раздается приближающийся шум, и среди гвалта я отчетливо слышу выкрикнутое характерным голосом «Вы жалки!»

Нет, я точно убью этого чертового курсанта, сколько ж можно в самом деле клоунадой заниматься. Ничему дурак набитый не научился!

Виктор проснулся ни свет ни заря. Полежал. Обдумал еще операцию. Автомастерская, которую он решил сегодня посетить, лежала на второстепенной дороге, да еще и не на самой дороге - а на ответвлении от нее. Вроде бы там были остатки деревни - во всяком случае еще дома тричетыре вроде б были. И сараи.

Еще там воняло. Так воняло под Новгородом, где щедрые городские власти выдали землю под садоводства аккурат рядом с громадным свиноводческим комплексом. Значит - рядом с автомастерской - свинарник. Будут ли там живые свинки, или уже дохлые - тоже интересно.

Тихо одевшись, Виктор сходил к газгену. Посмотрел, какие детальки нужны, померял все что нужно, накидал на бумажке размеры. Вроде б не так все сложно. Нет, точно все можно восстановить. Он справится.

Виктор ухмыльнулся. Электрогенератор на дровах - это лихо.

Заправил машину по пробку. Канистры сложил сзади - мало ли удастся разжиться бензином. Не лишним будет. Проверил все, что было в машине - включая огнетушитель и аптечку. Посмотрел в небо и увидел, что из трубы валит дымок. Ирка завтрак готовит.

Жена была молчалива, завтрак соорудила плотный. Попили кофе, поели.

Прихватив тяжелую тушку ДП и запасные диски, Виктор вышел из дома, почувствовав с досадой, что жаль уходить из уютного тепла. Недолго жили, а уже своим домом почувствовал. И такой желанный и дорогой совсем недавно бункер показался темной медвежьей берлогой. Но в этом своем ощущении Виктор не признался бы даже под пыткой. Подумав об этом, он невесело ухмыльнулся, почувствовав фальшь своей мысли - положим, под пыткой, наверное бы признался, да только где взять такого дурака, чтоб стал пытать по такому пустяковому вопросу.

- Вить, ты только не сердись - повернулась к нему Ирка - но ведь верно же, что тут жить лучше. Ты даже сегодня не стонал и не храпел.

О, а вот и сыскался пытатель. Точнее пытательница, да это все пустяки.

- Ладно - снизошел Витя - раз тебе тут нравится, то поживем здесь.

- Спасибо, милый! - Ирка звонко чмокнула мужа в щеку.

Скоро и поехали. Ирка еще загрузила торбу с едой и термосом. Взяла в руки короткую помповушку, к радости Витьки проверила оружие и устроилась на своем переднем сидении.

Витя попинал колеса, хотя еще совсем недавно проверил их с манометром, выдохнул воздух из легких и сел за руль.

УАЗ заурчал и попер на встречу с автомастерской. Виктор прикинул, как ему лучше подобраться, рассчитал по расстоянию, подумал о точке, с которой осмотрит деревушку. Глянул на свою супругу.

Ирка сидела напряженно и внимательно шарила глазами по всему, что могла оглядеть.

Убивать курсанта не получается - мимо меня на каталке проезжает тот самый Фетюк, которого так точно и удачно передразнивал Ленька. Ну все, пропал калабуховский дом. Раз

это существо здесь - значит - тут тоже сейчас начнется глад, мор и все казни египетские. Нет, конечно, кто как - а я уверен - несчастье - это такое же заразное явление, как грипп. Разумеется, Фетюк и тут скандалит. Пользуюсь тем, что на меня оглядывается один из сопровождающих каталку медиков и жестом зову его к себе.

Каталка едет дальше, увлекаемая смутно знакомыми тетками - вроде видел я их в самом начале - стояли тут с автоматами в холле - а мужик подходит ко мне. Здоровенный. Повыше меня, физиономия добродушная и странный шрам крестом на щеке. Почемуто вспоминаются виденные на картинках позапрошлого века немецкие бурши после своих дурацких дуэлей - традиция была у немецких студентов в конце 19 века дикая для всех других европейцев - вызывать друг друга на дуэли, которые проходили более чем странно - дуэлянты, вооруженные недосаблями - шлеперами и закутанные в своеобразные кожаные доспехи (фартук, шарф, перевязь правой руки и перчатка), надев очки из металлической сетки, сосредоточенно долбали друг друга по голове и лицу, стоя практически неподвижно. Собственно все это было для приобретения кучи шрамов - германские девушки, и так любившие студентов, от скартированных буршей просто таяли. Француженки наоборот не понимали - что в изрубленной морде красивого.

- Коллега? - спрашивает меня этот бурш.

- Я хотел предупредить об этом пациенте - довелось с ним уже общаться...

- И что вы хотите сказать?

- Он очень хорошо пускает пыль в глаза. Создает себе дутый авторитет, когда дело доходит до дела - кончается сварой, руганью и дракой. Не совсем понятно, но он очень тонко ориентирован в нюансах гомосексуальных отношений, богатая лексика именно в этом плане.

- В наших армейских кругах обещание эээ... гомосексуально употребить нерадивого подчиненного, тоже широко распространено.

- Ну, это так, но там нет акцентировки на гомосексуальные тонкости. Шаблон, дурное знание предмета...

- Я вас понял. Спасибо, но мне такие уже попадались. Собственно картина довольно понятна - это человек, страдающий психопатией возбудимого круга. Правда, возможен вариант - не психопатия, а психопатизация, то есть не врожденная аномалия, а приобретенная, например, после травмы головы.

Отсюда и злобность совершенно не по делу, выпирание собственной персоны, влезание везде и всюду, в том числе туда, где его послали «на хутор бабочек ловить», а он все является и пытается торжествовать. Плюс интерес к «гомосястине» в беседе, но не на деле. Это так он понимает свою крутизну - вроде как в «Полицейской академии» - Настанет день, Махони, когда я буду держать твою розовую задницу в руках... А персонаж совсем не гомо, а вполне гетеро, но именно так он должен ощущать себя крутым, именно это, а не другое говоря.

- Солоно вам с ним придется!

- Психопат вполне понимает, что нарывается, и готов свернуть наезд, но, только почувствовав слабинку в противодействии, распоясывается. Если же он знает, что получит отпор и получает, то успокаивается и переходит к нормальному уровню общения.

Особенно благотворно работает метод «по рогам». Неплох старый метод с сульфозином, но в полевых условиях малоприменим. С таким сложнее всего его домашним. В общении с близкими людьми может сорваться без повода и мелочь превратить в нечто заоблачное - на определенное настроение. В другое время - нормален и жена может точно определять, когда нужно молча подать шляпу и выпроводить на работу и лучше не начинать беседу с ним. Иногда это четко сочетается с определенной погодой, иногда зависит от движений мочи в организме и заранее не определяется. Нахамив жене без повода, способен извиниться и пообещать, что больше так не будет. Совершенно искренне, но сорвется снова - это выше него. Таких людей называют «люди с коротким фитилем».

- О, очень грамотное описание! А фитилекто того, прикрутить надо, коптит!

- Да ничего особенного, достаточно характерное явление, прикрутим. Вы - тот самый

врач из охотничьей команды?

- Ага - отвечаю ему и представляюсь.
- Очень приятно. А я Глеб Валерьевич.

Жмем друг другу лапы. У него очень мягкая кожа, нежная и бархатистая, но рукопожатие крепкое - силен видно. И, наверное, неплохо владеет перкуссией и пальпацией - не зря же о лапах заботится. Правда, у учившегося на нашем курсе карточного шулера тоже были такие же мягкие лапки. Когда нужна повышенная чувствительность пальцев - высококлассные специалисты таких разных профессий, как врач и шулер, оказываются в одном ряду.

- Да. К слову - прозвище у меня - Бурш. Только вот шрам к мензуре никакого отношения не имеет. Но пиво люблю. Хотя сейчас большинство производителей совсем опаскудились - валят димедрол, сволочи. Продукт портят...

- Ээээ, мензура, чтото знакомое, но не вспомню...
- Стиль фехтования на немецких студенческих дуэлях.
- А, точно, вспомнил! С этим пациентом - что стряслось?
- Ожог бедра 2-3 степени. Процентом 6-7.
- Это как ему так повезло?

- У печки чугунной уснул. Привалился - и почувствовал поздно, что поджарился. Но это ладно, справимся, хуже, что он по своей упертости еще смазал все подсолнечным маслом и пузыри проколол. Мне объяснил, что я не в теме.

- Это для него характерно.

- Коллега, к вашей команде будет видимо просьба скоро - посодействуйте - зачистку госпиталя так и не проводили, а там очень много оборудования и инструментария.

- А свои силы?

- Чудом избежали крупной аварии - там у нас баллоны с кислородом. Мы вовремя успели остановить пальбу. И такой момент - после зачистки обычными матрозами и офицерами - от оборудования, оказывается, остаются только дырявые ящики с бренчащими внутри обломками. Потому чуток поработали на первом этаже и поняли, что это как лечение фимоза проводить газонокосилкой. К сожалению - там и морфы оказались. Потому сейчас вашего командира будут лечить с максимальным уважением, а потом, видимо, попросят о взаимной услуге.

- Нам тогда проводники понадобятся.

- К вашим услугам. Всего из госпиталя 9 человек спасли - так что есть, кому помочь, двое - врачи, я в том числе. Сейчас по плану госпиталя работаем - чтоб было ясно, где можно лупить безоглядно очередями, а где и поостеречься и скорее бы холодным оружием. Аккуратно...

- Вас спасли из госпиталя?

- Да. Через пару дней после вашего рейда.

Появившаяся вблизи санитарная тетка бурчит:

- Глеб Валерьевич! Пациент ждет!

- И как этот пациент себя ведет?

- Как хам трамвайный. Глеб Валерьевич, Нинка сейчас ему точно биксой по башке треснет, сил уже нету!

- А он, бес окаанный, искушая преосвященного чистоту, смердел мерзко - непонятно заявляет врач и, хитро подмигнув мне, отправляется утихомиривать недожаренного Фетюка.

Виктор вдруг чертыхнулся и резко тормознул. Ирка тревожно глянула на него и поудобнее перехватила ружье.

- Что, Вить?

Витя хмуро вылез из теплой кабины и пошел куда-то назад. Ирка подождала немного и, вздохнув, выскочила следом. Своего мужа она знала как облупленного, видела, что он встревожился всерьез и както безнадежно встревожился. А такое с ним редко бывало.

Его кислая физиономия и уставившийся в колею следов взгляд только подтвердил опасения. Спрашивать Ирка не стала - сам скажет.

- Следы! - буркнул Витя, ткнув рукой в перчатке туда, откуда они приехали.

- И что?

- Да то. Свежих следов шин - много в лесу?

- Да кто смотреть-то будет? Зайцы-лисы?

- Дура ты, Ириха. Любой, кто увидит - легко определит, откуда ехали. И может сам - или дойти, или доехать. А там у нас - база. Понимэ?

- Да мало ли кто ехал!

- Это раньше. А сейчас - просто так теперь не катаются. Видно, ж что джип, что один, да еще и не груженный. И кто тут такой беззаботный ездит? А вот они мы, два лапчатых гуса!

- Вить, тут никого ж быть не может, только мы - два идиота.

- Лыжников забыла? Которые бабку нашли? Сейчас кто поумнее из городов рванули. Как раз, куда поглуше. А до нас - всего ничего.

- Витя, да ведь 90 километров!

- И что? На лыжах с перекуром да ночевкой - нефиг делать. Меня уже обносили, спасибо большое, помню прекрасно.

Настроение у Виктора испортилось. Привязанные к УАЗу срубленные елки не дали никакого эффекта. Самокритично глянув на получившееся, Виктор помрачнел еще больше. Вместо следа просто проехавшего УАЗа получился след проехавшегося УАЗа, который с какой-то хитрой целью волок за собой пучок елок. Встретив в лесу такое, сам Виктор из принципа бы разведал - что это за игры. И всяко он не считал идиотами других лесных людей, которые обычно думали четко внятно и без всякого ненужного расползания мыслью по деревьям. Раз кто-то что-то прячет - значит, скорее всего, это что-то вкусное и нужное. И дальше детская сказочка про визит голодного медведя на склад запасливого бурундучка...

И ведь ничего в голову не приходит. Разве что крутится в голове, как заяцрусак следы путает. Мастер, ничего не скажешь. На пути от кормежки к своей лежке он делает петли, многократно пересекая свой след, «вздвойки», проходя по своему старому следу 20-30 метров в обратном направлении, и «сметки» - большие скачки в сторону. Но на джипе в сторону не прыгнешь, а на петлях - горючее-то не казенное. Получится, что на каждую поездку считай втрое придется топлива жечь. А это никак не радует. Топливато не цистерна. Да и УАЗ жратиньки любит, особенно по снегу и бездорожью. Впрочем, тупо стоять и тарашиться в четко промятые колесами следы тоже неумно.

Решив, что все же стоит покрутиться по лесу, а не переть как по нитке, Виктор взял сильно в сторону и через несколько километров расстроился еще больше. Сквозь редколесье на опушке четко виднелись какие-то яркие пятна - и не надо быть семи пядей во лбу, чтоб понять - там впереди за деревьями - минимум от трех до пяти легковых машин. Вон ярко-красная. Синяя рядом. Между ними не то сугроб - не то приземистая серая. И сразу две черные. Влип, черт все это дерит. А все эта зараза Ирка с ее газгенем. Оглянувшись на подругу, Витя остыл. Она сидела собравшись в комок словно большая кошка, зло сощурилась глазами и держа наготове свою помповушку. И правой рукой - держалась за дверцу, готовая выскочить из машины по первому знаку.

Утихомирив себя тем, что глупо искать виноватых, особенно когда виноват только сам и уж если встретились, то встретились - Виктор выпрыгнул из машины, прихватив с собой ключи, выдернул ДП с заднего сидения и, почувствовав себя гораздо увереннее с мощным боевым железом в руках, пошел к опушке. Не расслышать шум УАЗа тихим утром мог только глухой, а так, чтоб тут оказалось отделение общества глухонемых в полном составе, было глупо надеяться. Махнув Ирке, чтоб шла уступом, Виктор не особо скрываясь вышел на полянку и встал столбом. Выскочившая следом за ним Ирка тоже остановилась, открыв

рот.

На просторной полянке стояло несколько легковушек. На притоптанном, густо заляпанном кровищей насте валялись какие-то вещички, бумажонки. Обертки, пустые бутылки, еще какой-то мусор. Пустые консервные банки. Следы кострищ с рогульками. Машины стояли расхристанными, видно было, что их разграбили полностью - даже сидения выдраны, пустые багажники, открытые горловины бензобаков - и ни единого человека рядом. Ни живого, ни мертвого, что особенно удивило - крови было налито слишком много, должны были быть зомби, не выживают с такой кровопотерей.

Отдав Ирке ДП и пристроив ее более-менее удачно, Виктор с помповушкой в руках быстро пробежался вокруг, порыскал по полянке, дал небольшой круг по лесу. Так, костры жгли - три штуки. Несколько дней. Варили еду. Отпечатки на снегу не то чайника не то кастрюли. Ага, здесь стояли палатки. И тут тоже. И здесь не меньше двух штук. Люди ставили неопытные - нет подстилки из хвои. Или может быть просто упакованные? Да нет, машинки весьма средненькие, не из навороченных. Еще две палатки. Консервы - судя по банкам - чушь какая-то - рыбные из тунца и тушенка из никудышных, где одна соя с жижей. Резаные шампиньоны. Кукуруза сладкая и томаты маринованные. Нет, все-таки люди - неопытные. Так, что тут? Ага - следы в сторону от опушки. Размашистые не то шаги, не то прыжки, отпечаток только носков обуви - без каблука - значит рванул кто-то стремглаз, на цыпочках. И кровища в конце следа. Вроде как волосы и комочки мозга в сгустившей кровище? Да, точно, они самые. Волосы короткие, сантиметра два, не больше, русые. И обратный след - за ноги тащили, на опушку. А кто тащил? Хорошие следы, прочно как оттиснутые. То ли бабы, то ли мужики невысокие - размер сапога максимум на рост 160-170 сантиметров. А обувь хорошая, по подошве судя. Не из дешевых. Еще следы от опушки - но тут видно повалили и боролись. И крови нет. След то точно женский. От каблуков остались длинные четкие прорытые до земли борозды. А вот детские следы - но опять же кровь. И полосатая маленькая варежка чуть в сторонке.

Осмотрел машины. Пулевых пробоин нет - а вот картечины есть. Охотничье оружие тут применяли. Сколько стволов - не понять. Гильз ни одной нет. Получается, одни нищелюды сюда прикатили и разбили лагерь, а потом приехали другие нищелюды по их следу скорее всего - и что? Черт его знает, что...

Есть о чем задуматься...

Мда. Сколько отличных людей погибло - а Фетюк живой. И в Кронштадте уже. Впрочем, его, судя по бронике, отсюда и послали в концлагерь с писарями. И если выживет дальше - будет распинаться, о том, какие вокруг были идиоты и как он всех учил и спасал.

У меня такой же боец был в отделении, что ни поручи - все завалит с треском, с каким иной кто и нарочно бы провалить не смог, даже за большие деньги - вот выставили его на перекресток на крупных маневрах, а он там так уснул, что проверяющий из штаба корпуса сначала забрал у него автомат - а на обратном пути - и рацию. Но апломб было - море. На всех смотрел как на червей. Потом автобус разбил - прямо в парке - снял его с передачи, когда агрегат стоял на эстакаде. Тормоза ручного ессно не было. Зачем снял - объяснить не мог. Сам даже не водитель был. Ну, точно Фетюк! И главное - апломб!

Был такой же знаток всего на свете в соседней группе. Уже в мединституте. Очень заносчивый. Если его кто спрашивал о чем-нибудь, то он делал великое одолжение, снисходя до ответа. Меня как раз должны были спросить по биохимии, причем надо было разобрать весьма сложную реакцию, в результате которой организм человека производил заветные молекулы АТФ - вот я знаток и попросил помочь. Он долго величался, в итоге сообщил, что в результате сложной реакции получится 8 молекул АТФ. Ну, меня и вызвали. Я такой весь из себя гордо выхожу, поизображал мордой лица задумчивость - дескать, в уме посчитал, ага

- и говорю - 8 молекул АТФ.

Дальше было пятнадцать минут позора, гоняла меня преподавательница как вшивого по бане. Молекул в результате оказалось - 39!

Подхожу к знатоку после занятия, спрашиваю - Илюша, а сколько в магазине автомата Калашникова патронов помещается? Он опять щеки надувать, но я его таки заставил дать ответ. Оказалось - 25 патронов, ага. Прояснил для себя уровень знаний этого эрудита...

Возвращаюсь в палату к Николаичу.

Коротенько рассказываю ситуацию. Намекаю на будущее задание. Старшой хмыкает. Видно, что уже в курсе.

Поясняет, что ровно та же песня и на заводе. Вот наши малокалиберные патроны и пригодились. С госпиталем еще хуже - там всерьез говорят о необходимости рукопашной драки с морфом. Ну, нельзя там стрелять, все насмарку пойдет, а и здание и оборудование - необходимо. В общем, думать надо. Врукопашную на морфа - это отдельный праздник. Мне к слову тож милые заданьице припасли.

Удивляюсь.

Николаич хмуро выговаривает: «Архив вивисектора» - кучу видеокассет нашли при досмотре его апартаментов. На месте посмотреть невозможно, по словам уцелевшей девчонки - той, эскортной - Маша свои развлечения снимал. Если в куче кассет только садирование малолеток - то такое, в общем, никому не нужно. Но если он снимал не только садосекс, а еще и свои эксперименты - то тогда его записи имеют серьезную цену.

И вполне секретны, что характерно. Потому надо привлечь для просмотра того, кто не рехнется. В запой не уйдет, не начнет мебель крушить, а посмотрит на предмет отделения морфов от девчонок. И при этом сам не начнет таких экспериментов и не расскажет кому не нужно. Вот моя кандидатура и всплыла.

Честно признаться, смотреть детский вариант чеченских трофейных записей - ни разу не соблазнительно. Пытаюсь спихнуть с себя на братца или на особистов - но, судя по всему, вопрос решен. Братец сейчас в лагере на полпути к сумасшествию, особистам работы и без этого видео - полны руки, там сейчас много чего интересного выясняется - даже подкрепление туда посылают - из всех, кто к правоохране хоть как причастен - потому вот скоро мне вручат мешок с видео.

Ну, Родина сказала надо - куды ж денешься.

А в палату совершенно неожиданно заявляется Димаопер. Даже с презентом для больного - несколько пакетов с кефиром. Гордо отмечает, что кефир - не просроченный.

Значит гдето ухитрились производственный цикл удержать. Радует. Тем более кефир - штука сложная и действительно полезная. Физиономия у Димы обветрилась, погрубела, кабинетная бледность исчезла и даже глаза както подругому смотрят.

Спрашиваю - с чего бы это? Оказывается, радуется тому, что наконец свалил с плеч груз писанины, которую в МВД словно специально какой враг придумывал и придумывал.

- Зверствуете, небось?

Дима хмыкает. И рассказывает о том, что вот например во Франции - культурнейшем центре Европы были очень любопытные традиции до начала Первой Мировой войны - водить по улице арестованных в наручниках считалось не комильфо. А арестовывать приходилось - и частенько. Поэтому полицейские придумали милый способ - брался рыболовный крючок на леске, подцеплялся за кожу мошонки, леска продевалась через одежду и держалась полицейским в руке. Полицейский и арестованный мирно шли к участку не оскверняя тонкие чувства парижан... А перед началом войны и вообще без суда расстреляли несколько сотен особо опасных - после чего не особо опасные валом повалили в армию, чтоб до них руки не дошли.

Я вообще за последние годы убедился в том, что европейцы - еще те штукари, но вот чтоб так, запросто...

- Расстрел сотен парижских уголовников в фортах в 1914 году - граф Игнатьев подтверждал. Он как раз в Париже был военным атташе - опровергает мои сомнения Дима.

В свою очередь излагаю все, что было с нами за время отсутствия Николаича. Прошу присмотреть за Ленкой. Слушают внимательно, только хмыкают и переглядываются.

- Получается так - не зря я говорил, что малокалиберное оружие еще как запонадобится! - усмехается Николаич, когда речь заходит о чистке цехов с оборудованием.

- Неправда, это я первым сказал «эээ» - посмеивается Димаопер.

Ну да, в общем-то, тир по его наводке нашли.

- А курсантера этого надо вашего «Найденыша» отправить мыть - предлагает опер.

- Поздно - отвечает Николаич.

- Что так? Не отмыть что ли уже?

- Нет, его уже женщины вымыли - и насколько знаю - весьма удачно вышло. Почти не пахнет - кто-то нашел грузовик с просроченной кокаколой, вот ее и применили. Такое шоу вышло. А то эти балованные дети задолбали уже своими просьбами. Вот им и показали, что кокакола - это хорошее моющее средство, навряд ли мыла и стирального порошка.

- Ну, а как же всякие вонючие машины с трупами? - одинаково удивляемся мы с Димой.

- Получается так, что разная техника - наставительно подняв вверх указательный палец, вразумляет нас Николаич - а может женщины усерднее оказались.

- Меня вот больше интересует, что за морф в Рамбове, на которого нас послали - что интересно - меня и впрямь это интересует больше, чем промытый «Найденыш». Помыли - и ладно. То, что люди с автоматами не справились с морфом - это уже посерьезнее на мой взгляд дурного запаха.

Николаич вздыхает, косится на Диму.

- Да бросьте, Старшой - ему туда все равно ехать, лучше рассказать тут.

- А я уверен, что это не один морф - ворчит Николаич.

- Не буду спорить. Но по описаниям вроде и один может быть.

- Получается так, что не может. Просто люди там хронометрию не ведут, вот что плохо. Отсюда и легенды о сверхбыстром. А он нифига не сверхбыстрый - просто они совместно действуют.

- Я честно признаться - не пойму о чем это вы - вмешиваюсь я в непонятный разговор.

Николаич опять вздыхает.

- В Ораниенбауме выжившие собрались в одном районе - у пирсов. Там воинские части, режимный завод, корабли - с Кронштадтом связь. Даже паром наладили - там правда та еще катавасия получилась, но сейчас он уже в порядке. Так вот, пропадают люди. Уже 8 человек. Причем непонятно - как пропадают. Сначала пара детей - ну те шалапутные были, особо никто и не подумал - решили, что сами виноваты. Потом девчонка - подросток. Та уже была поумнее. Потом часовой. Прямо с поста сняли. Да и за последние дни - еще четверо. Не лопухи и вооруженные.

- Прямо как в вестернах с индейцами.

- Вово. Причем вроде как морфато видят. Но видят с одной стороны - а люди пропадают с другой. Ну и сейчас там все на нервах, понимаете ли. А работать надо и работы много. Публика там собралась сбродная, но не так, чтоб бестолковая. И караулы выставляют и патрули, и секреты. Вот из секретов двух последних и вытащили, к слову.

В дверь палаты деликатно стучат и заявляется, отдуваясь, майортанкист.

- Не возражаешь, Николаич? Не помешаю?

- Да нет, о чем речь, располагайся.

Ковыляющий майор располагается, отчего в тесной палате и места становится совсем мало. Подозреваю, что тут было какое-то подсобное помещение, ну да в остальных палатах люди как селетки в бочке. Однако вроде терпят. А больничка уже себе здорово очков набрала - конкурентов у нее нет. Центр цивилизации, короче. К слову слышал, что еще и кинотеатр работает. В виде поощрения для особо отличившихся - ну и детей водят...

- Как лекция прошла? - спрашивает Дима майора.

- Да ничего вроде бы. Публика уж больно сырая. Раньше после НВП десятиклассники

толковее были. А вы о чем толковали?

- Да вот, женщины в Крепости героически отмыли бронетранспортер наш. Да я тебе говорил - воняло там несусветно.

- Ну - подтверждаю я - а ведь все знают, что машину, в которой трупы завоняли - хрен отмоешь.

- Хм, военная техника специально так делается, что если экипаж погиб - выгребли его, кровь смыли, дыру залатали - и давай следующих на замену сажай. Это ж не легковушки, всяких полостей внутренних, пустотелых ребер жесткости и прочих фигулек с дырочками, чтоб корпус облегчить - там нету. Это одно из требований - упрощенная чистка экипажем своей бронетехники. От предыдущего экипажа - майор потирает распухшие заметно колени.

- Надо же. Все просто - вертит головой Дима.

- Ну не очень. Хотя во всяких ветеранских воспоминаниях намеки на такое были, только я сейчас их понял - признаюсь и я.

- Ты чего такой смурной? - осведомляется Николаич у майора.

- Да ругался только что. Тут киндеров на патриотический военный фильм водили, ага. А я считаю, что такой фильм либо совсем малым детям казать, либо уже шибко взрослым. Потому как не фильм, а мозгозасиление.

- Что опять какоенибудь гамно вроде «Сволочи»?

- Нет. «Мы из будущего» называется. Я его глянул - ну недалеко от «Сволочей». Разумеется, высказал свое мнение. А мне в ответ - да вы что, очень хороший военнопатриотический фильм, даже Гоблин уж на что суров - а и то, было дело, рекомендовал. Мнето какое дело до гламурного пендрилы - кинокритика. Свои глаза есть!

- Ващета, Гоблин - не гламурный. Бывший мент, бывший опер, нормальное такое быдло, как мы тут все, я его читал - правильные вещи пишет... - деликатно замечает Дима.

- Так тогда зачем хвалил? Враньето в фильме - по основному мажет. Основное - войну наши выиграли потому, что воевали серьезно, с умом. Немцы тоже воевали серьезно. А всех их в этом фильме придурками выставили. Мракобесие!

- Ну, вроде не совсем придуркамито. Коп там чудовищный бред, это есть... - начинаю я.

- Вы не увидели, в чем наши - да и немцы - выставлены придурками? Во всем, что касается боевых действий. Хоть о разведке сказать. На фронте разведка постоянно работает над тем, чтоб получить любую информацию о противнике. Любую! Потому что это жизненно важно. В кино - все ровно наоборот. Вот заявляются на передовую четверо голых, пухлых, упитанных. И им с ходу и оружие, и обмундирование и без проверки вообще. Да на деревенской свадьбе, где всех прохожих к столу приглашают - и то к таким сомнительным голым гостям отнеслись бы куда серьезнее...

А тут ни наших, ни немцев такой источник информации НЕ ПАРИТ ВОВСЕ! Это не выставление придурками? Толстые - на голодном ленинградском фронте - мычащие, что они из будущего - и никого это не интересует. Все четыре солдата бредят одинаково... Ага, щцазз! Вы бред видали в жизни? Это работа своего мозга, поэтому четверо бредят категорически поразному. Вот сценарий - бред. Это да. И халтура. Ровно такая же херня, как то, что всех бывших в плену и окружении сажали на 25 лет на Колыму. Но проверяли - всех. Потому что война и диверов заслать - обязанность противника. И если противник не лопух - то пошлет. Да еще как пошлет! Вот нашим надо было клин вбить между немцами и казацким руководством - так спроворили «перевербовку» работавшего на немцев агента. Причем действительно агента, взятого с поличным и на горячем. Так ему светило до расстрела, а тут тупые контрразведчики сотрудничество предлагают. Он естественно согласился - тем более речь шла о заброске его в немецкий тыл, типа щуку бросили в реку. Ну, проинструктировали. Снарядили, выдали документацию, оружие, то - се. Ну и парашютировали у немцев. Что вы на меня так уставились? Натурально парашют у перевербованного не раскрылся, немцы его, разумеется, раньше партизан нашли и

партизанам тело отбить, натурально не удалось. Оказались на трупе - тепленьком еще такие дакументики, что казаков с фронта сняли, разоружили и отправили куда подале в Европу. И к сожалению и у немцев весьма достойные операции были... А такой благости - с двойной выдачей оружия хер знает кому не было - эта чушь потрясает незамутненностью. Так могла бы описать все это блондинка - начинающий сценарист. А у матерого - это либо халтура, либо маразм.

Ну ладно, немцаполковника не интересует Сталинград. Но вот кто ему противостоит тут на этом участке Ленфронта - а у нас тут молотилка была очень жесткая, немецких кладбищ полно в Ленобласти - крайне важная, жизненная для него и его солдат информация - и откуда эти упитанные красноармейцы взялись - это ж явно пополнение с большой земли.

Значит новая часть.

Значит наступление русских на его участке...

А полкану насрать...

Вот именно поэтому - халтура. «Пипл схавает!»

Почему интересно у того же сценариста в другом фильме - «Проверка на дорогах» - есть такая деталь - отощавших от голодухи партизан, которые на станции будут захватывать состав с едой и потому едут в немецкой форме на эту диверсию - специально подкармливают, чтоб на немцев хоть чулька походили? Потому что Герман - хороший режиссер и старался сделать фильм без халтуры. Да и у сценариста еще была не полная свобода ерунду писать... И минометчики у Германа не порусски говорили. И пулемет работал именно как положено пулемету - погром ОДНИМ пулеметчиком на желдорстанции - это блестящий эпизод. Потому получился у Германа отличный фильм. Без халтуры.

Вы просто соскучились по кино, в котором мы не козлы позорные. Вот и купились. Надо же - солдат наших на этот раз говном не полили! Ура!

- Ну и как бы вы проверили таких мутных новичков?

- Это как раз просто - вступает Дима - развели всех четверых, чтоб они ответы не слышали - и спрашивай простые вещи - кто, откуда, как здесь оказались, какой трамвай рядом ходит, есть ли напротив пивной ларек ну и в таком духе. Четверо главгероев - полные бакланы - прокололись бы сразу и моментально. Ну а дальше голубчиков - к более серьезным дознавателям и понеслось. А что там со Сталинградом? А как дошли до Сталинграда? А как закончилась Любанская операция? А что еще делала 2 Ударная Армия? Ах, еще и Синявинская? О, а Манштейн тут как оказался с осадной артиллерией?

- Вот вот и я о том же. Нука кто из современных помнит, что Невский проспект назывался им. 25 Октября? Что куча улиц была названа тогда по-другому? Что жаргон был другой? Что куча бытовых нюансов этим бакланам по определению неизвестна? Весь город тогда еду на примусах и керосинках готовил, например. И с немцем - что характерно - ровно та же картина. Понимаешь, если четверо не могут сказать, где они вчера были, но зато четко описывают схему метро, которое в Питере построили уже после войны - тут любой задумается. Да еще и с деталями - какой интерьер на Восстания, а какой - на Гостином... А у них еще и прически непривычные, да татуировочка, да наконец серьги были, да еще и скажем пломбы в зубах - не такие, как в 40 годах делались - тут только успевай записывать.

- И кто бы им поверил? - ято согласен с ними, но любопытно, что еще скажут.

- Да нашлись бы люди. Я ж говорю - не дураки воевали. Все очень всерьез было. Особенно в разведке и контрразведке. Так что мнение вашего Гоблина - мне побоку. Между прочим - в США одно безголовое сообщество футуристов издало сборник весьма убогой фантастики - и в нарушение правил в выходных данных на книжках напечатали не тот год, что был - а будущего тысячелетия. Это все еще в XX веке произошло. Так вот читателей этой книги на полном серьезе арестовывало и ФБР, и полиция, и ЦРУ - и по сообщениям рядовых граждан, которые засекали, что книжечкато - издана, судя по дате выпуска, в будущем. Потом разобрались и вклеили издательству такие штрафные санкции, что больше об этих издателях никто слыхом не слыхал. Чтоб больше таким никто не баловался. Так что в случае одного только подозрения - что это гости из будущего - такая проверка будет организована,

мама не горюй! Ладно, черт с ним, с кино. Как там на заводе?

Я коротенько рассказываю о ситуации - ну бедлам и бедлам, все через задницу.

Майор, однако, хмыкает очень ядовито:

- Знаете, могу сравнить рассказы об одной и той же ситуации как ее наши излагают и как о ровно такой же - скажем немцы.

- Это вы о чем?

- Вот что пришло в голову.

Два варианта одной истории про починку автомобиля.

Немецкий вариант.

«По причине непредвиденных сложностей ремонт машины затянулся, пришлось посылать на склад за дополнительными запчастями и выделить в помощь дополнительных людей. Благодаря слаженным действиям личного состава ремонт закончен в срок.»

Русский вариант.

«Эти криворукие долбоебы проэпли вола и даже не смогли сразу обнаружить все пустяковые неисправности. Пришлось, высунув язык, мотаться за запчастями, ставить на уши всю роту, отрывать людей от важных дел, все носились как угорелые, дым из жопы, в парке матперемат стоял до утра. Комуто кувалдой по ноге засветили. Елееле успели, чудом просто. Ну, бардааааак!»

Чувствуете разницу?

- Ну, с нашей стороны присутствует самоирония - отвечаю я, как умная Маша.

- Ага. А с их стороны - самоуважение.

- Считаете, нам у них в этом поучиться стоит?

- А почему бы и нет? Больно уж мы самоиронизировались - уже так к себе относимся - хоть метлой в угол сметай. И детей потому так воспитываем - себя не уважаем, дедов не уважаем, страну не уважаем - потом удивляемся результатам.

- Ну, почему уж сразу так, по всякому воспитывают - я стараюсь проявить самоуважение, как только что учили.

- Ага. Есть еще порох в пороховницах. И ягоды в ягодицах. Но как покатило с Отечественной, что в основном в школе училки - так и катит. В итоге у парней - женская манера поведения. Папыто очень сильно не у всех есть, а если есть - так работа, пиво и футбол. А мальчишке надо показывать - как мужчина себя ведет. Вон - как Маугли в школе учили. У нас же сюси - масюси. Оне ж еще дети! Потому пивасик и герыч эти дети потребляют, а что толковое - шиш. И нихрена никто им толкового - не предлагает, что характерно. А вот пивасик с герычем - толпа рекламщиков и продавателей всегда рядом. Это ничего, это можно - майор переводит дух.

Ну, в общем, я тут с ним согласен. Дети - они очень устойчивы и специально подготовлены для усвоения важных правил - это в них природа заложила. И сопли на тему того, что их, бедняжек, надо от всего оберегать - как раз к герычу и ведут.

Касаемо жестокости и детей... Приятельколлега обеспокоился тем, что его старшая дочка лет в 8 запироманила. С чего совершенно нормальной девчонке понравилось играть с огнем, разводя микрокостерчики в неподходящих местах - неведомо. После пары локальных пожаров дома, он ее отвел в ожоговый центр и показал обгоревших детей. И пиromanство как рукой сняло. Теперь красивая 15 летняя девушка с совершенно нормальной психикой. Им я успел отзвониться тогда в первый день, надеюсь, что выжили - папа у них крут и толков.

Соц. реклама в Англии и Франции стала очень жесткой - без эвфемизмов.

Ну, показывают там вроде не совсем детей - лет так под 18 - но жестко - не пристегнулся - харя всмятку, мозги на асфальте, отвлекся от дороги - та же участь - и самое смешное - количество смертей в ДТП у них РЕЗКО упало.

Вот и я считаю, что эти сюсимуси - это не для детей, это скорее для старых дев преклонного возраста. Дети как раз все секут правильно, функция у них такая природная - учиться и готовиться к жизни.

В прошлом году оказался свидетелем необычного начинания - церковь профинансировала детский лагерь. Ну, это и ладно, хотя в основном церковь деньги берет, а не дает, да и лагерь детский - тож бывает такое.

Но тут достаточно сложных подростков отправили на коп - окончательная проверка местности на предмет сбора останков наших солдат - и после этой зачистки значится она идет в дело, костей там нет. Радует такой подход, при Хрущева запахивали и не заморачивались.

Только вот воспитателями поехали ветераны довольно гремучего подразделения. Оказывается, их товарищ, значится, подался в лоно церкви - ну и упросил своих братьев по вере поддержать такое действие деньгами. А его сослуживцы согласились присмотреть, чтоб дело не зачехло. Лагерь тут же приобрел военизированный оттенок, да впридачу еще и караул на ночь оказывается надо выставлять. Выдали ветераны двум подросткам первой смены пневматические ружья в виде АК74 и проинструктировали.

Ночью подростки естественно завалились спать. Утром оказалось, что все сладкое из лагеря пропало бесследно. Ну а пацанам объяснили, что будь такое в реале - они бы не проснулись вообще. Пацаны задумались. Дрыхливым караульным не смогли выдать люлей токо потому, что ветераны и не разрешили, и проследили. Пару дней дети страдали от отсутствия сладкого, но многократные проверки показали - теперь - бдят. Службу поняли желудком.

Потому после инструктажа прочесали близлежащий лес в поисках тайников и схронов. И таки нашли, чему были рады несказанно. Попутно занимались поиском бойцов - и таки несколько человек подняли. Ну, тут понятно - шли очень частой гребенкой и очень старались. А толковые мужики еще и картинку боя расписали - по следам на земле - и по документам о том, что на этих местах происходило. Пацаны поняли службу сердцем.

Потом ветераны еще отработали нападение на лагерь. Мальчишки удивили - реально оказавшись сообразительными и толковыми...

Ну и много чего еще там ветераны химичили. Вот в этом году - вдвое бы больше народу поехало, да не срослось... Жаль...

- Трофеямито разжились? - интересуется о сокровенном Николаич.

- Да, даже бронетехнику собрали. Только я както не представляю, как ее будем в Крепость доставлять.

- Помнишь, когда твой брательник спор устроил - по поводу никудышной военной техники? - напоминает злопамятный майор.

- Ну, помню, конечно.

- Так вот водоплавающую технику можно спокойно тащить на буксире. Как связку барж малого водоизмещения. И спокойно по каналу, что ледоколишко пробил - до Крепости доволочь. Дела - на пять минут.

- А там как вытягивать? - но это я сглупа спросил. Тот же Найденыш вытягает...

- Саперы есть - разберутся. Мне больше неясно - как это морфов вруклопашную кромсать предлагают.

- Получается так, что это вообще возможно - задумчиво говорит Старшой.

- И как? - интересуется Димаопер.

- Да были у нас в гостях омовцы...

- И?

- Один из них - фанатик холодного оружия. И с Артмузея такого же нашел себе на пару.

- Не, Николаич, это невозможно - двуручем махать в госпитале - места нет - вмешиваюсь я.

- А кто говорит про двуруч? Но, в конце - концов, рыцарскую латную кавалерию останавливали пикинерами. Морф - при всем том - всяко по возможностям не конный рыцарь. Скорее - медведь, тигр, лев. А этих зверюшек вполне брали - на ту же рогатину, например царь Александр Второй так медведей валил, те же масаи - львов так дерут.

- Все равно - поединок - слишком опасно - возражаю я, потому что внятно представляю

- каково будет лечить бойца после такого поединка. Видывал уже, что морф может.

- А кто говорит про поединок? Организация - вот что важно. Тех же омовцев вообще учат рукопашному бою. Так что сколотить из них десяток копеечников - вполне можно.

- Это не выйдет. Я вот помню несколько описаний, что человека продырявят пикой, а он подтянется по древку поближе к обидчику - и на последних крохах сил кишки обидчику и выпустит.

- Э, Доктор, вы в оружии явно не разбираетесь. Есть пики - броню прошибать, а есть копьё с ограничителем - чтоб не доползти так было. Те же рогатины, протазаны - алебарды, наконец. Если не растеряться - в десяток алебард вполне можно морфа и принять, и зафиксировать, и упокоить. А в Артмузее такого должно быть навалом. И доспехов хватит. А не хватит - в Монетном дворе такое соорудят без натуги. Нет, идея вполне себе живая. Был бы помоложе - сам бы попросился.

Не, ну нифига себе? Алебардчики, а? ОМОН с протазанами... Хотя - тот же Павел Александрович утверждал, что в римском легионе омовцы не смотрелись бы глупо.

- Вы, кстати, к повару этому толстому присмотритесь. Такого бы эрудита к нам перетащить - замечает Николаич, пока у меня перед мысленным взором проносятся картины алебардчиков в фуражках-мисюрках, проверяющих документики у гастарбайтеров из Крепости...

- Ну, если получится, то позову.

- Будете звать - заодно скажите этому всезнайке, что есть еще четвертый способ выживания - смеется майор.

- Это какой? - я спрашиваю с искренним интересом, потому что сам думал на эту тему - и, к своему стыду, не придумал ничего.

- Еврейский! Ходишь по пустыне, а тебе кашу с неба сбрасывают!

- Ну, это ж мифология... - я разочарован.

- Ни разу не мифология. Я сам так выживал с сослуживцами.

- И какую кашу сбрасывали? Манну?

- Так далеко не заходило. Ту, которая в армейском рационе - рисовая с мясом, гречневая с мясом - ну и перловая конечно, тоже с мясом. Главное, чтоб банки по голове не попали.

Дима с Николаичем хохочут. Присоединяюсь, когда и до меня доходит...

Отсмеявшись, Николаич очень серьезно говорит:

- Знаете - вот когда так полежишь - много всяких мыслей в голову приходят. Такто некогда все, дела косяком. А вот когда есть время подумать - подругому вещи видишь. Мне даже захотелось начать дневник вести.

- Ну, это дело известное. В блокаду люди тоже очень многие дневники писали - событие было настолько из ряда вон выходящее, что хотелось записать все детали, чтоб потом люди другие знали - как оно было - говорю я.

- Блокада когда уж была, сколько воды утекло - замечает опер.

- Сравнивая количество лично мной прожитых лет с количеством лет, прошедших после войны, я понял, что она была совсем недавно. В детстве мне так не казалось, в детстве она была невообразимо давно. А сейчас получается так - что совсем недавно - возражает Николаич.

- Смотря какая война. Были и попозже.

- Да что попозже. Попозже уже смысла в этих войнах такого не было. Та же Чечня - так и не война вроде, так, восстановление какого-то мистического конституционного порядка и кто воевал там - вроде и ветераны, а формально - и не воевали.

С Афганистаном - еще та щемота - вроде как тоже не воевали, а ездили туда цветочки сажать и котят кормить. Таких замполитов, чтоб прямо говорили - не войдем мы - войдут американцы и нам от их соседства хреново придется - мало было. А ведь правы оказались - и амеры вошли и от афганского героя нашей молодежи в год втрое гибло больше, чем за все

время войны в Афгане.

В Отечественную иначе выходило, там ясно было - война идет за свою жизнь. Это сейчас брехня валом - что нас освободить от жидобольшевиков шли, то вообще чуть ли не благодетельствовать и шоколадом кормить - развелось бешановых осолоневших, подрезунеков член им в зубы, чтоб голова не качалась...

- Это ты о ком, Николаич? - Дима видно не слишком читал много в прошлой жизни.

- Об историках. Тех, которые объективно берутся рассмотреть историю Большой войны. Не попадались?

- Шутите. Чукча не читатель, чукча - писатель. Писанины у нас было столько, что я даже свою писанину не перечитывал, а тут еще история... Но объективного вроде ж и неплохо разобраться?

- Объективность - она разная. Вот можно совершенно объективно описывать немецких асов. И завалить этой макулатурой все книжные полки. А про наших воинов не писать ничего, кроме гадостей. Можно совершенно объективно описывать эсэсовцев. Героически воевали, не отнимешь. И даже коечто документами подтверждается. А про наших гвардейцев, которые этих эсэсовцев били - не писать. Можно объективно написать, что у СССР было 24 000 танков на 22.06.41. А у немцев - три с хвостиком. И все - совершенно объективно.

- И что, раз уж об этом заговорили?

- То, что если все время писать о немецких воинах - про наших места не остается. Что мало кто будет разбираться в передергивании тех же танков - потому как в СССР подсчитываются все вообще броняшки - включая до смерти убитые, неремонтопригодные, неисправные. Стоящие на Дальнем Востоке и даже первые английские, что уже поставлены в виде памятников - а у немцев засчитываются только те, что исправны и стоят на Восточном фронте. Понимаешь разницу? Ни трофеи немецкие не зачтены - а их у немцев несколько тысяч, ни те, которые в ремонте... А если посчитать те, которые могут пойти в дело - так в СССР их сразу становится вдвое меньше - а в Рейхе - втрое больше. И так во всем. Да и документация у гансов лукавая - когда читал Гиллебрандта сложилось такое впечатление - что вот захватили русские французский танк, приволокли на выставку трофейной техники в Москву - и немцы подтверждают - да, был такой танк. Один. Вот командиру захотелось на таком в СССР въехать. Попались фото, скажем, французских танков в Бресте - да, подтверждают очевидное немцы - таки три танка и там имелось. А куда остальные делись из пяти тысяч? А неизвестно.

Куда английские пропали? Польские? А хрен его знает. Затерялись. Это у немцевто, да?

- Ну. Есть признаки либераса - псевдоисторика. Который говорит про объективность, а сам врет неистощимо.

Дык давно уже оттоптано - и отшлифовано.

Поменьше говорить, что мы победили. Ни в коем разе не упоминать, что Рейх разгромлен с безоговорочной капитуляцией. После такой можно просто побежденных вырезать поголовно - юридически это будет правомочно. Потому как капитуляция без условий, без развернутых знамен, без запрещения грабежей и насилий и пули за щекой. Ровно противоположно - с побежденным можно делать что угодно. Такой побежденный вместе со шпагой теряет и честь. Издавна так было - позорищем такая сдача считалась. И немцы сдались именно позорно. Потому об этом - молчок.

Поменьше упоминать, что закончилась война - как и перед ней Отечественная 1812 - в столице врага и полным крахом этого врага - во всех смыслах.

Поменьше говорить про своих солдат и уж тем более не делать из них героев. Если есть герои - найти в них мразоту какуянибудь.

Побольше говорить о немецких героях, старательно мусолить тему их суперасов. Отсюда переходить к теме жутких потерь сов. армии. Ну, типа Хартман сбил 350 самолетов, еще двести асов - по двести, а все остальные - по сто. Кто будет подсчитывать, что из 46 тысяч сбитых советских самолетов получается 20 тысяч сбили эти 230 асов, а на всех

остальных - и бомберов, и зенитки, и также на наземные части, которые в 41-42 авиацию на аэродромах не раз уничтожали, остается жалких 26 тысяч.

Отсюда - к невиданным потерям совков и тезису «мясом завалили». Выкапывается тезис - победили, но неправильно. Типо с большими потерями, а вот у Рейха сил было с гулькин хер и потерь практически никаких.

Дальше начинаются бурные фантазии на темы невысказанных советских потерь - и скрупулезнейшее вычисление потерь немецких - тут уже без фантазий и допусков, только по документам и то выборочно, в основном по мемуарной немецкой литературе. При общеизвестном факте отсутствия части документов с немецкой стороны - это получается чистым говноедством, потому как у немцев точных данных потерь всех военнослужащих - банально нет. У нас есть данные Кривошеева, таких внятных с немецкой стороны - не видел.

Немецкие потери строго считать по Гиллебрандту. А у него к слову даже в потерях вермахта - чудеса, потому что учтены только немцы - а фольксдойчи уже в потерях не значатся. Как и всякие там полякичехи. Такие артели, которые воевали вроде фольксштурма, организации Тодта, полиции, вспомогательных военизированных частей - тоже не вермахт и потому в нетях. А за 1945 год и вообще данных нет. Считай - не хочу.

В итоге Кариус - это супербог. Ну а какойнибудь там Оськин или Колобанов или Пегов - ну просто не о чем говорить. Да, а еще сморкались в кулак и всех немок изнасиловали...

Ну, вот собственно в таком аспекте. Ну и наконец последний маркер убогого либераса - обязательное тыканье оппонента мордой в тезис о том что патриотизм - явственный признак негодяя. То есть патриот в России - по определению негодяй, подлец и сволочь!

- А, в общем, ничего нового - как и раньше было. Наполеон в России терпел победы, Кутузов одерживал поражения, кончилось тем, что Наполеон потерял всю армию с артиллерией и кавалерией и бежал обратно во Францию... А потом парижанки хренели, глядя, как казаки в Сене голышом купаются. Прямо заколдованный круг какойто для гостей из Европы... - Дима крутит сокрушенно головой, ехидно фыркая при этом.

- Ну да, в общем похоже. Короче то шапками закидываем, то трупами, как татары под Феодосией - не удерживаюсь от глупого желания блеснуть эрудицией я.

- Это в Крыму что ли? - уточняет очевидное Дима.

- Ну да. Там до татар генуэзцы сидели. А до генуэзцев - греки. Но вот пришли татары, осадили последнюю крепость - Кафу - Феодосию. А взять не получается - отстроена лихо. Татары и накидали через стены катапультами чумных трупов - у татар в войске была чума. Чума и в крепости началась. Генуэзцы слились и удрали на кораблях в Европу. Отлично тогда прокатилась «черная смерть» - четверть Европы перемерла. А всего за 75 миллионов умерших насчитали...

Майор качает головой неодобрительно.

- Если верить, что есть такой механизм, который позволяет тупым идиотам побеждать разумных людей, то это многое объясняет. Только вот нет такого механизма. И еще трупами заваливать нечестно. Про прицельное метание чумного трупа татарами во врага ты рассказал. А вот чтоб нечумными закидать? Никто кроме русских так не умеет. Зачем нам вообще эти танкисамолеты? Мы все равно ими воевать не умеем. А зато трупом попадаем белке в глаз с 200 метров. И хрен нас возьмешь. Мы сначала расстреливаем половину армии перед войной, потом вторая половина сдается в плен, а оставшиеся бросаются прямо по минам прямо на пулеметы отчаянно мухлявая друг друга изза одной винтовки на троих. Немецкие танки аккуратно пьются, летчики, набивав по 500-600 русских самолетов на брата, улетают к ибениматери, пехота с минимальными потерями организованно отступает к Берлину. Германская промышленность производит десятки тысяч новых боевых машин, но они не нужны - русские почти ничего не могут уничтожить. А если что попортят сдуру, то тут же восстанавливаются доблестными ремонтниками. Зря, короче, добро переводят. А тут и делу конец. Капитуляция. Занавес.

- И тем не менее много идиотов в это вполне себе серьезно верят.

- Да вот не «тем не менее», а победили правильной войной. Схватились с противником,

который превосходил нас по людскому и промышленному потенциалу даже изначально - не слушаем сказки, а смотрим внимательно статистику не по голой Германии, а по всему базису, который оказался в распоряжении Гитлера, а в самый тяжелый момент превосходство их вообще было пугающее.

Мы убили и покалечили практически всех солдат противника, уничтожили практически всю его технику, сожрали все его оборонительные рубежи вместе с теми, кто их оборонял, и пришли в самое его логово. А то бы он нас туда пустил, ага. Нехер слушать сказки про наши чудовищные потери против ерундовых немецких. Так просто не бывает. Вот почему финны нам зимнюю войну слили? А потому что вся их армия была уничтожена. Другой причины нет. А что говорят про это всякие придурки? Уже много десятилетий говорят совсем другое. Мы трупами завалили, а они очень трупов летающих боятся и сразу сдаются, как только побольше накидаешь. Так что ли?

- Ну, получается, что так... - мы улыбаемся друг другу.

- Опять же надо понимать, что всякий, кто обсирает хоть какойнибудь элемент нашей цивилизации - народ ли, вождей ли, методы ли - тот заведомая сволочь. Эти крысы придерживаются концепции «неправильной победы» - изначально фальшивой, нереальной. Неправильных побед вообще в природе не бывает. Как и ненужных войн. Цель же этих подонков одна - обосрать наш народ, унижить его и таким образом подавить дух, прикрутить потенциал. Только это. Все разговоры о конструктивных работах над ошибками, что народ хороший - вожди плохие - полная херня. Сейчас уже и последний идиот эту воду в ступе не толчет, только купленные русофобы. Все сто процентов. Не ищите среди них заблудших - все до одного враги. Очень это хорошо видно по тому, с каким пиететом они относятся к фальшивкам, которые сфабрикованы на западе.

Мыто изначально не верим советской пропаганде, а они свято верят геббельсовской. Как бы. Эта сволочь считают, что нам присуща лживость, а западным людям присуща правдивость. За одно за это нассым в глаза таким «историкам». И самое главное, не будем уподобляться этим жуликам и идиотам, которые верят, что русские варвары способны победить цивилизованных немцев с помощью своего зверства.

Стратегическая континентальная война выигрывается ТОЛЬКО тогда, когда ты убил больше солдат противника, уничтожил больше его техники, разгромил наглухо больше его частей и соединений. Это аксиома. И уж конечно, немецкие стратеги исходили из нее стопроцентно. Сейчас находятся придурки или сволочи, которые говорят, что мы както победили немцев и всех их союзников, понеся сами неисчислимые потери, а им нанеся скромные.

Это не бьется ни с чем, кроме наглости заявляющих и заведомо фальшивых цифр. Я вот просто не знаю, сколько мы солдат потеряли. Да, мне известны цифры, в том числе наиболее достоверные, но я под ними не подписываюсь. Мне также неизвестно, сколько потеряли немцы, хотя разные цифры гуляют. И никому, кстати, неизвестно, а кто думает, что ему, тот придурок. Но я знаю совершенно точно одно - мы убили немецких солдат больше, чем они наших, так говорит аксиома континентальной войны. И больше не на децл какойто. К моменту полного уничтожения военной машины Германии, при нашем вкладе в это не менее 90 %, наша военная машина была как огурчик и была готова сразиться со всем миром. Это непреложный факт. И вот имея такие железобетонные рамки, некоторые выродки все пытаются за них вылезти, все врут - завирают, ссылаясь на гиллебрандов и прочих беобахтеров. Так не верьте же, что это заблудшие овечки. Это вражины, которые крепко ненавидят русский народ, раз не гнушаются плавать в таком дерьме.

Майор заканчивает выданную на одном порыве речь, глубоко вздыхает.

- Это все изза лекции - немного виновато говорит он, помолчав - такто я язык на привязи держу.

Немного неловкую паузу нарушает просунувшийся в палату врач по прозвищу Бурш.

- Вот приполз змий и говорит... И говорит змий, что коллегу уже ждут внизу целая толпа веселеньких водолазов.

- Ну, Николаич, до скорого! До встречи, Дима! Честь имею, товарищ майор!

Жмем друг другу руки.

Когда уже спускаемся по лестнице, Бурш вполголоса дополняет:

- Вы заметили, что вашему командиру показан диализ?

- Ну, не скажу, что заметил, но ХПН, боюсь, имеет место.

- Имеет. К сожалению. И это еще одна причина ввязаться вашей компании в очистку госпиталя...

- А что с пациентом скандальным? - спрашиваю просто, чтоб не молчать.

- Да нормально все будет. Если он сам с большого ума чего еще не напортчит. Моих ладоней - 6 % получилось, если Нины - то 7 %. Пустяки. Но плохо, что он себя знатоком считает - приглядывать придется.

Было бы смешно, не будь так грустно. Пациенты подчас такое выкидывают - в кошмаре ночном не увидишь.

Пятилетняя девчонка садилась на горшок, оступилась и упала на открытую спираль рефлектораобогревателя. Платице синтетическое от раскаленной спирали вспыхнуло - особо тяжелые ожоги, потому как еще и прилипло намертво. Тяжелейшие обширные ожоги...

Лежала у нас в клинике.

Мамаше добрая душа посоветовала клин клином выбить.

Мамаша по совету принесла украдкой сухой лед и когда медсестра свалила из палаты - обложила сухим льдом дочку. Потом этот редкий случай - ожоги с обморожениями - студентам показывали...

Водолазы и впрямь веселые, помытые и отдохнувшие.

Все никак не привыкну к Кронштадтским реалиям - через несколько минут уже на пристани, в Питерето куда бы ни ехал - все час выходит. А с пробками - и вообще уму нерастяжимо.

Катер - или как называется эта штука - сразу производит впечатление сильной рабочей лошади с краном и лебедками. Присоединяемся к тем, кто уже на борту - и отваливаем. Мне кажется, что вся эта публика - тоже водолазы - во всяком случае, они хорошо знакомы друг с другом.

Надо бы поспать, но не успею - до Ораниенбаума близенько. Так близенько, что во время войны флот из Кронштадта прикрыл щитом огня держащиеся буквально зубами за свои позиции наши части. Атаковать под снарядами с кораблей для немцев оказалось крайне неприятно - взрывы танки опрокидывали, а уж пехота от взрывной волны калечилась совсем немилосердно... Попытки расквасить Балтфлот бойкими налетами - провалились. Финский залив - мелкий. Даже поврежденный «Марат», например, просто сел на грунт и работал как стационарная батарея. А потери люфтваффе вышли совсем неприемлемыми.

Образовался Ораниенбаумский плацдарм, который так и был ножом в немецких позициях все время блокады. И очертания его точно показывали действительную дальность корабельных орудий. Когда сматывали блокаду, именно изза наступления отсюда немцы вынуждены были откатиться дальше, чем думали, иначе бы попали в котел не в Курляндии, а гораздо раньше.

Только тут дворцы остались в первозданном виде - во всех остальных пригородах они были разграблены немцами и разрушены. Последним - отступая - они подпалили дворец в Павловске, он был только разграблен. Дворцы в Пушкине, Ропше, Петергофе, Стрельне уже были уничтожены. А предметы из дворцов потом долго находили и в немецких обозах и в Рейхе.

Много разговора о Янтарной комнате, которая, похоже, сгорела в Кенигсберге, когда за полгода до нашего штурма авиация союзников по своей привычке выжгла жилой центр города. Но янтарная комната - не самое ценное, что погибло. Просто о ней принято было писать. На зубы попала. Украденные сокровища искусства куда были дороже.

И - курьез - разгромленные дворцы восстановили - и даже Янтарную комнату

воссоздали, наглядно показав, что наши мастера могут невозможное, а вот дворцы в Рамбове - теперь достаточно скромно выглядят по сравнению с тем же Пушкиным или Петергофом.

Особенно убого смотрится шикарнейший в свое время дворец светлейшего князя Меншикова. Зато паркет - еще тот, тех времен, когда тут весельчак Петр Первый оттягивался на полную катушку. Развлекаться царь умел. Вот, например, построили по его приказу Кательную Горю - высотой с современный восьмиэтажный дом и уклоном на спуске в 50 градусов. Вот, небось, визгуто было, когда с такой жути катились европейские гости...

Ну, традиция кататься с ледяных горок или строить деревянные и поливать их льдом в России была давно, но чтоб такое... Иностранцев аттракцион так потряс, что в честь этих петровских шуточек подобное стали звать «русскими горками». И когда американцы создали свое - но уже куда как позже и потому из железа с рельсами и вагонетками - вместо льда и санок - то назвали адреналинодавительный аттракцион именно «русскими горками». А наши - начав строить такое у себя - естественно окрестили «американскими горками». Вот и разберись без поллитры.

Екатерина Вторая - тоже устроила тут Кательную Горку - но уже поженски фешенебельноуютную и не такую чудовищную. Правда и на ней разгонялись до 70 километров в час, что в те времена было скоростью недостижимой для любого транспорта. Павильонто стоит - и вообщето это дворец скорее - но вот кательный пандус и колоннады - так и не воссоздали. Не говоря уж про систему летних горочек, где катались на специальных колясочках - уже не с такой дикой скоростью, как на санках, но все равно быстрее, чем лошадки возили. Жаль, теперь уже и не получится...

А вообще тут чуть было не построили СанктПетербург - умные люди толковали, что именно тут самое место и для города и для порта. И берег - ярусами и не затопит. И не болото, грунт прочный. Но вот хотелось царю - чтоб вместо улиц - каналы. Ну и не вышло каналов, накопили под руководством Меншикова жалкие канавы на Васькином острове, за что получил светлейший палкой по хребту...

Швартуемся. Теперь, когда у меня есть возможность глянуть вокруг - убеждаюсь, что стоящие в гавани корабли - явно обитаемые. И народишко чемто занимается, и белье сохнет - и женщин вижу. Точно - как плавучие дома получают. Сходни поднял - и кроме прыгучих морфов никто и не доберется. А против прыгучих - вон отсюда видно пара пулеметных гнезд на верхотурах, да и публика в основном вооруженная. Опять же незаметно не шибкото подберешься - пирсы изза мелководья Финского залива - далекомько от берега вынесены и просматриваются отлично. Еще когда купаться можно было в Заливе - идешьидешь - а все по колено. А теперь польза.

Правда, непонятно - как они с крысами корабельными справились. Но видно получилось както. Идем по пирсу както непривычно - просто кучей. Без разбивки секторов, оружие у всех есть, но в кобурах или на ремне.

Спрашиваю Филю.

- Бре, тут все под присмотром, не бойсь.

Нуну. А чего ж нас сюда пригнали?

Проходим мимо памятника эпроновцам. Стоявшую здесь же в гавани Ораниенбаума старушку«Аврору» в блокаду обстреливали так, что довелось слышать мнение о том, что снаряды и бомбы потраченные на нее немцами стоили дороже, чем этот символ революции.

- Филь, а что тут за морф?

- Назвали Призраком. Сидят - боятся. Но одна бабка его видела - нифига не призрак. Просто скоростной морф. Но бабка... Знаешь, могла и выдумать. Эти старики много чего фантазируют...

Гм... Да разные они, старикито. И старушки тоже. Прошлым летом к моим знакомым - копарям обратилась тихая старушка - ребята, дескать, выручайте, призраки по ночам мучают.

- Какие призраки?

- Да три немецких офицера все приходят, надоели.

- Опа! А что это они повадились то?

- Да во время войны они на постое в этом доме были - выскочили, когда артобстрел начался. Под снаряд и попали. Они у меня в огороде закопаны.

Ну, приятели и копанули - бабка даже роскошный смородиновый куст не пожалела.

И действительно - три ганса нашлось, меньше чем на полметра глубины. Правда без обвеса, кителей и сапог, но в касках. И по состоянию костей - видно, что осколками срезало. Успокоили старушку, вытащили скелеты с огорода. Передали «Фольксбунду», пусть покойные офицеры теперь своим соотечественникам надоедают, раз такие беспокойные оказались.

Другой старичок показал место массовых расстрелов наших раненых красноармейцев и гражданских немцами - тоже тем летом рыли. Он, оказывается, шестилетним мальчишкой из кустов видал, как расстреливали. На картах не было ни хрена, да и в книгах тоже. А накопили всякого разного, кроме нескольких десятков скелетов мужских, женских и детских - включая вставной глаз, кожаные лапти и прочие вещи, а под занавес - и женские косы и девчачьи косички. Потом еще и презервативы немецкие использованные среди костей нашли.

Так что старички - они очень разные, некоторых стоит слушать - и записывать.

Со старушкой этой надо бы потолковать.

В расположении какойто военноморской части - черт ее поймет, аббревиатуру на табличке - тоже народа густо. Понимаю, что сюда собрались уцелевшие - и на этом куске земли большая часть жителей Ораниенбаума и сосредоточена. Относительный порядок - и пока шли - ни одного не то, что зомби - трупа не попало. Это хорошо, если и второй город - кроме Кронштадта - удержался.

К сожалению, очень скоро понимаю, что ошибся. Город пал. Да и в расположении - народ нервный. Местный медик - есть у них тут и медпункт свой - угрюмый, необщительный - вроде как фельдшер. В гости не позвал.

Меня встречает Демидов. Остальные уехали.

- На чем и куда? - спрашиваю его я.

- На грузовиках - будках. Как вот мы тогда в Кронштадте - тут так же чистку устроили, по нашему примеру. Короче - машины по городу ездят, зомбаков попроще постреляли - но все равно, не всех. Да и морфы. В общем, пешком ходить нельзя.

- А что про морфов слышно?

- Много их. Но мелкие какието, не отожратые.

Виктор мрачно крутил по лесу петли. На обратную дорогу в деревню ушло времени втрое.

Так же мрачно вошел в дом, не снимая снаряжение, присел на лавку. Посмотрел на недоумевающую Ирку.

- Ружья у них. И жадные они. И непонятные.

- Чем не понятные, Витенька?

- Действиями. Там по всему видно - даже трупы с собой увезли. Грузовик у них - и покрышки характерные. Так вот они четыре раза приезжалиуезжали. И увезли даже заведомые трупы. Зачем?

- Может, не хотели, чтоб мертвяки по лесу валялись?

- И валялись бы - и что? Машины и всякий мусор - бросили и все.

- А может - плюнем, да забудем? Вряд ли они на эту поляну вернутся еще. Следыто старые?

- Следы старые, заветрились.

- Вот видишь! А через месяцдругой уже снег сойдет - нас уже шиш найдешь.

- Зато в зелени все будет. А у них ружья. И стреляют они без раздумок.

Ирка встревожилась.

- Ты ведь надумал чтото, а Витька?

Виктор промолчал.

- Витенька, не молчи, скажи. Что натеял?

- Охотничье ружье бьет метров на 70. А мой Дормидонт Проникантьевич (Витя с уважением полюбовался стоящим рядом с лавкой ДП) - на полтора километра. Значит, если мы с ними встретимся на дистанции метров в 200-300 - шансов у них никаких не будет. Абсолютно.

- Они не в грузовике живут.

- И это верно. Они на нем ездят. И пока прочесывают ту местность, которая для них поближе. А к весне - начнут чесать, что подальше. А летом тем более таких дикарей, что из города в ужасе удрали, набрав с собой шампиньонов резаных и кукурузы - не останется. А мы с тобой - останемся.

- А мы будем осторожнее!

- Ирка! Вот скажи - как ты будешь осторожнее? На караульную службу нас двоих не хватит. Засветится нам - раз плюнуть. Запах дыма учуют. Услышат что. Да мало ли. Просто напорются случайно.

- Мы ж не безоружные!

- Толкуто.

- Как это - толкуто! Ответим!

- Тьфу. Баба! Да чтоб ответить - их надо первыми заметить. А когда они по нам отстреляются - нам уже все пофиг будет. Даже если мы в ответ их всех положим потом - у нас тут больницы нет.

- Ты так говоришь, словно они нас уже нашли! Пока не нашли же.

- Так что - вот так сидеть и трястись?

- А ты не трясись! Посмелее!

- Поглупее - лучше скажи. Не найдут сейчас - найдут через полгода. Через год. Через два. Не хочу.

Виктор встал, потянулся за пулеметом.

- Ты, что собираешься сейчас ехать их ловить???

- Не ловить. Но прятаться... Не получится у нас, если ты хочешь в деревне жить. Если б сидели тихо как мыши в бункере - тогда еще вопрос - нашли бы или нет. А Ольховка - она на картах есть, дорога сюда ведет, значит эти нищebroды сюда точно припрутся. Дочистят беженцев - и припрутся.

- Черт, зря я тебя сгоношила!

- Не знаю, не знаю... Вылез бы поутрае какнибудь из бункера гадить - и наткнулся бы на картечь... Или ножом бы сняли, как в люк бы полез...

- Не, Витя, не надо...

- Надо Ирка. Я им не мыша. И ты им не мыша. Мы им покажем, кто тут в лесу самый злобный. Пошли.

И оставив за спиной тихонько причитающую Ирку, шагнул к выходу...

Ребята возвращаются быстро. Захватывают меня с Демидовым, и мы отправляемся. Приходится еще рассказать - как там Николаич и Ленька. Что удивляет - у Ильяс при разговоре о драке с морфом на холодном оружии глазки както этак взблескивают, но тут же опять становятся чуток сонными, как обычно.

Магазинную малопульку у Демидова изъяли и оставили на заводе вместе с завезенным из Крепости таким же мелкокалиберным оружием - и сейчас Ильяс устроил перед выездом маленькое представление - по его приказу мы построились не оченьто ровной надо

признаться шеренгой, старательно выпучили глаза и вытянулись по стойке смирно.

Ильяс хорошо поставленным сержантским голосом вызвал на середину Демидова - тот както и растерялся совсем и вышел както кособоко, стесняясь того, что на него смотрит столько народу - а надо сказать, что местные на это действо собрались поглазеть немалой толпой.

- Равнение на средину! Стажер Демидов - ранг Гаврош - в связи с образцовым выполнением задания командования и упокоением пятидесяти упырейшустеров переводится из стажеров обмундированных в стажеры вооруженные. Стажер Демидов - принять личное боевое оружие!

И наш военачальник не выдает, но вручает как орден маленькую кобуру с пистолетом - близнецом того, что я снял с умершего диверсанта. Демидов жмурится от удовольствия и восхищенно таращится на необычное оружие. Старательно жмет протянутую руку командира.

А я слышу за спиной шепот когото из местных:

- Нихрена ж себе - стажерсопляк у них полста шустеров набил! Вот ухорезы!

И до меня доходит, что Ильяс канонично одним выстрелом свалил двух зайцев.

Ждем Демидову лапу, рассаживаемся по двум грузовикам, получив коротенькую инструкцию. Задача простая - на месте последнего инцидента остались следы. Серега, как лучший следопыт из нас, вместе с троицей саперов, прикрывающих ему спину, будет распутывать - куда морф потащил бойца, а мы будем двумя машинами прикрывать и его работу, и охраняющих его саперов.

Андрея с болтом зверобоем посадили на колокольню собора - мощного, величественного, белого - правда, оказалось, что охраняющий собор мужик - вроде бы звонарь - крайне не хотел пускать в храм с оружием. Но удалось, в конце концов, убедить - не в алтарь же Андрей полезет, а на колокольню. Теперь Андрей корячится, залезая по ненавистой лестнице на верхотуру, зато обзор оттуда отличный, глядишь - и отработает как должно.

Меня удивляет, почему это нашего лучшего стрелка посадили тут. Нам он не поможет, когда мы будем крутиться внутри кварталов. Но начальству виднее. В вверенную мне амбразуру вижу, что мы вернулись почти обратно - к Сидоровскому каналу.

- Увидишь кого - говорит мне стоящий рядом Саша - не стреляй без стопроцентной уверенности. Хотя отсюда вроде б людей удалось эвакуировать - но все равно просили зря не лупить.

Вот уж хрен. Увижу кого дохлого - буду бить не раздумывая. Какими бы ушлыми морфы не были - а видел я, что на перебитой лапе они бегают плохо.

Машины встают у железнодорожного вокзала - красивого трехэтажного здания.

Что наши там делают - не вижу. Потому что из моей амбразуры - привокзальная площадь. Вот и смотрю в оба глаза. И тут трупов нет. Странно. Зато проезжает пара таких же как у нас машин - с амбразурами, пробитыми в кузовах.

Кто-то стучит по нашему кузову, слышу снаружи «К машине!»

Вылезает. Оказывается - нам в вокзал. Дверь открыта, рядом с нею двое с автоматами.

Внутри оказывается чтото среднее между биваком, складом и сторожевым постом.

Форпост или аванпост такое называется? Темновато, здоровенные вокзальные окна защищены - где и спешно сляпанными решетками. А где и дощатыми щитами. С упорами бревнышками.

Виджу здесь только мужиков. Мрачные и хмурые. Отсюда последнего из 8 пропавших парня уволокли, а был он опытный и не лопух ни разу. По следам идти пытались - но следы идут за автовокзал - а там гаражи и всякие такие сараюшки. Туда с зачисткой не совались - ПОТЫ (так тут называют фургоны с амбразурами - передвижная огневая точка) там не помощники изза тесноты, а без них - в пешем строю уже ходить закаялись, людейто вроде и много, да бойцов мало, каждый на вес золота и терять - очень обидно.

Сергей недовольно бурчит в смысле, что эта орда следы, конечно, затоптала напрочь.

Мужики мнутса и покашливают. Ясно, затоптали.

Тем не менее - не отнять - тут люди за свою жизнь дерутся с толком - и улицы чистят, людей спасают - город не многоэтажный - и трупы откуда могут - вывозят - захоронить не вышло, руки не дошли, но, во всяком случае, кормовую базу для шустеров ограничи́ли все же - тела за городом сваливают. А там пустырь здоровенный и постоянное дежурство - начинающих стрелков натаскивают по стягивающимся зомби стрелять.

Мда... Выходит для нас аккурат достается в гаражи лезть. Мило, ничего не скажешь. Помоему Ильяс некоторое время размышляет - а не послать ли это предприятие к чертям, причем размышляет всерьез. Потом вздыхает и требует проводников по этим гаражам. С проводниками получается какаято невнятная затыка.

Наконец прибывает мужичок. Отставник, гидрограф. А ну да, тут такая служба есть. Или ее тоже расформировали? Ну ладно, неважно.

Мужичок на карте показывает, что где, но у меня остается странное впечатление. Видимо не только у меня одного - Ильяс, выждав момент, простодушно спрашивает:

- А что это вы финтите и о чем не договариваете, а? Андерстенд меня или но?

Гидрограф както стеснительно жметса.

Остальные мужики помалкивают.

- Томодачи гидрограф, ты не биседзе, чтоб тут жеманничать. Вакаремас?

- Видите ли, мы и сами не знаем, что там нынче - признается проводник.

- Это как?

- Там буквально на второй день какието мутные люди закрепились. Не наши. Не местные. Вооруженные. Моего соседа по гаражам - Сунгурцева - застрелили, когда он за машиной пошел. У меня на руках умер.

- Людоедством они не баловались?

- Нет, этого не видели. На второй день они стрельбу устроили - рынок взялись обносить. К нам сунулись - но мы отбились - неохотно говорит один из вокзальных мужиков.

- Оружие у вас откуда? - интересуется Сережа.

- Частью местное, а еще из Кронштадта подбросили.

- Выбить этих - из гаражей - не пытались?

- А зачем? Заблокировали. Как смогли, конечно, но они к нам не лезли потом.

- И что там сейчас?

- А пес их знает! Тихо. Но вот морф оттуда приходит.

- Домо аригато! - только знаете мужики - либо вы выкладываете все, что вам известно и подробно, либо хрена я туда с людьми полезу. Гаражи - рукой подать, вооружения у вас достаточно, а вы как дети малые жметесь.

- Да были у нас перестрелки. Они нас запугивали даже - отрезанные головы подкидывали. Нескольких из них мы тоже подловили.

- Почему на машинах не въехали? - Вовка опередил Ильяса.

- Да въехали. Сразу колеса пропоролись. И баррикады там еще впридачу.

- Кавай расклад. Головы - как отрублены или отрезаны были?

- Ннне знаю... А это важно?

- В нашем безнадежном деле все важно. Головы похоронили уже?

- Наших - да.

- А не наши - это кто?

- Да валяются тут неподалеку две штуки - не знаем чьи. Может они своих порешили.

- А что не убрали?

- На них зомбари хорошо идут.

- Пошли, покажете.

Головы валяются рядом с вокзалом. Пропавший парень на них видно рассчитывал, как на живца. Не помогло.

Осматриваем головы вместе с Ильясом. Опять ничего не понимаю. Головы раньше принадлежали двум мужчинам среднего возраста, изо рта одной торчит странный язык.

Немного задумываюсь, пока понимаю, что это засунутый в рот член. Обрезанный, к слову.

- Помоему одному голову отрезали ножом. Другому - отрубили. И вроде при жизни еще. Что скажешь? - спрашивает меня Ильяс.

- Согласен. Не твои единоверцы случаем?

- Может и мои. Только головы рубить и резать все горазды. Футболисты, бнах!

Это да. Жители Альбиона в старые времена удивляли соседей милым обычаем - подерутся, скажем, два племени, одно проиграет. Вот отрезанную голову проигравшего вождя войны победители должны запинать (в знак презрения к проигравшему руками не трогать, только ногами, чтоб поунизительнее было) в определенное место. А воины проигравшего племени - побитые, пораненные и помятые должны это не дать сделать.

Если не дадут - то к проигравшим уважительное отношение. Человеческое по альбионовским меркам. А если и тут проиграют - совсем им плохо придется. Отсюда и футбол пошел, к слову. А волейболу римляне зародиться не дали - когда они завоевывали Британию, то с удивлением обнаружили местное вундерваффе - у врага оказались священные отряды метателей голов - в самом начале боя в римлян стали специально обученные альбионцы швырять заизвесткованные головы ранее побежденных ими бедолаг.

Видимо из-за эстетических причин это римлянам не понравилось и они таки победили. И потом выбили местные обычаи напрочь. Зачастую вместе с носителями обычаев. Заизвесткованная голова конечно весомый аргумент, но грамотно брошенный пилум - убедительнее оказался.

- Глянь - помоему, вот этому отрубили голову уже когда он зомби стал. А вот этому - резали поживому. Что скажешь? - Ильяс переворачивает головы, осматривает внимательно срезы. И что характерно - ни одного словечка на всяких языках - собран командир в комок.

- Мне кажется - нет, оба были таким образом убиты.

- И что это нам дает? - очень серьезно спрашивает Ильяс.

- Материал для морфов. Не зря ж у них там уже давно тихо.

Командир украдкой поглядывает на наших и вполголоса спрашивает:

- А может и тут дрессированные? Мутаборы с Алькатрасами?

И я не нахожу - что сказать в ответ.

Возвращаемся на вокзал. Ильяс тут же начинает трясти безответного ботана, требуя у него сеанса связи с Лабораторией. Понимаю, что его сейчас более всего интересует - чем запугивали моего морфированного знакомого. Ботан старается как умеет, а должен заметить, что в плане связи рохля таковым не выглядит - отлично у него получается. Другое дело, что Валентины на месте нет, связист же лабораторный либо толком говорить не хочет, то ли и впрямь не в курсе.

Ильяс связывается с Андреем. Долго с ним беседует, прикидывая, что и как видит Андрей с верхотуры. За это время местные успевают разгрузить три набитых всякими продуктами и вещами ПОТа и отгрузить один - тут явно на вокзале перевалочный пункт - что-то притаскивают сюда из города, а тут вроде как пункт распределения. И видимо - не единственный - то же и в военной части было.

В итоге вылезаем, грузимся и едем - к автовокзалу. Благо тут игрушечные расстояния в этом городе. Или я Питером испорчен? Местные вполне серьезно к своему Рамбову относятся.

Северный КАС - несколько улочек с гаражами, по первому ощущению - сотни три разношерстных гаражей. Соваться дуром как-то страшновато. Ильяс, подумав, решает нестандартно - и мы лезем на крыши гаражей.

- Стоим! Стоим - смотрим! - командир слушает, что говорит ему в ухо рация.

И совершенно неожиданно с колокольни собора раздается очень гулкий, раскатистый в сыром воздухе бабах. Совсем неподалеку от нас сочно чпокает во что-то тугое пуля.

- Первая тройка - вперед - три крыши. Вторая - контроль справа! Саперы - проулок!

Начинаем передвигаться по Ильясовским распоряжениям. Очень скоро с колокольни бабахает снова. На этот раз рация бубнит что-то такое, от чего Ильяс морщится. Опять

продвигаемся. Отсюда видно, что мы вылезли не там, куда обычно въезжают - а с противоположной стороны. Планировка проездов тут достаточно странная и как ни крути, а все проезды не посмотришь. Сейчас получается, что мы просматриваем где-то половину территории. Мне невозможно тщательно разглядеть, что там, потому что нашей тройке, разумеется, прикрывать тыл команды - и мы смотрим на проходящую рядом железную дорогу и пустырь до берега залива густо заросшего соломенно - желтым тростником высотой больше человеческого роста, но краем глаза вижу, что проезды забиты машинами, что часть гаражей распахнута, что явно сделаны баррикады, но вот ожидаемых защитников не видно ни одного. Хотя я так думаю, что как раз видно - зомби тут есть - негусто - с десятков, наверное, в поле зрения, но вот что живые тут есть - сомнительно. Слишком мертво тут все выглядит. Ну, разве кто в гараже заперся и отсиживается. Некоторое время, поглядывая через плечо, смотрю в проулки проезды.

Впечатление странноватое. Мне кажется, что сначала тут кто-то собирался устроиться надолго - сделал из совсем уж старых машин баррикады в ключевых местах, используя то, что обычно хранится в гаражах. Но потом что-то пошло не так. В проулках валяются вещи, какие-то шмотки - и в защищенном тремя баррикадами пятачке толкуются два зомби - и у одного из них так на спине и висит что-то. И я бы сказал, что это оружие. Хотя конечно могу и ошибаться - мне отсюда виден наискось по груди широкий вроде бы оружейный ремень и что-то торчащее снизу. Ну, очень на оружие похоже. Хотя...

Мой друг в самую перестройку был в Лондоне. Очень хотел найти подработку. Сопровождали его как гиды двое курдов - они тут учились вместе и были ему обязаны во многом. И попалось ему на глаза объявление - о выгодной работе в Израиле. Отправился уточнить - что да как. И курды следом.

Приехал. Конторка, двое хасидов. Увидели вошедшую тройку - перепугались до невозможности. Дружок мой стал задавать вопросы. Очень скоро выяснил, что предложение не слишком качественное - работа в сельском хозяйстве только, заработает сельхозработником за тот месяц, что у него есть по визе, меньше, чем отдаст за билеты, страховку, еду и жилье. Ну и, разумеется - в субботу - работать. И никаких развлечений. Курды как могли - помогали в беседе, благо считали, что по-английски они говорят лучше - уже год чай в Лондоне живут. Хасиды держались стойко, но видно было, что чем дальше - тем больший ужас на них находит. До полубоморочного состояния.

Дружок мой вежливо попрощался. Курды тоже.

Вышли на улицу.

В конторе хасиды с облегчением упали в обморок.

И тут моего дружка ржач скрутил.

Просто он посмотрел на ситуацию со стороны.

И увидел - глазами хасидов - как в контору по найму сельхозработников приходит субъект славянской внешности, в костюме с галстуком, как полагается любому из КГБ, с двумя бородатыми брюнетами - телохранителями - в арафатках, причем у одного под курткой на спине - автомат и начинает, явно глумясь, задавать идиотские вопросы - какая развлекательная программа, например. А телохранители все время обещают надрать задницы и сыплют всякими булл и дог шитами и факингами.

И уходя, телохранители - грубые мерзавцы - говорят сакраментальное - ай вилл би бэк! С явным намеком.

Хасиды же не в курсе, что арафатки выгодно куплены на грошовой распродаже. Что это курды, а не палестинцы. Английский язык курды учили по боевикам в кино и потому речь у них своеобразно заточена - см. «Терминатор» и «Карты, деньги, два ствола», а самое главное - под курткой - на широком брезентовом оружейном ремне у курда - зонтик. Без солидного зонтика в Лондоне - никак, а предыдущий зонтик у курда в метро негр украл и потому этот зонт курд предусмотрительно носил ПОД курткой.

Только вот что-то не верится, что здесь на спине - зонтик висит...

Что и подтверждается, когда несколькими выстрелами зомби укладываются на снежок.

Ильяс в этой детской стрельбе участия не принимает, идет интенсивный разговор с Андреем.

Результат быстро сообщается - мы и соскучиться не успели. Причем результат обескураживающий - Андрей засек не меньше шести шустеров. А может быть - и морфов. Только одного удалось подстрелить, остальные тут же попрятались. Что на десяток обычных зомби - както чересчур много. Спецом их откармливали, что ли?

Ильяс делит команду на две группы - часть из тех, кто в стрельбе не гигант - остается тут - и контролирует местность. А две группки - двигаясь параллельно по крышам - аккуратно чистят проходы и те гаражи, которые открыты настежь.

Мне достается опять таки вид на залив позади гаражей. Ну, настолько пустынно, что хоть в кресло садись и листай журнальчик. Хорошо хоть стоящий рядом Саша комментирует то, что видит, глядя на действия наших.

У чистильщиков то и дело коротко хлопают выстрелы. Одиночные, спокойные.

Оп! Рация заработала.

Спокойный голос Ильяса - просит меня подойти к ним. Передаю сектор под наблюдение соседям и припускаю по громко гукающим под ногами крышам. К счастью тут перебираться через пространство проезда не надо. Добегаю - Ильяс стоит с винтовкой в руках - показывает пальцем, куда глянуть. Туда как раз смотрят старший сапер и Крокодил.

Внизу - у противоположных через проезд ворот гаража лежит женский труп, с виду совершенно обычный, даже в не слишком бы и испачканной одежде. Короткая куртка, джинсы, сапожки с обломанными каблуками. Ну, толстушка была. Ничего особенного.

Говорю это саперам. Тогда Крокодил манит меня пальцем и тычет себе в зубы. Перемещаюсь к нему. Вижу лицо покойницы. Вид то меняется. Ага, не совсем уж и обычный - это ж скорее недоморф - как те, что валялись в куче упокоенных на заводе. Она в одежде, только вот не толстушка - это я теперь вижу - мертвые толстяки сильно распластываются. А эта круглит спиной - значит не сало. Пасть изменилась, зазубела.

Что с черепом - неясно - видно тут как раз та лежит цель, по которой Андрей из слобоя попал. Мда, получается Николаич прав оказался - стоя тут. Несколько недоморфов. Как и получается у хищников - если зверь здоровенный - как морф - охотится в одиночку. А мелочь пузатая - сбивается в стаи. Шестерых Андрей видел. И сколько их получается всего тут?

- Что скажешь - слышу голос Ильяса.

- Недоморф. Не успела отожраться.

- Заметил, где лежит.

- Ну да, у гаража.

- Не о том речь. Она нас должна была подманить. Чтоб мы сюда пошли. А остальные оказались бы сзади. И глядишь напрыгнули бы со спины. А раз ее Андрей тут же снес - остальные и затихарились. Но они рядом.

- Пикантно.

- Еще бы. Но они все ж не морфы. Скорость чуть выше, чем у людей, силы чуть больше. Но не морфы.

- Зато стоя. И возможно и вожак есть.

- Это да, возможно.

Ильяс подзывает связистаботана. Требуем от местных, чтоб прислали подкрепление. Те упираются - чтото гаражи эти у них пользуются какимто суеверным страхом. Наш командир угрожает вообще свернуть операцию - в конце концов, мы можем гонять этих недоморфов по здешним закоулкам вечно, так и будем кругами бегать.

В итоге присылают с десятка парней и мужиков с разношерстным оружием.

Некоторое время уходит на инструктирование. Когда можно надеяться, что нам не начнут стрелять в спину - продолжаем движение. Один из мужиков проговаривается - были кроме пропавших и еще потери - пытались нахрапом разобраться. Пришло сюда трое самоуверенных храбрецов. Потом пальба, вопли - и все. Спрашиваю - нет ли среди упокоенных этих ребят? Нет, вроде нету.

Людей не хватает категорически. Ну, никак не охватить все эти проулкизакоулки.

Да еще вроде и стайка недоморфов тут околачивается, что тоже душу греет.

Однако чистить все равно надо.

Причем так, чтобы и атаку не прозевать, и за спиной кого не оставить шибко дружелюбного. И, конечно же, Ильяс жаждет и тут не зря время потратить - а насчет трофеев разжиться. Куркуль он еще тот - никак не уступающий в этом Николаичу.

Местные тем временем, озабоченные стаей - подгоняют пару ПОТов - в дополнение к двум нашим. Толку только от них мало - мыто внутри, а машины - снаружи гаража. Наконец решаемся. Первая тройка притаскивает железную лесенку и спускается с крыши - в проезд. Сапер Правило раздобыл связку электродов - мы уже видели, что замки на гаражах попилены болгаркой, но вот проушины вроде целые. И можно металлическим прутком достаточно неплохо заблокировать гаражные ворота.

- Премародеризация - поясняющим тоном говорит Саша.

Ильяс превзошел сам себя. Вроде и все сектора перекрыты и прикрыты огнем в случае чего работающие внизу - но вижу, что он волнуется не на шутку.

Перебираемся на следующий ряд крыш. Тройка впереди, тройка внизу. Остальные тоже бдят. Минут через пятнадцать все это начинает напоминать чтото волнующее - например сбор морковки с грядок. Чувствую, что задумался, а это нехорошо, встряхиваюсь.

Дальше все происходит както сразу - бахает выстрел с колокольни, опять громкое и мокрое чпокание неподалеку и тут же заполюшная стрельба - наши партнеры лупят и ребята наши - помоему на слух если брать - то все стволы, очередями. В моем секторе - никакого движения, но вот Саша рядом трещит короткими и мне по каске звякающими струйками бренчат гильзы. Как бы за шиворот не залетела какая, начну тогда прыгать.

Стрельба стихает как и началась - резко и сразу. Недолго и длилась - по магазину не расстреляли. Залязгали - перезаряжают.

- Что там? - окликаю Сашу.

- Да разом с десяток мертвяков выскочило с разных направлений.

- А попали?

- Ага. Четверых точно сняли.

Вот черт! Они что - размножаются?

Не, бред. Тогда откуда эти недоморфы? Только пропавших - восьмеро. Правда, трое - дети, в них мяса немного. Но все равно - те герои, что сюда сунулись, понадеявшись на мощь своих автоматов... Идиотская арифметика, а куда не денешься - десяток недоморфов - это неприятность куда большая, чем шесть недоморфов.

Всетаки подстраховываясь и часто останавливаясь для пешей разведки, Виктор подобрался к интересовавшей его автомастерской с другой стороны. Оставил машину, вынул ключи. Подумал, показал Ирке в какой карман спрятал. Очень осторожно выбрался на край кустарника, которым эта деревушка была окружена.

По первому впечатлению - здесь были явно живые люди. Четко видно. Один дым из труб чего стоил. Виктор поводил биноклем. Послушал собачий лай. Проводил взглядом бабу, тащившую какието ведра - судя по всему - полные. Навстречу бабе - мужик с досками. Ага, за плечами - ружьецо - двустволка. Чтото сказал бабе - та пустилась чуть не бегом. Да и вроде как и свинки тут - ветерком запашок принесло. В общем - деревенская идиллия.

Ирку почти колотило - не то от страха, не то от возбуждения и она порывалась уже и дернуть прямо в деревню, которая к удивлению Вити оказалась несколько больше по размерам - и домов с десятков и мастерская и свинарник... Когда он тут останавливался по делу - то ли не обратил внимания, то ли еще что. Сейчас он находился со стороны дальней от дороги и автомастерской - близко стояло два типовых деревянных одноэтажных дома,

достаточно древних с виду и с такими же чахлыми палисадниками и сараюшками. Подальше - еще несколько домиков, один - новодельный, каменный.

Понаблюдав еще с полчаса и не заметив ничего нового, разве что двое мужиков стали двуручкой пилить дрова, да другая баба принялась таскать воду из колодца, как заведенная мотаясь тудасюда, Виктор неохотно согласился с планом Ирки - запустить ее как агентурную разведку. Ирка напаялила на себя что-то из гардероба покойной бабки, став сразу на пятюк лет старше и словно горбатее, потеряла себе лицо испачканной о кору ближней елки ладонью, отдала Витьке оружие и собралась вылезать из кустов.

В последний момент Витя ее придержал. Впервых, срезал ей дубинку - посох - на всякий случай. Во - вторых, велел дать крюка - и выходить так, чтоб не отсюда, не от машины.

Ирка кивнула, нервно облизнула губы и двинулась пригнувшись - делая петлю.

Витя огляделся и вновь приложился к биноклю.

Ирка отнеслась к приказу ответственно - дала крюка на добрых полчаса. Наконец уже извертевшийся на своем сером полипропиленовом коврике Виктор увидел свою суженую-ряженую. Та шла навстречу бабе с ведрами и приветливо махала рукой. Баба поставила ведра на снег, заозиралась по сторонам. Собачонка подбежала к женщинам, стала брехать тонким голосишком, размахивая хвостом так, что завияляла вся задняя половина собачьего тельца. Неторопливо подошел мужичок - тож с ружьем за спиной.

Постояли так несколько минут, о чем-то разговаривая - и Ирка с мужичком пошли к тому новому дому. Вроде бы мирно пошли и потом их закрыл стоящий рядом с новостройкой дом синего цвета. Теперь оставалось только ждать. При удачном раскладе - Ирка через полчаса должна была выйти в просматриваемое пространство и дать знать - что тут такое.

Стрелка часов словно прилипла к циферблату. Полчаса ползли, как машины в вечерней пробке на Лиговском проспекте. Виктор то брался за бинокль, но там - в деревне все было так же тихо и спокойно, то слушал, что творится вокруг. Лес шумел под ветром, шуршали ветки, какието птахи уже вовсю звенькали и тинькали, но ничего тревожного не обнаруживалось и в лесу.

- Наверное, там сейчас Ирка язык расплела, и все из ее головы выветрилось - с неудовольствием подумал Виктор.

Но до отведенного на контакт с местными представителями человеческой цивилизации времени оставалось еще куда как много минут.

Витя, в который раз снова прикинул свой арсенал - получилось то же, что и раньше - ДП на сошках, три полных диска к нему, полсотни винтовочных патронов из магазина - на всякий случай, Иркина помповушка, три десятка патронов с картечью и пулями к ней, да пара ПМ с запасными обоймами. Все пристрелянное, почищенное, смазанное. Вполне достаточно - ну не общевойсковой бой вести, но обидеть куда как более серьезного противника, чем пяток мужиков с двустволками. Так и Виктор зря время не терял - и вполне насобачился бить из дегтяря с разных положений - и в том числе отсекал по одному выстрелу или давать короткие очереди - по два или по три патрона, что оказалось не столь уж и хитрым делом. Техника вполне это позволяла.

Лежать было весьма прохладно, но Витька не мерз - наоборот - жарко было. В голову закралась такая мысль - что очень нелепо выйдет, если Ирка сейчас придет к нему и скажет:

- Хватит тебе тут бока отлеживать - заезжай давай, я обо всем договорилась.

И посмотрит еще сверху вниз. А он начнет собираться, да еще ронять что-нибудь и вообще... Или вообще Ирка не соблаговолит ноги бить, а пришлет какого-нибудь пацаненка. Витя даже разозлился заочно и на Ирку, и на этого гипотетического пацана, но потом сообразил, что никаких пацанов в деревне не видел. Ну да, тут же ни школы, ни чего другого детского поблизости нет, какие дети. Разве что из города могли приехать спасаясь. Но городской мальчонка черта лысого просто так побежит к незнакомому дядьке, как же, городские задницы от стула не оторвут. Скорее его деревенская бабушка побежит.

Не успеваю придти к скольконибудь ясному пониманию ситуации, а пальба вспыхивает снова, причем бабаханья нашего главного калибра - с колокольни уже не разовые, а садит Андрей одну пулю за одной. Страшно хочется повернуться, но мне уже не раз говорили - дали боевую задачу - сполняй с усердием и не умничай. И когда прямо передо мной за край гаражной крыши хватаются две руки в рваных перчатках, я успеваю только порадоваться, что не повернулся. Еще у меня хватает ума прикинуть - куда пули из Калаша пойдут - не зацепят ли стоящий чуть поодаль ПОТ или там вокзал - не зацепят, славно - я начинаю стрельбу, целя в правую кисть, успеваю заметить, что попал и потому вымахнувший на крышу в трех метрах от меня приземистый мужичок изза подломившейся руки (или лапы), заваливается в сторону и прямой победный прыжок его проваливается, получается скомканным, уваливает недоморфа вбок, в сторону выбитой опоры.

До меня доходит, что я дал истерически длинную очередь, сводя траекторию его башки со струей пуль - и к моему дикому счастью последние из этой струи находят мозги напавшего. Руки не очень слушаются, тем более, что я нелепо отпрыгиваю спиной вперед - совершенно инстинктивно, лишь бы подальше от разинутой в метре от моего ботинка зубастой пасти. Второй магазин. Скорее, на замену, патрон в стволе, передергивать не надо - и тут же передергиваю затвор зачемто, патрончик вылетает и прыгает по крыше. Черт, первый магазин на крышу упал, наклониться нельзя - может, гость был не один.

- Третья, четвертая тройки - на исходную, бегом!!! - орет Ильяс.

Ну, на исходную - это значит вернуться на тот ряд крыш, с которого начали. Опять топот сапог по гаражам. Разворачиваемся, готовы к стрельбе. Местные побледили, вцепились в свои автоматы и ружья. Наши первая и вторая тройки перекатами бегут к нам, прикрывая друг друга, но при этом чтото панически вопят, каковой маневр мне не понятен - в первых тройках у нас костяк, самые обстрелянные, паника - не их стиль. Это наша четвертая - вообще из меня с Сашей, а в третьей - Надя с курсантами... Некомплект у нас.

Мужики, пасущие, как я чуть раньше, берег и пустырь, начинают оборачиваться, но я рывкаю на них, чтоб свой сектор блюли. Приятно рывканьем свой страх прикрыть и убедиться, что твой страх не одинок, есть бояки и боячистее.

Панические вопли и показушное бегство сработали - теперь я сам вижу третью волну недоморфов, купились на старый азиатский трюк - и их, черт возьми - десятка два! Но сейчасо у меня фора в дальности - и теперь - приклад в плечо и прицельные очереди коротенькие. Атака кончается быстро - нарвавшись на плотный огонь, упыри тут же снова прячутся. Только двое не успели вдобавок к тем, кого удалось свалить сразу - один пытается удрать по проезду - и по нему с азартом лупят местные мужики, другой видно с перебитой ногой оказывается под огнем и Сереги, и Ильяса. Андрей почемуто бахнул всего пару раз... А на крышах - при беглом осмотре - не меньше дюжины тел... И это только те, кого мне отсюда видно.

Подбегает взмокший Ильяс.

- Уф! Видал миндал, а?

- Да их тут сотни!

- Сотни не сотни - а много. Какие мысли?

Я задумываюсь, хотя вообщето подозрения и раньше были.

- Ну, мне кажется, что те, кто тут обосновался, зря головы людям резал. Трупыто кидали за пределы гаражей. Вот и раскормили себе на радость толпу недоморфов. А от толпы недоморфов за такими баррикадами не отсидишься, да еще, если с окружающими воевать. А недоморфы в этой заварушке отточили умение - да что ты спрашиваешь - не зря же обезьянье бегство с воплями устроил, а?

- Были такие мысли. Только не отвлекаясь - сколько тут недоморфов выходит? Из

расчета кг мяса на морфирование?

- Ну не знаю, я такое диетпитание никогда не рассчитывал. Так среднестатистично - с полсотни. Минимум. Да еще и какойто заковыристый морф впридачу.

- Бибини развесистые!

Командир начинает бурно общаться с Андреем, потом прерывает разговор, чтобы наорать на водилу приданного ПОТа - тот собрался ехать в обход «чтоб перерезать пути отступления мертвякам». Водила этот явно про «золотой мост» не слыхивал.

Опять бахает Андреев слобой.

- Короче так - говорит Ильяс старшему из местных - пока ваши не соберут тридцать человек толковых стрелков - мы не рыпнемся ни шагу. Такие пироги с котятками. Минимум тридцать стрелков! Да, и собак с собой - не меньше трех. С поводьями. И в ПОТы - комплект стрелков. Либо через час мы отсюда сматываем.

- Никто вас отсюда не повезет - возражает старший местный, долговязый, с простуженным басом.

- Ничего, мы по льду пешочком. До завода какнибудь дочапаем. Куда магазин дел? - неожиданно оборачивается Ильяс ко мне и тычет пальцем в пустой карман на разгрузке.

- Ну, обронил... На крыше...

- Ай, молодца! - и повернувшись к долговязому басу - Я серьезно, между прочим, время пошло.

Мы сидим на крышах гаражей и ждем. Противник тоже затихарился. Андрей подстрелил еще одного, нахрапистого - и пока не видит больше целей. Тишь да гладь, только вот мы и трети гаражного хозяйства не прошли. Ракурс совершенно необычный - в таких гаражных хозяйствах бывал часто - ряды гаражей, поставленных к проезду передом, к соседу - задом, сами гаражи кто во что горазд, металлические ворота с внушительными замками, которые воруны уже наловчились обходить, срезая болгарками петли ворот и в каждом гараже - куча всякого хлама - от мешков с картошкой до старых покрышек, разного железа, стеклянных банок, всего того, что выкинуть бы надо - а жалко. Так что в целом - вид привычный. Но я ни разу не сидел на крыше.

- Ишь ты! Глянька похоже - денег внизу накинано! - глазастый Серега тычет пальцем.

Действительно - в проезде метрах в двадцати на асфальте чтото знакомо - цветастое.

Только сейчас понимаю, что это купюры в россыпи - пятачки, сотни и полтинники - и довольно много.

- Э, кому они нафиг нужны!

- А у моих опять все вклады гавкнулись - третий раз уже - грустно замечает Вовка - то гайдаровская реформа, то кириенковский дефолт - теперь вот еще и это.

- Деньги не должны лежать, они должны работать! - наставительно заявляет сидящий потурецки рядом с Вовкой Ильяс.

- У тебя - что совсем ничего не пропало?

- Я умный, хитрый, предусмотрительный, корыстный и эгоистичный! - хвастливо и высокомерно заявляет Ильяс.

- Маня величия! Сейчас скажет, что его фамилия - Рабинович. То есть - Абрамович! - смеется Вовка.

- Мне моя фамилия нравится больше. Но благодаря тому, что я умный - я грамотно вкладываю средства.

- Это куда?

- В своих детей. Это самое лучшее вложение денег.

- Брось, сколько уже раз слыхали - ребенку ни в чем не было отказа, как сыр в масле купался, а потом ему не купили очередную навороченную фигню - и он мамашу зарезал, так огорчился. Деньги тут мало что значат!

- А вот и нет. Просто дети - это такой банк, который принимает только свою валюту. А всякие другие - доллары, евро - котируются на уровне монгольских тугриков прошлого века.

- И какая же валюта, о мудрейший и коварнейший принимается детским банком? - со

всевозможным почтением и восточным подобострастием в голосе обращаюсь я к Ильяс.

- Время. Терпение. Забота. Внимание. Вы записывайте - и лучше высекайте на камне, ибо воистину велика истина. Заниматься с детьми надо, учить их своим примером, собой показывать, как жить надо, играть с ними, на вопросы отвечать. А если только деньги давать - то это не родитель, а банкомат. А банкомат хорош, пока деньги дает. Не дал денег - плохой банкомат! Получи мамаша в репу!

- Да ты философ! Диоген!

- В бочку его, в бочку!

- Дураки! Просто у вас еще детей нет. Потом еще меня вспомните - точно говорю.

- Ну ладно, запомним - а сейчаство какой план действий?

- План простой. Но настоящий военачальник не доверит его даже своей ночной подушке! А уж вам разгильдяям - тем более. Вот подтянутся эти портовые - тогда и скажу.

Портовые неожиданно подтягиваются кучей - и их больше, чем полста да с собаками. Вот те раз! То было проводника не найти, то толпой повалили. И собрались быстро.

- Ишь, зачесались! - отмечаю я неочевидный для моих товарищей факт.

- Трофейщики! Почуяли, что тут зачистить можно - вот и поперли - бурчит сердито Вовка.

- Может у них тут их собственные гаражи, как у нашего гидрографа - зрит в корень проблемы Ильяс. И тут же недовольно замечает:

- А так - конечно трофейщики - мы тут патронов пожжем, а они все сладкое съедят, пока мы героически будем героить...

Обсуждение плана действий занимает немало времени. Собственно, он и впрямь прост - действуем как раньше, только уже пройденное нами место закрепляется сразу местными. Нас с Надей грубо изгоняют из числа штурмовой пехоты, заменяя водолазами. Не могу сказать, что меня это сильно огорчает. Расстояния тут небольшие и против еще петровского устава пехоты мы не грешим - а надо заметить, что в отличие от просвещенной Европы в уставе русской армии, авторство которого принадлежит Петру I, предписана помощь раненым во время боя. В прусском уставе помощь раненым была предусмотрена лишь после боя. Французские и английский уставы того времени помощь раненым не предусматривали вообще. Мало кто это знает, к слову. Сам в свое время удивился...

Доходим до ПОТа, присоединяемся к Демидову. Тот уже весь извертелся и если б не чеканно высказанное обещание отправить его обратно в Крепость, если начнет тут бегать, данное Андреем от лица всей команды - то, наверное, и удрал бы. Правда Ильяс ручку от дверки в фургон забрал с собой, но, может быть, бездомный не потому остался сидеть?

Теперь сидим втроем. Кроме нас - еще местный паренек с охотничьим СКС. Немногословный и вроде испуганный нашим соседством. Распределили амбразуры. Моя - в правом борту.

Пищит рация. Ильяс снизошел. По его плану - когда дождут недоморфов к краю гаражей - они либо пойдут в последнюю атаку, либо попытаются смыться. Вот тутто мы и выдвинемся им наперерез. Как мотокавалерия. И довершим преследованием и разгромом отступающего противника.

Ну, прямо как война со злыми готтентотами. Или зулусами.

Но вообщето все правильно, по канонам. Тот же Наполеон продул войну по простой причине - в России потерял кавалерию. Потому, насавав по сусалам Блюхеру, не смог выполнить то, что всегда делал - добивал отступающих в беспорядке противников лихим кавалерийским ударом. Удирающую вражескую пехоту своя пехота догнать не сможет - скорости равны, а вот кавалерия догоняет отлично и вырубает под корень, или забирает в плен. Потому рассыпавшиеся разгромленные пруссаки собрались снова в кучу, отряхнулись - и вовремя явились на поле Ватерлоо.

Кавалерист прошлого - это как танкисты сейчас - учить его долго и главное без практики никак. Что любопытно - и лошадку тоже надо учить - и чтоб слушалась, и строем ходить умела, и пальбы не боялась. То есть после похода на Москву и лошадей набрали, и

людишек хватило, да только мало человека назначить кирасиром и выдать ему блистющую кирасу, шлем с черным конским хвостом на гребне и тяжелый палаш. Он остается штатским лопухом в каске и кирасе. Надо еще учить и учить. И строю и рубке. А времени и не хватило. И загремел Боня в Робинзоны Крузо с прислугой. Скучал, говорят, сидя на острове...

Мы тоже скучаем, нервы напряжены, ждем у моря погоды.

Говорить совершенно не хочется. Только Демидов что-то бурчит себе под нос. С трудом ухитряюсь расслышать что-то вроде: «Меня засосало опасное сосало...»

Стрельба вспыхивает еще дважды и тут наша коробочка так резко дергает, что чуть не валимся с ног долой. Ну да, отвыкли как-то с Вовкойто в шоферах. Прыгает по кочкам машина недолго - и в рамке грубо пробитой амбразуры вижу, что мы выскочили за гаражи - пустырь, вроде и пруд какой-то. Тормозит чертов водила не хуже, чем стартанул - первый момент только б удержаться - и в прямом и переносном смысле - чтоб не завалиться и не материться.

В амбразуру видно, что наши все же добились своего - по пустырю шустро утекает несколько человекоподобных фигурок, хорошо, что на одной из них яркокрасная куртка. Дальность тут смешная - метров 150, а с упора - так вообще пустяки. Чуток впереди - тоже кто-то лупит очередями, да и наши на крышах не стесняются.

Бегущих через пустырь становится все меньше и меньше, падают один за другим, потом высыпает еще с десятков - наши додавили тех, кто был в гаражах. И тут как на грех с противоположной стороны бойко выскакивает разукрашенный ПОТ. Мне отсюда видно, что он лихо сшибает бампером бегущего недоморфа и тут же резко тормозит. Либо я очень сильно ошибаюсь, либо дуреньводитель залихватски выскочил на директрису стрельбы, заслонил машиной улетающих - и получил предназначавшиеся им пули... Ой, похоже!

И минуты не проходит, как зуммерит рация у Нади, а водила опять дергает, грыжа пупочная - и прет как раз к стоящей машине. Паренек начинает бахать из своего карабина в свою амбразуру, но думаю, что зря - мотает его немилосердно.

Опять тормозим. Надя, наконец, дотягивается до рации - выслушивает, зачем-то несколько раз кивает головой, словно не с рацией говорит, потом поднимает лицо:

- Раненый у нас. Сейчас ребята организуют переноску, нам вылезать запретили. Сюда притащат.

Черт, так хорошо все шло, так удачно. Надо же - под самый конец...

Надежда Николаевна уже расстегивает свою медицинскую сумку и тянет оттуда резиновые перчатки. Ну да, разумно, мне тоже не помешает, не стоит возиться в чужой крови грязными руками... да и кровь у него тоже может быть куда как бесполезна. Мало ли он чем болеет, этот дурачина.

Виктор прождал отведенные полчаса, потом еще пятнадцать минут. Ирка не пришла, не прислала ни мальчонки, ни деревенской бабки. И это было очень плохо. Очень плохо.

Делать нечего - значит, подруга влипла во что-то гнусное. Надо идти выручать. Зря бабу послушал. А с другой стороны - что оставалось?

Виктор подумал уже о том, чтоб взять и смыться. Раз такая умная - пусть сама и выкручивается, но это было первым - и как он трезво оценил - дурацким порывом. Надо выручать.

Еще раз тщательно оценил местность. Прикинул, что если идти прикрываясь дровяным сараем, а потом, перебравшись через полусгнивший заборчик, добраться по огороду до того домишки - то вряд ли кто заметит. Там можно выбраться как раз к поленнице и вдоль нее - до бабы у колодца. А дальше будет видно. Поднялся и, пригнувшись, взяв дегтяря наизготовку, тихо пошел намеченным маршрутом. Главное - не суетиться, не делать резких движений - они привлекают внимание лучше всего, а внимания пока Виктору не хотелось.

вовсе.

Снега в огороде оказалось больше, чем он думал, проваливался по колено. Паршиво - и следы видны и если что - обратно бежать будет тяжело. Перевел дух, прислонившись спиной к серым доскам сараюшки.

- А что если заглянуть в дом? Он на задворках, убогий, но жилой - глядишь, что и узнаю, прежде чем высказиватьто. Выскочитьто я всегда успею. Только вот тут выигрыша мне никакого - мне и одного выстрела дробью хватит, а вертеть тяжеленным дятлерем - посложнее будет, чем двустволкой... Можно конечно идти с пистолетом или помповушкой, а дегтяря на плечо закинуть... Нет, лучше уж так. Спокойнее. Так, вот дверь. Не видал никто? Не видал. И ладненько...

Виктор тихонько пихнул входную дверь и скользнул в темноту сеней.

Маленькая площадка у входа, три ступеньки вверх - это он разглядел, пока закрывал за собой дверь. Потом тихо постоял, пока глаза привыкли к полумраку, и двинулся вперед, ступая так, как писали во многих пособиях - мягко перекачивая ногу с пятки на носок. Чертовы доски пола не знали о бесшумной походке ниндзя и скрипели. И ступеньки - тоже. Все внимание ушло на соблюдение тишины, и потому некоторое время Виктор прикидывал - куда идти - потом сообразил, что справа - явно вход в сарай, а вот коридор из сеней налево - в дом. Так же тихо он свернул влево и когда обернулся на тихое шкрябанье - было уже поздно.

Всетаки ручной пулемет оказался длинноват для узкого прохода и край приклада зацепил висящее на вбитом в стенку гвозде здоровенное корыто, которое мягко подалось в сторону, ручка лохани соскользнула с торчащего почти горизонтально гвоздя и оцинкованная дрянь медленно и величественно - как дирижабль «Гинденбург» пошла вниз, гулко грохнула об пол и поскакала не теряя солидности по ступенькам только что пройденной Витей лестницы. Ясно, что такой тарарам не остался незамеченным. Дверь в теплую часть дома начала открываться и старушечий голос спросил:

- Кто там?

Я вижу в свою амбразуру, что к нам бежит троица наших саперов, пальба с гаражей утихла, зато наш сосед задербал из своего карабина, то и дело вставляя новые обоймы. Саперы добегают до кабины нашего водилы.

- Ты с дуба рухнул, дятел птичий? Сися мамина, ты куда выперднулся, притырок? - орет Крокодил.

Точно сейчас будет смертоубийство - сначала одна ПОТ, а потом и наша выкатились так, что закрыли удирающих недоморфов. О, точно, это легко узнаваемая по сочному звуку оплеуха, причем добротная, увесистая. Надеюсь, это нашему водятлу прилетело.

Пора, пора вылезать, Киваю Надежде и Гаврошу, выпрыгиваю из кабины, они следом.

Метрах в пяти валяется врасстыр тело недоморфа, сначала я пугаюсь, но потом вижу выходное отверстие, превратившее лицо бывшего человека в дыру на полголовы и понимаю, что это создание уже не опасно.

К нам набегают еще с десятков человек - и наши, и портовые. Лай стоит до неба, водила нашей машины держится за морду - явно словил плюху, за него вступаются какието мужики, наши тоже тут же, вотвот начнется потасовка.

Успеваю схватить за рукав и прибежавшего (еще бы!) Фильку.

- Филя, сделай хоть чтонибудь - тут же сейчас стенка на стенку будет и еще и со стрельбой!

Водолаз легко выворачивается из моего хвата и рывкает:

- Сам вижу, ранеными займись!

Вона как! Уже не один раненый!

Мой приятель ввинчивается в толпу, следом за ним те, кто с нами приплыл и те, кто Ленку искали. Страсти в толпе накаляются, слышу особо громкие ругательства, в основном матперемат переливчатый и многоколенчатый, но улавливаю и необычное:

- Минустрация ходячая!

- Сам гарила валасатая!

- Аманды шыгарамын!

- Раха пелуда, педасо де идиота, энано нарис! - последнее совсем неожиданно, тем более что голос явно Сашин.

К моему глубокому облегчению раненый оказывается всетаки один. Вид у него жуткий - вся физиономия в кровище, руки, которыми он за лицо держится - тоже, но характерных признаков пулевого ранения - я не вижу. Страшно хочется дать ему в ухо, но вместо этого ласковым и успокоительным голосом начинаю его убеждать убрать от лица руки и позволить мне посмотреть, что там у него. Моргаю со значением Наде и пытаюсь носом показать, что пока лучше бы ей поглядывать по сторонам. Она неожиданно делает совершенно другой вывод - решительно кивает и вслед за Филей ввинчивается в толпу.

Не, так дело не пойдет!

- Идти можешь? Слышишь меня? Идти можешь?

Он может. И потому я дотягиваю его до салона его же собственной машины - так с открытой дверью и стоит его барабайка. Попутно отмечаю, что стекло кабины расхлестано вдрызг - и, скорее всего морду ему посеколо именно битым стеклом. Когда, наконец, он убирает руки и мне удастся протереть тампоном с фурацилином (не хотел брать банку с жидкостью, ан пригодилась!) его морду понимаю, что не ошибся - вся кожа в мелких ранках, неглубоких, но сильно кровящих. Это впрочем, ерунда - вот глаза он не открывает, как бы туда не залетело.

От души мажу ему ранки зеленкой, борясь с сильным, властным желанием написать ему на лбу - как наименее пострадавшей части тела чтонибудь характеризующее моего пациента, но опять же сдерживаюсь.

Черт его знает - может быть, чеховские героиврачи и относились ко всем своим пациентам иначе, но сейчас то ли пациенты другие, то ли врачу милосердие стало чуждо в ряде случаев, но когда за помощью обращается очередной мудака - никак не получается ему сочувствовать. Глава семейства, спьяну решивший позабавить жену тем, что пробьет башкой дверь, обдолбанный наркоман, просветленно понявший, что умеет летать и действительно пролетевший с четвертого этажа, водятел, на спор маханувший по встречной полосе и не выигравший спор, потому как на 6 минуте воткнулся в легковушку с пенсионерами или любовница, в припадке ревности стрельнувшая своему бойфренду в мошонку из травматического пистолета, а потом от страха порезавшая себе руки и потому требовавшая от прибывшей бригады первоочередной помощи себе, любимой.

Кстати потом накатала жалобу на нечуткого Петровича - тот занялся мужиком, а на ее порезы глянул мельком и посоветовал наложить пластырь, чем обидел эмоциональную дуру до глубин души. Если таковая у нее была.

К слову - если кто режет себе кожу на запястьях, демонстрируя якобы стремление к самоубийству - то такого можно смело из суицидников вычеркивать. Ибо это демонстративная истерическая показуха, не более того. Тот же Петрович после разбора жалобы злобно заявил, что ввел бы в список медицинских лечебных процедур еще и интенсивный массаж ягодичной области таких пациентов массажером типа «ПДМ» - и расшифровал аббревиатуру как «палка деревянная медицинская». Впрочем, тот же способ лечения Петрович предлагал и в других случаях - даже и в токсикологических, когда например посреди зимы пришел вызов на «укус кобры». Думали люди шутят, но все оказалось верным - пациент в припадке чуйств решил поцеловать жившую у него в террариуме кобру, а она была против, вот и кусила.

В отличие от Вещего Олега пациента спасли, но вот отношение к нему... Хотя приятель - фельдшер на некоторые вызовы брал с собой баллончик с кислородом - как

ударный инструмент вполне пригодились. Как еще можно переубедить пациента не бить лекаря с целью грабежа? А дачей кислорода. Прямо в баллоне. По хребтине. Кстати - помогало. Видимо предки лучше понимали рефлекторную связь между ягодичными мышцами и корой головного мозга.

С глазами у моего пациента и впрямь беда. Левый открывается нормально, а вот правый - правый открыть не получается, насколько выходит его глянуть и по жалобам судя - влетел парню осколок стекла, и хорошо если один. Старательно объясняю, чтоб поменьше вертел глазами и забинтовываю голову - подложив салфетки на глазницы. Тут ведь какая проблема - глаза у большинства людей двигаются синхронно, а если в глаз попал осколок, лучше, чтоб глазное яблоко не двигалось - меньше повреждений будет. Но если другим глазом пострадавший будет вертеть - то соответственно так же будет и поврежденный глаз двигаться, потому если есть возможность - лучше завязать больному оба глаза. Успокаиваю, насколько могу, вроде сидит тихо, не рыпается. Успеваю обезболить и, наконец, глянуть через неаккуратно пробитую амбразуру - что там, за пределами кузова.

Все же до драки дело не дошло, шум несколько стихает, мужики начинают перебрехиваясь расходиться - во всяком случае, наши отходят к машине, где сижу я.

Сапер Правило просит остальных отойти метров на несколько и встает прямо под моей амбразурой с Ильясом.

- Ну - довольно грубо говорит Ильяс, набычившись и держась явно неприязненно.
- Не нукай, не запрыг. То, что сейчас произошло - твоя прямая ошибка.
- Знаешь что, ты мне не мамаша и поучать меня не надо! Я таких учителей вертел пропеллером на одном месте!

- Таких - не вертел. А если не хочешь зазря своих людей угробить и себя туда же - изволь слушать. Или слушаешь - или я своих увожу, мне эта похабелъ не по душе.

- Я этим моторизованным кретином не командую! Этот долговязый говорит, что человек не их - а со складов. С какого это интереса мне за действия полудурка отвечать, а? Ко мне какие претензии?

- Игнат не виноват и Ирина невинна. Только хата виновата, что пустила в ночь Игната! Не может быть кучи командиров - я тебе еще раз говорю. Не может! Если ты взялся за командование - то тебе должны подчиняться, понял, хан Батый?

- Да иди ты! Тоже Ярослав Мудрый нашелся. Вот конкретно - какая у тебя ко мне претензия?

Я почемуто четко чувствую, что достаточно самолюбивый снайпер все же держится неуверенно, раз позволяет саперу делать такой выговор. А мне и любопытно - да и неловко обозначать свое присутствие при таком тонком разговоре. Сразу надо было бы их окликнуть, теперь уже поздно.

- Запомни раз - и навсегда. Командир может быть только один. Иначе позор и нелепица, еще и с кровью. Зря пролитой причем. Я тебе уже говорил - местных надо было построить, либо ты ими командуешь - либо они тобой. Никак иначе. Говорил?

- Как, как строить? Они тут сами по себе! Ты ж сам видел!

- Закакал! А вот так и строить - кто старший? Поступаете под мою команду, доложите обстановку и свои силы.

- И послал бы он меня сходу.

- А мы бы и пошли. С удовольствием. И доложили бы по команде - местные не имеют охоты к сотрудничеству. Ты что всерьез считаешь, что нам тут какаято польза будет? Нет, вот так вот, откровенно, не финтя? Кроме сожженных патронов и потери времени?

Ильяс както мнетя. Мне кажется, что сейчас сапер наступил грубым сапогом на пушистый Ильясов хвост. Не, мне точно засвечиваться не стоит.

- Была мысль...

- Да ну? Это тебе показалось, не может такого быть!

- Кончай! Тут у этих раздолбаев - головорезов в гаражах был пулемет серьезный. Местные по гаражам не шарились, они их как чумы боятся.

- И ты изза такой фигни сюда полез? Изза ручника?

- Кронштадтские обещали за выполнение хороший приз... Им тут нужно, чтоб спокойно было. Они говорят...

Правило перебивает Ильяса очень иронично:

- Говорят, что за морем кур доят. А поплыл за молоком - так прозвали дураком! Ты что считаешь, что ваша артель одна такая героическая? Больше и послать некого?

- Так не послали же!

- Да ну? Пока мы разогнали стайку недокормленных недоморфов. Основная цель - где? И с чего это местные гаражей боятся, а?

- Напекаешь, что мы тут типа штрафников?

- Нет. Просто не свои - потому и не жалко. И ты насчет этого подумай. И еще - перед маршем - хоть и по воде - бойцам пить алкоголический алкоголь не давай. Вообще. Курка этого чудом спасли. И я тебе говорил, между прочим, чтоб не пили за обедом.

- Э, пьяному море по колено!

- Опять неверно - точный текст: пьяному море по колено, а лужа - по уши. В тютельку как у нас и получилось. Так что сейчас строишь местных - если что - поможем. Глотку не дери, но непреклонно. Или сматываем удочки. Сейчас скоро темнеть будет - так что гаражи сейчас дочистить надо.

- А те, которые удрали?

- Тех пусть сами чистят. Не маленькие. Все, пошли.

Незаметно вылезаю из кузова. Наши плотной кучкой стоят неподалеку.

- Ну, чего делаем?

- Ждем - отвечает Серега.

- Ждем, как под дождем! - бурчит себе под нос небритый сапер Васек.

Что ж - ждем, так ждем. Раненый пока вполне может себе такое позволить, а мы - тем более...

- Кто там? - повторно спросила бабка.

- А кого ждали? - ответил Виктор, нервно перехватывая дегтярь.

- Костык должен за яйцами зайти - информировала его бабка.

- Ладно, меня зовут Виталий. Хочу узнать, что у вас тут творится. А мои друзья - вокруг в лесу, так что...

- Тото ты ружьями увешан, даже в дом зайти не можешь, чтоб не повалить тут все - усмехнулась старуха.

- А это ты к чему?

- К тому, что девчонка твоя уже тут за дураков всех держала - и вляпалась. И ты мил человек - тоже вляпаешься. И не Виталий ты и приятелей у тебя в лесу нет. Пришли вдвоем, а теперь ты один, считай, остался.

Витя немного обалдел.

- А с чего это вы решило?

- А с чего это не решить - передразнила его бабка. И сжалившись, сказала немного свысока:

- Из леса девка - а мытая. Волос чистый, а морду запачкала, думала верно, не заметит никто. Пахло от нее - мылом да маслом ружейным - а ружья нету. А на тебе - как раз на двоих хватит, столь навешано. И имя когда говоришь - не заикайся, видно ж, что выбирал, как назваться. Нужното чего, у меня кроме пяти яиц и курочек двух и взять нечего, да и не советую, я тут под защитой.

Бабка подумала и добавила:

- Крыша у меня тут!

- Не, еды у меня хватает. Я думал в ремонтную мастерскую податься, у вас тут была. Я помню, чинился тут раньше - сообщил селянке Виктор.

- А что не подался, а по задворкам шарисься?

- Так время такое, видели в лесу машины разграбленные и людей там побито много было.

- Ага, решили значит, что девка проверит, а ты за ней следом? - бабка очень выразительно хмыкнула.

- Да в общем так...

- А и дураки вы оба набитые. Девкетто простительно, а ты о чем думал?

- Что здесь происходит? - спросил Виктор.

Бабка помолчала. Потом подняла глаза и прямо в лоб, жестко:

- Вы кто такие, откуда взялись - и где живете. И не ври, сокол, хватит уже врать.

- Из Питера. Тут у Арины жили.

- В Ольховке, что ль?

- Да, там - Виктор решил открыть карты, хотя б и не полностью. Если все пойдет наперекосяк - по его следам добраться до Ольховки несмотря на все петли и его жалкие следопутанические трюки - не проблема совсем.

- Как Арина поживает?

Виктор опешил.

- Да никак она не поживает, умерла она, угорела зимой.

- Надо же... И давно? - закручинилась бабка.

- Три года уже как...

- Надо же... А ты ей родня?

Виктор на секунду задумался - не выдать ли себя за восьмьюродного внучатого племянника шурина деверя Арины, но решил не впутываться, больно уж бабка стояла умиротворенно и безмятежно.

- Нет, не родня. Знакомый. Останавливались мы у нее.

- Так вы те дурни, что в лесу чтото шароебились? Сразу не признала, а по рассказам похож. Ладно, раз так. Арине спасибо скажи. Глянулись вы ей тогда, а мы с ней сродственницы. Вот сюда - зря заявились. Очень зря.

Странно, но наезд Ильяса получился удачным - местные стушевались немного под его напором. ПОТы остаются на месте контролировать окрестности гаражей - а мы возвращаемся на прочесывание. Ильяс хочет найти пулемет и морфа. То есть себе на задницу приключений. Надо будет посмотреть какнибудь, нет ли у него вместо пупа гайки, как у того героя сказки. Тот помнится, все искал гаечный ключ на свою нестандартную гайку. Наконец нашел, открыл - и у него ползадницы отвалилось.

Мы опять лезем на крыши. Теперь с нами еще и собаки. Вроде бы всех активных недоморфов выбили - и морф никак себя не проявил. Теперь начинается тягучее и муторное - с многократной перестраховкой проверка гаражей. Ильяс словно шахматные фигурки переставляет наши тройки и местных. Нас с Надеждой и Демидовым определили в тыл - мы проверяем те гаражи, которые уже досмотрены нашими кумпаньонами. Задача простая - проверить, что тут можно сгрести полезного вообще - и в частности.

Полезного в гаражахто много, да вот беда - вряд ли нам местные дадут все захватить. В лучшем случае мы сможем утащить трофеем - да и то - тут нас опередили - мы как раз добрались до зомби, валяющихся на перекрестке - один точно за спиной чтото оружейное имел, я ж запомнил оружейный ремень на черной кожаной куртке - ан нету уже, спер кто-то, пока наши выжимали остатки недоморфов с окраины гаражей.

То, что тут происходило, даже мне понятно - чисто обглоданные кости, следы

суматошного боя то в одном, то в другом месте и рубежи обороны, которые засеившие здесь головорезы сначала заготовили старательно, но явно против людей, машин и тупых зомби - и лихорадочные нелепые баррикады, сляпанные совершенно уже глупо, в ужасе - когда за головорезов взялись вскормленные ими же недоморфы. И гильзы, ошметки одежды, всякий мусор, придающий брошенному полю боя сходство с мусорной свалкой.

Единственно, что нам попало дельного - ремонтная яма, куда кто-то хозяйственный аккуратно сложил несколько центнеров картошки. А так - всякие инструменты, баночки с краской, маслом, черт знает чем, и черт же знает зачем и всякая гаражная хрень. Те зомби, которые там были, уже вычищены, и взгляд проскальзывает по их телам, не цепляясь.

Ну и, разумеется, куча запчастей ко всем машинам мира, которые может и пригодятся когда, но не мне. Замечаю, что Демидов шмонает по карманам трупы, всякие бумажки бросает сверху на обысканного, а что-то забирает себе.

- Эй, Гаврош, ты кончай так мародерить. Надерут нам уши по твоей вине. Ты б еще зубы золотые драть начал.

- А чо, им все равно это без толку. И потом вы ж с жмуrow берете всякое - а мне и нельзя?

- Так мы оружие берем, а ты вон всякие вещи. Иди вон давай, карауль снаружи.

- Байду говоришь. Сам мародер - а туда ж...

- Иди иди, лекции мне тут будешь читать - пользуюсь я своим извечным в таких спорах правом более толстого и крупного взрослого.

Демидов вылезает из гаража и окликает нас с Надеждой:

- Эй! Лекари! Тут мужик ранетый!

Переглянувшись с Надеждой, выходим из гаража и видим, что из небольшого сильно замусоренного тупичка с видимым усилием, на подламывающихся руках, волоча ноги, к нам грузно ползет толстый мужик в замызганном камуфляже. Он что-то жалобно бормочет, почти внося носом по насту, заметно, что и головы ему не поднять, потому нам видна только натянутая на его башку ушанка. Когдато пушистая, дорогая, а сейчас слипшаяся и паскудно выглядящая.

Не сговариваясь, делаем шаг к нему и мне приходит в голову, что вообще-то при таком разгуле недоморфов живому тут уцелеть было невозможно. Прихватываю Надю за локоть, она непонимающе оборачивается.

Мужичок еще ползет, но видно, что сейчас выдохнется полностью.

- Демидов, у тебя зачинки с собой есть?

- А то!

- Кинь одну слева от мужика!

Демидов кидает обрезанную ракету и та укатывается в сторону слева от раненого.

- Зажженную кинь!

- Так бы и сказал! - и на этот раз стажер поджигает свою фиговину, бросает ее, и она через пару секунд начинает гореть пыльным малиновым огнем, шипя, словно рассерженный кот.

- Твою ж мать! - булькает горлом наша медсестричка, хватаясь за автомат.

Огонь я успеваю открыть чуть раньше, все-таки ждал чего-то такого.

«Раненый» поднял, наконец, голову и глянул на пылающую в паре метров от него ракету. Нам отчетливо видно, что лохматая шапка скрывала за свалевшимися грязными сосульками меха - уже нечеловеческую зубастую харю.

- Тикай!!! - очень грамотно подает совет Демидов, пускаясь наутек - получив несколько пуль, кадавр стремительно кидается на нас - причем оказывается, что волочившиеся ноги все же работают - он шустро прет на четвереньках, резко вихляя всем телом, отчего становится похожим на атакующего крокодила.

Бегство наше вряд ли выглядит героически, мы бежим стремглав, понимая, что эта зараза бежит ну разве что чуть медленнее нас, очень уж рывок получился впечатляющим.

- Робя!!! Атас!!! Морф!!! - верещит как резаный поросенок Демидов.

С громадным облегчением слышу грохот разнобоистой пальбы, причем особо радует длинный гром пулемета, но то, что чвакающие шлепки раздаются совсем рядом за моей спиной - подхлестывает куда сильнее, чем олимпийская медаль.

Потом раздается многоголосый хохот.

Оборачиваюсь на бегу.

Эти олухи царя небесного ржут как кони и мало что не пальцами тычут. Морф валяется от нас метрах в тридцати, уже не шевелится. Ну да, чертовы придурки, конечно, мы выглядели комично, продолжая забег, когда морфа уже спекли.

- Кругом, бегом, об стенку лбом, отставить, сам покажу!

- Зенит - чемпион!

- Эй, медицина! Чего остановились? До финиша еще двадцать метров, об забор не убейтесь!

- Вовка, засранец! Пошути еще! Мы тут чуть не сдохли! Какого хера тупичок не осмотрели, а? - выговаривать сразу не получается, дышалки не хватает, потому выдаю с драматическими паузами.

- Да ладно, не графья! Вы прям как ВицинНикулинМоргунов неслись, хоть кино снимай!

- Ты, Вовка, допрыгаешься! - чуть отдышавшись, включается и Надя.

- Ладно, хоре ржать! Серый, Правило, Крокодил - пошли смотреть чтокак - вмешивается Ильяс.

Потом, то ли получив в бок незаметный тычок от старшего сапера, то ли самостоятельно одумавшись - опять же распределяет сектора.

Они осторожно спрыгивают к нам в проход. Осматриваем морфа. РПД хорошо прошелся по нему, но и то, что осталось - впечатляет. Совершенно неожиданно выясняется, почему он бежал на четвереньках - у него нет стоп, инвалидом был, а намотанная на коленях слоен лента грязного скотча очень живо напоминает о наших побирuşках, косивших под «ветеранов войны». Цыганский бизнес, но вроде ж они по метро раскатывали - видел я их базу на «Московских воротах», как его сюдато занесло?

Ноги у него соответственно слабоваты, а вот ручищи и при жизни были мощные. А тут и тем более покрутели, вместе с зубами.

Подтягивается и парень с собакой. Ильяс выговаривает ему за пропущенный тупичок, но песик в этой паре выглядит уж больно испуганным - не столько идет, сколько его тащат, и вряд ли от собаки этого был бы прок. Вид морфа пугает пса до полуобморочного состояния и Ильяс, крикнув и махнув рукой, отпускает «кинолога».

Идем обратно в тупичок очень аккуратно.

Правило останавливается около кучи мусора и тянет из глубин за ремень нечто, что заставляет Серегу, покосившегося туда, радостно охнуть.

Словно Афродита из морской пены - из кучи веток, рваных тряпок, пластиковых пустых бутылок и неприлично ярких, хотя уже и запылившихся оберток от всякой дрянной жратвы появляется Пулемет Калашникова - с ручкой над стволом, с облегченным дырявым прикладом и тонким жалъцем пламягасителя. Сошки растопырены, а вот ленты чтото не видно. Видно те же мысли приходят в голову и саперам - они бойко распинывают кучу хлама, но без результата.

- Странно, трещотка прямо сверху лежала - даже и не запылилась, словно только что положили - с недоумением говорит Крокодил.

- Откуда морф вылез? - интересуется у нас Серега.

- Оттуда - не чинясь указывает перстом Гаврош. Получается, что ублюдок вылез из промежутка между крайними гаражами. Очень осторожно, все время страхуясь - причем героический стажер держит в руке наготове зачинку - заглядывают в тупичок. Опасного ничего нет, судя по тому, как перестали быть напряженными ребята, но вот нашли они там чтото явно нехорошее - помрачнели. Потом Крокодил вытягивает за ноги тело в сбродном камуфляже. Подхожу поближе - и становится не по себе - вроде б этот парень был среди

местного подкрепления, только узнать его трудно, голова свернута мало не затылком вперед, да еще и сплющена, словно ее зажали в тиски. Крови нет, только тонкая струйка водянистой красной жижицы из уха, да дикое выражение лица с нелепой сардонической улыбкой и выпученным глазом. Крокодил лезет мертвецу в нагрудный карман, достает какое-то удостоверение, раскрывает.

- Не свезло тебе, Юрий Михайлович...

- Лужков, что ли?

- Нет, Семеновский его фамилия. Вроде видел я его среди местных - запомнил еще - портки от городского камуфляжа, а куртка - натовская...

- А сюда как попал?

- Похоже - за пулеметом спустился. А потом этот выполз. Вот покойный и не прочухал, что это не раненый, а ловушка для добросердечных дураков... Тот его и хапнул, шею скрутил, да и голову сплющил - лапыто у инвалида как пресс.

- Этот инвалид еще и бормотал что-то жалостно. Слов не понять было, но жалобно так... - добавляет Надя.

- Насобачился попрошайничать... А интересно - где парень пулемет нашел?

Сергея начинает рассматривать наст в проходе, а я сую нос в закуток, откуда выбрался морф. В закутке не то свито гнездо, не то устроена берлога - тут годами скапливался мусор и всякий хлам и в этой куче словно выкопана - или продавлена - пещера. Смердит ацетоном и трупами, но чисто, никакого склада костей нет. А вот потрепанная безрукая кукла Барби валяется. Забираю ее с собой - может, кому из пропавших детей принадлежала.

Сергея стоит с новонайденным пулеметом на спине присматривает за окружающей местностью, остальные забрались в гараж с чуть-чуть приоткрытыми воротами. Лезу за ними и оказываюсь на костяной свалке - вот где столовка была у морфа. Но ребята смотрят что-то в глубине гаража.

Я уже обратил внимание на то, что железные створки ворот пробиты пулями изнутри во многих местах - и напротив гараж тоже пострадал изрядно - мне кажется, что тот, кого загнали сюда с пулеметом, устроил напоследок настоящую солдатскую истерику, долбая очередями, куда попало.

- Слушай, жадность - второе счастье, но уж границы-то должны быть! - укоризненно говорит Крокодил Ильяс, который чем-то бренчит, подсвечивая себе фонариком.

- Гаврош, иди сюда, помогай! - окликает Ильяс стажера, с любопытством ворошащего кучу обглоданных костей носком ботинка.

- Чаво?

- Гильзы собрать надо! Их тут сотни!

Демидов, не чинясь, идет к командиру.

- И нахрена тебе этот гильзач? - неодобрительно продолжает сапер.

- А переснарядим.

- Ну. Это ж мартышкин труд выйдет!

- Доктор, что скажешь? Как копарь?

- Да переснаряжали, было такое. А что касается гильз - в старое время милиципунеры цеплялись к мосинским гильзам, потому что тогда в магазинах свободно продавались капсулы именно такие, как в патронах. Это сейчас токо жевело в основном, да и то по охотбилету. Ну и взяв нормальную добротную гильзу, можно было ее переснарядить, сколь хочешь. Буквально на счет раз.

- А порох, пули? - сомневается Крокодил.

- Так из осечных патронов. Некоторые безбашенные вообще из свинца пули лили. Такие пули еще когда из ствола вылетают - фырчат забавно.

- Ствол же засрется!

- Ну не без того. Но все равно - гильза - это гильза. На коленке ее не сделаешь.

- Даете стране угля! И лекарь туда же. На складах же патронов - до скончания века хватит!

- Доберись до складов сначала. Может они уже и демократизированы все - охлаждает уверенность седоватого сапера Ильяс.

- А пороха где будете брать? Охотничий засыпать что ли?

- Ну, хоть бы и так. Мосинка все употребит. Во время войны патроны тоже снаряжали чем попало. Я видал патроны к трехлинейке с «семидырочным» порохом - такой желтенький, цилиндриками. В норме он в 45 мм. выстрелах унитарных и крупнокалиберных патронах был. Из винтаря давал затяжной выстрел. А вообще в советских боеприпасах тут под Ленинградом какого тока говна не было. Блокада ж! И ничего, пользовали. Вообще-то я с Ильясом согласен - патронов у нас не вагоны, если окажутся гильзы лишними - то и ладно, а вот если каждый патрон будет на счету - так и самодельные пригодятся. У нас сейчас считай вторая блокада...

Вижу, что мы сапера не убедили, но, тем не менее, прежде чем покинуть этот гараж, он выдергивает изпод чьихто изгрызанных ребер пустую пулеметную ленту и кладет ее на неведомо откуда тут взявшуюся школьную парту.

- Мы с Серегой глянем - может, короба отыщем.

- Я с вами! - и хитрожопый Ильяс покидает гараж, оставив нас с Демидовым в недоумении.

- Так чо, собирать гильзач или нет?

- Собирай, пригодится. Я пока осмотрюсь тут, может, еще что найду.

Собственно в этом пустом гараже кроме старых покрышек, парты и двух дверей от «Волги» ничего и нет - но не бросать же беспризорника без присмотра. Вспоминаю, что не полный магазин у меня в автомате, исправляю свою оплошность. Пытаюсь прикинуть - от скольких людей здесь скелеты - получается, что минимум шестеро.

Демидов продолжает, сопя, звенеть собираемыми гильзами, находит еще одну ленту, тоже пустую. Он опять что-то бурчит себе под нос, довольно заунывно - ну да, слуха у мальчишки нет вообще, мне кажется, что я разбираю в его нытье что-то вроде «птица счастья завтрашнего дня, прилетела с крыльями свинья...»

Мне это уже надоедает, да и мешок с логотипом «Окей», куда небрезгливый Гаврош сыпает свою добычу, изрядно округлился.

- Ну, двинули - говорю я собирателю.

- Тык я еще не все собрал! Тут еще десятка два рассыпано.

- Знаешь, у тебя сейчас мешок треснет по шву - и всей работе каюк. Как в басне про нищего и фортуна. Слышал такую?

- Неа!

- Рассказать?

- Да ну, не нада!

- Тогда пошли.

С удовольствием выбираюсь из этого импровизированного склепа на свежий воздух. Вижу, что Ильяс про нас не забыл - рядом с трупом Семенского стоят несколько человек местных, еще люди стоят на крышах, посматривают по сторонам. Что любопытно - курточку с него уже кто-то прибрал, хорошая курточка была.

Когда мы подходим к нашим, темнеет уже весьма ощутимо. Ильяс уже заканчивает перебранку с долговязым местным командиром, потому слышу уже заключительную тираду, сказанную наставительным тоном:

- Совсем забыл бояться как положено! Борзость потерял и совестью не пользуешься! Потому человека у тебя и сломали! В общем - мы свое дело сделали, останки врагов сбежали с поля битвы, так что вам и без нас справиться не проблема.

- Я картошку все равно всю вам не отдам!

- Ладно, тогда пополам.

На пополаме они договариваются.

По моим меркам мы негусто заработали на сегодняшней чистке. Но на Серегу приятно посмотреть - он словно светится, разглядывая новоприобретенный пулемет. Если спросить

его - так, наверное, он считает иначе, его результаты вполне устраивают.

Мы сидим в обшарпанном домике, что стоит на пирсе за зданием морского вокзала. Скоро за нами заедут - и я с раненым отправлюсь в больницу, а ребята вернутся на завод, чтобы перегнать оттуда три бронетранспортера в Крепость. Идею доставки морским путем одобрили, так что бронетехника поплывет на буксире. Ильяс не хотел меня отпускать, тем более на дурканувшего водителя у него зуб и если водила и останется одноглазым - уверен - у нашего начальника в душе ничего не дрогнет и кровавые одноглазые водители мерещиться ему не будут.

Но меня пообещали поднатаскать в офтальмологии - а именно в оказании помощи при травмах глаз и мне грех отказываться. Начальству крыть нечем - глаза есть у каждого, потому медик должен уметь помочь и при соринке в глазу, не говоря уж о бревне. Раз уж я попадаю в Кронштадт - обязали еще и разжиться чемнито.

Здесь мы разбогатели не так чтоб густо, хотя та же картошка по нынешним временам - весьма ценное приобретение. Остальные трофеи - не впечатляют, хотя Вовка тоже чего-то насобирав по гаражам в мешок и вроде доволен.

Домишко, в котором нас расположили - видно был совсем уже обречен на слом, но нынешняя катастрофа вдохнула в него жизнь, народу здесь живет много. Среди них и пацанподросток, к которому относятся почему-то с видимым уважением. Оказывается, он - Крысолов. Именно так - с большой буквы - и его заслуга - вывел всех крыс с кораблей, что тут стоят в гавани. Держится он с достоинством, этакий мужичок. А секрет у него простой - хорошо понимает крыс. Удивительно, но достаточно высокомерный к чужим людям Ильяс нашел с пареньком общий язык и теперь увлеченно беседует. Ну, вообще-то схожесть профессий - крыса какникак тоже зверь, так что крысолов - тоже охотник получается. Сергей их разговор с вниманием слушает, да и Вовка там же.

А не охотники чешут языки на совершенно неожиданную тему.

Началось с вполне естественного вопроса Саши - как интересно дела обстоят в других странах? Вот ведь не везде, наверное, так как у нас? У кого-то, наверное, лучше?

После этого началось достаточно оживленное обсуждение шансов в других странах.

Разумеется, первой на очередь выживших попала Швейцария, потом Израиль, ну и конечно Америка, куда же без нее, во всех бочках затычки. Ктото упомянул Литву с ее очень либеральным законом по оружию, но после того, как Правило напомнил, что там оружие купило себе меньше 0,1 % - шансы у Литвы резко уменьшились в глазах обсуждающих. Рукокрыл заявил, что есть шансы у Эстонии - потому что там мертвяки будут ооочень медленные, но это даже и обсуждать не стали. А вот сторонники Швейцарии и Израиля, поделившись практически пополам, устроили жаркий спор, и как это обычно бывает - вдвойне жаркий, когда аргументов маловато и знаний тоже. Но вроде ж как всем известно: у швейцарцев оружия завались и все резервисты дома в сейфе держат свое штатное ружо, ну а израильтяне вообще с оружием не расстаются, так что чего уж тут. Помрачневший Крокодил, послушав бурную дискуссию, облил спорщиков холодной водой - Швейцария переходит к стандартам ЕС, потому оружие там сдают кучами, чтоб не платить за его регистрацию, резервистам не позволено иметь дома боеприпасы - потому как много суицидов было последнее время, а в Израиле есть свой камень преткновения...

- В субботу делать ничего руками нельзя? - спрашивает Саша.

- Даже не это... - Крокодил еще больше мрачнеет - там так евреи воспитаны с детства, что еврей еврею не смеет причинить физического вреда. Слишком мало евреев и слишком у них много врагов, чтоб евреи еще и сами себя убивали и калечили. И это прочно вколачивается.

- Точно! Вот когда израильская армия выселяла поселенцев - по телевизору показывали - и поселенцы солдат только краской поливали и солдаты поселенцев вытаскивали из домов бережно и аккуратно. У нас бы небось в солдат кидали кирпичи и рельсы. А солдаты волокли бы башкой по ступенькам, да еще бы и отбучкали перед этим сапогами - подтверждает и Рукокрыл.

- Вотвот. Именно так. А плюс к тому - посчитай, сколько там адвокатов, правозащитников, феминисток и ортодоксов. Даже если кто и сообразит, что труп еврея - уже не еврей - так тому стрелять не дадут, еще и посадят... А тут как в пожаре - пять минут - и все, ситуация необратима. Не говорю уже о том, что там и неевреев - как в Вавилонской башне... Надеюсь, что справятся, не впервой евреям выкручиваться из страшных ситуаций, но не так все просто... Во всяком случае муж моей сестры - стрелять начнет сразу. А за свою семью - оторвет башку любому. Я надеюсь...

Крокодил мрачнеет и нахохливается...

- А в Америке? Там же тоже все оружие имеют! - не унимается Саша.

- Ну, далеко не все. И опять же там эта чума - феминистки, адвокаты, правозащитники. Опять же негры.

- А ты - расист!

- Не, я всех одинаково ненавижу. Но вот смотри - в Новом Орлеане - как все облажались, а там - всегонишего, только наводнение. У нас в Питере - сколько наводнений было похлеще Орлеанских? Да и потом афромазые в США - это особая статья, чистые паразиты в основной массе. Они ж там большинством не работают уже в третьем поколении, на велферах сидят. Как цыгане в Финляндии. У нас кубинцы учились - вполне себе нормальные ребята, из Африки были студенты - тоже ничего плохого не скажу, ленивые конечно, но если надо было - работали, без всяких яких. Так что и негры разные. Но в США с ними еще говна лопатой хлебнут. А оружие...

Я задумываюсь в поисках примера, но тут меня выручает ботанрадист:

- А недалеко ходить - это кино про зомби, ну где еще они в супермаркете сидели. «Рассвет мертвецов» вроде ромеровский.

- Ну, тупые! - выдает с усмешкой небритый Васек.

- А что, не тупые? Там толковых людей - Мишка с медсестрой, да девчонка из Белоруссии, и то ее съели быстро. Энди еще из оружмага, но он что-то вовсе тупой получился - сопротивляется ботан.

- Это которая, роженица - девчонка?

- Ага. А все остальные такие яркие индивидуальности, что от них в команде только вред - хоть молодую эту дуру взять, что там стенки поганила, что пидора с бензопилой - только ума у него и хватило блондинку запилить, что этот негрполицейский...

- Ну, хорошо, а ты бы что на их месте делал? - подначиваю я ботана, потому как видно - мальчишка этот фильм по косточкам разобрал.

Ботан задумывается, потом осторожно говорит:

- Если б я оказался в супермаркете, вместе с этими персонажами, то попросил бы у негра его пистолет. Потому как три стрелка лучше чем два.

- Ну а он бы не дал!

- Тогда для начала оделся бы. Чтоб не укусили. И уж во всяком случае, поодиночке ходить бы не дал.

- Ну а они бы тебя не послушали!

- А я бы постарался убедить. Я ж говорю - медсестричка и Майкл - вполне себе вменяемые люди. Уже трое. Негр - бандос - тоже б ради семьи за одеждой бы пошел.

- Ну а полицейский?

- Да черт с ним. Его проблемы. Вот, мы бы какуюнибудь одежду напялили, чтоб не с голыми ногами - руками ходить. Уже стало бы легче. Тогда бы от нападения зомбанутого охранника паника бы не возникла.

- Ну и все равно - столкнулись бы с его коллегами - сдали бы оружие.

- А вот хрен!

В наш диалог влезает Рукокрыл, да и другие тож уже смотрят на ботана подругому - паренек не такой уж и ботанто получается. Да и то - без связи мы ни минуты не были, толковый малый.

- Ладно - и что бы ты этому Сиджею рассказал?

(Надо же, даже имя того перца помнит).

- Так то и ему бы объяснил, что шесть стрелков лучше, чем три.

- А с чего это шесть? Пять?

- Хрена бы я с первого этажа ушел, не забрав пистоль зомбоохранника. У него же был револьвер - как у остальных.

- Ага, а этот СиДжей так бы губу и раскатал.

- Куда б делся - он же в меньшинстве был - из них троих красавчик вообще за револьвер не взялся. А белобрысый долбак тоже не в своей тарелке был. Так что только СиДжей паниковал.

- Повелитель Длинного Уха прав - у амеров беда, что подчиниться для них кому - страшное запаadlo. Если тот денег не платит. Если платит - тогда и стоя гимн корпорации будут петь и дресскод блюсти и всяко разно под дудку плясать... - поддерживает Правило.

- Ну, вообщето не все ж амеры такие, как сценарист написал?

- Конечно не все. Но то, что у них не было командира, в итоге всех и подвело. Индивидуализм - штука опасная.

- А вообщето странно.

- Что странно, Крокодил?

- Да странно то, что раньше американец - это был символ предприимчивости и изворотливости, а тут сидят на жопе ровно и страдают. Я этот фильм помню - меня еще удивило, что они не наладили сообщения между оружейным магазином Энди и супермаркетом.

- Ну, это же не просто, все-таки, далеко же они друг от друга - честно говоря, мне это показалось символичным, что у одного есть оружие и патроны, а у других жратва и вода, насчет того, чтоб связаться - в голову както ничего не пришло.

- С такой дистанции и людей с кораблей аварийных раньше снимали - канатами связывали с берегом. Вот еще линеметы для этого были - поддерживает Рукокрыл.

- Вот, я о том же - замечает и сапер.

- Ага, и откуда они там линемет бы взяли?

- Могли бы сделать подобие баллисты из подручных материалов. У Энди в магазине вполне могли быть арбалеты.

- Дык на арбалет канат не нацепишь.

- А канат и не нужен. Ниточка нужна или леска. А потом к ней и что покрепче, а потом и еще покрепче - тyani аккуратно и все.

- А потом?

- А потом вторую такую же. И кольцом замкнуть. И на блоки повыше. И получится канатная дорога - человека может и не удержит, а поменять сосиски с пивом на патроны и оружие - запросто.

- А еще у них были там радиоуправляемые модели - замечает ботан: «Тоже можно было бы ниточку первую дотянуть! Или вообще доставка всего - на игрушечной авиации. По пять патронов одним бортом. А в ответ - бифштекс с гарниром.»

- Или газом шарик накачать - были там и презервативы и детские игрушки - и по розе ветров сплавить, чтоб над Энди оказался.

- Похоже, вы тут все умом тронулись! В ормаге патронов не одна сотня - все равно делать нехрен было - тот же Энди мог тупо отстрелять всех зомбаков поблизости. Стрелокто он был толковый, только зачемто фигней мучился - всяких там Мэрилин Монро с Кларком Гэйблом на потеху в толпе отстреливая...

- Ага, и наплодил бы себе там шустеров!

- Там они шустерами с самого начала были. Так что несчетаво.

- О чем они, а? - тихо спрашивает меня Демидов.

- Кино было такое, про мертвяковзомби - отвечаю ему я.

- А чо - раньше уже разве такое уже было?

- Не, это фантастика...

- У неграполицейского только ружье было. Пистолет он где-то пролюбил. И у охранников на четверых два револьвера приходилось - замечает Правило.

- Точно? - сомневается ботанрадиист.

- Точно. У них такое бывает - не все оружны. Пара с пистолетами сидит на всякий случай, если что серьезное заварится.

- Красавчикохраник же потом с револьвером был.

- Ага. Сиджей себе негриловскую «Беретту» забрал, а свой револьвер Красавчику отдал. У меня уже на автомате такое получается - замечать, есть ли кобура у человека и пустая она или нет.

- Один черт - неправильно они действовали!

- Это точно.

- Ладно, это кино в конце - концов. Мне неясно - морф тот был, что секреты снимал, или нет?

- Он самый, похоже - отзывается Серега.

- Так что, он на пулемет, как на приманку ловил?

- Не, вылазки устраивал. А пулемет - это Семейский этот вытянул себе на беду. Глянул, что пули изнутри шли, из гаража - вот и залез морфу в столовку.

- Вроде не Семейский у него фамилия была?

- Намто не один фиг?

- Да в общемто... На ужин тут надеяться нам не стоит?

- Не, не стоит. Да и черт с ним.

Нас зовут на погрузку.

Виктору оставалось только крепко чесать в затылке - потому как, судя по бабкиному короткому рассказу - вляпались они с Ирккой капитально. Через три дня после того, как он привез Ирку в бункер, в эту деревушку заявилось несколько мужиков и молодых парней с города, да три девки с ними. Местное население - а какое тут на СевероЗападе ранней весной население Виктор отлично знал - старики да старухи, это позже может и детей привезут на лето, а то и дачники заявятся - встретило незваных гостей не слишком дружелюбно, не понравились пришлые. И правильно не понравились - гости оказались отвязными, жестокими и человеческую жизнь ни в грош не ставили, хотя бабке показалось, что злодействовать для них внове, но вот радость они от палачества получают откровенно. На следующий же день гости прошлись по местным, методично избивая одного за другим и изымая излишки харчей. Били весело, задорно и опять же с видимым удовольствием, издеваясь весьма изобретательно. Лексеич, местный самогонщик попытался им противодействовать с холодным оружием в руках - то есть говоря проще - с вилами, а его тут же и пристрелили. Походя. Забили палкой Михееву - не понравилось, видите ли, как посмотрела.

Теперь эта сволочь живет в трех домах в центре деревни, старшим у них заносчивый тип, всех, кто показался им опасным, держат в бывшем гараже при мастерской - он бетонный, сделан крепко. Там же и Валентин сидит - хозяин мастерской. Еще эта сволочь ездит по окрестностям, грабит и убивает, кого найдет. Еще и свиней запомоили...

Тут бабка осеклась - и испугалась не на шутку - в сенях загрохотали шаги.

Видно заявила за яйцами крыша - в виде неведомого Костыки.

Витя сориентировался быстро - аккуратно, чтоб опять не зацепиться за что-нибудь шмыгнул в ближайшую открытую дверь и оказался в спальне, где на железной кровати дружка на дружке этакой пирамидкой лежали три подушки мал мала меньше. Он тихо положил пулемет на кровать и оглянулся в поисках чего-либо сподручного. Стрелять в доме было не с руки, а вырубить гостюшку дорогого надо было тихо. И помпа без приклада тут не

очень подходила.

Взгляд упал на стоящий в углу деревянный предмет - толстенькая доска с удобной ручкой, слегка выгнутая и на выпуклой стороне украшенная полукруглыми поперечными валиками.

Аккуратно дотянувшись и примеряв по руке - убедился, что подходит отлично.

- Ну, старая крыса, где яйца, а матка?

- Все б тебе лаяться...

- Еще вякни что - так я тебе живо рожу поправлю. Яйца где, сука старая?

- Да вот в коробочке...

- Ты что, охренела? Почему всего пять? Тебе ж сказано - десяток чтоб был!

- Так ведь ты же курочекто прибрал...

- Все, припрыгала! Не понимаешь ты похорошему. Вынимай свои челюсти, тварь тупая.

- Костенька, ой, только не это. Как же я без них, теперь же уже новых не сделают - взмолилась совершенно искренне старуха.

- Вынимай и кидай на пол, а то сейчас по ребрам! - рявкнул гость.

Не дожидаясь развязки, Витя глянул в дверной проем одним глазом - Костька, молодой совсем пацан откровенно городского вида стоял к нему спиной, это было так соблазнительно, что Виктор одновременно замахиваясь своей странноватой битой сделал шаг, другой и с криком свистнул наискось оппонента по начавшей поворачиваться на шум шагов голове.

- Хэп! - странно икнул Костька и повалился мешком.

Второго удара не понадобилось, клиент оказался вырублен надолго.

Старухе неловко пнула его в ребра.

- Черт гладкий! Вот тебе рубелем по башке дурной, а не челюсти мои топтать, ишь, моду взял.

И, повернувшись к Витьке, спросила:

- Дальше что делать будешь? Теперь обратно дороги нету.

- Сколько их еще тут?

- Сейчас - в доме каменном главный со своей бабой, да еще один из ихних - за служащими наблюдает.

- Какие служащие?

- Так главный говорит. Мы все - одна корпорация и потому - есть руководство, значит, и есть сотрудники. Это они так своих этих рабов, что в гараже живут под замком и нас называют.

- Ирка моя - у главного?

- Да, там.

- А остальные?

- Остальные вечером на грузовике приедут - с выезда на пленэр, как они говорят. Ты Костькуто свяжи, не управлюсь я с ним.

Повязав Костьку от души и отдав бабке его двустволку и патронташ с ножом, дурацким, тяжелым, а ля Рэмбо, с глупой и непрактичной полый рукояткой, в которую напихано все якобы необходимое для выживания в пустыне и тундре, Витя живым духом выбрался из избы. Один этот нелепый нож рассказал Вите о его владельце достаточно, чтоб понять - тут не бандосы, не серьезные люди, а дешевки, наглые, жестокие, но дешевки. И это обнадеживало, теперь Витя был уверен - все получится.

Он закинул пулемет на спину и, держа в руках помповушку, короткими перебежками добрался до двухэтажного особняка. Вблизи особняк выглядел не так величественно, как с окраины из кустов. Оказалось, что каменный он весьма условно, собран из дешевых пеноблоков, да и окошек в нем негусто, что придавало дому амбарный вид, корявый для глаза.

Дверь оказалась открытой и, просочившись через темноватый тамбур, Виктор оказался

в такой же темноватой прихожей, чуть не запнувшись о толстую старуху, мывшую пол.

Витя приложил палец к губам и шепотом спросил:

- Главный где?

Старуха, выпучив от удивления глаза и прикрыв рот ладонью, закивала головой, показывая, что главный на втором этаже.

- Не наврала?

Та отчаянно замотала головой, отползая на заднице подальше от обвешанного оружием незнакомца...

Грозно глянув на нее и не очень убирая ружье, Виктор на цыпочках взлетел по лестнице и открыл заскрипевшую, будь она неладна, дверь.

Совершенно неожиданно он почти нос к носу столкнулся с молодым мужиком, уже потянувшимся рукой к ручке.

Опешили оба на доли секунды, после чего мужик ловко и быстро хлестанул раскрытой ладонью, целя Вите по глазам, а Виктор, ослепнув от боли, грохнул выстрелом наобум святых, подаваясь в сторону, чтоб не скатиться по лестнице вниз. Дернул цевье, гильза с характерным шелестяще - звенящим звуком покатила по полу, еще раз грохнул туда, где полагал будет его противник, понял что ошибся. Совсем из другого угла комнаты бабахнуло звонко два ответных выстрела, тут же ударили по ушам еще два, и Витя с отчаянием понял - в него попали - словно тем самым рубелем кто-то тяжело врезал ему по ноге, так что нога моментально словно тряпичная согнулась в колене и тело, неудержимо заваливаясь вбок, ударилось об пол.

Враз ослабев и покрывшись жидким каким-то по ощущению слабющим еще больше потом, Витя передернул еще раз, выкинув остро воняющую порохом гильзу и выстрелил удачно, почти одновременно со своим врагом. Почувствовал, что больно рвануло тупой спицей в руку и тут же в уши, и так уже контуженные пальбой в комнате сверляще впились визг. Визг оттуда, куда только что Витя влепил картечью.

Еще одна гильза вылетела прочь, он, отчаянно промаргивая залитые слезами глаза, смог неясно разглядеть что-то дергающееся напротив, когда словно от пинка ногой распахнулась дверь в комнату и Виктор смог разглядеть вроде бы женский широкозадый силуэт. Движение силуэта было ясным - так можно только вскидывать ружье к плечу.

Отчаянно доворачивая несусветно тяжелое и неуклюжее, словно ствол противотанковой пушки ружье Витя четко и ясно понял - все, не успевает, совершенно и безнадежно, но, выкладывая все свои силы в эти доли секунды, потому что больше ничего не оставалось делать, только в этом движении был единственный и высший смысл он тянул и тянул неподъемный ствол к силуэту.

Толком он и не разглядел, как оно вышло, но что-то розовое, стремительное вымахнуло вслед за бабой и гулко врезалось бабе в спину. Обвальное жажнуло куда-то вверх дулет, баба, взвизгнув, полетела вперед и, угодив в распахнутую дверь, загремела по лестнице.

Один глаз у Вити уже видел чутки - и с радостью он увидел рядом с собой Ирку, почему-то совершенно голую. Сияющие от радости ее глаза оказались совсем близко, и она выдохнула с восторгом:

- Пришел! За мной пришел!

Чмокнула его куда-то не то в лоб, не то в нос и вертко развернулась задницей.

- Режь! Режь скорее!

Витя немного затупил, пока, наконец, для него стало ясным - что резать - руки Ирки были скручены нейлоновой веревкой в локтях. Словно пудовую гирию он поднял нож и стал пилить веревку, чуть не роняя легкий, в общем-то, ножик из внезапно ослабевших рук.

Ирка что-то говорила, но он не понимал о чем, все внимание уходило только на то, чтоб не выронить нож и все-таки пилить эту чертову веревку, ставшую словно металлической, с таким трудом любовно и старательно отточенное до бритвенной остроты лезвие въедалось в нейлон.

Ирка громко ойкнула - и дернулась. До Виктора дошло, что он порезал ей руку, но уже

пути ослабли, и подруга ожесточенно стала выдирать руки из петель веревки. И, наконец, освободилась, схватила свою помповуху и рванула на лестницу.

Еще раз грохнуло.

Чертыхаясь, Ирка скользнула обратно в комнату.

- Патроны у тебя где? Да что с тобой?

Ирка замялась, оттягивая момент произнесения очевидного и, наконец, сказала:

- Ты... ты ранен?

- Мне кажется - что да - как то чересчур вежливо и тихо выговорил совсем обмякший Витя.

- Куда, господи боже мой, не молчи, Витенька, куда, куда тебе попало?

- Погодь, не суетись... Что с бабой?

- Выскочила, сука. Надеюсь, что сломала себе чего или отбила, пока по лестнице кувыркалась!

- А этот - ну напротив?

- Сипит еще - Ирка гибко и пружинисто вскочила, стремительно подскочила к валяющемуся на полу блестящему маленькому револьверчику, взяла его в руки. Глянула на скрючившегося мужика, закусив губу, подумала - судя по выражению лица - пнуть его, но не стала, отошла.

- На, возьми пистолет. Не нужно, чтоб он тут обернулся - прошептал Виктор.

Ирина спокойно взяла нагретый Макаров, щелкнула предохранителем, вернулась к мужику, тот снизу вверх глянул на нее и успел сказать только:

- Ва...

Получил пулю в голову и смяк.

- Быстрее, Ирина, надо быстрее, время теряем - как ему самому показалось, он сказал это отчетливо и командно, но по обеспокоенному виду подруги понял, что сильно обеспокоил ее такой голос.

- Эй, уебки! Сейчас кончать вас буду! - раздался наглый мужской голос.

Крик с улицы словно током обоих ударил.

- Сам не сдохни, выродок! - звонко в ответ крикнула Ирка.

И тут же за окном бабахнуло и совсем рядом с босой ногой из пола вышибло пару длинных щепок с облачком пыли.

Ирка в испуге шарахнулась в сторону, запнулась о мертвеца и неловко шлепнулась на задницу.

- Сдавайтесь, уроды! Живыми оставим! - откровенно глумливым голосом проорала откудато от входной двери та самая баба.

- У него винтовка! - шепотом испуганно тараща глаза, выговорила Ирина.

- Дом бля, каменный сказали. А пуля его шьет вон как. Ничего, раз она сюда - то она и отсюда - не вполне ясно пробурчал Виктор и, сдернув с плеча ДП, упер его сошками в пол. Оперся на него, уже устав даже от такого пустяка, присмотрелся к дыре в полу, в потолке, прикинул про себя, где это сидит оппонент и шепотом же - Ирке:

- Руку ко рту приставь, чтоб звук вбок шел и шумни. И сразу в сторону прыгай, сейчас я только подготовлюсь...

И расплзаясь коленями, на почемучто очень скользком полу пополз в комнату.

- Давай, Ириха! - слышала она оттуда.

- Че, кореш твой что ли дуба нарезал, а, сладенькая? Ты смотри, щаз обернется - лучше выходи, брось эту падаля, я тебя еще приласкаю, тебе понравится, сучонка! - донесся с улицы веселый голос.

- А вот тебе орган коровий на ручной тележке с причандалами! - рывкнула Ирка, быстро прыгая в сторону.

Снова бахнуло, еще одна пуля прошила пол.

И тут же из соседней комнаты, откуда только что Витя внимательнейшим образом смотрел на то, где прошьет доски пуля, грубо и оглушительно залязгал длинной - патронов

на 20 очередью пулемет.

И тут же еще двумя - чуть более короткими. Грюкнул об пол опустевший диск, лязгнул, вставая в зацепы новый.

- Жанка! Жанка! Помоги! Да помоги же! Жан...

Истошный крик обрезало новой очередью. С трудом перекинув Дегтярев, полуоглохший Виктор прикинул, где у входа сидит недобитая баба - и добавил туда еще.

Прислушался.

Совершенно неожиданно внизу затарахтел мотоцикл. Ну да, там же ворота слева были, гараж внизу, значит...

Пара очередей не угадала.

- Ирка, давай, тащи меня к окну, скорей. Уйдет жаба, все к черту, все зря!

Баба оказалась хитрее - она дернула не туда, где ее поджидал Витя, а с другой стороны. Пока Ирка с Витькой доковыляли до нужного окна - тарахтенье изрядно удалилось. Оставалось бабе совсем немного, чтоб выскочить из деревни, но на свою беду мотоциклистка оглянулась, когда рыло пулемета с лязгом и дребезгом выбило окно, мотоцикл вильнул, она зацепилась за кусты, потеряла скорость - и тут Витька ее нашупал. Стрелять он прекратил, только когда диск звонко щелкнул - патроны значит на исходе... Добив диск до конца, Витька внезапно ослаб и теперь словно был облит испариной. Глянул на застрявший в кустах заглохший мотоцикл, на неподвижно и нелепо валяющийся труп, буркнул под нос:

- Триста метров - пустяки...

И потерял сознание.

Очухался он от холода - лежа на чемто ровном и твердом.

Оказалось - на полу. Со спущенными штанами и полуснятой курткой. Ирка сидела рядом и тихо плакала.

- Э, ты чего?

- Ой, очнулся! Да отходняк у меня видно, сейчас в порядке буду.

С трудом шевеля сохлым языком в какомто не своем, а словно чужом похмельном рту Витя выговорил:

- Ирина, ранен я куда?

- В бедро. В правое бедро, Витя.

- А рука?

- Рука пустяк, вскользь прошло.

Витя перевел с трудом дух, попытался поднять голову, не получилось.

- С ногой что?

- Дырочка маленькая.

- А выход есть?

- Нет, одна дырка только.

- Плохо. Слепое ранение, значит.

- Но крови немного было, я уже все забинтовала.

- Холодно мне, ты штаныто обратно натяни. И помоги мне до кровати добраться...

Поход до кровати отнял последние силы. Амундсену со Скоттом проще было добраться до Северного полюса, чем Виктору до кровати. Но добрался и с наслаждением накрылся одеялом. Озноб не прошел, но вроде полегчало.

- Попить дай, пересохло все внутри...

Ирка, вертясь юлой, успела и водички дать и одеться - свои шмотки не нашла, напялила трофейное.

- Ириха, плохо дело... Эти скоро вернутся. Стрельбу они не слышали, но когда вернутся - нам с ними не справиться будет, мне совсем херовато стало.

- Я могу УАЗик подогнать, сдернем отсюда.

- Не пойдет. Следы. Найдут. Гасить их надо. Всю банду.

- Я не справлюсь!

- Надо Ириша. Никак иначе. Или нам конец. А я еще газенваген починить должен - Витя криво улыбнулся.

- Ну, как скажешь. Аз ю вишь... - Ирка внимательно посмотрела на свое отражение в висящем на стене здоровенном зеркале, повернулась вправо и влево и недовольно щелкнула языком - покойная баба была толще и шире и со вкусом у нее было ужасающе - такие вопящие наряды разве что в глубинах Африки могли кому понравиться...

Витя не заметил этого, его заботило другое.

- Ирка, Ирка - помпу заряди! И пулемет - дай мне пулемет! Там еще пленный у бабки сидит, этот Костька... Встать помоги!

Попытка встать накрылась сразу и четко - Витька опять потерял сознание и когда очухался, увидел над собой расстроенное лицо подруги.

- Не вояка ты сейчас, Вить, лежи пока. Еле тебя с пола на кровать снова затащила. Делать то что будем?

- Ружье заряди! Пулемет мне сюда. Блины давай! И сумку.

- Какие блины?

- Диски к Дегтярю! Быстрее, Ирка, быстрее. И оружие забрать надо, и обратились они уже, опасно...

- А Костька - это кто?

- Шелупонь... Из этих мародеров. Бабка его сторожит, толковая старуха, уверенная, Арину знала... Дом у нее синий, заметишь. Винтовку заberi у этого... Не надо, чтоб винт валялся... Бабке скажи, чтоб сюда шла...

- Витя, тут у этих в сарае рабы сидят, с ними как?

- Уй! Бля, даже пошевелиться больно! Так и дергает... Одна справишься с грузовиком?

- Нет. Они ж разбегаться кинутся...

- Значит, из этих рабов кого напярчь надо. Может, кто не совсем забитый будет, отомстить там или еще что... Только как бы они потом нас в сарай не посадили... Бабку напяржи, пусть ко мне придет.

Ирка живым духом метнулась по комнате, выполняя сказанное, почуяв под рукой пулемет, Виктор вздохнул чуть легче, выкопал непослушными пальцами дюжину патронов из кармана, подруга понятиливо и сноровисто - не зря учил - снарядила свое ружье, закинула за спину. Потом, словно что вспомнив, протянула мужу блестящий револьверчик.

- Вот, это от главного осталось.

Витя непослушными пальцами повертел игрушечку.

- Палток. Как у филиппинцев. Гладкоствол под мелкашку. Значит, у меня в ляжке такая сплюснутая пуля сидит... Патроны к нему есть?

Кивнув, подруга отлучилась, но вернулась через минуту огорченной - в карманах покойного главаря ни одного патрона не нашлось.

- Ладно, будет чем застрелиться - неудачно пошутил Витек.

- Все, я пошла!

- Обернувшись из ружья вали! Пистолет побереги, у нас к нему боезапаса шиш...

Скатившись по лестнице вниз, Ирка дернула стволом - но очумевшая старуха-поломойка, сидевшая на полу открыв рот и выпуча глаза, на достойную цель никак не тянула.

Дверь Ириха распахнула от души - наопашь, держа ее под прицелом, но никого там не было, улочка была совершенно пустынна. Простучав каблуками великоватых ей сапожек по крыльцу, Ирина осторожно высунулась за угол. Тот, кого достал сквозь стену Дормидонт Проникантьевич, стоял столбиком, похожий на весеннего потаявшего снеговика - и одет был неприметно - в грязноватобелый комбинезон и припорошило его пылью от раздробленного пулями пенобетона.

Помня сказанное мужем, Ириха решительно зашагала к зомбаку, вскинув помпу на уровень глаз. Потом одумалась - прикладато нет, еще вlepит себе в лицо при отдаче, видела такое не раз, тот же Витек показывал на компе.

Зомбак оказался на редкость тупым, даже не удосужился повернуться.

И Ирка выстрелила ему в башку, почти уперев ствол в висок.

Ругаясь, отпрыгнула в сторону, провела рукой по лицу - нет, вроде не попало. Голова зомби от такого выстрела както нелепо вспучилась, чему добавили впечатления взметнувшиеся торчком длинные волосы, и брызнула ошметьями и брызгами во все стороны, щедро загадив снег вокруг. Чудом Ирку не обдало мертвячиной, еще этого не хватало бы, сдохнуть от того, что капелька крови или слюны попала бы в глаз...

- Осторожнее, душа моя, осторожнее, голубушка! - строго сама себе сделала выговор Ирка - И перчатки надо было одеть!

Глянула с омерзением на совершенно изуродованную голову весельчака, чуть не стошнило, но удержалась. Помогла злость, получасом раньше Ирка поклялась себе, что разберется именно с ним отдельно. Витька, конечно, ничего не узнает, а этому выродку и второго заряда не жаль. Ирка мстительно бабахнула в кровавые ошметья еще раз. Огляделась. Попрежнему ни души. Поискала глазами винтовку. Метрах в двух - у самой стены лежал изящный карабин со снайперским прицелом, правда, сильно припудренный порошком от дробленого пеноблока. Очень дорогой даже по внешнему виду. Подхватив его и уже тронувшись дальше, Ирка притормозила.

Вернулась к мертвяку и, вздохнув, зашарила по карманам. Забрала себе коробочку с леденцами, тут же закинув себе в рот пару голубых освежителей дыхания, и еще среди всякой фигни нашлись шесть штук сияющих патронов необычного вида. Небогато. Вскочила, двинулась к синему дому. Опять остановилась, обозвала себя дурной коровой и аккуратно добавила в помпу два патрона, а две гильзы пихнула в карман. Сапоги были неудобные, хлопали, но двигалась Ирина шустро.

- И вовсе даже не корова, если уж такто - возразила опять же сама себе и постучала в дверь.

- Заходи - откликнулась бабка из форточки.

Ириха перешагнула через валяющееся почемуто прямо у входа здоровенное корыто и как положено, поклонившись дому, вошла через низенькую дверь на кухню.

На полу валялся спеленутый стонущий парень, рядом с окошком, бдительно в него поглядывая, сидела уверенная старуха, с двустволкой, правда держала она эту двустволку нелепо, что Ира тут же и отметила с легким чувством сильного превосходства.

- Здравствуйте, бабушка! - как положено всякой воспитанной девушке в каждой порядочной сказке приветствовала хозяйку гостя.

- И ты здравствуй! - в тон отозвалась бабка. И усмехнувшись, добавила: «Тепло ли тебе девица, тепло ли тебе красная?»

- Это вы изза цвета кофты? - изумилась немного растерявшаяся Ирина.

- Нет, хотя кофта дурацкая, конечно. Просто уж больно все сказочно получается - откликнулась приветливо бабка - Ничего, будут свои внуки - тоже им сказки читать будешь, капутеров здесь нету. А где твой, что не сам пришел?

- Ранен он.

- Ох, как плохо! Сильно?

- В ногу. А сильно или нет - не знаю. Когда остальные эти приедут? - она показала глазами на лежащего парня.

- Часа через два. Они крохоборы, всевсе с ограбленных собирают, вот и возятся, пока свет есть. А обратно - уже с фарами едут. Стрельбата была - приятели Костькины - что?

- А померли.

- Совсем?

- Бабу эту мерзкую еще не проверяла. Остальные - совсем. Витя просил вас к нему зайти.

- А с этим - бабка посмотрела на Костьку - что делать?

- Работать будет - криво ухмыльнулась Ирка.

Пнула лежащего ногой.

- Вставай, недоносок! Как ты мне сказал тогда? Насосеешься вдосыт? Пошли, пошли! Сейчас ты у меня насосом будешь, педрила. Вставай! Кому говорю!

- Твойто ему по башке хорошо рубелем завинтил. Может и впрямь не придуривает?

- Некогда. Нука помогите мне!

Вдвоем они выволокли Костьку из дома. Бабка и слова не успела сказать, как грохнул выстрел и пленный остался без башки.

- Девонька, да ты что ж такто?

- Нет возможности с ним возиться!

- Да я не о том - хоть бы подальше оттащила, совсем же у домато рядом - нехорошо! Натечет же с него!

- Погорячилась, извините. Все - я за машиной и припасами. А вы к Вите давайте.

И подумала про себя, глядя на удаляющуюся бабку:

- Не стоит Вите знать ничего. И мне эти свидетели ни к чему. Рест ин пиз, тошнотник!

На адреналине Ирина быстро добралась до уже остывшего УАЗа. Ездила она неважно, но на такой скорости справилась хорошо, разве что наехала на Витькин коврик передним колесом, сгоряча попыталась вытянуть - но не получилось, пришлось сдавать назад. Дальше пошло прощ.

Витька совсем скис. Лежал бледный, восковой, но диск все же смог набить. Еще восемь винтовочных медных гвоздей осталось.

Бабка покинула его, пошла сарай с рабами открывать. Когда Ирина ввалилась в комнату, Виктор попытался присесть в кровати, но со стоном завалился обратно.

Ирка поставила запыленный карабин к стенке, помповушку пристроила на стул, бросила на пол сумку и щелкнула запорами аптечки, зашуршала медикаментами.

Меня встречает тот самый лекарь по прозвищу Бурш.

- Сразу брать быка за рога и рассказывать? Или поужинать?

Я показываю на печально стоящего рядом со мной пациента, который изза обмотанной головы может только внимательно слушать, что о нем говорят. Иногда он деликатно стонет, но не слишком интенсивно - потому как небритый Васек еще в Ораниенбауме объяснил пострадавшему, что за такие выходки его мало утопить на сухом месте. Видимо сапер оказался убедительным, тем более потом они артистично на пару с Крокодилом разыграли репризу - а не отбучать ли этого дурака. Судя по реакции, водятел проникся услышанным, и решил вести себя тихонько.

- Давайте уж сначала облегчим страдания. А потом с упоением - поужинаю.

- Ваши что вас, бросили?

- Решили, что не понадобится - будут перегонять морским путем три БТР. А план по утопленникам уже сегодня выполнен.

- Вы останетесь здесь ночевать?

- Нет, через час на Петропавловку пойдет борт, обещали меня забрать.

- Тогда пошли, не будем терять времени. Приложи сердце твое к научению моему, понеже украсит тебе бытие! Бахилы натяните на сапожищи. Сейчас и этого безглазого переобуем. Это тот самый умник, который под ваш огонь вылез?

- Он самый.

Кабинет для работы офтальмолога вполне себе чистый и светлый. Электричество вовсю. Здорово! После возни в лагerezаводе - просто полюбоваться лампочками - приятно. То, что на окнах шторы - даже и не заметно.

Разматываем бинт. Бурш гасит верхний свет, сажает пациента, у которого опять потекли слезы, за щелевую лампу - сложный прибор на тяжелой станине, гибрид микроскопа и сильной лампы, дающей узкую полосочку света. Когда эту полосочку

прогоняют по глазу - изза разного преломления света в средах разной плотности, да еще и с увеличением - любая дрянь в глазу отчетливо видна и убрать ее легко...

- Вы работали на щелевой?

- Только глядел, как другие работают.

- Тогда усаживайтесь на место врача, а клиента - сажаем напротив. Подбородок пациента на нижнюю рамку и пусть лбом в верхнюю упрется. Теперь сфокусируйте полосу света на конъюнктиве...

Немного покопавшись, получаю четкое изображение конъюнктивы водятла. Рад, что не ошибся - первый же прогон полоски показывает аж четыре мельчайших кусочка стекла.

- Ну что, будем тампоном снимать?

- Не стоит, стекло всетаки. Давайтека вы копьцом лучше. Дикаина ему капните. Ну и дальше - как в московском гербе - держит в руке копие, тычет змея в жопие... С офтальмологической поправкой конечно.

Немного неловко видеть кусок стекла, который я пытаюсь подцепить ломом - так выглядит под микроскопом тоненькое острие копьевидной иголки и осколочек каленого стекла, но дело идет. Через четверть часа в глазу больше нет ничего не положенного.

Бурш строго глядит на пациента, потом протягивает ему бумажку.

- Вот этот пропуск отдашь комендантше, пристроит на ночь. А паки сделаешь, паки накажу! Вот этой шуйцей! - и показывает ему кулачище. Пациент ежится.

Дальше меня кормят - очень вкусно и что удивительно - без расспросов. Похоже, что работать приходится ударно, не отвлечься на тарыбары. А мне в одиночестве даже както и уютнее. Нежное жареное мясо с трогательными перышками зеленого лука, овощное рагу очень подомашнему сделанное и полчайника чая... И хлеб у них тут свежий, ржаной...

Деревья у Крепости спилены. Крепость от этого както словно увеличилась, стала грозной и неприветливой, а остров облысел. На причале, несмотря на уже позднее время - тарарам и ругань. Слышу голос Ильяса, орет громко и злобно. Но таких орущих тут с десяток. Суть становится понятной очень быстро - два БТР доплыли на буксире хорошо, а вот третий утонул совершенно бесславно - благо, что на нем не было ничего портящегося от воды и утопло железо это совсем рядом - на мелководи, но все равно досадно. Командиру сейчас не до меня, увидев - кивает и продолжает орать - на того самого вальяжного зама Михайлова:

- А кто помпу проверял? Ваш человек, сказал - исправна. Своим ухом слышал! Вот этим - левым! Герметизации оказалось вообще нет! Дырявый агрегат доплыл, а целый - декиши!

- Да хватит вам орать, как оглашенному! Достанем, деловто на час. Вы к слову обнаружили воду - тоже словно спали!

Ко мне подходит Павел Александрович - борт чтото и ему привез. Помогаю тащить тяжелый и длинный тюк.

- Кто б подумал, что опять к этому вернемся. Еще и Александровский парк рубить не ровен час придется - для воссоздания старого назначения - расчищенных секторов обстрела.

- Это вы о чем, Павел Александрович?

Он смотрит удивленно.

- О том, что окружающий Артиллерийский музей Александровский парк долгое время был предпольем Крепости и Кронверка. И ничего тут не строили и никаких деревьев разумееся не было. Это уже при Николае Первом сочли, что больше опасности для столицы нет - и потому в секторах обстрела посадили деревья. Но на всякий случай дома было запрещено строить. Деревьято спилить недолго. Кстати, у Адмиралтейства садик точно по такой же причине образовался. Ладно, пойдемте, там сейчас бенефис намечается...

- Чей бенефис?

- Завтра сводный отряд алебардистов примет участие в возвращении кронштадтского госпиталя. Ваша команда тоже участвует, к слову - вот ребята и решили сегодня устроить лекцию по холодному оружию. Дункан солирует.

- А оружие - от музея?

- Большей частью. Досадно, завтра обязательно что-нибудь поломаем и погнем, а это редчайшие образцы. В дело, конечно, пойдет, что поменьше имеет исторической ценности - но это между нами. Бойцы получили полный набор легенд, так что сказанное - сугубо между нами.

- Ну а легендыто зачем?

- Странный вопрос! Легендарное оружие - бойца поддерживает. Мораль повышает. Уж выто должны знать...

Тихонько пристраиваемся к слушателям. Немало набралось - сотни три стоит и сидит. Дункан блаженствует, окруженный несколькими столами, где сложено всякое смертоубийственное железо прошлого. Лекция уже началась...

- Копье - вот основная ударная сила была, самое мощное оружие. Потому копий так много - самых разных. Мечи - это уже ближний бой. Потому, чтоб вам понятнее было - копье - это винтовка, автомат прошлого.

- А меч значит - пистолет?

- Да. Или пистолетпулемет.

- А кинжал тогда что? Ножик?

- Нет, кинжал - это пистолет карманной носки. Оружие последнего шанса, не мощное, но зато всегда при себе.

- Дункан, хорош лапшу развешивать!

- Ты помолчи лучше, раз не разбираешься!

Дункан, злобно пыхтя, начинает рыться в сложенных на столах железяках, потом тягает по одной - показывать.

- Вот, глядите, балбесы! Копье - это металлический наконечник на палке. Так?

- Ну, так.

- Вот просто копье - коротенькое, наконечник лепестком. Примитив. Зверя - не остановишь толком, доспешного рыцаря - тоже. А вот такого же забулдыгу как ехидный Прохоров с его выкриками про лапшу - самый раз. Смейся. Смейся, будет тебе строевой подготовки сегодня!

Понадобилось людям чисто охотничье копье - сделали негры масаи такие (в лапах у МакЛауда странное копьё с маленьким древком и здоровенным наконечником - чуть ли не в полдревка длиной. Наконечник неприлично тонкий и какойто несерьезный, аж вибрирует в воздухе. Одновременно слышу умоляющий голос Павла Александровича напоминающего громиле Дункану, что тут - ценнейшие образцы и поаккуратнее, ради бога поаккуратнее!)

- Железо тут мягкое и даже при столкновении с костью гнется - вот во льве и застревает. А при этом - разрез громадный - наточено - будь здоров, зверюшка быстро кровью истекает. И напиговывают масаи такими льва в момент, особенно если один из них льва за хвост схватит и даст несколько секунд остальным на бросок.

- Дункан, ну не ври так нагло! Давай по делу, а?

- Прохоров! Если б ты умел читать, то это бы и сам знал! Масаи за хвост льва хватают - причем не за конец, как ты своей головой подумал, а у самой жопы. Иначе лев стряхнет такого масая - хвостище у льва как железный прут может быть - а если льва схватить у самой жопы за хвост - киса ничего сделать не может, тут ее и шпигуют.

- Ага, а таскавшему кису за хвост - ордЭн...

- Орденов у них нет, зато все девки - его...

- Давайте вернемся к теме, вас как на минутку оставь, так сразу о девках...

- Слушаюсь. Теперь - пилум. Можно так драться, можно врагу в щит воткнуть, чтоб защищаться не мог - и мечом дорезать. А до них были сариссы - военный секрет македонской фаланги - они ведь почему всех громили - потому что обычные греки в одной руке держали щит, а второй - с копьем дрались. А Саша Македонский сообразил приделывать к щиту ремешок - и щит повесили через плечо, вес щита с руки снялся и копьем македонцы уже дрались, держа его двумя руками, сила удара считай вдвое увеличилась. К тому же в

фаланге задние шеренги своими шестиметровыми копьями с балансирами противовесами не дрались, а просто устраивали такое подвижное заграждение - врагу было не пробиться, в мечи не сойтись. А первые ряды македонцев обеими руками значит, врага беспрепятственно резали...

Потом ситуация изменилась - рыцари появились. Хрен его железяного чем достанешь, и лошадь его в броне - даже на хвосте стальной нахвостник. Запонадобились бронебойные копья. Вот - пика. Наконечник маленький, давление на кончике, когда об него рыцарь на всем скаку ткнется - адское. Прошибает доспех, оказывается рыцарь как на булавке. Но его еще добить надо - пожалуйста - сделали алебарду.

Омоновец вытягивает из кучи на столе и показывает публике какуюто чудовищного вида железяку на длинной палке. Такое впечатление, что он ждет от всех нас молитвенного экстаза при виде этой бодяги. Не дождавшись, продолжает, глядя на нас, как на убогих:

- В алебарде удачно совместили топор, копьё и крюк. Гибрид получился такой замечательный, что даже нынче стоит официально на вооружении.

- А вот сейчас уже точно заливаешь!

Дункан бросает в зал усталый взгляд старого мудрого Бога, вынужденного объяснять очевидные вещи малолетним самоуверенным соплякам:

- Голова - два уха! Швейцарская гвардия чем вооружена в Ватикане, а? Официально, между прочим. И штуки эти позабористее ПР будут! Молчи уж, шляпа с перьями!

Ребята рядом со мной фыркают и тихонько посмеиваются.

- Короче! Есть еще глефы, гизармы, совни, рогатины, эспантоны, протазаны. О них говорить можно долго и красиво, но в ваши глупые головы столько сведений не влезет, потому как оперативная память у вас убогая. Потому говоря проще - первая шеренга будет с рогатинами.

Могучие лапы Дункана показывают странную штуку, меньше всего, на мой взгляд, подходящую под название «рогатина». На древке прикреплен практически меч - длинный нормальный полуметровый клинок.

- Слушай, Дункан - разве рогатина не двузубая?

- Нет! Рогатина именно такая - не от слова «рога», а от слова «рог»! Это короткий меч с длинной рукоятью, вот что такое рогатина. И применялась она по той же схеме, по какой европейские пикинеры рыцарей привечали: конец древка упирается в землю, прижимается ногой впридачу, а острие - медведю - ну или конному рыцарю - в грудашник. И все, абгемахт!

- А вот с краю - это у тебя «годендаг»?

- Нет, это «Моргенштерн». «Годендаг» - это вообще загадка. В свое время это убероружие было настолько популярным и массовым, что никто не удосужился его описать. А сейчас - оказывается, что этой штукой все пользовались, а копьё это, меч, боевой цеп - непонятно...

Теперь переходим к боевым топорам. Вот эта штука - называется «бердыш»...

Нога у Виктора вздулась, пришлось перебинтовывать. Кровь не лилась рекой, но поллитра он точно потерял, замарав и одежду и кровать. Ирка не смогла закончить все как следует - муженек был сам не свой, потому что вотвот могли прибыть остальные члены «фирмы» - и это его беспокоило до умопомрачения. Прикрикнув даже, погнал ее на улицу - идея встречать грузовик в деревне ему не понравилась сразу - надо до деревни успеть - там как раз хорошее поле. Да еще и холмик есть душевный - как раз для пулемета... Эх, если б не нога... В фильмах же с такими ранами герои носятся как угорелые кошки, прыгают и чуть ли не танцуют, а тут - прошибает дикой рвущей болью до ослепления и скрипа зубов любое неловкое движение. И рана как будто туда полено суют и проворачивают в живом мясе, и

ногу дергает...

Он уже несколько раз увидел разноцветных живчиков на черном фоне, когда попытался слезть с кровати...

Ирка, выскочив из дома, от удивления открыла рот - их родной УАЗ рваными рывками разворачивался поперек улицы. Не обращая внимания на какихто грязных зачучканных людей, ожививших малолюдную до того улицу, Ирина подскочила к джипу, рванула дверцу и получила короткий тычок в лицо от патлатой девки за рулем. Отскочила, чтоб не попасть под колеса, УАЗ рванул, причем хруст переключаемой коряво скорости отозвался горелой горечью где-то за грудиной, и Ирка сообразила - ее родную машину вот так нагло у нее на глазах угоняет какаято лярва.

Это было так неожиданно, что несколько секунд Ирина потеряла, а потом решительно вскинула помповушку, целя угонщице в башку, тут же вспомнила, что запасные стекла к УАЗу лежат в третьем тайничке в самом низу, да еще и салон мыть придется - и перевела прицел вниз на колесо. Бахнуло дважды - выстрел и лопнувшее колесо, УАЗ самым грустным образом с гулким бубумом ударился рылом и боком в угол дома. Ирка, совершенно взбесившись - до помутнения ума, так что даже не заметила куда делось из рук ружье двумя прыжками подскочила к покалеченной машине и выдернула угонщицу за невымытые патлы из кабины. Как морковку с грядки.

Кто их разнимал, визжащих, орущих как дурные кошки, Ирка не поняла, но ощутила себя оторванной от противницы. Переводя дух, с трясущимися руками и не вполне владея собой, прыгающими, не своими губами не то прошипела, не то прохрипела: «Убью сука, убью!» и как-то осеклась, когда патлатая врагиня с визгом стала практически на четвереньках убегать через улицу и огород - к лесу. Вот сейчас - если бы у Ирки в руках оказалось ружье - она бы точно вцепилась в задницу убегающей весь заряд. Но ружье куда-то делось...

Пошарив взглядом она нашла помповушку торчком стоящую в сугробе. Оглянувшись - несколько человек смотрели на нее во все глаза. Достала ружье и не нашла ничего лучшего, чем передернув цевье бахнуть в воздух. В первую очередь - чтобы успокоить саму себя.

Виктор весь извелся, когда услышал за окном выстрел, характерный звук аварии и потом визг, брань - и еще выстрел. Вбежавшая растрепанная Ирка была неприятно удивлена направленным на нее пулеметом.

- Что там?

- Да сука одна из рабынь угнать УАЗ пыталась.

- А ты ключи оставила, дура!

- Ой, ну да, Витенька, милый, прости. Я ей колесо прострелила, она в лес удрала.

- Вот клево! Теперь она этих предупредит!

- Нет, она их боится как огня, она от них удирала!

- Один черт! УАЗ-то не на ходу! Что разбилось?

- Не знаю. Дорогой, я не посмотрела.

- Дура и дура! Теперь все, теперь без вариантов - я лежачий, так что давай - собирай орду - и вперед, в засаду. С пулеметом справишься?

Ирка осторожно поглядела на мужа и опасливо сказала:

- Не получится орды. Кроме меня еще одна бабенка годится - и все.

- А остальные? Тут же мужики еще были?

- Мужиков двое - один алкаш, а другой - трусливый до обморока. Он так из сарая не вылез, боится, что приедут - накажут. Так что две бабенки - вся наличная мощь.

Виктор длинно и страдальчески вздохнул.

- Ладно, Витя, делать больше нечего. Что про засаду скажешь?

Витя собрался с мыслями, сосредоточился.

- Значит - берешь коврики, пару простыней, пулемет и диски. Заложете на холмике - тут с километр поле будет - неподалеку от деревни, там и холмик. А дальше - шей начиная с водителя, патроны береги - всего два диска у тебя. И постарайся технику особо не ломать, пригодится еще. Не подпускай этих уродов близко и постарайся, чтоб и не ушел никто. Бей,

когда они будут метрах в трехстах - двухстах. И спроси у местных - еще такие карабины у тех были? Если нет - то тебе никто не сможет повредить...

За окном опять пошел какойто мутный беспорядок - визг в несколько голосов и суета. Ирина живым духом опять скатилась по лестнице, осторожно выглянула.

- Вот прошмандовка неугомонная - вырвалось у Иринки совершенно непроизвольно, когда совсем близко она увидела колченого и косолапо ковыляющую вдоль улицы бабумотоциклистку. Явилась, значит, не запылилась.

Выскочила за дверь, направилась было к зомбачке, потом притормозила, ругнулась, полезла в карман и набила пару патронов. Потом, вызываяще вихля бедрами развязнейшей походкой подошла к мертвячихе, оглядела ее внимательно. Витька хорошо продырявил покойницу, но дело стоило закончить.

- Гоу ту хелл, сука! - сказала Ирина чеканную фразу, вскинула ружье, к которому уже успела приноровиться и с удовольствием долбанула в лицо недавней знакомой. Ту мотануло, но, вытянув лапы в сторону Ирки, она дернулась под выстрелом и поспешила навстречу, мерзко и тонко застенав.

Ирка совсем не героически пискнув, шарахнулась в сторону и, перезарядив, повторно грохнула в морду, уже страшную, искромсанную, со свернутой в сторону половинкой нижней челюсти. На этот раз - проняло, зомби свалилась как бревнышко, на всю длину.

Ирка подняла гильзы и присвистнула - какимто непонятным образом в картечную кучу взятых с собой патронов затесалось чтото для мелкопташечной охоты, вот дробинки и не одолели, только рожу растворжили.

Перевернула труп, постаралась аккуратно стянуть висевшее за спиной у покойницы ружье, измазала все же ремень в кровище, потому отстегнула карабинчики и брезгливо ремешок отбросила. Двустолкавертикалка была не новой, но целой, пулеметные очереди ее не покалечили. Тяжесть ствола в руке навела на мысль - и горестно глянув на сиротливо уткнувшийся в стенку дома джип, Ирина вприпрыжку побежала к выезду из деревни.

К ее радости застрявший в снегу и кустах мотоцикл тут же завелся и она триумфально докатила до каменного особняка, отметив, что пули счастливо миновали важные узлы, разбив зато фару, пробив руль, вспоров в двух местах седло - и закончив сбитым видно для симметрии стопсигналом.

Напарница уже поджидала в прихожей. Всучив ей двустолку, Ирка потащила спутницу наверх - на инструктаж.

Выслушав еще раз то, о чем уже слышала и, забрав пулемет с диском, парочка воительниц спустилась к мотоциклу, потом захватила принадлежности - и, вилия на заснеженной улице, покатила на битву. Ехать без фары было уже темновато, зато маскировка.

Мне не удастся дослушать лекцию до конца, надо и в медпункт заглянуть.

Маслом по сердцу, что дела идут спокойно и в рабочем режиме. Сложных случаев пара всего, советы у меня спросили скорее из вежливости. То ли такой начальник как я, тут и нафиг не нужен, то ли я так все организовал, что любодорого. Приняв за рабочую гипотезу именно второе объяснение, добираюсь до нашей казармысалона.

И собрав на завтра сумку - валюсь дрыхать...

Ребята возьмется еще, звякают, переговариваются, но мне это уже не мешает.

А вот заявившийся Дункан - мешает. Он возбужден, шумлив и совершенно не обращает внимания на то, что тут вообще некоторые труженики тыла героически пытаются поспать. Он восторжен до неприличия, словно ребенок на елке с Дедом Морозом.

Я думал, что наши не будут участвовать в рубке, отслужив службу стрелков. Ан нет, лихорадка охватила и Серегу, и Вовку. Ильяса с нами нет, оказывается, ему жена запретила в

доспехах на топорах драться. Сейчас он ей вкручивает, что, разумеется, как всегда будет сугубо стрелком с самой дальней дистанции.

Уснуть при таком тарараме, который устроил тут чертов омоновец, невозможно и я, приподнявшись на локте, удивляюсь:

- А как же это получается, что властелин и показатель кто в доме хозяин так перед женой трепещет? Он же тут, было дело, рассказывал, как у него в доме все по струнке ходят?

- Так все правильно! Все по струнке и ходят. Вот и он сам - тоже по струнке. И вообще, кто спорит с женщиной - укорачивает себе жизнь. Старая восточная мудрость, между прочим - вразумительно отвечает Вовка. Он крутит в руках какуюто железяку с ремешками, регулирует чтото - и я готов о заклад побиться, что это скорее всего деталь брони. А этой брони у нас навалено много - шлемы, кирасы, наплечники, кольчуги.

- Он видишь, даже свой доспех сюда не приволок - у Павла Алисаныха оставил.

- Похоже, Павел инфаркт чудом не схватил - в основномто оружие и доспех взяли из экспозиции средневекового оружия, а нашему батыру зачесалось, чтоб обязательно у него восточное было. Надыбали ему какойто сбродный персидскокитайский наряд. Просил подружески - чтоб мы при чужих над ним не смеялись, стесняется, похоже, слышь, Вовик!

- Ага, командирскую честь блюдет.

- Парни, вы что, всерьез все это натяели? Ну ладно Дункан - ему фатум такой, но вы же стрелки!

Дункан даже както обижается.

- А что я? Ваша же богадельня, сам же знаешь - чтобы оборудование оставить целым - стрелять нельзя. Для вас же стараюсь, живорезы.

- Ну ладно, ладно. Не хотел обидеть, просто удивило, с чего это вам резню захотелось устроить...

- Кто б про резню говорил, а кто б и помолчал, видывали, знаем, как оно руки к жопе пришивают...

Мне не очень нравится эта тема, вот просто не нравится, и я стараюсь с нее съехать.

- Ну а чего вы все западноевропейское взяли? Почему не японское?

Дункан подпрыгивает.

- У джапов только реклама отличная - а оружие - паршивое. Отлегендировано знатно - не отнимешь, но их дурацкие катаны ни в чем не лучше немецкого или испанского клинка, про наше не говорю - тоже лучше. И доспех у них дерьмо на веревочках, тряпочки с камышом лакированным, кожей обтянутое. Как познакомились с европейскими доспехами - так тут же на вооружение и кирасы взяли, и шлемы.

Ребята заинтересованно отрываются от своих дел и глядят на вскипевшего омоновца.

- Вона как ляпнул! А ты катану в руках держал? Это оружие мастера по пять лет делали! - Володя вроде говорит серьезно, но мне кажется - подначивает простодушного дылду. С Вовки станется, любит разыгрывать, особенно раньше Сереге доставалось.

- Вовик! Катаны я в руках держал, потому за свои слова отвечаю - ласково улыбаясь, отвечает МакЛауд: «Так вот катаны всякие были. Большая часть - фигня с ручкой, кавказские пашки и наши сабли и немецкое с испанским - лучше. А насчет пяти лет на клинок - это вранье. От кузнеца Масамунэ из Сагами сохранилось 59 клинков. Это ж сколько он жил, а? Кузнец Цуда Сукэхиро за 25 лет работы сделал 1620 клинков! Так что не надо киношную чушь выдавать за правду. А еще у катаны идиотские ножны и дурацкий эфес, очень, знаешь ли, недолговечное все. Да и слово само - умные люди говорят - от португальского названия абордажной сабли. Другое дело - японцы все свое превозносят и почитают, и окружающих заставляют в это поверить, потому как сами верят».

- То есть японское оружие - говно?

- Этого я не говорил, не передергивай. Я сказал просто - это не вундервафля, а обычные клинки весьма разных кондиций - до откровенно эрзаца - такого тоже полно. Вот разрекламировано оно - не в меру, потому как в массе европейское и наше оружие - лучше. А реклама - это особ статья, и все японское кстати тоже не в меру разрекламировано. Японские

ножи, сюрикены, ниндзя, гейши, харакири, саке с суши... Тут джапы на втором месте после амеров. Что Доктор ухмыляешься, не так что ли?

- Ну, так. Просто вспомнил - у нас тут был в гостях японский профессор, но из таких знаешь, второсортных, не шибко что с него было можно поиметь, вот меня ему в провожатые и выделили, для проформы. Он посмотрел - посмотрел на кучу наших «сушибаров» и сильно удивился. Выразил это деликатно, пояпонски: «Мнение, что достаточно взять в повара какогонибудь азиата, дать ему размороженную рыбу и назвать все это «японской кухней» - ошибочно. Японская кухня - это очень свежая рыба, повар японец, обученный не по книжке, а вживую опытным учителем и еще пара десятков не менее важных условий». И категорически отказался зайти хоть в один. «Я - говорит - вижу, что тут повар - бурят. Вот пусть бы он и готовил бурятскую еду».

А японскую саблю я видал - у старушки, которая меня английскому языку учила. Из трофеев американской армии - она переводчицей была в посольстве в США, там подарили. Боевая такая саблюка, вся в зазубринах, ага. Но в руке не сидит, это есть такое. Неудобная.

- Вот! Потому я лично предпочту нюрнбергский или толедский клинок! Алебарду я себе подобрал - загляденье. Всегда мечтал попробовать себя в такой средневековой зарубе - чтоб глаза в глаза и с хрустом - у кого хребет крепче...

- И, похоже, ничего в тебе не екнет! - грустно както замечает лелеющий маслом и тряпочками новоприобретенный пулемет Серега.

Дункан аж подпрыгивает повторно, словно его оса ужалила.

- А что во мне должно екать? Враг есть враг, его надо уничтожить - и без соплей. Развели антимонии на ровном месте. Ты еще про тварь дрожащую вспомни и пристыди меня.

- Это ты о чем?

- Если человек всерьез считает, что он тварь дрожащая, если не убил себе подобного, то это уже и не человек вовсе.

- А кто?

- Дык тварь! Он же себя сам так посчитал. И всей разницы - дрожащая он тварь, или если убьет кого - так уже недрожащая. Но полюбому - не человек.

- Странно от тебя слышать.

- Убийца типа рассуждать не должен?

- Нет, просто кто сейчас Достоевского читает... А что касается убийцы - так ты ж себя до того тварью дрожащей не считал? Не считал, так что говорить...

- Классику читать надо. Она не зря классика. До нас люди жили в бытовом смысле подругому, а вот проблемы те же были. И мне стрелять приходилось не по старушкам, а по отморозкам - с автоматами и гранатометами. Те еще твари были. Именно твари. И не дрожащие, такое они «право имели» - закачаешься. И завтра - враг будет что надо, загляденье, без всяких соплей и компромиссов - либо мы их вынесем. Либо они - нас. И никак иначе.

- Ты просто раб системы. Клеврет! - уже откровенно глумясь и лыбясь во весь рот, заявляет Вовка.

- Рабы системы, борцы с системой... Бляблябля! Или точнее - бляблябля! Никогда, бараньи головы, никогда - человеческое общество не будет внесистемно! Такая или другая - но система управления будет! Будут у власти анархисты или еще кто - все равно они выстроят свою систему управления. И не факт, что она будет лучше. Но что будет - стопудово! Чего ухмыляешься?

- Зря кипятишься. Мне вообще, когда всякие такие вопли о рабах системы слышу - думается, что это точно сказано. Все мы рабы системы. Канализационной системы например, водопроводной системы, отопительной и так далее. Вот сейчас все эти системы гавкаются и мы будем рабами других систем - вместо отопительной системы будет печная, вместо канализационной - люфткалозетная и так далее... Но рабами придется оставаться, потому как полностью свободный человек замерзнет, если до этого в своем дерьме не утонет...

Я вижу, что тут сейчас начнется балаган. Хочется влезть почесать язык, заметив еще, что заодно человек является рабом еще кучи систем - мочеполовой, дыхательной, кровеносной, пищеварительной, но понимаю, что не стоит умничать излишне. Вспоминаю одну непонятную для себя вещь и тихо спрашиваю Сашу:

- Слушай, а что это за ругательства были? Испанские? Ну, эти - раха пелуда и прочие саммордюк?

- Ага, испанские. Раха пелуда - это волосатая жопа, педасо де идиота - кусок идиота, полудурок.

- Ну а третье? Про онаниста чтото?

Саша смущается. Потом говорит:

- Не, Энано Нарис - это поиспански Карлик Нос. Сказка была такая, мы ее поиспански и читали. Просто вспомнил к месту.

А что, неплохо прозвучало...

Холмик амазонки искали долго. Только через четверть часа до сметливой Ирки доперло, что холмик - это убогое возвышение над ровным, как стол полем, по которому наискосок проходила дорога. Треща сухим бурьяном, Ирка и ее напарница расстелили коврики, установили пулемет, Ирка легла, примерилась - как оно получается, получилось неудобно, приклад както не вставал как надо и пулемет на сошках ерзал, потом она пресекла попытку напарницы расстелить вытасщенные из рюкзака простыни на коврики и показала, что их надо накинуть на себя, типо маскировка. Посуетившись, залегли и стали ждать.

- А тебя как зовут?

- Вера. А тебя?

- Ирина.

- Очень приятно.

- Ага. Стрелять доводилось?

- Да, было такое.

- Тогда ладно.

Замолчали. Верка все ерзала, видно мерзла. И еще шумел - шуршал бурьян. И это было неприятно - словно кто-то тихо подкрадывается сзади. Решили, что Верка с ружьем будет посматривать назад, а Ирка - вперед. Как ни старалась себя держать в руках Ирка, но мелкая дрожь пробирала, какаято внутренняя, словно тело мелко вибрировало всеми клеточками. Напарница тоже была не в своей тарелке - сидела тихо. Ружье вроде держала цепко, но черт ее знает.

По словам рекомендованной Виктором бабки - девчонка была из новеньких, строптивая, обломать ее не успели, а вот разозлить - разозлили...

И Ирку к слову - тоже.

Верка шмыгала все время носом, и это раздражало Ирку, как зубная боль. Пулемет тоже никак не позволял к нему приноровиться, был неудобен, да еще и темнело быстро - черта лысого тут прицелишься толком. Ирка злилась, хотя и старалась сдерживаться - но не выходило.

- Сколько там фирмачейто получается? - спросила шмыгающую носом напарницу Ирина.

- Всего было 8 парней и 3 бабы. Осталось значит - 5 мужиков и 2 бабы. Ехать будут на двух машинах, вчера напоролись по рассказам покойничков на очередную группу - сегодня остатки добирают.

- А «сотрудников корпорации» значит, сколько было?

- 14 рабов да местных 6 человек.

- Ты что ли бухгалтер?

- Да. А ты как догадалась? - удивилась Верка.
- Ты все цифрами сыплешь, догадаться просто.

Помолчали.

И сквозь шуршание бурьяна донеслось далекое пока урчание моторов.

Едут.

Верка задышала, зашмыгала чаще.

Ирка с трудом удержалась от того, чтобы рывкнуть на напарницу, вместо этого велела взять из футляра маленький китайский биноклик - и смотреть, кто куда кинется из машин.

Дышать стало както тяжело, сердце колотилось как очумелое, и непонятно было - что за ком подступил к горлу.

А потом яркий свет мазанул по дороге, по кустам и из леса выкатились две пары фар, на которые Ирка зря посмотрела - подслепило ее галогенками, да к тому же ездуны перли явно с дальним светом, похозяйски, никого не опасаясь.

Хорошо, ехали они не быстро, и пулеметчица успела опомниться, отвести глаза от фар, проморгаться и уже поделовому ухватиться за свое оружие.

Освещенный снег дал Ирке отличную возможность увидеть и мушку и прицел, совместить одно с другим и, примерно взяв чуток за фарами передней машины - вроде как джипа, она даванула на спуск. И ничего не произошло. Шибануло холодком вдоль по позвоночнику, сейчас проскочат - и все!

Джип уже подставил бочину, в свете фар шедшего за ним фургона был отлично виден, просто загляденье, а не цель.

Тут же пальцы нащупали еще какуюто выпуклую пимпу - и Ирка вспомнила, что кроме спуска надо давить одновременно еще и на чертов предохранитель. И надавила.

Пулемет саданул ее довольно чувствительно в плечо и заколотил так, что у нее мелькнуло в голове совершенно неуместное: «Боже, как у меня щеки трясутся!»

Немного оглохшая и чуть ослепшая от грохота и всполохов пламени Ирка отдернула палец - Дегтярев послушно замолчал.

- Черт, это я ж полдиска выпулила! - ужаснулась про себя.

Джип светил фарами, стоял совершенно неподвижно посреди дороги, а вот фургон шустро пытался развернуться, резко сдав задом и прикрыв от огня кабину кузовом. Спohватившись, Ирина долбанула несколькими короткими очередями по грузовику, надеясь, что пули достанут через кузов до водителя.

- Из джипа с нашей стороны ктото вывалился! - звонко крикнула Верка.

Ирка только чертыхнулась в ответ, продолжая стрелять по кубическому черному силуэту.

Грузовик както перекосило.

- За джипом ктото мелькнул! Из грузовика водитель выскочил! Они как тараканы разбегаются! Да стреляй же ты, стреляй!

Диск шелкнул и пулемет замолк.

Обламывая от спешки ногти, Ирка выцарапала из рюкзака сменный диск, какимто чудом ухитрилась вставить его на место, лязгнула затвором.

Две машины тихо стояли на дороге.

Светили фарами, джип еще и габаритами подсвечивал.

И слышно было только, как ктото тонким голосом воет - вроде бы в салоне джипа.

Не удержавшись, Ирка дала пару коротких очередей в лес, куда утекли беглецы.

Потом опомнилась.

- А дальше что? - спросила Верка.

- Дальше яйца не пускают - грубо отрезала на правах старшей Ирина и подумала: «А и действительно - дальшето что?»

- Ждать будем?

- Да. Ждать.

Верка пошмыгала носом, поерзала. Не удержалась и снова спросила:

- А чего ждаты? Я уже до костей продрогла!

Ирка промолчала. Ее тоже колотило чутьчуть - то ли от холода, то ли от волнения. В разных книгах после такого - пальбы по живым людям - полагалось задаваться высокими материями, переживать, страдать и самоедствовать. Но Ирина думала совсем о другом - те, по кому она стреляла - частью удрали. И это было печально, потому что вылезать к машинам - значило подставляться уже под выстрелы удравших, а воспоминания о раненом муже както не воодушевляли. Очень не хотелось валяться простреленной на этом дурацком поле. Сидеть на холмике - пока безопасно, но замерзнешь. Тихонько смотаться - значит отдать обе машины удравшим - и не факт, что это потом не рыгнется.

- Чего молчишь? Ждешь, чтобы они удрали подальше?

- А думаешь - удрали? - с некоторой надеждой в голосе спросила Ирина.

- Некуда им. Без машинто. Думаю, выжидают - что дальше будет. Могут, конечно, по лесу - в деревню сразу выбираться, тоже вариант. За час - другой доберутся. Если не ранены, конечно.

- Надо их как следует напугать! - решительно сказала Ирка.

- И как ты предлагаешь это сделать? - с некоторым сарказмом уточнила напарница.

Тут ответить было сложно.

Оттарабанить несколькими очередями в лес последний диск? Так видно будет, что пулеметчик лепит в белый свет как в копеечку. Да и жалко впустую патроны жечь, еще пригодятся.

Посуется, пошуметь? Ну да, женские голоса - они конечно напугают. Держи карман шире.

Можно вообще тихо тихо красться по лесу, выйти во фланг уцелевшим и героически перестрелять их в упор. Но Ирка прекрасно понимала, что она не литературный герой, не Бешеная и не Лара Крофт и потому, скорее всего, это ее подловят. Валяться простреленной в лесу тоже не хотелось.

Тягучий вой из джипа, давивший на нервы, сменился отчаянным визгом, таким, которым визжат последний раз в жизни. Резануло по ушам и нервам - затихло.

- Вот, дождались. Ты когото хорошо продырявила в джипе. И этот кто превратился в упыря и заел недобитую бабенку. Вроде по визгу, это МэриСью.

- Ты о чем - повернула голову Ирка.

- Да одна из ихних девок была такая вся на понтах, гонористая дура, кликуха у нее была МэриСью. Дружки еенные так ее обзывали. Она бесилась, на нас потом вымещала, сука крашенная.

Верка перестала озиаться на шуршащий под ветром бурьян, опять взялась за бинокль.

- Точно, превращаются! Тот, кто из дверцы вывалился, там так и лежал кулем - а сейчас встал и стоит. По куртке - ихний дизайнер.

- Ага. Трое значит в минусах. Уже легче.

- Знаешь, мне кажется - их целых двое осталось. На списание мне думается - пятеро пошло. Что делать будем? Надумала, как их отпугнуть?

Ирка не могла признаться, что в голову ничего не приходит. Потому ответила вопросом на вопрос: «А ты?»

- Есть идея! Смотри!

И замерзшая напарница вытянула из кармана тощего рюкзака три длинных цилиндрика - наполовину из тонкой жести, наполовину картонные.

- Это что?

- Это - сигнальные ракеты. Вот тут снизу колпачок отвинчиваешь - вываливается веревочка - дергаешь, и ракета вылетает.

- А намто это что даст?

- Так эти - которые в лесу - увидят, что тут какие-то злые люди - из пулемета стреляют, ракеты пускают - и сдрейфят. Они не герои, что есть - молодцы против овцы.

- Ракеты откуда? - подозрительно осведомилась Ирка.

- У самогонщика местного нашла. Когда они самогон варили, поленья таскала - в дровах и увидела. А как пользоваться - на них написано.

- Тогда так. Ты сейчас пригнувшись убегаешь метров за двести туда, назад. Пускаешь ракету. Я отсюда - другую. А ты еще отбеги - и давай третью.

- Зачем бегатьто?

- Ну не отсюда же все пулять. А так вроде бы народ тут в трех местах сидит. Может все с пулеметами.

- А что, вполне. Достаточно идиотское представление, чтоб сработало.

Шмыгнув еще раз носом, Верка тихонько свалила в темноту. Посматривая по сторонам, Ирка как могла, ознакомилась с девайсом. Вроде бы все достаточно просто.

Ждать пришлось долго, Ирка уже забеспокоилась, вертясь на коврике, когда, наконец, далеко сзади бахнуло и красная ракета, рассыпая шлейф искр, достаточно косо взлетела в небо. Ирка завозилась, потом вовремя вспомнила, что ракету надо направлять вверх, мысленно перекрестилась и дернула со всей силы за веревку, так что чуть не вырвала цилиндр у себя из ладони, но удержала. Грохнуло, красный свет озарил поле, кромку леса, заметались тени, потом угомонились, поплыли, как положено. Немного погодя третья ракета взметнулась неожиданно далеко - ближе к деревне, на дороге, наверное.

Смотрелось это както внушительно, и Ирка повеселела.

Шмыганье носом было слышно раньше, чем шаги.

- Чего не окликаешьто? - удивилась напарница, сильно запыхавшаяся, видно бежала бегом.

- Ты фырчишь так, что тебя за версту слышать.

- Честно?

- Стопудово!

- Надо же... ну что, пошли?

- Сейчас. Слушай, а ты вообще стреляла когда - нибудь? С ружьем справишься?

- Наверное. Знаю, что за эти крючки надо дернуть.

- Ты на меня то не направляй, стволы убери в сторону. Целиться умеешь?

- Ирэн, все равно ты меня сейчас не обучишь. Пошли, а?

- Погоди, торопыга. Мы ж от леса видны будем хорошо, фары, подфарники - и мы как на витрине.

- А можно фары побить на фиг. Вжарить из этого ружья - и все.

Бухгалтерша с некоторым уважением показала на стоящий в охотничьей стойке пулемет.

Минутку Ирка думала на эту тему, и вообще то ей показалось соблазнительным такое предложение. Но жаба одолела - еще продырявишь джип наповал, грустно будет. Нет, придется рискнуть.

- Слушай, Верк, ты машину водить умеешь?

- Неа.

Тоже хорошо. Значит и стрельчиха одна и водительница - тоже одна. «Я и пела и плясала и билеты продавала!» - невесело подумала про себя Ирина.

- Ладно, пошли. Только все же насчет ружья - слушай, что скажу и запомни.

Минут пять ушло на лекцию. Впрочем, уверенности в том, что напарница, сильно уже окоченевшая, хоть что то запомнила, у Ирки не возникло. Горе луковое, а не напарница. Хорошо хоть слушается и не выпендривается каждую минуту. И то хлеб.

Вплотную к стоящим машинам подходить не стали, присели чуть в сторонке, огляделись. Ирка смогла рассмотреть цепочки следов, ведущие к лесу. Две - точно, но вроде бы и третья есть - не понятно в темнотище - это там следы, или борозда, а может и следы, да не человечьи.

- Слушай. Даже если они живые и сидят на опушке леса - нам то что за дело? Ты ж сказала, что у них ружья не дальнобойные.

- Да в основном то оно так. Только вот у одного карабин был серьезный. Ты вообще их

оружие разглядывала?

- Да ружья как ружья. Разница у них какая? У некоторых два ствола было в ружье, у некоторых - один. Это точно видела.

Ирка запнулась. Она и сама не очень твердо усвоила все, что ей рассказывал Витка об оружии и тем более не взялась бы объяснить разницу между нарезным и гладкоствольным этой девчонке, которая судя по замеченным острым бабьим глазам приметам, была невероятно далека от всей этой смертоубийственной техники. Вот остатки дорожного маникюра, желтоватый оттенок кожи от солярия, признаки модной прически, сама манера поведения это подтверждали. Небошь, все ночные клубы знала.

Ирка встряхнулась и отогнала некоторую совершенно нелепую сейчас зависть к беззаботному мотыльковому образу жизни своей напарницы.

- Начнемка с грузовика. Видишь, двери нараспашку, значит в кабине пусто. Присмотри пока по сторонам, я быстро.

Напарница с омерзением осторожно устроилась на снегу, подложив под себя рюкзачок, а Ирка, сгрузив с облегчением рядом с сидящей пулемет и помповушку, взяла в руку пистолет и перебежала к фургону. Габариты у грузовика не горели, так что сесть сзади и осмотреться было можно. Теперь Ирина точно видела - от грузовика в лес вели следы. Значит, двое все же удрали. Еще немного удивило ее, что заднее и переднее колеса сплющились, торчали лохмотьями рваной резины - потому машину и бросили, что на лопнувших колесах далеко не уедешь - но стреляла она по кабине, а досталось почемуто колесам. Ладно, что получилось, то получилось.

Кабина была нараспашку и совершенно пуста, что порадовало Ирку. Еще ее порадовало то, что прямо у двери вертикально стояло ружье - она такие не видала раньше и решила, что это, скорее всего, импортный автомат. Значит, скорее всего, у пары удравших при себе одна пушка всего осталась. И это замечательно.

Когда Ирина уже собралась двигаться к джипу и почти выпрыгнула из кабины, оказалось, что есть еще повод порадоваться. Подняв взгляд напоследок, она обнаружила на потолке кабины самодельные крепления, в которые была вставлена коротенькая двустволка. Прихватив оба ружья, радостная и гордая первым успехом Ирка вернулась к напарнице. Та, уже не шмыгая, а хлюпая носом, жалобно попросила поторопиться, если можно.

- Вот сейчас все брошу и потороплюсь. Ты смотри вокруг лучше, а то еще подберутся, не ровен час.

- Я смотрю. Ой, мертвяк к нам идет!

Верка подскочила, засуетилась.

Покойник, стоявший раньше у джипа, теперь неуверенно шел к ним, заплетаясь непослушными ногами в достаточно глубоком еще снеге.

- Ты не суетись, Верк. Ты его завали.

- Как???

- Кверху каком! Он неповоротливый, медленный. Бери ружье, прицелься. Как я тебе говорила - и стреляй. В башку.

- Ой, я не смогу.

- Что этот тебя не обижал?

- Еще как обижал! Они все уроды были.

- Так какого черта выпендриваешься?

- Я не смогу. Он же человек все же!

- Да какой человек, ты что, дура совсем? Он - упырь, мертвяк, и при жизни был гондон! Верка стреляй!

- Не могу! Не могу!

- А, чтоб тебя!

Ирина шагнула назад - мертвяк подошел уже слишком близко и тянул руки - вскинула пистолет, зажмурила глаз, как учили и, прицелившись в темное пятно головы - выстрелила.

Бахнул выстрел, быстро заглохший в сыром воздухе, а мертвяк нелепо рухнул

вертикально вниз. Как марионетка с обрезанными ниточками.

Напарница, нелепо держа ружье, подошла поближе. У нее явно начался мандраж.

- Трусишь? - строго и свысока спросила Ирина.

- Замерзла. Ну и трушу, конечно. Как ты его - раз и все - Вера виновато улыбнулась.

- Ладно. Пошли оставшихся добирать.

Оставшихся Ирка добрала сама - это просто оказалось. Вылезали мертвяки кучей, в одну дверь, мешая друг другу, дальше ползли на четвереньках - не сообразили что ли встать, но Ирка потратила всего четыре патрона на всю троицу.

- Слушай, Ирэн, давай сматываться, а?

- погоди! В джипе пятеро было, а я четверых успокоила. Пятый там.

- Пятая. Та самая МэриСью.

- Однохренственно! По сторонам смотри, мерзлячка!

Решив рискнуть, Ирка проскочила пространство до джипа. В салоне кто-то возился, но наружу не показывался. Приглядевшись через полуосыпавшееся стекло, Ирина поняла причину - растрепанная окровавленная девка с обгрызанным лицом была пристегнута ремнем.

подавив первое желание бабахнуть ей в башку, Ирка взяла себя в руки, осмотрелась, прикинула как стрелять, чтоб не повредить чего в уже и так прострелянном салоне, усыпанном битыми стеклами - и, наконец, стрельнула. Мертвячка еще шевелилась и пришлось потратить еще патрон.

Ирка глубоко вздохнула. Справились, всетаки.

- Ладно, тащи сюда железо!

Вера попыталась тащить все стволы, но не потянула, свалила обратно.

- Тяжело очень, Ирэн!

- погоди, сейчас я подъеду.

Осторожно открыв дверь, смахнула стекла с сиденья, стараясь не порвать перчатку и не пораниться, увидела какую-то тряпку на полу, стряхнула стекла с нее и протерла пропоротое пулями кресло от местами поблескивавшей на нем чужой крови, залезла, выдохнула воздух, и стараясь не смотреть в зеркало на сидящую сзади покойницу, нашла ключи в замке, завела и тихонько тронула с места.

Подъехала к Вере, вместе они выдернули и выкинули из салона МэриСью, сложили на заднее сидение трофеи и покатали аккуратно дальше - к холмику, забрать шмотки и коврики...

Немного тряслись руки и как-то обессилено колотилось сердце, но такого кайфа Ирка давно не испытывала.

- Ладно, давай все же попытаемся уснуть, а то этот Дункан еще долго будет куралесить...

- Хорошо... Вспомнил вот - в инете кто-то написал - прямо про него:

Быть рыцарем братец полный отстой

Будь пехотинцем парень простой

Чем куртизанить в начищенных латах

Херачь алебардой - будь парень солдатом!

- Вот завтра и глянем, как оно - алебардойто...

Дункан еще что-то бунчит, но голова как свинцовая - и словно свет выключили, стоило только прижать ухо к подушке...

Утро 11 дня Беды

Сегодня я точно убью Вовку.

Вот открою глаза - и убью. Взглядом. И он будет помирать медленной и мучительной смертью, а мне его ни капли жаль не будет. Потому что ничего другого мерзавец, залиvisto орущий в ухо: «Рота, подъем!» - не заслуживает.

Василиска из меня не получается, Вовка игнорирует мой тяжелый ненавидящий взгляд и только еще и торопит. Внизу у умывальника непойми откуда толпа, сразу вспоминается американская карикатура, где из такой же солдатской кучи - малы доносится возмущенный вопль: «Кто это чистит мои зубы????»

Ситуация понятна - тут еще несколько из ОМОНа - те, которые прибыли с Дунканом, вот они кучу и создали. Дрыхли - то они в Артмузее, страстно обложившись протазанами и этими, как их там - совнями и бердышами, а на завтрак и умывание к нам прискакали - видать с умыванием в музее еще сложнее, чем у нас. Ну да, народу там много, а туалеты не резиновые. Правда двери в туалетах старинные - еще Арсенального производства, мощные, бронированные, ну да это вряд ли помогает.

Ильяс и Дункан поторапливают нас - вотвот прибудет транспорт, надо пошевеливаться. Завтракаем стремительно, обжигаясь кофе и торопливо заглатывая бутерброды с какойто очень твердой колбасой. Для меня оказалось сюрпризом, что часть наших женщин - в том числе Дарья и Краса убыли в тот самый концлагерь при заводе - посчитали нужным помочь, а там сейчас каждая пара рук желанна. Вот и сразу видно, кофе еще ничего, а бутерброды как топором накромяли.

Суэта сопровождается лязгом железа и бряканьем - парни собирают свои доспехи, которые почемуто разбросаны по обоим этажам салона.

- Мда, это совсем не швейцарская караулка! - свысока цедит Дункан.

Сам он уже собрался и сидит как на гвоздях.

- Ну а что у швейцарцев? - спрашиваю его.

- У швейцарцев - образцовый порядок! - отвечает Дункан так, словно этот порядок целиком его заслуга.

Наконец все собрались и полубегом с лязганьем добираемся на причал.

На причале девственно пусто и безлюдно.

Ильяс чешет в затылке, выразительно смотрит на Дункана.

Начинают связываться с командованием.

Мы с Сашей тоже переглядываемся - из обрывков руготни и страдальческих воплей становится ясно, что самое малое час ждать придется. То ли морячки засбоили, то ли наши «кмамандиры» чтото напутали, но - возвращаемся обратно. Придет корыто - оповестят.

Кофе был хорошо заварен. Моя попытка подремать проваливается - веки как на пружинках, самораскрываются. Из принципа продолжаю валяться. Игнорируя намекающие взгляды Ильяса. Впрочем, он очень быстро отвлекается - к нам заявляется пара монетодворских гномов - тоже хотят поучаствовать «в деле». Отпустили их с трудом - оказывается, пришел крупный заказ.

Все немного удивляются - это какой же? Значки печатать или ордена?

- Нет, разумеется - деньги - с достоинством говорит гном постарше.

- Только вы пока об этом не треплитесь - дополняет его напарник.

Наши удивляются еще пуще.

Действительно, кому сейчас в голову придут деньги! Самое время для военного коммунизма. Или еще больше - феодализма. Хотя... Во времена феодализма деньгито как раз уже были.

- Вообщето вся классическая литература описывает все обмены на патроны. И в играх то же самое - при приходе Песца - деньгами становятся патроны - компетентно заявляет Александр.

Гномы свысока смотрят на сказавшего. Саша спокойно переносит уставленные на него четыре глаза.

- Нет, парень. Патроны деньгами быть не могут - компетентно заявляет гном постарше.

- И почему нет?
- Потому что часть публики по привычке обязательно эти патроны перед рынком сварит! - ухмыляясь, говорит Дункан.
- Да, и это тоже - соглашается гном.
- Но дело даже не в этом - продолжает его напарник - доступ публики к патронным залежам ограничен. Патроны - не в земле растут, а на складах лежат. Значит, пока склады не разграблены - у населения патронов на руках быть не может. Так?
- Так.
- Просто так склады грабить никто не даст. И тем боле - никакого равноправия не будет, если грабеж начнется. Патроны - это власть куда как прямая. Особенно если денег нет, а патроны - есть.
- Но у Беркема...
- У Беркема - художественное произведение. Потому на складах либо сядет самый крупный Дом, либо склады будут под Хозяйками. Либо их взорвут к чертовой матери те же Хозяйки, что скорее. Равного доступа - не будет. Опять же - деньги должны занимать маленький объем и весить как можно меньше, все попытки делать деньги здоровенными и тяжеленными - провалились. Уж мыто знаем - гном подмигивает.
- С чего бы знаете? - уже удивляется Саша.
- Потому что самые весомые деньжищи в Российской Империи делали на нашем Монетном Дворе. Был такой медный рубль, весом в 1600 граммов. Елисавета Петровна когда наградила Ломоносова премией в 2000 рублей - так на двух возах везли.
- Врешь, небось?
- Свою историю знать надо. А у нас на Монетном каких только денег не выпускали. Про тюленьи деньги не слыхали?
- Неа.
- Для Аляски выпускались. Бумажные там не прижились, публика была простовата, да и климат. Потому деньги выпускались на коже. И носили эти кожаные деньги связкой - на веревочке, потому что опять же кошельков не было. Все чинчином. Еще и сейчас тюленьи деньги есть недурного сохрана, наша фирма - солидная. Так что деньги, конечно, могут быть из чего угодно - хоть из ракушек каури, хоть из пластика, но вот патроны - это вряд ли.
- Тут молодой гном хмыкает и показывает, что в курсе компьютерных установок:
- Скорее крышечки от кока - колы деньгами будут. В деньгах ведь есть условность - а патрон в таких условиях слишком уж вещь важная, чтоб вот так его мусолить. Подмоченную купюру просушил - и пользуй. А патрон?
- Эге, и что за деньги собираетесь печатать?
- Золотые рубли и серебряные гривны. Рисунок еще утверждаться будет, но размеры уже известны - с ноготок, как старые копейки. Прикола ради поспорили, какое название давать, но решили эти, а то эфиопские быры или там гвинейские кины - слишком уж экзотично.
- Так вчерашние ящики с конвоем...
- Ага. Именно с металлом.
- Ну а подделок не боитесь? - влезаю в разговор, потому что уж больно морды у гномов самодовольные.
- С фальшивомонетчиками всегда боролись достаточно успешно. Ну, пока правозащитники не расплодились.
- Ага, прям так успешно...
- Да, очень успешно - говорит тот, кто уже просветил нас по поводу медных рублей и кожаной валюты - вот одному мальчику расправа над отцом фальшивомонетчиком так запомнилась, что он всю жизнь не то, что от денег бегал, а вообще имущества не имел. Знаешь такого?
- Откуда? Сроду не слыхал.
- А вот и заливаешь.

Гном хитро смотрит на меня и торжествующе говорит:

- Диоген его фамилия. Который в греческой бочке жил. Не знаешь такого, говоришь?
- Тот самый Диоген?
- Тот самый. Глянул, как папу в масле варят - и решил, ну их нахрен, деньги.

Вот те раз. Я и не знал такого про школу циников. А всегото делов - папа основателя на фальшаке попался.

- А говорят, что публичные казни никак не влияют на преступность - лыбится во всю пасть Дункан.

- Ишь, обрадовался, сатрап - ехидничает Вовка.
- Чего это я сатрап? - искренне огорчается верзила.
- А кто ж ты? Джедай? Воин света?

- Не пойти ли тебе, Вовик, в жопу, а? С подначками твоими... - обиженно краснеет омоновец - Менты, конечно не воины света и не паладины и не джедаи. Обычные люди, только вот на нас последнее время всех собак вешали.

- И скажешь - зря?

- Если как следует покопать - то не меньше на водителей можно набрать, на медиков, на дворников. Дело не в том, что менты плохие, дело в принципе. Менты вообще мешают, надо ментов нахрен. Сейчас как? Чем человек больше украл - тем он уважаемее. Тюрьмы забиты всякой шпаной, а крупняк где? А он уважаемый. Все грузинские воры здесь у нас - один раз тронули - какой крик начался, помнишь? У ментов вообще сбой программы в полный рост - им говорят - ворье ловить надо, а с другой стороны - ворье надо уважать, потому как эффективные собственники. Вот и кумекай - то ли уважать, то ли ловить. Шизофрения получается.

- Ну а ты как?

- А я тупой омоновец. С меня взятки гладки. А ты, Вовик, иди в жопу!
- Ладно, хвостами хлестаться - лучше скажите - ка - профиль Змиева на монетах будет?
- С чего это - откровенно улыбается старший из гномов - он же еще не коронован.
- Тык добаться до Эрмитажа, взять корону Российской империи со скипетром - и понеслось.

- Вовик, тебе уже указывали путь - а все символы царской власти - в Москве.

- И что - у нас ничего тут подходящего нет?

- Это как смотреть - есть и в Эрмитаже символы княжеской и царской власти - скифов и греков, например. Есть в Этнографическом музее всякие причандалы того же ранга - только, наверное, нехорошо Змиева короновать убором из орлиных перьев вождя североамериканского племени навахов или папуасскими прибамбасами...

- О, здравствуйте, Павел Александрович, мы вас и не заметили, как вы тихо зашли...

- Здравствуйте! А чего шуметь - вы и сами шумели вполне громко. Ну что, посидим на дорожку, да и двинемся?

- А катер?

- Катер через четверть часа будет. Сообщили уже.

- И всетаки фамилия у Змиева не располагает к начинанию царской родословной. Каких типа будете? Змиевичи мы!

- Ну, неизвестно как имя Рюрика переводится. Может тоже как «Носящий портки шерстью наружу» или «Плавающий как железный топор».

- Доктор, не умничайте, помогите лучше железо тащить, тяжело же!

- Дык я с удовольствием, но вот что касается Рюриковичей...

Ирка вскочила затемно. Когда они вчера приехали и разгрузились, затащив кучей все из трофейного джипа в дом, встал вопрос - что дальше делать? Парочка убежавших сильно

смушала. Возвращаться на поле боя Ирка не могла ни за какие коврижки. Ходить по деревне в темноте - тоже както не манило. Спустили по лестнице труп «главного», выкинули его за дверь и решили с одобрения Виктора просто запереться, закрыть ставни и по очереди не спать.

Вера устроилась внизу - в темном закутке, Витя почемуто считал, что эти уроды хоть одно ружье утащили с собой, ну не могли они быть настолько идиотами, чтоб убежать безоружными. Возразить ему Вера не могла - она никак не могла вспомнить, сколько всего ружей было в фирме - вот на всякий случай ее и устроили там, где выстрел из окна никак не смог бы достать, Ирина устроилась на втором этаже, а Виктор пообещал разбудить жену через четыре часа.

Поглядев на спящего мужа, Ирка сверилась с часами - получалось, что он ее не разбудил, а уже утро. Продрыхли как сурки. И никто не побеспокоил. Уже хорошо.

Стук в дверь внизу заставил ее вздрогнуть.

Но стучали вежливо, пососедски.

Прихватив ружье, Ирина босиком скатилась по лесенке, поглядела на дрыхнущую с открытым ртом Верку, и, осторожно встав сбоку от двери - спросила хриплым со сна голосом:

- Кто там?

- Я это, девонька, Мелания Пахомовна! Я в синем доме живу - мы с тобой вчера Костюку из моего дома вытягивали.

- Хм. А чего нужного?

- А я поесть вам принесла.

- Ага, я сейчас...

Ирка вспугнутой кошкой взлетела наверх, тихонько потрясла мужа за плечо.

Тот с трудом открыл глаза.

- Бабка эта пришла, говорит, еду принесла.

- Кхкакая бабка? - закашлялся Виктор.

- У которой ты дома языка сплющил.

- Ну, так запускай ее. Глянь только - одна она или нет. И деваху эту буди, мало ли что...

Посмотреть оказалось несложно - сквозь щелку в ставнях открывалось автомобильное зеркало, прикрученное к подоконнику так, что было видно и крыльцо и бабку с плетеной большой корзиной и даже торчащий за крыльцом труп «главного».

Бабка, впущенная в прихожую, протянула двум всклокоченным заспанным девкам корзину и показала всем своим видом, что не прочь бы познакомиться поближе с новыми хозяевами деревни. Ружье она лихо повесила себе наискосок за спину и Ирка готова была поспорить, что случись что - старуха упрела бы его оттуда доставать. Вид был, правда, нелеповоинственный, но почемуто при этом внушавший уважение.

Ирка вежливо представила и себя и напарницу, бабка тоже церемонно назвала себя по имениотчеству еще раз. Вера не удержалась и хихикнула, отчего бабка взвилась как норовистая лошадка.

- Вот как у американцев Меланьи - так все хорошо, загляденье, а как я - так смешки. Чем имя плохо?

- А где у американцев Меланьито - удивилась Вера, потирая физиономию, на которой отпечатались складки послужившей подушкой куртки.

- Гдегде. В Голивуде. Актрисы. Одното точно знаешь - муж у нее испанец, красивенький такой. А сама блондинка.

- Мелани Гриффит что ли?

- А это тебе девонька виднее. Будешь фыркать - рассержусь.

- Не, не надо, давайте лучше позавтракаем, что принесито? - съехала с неприятной темы Ирина.

- Да все простое - картошечку вареную, огурчики соленые, капустку квашенную с

клюковкой, яички вот сварила, горячие еще. Брусники еще моченой - ранетому морс делать, полезно будет, не нашли эти юроды всех моих запасов.

Ирка почувствовала, что у нее слюнки потекли от этого вкусного перечисления банальнейшей еды, от которой за эти полторы недели она уже успела отвыкнуть и соскучиться. Вера, судя по всему, испытывала те же ощущения, потому что кинулась накрывать на стол. Решили устроиться на втором этаже - чтоб при разговоре и раненый участвовал - бабка после знакомства с Виктором определенно испытывала к нему уважение - то ли как к бойцу, то ли как к единственному более-менее нормальному мужчине в деревне.

Завтракали с аппетитом.

А потом получилось что-то вроде маленького военного совета.

Двое фирмачей, бродящих у деревни, беспокоили и бабку.

Но особенно - Виктора.

Делать было нечего, придется ехать, разбираться.

- Мне бы одежду получше. И угги у меня промокли и не высохли - сказала жалобно Вера. И шмыгнула носом.

Одежку удалось подобрать достаточно легко - на первом этаже ее было много, разной, свои шмотки Вере сразу найти не удалось наверное они были в какойнибудь другой избе, но для вылазки в поле нашлось все, что нужно. А заодно Ирка и отыгралась на Вере.

Неприятным воспоминанием торчало в памяти Ирины, как она собралась купить модные валеночки - угги, но обычно не обращавший внимания на ее покупки Витя буквально взбеленился, обозвав этот писк моды бабьим туподырством, выложив опешившей подруге, что это австралийские валенки, сделанные для того, чтоб у серферов, болтающихся в воде прибоая часами ноги не мерзли, это спортивная обувь и те тупорылые коровы, которые таскают их зимой с тем же успехом могли б шлепать в лапах или горнолыжных ботинках. Надо вообще не иметь масла в башке, чтоб вот так носить эти чуни - потому что не приспособлены угги для хождения по улицам - стопе в них тяжело и щиколотка разбалтывается почище, чем от высоченных каблуков. Разумеется они моментально промокают зимой и вообще - ноги свои надо беречь, это любой нормальный человек знает. Ирка тогда долго была возима мордой - и под конец еще он заставил почитать отзывы ортопедов про эти самые угги - и даже довел ее поучениями до слез.

Сейчас Ирка с женской злопамятностью выдала все это Вере и закончив тем же, чем закончил тогда Виктор - а именно тем, что таскать в России зимой валенки для занятия серфингом могут только идиотки, брать пример с австралийских кинозвездочек, которые таким образом показывали публике свою спортивность «ах, я даже не успела переобуться!» - полная и чумовая дурь в итоге выдала ей простые хрестоматийные валенки с галошами. Вера брезгливо напялила на свои ноги эти «деревенские убожества» и получила от Ирины еще порцию яда и поучений.

Ирке и Вере пришлось забираться в простывший за ночь джип, ехать к сараюгаражу, где сидели остальные рабы и вступать во владение.

Эта новая роль была для Ирины очень непривычной, но, увидев перепуганные глаза чумазых, испитых пленных она приободрилась и вполне покомандирски отобрала троих - мужика с бледной физиономией, сидящую за ним худосочную женщину и еще одну бабенку, неопределенного от грязи возраста, которая, тем не менее, оказалась способна вести машину.

Не отвечая на робкие вопросы, посадила всю эту публику в салон джипа и погнала к месту засады.

Ехать было недолго, замерзнуть не успели.

Когда появился скособоченный фургон, Ирка отметила, что на первый взгляд ничего не изменилось, правда, на свету все смотрелось както прозаичнее, чем ночью при фарах - и валяющиеся в снегу трупы и стоящий с распахнутыми дверцами кабины грузовик.

Осмотрела в бинокль местность. Вроде никого.

И фургон не похоже, что разгружали. Если б открыли и закрыли - но залезали - видно б было на снегу, да и шмотки б какиенибудь валялись бы.

Строго приказав рабам разобраться со сбором гильз на холмике, а потом разобраться с грузовиком, Ирка кивнула напарнице, и они медленно пошли к простреленной машине держа оружие наизготовку. Пулемет остался у Виктора, так что шли с теми же ружьями, как и вчера.

Раньше, Виктор сурово натаскивал Ирку читать следы. Толком не научил и злился на нее, а она так же злилась на его упрямство. Теперь тихонько про себя жалела, что не запомнила все толком. Пригодилось бы сейчас. Ну да то, что идущий по снегу человек обязательно оставит за собой протоптанный след - это она и так знала. Значит, надо было посмотреть - ходил ли тут кто после их отъезда.

У грузовика и впрямь следов не прибавилось - правда сначала Ирина чутьчуть испугалась, что кто-то все же лазил около грузовика, но потом поняла, что напугали ее собственные вчерашние следы. Прошлись немного по следам убежавших. Определить какого роста и веса были беглецы, по следам Ирке не удалось, но тут помогла Вера - она то эту сволочь хорошо запомнила. Зато черные точки у левого следа и неравномерные шаги после обдумывания подсказали начинающей следопытше, что одного из беглецов она зацепила - черные точки на вышедшем солнышке заиграли красным цветом. Охромел, значит и кровь. Понятно, ранен.

Вернулись назад. Оставленный мотоцикл так и стоял в кустах, а от него шли уже знакомые следки. Их собственные.

Теперь оставалось пройти по следам беглецов и глянуть - что и как они делали той ночью.

Не слушая ворчащую за спиной Веру, Ирка двинулась сначала по следам подранка.

Напарницы все так же бухтела себе под нос, трюся тащиться по враждебному лесу с двумя спрятавшимися там негодьями, пришлось прикрикнуть - в лесу шуметь не надо, надо слушать.

Дальше шли молча, только снег похрустывал под ногами.

Тот, кого они преследовали, часто падал, оставляя вмятины своим телом и следы крови. К лесу он был явно непривычен и перся, не выбирая удобной дороги, что Ирина отметила довольно быстро. Потом ее осенило - и, вернувшись немного назад - там, где подранок поскользнулся на засыпанном снегом стволе дерева и растянулся во весь рост, она с радостью ткнула пальцем во вмятые в снегу отпечатки спины и задницы - видишь?

Вера видела, что тут клиент шмякнулся, но что так обрадовало Ирку - не поняла.

- Да господи - просто же все - спина у него вмялась - а отпечатка ружья не видно. Безоружный значит.

- А может, на груди повешено было?

- Не получается - до этого он и мордой шлепался. Точно он без ружья. И смотри - шаг стал короче, выдыхается. Кровищи течет больше - не перевязался сразу, а сейчас совсем голову потерял, слабеет быстро.

Вера и сама заметила, что хоть клиент и шел неровным зигзагом, но определенно описывал круг, неминуемо возвращаясь на поле. Круг получался здоровенным - в несколько километров, но светившее раньше в спину солнышко теперь уже светило сбоку.

- Он что, обратно решил вернуться?

Ирина остановилась, ухмыльнулась зло и чуточку свысока объяснила:

- Люди не делают одинаковые шаги. У кого шаг левой ногой больше, чем правой. У кого - наоборот. Потому в лесу и кружат. А у этого еще нога простреляна, он ее бережет, шаг получается еще короче. Так что к обеду на поле выйдем.

- Ну, это ты загнула - возразила Вера - в городeto кругами не ходят!

Ирку пробило приступом хохота.

- В городе дороги проложены и ориентиров полно. Такто, подруга, а в лесу - если ориентиры не примечать - обязательно кружить будешь.

Вера промолчала. Ирка тоже не стала развивать тему.

Преследуемый падал все чаще, потом полз на четвереньках, снова встал, но не надолго

- Ирка учуяла запах паленого и, взяв оружие на изготовку вышла туда, где беглец пытался ночевать.

На маленькой полянке, скрючившись полулежал - полусидел прямо в снегу у заглохшего костерка закоченевший мужик лет тридцати. Он увидел мутными глазами Ирку и заскулил, попытался отползти дальше - видно уже не понимал, что перед ним всегонавсего деваха с ружьем.

Ирка внимательно оглядела место ночлега, поворошила ногой потухший костерок, состоящий из веток и кусков синтетической куртки мужика, хмыкнула, вывернув из костра обгоревший ножик без рукоятки и не говоря ни слова разнесла сидящему башку выстрелом.

Вера шарахнулась в сторону, испугавшись внезапного «бабаха» совсем рядом.

- Ты чего, сдурела? Предупредила бы, что стрелять будешь! Я перепугалась до зеленых чертей!

- Ну, извини. Чего его зря предупреждать - еще б стал голову прятать, возни тут с ним. Или считаешь, что надо было его в плен брать, на руках тащить, выхаживать?

- Не, редкая был гнида. Но ты както внезапно очень!

- А ты будь готова. Раз уж со мной ходишь. Вот кстати - на будущее, учись, пока я жива: какие ошибки у покойного видишь?

- Не перевязался...

- А еще?

Минуто было видно, что Вера колеблется между любопытством и обиженной гордостью, но очевидно практическая сторона ее натуры победила.

- Не тяни, не вижу. Куртку свою спалил?

- И это тоже. Он видишь, веток нарезал - да большей частью живых ветокто, а они сырые, не горят. Да еще видишь - нож забыл куда поклал - сгорел в итоге ножикто, такое часто бывает, нельзя нож на землю кидать - или обрежешься или вот так - костерок на нем запалишь, дело частое. Но это фигня. Хуже другое - сел прямо в снег, а штаны у него не ватные, быстро замерз как цуцик. Башмаки не снял - а ночевать в снегу в башмаках - к утру ноги поморозишь даже весной. Костерок прямо в снегу развел - без основы - вот костерок еще и утоп в снегуто.

- Хорошо, а как надо?

- Надо к людям мяхше и смотреть ширше, тогда бы мы его по лесу не гоняли. Шучу. Вон елка торчит, видишь?

- Конечно. Здоровая такая, не увидишь ее, как же...

- Видишь, что у ствола почти и снега нет?

- Ну да, вижу.

- Вот там и надо устраиваться - нарезать хвойных лап - без снега чтоб, в то задница промокнет - сделать себе подстилку - уже теплее, чем в снег садиться, костерок разводить тоже - либо до земли снег разгрести, либо, чтоб под огнем что твердое было. И сушняк набирать, а не сырье. А ножик либо в ножны класть, либо в дерево втыкать. Так под елкой и переночевать можно - тепло отражаться будет от веток, ничего уютно даже, маленький костерок - а тепло будет. Главное - мокрым не быть на морозе - точно не согреться.

- Это что, раздеваться на холоде, что ли?

- Да. И сушить одежду и обувь. Проверь, есть что у него ценного, да и пойдем уже.

- Зажигалка у него была зачетная, гордился ею, хвастал.

- А, ну ищи.

Зажигалка с выгоревшим бензином нашлась под рукой у мужика - видно он пытался ее огоньком согреть замерзающие пальцы.

Я чувствую себя немного неловко - как на чужой свадьбе. Парни возбуждены,

обсуждают всякую, на мой взгляд, чушь, но я совершенно не разбираюсь в бацинетах, саладах и прочих батарлыгах. Вот только что Дункан начал расписывать какойто куяк, но по мне - так скорее неприличное слово, чем что бы то ни было.

Дорвались дети до игрушек.

В Кронштадте оказывается, что всего участников - уже человек шестьдесят, да еще дополнительно силы подходят. Да, видно Госпиталь - важная цель.

Для подготовки группы отведен какойто зал, видно с незаконченным ремонтом. Но тепло и парни начинают старательно экипировываться. Латников получается три десятка человек, восьмеро - включая Дункана, обряжаются в железо с головы до ног, я так понимаю, что они будут в первой шеренге, вторая шеренга - уже несет поменьше железа на себе, оставшиеся - еще более легковооружены - на них нет кирас, есть кольчуги, каски разных фасонов и достаточно легкая защита конечностей. Впрочем, я замечаю, что четверо омовцев наряжены в какието футуристические комплекты защиты - словно из фильма про робокопа. И вооружение у них тем более непонятно.

Ктото хлопает по плечу. Оказывается сапер Правило. Ну да, как же обойтись без саперов. Здравствуемся.

- Хороши, красавцы. Особенно ваш главный. Вот сейчас смотри, ему булаву подобрали - интересно как среагирует.

Информированные люди заинтересованно глядят как Павел Александрович торжественно достает для одетого в какойто причудливый наряд Ильяс оружие. Потом начинается ржач - врученная штукавина судя по моему скромному мнению является нормальной булавой - ручка с петлей, наверху яблоко стали, только яблоко это сделано в виде бычьей башки с рогами. То есть видно, что огрести по голове таким экспонатом накладно, но выглядит очень смешно. Ильяс не моргнув глазом, с пиитетом принимает эту штукавину и вид у него гордый, словно это гетманская булава. Ржач стихает, потому как хорошенького понемножку, да и не смешно выглядит Ильяс. Нелепо, непривычно глазу, но не комично. Воин. Просто воин. Такой же, как остальные.

Мужики тем временем разбирают свои алебарды и рогатины с протазанами.

Пора идти.

Короткий инструктаж. Слушаю вполуха, нам с Надеждой все равно сидеть в обозах, а слушать кто куда идет и каким строем - мне без толку. Накачка перед боем нам тоже не шибко интересна - мыто знаем, какое значение в разрушенном мире начнет иметь вроде бы пустяковое оборудование обычного гинекологического или хирургического отделения, ценное именно комплектностью, когда все, что нужно - уже есть и не надо изобретать хирургический инструмент из подручных средств и стерилизовать в кастрюльке и так далее и тому подобное. Это с виду пустячок, но в каждом механизме важны все детальки - именно некомплектность может угробить все дело. Впрочем, вроде и ребята это понимают. Группа воздействия и группа обеспечения, а также группа оцепления. До меня доходит, что порядок построения - трехшереножный, такая бронированная фаланга должна обеспечить черновую зачистку коридоров. Какието средства усиления будут держаться за латниками, также к этим силам относится и медобеспечение. Комнаты и палаты блокируются спецсредствами и зачищаются по обеспечении свободной проходимости в здании.

Надо думать, все уже отработано и обсуждено - вопросы только у меня возникают, остальным это последнее напоминание уже обычная формальность. Есть некоторое бурчание на тему того, что на срабатывание мало времени было, но именно как бурчание.

Меня заставляют напялить на левую руку гномскую кованую защиту. Рука сразу тяжелеет. Неудобно, но тут придется подчиниться - раз будет рукопашная, значит можно и на зубы попасть.

Чувствую себя неловко - автомат приходится оставить тут в зале, под охраной. С одним пистолетом както очень непривычно - плечо уже без автомата как голое. Вовка откудато приносит очень короткую двустволку, дает горсть патронов 12 калибра и подмигивает. Ну и нафига я автомат оставил?

Выходим на улицу, латники строятся и в ногу, мерно грохая и лязгая идут к Госпиталю. Мы идем следом, группками.

У Госпиталя стоят люди. Это и оцепление и какие-то работяги с досками и чем-то похожим на недоделанные спирали Бруно, странноватые металлические конструкции... Ажурные ворота между двух караулов раскрыты настежь, в караулах очень похоже стрелки.

С удовольствием вижу знакомого лекаря по кличке Бурш. Кивает в знак приветствия, поправляет висящий на плече АКСУ.

- Ну что коллега, скоро начинать?

- Минут через пять.

- А какие силы противника?

- Черт его знает. Погибло много, а сейчас ориентировочно около трехсот зомби в этом домике. Многие ведь разбежались сгоряча, умирали уже на улице. Вы тут катались. Наши пытались зачистить. Полста уложили после первого штурма. Вот и считайте. Морфов минимум двое.

- И что, так там и сидят? И не пытались вылезти?

- А зачем? Там тепло, жратвы полно. Еще не все догрызли. Попытки были - но стрельбы даже в воздух они опасаются - поумнели.

- Этак скоро и переговоры станут возможны?

- Не надо так шутить.

- Извините.

Бурш сопит носом.

Его окликают - что-то группка начальства разбирается в плане. Ну да, он же проводником будет. Несмотря на то, что настрой у него похоронный, все таки находит в себе силы выразить в звуке:

- Паки и паки пошли в кабак гуляки!

Трехэтажная громада госпиталя краснокирпична и мрачна. Голые черные деревья только усиливают макабрическое ощущение. А такое заслуженное здание! Поленов тут начал отечественную нейрохирургию. Исаев впервые на практике обеззаразил хлором воду. Да всех и не упомнишь, кто тут отличился. А сейчас - это клиника, где несколько отлично оборудованных отделений. Если удастся этот госпиталь оживить - система жизнеобеспечения города получит весьма ощутимое усиление.

Латники лязгают в ворота. За ними тянут всякие причандалы работяги, двигают саперы. Нам пока отмашку не дали, будем ждать.

- А вот пики свои они вразброд держат - критично замечает стоящий рядом со мной моряк.

- Тренировались на срабатывание мало - отвечаю.

- Это плохо.

Вот мудрый какой. Ясное дело, что плохо. Но все-таки в строю не крестьяне, сеносолама - пройденный этап. В ногу хотя бы ходить обучены, а мне так представляется, что это уже полдела. Хотя алебарды и впрямь торчат вкривь и вкось...

- А вот скажите Доктор, у меня дочка руку сломала, пока была в гипсе - научилась все делать левой рукой. Хотелось бы, чтоб переучилась опять на правую, как это сделать?

Вот ведь вопросец! И к месту очень, опять же. Хотя, наверное, я не прав - ему его дочка и ее проблемы куда как важны, а отправившиеся в Госпиталь чистильщики не производят впечатления священного отряда самоубийц - если у них не заладится сразу на первом этаже - откатятся. Тут оцепление прикроет надежно. Небезопасно конечно такую швейцарию устраивать. Так сейчас все небезопасно.

- Знаете, вопрос сложный, с переучиванием. Впервых, может быть левой ей и не помеха? Она ведь до перелома вполне могла быть левой, просто сейчас это вылезло, а до того приучали к праворукости. Вовторых - не ломать же ребенку левую руку - некоторые вот рекомендуют вообще привязывать ручку, или затевать игры - на мелкую моторику - чтоб условием игры было именно работа реабилитируемой ручки - лепка скажем. А вообще это

всегда было хлопотным делом - потому подумайте, так ли уж ей это надо?

Моряк начинает возражать, слушаю его вполуха.

Ирка удовлетворенно оглядела уже знакомое поле со стоящим посредине грузовиком.

Беглец описал почти полный круг, знали бы - сэкономили кучу сил и времени.

Рабы копошились около раскрытого фургона, опасливо уставились на подходящих, потом быстро попрятали глаза.

- Что с машиной?

- Машина все... Не починить пока. Можно эээ... снять там разное, но починить без запчастей не получится, никак. Повреждена подвеска, передний...

- А трупы откуда?

- Эти из грузовика... А те - вчерашние...

Ирка оторопело пересчитала взглядом голые желтовосковые тела с синюшными пятнами, уложенные рядком.

- Ничего не понимаю - что в фургоне трупы везли?

- Эээ... да, конечно, вот эти из фургона...

- И зачем?

- А ты не знала, Ирэн? А ну да, ты ж с ними мало пообщалась. Кино смотрела про бриллиант? Там его еще собака съела потом? Цыган еще там дрался...

Ирка непонимающе уставилась на напарницу.

- Слушай, ты бы попроще, а?

- Проще - здесь два десятка свиношек. Три чистые. Их комбикормом кормят. Дальше продолжать?

- То есть ты хочешь сказать, что вместо комбикорма?

- Ага. Такое креативное решение. Как этот говорилто... А, вот: «ради блага родной корпорации каждый должен отринуть личные мелкие прихоти и глупые принципы и быть готовым пожертвовать на благо корпорации все, что у него есть!»

- Вера, ты серьезно?

Вместо ответа Вера завопила заполошным голосом:

Мы одна семья

Порознь нам нельзя

Фирма - наш дом

Счастье мы несем!

Одна из женщин отвернулась и заплакала - тихо и жалко. Мужичок покривился лицом и неожиданно подхватил дребезжащим тенорком.

- Прекратите! Молчать!

Поющие заткнулись. Мужичок стал трудно и надрывно кашлять.

- Ну, ни хрена ж у вас забавы! - покрутила головой Ирка.

- Это еще не весь список - мрачно ответила Вера, перехватывая свое ружье поудобнее.

- Так, ладно. Вы разбираете вещи - и возвращаетесь в деревню. Тела оставите тут.

- Извините, а покушать сегодня дадут? Мы хорошо поработали.

Ирина глянула на говорившую это тетку, на кашляющего мужика, на плачущую сидя в снегу женщину. Подумала и ответила: «Дадут».

Потом кивком головы позвала за собой Верку.

- Долго мы еще за ним будем идти?

- Мне надо убедиться - есть у него ружье или нет.

- А если мы сами начнем падать раньше, чем он? Я себе этими валенками уже ноги намяла!

- Терпи, так уходить - тоже обидно. Давай, переобуйся, легче будет.

- Видно же, что он улепetyивает отсюда!

- Вер, мы всегонишего прошли. Не отвлекай. Ты вот что скажи - насколько этот мужик был мерзкий? Я понимаю, что вся эта креативная команда была отморозки, но вот этот - за которым мы идем?

Ирка остановилась, давая напарнице время подумать, да и отдохнуть - спеклась напарница, видно, что спеклась. Не привыкла по лесу ходить, по снегу. Потом Ирка себя одернула - жратва у Веры явно была последнее время не очень. Да и до Беды - наверное, диеты блюла всякие идиотские, что для самой Ирки было глупостью - она судила просто - приход калорий должен соответствовать расходу - потому можно вкусно кушать - но после этого пробежаться или хотя бы прогуляться.

Вера остановилась, перевела дух и выдало философское:

- Если б его родили в Спарте - то рожали б сразу над пропастью... Сама суди - его любимая фразочка: «Секрет успеха в жизни связан с честностью и порядочностью. Если у вас нет этих качеств - успех гарантирован!» Вот по такому девизу и действовал. А ты это к чему?

- Да к тому, насколько нам его важно догнать. Чтоб он потом к нам не заявился.

- Ну, заявится - много он в одиночку сможет?

- А нагадить сможет точно. Нам оно нужно?

Вера задумалась.

- Вот хорошо, предположим мы его догоним. И предположим у него ружье есть. И влепит он по нам. Нравится тебе такой баланс?

Пришел черед задуматься и Ирке.

Простой вопрос напарницы уже и так крутился у нее в голове и даже пожестче, чем его задала напарница. Догнать мужика и убедиться, что он вооружен и умеет стрелять, было не самым лучшим раскладом. Тем более, что напарница - горожанка мало внушала доверия в плане успешной пальбы и огневой поддержки, да и видно было, что она уже вымоталась, а прошли всего - ничего, в общемто.

Легкость, с которой удалось наказать подранка, воодушевляла, но особенно обольщаться все же не стоило. Еще в начале погони Ирка очень обрадовалась, увидев, что второй фирмач глубоко провалился в канаве на краю поля и промочил в талой воде ноги, но както это никак не проявлялось. Шел он тоже напролом, но не кружил, направление удерживал и значит, соображал трезво, да и компас у него, скорее всего, есть.

Тут Ирине пришло в голову, что если преследуемый не потерял голову, то и нагадить сможет толково - например, устроив им засаду. Впереди, километрах в трех была речка, она вроде как должна замерзнуть, но уже, как ни крути весна - в канаве талой воды под снегом было полно. Значит, придется переправляться - тутто их самое то брать.

Чем больше Ирка думала, тем меньше ей хотелось продолжать преследование.

- Ладно, Вер. На сегодня хватит гоняться. Сейчас передохнем немного - и обратно. Замерзла?

- Ага. Пока неслись по лесу - жарко было, а сейчас постояли - так что - то познабливает.

- Так, ладно - сейчас вернемся по своему следу назад - за полянку, там и расположимся.

И часто оборачиваясь и прислушиваясь, Ирина пошла обратно.

Вера в этом плане была бесполезной - у нее все силы уходили на ходьбу, так что понимавшей ситуацию Ире приходилось слушать за двоих. Она вовсе не заносилась и понимала - мужик, да еще затравленный - куда опаснее медведя и то, что у них ружья не делает их защищенными. Потому и смотрела и слушала в четыре глаза, в четыре уха. Но лес был тих и спокоен.

Место для привала она присмотрела раньше, теперь просто скинула на снег рюкзачок, вытянула из ножен свой любимый ножик и принялась аккуратно отдирать с березы тонкие полоски шелковистой бересты.

- Ух ты, финка! Настоящая?

- А то! Самая настоящая.

- А Костька тесачину такую таскал, как у Крокодила Данди!
- Дурак Костька был. И нож у него был дурацкий. Держи бересту, ладони подставь.
- Онто да, дурак. А нож страшный!
- Глупость, а не нож. И не как у Данди.
- А я думала себе его у Маланьи выпросить, она им щепки колет на растопку, я видела.
- Плюнь. Я тебе хороший ножик подберу, годный.
- А тот чем плох?

Ирка оценила нарезанные полоски бересты, решила, что хватит, и ответила:

- Тяжелый, таскать запаришься. В хозяйстве работать таким неудобно - хлеб там порезать или рыбу почистить. А для боя - непрочный, ручка у него полая.

- Зато внушает!

- Только тем, кто не в курсах. Ладно, давай лапник резать - ты вот с той елки ветки режь, старайся без снега чтобы.

- Жалко же!

- Жалко у пчелки в попке. Они все равно снизу отмирают. Вот я сейчас отмершие и собираю.

Скоро Ирка выбрала местечко - как раз под здоровенной елью, Разгребла снег до земли под костер, аккуратно положила рядом несколько кусков тонкого сухостойного дерева, сделав настил для костерка, сверху набросала лоскутки бересты, вперемешку с отломанными от ствола ели сухими сучками, длиной и толщиной с половинку карандаша, выше положила сучки потолще.

Вера все еще корячилась с лапником, и пришлось ей помогать. Наконец нарезали достаточно, чтоб сесть. И с наслаждением сели, прислонившись спинами к стволу ели.

Почистив от смолы лезвие, Ирка вставила финку в ножны и ухмыльнулась.

- У нас в Карелии девушки раньше, как до замужества дело доходило, носили на поясе пустые ножны от финки. Парень, желающий посвататься к девушке, вставлял в ее пустые ножны свою финку. При следующей их встрече смотрел, есть ли в ножнах у девушки его финка, если финка была в ножнах, значит, он мог засылать в дом девушки сватов. Если девушка вытаскивала финку из ножен, то это служило знаком, что она не хочет замуж за этого парня.

- Это ж сколько финок можно было так на халяву добыть! - сделала неожиданный вывод Вера.

Ирка не нашлась, что ответить. Зашуршала в рюкзаке, достала несколько маленьких присоленных ржаных сухариков, протянула Вере. Потом достала небольшую фляжку, прополоскала рот, сплюнула. Протянула флягу напарнице.

- Не пей, только рот прополощи. И на еду не налегай.

- Почему?

- Тяжело будет идти. Вспотеешь от выпитого, больше с потом уйдет, чем выпила. Проверено. До дома доберемся - там душу и отведем.

Ирка запалила маленький бездымный костерок. Тепло отразилось от нависших веток и от маленького костерка стало даже и жарко.

- Переобуйся пока. Пусть ноги отдохнут.

- Ага. А ловко у тебя, Ирэн, костер получился.

- Да ничего сложного. Видела, как делала?

- Видела.

- Вот в следующий раз сама сделаешь. Только запомни - береста горит всегда и везде, только когда горит - сворачивается, как пружина. Вполне может костерок разбросать - я потому меленькими полосками ее кладу.

- Ах, я б за шоколадку душу отдала. Так шоколад люблю... У вас в запасе есть? Ну, хоть немножко, а?

Ирка ухмыльнулась.

- Поискать - найдется. В виде премиальных по итогам конца квартала...

- При превышении дебета над кредитом премии не будет? - ужаснулась Вера.

- В точку, Вер. Пока - сухарики кушай.

И сама с грустью подумала, что теперь долго не увидит не то, что шоколада - его - то как раз Виктор жаловал и на складе был и плиточный шоколад и какаопорошок, только вот расходовать его пока не планировалось, а таких милых пустячков как зефир, конфеты, пастила, мармелад... Ирка не была сладкоежкой, но любила попить чай с чемнибудь вкусненьким. А вкусненькое кончилось... И то, что на вылазку пришлось брать не шоколадку - как в то, прошедшее навсегда время, а самодельные сухарики - было признаком, еще одним признаком Беды.

В караулке, где осталась наша тройка, достаточно тесно - кроме нас тут еще публики хватает.

Разговоры стихают, когда оттуда, куда ушла компания, доносится короткая пальба, быстро стихшая, впрочем. Еще вроде кричат чтото, но хоть и не разобрать что кричат - мне кажется - чтото командностроевое, вроде «Шаг - ииии - Раз!»

- Вошли - говорит Саша.

Ему виднее, он тренировки своими глазами видел, а я както не удосужился.

- Павел Саньч говорил, что у них получилось смешанное построение - с учетом противника. Передняя шеренга вся в железе, внаклон свои протазаны упирают в пол и ногой придерживают, в правой поднятой руке - что либо дробящего действия - голову прикрывают. Вторая шеренга - на высоте пояса алебарды держит, а третьи - на уровне лица. Ну и по команде - сначала передвигаются на шаг первые, потом по очереди. Так что есть, кому встретить, если кто кинется.

- Сзади они уязвимы - замечаю я сокрытую от всех остальных истину.

- Не, сзади у них рогатки и стрелки. Да еще саперы грозились двери блокировать - палаты и кабинеты потом чистить будут, попозже. Сейчас коридоры и лестницы главное.

Сидим, ждем.

- Вот не понимаю я этих фанатов железа - продолжает вполголоса Саша.

- Что, совсем?

- Совсем. Ты б посмотрел, с каким трепетом они это железо перебирали. Прямо скупой рыцарь с золотом.

- Ну, так символы власти - что железо, что золото.

- А женщины? - хитро посматривает Саша.

- Женщины - после.

- И что сильнее?

- Ну, об этом споры были издавна.

- Ага, знаю.

И Саша цитирует наизусть зазубренное в школе:

- «Все мое» - сказала Злато.

«Все мое» - сказал Булат.

«Все куплю» - сказала Злато.

«Все возьму» - сказал Булат.

- Ну, в общих чертах - так и есть - соглашаюсь я.

Саша посмеивается.

- Там еще пародияпродолжение была. Ктото из Толстых написал:

«Ну и что?», - спросило Злато;

«Ничего», - сказал Булат.

«Так ступай», - сказала Злато;

«И пойду», - сказал Булат.

- И что, тебе никогда не хотелось в латах побегать, мечом помахать? - спрашиваю у Саши.

- Не.

- Даже в компьютерных играх?

- Не, в играх мне магом нравилось.

Сидящий рядом с нами мореман неодобрительно смотрит.

Ладно, помолчим.

Время ползет медленно и нудно.

Вылезаю из караулки, где успели накурить до сизого воздуха, размять ноги.

Неожиданно вижу бегущих к нам трусцой людей - один точно из наших - легковооруженный, третья шеренга, рядом трое работяг, одного из них двое других поддерживают с боков под локти.

Ясно, первые потери пошли.

Из караулки вываливается куча народа - некоторые недовольно бухтят, но, судя по голосу Надежды это ее рук дело - освободила место для приема раненых, выгнав курильщиков вон.

На подбежавших не видно никаких следов крови, это уже радует, только непонятно - что с ними такое стряслось. Запускаем их в караулку, выливаемся следом. Латник пытается говорить, но у него это не выходит. Губы вспухли, рот слегка открыт, слюна течет, выражение лица странноватое.

- Что случилось?

- Селюсь... Оф се сахрываетса...

Черт, опять впору Мутабора вспоминать. Но, по губам судя - получил парень нехилый удар в лицо. И что-то лицо у него лошадиное какое-то. И пахнет от них характерным запахом морга - грубый одеколон поверх четкого трупного запаха. Даже пожалуй, не пахнет, а воняет.

- Рот открой шире.

- Э моху!

Злитса. Рот он, видите ли, не может открыть. Цаца какая. И похоже это все либо на перелом челюсти либо... Либо на вывих. Точно, двусторонний передний вывих нижней челюсти.

На всякий случай проверяю пальпаторно - да, точно, он самый.

- Что у него? - спрашивает Надежда.

- А передний вывих нижней челюсти - вот что у него. Доводилось вправлять?

- Нет, обходилось как-то.

- А я слышал, что надо так вкось ударить - и она на место встанет - говорит работяга из сопровождавших.

- Забудьте этот бред, так только связки порвать можно.

- По Гиппократу вправлять будете?

- Нет, лучше как его - по Ходоровичу. Если пальцы класть на зубы, еще и откусить может, слышал я про такое. А вот если на внешнюю сторону - то безопасно. Что у второго?

- Помоему на перелом ключицы похоже.

- А шины у нас есть? - спрашиваю немного невпопад, потому как вспоминаю - про вправление челюсти.

- Косынку обойдемся, сейчас я его иммобилизую - и пусть ведут в больницу, тут рядом - отвечает Надежда.

Сажаем пострадавшего на табуретку, так чтоб спиной упирался в стенку и затылком тоже. Натягиваю перчатки, лезу в полуоткрытый рот. Теперь большие пальцы на внешнюю сторону челюсти справа-слева, остальными берем челюсть плотно и тянем на себя и вниз. Мышцы упруго сопротивляются, пациент мычит, но терпит, так тянем, тянем, сейчас мышцы устанут, вот еще немного, ага, пошли, пошли и аккуратненько двигаем челюсть так, чтоб головки отростков вернулись на свое место, в уютные суставные ложа.

Челюсти отчетливо лязгают сомкнувшимися зубами.

Да, как капкан щелкнул, не зря меня в свое время пугали, что и без пальцев остаться можно.

- О, здорово! - радостно говорит оживший латник и порывается вскочить с табурета.

- Куда собрался? - осведомляюсь я, удерживая его за плечо.

- К ребятам! Куда ж еще!

- Погоди, голубчик. Мы еще должны тебе челюсть зафиксировать дней на десять самое малое - продолжаю удерживать его за плечо, поглядывая на Надежду, которая уже заканчивает фиксацию поврежденной левой руки косынкой...

- А это еще на хрена? Все ж в порядке! - топорщится латник.

- Тебе только что свернули челюсть. Суставные сумки пострадали. Связки растянулись. Пара недель нужна, чтоб у тебя связки восстановились, и сустав вылечился. И трепаться тебе будет сложно с подвязанной челюстью и есть придется только жидкое, но иначе худо будет.

- Это как худо?

- Да очень просто - будет привычный вывих - станет челюсть вот так клинить при зевке, чихе, еде. Сам вправлять будешь, или ко мне бегать?

- Ты что, серьезно?

- Абсолютно. С ручательством. Надежда Николаевна, наложите, пожалуйста, пациенту пращевидную повязку для фиксации нижней челюсти.

Помощница беспрекословно начинает бинтовать стриженную башку ошеломленную перспективой две недели ходить с закрытым ртом, но взгляд у помощницы, коим она меня одарила - красноречив. Словно она знает, что занятие по десмургии, где как раз речь и шла о пращевидных я банально пропустил, а на отработке отделался чепчиком Гиппократы. И потом ни разу за всю практику делать не пришлось.

- Что там произошло? - спрашивает ловко обматывающая бинтом голову пациента медсестричка.

- А морф выкатился неожиданно. Я не успел дверь забить - а он оттуда маханул. Я токо и полетел, как голубь сизокрылый. Дверьюто меня приложило. Морфа ребята с сетеметом стреножили, да он на мое счастье на этих ментов полез, которые с этими... Ну топорникито. Они его в штыки. Но все равно не справились бы - здоровый сволочь. Ваш в упор стрелял, этот, колченогий который.

- А зомби много было?

- Очень. Они ж на первом этаже кормились, почти все сожрали - только розовые кости вроссыпь. Но с ними проще было, хоть и шустеры. Эти железяки - да, мощные штуки.

- Когда нашего пациента зацепило?

Латник пытается чтото говорить, но получается очень неразборчиво, а жестикулировать руками ему не дает бинтующая его Надя.

- А когда морф в них влетел. Они ж как кегли в разные стороны - токо жестяной грохот пошел, как когда я консервные банки в мусоропровод выкидываю.

Латник явно злится, а работяга посмеивается.

Идти им не приходится, увозят на машине.

Сидим, ждем дальше.

- Удивляюсь я, на вас глядя - говорит Саша.

- Чем?

- Да вы все время такие спокойные.

- Ну, я воспитывался, как положено медику - всегда может быть хуже. И обязательно будет. Этим и объясняется наша некая отстраненность с братцем и достаточно ровное настроение - потому как истерика и паника с ужасом - лечению помеха и надо изо всей силы этого не допускать. Бегать вокруг пациента вопия «Все ужасно!» - не выход. Это когда от пациента уйдешь - можно такое позволить, но опять же чтоб никто не видел.

- И что, бывает?

- Ну а что, мы не люди что ли? Думаю, что когда встретился с Мутабором - вид у меня

был бледный...

Тем временем выгнанные на улицу предпринимают попытку вернуться в караулку, но наша медсестра непреклонно их не пускает. Потом, смиростивившись, разрешает некурящим войти.

- А нам че? - возмущаются снаружи недопущенные.

- А вам - курите на улице - сейчас пациент с повреждением лица был, кашлять нельзя, а вы тут накурили! Все, валите отсюда! Валите, валите!

Странно, мужики слушаются и отходят.

Мотоцикл перенес ночевку в кустах спокойно и завелся как зайчик - с полтыка.

Вера тихо сидела сзади, цепко держа Ирку за бока.

Ирка же ухмылялась, благо напарница не видит.

Сегодняшний выход получился ее дебютом. После того, как они отогрелись и немного отдохнули, Ирина забросала снегом костерок, объяснив свое действие тем, что не стоит огонь в лесу оставлять, тем более что у бежавшего может не оказаться при себе спичек и тогда ему оставленные угольки будут колоссальным подарком.

Уже и так удивленная всеми этими открытиями Вера только грустно сказала: «Ну, совсем каменный век. Прямо «Борьба за огонь», в детстве читала, когда болела...»

И после этого шла как в воду опущенная.

Доехали быстро. Народишко уже копошился в деревне, большая часть рабов решила, что новая власть не будет их убивать за всякие пустяки - и теперь вроде отстирывались и мылись, во всяком случае, у двух бань с краю деревни было видно оживление, и дымище оттуда валил густой и духовитый.

Виктор облегченно вздохнул, увидев в дверях жену.

Его лихорадило, глаза блестели, и теперь, когда напряжение спало, он както сразу обессилел.

- Как съездили?

- Один остался, удрал далеко. Второго успокоили. Ты как?

- Знобит немного. Я посплю, давай через часок поговорим, выдохся я чтото.

- Ага, давай. Может попить принести или поесть?

- Не, не надо. Тут уже Меланья заходила, морс сделала. Ты пока разобралась бы, что тут где, может патроны у них еще есть, жратву глянь. И дует сильно - дырокто мы понаделали.

- Перевязку не пора?

- Немного передохну, хорошо?

- Ладно... Мы тихонько.

Тихонько не получилось - выбитое пулеметом окно осыпалось стеклянными лохмотьями как только его попытались заткнуть всяким мягким хламом, но этот дребезг вырубившегося Виктора не потревожил. В общем, что могли - позатыкали поролоном и тряпками, что не смогли - оставили как есть. Протопили печку, заметно потеплело в доме. Доели с аппетитом то, что осталось с завтрака и, переведя дух, пошли заниматься таким скучным для мужчин и таким интересным для женщин делом как инвентаризация.

Награбленное фирмачи свалили кучами, толком даже не разобрав.

Амазонки прошли по домам, где это было разложено и прикинули, что самое ценное все же было в пенобетонном замке. Решили потому начать оттуда, тем более что всякие наборы инструментов, снятые кресла и прочие такого же порядка штуки с машин они не оченьто представляли - как сортировать. Пусть Витя решит, когда оправится от ранения. Вот коекакую одежонку посимпатичнее (Вера) и попрacticalнее (Ира) они прибрали сразу, да еще сгребли в пару картонных коробок всю еду, какая им попала на глаза в домах покойных

фирмачей.

Вообще-то бандитское логово не производило такого романтического впечатления, как обычно описывалось и показывалось в многочисленных сериалах про бандосов. Было мрачно, уныло и никак не воодушевляло идти этой дорогой.

У «Замка», как окрестила двухэтажный «котедж» Вера, стояла бабка - та, которая мыла тут полы в день захвата власти.

- Здрасти! Полы сегодня мыть?

Ирка задумалась.

Потом кивнула, после вчерашних развлечений мыть было - и где и что.

Ирка поручила Вере разобраться с боеприпасами. А сама взялась разобраться с продуктами.

- Прямо для Золушки задачка - усмехнулась Вера.

Молча согласившись с ней, Ирка стремительно начала сортировать попадавшиеся ей харчи, раскладывая их по разным картонным коробкам. Беспорядок был адский - все валялось вперемешку, и то в руках оказывалась банка кабачковой икры, то потрепанный серый свитер, то полиэтиленовый карусельский мешок с резиновыми сапогами самого последнего размера. Единственно, что было собрано - так это разномастные и разнокалиберные патроны, сваленные в деревянном ящике. Вера на удивление быстро разложила патроны по кучкам и гордо позвала Ирку.

- Все, я закончила!

- Ну, ты мать даешь стране угля! - только и вымолвила Ирина.

- А что - все как надо - красненькие к красненьким, желтинькие - к желтиньким, а эти блестящие - отдельно.

- А эти что так собрала?

- Эти - вроде как железные. Невзрачные которые.

Ирка крепко почесала в затылке.

Старательная Вера разложила патрончики по цвету гильз. Самая большая кучка была такой же разнокалиберной, как и соседние - но красного цвета. Поменьше - желтые, рядом почти столько же в картонных и латунных гильзах. Совсем отдельно лежали мелкашки, патроны к АК и несколько видимо винтовочных, которые новоявленная Золушка сгребла кучкой. Сиротливо лежало два патрона в гильзах из молочнобелого пластика.

- Ну, как, хорошо справилась? - с плохо скрытой гордостью спросила Вера.

Вид у нее был такой, что Ирина сразу вспомнила свою домашнюю кошку - очень старательную и добычливую охотницу, но не слишком сильную умом и потому видимо старавшуюся представить задавленных мышей и крыс в лучшем виде. От притаскивания трупцов в кровать хозяйке кошатину все же отучили, но и только, потому мышиная дохлятина оказывалась в самых неожиданных местах.

Ирка вздохнула.

- Вот гляди. Это ружье. И это ружье.

- Я гляжу. Ты меня за дуру держишь?

Ирка еще глубже вздохнула. Потом показала напарнице дульный срез здоровучего автомата 12 калибра.

- Смотри дальше. В ствол этого ружья палец свободно влезает?

Вера подозрительно глянула на черную дырку дула. На свои пальцы.

- Ну.

- А сюда.

Ирка показала теперь странное потрепанное ружье, которое сама видела впервые - с затвором, как у винтовки, но явно гладкоствольное.

- Сюда нет.

- Ну вот, это и есть различие. По калибрам они отличаются, а не по цвету гильз.

- А калибр - это диаметр дырки в стволе, да? Я помню, ага «мой кольт 45 калибра наделает в тебе дырок!»

Ирка на минутку задумалась, с трудом представляя себя в роли инструктора на полигоне. Потом подбирая слова начала:

- Калибр... Это говоря проще - сколько пуль такой величины из фунта свинца можно отлить. Вот этот - здоровенный - 12 калибра. А этот - (тут Ирка задумалась, больно дырка была малой) - этот... 30 калибр.

- И при чем тут пули?

- Вер, при том, что надо разобрать подружому.

Вера определенно надулась.

- Ладно, не парься, давай со жратвой разбираться.

- Я б, кстати, попарилась бы. В бане. Коллегито явно мытье затеяли. Что, кстати, с ними делать будем?

- А что с ними делать? - удивилась Ирка.

- Так решатьто надо же? Раньше их руководители корпорации в кулаке держали, а теперь что? Это кстати и их вещи могут быть. Ты наденешь, а потом претензии начнутся. Деньдва публика еще повыжидает, а потом все что угодно может получиться. Да и как ни крути - там еще два мужика есть. Один алкаш, другой трус, но знаешь трусами и покойничкифирмачи были, а как почувствовали что могут оттянуться по полной - живо оскотинились. До беспредела.

В дверь постучали знакомым стуком - Мелания явилась.

И с порога озадачила.

- Со свинками что делать? Бабы к вам побаиваются обращаться. Так меня спросили.

Ирка озадаченно посмотрела на Веру.

- Что скажешь?

- Надо составить план!

- Узнаю бухгалтерский подход...

- Ну, еще можно их всех перестрелять, чтоб голову себе не морочить.

- Свиной или людей?

- Да всех - безмятежно ответила голубоглазая скромница Вера. И прыснула, увидев, как вытянулись физиономии у Мелании и Ирки.

- Знаешь, девонька, ты так не шути - перевела дух немного побледневшая бабка.

- Да уж... Тут шуточкито больно на правду похожи - заметила и Ирка.

- А тогда придется все же составить план - чего делать в первую очередь, во вторую и так далее. И с публикой тоже решать надо, никуда не денешься. Житьто вместе придется, вам сейчас не уехать - и машина поломана, и хозяин ранен.

Мелания поддакнула. Напомнила, что вторая машина тоже не вполне в порядке.

Ирка опять задумалась - причем именно на тему того, что слишком много раз ей приходилось за последнее время задумываться.

В госпитале неясно что, но, судя по редким выстрелам и полному отсутствию раненых - дела идут в штатном режиме. Сидим, ждем у моря погоды, даже болтовня стихла. Помалкиваем.

Отвлекает какаято тархтелка - приехали, оказывается из больнички - зовут нас с Надеждой пообедать. Ну что ж, как было написано девизом в кафе, что находится в Артиллерийском музее: «Война войной - а обед - по расписанию». Хорошее, кстати, кафе было, мне особенно интерьерами нравилось - толковый дизайнер оформил его словно музейный зал с витринами, на которых можно было посмотреть такие экспонаты, как ложка пехотинца НАТО XXII век - стальная столовая ложка с припаянными к ручке платами и диодами, зуб дракона (муляж), действующая модель Палантира, пепел из трубки Сталина (муляж), пепел от сигары Черчилля (муляж), шерстинки от пледа Рузвельта (муляж) и многое

такое же. Ну и на стенах - макеты сцены из сражений при звезде Кадуцея и прочая.

Жаль, что потом витрины убрали, чтоб поставить побольше столиков...

Решаем, что первым лопать поеду я, потом сменю Надю.

Ехать совершенно неожиданно приходится на квадрацикле веселенькой расцветки, ведомом одним из знакомых уже санинструкторов.

- Склад нашли, ага. На больницу четыре выделили, для разъездов, ага.

- И как?

- Полный здец! Жрет все подряд и бегают шустро, ага.

- На заводе что?

- Тоже полный здец, но подругому, ага. Нас вот поменяли, ага.

- Потери были?

- Ага!

- Кто? Из наших?

- Не, там которые сидели еще мрут, ага, у кого там сердце кто еще что, ага.

Ожидаемо. Ничего другого от концентрационного лагеря и ожидать не стоит, такая уж веселая у них слава - начиная с самых первых, американских и английских. Помню здорово удивился когда впервые увидел фото скелетоподобных дистрофиков, перед которыми заключенные Освенцима выглядели упитанными пухликами. Дистрофики оказались американцами - янки, которые находились в концлагере Андерсонвилл - его считают первым концлагерем, тут американцы уверенно держат пальму первенства. Оттуда же и милое сердцу многих художников и дизайнеров словечко «дедлайн», хотя в концлагере 19 века оно означало не конец срока выполнения работы, а банальную линию на земле, просто переступив которую заключенный подлежал отстрелу часовыми с вышки.

Справедливости ради надо отметить, что условия содержания пленных южан у северян были не лучше, ну а про англичан, в лагерях которых семьи упертых буров дошли тысячами и говорить не приходится. Равно как и у поляков, заморивших десятки тысяч пленных красноармейцев. Да впрочем сейчас и про немецкие концлагеря уже забыли...

Нет, както все же мозг не воспринимает очевидное - вот он настоящий концлагерь со всеми удобствами - а както отчужденно это понимается, не может такого быть, не должно, люди же, свои же, черт возьми.

В больнице много незнакомого народа, в столовой тесно.

- Апать трапки, апать нэт парадка! - бурчит паренек в белом халате и камуфляже, явно занимающийся уборкой.

- Достал ты, Побегайло, зануда тошный - отвечает ему такой же мальчишка.

- Вот я тэрплю тэрплю, так нэ вытэрплю, вдару, так пэрэвэрнэшься! - веско возражает тот, которого назвали Побегайло. Крепкий парень, квадратичный такой и его собеседник затыкается.

Оказывается, из школы санинструкторов прислали полсотни пареньков на обучение, да с Завода на реабилитацию - полтора десятка обнаруженных там медиков. Скоро им туда - опять в лагерь. Больница забита битком, некоторое количество уже разрешено оказывается эвакуировать. О сектантах ни слуху ни духу, но, в общем, болтать некогда, на скорую руку выхлебываю щи, кашу с какойто подливой и тот же паренек отвозит меня обратно и забирает Надежду.

Мужики сообщают, что зачищен уже второй этаж.

Лихо. Ну а с другой стороны - холодное оружие - такое же смертоубийственное, да и пользовали его для охоты и войны не одно тысячелетие, отточено уже.

Прибывает какаято совсем сбродная артель, как метко замечает один из морячков: «фольксштурм» пожаловал. Они занимают наши позиции, а мы перебираемся на первый этаж госпиталя, сменяя команду зачистки, уходящую на второй. Ну, прямо наступление в полном объеме.

Нас вводит в курс дела Крокодил - видок у него жутковатый, потому что поллица занимает добротный, уже вспухший лиловой подушкой синячище, в котором утонул глаз, да

и рука левая на перевязи висит. Вон оно как - не со всеми травмами оказывается, до нас добирались.

Когда люди расставлены по местам, что позволяет контролировать практически все помещения, сапер возвращается ко мне.

- Во, какой я героический персонаж - во всех старых кино герой никогда не получает пулю в ногу, а всегда - в руку.

- Тебе не стоит тогда все лицо показывать, только профиль. Как египтянам.

- Это да, имеет место.

Сапер осторожно ощупывает опухшую часть физиономии.

- Кто тебя так?

- Смеяться не вздумай!

- Не буду.

- Долбучий дурень из третьей шеренги. Как маханул алебардой - так мне и въехал концом древка. Прямо в самом начале развлечения.

- Кости целы, зубы?

- Вроде целы. Но он обещал проставиться в плане обезболивающего лечения.

- А рука?

- Потом ушиб. Да ерунда, пройдет.

- Провериться надо все равно.

- Куда денусь, проверят. Этот лекарь с рубленой мордой - обещал, что все участники будут пользоваться правом внеочередного приема в этом госпитале. А он не похож на брехуна.

- И скидками обеспечат?

- Наверное.

- Солоно тут пришлось?

- Нет, здесь ничего особенного, на втором - там тяжелее было. Тутто стрелять можно - сам видишь, как все уже разнесено. Потому латникам здесь работы было немного, в основном шустеров отстреляли. Морф был, но он на второй этаж по лестнице удрал.

- Умный!

- Не отнимешь.

Да, видно, что тут была стрельба от души. Стены коридора - а он, как и положено зданию старой постройки, - здоровенный, высоченный и широченный - испещрены следами летавших в разных направлениях пуль, впивавшихся в стены под разными углами, чиркавшими рикошетами. Смерд разложения даже вроде и перебивается вонью сгоревшего пороха. Ну и одеколоном наши полились от души, тоже шмон тот еще. Трупы уже собраны кучками, чтоб не запинаться, да и кости с обрывками одежды по стенкам отброшены, у дверей следы того, что двери заколачивали, а потом снимали стопора и доски...

- Помещения зачистили?

- Разумеется, а как иначе? Сначала под прикрытием мы все двери блокировали, потом когда прошли и запечатали все двери - заблокировали лестницы. Потом по одной двери открывали и чистили. В общем ничего интересного, разве что эти маньяки поработали от души, намахались своим железом. Один из передних цепляет и фиксирует, второй из задних валит. Всетики огнестрел както цивилизованнее - тут такие звуки были, что с души воротит - и это еще зомби молчуны, даже не знаю, какой вой стоял в средневековых драках - и кости хрустят и плоть, прямо как когда зуб дерут. Хорошо еще противник молчал.

- Пуля тоже с чпоканьем попадает.

- Не то все равно. Этот треск и сейчас в ушах стоит, а я не девочка нецелованная.

- А со вторым этажом как?

- Куда хлопотнее пришлось. Нас сразу атаковали, толком латники не построились, не дали. Пришлось файеры и зачинки кидать, тушили потом пол, не хватало бы еще чтоб спалить госпиталь. Но все равно досталось - и кусали и били достойно, тут латы на все сто отработали, мыто думали Дункана сожрут - его с ног сбили и навалились впятером.

Пока раскидали - они его всего обслюнявили - но и только. Он после этого еще громче орать принялся, ему как с гуся вода. Хвастать сегодня будет - готовься. Хотя вообще есть чем хвастать. Он морфа на рогатину принял - и удержал, хотя по полу его провезло метра полтора. Но не упал - а соседей этот удар с ног сбил. Андрей грамотно застрелил, в толпе, в суматохе - просто хирургический выстрел был, ято уверен был, что когонибудь еще зацепит, а обошлось.

- Морф на втором напал?

- Оба напали. Одновременно, что особо интересно. С фронта шустры были, один вылетел с фланга - дверь вышиб - а второй с тыла.

- И работяги справились?

- Кроме работяг там еще и саперы были. Потому - справились.

- Лопатами забили? У вас же алебард не было?

- Не язви, умник. Зверек был незнаком с инженерными заграждениями. Вот и влип. Решил через спираль Бруно проломиться. Видимо себя танком возомнил.

- И не получилось?

- Мы не дали. Но заграждения нам поломал нехило и колючую проволоку на себя намотал почти всю.

Замечаю, что в разговоре враг обезличен. Морф и морф. Неважно, кем он был при жизни - сантехником, патанатомом или молоденькой медсестричкой. Сейчас - в наличии морф. И потому - никаких соплей.

- Сетеметы очень хорошо помогли. Мы на них особо и не рассчитывали, а очень круто с ними вышло. Надо бы прикинуть, что еще из такого несмертельного применить можно было б. Строительные пистолеты, кстати тож выручили.

- По зомби из стройпистолетов стреляли?

- Да нет, конечно, для блокировки дверей удачно получилось - доски приколачивать - разраз и готово. Вообще думаю, что сегодняшняя зачистка госпиталя войдет в будущие учебники по саперному делу наравне с летучей сапой, обороной Севастополя или переправой через Березину... Надо бы еще название громкое придумать, чтоб запоминалось лучше.

Сапер осторожно улыбается. Морда у него еще больше вздулась, хотя он и прикладывает к лицу какуюто железячную металлину, охлаждая место отека. Оно конечно правильно, но чтоб уменьшить кровообращение и замедлить отекание лучше б ему подошел полиэтиленовый мешок со льдом.

- Может сходить снега в мешок набрать? - вопросец у меня дурковатый вышел, но с другой стороны смотреть, как на глазах синее физиономия собеседника, тоже не радость.

- Да ну баловаться. Да и грязный снег, даже если с крыши какой брать. Сейчас этот врачиче придет - обещал помочь.

- А что это ты про Севастополь говоришь?

- Интересуешься? - ухмыляется половинкой рта сапер.

- Отдыхал там несколько раз. И насчет саперов чтото не слыхал. Корабли затопили, так не саперы же?

- Памятник Тотлебену видал? - опять улыбкаполовинка.

- Да, видал.

- Так вот мало кто знает, что французские саперы - а они в Европе считались одними из лучших - взялись вести минную войну.

- Тихой сапой? - подсказываю я.

- Тихой. Ей самой. Но и летучие сапы пытались делать - очень быстро отучили...

- А летучая - это как? Летающее чтото?

- Да так же как самолет при взятии Нотебурга. Не слыхал, что самолеты применяли еще при Петре Первом?

- Да ладно тебе голову мою морочить.

- И не собирался - так и было написано у Брокгауза с Эфроном - аж запомнил: «...

флотилия блокировала крепость Нотебург со стороны Ладожского озера; на самолете устроена связь между обоими берегами Невы».

- Ну, это ты заливаешь! Ведь верно?

- Ничего подобного - так тогда называли самоходный паром, который для движения пользовал силу текущей воды. Хитрое устройство, да. Так вот летучая сапа - это такой хитрый прием, при котором ночью на избранном рубеже под носом у противника тихо устанавливались туры, мешки, бочки и пр., наполненные землей, в итоге получалось добротное укрепление для атакующих. Летучая сапа впервые была применена Иваном Грозным при осаде Казани, а затем уже испанцами при осаде Остенде, после чего стала обычным средством, применяемым при осадах. То есть утром противник глазки продрал - а у него под носом уже укрепление готовое стоит. И поздненько метаться. Тотлебен кстати такой сюрприз тоже умел делать. А еще были перекидные, щитовые, другие сапы. Так вот, взялись французы делать сапы. С летучими не срослось, стали копать.

- То есть подкопы?

- Сапер - пофранцузски и значит - «делать подкоп». Хотя... - тут Крокодил задумывается - В пионерском детстве в трудовом лагере на Кубани мы работали на «сапанке». Сапали. Сапками. И будили нас на сапанку. Так то может и не пофранцузски, ладно, к фигам лингвистику. Ты себе представляешь, как минная война ведется, не сейчасными минами - а с подкопами?

- Ну, копаешь тоннель, потом туда порох бочками и фитилек. Оно внизу бабах - все и полетело вверх тормашками. Мина - это же еще и шахта, вроде так, тоже есть такое значение у слова?

- Ага. Только при этом можно под тоннелем врага свой провести - поглубже. И сделать копающему противнику тот самый бабах. Контрмина называется. Вот Тотлебен со своими орлами в Севастополе так дело поставил, что выбил контрминами считай весь саперный состав у французов. Раньше это еще горнами называли - когда контрминную галерею выводили куда надо и взрывали. Там свои хитрости были - надо ж так рассчитать, чтоб взрывом врага снесло, а воронки не образовалось - а то такую воронку враг моментально в укрепление превратит. Фугасы камнемётные устраивали еще - это когда рядом с местом скопления противника бабахает зарядик и на противника потом полчаса с неба камни сыплются. Такие потери у франков только в Отечественную войну были, когда они своих саперов угробили для наведения мостов через Березину. Мусьи по горло в ледяной воде построили мосты - а им даже водки не выдали потом, про жратву и не говорю - так и позамерзли к чертям. Так что Севастополь - это место легендарное, ага. Я там часто раньше бывал. Ты где отпуск проводил?

- На Северной стороне комнату снимал.

- А... теперьто нам еще долго не светит туда попасть. Там интересно как - как в Кронштадте или одни зомбаки остались? Как думаешь?

Ответить я не успеваю, потому что к нам присоединяется Бурш. Мрачный, грустный, но с коробками в руках. Понятно, сегодня весь день его коллег наши кнехты молотили. Заводит нас в маленькую комнатенку - здесь запаха меньше, окошко открыто, а зомби видно тут не оказалось.

- Как тут оно у вас? - спрашивает.

- Есть порох в пороховницах, а похер в похеровницах... - отвечает сапер, которому Бурш уже трет ваткой со спиртом опухший фуфель.

- Воистину глаголешь, сыне! - откликается Бурш и в этих на редкость антисанитарных условиях начинает вводить в пухлый фиолетовый синяк акупунктурные тонкие иглы.

Сапер морщится, но терпит.

- Сроду такого не видал - признаюсь я.

- Бодягой синяки сводили?

- Ну да, в основном.

- Это лучше помогает. Уже к вечеру опухоль уменьшится.

- Дренаж кровоизлияния что ли? И пользуете активные точки?

Бурш мотает головой.

- Нет, произвольно. Лучше чтобы в итоге получилась замкнутая фигура. Насчет дренажа не скажу - но по несколько капелек на одну иголку может выйти.

- Это вы о чем тут? - вопрошает неподвижно стоящий носитель синяка.

- О способах уменьшения кровоизлияния на месте удара, именуемом в народе синяком. От травмы капилляры рвутся, кровь из них истекает в ткани. Ну и просвечивает - отсюда и синий цвет. Холод в начале этого действия сужает капилляры, уменьшается общее количество вылившейся в ткани крови. Потом тепло и бодяга ускоряют эвакуацию этой крови, рассасывание кровоизлияния, но вот чтоб акупунктура помогала...

- Вот и проверим... - бурчит сапер.

- А вы о чем тут так увлеченно трепались? - осведомляется Бурш.

- О саперах.

- Полезное дело. Саперные навыки бывают очень полезны. Тут вот было дело, на Ладоге оторвало льдину с «Волгой» и тремя чуваками. Так и жили потом на льдине, папанинцы. За водкой плавали на надувном тузике. Местные им сочувствовали, а предложение вертолетчиков - эвакуировать без машины, разумеется с негодованием отвергли. Все же повезло идиотам - прибило через несколько дней к припою и был мороз ночью. Натаскали ветокдосок, залили водой - удалось съехать с льдины. Все, закончил.

И позволяет мне полюбоваться на подушечку для иглодок, заявив при этом:

- Зверь самый лютый, жалости не чужд. Я чужд! Так значит, я - не зверь?

- Господа! Вы не господа, а звери... Или как оно там было? Надо жеж такого дикобраза сотворили - бурчит сапер, кося глазом на игольчатое украшение своей физиономии. - Выдергиватьто когда?

- Не все удовольствия сразу. Можете потрепаться про саперов.

- Ладно, не убежит. Мне больше интересно - вот вы медики - как считаете - с чего вся эта байда пошла?

- Есть у меня одна версия - задумчиво произносит Бурш.

- И какая?

- Был такой бог у римлян. Звали его Либер, был богом плодородия, вина и роста, и женат он был на Либере, разумеется. Праздник в его честь назывался Либертalia и отмечался он в ночь с 16 на 17 марта. Либертalia соединялась с диким, иступленным разгулом самых низших животных страстей и нередко сопровождалась насилиями и убийствами. Что мы и наблюдаем. Думаю его рук дело. Просто на гулянку Аида с Персефоной пригласили.

- Это вы серьезно?

- Почему нет? Божественное - оно всегда рядом. Вы вот, например, в курсе, что нам как всегда помогли известные с давних времен военачальники?

- Вы б разъяснили попонятнее?

- Да генералы Зима, Мороз, Распутица, Грязь - о них же все завоеватели, которые к нам когдалибо приперлись - сообщают. Даже татаромонголы объясняют провал похода на Новгород тем, что у Субудая в болоте конь потоп и изза Мороза и Распутицы и воеводы Бездорожья оне и не смогли Новгород взять. Про французов и немцев молчу - в каждом мемуаре про этих генералов. Нам кстати и сейчас повезло, что вся эта гадость случилась в холодное время, тож генерал Зима поспособствовал. Было бы все это летом - вряд ли мы тут сейчас разговаривали бы.

- Ладно, согласный. А причем тут Божественное?

- Так в последний визит к нам немцы против нашего климатического генералитета привлекли еще более весомый - на пряжках ремней что у них там было написано? «Готт мит унс» - то есть Бог с ними.

- Мало им, однако, это помогло...

- Русским помогали несколько генералов поочередно (вообще - то это был один

генерал, именуемый Русский Бог по Вяземскому, но в разных лицах), а у немцев за место генерала Бога была драчка между Иговой и древними германскими богами, коих было много.

В борьбе они не брезговали доносами про еврейское происхождение Иговы, про бисексуальность Локи и пр., в итоге и проиграли.

- Ну, коллега - с нашими климатгенералами тоже все было не гладко - например генерал Зима всякий раз добивался снятия с должности генерала Распутицы. Но тот очень быстро возвращался...

- Сталинские репрессии никто не отменял. Произвол и гонения, преследования лучших...

- Слушайте, болталоны, вы б чем чесать впустую языки что полезное бы рассказали - опускает нас на землю трезвый и практичный пациент.

- Гм... Полезное... Про то, что собираются начать выпуск монет из драгметаллов уже знаете?

- Знаем - монетодворские проболтались... Как бы случайно... - опять ухмыляется на 50 % Крокодил. Иголки забавно двигаются, словно он и впрямь стал дикообразеть.

- Ничто не расходится так быстро, как тайна - замечает лицемерным голосом Бурш - а значит все пойдет по накатанной дорожке - сначала монеты из драгметаллов, потом дешевые бумажки, потом инфляция... Что ж, это показывает, что человечество не умерло.

- Что еще тут в столицах слышно?

- Беженцы из Эстонии прибыли вчера. Как их корыто столько народу уместило - непонятно, тридцать девять человек на мизерных размеров катеришко. Эстонцы опять отмочили апостол.

- Не томите? Чтонибуть замедлили?

- Наоборот, нашустрили. Есть у них такая артель отморожков - «Кайтселиит». Создана под соусом борьбы с русскими оккупантами - дескать, вот разумеется русские опять кинутся оккупировать эстонское свободное королевство - а тут им и встанут поперек горла храбрые эстонские партизаны. Факт тот, что этим мудозвонам разрешено официально иметь автоматическое оружие и в отличие от нормальных эстов они это легальное оружие все время пользуют в разных сварах. По уму эту банду давно было бы пора разоружить - но тут же политика. В общем, эти кайтселитовцы взялись бороться с русскими оккупантами. Для начала расстреляли несколько десятков человек за КохтлаЯрве. Ориентировочно - половина евреев, половина рожей не понравилась и не на том языке разговаривала.

- Евреевто с чего? - удивляется Крокодил. Потом спохватывается: «Это я так, сдуру ляпнул, Эстония же...»

- А чего Эстониято? - в свою очередь удивляюсь я.

- Прискорбна грамотея уму просвященному дикость неученая - отвечает Бурш.

- Эстония и Литва уже в 41 году отрапортовали немецкому руководству, что стали полностью «юденфрай». И что характерно - действительно там всех практически евреев ликвидировали физически. Причем практически без немецкого участия, строго самостоятельно. Эсты, правда, в основном стреляли, литовцы, как народ практичный и экономный - убивали дубинами и всякими прочими такого же рода приспособами. Сейчасо об этом не принято было говорить - потому, как они же боролись с коммунизмом и Россией и потому их нынче любить за это надо, но факт место имел. Видно решили повторить...

- Вотвот. Дальше у кайтселитовцев началась драка с полицией - в КохтлаЯрве большая часть полицейских - русскоязычные - так что практически были в тишайшей Эстонии уличные бои. Еще и какието подразделения эстонской армии в это дело ввязались, причем на обе стороны. Боями назвать, наверное, трудно, потому что обе стороны такому делу необучены, но резня все же получилась. И все совсем худо стало, потому что расстрелянных не добились толком, подранков много в ходе перестрелок образовалось, гражданским от души прилетело - во всяком случае, спасшиеся рассказывают о какомто жутком ЖидМедведе который неподалеку от места расстрела первого появился. Судя по рассказам - очень

солидных размеров морф. И не один. Вот люди оттуда и дернули на первом же попавшемся плавсредстве.

- Нда... Не зря Званцев толковал о возможных визитах соседусшек...

- Званцев это кто? - спрашивает Бурш, начиная вытаскивать иглы их физиомордии пациента.

- Посол Кронштадта в Петропавловке. Или наместник. Или комиссар.

- А, слышал. Тут вот еще что, коллега... (Бурш задумывается).

Изображаю полнейшее внимание.

- Произошел инцидент, пользу которого никак не понять, но к сведению принять стоит, может быть и пригодится.

- Весь внимание.

- Нами проводилась спасательная операция по доставке сюда нужного в работе специалиста - нейрохирурга. Все перипетии описывать не буду, говоря по сути дела - оказалось, что он один из своей семьи живой остался. Но не в своем уме, причем сильно.

- Извините, конечно, но это как раз обыденное сейчас явление - бурчит сапер.

- Верно. Только тут был нюанс - он находился в своей квартире вместе с зомби - членами своей семьи. Причем эти зомби сильно отличались от тех, которые по улицам бродят - они были не агрессивны. Совершенно. Нормальные типовые гаитянские - тупые и мертвые.

- Час от часу не легче. Узнали, почему?

- Разумеется, узнали. Дело в том, что он им сделал после смерти лоботомию. Вам знаком этот метод лечения буйных больных и американских комми? Весьма известная история американской деятельности. Сейчас, правда, о ней вспоминать неудобно...

- Ну, слышал, конечно. Нобелевку этому португальцу дали вроде бы. А комми тут при чем?

- Так широко амеры пользовали против всяких инакомыслящих. Своих Новодворских они именно так и лечили. Ведь выступать против американской демократии и государства может только сумасшедший. Тогда у них охота на ведьм мощно шла. Чаплину вон пришлось из страны уехать, коммунистический агент оказался. А с лоботомией - все отлично получалось. Нарушил хирургически связь лобных долей с остальным мозгом - и вся правозащитная деятельность прекращается навсегда. Короче говоря - буйный становится тихим. Вот и с зомби то же получается.

- Мда. И что - всех оперировать?

- Я не о том. Они просто становятся неагрессивными, но и только. Контакт с ними не получается. Существуют. Как коматозные овощи. Только в придачу еще и мертвые...

- Ну, интересная информация, только не знаю, как ее использовать можно. Этот нейрохирург где сейчас? И семья его?

- Любопытной Варваре в Москве нос оторвали! - ухмыляется Бурш, складывая иголки в коробку.

- Ага. А в Питербурхе - на место пришивали!

- В лаборатории некробиологии. Где ж еще. Только вы оба не шибкото болтайте, ни к чему людям еще и такое знать. Проболтаетесь, а мне будут неприятности - и сотворю со гневом и с яростию месть языком.

- Учтем. Вроде наши идут?

Действительно, по лестнице с грохотом и лязгом спускаются алебардисты.

- Алкоголик Иванов! Вы приговариваетесь к расстрелу! Ваше последнее слово? - гремит сверху трубный глас Дункана.

- Ну, ващще... - откликается кто-то из его приятелей.

Раздается хохот.

Бурш морщится.

- Пошли в больницу. Тут теперь часовые останутся до прибытия команды дезинфекторов. А мне еще и похороны организовывать.

- Так без погибших же обошлось! - оторопевает сапер.

Бурш взглядом показывает на коридор, где вдоль стен валяются розовые обглоданные кости и кучи трупов - в грязных пижамах, остатках рваных медкостюмов и ошметьях от белых халатов.

Крокодил сникает, поняв, что ляпнул глупость.

В больнице оказывается, что латники будут писать рапорт с предложениями и выводами, а нам придется опять скататься на завод - на усиление, что ли...

Пока сижу в зале, где только что закончилось выступление танкистамайора. После семинара задают ему всякие хитрые вопросы. Послушать интересно - благо от стрельбы сейчас много что зависит.

- Когда стреляю на столынике одиночными - хуже выходит, чем тройками. Вот весь настроился, сфокусировался, цель вижу, но одиночными - половина может в молоко уйти. А когда типа на авось, бахбахбах, то, как минимум два из трех, точно лягут - поднимается худощавый скуластый парень в форменке.

- Не видя, трудно сказать. Может быть несколько причин. Если ветер не учитывать, то остаются внутренние. На одиночных более вероятно заценивание, неправильная фокусировка, обман зрения. А на беглом организме некогда, он освобождается от лишнего, концентрируется на необходимом. Это при наличии навыков, разумеется. Кроме того, когда видишь, как пули идут, то корректируешь огонь по предыдущему результату. Беглым или очередями - это немного другое, нежели стрелять одиночными, делать паузы а потом брать поправки. Человек умеет сдвигать точку прицеливания очень точно. Беглый огонь с контролем полета пуль как бы затягивает тебя в середину цели. А одиночными с паузой - каждый выстрел «на колу мочало». Расскажи, из каких положений стреляешь - интересуется майор. Мне кажется, что вроде бы ему легче стало. Или желаемое за действительное выдаю?

- Стоя и с колена. Если у меня и идет какаято корректировка при стрельбе тройками, то глубоко подсознательно. Я пока сам не понимаю, как попадаю на такой дистанции - стеснительно улыбается худощавый парень. Остальные присутствующие тоже начинают радостно лыбиться - словно зеркало.

Привстает пухлый паренек, совсем молодой.

- В одной книжке - фэнтези с магией - прочитал, как незнакомую с оружием девчонку учили стрелять. Типа, «установи мысленную связь с пулей, сфокусируйся на цели и представь, как пуля после выстрела попадает точно в десятку». Магия такая.

Худощавый взглянув на сказавшего эти слова подхватывает:

- Вот и у меня такая фигня непонятная. Убедил себя, что можно попадать - и стало получаться. Но даже для себя не могу объяснить - как.

Майор умудрено улыбается.

- Ага, в этом весь психологический фокус состоит. Не так вера в то, что ты можешь, помогает, как представление, что это сделать невозможно, мешает. То есть не надо ни во что глубоко уверовать, нужно просто освободиться от стереотипа, что это выше сил человеческих. Лучше всего помогает в таких делах арифметика. И немножко геометрии. И совсем чутьчуть баллистики.

Теперь небольшое отступление. Уметь стрелять повинтовочному нужно. И стоя, и с колена, и лежа. Это очень полезные навыки. Еще надо уметь с упора. Кроме боевого аспекта существует чисто технический. Вот как ты определишь, насколько далеко можно поразить такуюто цель?

По рассказам очевидцев? Или, допустим, я тебе объясню. А нафига принимать на веру, когда можно самому. Не верь никому про кучность того или иного пистолета, просто отстреляй по малюсенькой мишени из устойчивого положения. С упора, например. Чтоб цель была как точка на конце мушки. Потом посмотри. Допустим, на 25 метров разбросало на 10 см (хотя бывает и на 3). Значит, на 50 будет 20, а на 100 - 40. Это очевидно. Значит, пули будут внутри ростовой. Так и будешь рассказывать ученику, если придется. Потом вспомним про ветер, который на 100 метров для пистолета коечто значит. Средний боковой

ветер утягивает макаровскую пулю сантиметров на 20, или чуть больше. Парабеллумовскую чуть меньше. Как задуло сбоку таким ветром, так целиться надо в наветренный край мишени. Чуешь, что ветер не силен, уменьшаешь поправку. Все это несложно. Когда знаешь, что надо так, просто делаешь, и оно получается. Может, не сразу отлично, но коекак практически сразу. Эх, вот из Стечкина стрелять на 200 и более - это уже цирк. Там ветер далеко уже тащит, деривация уже есть, а на движение поправки больно здоровы. Но очередью накрыть можно, если навык есть.

Да, вернемся к пуле. Самая главная твоя с ней связь, что ты ее видишь. Как она летит, куда шлепает, что с мишенью происходит. Это все на подкорку записывается, а потом работает как программа...

Меня трогают за плечо. Пора ехать. Или плыть? Или идти? Черт его поймет эту островную специфику...

- Так что придется думать - дальше как быть? - закончила Мелания.

- А я уже говорила, надо составить план - завела свою шарманку Вера.

- Сначала надо накормить этих... служащих корпорации. Для них кто готовил?

- Повариху ты видела - она внизу полы моет. Только готовит она... Как в столовке...

Ирка поняла по выражению лица Меланьи, что это самая худшая оценка поварского умения.

- А что у нас получается с едой? Плохо? - осведомилась Вера.

- С едой получается хорошо. Без еды - плохо - в тон ответила Ирка.

- Что может с едой получаться, когда два десятка нахлебников - мрачно пробурчала Мелания.

- Не два десятка, двадцать один едок получается - уточнила зануда Вера.

- А да ладно, невелика разница - поморщилась Ирка и впридачу поморщилась еще и мысленно. Два десятка голодных ртов - это много. Очень много. Фиговое наследство получается от Человечества. Да еще сукин сын в лесу. И не один, кстати, та патлатая шлюха, которая разбила УАЗ, тоже гдето болтается.

- Тут все дело в том, что вы собираетесь дальше делать - осторожно молвила Мелания и внимательно посмотрела на Ирку.

Вера тоже уставилась на напарницу.

- Это вы к чему?

- К тому, что заехали вы сюда с мужем случайно, на короткое время. То есть жить здесь не собирались. Детальки себе наточили - и все, дух простыл. А теперь что делать будете?

Ирка посмотрела на старуху. Чтото темнит бабка. И так она куда как непростая, а еще и темнит.

- Пока Витя не выздоровеет - мы тут будем жить. А понравится - останемся и дальше. Но кормить два десятка ртов у нас нечем. Придется свиней резать.

- А запасы вы разве не делали? - невинно спросила бабка.

Ирка смекнула, что вопрос с подначкой. Раз Мелании про них Арина покойная рассказывала - значит, про завоз груза в лес тоже толковала. Витька таился, как мог, но пару раз они все же засветились. И хорошо, если только пару раз.

- Делали запасы. Только тут ведь дело в том, что у нас все долгоиграющее и рассчитано на двоих. Консервы слопать вдвадцатером - штука нехитрая. Только дальше как быть? Останется друг друга жрать.

- И семян нет никаких? - все так же незаинтересованно спросила бабка.

- Как же без семян. Есть семена. Только огород вести - дело непростое, сами знаете.

- Знаю - спокойно кивнула старуха.

- Ну вот... И корячиться для того, чтоб прокормить не пойми кого - совсем интереса

мало. Сожрем совместно наши запасы - и что дальше? - Ирка говорила, подбирая слова, словно по льду шла, но твердо решила гнуть свою линию и свои интересы отстаивать без экивоков.

- А давайте в баньку, а? - не в тему возникла Вера.

- Так мы же ничего не решили?

- Сегодня уже все равно похлебку для сотрудников сварили, так? - Вера глянула на старуху.

Та кивнула.

- Значит, можем, наконец, помыться. А после бани и решать уже легче будет. Я считаю - закончила речь Вера и мило улыбнулась.

Тайм аут вполне устраивал Ирку.

Чтото сегодня нам не везет с транспортом. То ли штабные что напутали, то ли так сложилось - но явившись на пирс мы долго не могли узнать, что собственно отчалит в Стрельну, пока Ильяс бегал уточнял (ну бегал - сильно сказано, очень уж он себя уважает, чтоб бегать, ходит так несколько быстрее, чем обычно), мы расселись на какихто ящиках и садовых скамейках, поставленных тут явно совсем недавно.

Очень кстати вылезло солнышко, даже вроде, как и пригревает.

Вместе с нами набралось три десятка человек, да гора грузов.

Ильяс намекнул, что опять мы участвуем в какойто хитромудрой операции коммерческого толка. На что он нас подписал - неясно, но хитрая рожа его прямо светилась гордостью. Ладно, проживем, увидим. Мне полюбому охота с братцем повидаться. Может, что и сообразим - как добраться до родителей и как доставить их сюда. Иллюзий у меня нет - я прекрасно понимаю, что лафы нам осталось не надолго, еще апрель месяц - и все. Май, зелень, тепло, дождики - и судя по тому, что установила Валентина Кабанова - зомби оживятся и станут гораздо опаснее. Тем более - летом. Надо думать, что можно сделать. Пока успел убедиться - на автомобиле не проскочить. Есть задумка - по воде. Но для этого надо заручиться поддержкой и помощью, потому придется стараться и дальше. Лишь бы не пошло все прахом - прикажут сидеть в Петропавловке или больнице - и всех дел. Послать начальство подальше конечно можно и удрать, но очень бы не хотелось рубить все связи - и наработки.

Я уже говорил Николаичу про эту свою проблему, но вроде бы он не преуспел в ее решении. Правда, речь шла о том, что две недели мы всяко колотимся на спасательных операциях, но ведь уже времято и подходит...

Сидящие рядом парнисанинструктора слушают Павла Александровича, который ловко отвертелся от писанины отчета и вместе с парой мужиков штатского вида из группы обеспечения улизнул для поездки на Завод. Тут оказалось, что мальчишки сцепились языками на тему военной истории, что меня сильно удивляет. Впрочем, более приличный для мужской компании разговор о бабах не заладился - пуганые санинструктора с того момента, как оказалось, что их хвастливые побрехушки подслушала отдыхавшая за тонкой стенкой смена медсестричек.

Теперь, после такого позора, когда старшая медсестра прилюдно выдала им листок с расчетами, по которым у хвастунов оказалось не менее стакана спермы в каждом яичке, мальчишки попугиваются попасть опять же в такое положение. Мне даже кажется, что они на Завод решили отправиться с куда большей охотой, чем могло бы показаться. Незадолго до отправки группы произошла очередная стычка Фетюка с майоромтанкистом, чуть до потасовки не дошло. Теперь санинструкторы втянули в спор тишайшего Павла Александровича, пребывавшего в некоторой грусти - очень близко к сердцу принял поломку в ходе зачистки госпиталя нескольких экспонатов.

Я прослушал, с чего там началось, но спор притих, потому голос музейного работника слышен отчетливо - да тут и шумов мало, чайки орут, да водичка плещется...

- Запала в память история про зачуханного, измотанного до предела пожилого пехотинцапулеметчика, который добрался до сельца, откуда наши уже утекали... Отступление, немцы на пятках сидят, пора уходить - а тут в сельцо дочапал запыленный мужичок с пулеметом. И сам еле можахом, с трудом ноги волочит и пулемет с помятым кожухом и гнутым щитком, и всех личных вещей у солдата - короб с пулеметной лентой, даже сидора за плечами нет.

Все суется, поспешают, уходят, а он как сел, так и сидит совершенно безразлично.

Видно - не жилец.

Кто повоевал - это уже сразу видел. Словно как на лице обреченного это проявлялось.

От немцев удалось оторваться.

И почемуто не преследовали.

Ночью разведка пробралась посмотреть - что да как, почему немцы отстали. Громко сказано - разведка, пара мальчишексорвиголов.

Выходило по наблюдению, что у немцев в этом сельце чтото сильно не срослось.

Оказалось - тот солдат лег в бурьян у обочины и сколько было патронов - с полленты - вlepил в шедшую строем немецкую пехотную роту - боевое охранение и авангард его проглядели, кто ж мог подумать, что это не хлам, обильно валяющийся на обочине дорог, где войска отступали - пулеметчик же не окопался, ничем себя не проявил. А он пропустил боевое охранение, дождался, когда тело роты мерным походным маршем вошло на площадь этого сельца - и с кинжальной дистанции по густой колонне... И промахнуться тут было невозможно и немцы - хоть и были опытными вояками - а не ожидали такого, да и втягивается человек в марш, работает ногами как автомат, потеряли они несколько смертельных для себя секунд.

Жизни у пулеметчика оставалось совсем чутьчуть, хватило только на одну длинную очередь, потом опомнившиеся уцелевшие немцы закидали его гранатами, а так как он еще шевелился - долго били штыками, не замечая в остервенении от пережитого страха, что перемазались в его крови сами и оружие перепачкали.

- А я читал, что немцы к героям относились с уважением и хоронили их с почетом - замечает худенький очкастый санинструктор.

Павел Александрович поворачивается к нему.

- Приказ «Касательно погребения павших или погибших военнослужащих вооруженных сил противника» Верховное командование Вермахта Az. 29 k AWA/W Allg (II) прямо запрещал германским военнослужащим оказывать какие - бы то ни было почести погибшим военнослужащим из РККА. Категорически и без возможности иного толкования. Для остальных врагов рейха допускались почести, для красноармейцев - нет. Так что известные случаи похорон с почестями погибших наших воинов - прямое нарушение приказа ОКВ и личная инициатива конкретных командиров вермахта. Чистая самодеятельность. И надо отметить - запреты на похороны вообще куда чаще встречались.

- То есть немцы наших запрещали хоронить что ли? - недоверчиво спрашивает очкарик, поправляя очки.

- Да. Недалеко ходить - морпехов из Петергофского десанта немцы запретили местным жителям хоронить под страхом расстрела, то же самое было и в Евпатории. И расстреливали гражданских за попытки похорон. И это не единичные случаи, а вполне себе норма...

- Точно, я тоже слышал - подтверждает полненький рыжеватый приятель очкарика.

- Фигня! Фетюк говорил, что у немецких офицеров было серьезное понятие о чести офицера, они всегда отдавали почести храброму противнику, просто наши не оченьто рвались воевать за Сталина, потому геройства мало было - возражает паренек с нашивками сержанта на погонах.

- То есть немецкие офицеры вообще врать не умели? - не удерживаюсь я.

Сержант холодно глядит на меня и с высокомерием отвечает:

- Конечно. Они были - люди чести, не большевики сраные.

- Гм... А доводилось вам, молодой человек, видеть немецкие листовки для красноармейцев? Ну, эти, ШВЗ - штык в землю? - спрашивает Павел Александрович.

Сержант быстро смекает - видно, он не так прост, понял, что ему рюкзак - сейчас ответит - да, видел, тут же ему и вставят, что немцы обещали райскую жизнь для военнопленных красноармейцев, а сами их угробили в первую же зиму.

- Так листовки Геббельса, а он не офицер.

- Тут вы ошибаетесь. Листовки для красноармейцев - сделаны отделом военной пропаганды при оберкоммандовермахт, работали они не под руководством Геббельса - только согласовывали общее направление. И командовал этим отделом полковник вермахта. И было в отделе аж 15000 человек. Да еще и не простых, а специально обученных - потому как показать работу танкового экипажа или экипажа самолета могли только разбирающиеся в вопросе люди. Так что пресловутые ШВЗ - творчество немецких офицеров. И ликвидация наших военнопленных - их же рук дело. И получается наглая ложь - и именно от немецких офицеров.

Сержант фыркает, демонстративно отходит и начинает повернувшись к нам спиной выхватывать из кобуры свой ТТ, взводить пальцем курок и прятать пистолет обратно в кобуру. Довольно ловко это у него получается.

- Наконец у меня сформулировались несколько наблюдений - продолжает спокойным голосом Павел Александрович - например, на тему того, как немецкие авторы дают неполноценную, но в то же время и не совсем вроде лживую информацию. Которая тем не менее, при дальнейшем употреблении становится лживой.

- А снисходя к нашему уровню интеллекта? - поддерживаю я его вопросом.

- Немецкие авторы умело выдают только часть информации. Если бы они описывали бой боксеров, то описание немецкого боксера было бы таким - имелась левая нога, правая рука, на ней большой палец, указательный палец и мизинец, также был левый глаз. При этом прямой лжи вроде бы нет - у боксера все это в наличии имеется, но, однако, не упоминается все остальное. Потому тот, кто начинает пользоваться немецкими данными, попадает в странное положение - рисуя титанический бой, в котором противник однорукий, одноногий и одноглазый инвалид. Бить такого - неспортивно и гордиться победой - просто стыдно.

Но в то же время, дралсято вполне себе цельный боксер. Однако в немецких описаниях этого отнюдь не видно. И как считать - была ли у немецкого боксера вторая нога и вторая рука - или нет? Был ли второй глаз? Имелись ли комплектом пальцы? Не упоминается немецкими авторами - и баста. При этом в эту же ловушку попадают и нормальные историки.

- Ну да, ну да, известные баталии в Интернете на тему пропавших французских танков и прочих трофеев, утверждения Манштейна, что в Крыму он побеждал, не имея танков и прочего, вплоть до венца споров - о величине немецких потерь...

- Небось, принимали участие в этих флудобаталиях? - спрашивает очкарик.

- Был грех. Мне Фетюк сильно напомнил многих оппонентов из этих форумов. Лично для меня непонятно следующее. Прошла мировая война. Основные участники - до 1944 года - как ни вертеть - Рейх и СССР, их основные потери и результаты. Вмешательство союзников помогло победе, но несравнимо меньше, чем участие СССР, что сами же союзники и враги и признают. Рейх разгромлен, безоговорочная капитуляция. То есть результат ведения войны Рейхом - отрицательный, полный погром и проигрыш.

Ранее победа объяснялась неслыханными потерями СССР. Типа трупами завалили. И тут рассказы о бешеных советских приписках и полной никудышности по сравнению с немцами, англами и так далее летчиков, моряков, были в тему.

Но чем дальше, тем страньше - немецкие потери и немецкие данные об участниках оказываются если и не фальсифицированными впрямую, то, во всяком случае, непригодными к анализу, немцы врут в каждом удобном случае и оказывается, что постулат о десяти красноармейцах на одного зольдата - враки. И танков выпущено не в десятки раз

больше и с авиацией те же песни и по людям - немецкая тотальная мобилизация с призывом всех от старых пердунов до молокососов заставляет задуматься. Отсюда и недоверие к старым пояснялкам - если наши не завалили трупами, но были во всем худшими и только отличились в приписках - как Рейх слился?

Мне непонятно попрежнему одно - как мы выиграли войну, если наши военнослужащие были во всем хуже противника? Но при этом и трупами не завалили? Получается логическая несуславица.

- Да. Я когда подобные рассказы вижу, всегда скалюсь. Хотелось спросить у дойчофицеров, как мог СССР, уступавший гитлеровскому блоку по численности в 2-4 (в 1942 г.) раза, мог закидать немцев трупами? Еще вопрос кто кого закидывал... - весело замечает полненький приятель очкарика.

- Скался дальше. А можешь выехать с любым поисковым отрядом в лес и прикинуть количество койкомест на немецких лежаках относительно русских костей по тем же местам. Только незахороненных... Идиот. - режет полуобернувшись сержант, не прекращающий упражнений с ТТ.

Черт меня дергает влезть. Но с другой стороны - сейчас надо этому балбесу прищемить хвост. Вот чувствую всеми органами чувств - нужно. Самое время.

- Идиот - это тот молокосос, который покопал, скажем, в Мясном Бору или Мостках и сделал глобальный вывод - говорю я в спину сержанту.

- Да ну? - откликается тут же сержант.

- Чтоб не быть идиотом, надо покопать также и там, где валяли уже немцам. Я такие места видал - где немцы слоём. Так что не с любым поисковым и не в любое место. Да и с немецкими лежаками не все так просто, мальчик. Большая часть немецких лежаков в таких местах - что хер копанешь.

- Мели Емеля, твоя неделя - упирается сержант.

- Ну, давай разбираться. Назови, например любой пригород Петербурга - сейчас голубчик я тебе хвост прищемлю.

- А зачем это? - осторожничает сержант.

- Да ладно, не бойсь, назови. Для примера.

- Ну, Пушкин.

- Хорошо, берем город Пушкин - знаешь, где там немецкие лежаки? Нет? Перечисляю. Сквер с памятником Пушкина, площадь перед Екатерининским дворцом, площадь перед Александровским дворцом - где стоит ваза аккурат могила какого-то эсэсмана... Так что не надо рассказывать байки. Немцы свои кладбища делали в самых красивых местах - чтобы потом белокурые детишки приходили возлагать цветы в эти пантеоны. Вот и считай - сколько там койкомест. Хотя - замечу, что видел я и немецкие захоронения, где лежали все кучей. Это когда им уже не до красоты было.

Сержант фыркает.

- Еще по поводу Фетюка могу заметить, что его знания напоминают старую китайскую сказку - про 100 000 стрел. Напали на Поднебесную враги, а у китайцев стрел - пшик. Хорошо река врагу путь преграждает, но соберутся переправляться - хрен остановишь.

Император объявил, что наградит того, кто справится с боеприпасным голодом.

Нашелся старикан, попросил кучу досок, кучу музыкантов, кучу гребцов, кучу рисовой соломы и сто лодок. И неделю. Ну и жратвы и выпивки от пуза.

Император все дал.

В первый день старик с людьми обшили лодки досками и снопами соломы.

Три дня пьянствовали.

А потом упал густой туман.

И вся эта банда под барабаны и вой труб отправилась к берегу, занятому врагом.

Враг представил, что китайцы хотят высадиться, и напасть и засыпал плохо видные в тумане лодки тучей стрел. Когда стрелы стали падать редко - лодки вернулись назад и когда все стрелы вытянули из соломы и посчитали - стрел оказалось больше 100 000...

Император награждал старика.

Но один из генералов заметил императору, что не за что награждать - вот он, генерал тоже знает, что тут в это время года часты туманы.

- Толку мне от твоего знания, пустомеля! - сказал Император и генерал получил сто палок по пяткам...

Вот и Фетюк - вроде знает много, а толку от его знаний - нуль.

Сержант прекращает свои упражнения и, не отвечая, начинает требовать от очкарика, чтобы тот переложил груз подрутому. Очкарик кряхтя начинает возиться. Привычно приговаривая:

- Пачиму ты всегда грузын прыдыраэшься? Потому что ми такие прастыи луды?! И за это вам мы такая логкая добича!

Сержант важно поднимает палец вверх и цитирует - так же привычно и из того же фильма:

- Кокаинум!

Они начинают смеяться. Мальчишки, одно слово.

Павел Александрович задумчиво смотрит на молокососов.

- Ловко нам вдули и отлично промыли мозги за последние годы. Перед всей этой катавасией попались данные опросов: кто впервые создал атомную электростанцию, атомный ледокол, искусственный спутник Земли, самую мощную ракету-носитель, корабли на подводных крыльях и воздушной подушке, вывел человека в космос, одержал решающую победу во второй мировой войне, - так больше половины опрошенной российской молодежи называла Соединенные Штаты. А треть молодых японцев была уверена, что это русские бомбили Хиросиму и Нагасаки. А американцы - наоборот спасали... Вот и подишь ты...

- Э, похоже, Япония теперь долго будет понятием сугубо отвлеченным - лениво бурчит разомлевший на солнышке Серега.

Тем временем, наконец, возвращается Ильяс. Вместе с ним еще два десятка человек. Одному из них - уже пожилому лет 50 на вид старательно дает напутствие довольно экстравагантная бабка. Нет, не бабка, не подходит этой старой женщине такое определение. Скорее назабвенное «богатая, но самолюбивая старуха».

Она одета очень парадно и модно, только вот мода эта прошла годами в пятидесятых. Старуха словно из старого кино, только цветная копия.

- Чего это она так вырядилась? - тихо спрашивает Саша.

- Ну, в дни ее молодости это была богатая парадная одежда, вот она ее и одевает по торжественным дням. Это характерно для женщин.

Сашу почемуто передергивает.

- Что такое? - удивляюсь я.

- Если это так... С женщинами и модойто... Представил современных девчонок. В торчащих стрингах и с голыми пузами... Когда они старухами станут...

Замечаю, что внимательно слушавшего наш разговор Серегу тоже передергивает.

И меня тоже...

Чтобы отвлечься от жуткой представленной картинке старушачьих дряблых животов и вислых старческих задниц с татуировками и в стрингах, спрашиваю задумавшегося Павла Александровича о том, что явно отвлечет и его и нас - о том, что драчка сегодня получилась хоть и удачной, но уж больно средневеково грубой. Вот то ли дело мушкетеры чуть позже!

Павел Александрович сильно удивляется и даже както привстает.

- Бог с вами, мушкетеры и алебардщики с пикинерами отлично соседствовали по времени. Да когда д'Артаньян попался на дуэли - как раз алебардщики его и задерживали.

И мушкетеры дрались не как в кино - им полагалось после выстрела из мушкета пускать в ход все вооружение и снаряжение, вплоть до каски. Я вам потом покажу инструктирующую на этот счет книжку - того времени, между прочим. Там все расписано. И то, что мушкетер не должен гнушаться забрать со своего противника трофеи - оружие, ценности, снаряжение и вплоть до сапог! Это все киношники наворотили - а так мушкетеры

были совершенно нормальными солдатами. Так что зря вы так. Рукопашная не меняется. Вы в курсе - почему Крокодила - вашего приятеля сапера так величают? Ну вот, не знаете. А я знаю - в рукопашной схватке он зубами загрыз чеченского боевика. Вот так.

- Офигеть! - только и могу сказать я в ответ.

Оставив Веру за старшую - с задачей подготовить все для бани, а на самом деле просто побоявшись оставить вырубившегося мужа одного - мало ли кто припрется, а тут - вот весь арсенал с беспмятным стрелком вместе, Ирка отправилась с Меланией Пахомовной подготовить баню.

- Мне бы такую баньку, чтоб можно было бы не только через дверь выйти - намекнула Ирина бабке.

- Побаиваешься, что дверь колом кто припрет? - внимательно посмотрела Мелания.

- Ага - кивнула на ходу Ирка.

- Я могу присмотреть, пока помоешься.

- Спасибо. Только вас еще учить надо с ружьем то обращаться.

- Вот уж не думала на старостито лет этакому учиться...

- Я тоже не думала, что такое будет - усмехнулась Ирина.

- Тото вы в лесу склады строили - ответно хмыкнула и старуха.

Ирка промолчала. Она все это время относилась к работе Виктора, как к мужскому нелепому хобби, считая, что лучше пусть он с нею в лесу валандается, чем бегаёт по бабам, пьёт водку или ещё как веселится в одиночку. А хобби бывали и куда более дурацкими - тот же футбол Ирка на дух не переносила.

Рабы, уже большей частью помытые, испуганно и с ожиданием уставились на Ирину.

- Эта вполне банька подходит - открыла низенькую, но широкую дверь Мелания.

Ирка осмотрела старенькую, но вполне крепкую баню, согласилась. Невеликая банька была с разнообразными тазиками, топившаяся побелому, с крохотным предбанничком, где лежало на скамейке забытое кемто сырое вафельное полотенце, да в углу висел древний обшарпанный веник, годный скорее для того, чтоб пол мести, зато кованый засов на двери был словно крепостной, да и случись что нехорошее, выскочить можно было и через дверцу на фронте. Про то, что и дверцу можно взять на мушку Ирина решила не думать.

Велела натаскать воды в котел, нагреть. Строго посмотрела на рабов. Те зашевелились. Складывалась странноватая ситуация, когда Ирка не представляла как себя с ними вести - и «сотрудники корпорации» тоже были в недоумении - рабы они попрежнему или уже свободные граждане с правом всякого разного. Пока, правда, подчинялись безоговорочно.

Пока рабы заново грели воду и мыли после себя баню, Ирина вернулась к мужу, отослав Веру, собравшую узел с чистым бельем и какимито шампунями проследить за подготовкой банного дня.

Витя уже проснулся. Пожаловался, что повязка давит, попросил попить. Да, место раны отекло, нога опухла, но в целом Ирке показалось, что муж куда лучше выглядит, чем вчера. Оживел както. По его просьбе Ирина, пыхтя паровозиком, в несколько ходок по лесенке, приволокла в комнату к Виктору весь арсенал, который собрала и нашла - поставила ружья рядом у кровати, ящик с патронами (так и не разобранными после Веркиной сортировки) установила на табуретку, добавив шесть незнакомых сверкающих патрончиков из кармана. Заменяв перевязку и дав мужу в руки чистить тот самый роскошный карабин, чтоб не заскучал, Ирка заперла двери внизу и, грустно глянув на побитые, сиротливо стоящие на улице джипы, отправилась в баню.

Вера печально стояла у двери бани и, увидев напарницу, пожаловалась:

- Прикинь, тут даже душа нет!

- Я в курсе - ответила Ирка. И ухмыльнулась в душе.

Сразу мыться не получилось - в топке еще плясали огоньки красивые, чистого синего цвета. Ира вздохнула, обошла баньку, глянула, что находится вокруг.

- Эй! Если что заметите неладное - кричите - окрикнула она топтавшихся неподалеку рабов.

- Что не идемто? - нетерпеливо сунулась Вера.

- Угли еще не готовы. Угарный газ прет. Так что выюшку не закрыть, иначе угорим.

Вера посмотрела искоса.

- А эту - как ее - зачем закрывать?

- Не закроем - тепло выдует в момент, не баня будет. Ладно, пойдем пока, разденемся, то - се.

В предбаннике было жарко наверху и холодом несло по полу. Почемуто слегка пахло хлебом и палой листвой.

Раздевались не торопясь. Ирка не удержалась и весьма пристально оценила, незаметно бросая быстрые взгляды, когда Вера не могла этого засечь - как напарница сложена. И не очень порадовалась наблюдениям - личико у Веры было простоватым с носом кнопочкой, а вот сложена она была куда как хорошо. Свою статью Ирка знала прекрасно и не обольщалась. Была она ширококостной, крепкой, с тяжелыми крупными грудями и плосковатым задом. Насчет своей талии Ира считала, что «она в принципе есть». У Веры талия была настолько явно выражена, что и говорить не приходилось о принципах. Бедра худоваты и груди невелики, но - тут Ирка вздохнула с грустью - красиво смотрелись. Она всегда завидовала тем девчонкам, у кого грудки были острыми, с задорно торчащими вверх сосками. И соски как на грех были красивыми - светлокоричневые цилиндрики с ровными кругленькими ореолами.

- Хоть бы жопа у нее была волосатой! - не очень потоварищески пожелала мысленно своей напарнице Ирина, вспомнив, как ругался прошлым жарким летом Витька, когда они ехали в тесной маршрутке и он чуть не ткнулся носом в волосатый крестец стоявшей перед его сиденьем девахи. Та и впрямь здорово придумала носить подпущенные джинсы со стрингами, имея при том банально волосатую жопу. Витька потом долго возмущался этим фактом. Не нравились ему волосатые женские задницы. Именно по этой причине шерсть снизу спины у женщин вполне Ирку устраивала.

Но, к сожалению и попка у Веры оказалась аккуратной, приятно круглой. И вся Вера была складной, изящной и - чертово слово пришло в голову - грациозной. Такие мужикам нравятся - это Ирка знала. А мужиков тут раз - и обчелся. И это ее собственный мужик, между прочим.

Ирка покраснела от злости, а потом покраснела еще гуще, когда Вера осведомилась - а что это ее так рассматривают, словно она тут стриптиз исполняет?

Братец еще больше осунулся, вид имеет красноглазый и осовелый, да еще от служителя Асклепия прет неукротимо пивом. То, что братец смолит какуюто очень подозрительного вида сигаретку, дополняет картинку.

- Смесь собачьей шерсти со спитым чаем, обрезками ногтей и старым сеном? - нюхнув вонючий клуб дыма, спрашиваю я своего ближайшего родственника.

- По вкусу - да. Но чем богаты. Написано вроде, что «Самел», но такое и на Малой Арнаутской улице постеснялись бы делать. Надеюсь, что те, кто эти сихареты сделал, умерли в страшных корчах.

- Ага. А трубку и табак проепотерял как всегда? Упырь профукал артефакт?

- Да в общем... Кстати - здравствуй!

- Кстати - да. Выглядишь фигово.

А что тут еще скажешь - замурзанный у братца вид. Бомжеватый. Словно он как

Пирогов и оперирует, и вскрытия делает в одном и том же наряде. Впрочем, особо чистюлей он никогда и не был.

- Дык тут уже сколько раз вспоминал свое мирное житье в морге с теплым чувством... И Миха рядом и спать можно сколько влезет и даже Прозектор за окошком уже както поиному видится.

- Пивом от тебя бьет сногшибательно...

- Оно сытное. Я его ем. И пью. А главное - полгода срок годности. Через полгода пива не будет. Ваще! Представляешь?

- Хочешь успеть выпить море?

- Все не выйдет, но сколько смогу. Тут вот дело какое - я договорился с летунами с Бычьего Луга, что они тебя смогут взять с собой - у них вылет будет в направлении Новгорода. Завтра или послезавтра. Смекаешь?

Еще бы не смекать - два лаптя по карте - и та самая деревушка, где наши папа с мамой застряли. Здорово!

- Тебе как это удалось?

- Опыт не пропьешь, как грустно сказал художник Артемидьев, оглядывая свою пустую мастерскую. Оказалось, что в потоке помог родственникам какойто фигуры с аэродрома. То ли роды принял, то ли прободную диагностировал и упек в Кронштадт - не помню уже. Спросили, чем могут помочь мне. Ясно дело - чем! Вот я тебя и сосватал.

Ну да стоило предположить - братец высоты боится. Панически, хотя и не трус ни разу. Я, правда, тоже боюсь. Но он знает, что отказаться у меня не получится. Я ж вроде как вольный казак, а он уже тут присох, корни пустил, да и не отпустят - он же под кронштадтскими теперь. Слышал краем уха, что еще и как судмеда его тут пользуют всю дорогу - чтото тут серьезно криминальное распутывают.

- А так в целом?

- А в целом, как говорил знакомый немец: «Запорожец блин кошмар!» Ладно, перекур у меня окончился. Пойду корячиться дальше, концакрая не видно. А тебе тоже есть работенка - надо пару раненых забрать, армеуты попросили дать медобеспечение.

- И ты меня посылаешь?

- Дел там на чутьчуть. А они...

- Они тебе пиво поставляют. Угадал?

- И не только пиво. Все равно твои сейчас будут погрузкойразгрузкой заниматься - как слышал склад охотничьих ружей и боеприпасов кулачить станут. Так что выбор у тебя небогатый - либо мне помогать на конвейере, либо таскать мешкияшки, либо прокатиться. На твоём месте - я б прокатился - и с этими словами братец сплевывает и отшвыривает окурок.

За братцем уже пришли - из палатки выглядывает смутно знакомый парень, держащий в растопыр белый халат. Относительно белый, надо заметить.

- Эй! А почему армейские сами не могут раненых забрать?

- Там спинальник вроде - бурчит братец, вдевая руки в рукава халата.

Вот, совсем хорошо, спинальник. Не было бабе печали...

На заводе кажется многолюдно - но это по сравнению с тем временем, когда мы здесь возились. Сейчас тут пытаются запустить производство, работает сводная комиссия по расследованию (это так названы несколько сбродных человек), плюс безопасники пытаются ущучить тех, кто имел отношение к руководству концлагеря. Публики, судя по тому, что я слышал, уже вдвое меньше здесь, зато она не заперта в цехах, шляется по территории и потому - многолюдно тут.

Пищит нововыданная рация - старшой требует прибыть к нему пред ясны очи.

Дойти не успеваю.

Ильяс перехватывает меня на полпути, вывернув изза бетонного угла цеха.

- Сумка при тебе? Тогда пошли!

По дороге излагаю ему, что нужно мне слетать - родителей вывезти. И насчет

спинальника.

Хмыкает, вертит башкой.

Так и не ответил - а уже и дошли.

- С этим разберемся. Сейчас выполним пару мелких задачек - поговорим. Твой ранетый в список входит.

Ильяс кивает на маленький автобус - близнец нашего покойного спасителя. Лезу внутрь - вижу полтора десятка бледных лиц, кучу мешков. Следом поднимается и мой начальник.

- Да порядок, порядок, довезем - не волнуйся - орет он комуто оставшемуся снаружи.

Двери закрываются, автобус трогается. Мы выкатываемся с завода и к нам присоединяется УАЗбуханка.

- Куда едем? - спрашиваю беззаботного Ильяса, сидящего так, что его автомат - только сейчас замечаю, что у него АК, как и у меня, только с какойто оптикой, не армейской, а магазинной еще, и направлен ствол он в салон - на сидельцев. Чтото мне говорит, что это явно какието штрафники.

- В деревню Узигонты - отвечает мне Ильяс.

- Слушай, кончай хохмить. Скажи нормально.

Он делает круглые глаза. Становится немного похожим на возмущенного филина.

- Вот кавай! Куда серьезнее. Рядом деревня Велигонты расположена. И еще Олики.

- Я первый раз слышу. Это далеко?

- Рядом. За Марьино.

Ну, Марьино я знаю.

Еще когда был совсем мелким одноклассник Никон нарасказывал, что там в болоте застряла «Пантера» - торчит только верх башни со всякими приборами перископами и метрах в трех из воды выглядывает набалдашник дульного тормоза. И что там были громадные немецкие склады, которые наша артиллерия сожгла к чертовой матери. Мы воодушевились - и устроили вылазку. Родителям наплели чего-то, припасли харчей, питья - и поехали. Наверное, была такая же весна - и, прибыв на место, мы поняли, что в такой слякоти и мокром снеге нам в наших резиновых сапогах до «Пантеры» не добраться. То, что танк там стоял, мы не сомневались - благо видали за Лугой в дрище брошенный и влезший по башню в жижу наш танк - БТ. Мы до него добрались с большим трудом - топко слишком. А «Пантера» больше - значит точно не долезть. Пошли рыть склады. Склады оказались странными - под тонким слоем земли - толстенный слой жженных железяк, разорванные винтовочные гильзы - немецкие и французские, пули с выплавившимся из них свинцом, огрызки обойм - и все. Но много. Рылись в этом хламе, надеясь хотя бы свинца наковырять, но толку никакого. Думали, что он должен вниз стечь - а он зараза маленькими комочками - аккуратно на пулю.

Зато нашли снаряд. Здоровенный, с насечкой от резьбы на медном пояске и с полурасквашенным взрывателем - оболочка была наполовину сорвана, торчали забитые землей какието деталюшки и чуть ли не пружинки.

Тогда эта чушка показалась нам здоровенной, но сейчас полагаю, это был банальный 152 миллиметровый. Немного опасаясь - изза гнусного вида взрывателя - сделали носилки и с трудом отволокли подальше за деревню. Очень далеко отволокли. Ну во всяком случае мы так думали. Потому как замудохались изрядно.

Дальше собрали костерок, воткнули в него снарядец, подпалили все это и залегли метрах в двадцати - там яма была дельная - капонир, что ли старый.

Раньше мы такие чушки не рвали, а всякая мелочь на манер гранат и полковушечных снарядов и минометок не впечатляла.

Прождали пять минут, десять. К пятнадцати пошло. Все тихо. Костер что ли потух?

Тут и долбануло, хорошо никого не нашлось умного пойти глянуть - не выкатился ли снаряд из костра.

Хорошо нас тогда приложило, лежали некоторое время как глушеные рыбы.

А с неба комочки земли и веточки сыплются.

Особенно удивило - как гвоздануло по всему телу землей. Как с пары метров если бы плашмя упали. Говорим друг другу что-то, губы шевелятся - а не слышно, хотя не тишина вокруг. Глянули на костерок - тошно стало.

Вместо костерка в мерзлой земле воронка метра два диаметром, да в полметра глубиной, на воронке березы рубленные буквой зет лежат - и вместо полянки маленькой - поляна большая - все кусты и подлесок метров на десять сбрило - только огрызки торчат.

А Никон чуть не плачет - и губами шевелит интенсивно.

С трудом - но поняли - недалеко мы от деревни.

Надо уносить ноги.

Выкатились на дорогу - еще тошнее стало - там провода какие-то на столбах - так провода снесло прилетевшим куском дерева. Все, тикать надо.

Вышли в Марьино, идем такие милые дети, невинный вид соблюдаем, а местные кулаками грозят и ругаются.

Никон приссал, да и мы - тоже.

- Надо уходить шустро - а то и впрямь мильтоны приедут. Пошли через поля аэрации!

Мы сдуру и согласились.

Поля аэрации оказались местом, куда сливали фекалии, а потом растили капусту. Везде снег, а на этих чертовых полях - жижа. Чуть-чуть не до обрез сапог. Ох, и замаялись мы по этой жиже продираться. Так потом и не собрались на «Пантеру» глядеть, ну его к черту, это Марьино.

- Кого сопровождаем? - спрашиваю своего командира.

- Съёмочную группу «ДомЗ». А заодно «Остаться в живых» и «Последний герой».

- Это как?

- А так. Вторая компания уже такая - хотят быть сами по себе, не подчиняются директору завода, воду мутят - нахер с пляжа. На выселки. Кошка бросила котят - пусть вертятся как хотят. В мешках пара ружей. Рация коротковолновая. Жратва на три дня. Короче - набор «Счастье Робинзона». Понравится жить своим умом - на здоровье - одумаются - сеанс связи оговорен.

- А если разбойничать начнут?

- Виселицы видел у Завода?

- Нет.

- А они там есть. Так что - выбор их.

Один из пассажиров восклицает:

- Вы не имеете права так поступать с живыми людьми!

- Увянь! - веско велит Ильяс.

И тот вянет.

- Эй, живорезы - вот это местечко, что я говорил - обращается к Ильясу и мне водила - молодой парень, чернявый и покрытый густой многодневной щетиной. За рулем автобуса он выглядит аутентично, ни дать ни взять типовая маршрутка с типовым водителем. Тычет пальцем за окно. Там какой-то посёлок вроде.

За окном - слева пожарище. Несколько домов сгорело - стоят коробки. У дороги валяется пара десятков тел - чуть ли не рядом - обгорелые, чернокопченые, в лохмотьях одежды. Поодаль - несколько таких же стоячих. Вроде даже двигаются.

- Во, второй с краю видите?

- Ага - отзывается глазастый Ильяс.

- Что, что там? - спрашивает с ужасом глядящий в окно пассажир.

- А бака - огнеметчик тут какой-то образовался - неторопливо рассказывает снайпер.

- Решил огнеметом зомби жарить?

- Йепп! Только не учел, что прожарить мозги в черепной коробке куда как не просто.

- Надо было ему с микроволновкой бегать.

- Да тоже результат аховый. Сейчас Марьино пойдёт?

- Марьино. У наших тут блок пост был. Потом Морфеус пришел - и все, свалили.

- Почему Морфеус?

Водила задумывается.

- Просто он то ли черномазый, то ли горелый - харя у него черная. И двигается быстро. То есть двигался.

- Упокоили?

- Черт его знает. Гоняли его бэтром, вроде б подстрелили.

Марьино пустое. Ни людей, ни зомби. Только на выезде мелькает что-то неприятно быстрое, тут же скрываясь за домами. Не могу сказать что именно - то ли здоровенная собака, то ли некрупный зомби. Успеваю зацепить взглядом характерные детали человеческого костяка наполовину торчащего из канавы. Чисто обглодан. О, еще один поодаль. И еще вон, подалее от дороги, кучкой, сразу несколько.

Наши пассажиры встревожились, побледнели еще больше. Не повезло им, попали под раздачу. Я ведь не маленький, прекрасно понимаю, что пока мы тут с охотничьей командой и прочими такими же дураками носимся, спасая мир, ребята половчее нас устраивают себе сладкое будущее. Нет, конечно и Николаич, и Ильяс - люди вовсе не простые, своего не упустят, а в карман положат, но по сравнению с некоторыми моими знакомцами по той, добедовой жизни, - пионеры альтруисты, бессеребренники полные.

В блокаду от голода и холода умерли сотни тысяч человек, другие сотни тысяч погибли в невыразимо жестоких боях, которые немцы, прошедшие еще Первую Мировую сравнивали с мясорубкой под Верденом, но ведь были и такие, кто сколотил состояния, обзавелись роскошными коллекциями искусства и всякими ценностями... Я прекрасно понимаю, что в том же Кронштаде сейчас уже вполне себе орудуют шустрые ребята, и их потомки будут называть нас лохами. Как потомки удравших в Ташкент последнее время старательно поливали дерьмом воевавших в Великой Отечественной... Что-то меня на патетику потянуло, да и вообще расслабился. А это и понятно - на Ильяса глядя - он тоже не за окрестностями следит, а скорее за пассажирами. Нет, окна сеткой защищены, мы вооружены, но как-то это все на школьную экскурсию похоже.

Или все эти разговоры про этого Морфеуса - пугалки? Мороза на высылаемых нагнать, чтоб одумались? Но костито обглоданы. Не бутафория.

Места после Марьино - пустынные, пару раз поодаль мелькали деревушки, но мы шустро преём по прямому как линейка шоссе. Сворачиваем вправо, проскакиваем деревню.

- Абек плезир - Велигонты - меланхолически заявляет Ильяс.

- Следующая - конечная, Узигонты - в тон ему вторит водила.

И впрямь - скоро тормозим.

Пассажиры выгружаются, водила глумливо подражает телеведущим, комментируя высадку. Мне почему-то противно это слушать, отхожу к буханке, около которой покуривают двое камуфляжных.

Здороваюсь, представляюсь.

Шофер бурчит что-то себе под нос, кидает сигаретку и лезет в кабину. Второй, рыжеватый, с белыми ресницами оглядывает меня с головы до ног, потом протягивает руку:

- Капитан Ремер.

Странно знакомая фамилия. Совсем недавно встречал.

Вспомнил! «Операция «Валькирия» - покушение на Гитлера.

Точно. Там как раз был майор Ремер - наш попутчик в чине чутка не дотянул до однофамильца. Отто Ремер, майор охранного батальона - тот, кто пустил под откос операцию «Валькирия» - потом отсидел три года в демократической уже ФРГ за то, что считал, что надо дружить с СССР, а не США.

Немцы давно делятся на две группы, одни считают как Бисмарк - с Россией лучше дружить, другие хотят в очередной раз «Дранг нах Остен» покорить славянских дикарей. Ремер как раз бисмарковские взгляды разделял. А вот антигитлеровские заговорщики - как раз не очень. Если бы они победили - скорее всего, наши союзники быстро пересдали карты. Видно у них были личные счета именно и только с Гитлером.

А вообще редкий случай, когда фронтовики могут исполнить свои фантазии по отношению к штабникам.

Вообщето охранный батальон - это была команда выздоравливающих фронтовиков, что особенно пикантно - резервный батальон именно и был возможностью отдохнуть в столице, своего рода поощрением. И когда они херачили штабных прикладами - оттянулись, небось, исполнив заветную мечту каждого фронтовика.

Вижу, что героев вот уж именно реалиштишу уже выгрузили. Почемуто их никто не встречает.

- Ты что, даже бикини не одевала? - удивленно осведомилась Вера.

Покраснеть гуще у Ирки уже вряд ли бы получилось, потому внешне ответный удар напарницы она перенесла невозмутимо. Но это только внешне - и, пожалуй, только на мужской взгляд, достаточно бесполезный для оценки тонких душевных движений.

Если б на Ирку посмотрел бы сейчас стандартный мужик, то он увидел бы только голую смутившуюся деваху, ядреную, здоровую и вполне себе симпатичную. Правда любой нормальный мужик заметил бы тут же и вторую девушку, тоже обнаженную и тоже вполне себе симпатичную. После этого скорее всего у мужчины произошел бы легкий клин в башке и на минуткудругую случилась бы ситуация горемычного буриданова осла, намертво затупившего при виде двух равноценных целей. Если бы нормального мужика после этого тут же спросили - что там собственно происходило, то, разумеется, был бы получен достаточно полный обзор таких статей как рост, вес, размер груди и прочие второстепенные детали. Ничего не подделаешь, чтоб мужчина стал наблюдательным, и хотя бы немного стал разбираться в женских нюансах поведения, моментально оценив мимолетную мимику и малозначащие на первый взгляд телодвижения, требуется жесткая и долгая наука, которую обычно постигают за десятилетия семейной жизни. Да и то при этом мужчины учатся понимать язык тела только одной женщины - жены. У особо толковых удастся просекать еще одну - тещу.

Вот женщина - женщина бы с ходу выдала полный дамеидж рипорт о только что произошедшей в предбаннике стычке. Впрочем, как пишут умные люди - это заложено в мужчинах и женщинах с тех самых времен, когда их создавал Творец. Именно поэтому мужчине положено засечь цель охоты за километр, а женщине точно знать, где и чем в пещере занимается в этот самый момент каждый из ее пяти детенышей. И потому легкая, тут же исчезнувшая, гримаска на лице Веры, невольное выставленная вперед ножка и невольное, только обозначенное движение руки Иры, ее дернувшаяся нижняя губа и еще два десятка подобных деталей были бы для женского глаза так же очевидны, как для мужского что - нибудь очевидное, кинематографическое, на манер - этот тому дал в морду, да промазал, а этот ему сапогом по яйцам - хрясь! Тот и с копыт долой!

Вот и для женщины было бы видно, что та, которая потоньше, часто загорала топлесс, а вторая - потабуретистей - не загорала вообще и уж всяко не делала себе интимных стрижек. И что тоненькая только что уела свою подружку. Причем сильно.

- Пошли в парную... - пробурчала Ирка.

Она отчетливо понимала, что получила щелчок по носу.

Какое тут бикини, когда в лесу схроны строишь... Да тут летом такие комары, что их впору мышеловками ловить. И слепни. И оводы. Тут Ирка вспомнила чертового лося с личинками и ее передернуло.

- А я этим летом опять собиралась в Турцию - прощebetала, только войдя в парную, Вера.

В ответ Ирка шибанула ковш горячей воды на камни.

Как паровой котел взорвался. Пар рванул по парилке словно взрывная волна.

Вера, взвизгнув, вылетела обратно в предбанник.

Ирка присела, внизу было все-таки не так обжигающе, даже дышать можно было.

Потом добавила еще ковш. На душе стало полегче. Словно сама выпустила пар.

- Ты меня чуть не сварила! - возмущенно воскликнула Вера, когда напарница вышла из парной.

- «Чуть» не пуд, ничего не весит - спокойно ответила Ирина. И продолжила: «Сейчас нагреется, пар разойдется, можно будет попариться».

- Вот нафиг, я тебе не челябинский сталевар! - категорически возразила напарница, вовсе не желающая помирать в этой бане.

- Брось, попариться всегда полезно - дружелюбно ответила Ирка, опять почувствовавшая почву под ногами и от этого воспрянувшая на манер Антея. И подумала: «Эх, жаль, веников нет, я б тебя попарила бы. Ишь, в Турцию она собиралась. Сейчас я тебе закачу курорт. С бикини и подбритой мохнаткой! Мешком не перетаскаешь!»

Вера понимала интуитивно, что зря она лягнула про Турцию. Но уж очень хотелось. И помыться тоже очень хотелось... Но лягнуть про Турцию - все же больше.

- И куда интересно все предыдущие подевались? - интересуется у меня Ремер.

- Я совсем без понятия. Ты про сельских жителей?

- Нет, тех, кто тут выжил - эвакуировали. Я про предыдущий завоз - восемь человек было, штрафников, как я слышал.

Водила автобуса, продолжая свой какбы репортаж, информирует незадачливых участников реалитишоу о том, что им стоит взять свои мешки и идти дальше в деревню и обустроить свою жизнь по собственному желанию, тут нянек нет. Наши пассажиры затравленно озираются. Даже за мешки не взялись еще.

- Какие же вы суки! - не удержавшись, заявляет один из выгруженных.

- В тютельку - отвечает ему Ильяс.

- Поехали! - это уже водитель из буханки торопит. Автобусоводу еще хочется поглумиться, но Ремер вскакивает на свое место. Буханка нетерпеливо гудит, разворачивается. Мы трогаемся следом.

- Както сурово очень! - вырывается у меня.

- Зато наглядно. Кнут и пряник - старая метода. И ничего лучше не придумали - весьма равнодушно отвечает Ильяс.

- Азиат ты просто, жестоковыйный.

Ильяс хмыкает. Потом совершенно спокойно заявляет:

- Любое общество, если хочет жить спокойно, не может обойтись без репрессий. И обязательно репрессии будут. Слово тебе это знакомо?

- Ну, разумеется.

- Так вот - и можешь и эти мои слова высечь на полированном камне - где человек - там и жестокость. Разница только в том, кто репрессии устраивает - бандиты или полиция. Если государство сильное - то полиция. Как в Америке. Если государство слабое - как у нас было - то бандиты и всякая сволочь, на фоне которой бандиты - просто ангелы. Но кого-то обязательно будут плющить. Вакаремас?

- Не вполне.

- Тогда слушай...

Но договорить ему не дает водила, дав по тормозам весьма резко, отчего мы хватаемся за автоматы. Сначала я не вполне понимаю, в чем дело - потом вижу - к нам по дороге - оттуда, откуда мы прибыли, едет во всю мочь одинокий велосипедист. Машет рукой, отчего велосипед начинает мотыляться по дороге, явно к нам едет.

- И много же у вас тут идиотов - замечает водила.

Мысленно я с ним соглашаюсь. Велосипедист наконец подъезжает к нам, барабанит в дверь. Переглянувшись с Ильясом, водила дверь открывает. Запыхавшийся парень - мы видим, что он очень молодой - вваливается в салон.

- Автомат мой верни! - заявляет он, глядя на меня.

Какой еще к чертям полосатым автомат?

- А пони и красный фургончик тебе не нужен? - ляпаю от неожиданности первое пришедшее в голову.

- Шенен, ты б сначала спросил разрешения присутствовать, поприветствовал старших. А то словно бака - гайдзин какойто вломился тут - замечает наш снайпер.

- Автомат мой верни!

Вот же заладил.

Вспоминаю, где я его видел. Он был самый борзый в охране - еще его приятели с мертвячки, подвешенной за ногу на дереве, трусики пытались снять. Точно, забрал я у него автомат, было такое. Поди вспомни, куда этот автомат потом делся... Да небось Ильяс же и оприходовал.

- Ты как без автомата выжил во время штурма?

Парень зло смотрит. Молчит.

- Э, поехали, время - говорит снайпер водиле.

- А пассажир? Он за проезд не платил!

Бибикает нетерпеливо буханка.

- Короче, парень, дело такое - мы едем по делу, цацкаться с тобой времени нет. Автомата твоего у нас нет. Но мы можем и придумать толковое, если ты нас убедишь в том, что оно того стоит. Или вылазь - твой лисапед еще не остыл, мотор греть не придется. Се?

- Мне мой автомат нужен!

- Доктор, чего он к нам прицепился? Твой пациент что ли?

- Ну, тебе я рассказывал. Это тот - из охранения, борзый.

- Не помню. Давай, вылазь.

- Я не могу... без автомата...

- Вот зануда - снайпер горестно развел руками...

- Ильяс, пусть отработает. Нам лишние руки пригодятся. Там же спинальник, его укладывать надо не вдвоем.

- Йоко! Поедешь с нами отрабатывать?

- Поеду - мрачно отзывается парень.

Мы трогаемся с места. Буханка шустро показывает дорогу.

Ильяс присматривается к парню.

- У тебя что, оружия вообще нет?

- Кусок трубы - на велосипеде остался.

- Сильно. А почему такое мощное вооружение?

- Он мой автомат забрал.

Вот заладил.

К своему удивлению Вера осталась жива после бани. И даже не ошпарилась. Правда язычок на время она решила прикусить - Ирка наглядно показала свою выносливость, да и вообще, както расхотелось ее дразнить...

Распаренные, наветев на головы тюрбаны, вернулись в «замок».

Тут же явилась и бабка с бидоном. Оказалось - самодельный квас. Станный, светлокориичневый и с непривычным вкусом. Попили с опаской, но оказался к месту, после парилки особенно.

Витька уже заканчивал чистку оружия. И оказалось в наличии разбойничье наследство

- один роскошный карабин с восьмью патронами, тяжелый импортный автомат 12 калибра, два «бока»близнеца того же калибра, двустволкакоротышка и длинная горизонталка 16 калибра, бабкина двустволка 20 калибра, странная берданка 32 калибра, да еще малокалиберный револьверчик. Тут с патронами было проще - имелись в запасе по схранам, да и в ящике их было достаточно. Как Витька не пытался узнать - откуда в ящике взялись патроны к Калашникову да винтовочные - так толком ничего не понял. Но хозяйственно присадил винтовочные в диск, расковыряв пару и убедившись, что внутри сухой порох и в темной глубине гильз посверкивают две маленькие точки фольги капсюля.

- Итак, что делаем дальше? - спросил на правах мужика, да еще и окруженного ружьями и бабами, Виктор.

- А самто что скажешь? - совершенно серьезно, без подначки спросила бабка.

- Сам потом скажу. Сначала, как на флоте - пусть по старшинству все выскажутся.

Начиная соответственно с младших. Вот давай, красавица, говори.

После этих слов Витька почувствовал, что его щеку что-то печет. Ну, так и есть - жenuшка уставилась на него тяжелым взглядом. Э, за базаромто следить придется, больно уж нехороший взгляд...

- Я считаю, что надо составить план - голосом примерной ученицы отчеканила Вера. И шмыгнула носом.

- И что записываем в план?

- Еду надо доставать. Кормили нас плохо, а в запасах тоже не густо, как посмотрели. Одни свинки и есть только. Но мне их жалко.

- И сколько нам надо еды? - осведомился Витя.

- Я могу посчитать, по калориям.

- Ты что, помнишь, в каком продукте сколько калорий? - удивился Витя.

- А то! Я всем подружкам диеты рассчитывала! - гордо ответила Вера.

- Ого! Так, Мелания Пахомовна, что скажете?

Бабка не спешила с ответом. Ее задело, что по старшинству ее посчитали младше Ирки и она дала понять, что недовольна этим. И продержала паузу, пока и до Витьки не дошло.

Потом сказала неожиданное:

- Людей надо ободрить. Я думаю - молельню надо открыть. Чтоб с Богом могли побеседовать, себя утешить. Оно и вам спокойнее будет.

- Так это работы ж сколько? Иконы нужны, тосе. Попа нет.

Старуха сурово посмотрела и показала небольшой листок бумаги с нелепо раскиданными прорезями.

- Вот икона. А когда Иисус проповедовал - икон у него не было, попов не было, а посвятее многих нынешних был. На осле ездил, да пеше ходил - не на Мерседесах.

- Да вы, Мелания Пахомовна, раскольница! И что это за икона?

- Не раскольница я, православная, крещеная. А икона - от матери моей. Раньше за иконыто наказывали - вот и надоумили нас, жили тут питерские. Ставишь такой святой лист перед свечой - и видишь образ Бога. А если молитва угодна - то и посредник не нужен. Вот так вот.

Витьке с трудом удалось не начать ржать, свистеть или мотать башкой. Бабка реально удивила. С другой стороны - пусть молятся, не помешает.

- А со свинками погодить бы лучше. Скоро трава пойдет. И мы сможем щи из молодой крапивы варить и свинкам будет жорево. А месяц какнибудь до травы продержаться. Заколотьто просто, только они за летоосень веса наберут. Не гоже сейчас их колоть.

- А кормить чем? - спросила практичная Ирка.

- Руководство в полном составе - вполне сгодится. Вон у крыльца валяется. И Костька. Сволочь. Я ему его танцы не прощу, гаду.

- Какие еще танцы?

- Забава такая у него, обалдуя была - положит мои вставные челюсти на пол и пляшет. Танец маленьких лебедей или как он говорил - еще и фанданго. Внизто не смотрит -

наступит или не наступит, в плясето. Меня Бог спас - не наступил, а трижды плясал.

- Ладно. Ир, что скажешь?

- Пиши, Вера в план - сразу за едой - машины чинить. Без транспорта нам никак.

- Можно Валентина попросить. Он в этом деле понимает.

- Он алкоголик - брезгливо заметила Ирка.

- А что остается? Да и алкоголик он изза своей бабы.

- Эх вы хватили, да жены алкоголиков - самые несчастные люди в мире - со знанием дела воскликнула Ирина.

- Не скажи, не скажи. Частенько бабы сами мужей на выпивку толкают. Потому как есть такая гадючья порода - и алкаши для них как раз подходят. Все время сидит под каблуком и всегда виноват, а она им командует как хочет - и ее же еще и жалеют, бедняжку.

Ирка аж задохнулась от возмущения: «Да мою маму знаете как отец бил!»

- Вотвот! А потом извинялся, на коленях ползал, просил простить?

- Конечно, виноват же!

- Вотвот! И получается, что приятно вдвойне - вон он какой грозный бывает. Настоящий мужик! И она при нем вроде как слабая женщина. А как протрезвеет - опять его унижать, да под каблук и опять виноват навсегда. Не про твою маму речь - а часто так. И если разведутся - так опять за алкоголика замуж идут. И разводятся - когда пить муж бросит. Не интересно с таким жить, который изпод каблука вырвался.

Ирка обиделась и надулась. Отчимто и впрямь был тоже пьющий...

Едем мы долго. Наконец водила останавливает автобус, дальше ему не проехать.

Буханка, как более приспособленная, лезет в какие-то кусты. Ремер, чтобы тачке было легче, вылезает и идет с нами пешком. Я никогда не был в этих краях и меня удивляет полное безлюдье - мы словно не рядом с колоссальным городом, а не пойми где. Даже следов человека толком нет - кроме фырчащей впереди буханки, да нас, четверых. Дорожка какая-то заброшенная есть, но поневоле в уже начавшихся сумерках в голову начинают лезть дурацкие мысли - вот сейчас мы идем и идем и туман уже какой-то вокруг нас вьется. И окажемся мы черт знает где. В Средневековье, например.

Наверное, и то, что сегодня полдня с латниками - алебардщиками возился, тоже сдвигает мозги. Поневоле себя начнешь в сумерках да в тумане попаданцем чувствовать.

Забавно, у Ханса Христиана соответственно Андерсена была небольшая юмореска про попаданца - чинуша из Христиановского времени бредил Средневековьем и все время ставил его в пример. Ну и попал куда хотел... Сразу вляпавшись по колено в уличную грязь. Мостовых нет, фонарей нет, мостов нет...

И оказалось, что и пиво несъедобно и хлеб с сыром ужасны и люди вообще тоже не очень понравились фанату Средневековья. Особенно не понравились, когда его лупить принялись... Правда, жив он остался все же, но, вернувшись обратно, перестал мечтать о том, как бы круто было жить в Средние века.

Да и мне что-то не хочется в Средневековье. Лучше уж тут. Пробираться по лесу, сквозь который идет заброшенная дорога...

Впереди вроде как прогалина. Буханка встает, неразговорчивый шофер вылезает из кабины, вытягивает из салона носилки. Правильные носилки, жесткие, корытцем.

Капитан Ремер что-то уточняет по рации.

Кивает нам. Идем следом.

Огонек небольшого костерка видим, когда чуть не натыкаемся на него - огня мало, да и ветками прикрыт. У огня лежит вытянувшийся человек. Рядом - сидит еще один. Потом оказывается, что третий - в секрете, мы его прошли, не заметив.

Пока осматриваю раненого, сидящий у костра получает от Ремера пару консервных

банок и, не открывая, закатывает их в угли. Мне не светит получить горячими шматками в затылок и потом благоухать тушенкой, о чем и говорю прямо.

Парень молчит, вместо него меня успокаивает Ремер: «Огонь разогревает консерву не вскрытую - до 2 щелчка. А потом - уже бабах! Вот щелкнуло - слышал? Еще раз щелкнет - можно вынимать. Преимущество - греется быстрее. Как в пароварке».

Ну, раз так, то и ладно. Раненый очень тяжел. Ранений три. Все огнестрел. Все полостные. Живот. И позвоночник тоже пострадал. И тащили его эти двое на доске, так что смещались отломки, скорее всего.

Ладно, что мог - ввел, теперь вывозить его надо. Как смог - подбинтовал. Снаружи крови мало, а что внутри делается - даже думать боюсь.

Носилкито правильные, да его еще и переложить надо так аккуратно, чтоб дополнительно не повредить. Вот так и стараемся уложить - чтобы позвоночник не тревожить. Тут еще оказывается, что и тот - который у костра - тоже ранен. В ногу.

Опять возня. Наконец трогаемся, аккуратно неся носилки. В буханке размещаем ручками в петли - штатная буханка, все на месте. И так же медленно выбираемся из этого леска. Туман еще больше густеет. И почти стемнело, пока я копался. Теперь - совсем чутка и считай дома.

- Мне придется в «буханке» ехать - говорю я капитану Ремеру, шагающему рядом.

- Это еще зачем? - почемуто удивляется он.

- Ну так присмотр за раненым нужен, честно скажу - у меня в такой обстановке таких тяжелых еще не было, можем не довести - в свою очередь удивляюсь теперь уже я.

- Не нужно - отрезает капитан.

Странно както.

Сзади нас, серьезно поотстав, тащится тройца - молчун с дыркой в ноге тяжело обвис на плечах своего товарища из секрета и нашего «салобона безавтоматного». Прыгает на одной ноге, видно, что уже силы кончились, только немного воли осталось. Ильяс замыкает наше шествие, вертит башкой как сова - на все 360 градусов. И что меня както настораживает - туда Ильяс шел как на прогулку, мало, что не насвистывал, а сейчас, когда обратно идем - напряжен, ну не так напряжен, как студентка на первом экзамене, а, черт не знаю как это объяснить, но я вижу, что начальник готов отреагировать в доли секунды на любое воздействие, на боевом взводе наш снайпер. Идет както поособенному мягко, развалисто.

Автобус как стоял, так и стоит. Водила явно радуется нашему возвращению - теперь скоро вернемся на Завод, там хоть и не шибко уютно, зато безопасно.

Ремер отзывает к себе Ильяса. О чемто переговариваются.

О чем говорят - не слышу, но кажется мне по телодвижениям что ровно точно так же вел бы себя мой начальник если бы по выгоднейшему курсу поменял рубли на баксы и только потом обнаружил, что вместо пачки баксов - наглая «кукла» из старых газет.

Руководящие лица возвращаются, морда у Ильяса и впрямь, словно он не одну горькую пилюлю слопал, а мало не упаковку. И запил уксусом.

Кивает на автобус, залезаем. Тот молчун, который хромой, втягивается с нами в маршрутку. В ручонках у него - не то «Вал», не то «Винторез» - плохо я знаю эти бесшумки. Оптиki нет, это всяко вижу. Сели - поехали.

Убеждаюсь в том, что ствол этой винтовки не направлен мне в живот. Или уже паранойя? На всякий случай кобуру с пистолетом передвигаю поудобнее, попутно вспомнив, что нацепил я на себя сегодня тот самый трофейный пистолет бесшумный - кобура у него здоровенная и расплуснутая как жирная камбала. Знак судьбы, или как?

- Эгей, йолдаш, у тебя на время ствола лишнего не найдется? До Завода? - спрашивает водилу Ильяс. Тот в ответ кивает головой, но запрашивает за ствол такую кучу всего, что впору глянуть - не гаубица ли у него на буксире. Дальше несколько минут я совсем забываю, где я и что вокруг, потому что передо мной разворачивается артистически точная и сценически великолепная реприза «восточный рынок, мастеркласс торговли». Впору

пожалеть, что когда мы с Олькой ездили в Египет, Ильяса не оказалось рядом - египетские торгованы, надоевшие нам до судорог, при встрече с нашим снайпером, небось, еще бы ему и приплачивали, отдавая товар даром. Нет, водила тоже не лыком шит - но уступает по всем параметрам вплоть до размера обуви. В итоге он с сокрушенным видом достает откуда-то пистолет и отдает его Ильясу.

Снайпер аж подпрыгивает, взяв ствол в руки. Изумленно поворачивается ко мне и показывает. Не понимаю, с чего это такая реакция - ТТ и ТТ. Достаточно потертый. Вполне себе машинка для водителя маршрутки.

- Не узнаешь? - многозначительно улыбается начальник.

- Откуда? Я что потвоему все ТТ должен в лицо узнавать?

- Возьми в руки, присмотришься - ну?

Получаю в руки тяжеленный пистолет, начинаю смотреть.

- Погодь, так это же трофейный - после оружейного магазина, да? Тот, который с праильным патсаном пропал?

- Бинго! А говорил - не узнаешь! - хихикает Ильяс.

- Так это не пистолет, это уже бумеранг какойто!

- А то ж! Реликт! Эге, йолдаш, а патроны где?

- Э, тебе ствол был нужен? Вот ствол. Патроны я где тебе возьму? - отзывается водила.

На его небритой физиономии легкий отсвет внутреннего торжества - тактаки победу он у соперника отжал.

Ильяс кряхтит. Потом смотрит на меня.

- У тебя всегда карманы набиты не пойми чем, проверь - может, найдешь тэтэшек?

Я знаю, что у меня в карманах лежит только всякое нужное, и патрончики к ТТ вряд ли найдутся, мой ППС с боезапасом мирно лежит в нашей оружейке. Поэтому когда в одном из многочисленных карманчиков этой охотничьей одежды оказывается три десятка потускневших бутылочных патрончиков мне остается только успокоить себя тем, что - они ж тоже нужны оказались, прямо как рояль в кустах.

С чего я запихнул себе в малопользуемый неудобный карманец столько патронов - сам не пойму, ну да ладно.

- Так. Теперь парень, как тебя зовут? - спрашивает снайпер нашего новичка.

- Тимур - привычно отвечает салобон.

- Отлично. Так вот Тимурленг - пока вместо автомата временно получишь ТТ. Пистолет заслуженный, боевой, участвовал в выполнении целого ряда серьезных заданий. Всегда - успешно. Без балды - легендарное оружие. Так что - цени. Задача у тебя ближайшая - охранять мою персону и остальные персоны, которые ты тут видишь и делать, что скажут. У тебя с Доктором какието счеты? Только вкратце - а именно - собираешься ему стрелять в спину или нет.

- Он это...

- Рядовой, вопрос поставлен - да или нет. Вопрос понятен, в спину стрельнешь?

- Да, то есть нет!

- Не понял.

- Вопрос понятен, в спину стрелять не буду.

- А не в спину? - Ильяс видно был весьма ядовитым сержантом.

- И не в спину тоже - не буду.

- Слово даешь?

- Слово даю, да.

- Якши. ТТ знаешь?

Несколько секунд идет бореение в салобоне - хочется гордо и утвердительно ответить, показав свою мужественность и опытность, с другой стороны, за бритого не зря дают двух небритых - и нашему новому приобретению поговорка известна отлично, на собственном опыте, даже пожалуй на собственном организме, на лице, если уж совсем точно.

- С пистолета стрелял. ТТ - не пользовался.

Дальше Ильяс с ехидными шуточками показывает парню, как пользоваться этой машиной.

Да, я выдержанный человек и отлично умею владеть собой. Я ничем не выдаю своего потрясения от того, что рассказывает сейчас Ильяс. Очень хорошо, что мне не пришлось пользоваться ТТ, когда он был у меня на вооружении - оказывается та пимпа, что на пистолете слева - нихрена не предохранитель, а совершенно никчемная приспособа, нужная только при разборке, а предохранителем - вот ведь засада - является полувзвод - такое положение курка, при котором ни затвор передернуть, ни на спусковой крючок нажать, почему неопытные люди пропадают ни за грош, забывая в горячке боя - что делать то с заклинившей машиной. И самовзвода - тоже нет, это тоже удивляет.

Ильяс еще строго внушает нучку, чтоб зря не давил на кнопку выброса магазина, но это уже сверхсчит. Пистолет вручается парню, ставится торжественно на тот самый полувзвод и Тимур неловко засовывает в магазин восемь патронов, оставшиеся ссыпает в карман и осторожно укладывает себе килограммовую пушку в другой.

- Долго еще ехать? - спрашиваю начальство.

- Вроде нет. Но ты того, не расслабляйся. И брось заморачиваться по поводу сегодняшних последних героев «Остаться в живых в ДомеЗ».

- Ну, я не очень заморачиваюсь...

- Не ври, все вижу! Тебе - медику - жалко, что десяток живых организмов отправили возможно на мясо. Но это их выбор. Понимаешь, когда есть толпа народу, надо чтоб люди работали - иначе сдохнут. Надо и принуждать. Как детей. Вот Махмуд поступил хорошо - его папа похвалил, а Мамед - плохо, его сильно папа наказал. Все всем понятно и наглядно, надо быть, как Махмуд. Если не накажешь - все будут себя вести плохо, а в наших условиях это - амба. Сечешь? Так потеря двух десятков - а остальные стараются, работают, сами же за собой убирают, сами же себя обустройствают, сами за собой присматривают. Начнут все дармоедам да крикунам подражать - хана - и как выше сказано - амба. А теперь с новичком - пересядь тека к задней двери. Сумку не забывай и знаешь что... Давай ка махнемся пистолетами. Не, ремень свой себе оставь, а кабур давай сюда.

Привесив снятый с меня ПБ себе на пузо и проверив наличие в кабуре пистолета, магазина и глушителя Ильяс поворачивается к нашему сопровождающему:

- Земляк, сядь назад, а?

- Это зачем? - бурчит хромой недовольно.

- Там удобнее сидеть.

Молчун не отвечает. Сидит, где сидел. Ильяс вздыхает, просит водилу если что - так сразу двери открыть. Водила утвердительно бурчит что-то.

Мы въезжаем в какойто поселочек - мелькает несколько домов хрущевской постройки, вроде частный сектор с другой стороны - в общем жилье. В свете фар редкие зомби. Совсем неподвижные. Автобус объезжает кучи перекопанной земли во дворе, вижу справа торец хрущевки, поворачиваем направо в дворик вроде. Буханка идет следом, ее фары светят нам в корму.

- Эй, это тут? - обращается к молчуну водила.

По автобусу словно горсть шарикоподшипников барабанит, сыплется стекла, сзади гаснет свет буханки, наш автобус дергается резко вперед, но тут же зубодробительно тормозит с характерным «бумп» - нас швыряет вперед, немилосердно стукая обо все, что выступает, Ильяса, который видно больше оберегал прицел на автомате, чем себя, так вообще лицом впечатывает в торпеду. В проход мягким мешком валится молчун - и все это под треск автоматных очередей и под звон сыплющегося стекла и грохот пуль по обшивке автобуса.

Трескотня такая, что с испугу кажется - по нам лупит два десятка стволов, грохот внутри чертова автобуса такой, словно мы в барабане сидим какойто хэвиметал группы.

Вставать с пола не хочется - тут внизу пока ничем не задело, а вот стекла уже все в дырах и продолжают осыпаться, впереди - там, где сидит водитель - вообще ураган. Шьется

все напропалую.

Кто-то дергает меня за плечо, ну да тут же еще этот, как его, новенький, глаза выпученные орет что-то и пальцем тычет. Вроде холодком потянуло? С трудом отлипаю от пола - было такое ощущение, что расплющился как палтус, пытаюсь понять, что он кричит.

- Дверь! Дверь!

Отта! - дверь задняя открылась.

Пытаюсь ползти через него, он тоже както ракообразно пятится, в общем, по лестнице скатываемся клубком и прижимаемся за колесом. Верчу головой, звякая краем каски по обшивке, страшное желание бежать галопом отсюда, но ясно - что глупо. Отсюда пальба кажется вдвое - втрое меньшей. Совсем рядом - грубый короткий стук Калашникова - о, а у передней двери еще кто-то живой - спина круглая - значит Ильяс.

Он поворачивается к нам, что-то орет, машет рукой - понимаю, что командует отходить в подъезд.

- Тащи сюда этого мужика, что в проходе! - кричу Тимур.

- Почему я? - огрызается он.

- У меня автомат, прикрою отсюда, давай быстро!

- Как тащить?

- Нежно! За шиворот! Давай! Давай! Ползком, жопу не задирай!

- Пшел ты!

Его каблук мелькает перед моей физиономией - пополз парень в салон.

Совсем рядом вспарывается наст, черт, близко как... Стрелять в ответ? Не вижу куда. Высовываться из автобуса - страшно не хочется. Плюхаюсь на брюхо - все равно ничего не видно. Автобус перекосило - колеса с той стороны пробило пулями, сдулись.

Слева что-то ярко вспыхивает - буханка горит яркооранжевым пламенем. О, нас еще и осветило дополнительно. От буханки к тому же «нашему» крайнему подъезду, отстреливаясь, бегут двое. Трескотня по нам ослабевает, теперь лупят по бегущим, дальний от нас падает, пытается встать, второй, огрызаясь короткими очередями, тащит его к подъезду. У горящей буханки рвется граната - вовремя Ремер ноги унес. Черт, да они сейчас за нас возьмутся!

Не удержавшись, высовываюсь из автобуса и леплю неряшливыми короткими очередями «вообще». Хочется обстрелять все пространство передо мной. Ну, не вижу я ни целей, ни даже вспышек, зато меня видят - пули начинают опять хлопать в обшивку автобуса. Уматываюсь обратно. Сердце колотится так, что еще немного - вырвется из груди, порвав одежды, и запрыгает позаячы прочь отсюда.

Из фильмов помню, что укрывшихся за машиной отстреливают снизу, в просвет между асфальтом и днищем машины - но нам сильно везет - тут видно какой-то трубопровод меняли - перерыто все - и нас отвалы земли прикрывают пока.

Парочка добралась до подъезда, втянулась за дверь.

Ну а нам как?

Поворачиваюсь к Ильясу - спросить, а его нету. Слинял, пока я тут выживался. Зато появляется из дверей пыхтящий - это даже на фоне стрельбы слышно - Тимур, волочит за собой тело. В четыре руки выдергиваем мужика - дышит, но без сознания, пристанывает только тихонько. Куда ранен - не пойму, голова вроде цела, ощупываю руками - кровь на спине, но немного.

- Дальше как? - орет мне в ухо паренек.

Хороший вопрос. Только я ответа не знаю.

Парень тычет пальцем в сторону.

Справа из темноты идут люди. Много.

Я было дергаюсь, потом резко успокаиваюсь - и тут же еще сильнее дергаюсь. Время сейчас идет странно - то прыгает, словно скачками, то растягивается. Или мысли быстрее становятся - но я сначала успокаиваюсь, что это безоружная публика, а потом до меня доходит, что это - зомби. И их много. Правда, замечаю, что они идут целеустремленно - на

хорошо разгоревшуюся буханку. Ну да, их же огонь привлекает.

Но дальше их становится гуще - да будь оно все неладно - надо бежать сейчас...

Под огнем?

Не добежим, с подсветкой такой мы как на витрине.

Сидеть здесь?

Обратно в автобус залезть и затихариться?

Черт, черт, черт...

Все никуда не годится!

Плохо, совсем плохо и еще хуже!

Неожиданно из верхнего лестничного оконца нашего заветного подъезда начинает стучать одиночными какойто стрелок. Наши невидимые противники сперва отвечают ему весьма бойко, так что вокруг этого оконца метра на три сыпь попаданий, потом чтото их огонь стихает, и начинается пальба не пойми куда.

Ну, это точно наш шанс.

Тимур схватывает на лету идею - мужик тяжело обвисает у него на спине, и смешно перебирая ногами - от тяжести походка у спешащего парня получается комичной - смесь японской гейши и черта из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», когда на горемыке кузнец Вакула катался - парень дергает к подъезду. Я от автобуса ловко попадаю двум пересекающим курс Тимура зомби в головы, мимолетно восхищаюсь своей крутостью, тут же мажу дважды в третьего - тощую бабку и, наконец, свалив ее, галопом бегу вдогонку.

Я не знаю - то ли безмерное везенье, то ли прикрывающий наш отход стрелок сверху - но мы добежали без потерь. Успеваю возопить: «Не стреляй, свои!», дергаю дверь, вваливаюсь в тамбур, следом за носильщиком - при отсветах горящей уже в полный мах буханки вижу полулежащего на лестничной площадке раненого. В нас он не целится. Лежит расслабленно, автомат - рядом.

Затаскиваем и своего стонущего туда же.

Тут же в двери появляется еще несколько светлых точек, чтото с взвизгом чертит полосу на стенке. Нет, нам тут не отсидеться.

Дверь в угловую квартиру приоткрыта. Грязная дверь, старая. Деревянная, лихо обшарпанная. И вроде как оттуда ацетончиком тянет. И падалью. Но так и на улице пахло, особенно когда зомби поперлись.

Так, надо быстро.

А там темно.

А мои фонарики где?

А нету, в оружейке лежат.

От я - молодец!

По стенке вжикает еще раз.

Сверху опять начинает бахать стрелок, в ответ у самой двери подъезда зубодробительно рвется еще одна граната. Дверь перекашивается, сыплется шурша по фасаду стекла соседних окон...

Еще сейчас нам гранатку - и приходи кума любоваться.

- Все, идем квартиру чистить! Прикрывай со спины - рычу Тимуру.

И прижав к автомату брелок с ключами, дергаю в квартиру. Света от брелка - чуть, но что есть. Все ж не полная темнота. В квартире вроде пусто - бедная обстановка, характерные для хрущевки малюсенькие комнаты, грязь - то ли тут алкаши жили, то ли нарки - на кухне сразу и не поймешь, засрано все многолетне, слоями.

Тимур просто както подевичачьи взвизгивает, не успеваю повернуться, как в меня вцепляются две лапы, вырваться не удастся никак, хотя делаю, как учили - резко присел, потом так же резко вскочил. Вскочить мне не удастся, тот, кто меня держит, тут же наваливается на меня сверху и вместо того, чтоб вскочить валюсь на спину. А эта гадость давит сверху, неотвратно, как бетонная плита. А я только и могу, что пытаться подставить под зубы каску. Не выдраться - цепко держит, как железо лапы. Автомат бесполезно зажат

между нами, пистолет в кобуре оказался где-то на заднице и сейчас всей пользы от него - в крестец впился.

Туша на мне все активнее.

Вертит гад мордой, клацает зубами и отжимает и отжимает мне голову, шея не выдержит, откину голову - и все.

Вцепится в лицо - конец.

Становится чуть полегче - я пытаюсь спихнуть тушу, но не получается, а тут чувствую, что кто-то топчется рядом - и туша чуть легче становится. Догадываюсь - парнишка пытается с меня зомби стянуть. Вот дурак, ага, в потягушки играть будем - только результат убогий, зомбак повыносливее нас обоих будет.

- Стреляй! Стреляй черт тебя дери! Стреляй! - хриплю остатками воздуха.

- Куда? На тебя же все полетится!

- Черт с ним. А так не удержу, скорее же, твою поперечину вдоль об косяк!

Еще хуже становится - туша наваливается тяжелее, чем раньше и разгибает мне шею, сволочь вонючая. Что там этот чертов Тимур делает?

Века проходят, а он все возится с чем-то.

Наконец рядом почему-то на полу практически бахает выстрел, но туше хоть бы хны.

- Ты... сво... лочь... ско... ро?

Скашиваю глаза в сторону выстрела. Из окон от разгоревшейся в полную мощь санитарной буханки падает чутлок краснооранжевого света и этот свет бликует на ТТ, который напарничек видимо просто уронил на пол. Оттого тот и бахнул.

- Сейчас, сейчас! В голову стрелять?

- Дааа...

Тушу дергает вбок, почти спихнув с меня. Грохает несколько выстрелов, на третьем или четвертом зомби странно мякнет, словно его тело превращается в жижу. Только выбираться мне изпод него очень непросто, хотя взъерошенный Тимур и помогает как умеет, стараясь на замазаться щедро разбрызганной из разбитой башки мертвеца мерзотной грязью.

Очень хочется блевануть. Я уже практически начинаю это делать, но как-то очень не вовремя вспоминаю, что пока я тут буду эгоистично развлекаться, может произойти куча событий. Впервые, стрельба не смолкла, стала слабее, но не смолкла. Во вторых, еще одна граната бабахнула неподалеку. В третьих, на лестнице лежат двое необработанных раненых. И черт меня дери пополам - в четвертых, на меня добротнo брызнуло, вылилось, вывалилось и всяко разнo еще попало трупного материала от висевшего надо мной зомбака. И если эта ихорозная жижа попадет на свежую царапину или на слизистые, да с микротрещинкой, а у меня их на лице как-то сразу много, этих самых слизистых оболочек, то как бы самое время заскулить.

Так, блевать отставить, аж глотку перехватило от страха. Что делать? Вот вопросец!

Автомат долой, сумку долой, лифчик долой, куртку долой, каску долой, перчатки? Перчатки пока оставим, сейчас из сумки дезраствор достать... Стоп, стоп, лезть грязными перчатками в чистую сумку - это дикость и хамство.

Ага, вот топчется субъект с чистыми руками!

- Тимур, открой сумку, достань...

Э, а что достань? Есть йод. Не катит. Есть спирт. Есть зеленка. Зеленки мало. И как-то оно не того потом будет, хоть дохлому с зеленой мордой, хоть живому... Решено, спирт. И вату! Эх, жаль, перекиси водорода нет - она то тут была бы в самый раз, да мне как-то влом показалось таскать, голова садовая.

Парень мнет, потом брезгливо какой-то валяющейся на полу не то шариковой ручкой не то еще чем-то - вижу плоховато в темноте - откидывает крышку. Несколько активнее - благо я на него рычу злобно, тянет флакон со спиртом, отрывает пласт ваты от рулона.

Получаю охлаждающий ладони мокрый шмат ваты, гоню парня втащить в квартиру раненых и тру лицо, но аккуратно тру - не хватает только для полного счастья самому поранить кожу и втереть туда гажу. Так. Вроде ощущения были брызг на подбородке, выше -

на каску полетело. Теперь вату сложить - и еще раз. Где флакон? Ага, вот из сумки горлышко торчит, поблескивает... Рот прополоскать и... Что он там орет? Блинский деготь - так стрельбато у дверей, туды ему качель! Автомат тереть не успею. А, он все равно ниже был, не должно бы попасть, считать условно стерильным!

Выскакиваю из комнаты - глаза в темноте чуток пообвыклись - вижу, что парень втянул одного раненого и корячится в дверях со вторым. Очередь бьет неожиданно как прутом по нервам - раненый корчится и протяжно стонет, я просекаю, что это он и стрелял - а стонет от боли - отдача его тряхнула. Волоку первого из прихожей, Тимур уже его топтать стал, волоча второго. Так, втащил, благо тут не царские покои - в хрущевке такое ощущение, что из кухни можно спокойно дотянуться до спальни. Что с дверью?

Неосторожно высовываю башку на лестницу. Тут же несколько пуль врезаются в стенку, правда, далековато от меня. А от двери на улицу осталась смешная и нелепая фигня. Но видно не очень хорошо - и дым с улицы и пыль от побитых пулями стенок.

Время, выиграть время - мне нужно время, двое раненых - это очень много на одного и сразу. А мы вот так - высовываю ствол автомата и очень стараясь, отсекаю две ровненькие очереди по три патрона. Восчувствуй, враг, мы тут себя в руках держим!

Не знаю - подействовало это на врага или нет, но я както успокоился.

Сверху кто-то долбает не торопясь одиночными - Ильяс? Капитан?

Ладно, время - дороже денег. Гораздо.

Так. Сумка. Резиновые перчатки. Отлично, что я их спецом положил отдельно. Нащупал сразу. Света бы хоть чутьчуть, хоть самую малость! Брелок, гдето тут со связкой ключей валяется.

- Что ты копаешься? - со стоном выговаривает раненый.

- Фонарик обронил. Тут же хрен что увидишь, перевязку и то не сделать.

- Мой возьми - слева в кармашке. Только ты нас всех угробишь - как начнешь светить.

Точно, не подумал. Во, в санузел - там не видно свет будет, а мне работать проще. Перевяжу, обработаю - можно будет решать, как выбираться из этой задницы. Хотя это уже не задница, это мы уже всю прямую кишку прошли и уверенно закапываемся глубже.

- Терпи, земляк, сейчас еще тебя придется тащить.

- Нога у меня. Зафиксируй сначала, помощник смерти.

Забираю фонарик, закрываю пальцами стекло - свет получается красный, не так заметен, как белый.

Возможно, что не так, но очередь по стеклам тут же прилетела, хотя засада была с другой стороны. Звук тот же, что и у остальных трещоток, это я слышу.

Мы с Тимуром пригибаемся не сговариваясь.

- В сортир давай тащи обоих! Ногу второму береги - не гни зря!

- А ты что?

Так я тебе и сказал! Я и сам не знаю. Но огнем ответить надо, а то осмелеют - подойдут к окну, а их тут два здоровенных окошка - и не факт, что успею их обидеть. Пули прошли высокогато - снизу стреляли. Так, а я вбок и очередь туда! И в сторону.

Ага, а там один сукин сын. И тарахтелка у него послабее моего АК. А поиграем. Или не стоит - второй может ждет именно такого решения - и подловит меня, пока я первого ловлю? Сколько их вообще было? Пока на вытянутых вверх руках автомат - а сам сию ниже, еще очередь, ориентируясь на приблизительную траекторию вражеских пуль - прямая от дырок в наружном стекле, внутреннем и щербин в стене.

- Иди ты на хер, сопляк! - рычит както воюще раненый.

- Он не дается - жалобно взывает Тимур.

Хоть порвись. Особенно если учесть, что автомат щелкнул - рожок пустой. Куда я лифчик кинул? Оппонент что-то не стреляет. Где лифчик? Нашарил сумку, куртку, каска загремела по полу, лифчик сволоочь пропал.

- Чего ждешь, дави его, гада, один он - воеет раненый.

- Разгрузку найти не могу, а рожок пустой!

Не успевает раненый высказать в звуке все, что он думает на тему магазинов, докторишек и штатских уебков, а я уже вижу свою разгрузку. Отлично вижу. В деталях.

Сам удивляюсь - с чего такой праздник - прямо светлый день наступил. А это нифига не день, это мы еще глубже продвинулись в кишечнике. Звук битой бутылки и громкое ффух - и тут же свет... бутылку с бензином в нас швырнули, да не попали в окно, выше шмякнулась - вот бензин снаружи и горит. Не знаю - видно ли нас, но врага я точно не вижу сквозь огонь.

Лопается стекло, сыплется вниз.

Выдергиваю из лифчика магазин, меняю. В голову приходит повалить на пол обшарпанный шкаф - боком. Так он прикроет нас от наблюдения из окна. Створка распаивается, бьет больно по ноге, в пустом шкафу какието унылые тряпки, о, вот свезло - палка для вешалок - сгодится как шина. И тряпки эти сраные - тоже.

Раненый полулежит в тесном коридорчике, Тимур вертит головой, сидя рядом и воинственно держа стволom вверх пакистанский ТТ. Да, ногато у раненого не нравится мне совсем - она искривлена в самом неподходящем для нас месте - и я вижу, что тут у нас травматический огнестрельный перелом бедренной кости. От счастья! В тесном совмещенном санузле мешком лежит другой раненый.

- Тимур - этого раненого с пола перевали в ванну.
- И унитаза выломай! - неожиданно заявляет между столами раненый.
- Ты чего, земля - унитаэто тебе чем помешал? Мы ж в говнах потонем?
- Делай! Не спорь, придурок, делай! Выкинь его нах!

Лопаются еще пара стекол. Трещит очередь нашего оппонента снаружи, пули хлопают о стенку, на улице тоже трескотня и бахает дважды наш стрелок. Я за это время ухитрюсь отломать кусок деревянного плинтуса - как раз между здоровенных гвоздей, которыми когдато его приколотили, и, изрядно потев от четкого осознания первого в жизни наложения примитивных шин на перелом бедра, да еще и в одиночку - положеното втроем, приматываю осторожно ногу тряпками к импровизированным шинам. И по длине - шина должна быть от подмышечной впадины, но у меня нет такой палки раз, а два - не влезет он в санузел при такой шине. А прятаться ему можно только там - отчетливо прет дымом и его серая пелена ползет над нами постоянно и очень быстро сгущаясь и приближаясь к нам.

- Две минуты - отчетливо говорит раненый.
- Что?
- Пожар в квартире - за пять минут все горит. У нас - две минуты.
- Что делатьто?
- В сортире отсиживаться. Ремер не бросит! Продержаться надо!

Тимур наконец с хрустом выламывает унитаз. Растерянно смотрит на нас.

- Выкинь его нахрен! - рывкает раненый.
- Он грязный! - возражает парень, брезгливо глядя на древний фаянс. Белоручка выпрямляется в санузле, его голова скрывается в серой пелене дыма и тут же Тимур приседает, надсадно кашляя - хапнул дыма на вдохе.

- Выкидывай нахер, идиот, потом отмоешься! Иначе сдохнем тут все, и никто нас мыть не будет!

Швыряю белоручке какуюто мерзкую тряпку - если это и было женским платьем, то очень давно - и он, обрадованный этим компромиссом со своим чистоплюйством, заматывает унитаз тряпкой и вышвыривает сверток в комнату.

- Ногу не приматывай! - останавливает меня раненый, когда я пытаюсь примотать больную ногу к здоровой.

- Хуже будет!
- Вряд ли, а мне рабочая нога нужна. Давай в сортир тащи!

Дым заметно опустился ниже, теперь чтоб дышать - надо стоять на четвереньках. И жарко стало очень.

Тимур ухватившись за подмышки тянет бойца в санузел, я как могу стараюсь, чтоб

раненая нога поменьше шевелилась - в первобытном обществе кинжалами и копьями из острых отломков костей даже мамонтов с носорогами убивали, а тут у раненого в бедре - пучок таких костяных ножей и кинжалов - и все они уже воткнуты ему в живое мясо, а рядышком там - сосуды и нервы. В самом лучшем случае при переломе бедра - кровопотеря поллитра сразу, а тут и до трех литров легко может быть. Все, втащили!

- Дверь закрывай! - продолжает командовать раненый.

Нет, не пойдет - я после своего стремительного стриптиза как голый - а все мое разбросано там, где горит. Поспешно, на четвереньках под дымом проскакиваю эти пару метров грязнучего пола - хватаю, что подворачивается под руку - сверкнувший в глаза брелок со связкой ключей, распластанную по полу куртку и распаханную сумку. Лицо печет нестерпимо, все вроде забрал, бегом на четвереньках назад, в сортир...

Хлопаем дверью. В тусклом свете фонарика, который боец выудил откуда-то из своих карманов можно оценить обстановку. Паршивая обстановка, если честно. Под дверью - щель в два пальца светит красным и отчетливо ползет нежный пока волнистый дымок.

В санузле задымлено весьма густо, а у меня еще этот молчун в ванной скрючившийся.

- Марлю, марлю намочи! Дышать через мокрую марлю! - требовательно кашляет снизу раненый.

- У меня только спирт и йод! - огрызаюсь в ответ, хотя чувствую, что он прав - в гортани как перцем сыпанули и гнусно щекочет в груди - бронхи реагируют на дым, сейчас начнут бороться.

- Моча у тебя есть и у твоего барчука! Или вон кран открой - может, еще вода в стояке осталась! Да чем хочешь кхекхекхекх мочи!

- Кхы - кхы, Тимур, кхы, делай, что слышал - марля в сумке - кран сам видишь где! Фонарем сюда свети. Слышь, кхы, эй на полу - мне свет нужен с раненым разбираться!

- Кхе, а чо корячиться, все равно сдохнем!

Слышу звук полновесной затрешины и одновременно оханье Тимура и стон пошевелившегося резко раненого.

- Делай, мозг целлюлитный, не умствуй - тогда живы будем, кхекхе - кхе, не такое видали! Делай, давай, давай, шевелись! И не там дыши, дурик, сюда дыши из дырки! Меня подвинь, не дотянуться мне!

- Ты о чем там бредишь? Кхыкхыкхы...

- В канализации сейчас воздух чище, чем тут. Им дышать можно. Из этой унитазной дырки. Во, видишь, я не кашляю уже. Чем выше - тем дымнее, закон. Снизу дыши!

- Сейчас стошнит! - чуть не плачет Тимур. Городской культурный мальчик, а тут такое...

- Я тебе сблую, сосунок! Дыши, давай, не ссы, прорвемся! Медик, у тебя в куртке что ценного?

- Много всего, кхекхекхекхе.

- Я сейчас все выгребаю, слышь - надо щель внизу заткнуть под дверью.

- Рация у меня там кхекхекхекхе! И патроны!

- Принято! Эй, пацан, маски с марли мокрой сделал?

- Вот.

- Вода осталась?

- Нет, мало было.

А кашлятьто они перестали, точно! Приседаю рядом с ними, чувствую, что из грязной круглой дырки в полу бьет холодная струя дурно пахнущего, но куда как лучшего для дыхания воздуха, чем тот, что у нас тут выше пояса. Ято был уверен, что стоит сковырнуть унитаз и нас тут фекалиями зальет, а оно вишь как. Значит, не врал мне мой дружок, что крысы бывает, из унитазов вылезают.

Моя многострадальная куртка с вывернутыми пустыми карманами, пинками запихивается под дверь. Перед этим Тимур, явно стесняясь, еще и мочится на нее под грозные понукания лежащего пациента.

Становится темнее, но явно - дышать легче. Мокрая марля в несколько слоев тоже службу сослужила - уже не давимся изнуряющим кашлем. А так - чутьчуть деликатно покашливаем. Перевязать свою рану боец не дает, требует, чтобы я его дружка сначала осмотрел. Ну, с этим я спорить не буду - все равно самая кровопотеря у него - внутренняя, лежал он довольно долго и на лестнице и в коридоре - и натекло под ним немного.

- Слышь, молодой, сообрази попить - требует снизу боец.

- Откуда я тебе возьму? - удивляется Тимур.

- Бачок видишь? Наверху - на стенке приколочен? Вот из него.

А ведь и впрямь. Тут же квартира старая, бачок еще древнего образца, с грязной ручкой на цепочке...

Вздрагиваем - совсем рядом, буквально за дверью, начинается оголтелая пальба - хаотическая и нелепая.

- Это слышь еще что за нах? - удивляется встревоженный боец.

- Нне знаю... Там сейчас так горит, что разве что Терминатор может ходить.

- Фигня, Терминатор - плагиат и фантастика. Ты там патронов не оставил?

- Вот ведь! Разгрузку забыл забрать... Два рожка, ИПП, фальшфайер, еще по мелочам...

- Цельный гусь, четверть белого вина - в тон поддразнивает раненый - гранат у тебя там не было?

- Нет, не было.

- И правильно. Таким только гранаты дай! Что с Молчуном?

- Это твоего дружка прозвище?

- Не поверишь - фамилия. Что с ним?

С Молчуном - плохо. Я стянул с него его разгрузку - странно легкую, как мог убрал куртку, потом поменял перчатки на чистые - и тут же измазал их в крови. Влетело в человека густо - точно не разберешь при таком свете, да он еще и одетый - но пробита рука минимум в двух местах, плечо - и по крепитации - похрустыванию отломанных косточек при движении - разбито плечо. Но это не страшно, страшно то, что и в живот ему прилетело, точно могу сказать, что два ранения в брюшную полость есть. А может и больше - сидящего в маленькой ванне при полудохлом свете севшего фонарика осматривать непросто. С другой стороны, хоть и случайно, но такая поза ему при ранениях в живот как раз самое то.

Перевязываю раны, вешаю ему на лицо маску, невзначай как бы туром бинта приматываю челюсть. Молчун дышит, но что-то сомневаюсь я в хорошем исходе. Хотел бы ошибаться, но дыхание у него агональное... В сумке у меня одна лягушка с кровезаменителем. Решаю ее поставить под раненого в бедро.

- Земляк, раз ты такой опытный - сколько эта дверь гореть будет?

- Полчаса, не меньше. Квартира богатая? Хлама много? - задает странные вопросы раненый.

- Нет, скорее нищая. По опыту - алкоголики тут жили. И запах характерный.

- Это здорово - откровенно радуется боец.

- С чего это?

- Слышь, ты сам подумай - нищая квартира - гореть нечему. Богатая - хороший погребальный костер. Чем богаче - тем погребальный костер круче. Понимэ?

- Ну. Будем надеяться на вашего командира.

- А ваш хитрован куда делся?

- Я не знаю. Надеюсь, что жив.

Говорить не тает. Во рту щиплет после того, как я его спиртом полоскал. Поневоле вспоминается, как Портенко вляпался.

Был у нас как раз цикл занятий по венерическим болезням. Разумеется - в КВД. Мы страшно завидовали параллельной группе - наш препод был нудным, академичным и даже такие пикантные темы, как гонорея и сифилис, разбирал сухо и дотошно, что у нас вызывало дремоту и зевоту. А вот у наших соседей преподаватель - плотный, пожилой, с щетинистой

башкой, подвижный и крепкий, как лесной кабан, своим грубоватым чувством юмора делал из занятий запоминающиеся представления. Не говорю уж о том, что и больных им показано было втрое больше, чем нам.

Видно ему стало нас жаль, и он ворвался в нашу учебную комнату, где уже все мухи передохли, и чуть не силком выволок нашего зануду и нас тоже на «свежайший классический сифилис». Мы с радостью проскочили до смотровой, где как раз снимала с себя весьма элегантную одежду очень красивая молодая женщина. Мы чуток опоздали на стриптиз, она как раз сматывала чулки-сетки, а пояс и прочее уже висели на стуле.

Тут почемуто заахали наши девчонки - оказалось, что студент Портенко из моей группы вынул глаза по девять копеек, остолбенел и побелел лицом, как бледная поганка. Когда к нему подступились и стали трясти, щипать и тереть уши - он вынырнул из глубин своего ужаса и возопил нечленораздельное.

Выяснилось в итоге, что на перерыве, будучи заядлым курякой, бедным студентом и редкой скаредой одновременно, Портенко выскочил на лестницу, заметил там роскошную фемину и попросил докурить окурок опять же какойто офигительной сигареты. С наслаждением употребил дармовщину - и вот наблюдает щедрую даму в дезабилье, да еще и с диагнозом первичного сифилиса на устах. У красавицы и впрямь был маленький типовой твердый шанкр на губе, точнее - на красной кайме губы, неплохо замаскированный косметикой.

Некоторое время Портенко суматошно дезинфицировали всем, чем можно и кабанпреподаватель в этом принял деятельнейшее участие. В том числе Портенко полоскал пасть спиртом, причем так рьяно, что неделю потом обожженная слизистая отваливалась у него лоскутами. Он страдал, а все потешались. Теперь уверен, что со стороны кабана имело место одновременно и успешное вколачивание в наши головы постулата - не тяни все что попало в рот, тем более в больницу.

С удивлением обнаруживаю, что не слышу стрельбы. Шумит огонь за дверью, потрескивает что-то, мелодично сыплются стекла (наверное и на втором этаже полопались) - но стрельбы нет. Вообще.

- Слышь, медицина, я оглох или пальбы нет? - доносится с пола.

- Я тоже не слышу - отзывается Тимур.

- Молодой! Помоги достать отсюда... Да осторожнее, зараза! И давай за водой лезь!

- Готт - Копылу. Готт - Копылу...

Снизу доносится искаженный рацией голос - помоему, узнаю Ремера.

- Уф! Обстановка?

- Сносная. Что снаружи?

- Порядок. Вы где?

- В заднице. Жилуха горит.

- Понял. Будем думать.

- Понял. Ждем.

Каюсь, связал я Молчуну ноги и руки. Лягушку пристроил другому. От промедола раненый не отказался, но колоть мне не дал, ампулу прибрал себе в карман. Интересное кино.

- Я себе уже вколол. Было у нас с собой.

- Неплохо живете, однако.

Рация опять оживает.

- Копыл - Готту.

- Слушаю.

- Этот хитрый - не могу его понять вообще. Он порусски говорит или на своем толкует?

Раненый, не отрываясь от рации, спрашивает: «Твоего приятеля не понять. Он вроде ж порусски говорил?»

- Ну, говорил. Но он вообще полиглот.

- Давай, связывайся с ним.

Наверное, от испуга - но мне удастся вызвать Ильяса сразу.

И он сразу отзывается, злым неприятным голосом:

- Еехахые ухахи! Э хохихаюх!

- Друг, что с тобой? Ты покаковски говоришь?

- Ххахухххх! Хухы хыхыххо! Хехеххнихе!

Убедительно говорит, знакомо так выходит. Я ж не буду толковать ребятам, что после очередной идиотской рекламы убогого пива «Блинское» - там где мудила на танцполе с размаху засаживает себе бутылку с «Блинским» в пасть и изображает, пия из нее, трубачапионера сразу же по городу прокатилась волна одинаковых травм - подражатели есно засаживали спьяну себе бутылкой в зубы и передние зубы ломались и вылетали. Вот именно как Ильяс они и говорили при осмотре. Ну и педиатрическая практика конечно тут в помощь, наслушался фефектов фикции от фефочек.

- Я тебе сочувствую. Все понял. Говоришь порусски, выбило передние зубы, эти оханные чудачки тебя не понимают. Я тебя понимаю.

Совершенно предсказуемо присутствующие хренуют. Так рождаются легенды.

Так, где моя тога Скромного, но Великого? Да за дверью, где ж еще.

- Я могу говорить?

- Аха! Ох!

- Сидим в сортире горячей квартиры. Сами не вылезем.

- Хехы?

- Мы с новеньким - совершенно. Двое как Вовка второго января.

- Хэ Хеххеее?

- Кэп гдето наверху.

Дальнейшая тирада не поддается описанию, но я легко понимаю, что речь идет о том, что пожарной команды у Ильяса в кармане нет. И за пазухой - тоже.

- В пределах видимости магазин. Машины опять же. Должны быть огнетушители - говорит Ремер.

Перевожу ответ Ильяса, который не в восторге от предложенного и требует, чтобы Ремер спустился к нему на помощь, а не сидел там, как горный орел. Ремер сообщает, что изза горячей внизу квартиры вылезти не лестницу невозможно и он сам отсиживается в квартире наверху. Не уверен, что ответную тираду надо переводить, но все же перевожу.

Капитан тут же отзывается:

- Не переживай так. Там в магазине справа стоял здоровенный огнетушитель на тележке с колесиками. Точно помню. Этот магазинчик поджигали пару раз, вот хозяин и разошелся. Я тебя прикрою туда и оттуда - заявляет капитан с верхотуры.

Я опять сомневаюсь, стоит ли переводить ответ нашего снайпера, но Ремер отвечает, что он на этот раз все понял, но не вполне согласен со сказанным в запале и раздражении. Но прикрывать все же будет, чисто на всякий случай.

- Ххоохх! - раздается из моей рации.

- Ох, чертей тебе струганных в ботинки! - злобно рычит на неловко повернувшегося салобона раненый.

- Земеля - наш морфа засек - перевожу я.

- Я слышу - отзывается из рации раненого Ремер - где морф, не вижу!

- Хайееху, ха хехе хеех!

- Скажи - наверху, на стене ползет!

Тут же доносится пальба - несколько одиночных, потом очередь.

- Хихех хахехху! - удовлетворенно заявляет снайпер.

- Пипец котенку! - уверенно перевожу.

- Это я понял - отзывается раненый.

Чем дальше, тем больше, мне это напоминает допрос умирающего албанца в старой, но прекрасной кинокомедии «Великолепный» с Бельмондо в главной роли. Тем более что мы все тут сидящие покашливаем всетаки.

Тимур ухитряется набрать воду из бачка в кепи. Луч фонарика показывает, что она бурая из-за взбаламученной ржавчины. Пытаюсь протестовать, но раненый с видимым наслаждением длинными глотками высасывает всю эту бурду.

- Слышь, медицина, не переживай, железо в организме полезно.

- Ага, типо штыка в заднице! - огрызаюсь в ответ.

- Не, медицина, штык в заднице - это передоз.

Рация опять оживает.

- Хиххеххай! Ыху! - выдает где-то рядом шляющийся снайпер.

- Прикрывай, иду - перевожу я.

- Идет, прикрывай! - повторяет лежащий на полу боец.

Начинают бахать одиночные сверху. Потом вроде сквозь треск огня слышу поблизости лязгающие щелчки - вот спорить готов, что это ПБ работает. Стрельба сверху заканчивается.

- Я пустой - говорит голос Ремера.

- Хоч хаехиххь! - отзывается Ильяс. Дышит тяжело, как загнанная лошадь.

- Слышу, понял. Не согласен, но все равно - пустой - отвечает капитан.

Спохватываюсь, начинаю суетиться, прошу Тимура дозарядить магазин к ТТ, себе расстегиваю кобуру, прикидываю, как тащить раненых - из прихожей уже доносится достаточно мощное шипение.

Потом голос Ильяса - и в рации и за дверью выдает дуэтом:

- Хыхо ха хыхоох!

Жар за открытой дверью такой, что сразу же начинает вонять паленой шерстью и волосы трещат. Чуть не ползком премся по расплавленному вонючему линолеуму, тот липнет к одежде и жжется. Раненого, с накрытым мокрой рыжей марлей лицом, сначала пытаемся тащить аккуратно, но потом просто волокем, абы как, тем более, что в узком и тесном коридоре приходится еще и огибать здоровенный красный баллон огнетушителя на колесиках. На лестнице вроде бы чуть похолоднее, но не намного. Раненый без сознания, не вышло у нас аккуратно его по коридору протащить, ну ладно, только оставить его одного нельзя - в дверь подъезда уже лезет зомби - толстая рыхлая неповоротливая тетка.

- Давай, держи дверь! Не забывай патроны подзаряжать! Я за вторым!

Тимур кивает, дескать, понял. Стреляет.

Ильяс уже откатился в прихожую.

Продолжает поливать струей ледяной углекислоты перед собой и очень похоже - собирается вон из квартиры. Но там - второй раненый. Снайпер весьма выразительно говорит о перспективах Молчуна, но я прошу обдать меня струей - холодом припекает не хуже, чем огнем и попластунски сигаю до сортира. Фонарик дохнет очень невовремя, теряю секунды, выдергивая свой брелок - и вижу, что зря корячился - раненый в ванне помер. На всякий случай проверяю, как положено, вижу, что да, все.

Подхватываю с пола забытый автомат эвакуированного, напяливаю на скурчавившиеся от жара волосы мокрую кепку с остатками жижи, которая тут же течет за шиворот, потом выдергиваю изпод сидящего в ванной куртку - и он, словно разбуженный этим, начинает ворочаться. Закидываю всякие мелочи в распахнутую сумку, не теряя обратившегося из вида, коекак прилаживаю на себя его полупустую разгрузку.

Ну, со связанными руками ему встать непросто будет, черт с ним, не мешает, куртку на голову и в жаровню. Я ощущаю себя почти курицей гриль - даже через ботинки печет, хотя Ильяс честно поливает и по мне шипящей белой струей.

- Умер!

- Хахахий хе хуххаху!

- Все, все понял, долой отсюда!

С огромным облегчением закрываем дверь на площадку. Уфф!

- Теперь куда?

Молодой снова начинает стрелять. Волнуется, лепит по три патрона подряд.

Ильяс задумывается. Вблизи его физиономия выглядит жутковато - он успел осунуться

за это время, глаза провалились, скулы вылезли, нос и губы разбиты и густо окровавлены, вспухли как у негра, рот страдальчески полуоткрыт, и я успеваю отметить, что двух передних нижних зубов и в помине нет, а верхние поломаны и из одного красной короткой ниточкой висит голый нерв...

- Хаххооны хесь?

- Рожок. И к пистолету.

Удивленно смотрит.

- Разгрузка сгорела.

Качает головой. Ну, если не вся укоризна мира, то добрая половина вместилась. Тычет пальцем в сторону, не то автобус имеет в виду, не то другой подъезд. Ладно, мое дело раненого тащить. Ильяс тем временем бесцеремонно отщелкивает от моего автомата магазин, забирает его себе, потом выдергивает из обвисшей на спущенном, словно у дембеля, ремне кобуры тяжеленький пистолетный магазин, мне сует свой пустой.

Тимур снова стреляет и уже не делает долгих перерывов. Света становится меньше - видно, буханка догорает.

Паршиво то, что настроение погибельное. Это самое гнусное, моральная настроенность - великая вещь. Мы же выглядим как солдаты разгромленной армии.

Нет, я, конечно, признаю, что мы собственно из задницы выбрались, только вот находимся в соответствующем после покидания этой части тела виде. И я себя ловлю на мысли, что нам не справиться с зомби. Их, небось, у буханки собралась толпа, налюбуются - попрут к нам. А у нас насчет патронов - ноль, да хрен вдоль. И не пойму - почему не прибыла кавалерия изза холмов - скажем наша охотничья команда на бронетехнике с флагами.

Чем бы себя подбодрить? Ну, чтоб порвать врага на голом энтузиазме. Тут ведь любое годится. Даже прямое заблуждение, лишь бы на пользу пошло. Вон, во время обороны Севастополя наших уже почти опрокинули в одном из сражений - и чтоб совсем разгромить бросили на русских элитные войска - зуавов. А наши спросту приняли французских зуавов за турок - шаровары такие же красные и широкие. Ну а турок всегда били, дело привычное, потому вломили и зуавам. Так что моральное состояние войск - очень важный фактор. У нас этот фактор сильно упал...

Тимур опять стреляет. Здесь на лестнице это потише, чем в квартире звучит. Но мысль о том, что еще два патрона в минус - опять же не веселит.

Попарились девушки замечательно. Вера продержалась недолго, убежала в предбанник остывать, а Ирка отвела душу. Вместе с банной негой както пришло умиротворенное спокойствие и мысли выстроились в ряд, хотя она и не думала вообще. Само получилось, как у Менделеева с водкой. Или с таблицей периодических элементов? Неважно, черт с ним с Менделеевым.

Домывались уже вместе. Вера щедро тратила воду и задумавшаяся Ирка слегка лопухнулась, посоветовав не сливать на себя все, а оставить в котле - скотину напоить... Ну, или чтоб котел не лопнул от перегрева - тут же поправились она.

Впрочем, Вера никак не это не отреагировала.

В свою очередь она, разумеется, тоже разглядывала свою напарницу и делала свои выводы. Пару лет назад, так уж получилось, что Вера сфотографировалась в эротической фотосессии, попавшись на крючок участия в конкурсе «мисс чего-то там» и где собственно требовалось, как одно из условий представить портфолио, в том числе и с эротикой.

Будучи неглупой девчонкой, Вера достаточно быстро поняла, что этот конкурс - очень мутное разводилово и на бабки, и с более чем темной перспективой. Остался на память портфолио, да воспоминание разговора с толстым пожилым фотографом, который ее снимал.

У него была четкая градация женщин в обнаженном виде и Вере эта градация пришлась по вкусу. Теперь она всегда тут же прикидывала, как выглядит та или иная особа в натуральном виде - голяком, нагишом, голой или обнаженной. У толстяка фотографа было еще две градации - царственно и божественно обнаженной, но эти оценки для посторонних баб, по мнению Веры никак не годились. В конце концов она не занималась фотографией и ей было достаточно просто определить - приятно смотреть на чужое тело или лучше бы закутать это тело в рогожу, или во что там раньше закутывали всякое непотребство.

По этой шкале Ирка, пожалуй, находилась между «голой» и «нагишом». Ну что ж, в этом Вера ее превосходила, а то, что напарница водит машину, имеет мужа и умеет стрелять - в конце концов, не так и важно. Хотя вот насчет мужа...

Муж опять дрых без задних ног. Ирка даже удивилась такой сонливости, но подумала, что это, наверное, из-за ранения. После баньки хотелось поблаженствовать, но расслабляться никак не получалось. Вид битых джипов у входа в дом действовал на нервы и Ирка чуточку передохнув, отправилась к рабам. Еще и этот мертвец у входа...

Разговор вышел коротким и жестким, чего Ирка и сама от себя не ожидала.

В итоге испитой мужичишко с парой помогав стал корячиться с УАЗом, остальные поволокли неудачливых фирмачей к свинарнику.

Колесо, прострелянное картечью, заменили достаточно быстро. А вот с помятым радиатором началась возня. Здоровенный джип новых хозяев жизни оказался к некоторому смущению Ирины китайским, что сильно снизило его ценность в ее глазах.

Поврежденный УАЗ она отогнала к мастерской, залив в битый радиатор воду. Дальше впору было чесать себе затылок, потому как оставить машину в мастерской было чревато - ну как эти засранцы соединят проводки напрямую и угонят агрегат... Витя сам постарался, чтобы УАЗ был максимально простым, чтобы ломаться было нечему и чинить было б проще.

Но вроде как выхода иного не получалось. Ирка решила пойти по другой дорожке и вручила пропойце в знак повышения его статуса самое плюгавое однозарядное ружье из имевшихся. Добавив к нему пяток патронов.

Хозяин мастерской принял оружие вполне равнодушно, и Ирка сильно засомневалась в правильности своего решения. Правда она уже успела прибрать все спиртное, какое только нашли, разбираясь в куче собранного фирмачами барахла, но длительное знакомство с пьющими мужиками вынуждало относиться к ним с предельной осторожностью и подозрением. Насколько этот Валентин успел себе пропить мозги - Ирина не знала.

Хозяин мастерской тем временем закончил осмотр пострадавшей машины и вразвалочку подошел к напряженно ждущей вердикта Ирке. Не любила она автомехаников. Особенно сильно пьющих.

- Починитьто можно, только вот какое дело...

Он с намеком посмотрел на Ирину. Она игнорировала говорящий взгляд, отреагировав недовольным отрывочным: «Да?»

- Полбанки - и все моментом сделаю! - наконец разродился хозяин мастерской.

- И поллитры тебе хватит? - внимательно оглядев этого, как его там... а, Валентина - осведомилась Ирка.

- С походом! - оживленно заблестев припухшими глазками, засуетился мужичишко.

- Нука зайдем в мастерскую, чтоб публика не глазела - заинтриговала его Ирина.

- Да момент. С удово...

Мужичишко поперхнулся, потому что как только они зашли в полутемный амбар мастерской, жесткие и крепкие кулачки сжали ворот его замурзанной куртки, спина больно впечаталась в стенку, а совсем рядом с его глазами злобно засверкали глаза этой сумасшедшей молодухи:

- Знаешь? Как? Укладывать? Линолеум? - и с каждым словом - шмяк об стенку.

- Ты что... ты это пусти. Слушай, ты что?

- Я тебя спросила. Ты знаешь, как укладывать линолеум? Бетон скоблить умеешь?

- Какой бетон, какой линолеум? Ты что, пусти, дышать трудно!

- А я знаю. Сама в папашкиной квартире линолеум меняла. Знаешь почему?

- Да отпусти ты меня, сдурела что ли? - тут Валентин испугался того, что ляпнул. Он пытался хорохориться, когда в деревню явились эти молодые креативщики фирмачи и его избили пару раз так, как до этого не били никогда, да еще и без возможности быстрого анестезирования подручными жидкостями. Девка, которая сейчас трясла его за ворот, как такса крысу, расправилась с фирмачами круто и свирепо и, как успели переговорить друг с другом работники корпорации, сидевшие в его сарае - опасаться ее стоило еще больше, чем молодых отморозков - предшественников. Вроде бы она была с мужем, но мужа подстрелили в самом начале, потому Валентин, видевший, как эта самая деваха возвращалась из лесу, где гонялась за подраненными фирмачами, не сомневался - убить для этой молодухи - просто. И испугался. Вот реально - испугался.

Но Ирка не обратила внимания на его протест. Мерно стучая об стенку перепуганного Валентина, она монотонным злым голосом вбивала ему в сознание фразы, которые он, несмотря на их простоту, воспринимал с трудом.

- Потому я меняла линолеум в папашкиной квартире, что папашка там помер. Соседи спохватились через месяц. Знаешь, что с человеком за месяц зимой в натопленной квартире происходит? Знаешь? Нихрена ты не знаешь, сукота в ботах, нихрена! Течет из человека - и сало, и жижа, и пена. Засыхает и впитывается. Знаешь, как выглядит засохшая кровяная пена в сале? Черная кукла, вздутая на постели поперек - и запах. Знаешь, какой запах? Нихрена не знаешь. Запах, как клей - вязкий, густой, липкий. Знаешь? Куда там! И мне - слышишь - мне - пришлось самой всю квартиру убирать и ремонтировать. Своими руками, потому что мамашка - тоже пьющая была, час поработает - и готова. И папашка был пьющий. И затекло от него под линолеум. Везде затекло. В бетон впиталось. Знаешь почему? Спился папашка, а красивый был мужчина, картинка и мастер на все руки. Только запах от него в памяти и остался. Ты меня понял? Понял, спрашиваю?

- Не, не понял, извиняй, слушай. Ты к чему? А?

Ирка еще жестче впечатала мякнувшего под руками, словно сползающего по стенке хозяина мастерской.

- Мне алкоголик нахрен не нужен. В моей деревне алкоголиков не будет. Убью. Или ты - автомеханик и кузнец - тогда почет тебе с уважением - либо свиньям в радость. И не пытайся финтить. Я на папашке с мамашкой все трюки алконавтские изучила, не пропаришь. Увижу тебя пьяным - пристрелю. Честно.

Валентин почувствовал спинным хребтом - не врет. Пристрелит.

- Я - твоя торпеда. Считаю, что подшил и закодировался. Выпил - помер.

Ирина еще раз долбанула мужичка об стенку.

- Дошло? Угонишь машину - найду по следам. Все ясно? Канистры есть?

- Не, все забрали.

- Ладно, тогда поехали обратно.

В машине очумевший от происшедшего Валентин неожиданно сам для себя спросил:

- А с квартирой то с папашкиной что потом было?

- С квартирой? Когда я все за полгода отремонтировала, оказалось, что папашка по завещанию оставил ее какомуто Бардадыму Будубаевичу. Близкие друзья они, оказывается, были, кто б мог подумать.

- А ты?

- Что я... предупредили золотозубые, чтоб и думать забыла. По документам - хрен проймешь, вроде папашкина подпись. А у них все схвачено и куплено - и у ментов, и в суде... Отчего папашка умер - тоже так и неизвестно... По причине далеко зашедших гнилостных изменений тканей...

Ирка вздохнула и вспомнила все это дикое время, когда от нее на улице шарахались - запах мертвого отца не смывался и не выветривался... А уж в помещениях...

- Так что Валентин - не взыщи. Водка для тебя - амба. По печенке тебе стукнуть, или так обойдемся? - Ирка подпустила в голос задушевности. Вроде - получилось.

Хозяин мастерской предпочел обойтись без стука в печень. И пока сливал из бака УАЗа бензин в канистры и затаскивал их в погреб «замка» - сопел и думал.

Очень не ко времени начинает крутить живот. Вот только этого не хватало. Неужели все так плохо, что у меня наконец начинаются, как говаривала старшая медсестра отделения желудочнокишечных инфекций «месячные монструации»?

Оживает рация раненого в бедро. Голос Ремера интересуется - телится мы или уже отелились? В ответ злобный Ильяс выдает длинную невнятную речугу и кивает мне на рацию. Вскорости обмотанный дымящейся курткой и еще какимито мокрыми тряпками капитан скатывается большим комом вниз, о чем мы слышим заранее - по дороге он чемто пересчитывает прутья перил.

Ну вот, все живые в сборе. Негусто осталось.

Капитан тут же забирает себе с раненого автомат, находит еще пару рожков у того в разгрузке - и не то, чтобы веселеет, а както оживает. Сбрасывает с себя парящее тряпье - шторы вроде из чьейто квартиры.

- Ты и ты - снимаете дверь с петель, организуете вытаскивание раненого, мы с вашим разговорчивым другом прикроем. Патроны у тебя еще есть? - он поворачивается к Ильясу.

Ильяс отвечает своим хуххахуеаханьем.

- Молчан что? - смотрит на меня Ремер.

- Умер. Оставили в ванне.

Хорошо, что створка двери из подъезда узкая и легкая - не носилки, но все же вполне годится. Приматываем раненого теми самыми шторами, что Ремер на себя намотал для проскакивания по задымленной раскаленной лестнице - в пожаре ведь чем выше, тем жарче и находиться на лестнице, когда внизу горит - самоубийство. Вот он и выбил дверь в ближайшую квартиру, переждал, разжился там тряпьем, намочил и тем спасся.

- Большая часть беспокояников еще на нашу машину горящую любуются. Но она уже догорает, так что надо отсюда уносить ноги.

- Куда?

- Выполняй приказы - отвечает мне Ремер.

- Ага. Чтото сегодня твои приказы не в тему. Да и подчиненных у тебя, капитан, не осталось. Ильяс - что делать будем? - раскомандовался блин тут, нафиг, нафиг.

Ну, собственно оно все равно так и вышло, как Ремер бы и сказал - они с Ильясом прикрывают, мы с Тимуром тащим импровизированные носилки. Кто как - а я не удивлен вовсе. Когда идем мимо воткнувшегося в фонарный столб нашего автобуса, Ильяс начинает возбужденно квохтать.

- А ведь действительно, дверито закрыты - удивляется капитан.

Не понимаю, к чему это. Конструкция с раненым неудобна, раненый тяжелый и тяжелеет с каждой минутой, а мы чтото тормозим.

Потом до меня доходит - мы выскочили из автобуса в открытые двери, Ильяс же и открыл - остался в автобусе труп водителя, выжить ему там было никак не возможно - но сейчас двери закрыты. Значит ктото их закрыл. Логично.

- А уехать на этой чертопхайке мы не можем? - с неприкрытой надеждой спрашивает наш салобон.

- Куда? Он же въехал от души, не получится, колесико то вон каким ебуком вывернулось - мрачно отвечает капитан, и мы дергаем дальше, стараясь обходить к счастью очень редких тут мертвяков. Вот у буханки их - точно толпа. За нами увязывается пара дохляков, но идут они с такой же скоростью, как и мы, так что пока охранители воздерживаются от пальбы.

Руки от неудобной ноши устают куда быстрее, чем от нормальных носилок. Все

внимание уходит на то, чтоб не запнуться - а двор захламлен капитально, чего только не валяется, вплоть до мебели. И хорошо бы, чтоб тот стенолаз, которого уже пристрелили, оказался единственным морфом в этом районе. Черт, чуть не упал, зацепившись за раскрытый чемодан с вывалившимся оттуда шматьем. Сзади возмущенно бухтит Тимур.

Ага. Мы уже у подъезда. Парочка прикрывающих проскальзывает вовнутрь, тут же хлопают выстрелы из ПБ - нифига он не бесшумный, он просто гораздо тише, а лязгает достаточно громко. К нам идут несколько зомби, стоявших неподалеку, трое вроде всего.

Нет, четверо, один вон у стенки полулежал, а сейчас начал подниматься. Все, пора в домик.

Дверь в подъезд закрываю с несказанным облегчением.

Квартира на третьем этаже - хозяйева тут были, но мы их оттащили на лестницу - пожилая пара, пенсионеры видно.

Раненого уже привычно размещаем в санузле. Почемуто это помещение кажется самым безопасным. Места остается еще для одного человека - и остается молодой. Помоему он здорово опасается, что мы его там и оставим, а сами улепетнем - но заботливость Ремера по отношению к последнему из его группы и наставительное хахеахуание Ильяс, пытающегося втолковать салабону, что надо делать - немного успокаивают нашего новичка.

Я заглядываю в комнату и чуть не хрюпаюсь башкой об пол - какаято круглая фигня раскатилась под башмаком, чудом не убили. Оказывается - на полу рассыпано два десятка стеариновых свечей. Вот это - замечательно, очень к месту. Во всяком случае - мне так кажется, работать с раненым при освещении десятком свечек - куда как приятнее. Да и пришедший в себя раненый отмечает это. А я отмечаю, что перешел парень из первой стадии шока в торпидную.

Можно перевести дух. Только ненадолго - я уже понял, что мы остались без связи и потому вызвать на себя помощь не можем. Ильяс видно надеялся на легкую и вкусную халтурку и потому не потащил с нами ботанасвязиста, а рация Ремера так и осталась в сгоревшей машине. Значит, надо выкручиваться самим.

Прикидываю, что у меня в наличии один патрон в калаше, обойма в пистолете - да в «Малыше» пяток патронов. О, а в сумке находится еще пара пачек к пистолету. Спрашиваю Тимура - что у него. У него - шесть патронов. Нет, определенно с пакистанским ТТ какаято чертовщина творится - как ни доходит до него дело - так в нем шесть патронов.

Стрелки прикидывают, что у них. Кошачьи слезы получают. По паре магазинов на ствол. Ильяс еще находит у себя несколько самоделокзачинок. Грустно хыкает.

Перетряхиваем все карманы. В стыренной мной у Молчуна разгрузке - три пустых магазина к его «Валу» и один полный. Толкуто от этого - сам «Вал» неведомо где.

- Тимур, ты когда Молчуна из автобуса тянул - автомат его с собой взял? - спрашиваю напарника.

- Нет, я его даже и не видел.

- Ясно, значит, ствол там так и лежит.

- Это хорошо? - осведомляется новичок.

- А черт его знает. Бесшумка вещь хорошая, только патронов шиш. Два магазина - это для киллера хорошо, а в нашем положении...

- В автобусе рация должна быть. Только мне, судя по засаде на мою группу, лучше не отвечивать - мрачно говорит Ремер.

- Хы хохех хоххохь хыхыхь - выдает Ильяс и дергается - видно неосторожно зацепил голый нерв.

- Да, ваши бы тут в самый раз пришились бы...

- Хохли? - спрашивает, тяжело поднимаясь, наш снайпер.

- Хохли - в тон ему отвечает Ремер и тоже встает.

- Я с вами пойду. В три ствола все же легче, если что - говорю им.

Физиономии обоих - что капитана, что нашего командира выражают сильное сомнение в том, что мой третий ствол шибко им поможет, но, тем не менее, явных возражений нет.

Так втроем и выкатываемся. Первый пункт назначения - автобус. Около него уже собралось штук пять зомби - ясно, чувствуют кровинушку от водителя. Ильяс (вот в принципе он нынче у нас Старшой, но не подходит к нему это звание) походя - и словно бы немного рисуясь - снимает их и мы заглядываем в кабину, благо стекла высыпались. Совершенно неожиданно слышим из кабины не то бормотание, не то молитву.

- О, да ты живой? - удивленно-радостно тихонько восклицает капитан.

- Кто здесь? - откликается водитель.

- Как считаешь?

- Вы, да?

- А то кто еще? Ладно, двери открывай!

Я вижу испуганную физиономию водителя - убедился, что это мы. Сильно не высовывается. Наконец передняя дверь открывается. Лезем в салон, Ильяс сшибает увязавшегося за нами мужика в майке и трусах.

То, как уцелел под шквалом пуль водитель становится понятным очень скоро - этот жулище спер два куска брони с завода и устроил себе импровизированную бронеспинку и дверцу защитил тоже. Он успел залечь, видно трепанный хвост, но не доглядел - въехал автобусом в столб, и его прижало мятым железом - очень похоже, что левая нога сломана в голени.

Его рация тоже гавкнулась - висела на уровне головы, а там все в дырах. Короче, связи как не было, так и нет.

- Ху хо? - спрашивает меня Ильяс. Он как это ни странно не слишком огорчился тому, что связи нет. Мне так кажется, что на фоне его грусти по поводу упущенной выгоды остальное не суть и важно.

- Что, оставляем раненых и выбираемся сами?

Отрицательно мотает башкой. Делает успокаивающий жест рукой и стучит пальцем по часам. Показывает шесть пальцев...

Водителя приходится выковыривать долго. Ногу ему сломало и зажало и мне приходится корячиться. Лежа на полу, ставлю опять же какуюто дощечку, фанерку, бинтовую, стараясь зафиксировать голень, потому как точно помню - тащить зажатого в машине без фиксации повреждений нельзя. Да и вообще тащить нельзя. Потом отжимаем мятое железо домкратом, пока получилось - взопрели. Наконец вытащили бедолагу из кабины. По уму надо бы ему еще и шею воротником подстраховать - но делать воротник мне не из чего, а башкой водитель вертит исправно.

Ремер просит отдать ему магазины к «Валу». Ильяс кивает. Отдаю.

Стемнело уже совсем. И буханка догорела.

Подхватив охающего и причитающего водилу на закорки, тащу его под прикрытием в занятую нами квартиру. Раз начальство не шибко переживает - значит, знает, что делает...

Мне поручают дежурить ближние два часа. Вместе с Ремером.

Остальные валяются дрыхать. Ильяс, перед тем как отойти ко сну, выщелкивает из магазина и передает мне пяток патронов к АК. Мол, если морф полезет в окно, ты все равно больше ничего сделать не успеешь.

Утро 12 дня Беды

Судя по всему - прибывший БТР, который осторожно остановился поодаль от разбитого автобуса, не стал для Ильяса неожиданностью. Видно хитрый снайпер все же растолковал нашим ребятам, куда собирается и когда мы не вернулись вовремя - они с утра пораньше прискакали нам на помощь, заодно войдя в радиус действия наших переговоров.

Это подтверждает Вовка. Вчера было не до того, а вот сейчас - очень приятно, что наши снова поблизости. Да еще и на таком железе. Железо, правда, так себе - очень потрепанный семидесятый, да еще и дымит двигателем изрядно.

Самое сложное в нашем отъезде из этого чертова поселка - запихивание раненых в БТР.

С водилой еще куда ни шло, а вот парня с переломом бедра как ни стараемся - а все же немилосердно кантуем, больно ему, да и за ночь он сильно сдал. Прибинтовал я ему больную ногу к здоровой, уже не спорил больше.

Пока я с ним занимаюсь - мужики что-то ожесточенно обсуждают, сидя на броне сверху. Потом зовут меня. В бронетранспортере остается только Серега на пулеметах, да наш новичок, который неожиданно для меня засыпает сном младенца. Салобон, что еще скажешь.

Получается, однако, не слишком радужная ситуация. Группу Ремера его начальство явно списало - да еще и вывело под засаду. Чья засада - неясно, видно, что балбесы, недотумкавшие занять позиции повыше и отрезать нас от дома, да и оружие жидковатое у них было. Хотя - это наш автобус засадникам карты спутал - без раненого - явилась бы пешая группа или на одной машине, справились бы. Что за задачка была у группы - неясно, и говорить об этом капитан категорически не хочет, но, судя по кислому виду Ремера - только сейчас до него дошло - с задания его никто не ждал, то, что его бойцы ухитрились выжить - не было запланировано, слишком уж хорошо подготовлены оказались. А парень, получивший пулю в позвоночник, заставил своего командира искать срочно помощи, нарушая, в общем-то, принятые правила, тем более что про больничку в Кронштадте известно было широко.

Вот тут и мы встряли - когда Ремер кинулся за медициной и наскочил на нашего хитромудрого командира. Видно Ильясу было обещано что-то подобное золотым горам, раз он в это дело вляпался, еще и угнав попавшуюся на глаза санитарную буханку. В итоге группу капитана Ремера стоит считать погибшей в полном составе и помалкивать на эту тему, потому что чужие разборки нам не нужны, а сам капитан явно не рассчитывает победить, кинувшись прямо сейчас разбираться с подлыми предателями.

Мда, непросто у них там...

Ребята наши тоже не слишком афишировали свой выезд - формально «охоткоманда» убыла для проверки важной развединформации. Так что мы побыстрому разберемся с задачкой - и сгрузим раненых как своих, а Ремера пока прикроем. Вояка он дельный, пригодится. Интриган из него явно никакой - и это тоже хорошо. Нам интриганов не надо, мы сами интриганы.

Но он просит задержаться - своих ребят похоронить и разобраться, кто тут засаду устроил. Ильяс морщится, но кивает. Благо патронов в БТР хватает, теперь не на единицы счет идет.

Зомби оказывается не так много, как ночью показалось, сотни полторы всего. Для нескольких стрелков - довольно простая задача, тем более - не шустры тут, обычные.

Для такого дела будят Тимура и, наконец, вручают ему ствол - в БТР две новенькие двустолквертикалки и картечи для них в комплекте. Надо полагать - с того склада, который наши разгружали, пока мы тут болтались. Обидеться он не успевает - приходится в срочном порядке отстреливать зомбаков.

Мы с Ремером вытаскиваем из выгоревшей квартиры Молчуна. Странно, но он еще шевелится, хотя температура там была приличной - и от двери в санузел практически осталась узкая полоска внизу. Упокоить обгорелого приходится мне. Потом тянем страшно пахнущее тело в остов буханки, где еще два таких же жутких черных мертвяка.

Потом Ильяс с ребятами подцепляют на буксир этот гроб на колесах и, скрежеща по асфальту, тащат долой из поселка.

Похоронить, правда не получается - я не даю. Лопата на БТР всего одна, грунт мерзлый, а парень с перебитой бедренной костью вся тяжелеет и тяжелеет. Когда будет возможность и несколько лопат с ломом - вернемся. Капитан, хоть и серьезный вроде человек, обращается к своим товарищам, словно они живы и могут его понимать, извиняется, что не может все сделать полюдски. Ну, они поймут, что Копылу помощь нужна сейчас больше.

Запоминаем место, где оставили жуткую обгорелую железяку с такими же останками.

И едем. В самый последний момент Ремер притаскивает два рюкзака, три ПП «Кедр», одну АКСУ, кучу магазинов и какие-то вещички. А вот машину, на которой прикатили сюда его обидчики - найти ему не удалось.

Меня все-таки разобрало в начале пути. Требую остановиться, благо вокруг безлюдный пустырь. Отбежать далеко не успел, да еще Вовку попросил присмотреть - человек во время такого дела - совершенно незащищен, языка брать в сортире - самое лучшее, а уж когда вокруг зомби и всякая дохлая живность - то и тем паче. Пошлый Вовка глумливо комментирует мои действия и высказывает мысль, что у порядочных людей медвежья болезнь случается вовремя, когда страшно, а вот у всяких тормозов - не пойми когда. Ребята, вылезшие на броню, посмеиваются. Тоже мне шоу нашли. Впрочем, когда служил - загнали нашу часть в Волгоградские степи, холодрыга, снег как пенопласт и ветер гнусный. Я на охране пасусь, дружок мой - писарь из штабного кунга вылез свежего воздуха тяпнуть. Невыспавшийся, как и я, тоже стоим лениво переговариваемся и как положено в нормальном стаде коровьем тупо смотрим на единственное движущееся пятно - мотострелок решил погадить и для того отошел от колонны. И что-то оборачивается и идет, оборачивается и идет. Ну а мы лениво болтаем и смотрим. Единственный двигающийся объект на белой, ровной как стол степи. Потом вдруг писарь фыркнул и тихо толкнул меня в бок. Я стряхнул с себя сонную одурь - гляжу, вокруг уже человек двадцать собралось - и солдаперы, и офицеры, и даже связистки - все кто мимо шел, увидел нас - и все на наш манер на этого мотострелка тарасились, стадный инстинкт, никуда не денешься. Бедняга мотострелок в последний раз обернулся, обреченно махнул рукой и уселся на виду у всех. Толпа словно проснулась от гипноза и, конфузясь, рассосалась.

Вовка, высунувшись из люка, начинает комментировать мои действия, ставит ящик пива против пробки, что я сейчас начну гнусно оскорблять присутствующих, как действием, так и словами.

Огрызаюсь, что это вполне нормальная реакция на страховидную его морду - он с утречка успел перепачкаться в каких-то нигролах.

Что хорошо - вода у него есть, потом мирно умываемся.

Пузо попрежнему крутит, потому приходится сразу же копаться в сумке, переходя в режим паровоза - когда расстройство кишечника, проще всего нажраться активированного угля и пить воду понемногу, но часто. Добавляю себе еще капсулу имодиума. Теперь денек не жрать - и все в норму придет.

Андрей сообщает, что мой братец просил передать - авиетка сегодня летит в час дня.

Мда, ни черта не успею - только-только прибыть. Мы, оказывается, едем сейчас на Ленинский проспект, к станции метро. У начальства появилась инфа, что вроде в метро не все помре, вроде бы и там анклавы уцелевших есть, другое дело, что информация мутная и невнятная. Вот наши и подписались - заскочить, глянуть.

Перед отправлением представили новых - Ремера да Тимура, познакомились. И салобон тут же опять уснул. Я в армии тоже так умел - где сел, там и спишь. Ремер наоборот - занялся делом - в трофейном рюкзаке нашел кучу пачек с патронами, набивает магазины пистолетов-пулеметов. Их неожиданно много - десятка два.

Вспоминаю, что Ильяс ПБ не понадобится в ближайшее время, да и вообще он мой. Мне кажется, что начальство неохотно возвращает мне железяку, но все же возвращает.

Прошу у Ремера патронов. Я же вижу, что у него как раз такие - для ПМ.

Он смотрит на меня, отрицательно качает головой.

Жадная скотина!

Начинаю возбуждаться, он кидает мне пару патронов. Серые покрытые полимером гильзы, немного остроконечные пули. Отлично влезают в обойму.

Но Ремер придвигается поближе и говорит: «Не портить пистоль! Это ж ПэПэО!»

- Они же одинаковые!

- Херов охапка! Повышенная мощность, разбивает ПМ вдрызг. Только для пистолетов-пулеметов, да и вообще патрон грубый. Одно слово - патрон правоохранительных

органов - вот и на донце - ППО написано, видишь.

Вроде вижу. Вынимаю из обоймы чужаков. Хорошо, у ребят оказывается небольшой носимый запасец - четыре пачки к ПМ, забираю себе и доснаряжаюсь. Потом Ильяс, побубнив нечто, что я стараюсь пропустить мимо ушей, но вообщето понимаю - речь идет о страшной потере для нашей группы - о моей разгрузке с магазинами - перекидывает мне свою разгрузку. С царского плеча шуба, подарок офигенный, как же. Только я уверен, что у хитрого командира есть в запасе разгрузка и получше.

К калашу патроны тоже есть, сидим щелкаем. Разгрузка тяжелеет от набитых магазинов, но это очень приятная тяжесть - успел уже убедиться - чем меньше остается патронов, тем больше становится беспокойство.

Ребята рассказывают, что прибрали кучу охотничьих ружей с боеприпасом. В ответ излагаю - как самый болтливый из всех уцелевших - про наши приключения здесь, по возможности опуская все, что касается самого задания и группы Ремера, сугубо с точки зрения штатской шляпы. Водитель автобуса хотя и дремлет вроде - да и должен дремать, я его таки угостил добро, обезболит и успокоил - а все же лишние и чужие уши - я не знаю, как его нанял Ильяс - скорее всего чуж чуженин.

Слушают со вниманием, неожиданно оживление вызывает возвращение пакистанского ТТ.

Ремер, ухмыляясь, показывает нам странную фигню. Пуля воткнута в серую гильзу косо. Откровенно косо.

Удивляемся, зачем он вещь испортил.

Он отвечает: «Патрон правоохранительных органов вещь странная - брак с перекосами пуль, незавальцованным свинцом в пуле и так далее - полно такого. А в ПМ ухитряется при перезарядке встать задом наперед. И на пятьшесть пачек - один - два патрона с браком. Так что портить незачем - и так попорчено».

- А тыто откуда это все знаешь, ты ж не мент?

- По роду службы положено про оружие знать, тут лишних знаний нет и быть не может. А ментов знакомых хватало, много, кто жаловался. У них в ведомстве пистолетов этим патроном угробленных полно.

- А кстати - те, кто на нас напал - не менты случаем были?

- Один - точно в ментовском наряде. Трое других - не пойми кто. Но оружие явно из ментовского арсенала. А что?

- Дык среди людоедов с Завода тоже ментов полно было.

- Слышал, как же. Только тут сказать сложно - публика по интересам скорее разбежалась, не по министерствам. Мое начальство... Тоже людоеды получают, не так формально, но практически то же.

Ремер замолкает, продолжает вставлять серые патрончики с поблескивающими пулями в магазин.

Попытки разобраться - куда мы едем - проваливаются. И меня сморило в итоге.

Разбудили, когда подошли к станции метро. Вовка вывернулся не пойми откуда - видны опять же типовые хрущевки. Я сначала даже подумал, что мы обратно вернулись.

- Это мы где, а?

- У охотничьего магазина «Дуэль».

- Саша, нет такого магазина, а этот называется «Дуплет».

- О, точно Серега, «Дуплет».

Гы, а я ведь в этом магазине бывал. Точноточно. Коллеге зачесалось купить тут нож, а я за компанию поехал. Ну ято к ножам спокойно отношусь, а коллега - сам их и делает, нет, клинки не кует, а вот ручку под свою руку отладить - это его хлебом не корми. А тут он узнал, что в этом магазине полуфабрикатно продаются клинки отдельно, а всякие «сделай сам ручку для ножа» - отдельно. Ну, мы и похряли. Потому как коллега мой если чего захочет - а особенно новый нож купить - то девиз один: «Вынь да положь!»

Нет, я особенно над ним и не глумился. Только с собой таскаю обычный

строительнохозяйственный фискарс, легкий и удобный. Потому если и потерю - не жаль будет, не то, что моему коллеге, любимый дорогуший нож которого булькнул в Ладогу в самый неожиданный момент.

Магазинчик оказался спрятан за развеселейшей раскраски двухэтажным злачным зданьем - вроде бы игорным клубом.

Вошли из проулочка - оказалось, что два этажа в жилой многоэтажке. На первом всякое неинтересное для меня - рыбалка да одежда, а на втором - охота и оружие. Симпатично все так, аккуратно. А дальше понеслось таким образом, что в итоге я потом пошел добывать себе разрешение на травматика - както незаметно втянулся в разговор с продавцом, да еще и коллега стал выбирать себе очередную игрушку после того, как купил набор для очередного ножа. Клинки там и впрямь продавались отдельно и продавец - крепкий, невысокий с немецким ремнем - «готмитунсом» на подтянутом мускулистом пузе так пел славу ножам, что еще немного - и даже я бы соблазнился.

А потом приятель перебирал травматика - и тут даже я както загорелся. Не, я понимаю, что это фигня, особенно сейчас - когда такое кругом, но даже калечный пистолет с убогими поражающими характеристиками вызвал... А вот как это описать - ощущение оружия в ладони? Да никак не опишешь. Как описать ощущение прикосновения к женскому телу? К груди, например? Тут либо человек это в руке держал - тогда поймет сразу. Либо не держал - и тогда хоть тома пиши - не опишешь. Для женщин в основном их большинстве - вообще непонятно, для мужчин - сейчас, пожалуй, тоже. Это ж не бутылка пива.

Но это я отвлекся. Короче говоря, продавцы там оказались непривычно отзывчивыми - и я восчужал. Только не решил сразу - что именно хочу. Спокойный сероглазый продавец убедительно расписал все плюсы и минусы травматиков - и глаза разбежались. Правда, к стыду своему, больше к ним не ездил - далеко очень, потому и терроризировал сотрудников Николаича - ихто магазинчик, хоть и помельче и выбором победнее - был ближе, а я ленивый. И после работы сильно помогало придти в себя - зайти к ним и пообщаться. Вот покупать поперся бы в «Дуплет» - у них цены ниже показались. А я хоть ленивый - но и жадный впридачу.

- Может на крышу забраться? - спрашивает Ремер Ильяса. Ну да, тут же этот игорный клуб - вон лесенка ведет.

Ильяс мотает башкой. Вовка аккуратно пропихивает БТР в проулок и мягко выкатывается на Ленинский проспект.

Серега присвистывает.

Широкий Ленинский проспект забит машинами. Они заполонили и проезжую часть, и газоны и тротуар. Пробка мощнейшая. Как мне видно - в основном легковушки. Но Серега свистит не поэтому, видно про пробку ребята были в курсе, Вовка и вертелся по дворам пробираясь - причина свиста становится мне понятна.

Машины грубо сдвинуты и свалены в кучу какимто дорожным агрегатом - не то грейдером, не то еще чемто таким же мощным, расчищенная таким образом площадка как раз - от того проулка, где магазинчик - до одного из четырех входов на станцию - самого ближнего, покрыта странно знакомым слоем - вижу разрозненные обглоданные кости, лохмотья и неприлично веселенькие цветастые яркие гильзы.

- Похоже, эвакуировались они действительно в метро - замечает повертевший башенкой Серега.

- Зомби мало - говорит Саша, глядящий с другого борта.

- Зомби мало. Шустеров много - поправляет Вовка.

- И пугливые. В момент попрятались, уважают - заканчивает Серега.

- Ну, раз шустриков много, значит, морфов нет.

- Это бабка надвое сказала.

- Охухие хихихе?

Некоторое время присматриваемся все. Нет, на площадке оружия не видно. Стрельба тут была злобная, гильз полно самых разных - но ружей не видно. Вовка специально

подъезжает к лестнице вниз в переход - там то же самое, но опять же - ружья не валяются.

- Похоже, они все стволы пользовали. А у них тут полторы сотни стволов было самое малое. Если кого и потеряли - то все равно стволы утащили.

- А дальше как?

- Черт их знает. Но вообще-то если по уму - может на станции и была толпа зомбаков, то в полста стволов зачистить туповатых новообратившихся - не велика проблема. А даже для шустров в метро без жетона влезть непросто - особенно если двери перекрыть.

- Ну, полторы сотни стрелков так сразу не соберешь - начинаю я, но Серега меня отсекает.

- Не нужно полторы сотни стрелков. Можно меньше - главное, чтобы зарядальщики были - тогда стрелок может быть один на пяток стволов и молотить будет как пулемет. Вся задержка в зарядании, а если заряжает помогала - то скорострельность военная будет.

Тридцать стрелков вполне набрать могли. Особенно если прочухали, что уже не вывезти по поверхности - тогда им дорога одна оставалась - в метро идти пешком, а там по тоннелям. Вполне себе шанс.

Ага. А потом анклавов организовывать и жить под землей двадцать лет, как в модных фэнтези... Свиной разводить, грибы, патроны как деньги использовать...

- Всяко видно, что они туда зашли. И вроде без особых потерь - иначе бы стволы валялись тут. В общем можно докладывать. Ясна картина.

- Ну, я надеюсь, что мы туда в тоннель не полезем? - осторожно спрашиваю я.

- Мы ж не деревянные. Нечего нам там делать. Вот глянуть - что в магазине уцелело - стоит.

- Да вы сдурели, ребята! Они уж точно все уволокли, что смогли! - удивляется Ремер.

- Оружие, боеприпасы, одежду, фонарики, оптику и всякое снаряжение - да, уволокли. Но у них рыбацье снаряжение было неплохое - его они в метро всяко не поперли, не до того им было. Нам в Петропавловке - да хоть и Кронштадте, очень может пригодиться.

- Будем рисковать шкурой изза удочек?

- Гм... А вот ты изза чего шкурой рисковал? Всегда по делу?

Мне кажется, что Ремер очень бы не против дать под зад пихнувшему по больному месту Сереге, но он сдерживается.

- Не вижу особенно угрозы для шкуры. Если в магазине у них никого злобного не осталось - то тут особенно и напасть неоткуда.

- Стенолазы с балконов дома, или с крыши клуба. Прыгуны легко могут быть.

- Не исключено. Но уж больно шустров много. Вряд ли на морфа хватило бы харча.

- Может с торца залезем - там у них аварийный ход?

- И чем железную дверь ломать будешь? Пальцем?

- У нас есть приятный инструмент.

И Саша вытаскивает набор «Юного взломщика», что на Монетном дворе сделали. Тот самый - с гидравликой и придамбасами.

В итоге жадные инстинкты моих компаньонов пересиливают здравый смысл. Правда, пара башенных пулеметов, да ручник, выданный Ремеру, да Ильяс с Андреем... Короче говоря я не завидую тем, кто полезет нас жрать. Хотя бы и стенолаз или там прыгун. Все это хорошо, только вот таскательная сила - опять я да молодые - Саша с новонабранным Тимуром.

Дверь, до которой мы добираемся по металлической лесенке присобаченной прямо к стене, взламывается не без труда. Ремер с пулеметом и Ильяс просачиваются внутрь. Возвращаются быстро. Чисто внутри. И пахнет приятно - пылью, оружейным маслом, никакого ацетона.

К нашему удивлению, в магазине есть свет. Поэтому голые полки и витрины както особенно голы. До неприличия. Магазин пустой, даже с манекенов снято все. Пустые подсобки. Правда, все же рыболовного снаряжения удастся набрать, как и предполагалось, да еще в целости все резиноплюи, травматика и большая часть пневматического оружия -

винтовки отсутствуют, их утащили. А вот пистолеты - на месте, да и пулекшариков достаточно, как и баллончиков с сжатым газом. Еще куча всяких кобур и чехлов, но это, пожалуй, и все. Сейф стоит распахнутый нараспашку. Ворох всяких бумажек на полу.

- Этого нахрена таскать - возмущается Тимур, и я в душе с ним согласен.

- Хаххаех! - покомандирски велит Ильяс. Ну, раз «таскаем», то - «таскаем».

Мало ему этого - он находит еще несколько картонных коробок с искалеченными наганами - сигнальные, шумовые под капсюль жевело. Совсем явная никчемность. Но тащу и их.

За все время пока мы тут корячимся - на улице всего с десятков выстрелов. Несколько зомби вылезли. Не шустров - те как раз попрятались еще тщательнее.

Жалкое мародерство какогото вышло. Ну и зачем нам вся эта чушь? Удочкито ладно, блеснылески, а вся эта псевдооружейная муть?

Спрашиваю сидящего рядом Андрея.

- Пригодится. Особенно для обучения подрастающего поколения. Привыкают пусть к оружию. Пока к такому. Зато не покалечатся. Хотя конечно фигня. Но мы убедились, что коллеги утащили из магазина достаточно, чтобы пробить себе дорогу и продержаться какогото время. Уже хорошо. И ушло их вместе со всякими носильщиками и заряжающими не меньше сотни, а то может и полторы. Это достаточная сила.

Все равно - чтото не верится мне, что у нас под землей громадный подземный лабиринт. Грунт у нас не тот, что в Москве, плывуна много, а это значит - всяких таинственных заброшенных тоннелей и подземных ходов тут нет. Все, что не обслуживается - затопит очень быстро. Как при Собчаке затопило кусок перегона между Лесной и Мужества... Но вообще склады НЗ в метро быть должны... То есть они были раньше, а вот что сейчас - демократизировано ли полностью, или еще нет - никому не ведомо.

- Ты вроде сегодня летишь? - спрашивает меня Андрей.

- Надеюсь, что да.

- Мы тут тебе приданое набрали. Если все в порядке и родителей вывезешь - стоит откупного остающимся старикам в деревне дать. Мы тут приготовили три одностволки ИЖ18 со сменными стволами да патронов мешок. Патроны, правда, не под зомби подготовлены, дисперсанты. И еще всякого - из набора Робинзона - соль, спички, сахар, мука. У Николаича забрать надо, он собирал. А от нас - вот коробка с рыболовной снастью. Рыба там у вас есть?

Несколько секунд тщеславие борется с любопытством, потом падает на обе лопатки, и я спрашиваю про дисперсant. Первый раз такое слышу. Ну, то есть дисперсия, дисперсant у Лема - это я помню, а при чем тут охотничьи патроны?

Оказывается все просто - когда не нужна хорошая кучность - патрон готовят так, чтобы он дробь разбрасывал сильнее - по птице с близи, например, хорошо выходит. Мда, в нашем положении это бесполезняк, а охотиться - вполне пойдет. Такто ИЖ18 годная машина. Я вспоминаю, как мы пользовали «гаубицу» покойного (или пока - беспокойного) Сан Саныча. Выручила она нас тогда.

Вовка тем временем заканчивает вертеть бронетранспортер вправо - влево и мы едем, наконец, по какойто второстепенной - но все же дороге. До меня доходит, что если все срastется - то сегодня я увижу родителей. Обжигает холодом - могу и не увидеть, хотя бы например вылета не будет. А если и будет - то как там сесть? Там же все в снегу. Тутто почистить взлетную полосу не проблема - а там все как есть. Не сядет самолетик. Кидать мешки с оружием и мукой на лету? Представляю, что там на мерзлой земле образуется... Черт, не подумал раньше, а теперь и времени нету. Может еще и хуже быть, но об этом и думать неохота вообще, запретил я себе об этом думать. Все, не думаю. Вообще.

На берегу, где уже развернут временный пункт для переправы, прощаюсь с ребятами - они укатывают на завод, а мне оформлять троих раненых - бюрократия уже корни пустила, поэтому без пропуска в Кронштадт не пустят, как в старые добрые времена. Хорошо еще разрешения на ношение оружия не ввели - а то Ремер отдал мне из своего наследства два

Кедра и полрюкзак патронов и магазинов, предварительно вынув все остальное из кармашков. Бронежилет мне опять всучили, да и каску взамен сгоревшей, так что я скорее похож на легкобронированное военнотранспортное средство типа ишак.

Сгружаю все в кучу под присмотр Ильяс, потом трачу время на выбивание пропуска - публика тут спокойная, тыловая, про нас слышали, но не слишком много.

Меня немного лихорадит - успеть на авиетку надо любой ценой, и я черт вас всех дери - обязательно успею. Правда, когда вижу знакомую морду с кучей пирсинга в губе и тяжелой нижней челюстью, понимаю, что попал серьезно. Не ожидал, что так быстро свидимся с этой чертовой паспортисткой. Даже до 45 лет ждать не пришлось. У Шуки помоему даже глаза блеснули - тоже узнала. «Здравствуйте, девушки!» - как сказал слепой, пошедший с одноглазым приятелем по бабам через темный лес.

Дальше все легко предсказуемо. Она тут главная смены на КПП. Кто б сомневался.

Разумеется, у нее есть Инструкция и она этой Инструкции будет следовать непрерываемо. Мне приходится тащиться в ее кунг - о, неплохо живет скотина и выслушивать длинную и нудную нотацию, что самое противное - крыть мне нечем, она спокойно укрывается за пунктами в принципе вполне вменяемой инструкции. Типичнейший ход бюрократии - вроде все правильно, а по сути издевательство. Мой жалкий писк на тему раненых ее совершенно не убеждает, наоборот, она еще больше торжествует. Да, такие отыграться любят.

Через некоторое время в дверь суется Ильяс и пытается, жалобно воя и стеная, добиться уступок. Видно здорово разобрало парня - жалостно так у него получается. Ну да, мордасия у него совсем страшно раздулась. Глаза аж совсем щелочками стали.

- Согласно пункту номер четыре настоящей инструкции я не имею права пропускать на Кронштадт лиц неизвестных, подозрительных, а также не имеющих документов и поручительств.

- Да кто тут подозрительный? Вы же со мной даже поругаться успели! И поручиться за нас может начальник второго сектора. Вы поймите, у меня тяжелораненый и двое серьезно раненых!

- Вас не помню, лицо у вас незапоминающееся. К тому же я ни с кем не ругаюсь, никогда. А начальник второго сектора как раз прошлым рейсом отбыл и вас опознать не может. К тому же раненые - тоже неизвестно кто. Я полагаю, что мне стоит обратиться к комендантской службе, чтобы вас задержали до выяснения. Кроме того, в соответствии с пунктом два Инструкции в мои обязанности входит тщательная проверка на предмет наличия подозрительных укусов - так что вам надлежит в досмотровой палатке впервых раздеться, вовторых разбинтовать поврежденные места.

- То есть я так понимаю, что вы нас не пропустите?

- Очень бы хотела пропустить - но долг есть долг - высокомерно замечает Шука.

- Хехуа! - горестно мычит Ильяс и начинает колотиться тихонько лбом об стенку кунга.

- Что он говорит? - подозрительно спрашивает меня Шука.

- Если я правильно понял - он считает вас стервой.

- Ах, вот как? И правильно считает. Я - стерва и вы у меня еще наплачетесь!

- Вот прям так?

- Прям так. Вон из моего кунга, я вызываю патрулей, чтобы они вас задержали до опознания!

- Ну, невелика честь быть стервой. Стерва - это к слову падаль. И любят стерв только стервятники. Так что у вас хорошая компания намечается. И когда вы попадете на лечение - а я по цвету кожи вижу, что у вас гепатит есть - тогда убедитесь, что в наших документов пунктов еще больше - отбrehиваюсь я, покидая негостеприимный кунг.

Вдгон она выдает долгую матерную фразу, правда не слишком впечатляющую.

Ильяс кудато делся, верчу головой - не понимаю, как он успел слинять - и замечаю, что меня манит пальцем пожилой мужик с повязкой на рукаве, стоящий за ближайшей палаткой.

- Проблемы? - спрашивает он, когда я подхожу поближе.

- Да вот поругался, было дело, с этой Щукой, теперь отыгрывается, а у меня раненые - толкую я мужику.

- Мормышка она такая - соглашается мужик.

- Ты что звалто?

- Сейчас катерок отправляется - могу вас туда пристроить. Только я видел, у вас всякого добра много - не поделишься?

- Что нужно?

- Нам по одному рожку всего выдали - потому как насчет бронежилета и автомата - с четырьмя обоями?

- Не, броник отчетный, а автомат - тоже. Я тебе его отдам - а сам с чем?

- Тебе в Кронштадт надо или нет?

- Слушай, я сейчас вызову наших ребят из охотничьей команды - убивать они вас не будут кровососов, но вот люлей наваляют - я начинаю искать альтернативные решения.

- Погодь, не возбуждай. Я ж вижу, что тот раненый лежачий не из ваших. Очень тебе надо, чтоб разбирались всерьез? Ты за него отвечать будешь? И прошуто малость - у тебя ж этих автоматов два, и не отчетные они - скорее из трофейных, у вас таких раньше не было.

- Ты про коротышки эти? Про «Кедры»?

- Да я не знаю, как их называют - ну маленькие совсем.

- Ну, ладно, пошли.

Когда мужик хозяйственно прибирает трофей и магазины к нему, появляется Ильяс. Объясняю ему, что нашел решение проблемы, он морщится со страшной силой, потом машет рукой. Грузимся быстро, и корытце отваливает.

Прошу больничных по рации помочь сантранспортом. Обещают, что помогут, а когда выясняют, что перелом бедра - то обещают уже точно.

Ильяс что-то бухтит, из его уханья понимаю, что он нашел не то знакомого, не то земляка и нас бы и без взятки пропустили, а так он вычтет «Кедры» из моих прибытков.

Кстати вот вопрос - а что у меня за прибыли? И как их считает Ильяс? Вот починят ему сусалы - спрошу. Побубнив и облегчив душу, Ильяс подмигивает хитро, отводит меня на корму и достает из кармана довольно солидную женскую косметичку.

Немного туплю - откуда она у него. Потом до меня доходит - явно, бестия, спер в кунге у Щуки.

Когда башкой колотился.

Еще раз подмигивает и роняет косметичку в воду за борт. Страшный человек! Олицетворение Немезиды.

В больнице сдаю с рук всех троих - документальное оформление на себя берет Ильяс, за что я ему благодарен и собираюсь галопом бежать из приемного к Николаичу, но тут меня стопорят четко и жестко.

Ну да, глянув на себя со стороны, понимаю, что такое грязнущее чучело в больницу ни одна санитарка не пропустит - и будет права. Мне выдают какойто линялый синий халат сиротского вида, странные старомодные кожаные тапки с круглыми дырками невнятного орнамента сверху и благосклонно разрешают оставить свое шматье в углу гардероба.

Замечаю, что у меня явно дрожат руки, и во рту пересохло. Времени осталось совсем мало - и возбуждение растет, адреналин захлестывает - мне ж еще до аэродрома добираться. А он черт знает где. И вполне может быть, что и там возникнут какието недотыкомки.

С Николаичем перекидываюсь буквально несколькими словами - и потом таскаю изпод его кровати мешки - оказывается, что кроме трех ружей и патронов, он еще припас некоторые полезные вещи - действительно, соль, сахар, спички, еще что-то, потом новый комплект одежды - мойто первовыданный в магазине Николаича уже частью сгорел, частью в непотребность пришел, почемуто выдает ПМ, патроны к нему, кобуру.

- Получается так, что ПБ ты лучше здесь оставь. Потом заберешь. И вот еще - свой АК оставь тоже. Этот в кабине самолета получше будет.

Врученный складень - АКМС - тоже не новый, но да, действительно поменьше

габаритами. Магазины к нему рыжие, пластиковые, уже набитые. Но свои я разряжаю и забираю патроны с собой.

Навьючиваю все это на себя, с ужасом думаю, что еще внизу груза куча, не ровен час, не влезет в кабину все это, но меня останавливает усмехающийся Николаич.

Действительно, одеться мне стоит тут, не надо кошмарными носками и бельцом потасканным опять коллег пугать. Так поспешно я не переодевался со срочной службы. Наверное, спичка и до половины бы не догорела.

После полета - мне надлежит явиться и отчитаться - что видел. И получить у Николаича же мешок с трофейными видеозаписями - смотреть буду тут, ночью в актовом зале. Это в случае удачного полета. В случае неудачного - тем более явиться. Наскоро прощаюсь и волоку все вниз. Ух, тяжело и рук не хватает!

Коллеги - а их собралось несколько человек на обеденный перерыв - смотрят на меня с интересом. Вот уж не понимаю с чего. Я и такто дико пахну, да еще и взмок как мышь. Оказывается, что они в курсе моей поездки - и сочувствие у них вполне искреннее. Спаси своих родных - для всех понятное дело, а тут еще и налет романтики - авиетка, далекая деревня. Да и вроде не совсем я им уже чужой, как с ехидинкой замечает усатый толстячок - самые интересные клинические случаи притаскиваю. Двусмысленно звучит, чего уж.

Оказывается, тут этих летунов знают как облупленных - они местные, так что знакомых общих хватает, потому у меня есть время перевести дух, выпить чашку чая и перекусить чем найдется. Все равно еще не прибыла машина, на которой меня подбросят - она потом пойдет на форт Риф, а меня по дороге ссадят.

Помимо бутербродов с какойто колбасой вроде докторской и печенья потчуют еще и тем, что интересного было.

Интересного много - но в основном все не так, чтоб веселое. Успешно провели операцию по устранению непроходимости кишечника у гастарбайтера - оказалось ранее никем из присутствующих невиданное - просвет кишки закрыл наглухо клубок аскарид. Справились в итоге, но получается, что еще и гельминтологическую лабораторию придется развивать, первые звоночки. Это ж в Канаду и Австралию, не говоря про Швейцарию, гастарбайтерэмигрант должен был приехать здоровый, со специальностью, коекакими деньгами и обязательно - не имея криминального прошлого, нашим гастарбайтерам можно было приезжать с туберкулезом, гельминтами, и с только криминальной специальностью. Так что много чего расхлебывать придется.

Попытка провести операцию перевода в разумного морфа по «методу Мутабора» завершилась провалом - восьмилетняя девочка с укусом лица не прошла даже двух циклов, в итоге - банальный зомби, беспросветный. Правда и на операцию она попала уже в терминальном состоянии - издалека везли, не успели.

Зато нормально стала работать флюорографическая установка. И с персоналом все срослось. Это отлично - по туберкулезу Питер всегда изрядно отличался, а последние годы у нас эта хворь цвела буйным цветом, да еще и давая формы, устойчивые к отработанным схемам лечения. Но так как болезнь немодная, да еще и сугубо социальная, показывающая серьезное неблагополучие в обществе, то ее особо и не выпячивали. Благо делать это было просто - вот СПИД, гепатит - модные бренды, на борьбу с ними деньги бросать положено во всех демократических странах - ну и мы туда же. В итоге пациенты - а это в основной массе асоциальная публика - имели букет заболеваний, и когда помирали, то смертность записывалась по модным брендам. Интересно получалось - больных туберкулезом стало больше, а помирать от него стали меньше... Но все довольны.

Мне к слову намекают, что неплохо бы пройти на флюшку, провериться. Для медиков - льгота, а проходить обязательно. Я конечно вольный казак. Пока. Но скоро казачество будут прибирать к рукам и дисциплинировать, так что вообще пора бы и о будущем подумать, тем более что после уборки и быстрого ремонта - еще и Госпиталь в работу включится, так что медики будут нужны.

Тут обед заканчивается и коллеги с неохотой, но убывают по своим отделениям.

Намеки достаточно прозрачные прозвучали. Нет, не насчет флюшки, этого как раз сделать надо - не раз убеждался, что эта банальная процедура позволяет много гнусного обнаружить как раз тогда, когда оно еще может быть вылечено, не о флюшке речь. Речь о том, как дальше жить. Кстати намек, что работать мне тут - уже не первый раз слышу. Ну да, работы у коллег сейчас вагон, а дальше еще больше будет. Вон многие отмечали - во время войны вроде как и не болели - а как мир наступил, устаканилось все - болезни как накопленные вылезли.

Допиваю чай, когда зовут - пора, машина прибыла. Водила с усмешкой превосходства смотрит на ком всякого разного,двигающийся к его таратайке, потом замечает меня внутри кома и даже снисходит в помогании при загрузке в машину.

Я успеваю заметить только, что мы пересекли КАД, справа появилось кладбище - а уже и сворачиваем влево. Грозный, побитый погодой старый щит «Стой! Стреляют!» и выкатываемся на аэродром, надо полагать - хотя первое впечатление, что это табор какойто - разношерстные машины, строительные вагончики, в просвете между ними миниатюрный белосиний самолетик, какогото игрушечного вида. Когда вылезаю из машины, вижу, наконец, и взлетную полосу - тут в ее начале как раз все и собралось, дальше пустая полоса с легким снежком.

Народу не очень много, но двое сразу подходят - причем отнюдь не летуны, а обычные мореманы - начинают расспрашивать кто да откуда. Поневоле в голову приходит мысль, что у татар с монголами это дело было поставлено лучше - повесили тебе пайцзу золотую или серебряную - и носись безвозбранно. Или вот вариант - таки документы себе годные выправить.

Водитель подтверждает, что я - это действительно я, помогает вывалить все мое приданое, отчего у старшего патруля - молодого лейтенанта (черт его знает, как он поморскому называется, но звездочек у него на погонах по две) возникает желание восхищенно присвистнуть и спросить: «А где - картонка и маленькая собачонка?». Отмахиваюсь от шутника, прошу присмотреть за грузом - и бегу в направлении, которое он мне указал.

Оказывается, нужный мне летчик находится в учебных классах - в одноэтажном провинциального вида домике, единственном цивильном среди кучки кунгов и стройвагончиков. Окна на домике закрыты свежеприколоченными решетками. Вахтер меня тормозит - но быстро опознает - видно, что меня даже словесно описали, не иначе, и вызывает Колю. Вот с ним мы и полетим.

Летчик Коля оказывается совсем молодым светлорусым симпатичным парнем - с таких раньше плакаты рисовали, прямо образцовый отличник боевой и политической подготовки. Одет элегантно, но както это сидит все на нем - и высокие ботинки, и комбез, и летная куртка - аккуратно, но не попижонски. И сходу выговаривает мне за двадцать три минуты опоздания.

Второй выговор получаю, когда начинаю таскать свое добро.

- Да вы сдурели, что ли? - вежливо спрашивает меня образцовый летчик.

- Ну, может, и сдурел, только самую малость. Мы ж если все благополучно будет - моих родителей заберем - но там же еще люди остаются, в деревне. Вот, значит, чтоб не обижались - подарки.

- А толпа не набежит в самолет набиваться?

- Ну не, там народу раздва и обчелся. Старики.

- А каска зачем? Бронежилет?

- Думал на пол постелить - мало ли, снизу, например, обстреляют.

- Глупости. Михалыч уже машину дополнительно бронировал - кресла и пол, так что жилет ни к чему. А мне еще свой груз размещать, не ради ж вас только рейс. Еще люди есть. Ладно, сейчас мои коробки поставим, потом ваше - что влезет. Пока давайте - каску и бронежилет отдайте охране. И в туалет сходите - все на пятьшесть кило легче лететь будет.

Улыбается. Пошутил, значит.

Когда возвращаюсь - вижу, что мое добро закинута в салон (маленький салон у этого самолётика, четырехместный всего, да и самолётик мацупусенький - метров десять размах крыльев, да в длину метров шесть, игрушечный какойто. Этакая малолитражка с крылышками. Вблизи оказывается, что он не просто белосиний, еще и полосочка красная кокетливая по борту. Поверх моего груза уложено несколько картонных коробок с какимито веревками и вроде как парашютами.

Летчик Коля морщит нос, глядя на багаж, не нравится ему эта куча добра. Решаю умаслить его по старой партизанской методе - идею эту давно вычитал: летчики, возившие в партизанские края всякое добро, в принципе имели все, но вот на боевые трофеи были падки - потому подарок в виде немецкого пистолета или кинжала всегда принимали с удовольствием - они ж вроде как и воевали, и под обстрелом были, но при этом не соприкасались с врагом и потому чувствовали себя чуток некомфортно. А привезенный с собой «Вальтер» или кортик позволял избавиться от такого дискомфорта. И коротышка «Кедр» с патронами оказывает именно такое воздействие. Пилот с удовольствием вертит в руках остро пахнущую горелым порохом машинку. Извинения, что агрегат - с пылу с жару и потому не почищен и не пристрелян - воспринимаются благосклонно и помоему только повышают ценность милицейской пукалки. С сожалением летчик уносит рюкзачок и пистолетпулемет в зеленый армейского вида кунг, явно снятый с какогого грузовика. За кунгом виден древнего вида такой же зеленый автобус, настолько допотопных очертаний, что я не удивился бы, если это трофей с Великой Отечественной. Насколько я понимаю - это пункт управления полетами. Или метеостанция. Или и то и другое. А еще над кунгом вяло трепыхается выцветший флаг ВВС.

- Ладно, пора - говорит вернувшийся пилот, осматривает лыжи - я только сейчас замечаю, что наш агрегат на лыжах - и залезает в кабину. Пристраиваюсь на сидение пассажира.

- Если лыжи не примерзли - взлетим сразу. Но как бы не должны были примерзнуть - бурчит себе под нос летчик. Кабина тесноватая, да и мы не в футболках, зато приборная доска - весьма пошарпанного вида - не пугает кучей приборов. Всяких циферблатов - ну раза в два побольше, чем в автомобилях. Сразу узнаю индикатор топлива. На душе становится както легче, тем более что таких индикаторов аж две штуки, значит топлива у нас достаточно. А еще узнаю, что могу смотреть на время полета - тоже с моей стороны индикатор.

- Пристегнитесь, поехали. И наушники наденьте, может пригодиться.

Летчик пощелкал тумблерами, взялся за рычаг и двигатель заревел весьма внушительно. И винт слился в прозрачный круг. Тронулись и покатали по полоске между двумя зарослями подлеска - неширокая полоса, метров пятьдесят, да и не вся покрыта бетоном, хотя изза снега не поручусь...

Лыжи не примерзли, взлетели както очень быстро и легко. И стало гораздо тише.

Пока гляжу на проваливающуюся вниз землю, вымахиваем на Финский залив. Лихое ощущение, не подумал бы, что понравится - а вот глядика ты... Дурацкое ощущение восторга - и от того, что лечу к своим и от того, что просто лечу, а на таком смешном самолётике это почемуто куда сильнее ощущается, чем на солидных лайнерах.

- Задача такая на этот рейс - в двух точках сбрасываем груз - это рации в коробках, так что там, где обнаружены живые - будете аккуратно коробки с парашютами выгружать - и осторожно, чтоб не зацепилось за стабилизатор парашютом. Потом идем к вашим родителям - вам дам пару часов на сборы - сам сгоняю за Новгород, потом за вами вернусь. Времени у вас нет практически вовсе - потому не сусолить. Раньше успеете - тем лучше, вылетим раньше.

- У вас четыре коробки - показываю я неслыханные познания в математике и недюжинную наблюдательность.

- Так я же не зря мотаться собираюсь. Есть на аэродромах коекакая техника, которую неплохо бы к нам перегнать. Вон в Кречевицах польская Аннушка села - вполне бы нам

пригодилась, да и в Новгородском аэропорту есть что посмотреть. Вот на случай если там кто жив - запас держу.

- В Кречевицах же вояки стоят?

- Уже нет, расформировали. Гражданский аэродром, да чуток военных без техники и оружия... Во всяком случае нам с ними связаться не вышло. А сегодня - глянем, что как.

- А вы как уцелели?

- Повезло. Аэродром на отшибе, никого рядом нет. Мы, не сговариваясь, собрались там. Пара ружей нашлась. Ну и то, что мы там сидели, охраняли самолеты - а через день - уже охрану прислали, и оружия нам добавили. Трех автоматчиков и пару калашей. Так с ними больше проблем оказалось, чем с зомби. С автоматчиками, имею в виду. Они самолет угнать хотели, пока им втолковали, что всей дальности 600 километров... Молодые, глупые. Поменяли потом, легче стало, а то охраны пуще зомби опасались. Конечно повезло... Да к нам и зомби то всего четыре человека за все время пришло. А один хозяин самолета - улетел на второй день. Другой - тоже у него частный самолет - семью у нас оставил. А сам пропал куда-то... Так что сейчас у нас два самолета - дельфинчик да Пайпер.

С той высоты, на которой мы идем, ландшафт становится великолепно сделанным макетом - раньше люди любили возиться с макетами, сейчас компьютеры это дело угробили, но у меня с детства отложилась любовь к качественно сделанным макетам - чтоб каждое бревнышко в доме видно было, черепичка, ватный дымок из труб, деревца, мелкие детали... Вот и сейчас наша таратайка неспешно идет над маленькими домиками, игрушечными машинками, ровными дорожками и человеческими фигурками... Неподвижными человеческими фигурками. И это отнюдь не оловянные солдатики с макетов... Лежащий еще везде снег и голые деревья дополнительно выделяют толпы людей. Или уже нелюдей?

Самолетик скользит над морской президентской резиденцией, сходство местности с отлично сделанным макетом становится полным - да, кстати, когда был тут на экскурсии по Константиновскому дворцу - видел в павильоне именно макет всей этой местности. Мне почемуто казалось, что тут охрана справится с нашествием, но нет, ошибся - ворота настезь, несколько домиков для гостей сгорели - и опять же многомного неподвижных фигурок. И заваленное стоящими впрыток неподвижными машинами в жутчайшей мертвой пробке Петергофское шоссе.

Летчик, покашляв, вдруг спрашивает о том, правда ли, что человек может засунуть себе в рот лампочку, а потом вынуть уже не удастся без врача?

Черт его знает... Мне такие пациенты не попадались, хотя байка известная. Не, я точно знаю, что люди в массе своей способны на самые идиотские поступки. О чем и сообщаю пилоту.

Он интересуется - и что же такого глупого я видал? Совсемсовсем глупого?

Тут сразу и не решишь - чему давать пальму первенства. Вот совсем недавно был клиент, засунувший свой член в горлышко пластиковой бутылки изпод кокаколы. Или глупее тот разведенный красавец, который на тот же орган натянул свое обручальное кольцо? Или клиенты, оставившие отличные коллекции предметов, достанных из носовой полости - или из задницы? На целые стенды хватило. Причем тех, кто с задницей еще можно понять, но вот с чего запихивать себе всякое в нос? Не дети же. Или взять клиентуру брата? Ему постоянно попадали всякие лауреаты премии Дарвина - хоть взять охранника, купившего себе суперский нож и попросившего напарника опробовать этот нож на бронежилете хозяина. Нож оказался хорошим, кевларовый жилет просквозил. Жаль, что хозяин ножа не дотумкал предварительно из своего жилета вылезти... Что-то, а про человеческую глупость лекаря много знают...

Или лаборанта одного из наших закрытых институтов вспомнить? Ему кто-то наплел, что изотоп в кармане брюк дает неслыханную половую мощь. Вот он изотоп стырил, пользуясь бардаком того времени, и неделю старательно его таскал в кармане портков. Поступил с омертвлением тканей бедра и мошонки... Долго помирал, но, надеюсь, пополнил копилку сведений о лучевой болезни, хоть какая-то польза с придурка. Даже подумать

страшно - сколько радиации получили люди, оказавшиеся рядом с этим олухом в том же транспорте...

Авиетка начинает описывать круги, потом летчик удовлетворенно говорит: «Ага, вот эти ребята!» Я тоже вижу внизу несколько человек, размахивающих руками, жиденький костерок, совсем малюсенькую, но явно живую деревушку, не пойми как - но стоящую в лесном массиве.

- Аккуратно открываете дверь, аккуратно спускаете коробку по крылу, следите, чтобы стропы не перепутались и потом так же парашют. Все ясно? Сами не вывалитесь, а то у вас парашюта нет.

Да вроде бы все ясно, дверца - ну совсем автомобильная - открывается с трудом - скорость у нас незначительная, но, в общем - откройте на скорости 150 километров в час дверь в машине - точное ощущение будет. Старательно спроваживаю коробку, дверца чуть руки не отшибла.

Парашют совершенно невыразимых попугайских цветов хотя и явно самодельный, свою задачу выполняет отлично - хлопает и раскрывается. Люди бегут к тому месту, где он сядет на землю. Наша авиетка дает еще кружок, качает крыльями и берет новый курс.

- Они теперь свяжутся - видно будет, что дальше делать. Место удобное - рядом аэродром. Хоть и заброшен - а использовать можно. И поселков рядом нет, потому, наверное, и уцелели. Теперь коров искать будем.

- Каких коров? Настоящих?

- Угу. Стадо откудато успели перегнать, людей там с десяток. А вот коров - куда побольше... Но это нам за Горелово. По дороге Гореловский аэродром глянем.

Многосисечное собрание орденоносного коровьего стада им. Анны Семенович удастся найти после достаточно напряженного поиска - холодно всетаки, животин постарались с открытого воздуха убрать, но, в конце концов, мы их нашли. Второй парашют уже уходит бойчее, приноровился я десант сбрасывать.

Теперь можно начать волноваться - деревню, где находятся мои родители, как это ни странно, Коля знает, причем и сесть рядом возможно - поля там есть в паре километров. Никак не сочетается в моем понимании наша глухомань и авиаразведка. Оказывается - сочетается.

- Когда летаешь - запоминать приходится все места, где можно сесть. Тем более сейчас. Я задержался, работая по Московскому шоссе - пришлось срезать по Новгородским джунглям - ну а деревень там кот наплакал, сплошняком леса и болота. Поневоле все поля будешь запоминать. Ну и перед вылетом естественно сверился.

- И что там, на Московском шоссе?

Коля мрачнеет, молчит.

- На машине проскочить можно?

- Нет. На обычной машине - точно нет. Трассато по деревням и поселкам проложена, как основная улица, зачастую. Обьездов мало да и не везде они есть. Так что картина одинаковая - в поселке пробка, и мертвяки с поселка начинают расползаться по дороге в обе стороны. Я на второй день полетел, насмотрелся. Да и люди пытались по встрече пробку объехать, забивалось все быстро. Я когда летал - еще живые ездили, на четвертый день - все стало. Намертво. Тут же и фуры полно и тяжелых грузовиков, поди растащи...

- Что, даже пустых участков не попадалось? Все забито?

- Нет, были и пустые сравнительно участки. Были. Между поселками. Толку то от них - ЯмИжора - на мосту фуры склепились на велосипеде не проползешь, Ушаки, Жары, Любань - пробки, Жары - еще и горело там все, наверное, цистерна с чем горючим наверху - шлейф дыма был страшный, Чудово наполовину выгорело - и забито было все автомобилями - палец не просунешь, Трегубово, Спасская Полисть - одни мертвяки и машин кучи... Я им пытался выпела сбрасывать - что дескать в поселке уже мертво, уходите куда глаза глядят... Не знаю, может кому и помогло.

- А в Новгороде как?

- В Юрьевом монастыре люди есть живые. А в городе... Плохо все в городе. И кстати - меня там обстрелял кто-то - дырку от пули в крыле привез. После этого Михалыч и поставил куски стального листа на пол да на спинки. Ну и нашими данными начрзведки заинтересовался - оружия добавили, боеприпасов. Но вообще-то нам бы разжиться дополнительно не мешало бы. Ваш брат говорил, что можете помочь. Это так?

- Я думал вам мореплавающие выдали от души стволов.

- С чего бы? Мы им не подчинены напрямую, толку от нас для них не так, чтобы густо. Им интереснее, что там в Балтийске, Североморске, да в Кронштадте, мы так - с боку припека. Да и если честно - оружию в Кронштадте кот наплакал.

- А мобсклады? От Советского Союза же оружия горы остались!

- Да ну? Мы вот уже над четырьмя аэродромами военными прошли - много боевых самолетов и вертолетов видели? И в Кречевицах та же ситуация. Расформировано и распилено. Так что может, где и есть громадные мобсклады - только не у нас под боком.

- Может, просто не знаем?

- Может, и не знаем. Только нам от этого не легче. Вот если в Кречевицах стоит исправная Аннушка - нам самое то ее к рукам прибрать. Местность узнаете?

- На подходах?

- В точности. Расчетное время - минут пять. Для начала пройдем над деревней, посмотрим, как там и что. Если все в порядке - сядем на поле. Там выгрузитесь. Хорошо?

- Лучше и не придумать.

Расчетное время растягивается, растягивается - и деревушка выскакивает навстречу совершенно неожиданно. «Дельфин» снижается, закладывает вираж, смотрю во все глаза - и очень боюсь увидеть то, что уже сегодня видел десятки раз - тупо стоящие люди, следы пожаров и мертвая неподвижность.

Камень падает с души - деревня живая, это очевидно - трубы дымятся в двух избах, люди на улице есть - и они живые, сбегаются - и что-то их куда-то как много, кроме своей «шестерки», которая стоит у игрушечного домика - странно знакомого, но никогда ранее невиданного с такого ракурса (а права была мама, надо было бы дом перекрыть - сверху видно, что древний шифер на ладан дышит) - еще явный зеленый незнакомый УАЗ практически напротив, еще машины.

- Знаете, что-то людей многовато. Вы ж говорили, что там пяток стариков? Тут явно не пяток, к слову - вооруженных видите? Да и шустры для стариков что-то.

Вооруженных я вижу - минимум троих с чем-то длинноствольным.

- Знаете, мне не хочется садиться наобум. Навидался и наслушался в последнее время.

Спорить трудно. Внизу явно какие-то чужаки. Смотрю во все глаза - но ни отца, ни мать не вижу. Но улетать, несолоно хлебавши через забор киселя шляпой - тем более неохота.

- Напишите на коробке, чтоб вышли на связь - и чтобы ваш отец говорил. Сможете его спросить, чтоб окружающим непонятно было, а вы бы сообразили, что да как?

- Постараюсь. Сейчас, уже пишу.

Самолетик легко и изящно описывает круги и восьмерки, народу на улице набежало еще больше. Не стреляют, машут руками.

- Готово, отойдите подальше, чтоб сбросить не в лес.

- Принято. Готовьтесь.

Авиетка задирает нос, поднимается повыше и заходит вдоль улицы.

Сбрасывает скорость до минимума. Словно зависает.

Естественно, ручки у меня плохо слушаются, и рация с парашютом уходит почти в лес. Ядовитозеленый с оранжевыми клиньями парашют опадает на огороде последнего дома - его хозяев я не видал уже года три, а сейчас явно кто-то в доме обитает.

Несколько человек шустро побежали к месту падения посылки.

- Ладно, пошли на Кречевицы.

- А рация достанет?

- Конечно. Отлично достанет.

Сижу как на иголках.

- Вон, видите - Аннушка?

Не вижу, признаться. На здоровенной взлетной полосе, рассчитанной для тяжелых бомберов, пусто. Пусто в капонирах - укрытиях. Стоит какаято самолетина, но даже я вижу, что она давно в воздухе не была.

- Где?

- Да в самом конце - желтобелый самолетик? Белый самолет, желтый стабилизатор?

- Ага, вижу.

- Вроде целый...

Да, похоже, что целый. Забавный такой - кургузенький, коротенький толстячок с крылом, поднятым на самый верх фюзеляжа и смешными откосами, придерживающими это крыло. На снегу видны следы от его колес - садился недавно.

- Из Польши - отмечает по какимто признакам Коля.

- И что будем делать?

- Сядем чуть подальше - и посмотрим, что да как. Годится?

- А не слишком рисково? Мне както совсем неохота сейчас вляпаться. С родителями черт знает что...

- Самолетик в хозяйстве очень бы пригодился. Сесть может где угодно, груза две тонны берет... Очень хотелось бы прибрать. Ну что? Рискнем?

Ну, даже и не знаю...

С одной стороны както так соваться без подстраховки...

Неплохо бы сначала прикинуть возможные варианты - что может случиться и настелить соломки в стратегически важных местах. Мой профессор, земля ему пухом, еще когда был совсем мальчишкой - капитаном третьего ранга - и занимался медицинским обеспечением на изрядного размера корабле заметил, что капитан корабля на День СА и главное - ВМФ - придерживается определенного ритуала.

Когда офицеры собирались на торжественный обед, кэптэн поднимал полстакана ледяного спирта, произносил: «За нашу Советскую Родину» - и выпивал. Потом, не торопясь, наливал себе в освободившийся стакан охлажденную воду из стоящего рядом графина, запивал со вкусом - и после этого офицеры дружно отвечали тем же тостом, выпивали в свою очередь, и обед начинался.

Черт дернул молодого медика. И в графин с водой он тоже налил спирт. Вместо воды. Благо запас спирта у него естественно был. Мало того, как человек с научным складом ума, каптри предусмотрительно заменил воду и в запасном графине, который по какойто военноморской традиции висел рядом с местом кэпа на стене в специальной держалке, которая не дала бы сосуду выскочить даже при штормовой болтанке.

Начался праздничный обед. Кэп торжественно произнес тост, не спеша выпил, недрогнувшей рукой отмерял себе из графина... еще спирта, запил спирт спиртом, выпучил глаза, зашарил рукой по стенке, схватил запасной графин, еще раз налил, еще раз запил спирт спиртом, покраснел, вперил выпученный взгляд в каптри и прокашляв: «Ну, доктор!» - покинул помещение, махнув подчиненным рукой неопределенно.

Офицеры несколько растерянно и вразнобой окончили ритуал и недоуменно принялись обедать.

Кэп вернулся несколько позже.

Репрессий по отношению к доктору не было.

А профессор даже после многих лет сокрушался, что тогда не сообразил спирт хотя бы охладить. Теплый он был. Ну не как сакэ, но теплый...

Один из учивших меня - и очень толково учивший профессор както рассказал эту баечку, но со смыслом - мы правильно сделали вывод о том, что надо стараться предусмотреть все последствия каждого своего шага. Если самолет пуст - то где те, кто на нем сюда прилетел? Если они так и сидят внутри - живы они или нет? Подойдем мы к нему, а там пара шустеров или вообще морфик. Может такое быть? Да запросто! И ято стрелок

средний, а пилот - вообще неизвестно, что за снайпер. И будет тут уже два хороших самолета стоять. Как памятники безумству храбрых.

Садимся поодаль от самолета. Неожиданно сильно трясет, когда уже катим по полосе.

- Лыжи - поясняет летчик.

Ну, это ладно. Не сильнее трясет, чем когда по улице Кубинской едешь.

Теперь что делать?

УАЗ так и не починился к утру. Порешав немного старую задачку про перевоз через реку волка, козы и капусты, Ирка решила все же ехать в Ольховку с Веркой. Нечего тут ее оставлять, хвостом крутить перед Витькой.

Повариху для рабов заменила. Жратву на прокорм рабов выделила, прикинув по бестолковости и малополезности - а может даже и невкусности. Ктото запас много пшенной крупы, несколько здоровенных мешков - вот и пусть едят. Тяжело вздохнула и решилась. Поехали на продуваемом китайском джипе. Петли крутить по лесу Ирка не стала. Будь что будет. Поперла напрямки по лесной дороге, старательно вспоминая все детали прошлых путешествий.

Собственно для себя она уже решила - свиначник да два десятка работников - вполне стоят того, чтобы покорячиться. Рана у Витьки страшила - но пока и с ней все было не так, чтоб ужасно. Боясь сглазить и мысленно поплевав через плечо, Ирина все же посчитала, что рана заживает.

Весна уже наступила, значит продержаться надо немного - месяца полтора. Дальше свинки на траву перейдут. Рабов надо будет напрямки - огороды копать. Они, конечно, к такой работе непривычны, но ничего, заставить можно. Сажать в огородах... Вот сажать - как раз было неясно что. Картошки совсем мало. Урожайность в этих местах была вовсе не тропическая. Семена койкакие еще были - но опять же - все же двадцать ртов прокормить - непросто. Вообще получалось, что придется, как ни крути, ждать, когда муж встанет на ноги - и выбираться за своей долей наследства от помершего человечества.

Ушло на дорогу два часа. Устала, словно сутки ехала - водителем Ирка была неуверенным, но на малой скорости получилось не так чтоб плохо. Вроде сидящая пассажиркой Вера и не заметила, что водителю неопытный, благо сама водить не умела вовсе и очень радовалась тому, что вот - едет кудато и воздух свежий и свободна - особенно, наверное, последнему обстоятельству. То, что пришлось пережить, попав к развинтившимся и отвязавшимся креативщикам, сводило холодной судорогой спину, мороз драл по коже, когда вспоминала. Из всей Веркиной компании в пять человек только она одна и выжила. И были моменты - когда и впрямь завидовала погибшим.

Но вот пойти глянуть, как свинки будут жрать ее обидчиков - так духа и не хватило.

- Надо будет из леса этого уroda тоже вытащить. В нем килограмм семьдесят веса - значит, на деньдругой свинкам хватит. И остальных тоже прибрать придется. До травы месяц еще самое малое. А комбикорма - совсем мало. Ты слушаешь? - неожиданно прервала свою речь Ирина.

- А? Да, слушаю. Только я в этом ничего не смыслю. Мы за чем едем?

- Котлет хочешь?

- Ой, очень! Только ведь у нас их не из чего делать. Я все продукты помню.

- Есть тушенка из лосятины у нас. Но она жестковатая. Промолоть - добавить сушеной булки...

- Это те сухари в розовой наволочке?

- Они самые. Лука, правда, нет.

- Есть. Мешок и еще с пару килограмм наберется.

- Я помню. Только он пойдет на посадку. Местный он - семена даст. Ладно, сушеным

чесноком обойдемся. Или можно ежей сделать. Рис пока есть, а его только в еду, плантации тут не разведешь.

Вера покосилась на спутницу и поняла - шутит.

- А лосятина откуда?

- Витька подстрелил.

- Вау! Молодец! Круто!

- Даже. И. Не. Думай! - раздельно и очень веско сказала Ирка.

Вера осеклась и както подругому посмотрела на напарницу.

- Надо всетаки посмотреть - что с самолетом - говорит пилот, выдергивая свой АКМС из креплений.

- Не думаю, что это удачная мысль. Во всяком случае, делать это вдвоем - неудачная.

Коля смотрит на меня разочарованно.

- Я думал, что вы из этой охотничьей компании, так можете справиться.

- Знаете, если я чему и научился в охотничьей компании - так это тому, что всякая операция должна продумываться и обеспечиваться по уму. Приключений получается правда меньше, скорее становится на работу похоже, зато медикам возни совсем мало. Нам тут не роман писать с перестрелками - нам самолет нужен. Причем целым. Так?

- Предположим. И что мешает сходить и посмотреть?

- Сколько человек в такой самолет влезает?

- Если пассажиров - то 18.

- А если внавалку? Не по креслам считая?

- Груза тащит две тонны.

- Ну, вот и считаем - кто же на нем прилетел? Прилетел. Ктото его посадил. Сколько там человек - совершенно неизвестно. И тут мы - двое свежих и вкусных красавцев. Вы вокруг когонибудь видите? И я не вижу. Значит, скорее всего - внутри сидят. А сидеть внутри - холодно, живые там долго бы не усидели, значит что - получится на нас сколькото зомби, возможно шустеров. Вот укусят они вас - как я обратно домой доберусь? Или еще впридачу засадим несколько очередей по самолету, все насмарку.

Последнее я напрасно сказал - обиделся пилот, помоему.

Очень вовремя оживает рация - и я слышу голос отца. Точно, его голос. И веселый, бодрый такой голосто.

Несколько минут хаотически радуемся, потом тычки в бок летчицкого локтя меня приводят в чувство. Удастся пропихнуть простенький вопросец - как дела обстоят - как у дяди Вовы или у дяди Юры? У этих моих родичей судьба диаметрально - дядя Володя - везунчик во всем, а Юре постоянно и хронически не везет, за что бы он ни взялся. Отец на минуту задумывается - в хитростях он у меня простоват, я уже начинаю огорчаться, что смысл фразы до него не дойдет, но оказывается - зря. Отец смеется и произносит: «Конечно, как у Вовы!»

- А кто все эти люди в деревне? - осведомляюсь я.

- Хорошие люди. Бежали - не добежали, осели у нас - отвечает отец.

- Можем лететь и садиться - поворачиваюсь я к летчику.

- А самолет? Мне важно знать - насколько он в дело годится.

- Ну, мы выгрузим все мое добро, возьмем на борт пару человек, особенно если они обучены стрелковому делу - и будет у нас четыре ствола, а это совсем другой коленкор.

Пилот двусмысленно хмыкает, но, тем не менее, мы идем на взлет и берем курс снова на деревню.

Пока летим - прошу организовать комитет по встрече - и Коля просит еще на поле дым пустить - скажем, от сырого валежника, чтоб сориентироваться с ветром.

С краю поля стоит кучка людей и зеленый УАЗ. Дымок тоже есть - видно старый рубероид запалили - струя дыма видна отчетливо, как нарисованная толстым фломастером.

Коля прикидывает недолго, видно расчеты тут простые, выбирает направление, откуда будет садиться - и садится чуток наискось. Опять легонько трясет - и я выпрыгиваю из кабины, бегу к людям, от них навстречу мне, проваливаясь в неглубокий на поле снежок, бежит папа.

Он вовсе не сентиментальный человек, но мы крепко обнимаемся - и я вижу у него на глазах слезы. Наверное, впервые в жизни. И одновременно спрашиваем - я про маму, он - про брата. И оба хором говорим: жива, жив!

Уф, как отпустило! Как камень с плеч.

Дальше, как положено, фонтан второстепенных ненужных сейчас вопросов, не менее второстепенных ненужных сейчас ответов и все это ворохом, кучей, беспорядочно и нас стопорят достаточно быстро - публика собралась деловая, папа с ребеночком порадовались встрече - пора и честь знать.

Таскаем от самолетика груз, тут же его сваливают в УАЗ, который имеет весьма забубенный и ухарский вид - по всему видно, что этот агрегат участвовал в ралли по самым гнусным дрищам нашей области, у него высокая посадка, зубастые протекторы, нетиповая антенна, куча фар - искателей, чудовищный кенгурятник, не менее свирепый багажник и сзади на фаркопе повешен мятый простецкий чайник, что полностью завершает картину. К хозяину средства передвижения присматриваюсь внимательно - благо надпись на борту УАЗа прямо говорит: «Джипер только на первый взгляд пьяная и грубая скотина, на самом деле он душевный и романтичный мечтатель!» Хорошо, что предупредил, теперь постараюсь рассмотреть глубинную сущность. Пока из всего отмеченного - тщательно почищенная копаная мосинка - с грубовато вырубленным самодельным ложем и прикладом на его плече. Впрочем, это не удивительно - тут такого добра по лесам с войны валяется много. Винтовката явно не из лучших, верховая, раковины здоровенные. Худо значит у них тут с оружием, если даже ржавую копанину в дело пустили.

Коля остается с самолетом, прибывшие - чтоб летчику не скучно было - оставляют смешливую сероглазую девчонку лет 16 да сухонького мужичка с двустволкой.

- Что у вас тут творится? - наконец спрашиваю я у отца.

- Да группа туристов на третий день после твоего звонка пришла. Из них получилось ядро - остальные намотались, как клубок ниток.

- Откуда тут туристы? Очумели они тут в такое время лазать?

- Они не вполне туристы. Ты ж знаешь - тут вроде штаб дивизии погиб, вот они его ищут.

Понятно. Если это не копатели, да еще впридачу черные - то я старая негритянка. А штадив и я тоже искал, хотя, скорее всего - это красивая легенда о том, как загнанные в болото штабники дрались до последнего патрона, и немцам не удалось найти ни знамени, ни сейфов, ни орденов, ни документов - два десятка трупов изодранных минометками и вся добыча. Мне так показалось, что это и не штаб был, а то, что половина из погибших была командирами - ну мало ли что. Всякие сундуки, небось, по болотинам раньше покидали. Пока отступали тут по дрищам, с сейфами тут не походишь.

Встреча с мамой еще более бурная, хотя и мама не слишком расположена к выражению своих чувств на людях. Наш дом както кажется маленьким - появились перегородки (сделанные подеревенски - не до потолка, чтоб тепло шло равномерно) и видно, что у нас тут жильцов прибавилось. Дети какieto вертятся, путаются под ногами.

От кормления отказываюсь сразу, потому ставят только самовар. К моему удивлению груз собираются тащить куда-то в другое место, приходится наехать - в конце концов, я привез и нефиг тут. Както так получается, что гора груза - как она смотрелась в самолете - тут в избе смотрится совсем маленькой. За мужиком, который вроде бы как главный (я - то полагал, что отец за вожжи возьмется, но видно есть кто похаризматичнее) - уже пошли. Он и приходит, раньше, чем толком я самовар раскошегарил.

Неприятная у него морда. Мрачная, на манер топора, на плече - «Сайга». Вешает немецкое кепи на вешалку, присоединяется к нашей компании. Немецкое кепи... Разумеется - все туристы таскают, как же. Знакомимся - назвался Степаном. Ну, Степан - так Степан.

Спрашивает - какие цели прибытия. Отвечаю - забрать родителей и рассмотреть вариант угона в ближайшем будущем самолета из Кречевиц. А груз? А груз для тех, кто тут остается. Но прежде чем про груз толковать - надо бы трех стрелков к пилоту направить - чтоб Аннушку осмотрели.

Степан хмуро смотрит. Потом спрашивает - а нафига нам польский самолет?

- Он - Ан28. В Польше производился по лицензии. Прост и надежен. И ремонтпригоден. Потому - для укрепления взаимопомощи и взаимопонимания - лучше бы вам в этом деле помочь.

Сидит, думает. Наконец принимает решение, встает, забирает с собой свое ружье, кепи. Неожиданно вежливо спрашивает у моих родителей - не против ли они будут, если Света послушает что да как в мире? Не менее уважительно просит выдать ему одно из привезенных ружей. Сходимся на 12 калибре, подхватывает собранную тут же одностволку, коробку картечных патронов - и уходит.

Мои эту Свету явно знают, потому как соглашаются сразу. Рассказываю о братце - Свете это вряд ли интересно будет, а мои очень рады.

Первый же взгляд на вошедшую женщину - светловолосую, худощавую с очень правильными чертами лица - вызывает у меня сразу две нелепые мысли. Я прекрасно понимаю их нелепость - но что есть - то есть: вопервых, я автоматически разглядываю ее ушки - почемуто ожидая, что они должны быть остроконечными, вовторых, я совершенно уверен, что видел ее обнаженной - причем, когда был совсем мальчишкой. Бред полный - ушки у нее вполне кругленькие, и помладше она меня стопроцентно - потому если я и видел ее без одежды в мальчишеские годы, то уж всяко бы не запомнил, да и сейчас бы не узнал, потому как подросла бы она изрядно. Ощущение все равно остается, словно жилка от мяса, встрявшая между зубами. Ну, с ушами - все понятно - одета в зеленое, куртка с капюшоном, высокие сапожки, белобрысая, длинноногая. Такими все время изображают эльфиек. Второе ощущение так и остается невнятным...

Вместе с ней закатываются двое мальчишек младшешкольников - погодки видно.

Но ведут себя смирно, даже странно. Еще и клубящихся по дому детей приструнили.

Потому удастся сосчитать - их, этих колесом ходивших - всего трое - две девчонки и совсем мелкий пацан.

Мне приходится изложить максимально сжато все, что только на ум приходит - от состояния Питера, ситуации в Кронштадте, попутно вспоминая всякие вроде бы и уже совсем банальные банальности, которые для местных жителей - откровение. Кабановойто им по дороге не подвернулось.

Стараюсь выложить все, что только на ум приходит и вписывается в графу «полезная информация», неожиданно такого получается очень много. Очень не хочется чтонибудь упустить - досадно будет, если изза этого ктонибудь тут погибнет. Да и давно уже убедился - информация важнее штука, зачастую сильнее оружия.

Меня удивляет, что и родители внимательнейшим образом слушают мои рассказы.

- Вы б собирались пока - говорю я маме.

Они переглядываются.

- Успеем еще, рассказывай дальше - отвечает отец.

И я рассказываю. Мой монолог прерывается только один раз - когда начинаем пить чай я вытягиваю пакет с печеньем и горделиво ставлю его на стол. Не сговариваясь, родители и Света начинают откровенно смеяться.

- Тут неподалеку на трассе фура как раз с такими печеньюшками в овраг завалилась. Ребята их таскают постоянно - как раз с этим сортом коробки - улыбаясь, объясняет мама.

Вот ведь как оно получается.

И я продолжаю дальше.

Совершенно неожиданно к нам вваливаются без стука несколько человек - из них узнаю только водителя заливчатского джипа. Рацию нашу приволокли - Коля на связи, проблемы у них, требуется мой совет.

Испугаться не успеваю - проблемы получаются не очень страшными. Нашли все же прилетевших на Аннушке людей - три мужика, двое бывшие охранники какойто бывшей шишки, третий - летчикполяк. Самолет исправен, топлива ноль, но собственно проблема в поляке - четвертый день болит живот и состояние даже для не медиков понятно - паршивое. Еще один охранник в полном упадке, но здоров, а вот с поляком все совсем плохо. Что с ним делать?

Самое глупое - давать консультации по телефону. По рации, не видя больного - наверное, еще глупее. Спрашиваю Колю - что значит, по его мнению «паршивое состояние»? Ответ путаный, но, в общем, понятно, что коллега нашего летчика вообще помирает. Температура повышена? Да, вроде горячий. Тошнит, рвота была? Точно так. Надавите ему на живот, только аккуратно. Ругается и пытается драться. А как живот болел? Все четыре дня одинаково? Тут закавыка - это пожилые поляки порусски говорить умели все, молодые сейчас этому уже не учатся, а поанглийски не вполне понятно получается. Все такие знатоки английского, что уши вянут. Но вроде выходит так, что три дня болело все сильнее и сильнее внизу живота, потом вчера стало совсем больно - но боль быстро утихла. Все нормально. А потом стало совсем плохо.

Ничего кроме диагноза острого перитонита в голову не приходит. Значит, тащить поляка на стол к хирургам. Спрашиваю Колю - потянет его «Дельфин» пять человек?

Отвечает, что да, потянет. Что ж, кроме родителей придется еще и поляка везти.

В общем, летят обратно с больным летчиком.

Джипер едет опять на поле.

И тут мои родители преподносят мне сюрприз. Помявшись и попереглядывавшись с отцом, мама говорит, что сейчас они - не полетят. Я поперхнулся чаем от такой новости.

Как? Почему? Мне же не вотто как просто было этого добиться. Случай практически помог. И не факт, что я смогу это сделать еще раз в ближайшее время. Они о чем думаютто? Тут регулярных рейсов не будет, надо эвакуироваться, пока есть такая возможность.

- Ты не сердись, сам посуди - ты сейчас носишься как угорелый с какимито лиходеями, младший - вообще в концлагере завалы разгребают - а нам куда? В безопасную Петропавловку в тюрьме жить? Или в Кронштадте вселяться в чужую квартиру, где люди только что умерли? И что дальше? Здесь - работы полно, лето скоро. Дом наш, собственный. Мы ж специально сюда поехали, чтобы вам не мешать, вам ведь достаточно знать, что мы живыздоровы - верно ведь? Так мы и тут живы и здоровы. И видишь - пока все относительно спокойно - Степан с ребятами партизанят потихоньку, защита у нас достаточная, ты вон еще ружей привез, теперь совсем безопасно будет. Летчику твоему подарок подарим, чтоб сюда с радостью прилетал. Да и неудобно - детей бы по уму сначала вывезти.

- Лучше пока детей никуда не отпускать одних - несколько напряженно говорит Света.

Вот тебе бабушка и юрки в дверь. Сижу немного очумевший.

- И что за подарок вы тут летчику дарить будете?

- Сейчас принесу - отзывается Света и гибко поднявшись, исчезает в сенях.

- Ну, давайте тогда - груз примите, что ли.

- Брось, понимаем, что тебе хочется немного похвастать - так уже спасибо сказали, все очень к месту, а ты лучше отдохни, чайку попей. К нам на квартиру добраться можно?

- Не знаю, там сейчас не ездим. А что?

- Понимаешь, какое дело - у нашего дома крыша откапремонтирована демократически... Значит этой весной уже протечки будут серьезнее, чем в прошлом году. Мебель, наверное, вывезти не получится, но хотя бы документы забрать. Рухнет дом, все, что есть, пропадет. Или проплесневеет насквозь.

Это я знаю точно, так и получится - пару лет назад в Питере была проведена массивная акция по капремонту крыш старых зданий. Денег вбухали - безумно. Но дело нужное

конечно - многие старинные дома с 1917-1946 года не ремонтировались.

Ну, старые крыши нахер, построили новое, все переделали.

А тут и оказалось в первую же осень - протекают все отремонтированные крыши ручьями и потоками. В сотнях старинных домов потопа, жители верхних этажей аж стали китайские бассейны покупать - на чердаки ставить, что не тазиками воду собирать.

Оказалось, что доски для ремонта были взяты гнилые и слишком тонкие, железо кровельное не того качества - то есть не для таких рельефно - фигурных крыш, ибо тоньше, но гораздо больше по размерам и потому никак не годно, не согнуть его было как должно.

И кровельные работы вели гастарбайтеры из Средней Азии, впервые в руки взявшие молотки и гвозди, но зато дешевые в оплате... (Сгоревший купол Измайловского собора - не забыли? Та же публика сваркой занималась. Да и то - нахрена эффективным собственникам строителиспециалисты? Деньги украл, за рубеж перевел, фирму закрыл - ищи ветра в поле. А кинутые гастарбайтеры пушай сами тут крутятся. Может их за еду еще кто умный и эффективный наймет.)

А так конечно мама права - без всяких вещичек, из которых складывается семейная история, жить нельзя. Надо будет прикинуть, когда все болене устанется - как заскочить домой и что оттуда увезти. Гм, а куда? У меня же кроме места в казармесаalone и жильто нет. Вот тоже - собрался родителей везти - а куда? Как остальных эвакуированных? Не дело. Может они и правы, здесьто вон видно - и уважают их и полезными они себя чувствуют - они ж у меня оба - строители, а тут строить и ремонтировать край непочатый. Помолодели даже. Или это от свежего воздуха такое?

Света притаскивает чудовищных размеров револьвер. В ее тонкокостной изящной руке вороненое железо выглядит особенно громадным. Сроду таких не видел, да еще снизу присобачен какойто нарост - тут у меня ума хватает сообразить, что это ЛЦУ, только не горит почемуто.

Калибр пугающий. Гнезда под патроны в здоровенном барабане, откидывающемся вбок - скорее под охотничий патрон. Ствол - без нарезов. Самоделка что ли? Да вроде не похоже, самоделка слишком уж толково обработана, заводская выработка явно.

- Ребята эту штуку в брошенной милицейской машине нашли. Вроде бы он под охотничьи патроны - но у нас тут таких нет, и вряд ли будут. Если Степа согласится - подарок получится добротный - а с патронами вы поможете. Заодно и к вам летчик привязан будет.

- А как вы тут вообще очутились? Да еще и с детьми?

- Так мы все время так ездим. Весной намечаем маршрут, делаем заначки - чтобы летом не таскать. Детям полезно - многому учатся, да и здоровее становятся. А тут мы только лагерь развернули - друзья звонят из города один за другим - говорят все в один голос, чтоб мы не возвращались, сидели, где сидим. Ой, да что говорить. Потом решили выходить к жилью - за три дня добрались сюда, ваша деревня ближайшая оказалась.

Рассказ прерывает Степан и его приятели, громко вваливающиеся в дом. Прилетели, значит.

- Все, можно отправляться. Поляка пристегнули к креслу как следует и морду ему замотали как арабу в песчаную бурю, даже если и помрет - укусить не сможет. Николай вас уже ждет. Только пока отправитесь - хотел пару вопросов обсудить. Побыстрому.

- Валяйте!

- Нам нужно оружие и боеприпасы. У нас оружия мало - в нашей группе моя «Сайга» да карабин Мосина, у тех, кто к нам присоединился - двустволка, АК74 без патронов, плюс помповушка. Да и у Максимовых обрез двустволки с чердака... Еще мы смогли восстановить три винтовки из найденных в прошлом году, но из них одна только получилась более менее рабочая - гильза в стволе была, а две - шомполки однозарядные практически. Патронов - уже говорил - смешное количество. Но у нас есть стволы без патронов - вот я и хочу предложить обмен - пилот отказался, а вы, может быть, согласитесь? Раз уж родителей увозите. В Кронштадте боеприпасы к этим стволам найти будет можно, я в этом уверен, а они редкие и

дорогие, так что вам выгодно будет.

- Мы остаемся - говорит отец.

- Что? - удивляется Степан.

- Мы остаемся здесь - повторяет отец.

- Вот как? Знаете - очень рад. Спасибо! Это замечательно, что вы остаетесь.

Ага, очень замечательно. Просто колесом ходить от радости можно. Только не мне. Мне что-то радоваться неохота. Но спорить с родителями без толку - если они что решили - я точно не сдвину.

- Ладно, давайте ваши стволы. Только знаете - тащите все, что можете обменять - если и впрямь есть дельное, так следующим бортом смогу забросить наменянное. И побыстрее если можно. С этим чертовым поляком не рассидишься.

Степан минуту прикидывает, потом видно решает пойти вабанк - благо мои родители остаются тут.

На стол рядом укладывается уже виденный мной револьвер - слонобой, рядом - револьвер поменьше, но еще больше навороченный, тоже никогда не видал такой, два явных Глока и АК74.

- А магазины?

Добавляется пустой магазин к калашу и три глоковских. Тоже пустые.

Думаю недолго - нечего тут думать.

Кладу свой автомат. Вынимаю магазины из разгрузки, выцарапываю все патроны, какие нахожу по карманам - к новой куртке не успел привыкнуть, промахиваюсь по карманам, и обнаруживаю их не там, где ожидал. Всего набирается патронов еще на три магазина автоматных, да горстка патриков к ПМ. Макарова отдаю прямо с кобурой. Очень хорошо, что не ПБ, его жалче было бы. Потом добавляю свою новую куртку, а себе забираю с гвоздя древнюю - еще отцовскую болонью. Она расплзается в руках, но теплая. Долететь смогу. А там что-нибудь себе найду, тут новая куртка пригодится больше. Куртка грекает об стол, вспоминаю, что во внутреннем кармане лежит «Марго».

Забираю себе ее под явно сожалеющим взглядом Степана.

- Мне без оружия тоже нельзя. Мало ли что. Ружья еще - не забудьте. Там патроны и всякая прочая полезность. И моему отцу оружие дайте.

- Понимаю - кивает Степан.

- У меня есть - отзывается отец - кивает головой - вижу в углу еще одну мосинку, совершенно жуткого вида. Из бревна топором рублено, ствол коричневый от ржавчины. Та самая, которую шомполом перезаряжать.

- Степан - настаиваю, чтобы одно из ружей пошло отцу. Сами понимаете - у меня должен быть стимул, сюда мотаться.

Степан кивает еще раз и улыбается. Странно на мрачной физиономии видеть хорошую улыбку. Перекладываю новонабранные стволы в мешки от ружей.

- Ладно. Посидим минутку молча - и пора.

Молчим. Сидим. Пусть домовый наставления даст.

Как всегда нетерпеливый отец первым говорит: «Пора».

Пора, так пора.

Проводы получаются неожиданно многолюдными и даже не лишенными некоторой торжественности. Полагаю, что со стороны это напоминает картину «Ляпишевский нашел лагерь Шмидта». Или как там оно на самом деле было, помню только дурацкую песенку -

Капитан Воронин

Судно проворонил,

А Шмидт сидит на льдине,

Как кукла на перине.

Ну, неважно. Понабежало на наш отлет посмотреть не меньше полусотни человек всех возрастов и полов, как помнится описала чьи-то проводы одна восторженная журналистка. Густо публики набралось в глухоманную деревушку. Откуда интересно? До трассы тут

неблизко даже по прямой, а по дороге проселочной - и совсем библины выходят. Мои потому и поехали рано, что всю весну, как таять начинает, не проехать тут, кроме как на тракторе.

Коля еще суетится около самолетика своего - какие-то канистры стоят - видно дозаправкой разжился. Я еще вываливаю остающимся содержимое своей сумки с медикаментами - тут может пригодиться больше, а я уж как-нибудь разживусь.

Обнимаюсь с родителями, жму руки всяким разным людям - и пора. С нами отряжают невысокого парня лет тридцати - вроде бы у него какие-то контакты есть в Кронштадте, помочь надеется своему анклаву. Семью тут оставил, так что надо думать вернуться.

Взлетает Коля так же элегантно, поле проваливается вниз, машущие руками человечки уменьшаются стремительно. Элегантный кружок над полем, качание крыльями - и нос самолетика разворачивается на базу.

Тихонько постанывает поляк сзади. Честно признаться - не уверен я, что мы его доведем, о чем до отлета предупредил и Колю, и нового пассажира. Пассажир только хмыкнул - дескать, и не такое видал и предложил оставить поляка здесь же на поле. Может, оно и правильнее было бы, чем везти, но нам вколачивали долго и усердно, что за жизнь пациента надо бороться до конца, пока такая возможность есть. Причем делали это разными способами - например, мой профессор рассказывал, что был он совсем зеленым офицериком - чуть ли не сразу после училища - и попал по распределению на Дальний Восток, докторишкой на незначительный кораблик. Толком еще сработаться с таким же зеленым капитаном не успел - а тут и катастрофа грянула.

Цунами было вызвано мощнейшим землетрясением, которое произошло в Тихом океане в 150 километрах от побережья Камчатки. Три волны высотой до 20 метров снесли город СевероКурильск и ряд других поселений попали под удар. По официальным данным, погибло 2336 человек. Население СевероКурильска всего было около шести тысяч человек.

Город проснулся от толчков, коекакие дома посыпались. Жители быстро забрались на склоны окружавших городишко холмов. Через час пришла первая волна. Не большая. Коечто развалила и публика вернулась обратно в город, разбираться с ущербом. Тут их и накрыла вторая волна, бывшая самой мощной. И домыло третьей.

Все что могло плавать и летать, было брошено на спасательную операцию. В том числе и корытце моего будущего учителя. Но что-то им не везло, в итоге уже совсем собрались возвращаться поближе к суше - но капитан для очистки совести спросил докторишку - могут ли они еще найти живых? Докторишко прикинул возможности человеческого организма, погодные условия и честно ответил, что шанс хоть и маленький - все же есть, может кроме трупов попадется и живой кто. Поиски продолжили, а, глядя на них, осталась и еще пара корытца поменьше, где докторишек по штату не полагалось. И утром следующего дня наблюдатели засекли что-то странное, но живое - к общему удивлению скоро уже поднимали на борт совершенно очумевшего старика, плававшего в будке деревенского сортира. Дед очень живо описал, что у его внучки как раз была свадьба, он отлучился по надобности в собственноручно сделанный им туалет, начал было делать то, за чем пришел и сначала подумал, что слишком перепил, потом, что уже умер, а в конце концов обалдел, обнаружив себя плавающим в бурном море в собственном сортире. Как так произошло - толком никто не понял - дома сносило, машины плющило как консервные банки, даже танки ломало, а вот старательно сколоченная будка - уцелела.

И тут же соседнее военное корытце выловило люльку с живым младенцем. По закону парных случаев.

Может, еще и поэтому я решил попытаться довести пациента. Во всяком случае, второй пассажир спокоен, обмолвился только, что уже имеет опыт успокоения беспокойников врукопашную. Да и пилот настроен коллегу довести. Корпоративное это у них что ли?

Теперь остается связаться в очередной раз - чтобы предупредили лекарей, что я опять отличился и тащу им сюрпризик - в виде роскошного перитонита. Осматривать серьезно этого парня было некогда, но тут все так явно выражено, что и пары минут хватило. Есть такое часто употребляемое выражение - «на его лице была видна печать смерти». На самом

деле так оно и есть, это не метафора. Вот мне кажется, что у парня как раз то самое, что называется «лицом Гиппократ» - древний грек описал вид умирающего человека, оказалось так точно, что и сейчас ничего в описание не добавишь - поляк бледен, кожа сероватая, синие губы, странно смягшие и слипшиеся, торчащий нелепо острый нос и ввалившиеся глаза, вообще все лицо осунулось, приобрета вид маски Страдания. Когда я с ним разговаривал, обратил внимание на лихорадочно блестящие глаза - а сейчас они у него полузакрыты. Заторможен, бормочет что-то попольски и мне почему-то по интонации кажется, что это бред. Уходит потихоньку от живых человек. Одна надежда, что наши грубые эскулапы отловят его трепетную душу на выходе и запихнут ее обратно в брненное тело.

Раньше считалось, что такое лицо - необратимо и человеку жить осталось не больше часа, но мне вколачивали неоднократно, что до момента необратимой смерти, биологической - еще не все потеряно. Еще помню, что при перитоните вроде как маска появляется рано - и времени потому у нас должно бы быть побольше.

Мне кажется, что обратно мы летим быстрее, чем летели туда. Может мерещится, но вроде пилот на педаль давит сильнее.

- Я, знаете, буду сюда заглядывать. Мне тут понравилось - говорит неожиданно летчик Коля.

- Что так?

Коля загадочно улыбается.

- Чем нашего орла прикормили? - поворачиваюсь я к пассажиру сзади.

- Да пригнали в деревню найденную на дороге цистерну с топливом. Аккурат для этого аэроплана.

- Что-то я ее не видел.

- А мы ее примаскировали. Аккурат рядом с полем - ну если ахнет, деревню чтоб не спалило. Так что всегда в гости ждать будем.

- Так вы на трассу ходите?

- А что еще остается. Кушать то хочется всегда, да еще три раза в день.

- Опасно же!

- Конечно. А что еще остается? Со Степаном повезло - толковый мужик.

- Да я вижу. А он по профессии - кто?

- Журналист.

- Журналист?!

- Да, а что такого?

- Ну, я просто к этой пишущей братии хреново отношусь.

- Значит, не везло раньше. Впервые, лесной он человек. Вовторых, разбирается, что делать в такой ситуации.

- Воевал что ли?

- Этого не знаю. Но книгу он написал про партизан Ленобласти. Вот всякие партизанские трюки и применяем - лихо выходит. Пока всех потерь - один человек. На банду напали. Мы к ним как к людям - нашто, он добродушный такой был мужик, доверчивый - рукой им помахал - а они заулыбались - и изза их спин ему в голову пуля прилетела. Сволочь...

- А вы?

- Нам бежать пришлось. У тех автоматы оказались. Вот тогда партизанские штучки и пригодились - Степан успел пару мин поставить. Эти суки и напали. Оружие, правда, они со своих сняли, не разжились мы ничем, да еще и на нашем дробовичок был, пропал.

- Погоди, а мины-то откуда вы взяли? Они ж погнили все после войны.

- А у Степана с прошлого года осталась в воронке нычка - винтари тоже оттуда. Они тогда несколько наших бойцов собрали, мешок с останками вынесли, а железо оставили - саперы в этом году обещали все это грохнуть вместе с тем, что они бы этим сезоном собрали. Там и несколько минометов было. Вот он их и пользовал, переделал как-то. У него и сейчас

пара осталась - если что прикрыть отход отлично можно.

- Тоже партизанские штучки?

- А чьи же еще. Был такой капитан Герман, Александр Викторович. Вот помоему Степан им и вдохновляется. Слышал о таком?

- Ну а как же - у нас в Питере улица есть «партизана Германа». Он вроде Партизанский край организовал?

- Точно. У него сначала было 100 бойцов. А потом стало около 2500. Воевал отряд отлично - и устроился хорошо - рядом с базой был построен настоящий аэродром со всеми службами, такой, что мог принимать тяжелые транспортники, выставлены посты ВНОС и зенитные расчеты. Проблему снабжения и связи с «большой землей» решили.

Немцы своими истребителями стали мешать полетам. Атаковать немецкий аэродром было невозможно - охранялся отлично, так партизаны раздолбали базу с ГСМ в Порхове и склады в Пушкинских Горах, те охраной были обделены, справились достаточно легко, пожгли горючее, боеприпасы, расходные материалы. Люфтваффе намек поняло - и больше истребители уже не мешали.

Я вижу, что Коля наострил уши. Ну да - его тема.

- Смотрика ты прямо как пописаному рассказываешь - говорю я пассажиру.

- А Степа мне черновики показывал. Так что я в курсе. Да и запомнилось - пока перечитывал. Тем более - интересно же. Представь - в тылу врага создать не только базу с казармами, кухнями, банями, лазаретом, штабом, складами и т. п., так еще и аэродром. И немцев за год набили больше 9600. Мостов три десятка взорвали, танков грохнули с десяток.

- Им что, немцы не мешали?

- Мешали, конечно. Например, прислали команду спецов - егерей с опытным командиром - они на Смоленщине уничтожили полтора десятка партизанских отрядов.

В этой команде были толковые следопыты, собак грамотных много. Действовали грамотно - с убитых или захваченных партизан снимали обувкуодежку и шли, не торопясь с собачками. Если собачка нарывалась на махорку или еще что такое же - ее меняли. А саперы смотрели, чтоб песики с кинологами не нарвались на мины. Так на базы и выбирались. И ликвидировали там всех - хваткие были немцы, серьезные.

Пришлось устраивать ловушки, трепать эту команду, минировать дорожки, следы путать. Но это все только отсрочить могло неизбежное - егеря бы все равно рано или поздно на базу вышли.

Ну вот так и получилось, что взяли шустрого «языка» партизаны, не очень аккуратно провели - запомнил дорогу и даже заминировали они так, что он видел куда мины поставили. А потом прохлопали - у самой базы удрал. Да так ловко, что не подстрелили и не поймали.

Командир карателей из рапорта этого шустрого немца понял, как партизаны его дурили - гати у партизан были на болотах притопленные - настил под водой, не видно его.

Взяли егеря пехотное усиление и рванули.

И с концами пропали - практически две роты пехоты да егеря всей командой...

Гатьто подорвали фугасами - перед колонной и за ней, как втянулась. А авангард постреляли - на болоте не заляжешь. Остальных и стрелять не пришлось - болото съело. Гатьто была жидкой, фальшивой, не предназначенной, чтоб куча солдат на ней стояла, да еще и проложена там, где одна разведгруппа с шустрым «языком» могла проскочить. Хорошее местечко для этой гати выбрали, гиблое с гарантией. И базы там не была, одна инсценировка.

- Толково! - одобряет Коля, внимательно слушавший эту историю.

- Так а то же - отзывается рассказчик.

Поляк опять что-то бормочет. Пассажир внимательно осматривает ту часть лица больного, что не замотана.

- Живой пока. Скоро прибудем?

- Трави дальше, быстрее долетим. Я и так стараюсь и ветер попутный, кстати - отвечает пилот.

- Тогда расскажу про железную дорогу. Кроме аэродрома у Германа еще своя железная дорога была. Раньше узкоколеек много было, торф возили, лес. Вот одна такая ветка для перевозки торфа очень удачно была проложена - практически к линии фронта и достаточно близко от базы. Мало того - и подвижной состав был - паровозы, вагоны. И практически вся ветка по такой глухомани шла - милое дело ездить из немецкого тыла к нам за линию фронта. Только один кусок проходил у железнодорожной узловой станции - там как раз торф и перегружали раньше.

Ясно дело - гарнизон немецкий на станции. Сильный гарнизон. Разумеется, так просто состав не проведешь. Потому на первых порах как состав вести - так с другой стороны по гарнизону удар наносили - обстреливали. Немцы такую взаимосвязь обнаружили, сделали выводы. И перестали обращать внимание на составы, по узкоколейке шмыгающие. И нападения на гарнизон - прекратились. Партизаны ездят, немцы - не видят. Соответственно и те, и другие ведут себя прилично. Такое никогда не бывало, чтоб у партизан свой аэродром солидный, своя железная дорога и чуть ли не по расписанию все это работает. Партизаны тоже не хамели - ездили ночью, без песен и гармошек, немцы аккуратно светили не туда. Все довольны.

Комендант гарнизона убыл с повышением на новое место службы, прибыл сменщик - служакамайор. Намаков не понял, от того, что по вверенной его гарнизону территории регулярно и постоянно партизанские составы ездят, натурально очумел, той же ночью как он прибыл, очередной состав угодил в засаду, трассу перерезали.

На следующий же день гарнизон был атакован, смят, кто мог - удрал, станцию партизаны удерживали несколько дней, что смогли - вывезли, что не смогли - сожгли и взорвали, заодно снесли пять мостов. Один из них - стратегического назначения. Дорога на 12 дней встала. Майор погиб. Что странно - партизаны его в свои отчеты не включили, не они вроде его застрелили, получается.

А вернувшиеся на станцию немцы оттянули проволочные заграждения так, чтоб они до этой узкоколейки вообще не доходили и в упор перестали возобновившееся движение замечать. Тут еще момент - немцам было известно, что попавшие в плен к германовцам солдаты получали статус военнопленных и перевозились за линию фронта на Большую Землю живыми, что вообще для партизанской практики совсем было нехарактерно. Еще и поэтому желающих плевать в колодец было мало. И возили как раз мимо этой станции.

Вот таким путем и образовался Партизанский край - Герман был грамотным организатором, местных жителей берег - вот Лекарю наверное будет интересно узнать, что лазарет на базе работал и для местных жителей и даже своя «скорая помощь» была - в деревни выезжала. Конечно и то, что налаженное снабжение позволяло партизанам не напрягать местных с провизией, а немцы попугивались там шариться, так что всем было хорошо.

- Идиллия прямотаки - хмыкает Коля.

- Это и погубило, в итоге. Слишком все уж стало хорошо и мирно.

- И? - поворачивает голову летчик.

- И немецкому командованию стало известно, что немецкие военнослужащие для передвижения по территории просят у партизан пропуск. Командование взбеленилось. Бросили на ликвидацию края полнокровную дивизию с танками, артиллерией, еще частей в усиление наскребли - даже сняв с фронта. Авиацией подкрепили. Устроили карательную операцию, стали жечь деревни, население побежало под защиту партизан, тем солоно пришлось. Вырвались из кольца, но Герман погиб.

- Както слишком уж на роман похоже - сомневается Коля.

- На войне и в любви все возможно - отвечает пассажир.

Ну да, действительно. Это мы свой опыт похерили, те же чечены и афганцы как раз опыт партизан - наших же - тщательно изучали. Рыгнулось нам это сильно...

- Все, прибыли, садимся - замечает летчик и начинает активно переговариваться с землей.

В больнице меня сразу отправляют на помывку. Санитарка подозрительно крутит носом, когда я складываю свои шмотки на стул в предбаннике помывочной.

- И чем таким необычным я озонирую воздух? - спрашиваю у санитарки.

- Паленой шерстью, горелой химией и еще какойто гадостью. Я сейчас еще мыла принесу.

Ну да, разумеется...

Поляка уже потрошат в операционной. Шансов у него не густо получается - по срокам, если память не изменяет 50 %. Но мы его кантовали не раз, трясли, так что вполне может быть и ниже. Впрочем, я его привез живым, уже хорошо. А с процентами - дело такое, что если бы ему прогноз давал 1 % на то, чтоб выжить - и он бы выжил - ему было бы плевать на остальные 99 %. И наоборот, соответственно.

Отмывшись и вроде бы избавившись от своих запахов, обнаруживаю, что старательная бабка оставила мне только опять же халат, все такой же сиротский, тапкишлепки да на стуле лежит вынутый из кармана болоньи пистолет, да и «Малыша» она оставила тут же. Мешок с экзотичными стволами запихнут под стул. Ну что ж, пошли так. Надо бы бабке что приятное притащить - больно уж работник хороший. Заботливый, старой школы.

Николаич с большим интересом перебирает стволы из мешка.

Проверяет весло АК74, кивает, ставит в сторону, потом удивленно проверяет Глоки, еще больше удивляется, осматривая револьверслонобой, разглядывая камеры в барабане и ствол на свет, и уж совсем неприкрыто дивится на последний револьвер. Я только сейчас замечаю, что ствол у этого револьвера расположен совершенно непривычно - снизу, а сверху просто полая хрень - явно под ЛЦУ.

- Это что такое?

- Получается так, что это, в общем, хорошее приобретение. А родителей как устроил?

- Не полетели они. На лето на даче остались.

- Вот даже как? И почему?

- Ну, там народу набралось с полсотни, мои себя нужными почуяли - причем там больше нужными, чем здесь. Опять же там детей куча. А моим неловко.

- Интересное кино. И что дальше делать?

- Пока не знаю. Наверное, дружбу с летунами заводить, подмазывать их и умасливать. Около моей деревушки вроде получается полевой аэродром устроить - есть посадочное место, цистерну с топливом там прихорючили. Ну и группа вполне боеспособная, особенно если оружия им подкинуть. Кстати летуны тоже насчет оружия спрашивали. У Ильяс что?

- Латали Ильяс долго. Заходил ко мне, свистел. Сейчас дрыхнет без задних ног в соседней палате. Завтра, если все срастется - ему временные зубы вставят. Но это вы хорошо съездили, ничего не скажешь, добротнo, дураки еловые. Чудо, что живы остались.

- Вот кстати, Николаич - родители меня спросили - если я их сюда привезу, где им жить? И Ильяс обещал взыскать с меня за отданный в виде взятки на берегу «Кедр» - дескать ухухоахоо - вычту из прибытков. У меня какие прибытки?

- Не надо съезжать с темы, Доктор. Вы самито понимаете, что вляпались сильно, а могли и еще сильнее?

- Ну, Ильяс же командир...

- Свалить вину на начальство - это правильно - кивает одобрительно Николаич - но свою башку включать тоже стоит. Вот кто это такой - этот Ремер? Что за группа? С чего их приговорили? Может, и нас тоже приговорят одним походом? Мне пришлось подтвердить, что этот с перебитой ногой - наш человек. А он - кто?

- Понятия не имею. Вояка какойто.

- Замечательно. Нет, надо мне вылечиваться, а то вы там настраучите. Ладно, утро вечера мудренее. Стволы привезли хорошие, обмен одобряю. Насчет жилья и прибытков - вопрос хороший, завтра будем с Ильясом думать. А теперь - получается так, Доктор, что вот нате вам видеозаписи - и до утра вы их должны просмотреть и выделить те, у которых может быть практическая отдача. Ключ от видеоаппаратуры - у сестры хозяйки. Она к слову

обещала еще и кофе предоставить.

- Ясно. Ну, я пошел?

- Идите уж...

Сестрахозяйка сначала принимает меня за пациента и шугает немилосердно. Потом в знак примирения отводит на кухню, где мне достается приличная порция тепловатых ленивых голубцов к сожалению под майонезом, а не со сметаной, как положено вообще. (Определенно - голубцы классически приготовленные я последний раз ел у бабушки, готовившей их как положено - даже с обвязыванием ниточкой, чтобы капустный сверток сохранил форму до подачи на стол. Совсем вкус был другой, теперь я уж точно нормальных голубцов не поем - ленивые все, жаль).

Пара поварих, уборщица и сестра любят, как я жру, и любопытствуют о том, что с самолета было видно. С удовольствием бы порассказывал, но мне и так всю ночь смотреть чертов архив, спать не придется, скорее всего, а я чувствую, что здорово вымотался за эти дни. Определенно в Петропавловке было куда как размереннее и спокойнее. Чтобы не думать об этом, заканчиваю трапезу, благодарю и тащусь за полноватой сестройхозяйкой принимать видеотехнику под свою ответственность.

Можно начинать. Сестра удалилась с некоторой излишней поспешностью, обеспечив меня початой банкой кофе, электрическим чайником, здоровенной чашкой и ложкой.

Я бы и сам удалился. Если бы не слабая надежда на то, что какие-то купленные дико дорогой ценой возможно полезные для нас данные о разумных морфах тут есть - черта лысого я бы на это подписался. Тут можно долго распинаться, тем более, что у некоторых «ценителей» такие записи бешеных денег стоят, но вот лично мне по целому ряду причин - смотреть все это, если тут нет сведений по морфам - пустая трата времени.

В отличие от своих последователей основоположник, давший этому направлению в сексе свое имя - маркиз Де Сад был безобидным фантазером и сам девушек ни разу не потрошил. Ну, сравнительно безобидным, конечно - несколько человекто он угробил, было такое. Но тут чистое убийство по неосторожности - решил он устроить веселую групповую оргию, для чего в угощение своим гостям выставил пирожки, в начинку которых щедро сыпанул шпанских мушек, бывших тогда известным афродизиаком. От души сыпанул, что характерно. Только не читал маркиз старину Теофраста Бомбаста фон Гоненгейма, ака Парацельса. А у кантаридина, который собственно и делал шпанских мушек вожаемым товаром, очень маленькая разница между возбуждающим воздействием и смертельной дозой. Ясное дело - никак маркизу было не рассчитать по порциям, а уж про расчет на килограмм веса и речи быть не могло. Вот и померло прямо на месте угощения семь гостей, а остальные тяжело отравились. Такая вот оргия вышла.

Вивисектор фантазией особой не обладал, зато возможностей у него было в этой чертовой секте достаточно. Я же помню прекрасно тех девчонок, которых мы тогда видели в «медпункте», так что уже представляю предстоящую мне на всю ночь развлекуху. Мерзотную развлекуху, сразу могу сказать.

Ладно, поехали. Самое кислое - слушать тоже все это придется, потому как из обмолвок, обрывка фразы можно сделать внятный вывод, получить ключик к информации, а значит прокрутить на скорости не выйдет. Кассеты даже не пронумерованы, какие-то условные значки только прилеплены - самому хозяину кассет было понятно, что да как, а мне лучше карандашиком пронумеровать - и записать, что собсно на кассете.

Я все-таки чуток пользуюсь быстрой перемоткой, когда видно, что вивисектор ничего не говорит. Покойный беспокойный вивисектор ничем не удивил - был он при жизни закомплексованным неудачником, очень похоже мучился от неуверенности в себе и потому страдал еще и импотенцией, что на видео отлично видно - не стояло у него от вида красивых раздетых девчонок, зато срабатывало, когда он бил, потрошил и мучил своих «белых мышей». Ну, как и положено этим «любителям жесткого секса», в котором секса собственно и нет. Надо будет узнать, как делишки у новообращенного вивисектора. Будет часок свободного времени - с удовольствием устрою ему, падле, «жесткий секс» по его же

рецептуре. Интересно - стало понятно, чем он своих ручных морфов пугал? Не палкой же лупил?

Чередой идут перепуганные до смерти девчонки и пацаны, отчаянно надеющиеся выжить, ради этого готовые на все что угодно, только вот это все, что угодно, неминуемо кончается одним - следующих встречает сидящий на цепи новый зомби. О, глядике незнакомая рожа веселиться пришла - надо пометить, что тут персонаж интересный - глядишь и отловят. Сам запоминаю красавца поподробнее - не ровен час встретится... Еще один, и еще... Видно к вивисектору ходила публика поразвлекаться. Не знали идиоты, что камера работает. Ишь, во всех ракурсах виден, голубчик.

Сил сидеть совершенно нету, надо размяться. Туалет тут был вроде неподалеку. Кофе чертов. Я ж его выпил уже наверное пару литров.

Когда встаю, «Марго» тяжело оттягивает халат на сторону. На фиг, спрячука я эту штуку вот сюда... Минутку думаю запихнуть туда же в ящик и «Малыша», но за последнее время отвык ходить безоружным, потому прикрываю газетой «Марго» и иду делать дела, оставив при себе маленькую машинку.

Мда, ошибся. Понадеялся, что уже знаю эту больничку что где - ан фига мне с маслом. С постным. Это не туалет, а подсобка, да еще и запертая. Это хуже, меня подпирает сильно. Я даже както сгорбился и совсем плохо - куда идти не очень себе представляю, разве что в душевую?

- Слышь, браток, ты тут не подскажешь - гдето тут врач из охотничьей команды обретаеся, где - не в курсах?

Будучи озабоченным своими проблемами, не сразу въезжаю в вопрос.

Поворачиваю голову - два приветливых мужичка моего возраста, в белых халатах.

- А, этот живодер... Пойдемте, провожу... Вам сестричка с клизмами не попадалась? Я уж ждал ждал... Еще вечером должна была поставить, а теперь ночь уже, я ее жду, а она забыла наверное, а мне назначено...

- Нет, не попадалась, ну пошли, покажешь, где наш коллега - мы чтонибуть придумаем...

Какие тут клизмы, тут скорее пробка бы мне пригодилась... На резьбе. Личикото у спрашивающего - очень знакомое. Слишком даже знакомое, да и улыбочка его характерная, добрая такая, кривоватая. Именно с такой душевной улыбочкой он уже полумертвой веснушчатой девчонке глаз пальцем выковыривал и видел я это не далее десяти минут назад. А лица и факты я хорошо запоминаю, имена вот нет, а лица - отлично, через годы узнаю без проблемы.

Так. Плести всякую больничную чушь, выставить себя тупым нудным пациентом и не разгибаться. У второго явно под халатом длинная штуковина, да и первый руки за спиной держит... Но расслабились мудаки, видят, что на недотепу нарвались... Так, а я недотепа - или нет? Правая рука щупает пистолет - я вроде бы вчера загонял в ствол патрон, а малютка этот - работает только на самовзводе. Только вот ситуация истерическая вчера была, не помню - загнал или нет? Так, тут выбрасыватель, что под пальцами? Ага, вот. Вроде такое положение - значит патрон в стволе? Была, не была!

- Ага, пойдем, онто, как барин, один сам в палате, а нас по 15 человек запихнули, идем тут близко...

А теперь шажок вбок, руку из кармана и - был, был все же патрон в стволе! Бахает чудовищно - стволикто коротенький и я луплю все пять патронов один за другим, стараясь не мазать и не потратить их впустую. Расстояние было - с метрполтора, правда на третьем патроне я испугался, что может у них броники подоветы, потому последним патроном бью в правое плечо ближнему.

Передний валится на второго, второй чтото примлел, а я от страха и от понимания того, что патронов больше нет и нельзя им дать в себя придти, колочу куда попало зажатым в кулаке пистолетом, стараясь попасть по голове, в лицо и по тем местам, куда вроде мои пули попали. Попеременно - одному и второму, а они возятся на полу, пытаются чтото делать,

шевелиются. Второй вообще пытается отползать, черт, не успеваю обоих окучить!

Ору изо всех сил: «Тревога! Тревога!»

Словно эхом сверху женский визг.

Начинается суета, топот, крики.

Мне удастся, наконец, второму удачно попасть по лысой башке пистолетом, мякнет сволочь, второй раз уже для страховки, и еще - теперь первому... В плечо, еще раз в плечо... стонет сука и замедляется, а вот тебе еще разик. Но упертый мужик, крепкий, не сдается, пока его домолачиваю - все силы теряю.

Потому уже через «не могу» валю одного и другого на живот, мордой вниз, руки стягиваю сдернутыми к локтям халатами, мотаю как попало, убедившись, что в рукавах у них пусто. У второго под халатом обнаруживается какойто незнакомый пистолетпулемет с глушаком, с магазином в рукоятке, у второго такой же на ремешке, а вот в ручонках у него был хищного вида ножик, небольшой, но явно мерзкий при близком знакомстве с ним, на лезвии - чьято кровь тонкой смазанной пленкой. Слышу несколько выстрелов, ор нескольких голосов, опять визг...

Не до меня людям, надо самому разбираться. Шарю по лежащим - должно быть еще оружие, одной рукой делать это неудобно, во второйто этот ПП зажат. Прикидываю, что вроде за стенкой людей нет - пробы ради нажимаю спуск - железа в руке бабахает несколько тише, чем до того пистолет, но все равно - не бесшумник из фильма. Ага, рабочий ствол есть, уже легче. Измазался в крови, пока щупал - нашел еще только небольшой пистолетик непривычного вида - то ли наш из новых, то ли иностранный. Но судя по макаровским патрончикам в выщелкнутом магазине - наш, наверное.

С трудом подавляю несколько нелепое, но сильное желание перебинтовать этой мрази раны. Отметин на стенке нет - всеми пятью пулями я попал, но гордится нечем - дистанция даже для женщин смешная.

Наконец до меня добегают люди. Неслыханно радуюсь, что среди них - старый знакомый, майортанкист. Вид у него мрачный, в руках несколько странно смотрящаяся двустволка. Передаю ему второй пистолетпулемет, прошу приглядеть за лежащими.

- Кто это?

- Опять диверы. На этот раз за записями вивисектора приперлись - рожи их там на записито.

- Ясно, понял, неймется гадам.

Бегу обратно - но никто ничего не трогал, записи на месте, как осталось. Собираю их в мешок, теперь из рук не выпущу. Руки ходуном ходят, внутри все колотится, сгоряча роняю чашку с недопитым кофе, грохается на полу.

Бегу к Николаичу, надо спросить - что делать дальше.

На втором этаже медики разгоняют пациентов по палатам. В коридоре мешком лежит медсестра. Дверь в палату Николаича открыта. Там стоит несколько человек, но я вижу не их - а плоскую восковобледную ступню, торчащую между стоящих мужиков. Продираюсь ближе. Николаич неудобно полусидит, опершись на стену. Из простреленной головы еще вяло ползет тонкая струйка крови...

Я не участвую в следствии, мое дело - досмотреть кассеты. Это был последний приказ Николаича, я его выполняю. Итого - есть дополнительно пять снятых в момент предосудительных развлечений сукиных сынов, один уже у нас, его сейчас как раз обрабатывают весьма неприятного вида чуваки, спешно прибывшие из штаба от начальника разведки, более никаких полезных данных во всех записях нет.

И Николаича нет.

Я совершенно неподъемно устал. Может пройти погулять? Немного пройтись...

Это было бы хорошо. Возможно, на сердце полегчает? Да, надо сходить, размять ноги, воздухом подышать...

Утро 13 дня Беды

Я здорово ошибся, подумав, что тут безопасно. Подвело это меня.

То, что меня атакует, не похоже на раньше виденных морфов, оно плоское и вроде не очень быстрое. Но я не успеваю реагировать на его резкие боковые броски, автомат зацепился за что-то и мне никак не удастся его сдернуть, не получается и бежать - ноги скользят, просто даже проскальзывают, я понимаю, что вообще могу упасть и бегу - как бегают обычно молодые женщины - ноги семенят, все тело в движении, все трепыхается, развевается и дрыгается, сил уходит масса - а где начал бег - там считай и остался.

Я покрыт потом, взмок невиданно - но, наконец, удастся сорвать автомат со спины. Серосиняя мразь короткими рваными зигзагами несется на меня, бежать я уже не могу - сил нет совсем. Не могу дать очередь - на руке откудато взявшаяся варежка и указательный палец не пролезает к спуску, наконец, каким-то чудом просовывается, рву спуск, автомат глуховато странно бухтит, и я с огорчением вижу, что пули падают на землю буквально в метре от меня. Следующая очередь - и пули шлепаются туда же, атакующая меня мразь издевательски сипит каким-то страннозудящим звуком, теперь остается только бежать, бежать и ждать громадной чудовищно увеличившейся во все стороны спиной победного рывка зубов сзади...

На пустыре перед глазами - косо заваливаясь и треща моторами, садится очень странный самолетик - это тот самый кургузый толстячок, оставшийся в Кречевицах, только диковинно разукрашенный - на его рыле намалеван усмехающийся рот с зубами-клавишами и разудалый самолетик весело поблескивает хитрющими глазенками - окошками. Дурацкая леталка грохается шасси об землю, подпрыгивает в воздух, откалывает еще пару козлов пониже и катится мимо меня, замедляя ход, дверца приветливо открывается и мне машут руками те, кто внутри, разъезжаясь сапожищами, бегу сломя голову к ним, меня втаскивают в салон, разукрашенный так же в дурацкие желторозовые тона, что странным образом у меня ассоциируется с цветами человеческих внутренностей при полостной операции.

В салоне сидит и стоит человек двадцать - заметно, что все вооруженные и, судя по внешнему виду, тертые калачи. Приветливо ухмыляются, я приваливаюсь к вибрирующей стенке, перевожу дух и выдавливаю слова благодарности. Втянувший меня за руку мужик морщит нос, и я узнаю в нем прапорщика Луцьяка. Вот никак не ожидал его тут увидеть, еще больше удивляюсь тому, что тут же и Ильяс, который горделиво улыбается пастью, полной сверкающих золотых зубов.

Правда, глянув на меня повнимательнее, он меняется в лице и злобно шепчет мне на ухо: «Ты что совсем сдурел - нука быстро выкинь свой резиноплюй за дверь, ты что? На вот держи!»

Он сует мне пакистанский ТТ. Я недоумеваю - мой автомат вполне себе АК74, какой-то такой резиноплюй? Заслоняя меня спиной от остальных, Ильяс уничижительно смотрит на меня в глаза - в незаметно отстегнутом им магазине нелепые патроны с большими дурацкими серыми круглыми пулями.

Раз командир велит - осторожно выкидываю осрамившийся автомат за дверь.

Открывается дверца в кабину пилота, оттуда, сверкая белыми зубищами, высовывается кудрявая женская головка и весело кричит:

- Атанде трохи, зараз садимось!

- Валька, зараза, ты ж нас совсем угробишь! - орут суровые вооруженные мужики как-то очень испуганно.

Девчонка по имени Валька хохочет как ведьма, и мы проваливаемся вниз метров на триста...

Посадка еще более сатанинская, самолетик скачет, словно пущенный по воде блинчиком камешек. Пищат сочленения фюзеляжа, пищат шасси, пищат мужики, кувыряясь по салону. Валька хохочет еще залиvistее, пока мы старательно выпутываемся из кучи, сложившейся из наших тел и оружия, у кабины пилота.

- Вылазьте. Приехали! - и летчица ловко перемахивает через нас.

Вываливаемся из дверцы.

- Ага, новые герои прибыли? Какая группа? - осведомляется у нашей летчицы дама посolidнее. Нашато совсем девчонка и упакована в кожаный мешковатый комбез, а вот дама - вполне себе зрелая, бедрастая, задастая, грудастая, рукастая - ну и так далее в том же духе, включая, разумеется, и мордастая и щекастая - и на ней совершенно нелепый наряд, словно из оперы «Тангейзер» - водили нас на нее всем классом. И шлем у бабы на голове с дурацкими крылышками.

- Группа 145668935622. У меня еще вылет есть? - спрашивает, лукаво кося на нас, помятых, озорным глазом летчица Валька.

- Да. Возьмешь следующую - и поможешь второму крылу - у них запарка.

Валька козыряет, подмигивает и исчезает в самолетике.

- Так, и чего стоите? До вечернего Пиршества еще времени полно, идите, давайте, тренируйтесь, Рагнарек возможен в любой момент, и мы должны быть готовы и встретить его во всеоружии - заученно выговаривает дама.

Оппа! Это мы где?

- Вы прибыли в Астагард - холодно поясняет дама в нелепом шлеме с крылышками. Мысли она, что ли читает?

- Разумеется, читаю, входит в обязанности дежурного. Что тут непонятного! Все - нале - о, шагом арш!

Мы моментально оказываемся на не то стрельбище, не то полигоне. Жалко пригибаясь, улепetyвает мужичок в какихто диких шкурах.

- Гы, нибелунг! - посмеивается крепкий чувак рядом.

- А это он чего?

- Да меч у него отобрали да спрятали, а на ужин безоружных не пускают... Вот бегаешь ищешь. Опять наверно гибеллины шутят, любят они такое. Мне вон тапочки прошлым утром коваными гвоздями к полу прибили, я как грохнусь... Вальки чуть животы не надорвали. Ладно, пошли, сейчас ростовые отработаем, потом ужин, чуешь - как пахнет.

В воздухе тянет ароматом жареной свинины.

- Постой, а эльфы тут есть? - спрашиваю я в спину уходящему.

- Гвельфы есть. А эльфов не встречал. Может у Фрейи в ее заведении?

- А тут вообще как?

- Терпимо. Питание однократное - только ужин, зато вальки замечательные...

Ильяс уже где-то разжился тройкой сабель, допотопным мечом, четырьмя разными автоматами, парой шлемов с перьями и какойто позолоченной кольчугой. Уже и торговать собрался вроде.

- Слушай! Мы что - померли? Это же Астагард! Город, где Валгалла!

- Барабыр! Зато смотри - люди вокруг хорошие. И имей в виду - мы с тобой попали в Валгаллу 893, не перепутай, куда двигать. У меня там повар знакомый нашелся.

Я судорожно вспоминаю, что слышал раньше и удивленно спрашиваю уже обросшего всяким оружием напарника:

- Погодь, тебе же свинину нельзя! И откуда здесь повара? Сюда же токо тех, кто с мечом в руке?

- Откуда я знаю. Земляк и земляк. Может, он половником бился? А в Коране ничего не сказано, что мусульманин должен помирать голодной смертью! - Ильяс подмигивает.

- Эй, а вы как тут очутились? - подозрительно щурит раскосые глаза худенькая брюнетка, невесть откуда появившаяся рядом с нами.

- Куп селима, женщина! - высокомерно бросает Ильяс и поворачивается чтоб уйти. Но та цепко хватает его за рукав.

- Стой! Где у тебя знак эйнхирья?

- Да пошла ты!

Тут же откуда не возьмись, появляется та самая дама с крылышками на дурацком шлеме. Только сейчас вижу у нее повязку на рукаве «Дежурная по перрону».

- Это тут что?

- Рапортую: задержано двое подозрительных лиц. Нет, поправка - одно подозрительное лицо и одна подозрительная харя. Знаков эйнхириев нет, у этого (кивок в мою сторону) - пистолет из сыромятного железа - у этого (кивок на Ильяса) - пальто на курином меху.

Дама неожиданно краснеет.

- Думалки в строю отставить! А ну вон отсюда, прохвосты!

Лечу кудато стремительно, трясет еще сильнее, чем при посадке самолетика.

- Проснулись? - спрашивает меня тетка в белом халате, все еще потряхивающая меня за плечо.

- А? Да, конечно, спасибо.

- Убирать тут можно?

- Погодите, сейчас я тут соберу все...

С мешком кассет поднимаюсь наверх. Николаича и медсестричку уже увезли, на опустевшей койке сидит опер Дима, пишет что-то, пристроившись к тумбочке. И Бурш тут же.

Невесело здороваемся. Прошу прояснить ситуацию. Дима неохотно отрывается от писанины.

- Да собственно тут ничего особенно расследовать и не пришлось - все просто. Эта парочка подобрала ключ к запасному входу, халаты у них были с собой или тут подобрали не знаю - не смотрел на штампы, да это и не важно. Вышли на дежурную медсестричку, она молодая, глупая, все очевидно и рассказала, ей же скучно на посту ночью, а тут неизвестно кем они ей представились. Убита одним ножевым ударом, хорошо удар поставлен, умело. Дальше зарезали Николаича.

- Погоди, как зарезали? Я же видел - у него голова прострелена?

- Не торопи. Так вот и у Николаича - один грамотный удар. Потом по твою душу пошли, но ты ж ушел гулять на свое счастье. Ну а они фатально лажанулись, приняли тебя за пациента... Конечно никакие они не диверсанты, обученные тебе не дали бы себя расстреливать как мишени, да и за ручонками твоими шаловливыми бы присмотрели - скучным усталым голосом говорит Дима.

- Но у Николаича же огнестрельное ранение! - уж тут то я твердо уверен, своими глазами видел неторопливую струйку крови, стекающую из пулевого отверстия.

- Отупел от недосыпа? Разумеется - когда ты пальбу начал, публика в коридор выскочила - а там и Николаич, и медсестричка... Дошло? Вот и упокоили обоих. Что ж еще оставалось делать.

- А прибыли эти как? И откуда узнали? Про кассеты, имею в виду.

- Да нормально прибыли. Официально, по пропуску. Сейчас уточнят - те документы, что у них были - фальшак и липа или их собственные. Но мне кажется, я одного из них видел на какомто из собраний. Лысый - из эмвэдэшных, так думаю. Кем служил - не скажу, но морду его лысую я видел уже. А уж узнать... Это же в секрете не хранилось, человек двадцать точно про кассеты знало. Да и не оченьто помалкивали, кто ж это секретом считал.

- Черт, я ведь мог видео это раньше глянуть. Родители все равно отказались сюда лететь. Могло бы поинтому сложиться...

- Не могло. Сложилось так, как сложилось. А везде соломы не настелешь. Вот и получается - нет бдительности - всякая рвань свободно ходит везде и гадит. А начинают накачивать бдительность - публике кажется, что это паникерство и глупость. Рваньто уже не ходит и не гадит, зачем все предосторожности спрашивается, а как оно жутко было раньше - забывается быстро... Ладно, пойду я, дел до черта. Увидимся еще. Кассеты эти проклятые отдайте с пояснительной запиской заму начрза, когда он допрос закончит. Ты отметил на которых наша клиентура засветилась? Ну и ладно, отловим.

Дмитрий укладывает свою писанину в планшетку, встает, кивает. Мы остаемся с Буршем. Молчим.

- И всетаки не могу отделаться от ощущения, что мог этого не допустить...

- Меня больше удивляет то, что вы както ухитрились облапошить этих выроdkов, нашлись что сказать, в результате всего двое погибших, а не гораздо больше - замечает Бурш.

- Я и сам удивляюсь, что автоматически не ответил - дескать, вот он я... Но, стыдно сказать, так увлекся поисками туалета после этого гнусного растворимого кофе, что просто откровенно затормозил с ответом, о другом думал. А потом еще и морду одного из них узнал. Просто дважды повезло. Был бы свежим и не досмотрел бы кассету...

- Скажите, вам ведь доводилось разговаривать с пациентами, точнее с родственниками умерших пациентов?

- Да, а что?

- Они ведь считали, что недоглядели, не обратили внимания, виноватили себя. Так? Но вы при этом знали, что ни черта они изменить были не в состоянии. Причем практически во всех случаях?

- Конечно. Это нормально для людей, потерявших своих близких. Вы это к чему клоните?

- Да вы сейчас ровно так же себя ведете. При этом ровно так же ни черта бы вы не смогли сделать. Если так объективно посмотреть на вещи?

- Ну, наверное. Только вам легко говорить - чужую беду руками разведу, а к своей ума не приложу.

- Конечно. Что такое Хиросима? Это когда нарыв у меня на пальце! Или как там писали - олень израненный хрипит - а лани горя нет, тот веселится, этот спит, уж так устроен свет. Так вот, мне кажется, что вы и сами знаете, что надо делать.

- Да я уже вижу, что вы меня в одиночестве оставлять не намерены. И будете настаивать, чтобы я выговорился, а вы все это будете слушать?

- В тютельку. Сами же знаете, что это единственное, что может помочь. Пока не выговоритесь - толку не будет. Не будет толку - будет у нас депрессивный врач, а депрессия гробит людей как пулемет. Мне вам надо рассказывать, что больше 90 % людей с болезнями сердечнососудистой системы еще и от депрессии страдают, причем скорее депрессия первична в развитии болезней? И то, что лечат сердце, а депрессию не замечают, сводит все лечение к нулю?

- Ну не знаю... Психосоматику никто не отменял, доказанная вещь... Но толкуто мне сейчас речеизливать? Я ж ничего уже не изменю и никого не воскрешу.

- А для чего вы убеждали выговориться других?

- Ну не знаю... Легче им становилось после этого, потому, наверное...

- Не придуривайтесь?

- Да с чего бы это?

- Просто очевидно же - когда потерявший близкого человека выговаривается у него самого в ходе этого действия получается внятная картина - ни черта он не мог исправить, ни черта не могло ситуацию изменить. Все произошло так, как и должно было произойти. Никак иначе. Для этого и нужно, чтобы пациент говорил. Он же сам себе и прокурор, и адвокат, и судья, никак иначе. И когда он сам себе все выложит - убеждается в том, что не виновен в смерти. Разумеется, при условии, что действительно не виновен - случаи типа того, что внучок бабушку специально в окошко выпихнул, чтоб квартиру получить - сейчас не рассматриваем...

Потому берем те случаи, когда «о я мог бы быть всеведущее бога и все было бы отлично». Итак - что бы вы могли сделать, чтобы сегодняшнего инцидента не было вовсе? Давайте разбирать по пунктам.

- С чего начнем день? - спросила за завтраком Вера.

- С составления плана - фыркнула Ирка.

Бабка и Витя посмеялись тоже. Вчера в несколько мясорубок накрутили благополучно привезенной лосятины и закатали два пира - один для рабов, другой для себя. Сгоряча наготовили в два раза больше, чем могли съесть, но это совсем не пугало.

Даже Витка неожиданно для себя подумал - а ему как мужчине, вождю и раненому сделали котлеты даже с дефицитным луком - что жизнь не так и плоха, как ему казалось в последнее время.

- Что с УАЗом? - спросил он.

- Завтра будет готов. Но этот чайнажап ездит пока неплохо. Если никуда особо не соваться - то и ладно.

- Стекол для него нет?

- Валентин обещал из оконных нарезать. Эрзац, конечно, и открыть будет невозможно, но всетаки.

- Лучше бы не оконное - режется сильно.

- Лучше бы приличную машину завести, а не это дырявое угребище. Там же все в кровище, сейчас тепло станет - запахнет, как пить дать.

- Тогда в город ехать надо, а у нас отецкомандир пока не боеспособен - отметила ускользнувший от других факт Вера.

- Значит, я окружаю отцакомандира заботой и лаской - твердо намекнула Ира.

Остальные намек поняли правильно, и бабка легонечко улыбнулась, что называется «себе в усы».

После чего принялись прикидывать, что делать первоочередно, что потом. И Вера наконецто стала записывать пункты на листок бумажки с оглавлением «План».

Как ни странно - выговориться действительно помогает. Не могу сказать, что сильно полегчало, но полегчало. Может быть и потому, что когда говоришь - вынужден строить фразу, это не куски и огрызки мыслей. В итоге получается - когда проговариваешь ситуацию, слепые эмоции превращаются в проверяемые логические построения.

- Продолжим? - осведомляется Бурш.

- Ну, так ведь я все уже изложил вроде.

- Это да. Но еще с горем бороться помогает интенсивная трудовая деятельность. Так чтобы думать приходилось о другом. Знакомо?

- Ну знаете, мне пока вот так терять близких не доводилось... Так, теоретически - да, сам советовал - признаюсь я.

- Тогда приводите себя в порядок, умойтесь, побрейтесь - и через двадцать минут прибудет очередная партия проверенных с Завода. Дополнительные руки нам очень пригодятся. Кофе, надо полагать, пить не будете?

- К черту кофе! Погодите, мне ж переодеться не во что...

- Это решаемо. Главное, что оружие есть. Это уже полдела. Сейчас чтонибудь добудем.

Через двадцать минут я и впрямь уже вполне прилично выгляжу и вместе с Буршем стою у больнички, ждем транспорт с больными и ранеными. Неожиданно вылезает солнце - рахитичное такое, питерское, но даже и греет. Тут же начинает капать с крыши.

- Не хотите завести себе щенка? - неожиданно спрашивает шурящийся от солнца Бурш.

- Нет, не думал както. А зачем? - растерянно отвечаю я.

- По нынешним временам полезно - никто не подберется незаметно. У меня как раз есть возможность вам подарок такой сделать. Немецкая овчарка оценилась, детеныши замечательные. Заодно помогли бы мне общество организовать, а то у нас публика трудно организуется, это на западе они привыкли чуть что, тут же создавать клубыкомитеты, у нас народ сырой в этом плане. Не слепляется.

- Погодите, а что за общество?

- Кинологическое разумеется. Для обучения и дрессуры тягловых собак. Ездовых.

Я определенно теряюсь. Недоуменно смотрю на коллегу - нет, точно не шутит.

- Ничего не понимаю. Это ж на Крайнем севере только. Джек Лондон, Аляска...

- Ничего подобного. В Европе до Первой Мировой войны собаки вполне во многих местах лошадей замещали, особенно там, где лавочка маленькая и лошадь держать накладно, а товар надо разводить ежедневно. Мясники, молочники, зеленщики. Возили тележки - тот же ротвейлер - это тягловый пес. Для того и вывели. Пес мясника...

- Вы что, серьезно?

- Абсолютно. Да кстати во время 2 мировой - точно так же пользовали. И связные собаки и ездовые - что мы, что немцы. Скажете, не видели санитарных собак? С волокушами и тележками?

- Видел, но както не заострил внимание. А ведь действительно! Точно - были. Некоторые вообще ухитрились сами работать - раненых отыскивали, ждали пока заберется в волокушу и тащили к месту сбора. Прямо сенбернары.

- Вот я о том же. Так что подумайте. Немцы - настоящие собаки, не пожалеете. Дрессировать, конечно, придется, зато потом не нарадуетесь. С дрессировкой помогу.

- А без дрессировки - никак?

- Никак - твердо говорит Бурш. Думает минутку и продолжает: «Собака хороший зверь. Но все же - зверь. Это надо учитывать. Человека же тоже надо дрессировать - и то не факт, что после этого он человеком станет, а не продолжит быть хищной обезьяной».

Не успеваю ему ответить, как прибывает обещанный транспорт с ранеными и больными. Лежачих, к счастью, ни одного, все худобедно, но ковыляют самостоятельно.

Первый же раненый хорошо знаком - это толстякповар, так удививший меня рассуждениями об Англии в самый гнусный момент первой ночи после взятия Завода. У него наспех замотаны кисти рук, куртка накинута на плечи.

Ошпарился, оказывается, супом. Замечательно, что супы на Заводе постные. Значит, ожог кипятком, без жира, а это гораздо лучше и в лечении, и в прогнозе.

Эх, порадовался бы Николаич, хотел ведь чтоб толстяка сюда перетянули, виды какието имел. Подика узнай, что за комбинацию задумывал. Эх...

Не успеваю перемолвиться с толстяком парой слов, как мое внимание отвлекает сценка рядом - проходящая мимо нас молодая мамаша тянет за руку симпатичного дитенка лет трех. Дитенок чемто заинтересовавшись, таращится на нас, начинает задерживаться, мама дергает его резко за ручку, детеныш пускается в рев, мамаша волочет его дальше, ругая на все корки, как у нас принято - и дураком, и недотепой, и всяко разное - мамашки обычно не стесняются.

Я срываюсь. Не, обычно я смирный, но тут чтото все вместе накатило и я напускаюсь на мамашку едва ли не гуще, чем она на своего детеныша. Успеваю проинформировать ее, что она дура еловая и таким рывком вполне выдерет у дитенка руку из плечевого сустава, что бывает очень часто, что дитенка ругать нельзя и так далее...

Лаемся минуты две, потом безобразную сцену пресекает Бурш, вмешиваясь с грацией бронетранспортера и разводя враждующие стороны. Мамаша утаскивает ревущего вовсю дитенка, обещая мне всякие кары - и обязательно пожаловаться на меня всем подряд, и моему начальству особенно...

От этого я както сдуваюсь. Лежит мое начальство на каталке...

Бурш вздыхает, выдает совсем неожиданное:

- Святого пастыря, сущностями безмысленными бурчаща, смело сливной трубе уподоблю. Идемте лучше работать.

Работы оказывается не так, чтоб много. Кисти толстый повар и впрямь нехило ошпарил, пришлось повозиться. Теперь мы сидим втроем в комнатухе, которую Бурш приспособил для своих изуверских иглолечительских упражнений. Спит он тоже тут. Ну, неплохо вообщето устроился, и до работы совсем близко, и безопасно сравнительно - да и отдельная комната, как ни крути. Даже и уютно, насколько может быть уютно в жилом

кабинете.

- И что вы так завелись? - укоризненно спрашивает Бурш, разворачивая сверток из подарочной бумаги.

Черт его знает, чего... Словно раньше такого не видел.

- Ну, я не знаю. Очень уж не хотелось еще и вывих плеча дитенку вправлять, часто такое бывает - а тут как раз возраст подходящий. Ну и чего она его так ругает, дура, ей же потом бумерангом. Нельзя так детей ругать.

- Выто не меньше ее старались. Женщин вроде тоже ругать не с руки - улыбается повар.

- Ну, я вообщето читал, что у детей очень сильно срабатывает психосоматическое при такой ругани. Американцы до войны вон поставили такой инцидент - половину сиротского дома заиками сделали только тем, что каждый день им говорили - они дураки и заики.

- Да? Было такое? - рассеянно спрашивает Бурш, доставая из свертка бутылку коньяка и свертывая пробку.

- Эксперимент с участием 22 детей в 1939 году поставил профессор Уэнделл Джонсон из университета Айовы и его аспирантка Мэри Тюдор. Детей поделили на контрольную и экспериментальную группы. Контрольной группе говорили только похвалы, особенно радовались тому, как дети чисто и правильно говорят. Экспериментальную группу, наоборот, постоянно попрекали мельчайшими ошибками, и все время называли заиками. В результате у детей, которые никогда не испытывали проблем с речью, но на беду оказались в экспериментальной группе, развились все симптомы заикания, которые сохранялись и дальше, у многих на всю жизнь. Нечто подобное позже проводили немцы в концлагерях, с такими же результатами. Вы этот эксперимент имели в виду?

- Ага.

- Надо же - вертит головой Бурш, расставляя болеемее чистые мензурки на покрытой полотенцем табуретке и ломая плитку шоколада. Шоколад «врачебный», с сединой - почемуто часто именно такой лежалый шоколад и конфеты пациенты врачам дарят.

- Что - надо же?

- Век живи - век учись. Нежелающий учиться останется безобразен, мерзок и затхл. Вы мензурку сможете удержать? - обращается Бурш к повару.

- Лучше во чтонибудь побольше. И небьющееся.

- Пластмассовый стаканчик подойдет?

- Подойдет. Много не наливайте.

- Ну что, почтенный служитель Эс. Ку. Лаппа - каков будет тост? - осведомляюсь я у Бурша.

- За то, что мы живы. Пойдет?

- Пойдет! Будем здоровы.

Коньяк оказывается неожиданно хорошим. Мягко греет глотку и сворачивается теплым уютным клубком в желудке.

- И, тем не менее, получается, что мамку эту вы поставили в такое же положение.

- И она теперь тоже поглупеет...

Это приводит меня в смущение. Эк они оба на меня насели.

- Ну, хорошо. А как было надо?

Мы принимаем по второй стопочке. Биологу - повару шоколад закидывает в пасть Бурш, пользуясь для этого пинцет.

- Может быть, стоит поступать по правилу любимых мной англосаксов. Они никогда не ругают себя и своих. Принципиально.

- Обоснуйте, Федор Викторович.

- Могу и обосновать. Недалеко ходить - известны вам такие выражения как «красная тонкая линия» или «атака легкой бригады»? Или не менее известная чисто английская формулировка настоящих джентльменов при катастрофе на море: «женщины и дети вперед!»

- Конечно известны. «Тонкая красная линия» - это английский полк, построенный в две

шеренги, а не в четыре, потому как русских было невероятно много и фронт было не закрыть, символ невероятных усилий на пределе возможностей, «атака легкой бригады» - опять же героическая атака на позиции русских пушек, символ героического самопожертвования, ну а последнее - это сначала спасают на шлюпках женщин и детей, а уж мужчины - как получится, символ джентльменства. Итак?

- Итак вы - образованный человек - знаете про героизм английского полка. А можете привести пример такого же героизма, против превосходящих сил врага, ставшего нарицательным, но уже из нашей истории - и чтоб об этом символе знали и инглиши? Затрудняетесь? А ведь у нас таких полков не меньше наберется, чтоб сражались как минимум не хуже. Но кто о них помнит? Вот, например Апшеронский пехотный полк носил сапоги с красными отворотами - как символ того, что в бою стоял по колено в крови. Кто из вас двоих может вспомнить - в каком сражении это было?

Мы с Буршем переглядываемся. Вздыхаем хором.

- Атака легкой бригады - вообще праздник. Не было там никаких русских пушкарей - пушки русские есть только в стихах Тениссона и в отчете о бое английского генерала... Русские увозили захваченные на редутах трофейные турецкие пушки, которые к тому же не стреляли, ибо турки успели заклепать орудия, сделав их негодными для стрельбы (до сих пор в потерях по Балаклаве в английской литературе указываются их и русские потери, союзникитурки за людей там не считаются). С конницей Кадригана разобрались фактически пара рот пехоты, Севские драгуны и казаки. И никаких пушек. Это англичанам просто показалось, от скорости резни, что их орудиями трепали, на деле обошлось стрелковым оружием. Да и атака была нелепой и по глупому приказу. Но вы в курсе только о героизме.

Что касается параксифрегата «Биркенхед», то и с ним все неладно. Чудо техники для своего времени - на 1852 год самый большой металлический пароход. Везли морскую пехоту и пассажиров - частью семьи военных. Напоролась на подводную скалу - и капитан дал приказ - «Задний ход!» Ошибочный приказ - в дыру хлынула вода. Стали быстро тонуть. Возникла паника - и вот тутто и прозвучал приказ - военным построиться на корме, женщинам и детям - сесть в шлюпки. Далее - по английской легенде все женщины и дети спаслись, а морская пехота ушла под воду вместе с кораблем, что дало шанс спастись всем гражданским. Когда судно уходило под воду - военные пели гимн Великобритании. Красиво все, тонно, величаво.

Проблема только в том, что среди спасенных не было ни одной женщины и ни одного ребенка. Трагедия была вот в чем - две самые надежные гребные шлюпки крепились к кожухам гребных колес. Кроме затопления отсеков от столкновения на корабле возник пожар в машинном отделении, отчего машины нельзя было остановить - колеса вращались, и он так и шел себе. Как на грех обе шлюпки, куда посадили женщин и детей, затянуло при спуске под работающие колеса, а некоторое количество стоявших на корме морских пехотинцев спаслось благодаря кускам деревянной обшивки палубы - как на плотках. Фамилия капитана была Сальмондс.

Вот и смотрите, насколько легенды и гордость Англии соответствует действительности. Но - даже если эта страна не права - это моя страна! На том и стоят.

- Я теперь понимаю, почему Старшой охотничьей команды хотел вас сюда привезти.

Толстяк конфузится, спрашивает, где нынче этот его поклонник.

- Погиб сегодня ночью.

- Жаль, давайте помянем.

Мы поминаем Николаича, молчим...

- А теперь - какие намеренья? - смотрит вопросительно Федор Викторович.

- Какие тут намеренья могут быть. Жить дальше.

- И по возможности так, чтоб легенды о нас не пришлось исправлять и дополнять - заканчивает за меня Бурш.

Мы выпиваем за это, убираем остатки буйного пира и идем - повар в палату отсыпаться, а мы - на сбор, где должны нам рассказать что-то новое, в некрофауне

появившееся. И что самое смешное - нам не очень это нужно, остаться в легендах. Просто прожить свою жизнь почеловечески...

Не так много.

Не так и мало.

**This file was created
with BookDesigner program
bookdesigner@the-ebook.org
25.12.2010**